

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 176. 25

Form 1

NOV 28 1886

Harvard College Library

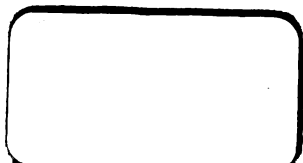
FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER.

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

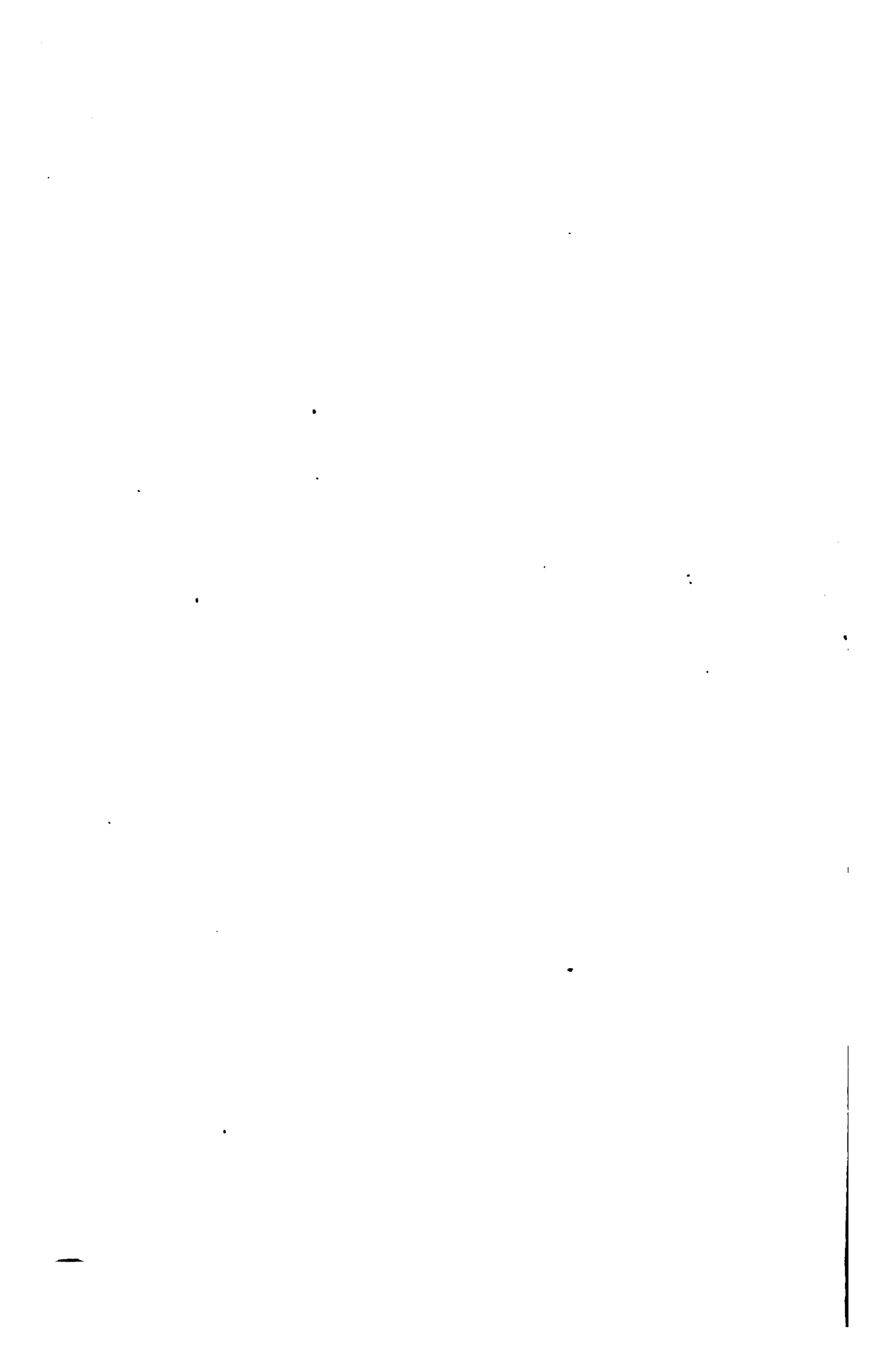
(Class of 1817)

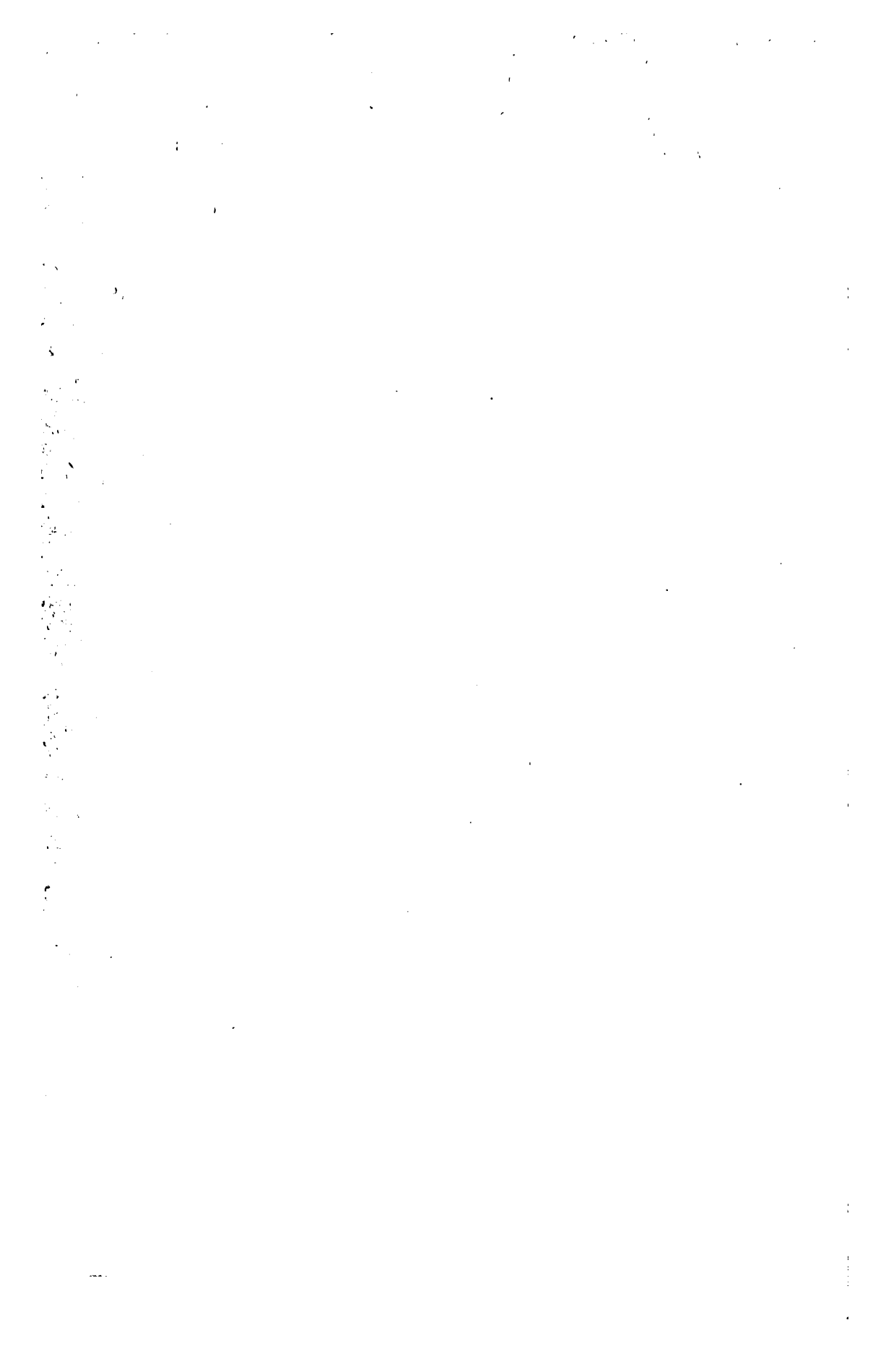

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКОВОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

**Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.**

**Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

1024-13
N

P Slav 176.25

Slav 30.2

8584

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 7.

ПОЛЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮНЬ, 1906.

316

I.—ГР. АЛЕКСАНДРЪ ВОЛОСКОЙ, БАНЪ САТИРИКЪ. — I—XIV. — Н. Котляревскаго	5
II.—ИОРЪ ДНЕВНИКА НА ВОИНЪ: 1877—78 гг. — 1878-ой годъ. 1-ое января—17-ое апреля.—У: 17-ое марта—17-ое апреля.—Окончаніе. — М. А. Гилевича	49
III.—ФРАНЦУЗСКИИ РОМАНЪ ПЕТЬ ВОЕННАГО ИМТА. — Очеркъ. — В. С.	59
IV.—СОБРЕМЕННОИИ ПОЛЬСКИИ РОМАНЪ. — Очеркъ. — VIII—XIV. — Окончаніе. — Л. Воловскаго.	127
V.—ИПЪ ЦЕХА. — Романъ. — XV—XXII. — Окончаніе. — Александра Бруглова.	169
VI.—НА РАЗВАЛИНАХЪ ГЛАСНАГО СУДА. — Изъ воспоминаній женщины-стенографа конца 60-хъ и 70-хъ годовъ. — Юд. К.—VII.	270
VIII.—ИЗЪ РОДИНОИ СМЫСЪ. — Романъ Клары Фобихъ. — Klara Mutter Sobas. Rom. v. Cl. Viebig. — Часть первая. — I—IX. — Съ илл. О. Ч.	283
IX.—ЕВННЦЪ. — Исторія простой души. — A. G. Wells, Klara The Story of a Simple Soul. — Книга III. — I—VII. — Окончаніе. — Съ илл. З. В.	276
X.—ХРОНИКА. — АГЕНТЪИИ ВОПРОСЪ въ Россіи. — В. В.	323
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Мнѣніе бездѣлннн Государственной Думы. — Въ конституціонно-демократической партіи. — Мнѣніе о мнѣніи в парламентѣхъ демократовъ. — Бездѣлнн Государственной Думы. — Программа его „центра“. — Мнѣніе о мнѣніи Государственной Думы, его законопроектъ и его административная деятельность. — Въ главномъ вѣдѣніи администраціи. — Въ мнѣніи министровъ, вѣдѣній и внутреннихъ дѣлъ. — Въ мнѣніи Урусова. — Положеніе парламентской печати. — Вопросы и неразрѣшенности конституціи. — Еще о программахъ партіи демократическаго реформы.	347
XII.—ОТВѢТЪ 7 ОКТЮРУ САМАРИНУ. — О. О. Порошикова.	356
XIII.—ЛИБЕРАЛИЗМОН ОБОЗРѢНІЕ. — Л. Сочинова Пущкина, изд. Акад. Наукъ. — II—II. В. И. Пестель. Русская Правда, названіи Императору Николаю Николаевичу. — III. Прогнозъ сморчанъ дѣлн, сборники статей в. р. М. Гершеля. — IV. А. С. Бруглова, Памятникъ арестантства. Очеркъ политическаго 1898—99 гг. — У. Тучковъ, В. П., По западной берегу Камчатки. — VI. Мероприятія Д. С. Прорывъ русской революціи. Въ области демократизма. — Евг. Д. — VII. Докладъ о мнѣніи, Географическаго общества П. Голубовича, издѣліе П. Макашова. — А. С. — Показаніе и брошюра.	374
XIV.—ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отголоски русскнхъ дѣлъ заграничнои. — Мнѣніе арестантъ въ Берлинѣ и въ мнѣніи проф. Анста. — Парламентскія пренія во Франціи. — Луи Пастеръ и общннхъ либерализмъ арестантъ. — Мнѣніе о мнѣніи декларация. — Политическіе вопросы и социалннхъ программы. — Въ мнѣніи Шорана и Клемансо. — Внутренній арестантъ въ Америкѣ и Вострп.	397
XV.—НОВОСТИ ВНОСТРАННОИ ЛИТЕРАТУРЫ. — Nicolas Nolinoff, La Russie et l'Alsace allemande. Vnde Historique. — Л. С.	411
XVI.—ВЪЗЪ ОБЩЕСТВЕННОИ ХРОНИКЪ. — „Нордъ гродовъ“. — Оказаніе административнаго мнѣніа Бодланова. — Общннхъ мнѣніа Государственной Думы. — Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Мнѣніа о мнѣніахъ генерала. Памятникъ. — Ошибка смертннхъ казни. — Смертннхъ казни на мнѣніа мнѣніа? — Политическіи вопросы и общннхъ мнѣніахъ французскаго сообщенія и дискусія мнѣніа Государственной Думы.	416
XVII.—ВНѢОГРАФИЧЕСКОИ ЛИСТОКЪ. — Бабнннхъ и Э. Пастеръ, Революціонной арестантъ. Перевъ съ фрнц., мнѣніа З. Ф. Кошарова. — М. В. Перевннхъ, Въ аграрному вопросу. — Докладъ Пастеръ, Пастеръ о мнѣніахъ съ Пастеръ, Перевъ съ фрнц. П. М. Ларина.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЕ. — I—VIII.	

ГР. АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ

КАКЪ

САТИРИКЪ

I.

Sever Fund

Графъ Алексѣй Толстой славился своимъ остроуміемъ.

На эту черту его темперамента и на эту грань его ума, въ сборникѣ его стиховъ, указаній очень мало. Величавый и торжественный тонъ его лирики и эпоса, трагическій пафосъ его драмъ—допускаютъ, правда, иногда вторженіе игривой мысли, острого слова и каламбура; попадаются также, въ очень ограниченномъ количествѣ, пародіи и памфлеты, которые чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко среди религиозныхъ и патріотическихъ балладъ и мечтательныхъ напѣвовъ. Иногда остроуміе и сарказмъ выдвигаются, какъ напр. въ „Донъ Жуанъ“, умышленно на первый планъ, для отгѣненія мистико-религіознаго смысла всего произведенія, но отъ такой перемѣны ключа и темпа художественность выигрываетъ мало. Въ четырехъ томахъ своихъ сочиненій Толстой—по волѣ издателей—лишь глубокомысленный нѣвецъ величавыхъ, возвышенныхъ настроеній. Онъ прячетъ свою улыбку, свою насмѣшку, ему, повидимому, нравится больше богъ Аполлонъ съ лирою въ рукахъ, чѣмъ съ колчаномъ ядовитыхъ стрѣлъ за спиною.

Толстой умѣлъ обращаться съ этими стрѣлами и не скупился. Это хорошо извѣстно всѣмъ его почитателямъ, которые могли имѣть въ рукахъ изданнаго за границей такъ емка „запрещеннаго“ стихотворенія Толстого и имѣли читать его интимныя письма, недавно напечатанныя.

Сарказмъ и юморъ были не простымъ придаткомъ къ тому богатству духа, какимъ обладалъ гр. Толстой. Способность видѣть смѣшную и нелѣпую сторону жизни, желаніе интересоваться ею были очень развиты въ немъ. Поэтъ, привыкшій понимать и жизнь личную, и жизнь всего міра, какъ процессъ цѣлесообразный, человѣкъ много думавшій надъ конечнымъ и временнымъ смысломъ бытія, онъ не могъ не спросить себя — какой же смыслъ кроется въ томъ, что, повидимому, не имѣеть никакого смысла или есть видимое отрицаніе тѣхъ основныхъ положеній добра, справедливости и истины, на которыхъ онъ строилъ свое патетическое міропониманіе? Онъ охотно иронизировалъ надъ жизнью, изъ патетическаго тона впадалъ въ тонъ шутовской, мѣшалъ серьезное съ легковѣснымъ, разрѣшалъ иногда глубокой вопросъ неожиданно курьезнымъ образомъ.

Ироническій оттѣнокъ въ его стихахъ проступилъ бы очень явственно наружу, еслибы мы имѣли, дѣйствительно, полное собраніе его стихотвореній и рядомъ съ патриотическими его балладами стояли бы его памфлеты изъ русской исторіи; еслибы рядомъ съ его возвышенными псалмами (онъ самъ свою лиру назвалъ псалтырью) была помѣщена его знаменитая баллада о „Деларю“; еслибы вслѣдъ за стихами, въ которыхъ такъ много задумчивости и грустной серьезности, шли афоризмы и пародіи Кузьмы Пруткова, и еслибы наконецъ его удивительно томные и вѣжные мотивы могли быть дополнены стихотвореніями, въ которыхъ откровенный реализмъ становится иногда циниченъ. А Толстой писалъ такіе слишкомъ откровенные стихи и писалъ ихъ немало, хотя и былъ готовъ „облить дегтемъ“ стихи Мюссе, еслибы онъ нашелъ ихъ на столѣ любимой имъ женщины.

Насмѣшка, иронія, шутка и смѣхъ — иногда смѣхъ ради смѣха — весь этотъ рядъ игривыхъ настроеній и мыслей, составляющихъ если не соль жизни, то, во всякомъ случаѣ, пикантную къ ней приправу, — въ будущемъ полномъ собраніи сочиненій нашего поэта долженъ быть хорошо представленъ, и тогда обликъ художника обрисуетъя вполне ясно.

II.

Сатирическія и „легкія“ стихотворенія Толстого, — помимо значенія, которое они могутъ имѣть какъ матеріалъ для объясненія сложной психики поэта, — имѣютъ также немалую цѣну какъ образцы русской стихотворной сатиры и веселой, игривой пѣсни.

Они были написаны въ эпоху необычайно благоприятную (1855—70) для такихъ юмористическихъ пьесъ и рвемой заостренныхъ сатиръ.

Со средины пятидесятихъ годовъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ говорить о серьезныхъ вещахъ, позволено было намъ и посмѣяться, и притомъ не въ кулакъ, не за спиной и не по поводу показаннаго пальца. Этой свободой смѣшливаго и остраго слова литература наша тогда широко воспользовалась. Рѣдкій журналъ не имѣлъ особаго отдѣла, въ которомъ онъ прозой въ перемежку со стихами не язвилъ и не смѣялся надъ тѣмъ, о чемъ серьезно трактовалъ въ руководящихъ статьяхъ и беллетристичѣ. Рѣдкій литераторъ, обладающій способностью писать стихи, не упускалъ случая съострить или съязвить на тему самую современную. Труднѣйшія задачи общественной и даже политической жизни пояснялись такими картинками въ формѣ балладъ, посланій, пьесъ, поэмъ, монологовъ и діалоговъ, эпиграммъ и надписей съ сатирической подкладкой.

Нельзя, однако, сказать, чтобы наше общественное движеніе отъ этой сатиры много выиграло. Недрѣманное око цензуры, несмотря на нѣкоторое ослабленіе своего зрѣнія въ эти годы, оставалось все-таки довольно зоркимъ, и сатирикъ принужденъ былъ сдерживать свой языкъ. Но и помимо этого, среди сатириковъ-стихотворцевъ того времени не встрѣчалось людей, для которыхъ этотъ родъ творчества былъ бы истиннымъ поэтическимъ призваніемъ. Своего Беранже, Барбье, Джюсти, своего Гейне мы не имѣли. Мы брали въ данномъ случаѣ скорѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ.

Число сатириковъ было въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ, дѣйствительно, довольно внушительное.

И. И. Панаевъ, — извѣстный подъ псевдонимомъ „Новаго Поэта“, — писалъ пародіи на нашихъ классиковъ и иногда позволялъ себѣ слегка касаться общественныхъ темъ въ очень деликатной и сдержанной формѣ, въ которой его приучили литературные нравы сороковыхъ годовъ. Изысканный щеголь въ манерахъ, онъ и въ сатирѣ былъ изысканно вѣжливъ. Но сатира его была легкой sauteerie — и силы въ ней не было.

Н. Щербина, забывъ своихъ грековъ и римлянъ, на старости лѣтъ тоже записался въ сатирики. Онъ совсѣмъ отвыкъ отъ всякой античной граціи и сповойнаго созерцація, былъ боленъ и сталъ желченъ. Общественныя дѣла и вопросы его интересовали мало, онъ былъ занятъ больше личностями, и по адресу почти всѣхъ тогдашнихъ писателей наговорилъ много остроумныхъ дерзостей

въ формѣ эпиграммъ, посланій и характеристикъ. Особенно не-воздержанъ былъ онъ въ своемъ раздраженіи противъ молодыхъ прогрессистовъ въ виду все болѣе и болѣе развивавшагося въ немъ эстетическаго консерватизма, который и обращалъ его сатиру въ простое брюзжаніе. Въ этой сатирѣ была сила, но только сила чисто внѣшняго хлесткаго слова.

Б. Алмазовъ, большой эстетикъ и любитель романтическихъ темъ, также былъ унесенъ волной стихотворнаго обличенія. Въ выборѣ темъ, какъ человекъ молодой и пылкій, онъ былъ смѣлъ и обладалъ бесспорнымъ даромъ—необычайно плавной и картинной рѣчи. Онъ былъ мастеръ не столько рѣчь, сколько самаго стиха, и пародія давалась ему легко. За вычетомъ его нападокъ на самыя модныя и потому быстро испошлившіяся темы—въ родѣ бюрократизма вообще, взяточничества, лицемѣрія, празднаго либерализма, семейной неурядицы—его сатиры на тогдашнюю журналистику и его мѣткія характеристики литературныхъ партій были цѣнной новинкой, возбуждавшей откровенный смѣхъ—смѣхъ отъ души, но въ сущности смѣхъ весьма невинный.

В. С. Курочкинъ—извѣстный редакторъ „Искры“—умѣлъ смѣшнить лучше. Тоже виртуозъ стиха и рѣчи, онъ славился своими переводами, или, вѣрнѣе, переложеніями изъ Беранже, и самъ слѣдовалъ манерѣ своего учителя. Въ его стихахъ, въ общественномъ смыслѣ опять-таки весьма невинныхъ, много легкости и граціи, много даже нѣжныхъ оттѣнковъ, но удара настоящего—нѣтъ. Меньше шаржа, чѣмъ у другихъ, и больше психологической мотивировки, меньше натурализма и больше игривости въ темахъ „вольныхъ“, большая живость темпа—но опять все тѣ же ходячіе мотивы будничнаго обличенія, скользящаго лишь по поверхности жизни.

Тѣми же достоинствами и недостатками отличалась и сатира Д. Минаева. Въ рѣчахъ поразительно колоритная, въ стихѣ нѣсколько тусклая, эта сатира совсѣмъ уже не выходила за предѣлы ежедневной житейской суеты и никакихъ общихъ типовъ съ общественнымъ смысломъ не давала. Судя по нѣкоторымъ стихамъ, Минаевъ не имѣлъ даже яснаго представленія объ этомъ общественномъ смыслѣ событій. Онъ былъ мастеръ острыхъ словъ, но не острой мысли.

Можно пожалѣть, что „Гейне изъ Тамбова“—тогда очень популярный псевдонимъ не менѣе теперь популярнаго П. И. Вейнберга—писалъ въ тѣ веселые годы такъ мало. Литераторъ съ большимъ вкусомъ и широкимъ литературнымъ образованіемъ, онъ забавлялъ своими остроумными и игривыми пѣснями, на ко-

торыхъ всегда лежала печать очень вышкolenнаго вкуса. Пѣсни были вполне невинныя, иногда на мелкую злобу дня, но самъ авторъ, кажется, и не требовалъ отъ нихъ большаго.

Популярнѣе какъ обличитель былъ тогда и Розенгеймъ, на поэзію котораго такъ недобѣрчиво смотрѣли наши либералы. Они были правы: сатира и веселая пѣсня совсѣмъ не подходила къ складу души этого мирнаго, мечтательно настроеннаго патріота. Человѣкъ съ искренней любовью къ поэзіи, недурной техникъ стиха и, какъ говорятъ знавшіе его люди, человѣкъ необычайно добрый и мягкій, онъ былъ совсѣмъ въ своей сферѣ, когда касался религіозныхъ и военно-патріотическихъ темъ и не выходилъ изъ общихъ словъ и положеній, когда хотѣлъ своего читателя не растрогать, а натравить. Конечно, и ему, какъ опытному стихотворцу и литератору со вкусомъ, удавалось подчасъ написать удачное сатирическое стихотвореніе, которое очень нравилось.

Тогда же начиналъ свою литературную дѣятельность и В. П. Буренинъ, обнаруживая въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ очень искусную грань стиха и большой даръ пародіи и комическаго таланта.

Къ этому перечню наиболѣе замѣтныхъ сатириковъ-стихотворцевъ и слагателей веселыхъ пѣсенъ нужно добавить и всѣхъ тѣхъ менѣе извѣстныхъ писателей, которые ютились при редакціяхъ сатирическихъ журналовъ и листовъ, столь тогда распространенныхъ. Эти сатирическіе журналы и листки во главѣ съ „Искрой“ представляли въ ихъ совокупности безспорно извѣстную общественную силу. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ тѣ годы съ ней считались. „Искра“ и другіе листки внушали извѣстное безпокойство, можетъ быть даже страхъ, всѣмъ тѣмъ, кто безчинствовалъ довольно явно. Но при опредѣленіи литературной стоимости и общественнаго значенія нашей стихотворной сатиры 50—60 годовъ надо все-таки помнить, что прозаическіе фельетоны и статьи дѣйствовали успѣшнѣе и сильнѣе стихотворныхъ и что всѣ эти рюмованныя сатирическія стрѣлы были сильны только въ ихъ слученности и при ихъ подавляющемъ количествѣ. Среди всѣхъ сатириковъ—крупнаго, истиннаго таланта, яркаго и бьющаго безъ промаха, не было. Онъ, по крайней мѣрѣ, незамѣтенъ въ тѣхъ стихахъ, которые проникли въ печать.

Всей этой мелкой сатирѣ, и прозаической, и въ особенности рюмованной, недоставало глубины взгляда и широты размаха. Можетъ быть — помимо отсутствія сильныхъ талантовъ — это объясняется еще и тѣмъ, что самый родъ легкой, живой сатиры

не имѣлъ у насъ непосредственнаго прошлаго и былъ въ Николаевское время низведенъ—по крайней мѣрѣ при гласномъ своемъ обнаруженіи—до самой плоской шутки и каламбура.

Устанавливая такую относительно невысокую стоимость нашей сатиры въ ея недавнемъ прошломъ, надо, однако, помнить, что все, что при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ и наличности талантовъ можно было сдѣлать—она сдѣлала. Она подбадривала по мѣрѣ силъ общественное настроеніе тѣхъ годовъ и веселила его. Этого нельзя связать о той же стихотворной и легкой сатиры позднѣйшаго времени, которая свое подневольное положеніе вымещала почти исключительно на тѣщахъ, заблудившихся дачникахъ, пьяныхъ вупцахъ, воровкахъ и спящихъ думскихъ дѣятеляхъ.

III.

Читатель, конечно, успѣлъ уже замѣтить, что въ числѣ вышепоименованныхъ сатириковъ-стихотворцевъ не названъ ни Некрасовъ, ни Добролюбовъ, ни А. Толстой. Они не подходятъ подъ общую норму. Ихъ выдѣляетъ прежде всего ихъ безспорно сильный и оригинальный талантъ, а затѣмъ и ихъ отношеніе, какъ сатириковъ, къ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Сатирическій талантъ Некрасова—первоклассный, но только его стихи никакъ не могутъ быть отнесены въ разрядъ „легкой“ поэзіи. Правда, въ ранней юности, въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ и затѣмъ въ послѣдніе годы (1870—1877) жизни, Некрасовъ писалъ шутливые и остроумные памфлеты, но въ эпоху общественной бури онъ былъ такъ серьезно и такъ печально настроенъ, что сатира его вмѣстѣ съ Щедринской была врикомъ негодованія, злобной филиппикой, стономъ, воплемъ, чѣмъ угодно, но только не остроумной шуткой, хотя бы и съ очень полнымъ содержаніемъ.

Въ своемъ журналѣ эту роль злого насмѣшника Некрасовъ предоставилъ Добролюбову, лишь изрѣдка приходя ему на помощь. И выборъ редактора былъ въ данномъ случаѣ необычайно удаченъ. „Свистокъ“ и его герой Конрадъ Лиленшвагеръ, онъ же и Яковъ Хамъ и проч., были первыми пионерами настоящей общественной сатиры легкаго типа. Необычайная серьезность и дѣловитость Добролюбова не помѣшали расцвѣту его истинно сатирическаго таланта. Такъ много задатковъ широкой талантливости было въ этомъ человѣкѣ, который за свою краткую жизнь успѣлъ только намекнуть на то, что онъ былъ призванъ сказать и сдѣлать.

Извѣстно, какую сенсацию произвелъ „Свистокъ“ и сколь многихъ онъ озлобилъ. И было основаніе сердиться на него. Его никакъ нельзя было упрекнуть въ пустомъ шутовствѣ или въ легковѣности—двухъ качествахъ, которыя въ другихъ сатирическихъ стихахъ могли всегда служить утѣшеніемъ для тѣхъ, въ кого сатира мѣтила. „Свистокъ“ въ шутиливой формѣ трактовалъ о самыхъ коренныхъ вопросахъ тогдашней общественной жизни и влилъ многихъ людей своими справедливыми нападками на тѣ ихъ убѣжденія и чанія, которыя, какъ имъ казалось, стояли внѣ всякаго выстрѣла. Кто поднялъ на смѣхъ пресловутую „гласность“, прикрывавшую все ту же традиціонную безгласность прежняго времени? Кто развѣнчалъ побѣдоносный „прогрессъ“, о которомъ такъ много было крику среди толченія на одномъ мѣстѣ или попытокъ идти вспять? Кто „соврѣвшимъ“ людямъ доказалъ, что они ребята? Кто мнимую ученость низвелъ на степень глупаго педантизма? Вообще, кто изъ современниковъ былъ такъ смѣлъ и кто былъ такъ зорокъ, что причину неустройствъ и золь искалъ не во внѣшнихъ преградахъ, а въ самыхъ людяхъ, призванныхъ на работу? Всѣ эти—теперь далеко не новыя мысли—показались въ „Свистѣ“ необычайно дерзкими именно потому, что въ нихъ была заключена правда темной стороны тогдашняго историческаго момента.

Въ сравненіи съ этими словами—съ виду столь шутиливыми, а въ глубинѣ столь вѣскими—какъ мелки и незначительны должны были показаться преобладавшія тогда сатирическія обличенія вѣточниковъ, неисправныхъ или слишкомъ старательныхъ администраторовъ, бюрократовъ, самодовольныхъ и недовольныхъ, невѣжественныхъ купцовъ, кулаковъ, эксплуататоровъ, ростовщиковъ, глупыхъ учителей, праздношатающихся кавалеровъ и дѣвицъ, гулякъ и камелій, хлыщей и либеральныхъ болтуновъ, т.-е. всѣхъ тѣхъ людей, отъ которыхъ можно было бы просто отмахнуться, еслибы общественное обновленіе шло дѣйствительно по пути, указанному Добролюбовымъ.

Съ шутиливыхъ пѣсенъ этого суроваго критика надо начинать исторію нашей общественной легкой сатиры, облеченной въ игривую стихотворную форму, такъ какъ онъ, трезвый прозаикъ, выдѣлъ и этой формой въ совершенствѣ.

Прямыхъ продолжателей Добролюбовъ не имѣлъ (Щедринъ попыталъ свои силы въ томъ же „Свистѣ“, но стихи ему не давались), а всѣ его современники, какъ мы видѣли, избирали мишень болѣе легкую и близкую.

Исключеніемъ былъ лишь гр. А. Толстой.

Онъ и въ этой области своего поэтического творчества, какъ во всѣхъ другихъ, сумѣлъ сохранить за собой особую позицію. Она была уже потому особая, что на ней не было знамени определенной партіи. Большинство, если не всѣ изъ сатириковъ тѣхъ годовъ шли подъ флагомъ ясно-либеральнымъ. Либеральна, если ужъ употреблять это измотавшееся слово, была и основная тенденція сатиры Толстого, но что-то въ ней было особое, отличное отъ общепринятаго образца, что, вопреки всякой справедливости, утвердило во мнѣніи большинства понятіе о Толстомъ, какъ о сатирикѣ ретрограднаго лагеря. Дѣйствительно, кто при словѣ „сатира Толстого“ не вспоминаетъ прежде всего „Потока Богатыря“ и „Порой веселой мая“—этихъ двухъ самыхъ злыхъ пародій на нашихъ радикаловъ?

Такое ходячее мнѣніе о Толстомъ, какъ о сатирикѣ, требуетъ не одной только оговорки, но—поправки.

IV.

Алексѣй Константиновичъ писалъ пародіи, шутки и сатиры при случаѣ, и съ нѣкоторой небрежностью относился къ этому своему дару. Если собрать все имъ написанное въ этомъ родѣ, то составитъ сборничекъ довольно тощій.

При составленіи такого сборника надо, однако, соблюдать большую осторожность. Извѣстность, которую приобрѣлъ Толстой, какъ сатирикъ, заставила многихъ приписывать ему стихи, въ которыхъ онъ былъ невиновенъ. Такъ случилось, между прочимъ, со знаменитой „Федорушкой“, имѣвшей большой успѣхъ въ нелегальной печати.

„Я попался, — писалъ Толстой, — между двухъ огней, обвиняемый Л... и Т... въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами—въ ретроградныхъ... Оба противоположныя мнѣнія согласны въ томъ, что я виновенъ. Я—который пахну фіалками!.. Вы требуете, чтобы я публично отрекся отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, приписываемыхъ мнѣ. Неужто же это все „Федорушка“, которую мнѣ прислали съ вопросомъ—моя ли она, или нѣтъ?—Нѣтъ, не моя; я никогда ничего не писалъ безъ подписи. Авторъ пишетъ дурные стихи и сваливаетъ ихъ мнѣ на плечи“. (Письмо изъ Дрездена 1871 г., 20 декабря. „Вѣстникъ Европы“ 1895, XI, стр. 184).

Шуточные стихи и сатиры Толстого, появляясь неожиданно, въ сроки иногда другъ отъ друга очень отдаленные, не объеди-

нены какой-нибудь общей тенденцией. Авторъ не дѣлалъ ихъ орудіемъ борьбы серьезной и обдуманной. Онъ шутилъ ими, такъ какъ, по собственному признанію, былъ „шутливъ отъ природы“, но, какъ у человѣка большого ума и остраго взгляда, его набѣжавшая шутка была часто и острѣе, и сильнѣе, чѣмъ сознательно написанная и продуманная сатира любого присяжнаго остроумца-обличителя.

Будущій собиратель и издатель шуточныхъ стиховъ Толстого столкнется поэтому съ нѣкоторой трудностью, если пожелаетъ сгруппировать ихъ по содержанію, не придерживаясь виѣшняго хронологическаго порядка. Группировать плоды художественнаго каприза, дѣйствительно, нелегко. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ съ перваго взгляда смысла не дощешься; есть и такіе, въ которыхъ за видимой бессмыслицей какъ будто что-то и кроется.

Оставимъ ихъ пока въ сторонѣ и обратимся къ тѣмъ, смыслъ которыхъ вполне ясенъ.

V.

.....
 Языкъ держать привыкъ я строго,
 И повторяю каждый день:
 Нѣсть власти, аще не отъ Бога.
 Не намъ повить высокихъ мѣръ,
 Творцомъ внушаемыхъ вельможамъ;
 Мы изъ исторіи примѣръ
 На этотъ случай выбрать можемъ:
 Передъ Шуваловымъ свой стягъ
 Склонялъ великій Ломоносовъ —
 Я жъ — другъ властей и вѣчный врагъ
 Такъ-называемыхъ вопросовъ ¹⁾.

„Врагъ такъ-называемыхъ вопросовъ“, не желающій критиковать распоряженія начальства, привинулся большимъ скромникомъ. Именно, по самымъ знаменательнымъ вопросамъ своего времени наговорилъ Толстой много дерзостей и тѣмъ людямъ, которые, яко власть имущіе, эти вопросы рѣшали, и тѣмъ, которые не желали слышать ни о какомъ рѣшеніи, не отъ ихъ мудрости исходящемъ.

Толстому въ извѣстномъ лагерѣ всегда ставили въ упрекъ это отношеніе къ молодому поколѣнію прогрессистовъ 60-хъ годовъ. Упрекъ кажется вполне основательнымъ, если не считаться

¹⁾ Изъ шуточнаго стихотворенія „Посланіе къ О. М. Толстому“. Красный-Рогъ, '869, 14 января. „Русская Старина“ 1887, т. LV, 144—5.

съ условіями того времени, съ особымъ фанатичнымъ культомъ поэзіи, за права которой Толстой собственно и заступался, и—главное—если сбросить со счетовъ всѣ тѣ стихотворенія, въ которыхъ нашъ сатирикъ расправляется уже не съ молодежью, а съ ея самыми опредѣленными врагами. Если же со всѣми этими фактами посчитаться, то, можетъ быть, антипрогрессивные стихи Толстого окажутся совсѣмъ не столь виновными въ „непониманіи“ серьезныхъ сторонъ тогдашняго общественнаго движенія.

Эти стихи столь извѣстны, что останавливаться на нихъ долговѣтъ нужды. Да и всѣхъ-то этихъ стиховъ—всего двѣ баллады и одна пѣсня.

Баллада „Порой веселой мая“ заслужила вполне справедливыя порицанія. Авторъ хотѣлъ поразить „россійскую коммуну“ и рассказалъ ни съ чѣмъ несообразную сказку, въ которой вмѣсто острой мысли была лишь „легкая“ мысль или просто легкомысліе. Свести обвиненія противъ матеріалистовъ, нигилистовъ, демагоговъ и анархистовъ къ тому, что эти люди хотятъ загадить все изящное въ жизни во имя общаго блаженства,—значило ввести на нихъ большую напраслину, точно также какъ рекомендовать орденъ Станислава какъ панацею противъ ихъ разрушительныхъ тенденцій—значило сказать непристойность.

Впрочемъ, имѣемъ ли мы право относиться къ этой балладѣ серьезно, какъ къ ней обыкновенно относятся, когда порицаютъ за нее Толстого? Можетъ быть, это самая обыкновенная бутада безъ всякой претензіи, шаржъ, прочитанный въ дружеской компаніи. Но одно въ этой балладѣ характерно, это—то, что сатирикъ не нашелъ иного обвиненія для ненавистныхъ ему людей, какъ обвиненіе во враждѣ къ искусству, точно у нихъ не было иныхъ грѣховъ, гораздо болѣе тяжкихъ въ общественномъ смыслѣ. Имѣй Толстой въ виду серьезную выходку противъ радикаловъ, онъ по пустякамъ не сталъ бы къ нимъ привязываться, потому что извѣстно, что всѣ ультра-радикалы, уравнители и демагоги на Западѣ нивогда не отрицали культурнаго значенія эстетическихъ эмоцій человѣка.

Несравненно серьезнѣе и злѣе, и умнѣе, чѣмъ эта баллада, другая—извѣстный „Потокъ“,—въ свое время пользовавшаяся огромнымъ успѣхомъ ¹⁾.

Балладу эту нельзя считать чисто ретроградной по основной ея мысли. Она не имѣетъ никакого цвѣта и одинаково враждебно

¹⁾ „Онъ имѣетъ громадный успѣхъ во всѣхъ слояхъ общества“. Письма Б. М. Маркевича къ А. К. Толстому, 119.

относится ко всемъ яркимъ краскамъ. Деспотизмъ и консерватизмъ въ ней осмѣяны такъ же злобно и остроумно, какъ и крайности либерализма худого тона. Нельзя въ самомъ дѣлѣ обвинить автора въ ретроградномъ образѣ мыслей только за то, что онъ не желаетъ видѣть въ отъявленномъ негодяѣ страдающаго меньшаго брата, не желаетъ согласиться съ тѣмъ, что Господь Богъ есть видъ кислорода, не желаетъ на брюхѣ лежать передъ мужикомъ, и въ дѣвцахъ-медичкахъ желалъ бы найти больше вниманія къ ихъ туалету. Обвинить уже потому нельзя; что рядомъ съ этимъ либеральнымъ Петербургомъ достается и „ханской“ Москвѣ не меньше, и самъ авторъ откровенно признается, что онъ — сторонникъ и суда присяжныхъ, и мужика, который не пропаваетъ урожая, и сторонникъ здраваго русскаго вѣча. Онъ говоритъ даже больше: онъ соглашается, что и чепуху подчасъ пороть можно, и что въ этой чепухѣ попадаютъ иной разъ жемчужныя зерна, т.-е. онъ дѣлаетъ уступку, которую никогда не сдѣлалъ бы озлобленный сатирикъ и которую обязанъ сдѣлать справедливый историкъ.

Извѣстное стихотвореніе „Противъ теченія“, на которое также указываютъ какъ на собственное признаніе автора въ томъ, что онъ плылъ противъ теченій своего времени, сатирой названо быть не можетъ. Это — прелестный гимнъ искусству въ мажорномъ тонѣ, и именно въ этомъ стихотвореніи раскрывается источникъ всего того раздраженія, которое охватывало поэта, когда онъ присматривался къ молодому поколѣнію своего времени. Онъ былъ сердитъ на него, какъ художникъ, какъ прирожденный, фанатичный эстетикъ и философъ-идеалистъ, который боялся (совсѣмъ, впрочемъ, неосновательно) за судьбу „бесконечныхъ“ началъ въ сердцѣ и сознаніи человѣка, слишкомъ занятаго будничными практическими вопросами.

Любопытно, что это стихотвореніе Толстого стало любимымъ номеромъ на программахъ разныхъ литературно-музыкальных вечеровъ, устраиваемыхъ молодежью. Совсѣмъ не замѣчая основной тенденціи стихотворенія (такъ она невинна), молодежь желала слышать въ немъ одинъ лишь призывъ къ борьбѣ за свои идеалы, и потому всегда рукоплескала словамъ:

Други, гребите! Напрасно худители
Мнѣ оскорбить насъ своею гордынею.
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрю въ наше святое значеніе —

Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія.

Быстрый подъемъ радикальной мысли и, главное, темперамента огорчалъ Толстого и сердилъ 1) какъ неприятный симптомъ не-критическаго и несвободнаго отношенія людей къ теоріи, которую они исповѣдуютъ, и 2) главнымъ образомъ, какъ показатель упадка въ молодомъ поколѣніи эстетическаго пониманія и чувства.

Что Толстой именно какъ художникъ нападалъ на радикаловъ, уважалъ ихъ убѣжденія, но требовалъ критическаго и свободнаго къ нимъ отношенія—это онъ высказалъ очень ясно въ одномъ письмѣ къ Я. П. Полонскому. Дѣло идетъ о томъ, какъ нѣмцы и какъ наша молодежь относятся къ одному и тому же ученію.

„Матеріалистическое направленіе здѣсь слабо,—пишетъ Толстой.—Надъ Бюхнеромъ ученые смѣются. Я бы желалъ, чтобы наши нигилисты послушали здѣшнихъ ученыхъ. Отзывы ихъ о матеріализмѣ немножко бы отрезвили извѣстный вамъ классъ людей... Когда я спросилъ, почему у Бюхнера столько изданій, мнѣ отвѣчали: „Извините за неучтивую правду, но его изданія только и идутъ въ Россію и въ Венгрію, въ полуобразованныя страны, а у насъ мода на этихъ господъ давно прошла, мы для матеріализма слишкомъ серьезны и слишкомъ уважаемъ науку, которая не должна переступать свои границы“. Вотъ разница между людьми дѣйствительно либеральными и дѣйствительно учеными—и тѣми, которыхъ можно бы назвать у насъ: *les parvenus de la science ou de liberalisme*“ 1).

Очевидно, что именно это уваженіе къ серьезности, съ какой человѣкъ относится къ жизни, заставило Толстого написать при другомъ случаѣ такіа несовсѣмъ въ его устахъ обычныя строки:

„Какіе звѣри, — пишетъ онъ изъ Карлсбада въ 1871 г., — тѣ, которые обидѣлись на Базарова. Они должны были бы поставить свѣчку Тургеневу за то, что онъ выставилъ ихъ въ такомъ прекрасномъ видѣ. Еслибы я встрѣтился съ Базаровымъ, я увѣренъ, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить“ 2).

Вѣроятно, однако, что онъ сталъ бы спорить съ Базаровымъ обо всемъ, но только не о Пушкинѣ и не объ искусствѣ. Онъ, какъ видно изъ его писемъ, не могъ объ этомъ говорить спо-

1) Письмо изъ Дрездена 1868—71, „Русская Старина“ 1884, XI, 195—6.

2) „Вѣстникъ Европы“ 1897, VII, 106.

войно съ людьми даже менѣ радикальными. „Вся наша критика находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключениями, — пишетъ онъ раздраженно въ 1869 г. — Девизъ этой клики—*война искусству*. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія“ ¹⁾.

И годомъ раньше онъ ту же мысль высказывалъ въ письмѣ къ Полонскому. „Мы съ вами—не послѣдніе могикане искусства,—писалъ онъ,—оно не умреть и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы (?), Корфы (?) и такъ далѣе, кто прямо, кто косвенно. Убить искусство такъ же легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подѣ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отнимаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ“ ²⁾.

И вездѣ, и всегда такъ. Въ Толстомъ, когда онъ говоритъ о своемъ времени, возмущенъ прежде всего и почти исключительно художникъ. Публициста и политика въ его рѣчахъ совсѣмъ не слышно. Судить—поэтъ, онъ же и негодуешь, и любить.

Когда его хорошій пріятель и даже другъ, Болеславъ Маркевичъ—авторъ романовъ съ несомнѣнной ретроградной тенденціей и одинъ изъ непримиримыхъ обличителей „нигилистовъ“—спрашивалъ Толстого, какое на него впечатлѣніе произвело одно его твореніе, Толстой не пошелъ дальше чисто литературной оцѣнки. Онъ говорилъ Маркевичу, что его „нигилистъ“—лицо, которое „живетъ и дышетъ“, что онъ далъ образчикъ отличнаго фізіологическаго этюда, но что слишкомъ много показалъ свою собственную фізіономію и не былъ достаточно *объективенъ* ³⁾.

Когда Толстому попался въ руки романъ Ключниковъ „Маревъ“—опять-таки романъ съ ясной обличительной и ретроградной тенденціей—этотъ въ художественномъ отношеніи слабый рассказъ раздражилъ его необычайно: „Читаю теперь „Маревъ“, — пишетъ онъ.—Это чортъ знаетъ что. И талантъ есть, и нѣкоторыя удачныя описанія, и кое-какія хорошія выраженія, рядомъ съ сильнымъ лакействомъ... Все это вертится на недавнихъ событіяхъ, и потому какъ будто представляетъ какой-то интересъ. Авторъ перецегалялъ даже Кохановскую новостью языка... Ключниковъ—человѣкъ съ настоящимъ талантомъ, но онъ имъ орудуешь какъ акробатъ“ ⁴⁾.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1895, XI, 166.

²⁾ „Русская Старина“ 1884, XI, 196.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, 649; 1897, VI, 633.

⁴⁾ Письмо отъ 11 июля 1864 г. изъ Карсбада. „Вѣстникъ Европы“ 1897, VI, 619.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ виденъ только художникъ, цѣнитель стили и образовъ, а никакъ не публицистъ, еще символизировавшій будто бы основной идеѣ такихъ боевыхъ романовъ.

Иногда, впрочемъ, нашъ эстетикъ, когда ему вдругъ незначай случалось набрести на „нигилиста“, пугался и готовъ былъ въ этомъ таинственномъ незнакомцѣ (а „нигилистъ“ и въ 60-хъ годахъ былъ для многихъ таинственной личностью) видѣть нѣчто страшное и стихійное. Есть въ его перепискѣ по этому поводу очень характерныя строки, въ которыхъ такъ и чувствуешь, какъ эстетикъ содрогается передъ фантомомъ „нигилизма“. „Шесть часовъ утра, — пишетъ онъ, — я только-что выходилъ на балконъ, но ничего не могъ рассмотреть. Такой туманъ, что онъ даже помѣшалъ бы Ромео рассмотреть Джульетту на поларшина разстоянія. Пѣтухи на селѣ продолжаютъ орать вдаль, но они ничего этимъ не доказываютъ. Точно конецъ свѣта, или Нифельгеймъ скандинавовъ. Ни дерева, ни повара на кухнѣ. Ничего. Это — идеалъ нигилистовъ; къ тому же, что-то сырое падаетъ вамъ на голову“¹⁾.

Но кто они были, эти нигилисты? — разрѣшено спросить, и чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось бы написать цѣлое историческое изслѣдованіе. Одно только извѣстно: „нигилизмъ“ пугалъ современниковъ и пугалъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире были толкованія этого загадочнаго понятія. Толстой стоялъ не одинокъ, когда съ опасеніемъ слѣдилъ за развитіемъ ультра-радикальныхъ взглядовъ и настроеній, которые какъ будто предвѣщали, ну, если не конецъ свѣта, то вихрь отрицанія и разрушенія. И не одни консерваторы и поклонники уютной босности раздѣляли съ нимъ эти опасенія.

Чтобы вѣрно судить о томъ положеніи, какое Толстой занялъ по отношенію къ крайнимъ нашимъ партіямъ въ 60-хъ годахъ, надо держать въ умѣ нѣсколько историческихъ справокъ; надо вспомнить, напр., какъ Герценъ отнесся къ „железикамъ“ и какія колкости онъ говорилъ Чернышевскому, какъ Кавелинъ сравнивалъ Добролюбова съ очковой змѣей, какъ Тургеневъ непристойно бранилъ того же Чернышевскаго и Добролюбова, какъ, наконецъ, Салтыковъ расправлялся съ „вислоухими“ изъ „Русскаго Слова“...

Если не упускать изъ виду этихъ историческихъ справокъ, то и сатиры Толстого не будутъ нуждаться въ оправданіи.

¹⁾ Письмо 1869 г. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., XI, 172—3.

VI.

Но эти справки забываются; забываются и тѣ стихотворенія автора, тѣ его шутки и сатиры, которыя бьютъ по консервативному лагерю. Эти сатиры почему-то не включены въ полное собраніе его сочиненій, хотя большинство ихъ и напечатано въ Россіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. А перепечатать ихъ нужно, хотя бы во имя безпристрастія.

Политическая и общественная сатира Толстого захватываетъ сферу довольно широкую. Она мѣтитъ и въ нашъ государственный порядокъ, въ его цѣломъ, и въ опору этого порядка — въ бюрократическую машину. Конечно, кругъ, въ которомъ поэтъ вращался, и возможность получить приглашеніе — прочитать свои новые стихи въ аудиторіи особъ очень высоко поставленныхъ — держали языкъ поэта нѣсколько на привязи. Его сатира необычайно корректна и деликатна въ своихъ выраженіяхъ и очень тонка въ своихъ намекахъ. Но отъ этого сущность ея и сила не страдаютъ.

Припомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ.

Сколь многіе утѣшали себя, въ тѣ годы „прогресса“, нашей молодостью и видами на блестящее будущее, которое должно искупить весь беспорядокъ настоящаго! Это была ходкая тогда тема. Она имѣла за собой долю правды, когда о ней говорили люди живого труда. Но вѣдь были другіе люди, которые на такой надеждѣ готовы были уснуть какъ на мягкой подушкѣ: отчего было не разбудить этихъ людей, хотя бы и очень радикальнымъ способомъ:

Сидитъ подъ балдахиномъ
Китаецъ Дцу-Кинь-Дцинъ
И молвитъ мандаринамъ:
— Я главный мандаринъ.
Велѣлъ владыко края
Мнѣ вашъ спросить совѣтъ,
Зачѣмъ у насъ въ Китаѣ
Досель порядка нѣтъ?—
Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли;
Гласить:—Зачѣмъ досель
Порядка нѣтъ въ земли,

Что мы вѣдь очень малы,
Намъ тысячь пять лишь лѣтъ —
Зачѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Зачѣмъ порядку нѣтъ.
Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ и простымъ,
Мы много общаемъ
И много совершимъ.
— Мнѣ ваши рѣчи мнѣли,
Отвѣтилъ Дцу-Кинь-Дцинъ,
Я убѣждаюсь силою
Столь явственныхъ причинъ.

Подумаешь, пять тысячъ,
Пять тысячъ только лѣтъ!—

И приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ ¹⁾.

Другая шутка съ такой же граціей старалась разсѣять не-
менѣе опасную иллюзію—вѣру въ наше, какъ говорилось, куль-
туртрегерство. Каткову, Черкасскому, Самарину и Маркевичу
посвящена эта милая пѣсня „объ арапахъ“ ²⁾.

Друзья, ура! Въ единство
Сплотимъ Святую Русь.
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что дескать
Терпѣть ихъ—это грѣхъ;
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ Славяне,
Но есть и Вотяки,
Башкирцы и Армяне
И даже Калмыки,

Есть также и грузины,
Конвою цвѣтъ и честь,
Есть латыши и финны
И шведы также есть.

Недавно и тамбланцы
Живутъ у насъ въ плѣну;
Признаться ль?.. Есть и нѣмцы,
Но это ентре-поус.

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шенну,
Что есть у насъ Поляки,
Но также ентре-поус.

И многими другими
Обилень нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Араловъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердьемъ столь же смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинял бы носъ;
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна... Авсіосъ!..

А можетъ быть, мы захотимъ послушать, какъ нашъ литера-
торъ дерзалъ писать своему начальству—тогда лучше всего за-
глянуть въ посланіе Толстого къ М. Н. Лонгинову „о дарви-
низмѣ“, съ которымъ цензура никакъ не хотѣла согласиться:

Способъ, какъ творилъ Создатель,
Что считалъ онъ болѣе вѣстатъ,—
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти, —
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1869 г. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, 657—8.

²⁾ „Русская Старина“ 1887, LIII, 512—514. Сравни также „Русская Старина“ 1886, X, 238—4. Въ этой редакціи она названа „Единство“.

Вѣдь подобные примѣры
 Подавать неосторожно,
 И тебя за скудость вѣры
 Въ Соловьи сослать бы можно...

Или вотъ еще одинъ образецъ: — Наука

Льетъ на мѣръ потоки свѣта
 И, слѣдя, какъ въ тьмѣ лазурной
 Ходятъ Божіи планеты
 Безъ инструкціи цензурной, —

Кажеть намъ, какъ та же сила,
 Вся въ иную плоть одѣта,
 Въ область разума вступила,
 Не спросясь у комитета.

Брось же, Миша, устрашенья!
 У науки нравъ не робкій,
 Не заткнешь ея теченья
 Ты своей дрянною пробкой.

Та же убійственная острота при удивительной деликатности
 и въ сатирахъ: „Сонъ статскаго совѣтника Попова“ и „Русская
 исторія отъ Гостомысла“.

„Сонъ Попова“ — лучшая и самая художественная изъ всѣхъ
 нашихъ сатиръ-стихотвореній, направленныхъ противъ бюрокра-
 тин. Она кромѣ того — историческій документъ, такъ какъ главное
 дѣйствующее лицо списано съ натуры. Какъ часто въ самомъ
 дѣлѣ можно было подслушать въ тѣ годы такія „ясныя“ рѣчи
 либеральнаго начальства:

Искать себѣ не будемъ идеала,
 Ни основныхъ общественныхъ началъ
 Въ Америкѣ. Америка отстала:
 Въ ней собственность царитъ и капиталъ.
 Британія строй жизни запятнала
 Законностью. А я ужъ доказалъ —
 Законность есть народное стѣсненье
 Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленья!
 Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
 Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
 Создать, волю смѣю выразиться, видъ,
 Который называется присущимъ
 Всѣмъ временамъ, и, ставъ на свой гранитъ,
 Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
 Открыть родникъ взаимнаго труда...
 Надѣюсь, вамъ понятно, господа?

А страшное Третье Отдѣленіе, въ первый разъ попадающее на страницы литературы! Толстой былъ единственнымъ нашимъ сатирикомъ, который не остановился въ молчаніи передъ дверьми этого учрежденія. До насъ донеслись даже рѣчи, которыя никогда не предназначались для печати. Лазоревый полковникъ, утирая слезы, говорилъ несчастному Попову, залодозрѣвшему въ либерализмъ:

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни вѣстименье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна тущобъ на чистый путь спасенья.
Откройте мнѣ, равно какъ на-духу:
Что привело васъ къ этому грѣху?
Ковечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ.
Я помню, какъ, детей, за мотыльками
Порхали вы средь вапки по лугамъ...
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены. Откройте же ихъ намъ.
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите
И собственную участь облегчите.

И несчастный Поповъ не устоялъ:

Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадей!)
Именъ невинныхъ цѣлыя десятки:
Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ
Какой-то Шмидтъ, два брата Шилаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потенчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драгъ,
Грай-Жеребецъ, Вабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай—и множество другихъ.
Поповъ строчилъ слеза и безъ оглядки.
Попались въ списокъ лучшіе друзья...
Я повторю:—какъ люди въ страхѣ гадей:
Начнуть какъ Богъ, а кончатъ какъ свинья!

Но, къ счастью, всѣ друзья Попова остались цѣлы. Все это— и безпшанный его либерализмъ, и приемная министра, и лазоревый полковникъ, и недостойное поведение Попова въ Третьемъ Отдѣленіи, все было лишь сонъ, смѣшной, нелѣпый сонъ. Но чей же сонъ? Быть можетъ— Попова, но отнюдь не русскаго обывателя. Для него всѣ эти фантомы были дѣйствительностью.

Сатира Толстого иногда расширялась до цѣлой исторической картины, и художникъ, вопреки правилу Кузьмы Пруткова, хотѣлъ „объять необъятное“. Въ 83-хъ куплетахъ начерталъ онъ русскую исторію отъ Гостомысла до Тимашева—своего рода стихотворный фокусъ. Онъ имѣетъ свои литературныя достоинства въ нѣкоторыхъ куплетахъ, въ которыхъ набросаны характеристики русскихъ государей, но въ общемъ сатира слаба именно въ виду отсутствія въ этихъ портретахъ рѣзкихъ чертъ того или другого характера.

Наиболѣе удачны характеристики Петра и Екатерины:

Царь Петръ любилъ порядковъ
Почти какъ царь Иванъ,
И также былъ онъ сладокъ,
Порой бывалъ и пьянъ.
Онъ молвилъ: „Мнѣ васъ жалко,
Вы сгинете въ конецъ;
Но у меня есть палка,
И я вамъ всѣмъ отецъ.
Недалѣе какъ къ святамъ
Я вамъ порядокъ дамъ“.
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.
Вернувшись отсюда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святамъ такъ, что чудо,
Въ голландцевъ нарядилъ.
Но это, впрочемъ, въ шутку,—
Петра я не вино:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

Хотя силенъ ужъ очень,
Быть можетъ, былъ пріемъ;
А все-жъ довольно проченъ
Порядокъ былъ при немъ...

Веселая пария
Была Елисаветъ:
Поеть и веселится,
Порядку только нѣтъ.
Какая жъ тутъ причина,
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не жогла.
„Madame, при васъ на диво.
Порядокъ зацвѣтетъ“,—
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ,—
„Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Сморъи свободу дать“.

„Messieurs,—имъ возразила
Она,—vous me comblez!“
И тотчасъ прирѣшила
Украинцевъ къ землѣ.

Впрочемъ, самое жало сатиры, заключается не въ этихъ историческихъ портретахъ, а въ припѣвѣ, который подъ каждымъ изъ нихъ подписанъ: „Земля наша обильна, порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ!“ На этихъ словахъ обрывается и русская исторія въ 1868 году,—когда „порядокъ былъ водворенъ“ Тимашевымъ.

Но легко догадаться, что и послѣ Тимашева пѣсню можно было начать пѣть сначала.

VII.

Эти образцы политической и общественной сатиры Толстого показывают ясно, насколько върнень остался онъ своему принципу свободы, издѣваясь надъ бюрократами и правителями и въ то же время глумясь надъ крайними радикалами. „Двухъ становъ не боець“, онъ и здѣсь стоялъ на нейтральной позиціи, тѣмъ болѣе, что къ сатирѣ своей онъ относился любовно, но не со страстью.

Его сатиры, дѣйствительно, продиктованы ему не гнѣвомъ, а его веселымъ нравомъ, и если онѣ, тѣмъ не менѣе, полны смысла, то потому, что писалъ ихъ выдающійся по уму человѣкъ.

Этотъ умъ блестятъ и въ его чисто шуточныхъ стихотвореніяхъ.

Толстой писалъ ихъ много. Нѣкоторые удостоились большой извѣстности, другія схоронены въ его частной перепискѣ. О нихъ нужно вспомнить.

Наиболѣе популярное изъ этихъ стихотвореній—извѣстная баллада о камергерѣ Деларю. Такъ какъ она не вошла въ полное собраніе стихотвореній поэта, а между тѣмъ подала поводъ другому большому остроумцу, Владиміру Соловьеву, высказать нѣсколько необычайно вѣрныхъ сужденій о шуткѣ Толстого, то мы эту балладу напомнимъ:

Вонзиль кинжалъ убійца нечестивый
 Въ грудь Деларю.
 Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
 „Благодарю“.
 Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
 Злодѣй вогналъ,
 А Деларю сказалъ: „Какой прекрасный
 У васъ кинжалъ!“
 Тогда злодѣй, къ нему зашедши справа,
 Его пронзилъ,
 А Деларю съ улыбкою лукавой
 Лишь погрозилъ.
 Истыкаль тутъ злодѣй ему, пронзая,
 Всѣ тѣlesa,
 А Деларю: „Прошу на чашку чая
 Къ намъ въ три часа“.
 Злодѣй палъ ницъ и, слезъ проливши много,
 Дрожалъ какъ листъ,
 А Деларю: „Ахъ, встаньте, ради Бога!
 Здѣсь полъ нечистъ!“
 Но все у ногъ его въ сердечной мукъ
 Злодѣй рыдалъ,

А Деларю сказать, разстави руки:
 „Не ожидай!
 Возможно ль? Какъ?! Рыдать съ такою силой?
 По пустынямъ?..
 Я вамъ аренду выхлопочу, милый,—
 Аренду вамъ!
 Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава,
 Другимъ въ примѣръ.
 Я дать совѣтъ властямъ нѣбу право:
 Я камергеръ!
 Хотите дочь мою просватать, Дуню?
 А я за то
 Кредитными билетами отслую
 Вамъ тысячъ сто.
 А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,—
 Призани въ знакъ.
 Я не успѣлъ его еще обрामить,—
 Пріймите такъ!“
 Тутъ вѣдомъ сталъ и даже горче перца
 Злодѣя видъ.
 Добра за зло испорченное сердце—
 Ахъ! не простить.
 Высокій духъ посредственностью тревожить,
 Тѣмъ страшнѣе свѣтъ.
 Портретъ еще простить убійца можетъ,
 Аренду жъ нѣтъ.
 Зажглась въ злодѣѣ зависти отравы
 Такъ горячо,
 Что, лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава
 Черезъ плечо—
 Онъ окунулъ со злобою безбожной
 Кинжалъ свой въ адъ
 И, къ Деларю подкравшись осторожно,
 Хватъ друга въ задъ!
 Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ, въ страшныхъ боляхъ,
 На кресло свѣсть.
 Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ
 У Дуни честь,—
 Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ,
 Весьма любимъ.
 Потому въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,
 Былъ всѣми чтимъ.
 Потому онъ членомъ сдѣлался совѣта
 Въ короткій срокъ...
 Какой примѣръ для насъ являетъ это,
 Какой урокъ!

„Увѣряю васъ, — начинается шутить Вл. С. Соловьевъ ¹⁾, —
 что хотя это фарсъ по формѣ, но съ очень серьезнымъ и, глав-

¹⁾ „Три разговора“. Сочиненія, VIII, 532—4.

ное, правдивымъ реальнымъ содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ дѣйствительное отношеніе между доброю и злобою въ человѣческой жизни изображено этими шуточными стихотвореніями гораздо лучше, чѣмъ я могъ бы его изобразить своею серьезною прозою. И у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что когда герои иныхъ всемірно знаменитыхъ романовъ, искусно и серьезно распаивающихъ психологическій черноземъ, будутъ только литературнымъ воспоминаніемъ для книжниковъ,—этотъ фарсъ, въ смѣшныхъ и дико каррикатурныхъ чертахъ затронувшій подпочвенную глубину нравственнаго вопроса, сохранить всю свою художественную и философскую правду... Деларю—живой человѣкъ, со всѣми человѣческими слабостями, и тщеславіемъ, и стяжательностью, а его фантастическая непроницаемость для злодѣйскаго кинжала есть лишь очевидный символъ его беспредѣльнаго добродушія. Также „злѣдѣй“—вовсе не ходячій экстрактъ порока, а обыкновенная смѣсь добрыхъ и злыхъ качествъ; но у него зло зависти засѣло въ самой глубинѣ души и вытѣснило все доброе на душевную эпидерму, такъ сказать, гдѣ доброта приняла видъ очень живой, но поверхностной чувствительности... Не добротѣ Деларю завидуетъ злѣдѣй,—онъ вѣдь и самъ можетъ быть добрымъ,—развѣ онъ не чувствовалъ своей доброты, когда „рыдалъ въ сердечной мукѣ“?—нѣтъ, онъ завидуетъ именно недостижимой для него бездонности и простой серьезности этой доброты... Развѣ это не реально, развѣ не такъ бываетъ въ живой дѣйствительности? Отъ одной и той же влаги живительнаго дождя растутъ и благотворныя силы въ цѣлебныхъ травахъ, и ядъ—въ ядовитыхъ. Также и дѣйствительное благодѣяніе въ концѣ концовъ увеличиваетъ добро въ добромъ и зло въ зломъ. Такъ должны ли мы, имѣемъ ли мы право всегда и безъ разбора давать волю своимъ добрымъ чувствамъ? Можно ли похвалить родителей, усердно поливающихъ изъ доброй лейки ядовитыя травы въ саду, гдѣ гуляютъ ихъ дѣти? Дуня-то за что погибла, я васъ спрашиваю?“

Конечно, все это бутада самой остроумной грани, и мысль Толстого, когда онъ писалъ свою балладу, никогда не шла такъ далеко въ своихъ выводахъ, какъ мысль его истолкователя. Но одинъ тотъ фактъ, что такая остроумная интерпретація возможна—указываетъ на необычайную полновѣдность шутки. Тѣмъ хорошая шутка и бываетъ цѣнна, что изъ нея можно сдѣлать серьезный выводъ: серьезная проблема жизни показана своею изнанкою.

Нелегко найти такую изнанку жизни въ другомъ, тоже очень

известномъ, шуточномъ стихотвореніи Толстого: „Бунтъ въ Ватиканѣ“. „Сегодня буду читать (во дворцѣ) „Сонъ Попова“, — пишетъ Толстой своей женѣ. — Императрица (Марія Александровна) просила меня серьезно ей прочесть „Бунтъ въ Ватиканѣ“; а такъ какъ я отказалъ наотрѣвъ, а ш-ше М. такъ настаивала, чтобы я ей его прочелъ, то я общалъ ей это сдѣлать въ темной комнатѣ“¹⁾...

Но еслибы нашелся остроумный истолкователь, то онъ могъ бы найти смыслъ и въ томъ невѣроятномъ скандалѣ, который разыгрался въ Ватиканѣ, когда папскій хоръ кастратовъ пожелалъ уравнять себя во всѣхъ правахъ, обязанностяхъ и состояніяхъ съ своимъ примымъ начальствомъ и не безъ нѣкотораго нравственнаго права спрашивалъ себя, почему бы самому папѣ не пѣть кантаты нѣжнымъ голосомъ?

Вообще, большого удовольствія, и притомъ эстетическаго, лишень читатель, который теперь развѣ только случайно можетъ услышать ту или другую шутку Толстого или натолкнуться на нее въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи. Много веселыхъ минутъ могъ бы онъ провести за этимъ чтеніемъ, и оно вызвало бы въ немъ одинъ лишь смѣхъ, самый добродушный и невинный. Но передъ нѣкоторыми стихотвореніями читатель все же остановился бы въ раздумьи, пораженный однимъ страннымъ впечатлѣніемъ.

Есть стихотворенія очень смѣшныя, но положительно недоступны пониманію; ключъ ли къ нимъ утратился, или они сочинены вообще во славу бессмыслицы, но только всякій комментаторъ рискуетъ очутиться въ глупомъ положеніи, если начнетъ изощрять свое остроуміе въ ихъ серьезномъ толкованіи.

Прочитаешь онъ, напр., такую шутку:

„Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки, —
Говорилъ разъ пономарь: —
Отъ крутыхъ яидъ въ желудкѣ
Образуется яттарь“.

Врачъ скептическаго склада
Не любилъ духовныхъ яидъ
И, причетнику въ досаду,
Проглотилъ пятьсотъ яидъ.

Стонъ и вопли! Всѣ рыдаютъ,
Пономарь звонитъ съ плеча.
Это значить — погребаютъ
Вольнодумнаго врача.

Не прошли еще и сутки,
Молвить грустно пономарь:
„А ужъ въ докторскомъ желудкѣ,
Видно, сдѣлался яттарь!“

— и если онъ не вспомнить почтеннаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кузьму Петровича Пруткова, то онъ напрасно

¹⁾ „А ты все-таки не будешь знать, что такое „Бунтъ въ Ватиканѣ“. „Письма Толстого изъ S. Remo 24-го и 25-го января 1875 г.“, „Вѣстникъ Европы“ 1897, VII, 122.

истощить свой умъ въ догадкахъ и ничего не изъяснить себѣ въ такомъ стихотвореніи. Только широкое знакомство съ литературной дѣятельностью Пруткова поможетъ ему разгадать смыслъ такой видимой бессмыслицы.

Да и вообще, какъ можно говорить о сатирѣ А. Толстого, игнорируя стихи и изреченія столь близкаго его родственника и друга, какимъ былъ покойный директоръ Пробирной Палатки Кузьма Прутковъ?

VIII.

Прутковъ стяжалъ себѣ, какъ извѣстно, большую славу и популярность. Сочиненія его печатались охотно въ самомъ передовомъ журналѣ—въ „Современникѣ“—и имѣли таковой громкій успѣхъ, что удостоивались нерѣдко контрафакціи. Ихъ знали наявусть; иногда въ серьезныхъ сочиненіяхъ на нихъ дѣлались ссылки; послѣ смерти автора, они издавались неоднократно и издаются до сего дня. Одно изъ нихъ даже попало на подмостки Александринскаго театра и было сыграно въ высочайшемъ присутствіи, хотя государь императоръ Николай Павловичъ и остался имъ очень недоволенъ. Вообще, слава Кузьмы Пруткова могла позавидовать любой изъ самыхъ видныхъ нашихъ писателей.

Историкъ, служитель неподкупной истины, обязанъ впрочемъ не поддаваться увлеченію и безпристрастно оцѣнить какъ личность этого знаменитаго дѣятеля, такъ и стоимость его трудовъ, за которыми, каковы бы ни были ихъ погрѣшности, всегда сохранится одно значеніе—полная оригинальность и самобытность. Друзья, близко знавшіе Кузьму Пруткова, и среди нихъ и графъ Толстой, утверждаютъ, что онъ перенялъ отъ людей, имѣвшихъ въ литературѣ успѣхъ,—„смѣлость, самодовольство, самоувѣренность, даже наглость, и сталъ считать каждую свою мысль, каждое свое писаніе и изреченіе—истиною, достойною оглашенія. Онъ счелъ себя сановникомъ въ области мысли и сталъ самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невѣжество, которыя иначе остались бы неизвѣстными внѣ стѣнъ Пробирной Палатки. Одобренный своими клеветами, онъ уже самъ сталъ требовать, чтобы его слушали, а когда его стали слушать, онъ выказалъ такое самоувѣренное непониманіе дѣйствительности, какъ будто надъ каждымъ его словомъ и произведеніемъ стоялъ ярлыкъ: „все человѣческое мнѣ чуждо“.

Пусть будетъ такъ. Но, не взирая на всѣ свои недочеты какъ человѣка, Кузьма Прутковъ былъ все-таки настоящій пи-

сатель и человеческое уже по одному тому было ему не чуждо, что многие люди въ весьма критическихъ моментахъ своей жизни руководились его изреченіями и его мудростью—и продолжаютъ руководствоваться ею и теперь.

Свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка очень неполны и отрывочны. Его ближайшіе друзья, издавая въ свѣтъ его сочиненія, снабдили ихъ вводной статьей, которая до сего дня остается единственнымъ надежнымъ источникомъ для его жизнеописанія, если не считать краткой поминки, напечатанной въ годъ его смерти его племянникомъ Калистратомъ Ивановичемъ Шерстобитовымъ ¹⁾.

Общій ходъ скромной жизни Пруткова представляется по этимъ даннымъ въ слѣдующемъ видѣ. Родился Кузьма Петровичъ въ 1803 г. недалеко отъ Сольвычегодска въ деревнѣ Тентелевой ²⁾.

Какъ протекало его дѣтство—неизвѣстно, и только въ 1820 г. ³⁾ мы застаемъ его въ гусарскомъ полку (и притомъ „лучшемъ“ полку) юнкеромъ. Поступилъ онъ въ военную службу, какъ утверждаютъ его друзья, только для мундира, и это пожалуй вѣрно, если вспомнить, какой ничтожный случай заставилъ его выйти въ отставку. А именно: въ ночь съ 10-го на 11-ое апрѣля 1823 года, возвратясь поздно домой съ товарищеской попойки и едва прилегши на койку, онъ увидѣлъ передъ собой голаго бригаднаго генерала въ эполетахъ. Это видѣніе такъ на него подѣйствовало, что онъ рѣшился перемѣнить военную службу на статскую и тотчасъ же опредѣлился по министерству финансовъ, въ Пробирную Палатку, гдѣ онъ и оставался до самой своей смерти; умеръ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника со старшинствомъ 15 лѣтъ 4¹/₂ мѣсяцевъ, кавалеромъ Станислава первой степени послѣ 20-ти-лѣтняго безукоризненнаго управленія Палаткой. Имѣлъ онъ также и нѣсколько пожалованныхъ перстней.

Человѣкъ онъ былъ семейный и семейное счастье его составила нѣкая Антонида Платоновна Проклеветантова—очевидно, дворянскаго рода,—которая подарила ему свыше десяти человѣкъ дѣтей. Наружность его была некрасива, но выразительна. „Долго сохранится въ памяти,—говорилъ К. И. Шерстобитовъ,—его высокое, склоненное назадъ чело, опущенное снизу густыми рже-

¹⁾ „Современникъ“ 1868, IV, „Свистокъ“, 54—62.

²⁾ Деревня малоизвѣстная, но пользовавшаяся, очевидно, дурной репутаціей, потому что современники Пруткову петербургскіе сановники говаривали часто: „Смотри ты у меня. Сошлю тебя въ Тентелеву деревню“ („Новое Время“, № 2026, 1881 г.).

³⁾ По свѣдѣніямъ Шерстобитова—въ 1816 г.

ватыми бровями, а сверху осыпленное поэтически-всплооченными манжетовыми съ просѣдью волосами; его мутный, нѣсколько прищуренный и презрительный взглядъ; его желто-каштановый цвѣтъ лица и рукъ; его змѣнная, саркастическая улыбка, всегда выказывавшая цѣлый рядъ, правда, почернѣвшихъ и порѣдѣвшихъ отъ табаку и времени, но все-таки большихъ и крѣпкихъ зубовъ; наконецъ, его вѣчно откинутая назадъ голова и нѣжно любимая имъ альмавива "...

О нравѣ Кузьмы Пруткова и объ его темпераментѣ свѣдѣнія у насъ не столь полны, какъ объ его наружности. Онъ былъ рѣзокъ, рѣшителенъ, самоувѣренъ. „Въ этомъ отношеніи, какъ утверждаютъ его друзья, онъ былъ сыномъ своего времени, отличавшагося самоувѣренностью и неуваженіемъ препятствій. То было, какъ извѣстно, время знаменитаго ученія: „усердіе все превозмогаетъ“. Въ словахъ Пруткова часто слышался не совѣтъ, не наставленіе, а—команда. Съ этими качествами можно было бы помириться; но друзья его утверждаютъ (хотя едвали основательно), что онъ былъ умственно ограниченъ и желалъ играть роль, на которую не имѣлъ права. Но эти же друзья признаютъ, что въ Кузьмѣ Петровичѣ сохранилось глубокое, природное добродушіе, дѣлающее его невиннымъ во всѣхъ выходкахъ, и что потому онъ былъ и забавенъ, и симпатиченъ.

Образъ мыслей Кузьмы Петровича, при всей той свободѣ, съ какой онъ относился къ самымъ труднымъ вопросамъ бытія, былъ, какъ и надлежало ему быть, консервативный. Не могъ же онъ, питомецъ Николаевскаго режима, стать на сторону той новизны, которую на слонѣ лѣтъ своихъ онъ вкругъ себя видѣлъ? Но хотъ онъ и не симпатизировалъ ей въ душѣ, онъ все-таки, по живости своей природы, не могъ на нее не отозваться. „Въ періодъ подготовленія реформъ царствованія Александра II, рассказываютъ его друзья, онъ какъ бы растерялся. Сначала ему казалось, что изъ-подъ него уходитъ почва, и онъ сталъ роптать, повсюду крича о рановременности всякихъ реформъ, и о томъ, что онъ „врагъ всѣхъ такъ называемыхъ вопросовъ“. (Эти слова онъ, очевидно, заимствовалъ изъ своихъ бесѣдъ съ гр. А. Толстымъ). „Однако, — продолжаютъ его во-варные друзья свои разоблаченія, — потомъ, когда неизбежность реформъ сдѣлалась несомнѣнною, онъ самъ старался отличиться преобразовательными проектами, и сильно негодовалъ, когда проекты его браковали, по ихъ очевидной несостоятельности. Онъ объяснялъ это завистью, неуваженіемъ опыта и заслугъ и сталъ впадать въ уныніе, даже приходилъ въ отчаяніе. Состояніе его

духа отразилось, между прочимъ, въ извѣстномъ его стихотвореніи „Передъ моремъ житейскимъ“, гдѣ онъ себя сравнивалъ съ кузнечикомъ, который скачетъ, а куда—не видитъ. Вскорѣ, однако, онъ успокоился, почувствовавъ вокругъ себя прежнюю атмосферу, и подъ собою—прежнюю почву. Онъ снова сталъ писать проекты, но уже стѣснительнаго направленія, и они принимались съ одобреніемъ. Это дало ему основаніе возвратиться къ прежнему самодовольству и ожидать значительнаго повышенія по службѣ.

И умеръ онъ, по свидѣтельству его племянника, „съ полнымъ сознаніемъ полезной и славной своей жизни, поручивъ передать публикѣ, что умираетъ спокойно, будучи увѣренъ въ благодарности и справедливомъ судѣ потомства“... И потомство оправдало его надежды. Впрочемъ онъ и при жизни пользовался большимъ успѣхомъ. Если не считать злополучнаго провала его комедіи „Фацѣаія“ на Александринской сценѣ (1851 года, 8-го января), то въ литературѣ ему веало, да и фіаско на сценѣ должно быть отнесено къ числу простыхъ случайностей, такъ какъ не выйдя императоръ Николай Павловичъ изъ своей ложи до окончанія пьесы и не показавъ онъ явно своего недовольства—пьеса, вѣроятно, имѣла бы тотъ же успѣхъ, какой вообще вымалъ на долю большинства тогдашнихъ комедій.

Во всякомъ случаѣ, Кузьма Петровичъ долженъ былъ быть благодаренъ тѣмъ случайнымъ друзьямъ, съ которыми его свела судьба и которые настояли на томъ, чтобы онъ сталъ литераторомъ. Они, эти друзья,—истинные виновники и творцы его славы, они угадали скрывавшійся въ немъ талантъ писателя, и хоть они и называли его „зазнавшимся неучемъ“, но, очевидно, цѣнили въ немъ писателя, такъ какъ хлопотали за него немало въ средѣ литераторовъ, и послѣ его смерти ревниво оберегали его память и его творенія отъ всякой поддѣлки. Знакомство Пруткова съ его друзьями состоялось въ 1850 году. Друзья эти были—графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой и его два двоюродныхъ брата Алексѣй Михайловичъ и Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковы. Имена эти говорятъ сами за себя, и понятно, почему Кузьма Петровичъ, при всемъ своемъ самолюбіи, такъ покорно подчинялся ихъ влиянію. Всѣ они были люди поразительно остроумные, а двое изъ нихъ—А. Жемчужниковъ и гр. Толстой—истинные поэты. Кузьма Петровичъ не могъ этого не чувствовать и вѣрялся ихъ руководству безропотно. При всей своей строгости къ нему и друзьямъ его, съ своей стороны, должны были признать, что онъ не простой ученикъ, а

писатель оригинальный. „Прутковъ,—сказалъ про него А. Жемчужниковъ,—удостоился занять въ литературѣ особое, собственное ему принадлежащее мѣсто“¹⁾.

IX.

Эти слова справедливы не только въ отношеніи въ тому времени, когда Прутковъ выступалъ со своими произведеніями, но и въ отношеніи къ русской словесности вообще: и до сего дня его остроуміе остается единственнымъ по своей чеканкѣ. А въ 50-хъ годахъ оно имѣло, кромѣ того, еще особое общественное значеніе.

Противъ всякой попытки навязать твореніямъ Кузмы Пруткова какое-либо общественное въ строгомъ смыслѣ значеніе—его друзья всегда возражали и самъ авторъ съ ними соглашался. Даже свою комедію „Фантазія“ онъ не желалъ признать сатирой на современные нравы, и жестоко высмѣялъ рецензента, который заговорилъ объ ея сатирическомъ смыслѣ.

Но и друзья автора, и онъ самъ не совсѣмъ правы въ своемъ протестѣ. Положимъ, редакція „Современника“, печатая произведенія Пруткова, всегда указывала читателю на безобидность его образа мыслей. Выпуская въ свѣтъ его „Пухъ и Перья“, она говорила: „мы всѣ думаемъ, что общественные вопросы не перестаютъ волновать насъ, что волны возвышенныхъ идей растутъ и ширятся и совершенно затопляютъ луга поэзіи и вообще искусства. Но другъ нашъ Кузьма Прутковъ убѣжденъ совершенно въ противномъ. Онъ полагаетъ, что его остроумныя басни и звучныя стихотворенія могутъ и теперь увлечь массу публики“²⁾.

Еще яснѣе высказывала свою мысль редакція, печатая известную драму Пруткова „Черепословъ“, „Поклонники искусства для искусства!—воскликнула она.—Рекомендуемъ вамъ драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла“³⁾.

Однако у насъ есть свѣдѣнія, что эта чистая художественность причиняла редакціи иногда нѣкоторое безпокойство. Такъ И. И. Панаевъ вовсе не напечаталъ нѣкоторыхъ твореній Пруткова, переданныхъ ему для печати, и говорилъ, что въ этомъ

¹⁾ „Новости“ 1868, № 20.

²⁾ „Современникъ“ 1860. Мартъ въ „Свисткѣ“. „Замѣтка отъ редакціи“.

³⁾ „Современникъ“ 1860 г. Май. „Еще произведеніе Пруткова съ обращеніемъ редакціи“.

ему препятствовали цензурныя условія; но Кузьма Петровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, не вѣрилъ этому ¹⁾.

Наконецъ, нужно помнить, что въ 1863 году Кузьма Петровичъ вступилъ рѣшительно на путь публицистики. Правда, послѣ перваго же опыта, онъ отъ этой роли публициста отказался. И напрасно. Онъ въ этомъ первомъ публицистическомъ сочиненіи обнаружилъ сразу умъ большого государственнаго человѣка.

Такъ какъ этотъ опытъ — проектъ „о введеніи единомыслія въ Россіи“ ²⁾ — не вошелъ въ полное собраніе сочиненій Кузьмы Петровича, то мы приведемъ изъ него довольно пространную выписку. Она не нарушитъ порядка въ обзорѣ литературной дѣятельности Пруткова, потому что государственный этотъ проектъ стоитъ совсѣмъ одиноко въ ряду другихъ произведеній нашего автора.

Отставной поручикъ Воскобойниковъ, который огласилъ это твореніе Пруткова въ печати, говоритъ, что „Проектъ этотъ былъ написанъ въ 1859 году и на немъ имѣется помѣтка: „Подать въ одинъ изъ торжественныхъ дней на усмотрѣніе“. Но былъ ли онъ поданъ и принятъ, Воскобойникову не было извѣстно по весьма малому его чину“.

Самый проектъ, за немногими сокращеніями, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Приступъ: Собственное мнѣніе. Да развѣ можетъ быть собственное мнѣніе у людей, неудостоенныхъ довѣріемъ начальства? Откуда оно возьмется и на чемъ основано? Еслибы писатели знали что-нибудь, ихъ призвали бы въ службѣ; но кто не служить, тотъ, значить, недостойнъ, — стало быть, и слушать его нечего. Съ этой стороны еще никто не колебалъ авторитетъ вышнихъ писателей, — я *первый* (напереть на то, что я *первый*; можетъ быть это откроетъ мнѣ карьеру).

„Трактатъ: Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться. Для осуществленія этого желанія необходимо держаться мнѣнія начальства; ибо — въ противномъ случаѣ — гдѣ ручательство, что составленное мнѣніе безошибочно? Но какъ узнать мнѣніе начальства? Намъ скажутъ: оно выражается въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ. Это правда... гмъ!... нѣтъ, это неправда!... Правительство нерѣдко тайтъ свои цѣли — изъ высшихъ государственныхъ соображеній, недоступныхъ пониманію большинства. Оно нерѣдко доходитъ до результата рядомъ восвен-

¹⁾ „Новое Время“ 1881 г., № 2026. Дѣло идетъ о баснѣ „Звѣзда и Брѣхо“.

²⁾ „Современникъ“ 1863 г., IV, 63—66.

ныхъ мѣръ, повидимому противорѣчащихъ одна другой и даже не имѣющихъ между собой никакой связи, но въ дѣйствительности соединенныхъ секретными шалнерами одной государственной идеи, одного государственнаго плана, поражающаго умъ своею громадностью и послѣдствіями...

„Планъ этотъ открывается въ неотвратимыхъ результатахъ исторіи. Такъ, можетъ ли какой-либо подданный обсуждать правительственныя мѣропріятія, не владѣя включомъ взаимной между ними связи? „Не по отдѣльнымъ частямъ, но по цѣлой совокупности водочерпательной машины суди о достоинствахъ сихъ частей“—такъ сказалъ я еще въ 1842 году сыну своему Оаддею, и до сего времени непреклонно убѣжденъ въ высокой справедливости этого изреченія... Гдѣ подданному уразумѣть всѣ эти причины, поводы, соображенія, разные виды съ одной стороны и усмотрѣнія съ другой, на основаніи коихъ принимаются правительственныя мѣры? Не понять и не уразумѣть ему ихъ, если они не будутъ узаны самимъ благодѣтельнымъ правительствомъ. Этому мы видимъ доказательства ежедневно, ежедневно, скажу — ежеминутно!! Вотъ причина, съ одной стороны, почему иные, даже самые благонамѣренныя люди нерѣдко сбиваются съ толку злонамѣренными толкованіями; и почему, съ другой стороны, многіе изъ вѣрноподанныхъ недостаточно противодѣйствуютъ распространяющимся лжемудрствованіямъ, не имѣя отъ правительства указанія, какого мнѣнія слѣдуетъ держаться? Положеніе ихъ самое тягостное, и даже смѣло скажу — вполне невыносимое.

„Заключеніе: На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, и принимая во вниманіе, съ одной стороны, явную необходимость установленія однообразной точки зрѣнія въ пространномъ нашемъ отечествѣ, съ другой же стороны, усматривая невозможность достиженія этой благой цѣли безъ учрежденія оффиціального печатнаго органа, — нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признать справедливымъ, что въ этомъ именно заключается настоятельная потребность общества и существенное условіе его преуспѣянія и развитія... Будучи поддержанъ достаточнымъ содѣйствіемъ полицейской и административной властей, такой правительственный органъ служилъ бы надежной звѣздой, скажу — маякомъ или вѣхою для общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, пагубная склонность человѣческаго разума вѣчно обсуждать происходящее на всемъ земномъ кругѣ была бы направлена къ исключительному служенію правительственнымъ видамъ и цѣлямъ. По всѣмъ случаямъ, мѣрамъ и вопросамъ существовало бы одно

господствующее мнѣніе, и если даже допустить, что нашлись бы злонамѣренные люди, которые были бы несогласны съ этимъ мнѣніемъ, то они, естественно, остереглись бы противорѣчить, дабы не выказать своей злонамѣренности. Съ другой стороны, истинно вѣрнопопдаанные узнали бы наконецъ, каковаго мнѣнія имъ слѣдуетъ держаться для блага своего и своихъ присныхъ.

„Зная сердце человѣческое и господствующія черты русской народности, нѣтъ повода сомнѣваться въ достиженіи вышеизложенной цѣли. Дѣло только въ томъ, чтобы избранъ былъ редакторомъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, извѣстный своимъ усердіемъ и преданностью, пользующійся славой писателя и глубокаго мыслителя и готовый пренебречь, для пользы правительства, конечно за достаточное вознагражденіе, общественнымъ уваженіемъ и мнѣніемъ. Въ поощреніе его и въ примѣръ другимъ необходимо, кромѣ достаточнаго вознагражденія, отличать его чинами, орденовыми украшеніями и особыми денежными наградами. Скромность, свойственная моему характеру, препятствуетъ мнѣ предложить личный свой трудъ въ этомъ дѣлѣ и разностороннія свои познанія и способности, которыми, однако, я готовъ жертвовать до послѣдняго издыханія—если это будетъ согласно съ предназначеніями начальства, — для безкорыстной службы престолу отечества“.

На поляхъ этого трактата остались, кромѣ того, весьма характерныя замѣтки Кузьмы Петровича, изъ которыхъ видно, между прочимъ, что онъ, исчисляя доходъ редакціи съ проектированнаго имъ оффиціального изданія и предполагая пустить оное по дешевой цѣнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ необходимымъ: 1) съ одной стороны, сдѣлать подписку на сіе изданіе обязательною для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; 2) съ другой стороны—велѣть всѣмъ издателямъ и редакторамъ частныхъ печатныхъ органовъ перепечатывать руководящія статьи изъ оффиціального органа, дозволяя себѣ только повтореніе и развитіе ихъ; 3) сверхъ того, наложить на нихъ денежные штрафы въ пользу редакціи оффиціального органа за всѣ тѣ мнѣнія, кои окажутся противорѣчащими мнѣніямъ, признаваемымъ господствующими, и 4) вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія въ обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать въ одно центральное мѣсто списки всѣхъ служащихъ подъ ихъ вѣдомствомъ лицъ, съ обозначеніемъ: кто изъ нихъ какіе получаетъ журналы и газеты, и не получающихъ оффиціального органа, какъ не сочувствующихъ благотѣльнымъ

видамъ правительства, отнюдь не повышать ни въ должности, ни въ чины и не удостоивать ни наградъ, ни командировокъ...

„Такимъ образомъ, — замѣчалъ Прутковъ, — правительство избѣгнетъ опасности ошибочно помѣщать свое довѣріе“.

Всякій, даже самый строгій судья, долженъ признать, что въ этомъ проектѣ Кузьма Петровичъ обнаружилъ большое глубокомысліе, государственный умъ и, главное, прозрѣніе, не говоря уже о сатирической силѣ, которая своимъ размѣромъ и размахомъ напоминаетъ только-что распускавшуюся въ тѣ годы сатиру Щедрина. Рьяные поклонники Пруткова могли бы даже заподозрить, что Щедринъ читалъ творенія Кузьмы Петровича и иногда поддѣлывался подъ его рѣчь. Взять хотя бы такой историческій анекдотъ, опубликованный Щедринымъ въ „Мысляхъ о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ“ („Исторія одного города“):

„Одинъ озабоченный градоначальникъ, вошедъ въ кофейную, спросилъ себѣ рюмку водки и, получивъ желаемое вмѣстѣ съ мѣдною монетою въ сдачу, монету проглотилъ, а водку вылилъ себѣ въ карманъ. Вполнѣ сему вѣрю, ибо при градоначальнической озабоченности подобныя пагубныя смѣшенія весьма возможны. Но при этомъ не могу не сказать: вотъ какъ градоначальники должны быть осторожны въ разсмотрѣніи своихъ собственныхъ дѣйствій“. Развѣ этотъ документъ не напоминаетъ извѣстныхъ „гисторическихъ матерьяловъ“ Федота Кузьмича Пруткова, которые его внукъ—Кузьма Петровичъ—обработалъ для печати?

Во всякомъ случаѣ причислять Пруткова къ незлобивымъ служителямъ чистаго искусства—нельзя, не нарушая справедливости; и мы сейчасъ постараемся доказать, что всѣ его произведенія—невинныя шутки порознь—въ общей ихъ массѣ были отнюдь не невинны, а таили въ себѣ ядъ, правда, весьма искусно замаскированный.

X.

Сочиненія Кузьмы Пруткова пользуются и до сей поры такой извѣстностью, что рѣшительно нѣтъ надобности напоминать объ ихъ содержаніи; и историкъ остается лишь указать на главнѣйшія отличительныя свойства таланта автора, тамъ какъ этотъ талантъ, при всей его популярности, все-таки пока оцѣненъ недостаточно.

Первое, что въ этомъ талантѣ поражаетъ, это — его все-

объемлемость. Въ этомъ отношеніи Прутковъ имѣеть только одного соперника—Пушвина. Широта таланта Кузьмы Петровича сказывается и на внѣшней формѣ его произведеній, и на внутреннемъ ихъ смыслѣ. Во всѣхъ родахъ и видахъ творчества онъ былъ одинаково хозяинъ.

Въ басняхъ онъ достойный соперникъ всѣхъ баснописцевъ, начиная съ Эзопа; онъ даже выше ихъ, потому что у всѣхъ его предшественниковъ мораль обыкновенно вытекаетъ изъ общаго смысла, а у Пруткова эти двѣ части одного логическаго цѣлаго живутъ самостоятельно и свободная воля баснописца торжествуетъ надъ обиднымъ для человѣка и стѣснительнымъ сцѣпленіемъ положеній и выводовъ.

Кузьма Прутковъ не менѣе великъ и искусенъ во всѣхъ родахъ лирики. Какъ Пушкинъ или Гете могли написать стихотвореніе въ любомъ стилѣ и въ духѣ любого поэта, такъ писалъ ихъ и Кузьма Петровичъ. Только зоицы могли назвать эти стихотворенія пародіями, такъ какъ зоицы бываютъ чѣмъ злѣе, тѣмъ необдуманнѣе. „Я никогда не писалъ пародій, — восклицалъ Прутковъ съ гордостью. — Откуда ты взялъ, будто я пишу пародіи? Я просто анализировалъ въ умѣ своемъ большинство поэтовъ, имѣвшихъ успѣхъ; —этотъ анализъ привелъ меня къ синтезису, ибо дарованія, разсыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмѣщенными во мнѣ единомъ“. И въ этихъ словахъ нѣтъ самохвальства.

Иногда въ двухъ, трехъ строфахъ Прутковъ умѣлъ схватить духъ писателя и его манеру. И не только творческая тайна современниковъ была ему вѣдома, — онъ улавливалъ и звуки поэзіи давно минувшей. Настоящія испанскія аллюры обнаружилъ онъ, напримѣръ, въ знаменитой балладѣ „Осада Памбы“ и въ стихотвореніи: „Тихо надъ Альгамброй дремлетъ вся натура“; большое и тонкое пониманіе древности показалъ онъ въ извѣстныхъ стихахъ: „Философъ въ банѣ“ и „Древней греческой старухѣ, еслибы она домогалась моей любви“. Нѣкоторое родство съ античной древностью обнаруживаетъ и стихотвореніе: „Изъ терпѣнья, Катерина, ты выводишь наконецъ“, — навѣянное, очевидно, Цицерономъ: „Quousque tandem, Catilina“.

Еще большимъ уваженіемъ къ таланту автора проникается читатель, когда отъ его лирики переходитъ къ его драматическимъ опытамъ. Прутковъ любилъ эту литературную форму и часто пользовался ею. Его можно съ полнымъ правомъ назвать новаторомъ въ этой области, такъ какъ имъ предвосхищенъ со всѣмъ особый родъ драматическихъ представленій, который лишь

въ наше время достигъ настоящаго расцвѣта. Конечно, Кузьма Петровичъ не смогъ сразу проявить всей своей оригинальности и есть у него драматическія произведенія, въ которыхъ замѣтна еще чужая манера. Такъ, иногда въ нихъ видны слѣды вліянія античной трагедіи и современнаго водевиля, мистерій Байрона и драматическихъ фантазій Тимофеева. Но главная его заслуга въ томъ, что онъ первый насадилъ у насъ истинную „символическую“ драму. Онъ самъ сознавалъ, что онъ созидаетъ нѣчто новое, и въ предисловіи къ своей мистеріи: „Опрометчивый турка, или пріятно ли быть внукомъ“, отъ лица извѣстнаго писателя, подъ которымъ естественно разумѣлъ себя самого, говорилъ: „Драматическими представленіями условились называть представленія, которыя бывають на театрахъ; представленія подраздѣляются на многія отрасли, какъ-то: на комедіи, трагедіи, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы. Мой товарищъ и я посвятили всю жизнь нашу и всѣ наши зрѣлыя лѣта на изобрѣтеніе новаго рода драматическаго представленія. Мы съ товарищемъ рѣшились назвать его, послѣ долгихъ соображеній,—скажу: страданій!— „естественно-разговорнымъ“ представленіемъ... Пора намъ, русскимъ, ознаменовать перевалившійся за другую половину девятнадцатый вѣкъ—*новымъ словомъ* въ нашей литературѣ... Нужно ли повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и наши зрѣлыя лѣта? Кромѣ того, я отказался для него отъ выгодной партіи съ дочерью купца Громова, уступивъ ее другому моему товарищу“. Въ этомъ предисловіи не все ясно: такъ, напр., роль, какую сыграла купчиха Громова въ исторіи развитія русской драмы, не опредѣлена съ точностью, да и слово „естественно-историческое представленіе“ — очень туманно. Ясно только одно, что Кузьма Петровичъ вполнѣ сознавалъ, что въ своихъ драматическихъ опытахъ онъ созидаетъ нѣчто „новое“. Онъ только не умѣлъ выразить словами, въ чемъ это новое заключается. Для насъ—современниковъ драмъ „мистическихъ“ и „символическихъ“, поэзій, какъ принято говорить, „декадентской“ — намъ тайна новаго слова въ драмахъ Пруткова извѣстна. Только улавливая ихъ „мистико-символическій“ смыслъ, въ нихъ можно прозрѣть кое-что съвоемъ капризнымъ поэтическій туманъ, заволакивающій ихъ основную идею. Иначе все въ нихъ—и дѣйствіе, и положенія, и лица—представится какъ чистѣйшая фантазмагорія, какъ торжество самой откровенной чепухи и бессмыслицы, которую Прутковъ—какъ мудрецъ и мыслитель—долженъ былъ ненавидѣть.

И дѣйствительно, каждая изъ пьесъ Пруткова ist nur ein

Gleichniss—символь, который посвящает либо общую трагедию жизни человеческой, либо какое-нибудь важное въ ней явленіе, надъ которымъ задумался авторъ.

Мистерія „Сродство мировыхъ силъ“, гдѣ дѣйствующими лицами являются ровная долина, великій поэтъ, высокій дубъ, звѣзда небесная, звѣзда орденская, душо, сова, веревка, полевая мышь, ночные часы, загробный міръ мелькомъ, альмавива..., т.-е., гдѣ царитъ полный хаосъ и смѣшаны всѣ элементы бытія, есть философская поэма съ пантеистическимъ смысломъ и съ этой вѣрой въ конечное установленіе порядка на мѣстѣ разрушенія. Эта, а не иная мысль выражена символически и въ образѣ поэта, который въ 60-хъ годахъ, въ вѣкъ потопа и труса, огня и глада и прочихъ реформъ, направленныхъ на униженіе поэзии и на дискредитированіе всѣхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,—рѣшилъ съ собой повончить, готовъ былъ повѣситься, стоя ногами на полномъ собраніи своихъ сочиненій, и былъ спасенъ ураганомъ, вырвавшимъ тотъ дубъ, на которомъ повисъ малодушный пессимистъ, не предусмотрѣвшій спасительнаго дѣйствія вихря, идущаго сверху.

„Опрометчивый турка“ не оконченъ и смыслъ его неясенъ, но очевидно, что драма должна была коснуться серьезнѣйшаго вопроса—о значеніи „неожиданностей“ въ жизни, судя потому, что главный ея интересъ сосредоточенъ 1) на нѣкоемъ Иванѣ Семеновичѣ—человѣкѣ очень самонадѣянномъ, который погубилъ свою карьеру и чуть-чуть что не жизнь, задумавъ похвастаться передъ начальствомъ своимъ умѣніемъ играть на скрипкѣ безъ каинфоли; и 2) на извѣстной г-жѣ Разорваки, у которой вдругъ совсѣмъ неожиданно объявился внучъ турецкаго происхожденія.

Граціознѣйшая оперетта „Черепословъ или френологъ“—написана собственно не Кузьмой Петровичемъ, а его отцомъ (а нынѣ только издана)—и это подтверждается общимъ ея легкомыслиемъ. Глубины въ ней нѣтъ никакой, и таинственный смыслъ вторженія гидропата Амалии фонъ-Курцгалопы въ домъ френолога Шишкентольма, равно какъ и неприличное поведеніе дочери френолога Лизы, которая, не дождавшись паданія театральной занавѣсы, раздѣвается и лѣзетъ въ купальный шкафъ—едва ли когда-нибудь будетъ разгаданъ.

Трудно уловима и основная идея знаменитой комедіи „Фантазія“, потерпѣвшей крушеніе на Александринской сценѣ. Кузьма Петровичъ придавалъ этой комедіи большое значеніе. Онъ былъ очень подавленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что представленіе ея на сценахъ было воспрещено по Высочайшему повелѣнію (9-го

января 1851 г.). „Публикѣ,—говорилъ онъ,—дозволено было видѣть эту комедію только *одинъ разъ*. А развѣ достаточно одного раза для оцѣнки произведенія, выходящаго изъ рядовыхъ? Сразу понимаются только явленія обыкновенныя, посредственность, пошлость. Едва ли кто оцѣнилъ бы Гомера, Шекспира, Бетховена, Пушкина, еслибы произведенія ихъ было воспрещено прослушать болѣе одного раза“. Прутковъ негодовалъ на публику и говорилъ, что она обязана была раскусить,—„между тѣмъ она вела себя легкомысленно, какъ толпа, хотя состояла наполовину изъ людей высшаго общества. Едва Государь съ явнымъ неудовольствіемъ изволилъ удалиться изъ ложи ранѣе конца пьесы, какъ публика стала шумѣть, кричать, шивать, свистать... Этого прежде не дозволялось! За это прежде наказывали!..“ Авторъ былъ обиженъ и тѣми ругательными рецензіями, которыя появились въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Пьесу, конечно, не поняли потому, что взглянули на нее простыми глазами. Естественность и обыденность сценировки, а именно дачная обстановка Аграфены Панкратьевны Чупурлиной, совсѣмъ реальныя фізіономіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Адама Либентали, Оемистокла Разорваки, Касьяна Батогъ-Батшева, Мартына Кутило-Завалдайскаго, Георгія Безпардоннаго и Оирса Миловичова, наконецъ необычайная простота завязки—шесть жениховъ и одна невѣста, которая должна достаться тому изъ нихъ, кто найдетъ сбѣжавшую собачонку ея маменьки, все заставляло публику предъявлять къ этой пьесѣ требованія строгаго реализма; и, конечно, глядя на всю ту неописуемую чепуху, которая происходила на сценѣ, публика могла считать себя обманутой. Но авторъ вовсе и не помышлялъ стоять на почвѣ трезваго реализма. Онъ имѣлъ въ умѣ нѣчто болѣе сложное и значительное, чѣмъ простую любовную канитель. На это указываетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что онъ пожелалъ, чтобы посреди сада, гдѣ происходитъ дѣйствіе, стояла бесѣдка очень узенькая въ видѣ будки и на ней флагъ съ надписью: „Что наша жизнь?“. Скрытая мысль автора проглядываетъ еще яснѣе въ странномъ желаніи заполнить сцену не только людьми, но и животными,—правда, очень благородными. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ, какъ извѣстно, моська съ ключкой „Фантазія“, моська, похожая на Фантазію, пудель, датскій догъ, собачка малаго размѣра и незнакомый бульдогъ. Такое обиліе собакъ не можетъ быть простой случайностью,—на что указываютъ, кромѣ того, и ихъ ключки, несомнѣнныя, какъ-то: „Фантазія“, „Утѣши-

тельный" и „Космополитъ“. Заслуживаетъ замѣчанія также, что всѣ эти собаки зачислены въ разрядъ дѣйствующихъ лицъ „безъ рѣчей“, а кучера, повара, ключницы и казаки, тоже дѣйствующие въ пьесѣ „безъ рѣчей“, — поименованы особо. На всемъ этомъ лежитъ печать какой-то символичности, которая въ свое время не ускользнула отъ вниманія театральнаго цензора. Желая, насколько это было въ его силахъ, помочь зрителю истолковать пьесу въ ея истинномъ символическомъ смыслѣ, онъ вычеркнулъ въ ней всѣ слова, которыя надлежитъ понимать всегда въ смыслѣ прямомъ, а не въ переносномъ, какъ-то слова: „князь“, „нѣмецъ“, „брандмейстеръ“, „серьезный чиновникъ“, „подчиненный“, „безстыдникъ“, „жандармъ“ и друг. И все-таки ключъ отъ этой „Фантази“ унесенъ Кузьмой Петровичемъ съ собой въ могилу!

Озадачилъ онъ читателя и еще въ одной пьесѣ, которая, къ сожалѣнiю, не попала въ полное собраніе его сочиненій. Пьеса эта — „Любовь и Силинъ“, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ — была напечатана въ сатирическомъ журналѣ „Развлеченіе“ въ 1861 г.¹⁾ Въ ней авторъ достигъ высшей степени иносказанія, и въ тому же умышленно пожелалъ отвести глаза читателю отъ истиннаго своего намѣренія. Онъ самъ увѣрялъ читателя, что „сюжетъ имъ заимствованъ изъ обыденной жизни“, но уже одинъ перечень дѣйствующихъ лицъ можетъ показать, сколь все въ этомъ твореніи необходимо и необычайно. Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, близъ каткомбъ (?). Драматическая завязка заключается въ томъ, что директоръ губернской мужской гимназиі усмотрѣлъ въ младшемъ классѣ нѣкѣмъ дотолѣ невиданнаго воспитанника Ванюшу, и на спросъ о немъ всѣ единогласно отзывались, что онъ — не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный финикъ. Это бы еще ничего, но этотъ самый финикъ оказывается древлянскаго происхожденія и притомъ сыномъ нѣвоей вдовы Кисловъ-звѣздовой — „нѣмой и страстной“, которая даръ слова можетъ получить только въ объятіяхъ любви... И съ этимъ можно было бы помириться; можно даже разобратъся въ странныхъ извивахъ мысли и замыслахъ русскаго дворянина Силина, который одержимъ страстью говорить по-французски, и потому проводить время въ зазубриваніи вокабулъ: „ломъ — человекъ“, „ламъ — душа“, „патисери — пирожное“, „просто серизъ — вишня“, но чего никто никогда не пойметъ, такъ это — вторженіе и въ безъ того запутанное дѣйствіе двухъ уроженцевъ благородной Гиншпаніи. Сильва донъ-Алонзо де-Мерзавецъ и его спутница, донна

¹⁾ „Развлеченіе“ 1861, № 18.

Ослабела, окончательно путаютъ всё расчѣты и соображенія самаго проніцательнаго комментатора.

Таковы заслуги Кузьмы Петровича передъ русской рѣчанной рѣчью—въ ея эпической и лирической формѣ—и таковы его попытки сказать новое слово со сцены.

XI.

Кузьма Петровичъ стяжалъ себѣ, помимо славы писателя, еще и большую извѣстность, какъ мыслитель. Мы обязаны ему, напр., изданіемъ цѣлой серіи историческихъ матеріаловъ, собранныхъ его дѣдомъ. Помимо силы чувствъ и свѣжести впечатлѣній, какія въ нихъ отмѣчаетъ ихъ издатель, они для историка Екатерининскаго царствованія весьма большое подспорье. Не то чтобы въ нихъ были отмѣчены какія-нибудь изъ ряда вонъ выходящія знаменательныя событія той эпохи,—нѣтъ. Дѣдъ Кузьмы Петровича собиралъ исключительно анекдоты. Но по этимъ анекдотамъ очень удобно судить о вкусахъ литературныхъ и иныхъ того времени; а извѣстно, что иногда любимый и ходячій анекдотъ эти вкусы лучше опредѣляетъ, чѣмъ сухое и добросовѣстное изслѣдованіе. Такъ, напримѣръ, придворная французская рѣчь, тогда столь распространенная, передана намъ удивительно образно въ репликахъ генераль-аншефа X, который передъ каждымъ изъ дому своего выѣздомъ, по нѣсколькѣ французскихъ реченій затверживалъ, вродѣ, напр.: „не плезантѣ жамѣ авекъ лѣ фамѣ донѣ лимажнаسیونѣ траваль“. Такъ же точно и ходкая тогда сентиментальная рѣчь ни въ одномъ романѣ не достигала такой законченности, какъ въ словахъ, съ которыми нѣкій швабъ обратился къ своей возлюбленной, когда она съ аппетитомъ ѣла жареную бекасину: „О! Амалія!—сказалъ онъ:—еслибъ я былъ бекасиномъ, то, уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями черезъ край переполнилъ бы“. Есть люди мало свѣдущіе, которымъ такіе анекдоты покажутся смѣшными, но серьезный историкъ ихъ оцѣнитъ.

Съ подобающей серьезностью должно отнестись и къ „мыслямъ и афоризмамъ“ самого Пруткова; совѣтъ этотъ, впрочемъ, излишенъ, такъ какъ эти „плоды раздумья“ нашего писателя давно оцѣнены по достоинству и къ нимъ привыкли относиться съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ цитируютъ мысли Власа Паскала, Ларошфуко, Ривароли, Лихтенбергера и другихъ всемірно извѣстныхъ „максимистовъ“.

Кузьма Петровичъ вполне оправдываетъ такое почетное родство. Его афоризмы блестятъ двумя неопѣненными качествами— глубиной мысли и необычайной ясностью выраженія. Нанижемъ нѣсколько такихъ жемчужинъ мысли на одну нитку — и какое спокойное и ясное міросозерцаніе передъ нами предстанетъ! „Полезнѣе пройти путь жизни, чѣмъ всю вселенную“; „Смерть для того поставлена въ концѣ жизни, чтобы удобнѣе въ ней приготовиться“; „Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?“; „Никто не обниметъ необъятнаго“; „Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія“; „Еслибы все прошедшее было настоящимъ, а настоящее продолжало существовать на ряду съ будущимъ, это былъ бы въ силахъ разобрать: гдѣ причины и гдѣ послѣдствія?“...

И между тѣмъ какая иногда попадаетъ пронизательность въ рѣшеніи труднѣйшихъ психологическихъ задачъ!— „Женатый повѣса воробью подобенъ“; „Не все стриги, что растеть“; „И устрица имѣетъ враговъ“; „Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начинять, то и носить въ себѣ“; „Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его—онъ растаетъ“; „Специалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонна“; „Любой фатъ подобенъ громогудкѣ“; „Дѣвицы вообще подобны пашкамъ: не всякой удается, но всякой желается попасть въ дамки“.

Наконецъ, нельзя же отказать въ большомъ общественномъ чутьѣ человѣку консервативнаго образа мыслей, который писалъ: „Не будь портныхъ,— скажи: какъ различилъ бы ты служебныя вѣдомства?“; „Камергеръ рѣдко наслаждается природою“; „На чужія ноги лосины не натягивай“; „Спокойствіе многихъ было бы надежнѣе, еслибы дозволено было относить всѣ непріятности на казенный счетъ“; „Чрезмѣрный богатъ, не помогающій бѣднымъ, подобенъ здоровенной кормилицѣ, сосущей съ аппетитомъ собственную грудь у колыбели голодающаго дитяти“...

Друзья Кузьмы Петровича, А. и В. Жемчужниковы и А. Толстой, обнаружили недостойную ихъ благороднаго сердца зависть, когда говорили, что ихъ пріятель былъ неучъ, зазнавшійся писатель, который любилъ командовать, не имѣя на то права.

Мы убѣдились, что Кузьма Петровичъ имѣлъ всѣ права занять самое почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности... а между тѣмъ съ нимъ случилась великая непріятность. Не только качества его ума и сердца, не только его слава, какъ писателя... но... но самое его существованіе въ мірѣ стало вдругъ почему-то подвергаться сомнѣнію...

потомъ ходилъ въ каждый пріемный день извиняться, пока тотъ его не выгналъ.

Утверждаютъ, что они въ день коронаціи Александра Николаевича распрягли лошадей у кареты испанскаго посланника (посланника тогда единственной дружественной намъ державы), прөвезли ее нѣкоторое пространство и затѣмъ бросили на произволъ судьбы.

Утверждаютъ, что одинъ изъ нихъ на пари остановилъ одного знаменитаго нѣмецкаго трагика, когда тотъ игралъ „Гамлета“; а именно, когда трагикъ началъ читать монологъ: „Sein oder nicht sein?“—Кузьма Прутковъ закричалъ ему изъ перваго ряда кресель: „Warten Sie!“—и сталъ рыться въ огромномъ словарѣ, желая знать, что значить слово „sein“.

Разсказываютъ, что въ одномъ публичномъ мѣстѣ, присутствуя при разговорѣ двухъ лицъ, которые спорили о вредѣ куренія табаку, на замѣчаніе одного изъ нихъ: „вотъ я курю съ дѣтства и мнѣ теперь шестьдесятъ лѣтъ“, Кузьма Прутковъ, не будучи съ нимъ знакомъ, глубокомысленно ему замѣтилъ: „а еслибы вы не курили, то вамъ теперь было бы восемьдесятъ“—чѣмъ повергъ почтеннаго господина въ большое недоумѣніе.

Много ходитъ подобнаго рода разсказовъ о продѣлкахъ Кузьмы Пруткова, продѣлкахъ невиннаго, но все-таки вызывающаго свойства. Совершалъ ли онъ ихъ на самомъ дѣлѣ, это намъ неизвѣстно, но на всѣхъ этихъ шалостяхъ лежитъ та же печать невиннаго шутковства, которое составляетъ отличительный признакъ и всѣхъ стихотвореній Кузьмы Петровича. Можно ли, однако, сказать, что стихотворенія Пруткова были только лишь шалостью?

XIV.

Стихи Пруткова писались сообща тремя друзьями иногда всѣми вмѣстѣ, иногда порознь, подъ однимъ псевдонимомъ. Уже въ 1874 г., А. Жемчужниковъ говорилъ, что долю участія каждаго изъ нихъ въ твореніяхъ Пруткова опредѣлить трудно ¹⁾.

Современемъ доля А. Толстого будетъ выдѣлена, но въ данномъ случаѣ это несущественно. Велика ли эта доля, или мала—все равно А. Толстой былъ участникомъ въ созданіи особаго жанра стихотворной шутки.

Этотъ жанръ имѣеть безспорную историческую цѣнность. Прежде всего—цѣнность необычайно оригинальную.

¹⁾ Письмо въ редакцію „Сиб. Вѣдомостей“ 1874 г., № 87.

Кузьма Прутковъ—unicum; у него нѣтъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей.

Въ дореформенное время было у насъ въ обращеніи немало стиховъ весьма игриваго свойства. Ходили по рукамъ необычайно умныя, убійственныя по своему удару эпиграммы и пародіи, иногда съ глубокимъ общественнымъ смысломъ. Пушкинъ былъ на нихъ большой мастеръ и имѣлъ достойнаго соперника въ князѣ Вяземскомъ. Обращались поэты съ этимъ оружіемъ осторожно, съ расчетомъ, вполне зная ему цѣну. Ихъ „вольные“ стихи всегда мѣтили въ серьезную цѣль, перелетая черезъ цензурную преграду. Серьезность такихъ стихотвореній нисколько не умалялась той циничной приправой, на которую авторы иногда не скупились. Существовалъ въ дореформенное время и чисто циничный родъ легкихъ стихотвореній. Имъ не брезгали ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ. Наконецъ встрѣчалась и сатира нравовъ, тоже въ очень легкой формѣ, и большимъ мастеромъ такой сатиры былъ извѣстный Мятлевъ.

Со всѣми этими видами острой и игривой шутки стихи Кузьмы Пруткова не имѣютъ ничего общаго.

О политической тенденціи у Пруткова нѣтъ и помину, и игривость его и вольность совсѣмъ не подходятъ подъ понятіе цинизма. У Пруткова нѣтъ ничего боевого, ничего строго продуманнаго,—какъ нѣтъ ничего грубаго и сальнаго. Его шутка совсѣмъ безъ всякой тенденціи, шутка, построенная на алогичномъ, иногда бессмысленномъ, сплетеніи мыслей и чувствъ чловѣческихъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ она возникла и въ началѣ шестидесятихъ замолкла, уступивъ свое мѣсто обличительной сатиры въ стихахъ, на которую она также совсѣмъ не похожа.

Творенія Пруткова остались въ литературѣ какъ единичный памятникъ, связанный съ извѣстнымъ историческимъ моментомъ, и очевидно, что эта связь была не случайная, хотя сами творцы этихъ стихотвореній о ней, можетъ быть, и не думали. Они упорно утверждали, что въ ихъ шуткахъ нѣтъ ничего серьезнаго, что они „въ виду“ ничего не имѣли, кромѣ шутки. Этому можно повѣрить, нисколько не умалая значенія того факта, что ихъ шалости оказались характернымъ проявленіемъ русскаго остроумія въ самое глухое время—наванунѣ боевого и гласнаго обличенія.

Въ дни заката Николаевскаго режима, который былъ, или долженъ былъ быть, выраженіемъ строжайшаго порядка и дисциплины, въ годы, когда все должно было совершаться „съ дозво-

ленья“, въ періодъ полнаго торжества благоправія—ворвалась въ русскую литературу эта струя задорнаго, бѣшенаго веселья и шутовства.

Шутники ни на кого и ни на что не намекали, никакихъ пародій съ намеками и сатиръ съ обличеніемъ не писали, никакой даже косвенной критики переживаемаго историческаго момента себѣ не позволяли и обнаружили съ полной откровенностью только одну способность—шутовское, озорническое отрицаніе всякаго порядка въ мозгахъ и чувствахъ. Поставить здравый смыслъ вверхъ дномъ, съ серьезнымъ видомъ нести неопируемую чепуху, играть на баламбурахъ, подрывать довѣріе къ естественному теченію вещей, кувыряться въ сужденіяхъ—вотъ что нравилось этимъ остроумнымъ людямъ въ моментъ, когда всѣ кругомъ только и думали о томъ, какъ бы помолчать, выразиться поосторожнѣе, не нарушить этикета и движеніями своими не подать повода заподозрить ихъ въ намѣреніи нарушить общественную тишину и порядокъ. Кузьма Прутковъ шутилъ, озорничалъ, гаерничалъ, паясничалъ и не замѣчалъ самъ, что онъ—историческая фигура.

Но не успѣлъ онъ вдоволь напалиться, какъ такому беззаботному, самодовольному, самолюбующемуся веселію уже не было мѣста въ жизни. Кузьма Петровичъ понялъ это и засѣлъ за „Проектъ объ установленіи единомыслія въ Россіи“. Онъ помирился съ тѣмъ, что молодость его прошла—и что повторяться ей не слѣдуетъ...

Н. Котляревскій.

ИЗЪ
ДНЕВНИКА
НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ

1878-ой годъ.

1-ое января — 17-ое апрѣля.

Окончаніе.

V *).

17 марта—17 апрѣля.

17 марта.— По возвращеніи нашемъ вчера изъ Стамбула въ Санъ-Стефано, уже поздно вечеромъ, были получены двѣ шифрованные телеграммы князя Горчакова, на французскомъ языкѣ, которыя привожу въ переводѣ:

1) „Весьма секретными путями мы ознакомились съ перепискою англійскаго адмиралтейства и адмирала Горбни, отъ 14-го до 17-го февраля новаго стilia. Адмиралтейство предлагаетъ адмиралу обратить особое вниманіе на проливы и зорко слѣдить за всякими попытками погруженія минъ и т. п.; спрашиваетъ, достаточны ли его силы для уничтоженія береговой артиллеріи. Горбни отвѣчалъ утвердительно насчетъ русскихъ и отрицательно на тотъ случай, если турки обратятъ свои береговныя батареи противъ англичанъ; Галлипольскую позицію считаетъ весьма слабою и безъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ совершенно необезпеченною.

2) „Въ виду дружественности свиданія Вашего Императорскаго Высочества съ султаномъ и телеграммы Нелидова о томъ, что положеніе улучшается—Государь желаетъ, чтобы вы настояли на предьявленіи Портою энергическаго требованія Лондону объ удаленіи эскадры изъ Мраморнаго моря. Турецкое правительство должно сознать необходимость разсвѣтъ впечатлѣніе двусмысленности своего поведенія и доказать намъ на дѣлѣ, что оно рѣшилось дѣйствовать съ нами заодно“.

Это и есть та телеграмма, по которой требуется немедленное исполненіе. Но можно опасаться, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Какая выгода туркамъ ссориться съ Англіей и становиться на нашу сторону? А еслибъ даже турки исполнили наше требованіе—развѣ англичане ихъ послушаютъ? Едвали полезно предьявлять такія неисполнимыя требованія.

Зайдя утромъ къ Великому Князю, я узналъ, что онъ уже отвѣтилъ на вчерашнюю телеграмму Государя шифромъ:

„Телеграмму Горчакова получилъ. Объ этомъ мною уже говорено съ султаномъ и Реуфомъ; буду настаивать на этомъ. Сегодня, по случаю пятницы, лично видѣть султана не могу“.

Завтра опять ѣдемъ въ Константинополь.

Около 6 ч. вечера получена полушифрованная телеграмма Государя отъ 4^{1/2} ч. дня:

„Вчерашнія твои двѣ телеграммы и сегодняшнюю шифрованную получилъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдствій. Изъ Вѣны еще не получилъ рѣшительнаго отвѣта. Лордъ Дерби вышелъ изъ министерства: его замѣнилъ Салисбюри, весьма намъ враждебный. Сожалѣю весьма, что тебѣ опять нездоровится. Смотри мои запасныхъ частей гвардіи остался весьма доволенъ“.

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 8 ч. 40 м. вечера:

„Благодарю за телеграмму. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Вѣны. Радуюсь, что ты остался доволенъ гвардейскими запасными баталіонами. Здѣсь пока новаго ничего“.

18 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Отплыли изъ Санъ-Стефано въ 10 ч. утра и около 11^{1/4} ч. стали на якорь въ Золотомъ-Рогѣ. Великій Князь не велѣлъ поднимать свой брейтъ-вымпель, чтобъ англичане не могли повторить враждебную демонстрацію (см. 16 марта). Погода—восхитительная; видъ на Константинополь и Скутари, съ Золотымъ-Рогомъ и Босфоромъ—волшебный.

Великій Князь и съ нимъ нѣкоторые лица свиты отправи-

лись къ принцу Рейссу; я туда не былъ приглашенъ, такъ какъ, по незнакомію этикета, не росписался у него 14-го марта, когда Великій Князь ѣздилъ съ официальнымъ визитомъ. А такъ какъ Великій Князь рассчитывалъ остаться весь день на берегу для бесѣды съ султаномъ и его министрами, то я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы погулять по Константинополю. Почти весь день прогуляли большою компаніей.

Вечеромъ Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ султаномъ слѣдующее:

Наисекретнѣйше. Желаніе твое исполнено. Султанъ, Реуфъ и даже Вефикъ общають послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на то, что и наши войска уходятъ. Но для облегченія возможности этого заявленія, основаннаго на явной отправкѣ моремъ, я рѣшился взять на себя отправить изъ Санъ-Стефано въ Одессу подольскій полкъ съ четырехфунтовою батареею. Кромѣ того, выведены уже изъ Болгаріи: весь 11-й корпусъ, бригада 36-й пѣхотной дивизіи, бригада кавалеріи и на походѣ: бригада саперъ, 1-я кавалерійская дивизія, 1-я донская дивизія и три казачьихъ полка. Для успѣха дѣла султанъ просилъ строжайшаго секрета о вышесказанныхъ соглашеніяхъ. Прошу тебя очень принять мѣры, чтобы слухъ о предстоящемъ заявленіи преждевременно не распространился.

Хитрость, шитая бѣлыми нитками! Наивно воображать, что англійская эскадра удалится восвояси по случаю отбѣзда въ Россію одного полка съ батареею! Что касается турокъ, то имъ ничего не стоитъ попросить англичанъ уйти. Наше желаніе будетъ исполнено, а англичане все равно не уйдутъ.

Радецкому еще въ 3 часа послано самимъ Великимъ Княземъ приказаніе отправить подольскій пѣхотный полкъ, и вечеромъ получена отъ него изъ Чатаджи отвѣтная телеграмма: полкъ вмѣстѣ съ 6-ою батареею 14-й артиллерійской бригады выступаетъ 20-го и прибудетъ въ Санъ-Стефано 21-го послѣ полудня. Будетъ имѣть при себѣ шестидневный запасъ сухарей и патроны во въюкахъ, а изъ обоза — только денежный ящикъ и аптечную двуволку.

Вечеромъ же получена шифрованная телеграмма военнаго министра отъ 10 ч. 20 м. вечера 17-го:

„Государь Императоръ изволить находить необходимымъ на случай занятія Босфора перевезти изъ Россіи орудія большого калибра, въ особенности мортиры. Его Величество увѣренъ и

зародился въ головѣ Обручева и внушенъ Государю черезъ военнаго министра ¹⁾.

Но даже и теперь Великій Князь не рѣшается высказаться безъ обиняковъ. Онъ отвѣчалъ (въ 6 ч. вечера) въ слѣдующихъ уклончивыхъ выраженіяхъ:

„Шифрованную телеграмму получилъ. Все будетъ принято въ свѣдѣнію и буду дѣйствовать по обстоятельствамъ“.

Въ началѣ этой же телеграммы Великій Князь благодарилъ Государя за пожалованіе георгіевскаго штандарта лейбъ-гвардіи драгунскому полку, а въ заключеніе упомянулъ, что былъ сегодня на крестинахъ у принца Рейсса. Такимъ образомъ, отвѣтъ на сугубо-важное и совершенно-неисполнимое повелѣніе былъ данъ какъ бы между прочимъ.

Ровно черезъ два часа по отправленіи этого отвѣта (въ 8 ч. веч.), была получена телеграмма Государя отъ 6^{1/2} ч. сего вечера:

„Двѣ шифрованныя телеграммы твои отъ 18-го получилъ сегодня. Не полагаю, чтобы амбаррація одного полка произвела какое-либо давленіе на англичанъ. Дальнѣйшую отсылку войскъ отнюдь не допускаю. Вчерашняя моя шифрованная телеграмма ²⁾ должна служить тебѣ руководствомъ. Увѣдомь, когда все будетъ готово для дѣйствія. Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе десантныхъ англійскихъ войскъ“.

Почти одновременно были получены двѣ телеграммы отъ военнаго министра и одна отъ князя Горчакова, всѣ три шифрованныя и отъ сегодняшняго числа. Вотъ онѣ:

1) „Телеграммою 7-го марта, № 1206, я имѣлъ честь спрашивать: имѣется ли при арміи достаточно динамита и другихъ средствъ, нужныхъ для срытія Дунайскихъ крѣпостей. Благоволите приказать кому слѣдуетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить: какія сдѣланы распоряженія для скорѣйшаго срытія крѣпостей. Также крайне необходимо ускорить очищеніе Шумлы, Варны и Батума. Главнокомандующій кавказскою арміей съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода турокъ изъ Батума. Не изволите ли признать возможнымъ назначить туркамъ крайній срокъ. № 1424“.

¹⁾ Великій Князь оказался совершенно правъ. Слуста 2—3 года по окончаніи войны, я имѣлъ случай *убѣдиться*, что именно эта телеграмма составлена на основаніи особой записки, поданной Обручевымъ. Нѣкоторыя выраженія Высочайшей телеграммы буквально заимствованы изъ этой записки, такъ что надо думать, что и самая телеграмма составлена Обручевымъ и черезъ военнаго министра представлена къ Высочайшему подписанію.

²⁾ Т.-е.—та телеграмма, которая получена сегодня въ 2 ч. 40 м. дня.

2) „На случай, если Ваше Высочество признаете необходимымъ, для защиты Босфора, доставить орудія большихъ калибровъ — разрѣшено генералу Семенову отправить требуемое число пушекъ и мортиръ съ вооруженія Керчи; въ особенности будутъ полезны мортиры девятидюймовыя. — Милютинъ“.

Точно мы не въ Турціи, а въ нашемъ Константинопольскомъ военномъ округѣ, гдѣ можемъ распоряжаться на всей своей волѣ!

3) (Переводъ съ французскаго). „По слухамъ изъ Аонія, отъ 18-го марта новаго стѣля, планъ англичанъ слѣдующій: 1) захватъ Буларскихъ укрѣпленій на Галлипольскомъ полуостровѣ шестью броненосцами, съ обѣихъ береговъ; 2) высадка въ Измидѣ съ цѣлью занять азіатскія укрѣпленія Босфора. — Горчаковъ“.

Захватить Буларскія укрѣпленія мы могли безъ выстрѣла еще во второй половинѣ января и собирались это сдѣлать, не теряя ни минуты. Не наша вина, что это не было исполнено. А теперь — то же самое собираются сдѣлать англичане, и мы имъ помѣшать не можемъ. Горько и обидно!

Весь вечеръ и часть ночи я отводилъ душу въ письменной бесѣдѣ съ женой. Можетъ быть, читатели не посѣтуютъ на меня за буквальную выписку изъ этого письма отъ 19-го марта:

„Въ заключеніе, мнѣ необходимо разъяснить одно серьезное недоразумѣніе. Ты укоряешь меня за то, что я въ пользу уступокъ: это не совсѣмъ такъ. Я въ пользу послѣдовательной, твердой, ясной политики и противъ того виланья, которымъ мы занимаемся все это время, какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь. Еслибъ ты прослѣдила по моимъ письмамъ весь ходъ переговоровъ съ начала января и обобщила бы мои сообщенія, то ты сама убѣдилась бы въ нашемъ стремленіи „и капиталъ приобрѣсти, и невинность соблюсти“. Безпредѣльная наглость англичанъ безспорна, но мы сами, своею непослѣдовательностью, дали имъ возможность создать искусственный призракъ оправданія своему поведенію, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своего, англійскаго, общественнаго мнѣнія.

„Политика должна быть или послѣдовательно-смѣлая, вполне готовая дать отпоръ оружіемъ всякимъ притязаніямъ, справедливымъ и несправедливымъ, смѣло глядящая въ глаза новой войнѣ; или же — умѣренная, осторожная, избѣгающая какъ возбужденія бесполезнаго раздраженія, такъ и умаленія собственнаго достоинства. У насъ же хотѣли сочетать оба способа дѣйствій и, конечно, потерпѣли фіаско, — а теперь принуждены, противъ воли, идти навстрѣчу новой войнѣ.

„Еслибъ мы слѣдовали *первому способу*, то надо было, не

обращая никакого вниманія на представленія и общанія Англіи, занять съ самаго начала Галлиполи и устроить тамъ какъ можно послѣднѣе береговыя батареи. Хотя и очень мудрено, дѣйствуя только съ берега, удержать непріятельскій флотъ, твердо рѣшившійся прорваться черезъ Дарданеллы,—но англичане сильно призадумались бы рискнуть на это. Затѣмъ: требованіе допустить посадку войскъ на суда въ Босфоръ слѣдовало включить условіемъ въ мирный договоръ, ибо удобство этой посадки для возвращенія въ Россію можно и должно было предвидѣть. Тогда намъ не пришлось бы мириться съ отказомъ султана допустить насъ въ Буеадзре, отказомъ, открыто вынужденнымъ Англіей.

„Слѣдуя второму способу, т.-е. желая избѣгнуть войны (возобновленіе которой, по глубокому убѣжденію, считаю величайшимъ бѣдствіемъ),—не надо было гоняться за призраками, т.-е. не двигаться безостановочно до береговъ Мраморнаго моря, а стать на той границѣ, которая заранѣе была нами предначертана, и объявить твердую свою рѣшимость не уходить, пока всѣ наши требованія не будутъ удовлетворены сполна.

„Первый способъ—рискованный, но имѣвшій шансы на успѣхъ; второй способъ—вполнѣ соответствующій нашему дѣйствительному положенію и дѣлающій насъ, въ случаѣ войны съ Англіей, неуязвимыми.

„Мы же пускали въ ходъ, порывами и скачками, оба способа. Сами ничего не достигли, во всѣхъ заронили недоувѣріе къ себѣ, а Дизраэли, Лейарду и К^о дали поводъ вооружать противъ насъ общественное мнѣніе Англіи, которое, до взятія Адрианополя включительно, было положительно на нашей сторонѣ, т.-е. — противъ войны съ нами. При этомъ мы поставили себя въ напрасную необходимость отстаивать невыгодное для насъ же самихъ положеніе и обратили въ вопросъ народной чести такую неразрѣшимую задачу, какъ защита Босфора отъ прорыва англійскаго флота въ Черное море.

„Я настаиваю на томъ, что мы сами, своею необдуманностью и непослѣдовательностью, а въ особенности нашими дипломатическими приемами, поставили себя въ теперешнее невыносимое положеніе. Не будь санъ-стефанскаго „предлиминарнаго“ мира (слово-то какое противное!)—намъ не пришлось бы теперь возиться съ наглыми англійскими притязаніями.

„Къ рѣшительнымъ мѣрамъ для огражденія себя отъ нихъ мы прибѣгаемъ только теперь, когда уже слишкомъ поздно, и то не прямо, а какъ-то бочкомъ.

„Итакъ, пойми меня: по существу, между нами нѣтъ разно-

гласія. Я вовсе не въ пользу уступокъ во что бы ни стало: я стою лишь всегда въ пользу мира, и сердился, когда мы, увлекаемые какимъ-то рвомъ, дѣлали все возможное для возбужденія новой войны, сами того не желая и при самой невыгодной для насъ обстановкѣ. Сжѣлая, рѣшительная политика была бы мнѣ по сердцу, еслибы она велась послѣдовательно и стремилась къ созданію выгодныхъ заручекъ на случай новой войны. Меня приводили и приводятъ въ бѣшенство и отчаяніе — наши переговоры отъ борзятничества къ робости и нерѣшительности.

„Въ томъ вычищенномъ и вылизанномъ видѣ, въ которомъ дипломатическіе переговоры и пререканія попадаютъ въ печать теперь (обрывками) и попадутъ въ исторію впоследствии, они, конечно, не производятъ и не произведутъ того впечатлѣнія, какое производятъ теперь на меня, знающаго всю ихъ бессвязность и бессистемность во всей подробности. Да и слава Богу: ужъ если намъ суждена новая война, то пусть лучше публика остается убѣжденною въ нашей правотѣ. Это убѣжденіе будетъ источникомъ новыхъ силъ духа, столь необходимыхъ для предстоящаго тяжкаго испытанія.

„Я совершенно съ тобой согласенъ, что если будетъ новая война, то конецъ ея, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ уже концомъ настоящимъ. И еще я глубоко убѣжденъ, что этотъ „настоящій конецъ“ будетъ еще болѣе благотворно-освѣжающею грозою для отечества, чѣмъ была крымская война“...

20 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Сегодняшній день — несчастный для Великаго Князя, а по закону отраженія — и для всѣхъ насъ, къ нему приближенныхъ. Утромъ, около половины двѣнадцатаго, получена слѣдующая гнѣвная телеграмма Государя отъ 10 ч. 20 м. сего утра:

„Отвѣтъ твой ¹⁾ на шифрованную телеграмму мою отъ 18-го полученъ вчера вечеромъ, во время инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ настраивающе. Повторяю тебѣ мое приказаніе объ отправленіи сюда всего моего сводногвардейскаго конвоя при первой возможности“.

Что Государь сильно разгнѣванъ — доказывается тѣмъ, что онъ не призналъ даже нужнымъ зашифровать столь рѣзкій разговоръ своему брату. Тяжесть царской немилости еще болѣе усугубляется тѣмъ, что телеграмма послана не вчера, подъ пер-

¹⁾ См. выше, 19-го марта.

вымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а сегодня утромъ, слѣдовательно — по достаточномъ размышленіи, а быть можетъ и по чьему-либо недоброжелательному внушенію.

Понятно, что Великій Князь былъ глубоко потрясенъ и огорченъ. Тотчасъ же по полученіи этой депеши, онъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующій отвѣтъ:

„Крайне огорченъ твоею телеграммою отъ 20-го числа утра. Увѣренъ, что ты никогда не сомнѣвался, что я свято всегда исполняю твои приказанія, но исполненіе обезоруженія стотысячной турецкой арміи и флота считаю положительно вещь невозможною. Требованіе это въ минуту, когда турки могутъ объявить желаніе быть нейтральными, возбудитъ вновь ихъ ненависть къ намъ и неминуемо заставитъ перейти на сторону Англіи. Вотъ почему я сказалъ, что буду приказаніе это имѣть въ виду, потому что противъ совѣсти нахожу сказать тебѣ, что исполню вещь, которую по ходу теперешнихъ дѣлъ вижу невозможнымъ исполнить“.

Не прошло и десяти минутъ послѣ отправки этой телеграммы, какъ глубоко взволнованный Великій Князь написалъ и приказалъ зашифровать вторую телеграмму Государю слѣдующаго содержанія:

„Телеграмму твою отъ 18-го числа принялъ пока только къ свѣдѣнію потому, что для точнаго исполненія встрѣчаю огромныя мѣстныя препятствія, изложеніе которыхъ изготавляемъ уже тебѣ письменно. Повторяю высказанное въ донесеніяхъ и телеграммахъ, что на полное содѣйствіе турокъ надѣяться еще не могу. Въ случаѣ же ихъ нейтралитета, могу ожидать лишь пассивнаго допущенія занять стратегическіе пункты на Босфорѣ, а на обезоруженіе стотысячной арміи и сильнаго флота Порта никогда не согласится. Впрочемъ, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія турокъ будутъ зависѣть отъ развитія политическихъ и военныхъ событій, то выраженную тобою волю буду имѣть въ виду для руководства. Конвой отправлю немедленно“.

Пришлось-таки высказаться напрямки! Но, вѣжета, слышюмъ поздно! Государь, очевидно, уже усвоилъ себѣ неисполнимый планъ, и переубѣдить его теперь и думать нечего.

21 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Вчерашній злополучный день какъ начался, такъ и кончился. Вчера же поздно вечеромъ

Великій Князь получилъ телеграмму Государя отъ 6¹/₂ ч. вечера вчерашняго дня:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму ¹⁾ получилъ сегодня утромъ. Николаша прибылъ благополучно. Ничего не имѣю прибавить къ тому, что сказано въ послѣднихъ двухъ шифрованныхъ телеграммахъ: надѣюсь, что все будетъ исполнено, какъ я желаю. Скажи откровенно: здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміей съ должною энергіей, которая теперь необходима, чѣмъ когда-либо? Нельзя ли воспользоваться портомъ Килии для подвоза артиллеріи“ ²⁾.

На это Великій Князь отвѣчалъ:

„Пока силы есть и я тебѣ нуженъ, буду работать до послѣдняго издыханія. Желалъ бы только, чтобъ силы не измѣнили, и если только мало-мальски дѣла поправятся, Богъ дастъ, къ лучшему,—прошу дозволить мнѣ тогда вернуться, чтобъ отдохнуть. Сегодня съ фельдгеремъ посылаю записку о теперешнемъ тутъ положеніи, разъясняющую, что возможно и чего нельзя, въ виду настоящихъ отношеній къ туркамъ, дѣлать“.

Отправивъ эту телеграмму и составивъ письмо и донесеніе Государю, Великій Князь замѣтно повеселѣлъ: сколько я его понимаю — оттого, что наконецъ рѣшился высказаться безъ окованностей. Вотъ то донесеніе, вызванное исключительно телеграммою Государя отъ 18-го марта и заключающее въ себѣ подробный на нее отвѣтъ:

„В. И. В.! Одобряя мои соображенія, изложенныя въ письмѣ отъ 9-го марта, В. И. В. въ шифрованной депешѣ изволили указать мнѣ руководящія основанія для предстоящихъ дѣйствій. Я употреблю всѣ усилія, чтобы въ точности выполнить волю В. И. В., но считаю долгомъ высказать мои соображенія относительно порядка и средствъ для приведенія ея въ исполненіе.

„Для полнаго утвержденія нашего на Босфорѣ необходимо занять оба берега пролива и положить въ немъ минныя загражденія. Занятіе европейскаго берега болѣе или менѣе обезпечено, всѣ средства для этого приготовлены и армія, собранная подъ Константинополемъ, находится въ полной готовности двинуться впередъ по первому приказанію. Но, какъ я уже изложилъ въ моемъ письмѣ, начало движенія нашихъ войскъ впередъ будетъ сигналомъ къ разрыву съ Англіей, а потому оно должно

¹⁾ См. 19-го марта, утромъ.

²⁾ Курсивомъ напечатаны зашифрованныя слова.

быть предпринято или на основаніи прямого повелѣнія В. И. В., или при открытіи враждебныхъ дѣйствій Англіей, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и попытку ея флота вступить въ Босфоръ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ я употреблю всѣ усилія, чтобы прибыть къ Босфору какъ можно быстрее и чтобы успѣть заложить загражденія прежде, чѣмъ придетъ туда англійскій флотъ ¹⁾. Но, несмотря на это, нельзя упускать изъ виду, что флотъ можетъ прибыть къ Босфору раньше нашихъ войскъ, такъ какъ имъ нужно сдѣлать около 40 верстъ и употребить на это около 1¹/₂ сутокъ, а англійскому флоту отъ Принцевыхъ острововъ — нѣсколько часовъ. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ мнѣ утвердиться на берегу, и я надѣюсь исполнить это въ самое короткое время, если только не встрѣчу сопротивленія со стороны турокъ.

„Вмѣстѣ съ началомъ движенія нашихъ войскъ, моряки начнутъ укладывать минныя загражденія. Минны готовы и въ достаточномъ числѣ находятся на военныхъ судахъ; однако я сомнѣваюсь, чтобы моряки наши, несмотря на всѣ ихъ усилія и самоотверженіе, успѣли заградить проливъ до прихода непріятельскаго флота; производство же работъ подъ огнемъ броненосныхъ судовъ — немислимо. При всемъ томъ это не лишаетъ меня надежды устроить загражденія впоследствии, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ и орудій, когда они утвердятся на берегу; однако я не могу не признать, что тогда предпріятіе будетъ болѣе затруднительно и успѣхъ не вполне вѣрнымъ.

„Переправа нашихъ войскъ на азіатскій берегъ можетъ быть исполнена только тогда, когда будетъ устроено надежное загражденіе пролива и будетъ увѣренность, что проходъ по немъ броненосцевъ невозможенъ: иначе—положеніе переправившихся войскъ будетъ крайне опасно. Кромѣ того, переправа войскъ возможна будетъ только тогда, когда будетъ собрано въ проливъ такое число судовъ, которое могло бы поднять, примѣрно, около дивизіи пѣхоты съ артиллерією; но какъ приводъ нашихъ судовъ, такъ и наемъ ихъ на мѣстѣ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда загражденіе пролива будутъ исполнено.

„Такимъ образомъ, успѣшность переправы черезъ проливъ и занятіе азіатскаго берега будетъ вполне зависѣть отъ успѣшности устройства миннаго загражденія. Будутъ ли названныя дѣйствія

---

¹⁾ Дѣло совершенно неисполнимое, хотя генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Поповъ и считаетъ это возможнымъ. Я не разъ высказывалъ Великому Князю, что на мины надѣяться нельзя, но понятно, что онъ вѣритъ больше адмиралу, чѣмъ мнѣ.

успѣшны или нѣтъ, — для противодѣйствія броненосцамъ и для упроченія нашего положенія на Босфорѣ полезно имѣть орудія большого калибра. Я уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по этому предмету и полагаю доставить эти орудія съ Дуная изъ имѣющихся у меня осадныхъ средствъ. Но я долженъ заявить В. И. В., что доставка этихъ орудій въ Босфоръ, а тѣмъ болѣе выгрузка ихъ на берегъ, возможны только при совершившемся разрывѣ, потому что, при настоящихъ натянутыхъ обстоятельствахъ, одинъ фактъ доставки въ Босфоръ и выгрузки на берегу его или на берегу Чернаго моря, вблизи Босфора, орудій большого калибра — послужитъ поводомъ къ такому разрыву въ такой же степени, какъ попытка закладывать нынѣ мины, или движеніе нашихъ войскъ къ Босфору. Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что для совершеннаго наготовленія большихъ орудій къ отправкѣ потребуется не менѣе двухъ недѣль.

„Ко всему сказанному необходимо принять въ соображеніе наши отношенія къ Турціи. Въ предыдущемъ письмѣ я высказалъ предположеніе, что въ случаѣ разрыва съ Англійей Турція не станетъ на нашу сторону. Въ настоящее время я только могу подтвердить это предположеніе. Она, по всей вѣроятности, объявитъ себя нейтральною; при этомъ я надѣюсь достигнуть того, что она не помѣшаетъ мнѣ занять важныя стратегическія пункты. Рассчитывать на большее я не имѣю никакихъ основаній, и полагаю, что если я предъявлю Турціи тѣ требованія, которыя указываются В. И. В., т.-е., чтобъ она допустила насъ занять укрѣпленія европейскаго берега Босфора, чтобъ она распустила армію, собранную у Константинополя, разоружила бы свои суда, находящіяся на Черномъ морѣ, и отвела ихъ въ порты, которые ей будутъ нами указаны, — она отвѣтитъ отказомъ. Я даже увѣренъ, что если буду настаивать на исполненіи этого требованія, то Турція, поставленная въ безвыходное положеніе, подъ давленіемъ съ одной стороны нашихъ угрозъ, а съ другой — обещаній Англии, — открыта станетъ на ея сторону.

„Резюмируя все сказанное, я могу обрисовать положеніе такъ:

„Занятіе европейскаго берега Босфора почти обезпечено. Быстрое занятіе его можетъ совершиться только полевыми войсками и полевыми орудіями. Перевозка моремъ и постановка на берегу орудій — сомнительны. На загражденіе пролива минами, несмотря на всѣ наши усилія, исполнѣнъ рассчитывать нельзя. На связанное съ этимъ утвержденіе на азіатскомъ берегу — еще менѣе слѣдуетъ рассчитывать. Въ случаѣ разрыва съ Англійей — нельзя считать Турцію нашею союзницею: она, по всей вѣроят-

ности, будетъ нейтральною. Въ требованіяхъ нашихъ: уступить укрѣпленія Босфора, распустиить армію, разоружить суда, находящіяся въ Черномъ морѣ, и отвести ихъ въ указанные нами порты — Турція откажетъ. Если же я буду настаивать на непремѣнномъ исполненіи этого требованія — Турція станетъ въ открыто-враждебное намъ положеніе и применитъ въ Англіи.

„Я считаю необходимымъ остановиться на этомъ послѣднемъ обстоятельстве.“

„Потребовавъ категорическаго отвѣта на указанное требованіе, надо быть готовымъ, чтобы, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, немедленно объявить Турціи новый разрывъ и открыть немедленно же военныя дѣйствія, съ цѣлью попытаться разбить собранную у Константинополя армію прежде прибытія англійскаго десанта. Имѣя въ виду, что такой поступокъ намъ будетъ выставленъ нашими врагами какъ вѣроломство, онъ неминуемо повлечетъ за собою разрывъ не только съ Турціей, но и съ Англіей, а можетъ быть и съ Австріей. Поэтому на такое рѣшительное дѣйствіе, могущее повлечь объявленіе войны Турціи, Англіи, а можетъ быть и Австріи — мнѣ необходимо получить отъ В. И. В. особое повелѣніе и полномочіе.“

„Если же нежелательно уничтожить всякую вѣроятность мирнаго исхода изъ настоящаго положенія, то нужно продолжать веденіе переговоровъ и сношеній съ Турціей съ крайнею осторожностью, и тогда останется еще надежда привлечь ее на нашу сторону, въ особенности если мы сдѣлаемъ въ ея пользу нѣкоторыя уступки.“

„Изложивъ съ полною откровенностью мои взгляды, я, въ виду указаній В. И. В. на то, чтобы я избѣгалъ рискованныхъ предпріятій, счелъ необходимымъ испросить окончательныхъ повелѣній В. И. В., которыя будутъ свято приведены въ исполненіе по мѣрѣ моихъ силъ и способностей“.

Кромѣ этого официальнаго донесенія, Великій Князь заготовилъ еще Государю собственноручное письмо, содержаніе котораго, конечно, мнѣ неизвѣстно. Но, судя по разговорамъ Великаго Князя, котораго я достаточно изучилъ для того, чтобы по нѣкоторымъ отрывочнымъ словамъ догадываться о главномъ направленіи его мыслей, — я думаю, что письмо отвѣчаетъ главнымъ образомъ на поставленный Государемъ вопросъ: способенъ ли Великій Князь, по состоянію силъ и здоровья, на энергическія дѣйствія въ смыслѣ Высочайшихъ указаній. Вопросъ этотъ, подвергая сомнѣнію способность Великаго Князя исполнять царскія

указанія, глубоко задѣлъ его за живое. Написавъ отвѣтъ, онъ, однако, видимо успокоился.

Въ исходѣ второго часа дня, Великій Князь перешелъ съ „Ливадіи“ на паровой катеръ, приказавъ „Ливадіи“ оставаться въ Золотомъ-Рогѣ впредь до его возвращенія черезъ день или черезъ два. Его сопровождали только Непокройцицкій, три адъютанта и я: вся остальная свита была отпущена частью вчера, частью сегодня утромъ. На берегу мы сѣли въ ожидавшія насъ коляски и отправились въ посольство, гдѣ насъ ожидалъ Нелидовъ. Великій Князь ушелъ съ нимъ и Непокройцицкимъ подписывать отправляемое Государю донесеніе, которое переписывалось кѣмъ-то изъ нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ. Мы ожидали въ небольшомъ, но прелестномъ посольскомъ саду. По отправленіи курьера въ Государю—поѣхали на станцію желѣзной дороги и въ 4 ч. дня вернулись въ С.-Стефано.

Тамъ была получена, уже вечеромъ, слѣдующая полушифрованная телеграмма Государя отъ 2 ч. пополудни сего числа:

„Вчерашнія двѣ шифрованные телеграммы твои получилъ вечеромъ ¹⁾; письмо къ тебѣ отправилъ сегодня утромъ. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего на мою вчерашнюю ²⁾ шифрованную телеграмму. Игнатьевъ долженъ прибыть изъ Вѣны сегодня вечеромъ. *На полное содѣйствіе Турціи я не надѣюсь, но если они пассивно допустятъ насъ занять стратегическіе пункты на Босфорѣ до прихода англійскаго флота въ Черное море, то главный результатъ, котораго желаю, будетъ достигнутъ. Горчаковъ тебѣ сообщаетъ тревожную телеграмму Стюарта ³⁾ и его отатьтъ. Передай то и другое Дрентельну ⁴⁾ для руководства, и если онъ еще у тебя, то прикажи ему немедленно воротиться въ Бухарестъ“ ⁵⁾.*

Отвѣтъ Великаго Князя, данный сегодня же вечеромъ:

„Телеграмму твою шифрованную отъ сего дня получилъ. Дрентельну все передамъ, когда получу Горчакова телеграмму.

¹⁾ Т.-е. 20 марта.

²⁾ Т.-е. отъ 20 марта, о томъ, позволяеть ли здоровье Великаго Князя продолжать командовать арміей.

³⁾ Телеграмма эта приведена ниже.

⁴⁾ Командующій войсками въ тылу арміи, въ Румыніи. Онъ уже два дня, какъ пріѣхалъ оттуда, въ сопровожденіи помощника начальника тылового штаба, генералъ-маіора Лобко.

⁵⁾ Слова, напечатанныя курсивомъ, зашифрованы.

Фельдъегеръ отправился сегодня съ письмомъ къ тебѣ въ отвѣтъ на твою телеграмму о моемъ здоровьи. Сегодня чувствую себя порядочно, но печень болитъ“.

22 марта, Санъ-Стефано.—Сегодня утромъ, наконецъ, получена шифрованная телеграмма князя Горчакова, повидимому, отъ вчерашняго дня. Привожу ее въ переводѣ съ французскаго:

„Стюартъ ¹⁾ телеграфируетъ: румынское правительство, протестуя противъ статьи 8-й мирнаго договора ²⁾, проситъ поддержки великихъ державъ. Не желаетъ допустить сообщенія нашей оккупационной арміи черезъ Румынію безъ предварительнаго своего согласія. Угрожаетъ сопротивленіемъ. Братіано ³⁾ отправился въ Вѣну и Берлинъ подъ предлогомъ встрѣтиться съ Игнатъевымъ. Когальничано ⁴⁾ говоритъ, что въ случаѣ войны съ Англіей не ручается за сохраненіе мира. По повелѣнію Государя, я объявилъ Гикъ ⁵⁾, что если румынское правительство будетъ настаивать на своемъ протестѣ противъ статьи, обезпечивающей наши военныя сообщенія черезъ Румынію, то мы займемъ княжества нашими войсками и потребуемъ обезоруженія румынскихъ войскъ“ ⁶⁾.

Это усложненіе является прямымъ и вполне естественнымъ послѣдствіемъ устраниенія румынскихъ уполномоченныхъ отъ участія въ мирныхъ переговорахъ. Безъ вмѣшательства Англии румыны, конечно, проглотили бы обиду поневолѣ, но теперь, съ измѣненіемъ обстановки къ нашей невыгодѣ, они, конечно, поспѣшили дать намъ почувствовать, что и румынская дружба или вражда чего-нибудь стоятъ.

Великій Князь кратко донесъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Телеграмму Горчакова получилъ. Дрентельну передалъ. Онъ

¹⁾ Нашъ генеральный консулъ въ Бухарестѣ.

²⁾ Въ статью 8-ую включено, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ Румыніей, право будущей болгарской оккупационной арміи сохранять сообщенія съ Россіей: сухимъ путемъ—черезъ Румынію, и моремъ—черезъ Варну и Бургасъ.

³⁾ Румынскій первый министръ.

⁴⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

⁵⁾ Румынскій посланникъ въ Петербургѣ.

⁶⁾ Отъ Великаго Князя слышалъ 27 марта, что на эту угрозу князь Карлъ далъ полный достоинства отвѣтъ, суть котораго заключается въ томъ, что русскія войска, конечно, могутъ уничтожить румынскую армію въ бою, но нова она живъ—обезоружить ее не дозволить. Великій Князь рассказалъ это тономъ, ясно говорившимъ, что на мѣстѣ князя Карла онъ самъ отвѣтилъ бы точно такъ же.

съ первымъ пароходомъ отправится. Будетъ исполнено по твоему приказанію“.

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь просилъ разрѣшенія Государя, для ускоренія и облегченія отправки сводногвардейскаго вонвоа, послать его безъ лошадей. Въ заключеніе этой телеграммы донесъ, что Дрентельнъ уѣзжаетъ завтра.

Отъ военнаго министра получена шифрованная телеграмма: „Генераль-адъютантъ Семекъ считаетъ нужнымъ, на случай войны съ Англіей, приготовить мины для загражденія Сулинскаго гирла (Дунай) и устроить береговныя батареи съ орудіями большого калибра у входа неприятельскаго флота въ Сулинскій рукавъ. Не изволите ли, Ваше Высочество, дать соотвѣтственные приказанія генераль-адъютанту Дрентельну. — Милютинъ“.

23 марта, Санъ-Стефано. — Ночью была получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя (отъ 22 марта 11 ч. 57 м., вѣроятно, утра: отмітка неразборчива):

„Въ дополненіе къ твоимъ послѣднимъ телеграммамъ желаю знать, какія сдѣланы тобою распоряженія о доставкѣ большихъ орудій, минъ и другихъ матеріальныхъ средствъ для дѣйствительнаго прегражденія прохода черезъ Босфоръ. Необходимо всѣ эти средства подготовить скорѣй, ибо со дня на день можно ожидать повшенія англійскаго флота прорваться въ Черное море и тѣмъ поставить насъ въ самое трудное положеніе. На такой случай приказано генералу Семекъ принять всѣ предварительныя мѣры въ оборонѣ устьевъ Дуная. Прикажи предоставить въ распоряженіе Веревкина ¹⁾ всѣ необходимыя средства изъ имѣющихся на Дунаѣ въ твоемъ распоряженіи“.

Великій Князь немедленно отвѣтилъ: ²⁾

„Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 22 числа. Записка, объясняющая всѣ мои распоряженія и положеніе дѣлъ, послана 21-го числа курьеромъ. *Мины готовы на судахъ, другія ведутся сухимъ путемъ. Въ Босфоръ больше трехъ военныхъ судовъ имѣть не могу. О приготовленіи минъ въ устьяхъ Дуная приказалъ Казнакову, который тамъ находится. За орудіями посланы генералъ Моллеръ ³⁾ и морякъ Новиковъ“ ⁴⁾.*

¹⁾ Начальникъ 86-й пѣх. дивизіи и отряда въ дельтѣ Дуная. Умеръ комендантомъ с.-петербургской крѣпости.

²⁾ Курсивомъ—зашифрованныя слова.

³⁾ Начальникъ осадной артиллеріи арміи.

⁴⁾ Капитанъ 1-го ранга, кавалеръ Георгія 4-й ст. (за Севастополь) и 3-й ст. (за постановку минныхъ загражденій на Дунаѣ, передъ переправомъ).

24 марта, Константинополь.—Въ 2 ч. дня выѣхали изъ С.-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ Константинополѣ, на станціи, уже стояли три коляски: въ одну сѣлъ Великій Князь съ Непокойчицею и адъютантомъ Скалономъ; въ другую— князь Имеретинскій, я и адъютантъ Великаго Князя Орловъ; въ третью—остальные три адъютанта, взятые Великимъ Княземъ съ собой. Съѣздили сперва въ посольство, а оттуда за городъ, на „Сладкія воды“, гдѣ по пятницамъ всегда бываетъ гулянье.

„Сладкія воды“ оказались весьма неважны. Это узкая канава, на подобіе водопровода по пути изъ Царскаго Села въ Павловскъ. По одну сторону канавы садъ и въ немъ необитаемый султанскій дворецъ, явно заброшенный, а по другую сторону— широкая пыльная аллея изъ чахлахъ деревьевъ, за которыми, очевидно, нѣтъ никакого ухода. По этой аллеѣ катаются взадъ и впередъ, въ каретахъ (съ лакеями на козлахъ), турецкія богатыя гаремницы. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, кареты останавливаются (какъ на Елагинской Стрѣлкѣ), и турецкія дамы разглядываютъ гуляющую публику. Это удовольствіе дозволяется только разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Присутствуютъ ли „свои“ мужчины—неизвестно, ибо турки считаютъ верхомъ неприличія не только подходить къ женщинамъ на улицахъ и разговаривать съ ними, но даже расслышаться. Но разглядывать и даже лорнировать ихъ дозволяется. По плотности яшмаковъ (вуалей) сейчасъ можно догадаться о возрастѣ: всѣ молоды и считающія себя хорошенъкими—въ прозрачныхъ яшмакахъ. Но дѣйствительно хорошенъкихъ было немного. Вообще, у всѣхъ, кого можно было разглядѣть, черты лица крупныя и рѣзкія, а цвѣтъ лицъ блѣдный и даже желтоватый, очевидно отъ затворнической жизни. Форма одежды у всѣхъ одинаково безобразная: безформенные халаты яркихъ цвѣтовъ: голубого, синяго, желтаго, краснаго, малиноваго, розоваго и зеленаго.

Сдѣлавъ три-четыре тура по аллеѣ, мы поѣхали на пристань и оттуда на „Ливадію“ къ 7 час. вечера, гдѣ и остались. Тамъ уже были нѣкоторые другія лица ближайшей свиты Великаго Князя, въ томъ числѣ и князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій: въ бесѣдѣ съ нимъ я провелъ почти весь вечеръ¹⁾. Сегодня былъ первый спокойный день: дѣлать совсѣмъ нечего. Къ добру это или къ худу?

¹⁾ Знакомство съ его высочествомъ—старинное: когда я былъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелемъ, Евгенийъ Максимиліановичъ былъ зачисленъ на все лѣто 1860 года въ мою роту.

25 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Пользуясь внезапно наступившимъ дѣловымъ затишьемъ, я провелъ день чрезвычайно пріятно. Сперва мы всѣ отправились на берегъ, въ нашу посольскую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой въ посольствѣ былъ сервированъ великолѣпный завтракъ, заказанный въ одномъ изъ дареградскихъ ресторановъ. Затѣмъ я отпросился у Великаго Князя погулять съ его докторомъ, А. Л. Обермиллеромъ, съ которымъ сговорился ѣхать вмѣстѣ еще съ утра. Великій Князь отпустилъ меня на цѣлый день: онъ самъ и съ нимъ еще нѣсколько лицъ были приглашены въ принцу Рейссу обѣдать.

Обермиллеръ и я, взявъ съ собой каваса изъ генеральнаго консульства отъ М. А. Хитрово, отправились на пристань и сѣли на трехчасовой пароходъ, чтобы прокатиться по Босфору. Къ сожалѣнію, пароходъ этотъ останавливался только у пристаней европейскаго берега, такъ что азіатскій берегъ мы могли разсматривать лишь въ бинокли. Описывать красоту Босфора не берусь: трудно передать перомъ чарующую прелесть его волшебныхъ видовъ, богатство красокъ и переливы освѣщенія. Одинъ и тотъ же видъ въ разные часы дня производитъ различное, но неизмѣнно очаровательное впечатлѣніе.

Изъ прибрежныхъ пунктовъ—самые прелестные: Буюкдаре, съ чудною дачею нашего посольства; Терапія—дачи посольствъ французскаго и англійскаго, и еще одно мѣстечко, названіе котораго я забылъ: тамъ роскошная вилла египетскаго хедива въ великолѣпномъ, обширномъ саду.

Прокатившись по всему Босфору, мы на томъ же пароходѣ вернулись въ Константинополь къ 7^{1/2} ч. вечера, отлично пообедали въ „Hôtel de Byzance“, затѣмъ пошли пѣшкомъ къ Золотому-Рогу, наняли каякъ и въ тихую, звѣздную ночь, между 10—11 ч. вечера, вернулись на „Ливадію“. Почти тотчасъ вслѣдъ за нами вернулся и Великій Князь со свитою, и послѣ чаю въ каякъ-компаніи всѣ разошлись по каятамъ спать.

26 марта, воскресенье, на яхтѣ „Ливадія“.—Сегодня ознаменовался съ двумя депешами, полученными и отправленными 24 марта Великимъ Княземъ въ Санъ-Стефано, передъ отъѣздомъ сюда.

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Сейчасъ простился съ молодцами твоего конвоя (сводно-гвардейскаго), отправляющимися сегодня въ море. Горчакова депешу шифрованную получилъ (см. ниже). Нашихъ плѣнныхъ вер-

нули: видѣлъ ихъ,— между ними много магометанъ съ Кавказа, — глядятъ молодцами. Новаго ничего нѣтъ“.

Шифрованная депеша князя Горчакова отъ 23-го была слѣдующаго содержанія (переводъ съ французскаго):

„*Весьма секретно*: Генералъ Диксонъ ¹⁾ телеграфировалъ Горнби ²⁾, что Буларскія укрѣпленія могутъ считаться обезпеченными при теперешнемъ гарнизонѣ, если таковой получитъ приказаніе защищать ихъ; но на случай нападенія русскихъ необходимо содѣйствіе британскаго флота, чтобы войска убѣдились въ существованіи союза Англии съ Турціей. Онъ опасается, чтобы изъ Константинополя не пришло запрещенія защищать эти укрѣпленія. Въ этомъ случаѣ англичане сами должны взять на себя ихъ защиту, принявъ содержаніе турецкихъ адмирала и войскъ на свой счетъ. Горнби донесъ, кромѣ того, что на случай войны съ Россіей необходимо заключить союзный договоръ съ Турціей. Если англійскому флоту не будетъ открыто нѣсколько портовъ, то онъ не въ состояніи крейсировать въ Мраморномъ морѣ и Босфорѣ долѣе нѣсколькихъ дней: придется тогда уйти за Галлиполи, въ Безику“.

Отъ Государя получено сегодня двѣ короткихъ депеши отъ нынѣшняго же дня:

1) „Миша ³⁾ благополучно прибылъ съ женою и двумя старшими дѣтьми ⁴⁾. Погода чудная, теплая, новаго ничего нѣтъ“.

2) „Ускори представленіемъ объ отличіяхъ для войскъ: желалъ бы весьма объявить объ этомъ въ Пасху“.

Великій Князь вечеромъ отвѣчалъ Государю:

1) „Радуюсь приѣзду Миши къ тебѣ. Здѣсь все тихо. Вчера говорилъ съ Реуфомъ, а сегодня—съ Савфетомъ. Имеретинскаго посылаю къ тебѣ съ словеснымъ объясненіемъ здѣшнихъ дѣлъ и порученіемъ“.

2) „Употреблю всѣ силы, чтобы окончить и прислать во время тебѣ представленіе; еще не всѣ свѣдѣнія собраны“.

Вообще, сегодняшній день прошелъ столь же спокойно, какъ вчерашній. Успѣлъ побывать въ Константинополѣ въ церкви, позавтракать и погулять на чудномъ воздухѣ въ общественномъ саду, на берегу Босфора, гдѣ, по случаю воскреснаго дня, играла

¹⁾ Англичанинъ на турецкой службѣ.

²⁾ Адмиралъ, командующій эскадрою въ Мраморномъ морѣ.

³⁾ Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

⁴⁾ Великій князь Николай Михайловичъ и великая княжна Анастасія Михайловна.

музыка и толпилась масса самой пестрой публики. Вернулся на „Ливадію“ къ обѣду.

Великій Князь посылаетъ князя Имеретинскаго въ Петербургъ съ какимъ-то секретнымъ устнымъ докладомъ Государю. Знаю только, что Великій Князь возлагаетъ большія надежды на дѣйствительно мастерское умѣнье князя Имеретинскаго говорить и убѣждать. Но мнѣ кажется, что Великій Князь, по добродушію своему, напрасно рассчитываетъ на его личное къ себѣ расположеніе: князь Имеретинскій его адвокатомъ не будетъ. Сегодня онъ уѣхалъ.

27 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Послѣ двухдневнаго затишья, сегодня весь день горячка. Съ ранняго утра прибылъ фельдшеръ отъ Государя и привезъ какое-то письмо, крайне встревожившее Великаго Князя. Онъ тотчасъ же, по прочтеніи этого письма, самъ составилъ отвѣтную телеграмму, которую приказалъ, для скорости, зашифровать своему адъютанту Скалону и мнѣ. Вотъ она:

„Очень тебя благодарю за письмо отъ 20-го марта, полученное сейчасъ. Имеретинскій на словахъ передастъ тебѣ нѣкоторые объясненія на твои вопросы. Съ будущимъ курьеромъ пришло письменный отвѣтъ“.

Шифромъ: „Не пошелъ я на Босфоръ до 19-го февраля, впервыхъ, потому, что у меня не было достаточно силъ на это — и дороги были непроходимы. Во-вторыхъ, потому, что приходило на Босфоръ во время перемирія и настаиваніе на отправкѣ войскъ изъ Буюкдэре послѣ заключенія мира повлекло бы за собою неминуемый разрывъ не только съ Англійей, но и вновь съ Турціей, на что я не могъ рѣшиться, не имѣвъ положительнаго приказанія отъ тебя, какъ поступить мнѣ при этомъ положительномъ казусъ-белли. Я и теперь могу, если прикажешь, идти на Босфоръ, но такъ, какъ у меня изложено въ запискѣ, которую ты долженъ получить сегодня. Это движеніе повлечетъ неминуемо къ вступленію англійской эскадры въ Босфоръ и къ разрыву немедленному съ Англійей, а можетъ быть и съ Турціей, которая начала возводить укрѣпленія съ сухопутной стороны Константинополя, на что я немедленно потребовалъ остановки работъ“.

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы Великій Князь съ Непокойничевымъ сѣхалъ на паровомъ катерѣ на берегъ и отправился въ посольство. Къ завтраку онъ вернулся и объявилъ, что въ 2 часа возвращаемся въ Санъ-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ, а „Ливадія“ останется на якорѣ въ Золотомъ-Рогѣ.

Государю донесено *шифромъ*:

1) „Вслѣдствіе моего настоянія, работы на укрѣпленіяхъ около Макрикія, противъ Санъ-Стефано, приказано прекратить немедленно. Реуфъ обѣщаетъ устроить, чтобы работы на другихъ пунктахъ не продолжались. На дняхъ объѣду самъ турецкія линіи“.

2) (Переводъ съ французскаго:) „Сію минуту получилъ отъ Порты конфиденціальное сообщеніе въ отвѣтъ на личное заявленіе, сдѣланное мною султану по твоему приказанію. Онъ дружески просилъ королеву отозвать свой флотъ, въ виду начатаго уже очищенія Санъ-Стефано. Англійское правительство отвѣтило, что очень желало бы вывести султана изъ затруднительнаго положенія, и если Россія сдѣлаетъ британскому кабинету хотя малѣйшее предложеніе въ смыслѣ одновременнаго удаленія англійскаго флота и русской арміи на одинаковое разстояніе отъ Босфора, то это предложеніе будетъ принято Англійей въ серьезнѣйшее соображеніе. Англія боится взять на себя починъ изъ опасенія оскорбить Россію подобіемъ требованія удалиться (*Angleterre redoute de prendre l'initiative, de peur de blesser la Russie par un semblant de demande d'évacuation*). Объ этой просьбѣ султана сама Porta до сегодня не знала, и мнѣ сообщено конфиденціально“.

Санъ-Стефано. — Получена весьма важная шифрованная депеша князя Горчакова отъ сегодняшняго числа:

(Переводъ съ французскаго:) „Бисмаркъ, предполагая, что мы, ни Англія, не желаемъ войны, но опасаясь, что при существующемъ расположеніи обѣихъ сторонъ въ виду проливовъ какая-либо военная случайность можетъ вызвать невольное столкновеніе, — предлагаетъ намъ, въ видѣ дружеской услуги, похлопотать, чтобы англійскій флотъ оставилъ константинопольскія воды и ушелъ за Дарданеллы, съ тѣмъ, чтобы мы отвели наши войска отъ Босфора на разстояніе, соответствующее времени, нужному англійскому флоту для занятія теперешней его позиціи. Будетъ дѣйствовать только въ случаѣ нашего согласія. Мы отвѣтили, что Государь принимаетъ это предложеніе, цѣнить дружественный его характеръ и то высокое значеніе, которое ему придаетъ могущество Германіи. — Горчаковъ“.

Сообщеніе этого официальнаго извѣщенія съ секретнымъ сообщеніемъ Порты Великому Князю наводитъ на мысль, что между Англіей и Германіей уже состоялось негласное соглашеніе насчетъ этой хитроумной комбиняціи, и что Бисмаркъ, вы-

ступая съ предложеніемъ дружественнаго посредничества, заранѣе увѣренъ въ его успѣхъ. Нельзя только догадаться, кому принадлежитъ замысловатая идея перевезти козу, капусту и волна: Бисмарку или Бивонсфилду?

Наше согласіе на эту комбинацію доказываетъ желаніе избѣжать новой войны, но совершенно не вяжется съ рѣшительнымъ и неоднократно повтореннымъ требованіемъ: во что бы ни стало утвердиться на Босфорѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этой путаницы.

Уже въ послѣдствіи, при разборѣ велико княжескаго архива въ Петербургѣ, я узналъ, что сегодня же Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Имеретинскій уѣхалъ вчера. Сегодня мнѣ опять нездоровится. *Шифромъ*: Убѣдительно прошу исполнить то, что я ему передалъ о моемъ здоровьи, которое необходимо требуетъ скорѣйшаго отдыха. Ради этого я вижу, что, при всемъ желаніи, въ такомъ положеніи, теперь не могу быть полезнымъ тебѣ слугою. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего рѣшенія о замѣнѣ меня кѣмъ-либо другимъ и вызовѣ скорѣй отсюда“.

Въ то время я и не подозревалъ, что вопросъ объ отозваніи Великаго Князя такъ близокъ къ разрѣшенію. Онъ только не разъ ласково обнадеживалъ меня въ теченіе послѣднихъ 5—7 дней, что скоро пошлетъ курьеромъ въ Петербургъ; иногда же, наоборотъ, говорилъ: „Мы вернемся домой вмѣстѣ. Какъ ты думаешь, скоро ли это будетъ?“ Но мнѣ и въ голову не приходило, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ скоро случиться при столь напряженной политической обстановкѣ. Получивъ сегодня, по возвращеніи въ С.-Стефано, письмо отъ жены, я засѣлъ писать отвѣтъ, который окончилъ только на другой день и изъ котораго не могу не сдѣлать слѣдующую выписку, доказывающую, какъ я былъ далекъ отъ надежды на скорое возвращеніе:

„Твое 55-е письмо я перечитывалъ нѣсколько разъ: твои распеканія за мою „деморализацію“ доставили мнѣ высокое наслажденіе. Если я такъ боюсь войны въ будущемъ, то не потому лишь, что она отодвинетъ на неопредѣленное время мое возвращеніе, а потому, что я убѣжденъ въ ея несчастномъ исходѣ. Слишкомъ много причинъ, укоренившихъ во мнѣ это убѣжденіе: я не разъ тебѣ ихъ перечислялъ и повторяться не буду. Твоя нравственная поддержка дастъ мнѣ силы честно и стойко исполнить свой долгъ, но вдохнуть въ меня вѣру въ успѣхъ новой войны — даже ты не можешь. Ты пишешь, что тебѣ стыдно за мой пессимизмъ, за потерю вѣры въ наши силы. Увы, я стыдился

не могу, ибо посвященъ во всѣ секреты, ясно вижу общее положеніе дѣлъ, и поэтому во мнѣ крѣпко сидитъ ужасное убѣжденіе, что въ случаѣ войны дѣйствительность превзойдетъ самыя мрачныя мои опасенія. Дай Богъ, чтобъ я ошибся: буду невыразимо счастливъ.

„Ты пишешь, что не любишь моихъ разсужденій о политикѣ, и даже просишь не угощать тебя ими. Но я не могу не выкладывать передъ тобою то, что мнѣ выматываетъ душу, и сверхъ того считаю необходимымъ записывать все, что мнѣ извѣстно, ибо помню, что наша переписка, впоследствии, будетъ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Поставленный волею судьбы въ исключительно освѣдомленное положеніе, я хочу, чтобы впоследствии, хоть въ отдаленномъ будущемъ, происходившія теперь событія получали правильное освѣщеніе. Надо, чтобы потомство знало, что эти событія не были направляемы, а лѣпились горшечниками, лѣпились порывисто и не отдавая себѣ отчета, — что въ концѣ концовъ изъ ихъ работы выйдетъ. Прости меня, если тебѣ докучаю, но я долженъ высказаться, а кромѣ тебя — никому“.

28 марта, Санъ-Стефано. Получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ вчерашняго вечера:

„При обсужденіи проекта призыва резервистовъ, графъ Биконсфильдъ сдѣлалъ въ палатѣ лордовъ слѣдующее заявленіе. Политика Англіи опирается на договоры. Такъ какъ Россія отказывается представить конгрессу санъ-стефанскій договоръ цѣлкомъ, какъ того требуетъ Англія, всякая надежда на созывъ конгресса исчезла. Всѣ вооружаются; необходимо и Англіи приготовиться, ибо событія, происходящія въ окрестностяхъ Константинополя, угрожаютъ интересамъ британской имперіи. Этой деклараціи перваго министра горячо апплодировали“.

Въ сопоставленіи со вчерашними сообщеніями Порты и князя Горчакова, эта телеграмма не производитъ уже того впечатлѣнія, которое произвела бы, еслибы Биконсфильдъ сказалъ это днемъ раньше. Теперь это смахиваетъ на простое запугиванье.

Великій Князь сегодня съ утра объявилъ, что завтра поѣдемъ осматривать турецкія укрѣпленія. Нелидовъ и Ону старались отклонить его отъ этого намѣренія, опасаясь могущихъ произойти новыхъ осложненій; но Великій Князь остался при своемъ и не хочетъ даже предупредить турокъ. Онъ говоритъ, что уже предупредилъ ихъ о своемъ объѣздѣ, что они не возражали, и этого достаточно: предупредить вторично, что поѣдетъ именно завтра — нѣтъ никакой надобности. Недоумѣваю, какой можетъ быть отъ

этой поѣздки только и какой выйдетъ результатъ. А что, если турки заупрямятся и не захотятъ его пропустить? Если же турки проглотятъ обиду—англичане ее раздуютъ и выставятъ этотъ случай на видъ, какъ самое вѣское доказательство беззащитности Турціи и необходимости ей помочь даже противъ ея воли.

Въ дополненіе къ вчерашнимъ своимъ депешамъ, Великій Князь счелъ нужнымъ составить сегодня и отправить шифромъ слѣдующую телеграмму Государю:

„Если тобою приказано будетъ мнѣ отвести войска на соответственное разстояніе хода англійскаго флота до Босфора, въ случаѣ его выхода изъ Дарданеллъ, полагаю возможнымъ отвести войска до линіи Чатаджи, откуда мнѣ будетъ не менѣе трехъ дней ходу до Константинополя“.

Послѣ 6 ч. вечера получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургъ сегодня утромъ:

„Вчерашнія три шифрованные телеграммы твои получилъ вечеромъ. Надѣюсь, что турки исполнятъ твое требованіе объ оставленіи работъ укрѣпленій. Конфиденція султана объ удаленіи англійскаго флота по ихъ собственному предложенію поясняетъ свѣдѣнія изъ Берлина, сообщенныя тебѣ вчера“.

На это Великій Князь отвѣчалъ въ 8 ч. веч. шифромъ:

„Шифрованную телеграмму твою сегодня получилъ. Турки противъ Санъ-Стефано остановили работы; на другихъ мѣстахъ еще не знаю. Завтра, если буду въ состояніи, объѣду лично часть работъ. Что увижу и узнаю—сообщу“.

Наконецъ, сегодня вечеромъ получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ сегодняшняго утра:

„Въ палатѣ лордовъ, послѣ своей деклараціи по поводу призыва резервовъ, лордъ Биконсфильдъ, въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ сказалъ, что не желаетъ непременно войны, и надѣется еще на возможность созыва конгресса. Лордъ Гренвилль выразилъ надежду, что Англія не будетъ вызывать вторую крымскую кампанію. Лордъ Дерби, замѣтивъ, что дипломатія еще не сказала послѣдняго слова, подвергъ критикѣ политику правительства. Палата лордовъ единогласно приняла адресъ въ отвѣтъ на посланіе королевы“.

Ясно, что выходка Биконсфильда, переданная по телеграфу вчера, была лишь демонстративною угрозою.

29 марта, на яхтѣ „Ливадія“. Наше рискованное путешествіе окончилось благополучно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ туркамъ.

Въ 9^{1/4} ч. утра мы выѣхали изъ Санъ-Стефано веркомъ. Великаго Князя сопровождала огромная свита и конвойный взводъ съ его значкомъ. День былъ пасмурный, но теплый, почти жаркій. Мы проѣхали безпрепятственно черезъ мостъ, отдѣляющій наше расположеніе отъ турецкаго. Насъ тотчасъ встрѣтили конные офицеры и два заптія (жандармы); затѣмъ подъѣхалъ и представился Великому Князю какой-то паша, фамилію котораго я не разслышалъ, а вскорѣ появился самъ Мехмедъ-Али-паша съ Штрекверъ-пашою и черкесскимъ конвоемъ. Мехмедъ-Али-паша — настолько типичный нѣмецъ, что въ турецкомъ мундирѣ и фескѣ казался замаскированнымъ. Онъ и привѣтствовалъ Великаго Князя по-нѣмецки, самымъ сердечнымъ тономъ, а Великій Князь, по-нѣмецки же, дружески-шутливо отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ посмотреть, какія это укрѣпленія вы противъ насъ строите“.

„Какъ можно, ваше высочество! Совсѣмъ напротивъ! Уже строжайше приказано: не только прекратить всѣ работы, но даже свободно повсюду пропускать русскихъ офицеровъ и принимать ихъ, какъ представителей дружественной арміи“, — отвѣтилъ Мехмедъ-Али-паша. Великій Князь возразилъ: „Наши арміи должны быть не только дружественными, но союзными“. „Это было бы всего лучше, ваше высочество, — отвѣчалъ Мехмедъ-Али: — это самое я говорилъ еще графу Игнатьеву. Мы охотно готовы быть вѣрными вашими союзниками, но вы должны быть великодушны и хоть немного облегчить намъ условія мира. Вы потребовали слишкомъ много!“ Великій Князь пожалъ плечами и сказалъ: „Тутъ я ничего не могу сдѣлать. Я не дипломатъ, а солдатъ, и исполняю, что мнѣ приказываютъ“.

Мехмедъ-Али-паша, вида, что изъ политическаго разговора ничего не выйдетъ, сразу перешелъ къ безсодержательнымъ любезностямъ. Въ отвѣтъ на его слова, что ему сегодня наконецъ посчастливилось въ исполненіи его давнишняго желанія лично представиться, — Великій Князь пригласилъ его пріѣхать въ Санъ-Стефано или на „Ливадію“, какъ ему удобнѣе: онъ всегда и вездѣ будетъ радъ Мехмеду-Али-пашѣ, какъ гостю. Затѣмъ попросилъ представить ему Штрекверъ-пашу, который почтительно держался позади. Мехмедъ-Али тотчасъ же его представилъ, и Великій Князь довольно долго и благосклонно разговаривалъ съ нимъ, тоже по-нѣмецки. Послѣ этого прямо подъѣхалъ къ черкесскому конвою и безъ церемоніи заговорилъ по-русски съ обоими офицерами. Они такъ опѣшили, что не сообразили притвориться непонимающими и отвѣчали ему довольно порядочно по-русски же. Великій Князь спросилъ, много ли нижнихъ чиновъ,

говорящихъ по-русски: отвѣчали, что почти половина. Тогда онъ спросилъ, много ли служившихъ прежде въ собственномъ Его Величества конвоѣ: офицеры отвѣтили уклончиво, что и такіе есть. Но когда Великій Князь обратился къ самимъ черкесамъ со словами: „Кто изъ васъ, братцы, у насъ служилъ?“—всѣ они промолчали, никто не отозвался. Великій Князь усмѣхнулся и двинулся въ объѣздъ: Мехмедъ-Али-паша ѣхалъ все время рядомъ съ нимъ.

Форма турецкаго султанскаго конвоя совершенно такая же, какъ у насъ: единственная разница—луна на папахахъ и красныя нагрудные патронташи (газыри).

Всѣ турецкія войска, мимо которыхъ мы проѣзжали, выстраивались на линіяхъ своихъ лагерей и отдавали честь, причемъ играла музыка. Но офицеры и солдаты смотрѣли исподлобья, сурично: видно было, что нашъ объѣздъ оскорбляетъ ихъ самолюбіе. Мы объѣзжали и осматривали турецкія укрѣпленія, какъ свои собственные. Оказалось, что работы прерваны въ самомъ началѣ: всѣ укрѣпленія еще очень далеки до окончанія. Но пункты выбраны мастерски, что Великій Князь и высказалъ Мехмеду-Али, спросивъ его, кто эти пункты намѣтилъ? Мехмедъ-Али съ напускною скромностью отвѣтилъ, что онъ самъ.

Объѣздъ продолжался до 2¹/₂ ч. дня, когда мы подѣхали къ мѣсту слиянія рѣчки „Сладкія воды“ съ Золотымъ-Рогомъ. Мы сдѣлали около 30 верстъ верхомъ и объѣхали только лѣвый флангъ турецкой позиціи, прикрывающій Константинополь: правый же флангъ ея, котораго мы сегодня не видали, упирается въ Босфоръ близъ Терапіи и Буюкдэре.

На Золотомъ-Рогѣ ожидали два паровыхъ катера съ „Ливадіи“. Распростившись съ турками и поблагодаривъ ихъ за любезность, Великій Князь приказалъ остаться только Неповойичеву, Скобелеву I, Анненкову, Обермиллеру, адъютантамъ своимъ и мнѣ; всей же остальной свитѣ—вернуться въ Санъ-Стефано верхомъ. Генералъ-адъютантовъ Гурко и графа Шувалова и генераловъ Скобелева 2-го, Рауха и Бреверна пригласилъ доѣхать на паровомъ катерѣ до Стамбула, съ тѣмъ, чтобы оттуда они вернулись въ Санъ-Стефано по желѣзной дорогѣ.

Видѣнная нами сегодня мѣстность имѣетъ видъ унылый и запущенный. Бугры и буераки, поросшіе сорными травами, безъ всякаго признака здоровой растительности, чередуются съ ивсаиными и загнившими ручьями, а ближе къ морю—съ гниющими заболоченными затонами. Изрѣдка попадаются крошечныя, жалкія деревеньки. Даже верховье Золотого-Рога такъ обмелѣло,

что мы, сѣвъ на паровые катера у Султанскаго Кіоска (постройка въ швейцарскомъ стилѣ), довольно долго шли самымъ тихимъ ходомъ, съ промѣрами, чтобы не натенуться на мель. А между тѣмъ осадка паровыхъ катеровъ—только $3\frac{1}{2}$ фута.

Я очень интересовался поѣздкою по всему Золотому-Рогу, но берега его, послѣ Босфора, уже не могли произвести впечатлѣнія, ибо тутъ и сравненія быть не можетъ. Почти тотчасъ за Султанскимъ Кіоскомъ начинаются константинопольскія предмѣстья, а за ними и самый городъ: справа—Фанаръ и Стамбуль, слѣва—Пера и Галата.

По прибытіи на „Ливадію“, мы пообедали, а послѣ обѣда поѣхали опять на берегъ: Великій Князь съ Непокойчицинымъ—въ посольство, навѣстить больного Нелидова и переговорить съ нимъ, а я тѣмъ временемъ побылъ у нашего генеральнаго консула Хитрово. Затѣмъ, получивъ приказаніе Великаго Князя составить донесеніе Государю, вернулся на „Ливадію“ и приступилъ къ работѣ. Завтра ѣдетъ курьеръ.

30 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Почти одновременно, около 10 ч. утра, получены сегодня двѣ шифрованныя телеграммы Государя, обѣ отъ вчерашняго вечера:

1) „Почему турки до сихъ поръ не очистили Батума, Варны и Шумлы? Потребуи настоятельно немедленнаго исполненія и назначь срокъ для вступленія нашихъ войскъ въ эти крѣпости. О томъ, какой именно срокъ будетъ назначенъ, телеграфируй мнѣ, дабы дано было соответственное приказаніе кавказскимъ войскамъ. Откладывать долѣе невозможно“.

2) „Въ дополненіе къ вчерашней твоей телеграммѣ объясни мнѣ, на какомъ расчетѣ основано твое соображеніе объ отводѣ нашихъ войскъ до Чатаджи въ случаѣ выхода англійскаго флота изъ Дарданелль, и почему полагаешь, что оттуда до Босфора трое сутокъ ходу. Во всякомъ случаѣ, не отводи войска съ настоящихъ позицій до полученія положительнаго моего приказанія“.

Обѣ эти телеграммы, проникнутыя сдержаннымъ неудовольствіемъ (а вторая—даже недовѣріемъ), глубоко взволновали Великаго Князя. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ шифромъ:

„Двѣ твои шифрованныя телеграммы отъ 29-го вечера получилъ сегодня утромъ. Обѣ очищеніи трехъ крѣпостей назначаю срокъ и немедленно тебѣ его сообщу. Отводить войска безъ твоего на то положительнаго приказанія я отнюдь не предполагалъ. Подробности сегодня съ фельдъегеремъ“.

Полученіе сегодняшнихъ телеграммъ вызвало приказаніе Великаго Князя: въ дополненіе къ двумъ уже заготовленнымъ донесеніямъ, составить еще одно, съ подробнымъ объясненіемъ по содержанію второго запроса Государя. Это донесеніе я и составилъ наскоро, такъ какъ Великій Князь пожелалъ отправить всѣ три непременно съ сегодняшнимъ курьеромъ.

Привожу всѣ три донесенія дословно.

1) „Ваше Императорское Величество. Какъ вамъ извѣстно, турки дѣятельно принялись за постройку укрѣпленій вокругъ Константинополя съ цѣлью огражденія своего нейтралитета на случай, еслибы мы были вынуждены его нарушить. Я тотчасъ же потребовалъ прекращенія работъ и, когда это было обѣщано, заявилъ Реуфъ-пашѣ о моемъ желаніи осмотрѣть эти работы, чтобы лично убѣдиться, въ какой видъ онѣ приведены. Реуфъ-паша отвѣтилъ, что я во всякое время буду радушно встрѣченъ.

„Въ сопровожденіи свиты моей, всѣхъ высшихъ военныхъ начальниковъ и взвода собственнаго Вашего Величества конвоя, я выѣхалъ верхомъ изъ Санъ-Стефано въ 9^{1/4} ч. утра, не предупредивъ объ этомъ турокъ. Несмотря на это, какъ только я переѣхалъ за черту нашего расположенія, меня тотчасъ встрѣтилъ турецкій паша и чрезвычайно обязательно давалъ всѣ объясненія, какія я спрашивалъ. Турецкія войска повсюду выстраивались при моемъ приближеніи впереди своихъ лагерей и отдавали мнѣ честь, съ музыкой. Наконецъ мнѣ выѣхалъ навстрѣчу самъ Мехмедъ-Али-паша, съ Штрекверъ-пашой и со взводомъ черкесскаго султанскаго конвоя. Мехмедъ-Али-паша разсыпался въ любезностяхъ. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что уже отдано приказаніе пропускать нашихъ офицеровъ въ турецкое расположеніе и принимать ихъ, какъ представителей дружественнаго государства. Сперва онъ было даже обмолвился словомъ „союзнаго“, но затѣмъ поправился. По моему желанію, онъ представилъ мнѣ Штреквера-пашу, съ которымъ я долго и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ: онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

„Я объѣхалъ всю линію отъ Магрикія до Кіатъ-Хане (Сладкія воды) и внимательно осморѣлъ всѣ начатія турками на этомъ пространствѣ фортификаціонныя работы. Работы эти не дведены до конца, но то, что сдѣлано — сдѣлано отлично, а главное — мѣста подъ укрѣпленія выбраны мастерски. Мѣстность, которую турки начали укрѣплять, сама по себѣ весьма сильна: это ряды холмовъ, постепенно повышающихся съ приближеніемъ

къ Константинополю. Лощины между этими холмами, по мѣрѣ приближенія къ нему, становятся глубже, обрывистѣе, даже скалистѣе. Этотъ характеръ мѣстности даетъ возможность укрѣпить ее въ нѣсколько линій, примѣрно въ три, причемъ каждая линія укрѣпленій будетъ значительно командовать впереди лежащую. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подступы съ нашей стороны совершенно открыты, ибо окрестности Константинополя представляютъ почти пустыню, то очевидно, съ какими трудностями была бы сопряжена атака этихъ укрѣпленій и какъ дорого обошелся бы намъ каждый шагъ впередъ. Прекращеніе турками работъ представляетъ для насъ лишь весьма небольшую гарантію на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, потому что при несомнѣнномъ мастерствѣ ихъ быстро окапываются—имъ достаточно одной ночи, чтобъ возвести очень серьезныя преграды.

„Единственный недостатокъ занимаемой турками позиціи — это огромное ея протяженіе отъ Маврикія до Буюкдэре, т. е. около 50-ти верстъ. Хотя войскъ у нихъ и собрано достаточно, но обезпечить столь растянутую позицію отъ прорыва на всемъ протяженіи — все-таки очень трудно. Я не видалъ всего праваго фланга позиціи, отъ Кіать-Хане до Буюкдэре, но имѣю свѣдѣнія, что укрѣпленія на этомъ флангѣ подвинуты значительно болѣе впередъ, да и мѣстность тамъ еще болѣе благоприятствуетъ оборонѣ и представляетъ еще болѣе трудностей для наступленія.

„Вотъ заключеніе, выведенное мною изъ моей поѣздки по турецкимъ укрѣпленіямъ. Считаю долгомъ повергнуть его на благоусмотрѣніе Вашего Величества“.

2) 1) „Ваше Императорское Величество! На письмо Вашего Величества отъ 20-го марта долгомъ считаю почтительнѣйше объяснить обстоятельства, помѣшавшія мнѣ своевременно занять и укрѣпить Босфоръ, а также соображенія, заставившія меня отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдэре.

„Еще до заключенія перемирія, когда, вслѣдствіе затруднительности телеграфныхъ сообщеній, согласіе Порты на предложенныя нами условія мира не доходило до турецкихъ уполномоченныхъ и войска наши продолжали приближаться къ Константинополю,—англійское правительство, видя въ этомъ намѣреніе наше завладѣть во что бы то ни стало столицей Турціи, приказало своему флоту вступить въ проливы. Онъ былъ остановленъ въ Дарданеллахъ извѣстіемъ о заключеніи перемирія и

1) Это донесеніе составлено не мною; я только помогаль ускоренію его переписки, диктуя присланному Нелидовымъ на „Ливадію“ дипломатическому чиновнику.

приглашеніемъ возвратиться на прежнюю стоянку. Можно, однако, положительно сказать, что еслибы войска наши окончательно приблизились къ Царьграду, — они нашли бы англійскія суда въ Босфорѣ, а можетъ быть и самый выходъ въ Черное море занятымъ англичанами.

„Когда, при началѣ мирныхъ переговоровъ въ Адрианополѣ, въ Константинополѣ разнесся слухъ о чрезмѣрныхъ, будто бы, условіяхъ нашихъ, о требованіи нами выдачи всего турецкаго флота, изгнаниіи всего мусульманскаго населенія изъ Болгаріи, объ угрозахъ нашей, въ случаѣ отказа, прервать перемиріе и снова наступать на столицу (хотя, въ сущности, занятіемъ мѣстности близъ Чатарджи мы исполняли бы лишь условія демаркаціонной линіи согласно заключеннаго перемирія) — англійскому флоту снова даво было приказаніе подойти къ Босфору подъ предлогомъ огражденія безопасности англійскихъ подданныхъ, но въ сущности для огражденія политическихъ интересовъ Великобританіи. Съ нашей стороны немедленно было заявлено Портѣ, что мы принуждены будемъ взять подобныя же гарантіи занятіемъ Константинополя и Босфора. Англійскій флотъ остановился у Принцевыхъ острововъ и ожидалъ исхода переговоровъ нашихъ съ оттоманскимъ правительствомъ относительно занятія, съ его согласія, пунктовъ внѣ демаркаціонной линіи, установленной перемиріемъ. Султанъ былъ крайне испуганъ мыслью о занятіи нами столицы. Поставленный между угрозами англичанъ и нашими законными требованіями, онъ уступилъ намъ въ томъ, что согласился на переходъ нашихъ войскъ за линію защиты Константинополя и на перенесеніе главной квартиры въ Санъ-Стефано. Это были крайнія уступки, на которыя Порта согласилась, скрѣпя сердце. Еслибы мы настаивали на занятіи Босфора, намъ, вѣроятно, пришлось бы брать его силою. Для этого нужно было прервать мирные переговоры, нарушить перемиріе, объявивъ о томъ туркамъ за три дня впередъ, и повести атаку на линію турецкихъ укрѣпленій. Атака эта требовала сосредоточенія значительныхъ силъ, которыя еще не были собраны, — и, во всякомъ случаѣ, намъ необходимо было положительное повелѣніе Вашего Величества для перехода отъ только-что установившагося мирнаго положенія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Къ тому же, еслибы я подошелъ къ Босфору, англійская эскадра, несомнѣнно, явилась бы туда раньше меня, столкновение сдѣлалось бы неминуемымъ и разрывъ съ Англійей послѣдовалъ бы немедленно.

„Вотъ почему, тщательно донося Вашему Величеству о всемъ происходившемъ и строго изучивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я

принялъ рѣшеніе перенести главную квартиру въ Санъ-Стефано *съ согласія турокъ*, въ надеждѣ, что постоянная угроза Константинополю поведетъ къ скорому заключенію мира и предотвратитъ дальнѣйшія столкновенія.

„Располагать же, по моему усмотрѣнію, берегами Босфора—мнѣ было невозможно, какъ потому, что я никогда не получилъ бы на это согласія турокъ, такъ и вслѣдствіе матеріальныхъ препятствій, которыя я, несомнѣнно, встрѣтилъ бы со стороны англичанъ. Я не считалъ себя вправѣ добровольно вызывать здѣсь столкновение съ Великобританіей въ то самое время, когда нашею дипломатіей дѣлались всевозможныя попытки къ мирному улаженію затрудненій и къ предотвращенію пагубной для насъ войны.

„Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду по мѣрѣ возможности гарантировать наши интересы и приготовить средства къ приближенію къ Босфору, я тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Реуфъ-пашою относительно направленія нашихъ войскъ на Пиргось-Бѣлградъ, для посадки ихъ, современемъ, на суда въ Буюкдэре. Турецкій военный министръ, съ своей стороны, не встрѣчалъ препятствій къ исполненію этого плана; но когда статья объ отправкѣ нашихъ войскъ моремъ должна была быть помѣщена въ мирный трактатъ,—турки тщательно ограничили это право Чернымъ и Мраморнымъ морями, преднамѣренно исключивъ Босфоръ. Мы, слѣдовательно, могли исполнить задуманный проектъ только *съ согласія турокъ*, и намъ слѣдовало испросить для него *разрѣшенія* оттоманскаго правительства. Хотя Реуфъ-паша, во время переѣзда до Одессы, и общалъ графу Игнатьеву написать объ этомъ въ Порту и выразилъ надежду, что не встрѣтятся большихъ препятствій,—но какъ только зашелъ разговоръ о посадкѣ войскъ въ Буюкдэре, все турецкое министерство и самъ султанъ сильно возстали противъ этого. Было ли ихъ сопротивленіе искренно, или ихъ подбилъ къ тому англійскій посоль—это мнѣ точно неизвѣстно: тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ наши старанія и объясненія, отказъ былъ самый положительный, и общественное мнѣніе въ Константинополѣ, какъ между турками, такъ и между европейцами и даже иностранными представителями, выказало себя крайне враждебнымъ нашему ходатайству.

„Англійскій посоль угрожалъ, говорятъ, Портѣ вступленіемъ британскаго флота въ Босфоръ. Но не передъ его угрозами остановился я, а передъ невозможностью привести турокъ *къ согласію* на нашъ планъ и передъ еще большею невозможностью нару-

шить собственною властью едва заключенный и весьма для насъ выгодный мирный трактатъ. Мнѣ казалось, что моя первая и священнѣйшая обязанность была: избѣгать столкновенія на мѣстѣ, котораго такъ страстно добивались, самыми не позволительными средствами, всѣ наши враги и во главѣ ихъ—англійскій посолъ. Россія могла бы упрекнуть меня—и Ваше Императорское Величество весьма основательно взыскали бы съ меня, еслибъ я, собственною волею, отнялъ у нашего отечества благодѣянiя мира, составляющаго постоянную заботу какъ вашу, такъ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ вашихъ.

„Я съ полною искренностью излагалъ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всѣ практическiя затрудненiя для исполненiя желанiя вашего о занятiи укрѣпленiй Босфора; я не скрывалъ отъ васъ, что затрудненiя эти растутъ ежечасно и, при продолженiи настоящаго положенiя, могутъ принять характеръ невозможности. Стараясь исполнять, по крайнему моему разумѣнiю и силамъ, предначертанiя Вашего Величества, я изыскивалъ всѣ средства, чтобы оградить наши интересы и сохранить возможность занять Босфоръ мирнымъ путемъ. Употребленiе же силы и возобновленiе войны—зависѣло исключительно отъ Августѣйшей воли и приказанiя Вашего Императорскаго Величества“.

3) „Ваше Императорское Величество! Князь Горчаковъ шифрованной телеграммою отъ 27-го марта увѣдомилъ меня, что князь Бисмаркъ предложилъ слѣдующiй компромиссъ: англійскому флоту очистить Константинопольскiя воды и уйти за Дарданеллы, а нашимъ войскамъ—отойти отъ Босфора на разстоянiе, соотвѣтствующее тому времени, которое нужно англійскому флоту для возвращенiя на занимаемыя имъ теперь мѣста. Такъ какъ въ концѣ этой телеграммы сказано, что Ваше Величество уже изъявили согласiе на посредничество Германiи въ этомъ смыслѣ ¹⁾, и что вслѣдствiе этого я могу получить приказанiе объ отводѣ нашихъ войскъ съ занимаемыхъ ими нынѣ позицiй—я и увѣдомилъ Ваше Величество, что могу отойти не далѣе, какъ на линiю Чатаджи.

„Но Ваше Величество спрашиваетъ меня, на какомъ расчетѣ основано соображенiе объ отводѣ войскъ именно на эту линiю. Слѣшу объясниться.

„Мы стоимъ теперь на разстоянiи 9-ти верстъ отъ стѣнъ

¹⁾ Подлинный текстъ окончанiя телеграммы князя Горчакова: „Avons répondu, qu'Empereur accepte proposition dans ces termes, en appréciant le caractère amical et la haute valeur, qu'y donne la puissance de l'Allemagne“.

Константинополя. Но близость къ нему не даетъ намъ возможности оборонять входъ въ Черное море черезъ Босфоръ, ибо оборона эта становится возможною лишь у Буюкдэре, до котораго отъ Санъ-Стефано 26 верстъ. Поэтому, строго говоря, мы уже теперь находимся въ такомъ же разстояніи отъ Буюкдэре, въ какомъ будетъ находиться англійскій флотъ, если отойдетъ въ Безикскую бухту, откуда ему нужно 15 и, много, 18 часовъ времени, чтобы дойти до Босфора. Но, имѣя въ виду возможность отвода войскъ изъ занимаемаго ими нынѣ расположенія, я указалъ на линію Чаталджи, какъ на крайній предѣлъ возможнаго нашего удаленія отъ Босфора. Оттуда до стѣнъ Константинополя—36 верстъ по прямой линіи, а до Буюкдэре—48 верстъ по кратчайшей дорогѣ. Принимая во вниманіе свойства мѣстности и дорогъ, для артиллеріи крайне затруднительныхъ, мы можемъ дойти отъ Чаталджи до стѣнъ Константинополя на второй, а до Буюкдэре—только на третій день.

„Слѣдовательно, отступивъ на линію Чаталджи, мы будемъ находиться въ гораздо большемъ разстояніи отъ Босфора, чѣмъ англійскій флотъ, если онъ отойдетъ въ Безикскую бухту. Вотъ почему я указалъ на Чаталджу, какъ на крайній предѣлъ, до котораго могутъ быть отведены наши войска. Отойти далѣе—невозможно еще и потому, что войска негдѣ будутъ расквартировать, по совершенному отсутствію жилищъ помѣщеній.

„Въ заключеніе считаю долгомъ прибавить:

„Во всѣхъ вышеизложенныхъ соображеніяхъ я не принималъ вовсе въ расчетъ то сопротивленіе, которое мы можемъ встрѣтить со стороны турецкой арміи. А это между тѣмъ такое обстоятельство, которое нельзя не принять въ самое серьезное соображеніе.

„Я никогда и не помышлялъ объ отводѣ войскъ изъ настоящаго ихъ расположенія безъ особаго, положительнаго на то повелѣнія Вашего Величества“.

Около 4 ч. дня курьеръ со всѣми этими донесеніями былъ отправленъ, и вслѣдъ затѣмъ представился случай пріятно отдохнуть послѣ усиленной работы. Пріѣхалъ командиръ парохода „Константинъ“, георгіевскій кавалеръ Макаровъ ¹⁾ и предложилъ князю Евгенію Максимиліановичу прокатиться по Босфору, на его паровомъ катерѣ, славящемся своею быстроходностью.

¹⁾ Погибъ въ чинѣ вице-адмирала вмѣстѣ съ броненосцемъ „Петропавловскъ“, 31-го марта 1904 г., въ портъ-артурскихъ водахъ.

Евгеній Максимиліановичъ пригласилъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго, генераль-адъютантовъ Попова (вице-адмиралъ) и Гершельмана и меня. Макаровъ самъ сѣлъ на руль, и мы понеслись стрѣлой, продѣлывая на ходу самыя смѣлыя повороты и зигзаги. На всѣхъ иностранныхъ и турецкихъ судахъ всё высыпало на палубу и любовались ловкими и быстрыми маневрами нашего парового катера. Евгеній Максимиліановичъ, любитель и знатокъ морскихъ гонокъ, былъ въ восторгѣ. Послѣ полуторачасоваго катанья мы вернулись на „Ливадію“ къ обѣду.

31 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — День провелъ интересно и пріятно. Рано утромъ пріѣхалъ съ докладомъ инспекторъ госпиталей, генераль Коссинскій, и, будучи скоро отпущенъ, предложилъ съѣхать вмѣстѣ съ нимъ на берегъ покататься. Съ разрѣшенія Великаго Князя, я поѣхалъ. На пристани Топхане уже ожидала Коссинскаго, въ ландо, его свояченица, С. А. Шершевская. Она продѣлала весь походъ сестрою милосердія, заразилась тифомъ и, по выздоровленіи, пріѣхала въ Константинополь отдохнуть. Коссинскій меня ей представилъ, и мы отправились втроемъ сперва въ гостиницу—закусить, а затѣмъ—ко дворцу Ильдизъ-Кіоскъ, смотрѣть „селямлыгъ“, т.-е. парадный выѣздъ султана въ мечеть, бывающій еженедѣльно, по пятницамъ. Проѣхали черезъ всю Перу и, доѣхавъ до Ильдизъ-Кіоска, остановились на площадѣ, между дворцовымъ садомъ (зуда, конечно, не пускаютъ) и мечетью. На площадѣ были выстроены войска и прохаживались турецкіе паши и офицеры въ парадной формѣ.

Выходъ долженъ былъ начаться ровно въ 12 ч., но султанъ на полчаса опоздалъ. Между тѣмъ, экспромтомъ, пріѣхалъ и Великій Князь, вышелъ изъ коляски и вмѣшался въ толпу зрителей. Объ этомъ, очевидно, тотчасъ сообщили, потому что не прошло и пяти минутъ, какъ явился Реуфъ-паша и, подойдя къ Великому Князю, привѣтствовалъ его. Около 12¹/₂ заиграла музыка и началось шествіе, открытое офицерами дворцовой стражи, по два въ рядъ. За ними ѣхалъ, на чудномъ бѣломъ арабскомъ конѣ, самъ султанъ, въ черномъ сюртукѣ со звѣздою. Сановники слѣдовали за нимъ пѣшкомъ. Съ появленіемъ султана, войска закричали: „Падішахъ чохъ-яшси!“ (да здравствуетъ султанъ на многія лѣта), а съ приближеніемъ его къ мечети двое придворныхъ, пятясь задомъ, начали ему кадить какими-то благовоніями изъ серебряныхъ вадильницъ. На паперть мечети вышелъ имамъ и завопилъ громкимъ голосомъ какое-то привѣтствіе. Проѣзжая мимо Великаго Князя, султанъ, съ улыбкою, нѣсколько разъ по-

квивалъ ему головой. Когда султанъ вступилъ въ мечеть, то лишь очень немногія лица его свиты пошли за нимъ: большинство осталось на улицѣ. Реуфъ-паша, подойдя къ Великому Князю, доложилъ, что султанъ просить его, пока, присѣсть и посмотреть парадъ. Въ то же время всѣ стоявшія на площадеѣ войска были уведены въ садъ Ильдизъ-Кюска. Оттуда началось прохождение церемоніальнымъ маршемъ, по-полуротно, съ музыкою, мимо Великаго Князя. Въ головѣ прошла дворцовая стража, состоящая изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, въ формѣ, напоминающей нашу пажескую. За ними—баталіонъ національной гвардіи, баталіонъ саперъ-пожарныхъ (подражаніе французскимъ sapeurs-propriers), баталіонъ морской пѣхоты, баталіонъ негровъ и два баталіона полевой пѣхоты. Всѣ прошли шагомъ (довольно слабо), а послѣдніе два баталіона—бѣгомъ, отлично. Я особенно заинтересовался баталіономъ негровъ, въ которомъ и всѣ офицеры тоже чернокожіе. Этотъ баталіонъ, очевидно, не сколоченъ: выдающіеся молодцы перемѣшаны съ очевидно-невымуштрованными уродами, способными однимъ своимъ видомъ привести въ отчаяніе хорошаго строевика. Одежда и вооруженіе всѣхъ видѣнныхъ нами войскъ очень хороши, но бросается въ глаза совершенно недопустимое, по нашимъ понятіямъ, неряшество: даже у многихъ офицеровъ мундиры были полуравстегнуты, панталоны—полузасучены, изъ-подъ нихъ выглядывали приспущенные на полусапожки чулки, оружіе и аммуниція надѣты криво и косо. Зато, съ другой стороны, пріятно было видѣть отсутствіе всякой суеты. Войска пришли всего минутъ за пять до полудня, сами стали на свои мѣста, безъ всякаго предварительнаго священнодѣйствія, и стояли вольно почти до самаго начала султанскаго выхода. Какъ офицеры, такъ и солдаты, не стѣсняясь присутствіемъ высшихъ сановниковъ, рассказывали, присаживались, бесѣдовали между собою и курили. Всего за 2—3 минуты до появленія султана раздалась чья-то спокойная, негромкая команда—и всѣ стали смирно на свои мѣста. Никто ихъ не равнялъ и не суетилъ. Это намъ не мѣшало бы перенять у турокъ.

На парадъ присутствовали, построенные въ двѣ шеренги, наши щегольски-одѣтые фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры полковъ л.-гв. преображенскаго и семеновскаго. Они были отпущены въ Константинополь погулять. Султанъ, проѣзжая мимо нихъ, съ улыбкою приложилъ руку къ фескѣ.

По окончаніи парада, Реуфъ-паша пригласилъ Великаго Князя въ Ильдизъ-Кюскъ, обѣдать, пока султанъ вернется туда изъ мечети. Съ Великимъ Княземъ пошли только принцъ Александръ

Петровичъ Ольденбургскій, Непокойчицкій и дежурный адъютантъ. Всѣ остальные, въ томъ числѣ и мы, уѣхали, не ожидая обратнаго проѣзда султана.

Съ селамлыка мы поѣхали въ Стамбуль, на базарь, а отъ туда—смотришь гробницы султановъ: Махмуда, Абдуль-Меджида и Абдуль-Азиса, въ очень красивой круглой мечети. Затѣмъ — на площадь Атмейданъ, гдѣ спустились въ подземелье „1000 колоннъ“ временъ императора Константина. Спускъ туда на 20 — 25 ступеней, совершенно свободный: мы застали въ подземельи зрѣдное число мастеровыхъ-штучниковъ, работавшихъ каждый при свѣтѣ своей лампочки. Проводникъ объяснилъ, что многие изъ нихъ тутъ же и ночуютъ.

Осмотрѣли еще „Ени-Саари“, музей старинныхъ мусульманскихъ костюмовъ, помѣщающійся на Атмейданѣ, во дворѣ бѣднаго, грязнаго дома. Входъ — по деревянной, полутемной лѣстницѣ. Весь музей состоитъ изъ 3—4 комнатъ: полы — деревянные, стѣны — крашенныя, грязныя, потолокъ — закопченный, окна — подслѣповатыя, немштыя и неотворявшіяся, вѣроятно, со времени постройки музея. По комнатамъ разставлены довольно типичныя напевены въ обветшалыхъ костюмахъ первой половины XIX столѣтїя.

Этимъ закончилась наша поѣздка: я поблагодарилъ В. Д. Косицкаго и С. А. Шершевскую и вернулся на „Ливадію“ незадолго до обѣда. Около 6 часовъ погода вдругъ круто измѣнилась: солнце спряталось и задулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ.

Великій Князь возвратился на „Ливадію“ почти тотчасъ за мною вслѣдъ. Оказалось, что онъ бесѣдовалъ съ султаномъ по поводу требованія Государемъ скорѣйшаго очищенія крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, но никакого опредѣленнаго отвѣта не добился. Государю донесъ объ этомъ слѣдующею шифрованной телеграммою:

„Былъ сегодня у султана, говорилъ о скорѣйшей передачѣ крѣпостей. Реуфъ просилъ повременить до воскресенья, тогда общалъ дать положительныя свѣдѣнія и отвѣтъ, который немедленно тебѣ сообщу. Нелидовъ боленъ, лежитъ въ постели, и потому не могъ до сихъ поръ вступить въ свои новыя обязанности“.

Великій Князь заявилъ также султану, что желаетъ осмотрѣть правый флангъ турецкой позиціи, до Буюкдэре включительно, и султанъ изъявилъ согласіе. Обѣздъ назначенъ на завтра; составъ свиты самый ограниченный. Съ Великимъ Княземъ поѣдутъ только: князь Евгенийъ Максимиліановичъ, принцъ Але-

ксандръ Петровичъ Ольденбургскій, генераль-адъютанты Непокойчицкій, Гурко и графъ Шуваловъ, генераль-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, свиты его величества генераль-маіоры Эллисъ 1-й и Левицкій, генераль-маіоръ Яфимовичъ, первый драгоманъ Ону и я.

1 апреля. — Въ 9 час. утра мы съѣхали съ „Ливадіи“ на берегъ, ко дворцу Долма-Бахче. На набережной уже ожидали два флигель-адъютанта султана съ конными шталмейстерами, жюкеями и заптіями (жандармами) въ парадной формѣ и четыре придворныхъ ландо четверками. Всѣ назначенные были въ сборѣ, кромѣ Скобелева 2-го, который, будучи занятъ объѣздомъ своихъ войскъ, прислалъ доложить объ этомъ молодого офицера генеральнаго штаба Сахарова 3-го (только-что выпущеннаго изъ академіи). Великій Князь приказалъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Погода была ужасная: холодъ, вѣтеръ, изморозь, туманъ. Красота пути изъ Константинополя къ Босфору совершенно пропала: по временамъ, изъ-за тумана, ничего не видѣли. На пути до Терапіи, другіе замѣтили много укрѣпленій, но я разглядѣлъ только одно, и то дрянное. Проѣзжали мимо турецкихъ лагерей: войскъ насчитали немного, всего баталіоновъ 12 пѣхоты, эскадрона 4 конницы и 6—8 орудій. Въ Терапіи остановились для заказаннаго по телеграфу завтрака въ гостинницѣ.

Только-что сѣли за столъ, какъ входитъ неизвѣстный чело-вѣкъ, въ каучуковомъ плащѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, и, никому не кланяясь, обращается къ Великому Князю съ вопросомъ: „Parlez-vous l'anglais?“ Великій Князь, взглянувъ на него, кивнулъ головою на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ князя Евгенія Максимиліановича. Тогда англичанинъ сталъ высказывать претензію, что наши экипажи загородили проѣздъ изъ-подъ воротъ гостинницы на набережную такъ, что онъ не можетъ пробраться даже верхомъ. Ону отвѣтилъ ему, что экипажи — султанскіе, и поэтому пусть обратится къ флигель-адъютантамъ султана. Одинъ изъ нихъ (сынъ перваго министра, Ахмедъ-Вефика, тотчасъ всталъ, увелъ нахала съ собой и вскорѣ вернулся. Но вслѣдъ за нимъ вернулся англичанинъ и, обратившись къ адъютанту, тономъ крайняго раздраженія повторилъ свое требованіе очистить дорогу для его верховой лошади. Адъютантъ опять вышелъ вмѣстѣ съ англичаниномъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ одинъ, рассказалъ, что дѣло улажено. Англичанинъ настаивалъ, чтобы всѣ экипажи выѣхали изъ-подъ воротъ на набережную, въ сторону противоположную тому направленію, по которому ему нужно было ѣхать. Адъютантъ приказалъ одному изъ конюховъ про-

вести лошадь англичанина подъ воротами въ поводу, мимо экипажей, со двора гостинницы на набережную. Англичанинъ сталъ ругаться и протестовать, но когда лошадь была выведена — примирился съ совершившимся фактомъ, сѣлъ верхомъ и, ворча себѣ подъ носъ, уѣхалъ.

Беликій Князь отнесся къ этому случаю равнодушно.

Кто это былъ — осталось неизвѣстнымъ: турки говорили, что, кажется, сынъ англійскаго генеральнаго консула Фаусетта.

Изъ Терапіи, послѣ завтрака, мы проѣхали въ Буюкдэре. Предполагалось сѣздить еще въ Бѣлградъ, но по причинѣ отвратительной погоды туда не поѣхали и остались въ Буюкдэре, на нашей посольской дачѣ, ожидать прибытія нашего парового катера, которому назначено было явиться туда къ 3-мъ часамъ. Ждать пришлось, однако, еще дольше: замедленіе вышло оттого, что первый посланный катеръ долженъ былъ вернуться изъ-за порчи машины. Послали второй, на которомъ пріѣхалъ самъ адмиралъ, генераль-адъютантъ Поповъ. На этомъ катерѣ уѣхали Беликій Князь, князь Евгенийъ Максимиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ, Непокойчицкій, Левицкій, Яфимовичъ и я; остальные участники поѣздки отправились обратно въ коляскахъ, чтобы вернуться по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя въ Санъ-Стефано.

Нашъ катеръ сильно качало и обдавало волной. Примѣрно на полдорогѣ встрѣтили еще одинъ паровой катеръ, которому Поповъ заранѣе приказалъ идти за нимъ на всякій случай. Эта адмиральская предусмотрительность оправдалась блистательно: не прошло и пяти минутъ, какъ нашъ катеръ сталъ — и у него машина испортилась. Пришлось пересаживаться на вновь подошедшій. Къ 4^{1/2} ч. благополучно добрались до „Ливадіи“. Довольно странно и для военнаго времени въ особенности непонятно, что на паровыхъ катерахъ императорской яхты такіа ненадежныя машины.

Послѣ обѣда Государю была послана слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Ѣздилъ на Маслакъ, Терапію и Буюкдэре. Вездѣ укрѣпленія съ сухого пути, но работы приостановлены, хотя много сдѣлано. Мѣстность ужасно пересѣченная, скалистая и труднопроходимая. Погода холодная, дождь и вѣтеръ“.

2 апрѣля, воскресенье, на яхтѣ „Ливадія“. — Ночью была получена телеграмма Государя:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ поздно

вечеромъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю положительнаго отвѣта ¹⁾ и прїѣзда Имеретинскаго“.

Отвѣчено Великимъ Княземъ сегодня утромъ:

„Получилъ твою депешу ночью. Ожидаю сегодня отвѣта отъ турокъ о трехъ мѣстахъ; тогда поступлю, какъ было тобою приказано, и тебѣ сообщу. Новаго ничего, погода холодная“.

Съѣздили опять на берегъ, были у обѣдни въ посольской церкви и затѣмъ завтракали въ посольствѣ. Послѣ завтрака Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Отъ Циммермана ²⁾ получилъ, что изъ Шумлы войска и материалы свозятся въ Варну и отправляются далѣе моремъ. Настойчиво требую, чтобы живѣй очищали всѣ три мѣста. Не могу ли имъ обѣщать, что когда они очистятъ эти пункты, то мы имъ сдадимъ Эрзерумъ: надѣюсь, что это поможетъ. Но на намекъ, имъ сдѣланный Ону, что я назначу срокъ для очищенія, они говорятъ, что объ этомъ въ мирномъ договорѣ не упомянуто. Египетскія войска, вывезенныя изъ Варны, вывозятся въ Египеть, по требованію вице-короля“.

Часа за два до обѣда мы вернулись на „Ливадію“. Великій Князь, получивъ шифрованную депешу отъ Государя, ушелъ вмѣстѣ съ Непоквойчицкимъ въ свою каюту. Выйдя къ обѣду, отослалъ на берегъ тоже шифрованный отвѣтъ. Ни мнѣ, ни Скалону (который хранить всѣ его секретныя бумаги и писать подъ его диктовку его личный дневникъ) ничего не сказалъ. Очевидно, депеша была особо секретная. Я пристально наблюдалъ за нимъ, стараясь угадать по выраженію голоса и лица, не получилъ ли онъ какое-либо тревожное или непріятное извѣстіе. Но Великій Князь не обваруживалъ ни волненія, ни озабоченности. Только подъ конецъ обѣда я подмѣтилъ, что онъ молча чокнулся съ Непоквойчицкимъ, бросивъ на него какъ бы нечаянный взглядъ.

Впослѣдствіи оказалось, что въ сегодняшней телеграммѣ Государя заключалось слѣдующее извѣщеніе:

„Имеретинскій прибылъ вчера вечеромъ, передалъ мнѣ всѣ твои порученія. Согласно твоему желанію имѣть отдохновеніе при разстроенномъ здоровьи, я увольняю тебя отъ командованія арміею и назначаю на твое мѣсто генераль-адъютанта Тотлебена, а Имеретинскаго—начальникомъ штаба при немъ, но прошу тебя держать это въ секретѣ до ихъ прибытія въ армію“.

¹⁾ Насчетъ очищенія турками Батума, Варны и Шумлы.

²⁾ Начальникъ нижне-дунайскаго отряда, командиръ 14-го корпуса.

3 апреля. — Вернулись въ Санъ-Стефано.

Получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (переводъ съ французскаго):

„Англійскій кабинетъ соглашается отвести флотъ изъ Мраморнаго моря, Дарданеллъ и Сересскаго залива въ Безику, если наша армія отойдетъ за линію Деде-Агачъ, къ Адрианополу, вдоль желѣзной дороги, которая могла бы тогда остаться въ нашихъ рукахъ, а отъ Адрианополя—позади линіи, проведенной на востокъ до Чернаго моря. Бисмаркъ и мы нашли эти условія неприемлемыми и несогласными съ германскими предложеніями, основанными на равенствѣ разчета времени, соображеннаго съ разстояніями. Отвѣтъ Салисбюри еще неизвѣстенъ. Выразили Бисмарку просьбу о продолженіи его добрыхъ услугъ.— Горчаковъ“.

Великому Князю сильно нездоровится. Сегодня отправляется въ Петербургъ фельдъегерь съ представленіемъ къ наградамъ отличившихся частей войскъ. Государь уже неоднократно торопиль съ этимъ представленіемъ, такъ какъ желаетъ объявить награды въ первый день Пасхи.

4 апреля, Санъ-Стефано. — Великій Князь мучится сильною головою болью, ревматическою ломотою во всемъ тѣлѣ. Очень ослабѣлъ. Сегодня не могъ выйти изъ дому на благодарственный молебень, отслуженный по случаю годовщины злодѣйскаго погубшенія 1866 года.

5 апреля, Санъ-Стефано. — Обермиллеръ уложилъ сегодня Великаго Князя въ постель.

Несмотря на безусловное молчаніе Великаго Князя и Непойчицкаго, сегодня уже пошли слухи, что ихъ обоихъ отзываютъ и на смѣну имъ ѣдутъ Тотлебенъ съ Имеретинскимъ. Считаю это весьма вѣроятнымъ, въ виду несомнѣннаго неудовольствія Государя по вопросу о захватѣ Босфора. Государь, очевидно, остался при убѣжденіи, что этотъ фантастическій планъ исполнимъ: запоздалые доводы Великаго Князя его не убѣдили, а только еще болѣе раздражили. Грустно, но повидимому несомнѣнно, что Великому Князю готовится опала и по меньшей мѣрѣ — незаслуженно-холодный приемъ. Впечатлѣніе побѣдоносно-оконченной кампаніи уже отодвинуто на самый задній планъ обиднымъ сознаниемъ необходимости уступокъ англійскому вмѣшательству.

Злополучная идея захвата Босфора поставила бѣднаго Великаго Князя въ безвыходно-трагическое положеніе. Теперь онъ бу-

детъ виновать, что этого не сдѣлалъ; а еслибы безпрекословно исполнилъ повелѣніе—былъ бы виновать, что не стумѣлъ.

Сегодня ночью получена шифрованная телеграмма Государя отъ вчерашняго дня.

„Въ отвѣтъ на твою телеграмму 2-го апрѣля объ очищеніи турками трехъ крѣпостей, разрѣшаю общать ямъ съ нашей стороны очищеніе Эрзерума, съ нѣкоторою однако оговоркою относительно вывоза нашихъ больныхъ, число которыхъ значительно, тогда какъ перевозка крайне затруднительна. Можно также общать начать выдачу плѣнныхъ, но кромѣ того не признаешь ли возможнымъ стовориться съ Портою о вступленіи нашихъ войскъ въ крѣпости, не ожидая полнаго очищенія ихъ турками, подобно тому, какъ было при занятіи нами Дунайскихъ крѣпостей. При этомъ не могу не замѣтить, что еще въ телеграммѣ Непоквойчицкаго отъ 20-го марта было сказано, что послано уже приказаніе Дервишу-пашѣ объ очищеніи Батума, а между тѣмъ онъ и до сихъ поръ отговаривается неполученіемъ приказанія“.

Отвѣтъ Великаго Князя:

„Благодарю за депешу ¹⁾. Общая слабость при сильной головной боли, лихорадочнаго состоянія нѣтъ. Шифрованную твою депешу отъ 4-го получилъ. Исполню все, что ты приказалъ. Прошу съ общою выдачею плѣнныхъ еще повременить, а выдать на первый разъ не болѣе нѣсколькихъ тысячъ“.

Сегодня же военный министръ телеграммою сообщилъ высочайшее повелѣніе: немедленно возвратить въ Финляндію л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ.

Отъ князя Горчакова получена шифрованная телеграмма (переводъ съ французскаго):

„Только-что приняли въ Берлинѣ англо-германское контръ-предложеніе, извѣстное В. И. В-ву, но оговорили, что должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, относительно нашего военнаго положенія. Убри ²⁾ телеграфируетъ сегодня, что телеграммы Мюнстера ³⁾ считаютъ настоящее германское посредничество послѣднимъ средствомъ для избѣжанія войны, и если оно потерпитъ неудачу, то война неизбежна, ибо Англія воинственно настроена и готова.—Горчаковъ“.

¹⁾ Не за эту, а за слѣдующую, полученную также сегодня:

„Надѣюсь, что тебѣ сегодня лучше. Шифрованную телеграмму твою отъ сегодняшняго утра получилъ. Дондуковъ выѣдетъ отсюда въ концѣ недѣли“.

²⁾ Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

³⁾ Германскій посолъ въ Лондонѣ.

Въ чемъ заключается англо-германское контръ-предложеніе — не знаю: очевидно, что послѣ депеши князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (см. 3-е) была еще другая, которую не я расшифровалъ. Но можно догадываться, что мы сдѣлали англичанамъ какую-то уступку, если не въ полномъ объемѣ, то отчасти. А такъ какъ переговоры съ Лондономъ идутъ при посредничествѣ Бисмарка, то успѣшный ихъ исходъ дѣлается вопросомъ личнаго самолюбія послѣдняго, и, слѣдовательно, если ему не удастся склонить къ уступкамъ англичанъ (въ чемъ можно быть увѣреннымъ), то онъ употребитъ все свое вліяніе, чтобы убѣдить насъ въ необходимости уступить. Этимъ можно объяснить и запугиванья графа Мюнстера: трудно повѣрить, чтобы Англія дѣйствительно желала войны, и невозможно повѣрить, чтобы она (за исключеніемъ флота) была къ ней вполне готова. Англія просто хочетъ поставить на своемъ и настойчиво этого добивается, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она непремѣнно желала войны. Еслибы такъ, то она сумѣла бы довести до разрыва раньше.

6 апрѣля. — Великій Князь, почувствовавъ облегченіе и въ виду возстановившейся чудной погоды, поѣхалъ сегодня на „Ливадію“ на Принцевы острова и, вернувшись вечеромъ, остался на яхтѣ ночевать.

7 апрѣля. — Утромъ узналъ, что Великій Князь съ Непокѣичицкимъ и своими спутниками, послѣ вчерашней поѣздки, неожиданно ушелъ на „Ливадію“ въ Константинополь, приказавъ сказать, что вернется въ воскресенье, 9-го апрѣля, утромъ. Узнавъ объ этомъ, я очень пожалѣлъ, что уклонился вчера отъ поѣздки на Принцевы острова, тѣмъ болѣе, что единственною причиною этого уклоненія было мое удрученное настроеніе. Томительная неизвѣстность, угнетающая насъ всѣхъ, доканала-таки меня. А справляться съ самимъ собою мнѣ легче въ одиночествѣ, чѣмъ на людяхъ. Изъ-за этого вчера и не поѣхалъ. Вышло хуже: теперь до воскресенья не буду ничего знать.

8 апрѣля. — Недаромъ, однако, я остался въ Санъ-Стефано: *вчера вечеромъ* довелось испытать — землетрясеніе. Мѣстные жители увѣряютъ, что столь сильнаго здѣсь никогда не бывало.

Только-что пробило 9 ч. вечера. Я читалъ романъ Додэ: „Le Nabab“, а Левицкій съ полковникомъ Разгоновымъ играли въ шашки. Вдругъ послышалось сильное волненіе на морѣ (окна наши выходили на набережную); шумъ волнъ все усиливался, хотя вѣтра не было. Мы не обратили на это никакого внима-

ніа. Но вотъ — ровно въ 9 ч. 5 м. (я тотчасъ взглянулъ на часы) — послышался негромкій, глухой гулъ и мягкій, сухой трескъ въ стѣнахъ, причемъ вполне ясно видѣлось, что угловыя стѣны комнаты находятъ одна на другую. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-либо сообразить, черезъ двѣ-три секунды, раздался вторичный, гораздо болѣе сильный трескъ, стѣны явственно завачались, и мы всѣ трое, съ крикомъ: „землетрясеніе!“ — выскочили на набережную. Съ четверть часа мы стояли, безъ шапокъ, на набережной, ожидая, что будетъ дальше. Сердце билось усиленно въ ожиданіи повторенія грознаго явленія природы: никогда я не ощущалъ такого безпомощнаго страха, какъ вчера вечеромъ. Наконецъ, мы рѣшились вернуться въ комнату, но только для того, чтобы надѣть пальто и фуражки и выйти снова на воздухъ. Море продолжало усиленно волноваться, несмотря на полное безвѣтріе; небо густо заволокло черными тучами, сквозь которыя изрѣдка, боязливо, выглядывала полная луна. Въ неподвижномъ воздухѣ стояло банное тепло, дышалось тяжело. Всѣ высыпали на улицу и обмѣнивались пережитыми ощущеніями: большинство воспріяло ихъ еще сильнѣе, чѣмъ мы. Князь Масальскій ¹⁾, живущій надъ нами въ томъ же домѣ, отъ второго толчка упалъ. У другихъ качались и падали на полъ свѣчи и разныя вещи. Мѣстный кафе-шантанъ, помѣщающійся въ жиденькомъ деревянномъ домѣ, затрясся до основанія; пѣвицы завопили, попадали въ обморокъ и были вынесены на улицу нашими офицерами. Всѣ вообще женщины, здѣшнія и пріѣзжія, которыхъ мы видѣли на улицахъ, были внѣ себя отъ ужаса и въ состояніи полнаго безволія. Мѣстные мужчины ходили и стояли группами, съ совершенно-растерянными лицами и отвѣчали на наши вопросы безсвязнымъ бормотаньемъ, общій смыслъ котораго былъ одинъ: такое сильное землетрясеніе для нихъ таковой же потрясающей сюрпризъ, какъ и для насъ.

Долго мы бродили по улицамъ Санъ-Стефано. Наконецъ намъ вспало на мысль сходить на телеграфъ, узнать, нѣтъ ли свѣдѣній изъ Константинополя. Оказалось, что получена телеграмма: между 10 и 11 ч. вечера ожидается повтореніе землетрясенія и притомъ еще сильнѣе. Предупрежденіе подтвердилось лишь отчасти: въ 10 ч. 15 м., дѣйствительно, почувствовалось сотрясеніе, но гораздо болѣе слабое, причемъ никакого гула не было. Затѣмъ пришла еще телеграмма, предупреждающая о вѣроятномъ повтореніи землетрясенія между 3—4 ч. ночи.

¹⁾ Начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-адъютантъ.

Что дѣлать? Оставаться въ домѣ—опасно, а спать хочется. Мы рѣшили вынести наши кровати въ садъ, поставили ихъ какъ можно дальше отъ дома, къ самому забору, и, не раздѣваясь, улеглись. Накрывшись кожаными пальто и надѣвъ бапшыкъ, я очень скоро заснулъ, и только сегодня утромъ узналъ, что землетрясеніе въ предсказанное время дѣйствительно было, и что почти всю ночь накрапывалъ тихій, небольшой дождь. Къ 8 ч. утра, когда я проснулся, солнце сіяло на безоблачномъ небѣ, было тепло и тихо.

Изъ всѣхъ пережитыхъ мною сильныхъ ощущеній ни одно не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое произвело землетрясеніе. Чувствуешь себя совершенно подавленнымъ сознаніемъ своего ничтожества и беззащитности.

День прошелъ въ томительномъ бездѣльи, но зато вечеромъ пришло неожиданно-радостное извѣстіе: пріѣхалъ изъ Константинополя начальникъ канцеляріи полевого штаба Стефанъ (ѣздившій на „Ливадію“ съ докладомъ) и объявилъ мнѣ приказаніе Непокійчицкаго собираться въ путь: Великій Князь отправляетъ меня въ понедѣльникъ 10-го апрѣля, въ Петербургъ, курьеромъ къ Государю. Ясно, что и отъѣздъ самого Великаго Князя близокъ, ибо онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что я вернусь домой не иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ.

9 апрѣля, вербное воскресенье.—Великій Князь, вернувшись въ Санъ-Стефано, потребовалъ меня къ себѣ и лично объявилъ, что оставляетъ постъ Главнокомандующаго на этихъ же дняхъ, а меня посылаетъ впередъ для того, чтобы дать мнѣ возможность поскорѣе вернуться къ женѣ. „Завтра поѣзжай съ Богомъ, а явишься Государю—запомни все, что онъ тебѣ скажетъ, и потомъ расскажи мнѣ. Я тебѣ сообщу телеграммою, когда самъ поѣду домой, и ты тогда выѣзжай мнѣ на встрѣчу въ Москву или въ Динабургъ, — смотря потому, по какой дорогѣ я буду возвращаться. По пути мнѣ расскажешь все, что въ Петербургѣ узнаешь“¹⁾.

Я горячо поблагодарилъ Великаго Князя, послалъ телеграмму женѣ и занялся приготовленіями къ отъѣзду.

10-го апрѣля, въ понедѣльникъ, откланялся сперва Непокійчицкому, затѣмъ явился къ Великому Князю. Онъ вѣжливо обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ меня.

¹⁾ Я выѣзжалъ на встрѣчу Великому Князю въ Вильну, куда онъ пріѣхалъ 21-го апрѣля въ 8 ч. вечера, и оттуда въ его поѣздѣ вернулся въ Петербургъ, куда мы пріѣхали 22-го апрѣля въ субботу, въ 2 ч. дня. На встрѣчу Великому Князю выѣжалъ самъ Государь.

Въ 12 ч. дня, я, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ, полковникомъ Бунаковымъ (уволненнымъ въ отпускъ по случаю тяжелой болѣзни жены), отвалили отъ санъ-стефанской набережной на паровомъ катерѣ и въ 1 ч. 45 м. прибыли на громадный пароходъ русскаго черноморскаго общества „Олеги“. Ровно въ 3 ч. „Олеги“ отошелъ, а въ 5 ч. вышелъ изъ Босфора въ Черное море. Сильный, свѣжій вѣтеръ тотчасъ же далъ себя знать, и пассажиры, одинъ за другимъ, начали страдать морскою болѣзью. Послѣ 8 ч. вечера укачало и меня. Ночь была уже мучительна. Вѣтеръ все вѣсилъ и 11-го апрѣля перешелъ въ неистовый штормъ. Этотъ день и вторая ночь были прямо ужасны. Громадный пароходъ перебрасывало, какъ щепку, съ боку на бокъ; разъяренныя волны безпрестанно перекачивались черезъ палубу. Штормъ безъ умолку ревѣлъ, пароходъ безъ перерыва стоналъ и скрипѣлъ. Не только не было возможности устоять на ногахъ, — нельзя было удержаться на койкѣ: пароходные размахи сбрасывали на полъ, выкидывали пассажировъ изъ отдѣльныхъ каютъ въ каютъ-компанію. Съ вечера 10-го до полудня 12-го апрѣля нѣтъ ничего не ѣлъ и не пилъ: всѣ лежали пластомъ. Прислуга тоже исчезла. Меня морская болѣзнь довела до тупой апатіи: беспомощно катаясь по полу взадъ и впередъ, я наконецъ совсѣмъ пересталъ о чемъ-либо думать и впалъ въ какое-то безсознательное состояніе, въ родѣ мучительнаго, безконечнаго сна на-яву.

12-го апрѣля, послѣ полудня, я замѣтилъ, что качка становится слабѣе и ровнѣе, и ощутилъ потребность возвратитъ себѣ образъ человѣческій. Кто-то помогъ мнѣ встать, добраться до умывальника и привести себя въ порядокъ; кто-то пришелъ на помощь; и эти два благодѣтеля (которыхъ я такъ и не могъ вспомнить потомъ) вывели меня подъ-руки изъ каюты на палубу и усадили тамъ на скамейку. Вѣтеръ былъ еще очень сильный и пароходъ качало изрядно, но это было уже ничто въ сравненіи съ выстраданнымъ штормомъ. Свѣжій воздухъ оживилъ меня: ни голода, ни жажды я еще не ощущалъ, въ головѣ было еще пусто, но сознание, что я ѣду домой, — помаленьку вернулось. Вотъ и одесскій рейдъ: движеніе парохода стало плавное, спокойное, ходъ замедлился, и наконецъ „Олеги“ остановился. Было ровно три часа дня 12-го апрѣля — годовщина объявленія войны.

Въ Одессѣ я пообѣдалъ и поѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Въ 10 ч. вечера нашъ поѣздъ отошелъ: путь мой былъ на Раздѣльную, Жмеринку, Казатинъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Вильно,

Динабургъ. Трое съ половиной сутокъ ѣхалъ почти все время въ страшной тѣснотѣ: въ Псковѣ, въ 12^{1/2} ч. дня въ страстную субботу, 15-го апрѣля, меня встрѣтила жена и мы вмѣстѣ прибыли въ Петербургъ въ 8^{1/2} ч. вечера. Прямо съ вокзала я поѣхалъ къ Государю, отправивъ жену домой.

Какъ только я прибылъ въ Зимній дворецъ, меня тотчасъ же провели на Государеву половину, и камердинеръ, доложивъ ему о моемъ прїѣздѣ, немедленно провелъ меня въ его кабинетъ.

Государь всталъ изъ-за письменнаго стола, милостиво поздоровался, подавъ мнѣ руку, принялъ письмо Великаго Князя, сѣлъ и, указавъ мнѣ на стулъ, стоявшій сбоку у письменнаго стола, сказалъ: „Сядись. Какъ ты доѣхалъ?“ Я рассказалъ о претерпѣнной бурѣ. Государь отвѣчалъ: „Да, я знаю, буря была жестокая, много судовъ погибло на Черномъ морѣ. А каково было здоровье брата, когда ты уѣзжалъ?“ Я отвѣтилъ, что въ день моего отъѣзда Великій Князь чувствовалъ себя хорошо, но вообще его здоровье сильно надорвано: всякое переутомленіе, а въ особенности душевное волненіе—вызываютъ сильныя болѣзненные ощущенія: кишиневскій тимпанитъ оставилъ неизгладимые слѣды. Помолчавъ немного, Государь спросилъ: „А какъ здоровье и настроеніе войскъ?“ — „В. И. В.,—отвѣтилъ я:—войска истомились бездѣйствіемъ и неопредѣленностью положенія; это отзывается на состояніи здоровья и въ особенности на состояніи духа. Всѣ ожесточены противъ Англии, отъ генерала до рядового. Всѣ говорятъ, что если нельзя домой, такъ ужъ лучше новая война, чѣмъ напряженное ожиданіе. Конечно, войны никто не желаетъ, но если придется—войска будутъ драться противъ англичанъ съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ противъ турокъ“. Государь вздохнулъ и сказалъ: „Да, я понимаю это. Но придется пойти на нѣкоторыя уступки, чтобъ избѣжать новой войны. Если же они затронутъ честь и достоинство Россіи, чего не дай Богъ, то...“

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ, безъ доклада, великій князь Михаилъ Николаевичъ въ парадной формѣ. Бесѣда прервалась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Великій князь явился благодарить Государя за пожалованіе званіемъ генералъ-фельдмаршала и былъ уже въ фельдмаршальскихъ эполетахъ.

Государь обнялъ и расцѣловалъ брата и, указавъ на меня, сказалъ: „Вотъ, онъ только-что прїѣхалъ отъ брата Николая“. Затѣмъ подавъ руку со словами: „Спасибо тебѣ за службу. Прощай“. Я откланялся и отправился домой. Служба моя въ дѣйствующей арміи кончилась.

Дневникъ мой конченъ. Остается дополнить его свѣдѣніями о послѣднихъ дняхъ командованія Великаго Князя. Я ознакомился съ этими свѣдѣніями уже въ Петербургѣ, разбирая и приводя въ порядокъ его личный архивъ.

6 *апрѣля*, въ 8 ч. 55 м. вечера, получена была шифрованная телеграмма Государя отъ 6¹/₄ ч. вечера:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ сегодня утромъ. Тотлебенъ отправляется сегодня вечеромъ и надѣется прибыть будущую субботу. Кромѣ Неповойчицкаго, требую, чтобы всѣ чины твоего штаба оставались при своихъ должностяхъ и при новомъ главнокомандующемъ. Твоихъ адъютантовъ и ординарцевъ можешь взять съ собою“.

7 *апрѣля*, изъ Константинополя, Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ въ 4 ч. дня:

„Сейчасъ были у меня новыя: первый министръ Садыкъ-паша и военный—Изветъ. Явились ко мнѣ до вступленія въ должность. Передалъ имъ всѣ твои требованія, и они обѣщали, познакомившись съ дѣлами, исполнить все, что будетъ возможно. Изъявили желаніе быть чистосердечными посредниками наилучшихъ сношеній съ нами“.

Въ тотъ же вечеръ былъ полученъ отвѣтъ Государя:

„Сожалѣю весьма, что ты опять страдалъ спазмами. Посмотримъ, будетъ ли переменна министровъ турецкихъ имѣть вліяніе на наши отношенія. Видѣлъ третьяго дня благополучно возвратившійся мой гвардейскій конвой. Поймешь мою радость при видѣ этихъ молодцовъ, бывшихъ неразлучно со мной болѣе шести мѣсяцевъ“.

Въ тотъ же день Великій Князь телеграфировалъ князю Горчакову (переводъ съ французскаго): „Англо-германское контръ-предложеніе, о которомъ упоминаете въ вашей телеграммѣ отъ 5-го апрѣля, мнѣ неизвѣстно. Благоволите сообщить“.

8 *апрѣля* полученъ отвѣтъ отъ 7-го (переводъ съ французскаго): „Англо-германское предложеніе заключается въ назначеніи срока возвращенія англійской эскадры въ Мраморное море, въ случаѣ ея удаленія въ Безику. Эти предложенія подверглись еще видоизмѣненіямъ. Вотъ буквальный текстъ нашего послѣдняго отвѣта: „Принимаемъ англо-германское предложеніе въ принципѣ, но должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, касающихся нашего военнаго положенія“. Такъ какъ лавонизмъ этой телеграммы вызвалъ недоразумѣнія, мы, въ заключеніе, спросили Бисмарка: ранѣе какого срока англійская эскадра не должна, по его мнѣнію, вступать въ Дарданеллы?—Горчаковъ“.

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена еще слѣдующая: „Въ дополненіе вчерашней телеграммы (т.-е. отъ 7-го) сообщая, что Его Величество назначилъ шесть сутокъ сроку для заявленія о возвращеніи англійскаго флота. Сообщили объ этомъ германскому послу, повторявъ заявленіе о необходимости предварительнаго соглашенія съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ подробностей, относящихся до нашего военнаго положенія. — Горчаковъ“.

10 апрѣля. — Великій Князь принималъ болгарскую депутацію, поднесшую благодарственный адресъ (болѣе ста тысячъ подписей) для представленія Государю.

16 апрѣля была получена слѣдующая шифрованная телеграмма отъ 15-го: „Телеграфируемъ Шувалову: Бисмаркъ предлагаетъ, что лучше намъ вступить въ прямые переговоры съ Лондономъ. Сообщите Салисбюри, что мы вполне расположены къ этому, желаемъ ознакомиться съ его видами. Въ доказательство нашего чистосердечія можете сообщить ему тѣ условія, на которыхъ мы можемъ отвести наши войска за предположенную демаркаціонную линію. Не можемъ согласиться на это иначе, какъ при условіяхъ одновременнаго удаленія англійскаго флота на условленное соотвѣтствующее разстояніе и — предварительнаго исполненія Портою статей мирнаго договора о сдачѣ намъ Шумлы, Варны и Батума, съ обязательствомъ не возводить никакихъ новыхъ укрѣпленій въ расширенной нейтральной зонѣ. Прибавьте, что если будетъ достигнуто общее соглашеніе между Англійей и нами, то этимъ или облегчится отступленіе обѣихъ сторонъ, или же будутъ устранены опасности сохраненія ими настоящихъ позицій. — Гирсъ“.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое апрѣля Великій Князь получилъ телеграмму Государя:

„Увольняя тебя, согласно твоему желанію, отъ командованія дѣйствующей арміей, произвожу тебя въ генераль-фельдмаршала, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи. Надѣюсь скоро обнять тебя здѣсь“.

Въ ту же ночь военный министръ сообщилъ о назначеніи Непокройчицкаго членомъ государственнаго совѣта, съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. съ мечами, о назначеніи Радецаго и князя Имеретинскаго генераль-адъютантами и о другихъ наградахъ, разрѣшенныхъ по представленіямъ Великаго Князя.

Новый главнокомандующій, генераль-адъютантъ Тотлебенъ, вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ полевого штаба арміи, княземъ

Имеретинскимъ, прибылъ въ Саяз-Стефано 15-го апрѣля, въ Страстную субботу. Изъ телеграммы Великаго Князя Государю, писанной въ 8 ч. веч., съ поздравленіемъ къ наступающему Свѣтлому празднику, видно, что въ этотъ день къ Великому Князю прѣвѣжалъ Савфеть-паша и познакомился съ Тотлебенемъ и княземъ Имеретинскимъ.

17 апрѣля, въ день рожденія Государя, Великій Князь, послѣ молебствія, принялъ послѣдній парадъ отъ собравшихъ въ Саяз-Стефано и окрестностяхъ войскъ, горячо поблагодарилъ, сердечно простился со всѣми и затѣмъ уѣхалъ въ Константинополь, а оттуда—немедленно въ Одессу. Въ Петербургъ прибылъ, какъ уже было сказано, 22-го апрѣля, въ субботу, въ 2 часа дня...

М. А. Газенкампофъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ РОМАНЪ

ИЗЪ

ВОЕННАГО БЫТА

ОЧЕРКЪ.

— Прочтите — забавно! — сказали мнѣ знакомый военный только-что вернувшійся изъ Франціи, и положили предо мною маленькую книжечку автора, мнѣ совершенно неизвѣстнаго и, можетъ быть, впервые выступающаго на литературное поприще — Maurice Huet. Заглавіе книжки — „Sabres de bois, fusils de paille“, а на обертвѣ яркими красками намалевана грубо-карикатурная фигура смѣющагося офицера.

При бѣгломъ чтеніи романа, написаннаго, очевидно, военнымъ, и даже болѣе, чѣмъ вѣроятно, — армейскимъ пѣхотинцемъ, — первое впечатлѣніе и отъ фотографически-точного, и жизненно-вѣрнаго изображенія военныхъ типовъ и казарменной и лагерной жизни какаго-то 169-го п. полка въ захолустномъ французскомъ городишкѣ, — жизни, поразительно похожей на жизнь какаго-нибудь нашего 399-го, въ городѣ Старозавѣтскѣ квартирующаго полка, — и отъ описанія разныхъ офицерскихъ походовъ, изображаемыхъ не только съ чисто-французскимъ, но даже, пожалуй, нѣсколько съ „казарменнымъ“ реализмомъ, какъ въ смыслѣ откровенности повѣствованія, такъ и въ смыслѣ безцеремонности выраженій, перецегалявшихъ самого Эм. Золя, — отъ всего этого первое впечатлѣніе было, дѣйствительно, забавное.

Прежде всего, читатель, знакомый съ военной средой, не-

вольно испытываетъ отъ этого романа французскаго автора то самое, доходящее до забавнаго, впечатлѣніе *знакомства и сродства*, какія испытываешь при видѣ черезчуръ вѣрнаго портрета. Это сходство поражаетъ съ первыхъ же строкъ первой главы романа, — начиная съ описанія обыденнаго осенняго утра въ казармахъ послѣ маневровъ, съ роспуска окончившихъ срокъ службы солдатъ, но до прибытія новобранцевъ, когда настоящіе „занятія“ въ полку еще не начинались, продолжаясь картинами ротнаго ученія, производимаго младшимъ офицеромъ гдѣ-то на задворкахъ города, или „занятій словесностью“ въ ротѣ подъ руководствомъ ротнаго командира изъ нѣмцевъ, и вплоть до изображенія лихорадочныхъ приготовленій къ „инспекторскому смотру“ или бессмысленныхъ маневровъ съ ихъ безтолочью, суетой и всеобщимъ недоумѣніемъ, для чего все это дѣлается. Забавно подъ французскими фамиліями встрѣчать и всѣхъ своихъ старыхъ полковыхъ знакомыхъ, — начиная отъ командира полка (и даже начальника дивизій и бригадныхъ) — и включительно до денщика Помпильяка, — до смѣшного похожаго на какого-нибудь Гаврилюка или Митрохина, — и даже какъ то странно, что зовутъ ихъ всѣхъ не Налетовыми, Самохваловыми, Ивановыми, Туликовыми и Шаповаленками, — а де-Врануа, Друльдъ, Бартоломэ, Эшервезами и Мазуанами.

Вотъ самый полковникъ — Флуандъ де Врануа — молодцоватый, но еще болѣе молодящійся, безпринципный карьеристъ, весьма мало думающій о своемъ полку, занятый лишь свѣтомъ, спортомъ, ухаживаньемъ за равными и вѣстными полку-дамамъ да соперничествомъ съ командиромъ соседняго армейскаго полка (разумеется, дѣло не обходится и безъ злораднаго подсыета „процента больше“ у этого соперника-командира).

Вотъ его правая рука: ницѣбогда доварницъ по классу въ училищѣ, старшій штабъ-офицеръ, подполковникъ Гамбраль, безупречный, неспособный ни на какой едѣли съ совѣстью, неудачникъ, давно поставившій крестъ на свою карьеру, настоящій военный, незамѣтный въ мирное время и незамѣнимый въ военное, можетъ быть единственный изъ всего полка серьезно относящійся къ службѣ и потрону, внезапно выростающій въ глазахъ даже безпечнаго „Эдуара“, какъ только на маневрахъ приходится выказывать знанія и военныя дарствва, о которыхъ такъ пріятно въ „удачники“ забывали въ обыденное время. Вотъ и командиръ 4-ой роты Ронсевдъ — тугой педантъ-службистъ новаго образца („со значкомъ“ или изъ окончившихъ „офицерскую школу“) в дѣпекающій свою роту „по послѣднему слову науки“. Вотъ

крайний, обойденный судьбою, капитанъ Лепё, потерявшій надежду на производство въ подполковники. Вотъ неунывающий философъ капитанъ Бепль; пришедшій къ тому заключенію, что тѣмъ меньше мучать „людей“ всякими уставными ненужностями; тѣмъ лучше; и потому предоставившій свою роту на произволъ судьбы и собственной инициативы; и достигающій этимъ того неопытного для всѣхъ товарищей результата, что, дѣйствительно; 18-ая рота оказывается первой по числу пуль въ мишеняхъ на смотрѣхъ стрѣльбы; первой и по разумнымъ отвѣтамъ на испекторскомъ смотрѣ; ибо люди въ ней всѣ „понимаютъ свой ханжёръ“ и служатъ только. Вотъ капитанъ Эшевель; старый слугака прежняго типа военныя; вѣчно веселый, трогательный; всѣми въ полку любимый и не признающій на свѣтѣ ничего другого; кромѣ своего полка; полковыхъ традицій, полковой исторіи; полковыхъ анекдотовъ. Вотъ и добрякъ и тупица, вѣчно обманываемый мужъ, находящійся подъ шапкою своей жены („дамы съ темпераментомъ“) — капитанъ Бадеръ изъ эльзасцевъ (точная копія какого-нибудь Мейера или Шульца изъ остзейскихъ нѣмцевъ) — съ военной точки зрѣнія никогда не годный и развѣ потому не вполнѣ вредный, что онъ мало занимается военнымъ воспитаніемъ своей роты, предоставивъ ее въ полное вѣдѣніе младшаго офицера и фельдфебеля, лишь изрѣдка производя „смотришки“ (причемъ нарочно обрываетъ слабо держащіяся пуговицы или помяточку; прорѣзываетъ побольше замѣченныхъ дырки, для вышшаго влчущенія солдатамъ понятія о вредѣ, неаккуратности“); и иногда, когда его пронзаетъ внезапное сознаніе необходимости „развивать“ свою роту, являясь на занятія „словесностью“, — причѣтъ происходить сцены, по своему высокому колизму совершенно напоминающія всѣмъ намъ знакомыя картины. Но у этого слагаго смѣхотворнаго и ребячески-темудраго „Жюля“ (или „колбасы“ — „lapinille“, какъ его прозвали товарищи, совершенно какъ прозвали бы и у насъ) — рота лучше всѣхъ нахормлена и лучше всѣхъ одѣта; онъ вѣчно, какъ добрый нѣмецкая хвоятка; иногда и бранится съ артешиникомъ, на маневрахъ хлопочетъ прежде всего о томъ, чтобы скорѣе обогрѣть людей, и чуть не лично таскаетъ для своей роты лишнія полѣнья дровъ отъ обывателей, — словомъ, это, въ хозяйственномъ отношеніи, образцовый „отецъ-командиръ“, — тѣмъ опять знакомый. Вотъ и старшій врачъ — говорунъ и фантазеръ. Вотъ и вѣчно замасанный и вѣчно витающій въ кавказъ-то выкладкахъ и расчетахъ „изобрѣтатель“ — поручикъ Оливъ; похвѣшанный на постройки моторовъ. А вотъ и молодежь: „любимецъ“ командира полка, помощникъ его по

устройству всевозможныхъ полковыхъ увеселеній и съ увлеченіемъ заботящійся о педантической чистотѣ казарменныхъ построекъ квартирмейстеръ. Вотъ и другой „любимецъ“ и „другъ“ командира—кавалерійскій поручикъ Сосье. Вотъ и веселый, остроумный, талантливый, злоязычный скептикъ, „старый поручикъ“ Бартоломэ,—все и вся наблюдающій, все замѣчающій, все критикующій и однимъ мѣткимъ словечкомъ или прозвищемъ клеймящій навѣи всѣхъ и каждого,—начиная отъ „г. Сердечкина“ („Joli-Coeur“)—полкового командира, котораго онъ великодушно передразниваетъ и всѣ слабости и поступки котораго удивительно тонко объясняетъ. Вотъ и поручикъ Мить,—представляющій „свѣтскаго молодого человѣка“ въ полку; и неповоротливый, вѣчно погруженный въ какіе-то фантастическіе проекты и вѣчно пьющій и плюющій поручикъ де-Бонуа со своей вѣчной приговоркой: „Меня не проведешь, стара штука“ (J'connais ç'tabac là); и Дужмонъ, обуреваемый снобизмомъ, но не попавшій въ кавалерію и потому глубоко-несчастный въ душѣ.

Надо еще отмѣтить—и это тоже очень забавно читать—господа армейскіе кавалеристы изъ чуднаго городка Фенуйль-анъ-Везлѣвъ съ такимъ же великимъ презрѣніемъ относятся къ своимъ пѣхотнымъ сотоварищамъ, какъ какіе-нибудь, мнѣніе себя высшими аристократами, кавалеристы изъ Кобрива, Рыпина или еще другого какого-либо подобнаго великосвѣтскаго города; мѣстное провинціальное „общество“ вполне раздѣляетъ это мнѣніе и признаетъ лишь гг. корветовъ и штабсъ-ротмистровъ, а на самыхъ порядочныхъ и симпатичныхъ поручиковъ и капитановъ смотритъ свысока, и даже сами эти поручики и капитаны тайнѣ питаютъ глубокую зависть къ господамъ „de la cavalerie“:

— Одинъ пѣхотный офицеръ да одинъ пѣхотный офицеръ будетъ: два пѣхотныхъ офицера? Такъ?—спрашиваетъ шутникъ Бартоломэ своего неопытнаго друга Брегѣ.—...Одинъ кавалерійскій офицеръ да одинъ кавалерійскій офицеръ будетъ: два кавалерійскихъ офицера? Не такъ ли? Ну, а одинъ кавалерійскій офицеръ, да одинъ пѣхотный—это будетъ сколько?

— Ну, что за шутки!—два офицера!

— Это по теоріи! А на практикѣ въ суммѣ получится: *одинъ* кавалерійскій офицеръ!! Со свѣтской точки зрѣнія, пѣхотинецъ не считается... Посмотрите,—продолжаетъ точить язычокъ Бартоломэ, указывая на нѣкоего армейскаго драгуна, г. Идоля, составляющаго предметъ восхищенія всѣхъ мѣстныхъ дѣвъ. — А? Какъ сразу видно породу? Развѣ, когда вы видите, какъ онъ

точно изнываетъ подъ бременемъ вѣщества и чопорности, вамъ не кажется, что атавистическая слава бранныхъ подвиговъ его предковъ внушаетъ ему глубокую тоску по тѣмъ священнымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда рубили на кусочки мавровъ и сарациновъ?.. А это просто-на-просто сынъ какого-нибудь невѣдомаго чиновника, какъ вы да я, который случайно попалъ въ привилегированный родъ оружія. Хе-хе-хе!...

Забавенъ и нѣсколько вычурный, но оригинальный, острый и красивый языкъ, которымъ написанъ романъ Мориса Гюэ.

Пожалуй забавно, но гораздо чаще и отвратительно, читать о многочисленныхъ или даже просто безчисленныхъ любовныхъ похожденияхъ всѣхъ чиновъ полка, опять-таки начиная отъ командира и кончая поручиками и рядовыми, при всевозможныхъ условіяхъ и обстановкѣ, въ мирное время и на маневрахъ, ожидадно и неожиданно развлекающихся съ разными обитательницами городовъ и селеній, черезъ которые проходить „22-ой корпусъ, долженствующій воспрепятствовать 23-му занять Сенъ-Лионель“... И эта—скажемъ прямо—порнографическая сторона романа, во-первыхъ, придаетъ ему какой-то специфическій французско-бульварный, анти-литературный отпечатокъ; во-вторыхъ, въ сущности она не является вовсе характерной для произведенія изъ военного быта (хотя авторъ въ одномъ мѣстѣ и утверждаетъ, что такое повальное занятіе любовными приключеніями является прямымъ слѣдствіемъ военной службы въ мирное время),—и могла бы столько же „украшать“ романъ изъ быта приказчиковъ или чиновниковъ, ибо,—какъ давно уже про подобныя исторіи сказалъ Левъ Толстой,—„всѣ онѣ имѣли тотъ характеръ ласкостности, въ которомъ французы видятъ исключительную прелесть и поэзію любви...“ и, какъ для капитана Рамбала, спасеннаго Пьеромъ Безуховымъ, такъ и для героев романа Мориса Гюэ,—„заключались преимущественно въ неестественности отношеній къ женщинамъ и въ комбинаціи уродливостей, которыя придавали главную прелесть чувству“¹⁾.

Но когда первое впечатлѣніе, — съ одной стороны, занимательной забавности отъ неожиданной встрѣчи со старыми знакомыми, а съ другой—нѣкоторой скабрёзности отъ французскаго легкомыслія, — прошло, то приходится сказать себѣ, что романъ этотъ, являясь характернымъ и типичнымъ для начала ХХ-го вѣка, представляетъ изъ себя одно изъ появившихся во всѣхъ европейскихъ литературахъ послѣднихъ годовъ, обли-

¹⁾ „Война и Миръ“, томъ III, часть третья, глава XXIX.

чительно-военныхъ произведеній; но въ то же время онъ, несмотря на абсолютную свободу слова, позволяющую автору гораздо рѣзче освѣщать многія стороны военной жизни, и несмотря на всю свою французскую фривольность, весьма серьезно затрогиваетъ такіа соціальныя современныя проблемы и указываетъ на такіа стороны собственно военного вопроса, которыхъ не касался ни г. Бильзе въ своемъ прогрессившемъ нѣ въ мѣру „Маленькомъ Гарнизонѣ“, ни авторъ „Тены и Седана“, ни еще менѣе г. Купринъ со столь прославившимся (ибо появился „во благо-временіи“) „Поединкомъ“, или г. Леонидъ Андреевъ со своимъ патологическимъ и невзрачнымъ превознесеннымъ „Краснымъ Смѣхомъ“. Во французской литературѣ есть произведеніе, гораздо ближе примыкающее къ названнымъ тенденціознымъ повѣстямъ, — это пресловутые „Sous Off“, точно также навлекишіе во время оно на своего автора процессъ (не помнимъ, чѣмъ окончившійся), какъ навлекло на Бильзе процессъ то зеркально-фотографическое отраженіе дѣйствительно-существующей въ нѣкоемъ городѣ воинской части, которое мы встрѣчаемъ въ его „Гарнизонѣ“. Потому-то „Sous Off“ въ свое время надѣлали много шуму и прославились именно благодаря процессу и своей анти-милитарной тенденціи, хотя въ сущности ни серьезнаго общественнаго, ни мало-мальски литературнаго значенія не представляли. Съ другой стороны, такіе вполне художественные и поразительно талантливые этюды, какъ произведенія изъ военного быта Шнитцлера, въ настоящихъ любителей изящной литературы почти неизвѣстны широкимъ кругамъ читателей, особенно той безвольной толпѣ, которая устремляется за всякой тенденціозной шумихой и неглубокими модными вѣяніями.

„Sabres de bois“ не подходитъ ни къ той, ни къ другой категоріи: до настоящей художественности ему далеко, — хотя, какъ мы сказали, написанъ романъ хорошимъ и современно-своеобразнымъ языкомъ и цоломъ мѣткихъ наблюденій и характеристикъ, — для тенденціознаго же успѣха онъ слишкомъ незначителенъ, да кромѣ того написанъ не во время и не послѣ какой-нибудь несчастливой войны, когда такъ удобно и выгодно говорить противъ всего военнаго, да и французскіе оригиналы (если герои списаны тоже съ дѣйствительно существующихъ оригиналовъ) не нашли нужнымъ обидѣться и создавать автору рекламу посредствомъ громкаго процесса, а единственный, списанный съ дѣйствительнаго лица и изображенный симпатичными красками, представитель высшихъ военныхъ сферъ, появляющійся подъ прозрачнымъ псевдонимомъ генералиссимуса de-Noirot (читай:

„Негриé“), не нашелъ нужнымъ выразить автору сочувствiе, какъ нашъ покойный Михаилъ Ивановичъ выразилъ сочувствiе прозрачно изображенному его г. Куурину, что придаю въ штатскихъ кругахъ самницю абсолютной правдивости и какъ бы нѣкоторой даже святости всякому сказанному г. Кууриннымъ слову и мнѣнiю. Ни рекламной извѣстности, ни яркой художественности, повторяемъ, за романомъ г. Гюэ не числится; онъ многими прочтется какъ самое заурядное произведенiе текущей беллетристики, — но если надъ нимъ подумать, то онъ остановитъ на себѣ ваше вниманiе и покажется гораздо серьезнѣе патологическихъ „Смѣховъ“ или фотографическихъ „гарнизоновъ“. Между тѣмъ это, повидимому, есть чисто субъективное, безпритязательное повѣствованiе изъ собственной жизни какого-то скромнаго молодого офицера, та „личная страничка“, которою начинается почти всякiй авторъ, нѣчто вродѣ безпристрастной записки впечатлѣнiй, получаемыхъ только-что окончившимъ военное училище и поступившимъ въ какой-то злосчастный армейскiй полкъ подпоручикомъ. Рассказъ ведется не отъ первого лица, но, тѣмъ не менѣе, какъ заключительная глава, — въ видѣ письма къ другу, гдѣ говорится о новыхъ планахъ выходящаго изъ полка героя, — такъ и многiя другiя подробности явно выдають субъективный характеръ всего произведенiя, посвященнаго „Глашатаямъ мира и войны“ („Aux énergumènes de la paix, à ceux de la guerre“).

Самое содержанiе романа — это не столько описанiе полковой жизни въ мирное время и на маневрахъ, сколько итоги и впечатлѣнiя свѣжаго, честнаго юноши, попавшаго въ военную среду и въ концѣ концовъ разочаровывающагося, какъ въ ея представителяхъ, такъ и въ самомъ томъ дѣлѣ, которому онъ отдалъ свою жизнь; въ сущности, другого содержанiя у этого романа даже и нѣтъ. Интриги, дѣйствiя въ немъ тоже нѣтъ, такъ какъ нельзя же назвать интригой или дѣйствиемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова — прiѣздъ къ холостому молоденькому подпоручику его парижской пассiи, чешской скрипачки (являющейся безъ иного имени, кромѣ интимнаго прозвища „Ма“) и затѣмъ отъѣздъ ея „навсегда“, послѣ ряда ссоръ и разочарованiй другъ въ другѣ, происходящихъ отъ столкновенiй военной дѣйствительности съ социалистическими мечтанiями и взглядами этой дѣвицы, ибо Ма — и это придаетъ особую соль роману — убѣжденная социалистка. И по внѣшнему виду, повторяемъ, это вовсе не романъ, это — рядъ сценъ изъ военнаго быта въ обыкновенное время и на маневрахъ. Книга такъ и раздѣляется на двѣ части, озагла-

ленные: „Edouard en temps de paix“ и „Edouard s'en va-t'en guerre“.

„Эдуаръ“ — это вышеупомянутый командиръ полка, развратникъ и шалопай, ни о чемъ не думающій, какъ лишь о веселомъ препровожденіи времени, о соперничествѣ въ верховой ѣздѣ съ кавалеристами да о скорѣйшемъ производствѣ въ генералы. Дѣйствіе происходитъ во французской республикѣ, гдѣ на судьбу военныхъ и ихъ карьеру имѣетъ вліяніе палата депутатовъ, а *следовательно* и всякій единичный депутатъ; потому тамъ необходимы „добрыя“ отношенія, въ какихъ каждый кандидатъ на производство въ генералы находится не только съ важнымъ изъ рядовыхъ своего полка — будущимъ избирателемъ, — но и со всякимъ обывателемъ своего городка, тоже, можетъ быть, будущимъ депутатомъ; то обстоятельство, находятъ ли всѣ они его политическій образъ мыслей „заслуживающимъ поощренія и награды“, и достаточно ли онъ проявляетъ свою „дружбу къ народу“, — все это можетъ оказать великое вліяніе на его судьбу. Для сего „Эдуаръ“ пускаетъ въ ходъ все свое южно-французское актерство и проницливость (онъ родомъ изъ Тулузы или Гаскони). Въ душѣ онъ легитимистъ, глубоко презираетъ современное правительство и собирается, едва получить генеральскія эполеты, „въ высокой степени наплевать“ на гг. республиканцевъ, но въ ожиданіи этихъ эполетъ онъ отлично умѣетъ прилаживаться къ республиканской обстановкѣ. Онъ не брезгаетъ поухаживать и за мѣстными политиками, и пустить пыль въ глаза населенію маленькаго городишки равными грандіозными общественными увеселеніями, приобретаая тѣмъ популярность среди дамъ, полу-дамъ и совсѣмъ не дамъ своею „простотою“ и обходительностью, и располагая въ свою пользу солдатъ разными праздниками съ каруселями и призами, да вѣчными льготами и послабленіями по службѣ; словомъ — ему нужно прослыть у всѣхъ щедрымъ, добрымъ, демократически-общительнымъ человекомъ, — „другомъ народа“. А подъ шумокъ онъ не брезгаетъ помѣщать анонимныя статьи въ имъ же субсидируемой мѣстной газеткѣ и инсинуировать въ ней на тему о „тиранствѣ“ и безчеловѣчномъ обращеніи съ людьми въ сосѣднемъ полку, и о приверженствѣ къ алкоголю его командира, полковника Реденбаха. Главное же — онъ дружить съ масонами и не забываетъ никогда, что это поважнѣе всякихъ военныхъ качествъ и добродѣтелей, ибо въ рукахъ ихъ — общественное мнѣніе.

Какъ этотъ опереточный „Эдуаръ“, болѣе занятый всяческими авантюрами, чѣмъ своимъ полковымъ хозяйствомъ, обуче-

нѣмъ нижнихъ чиновъ или правильнымъ военнымъ воспитаніемъ офицерской семьи полка, такъ и всѣ остальные чины полка въ сущности интересуются тѣмъ угодно, — кто изобрѣтеніемъ какой-то необыкновенной машины, кто игрою на флейтѣ или мандолинѣ, кто спортомъ, кто любовными похождениями, кто философіей, кто рисованіемъ, — только не своимъ прямымъ военнымъ дѣламъ. Исключеніе представляетъ развѣ только одинъ капитанъ Эшевенъ, представитель того поколѣнія военныхъ, которые, послѣ разгрома 1870 г., старались пересоздать армию, подтягивали себя и другихъ и были всецѣло преданы идеѣ военнаго долга, — да безупречный Гамарель.

Солдаты испытываютъ ту же скуку и то же отвращеніе, и большинство изъ нихъ изобрѣтаетъ себѣ какія-нибудь постороннія развлеченія, а одинъ изъ побывавшихъ въ дисциплинарной ротѣ (или даже на каторгѣ) солдатъ весьма развязно объявляетъ на своемъ полу-воровскомъ, полу-солдатскомъ жаргонѣ своему ротному командиру, что „предпочелъ бы вернуться туда“, откуда пришелъ, ибо тамъ хоть вѣчный страхъ и жестокія наказанія спасаютъ отъ этой мертвящей скуки. И даже придурковатый солдатикъ 14-й роты, Помпильякъ, какъ впрочемъ и большинство его сотоварищей, чувствуетъ глубокую ненависть и отвращеніе къ ежедневнымъ безцѣльнымъ и машинообразнымъ занятіямъ въ ротѣ, и утѣшается лишь тѣмъ, что одинъ изъ его земляковъ и однокашниковъ (*copain*) указываетъ ему на возможность уйти изъ роты, поступивъ въ денщики. Помпильякъ готовъ даже дать взятку „уходящему въ запасъ“ денщику капитана Эшевена, лишь бы тотъ рекомендовалъ его на свое мѣсто (вродѣ того, какъ врачи во Франціи уступаютъ свою кліентелю за извѣстное вознагражденіе своимъ преемникамъ). Но къ величайшему счастью Помпильяка въ 14-ю роту прѣзжаетъ „новоиспеченный“ офицеръ, Брегѣ; Помпильякъ даромъ получаетъ завѣтную должность и съ восторгомъ принимается чистить, скрести и мести въ маленькой подпоручичьей квартирѣ, а въ часы досуга, какъ „принято“ и полагается всякому „порядочному солдату“, переносываетъ въ тетрадочку солдатскія популярныя пѣсни, — причемъ, какъ извѣтельно замѣчаетъ авторъ, „онъ вовсе не занимается политикой“, т.-е. добрая половина этихъ пѣсенъ такова, что, капля за каплей, незамѣтно, все въ одномъ и томъ же, весьма опредѣленномъ и весьма мало желательномъ для военнаго воспитанія направленіи, долбитъ его наивную солдатскую голову.

Но Помпильяку приходится въ теченіе нѣкотораго времени испытывать большую тревогу за свое теплое мѣстечко. Это — когда въ

подпоручичей квартиркъ водворяется свободолюбивая социалистка Ма, приходящая въ ужасъ при видѣ того, что „свободный гражданинъ“, сирѣчь Помпильякъ, готовъ, забывъ о своемъ человеческомъ достоинствѣ, не только служить „пыльной тричкой“ (прозвище денщиковъ—tamron) „такому же“ гражданину, какъ онъ самъ (понимай: подпоручику Бреге), но даже унижается до того, что готовъ, по призыванію этого самаго „гражданина“ Бреге, подавать ей утренній кофе или чистить ея крошечные башмачки. Какъ онъ можетъ унизиться до чистки саногъ?! — „Да вѣдь если я не вычистю, жени засадить въ „темный“.— „Въ „темный“?! И это онъ, ея возлюбленный, способенъ на такое варварство?! Нѣтъ, она немедленно уговорить его отпустить назадъ въ ротъ „гражданина“, котораго ужъ и то „незаконно оторвали отъ семьи“, для службы отечеству, и освободить его отъ унижительной должности!

Ма проповѣдуетъ и негодуетъ, а Помпильякъ приходитъ въ ужасъ. Какъ?! онъ-то хлопоталъ о тепленькомъ мѣстечкѣ, онъ-то такъ радовался, что попалъ въ добродушному подпоручику, у котораго не житье, а лафа,—а вдругъ эта мамзель за что-то разгнѣвалась и хочетъ его лишить этого счастья?! Простая голова Помпильяка не въ силахъ уразумѣть глубину гражданскихъ чувствъ Ма, и онъ... рѣшается даже, какъ вѣкогда денщику Мазуану, предложить ей вѣскольکو франковъ, лишь бы она согласилась не гнѣваться больше и „ничего не говорить барину“. Тогда только Ма соображаетъ, какая пропасть отдѣляетъ ея социалистическія идеи отъ воззрѣній Помпильяка,—и съ презрительной жалостью она оставляетъ его попрежнему чистить и сврести въ поручичей квартиркъ. Страницы, описывающія Помпильяка съ вѣвѣмъ его немудрымъ мировоззрѣніемъ и своеобразнымъ языкомъ,—однѣ изъ самыхъ живенныхъ въ романѣ и проникнуты настоящимъ знаніемъ солдатской души. Такъ же живы и проникнуты глубокимъ комизмомъ тѣ страницы, гдѣ изображается столкновение Ма съ Помпильякомъ...

Итакъ, въ полну всѣ или случаютъ, или развлекаются:

Дни текутъ однообразно,—говоритъ авторъ романа,—преисполненные спокойными и вѣрными удовольствіями, бѣдные неожиданными. Но мало-по-малу теряются и растрчиваются понапрасну неощѣненныя сокровища ума и воли, тѣ сокровища; благодаря которымъ люди творятъ и властвуютъ, какъ боги!.. Какое пожирающее всевозможныя дѣятельности чудовище — армія въ мирное время!.. Свольними ей такимъ образомъ жертвуются учеными и художниками!.. Конечно, гг. Друльд и Мить готовится

къ академію ген. штаба, это уже само собою разумѣется! (Вѣдь всѣ офицеры готовятся въ академію). Но, не говоря уже о томъ, что взаменъ все откладывается и откладывается на неопредѣленное время, — предметы до него относящіяся, съ интеллектуальной точки армія, какого невысокаго полета, что человѣчскій умъ не можетъ исключительно ими обходиться и питаться, и лишь мало ими занимается. Офицерскій мозгъ, какъ и всякій другой мозгъ, стремится, согласно со своими сокровенными склонностями, занять чѣмъ-нибудь инымъ. И очень жалки тѣ, кто ни надъ чѣмъ не работаетъ, ибо въ умственномъ отношеніи всякое ремесло требуетъ лишь столь меланхолической и мелочной дѣятельности, что наступая такая минута, когда всякій испытываетъ потребность занять свой умъ чѣмъ-нибудь инымъ, менѣе ничтожнымъ... Но болѣшинство сдѣлакомъ долго прождало, и часто находитъ лишь грубый исходъ и отвлеченіе... Г. Садмаль играетъ на кларнетѣ, на мандолинѣ и на скрипкѣ. Г. де Бонгрэ, увалень-мелочавъ, смутно предпринимаетъ какія-то важныя изобрѣтенія... Подполковникъ Плюмо собираетъ жуковъ... Поручикъ Рейгарцъ сочиняетъ хорошеенькія стишки на менартрскій ладъ... Г. Гриффонъ колеблется между медициной и юриспруденціей. Брегсъ брякаетъ на фортеціано и мажетъ красками... и всѣ — подобіемъ науки, пародіей на искусство — стараются удовлетворить свое внутреннее, второе и восторженное „я“. Когда станешь поодио, они замѣчаютъ, что даромъ испортили себѣ жизнь! Не есть особенна одна отвлекающій объектъ, который первенствуетъ надъ всѣми остальными, усмиряетъ умстванныя стремленія и всецѣлѣно удовлетворяетъ потребность борьбы и дѣятельности: это — женщина. На завоеваніе ея въ ходъ пускаются всѣ умственные способности, все умѣнье блистать; на ея безалаберные капризы обильно растрачиваются всѣ жизненные впечатлѣнія, — и благодаря этому только она и царитъ, какъ признанная всѣми парница, надъ военными головами...

И даже поручикъ Бартоломэ, пользующійся наибольшими симпатіями автора, и вѣтъ ли не самый умный человекъ во всемъ полку, утѣшается лишь тѣмъ, что скептически-насмѣшливо и злобно-наблюдаетъ со стороны всю эту отвратительную и жалкую сферу пороковъ, преступленій, бездѣлья, бездѣятельности и мелкихъ самообмановъ отъ суицида.

Но бѣдный Брегсъ — герой романа — не въ состояніи примириться съ такимъ отношеніемъ къ своему дѣлу, и, послѣ отбѣда своей влюбленной и послѣ маневровъ, на которыхъ особенно ярко выставлялась вся опереточная несостоятельность и веселого

„Эдуара“, и разныхъ, лишь катающихся на автомобиляхъ мимо отрядовъ войска, бригадныхъ и дивизионныхъ генераловъ, и элегантныхъ кавалеристовъ „52-го драгунскаго полка“, и большинства офицеровъ „169-го“ (за исключеніемъ развѣ только подполк. Гамареля), — бѣдный Брегѣ предается окончательному отчаянію и подаетъ рапортъ о переводѣ его въ колоніальныя войска, ибо тамъ, въ Тонкинѣ или на Мадагаскарѣ, военный человекъ всегда найдетъ примѣненіе своей дѣятельности; онъ тамъ всегда, такъ сказать, на чеку, въ борьбѣ съ природой, дикими племенами и даже можетъ (правда, это высказано авторомъ довольно голословно, бездоказательно) проявить цивилизаторскую дѣятельность, а не „ржавѣть, какъ оружіе безъ употребленія“, какъ „ржавѣть“ вся армія въ мирное время. Къ этому рѣшенію Брегѣ приходитъ послѣ того, какъ подъ влияніемъ и Ма, и разочарованій въ военной жизни, онъ одно время увлекается и социализмомъ, и гуманизмомъ, и даже анархизмомъ, но военныя симпатіи и заваска въ немъ слишкомъ сильны, и онъ находитъ выходъ между двумя крайностями: между выходомъ въ отставку или обращеніемъ въ свекраго (какъ большинство его сослуживцевъ) военнаго, — въ добровольномъ изгнаніи изъ Франціи. Но не всѣ же военные имѣютъ всегда возможность найти примѣненіе своимъ спеціальнымъ способностямъ въ такомъ добровольномъ изгнаніи, вдали отъ родины. Передъ остальными постоянно и все чаще встаетъ дилемма: человекъ или офицеръ.

Авторъ, въ формѣ страшнаго коммара, снятагося элегантному кавалеристу дю-Сосье, изображаетъ то положеніе, въ которомъ можетъ теперь ежечасно очутиться всякій военный, не признающій ничего иного, кромѣ своей службы, своей дисциплины, своихъ военныхъ привычекъ, и внезапно оказывающійся лицомъ къ лицу съ измѣнившимися вокругъ него условіями жизни и разомъ попадающій въ страшно-трагическое положеніе. Эта глава такъ оригинальна, что мы позволимъ себѣ привести изъ нея нѣкоторую часть.

Дю-Сосье — англоманъ, лошадинъ и блестящій кавалеристъ; съ одной стороны, онъ одинъ изъ немногочисленныхъ военныхъ, безукоризненно серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ; съ другой — видя, что въ мирное время желающему сдѣлать карьеру военному лишь два пути: либо подлаживанье къ ненавистному политиканству и „штатскому“ правительственному образу мыслей, либо реклама, — избираетъ послѣднее средство. А именно, будучи совершеннымъ спортсменомъ, онъ старается, чтобы его имя, портреты, рассказы о его побѣдахъ на гипподромѣ и во

всѣхъ видахъ спорта были у всѣхъ вѣчно на глазахъ. И благодаря тому — ему это отлично извѣстно — его будетъ любить и покровительствовать ему командиръ полка, легитимистъ де-Табеліонъ, которому пріятно слышать похвалы представителю своего полка. Очень тонко нарисована при этомъ слегка каррикатурная фигура военнаго эlegantнаго легитимиста, кавалерійскаго командира, „не унижающагося до мелочности какаго-нибудь пѣхотнаго полковника“ и потому разрѣшающаго своимъ офицерамъ вѣчно развѣсжать по сваякамъ, по великосвѣтскимъ охотамъ и проводить сколько угодно времени въ отпуску. Впрочемъ, Сосье отлично извѣстно, что и всѣ вслѣдъ за Табеліономъ легитимисты-военные высшей марки обратятъ на него вниманіе, и потому, якобы „увлекаясь спортомъ“, онъ преспокойно ведетъ свою линію. Но въ то же время онъ не признаетъ ничего, кромѣ простой и понятной ему старой дисциплины, и когда онъ замѣчаетъ, что кругомъ начинается проявляться что-то противорѣчащее ей, враждебное старому настовому духу, — онъ, какъ кавалерійскій „развѣдчикъ“ принимается „изучать противника“, т.-е. доходить до того, что начинаетъ читать социальныя и гуманитарно-философскія сочиненія, желая сражаться со врагомъ, „узнавъ его получше“. Бѣда только, что спортсменская голова устроена такъ, что ей это трудно дается, и чтеніе производитъ на нее впечатлѣніе соннаго порошка. И вотъ, вернувшись разъ въ свою эlegantную квартиру послѣ вечерней прогулки, онъ встрѣтилъ нѣсколько забастовщиковъ и слышалъ, какъ они распѣвали „Интернаціоналку“. Въ Фенуйль-анъ-Верленъ, какъ въ нѣкоторыхъ гораздо болѣе близкихъ мѣстахъ, уже недѣлю длится стачка на фарфоровомъ заводѣ, и весь кавалерійскій полкъ въ нѣсколько нервномъ настроеніи, хотя командиръ и не удостоиваетъ серьезно „воздѣйствовать“ на всѣ эти, презираемыя имъ, „грубыя шутки“. Читавшись на ночь какой-то неудобоваримой книги, дю-Сосье засыпаетъ, и снится ему страшный сонъ. Видитъ онъ, что онъ выѣзжаетъ утромъ на своей „строевой кобылѣ“ Даміэттѣ и направляется къ мѣсту эскадроннаго ученія. Утро прекрасное, солнце сіяетъ, ему и лошади весело дышется.

...Приближаясь къ пригороду, вѣчно кипящему дѣтьми, онъ задерживаетъ аллюръ, стараясь не сотворить какой-нибудь изъ тѣхъ неловкостей, которыя всегда даютъ такіе нежелательные поводы простому люду придираться къ людямъ изъ общества... Вдругъ раздается глухой шумъ со стороны города, видны группы людей, и глазами, полными ненависти, они смотрятъ на него, когда онъ пробѣзжаетъ мимо нихъ... Г. дю-Сосье откидывается

назадъ, подтягивается на сѣдлѣ и, почти не трогая поводомъ своего благороднаго скакуна, огибаетъ группы, и глаза его смотрятъ безстрастно вдаль. Чтобы посторонились, онъ лишь изрѣдка, фальцетомъ, покрививаетъ: „Ао! ао! гонъ-гонъ!“ Затѣмъ, нервно нажавъ шенкеля, онъ вновь наклоняется и снова пускается ровной рысью. Вдругъ Даміетта разомъ останавливается. Дорогу преграждаетъ баррикада, безобразная, сложенная изъ изодранныхъ тюфяковъ, ломанныхъ столовъ и стульевъ, опрокинутыхъ экипажей... Надо всѣмъ этимъ болтается на палкѣ красная тряпка... Никого не видно кругомъ, мрачная тишина царитъ надъ всѣмъ городомъ...

Г. дю-Сосье хмуритъ брови, потомъ, подобравъ поводья и поглубже залустивъ ноги въ стремяна, бабъ на скачкахъ, собирается перескочить препятствіе. Но—о изумленіе! — Даміетта, которая еще вчера взяла барьеръ почти въ два метра, неподвижна, всѣ ея четыре ноги словно прикованы къ землѣ, и она такъ дрожитъ, что шея ея сразу покрывается испариной.

— Смерть и проклятіе!—восклицаетъ г. дю-Сосье, и цѣлый градъ ударовъ сыплется на бѣдное животное, которое взвизгиваетъ на дыбы, но не двигается съ мѣста. И теперь драгунъ съ бѣлымъ воротникомъ не вѣритъ своимъ глазамъ: на баррикадѣ человекъ, и онъ пляшетъ и строитъ дьявольскія гримасы.

— Ты уважаешь меня, Сосье?—кричитъ онъ. — Это вправду я, это Лагрю, котораго когда-то ты отдалъ подъ судъ за отказъ въ повиновеніи. А-а! Времена измѣнились, бабъ ты видишь!..

— Дорогу! Пусти меня!—кричатъ поручикъ, красный отъ бѣшенства, и поднимаетъ хлыстъ.

— Шш!—шепчетъ таинственно Лагрю, прижавъ палецъ во рту.— Не кричи такъ громко... Они тутъ!

И г. дю-Сосье увидѣлъ цѣлое море блѣдныхъ лицъ, приближавшихся къ нему... Тогда по его тѣлу пробѣжала ужасная дрожь, и онъ едва могъ произнести:—Ну, говори! чего ты хочешь отъ меня?

— Слишкомъ поздно, Сосье, слишкомъ поздно!.. Часъ пробилъ! Вчера, не правда ли, тебѣ дѣла не было до того, что въ твоемъ полугэскадронѣ были существа, волновавшіяся, думавшія мрачныя думы и мечтавшія, изъ ненависти къ тебѣ, объ обществѣ, освобожденномъ отъ серебряныхъ и золотыхъ галуновъ (кавалеристовъ и пѣхотинцевъ), отъ начальства и подчиненныхъ... Ты холодно оставался вѣрнымъ своей роли, довольный, что умѣешь заставлять уважать свои убѣжденія заодно съ дисциплиной. Поэтому, когда однажды де-Блоси, твой заводной, сообщилъ тебѣ:

„Г. поручикъ, Лагру—анархистъ, онъ ведетъ въ казармахъ пропаганду и поетъ „Интернационалку“,—то ты отвѣтилъ: „Прекрасно. Онъ отъ насъ не уйдетъ“.—И черезъ мѣсяць я былъ въ дисциплинарѣ (à Biribi).

— Я поступилъ по совѣсти: ты провинился, я тебя наказалъ.

— Твоя совѣсть уродлива, и въ этомъ-то и состоитъ преступленіе, въ которомъ я тебя обвиняю!.. Въ то время, какъ вездѣ шелъ ростъ человѣческихъ умовъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ каждымъ днемъ все выше поднимались новыя идеи, разумныя понятія объ обязанности примиренія и общественнаго воспитанія, ты высокомерно, преднамѣренно, какъ глупецъ и слѣпецъ, продолжалъ свое ремесло грубой и честолюбивой машины... Что вамъ, господа, за дѣло, если вы *ничто* въ великой мировой мастерской, если вы являетесь лишь дорогимъ и тяжелымъ предметомъ роскоши! Что вамъ за дѣло, если народъ смотритъ на васъ, легкомысленныхъ и ненужныхъ, съ пѣной у рта! Вы лишь стараетесь пользоваться золотыми днями, да щеголяете атласными доломанами и несравненной пластмассой аллюровъ. Тѣмъ хуже для всѣхъ васъ! Тѣ времена, что народили все настоящее, довольно ужъ длились...

— Я знаю лишь свои офицерскія обязанности,—я не знаю иныхъ, какъ только воевать и заставлять уважать носимый мною мундиръ... Мнѣ наплевать на ваше общественное воспитаніе! Ужъ не обязанъ ли я изображать изъ себя учителяшку?.. Уставъ и законъ—вотъ все, что я знаю!

— Ха-ха-ха! Какъ ты смѣшонъ! „Уставъ“! „Законъ“! А развѣ это не мы ихъ создаемъ, не мы ихъ проводимъ голосованіями?! И вотъ тутъ-то ты показываешь свое умственное упрямство: эти законы и уставы измѣнчивы, какъ прогрессъ, и если себялюбіе или лѣнь человѣческая опаздываютъ пересматривать ихъ, такъ вамъ, образованнымъ, отвѣтственнымъ офицерамъ, надлежало бы проявить достаточно инициативы и здраваго смысла, чтобы вашей ловкостью предотвратить всѣ законныя ветоергивія и возмущенія,—да, законныя!..

— Ахъ! да наплевать намъ и на всѣ ваши заискиванья и „предотвращенія“ предъ рядовыми! Ужъ не придется ли скоро снимать шапку предъ этими господами?! — возразилъ дю-Сосье.

— Отчего же и нѣтъ, Сосье, отчего же и нѣтъ?! Припомни-ка исторію: припомни „Кружевную Войну“ и легенды о г. Эснарбесѣ. Отмѣнная вѣжливость тогдашнихъ военныхъ не исключала воинскихъ доблестей. Но мы многого и не просимъ...

— Такъ вы и дождетесь поклоновъ! Какъ же!.. Въ карцеръ, въ карцеръ! Подъ судъ! — восклицалъ Сосье.

— Карцеръ!.. судъ!.. Ты съ ума сошелъ. Ты знаешь, что газеты отиѣнили этотъ способъ управляться съ войсками. Такъ вотъ каковъ тотъ знаменитый уставъ, за который ты хочешь прятаться? Смотри-ка: всѣ ваши высшіе начальники ползаютъ предъ нами на брюхѣ! А „производство“-то? Что ты съ нимъ сдѣлаешь? Вѣдь отиѣнѣ тебѣ придется съ послѣднимъ изъ твоихъ рядовыхъ говорить со всей вѣжливостью и почтеніемъ, подобающимъ по отношенію къ избирателю! Ты-то не избиратель! А я, Лагру,—какой тамъ ни на есть,—могу заставить расписать тебя на столбцахъ „Пробужденія Центра“!.. Ничего не подѣлаешь, какъ видишь!..

— Если „Пробужденіе“ осмѣлится это сдѣлать, я морду разобью редактору.

— Полно! ничего ты не разобьешь! Онъ съ тобой драться на дуэли не станетъ, а ты попадешь подъ судъ исправительной полиціи — возразилъ Лагру.

— Ахъ, они, подлецы! сволочь!.. Намъ нужна бы хорошая война, чтобы все это почистить!

— Ну, вотъ еще! Теперь-то войну?!.. Да, да, я знаю, что всякіе этнологи, историки и философы, со статистикой въ рукахъ, развязно доказываютъ, что расы и народы должны по временамъ омываться въ крови... Ерунда! Вотъ и все тутъ. Къ счастью, — есть и другіе, которые утверждаютъ обратное и доказываютъ, что народы двигаются впередъ мозгами, а не кулаками. Но вы, г. дю-Сосье, вы исповѣдуете по профессіи любовь къ родинѣ,—и я удивляюсь, что вы ее любите такимъ образомъ! Война! Война! Ну, еще что?.. Несчастный ты! да развѣ тебя не просвѣтила мысль о войнѣ Россіи съ Японіей, этой ужасной катастрофѣ, въ которой двѣ націи старались сгубить себя до самыхъ послѣднихъ жизненныхъ силъ своихъ?!

— По крайней мѣрѣ, обѣ онѣ дорожили своей національной честью.

— Ну, ты мнѣ просто жалокъ, мой бѣдный Сосье! Честь своей страны!.. Смотри: это честь того стада рабочихъ, которые ежедневно морятъ себя, разминая каолинъ. Она тебя очень интересуетъ—честь этихъ людей?—Полно! будь искрененъ! Эта честь, о которой ты говоришь, — я скажу тебѣ, что такое эта пресловутая честь! Это честь крошечной части искреннихъ просвѣщенныхъ (illuminés)—и этихъ я уважаю... но въ особенности это лукавый интересъ тысячи людей, торгующихъ золотомъ, обра-

батывающихъ и людскія души, и начинающихъ, когда они видятъ, что отъ нихъ ускользаетъ случай половить рыбку въ мутной водѣ какой-нибудь войны, кричатъ о національной обидѣ, чтобы собрать толпу болвановъ. А ты — ты видишь въ этомъ лишь случай помыть въ крови твою саблю, да получить лишній чистъ. Что же касается народа, настоящаго народа, тѣхъ двадцати миліоновъ, которые трудятся въ деревнѣ или на фабрикахъ, — что?! чувствуетъ онъ національную обиду, какъ ты полагаешь? Ужъ вотъ-то онъ смѣется надъ ней! Какая выгода ему, или бѣднякамъ русскихъ равнинъ, оттого, что его будутъ избивать въ этихъ дальнихъ походахъ? И ты такъ-таки не чувствуешь, какъ у тебя волосы становятся дыбомъ при мысли о тамошнихъ бойняхъ, о тысячахъ и тысячахъ существъ съ распоротыми животами, изрубленныхъ, изувѣченныхъ, нагроможденныхъ на багровой землѣ?.. И это ради чести, ради удовлетворенія финансистовъ и честолюбивыхъ политикановъ?.. И этого-то ты желаешь роднѣе? Знай, что за жизнь человѣческую нельзя заплатить ни натурой, ни кредитными билетами, и стоитъ она болѣе всѣхъ мировыхъ завоеваній.

Г-нъ дю-Сосье горько усмѣхнулся. Море бѣлыхъ блузъ, до сихъ поръ молчаливое, теперь рокотало, какъ въ бурю. Кулаки поднимались, рты искривлялись, и поручикъ чувствовалъ, что его лошадь подъ нимъ дрожить и слабѣть... Но онъ былъ изъ породы незнающихъ страха, и потому величественно приподнялся и загремѣлъ во весь голосъ:

— Достоверно извѣстно, что въ наше время только и видишь, что трусовъ и подлецовъ. Ну же, сознайтесь, не стыдась, что вы боитесь войны! Подъ лицемѣрными покровомъ новыхъ идей, гуманитаризма и „интеллигентности“, прячутся, какъ отвратительные хищные звѣри, низменные побужденія, трусливая злоба, вся жадная и прожорливая хитрость собакъ, ворующихъ на поляхъ сраженій. Вы — противъ войны, противъ дуэли — во имя царственнаго Разума — дуэль, мошь, пережитокъ первобытнаго убійства... Ну, есть ли что-нибудь прекраснѣе, даже съ точки зрѣнія философіи, — той философіи, на которую вы ссылаетесь такъ часто, — какъ не это великолѣпное довазательство безсмертной и созидающей дѣятельности, какъ не эта борьба подъ небеснымъ сводомъ, дикая и безпощадная, бросающая другъ на друга двухъ людей или двѣ націи во имя торжества ихъ воли?! Къ тому же одинъ изъ тѣхъ учителей, которымъ вы такъ рабски поклоняетесь, вашъ интернаціональный Мирабо, — развѣ онъ не слилъ воедино, не прославилъ убійство и любовь? Убійство и любовь —

оба вѣчные, плодоносящіе, щедрые, все возобновляющіе? Я не думаю, о, мыслители, чтобы у васъ были болѣе доказательные доводы, ибо вы сами сознаетесь, въ концѣ вашихъ споровъ, что существуютъ лишь поводы вѣрить (*des raisons de croire*) и никакихъ доказательствъ. Итакъ—?!...

— Ахъ, ты, несчастный упрямецъ! гордецъ! злобредный слѣпецъ!—воскликнулъ Лагру.—Такъ знай же, что ты самъ этого хотѣлъ, да и въ писаніи сказано, что истину можно заставить восторжествовать лишь силой!.. Впередъ, товарищи!..

Въ одно мгновеніе ока поручика окружили, оглушили ударами, пронзили; онъ почувствовалъ, что его поднимаютъ на плечи, подбрасываютъ и разбиваютъ тысячи тысячъ бѣшеныхъ кулаковъ...

— Фуй, какой отвратительный сонъ!— съ этими словами, разбуженный денщикомъ, Сосье просыпается...

Проснувшись, онъ испытываетъ лишь смутное отвращеніе, которое выражается тѣмъ, что когда онъ въ то утро, уже не сонъ, а на яву, выѣзжаетъ на проѣздку своей Даміэтты, то сквозь зубы бессознательно пѣдитъ: „кавалъи, разбойники!“—по адресу всѣхъ социалистовъ и забастовщиковъ въ мірѣ. Это мировоззрѣніе просто, и его не тревожатъ никакія сомнѣнія.

Но Бартоломэ, Беппъ, подполковникъ Феръ, Ликсъ, а съ ними и авторъ, вовсе не такъ просто смотрятъ на дѣло. И потому, хотя кое-какія мысли и замѣчанія, высказываемыя то отъ имени Бартоломэ, то отъ собственнаго, и напоминаютъ временами Куприна, Бейерлейна или Бильзе, но въ общей идеѣ романа—сходства никакого. И наши, и нѣмецкіе авторы ограничиваются тѣмъ, что почти огульно осуждаютъ весь военный бытъ и порядки,—и впечатлѣніе послѣ ихъ провозведеній остается у читателя приблизительно такое: „И на что существуетъ такое злобредное и бесполезное учрежденіе, какъ армія,—это собраніе грубыхъ тунеццевъ, казнокрадовъ или бурбоновъ, бездѣльниковъ или тупыхъ машинъ, отдѣленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ согражданъ двойной китайской стѣнной предразсудковъ и идиотской дисциплины? Весь этотъ военный міръ—это нѣчто ненужное и аномальное, а потому правы тѣ, кто антимилитариистъ, кто радуется расшатанію всѣхъ этихъ „дисциплинъ“ и проповѣдуетъ либо уничтоженіе постоянной арміи, либо, по меньшей мѣрѣ, уничтоженіе всякихъ специально-военныхъ законовъ, военныхъ ограниченій и специально-военныхъ порядковъ“... Но авторъ „*Sabres de bois*“, вмѣсто того, чтобы съ огульнымъ осужденіемъ изображать весь 169-ый полкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все военное, всю военную службу,—явно подчеркиваетъ свои, какъ и всѣхъ, даже

самыхъ безалаберныхъ, офицеровъ,—симпатія и уваженіе въ такому, напр., серьезному, безупоризненному служагѣ, какъ подполковникъ Гамарель. Значить, авторъ признаетъ вмѣстѣ, что военное дѣло любить можно и должно; значить, онъ признаетъ и „военныя добродѣтели“; значить, считаетъ, что военная служба не есть нѣчто только зловредное, какая-то сплошная „ошибка“ и „ненужность“. Авторъ на этотъ счетъ опять мнѣнія вполне опредѣленнаго.

Для того, чтобы быть хорошимъ военнымъ—не опереточнымъ „Эдуаромъ“ или кѣмъ-нибудь изъ его офицеровъ—требуется нѣчто иное, чѣмъ быть просто веселымъ малымъ, или даже просто хорошимъ и добрымъ гражданиномъ. Существуютъ извѣстныя „военныя“ добродѣтели. Добродѣтели эти, можетъ быть, развиваются въ ущербъ многому; можетъ быть, военнымъ приходится быть односторонними или даже „уродливыми“ въ своей „особенности“,—но иначе нельзя. Быть военнымъ въ мирное время—это для человѣка рядъ лишеній, ненужныхъ жертвъ человѣческими интересами; человѣческія способности его часто пропадаютъ или глухнутъ. Но безъ войны человѣчество еще не обходится. Теперь еще не настало время, грезящееся баронессѣ фонъ Зутнеръ; до всеобщаго мира далеко. Пока еще остается въ силѣ: *Si vis pacem*—не портсмутскаго, а нѣсколько лучше,—то—*raga bellum*. Какъ же рѣшить эту проблему: войско въ мирное время портится и портить, но безъ войска въ мирное время обойтись еще нельзя, и безъ войска хорошаго, настоящаго, а не походаго на гарнизонъ Фенуйль-анъ-Везленъ? Мы видѣли, что молодой Брегѣ рѣшаетъ эту дилемму по-подпоручичьи, просто: уѣзжаетъ на Востокъ. Другіе офицеры, серьезные и тоже порядочные, какъ уже упомянутые Беппъ, Феръ и Лиесъ,—только ставятъ себѣ вопросъ, указываютъ на его серьезность, но не рѣшаютъ его.

...— Ахъ, эта политика, эта грязная политика! — говорятъ маленькій капитанъ Лиесъ, южанинъ, до смѣшнаго похожій лицомъ на Наполеона I.—Какое-нибудь внезапное рѣшеніе, жгучее воспоминаніе объ обидахъ, перенесенныхъ отъ богатыхъ или знатныхъ товарищей, жестокая рана, нанесенная вашему самолюбію какимъ-нибудь аристократомъ-начальникомъ изъ преступнаго высомѣрія—все это въ одинъ прекрасный день толкнетъ васъ къ химерическимъ новымъ вѣрованіямъ: социализму, утрарованному демократизму, всеобщей нивеллировкѣ, и т. д., и т. д. Все надѣешься найти въ нихъ утѣшеніе и возмездіе за свои обиды, нравственную поддержку среди своего одиночества и

Объдности, — а не замедлишь увидѣть, что все это, въ концѣ концовъ, прикрываетъ лишь борьбу личныхъ интересовъ и прованчески зовется „политикой“. Мало-по-малу, если не остеречься, приходишь до того, что компрометируешься со всѣми этими пѣвкоиснимателями (écumeurs), которые профессионально эксплуатируютъ искреннихъ и увѣровавшихъ людей. Неспособные честолюбцы, карьеристы (avancitards) — „ловцы чиновъ“, такъ мы ихъ зовемъ, — они основываются не столько на своихъ заслугахъ, сколько на своихъ влияніяхъ, и исподтишка мечтаютъ стибрить (chiper) мѣсто сосѣда. Ахъ, какъ я во всемъ этомъ разочаровался!

Бешпъ замѣтилъ: — Но „производство“ (l'avancité) — это грибокъ, подтачивающій и убивающій армию.

Подполковникъ Феръ поднялъ свои свѣтлые глаза и сказалъ отчетливо:

— „Производство“ (не по линіи) — это военное слѣдствіе мира. Всякое бездѣйтельное оружіе ржавѣетъ, всякое ружье, какъ его ни смазывать, грязнится и портится въ концѣ концовъ. Что же сказать объ арміи, составленной изъ избранныхъ дѣятельностей (activités), которая, вотъ уже 35 лѣтъ, какъ машина безъ пара, лежитъ — ненужная, умаленная, въ монотонной узости гарнизонной жизни? Благородныя стремленія — мельчаютъ, высокія и необходимыя для величія нашего немного диваго ремесла качества — ослабѣваютъ, и даже тотъ немного суровый складъ ума, который надо поддерживать у профессиональнаго воина, и онъ пропадаетъ мало-по-малу, теряя точку примѣненія — войну. Вы правильно говорите, Ликсъ: къ сожалѣнію, воинъ — человѣкъ, и если онъ хоть сколько-нибудь сопривоснется со штатскими честолюбцами, со всеобщей гоньбой за успѣхомъ (l'aggrivisme), если онъ увидитъ внезапныя обогащенія, показавую роскошь, всемогущество денегъ, и если онъ почувствуетъ, что его мучаетъ жгучая жажда наслажденій, — тогда профессиональный воинъ, офицеръ, почувствуетъ, что онъ — въ низкомъ общественномъ положеніи. Уставъ и ливрея его жмутъ; долгъ, честь — жестокия и эгоистическія слова — мѣшаютъ ему пускаться въ ходъ обычныхъ средства къ обогащенію... Жалованье его — это одна насмѣшка по сравненію съ тѣми потребностями, которыя его соблазняютъ... Тогда-то, раздраженный всѣми этими влияніями, загнипнотизированный вызывающими улыбками этой развратницы „политики“, профессиональный воинъ, доходитъ до того, что начинаетъ безумно надѣяться на незаконныя льготы, на лучшее, но безчестное положеніе. И вотъ тотъ неврозъ, которымъ мы болѣемъ — „про-

изводство не по закону" — младшая жалкая сестра великаго всемирнаго арривизма — родилось на свѣтъ.

Подполковникъ Феръ замолчалъ. Онъ выпустилъ два раза дымя, затянулся и задумался. Ликсъ замѣтилъ:

— Да, конечно, постыдно видѣть такихъ Врану (Эдуаръ), честолюбивыхъ флюгарокъ, ухаживающихъ за людьми, ими же презираемыми, и рассчитывающихъ на вліяніе тѣхъ, главный двигательный нервъ дѣйствій которыхъ заключается именно въ ихъ ненависти къ арміи... или же такихъ нахаловъ Багарровъ, которые такъ поступаютъ потому лишь, что между двухъ рюмокъ абсенту въ кафѣ познакомились съ какимъ-нибудь политиканомъ, или наконецъ такую колбасу, какъ Жюль, не знающую, куда она идетъ и зачѣмъ. Среди насъ нѣтъ болѣе достоинства — это фактъ.

Феръ живо подхватилъ: — Вы еще забываете всѣхъ тѣхъ, кто при случаѣ загрызаетъ съ „вольными“, — съ франмасонами или іезуитами, съ мясниками или аристократами, могущими быть имъ „полезными“, и это пятнасть свой мундиръ разными низкими услугами, точно продажныя женщины. — Феръ понизилъ голосъ и прибавилъ: — Я уже не говорю о тѣхъ несчастныхъ, которые получаютъ изъ секретныхъ фондовъ постыдную плату за свое шпионство. И таковы-то результаты мира! О, горе!

Прошли два гусара (дѣло происходитъ въ общегарнизонномъ военномъ клубѣ), продолжавшіе разговоръ; одинъ сказалъ:

— Ты только-что вернулся съ забастовки въ Сенъ-Жюстиньенъ? Ну что, не очень-то забавно?

— Нѣтъ, „не гораздо“ (Non, pas très).

— Кажется, было довольно много кутерымы (grabuge)?

— Ужъ и не говори! До чего приходилось быть насторожѣ и ловкимъ! Послушать бы нашихъ рядовыхъ, такъ вышло бы хорошее дѣльце! Они всѣ хотѣли стрѣлять, — просто умора! Ужъ могу тебѣ похвастаться чѣмъ угодно, что я-то разрѣшилъ бы имъ дѣйствовать!... Ахъ, какія свиньи — эти подлые стачечники!..

Ликсъ сказалъ: — Слышите, господинъ подполковникъ? Вотъ на кого направляютъ теперь нашу незанятую активность. Стачки, бунты, гражданская война... и вѣдь гусару это, повидимому, кажется естественнымъ...

Феръ прервалъ его со смѣхомъ: — Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо выступать противъ конгрегацій...

Ликсъ вновь заговорилъ: — Вы видите, его аристократизмъ спокойно допускаетъ дубасить (cogner) простонародье. И даже рядовые, въ глубинѣ своей простой и доброй солдатской совѣсти, полагаютъ, что они исполняютъ правое дѣло и владываютъ въ

это всю свою душу французскаго война. Господи Боже мой, бывають минуты, когда я спрашиваю себя, не является ли военный человекъ аномаліей, чудовищемъ?

Феръ сдѣлать жестъ полнаго безсилія и сказалъ:

— О, да! Это само собою. Съ философской точки зрѣнія мы чудовища, но чудовища необходимы. Солдатъ есть и долженъ быть на войнѣ хитрымъ звѣремъ, смѣлымъ, хитрымъ и безжалостнымъ. Но мы должны съ отвращеніемъ смотрѣть на гражданскую войну, лицемерную, какъ та политика, которая ее провозглашаетъ, и въ которой насъ заставляютъ играть такую скверную роль... Между тѣмъ, не на то мы созданы: нація — та знаетъ, на что мы предназначены судьбой.

Бепш медленно возразилъ:—Нашъ ненормальный на войнѣ умственный складъ долженъ былъ бы быть нормальнымъ въ мирное время. Но, несмотря ни на что, военный умъ всегда будетъ особымъ. Это зависитъ отъ его воспитанія, отъ той исключительной тренировки, которою его готовятъ къ войнѣ, отъ его мундира и среды.

Феръ воскликнулъ:—Эхъ, чортъ возьми, мы вѣдь не члены „Союза Мира“ и не гуманисты, и наше ремесло въ томъ и заключается, чтобы быть противниками всего этого. А это-то намъ и ставятъ въ упрекъ? Того не хватало! Уничтожьте войну— сразу военщина и военный складъ ума исчезнутъ.—Потомъ съ жаромъ и очень серьезно онъ прибавилъ:—Все это лишь химеры: всегда были войны и всегда онѣ будутъ! И самое большое счастье, какое можетъ себѣ пожелать солдатъ, такъ это—война!

Наступило долгое молчаніе. Слышны были только восклицанія игроковъ да звонъ блюдечекъ. Капитанъ Бепш поднялъ голову и сказалъ:—Вѣчный миръ и общественная нивелировка — это двѣ химеры. Человекъ долженъ стремиться къ тому и другому, но никогда не надѣяться достигъ цѣли... Война,—чѣмъ мы интересуемся,—эта крайняя форма мировой дѣятельности, является одной изъ неискоренимыхъ и всегда присущихъ потенцій: милитаризмъ измѣнится, но не исчезнетъ, какъ и война. Вотъ къ этому закодированному кругу приходятъ и всѣ тончайшіе мыслители...

Ликсъ отвѣтилъ на это:—Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что армія должна быть прежде всего орудіемъ предупрежденія, и что надо многое обдумать всякій разъ, прежде чѣмъ пускать его въ ходъ.

Феръ живо запротестовалъ:—Простите, но вѣдь если это орудіе думающее, живущее, требующее дѣятельности, ну—при-

жвѣнія, — ему надо дѣйствовать во что бы то ни стало, или приходится умирать!.. Но я часто думаю о чемъ-то совсѣмъ иномъ, чѣмъ политика... — Онъ какъ будто унесенъ въ какой-то великій міръ воспоминаній, потомъ продолжалъ:—Я десять лѣтъ пробылъ въ Китаѣ и Тонкинѣ. Ну такъ, когда я подумаю о томъ, что я тамъ видѣлъ, — я содрогаюсь... Не думаете ли вы, что когда 5 или 6 миллиардовъ людей этой умной и сильной своею неискоренимой ненавистью къ европейцамъ расы будутъ готовы, обучены и вооружены, — что тогда не наступитъ минута почистить отъ ржавчины наши сабли и ружья, оксидировавшіяся, благодаря миру? Чего ждутъ, а не посылаютъ насъ туда сами? и почему не расцентрализируютъ такимъ образомъ эту армию, которая плещется во Франціи; и почему не разбудятъ ее соприкосновеніемъ съ этими умными и честолюбивыми желтолицыми? Мѣста хватитъ и въ Китаѣ, и въ Японіи. Разъ въ Европѣ нѣтъ опасности, тогда всѣ наши колоніи, а особенно тамошнія, достаточно обширны, чтобы вмѣстить всѣ мизерныя мечтанія всѣхъ нашихъ карьеристовъ...

Какъ видно изъ романа, и самые вдумчивые офицеры 169-го полка не находятъ разрѣшенія тяжелаго вопроса. И когда читатель откладываетъ въ сторону „забавную“ книгу Гюз, онъ тоже скажетъ себѣ: „Да! это не такъ просто; и если неправы господа военные, вродѣ дю-Сосье, сознательно закрывающіе глаза на все, происходящее кругомъ военныхъ, на всю не-военную жизнь, и такъ близоруко и узко, такъ безумно относящіеся къ происходящему перевороту, — то такъ же, пожалуй, неправы и всѣ тѣ господа штатскіе, которые съ самаго начала нашей злощастной войны не переставали говорить о всѣхъ ошибкахъ, погрѣшностяхъ и преступленіяхъ на войнѣ, и которые теперь, во время нашей внутренней войны, еще громче говорятъ о томъ же. Но нельзя быть такимъ тупымъ и глухимъ, исключительно-военнымъ, какъ дю-Сосье; нельзя смѣшивать военную службу съ популярничаньемъ у населенія и потаканіемъ политическимъ тенденціямъ „избирателей“ и „правителей“, какъ поступаетъ *не-военный* военный Эдуаръ... Съ другой стороны, безукоризненно и серьезно служить, какъ Гамарель, не приноравливающійся къ легитимистскимъ взглядамъ высшихъ военныхъ сферъ, не ищущій популярности и у штатскихъ правителей, и у гг. депутатовъ, — это значитъ опять по донъ-вихотски, во имя идеала, навѣки заранее отказаться отъ всякой карьеры и даже отъ возможности занять современемъ мѣсто начальника отдѣльной части, — гдѣ именно такіе люди и нужны, — вмѣсто негодныхъ Эдуаровъ, чван-

ныхъ Табеліоновъ и пьяницъ Реденбаховъ... Невыносимо тяжело думающимъ людямъ, какъ Бепъ, Феръ или Бартоломэ, тянуть ненужную военную лямку въ мирное время — и въ то же время сознавать, что армія еще необходима, и что нельзя ей не быть всегда наготовѣ.

— Какъ же быть? Какъ рѣшить эти эдиповскіе вопросы?..— Вотъ на какія мысли можетъ наводить книжка Гюэ, и потому, повторяемъ, она производитъ, при всей своей кажущейся легкости и „забавности“, гораздо болѣе серьезное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ тѣ произведенія „изъ военнаго быта“, о которыхъ такъ много (и часто не по заслугамъ) толковали и у насъ, и въ Германіи.

В. С.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛЬСКИЙ РОМАНЪ

ОЧЕРКЪ

Окончаніе.

VIII ¹⁾).

Рѣшительнымъ борцомъ за свободу искусства и свободу личности отъ службы утилитарной, отъ тенденціознаго реализма, который пытался собирать „человѣческіе документы“, какъ матеріалы для опытной социологин, стремящейся къ обезпеченію за человѣчествомъ возможно большей суммы благъ, въ новѣйшей польской литературѣ является—Пржибышевскій. Выступилъ онъ сперва какъ писатель нѣмецкій, применившій къ группѣ „модернистовъ“, въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, когда онъ жилъ въ Берлинѣ.

Свобода искусства, разумѣется, вовсе не означаетъ у него свободу отъ опредѣленной идеи и даже цѣли. Нѣтъ, искусство должно быть свободно только отъ подчиненности такимъ цѣлямъ, которыя не истекаютъ изъ его природы. Какое дѣло художнику хотя бы до блага всего человѣчества? Развѣ сытость человѣчества, которая способствовала бы возможно большому его размноженію, представляетъ нѣчто художественное и можетъ быть цѣлью искусства?

Скорѣе же — совсѣмъ наоборотъ. Художнику свойственнѣе

---

¹⁾ См. июнь, стр. 581.

видѣть въ человѣчествѣ сѣрую толпу, нѣчто грубое, вульгарное, противное его инстинктамъ. И неужели онъ долженъ быть рабомъ этой черни или ея забавникомъ? Ему совсѣмъ нѣтъ дѣла до ея пользы въ настоящемъ и до ея будущности. Художникъ-мыслитель, это—избранникъ: ему свойственнѣе видѣть въ толпѣ только матеріалъ, изъ котораго можетъ современемъ выработаться нѣчто болѣе сознательное, болѣе утонченное и болѣе красивое.

Это пренебреженіе къ толпѣ, къ человѣческой черни и ко всякимъ кодексамъ, которыми она старалась обезопасить себя и упрочить свое стадное благополучіе, логически ведетъ къ оправданію полного произвола людей высшаго порядка, натуръ сильныхъ, одаренныхъ способностями исключительными. Весь смыслъ существующаго—въ нихъ однихъ, и истинное призваніе человѣческой массы—единственно въ томъ, чтобы изъ нея выдѣлять гениальныя личности, которыя могутъ распоряжаться человѣчествомъ, какъ матеріаломъ для выработки новой, болѣе осмысленной, болѣе сильной и идейно-одухотворенной расы.

Но въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, онъ заимствованъ прямо у Ницше. А огромное вліяніе Ницше въ современной литературѣ объясняется не одной новизной его взгляда, не однимъ его страстнымъ, неудержимымъ темпераментомъ и не только обаяніемъ его остроумной критики и его блестящаго, порывистаго стиля. Вліяніе и наиболѣе существенное значеніе Ницше, скорѣе гениальнаго памфлетиста, чѣмъ философа, исходило изъ того, что ощущалась потребность въ реакціи противъ безусловнаго господства позитивизма, который считалъ себя „последнимъ словомъ“ философіи, социологіи и этики, все объяснялъ и классификовалъ въ стройную безусловную систему, не оставивъ ни уголка, гдѣ могла бы пріютиться фантазія, все свелъ къ утилитарности, общему благу, и даже для самопожертвованія придумалъ утилитарный терминъ—коллективнаго эгоизма или альтруизма.

Это была нѣбая всеобъемлющая казарма для механическаго производства мѣщанскаго благополучія. Но именно потому, что она представлялась всеобъемлющей и безвыходной, она въ концѣ должна была показаться тюрьмой. И вдругъ, явился мыслитель, который сказалъ: „Да какое мнѣ дѣло до благополучія этого стада? Мнѣ личное право и личная, моя собственная идея гораздо дороже, чѣмъ снабженіе ситцемъ готентотовъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Пусть это снабженіе полезно для самихъ чернокожихъ и, въ особенности, для европейскихъ промышлен-

никовъ, но я такую пользу не могу принять за высшій идеалъ своей души".—И вотъ, этотъ мыслитель потребовалъ переоцѣнки мѣщанскихъ и промышленныхъ цѣнностей, а стадной неволѣ онъ противопоставилъ безусловную свободу личности.

Конечно, это путь скользяй. Но необходимо было потрясти филистерское самодовольство и прекраснодушіе всезнающаго, все опредѣлившаго позитивизма. Художественная литература во всякомъ случаѣ не могла надолго оставаться подъ указкой утилитарности. Для нея такая теорія, которая все окончательно объяснила и установила законы навсегда, создавала самую неблагодарную почву, устраняя все таинственное и подрѣзывая крылья воображенію. То ли дѣло было при старинномъ романтизмѣ!

А что начало безусловной свободы личности раскрыло передъ литературой путь скользяй, это доказывается тѣми странностями, отчасти даже чудовищностями, въ которыя впали нѣкоторые писатели въ силу настоящей революціи, каковую Ницше произвелъ именно въ области литературы, гораздо болѣе, чѣмъ въ области научныхъ философскихъ построений. Такъ, одинъ изъ героев Прибышевскаго, на вопросъ, къ какому воззрѣнію или какой партіи онъ принадлежитъ, отвѣчаетъ:—„Я — только я; я исповѣдую себя самого“. Это мнѣ напоминаетъ слышанный отъ Тургенева разсказъ о человѣкѣ, который обратился къ нему въ Парижѣ за помощью, но работать не хотѣлъ. Тургеневъ заинтересовался, къ какимъ „истамъ“ этотъ человѣкъ причислялъ себя для отрицанія труда. „Я—самистъ“, самоувѣренно отвѣтилъ ему вопрошаемый.

Вотъ и герой Прибышевскаго говоритъ о себѣ совершенно то же самое. Да и всѣ главные герои этого автора могли бы сказать примѣрно одно и то же, такъ какъ они, въ сущности, всѣ сводятся на одинъ типъ — „самистовъ“. А это обстоятельство, само по себѣ, характерно именно у такого писателя, который исходитъ изъ идеи крайней, самодовлѣющей индивидуальности. Оказывается, что индивидуальная-то особность, типичная своеобразность и выступаетъ у Прибышевскаго слабо. Его сверхчеловѣки представляютъ одинъ и тотъ же типъ чувственаго самодура, который все и всѣхъ приноситъ въ жертву своей похоти или даже прихоти. Похоти—главнымъ образомъ; а прихоти—потому, что на этого самодура находить иногда прихоть играть въ анархисты, вовсе не изъ убѣжденія,—потому что онъ „плюетъ на всѣ ваши партіи и убѣжденія“,—а по такой причинѣ, что онъ все ненавидитъ и разрушеніе ему нравится само

по себѣ. Такимъ образомъ, этотъ типъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, представляетъ собой скорѣе поставленную на ходули пропись, чѣмъ живого человѣка, который немислимъ безъ свойствъ разнообразныхъ, случайныхъ и не можетъ вѣчно только служить намѣреніямъ автора.

Что сверхчеловѣки Пржибышевскаго писаны какъ бы съ одного оригинала—это зависѣло отчасти отъ слишкомъ доктринерскаго пониманія имъ искусства. Но вѣдь и самое пониманіе искусства опредѣляется болѣе или менѣе тѣми силами или тѣмъ недостаткомъ силъ, какіе сознаетъ въ себѣ художникъ. А нельзя сказать, чтобы у Пржибышевскаго была очень интенсивна главная, существеннѣйшая сила художника — сила творческая. Въ гораздо большей степени онъ обладаетъ силой анализа и критики. Вотъ почему и опредѣленіе, какое онъ даетъ искусству, слишкомъ доктринерно и тѣсно, и исполненіе автора довольно слабо по степени художественной интуиціи. А если примѣнить къ его романамъ термины, заимствованные изъ другихъ искусствъ, то можно сказать, что краски его болѣе кричащи, чѣмъ ярки и реальны.

Но теперь приведемъ нѣсколько строкъ изъ его „Сопфітеог“, въ которыхъ имъ дается опредѣленіе искусства. „Искусство есть воспроизведеніе того, что вѣчно, независимо отъ всякихъ переменъ и случайностей, а также отъ времени и пространства, а стало быть — воспроизведеніе человѣческой сущности (istność), т.-е. души—во всѣхъ ея проявленіяхъ, каковы бы они ни были, добрыя или злыя, прекрасныя или скверныя... Искусство не имѣетъ цѣли, оно само служитъ себѣ цѣлью, оно — абсолютъ, такъ какъ оно является отраженіемъ абсолюта—души... Не признаетъ никакихъ законовъ, ни нравственныхъ, ни общественныхъ, и никакихъ компромиссовъ... Искусство тенденціозное, поучающее, искусство-забава, искусство-патріотизмъ, искусство, имѣющее какую-либо цѣль, нравственную или общественную,—перестаетъ быть искусствомъ... Начальной основой такъ называемаго „новаго“ искусства и всѣхъ въ немъ теченій служитъ понятіе о душѣ, какъ личной силѣ (мощи), о душѣ, шествующей отъ одной вѣчности къ другой, душѣ, которая въ извѣстные моменты, принуждаемая къ тому неизвѣстнымъ могуществомъ, является на землю, потомъ возвращается въ лоно вѣчности и опять воплощается (на землѣ)... Да, за тѣснымъ кружкомъ сознательныхъ состояній нашего „я“, существуетъ еще цѣлый внутренній океанъ, море тайны и загадокъ... Но рѣдко, рѣдко глубь эта раскрывается предъ взоромъ человѣка; взоръ

его обычно только скользнуть по тонкому ледяному слою, подь которымъ покоится мистическое *mare tenebrarum*“...

Эти послѣднія строки указываютъ на другой, кромѣ Ницше, образецъ или мыслительный источникъ Пржибышевскаго, а именно, на Метерлинка. „*Mare tenebrarum*“ прямо заимствовано у него, и польскій авторъ почти дословно повторяетъ о тѣхъ „прихотливыхъ буряхъ“, какія „бушуютъ“ на этомъ таинственномъ внутреннемъ морѣ. Та же мысль выражается однимъ изъ дѣйствующихъ у Пржибышевскаго лицъ въ аллегоріи пяти пальцевъ руки, которые мы видимъ, но между которыми есть цѣлое множество явленій незримыхъ.

Итакъ, цѣлью искусства является изслѣдованіе всѣхъ движеній и проявленій души для познанія ея, какъ сущности человѣка, живущей въ вѣчности и только по временамъ воплощающейся на землѣ. Однако, сбрасывая съ себя земной покровъ, душа не оставляетъ на землѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ каждаго земного бытія, но хранитъ ихъ въ себѣ. Пережитыя радости, разочарованія и страданія она уноситъ съ собою, и они модифицируютъ, усложняютъ ее. Такимъ образомъ, при общеніи людей между собою, на отношенія между ними, на драму каждой жизни вліяютъ не одни впечатлѣнія, испытанныя съ рожденія, но и накопившіяся впечатлѣнія, вынесенныя изъ каждаго предшествующаго бытія. И вотъ эти-то, не поддающіяся нашему сознанию, впечатлѣнія минувшихъ фазъ земной жизни и являются существенной частью того *mare tenebrarum*, которое находится въ насъ.

Итакъ, цѣлью искусства, по Пржибышевскому, является познаніе души, какъ абсолюта, души въ ея полнотѣ, такъ сказать, органической, но освобожденной отъ всѣхъ внѣшнихъ, случайныхъ, временныхъ вліяній даннаго существованія, настоящей фазы земного бытія. Это и есть, провозглашаемая Пржибышевскимъ, „теорія нагой души“, то-есть души, съ которой весь налетъ случайный совлеченъ синтезомъ, истекающимъ изъ наблюденія всѣхъ проявленій ея чувствъ. Итакъ, если герои этого автора являются сверхчеловѣками, не признающими существующихъ законовъ нравственныхъ и общественныхъ, чуждыми любви къ человѣчеству въ данномъ его видѣ и всякой мысли о его благополучіи, то это не потому, чтобы авторъ намѣренъ былъ воспроизводить въ лицахъ сверхчеловѣковъ Ницше, или чтобы онъ мечталъ о появленіи въ будущемъ болѣе идеальной расы людей.

Нѣтъ, всѣ эти свойства истекаютъ просто изъ того, что душѣ, прошедшей и имѣющей еще проходить разныя фазы земного бытія, все это представляется временнымъ, условнымъ и

незаслуживающимъ вниманія. Вотъ почему герои этого автора „плюютъ“ на всѣ наши законы, партіи, убѣжденія и на самую судьбу ходящихъ по землѣ бранныхъ тѣлесъ. Герои эти всегда несчастливы, въ силу того „предопредѣленія“, что въ нихъ бушуетъ темное море, которое не поддается сознанію, но препятствуетъ удовлетвореніямъ какими бы то ни было условіями или впечатлѣніями даннаго, временнаго бытія. По той же причинѣ они такъ склонны къ ненависти и къ разрушенію.

Но это еще далеко не вся теорія Пржибышевскаго. Однако, прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, отмѣтимъ, что самый взглядъ его на призваніе искусства вѣрише было бы навать теоріею искусственности и произвольности. Это уже не есть свобода искусства, а скорѣе регламентация его по произволу художника, который сознаетъ въ себѣ одну только силу — анализа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатокъ силы художественнаго творчества, и недостающее ему пробуетъ отвергнуть теоріею, какъ ненужное, даже какъ недостойное будто бы искусства.

Произвольное ограниченіе открытаго для искусства поля еще усиливается такимъ положеніемъ автора, что для изслѣдованія и познанія сущности души слѣдуетъ наблюдать ее преимущественно въ отношеніяхъ между полами. Какъ въ средніе вѣка человѣческая душа проявлялась вполнѣ только въ жизни религіозной, такъ въ наше время она проявляется только въ отношеніяхъ между полами. Итакъ, изслѣдованіе чистой или нагой человѣческой души, свободной отъ всякихъ вѣшнихъ налетовъ, неожиданно сводится къ преслѣдованію въ области, до нѣкоторой степени общей человѣку съ животными.

И эта-то именно черта, или эта особенность, составляетъ сущность всего личнаго психологическаго и эстетическаго багажа Пржибышевскаго. Остальное — многократныя воплощенія души (Ницше), сверхчеловѣки (его же), *mare tenebrarum* (Метерлинка, или хотя бы Шекспировскій „there are more things in heaven and earth“ (есть въ небѣ и на землѣ болѣе того, о чемъ мечтаетъ ваша философія), искусство какъ собственная цѣль, осужденіе поучительной задачи и тенденціозности — все это придумано не Пржибышевскимъ. Да, наконецъ, и самая чувственность, эротическій характеръ искусства имѣли многочисленныхъ представителей и въ древности, и въ новѣйшія времена. Специально же Пржибышевскому принадлежит возведеніе чувственности изъ артистическаго направленія, какъ простаго аматорства, на степень высшей, философской задачи искусства, какъ изслѣдованія человѣческой души въ ея интимнѣйшихъ проявленіяхъ.

На этой мнимо философской задачѣ, а вѣрнѣе сказать причудѣ Прибышевскаго, мы долѣе останавливаться не будемъ. Прибавимъ только, что, по его представленію, источникомъ творчества, бытія, является именно похоть, а взаимное влеченіе двухъ половъ есть стремленіе къ воссоединенію двухъ разрозненныхъ элементовъ первобытнаго единства. Но взаимное это влеченіе сопровождается борьбою, любовью—ненавистью, и женщина является главной причиной несчастій мужчины.

Этой своеобразной доктринѣ, а скорѣе — миеологін, нельзя отказать, если не въ законченности, то въ нѣкоторой закругленности. Но именно это-то доктринерство и повредило бы литературному творчеству всякаго иного писателя, который согласился бы усвоить себѣ задачу искусства, какъ ее опредѣляетъ Прибышевскій. Такое доктринерство обезличило бы выводимыя фигуры, вышло бы изъ жизненной правды и жизненнаго разнообразія, обратило бы ихъ въ манекены, приводимые въ движеніе нитками, сходящимися въ рукахъ автора, или въ граммофоны, передающіе авторскіе напѣвы, однимъ словомъ—отбѣтило бы все творчество чертою искусственности и холодности, несмотря на всѣ усилія автора придать движеніямъ особую порывистость, а словамъ—крайнюю страстность.

Это же оправдалось уже и на произведеніяхъ самого изобрѣтателя доктрины объ изслѣдованіи „нагой души“. Но тутъ позволительна догадка, что и самая-то теорія придумана имъ, чтобы замаскировать недостатокъ собственной его художественно-творческой силы. Такъ, чѣмъ слабѣе мелодическая изобрѣтательность композитора, тѣмъ рѣшительнѣе онъ осужденъ на усложненный контрадуктивизмъ, а неуверенный въ себѣ рисовальщикъ бросается въ декадентство или въ символизмъ, маскируя слабость рисунка яркостью и расплывчатостью красокъ.

IX.

Приведемъ теперь примѣры. Трилогія „Homo Sapiens“¹⁾ представляетъ намъ человѣка, который, любя одну женщину, въ первомъ томѣ отбываетъ другую женщину у сердечнаго своего друга, кончающаго самоубійствомъ; во второмъ томѣ занятъ исключительно тѣмъ, чтобы овладѣть невинной, полюбившей его девушкой, хотя самъ продолжаетъ любить увезенную имъ не-

¹⁾ „Homo Sapiens“; „Na rozstaju“; „Po Drodze“; „W Malstromie“. 1901.

вѣсту пріятеля, и не только овладѣть жертвой, но именно — „уничтожить“ ее. И, дѣйствительно, она топится. Наконецъ, въ третьемъ томѣ, онъ продолжаетъ отношенія съ первой изъ упомянутыхъ женщинъ, но смертельно боится, чтобы объ этомъ не узнала его жена, такъ какъ сознаетъ, что въ дѣйствительности любилъ и любить только ее, и что если она его броситъ, онъ долженъ будетъ умереть.

Жена его покидаетъ. Но это нисколько не влечетъ за собой смерти „рокового“ человѣка. На послѣднихъ страницахъ мы видимъ его, ищущаго утѣшенія у любящей его анархистки, съ которой онъ собирается ѣхать. Послѣднія слова его: „vive l'humanité!“ — хотя онъ ненавидитъ человѣчество и всѣ дѣла его. Онъ даетъ деньги на пропаганду, и вѣстѣ съ тѣмъ „плюетъ“ на нее. Пріятель сообщаетъ ему, что намѣренъ сейчасъ застрѣлиться, и спрашиваетъ — вѣрить ли онъ въ безсмертіе души? Отвѣтъ утвердительный, но вслѣдъ за нимъ прибавка: — „врочемъ и не вѣрю; я ни во что не вѣрю“. — Эта бесѣда съ рѣшившимся умереть пріятелемъ, который любилъ его, поклонился ему, считалъ его богомъ, интересна тѣмъ, что роковой человѣкъ поддерживаетъ ее главнымъ образомъ изъ любопытства, допрашиваетъ будущаго самоубійцу, какъ онъ себя представляетъ впечатлѣнія смерти, и слѣдитъ за всякой переменной въ его лицѣ и голосѣ, изучая предметъ.

А такъ какъ самъ онъ находится въ моментѣ критическомъ, подъ страхомъ, что жена уйдетъ, да и средства его приближаются къ концу, то онъ предвидитъ и для себя вскорѣ судьбу пріятеля, и ощущаетъ страхъ. Однако онъ непремѣнно хочетъ видѣть до конца, какъ смотритъ человѣкъ, который застрѣлится, какъ онъ ходитъ, какія дѣлаетъ произвольныя движенія. Онъ слѣдитъ за пріятелемъ, который удаляется въ глубь парка, но нервное возбужденіе, обусловленное уже самымъ образомъ жизни, усиливается волненіемъ и „животнымъ страхомъ“ до такой степени, что онъ, только желавшій быть свидѣтелемъ самоубійства, лишается силъ и принужденъ останавливаться, между тѣмъ какъ самоубійца идетъ впередъ твердыми и быстрыми шагами. Вслѣдствіе этого любовательный изслѣдователь теряетъ изъ виду объектъ своего наблюденія и стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Отсюда онъ можетъ услышать только выстрѣлъ.

И онъ ждалъ. „Все въ немъ было такъ напряжено, что даже слабый звукъ причинялъ ему боль. Вотъ, онъ услышалъ — проѣхали дрожки, потомъ гдѣ-то смѣхъ... Онъ дрожалъ все сильнѣе, стучалъ зубами. Вотъ, вотъ — теперь, сейчасъ... Онъ давился.

Еще нѣкоторое время онъ напряженно выжидалъ. „А что какъ тотъ совсѣмъ и не думалъ убиваться?“ — вдругъ подумалъ онъ, и вудая его сжались пароксизмомъ бѣшенства. „Пожалуй, онъ просто меня дурачилъ... Да, понятно, не застрѣлится!“ — сказалъ онъ себѣ въ новомъ бѣшеномъ порывѣ.

Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ. По всему тѣлу Фалька прошелъ страхъ; душа его хотѣла издать крикъ, который далъ бы ему облегченіе, но горло его было точно стянато, и онъ могъ только прокричѣть. Вдругъ, однако, онъ сталъ ужасно радъ, что все уже дончилось, и, вмѣстѣ, онъ почувствовалъ ненависть къ тому человѣку, который заставилъ его пережить эти мучительныя минуты.

Въ немъ снова взяло верхъ любопытство. Ему хотѣлось увидѣть Гродзкаго мертвымъ, взглянуть ему въ глаза, въ которыхъ, какъ тотъ говорилъ ему, должны были въ моментъ смерти явиться огненные круги... Но онъ не имѣлъ силы искать убитаго. На первомъ же шагу его обуялъ страхъ, еще болѣе сильный, страхъ какъ бы передъ привидѣніемъ, страхъ, какъ будто именно онъ и убилъ Гродзкаго.

Онъ пошелъ медленно, дрожа, и вдругъ услышалъ за собой шаги, но такіе шаги, которые ему были знакомы. Тогда онъ пошелъ скорѣй и еще скорѣй, наконецъ пустился бѣгомъ, куда попало. Ноги его иногда залетались, въ головѣ раздавался какой-то шумъ и стонъ... Однако Фалькъ нашелъ дорогу домой и, облитый потомъ, упалъ на лѣстницѣ. Затѣмъ, онъ все-таки вернулся къ трупу Гродзкаго и взглянулъ ему въ глаза, увидѣлъ въ нихъ ироническое морганье и снова бѣжалъ въ ужасѣ. Но это было уже только во снѣ.

Одна эта картина достаточно характеризуетъ „рокового человѣка“ — Фалька. Чрезвычайная нервность, постоянное и крайнее напряженіе психическихъ силъ. Но какія же собственно силы напряжены — чувство, жалость къ гибнущему человѣку, пріятелю, и страхъ за него? Сила убѣжденія, которая побудила бы его или отвратить Гродзкаго отъ самоубійства по фантастическому поводу, или поддержать его въ намѣреніи сбросить съ себя жизнь, какъ зло?

Ничего этого не было. Страхъ Фалькъ ощущалъ только за себя, такъ какъ самъ приготовлялся къ самоубійству. Предсмертную душевную драму въ близкомъ человѣкѣ онъ анализировалъ только въ видѣ справки для личнаго свѣдѣнія. Отъ страха онъ былъ неспособенъ идти до конца съ человѣкомъ, который смѣло шелъ къ своей цѣли. Отъ страха онъ былъ безсиленъ

даже и бѣжать, пока этотъ же страхъ не перешелъ въ припадокъ безумія и не придалъ ему крылья. Гдѣ же тутъ сила? Если она и проявляется въ чемъ-либо, то только въ безсердечности, въ узкомъ эгоизмѣ, который свойственъ и самымъ зауряднымъ, самымъ мелкимъ людямъ. Когда отдавшанся ему Маритъ Кауэръ, которую онъ любитъ, начинаетъ быть ему въ тягость, потому что онъ одновременно любитъ жену, онъ, не волеблясь, идетъ къ рѣшительной развязкѣ, ощущаетъ страстное желаніе уничтожить это лишнее для него существо. Пользуясь минутой ея слабости, онъ овладѣваетъ ею, а на другой день объявляетъ ей, что онъ женатъ, между тѣмъ какъ передъ тѣмъ постоянно отрицалъ это. Она бросается въ воду.

И вотъ какими разсужденіями онъ оправдываетъ предъ собой это рѣшеніе уничтожить дѣвушку.

„Фальку внезапно, какъ молнія, пришло сознаніе, что онъ уничтожилъ Маритъ. Но почему же и нѣтъ? „Я—природа, я творю и уничтожаю жизнь. Хожу по тысячамъ труповъ, потому что не могу иначе, я создаю жизни одну за другой, такъ какъ не могу иначе... Я—не человѣкъ, я—сверхчеловѣкъ! Ха-ха, сверхчеловѣкъ!—захотѣлъ онъ при этомъ баснословномъ названіи. Да, —сверхчеловѣкъ, жестокой, безсовѣстный, великодушный и добрый. Я—природа, и у меня нѣтъ совѣсти, какъ она лишена ея... Сверхчеловѣкъ! ха-ха! Молнія убиваетъ тысячи голубей и кроликовъ. Итакъ, вѣчно буду идти, буду плодить и убивать...

„Ибо такъ хочетъ предопредѣленіе. Ибо я иначе не могу. Ибо я не владю собой, я—преступническая, сатанинская натура. И съ какой же стати я буду мучиться? Смѣшно. Развѣ молнія знаетъ, зачѣмъ она убиваетъ, развѣ отъ нея зависитъ поступать, какъ она хочетъ? Нѣтъ. Она могла бы только констатировать фактъ, что ударила туда-то и убила то-то. И я констатирую и заношу въ протоколъ, что мною уничтожена невинная голубка“.

Мы уже видѣли, какъ смерть одного пріятеля интересуется Фалька только по отношенію къ собственному намѣренію того же Фалька застрѣлиться, намѣренію, которое, конечно, какъ и все у него, ограничилось позировкой передъ самимъ собою. Но вотъ другого, сердечнаго друга, такого, который въ немъ также видѣлъ бога, онъ уничтожаетъ также, какъ и Маритъ. Онъ отбиваетъ у него страстно любимую невѣсту. При этомъ Фалькъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что это будетъ для друга смертью. Этотъ другъ, Мивита,—судя по имени, русинъ, талантливый художникъ,—видитъ въ Фалькѣ высшее существо. Это—

человѣкъ сердечный, умный, но безхитростный, съ здравымъ умомъ.

Замѣчательно, что у другого сверхчеловѣка, такого же приверженца революціи, который „плевать хочетъ“ и на революцію, и на всякіе принципы, у Гордона, въ романѣ „Дѣти Сатаны“¹⁾, есть такой же другъ-почитатель и почти невольникъ Остапъ, также, должно быть, русинъ. Прибавимъ, что и у Тетмаера, въ романѣ „Ангель Смерти“, гениальный художникъ, также самоанализаторъ и самоповѣствователь, какъ герои Прибышевскаго, Рдзавичъ, имѣетъ такого же сердечнаго друга и поклонника. Этотъ Тонзель — также энергичный, прямой и добрый малый. Всѣ эти *fatalis*ы напоминаютъ тѣхъ „наперсниковъ“ и „наперсницъ“, какіе бывали у персонажей старой итальянской оперы и передъ которыми они шли свои признанія и чувства въ каватинахъ и кабаллетахъ. Такіе же терпѣливые наперсники, очевидно, необходимы и для романическихъ поэтовъ новаго типа, которые гораздо болѣе самонаблюдаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, и чьихъ дѣйствія далеко не соотвѣтствуютъ сладости и энергіи распѣваемыхъ ими каватинъ.

Возвратимся къ наперснику Фалька — Микитѣ. Когда онъ замѣтилъ, что его невѣста начинаетъ увлекаться Фалькомъ, съ которымъ онъ соперничать не можетъ, то бѣдняга хватилъ себя головой объ стѣну, такъ что облился кровью. Заставъ его въ такомъ положеніи, Фалькъ даетъ ему слово, что Иза Перье (невѣста Микиты) не увидитъ его болѣе, и уважаетъ, будто бы, къ своей матери. Но по дорогѣ онъ высаживается на недалекой станціи и тамъ начинаетъ философствовать. Философія, понятно, клонится къ тому, что съ какою стати страдать долженъ онъ для того, чтобы не страдалъ Микита?

Ему вспоминается сцена, которую онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ лѣсу отца. На лужайку выбѣжали два оленя въ погонѣ за самкой и тамъ уставились другъ на друга, чтобы рѣшить споръ. Они бились и колотились рогами, разворачивали себѣ бока... А въ это время самка пришла и спокойно щипала траву, ожидая результата. Наконецъ, одинъ олень распоролъ брюхо своему противнику и бросился на самку, съ кровавыми кинжалами убитаго ча рогахъ.

Это — природа. И вотъ, Фалькъ, такая же природа, возмущается противъ глупой жалости, глупой нравственности, всѣхъ вообще предрассудковъ, созданныхъ глупостью вѣковъ. Онъ не-

¹⁾ „Dzieci Szatana“, 1899.

медленно возвращается къ Изѣ Перьѣ и вскорѣ увозить ее въ Парижъ, гдѣ и заключаетъ съ ней законный гражданскій бракъ. А Мивята пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Но не таковъ Фалькъ. Ему всегда кажется, что безъ такой-то женщины онъ жить не въ состояніи. Но когда та женщина, которую онъ любилъ наиболѣе, то-есть та же Иза, жена его, узнавъ, что у него есть любовница, даетъ ему пощечину и рѣшительно выгоняетъ его вонъ, объявляя, что все между ними кончено,—онъ, какъ уже сказано выше, даже и не пробуетъ лишить себя жизни, какъ Мивята или какъ Гродзкій, котораго онъ такъ старательно наблюдалъ, именно приготовляясь самъ къ самоубійству. Онъ тотчасъ находитъ утѣшеніе въ новой женщинѣ, анархисткѣ Ольгѣ, которая поелоняется его сатанинской силѣ.

Въ чемъ же, однако, проявляется эта сила? Развѣ тольکو въ грубомъ животномъ эгоизмѣ, который прикрывается пессимизмомъ, вычитаннымъ у Ницше и Метерлинка, до обращенія этого послѣдняго къ мысли о челоуѣческой солидарности. И едвали читатель не подпишется подъ приговоромъ той Изы Перьѣ, когда она гонитъ мужа:

— Ты мнѣ сталъ чужой. То, что я любила въ тебѣ, того нѣтъ. Ты смѣшонъ, какъ они всѣ. Ты—животное, скоть, какъ всѣ мужчины, съ ихъ глупой, звѣриной похотью... Я думала, ты—мой... Презираю тебя; ты мнѣ безконечно противенъ...

А когда Фалькъ бросился на нее, она ударила его по лицу, и—послѣ этого!—онъ повялъ, что она не любитъ его.

Въ „Дѣтяхъ Сатаны“ воспроизводится тотъ же типъ рокового челоуѣка. Гордонъ, замышляющій обокрасть городскую кассу, сечь ратушу и вызвать возстаніе городского пролетаріата,—хотя онъ, „въ сущности, плевать хочетъ на всѣ подобныя идеи и предпріятія“—такой же роковой челоуѣкъ, какъ и Фалькъ. Отмѣтимъ, что герои Прибышевскаго тольکو какъ бы въ шутку называютъ себя сверхчелоуѣками. Это было бы слишкомъ претенціозно и, главное,—слишкомъ явно подражательно. Но они безусловно считаютъ себя людьми роковыми, живущими и дѣйствующими „по ту сторону“ добра, совѣсти и прочихъ мелочей. Хотя сами-то они мелочны и искусственны по природѣ, а въ добавокъ и по творческой слабости своего создателя.

Начать съ того, что мыслить, чувствовать и дѣйствовать на уровнѣ роковыхъ людей они могутъ не иначе, какъ предварительно поднявъ себя на этотъ уровень нѣсколькими рюмками, даже стаканами коньяку, который они пьютъ безпрестанно. Что это за роковая сила, которую надо почерпать въ бутылкѣ? Эта

черта вредитъ имъ и въ смыслѣ литературномъ. Мало ли что пьяный человѣкъ способенъ сказать или сдѣлать? Но онъ и будетъ только тивомъ хмельного состоянія, а вовсе не самобытнымъ и интереснымъ типомъ новаго философскаго или социальнаго направленія.

Эта черта ослабляетъ даже и тѣ, не особенно тонкіе литературные приемы, какими располагаетъ авторъ, чтобы обрисовать исключительность тѣхъ натуръ, крайне-нервныхъ, живущихъ въ состояніи вѣчнаго возбужденія, необычайнаго напряженія или поразительной простраціи, которыя онъ приписываетъ своимъ героямъ.

„Онъ налилъ себѣ еще рюмку коньяку“... „Онъ пилъ все это время, онъ не могъ не пить“... „Онъ сталъ ходить поспѣшно вокругъ комнаты“... „Ахъ, онъ такъ усталъ“... „Онъ чувствовалъ, что съ нимъ сейчасъ случится что-то невозможное; онъ упадетъ въ бездну“... Вотъ слова автора, которыя повторяются безпрестанно. На рѣдкой страницѣ не упоминается о коньякѣ, винѣ, крайней усталости и нервномъ состояніи. А читатель склоненъ понять всѣ эти явленія совсѣмъ не въ смыслѣ признаковь роковой природы, но гораздо проще.

Романъ „Дѣти Сатаны“ не лишенъ интереса дѣйствія, но это—интересъ, такъ сказать, механический, который еще гораздо лучше умѣли возбуждать Чарльзъ Ридъ и Вильямъ Коллинсъ. Понятно, что когда ему сообщили планъ о поджогѣ городской ратуши и другихъ зданій, то читателю „интересно“ узнать, удастся ли этотъ поджогъ и останутся ли безнаказанными его виновники. Но это интересъ вѣншній, который вовсе не истекалъ изъ драмы психической. А эта-то драма слаба, такъ какъ здѣсь опять люди не живые, но искусственные.

Героємъ является Гордонъ, близко напоминающій Фалька, а главными его пособниками—Остапъ и Вронскій, вбрующіе въ Гордона, какъ въ бога, но сверхъ того руководимые и личными мотивами. Остапъ любитъ женщину, которая находится въ связи съ Гордономъ; кромѣ того, у Остапа на совѣсти совершенное имъ нѣкогда преступленіе, и страхъ передъ раскрытіемъ этой тайны заставляеть его подчиняться Гордону, хотя отецъ Остапа состоитъ кассиромъ той кассы, которая должна быть ограблена. Остапъ кончаетъ самоубійствомъ, какъ и Микита. Вронскій находится въ послѣднемъ градусѣ чакотки и ненавидитъ міръ за то, что онъ „останется“. Поэтому на дѣло разрушенія, уничтоженія онъ идетъ подъ влияніемъ страсти. Вронскій гибнетъ въ подожженной имъ ратушѣ.

Но почему въ разрушенію стремится самъ Гордонъ — это остается непонятнымъ, и въ томъ случаѣ, если принять косвенное внушеніе автора, который самъ не утверждаетъ, но, повидимому, желалъ бы возбудить въ читателѣ представленіе, что Гордонъ въ самомъ дѣлѣ—демонъ. Дѣйствительно, на дѣло разрушенія не толкаютъ Гордона ни страсть, ни убѣжденіе, что только такимъ путемъ возможно пересоздать общественный порядокъ.

Онъ признается Остапу:

— Разрушать я хочу не для того, чтобы строить заново, а только для того, чтобы разрушать. Потому что разрушеніе—это мой догматъ, моя вѣра, мое обожаніе. Можетъ быть, я и ошибаюсь, можетъ быть, здѣсь и примѣшано, несознательно для меня, желаніе блага, мысль о человѣчествѣ. Но я равнодушенъ къ этому. Хочу я только самаго разрушенія.

А въ концѣ романа, когда эмиссаръ центрального комитета настаиваетъ, чтобы Гордонъ убилъ одного человѣка, который участвовалъ въ поджогѣ и представляется ненадежнымъ и можетъ ихъ выдать, Гордонъ,—хотя и не высказываетъ согласія, однако потомъ дѣлаетъ это—сталакиваетъ этого человѣка въ болото и заваливаетъ его грудями торфа, сложенными на берегу. Но вотъ что онъ добавляетъ въ своемъ разговорѣ съ революционнымъ комиссаромъ:

— А тамъ, когда будешь въ Лондонѣ, скажи этимъ идиотамъ, этому смѣхотворному центральному комитету, что мнѣ — плевать на ихъ организаторскіе помыслы... Скажи, что я знать ничего не хочу о ихъ общечеловѣческихъ идеяхъ, что я все дѣлаю съ единой цѣлью—уничтожать жизнь. Скажи имъ, что весь мой догматъ заключается въ разрушеніи жизни.

Стало быть—демонъ, не иначе. Но любопытно то, что когда дѣло разрушенія уже совершилось, то Гордонъ, смотря на пылающій городъ, не испыталъ никакого чувства торжества или удовлетворенія. Ему было почти противно то, что произошло. Онъ ожидалъ, что насытитъ свою ненависть, а между тѣмъ въ результатъ оказалось одно отвращеніе... Какъ все это было ничтожно, какъ грязно! Оказалось достаточно щепотки огня, щепотки денегъ, такой, которой не хватило бы даже, чтобы устроить крупную забастовку... А эти люди... Какъ глупыя животныя, они бѣгали въ горячій ужаса! Онъ припоминалъ себѣ ихъ крики, вопли, бессмысленную суетню. Смѣшно!

А вѣдь демонъ,—тотъ бы торжествовалъ, гордился бы своимъ дѣломъ. Стало быть, и демонъ-то еще не подѣ стать герою Пржибышевскаго. Да и сверхчеловѣкъ Ницше, пожалуй, помельче его

будетъ, такъ какъ Заратустра все-таки проговаривается о благѣ человечества. Вотъ каковой могучей, еще неизвѣстнѣй міру типъ созданъ авторомъ! Недаромъ нѣкій молодой критикъ высказалъ мнѣніе, что, въ сущности, Сенкевичъ значить для человѣческой мысли гораздо меньше, чѣмъ Прибышевскій. А сказать правду, еслибы въ „Дѣтяхъ Сатаны“ выступилъ демонъ собственной особой, то это было бы только ребячество. А такъ вышло нѣчто аффектированное и почти смазывающее на карриатуру.

Х.

Другой любимецъ передовой молодежи, Тетмаеръ, гораздо скромнѣе Прибышевскаго въ своихъ романахъ. Здѣсь надо огорчиться еще разъ, что оба они—болѣе поэты, чѣмъ романисты, и добавить, что драматическія произведенія Прибышевскаго удачнѣе, чѣмъ его романы. Самая форма драмы требуетъ болѣе реальной связи въ дѣйствіяхъ и не допускаетъ декламаторскаго излишества. Въ „Ангелѣ смерти“¹⁾ и въ „Гибели“²⁾ предметомъ психологическаго анализа и центромъ дѣйствія является одно и то же лицо. Это—необыкновенно талантливый, почти геніальный скульпторъ, совершенный неудачникъ въ жизни, Рдвавичъ. Статуи и нѣкоторыя картины его имѣютъ большой успѣхъ на выставкахъ, не только въ Варшавѣ, но и за границею.

А впрочемъ, главные созданія его, тѣ, въ которыя онъ вкладывалъ всю душу, являются жертвами той же жизненной неудачи, которая преслѣдуетъ этого впечатлительнаго, но большого измѣнкомъ самонаблюденія художника. Статую „Ангела жизни“, въ которой онъ воспроизвелъ свою возлюбленную во всемъ блескѣ живерадостнаго образа, бывшего въ его сердцѣ, онъ разбилъ, когда она его отвергла. Въ группѣ „Ангела смерти“, гдѣ женская фигура съ тѣми же прелестными чертами, но уже съ злымъ выраженіемъ и въ вонетливой позѣ попирала ногой упавшаго лицомъ на-земь невольника, была изображена та же Марія, прежняя его вѣвѣста. Но и эту фигуру онъ разбилъ, когда ему сказали, что Марія выходитъ замужъ, и что появленіе такого изображенія будетъ помято, какъ мечь. Наконецъ, статую Наполеона онъ не окончилъ, потому что послѣ новой неудачи въ любви, обусловленной собственной его нервнѣтельностью, онъ

¹⁾ „Aniòł śmierci“, 1896.

²⁾ „Zagracenie“, 1906.

бросился въ озеро. Даже не смогъ застрѣлиться, хотя имѣлъ при себѣ револьверъ.

Слабая, сплошь состоявшая изъ артистической впечатлительности, натура Рдзавича все-таки симпатична. Психологическая основа ея такъ намъ знакома, такъ близка. Отсутствие руководящаго идеала, утрата не только догмата, но и прежней вѣры въ силу науки, скептицизмъ и нервная расшатанность, какъ бы узаконяють безусловное стремленіе къ наслажденію. Единственными неопровергнутыми понятіями остались только личное наслажденіе, красота формъ, любовь къ женщинѣ, сила ощущений. Единственнымъ мистицизмомъ является культъ женщины, какъ высшей формы красоты, притомъ озаренной загадочностью особаго психическаго строя, какъ и нѣкоторой таинственностью самого чувства любви, которая бываетъ дорога не только какъ наслажденіе, но и какъ страданіе.

Еще о музыкѣ Моцарта было сказано, что въ ней соприкасаются любовь и смерть. И вотъ, мысль о смерти постоянно близка этому немощному, пассивному самосознанію, какъ съ нимъ же идетъ неотступно и нареканіе на фальшь и жестокость жизни. Это-то проникновеніе современнымъ душевнымъ настроеніемъ и объясняетъ то обаяніе, каковымъ пользуются среди польскаго молодого поколѣнія Тетмаеръ и Жеромскій, а отчасти и Пржибышевскій, который, впрочемъ, расколаживаетъ душу своими мнѳологическо-философскими построеніями.

Для литературной характеристики Тетмаера, а отчасти и Пржибышевскаго, имѣетъ, впрочемъ, большее значеніе ихъ поэзія, чѣмъ ихъ романы. Но здѣсь мы не можемъ дать и самаго бѣглого очерка современной польской поэзія, такъ какъ къ занимающимъ насъ писателямъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, присоединить Каспровича, Выспянскаго, Пржемыцкаго и другихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что польская поэзія только въ періодъ позитивизма не шла впередъ прозы, хотя и тогда имѣла блестящихъ представителей, какъ Асныкъ и Конопницкая. Современная поэзія признаетъ своего предка не въ Мицкевичѣ, а въ Словацкомъ, но это оправдывается скорѣе въ смыслѣ порыва въ туманную неопредѣленность и еще въ смыслѣ необыкновенной выработки стиха. Эта выработка въ наше время уже далеко опередила и чудесный стихъ Словацкаго въ „Szwajcaryi“. Она дошла до виртуозности, отчасти даже чрезмѣрной.

Возвращаясь къ Тетмаеру, какъ къ романисту, мы должны оговорить, что въ передачу современнаго психическаго настроенія онъ внесъ новыя приемы, какъ поэтъ, владѣющій обиліемъ

красокъ и всевозможныхъ оттѣнковъ слова. Но инициаторомъ этого направленія онъ не является. Начало вполне очерченное, сознательное и сильное было положено этому направленію въ романѣ Сенкевича „Безъ догмата“. Плошовскій является прямымъ родоначальникомъ Рдзавича, въ обычныхъ жизньхъ послѣднiго, то-есть въ „Ангелѣ смерти“ и въ „Гибели“.

Однако у Тетмаера есть та особенность, что онъ сдѣлалъ изъ Рдзавича, какъ художникъ, типъ, не только отражающій современное импрессионистско-эротическое настроеніе, но и сближающій это настроеніе съ тѣмъ языческимъ культомъ красоты, который являлся несомнѣннымъ элементомъ „Возрожденія“, хотя такимъ элементомъ, который въ ту эпоху оставался подчиненнымъ догмату.

Въ Рдзавичѣ авторъ, не имѣя этого намѣренія, указалъ совершенно вѣрно на преобладаніе въ польскомъ характерѣ, а особенно въ темпераментѣ польскаго художника и поэта, — элемента южнаго. Рдзавичъ совсѣмъ близокъ къ умственно-развитому, но живущему исключительно чувствомъ итальянскому художнику. Онъ можетъ являться нерѣшительнымъ, слабымъ въ жизненномъ дѣйствіи, но искусство для него — культъ, которому онъ преданъ страстно. Разъ на него нашелъ моментъ, осянула его мысль, глина сама формируется въ его рукахъ, мраморъ самъ изгибается, „дрожитъ“ передъ нимъ. „О, почему передо мной не дрожитъ такъ жизнь, какъ мраморъ!“ — это вырывающееся у художника восклицаніе прекрасно характеризуетъ его значеніе, самое его призваніе въ искусствѣ и въ жизни. Въ одномъ онъ — огромная субъективная сила, почти несознательно создающая чудные, идейные образы какимъ-то стихійнымъ творчествомъ. Въ другой области, въ жизни, онъ — рабъ впечатлительности, мало отличаетъ крупное отъ мелочного, пассивенъ и безсиленъ.

Въ увлеченіи конкретной мыслью, которая настойчиво требуетъ воплощенія, художникъ энергически командуетъ своими помощниками, распоряжается приготовлениями, работаетъ весь день, никого не видитъ, знать не хочетъ о мірѣ, иногда испытываетъ даже обмороки. И потомъ снова бросается къ работѣ, увлеченный неудержимой страстью.

И — онъ создаетъ произведенія, въ самомъ дѣлѣ проникнутыя его духомъ, обладающія идеальной красотой формъ, не только истекающей изъ наблюденія и изъ знанія, но и влелеянной его мечтой. Образы эти неотразимо дѣйствуютъ на зрителей, увлекаютъ, подчиняютъ ихъ творческому гению художника.

„О, почему передо мной не дрожитъ такъ жизнь, какъ мраморъ!“

Да, наоборотъ, жизнь ломаетъ его. Ея анатомія чужда ему. Онъ ошибается въ людяхъ и неспособенъ сбросить съ себя обаяніе женщины, несмотря на то, что совсѣмъ разочаровался въ ея душѣ. Онъ слишкомъ поддается минутнымъ впечатлѣніямъ, которыя потомъ обременяютъ его волю. Дѣйствию въ немъ иногда мѣшаетъ излишняя гордость, а то просто нервная усталость и безсиліе. Этотъ типъ авторъ завершаетъ и заканчиваетъ, придавая ему еще черту наивности впечатлѣнія и черту нѣкоторой женственности—потребности быть любимымъ и любить, встрѣчать нѣкоторое поклоненіе себѣ и, вмѣстѣ,—испытать ослоры.

Таковъ Рдзавичъ. Онъ совершенно немислимъ безъ любви, которую самъ будетъ отождествлять со своей жизнью, видѣть въ ней всю свою судьбу. И вотъ, въ первомъ романѣ такое неотразимое, всепоглощающее впечатлѣніе производитъ на него Марія Тяжвещая, которая потомъ оказывается дѣвушкой самой заурядной. Она скоро расканвается въ своемъ увлеченіи славой, красивой наружностью и симпатичной натурой художника. Беретъ назадъ свое слово, веселится, повсюду встрѣчая толпу поклонниковъ, совершенно забываетъ Рдзавича, и хотя потомъ увлекается „селезненнымъ львомъ“, красавцемъ Боржевскимъ, но когда тотъ разорился, выходитъ замужъ за стараго, но богатаго глупца, не устраивая, однако, отъ себя окончательнo Боржевскаго.

Эта, съ одной стороны, страсть всеильная и идеализованная, а съ другой прованческій расчетъ пустой куклы—напоминаютъ любовь Вокульскаго къ Изабеллѣ въ романѣ Пруса „Lalka“. И Рдзавичъ, узнавъ о своемъ приговорѣ, дни и ночи проводитъ надъ тѣмъ же вопросомъ, какою задавалъ себѣ Вокульскій: „какъ же мнѣ теперь жить?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ Вокульскій, человекъ дѣйствія, далъ такой, что взорвалъ себя порохомъ. А Рдзавичъ сперва разбилъ „Ангела жизни“, а потомъ бросился со всей страстью въ созданіе другой статуи—„Ангела смерти“, съ тѣми же чертами, какія имѣла первая. Но онъ пытался еще найти утѣшеніе въ доброй, прямодушной Россенской, и хотя встрѣтилъ взаимность, однако утѣшиться не могъ. Элиза снимаетъ у него со стола приготовленный револьверъ, и Рдзавичъ, тронутый ея неожиданнымъ появленіемъ въ его мастерской, цѣлуетъ ее. Она зоветъ его къ новой жизни. Но душа Рдзавича не выдерживаетъ борьбы: онъ бросаетъ молоткомъ въ лицо „Ангела смерти“ и разбиваетъ его, а самъ падаетъ безъ чувствъ. Въ больницѣ оказывается, что онъ сошелъ съ ума.

XI.

Но въ „Гибели“ ¹⁾ мы встрѣчаемъ его снова, безъ всякаго объясненія, кромѣ замѣтокъ въ дневникѣ, а можетъ быть только подслушанныхъ авторомъ самопризнаній. „Я уже разъ умеръ, но ожилъ... Чувствую себя спокойнымъ, тихимъ, свободнымъ. Нуждился я только во вѣбикнѣ толчкѣ—и испыталъ его. Принялся опять за скульптуру и набрасываю картины. Я проспалъ свой сонъ—и все прошло, исчезло“... Дальше, однако, оказывается, что уже есть зародышъ новой любви... „Тереза... далекий, далекий звук... Ее хотѣть видѣть замужъ. Хорошо. Но когда я услышалъ объ этомъ? Вчера или тому будетъ уже годъ? Когда же расстался и этотъ новый сонъ? Однако толчокъ сдѣлалъ свое дѣло. Дрогнули во мнѣ какія-то груди, какъ при легкомъ землетрясеніи“.

О прежней любви, которая довела его до безумія, Рдзавичъ уже не вспоминаетъ. Романъ „Ангель смерти“ вышелъ въ 1898 году, а „Гибель“ — въ 1905. Тереза—это уже типъ совсѣмъ иной, чѣмъ Марія. Въ ея интимныхъ замѣткахъ, которыя приводятся на ряду съ мыслями Рдзавича, впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на нее, выражается прямо въ мечтаніи о бракѣ, хотя она еще не слышала отъ него признанія. Но она уже ободрилась въ борьбѣ съ семьей. Отецъ ея—самъ артистъ-любитель, но онъ—графъ и притомъ не особенно богатъ. Въ этой сферѣ не рассчитываютъ на то, что дѣти сами заработаютъ себѣ кусокъ хлѣба, уже и потому, что непременно имѣется претензія на кусокъ очень крупный. Понятно, что Терезу легче выдали бы даже за промышленника или торговца, чѣмъ за художника, какъ бы онъ ни былъ славенъ.

Но, думая о Рдзавичѣ, Тереза поддерживаетъ себя убѣжденіемъ, что ей нужны не положеніе въ свѣтѣ и не деньги, которыя его даютъ, а любовь и такой человекъ, котораго можно любить, который можетъ дать ей счастье. Она хочетъ—„души“. У Рдзавича она есть. Въ дневникѣ своемъ Тереза пишетъ, что ее не увлекаютъ ни его слова, ни его романтическое прошлое, о которомъ она слышала. Ее манитъ его духъ, его природное величіе. „Въ его стальныхъ, грустныхъ и гордыхъ глазахъ видѣлъ аристократъ духа, потомокъ великой расы, не гетмановъ и

¹⁾ „Zatrascenie“.

воеводѣ, но тѣхъ людей, которые вели человѣчество въ новыя, отрываемыя ими міры. Это—потомокъ творцовъ, соиздателей. Фидій и Пракситель, Микель-Анджело и Тиціанъ—вотъ его предки. Таковъ его родъ, та высокая аристократія, въ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Мои папа и мама и гордая тетя Вычевскія, и весь свѣтъ, увѣряю васъ, что если потомокъ такой аристократіи изволилъ бы просить руки Терезы Морской, то это было бы для васъ большой честью. Вы ужасаетесь, не правда ли? Но простите меня, искренно и смиренно прошу васъ, дорогіе мои папа и мама, не сердитесь, пусть проститъ меня и Господь, но вы... какъ мнѣ выразить это?.. вы сами... ну, по-райней мѣрѣ иногда... бываете такъ на него непохожи...“

Незадолго передъ тѣмъ Тереза произвела большое впечатлѣніе на Рдзавича. Онъ уже опять сталъ мечтать, что такова именно—его женщина. Былъ слухъ, что она выходитъ замужъ, и онъ подумалъ, что новый сонъ также оказался обманчивымъ. Однако онъ все думалъ о ней. Разъ пошелъ на раутъ, въ надеждѣ ее встрѣтить, и встрѣтилъ, но чувствовалъ еще недобѣріе къ ней, да и сомнѣніе о себѣ. Между тѣмъ, она писала въ дневникѣ: „Отчего ты не сказалъ, что меня любишь? Я ждала; меня не остановили бы препятствія; но не могла же я сказать первая. Я любила тебя, и неужели ты не чувствовалъ, что стоило тебѣ протянуть мнѣ руку, и я пошла бы за тобой противъ всего свѣта... Но ты не видѣлъ, не хотѣлъ сознать и видѣть это... Гордость твоя была тебѣ дороже меня“...

Они снова встрѣчаются въ Абадціи. Рдзавичъ ходилъ на абадціискомъ странствѣ съ Камиллой Наборовскою, самостоятельной и недурной барышней изъ царства польскаго, съ которой онъ былъ на товарищеской ногѣ и говорилъ ей „ты“. Она признавалась, что сблизилась съ нимъ отчасти со скуки и отчасти потому, что ее интересовало узнать, какъ можетъ думать и чувствовать человѣкъ, который имѣетъ даръ такъ сильно выражать свои жизненные впечатлѣнія въ мраморѣ и на холстѣ.

Теперь, въ бесѣдѣ съ нимъ, она замѣчаетъ, что нашла въ немъ только художника.—Неужели въ тебѣ нѣтъ еще и человѣка, неужели ты можешь жить однѣми позами моделекъ и отраженіями солнечнаго луча?

— Да стоить ли, въ сущности жить, когда все равно помрешь?

— Но нельзя же и жить одной такой мыслью.

— Не буду съ тобой спорить. Но меня жизнь манитъ. Я въ ней нуждаюсь, я молода, чувствую въ себѣ смѣлость, хочу

борьбы... Мнѣ просто необходимо жить и бороться. Тамъ когда-нибудь умру, но пока чувствую страсть къ жизни, какъ молодое дерево, которое вырастаетъ среди старыхъ пней и создаетъ новую жизнь. И тебя постараюсь завоевать для жизни.

— Это уже со мной было... Другая также хотѣла вести меня къ новой жизни... Нѣтъ, мнѣ что-то сдается, что меня ожидаетъ уже только гибель.

— Зачѣмъ это страшное слово!..

— Да, страшное. Я уже не вѣрю ни во что. И это не скептицизмъ, а скорѣе умственный нигилизмъ.

— Такимъ, какъ ты, и слѣдуетъ вымереть.

Они шли по берегу моря, которое глухо и спокойно шумѣло.

— Звонять въ церкви... Это майское богослуженіе...—замѣтилъ Рдзавичъ ¹⁾:—Войдемъ.

— Къ чему?

— Мнѣ нравится, это красиво.

— Нѣтъ, для тебя это не только красиво. Ты не вѣруешь, но ты поддаешься внушенію.

Они вошли. То было предопредѣленіе или—какъ было это понять? Возлѣ скамьи, на которой сидѣли ея мать и сестра, стояла Тереза. Горячій приливъ крови къ сердцу почти причинилъ Рдзавичу боль. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ поблѣднѣть. Тереза его сперва не замѣчала, но когда взгляды ихъ встрѣтились, ея глаза вдругъ раскрылись неестественно широко и снова обратились къ алтарю.

— Выйдемъ лучше на море,—шепнула Наборовская, и въ то же время замѣтила Морскихъ.—Посмотри туда, какая красивая дѣвица „изъ общества“, съ мамашей и сестрой, вѣроятно. И въ твоемъ жанрѣ... Молится.

Рдзавичъ старался скрыть замѣшательство. — Да, какъ бы я самъ ни думалъ, но артистически это несомнѣнно красиво.

— А умственно вредно.

Когда онъ зашелъ къ Наборовской, та тотчасъ угадала въ немъ что-то особенное, взяла его за руки и быстро взглянула ему въ глаза.—Она?

Рдзавичъ поникъ головой.—Она?—продолжала Наборовская. --Ты уже опять? — настойчиво сказала дѣвушка и прибавила въ тѣмъ пренебреженіи: — Эротоманъ!

¹⁾ Май посвященъ култу Маріи. Алтари украшены цвѣтами. По вечерамъ на рѣкѣ поетъ гимны.

— Знаешь, Камилла, еслибы она не прѣехала сюда, то я бы только фантазировалъ о ней, любилъ ее воображеніемъ. Но теперь, когда ее увидалъ здѣсь живую, такую, какъ въ мечтѣ, ея чудное лицо, ея чудесную улыбку, я созналъ, что люблю именно ее, не тѣнь ея въ памяти, не отраженіе въ зеркалѣ, но ее, ее, единственно ее.

— Которая же это по числу?

— Смѣешься потому, что меня не понимаешь. Я ищущу воплощенія женщины моей души, моей крови, моего мозга и сердца, ищущу такъ, какъ заблудившійся въ лѣсу ищетъ дороги.

— Ты вѣчно будешь жертвой своего воображенія. Вѣдь тебѣ же слѣдуетъ понимать, что ее тебѣ не отдадутъ, да, вѣроятно, и сама она не пошла бы. А чтобы купить ее,—у тебя нѣтъ денегъ.

— Не говори такъ.

— Ну, конечно, „любовь ослѣпляетъ“. А я ручаюсь тебѣ, что она совершенно такая же, какъ всѣ эти барышни изъ аристократіи,—пустая, грубая утилитаристка, жадная только на деньги, на значеніе въ свѣтѣ и самый ординарный, пошлый блескъ. Но даже еслибы она и была иною, такъ что же? Вѣдь сама она тебѣ на шею не бросится, а ты рукъ къ ней протянуть не можешь, потому что у тебя ихъ нѣтъ.

— Ужъ такое мое убѣжденіе, чтобы идти за ней, хотя чувствую, что на этотъ разъ нѣчто въ моей жизни сложится окончательно. Что дѣлать, моя судьба.

— Не судьба твоя, а натура. Ты просто — эротоманъ. Судьба, „рокъ“ — извѣстное самооправданіе бессильныхъ. Все управляетъ тобой, а ты—ничѣмъ. Неужели всѣ художники таковы? И какой въ этомъ человѣкѣ удивительный контрастъ! Выговаривалъ въ мраморѣ опровергшую всѣ условныя понятія и школьныя правила „Саломею“, а, помню, сама видала, какъ ты боялся открыть письмо отъ журнала, въ которомъ хотѣли отпечатать ея снимокъ. Но женщины—это прямо твоя пагуба. И какую, ты думаешь, игралъ бы ты роль въ ея свѣтѣ, рядомъ съ нею? Вѣрнѣе всего—сворохода и шута, да еще и привыкъ бы къ этому униженію и комедіанству...

Подъ влияніемъ этихъ словъ Наборовской, Рдзавичъ держалъ себя очень осторожно и даже холодно при слѣдующей встрѣчѣ съ Терезой; и когда она ему задала вопросъ, который ему позволилъ бы высказать косвеннымъ образомъ свое чувство, онъ отвѣтилъ равнодушно. А она, какъ прежде, была готова признаться ему. Но теперь ей уже стало ясно, что онъ ее понялъ

и оттолкнулъ. Однако вліянія Наборовской на Рдзавича хватило всего на нѣсколько дней, несмотря на то, что и она уже была готова сдѣлаться его подругой „на новую жизнь“. Узнавъ, что Морекіе уѣхали, Рдзавичъ, не сказавъ Наборовской ни слова, отправился въ Швейцарію.

Тамъ онъ получилъ письмо отъ Тенжля, который звалъ его въ Закопане, курортъ въ Татрахъ, гдѣ собрались его добрые знакомые. Всѣ они фигурировали уже въ „Ангелъ Смерти“, въ томъ числѣ композиторъ Стрижецкій и графъ Морскій. Это послѣднее имя послужило магнитомъ для Рдзавича. Въ Закопаномъ возобновились прежнія дружескія бесѣды. Между прочимъ, по поводу одного изъ друзей, больного и уже близкаго къ смерти, Рдзавичъ высказалъ, что ему было бы недостаточно вѣры, еслибы онъ и имѣлъ тотъ „даръ вѣры“, о которомъ говоритъ св. Августинъ. „Я хотѣлъ бы знать, а между тѣмъ не знаю, ничего не знаю. Ужасное положеніе — быть вѣчно какъ рыба въ стеклянномъ бассейнѣ. При каждомъ движеніи она ударяется о стекло, сквозь которое видитъ только какіе-то фантастическіе предметы, которыхъ ни изслѣдовать, ни познать нельзя, да нельзя даже убѣдиться, существуютъ ли они въ самомъ дѣлѣ. Говорятъ — у насъ есть предчувствіе. Но предчувствовать мы можемъ только то, что знакомо нашимъ чувствамъ. А они исчезаютъ вмѣстѣ съ нами. Сказано: блаженнымъ тихіе люди смиреннаго сердца, но я не смирененъ. Еслибы я могъ сосредоточить въ одномъ моментѣ всю силу своего духа, всю энергію, какую могу проявить когда-либо, то я хотѣлъ бы разсѣчь весь міръ пополамъ, какъ мечомъ, чтобы узнать, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. А бывають такія минуты, когда руки съ такимъ напряженіемъ поднимаются вверхъ и въ нихъ чувствуется такая сила, что, кажется, Альпы можно бы раздвинуть въ стороны. Бываетъ у васъ такое чувство?“...

Конечно, онъ встрѣчается съ Терезой и даже выходитъ вмѣстѣ съ ней любоваться горами, заходомъ солнца и т. д. Разъ они останавливаются передъ обрывомъ, съ котораго не видно дна пропасти, покрытаго мракомъ. Оба они въ возбужденномъ состояніи.

— Пусть бы вотъ теперь смерть пришла, — едва слышно прошептала Рдзавичъ.

Она расслышала, но также прошептала: — Что?

Сцена эта кончается сакраментальными словами:

— Люблю! — произнесъ онъ такъ тихо, что слово это какъ бы расплылось въ темную ночь, въ пропасть, въ мракъ, одѣвавшій скалы.

— Люблю! — отвѣтила она, не сознавая въ ту минуту намеренія произнести это слово.

При другой встрѣчѣ они объяснились уже точнѣе: она будетъ его женой. Но, вотъ, случилась смерть большого, общаго пріятеля всей компаніи, и графиня Морская воспользовалась тѣмъ переполохомъ, какой производитъ смерть пациента, чтобы неожиданно уѣхать въ другой курортъ. Письмо оттуда Терезы не удовлетворяетъ Рдзавича; оно слишкомъ „барышнинское“, хотя и содержитъ подтвержденіе любви и обѣщанія. Вотъ, еслибы она убѣжала отъ своей семьи, примчалась въ вагонѣ, ворвалась бы, какъ ураганъ, въ его комнату съ врывомъ: „я твоя!“ — это было бы настоящее дѣло. Но онъ сознавалъ, что это было невозможно.

Въ концѣ лѣта Морскіе возвращаются къ себѣ въ имѣніе, гдѣ ихъ вскорѣ удостоиваетъ посѣщеніемъ князь Вишневецкій, владѣлецъ какого-нибудь милліона десятинъ земли въ разныхъ частяхъ прежней Польши, потомокъ въ боковой линіи короля Михаила Вишневецкаго и первый на всю Польшу магнатъ, въ сравненіи съ которымъ графъ Морскій значитъ очень мало. И вотъ этотъ-то магнатъ, многократный милліонеръ, который могъ бы жениться на медіатизированной княжнѣ или на принцессѣ королевскаго дома, утратившаго престолъ, въ тому же — молодой, да еще славный спортсменъ, издавшій роскошное описаніе своихъ охотъ на львовъ и тигровъ въ Африкѣ и Индіи, — проситъ руки Терезы, въ которую онъ внезапно влюбился.

Рдзавичъ въ это время вернулся въ свою мастерскую и принялся за работу. „Тишина“ — такъ должна была называться статуя женщины, сидѣвшей, опираясь о стволъ дерева, съ арфой въ рукахъ, на которой пальцы ея спустились со струнъ. Поза головы и лицо показывали, что она сама вся превратилась въ слухъ. Эта статуя имѣла черты Терезы и была предназначена ей въ свадебный подарокъ. Вдругъ, просматривая газету, Рдзавичъ прочелъ въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій: „Гр. Тереза Морская, дочь гр. Болеслава и Евгении, рожденной гр. Вычевской, обручена съ княземъ-ординомъ Самуиломъ Вишневецкимъ. Свадьба предстоитъ въ ближайшемъ времени“.

Семья принудила Терезу къ этому браку. Съ одной стороны — разстроеныя дѣла и необходимость поддержки для трехъ сыновей, а съ другой — таковой необычайный жребій, что дочь могла сдѣлать самую блестящую во всемъ край „партію“; съ третьей стороны — негодованіе отца и скорбь матери, что дочь могла увлечься какимъ-то художникомъ, выставляющимъ статуи на про-

дажу, мольбы матери, угрозы и брань отца, наконецъ угрозы духовника, который толкуетъ дѣвушкѣ на исповѣди, что различіе между сословіями установлено на землѣ такъ же нерушимо, какъ различіе степени ангельскихъ чиновъ на небѣ—все это сваливается на Терезу и приводитъ ее въ отчаяніе. Напоследокъ Морскій прибѣгаетъ даже къ обману, то-есть, сообщаетъ Вишневецкому о согласіи заболѣвшей дочери безъ ея вѣдома, а потомъ мать увѣряетъ ее, что если она заявитъ отказъ, то Вишневецкій вывернетъ ей братьевъ, а стрѣлитъ онъ безъ промаха. Не получая ни одного слова отъ Рдзавича, который прочелъ извѣстіе въ газетѣ, Тереза наконецъ сдается.

Результатъ вполне возможный, конечно. И въ одномъ изъ тѣхъ дюжинныхъ рассказовъ, которыхъ единственная цѣль—занять читателя, безъ всякаго притязанія на тойной психологической анализъ,—все это могло бы быть на мѣстѣ. Но описанный ходъ дѣла совсѣмъ не согласенъ съ тѣмъ типомъ, который авторъ хотѣлъ намъ представить въ Терезѣ. Такая дѣвушка не побоялась бы написать самому Вишневецкому, что ее принуждаютъ выходить за него, сознавала бы, что въ наше время безусловнаго принужденія къ браку уже быть не можетъ; возмущалась бы грубымъ эгоизмомъ семьи, не повѣрила бы и нелѣпому аргументу духовника. Читатель же можетъ не сознавать этого, и потому, несмотря на патетичность рассказа о страданіяхъ Терезы и на уснащеніе его стилистическими блестками, читатель утомляется фальшью и длиннотою этого описанія.

Въ теченіе его повторяется два раза: „Рдзавичъ такъ и не подавалъ признака жизни“. Но вѣдь между ними не было условлено вести переписку, и письма его могли быть перехвачены и прочтаны. А послѣ того, какъ онъ прочелъ газетное извѣстіе, не для чего было и писать. Развѣ явиться самому къ ней въ домъ и потребовать объясненія, какъ сдѣлалъ лордъ Равенсвудъ въ романѣ Вальтеръ-Скотта. Но Рдзавичъ не былъ человѣкомъ дѣйствіи. Онъ умѣлъ только восхищаться или страдать. И если онъ страдалъ, то самъ еще разберешивалъ свою рану и думалъ не о дѣйствіи, но о смерти. Единственное, что Тереза отъ него получила, это было разорванное пополамъ письмо ея къ нему. А это и послужило Терезѣ нѣкоторымъ оправданіемъ въ ея собственныхъ глазахъ.

— Теперь мнѣ уже все равно, выйти ли за Вишневецкаго, или за кого-либо другого,—сказала она матери.

Рдзавичъ, самъ того не сознавая, искалъ въ усиленной работѣ спасенія отъ близкаго конца, который предчувствовалъ. Онъ

снова страстно занялся скульптурной картиной— „Наполеонъ на смертномъ одрѣ“, статуей „Ангела смерти“ въ новой концепціи и другими сюжетами, которыхъ уже имѣлись эскизы. Онъ окончилъ все главное, кромѣ „Наполеона“, когда прочелъ о свадьбѣ Терезы. Тогда онъ почувствовалъ необходимость уѣхать куда-нибудь и, захвативъ нѣсколько работъ съ собою, поѣхалъ въ Римъ. Тамъ онъ продолжалъ, такъ сказать, оглушать себя напряженнымъ трудомъ.

Но однажды, рано утромъ, стоя на каменной террасѣ близъ Капитолія, съ которой видны форумъ и развалины цесарскихъ дворцовъ, онъ увидѣлъ сидѣвшую на каменной скамьѣ—Терезу. Происходитъ объясненіе, изъ котораго приведемъ нѣсколько строкъ:

— Почему ты не далъ знать о себѣ, ничего не сдѣлалъ?— спрашивала она, держа его за руки и плача.

— Я думалъ, что исполняется то, что тебѣ угодно.

— Только разорванное мое письмо, вотъ и все, что я получила отъ тебя... А я, уже стоя въ церкви, все еще ждала... Какъ ты могъ сомнѣваться во мнѣ, какъ ты могъ не придти провѣрить? Ты сдѣлалъ преступленіе, ты убилъ наше счастье и цѣль нашей жизни, немилосердно убилъ! Я тебя буду любить всегда. Но все кончено... Вотъ тебѣ лоскутокъ платка съ моими слезами. Приди вложить его въ мой гробъ. Но раньше ты меня никогда не увидишь.

Рдзавичъ понялъ теперь, что отъ него зависѣло побѣдить въ проигранной борьбѣ. Еслибы онъ явился въ пору, Тереза пошла бы за нимъ.

„Онъ—могъ, но не сумѣлъ. Напрасно только она задавала глупый вопросъ—„почему?“... Такъ должно было случиться“.

Мы уже упомянули выше, что Рдзавичъ бросается въ озеро. Повторимъ также, что типъ Рдзавича, типъ глубокаго, не пасивнаго чувства, можетъ быть симпатиченъ, особенно въ примѣненіи въ вдохновенному художнику или поэту, у котораго всю энергію дѣйствія поглощаетъ артистическое творчество. Но типъ этотъ не новъ и, во всякомъ случаѣ, не такъ сложенъ и интересенъ, чтобы его стоило развивать въ цѣлыхъ трехъ романахъ, какъ то сдѣлалъ Тетмаеръ. При этомъ автора можно упрекнуть въ повтореніи приѣмовъ, которое поражаетъ неприятно, какъ черта грубоватая, особенно у такого эстетика. Въ повѣсти своей онъ свободенъ отъ этихъ промаховъ. А въ романахъ они явились какъ наивные приемы для „подчеркиванія“ идейности, которая сама по себѣ слаба, и отъ подобныхъ приѣмовъ, конечно, не становится ярче.

Таковы многократныя приглашенія Рдзавича, поочередно разными дамами, къ „обновленію жизни“. Въ одномъ романѣ онъ обновляетъ жизнь съ Маріей, потомъ съ Элизой, въ другомъ — съ вѣной Мери, въ третьемъ — съ Терезой и едвали даже не съ Камиллой. Правда, глубоко онъ увлекается только Маріей и Терезой, которыя обѣ приводятъ его въ гибели.

Можно бы еще отмѣтить нѣсколько повтореній, дѣлаемыхъ въ видахъ просто стилистическихъ. А эти револьверы, изъ которыхъ Рдзавичъ не могъ застрѣлиться, потому что одинъ въ роковую минуту предусмотрительно унесла Элиза, а другой, въ послѣдній моментъ жизни, выпалъ у него изъ руки въ воду, — такъ что ему осталось только самому броситься туда же, чтобы умереть возможно-пассивной смертью...

XII.

Упомянемъ еще о романѣ „Мери“¹⁾, въ которомъ Тетмаеръ задумалъ обрисовать типъ природы страстной и вмѣстѣ эгонстической, тщеславной. Мери — еврейка-красавица и дочь миллионера, которая думаетъ, что ей — потому что въ ея рукахъ дѣйствительное могущество — все позволено. Она мечтала выйти замужъ непременно за графа или князя, но случайно влюбилась-было въ композитора Стрижецкаго, который является и въ другихъ романахъ того же автора. Даетъ ему даже слово. Но когда опера Стрижецкаго „Роза Саронская“, написанная въ ея честь, проваливается, то Мери беретъ свое слово назадъ и окончательно устраняетъ Стрижецкаго словами:

— Неужели вы думали, что я серьезно могу быть вашей женой?

И она выходитъ за бѣднаго графа Чорштинскаго, то-есть, просто покупаетъ его. А Стрижецкій, между тѣмъ, былъ искренно увлеченъ ею, даже сдѣлалъ попытку самоубійства. Впослѣдствіи, лучше подготовившись, онъ выступилъ въ Америку съ новой оперой: „Luz dans la vallée“, и имѣлъ успѣхъ. Черезъ нѣкоторое время онъ ставитъ ее и въ Варшавѣ, и Мери узнаетъ въ ней мелодіи изъ „Розы Саронской“. Въ Варшавѣ опера Стрижецкаго производитъ фуроръ, и графиня Чорштинская старается снова покорить себѣ прославившагося композитора. Не такъ нуженъ былъ онъ ей самъ, какъ то, чтобы все дѣлалось по ея волѣ — „побѣда надъ жизнью, надъ волей судьбы“.

¹⁾ „Panna Mary“, 1901.

И вотъ, Мери ѣдетъ прямо къ Стрижецкому и дѣлается его любовницей. Но эти отношенія вскорѣ прекратились. Послѣ одного изъ страстныхъ свиданій, Стрижецкій вдругъ объявилъ ей, что сегодня же уѣзжаетъ за границу. Мери упрасиваетъ его остаться, общается развестись съ мужемъ, даже оставить у него ребенка и слѣдовать повсюду за любимымъ человекомъ.

— Да я не люблю тебя. Ты мнѣ нравишься, возбуждаешь во мнѣ желаніе, ты мнѣ милѣе другихъ женщинъ, но любви къ тебѣ во мнѣ уже нѣтъ. Ты сама убила ее, сказавъ, что не думала серьезно выйти за меня.— Затѣмъ слѣдуютъ бурныя и грубыя сцены между Мери и ея мужемъ. Правда, Чорштинскій вполне заслуживаетъ ея презрѣнія. Она уѣзжаетъ, оставляя адвокату дѣло о разводѣ, объѣзжаетъ всю Европу, но нигдѣ не находитъ Стрижецкаго, который возвратился въ Америку, а затѣмъ пустился въ путешествіе вокругъ свѣта, затѣявъ писать новую оперу, которая, по извѣстію нью-іоркской газеты, будетъ носить названіе: „Too late“ (слишкомъ поздно).

Опять—черта, несогласная съ правдой и вкусомъ. Точно художники и артисты все сочиняютъ на тему любви къ одной женщинѣ, да еще самими названіями своихъ произведеній обозначаютъ разныя стадіи все той же любви!—Исторія Мери не окончена въ этомъ романѣ, но мы не будемъ долѣе заниматься ею. Отметимъ только, что и Рдзавичъ, въ промежуткѣ между Маріей и Терезой, состоялъ въ романическихкихъ отношеніяхъ съ этой шальной героиней.

Въ „Мери“ есть у Тетмаера и попытка въ родѣ юмористическомъ. Это—циническія разсужденія дяди Гаммершлага объ отношеніяхъ между людьми, о ихъ взаимной зависти и ненависти, о силѣ денегъ и т. п. Но этотъ Гаммершлагъ далеко уступаетъ остроумнымъ евреямъ Юноши и Гавалевича. Напрасно также Тетмаеръ вдается въ изображеніе великосвѣтскихъ типовъ и въ воспроизведеніе салонныхъ разговоровъ, такъ какъ этой среды онъ совсѣмъ не знаетъ. Такого рода разговоры у него тяжелы и вялы, французскія выраженія хотя и правильны, но нѣсколько не типичны, такъ что являются совершенно безъ нужды, вмѣсто польскихъ. Сверхъ того, своимъ аристократамъ авторъ порой „влагаетъ въ уста“ слова, которыя несвойственны образованнымъ людямъ вообще при такихъ отношеніяхъ, какъ матери къ сыну или отца къ дочери:

Напримѣръ, когда внягиня Вишневецкая хотѣла утѣшить сына насчетъ холоднаго отношенія къ нему Терезы, то она не могла сказать сыну: „Это она только дорожится, какъ всякая

самка". И графъ Морекій хотя сердился, но не могъ закричать на дочь: „Ослица!“ Оба не могли, не потому, что они аристократы, но по той причинѣ, что культурные люди способны на такія рѣзкости развѣ только въ бѣшеныхъ сценахъ ревности, но никакъ не въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ.

Напрасно также жениху Терезы въ „Гибели“ дано историческое имя князя Вишневецкаго и предоставлено принимать свою невесту въ Вишневецкомъ замкѣ, откуда видны три озера. Правда, родъ Вишневецкихъ пресѣлся давно и Вишневецъ перешелъ въ чужія руки гораздо раньше, чѣмъ прославились Вагнеръ и Боклинъ и мюнхенская школа живописи, о которыхъ упоминается въ рассказѣ, какъ о лицахъ и явленіяхъ близкихъ къ современности. Стало быть, формальнаго препятствія къ введенію Вишневецкаго въ романъ не было. Но все-таки выводить въ романѣ современномъ Вишневецкаго и дѣлать изъ него пріятеля принца Уэльскаго, почитателя декадентовъ и Марка Твена, наконецъ приписывать ему боязнь лягушекъ—нѣсколько странно.

Совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ романы Тетмаера—его рассказы изъ народнаго быта: „На скалистомъ „Подгорьѣ“¹⁾. Галиційскіе отроги Карпатскихъ горъ называются на западѣ Татрами, а далѣе—Бескидами. Первые доходятъ до высоты около 8¹/₂ тысячъ фут. (вершины Герлахъ и Ломница). Въ Бескидахъ есть горы выше 7 тыс. фут. Татры особенно изобилуютъ живописными мѣстностями. Въ долинахъ у подножья горъ, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ, разбросаны деревни и отдѣльные хуторы. По склонамъ горъ тянутся хвойные лѣса, а подъ ними, по уступамъ и нискогорьямъ растутъ уже только трава, и то когда на этой высотѣ растаютъ снѣга. Тогда горцы-крестьяне (gògale) гонятъ свои стада на тѣ горныя пастбища, которыя называются hale. Надъ ними поднимаются нагія вершины скалъ, исчезающія въ облакахъ. Мѣстами въ котловинахъ между этими скалами образовались горныя озера, среди которыхъ славится Морское Озеро.

Жители горныхъ мѣстностей, по каменистому свойству почвы, мало занимаются земледѣліемъ, а болѣе пастушествомъ и кустарнымъ промысломъ—видѣлкой разной крестьянской утвари. Народъ это вообще бѣдовый, но какъ бы отчасти вдохновляемый поэзіею природы—веселый, музыкальный, любящій пляски, притомъ смѣлый и смѣлый. По ту сторону Татръ—уже Венгрія. Въ Татрахъ находится селеніе Закопане, обратившееся въ кур-

¹⁾ „Na skalnem Podhalu“, 1903, 1904.

орть, славящійся во всей Польшѣ, гдѣ многіе краковяне и варшавяне имѣютъ свои дачи.

Тетмаеръ родился въ Татрахъ, отлично знаетъ горцевъ и говоритъ ихъ нарѣчіемъ. Оно, впрочемъ, понятно каждому поляку, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ и выраженій. Но своеобразны окончанія нѣкоторыхъ глагольных формъ. Разказы Тетмаера изъ жизни горцевъ прежде всего живописны, какъ самъ тотъ край. Они интересны и какъ изображеніе натуръ первобытныхъ, цѣльныхъ, составляющихъ прямую противоположность рафинированнымъ и расплывчатымъ типамъ его романовъ.

Но, разумѣется, современные обитатели Татръ, — хотя природа не измѣнилась, хотя они ведутъ прежній, вѣковой образъ жизни, ходятъ съ палкой въ рукѣ, законченной топоркомъ, которымъ цѣпляются за древесные пни и неровности скалъ, попрежнему носятъ бѣлую накидку, брошенную на плечо въ видѣ плаща, и бѣлую или красную шапку съ высокимъ орлинымъ перомъ, — не могутъ уже быть такими первобытными, какъ бы то соотвѣтствовало фантазії поэта и сливалось бы гармонически съ чудесными видами горъ, пропастей и висящихъ надъ горами озеръ.

Поэтому Тетмаеръ представляетъ въ своихъ разказахъ не нынѣшнихъ подгальскихъ горцевъ, побывавшихъ по воинской повинности въ другихъ австрійскихъ земляхъ и самой Вѣнѣ, и на сельскихъ работахъ въ царствѣ польскомъ, а воскрешенныхъ его воображеніемъ недалекихъ ихъ предковъ, жившихъ въ то время, когда въ Татрахъ еще процвѣтали, какъ промыслы, разбойничество и контрабанда, благодаря близости венгерской границы, за которою и тогда были уже иные власти.

Поэтичность образовъ отъ этого выиграла, но зато общая картина лишена дѣйствительнаго этнографическаго значенія. „Кристка“ (Христина) пасла стадо, лежа на дернистомъ бугоркѣ, и запѣла:

Только лишь двѣицѣ лѣтъ пятнадцать минеть,
Какъ ни стерегите, она съ хлопцемъ сгинеть!...

Вдругъ она увидѣла стоящаго передъ ней молодца въ описанномъ выше нарядѣ. Въ смѣлой, съ одной стороны, а съ другой — кокетливой бесѣдѣ, онъ не сказалъ, куда идетъ и чѣмъ занимается, но пистолеть и два ножа за его поясомъ позволяютъ думать, что онъ — изъ молодцовъ, занятыхъ промысломъ опаснымъ. Онъ добился отъ нея поцѣлуя и обѣщался придти назадъ, черезъ много ли, мало ли времени, по этой же дорогѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣкоторое время, Кристка на той же полянѣ издали услышала голосъ:

Я пою, хоть бѣдень, не имѣю хаты,—
Птпчки, вотъ, поютъ же, а вѣдь не богаты...

Обычай импровизировать простецкіе вирши, на случай, особенно подъ краковякъ, на вечерницахъ, вообще распространенъ среди польскихъ крестьянъ.

Любовь продолжалась три года. Кристика дѣлила со своимъ возлюбленнымъ опасности, спасала его отъ погони, лечила его раны. Наконецъ, она замѣчаетъ, что онъ перестаетъ ее любить, и узнаетъ, что онъ сталъ ходить къ Ядвигѣ. Въ страстномъ объясненіи Кристика требуетъ, чтобы онъ сказалъ, чѣмъ ему Ядвига понравилась. Понравилась ему ея сѣрые глаза. Тогда Кристика обѣжитъ къ ней, захвативъ съ собой факель, и выжигаетъ соперницѣ глаза. Заключение—такое: „—Теперь ужъ ты будешь мой! — дико прошептала она. А онъ наклонился къ ней, притягиваемый ею, но не сопротивляясь. Кристика ухватила его за руку и повлекла за собой, въ слегка шумѣвшій лѣсъ“...

Въ „Орлицахъ“ старикъ съ тремя дочерьми грабятъ въ мѣстности, гдѣ они временно скрывались въ лѣсной берлогѣ. Послѣ одного изъ ихъ набѣговъ, пускается преслѣдовать ихъ стрѣлокъ, но, уставъ на пути, засыпаетъ. Тамъ застали его „орлицы“. Онѣ связываютъ ему руки разорванной юбкой, въ то время, какъ одна изъ нихъ держитъ ему остріе ножа на горлѣ. Потомъ онѣ привели его въ свою берлогу, гдѣ не застали отца, кормил и поили плѣнника, молодого парня, который имъ понравился. Возвратясь, отецъ похвалилъ дочерей и сказалъ, что заставитъ стрѣлка нести на спинѣ ихъ добычу, такъ какъ имъ надо уходить уже подальше, а потомъ убьетъ его, чтобы онъ ихъ не выдалъ.

Руки стрѣлку онъ перевязалъ вдобавокъ веревкой и пошелъ вслѣживать, притаваясь въ кустахъ, кѣтъ ли еще погони. Дѣвки, между тѣмъ, уложили стрѣлка спать, но сами перессорились изъ-за него и стали его то тянуть, каждая къ себѣ, то отталкивать, одна отъ другой, „такъ что связанный ударился наконецъ головой о торчавшій острый камень и убился. Отецъ, возвратясь, хохоталъ до упаду, дразня дочерей. Потомъ велѣлъ собраться въ дорогу, связать добычу и, уходя, вонзилъ убитому ножъ въ сердце, для большей безопасности“.

Эти рассказы талантливаго поэта болѣе замѣчательны по глубочайшему его чувствованію родной величавой природы, чѣмъ по самому содержанию. Фигуры нарисованы какъ бы только вдобавокъ и именно такіа, которыя болѣе соотвѣтствовали бы характеру этой природы, хотя ихъ уже давно не существуетъ. Въ-

роятно, имъ Тетмаеръ предпочелъ бы передать народныя легенды и сказки татранскихъ горцевъ, еслибы такой матеріалъ имѣлся. Свообразность рассказовъ, конечно, много выигрываетъ отъ языка. Авторъ говоритъ въ предисловіи: „Рассказы эти не являются повтореніемъ подлинныхъ преданій горцевъ или хотя бы вариациями на подлинныя темы. Они исключительно — плодъ моего воображенія“. Въ языкѣ горцевъ авторъ отмѣчаетъ словацкія примѣсы, и прибавляетъ, что избѣгалъ такихъ періодовъ, которые были бы непонятны цѣликомъ.

Во всякомъ случаѣ подгальскіе рассказы Тетмаера не имѣютъ ничего общаго съ его психолого-аналитическими романами, и могутъ быть отнесены къ разряду „стихотвореній въ прозѣ“. Литературное ихъ значеніе критикою нѣсколько преувеличивается. Замѣтимъ мимоходомъ — хотя и не специально по поводу Тетмаера, — что критика во всѣхъ родахъ искусства слишкомъ по-такаетъ современной „блазированности“, которая цѣнитъ только все „особенное“, еще небывалое, ргіменг'мъ недоспѣлыхъ еще „идей“, анатомію души, въ самомъ существованіи которой та же критика далеко не увѣрена, силуэты такихъ сверхчеловѣковъ, въ которыхъ зачастую можно признать просто благовъ, и экзотическія картины, которыхъ вся особенность — во внѣшней обстановкѣ, а вовсе не въ силѣ творческой, способной въ любой средѣ вызывать живые, интересные типы и создавать сильно вѣденное дѣйствіе.

XIII.

Отъ искателей новыхъ для человѣчества путей и отъ вивисекторовъ человѣческой души мы перейдемъ къ писателю, который не занимается ни тѣмъ, ни другимъ, а потому критика отводитъ ему мѣсто гораздо ниже, чѣмъ Пржибышевскому и Тетмаеру. А между тѣмъ, несмотря на сравнительную скромность той задачи, какою онъ себя поставилъ, писатель этотъ, какъ романистъ, имѣетъ тѣ преимущества передъ названными авторами, что онъ ближе къ правдѣ и болѣе ихъ самостоятеленъ. А такими преимуществами нельзя пренебрегать. Писатель этотъ — Вейссенгофъ. Онъ не ищетъ вдохновенія у Ницше и декадентовъ, не имѣетъ никакого притязанія на роль Колумбовъ, открывающихъ новыя міры, а просто описываетъ хорошо знаемую ему общественную сферу и относится къ ней критически.

Итакъ, онъ дѣлаетъ, въ сущности, то же самое, что дѣлаетъ Реймонтъ, и еслибы Реймонтъ ограничился сатирическимъ изобра-

женіемъ мелко-провинціального и театральнаго міровъ, то нисколько не имѣлъ бы большаго значенія, чѣмъ Вейссенгофъ, который обличаетъ міровъ веселой жизни, такъ-называемой high life. Но творчество Реймонта охватываетъ еще такіе широкіе горизонты, какъ бытъ крестьянскій и даже жизнь большаго фабричнаго города. У Вейссенгофа негативъ—меньше, въ этомъ главная разница. А впрочемъ, въ своей картинѣ жизни лодзинскихъ фабрикантовъ Реймонтъ довольно близокъ къ Вейссенгофу, хотя кисть у перваго размашистѣе, но зато у послѣдняго она, пожалуй, тоньше.

Вейссенгофу удалось то, что удастся далеко не всѣмъ, даже талантливымъ наблюдателямъ. Онъ открылъ и внесъ въ польскую литературу новый, совершенно оригинальный типъ. Определить этотъ типъ двумя-тремя словами нельзя, хотя нравственную цѣнность его легко отмѣтить и однимъ словомъ, кстати—далеко не лестнымъ. Типъ этотъ вовсе не исключительно польскій. Но сдѣлать его живымъ и поучительнымъ возможно было только въ видѣ фигуры мѣстной, со всѣми именно мѣстными, національными особенностями, которыя поляковъ заставляютъ узнавать въ ней нѣчто жизненно-реальное, яркое отраженіе не только эгоистической неразборчивости средствъ при „устройствѣ своей жизни“, но и извѣстной манеры держать себя въ глазахъ толпы на высотѣ общеевропейской культурности.

Въ переводѣ на другой языкъ пришлось бы предпослать этому типу нѣкоторый комментарий, иначе онъ не былъ бы понятенъ. Представимъ себѣ среди русскаго общества нравственные и умственныя черты, отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, манеру держаться и говорить—такого человѣка, который сумѣлъ „и капиталъ прибрѣсти, и невинность соблюсти“, дослужился до крупнаго чина и, вмѣстѣ, сохранилъ либеральныя взгляды, а взятки бралъ, но только крупныя, и къ людямъ относится съ высоты мнимо-философскаго цинизма. Всю Европу онъ двадцать разъ извѣздилъ, не пропуская ни разу Парижа и Монтекарло. Онъ знатокъ и въ женщинахъ, и въ кухнѣ, въ искусствѣ и въ лошадахъ, знаетъ, что въ Россіи ничего нѣтъ „настоящаго“, а только одни жалкія подражанія недоступной ей доселѣ культурности; наконецъ, и къ своей отечественной литературѣ, и къ русскому общественному движенію онъ относится свысока, какъ къ чему-то еще примитивному и совершенно напрасно много о себѣ воображающему.

Вотъ это былъ бы русскій Подфиліпскій, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ типъ изученъ и воспроизведенъ Вейссенгофомъ

въ значительно несходной польской средѣ. Типъ, не правда ли, знакомый, хотя не имѣющій особаго названія и доселѣ не представленный въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, въ такой цѣльности, какъ у польскаго автора. Подобіе этого типа даже нрѣдко можно наблюдать въ такъ-называемомъ „свѣтѣ“, въ Россіи, какъ и въ Польшѣ. А отдѣльныя черты его встрѣчаются иногда и у людей, вовсе въ „свѣтѣ“ небывающихъ. Каждому случалось слышать отзывы, напр., вродѣ слѣдующаго: „Какая намъ, помилуйте, конституція, когда мы порядочно еще и на дворъ ходить не умѣемъ!“ Вотъ одно изъ сужденій, подходящихъ къ характеру такого типа.

Польскому автору пришлось, конечно, взять нѣкоторыя иныя черты, чѣмъ тѣ, какія представились бы русскому. Такъ, вмѣсто крупнаго чина—претензію на знатность происхожденія, вмѣсто большихъ взятокъ—крупную игру, вмѣсто циническаго отношенія къ общественному движенію—пренебреженіе къ національнымъ завѣтамъ и т. п. И русскому читателю, если онъ, въ свою очередь, сдѣлаетъ соответственныя перемѣны, типъ этотъ окажется совсѣмъ понятнымъ, даже отчасти лично знакомымъ.

Только теперь мы попробуемъ дать краткое опредѣленіе подобнаго дѣятеля и мыслителя: умѣнье обезпечивать себѣ комфортабельную жизнь при полной неразборчивости въ средствахъ, презрѣніе къ людямъ и даже своего рода „сверхчеловѣчество“, то-есть циническое признаніе своего я чѣмъ-то высшимъ,—накоонецъ, отношеніе ко всему родному свысока, въ силу поверхностнаго всезнайства и высшей культурности—главнымъ образомъ, по части внѣшнихъ формъ.

Но типъ этотъ благодаренъ для талантливаго сатирика не только по своей натурѣ, заслуживающей бичеванія, а еще и тѣмъ, что „въ уста“ такого безправнаго хулителя можно вложить по временамъ и нѣчто отчасти похожее на правду. Отличить такія крупницы правды отъ общей фальши—это уже дѣло внимательнаго читателя.

Таковы были именно „Жизнь и мысли Подфилпскаго“¹⁾. Это произведеніе Вейссенгофа сразу имѣло большой успѣхъ и произвело замѣтное впечатлѣніе. Фактъ дополнительно объясняется тѣмъ, что поляки, вслѣдствіе особенностей своего положенія, впечатлительнѣе другихъ народовъ на уколы такого рода, то-есть на жесткое отношеніе къ вещамъ, которыя принято уважать. Кромѣ ловко схваченнаго и ярко выраженнаго новаго типа, въ

¹⁾ „Żywot i Myśli Zygmunta Podfilipskiego“, 1898.

этомъ произведеніи Вейссенгофа удачно проведена иронія—подъ видомъ удивленія къ этому знатоку жизни и оригинальному мыслителю—одного изъ наивныхъ почитателей Подфилипскаго. Нашлись даже и такіе наивные читатели, которые принимали слова удивленія за звонкую монету, не замѣчая за ними ѣдкой сатиры. Но авторъ предвидѣлъ это, и потому помѣстилъ въ концѣ нѣсколько оставшихся послѣ Подфилипскаго писемъ и записокъ, которыя даже и въ самомъ наивномъ почитателѣ его возбудили разочарованіе.

Рассказъ этого почитателя ведется въ формѣ воспоминаній о незабвенномъ, замѣчательномъ человѣкѣ. „Понесенная нами недавно чувствительная утрата возлагаетъ на меня серьезную задачу. Такая личность, какъ Сигизмундъ Подфилипскій, ожидаетъ вторичнаго своего воплощенія, стучится во врата литературы и исторіи. Это—типъ выразительный, насквозь проникнутый нами самими, фигура, которая не должна быть пропущена въ лѣтописяхъ нашей цивилизаціи... Даже не столько самъ по себѣ, но, именно, какъ отраженіе своей эпохи, какъ образчикъ даннаго вошиба, Сигизмундъ Подфилипскій заслуживаетъ большаго, чѣмъ общаго невролога. Итакъ, постараюсь возстановить эту личность по моимъ воспоминаніямъ, продолжить быть ея на той землѣ, которая его произвела, и въ той же атмосферѣ тонкихъ нравственныхъ полутоновъ, въ которой онъ любилъ пребывать“. Читатель этотъ подписалъ свое предисловіе фамилією Лигенва.

И вотъ, онъ даетъ прежде всего серьезную замѣтку о происхожденіи и жизни своего героя. О Подфилипскомъ нинѣ знатники совершенно неосновательно сказывали, что онъ происходилъ изъ новонспеченнаго дворянства и даже будто бы изъ евреевъ. Совсѣмъ напротивъ. О родѣ Подфилипскихъ упоминается еще въ классическомъ гербовникѣ Папроцкаго, что члены этого рода бывали сенаторами и имѣютъ общій гербъ съ Потоцкими. Вѣчно дѣятельный умъ покойнаго занялся—было одно время и собираніемъ матеріаловъ о его родѣ, и о принадлежавшемъ ему, повидимому, шведскомъ графскомъ титулѣ. Но разысканія эти скоро утомили этотъ умъ, всегда предпочитавшій реальное. Онъ успѣлъ ихъ довести только до своего прадѣда, который оказался судьбою въ Луковѣ, а предстоялъ еще немалый трудъ, чтобы разыскать полную связь этого предка съ сенаторомъ XVI вѣка. Подфилипскій счелъ это напраснымъ, перечеркнулъ все начало своего генеалогическаго древа и написалъ на немъ: „старые предразсудки“. Вотъ доказательство, что онъ стоялъ выше ихъ, хотя отчасти и поддавался имъ, впрочемъ съ усмѣшкой. Однако

прислуга у него въ домѣ и въ отеляхъ, все-таки, называла его графомъ и знала объ этомъ, конечно, не изъ преданій.

Родители Подфилипскаго и брата его Тома были просто арендаторами въ люблинской губерши, но людьми достаточными, такъ что могли дать сыновьямъ образованіе. Старшій изъ братьевъ, Сигизмундъ, окончилъ гимназическій курсъ въ Варшавѣ, потомъ поѣхалъ за границу, заканчивать свое образованіе въ разныхъ ученыхъ и иныхъ учрежденіяхъ, но о полученіи диплома, кажется, не заботился. Тома, филологъ по призванію, прошелъ университетскій курсъ въ Дерптѣ и Лейпцигѣ. Авторъ воспоминаній предваряетъ, что въ жизни своего героя онъ относится совершенно объективно, и что личные взгляды и убѣжденія Подфилипскаго обрисуются и закругляются постепенно въ рассказѣ, вмѣстѣ съ самой этой личностью.

Округленностью формъ Подфилинскій отличался только при концѣ жизни, а въ молодости, судя по фотографіи, снятой въ 1870 году, онъ былъ худощавъ. „Произошло ли это отъ первобытности тогдашняго фотографическаго искусства, или отъ иныхъ причинъ, но юноша въ томъ изображеніи, пожалуй, похожъ нѣсколько на голоднаго волка. И дѣйствительно, ему повезло не вдругъ. А аппетитъ у него былъ всегда изрядный, не тотъ, впрочемъ, грубый аппетитъ, которымъ отличаются низшія природы, но аппетитъ къ „сливкамъ“, во всякомъ значеніи этого слова. Онъ любилъ жизнь въ ея наиболѣе тонкихъ проявленіяхъ и роскошныхъ экземплярахъ, а признавая за собой право на всѣ привилегіи судьбы, онъ негодовалъ, когда ему въ нихъ отказывали или когда они оказывались просто ему недоступны.

„Денегъ онъ въ то время имѣлъ мало и видѣлъ въ этомъ социальную несправедливость... Но онъ сумѣлъ вознаградить себя за нее, отчасти мелкими, сперва, аферами, отчасти счастливой игрой. Во всякомъ случаѣ, изъ тѣхъ 1.500 р. въ годъ, которые ему присылались родителями, онъ не могъ отложить въ десятокъ лѣтъ тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, съ которыми онъ появился въ Варшавѣ около 1876 года. Въ Варшавѣ ему сильно повезло на биржѣ, да и карты еще помогали ему, такъ что когда я съ нимъ познакомился, это уже былъ человекъ очень достаточный, владѣлецъ нѣсколькихъ усадебъ и домовъ, словомъ — человекъ, не считавшійся съ мелкими расходами и все болѣе возраставшій въ общественномъ уваженіи“...

Вотъ только жениться ему не удалось. Въ первый разъ онъ посватался къ дочери вдовы графини, и это пріятеля и почитателя его, Лигензу, удивило, такъ какъ дѣвица была некрасива и

не имѣла приданаго, хотя была сродни самому высшему свѣту. Приятель въ то время еще стѣснялся спрашивать его о столь ничтожныхъ дѣлахъ, но слышалъ именно тогда отъ Подфилипскаго такія „общія“ будто замѣчанія, какъ:

— Нѣтъ у насъ ни тѣни солидарности, даже въ одной и той же средѣ.

Или еще:

— Вотъ, попробуешь разъ пойти за влеченіемъ сердца и только снова встрѣтишься съ холоднымъ расчетомъ и эгоизмомъ. Скажу вамъ правду, — истинны сердца — это только замаскированная глупость. Сердце, это — тотъ прирожденный осель, который сидитъ въ каждомъ изъ насъ. А я самъ каюсь...

Сватался онъ къ дочери фабриканта. Но не понравился ни ей, ни родителямъ. Отказы, впрочемъ, нисколько не нарушали въ немъ нравственнаго равновѣсія.

— Можете ли вы представить, чтобы я рвалъ на себѣ волосы? Я ихъ слышею цѣною, да и не терплю растрепъ.

Разъ Лигенза, по дорогѣ изъ Варшавы въ Люблинъ, выйдя утромъ въ корридоръ вагона, неожиданно увидѣлъ Подфилипскаго.

— Очень радъ, что и вы будете въ Люблинѣ; тамъ у меня дѣла съ братомъ. А то, признаюсь, съ одними нашими „компатриотами“ тамъ...

— А я-то кто же?

— Ну, ну, не напрашивайтесь на комплименты! — Онъ пошелъ Лигензу въ своему отдѣленію. Кондукторъ вагона, приложивъ руку къ шапкѣ, спросилъ: — Прикажете, ваше сіятельство, убрать? — Нѣтъ, позовите сюда моего егеря. — Этотъ егеръ Гансъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, былъ настоящій *factotum*. Въ купѣ Подфилипскаго пахло духами, какъ въ спальнѣ у женщины. Всѣ разложенные туалетные предметы были первосортные, англійскіе. Скамья вагона была прикрыта лосиной кожей. На крючкѣ висѣли два полныхъ костюма, очевидно отъ перворазряднаго портного заграничей, откуда Подфилипскій именно возвращался. Обувь — образцовая. Онъ еще былъ въ туфляхъ и сталъ при мѣѣ одѣваться съ помощью Ганса, причемъ я констатировалъ высканность всего того, что было на немъ.

— Что это вы, съ выставкой модъ что-ли возвращаетесь, — спросилъ я, — до такой степени все на васъ и вокругъ васъ — *pes plus ultra*? Послѣдній крикъ изыщества!

— Знаете, признаюсь вамъ, я люблю нѣкоторую высканность въ опрятности и удобствѣ. Да и думаю, что уже для одного

примѣра необходимо у насъ заботиться объ этомъ. Чистота — вотъ одна изъ первыхъ реформъ, какія необходимы въ нашей культурѣ или, вѣрнѣе, некультурности. Вѣдь что же такое это французское или, точнѣе, англійское изящество, которымъ у насъ такъ пренебрегаютъ, смѣшивая его даже съ такъ называемою нравственной гнилью Запада? Просто — гигиена, доведенная до эстетичности... Вотъ я, въ прошломъ году, былъ приглашенъ, здѣсь же недалеко, гдѣ мы теперь проживаемъ, на помѣщичье празднество, именины что-ли... Насмотрѣлся тамъ я нашихъ туалетныхъ и всякихъ порядковъ! Продолжалось это цѣлую недѣлю — танцы, охоты, фейерверки. Имѣете понятіе?

— Разумѣется, и даже нигдѣ не бываетъ такъ весело.

— Весело, пожалуй, было и мнѣ, но только какъ наблюдателю. Я не танцую, а охота была мизерная... Съѣхались вечеромъ наканунѣ великаго дня. Смотрю — ужинъ; сидятъ уже множество гостей. Тутъ въ перемѣшку и фракы, и сюртуки, и пиджаки. Дамы, однѣ — полудѣкольтэ, другія — зашиты въ черныя или цвѣтныя мѣшки. Шумъ, бѣготня, прислуга бросается, теряетъ голову, хозяинъ самъ наливаетъ вина! Одно изъ нихъ было даже очень недурно. „Что же вы не кушаете?.. Господинъ судья!.. Г. совѣтникъ!.. Г. президентъ! Пожалуйста!“ Французскій будто бы языкъ слышится: „Maman a de la salade?—J'ai“. Однимъ словомъ, все по нашему, сердечно и весело. Такъ что подъ-конецъ и во мнѣ нѣсколько отозвалась дворянская жила. Ночевать остались человекъ сорокъ. Хорошо, что мнѣ попалась отдѣльная комната. О привычномъ моемъ омываніи на ночь, разумѣется, не могло быть рѣчи. Хорошо уже то, что простыни были чистыя. Но шельма мышь то гложетъ въ углу, то гдѣ-то пляшетъ по смятой бумагѣ. Такъ всю ночь я и не спалъ. Сталъ одѣваться. На какой-то крупной мебели съ ящиками поставлена маленькая умывальная чашка и кружка съ водой, величиной немного больше сливочника. Звонка нигдѣ нѣтъ. Но вижу въ окно: бѣгомъ несется куда-то лакей. По моей просьбѣ, онъ приноситъ ведро воды... Разворачиваю свой tub, но вдругъ замѣчаю, что нѣтъ полотенца. Можетъ быть — въ ящикахъ. Заперты. Одинъ изъ нихъ выдвигаю, подпираю снизу. Тутъ есть все, кромѣ полотенца: папка, запечатанная баночка съ надписью: „картъ двухнедѣльный“, засаленный листъ бумаги, покрытый цифрами, отчетъ эконома изъ какаго-то фольварка, наконецъ — письмо съ заголовкомъ: „Дорогой Тадеушъ“... Но вѣдь такъ зовутъ моего хозяина? Тогда я взглянулъ ближе на мебель, служившую мнѣ умывальникомъ, и приснулъ со смѣху... Пись-

менный столикъ. Значить, я ночевалъ въ конторѣ самого землемѣльца и мылся на его письменномъ столѣ!

Для контраста, приведемъ отзывъ Подфилипскаго о томъ, почему его постоянно влекло за границу.

„Люблю я слышать, какъ бьется пульсъ свѣта. Станьте на углу большихъ бульваровъ и Avenue de l'Opéra, прислушайтесь и смотрите. Глухое, какъ бы подавленное ворчаніе грома по дереву мостовой, хотя колеса не стучатъ; стукъ безчисленныхъ копытъ, шумъ сливающихся разговоровъ, возгласовъ, смѣховъ; плывуть такіа рѣки людей, что уже одинъ слѣпый пошоть ихъ составлялъ бы громкій звукъ, еслибы его можно было отличить и разслышать. Весь этотъ соединенный шумъ вы слышите постоянно, только порой его не замѣчаете; онъ оставляетъ какъ бы фонъ всѣхъ вашихъ впечатлѣній.

„Смотрите! Что за лошади! Съ какими напряженными вниманіемъ и какими ровно и легко напряженными возжами правятъ ими кучера! Пробѣгаютъ Альфонсъ Ротшильдъ, президентъ республики, Ляна де Пуэж и тамъ еще кто-то такой... ахъ, да, король шведскій. Взгляните, какъ одѣты прохожіе, какъ блестятъ глаза у женщинъ... Что-то такое есть въ воздухѣ, что дѣйствуетъ сильнѣе белладонны.

„Вы вспоминаете, что у васъ есть дѣло. У васъ чепъ на Crédit Lyonnais. Это—здѣсь, сейчасъ налѣво... Нужно повидаться съ знакомымъ, который живетъ въ концѣ Елисейскихъ Полей? Обернитесь—вотъ станція городского телеграфа, напишите petit bleu. При васъ нѣсколько разъ упоминалось о новомъ изобрѣтеніи Эдиссона; вотъ, черезъ нѣсколько домовъ, въ Café Riche—публичное чтеніе о немъ, съ опытами; еще застанете. Справка нужна? Стоитъ зайти въ „салонъ“ при любой газетной редакціи—есть нѣсколько и направо, и налѣво. Тамъ отыщете въ книгѣ или получите устное указаніе.

„Купить то и другое? Въ полуверстномъ радиусѣ я найду все, о чемъ когда-нибудь думалъ, да еще много такого, что мнѣ было неизвѣстно. Пора обѣдать? Отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ—Палльяръ, Café Anglais, Жозефъ. А потомъ пойдите въ Оперу, передъ которой теперь стоите. Хотя одна знаменитость, но будетъ.

„Да, сударь мой,—продолжалъ Подфилипскій, понизивъ голосъ, такъ какъ замѣтилъ, что къ нему прислушивались со стороны:—тамъ, или въ Лондонѣ, даже иногда въ Берлинѣ, чувствуешь себя какъ будто болѣе законченнымъ, болѣе богатымъ, высшимъ. Во всѣхъ главныхъ завоеваніяхъ и приобрѣтеніяхъ

дѣлаго ряда вѣковъ тамъ я могу принять участіе, за сравнительно небольшія деньги; мнѣ тамъ доступно все, начиная отъ булки, кончая добродѣтелью и славой. Тамъ я въ самомъ дѣлѣ живу, и если буду умирать, то съ сознаниемъ, что я сгорѣлъ или сломился, а не сгнилъ отъ недостатка движенія или отъ подмочки. Всѣ, разумѣется, не могутъ жить въ Парижѣ, но то, что людей съ подвижной мыслью и болѣе широкими взглядами тянетъ къ такимъ центрамъ—совершенно, понятно. Человѣкъ инстинктивно стремится къ наслажденію. Тѣ, кто не достигаютъ его—или малообразованы, или больны, или принадлежатъ къ трудящимся классамъ. Совсѣмъ не глупо сказано, что *ubi bene—ibi patria*“.

А вотъ, взятый изъ одного разговора, взглядъ Подфилипскаго на женщинъ: „—Ну, ужъ чтобы изъ тѣхъ, которыя вертѣлись около нея никто не былъ удостоенъ отличія, въ формѣ ли сліянія душъ въ поцѣлуѣ, или вслѣдствіе растерянности во время грозы, или въ видѣ жалости къ любящему сердцу, или на зло мужу, или просто по исторической необходимости!...

— Но какое же основаніе подозрѣвать?

— Да я и не подозрѣваю, а только предполагаю. А свое предположеніе основываю на знаніи женщинъ; между ними вовсе нѣтъ столь различныхъ характеровъ, какъ то представляютъ романисты, выдумывающіе какихъ-то „сфинксовъ“. Сфинксами онѣ могутъ казаться только потому, что мы не понимаемъ ихъ плохой и измѣнчивой логики, но истинны у нихъ всѣхъ очень схожи. Я не иду такъ далеко, какъ Толстой, который въ физической связи мужчины съ женщиной видитъ въ сущности ненависть, взаимное желаніе особей разныхъ половъ погубить другъ друга. Я вижу только борьбу двухъ эгоизмовъ, стремящихся къ тому же наслажденію... Хорошо, если оба они найдутъ удовлетвореніе; но они могутъ и разойтись въ иныхъ своихъ желаніяхъ. Тогда весь вопросъ—какой изъ сторонъ удастся далѣе эксплуатировать другую въ свою пользу. У мужчины — сила и умъ, у женщины — слабость и измѣна. Надо помнить, что все это—орудія для борьбы... Женщину слѣдуетъ поработить, отнять у нея индивидуальность. Вся цѣна женщины—въ томъ мужчинѣ, который ею обладаетъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—вся житейская мудрость заключается въ распознаніи недостатковъ и слабостей ближнихъ. Это — не бесплодное изслѣдованіе, какъ астрономія, но такое, которое даетъ силу и господство. Никто не ошибается въ такихъ комбинаціяхъ, которыя рассчитаны на человѣческое тщеславіе, чувственность, корыстолюбіе. Какія, напримѣръ, предпріятія бы-

заютъ наиболѣе успѣшны? Ночные рестораны, игорные дома, лотереи, изданіе гербовниковъ съ оплаченными генеалогіями. А попробуйте собрать деньги на школу, больницу или издавать газету, посвященную изящнымъ искусствамъ!.. Свѣтъ скверенъ въ самой своей основѣ, слѣдуетъ его знать и, насколько это кому возможно, овладѣвать имъ, извлекая хоть для себя пользу изъ этой скверности, или—говоря точнѣе—изъ повседневной ходячей человѣческой природы“.

XIV.

Было бы слишкомъ много цитать, еслибы мы привели всѣ взгляды Подфилипскаго на разные вопросы и стороны жизни, между прочимъ и на особенности быта польскаго общества. Кромѣ Лигензы, автора воспоминаній, у него были и другіе ученики и почитатели. Но его и ихъ направленіе встрѣчало иногда и отпоръ.

Приведемъ отрывокъ изъ сцены за юбилейнымъ обѣдомъ въ честь пользовавшагося общимъ уваженіемъ писателя-драматурга и литературнаго критика.

Одинъ изъ ораторовъ, восхваляющій именно заслуги юбиляра въ области критики, окончилъ свою рѣчь словами: „Та критика, которая васъ поддерживала, въ которой и вамъ самимъ принадлежало выдающееся участіе, склоняетъ передъ вами главу“.

Ораторъ наклонилъ передъ юбиляромъ свою голову, также украшенную уже сѣдиною, и это произвело сильное впечатлѣніе. Юбиляръ бросился обнимать его.

— Правду говорить этотъ вашъ столпъ,—замѣтилъ Подфилипскій сидѣвшимъ съ нимъ пріятелямъ.—Критика нужна, но какого рода? Къ философіи примѣнима нѣмецкая, научная критика, а къ литературѣ—французская, вкусная. Но эту послѣднюю развѣ можно примѣнять къ нашимъ литературнымъ плодамъ? Въдѣ въ французской критикѣ подвергаются разбору уже только отгѣнки, только какія-нибудь неровности на отлитой вещи, а не свойства самаго металла или формы, въ которую онъ отлитъ, и другія подобныя примитивности.

Тогда одинъ изъ пріятелей Подфилипскаго сталъ тихимъ толосомъ передразнивать похвальные рѣчи.—Внимая гимнамъ жрецовъ, едва не ослѣпленный блескомъ торжества, смиренно взирю я изъ сѣни храма и, ударяя себя въ грудь, какъ мытарь, говорю:—Помилуй мя, Боже!

— Браво! —шепнулъ Подфилипскій.

— Не въ званіи драматурга, — чего недостойнъ, — не въ качествѣ критика — помилуй насъ, грѣшныхъ! — но какъ смертный, сидящій во второмъ ряду партера, нерѣдко страдающій въ немощный вѣрокъ, дерзаю присоединить къ оркестровой ораторіи слабый пискъ моей флейты, какъ бы жужжаніе осы въ хорѣ мамонтовъ, воспѣвающихъ заслуги ихтиозавра. А ихтиозавръ — это вы, высокопочитаемый юбиляръ, переходный видъ между величайшею изъ рыбъ, плававшихъ въ литературномъ мірѣ, и знаменитѣйшимъ изъ земноводныхъ, кормящихся достойными остатками.

— Настоящее вдохновеніе! — вставилъ, смѣясь, Подфилипскій.

— Атъ, говоритъ себѣ, чтобъ говорить, только и всего! —

Всѣ мы взглянули, откуда этотъ голосъ? Передъ нами сидѣлъ широкоплечій, высокой литвинъ, крутившій свою острую бородку. Прешній „нашъ“ ораторъ всталъ и обратился къ нему съ комичной важностью:

— Позвольте вамъ представиться... Моя фамилія — Делицкій.

— Колчановичъ, — произнесъ литвинъ, чуть привставъ со стула.

— Извините меня, — сказала Делицкій, — я импровизировалъ для своихъ друзей и не рассчитывалъ на болѣе широкую аудиторію.

— Вѣдь я вамъ не мѣшаю. Пришелъ сюда послушать, ну и внимаю.

Пользуясь перерывомъ въ официальныхъ рѣчахъ, Подфилипскій заговорилъ въ своемъ кружкѣ о вѣномъ литературномъ салонѣ въ Парижѣ; причемъ назвалъ съ десятокъ именъ декадентовъ, нео-христіанъ и мюссартрскихъ слагателей пѣсенокъ.

— Какъ все это живо, оригинально, современно! Сколько тамъ юмора и какая отвычивость къ самоевѣйшимъ потребностямъ духа! Вотъ такое собраніе литераторовъ я понимаю. Тамъ всегда услышишь что-нибудь неожиданное; тамъ встрѣчаешь изысканность мысли, остроуміе, полное отсутствіе предрассудковъ и традицій швола. Помнишь тѣ наши вечера, Делицкій?

— Еще бы! Тамъ мы жили! А дома у насъ что? Ни таланта, ни остроумія, ни новизны, но зато — швола. Вотъ хоть собравшіеся здѣсь... Всѣ они такъ вышколены, что каждый впередъ знаетъ, что скажетъ другой, у каждаго есть готовый отвѣтъ... Вотъ, напр., тотъ, который сидитъ тамъ, обременяемый еще невысказанной рѣчью, — тотъ, набѣрное, выпалитъ изъ орудія самага большого калибра, упомянетъ, что у всѣхъ на душѣ одинъ общій идеалъ, и подморгнетъ намъ многозначительно, тѣмъ вызоветъ тотъ же восторгъ, каковой эта угроза производитъ въ теченіе полувѣка. Вонъ, у него уже потѣветъ лысина. Сейчасъ изъ нея выскочитъ Минерва.

— А когда ужъ нието не можетъ, такъ сами бы вы сказали что-нибудь новое,—проворчалъ Колчановичъ.

— Кажется, я и говорю вещи сравнительно новыя.

— Да старыя, сударь, старыя!.. Вы недовольны?

— Дѣйствительно недоволенъ,—сухо отвѣчалъ ему Делицкій, отвернувшись отъ него и сѣлъ къ нему бокомъ.

Подфилипскій повелъ глазами по залѣ:—Кромѣ насъ, прішедшихъ сюда случайно, адѣсь собраны почти всѣ мѣстные наши литераторы. Нисколько не сомнѣваюсь въ способностяхъ и умѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но вѣдь все это труженники пера, какъ говорится у насъ. Покажите мнѣ хоть одного, который бы писалъ для собственного удовольствія. Я подразумеваю не графомановъ, конечно, но такихъ талантливыхъ пресателей, которые бы были независимы, могли жить широко и широко наблюдать миръ. Всѣ эти господа видятъ постоянно передъ собой только дворы тѣхъ домовъ, гдѣ они живутъ, и имъ же о чемъ писать. А писать они должны, потому что это ихъ призваніе и заработокъ. Вотъ они и обрабатываютъ устарѣлыя и легкія темы, пишутъ сѣро. Ну, конечно, есть и еще извѣстныя всѣмъ прістствія..

Подфилипскій умѣлъ воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы распространять истинную культуру. У него была своя задача, и онъ не забывалъ о ней. Но онъ умѣлъ говорить, какъ истинный лонжанинъ, серьезно и вѣстѣ легко, какъ будто мысли приходили ему безъ всякаго усилія и являлись скорѣе въ видѣ умной улыбки.

А ученикъ его, Делицкій, уже съ меньшимъ тактомъ развивалъ поученія учителя, тѣмъ болѣе, что былъ нѣсколько возбужденъ виномъ.

— О, писатель, писатель! О многомъ ты печешься, а одного тебѣ самому недостаетъ: культуры. Воистину глаголю вамъ: легче верблюду написать повѣсть для своихъ ближнихъ, чѣмъ одному изъ васъ войти въ царство геликонское. Такъ вѣщаетъ вамъ не основатель новой вѣры, но скромный лѣтній свѣтлачокъ, ползущій среди египетскаго мрака.

— Да перестаньте, наконецъ! — угромо произнесъ Колчановичъ.—Къ чему смѣшивать писаніе съ бреднями!

— Я васъ прошу не...—Но какъ разъ въ эту минуту поднялся тотъ ораторъ, обремененный невысказанной еще рѣчью, и, умянувшись, что юбиляръ всегда служилъ долгу, слѣдуя внушеніямъ чистаго сердца, и сохранилъ чистую совѣсть, онъ окончилъ словами:—А такъ какъ всѣхъ насъ соединяетъ одно слово,

одна любовь, то возлюбимъ другъ друга. Kochajmy się! (Старинный заключительный тостъ).

Всѣ подняли бокалы и встали, привѣтствуя наклоненіемъ головы и движеніемъ руки—оратора, юбиляра и другъ друга. Делицкій остался сидѣть и обратился негромко къ своему кружку:

— Надо наконецъ порвать четки изъ этихъ деревянныхъ побрикушекъ. Пора вамъ сравняться съ культурными народами, вмѣсто того, чтобы вѣчно копаться въ выдохшихся словахъ, въ ни къ чему непригодной традиціи, все еще разыскивая какихъ-то забытыхъ блескокъ или вымершей жемчужины въ этомъ сорѣ. Долой этотъ наследственный соръ глупости и упадка! Я предложу вамъ тостъ...

Но онъ прервалъ рѣчь, увидя противъ себя, отдѣленную только столомъ, громадную фигуру литвина. Тотъ медленно вырасталъ надъ своимъ стуломъ, опираясь руками на столъ, и впивался въ оратора страшными глазами. Съ своей трясущейся, узкой бородкой, онъ росъ все выше, какъ старый козелъ взлѣзающій на подъемъ холма. Казалось, что онъ взлѣзетъ на столъ, который трясся подъ его могучими кулаками. Вотъ, онъ наклонилъ голову, будто собираясь боднуть, и, знаменательно приподнявъ правую лапу надъ столомъ, крикнулъ Делицкому:

— Молчать! А то какъ начну ковать по мордѣ...

Мы остолбенѣли. Делицкій схватилъ столовый ножъ. Но къ Колчановичу подбѣжалъ какой-то пріятель и, умоляя, изъ уваженія къ самому торжеству, увелъ его, размахивающаго руками.

Мы не знали, какъ выйти изъ этого положенія. Но Подфилипскій проивзвесь, полушутя:—Вотъ и пренія, по нашимъ нравамъ.—А Делицкому, взявъ его за локоть, онъ сказалъ:— Мы это устроимъ.

„Устроилъ“ это Подфилипскій такимъ образомъ, что Колчановичъ былъ уволенъ отъ должности при желѣзной дорогѣ въ Варшавѣ и переведенъ куда-то далеко. Встрѣтись вскорѣ съ Лигензой, Подфилипскій не сказалъ объ этомъ, но отрицалъ возможность поединка съ Колчановичемъ и ему подобными, которыхъ слѣдуетъ не замѣчать, а не только говорить или еще драться съ ними.

— А вѣдь попалъ же онъ въ собраніе! Какъ же, при вашихъ взглядахъ. Кассиръ на станціи... Вѣдь онъ принадлежитъ къ интеллигенціи! Ну, гдѣ это могло бы случиться? „Ковать по м.....“!

— Что это такое? Слыхано ли гдѣ-либо на свѣтѣ, чтобы кто-нибудь на торжественномъ собраніи, вдругъ, выступилъ съ подобнымъ предложеніемъ?

Намъ пришлось ограничиться отрывками изъ суждений Подфилипскаго. Нравственная сторона его уясняется изъ такихъ его дѣяній, какъ, на примѣръ, отношенія его къ брату, которому онъ ссудилъ крупную сумму, подъ закладную имѣнιά, но зато обратилъ его въ своего дарового приказчика по разнымъ дѣламъ, посылалъ къ нему на кормъ своихъ лошадей, посылалъ его самого осматривать братнины имѣнιά и получать деньги по долгамъ, да еще примазывался къ его женѣ, хотя безуспѣшно. Не милосердно эксплуатировалъ и совершенно обезличилъ онъ образованную женщину, съ которою жилъ, хотѣлъ дѣлиться ею съ однимъ молодымъ княземъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла, потомъ спихнулъ ее къ брату въ учительницы для дѣтей, а когда она не явилась по его требованію на обѣдъ съ его друзьями въ ресторанъ, — послалъ женѣ брата безименный доносъ о ея прошломъ.

И еще многое въ этомъ родѣ, что только отчасти проглядываетъ въ самомъ разказѣ, но вполне обазывается изъ приложенныхъ къ нему, оставшихся по смерти Подфилипскаго, писемъ. Крупное свое состояніе онъ завѣщалъ на учрежденіе въ Парижѣ „цивилизаторскаго“ клуба подъ названіемъ „Faculté polonaise de la rue X“.

Своему „егерю“ Гансу онъ завѣщалъ десять тысячъ франковъ, и тотъ явился къ Лигензѣ, прося порекомендовать его на мѣсто.

— Да, графъ былъ добрый человекъ, царство ему небесное: завѣщалъ мнѣ десять тысячъ франковъ. Хотя я предпочелъ бы, чтобы это были рубли. А то франки теперь стали у насъ дешевле, чѣмъ прежде.

Когда Гансъ выходилъ, то лакей Лигензы сталъ подавать уходящему пальто, выказывая при этомъ преувеличенную поспѣшность и униженность. Тотъ вынулъ руку изъ кармана, дѣлая видъ, будто давалъ ему на пиво. Но лакей оттолкнулъ руку, смѣясь, и, шлепнувъ Ганса по плечу, сказалъ ему:

— Ахъ, ты, Подфилиппе!

Приведа нѣсколько образчиковъ, чтобы познакомить русскихъ читателей съ характеромъ главнаго произведенія Вейсенгофа, мы ограничимся короткой замѣткой о другихъ его двухъ романахъ — „Дѣло Долэнги“¹⁾ и „Блудный Сынъ“²⁾. Появившіяся же раньше повѣсти его — „За лазурью“³⁾ и „Сговоръ Яна Бѣлскаго“⁴⁾ оставимъ въ сторонѣ, чтобы не слишкомъ удлинить нашъ очеркъ.

¹⁾ „Sprawa Dołęgi“, 1902.

²⁾ „Syn Marnotrawny“, 1905.

³⁾ „Za Błękitami“, 1894.

⁴⁾ „Zagęszyny Jana Belskiego“, 1894.

Прибавимъ, что Вейссенгофъ — также поэтъ. Какъ было уже замѣчено выше, мимо-родовую слѣсъ Подфилипскаго и пренебрежительное отношеніе къ родному обществу, которымъ у него прикрывается просто циническое отрицаніе нравственнаго и общественнаго долга, чаще всего можно встрѣтить въ такъ называемой „свѣтской средѣ“, въ сферѣ людей беззаботной жизни и забавы. Поэтому Подфилипскій и является, ближе всего, сатирой именно на эту сферу.

Но на первый разъ, какъ бы въ видѣ опыта, типъ былъ представленъ въ лицѣ не настоящаго аристократа, а только сомнительнаго *impus* въ тѣ вружки. Но въ „Дѣлѣ Долэнги“ и въ „Блудномъ Сынѣ“ выведены уже чистокровные аристократы и нравственная ничтожность ихъ среды.

Это могъ сдѣлать только писатель, самъ вращавшійся въ той средѣ и притомъ одаренный замѣчательной по тонкости и сочности кистью, природнымъ юморомъ и вмѣстѣ вкусомъ. Видно, что онъ самъ умѣетъ цѣнить все изящное и утонченное въ искусствѣ и людяхъ, но никакъ не признаетъ въ этомъ „верхъ“ человеческихъ стремленій. У него есть блестящія картины изъ жизни на Ривьерѣ, въ Римѣ („Блудный Сынъ“), охоты съ борзыми въ Польшѣ и т. д. И фигуры ораула аристократической среды, графа Збовскаго, добраго товарища и человѣка съ хорошими инстинктами, но мягкаго эстетика, извѣженнаго женщинами, неспособнаго къ предпримчивости („Дѣло Долэнги“), сдѣланы правдиво и художественно-завончено.

Есть, правда, и энергическія лица, которыя могли бы сдѣлать что-нибудь для общества. Но это — или фабрикантъ, къ тому же нѣмецъ, Гелле, занятый только своимъ дѣломъ; или инженеръ Долэнга, котораго не хотятъ поддерживать люди богатые; или, наконецъ, прелестно нарисованная дѣвушка, которая, разумѣется, выходитъ замужъ. Кокетливая и возрастомъ гораздо старше ея дама, вида, какъ одно появленіе этой дѣвушки оживляетъ всѣхъ, недаромъ сдѣлала такое замѣчаніе, что „самая лучшая политикѣ съ мужчинами, это — молодость“.

Очень можетъ быть, что отъ Вейссенгофа, хотя ему теперь еще только пятый десятокъ отъ роду, нельзя ожидать „новаго слова“. Но на его тонкихъ и умныхъ эскизахъ пріятно отдохнуть отъ „новыхъ словъ“, слишкомъ произвольныхъ и возглаголемыхъ другими болѣе криливо, чѣмъ убѣдительно.

Л. Полонскій.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XV *).

Пожаръ случился ночью. Набать и тревожные свисты дежурнаго локомотива подняли на ноги весь поселокъ. Перепуганные жители повскакали съ постелей и, полуодѣтые, выбѣжали на улицу. Свистки локомотива злобѣще нарушали ночную тишь и походили на крики растерявшагося человѣка, произносящаго какіе-то безсвязные, отрывочные звуки. Все небо охватило заревомъ, сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Улицы, дотогѣ пустынные, вдругъ наполнились народомъ и шумомъ. Бѣжали на пожаръ со всѣхъ концовъ. Вольные дружинники собрались въ депо, изъ котораго выкатывали бочки и пожарныя машины. Лошадей не было, и весь обозъ пришлось вести дружинникамъ на себѣ. Испуганные вороны и галки кружились въ воздухѣ и оглашали его своимъ крикомъ, который сливался съ людскими голосами и съ грохотомъ колесъ. Наталья Павловнѣ, вышедшей на балконъ, показалось, что горитъ очень близко. Она кинулась въ кухню, гдѣ спала Катя, но дѣвочки тамъ уже не было. Дверь оставалась открытой. Наскоро одѣвшись, Малахова спустилась внизъ. Въ палісадникѣ стояли Катя и Рита. Обѣихъ была лижорадка.

— Наталья Павловна! — чуть не плача, воскликнула Рита: — вѣдь мы споримъ!

*) См. выше: июль, стр. 476.

— Что за глупости!—отвѣтила Малахова, стараясь скрыть свое волненіе и ободрить Риту.— Нечего хныкать! Надо укладываться. Гдѣ ваши дѣвочки?

— Онѣ спать.

— Разбудите, одѣньте ихъ и укладывайтесь.

Прибѣжала Марѳа.

— Гдѣ горить?—спросила Малахова.

— Въ Глиняномъ, барыня. Ужаснѣющій пожаръ! Вѣтеръ-то такъ на вокзалъ головешки и кидаетъ... Того и гляди, аптека загорится. Сюда-то не тянетъ, противъ вѣтра.

— Все-таки лучше на случай уложиться. Идите, Марѳа, внизъ, а мы съ Катей пойдѣмъ къ себѣ.

Наталья Павловна уже связала съ Катей нѣсколько узловъ, когда явился одинъ изъ вольныхъ дружинниковъ, узнать, отчего нѣтъ на пожарѣ Малахова.

— Онъ у Неелова,—отвѣтила Наталья Павловна.

— А мы дивимся... Никакъ, вы укладываетесь? Ну, это напрасно, сюда не дойдетъ, вамъ нечего бояться.

Наталья Павловна пока прекратила дальнѣйшую укладку и передала Ритѣ успокоительное сообщеніе дружинника. Дѣвушка повеселѣла. Но она все еще дрожала и какъ-то бессознательно повторяла:— „Боже мой, Боже мой!“ Проснувшіяся дѣвочки подняли плачь, пришлось ихъ успокаивать... Однако, мало-по-малу тревога улеглась. Прошелъ мимо дома кузнецъ Андрей и сказалъ тоже, что бояться нечего.

— Но я все-таки не лягу,—объявила Рита.

— Известно, не до сна,—промолвила Марѳа,—нѣшто можно спать при такой бѣдѣ?

Никто не ложился до самаго утра, пока совсѣмъ не потушили пожара.

Утомленная и разбитая, Наталья Павловна прилегла на кровать, чтобы только немного отдохнуть, но сейчасъ же уснула и проспала до полудня. Напившись кофе, она отправилась съ Катей и Ритой на мѣсто пожара. Глазамъ ихъ представилась ужасная картина: весь порядокъ домовъ, гдѣ ютилась бѣднота поселка, былъ превращенъ въ груду пепла. Торчали только печныя трубы, высившіяся, какъ печальные монументы на кладбищѣ. На пожарѣ бродили погорѣльцы, убитые горемъ. Слышался плачь... Наталья Павловна узнала, что одна изъ старухъ, лишившаяся всего скарба и послѣднихъ денегъ, береженихъ на смерть, почти лишилась разсудка, и ее увезли въ больницу. Малахова впервые услышала фразу, брошенную кѣмъ-то: „Это

все евреи!“ Малахова не придавала значенія этимъ словамъ, но, вернувшись домой, то же самое услышала отъ Марѣи.

— Вѣрно, вѣрно, барыня,—проговорила работница:—они въ отместку.

— Ну, что ты за вадоръ говоришь, Марѣя!—оборвала ее Наталья Павловна:—чѣмъ бѣдняки эти виноваты въ побѣгѣ Рахили?

— Барыня, да развѣ они стануть разбирать?

— Развѣ они не такіе же люди, какъ и мы съ вами, Марѣя?

— Ну, какъ же можно равнять, барыня: крещенные или некрещенные. Да вѣдь что же—не я выдумала, за что купила, за то и продаю...

— А вы не повторяйте чужихъ глупостей,—строго сказала Наталья Павловна.—Вамъ особенно это стыдно: не аптекарша ли заботилась о васъ, какъ родная, когда вы болѣли?—„Неужели Ювеналій не узнаетъ? Какъ некстати онъ уѣхалъ!“—подумала Наталья Павловна, принимаясь за приготовленіе обѣда.

Еще не было часа, когда Катя, вбѣжавшая въ кухню, крикнула:

— Баринъ пріѣхалъ! И съ ними этотъ старикъ, какъ его...

Наталья Павловна вышла посмотреть на балконъ.

— Что, очень испугалась?—тревожно спросилъ Малаховъ, шедшій впереди другихъ.

— Ничего, успокойся... Но хорошо, что ты вернулся. Тебѣ сообщили?

— Да, Дементій пріѣхалъ.

Наталья Павловна раскланялась съ Нееловымъ и Кіотниковымъ. Послѣдній снялъ свой широкій картузь съ громаднымъ козырькомъ и промолвилъ:

— Добраго здоровья, золотая барынька! Небойсь, испугались, поди? Набрались страху?

— Ничего, Савелій Пафнутьевичъ, Богъ пронесетъ!

— Ну, и слава Ему, Создателю! А мы ужъ такъ торопились, точно курьеры какіе. Признаться, на старости меня и потрясло...

Обѣдъ еще не былъ готовъ, но щи уже сварились.

— На второе я мигомъ яичницу сдѣлаю, да и каша вчерашняя есть. Больше предложить, господа, ничего не могу,—сказала Малахова.

— И отлично, или какъ моя жена говоритъ:—какого еще рожна надо?—произнесъ Кіотниковъ.

Онъ указалъ на щи, только-что поданные на столъ, и продолжалъ:

— Заѣзжаю какъ-то въ Питерѣ къ знакомому купцу... Послѣ дѣла пошли въ трактиръ. Ну, спрашиваю, что хлебать станемъ? Думаю, щецъ не худо бы? а онъ мнѣ: „Я щей не люблю...“ И заказалъ бульонъ съ сухарями. Я не вытерпѣлъ и выругалъ его. Такой же русскій человѣкъ, какъ всѣ мы, а какъ избаловался, гляди!

Завязался разговоръ на ту тему, что русскіе легко поддаются чужому вліянію.

— Да, къ сожалѣнію, это правда. И не только тѣмъ, кто выше, а даже низшимъ по культурѣ. Я знаю, очеремились, принимали даже ихъ вѣру.

Въ голосѣ говорившаго Неелова слышалась глубокая скорбь.

Малаховъ ничего не возразилъ Неелову, который, говоря, посмотрѣлъ на Ювеналія Никандровича.

— А ты что это молчишь все? О чемъ задумался?—спросилъ его Кіотниковъ.

— Все насчетъ пожара,—отвѣтилъ Малаховъ.—Надо будетъ предпринять что-нибудь.

— Конечно,—подхватилъ Нееловъ:—я нарочно для этого и пріѣхалъ.

— Мнѣ вотъ такая идея пришла въ голову,—произнесъ Малаховъ:—пусть о. Микамъ скажетъ въ храмѣ слово, такъ вродѣ воззванія.

— Отлично,—согласился Нееловъ.—Ну, а попечительство?

— Оно тоже должно придти на помощь.

— Что могу, я тоже охотно сдѣлаю,—сказалъ Кіотниковъ, аппетитно уписывая кашу.

— Вотъ, спасибо!—промолвилъ Малаховъ.

— Денегъ свободныхъ у меня теперь нѣтъ,—продолжалъ промышленникъ,—но лѣсу могу; надо только все хорошенько разузнать, чтобы въ дуракахъ не остаться.

— Какъ это?—спросилъ Роцинъ.

— Очень просто,—отвѣтилъ Кіотниковъ:—бѣдность жалѣть надо, но и ухо надо держать остро, а то бѣдность живо надуетъ. Я ужъ попадался; тутъ не такъ денегъ жалко, сколько досадно дурака свалить.

— Мы все обслѣдуемъ,—сказалъ Малаховъ.—Но я и такъ всёхъ хорошо знаю.

— Настоящей нуждѣ не жалко и дать,—проговорилъ Кіотниковъ:—ну, а лѣнтю не дамъ и гроша. И пропойцѣ тоже.

— И ихъ жалко,—замѣтилъ Роцинъ.

— Ну, господишь, у меня на это другой взглядъ! Жалѣть такихъ—значить, разводить дармоѣдовъ.

— Слабость, это та же болѣзнь!—защищался Рощинъ.

— Нонѣ все на болѣзнь валить... Воруется—болѣзнь причина, и названіе мудреное придумали... Тогда никого въ тюрьму не сажайте, а всѣхъ на готовые хлѣба въ приюты; охотниковъ много найдется!

— Надо лечить, Савелій Пафнутьевичъ. Это все больные.

— Хороши больные, — у другого музло-то лопнуть хочется!

— Неврастеники все.

— Ну, я этихъ ученостей не понимаю... Слыхалъ, читалъ, но, по-моему, все это блажь одна. Послабленье пошло, вотъ народъ и разбаловался. Прежде на слово вѣрить было можно, а нынѣ и бумажекѣ погодить надо. А работники? Нѣтъ, строгость лучше. Вотъ вамъ. У моего знакомаго купца сынъ разбаловался совсѣмъ: не занимается дѣломъ, съ актрисами возится. Я отцу и говорю: надо подтянуть парня. А онъ: „нонѣ не тѣ времена“. А что за не тѣ? Пустяки! Про себя скажу: на семнадцатомъ году я тоже было-заблужилъ, да какъ мой родитель подтянулъ возжи,—и блажь куда дѣвалась!

Всѣ засмѣялись, а Рощинъ замѣтилъ при этомъ:

— Вы сами себѣ противорѣчите, Савелій Пафнутьевичъ!

— Это какими манеромъ?

— Вы сегодня еще, сидя у Дмитрія Алексѣевича, говорили, что слѣдимъ ничего не сдѣлать, что то только....

— Эхъ, господишь,—перебилъ Кіотниковъ:—то, да не то: дѣлай, что хочешь, неволить не стану, но дѣло—не баловство. Умѣй уберечь сына или дочь, да добромъ учить,—это лучше, что и говорить; а коли не уберегъ, такъ ужъ спасай строгостью, а не гляди, какъ родное дитя гибнетъ.

— Кто же виновать-то?—вызывающе спросилъ Рощинъ.

— А тутъ объ этомъ нечего разсуждать, поздно. Коли заболѣлъ, такъ лечи, и надо коли рѣзать ногу, чтобы человѣка спасти—рѣжь! Прозѣваешь—всего потеряешь!

— Вы, значитъ, за роги?—насмѣшливо промолвилъ Рощинъ.

— Зачѣмъ же? Это ужъ послѣднее дѣло. Когда человѣкъ стыдъ потеряетъ, куда онъ годится? И безъ роги можно пристроить. Нельзя возжи распускать, а то, гляди, молодые на голову садутъ... Пушай они ходятъ на своихъ ногахъ, а ты поглядывай, да руль держи крѣпко... Вотъ и ладно будетъ.

Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, въ которомъ ясно свѣтилось сознание своей правоты.

— А что, господа,—политично промолвила Наталья Павловна:—не будемъ ли мы пить чай сейчасъ?

— Не лучше ли, Наташа, мы сначала сходимъ на пожаръ, а чай послѣ? Господа, какъ вы?

— Ничего не имѣю противъ этого, — отвѣтилъ Нееловъ.

— Я тоже, — сказалъ Рощинъ.

— А вы, Савелій Пафнутьевичъ?

— Мнѣ придется пить чай еще съ моимъ покупателемъ, такъ что я тутъ сторона.

Малахову показалось, что Кіотниковъ считаетъ себя обиженнымъ, и, въ качествѣ хозяина, онъ напелъ нужнымъ замѣтить:

— Какъ ни смотрите на воспитаніе, а цѣль одна: воспитать хорошихъ работниковъ и добрыхъ людей. Въ этомъ случаѣ Савелій Пафнутьевичъ можетъ гордиться своими сыновьями.

— Гордиться грѣхъ, — сказалъ Кіотниковъ, — а я благодарю Бога.

Онъ всталъ; за нимъ поднялись со своихъ мѣстъ и остальные.

XVI.

На мѣстѣ пожарища бродила праздная публика. Вышло какое-то гулянье, причѣмъ многіе изъ любопытства внимательно слушали горькіе разсказы погорѣльцевъ.

Пожарище еще тлѣло. Стояла труба дружинной команды, но изъ пожарныхъ никого не было. За трубою наблюдалъ какой-то старикъ и съ крикомъ отгонялъ мальчишекъ, пытавшихся качать воду.

— Пошли, воронята, я васъ!..

— Дѣдушка, да мы заливать будемъ!

— Пошли! Зачѣмъ заливать, когда не приказано!..

— И врешь, врешь! Для того и труба стоитъ... Мы тоже изъ дружины!

Старикъ бранился, ребята хохотали.

Въ самомъ началѣ переулка, на обгорѣломъ бревнѣ сидѣлъ молодой парень съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ и на костыляхъ. Его видъ поразилъ Неелова.

— Какой несчастный! — произнесъ тихо Дмитрій Алексѣевичъ.

— Это бывший желѣзнодорожный рабочій, — также тихо отвѣтилъ Малаховъ. — У него злая чахотка и ревматизмъ обѣихъ ногъ.

— Съ кѣмъ же онъ живетъ?

— Съ матерью-старухой, которая плохо слышитъ. Мы изъ попечительства ему даемъ.

— Позвольте, такъ это Прохоръ? Онъ еще спасъ дочь Дудкина?

— Онъ самый... Тогда-то онъ и простудилъ ноги.

— Такъ неужели тотъ не даетъ ничего?

— Разъ далъ пять рублей и больше ничего. Вы тоже погорѣли?—прибавилъ Малаховъ, обращаясь къ парню.

— Все погорѣло,—едва слышно отвѣтилъ больной, устремляя на подошедшихъ потухающій взглядъ глубоко впавшихъ глазъ.

— Гдѣ же вы помѣстились?

— А покамѣстъ нигдѣ еще; мать пошла просить Рамцева, огородника... не знаю, пуститъ ли: денегъ то у насъ нѣту.

Нееловъ досталъ изъ кармана бумажку и сунулъ ее парню.

— Мы устроимъ васъ,—сказалъ Малаховъ,—а пока перебрайтесь къ намъ, на дворѣ у насъ есть избенка, тамъ жила мать хозяина, а теперь избенка пустуетъ.

— Поборно благодаримъ,—промолвилъ, кашляя, парень, и онъ сдѣлалъ попытку встать.

Малаховъ остановилъ его:

— Сиди, сиди, чѣмъ ты!.. Такъ скажи матери, когда вернется, что не надо нанимать у огородника,—у насъ такъ можно.

— Скажу.

На блѣдномъ лицѣ парня отразилась внутренняя радость.

— Спасибо,—произнесъ онъ, благодарнымъ взоромъ провожая отошедшихъ „господъ“.

На пожаръ пріѣхалъ начальникъ пожарной дружины, Простоквашинъ.

На немъ былъ надѣтъ сюртукъ, смахивающій на мундиръ генерала. Простоквашинъ важно раскланялся съ женою начальника станціи и едва кивнулъ головой на низкій поклонъ бабы, обратившейся къ нему съ просьбою.

— Ладно, заяви въ попечительство,—перебилъ онъ бабу, и пошелъ дальше.

Замѣтивъ Неелова, стоявшаго впереди другихъ у сгорѣвшаго дома машиниста, Простоквашинъ направился къ этому мѣсту.

— И вы пріѣхали?—съ привѣтливой улыбкой подавая руку помѣщику, произнесъ онъ и потомъ поздоровался съ другими.

Рощину, котораго Малаховъ назвалъ просто пріятелемъ, съ прибавленіемъ фамиліи, Простоквашинъ сначала только поклонился, а потомъ тоже подаль руку, но ничего не сказалъ и опять обратился къ Неелову.

— Да, пріѣхалъ,—отвѣтилъ этотъ:—надо же все узнать.

— И вы, Савелій Пафнутьевичъ, усмкнули? Недалеко были, должно?—спросилъ Простоквашинъ.

— Да, я по случаю, въ Питеръ ѣду... Однако, пообчистило!—добавилъ Кіотниковъ, качая головою.

— Пожаръ большой,—подтвердилъ Простоквашинъ.

— Что же вы худо работали?

— Какъ худо? Это вы напрасно, Савелій Пафнутьевичъ! Еслибы...

— Да вѣдь всё дома сгорѣли!

— Развѣ это дома? Какія-то гнилушки... огню только лезнуть—и готово. Сущь все. Еслибы не мои пожарные, такъ и другому порядку не устоять. Нѣтъ, мои молодецки старались!

Простоквашинъ говоритъ точно боевой генералъ о своихъ солдатахъ, отличившихся въ бою. Кіотниковъ не обратилъ на это вниманія. Нееловъ улыбнулся и переглянулся съ Малаховымъ и Роцинымъ. Но было не до того, чтобы подхватывать такіе мелочи и придавать имъ значеніе.

— Титъ Филипповичъ, надо будетъ подумать о бѣднякахъ,—сказалъ Нееловъ.

— Ужъ меня осаждаютъ, да я что же... какъ всё...

— А ты не жалѣй, не жмись, отпусти лѣску,—промолвилъ Кіотниковъ.

— Я что могу, а лѣсъ весь запродаютъ,—отозвался Простоквашинъ.—Вотъ вы, Савелій Пафнутьевичъ, сами...

— Савелій Пафнутьевичъ и дастъ,—замѣтилъ Нееловъ:—а и вамъ слѣдуетъ...

— Я не отважусь, но лѣсу, ей Богу, не могу: все продалъ; да вѣдь все равно чѣмъ... Надо бы попечительству, но у него финансы-то что въ турецкой казнѣ!

Подошло нѣсколько погорѣльцевъ.

Они поклонились, и одинъ изъ нихъ обратился къ Малахову:

— Какъ же теперь, Ювеналій Никандричъ, насчетъ воспомогенья: будетъ или нѣтъ?

— Непремѣнно, только надо все разобрать... вы займите въ попечительство.

— Кому же это?

— Да хотя мнѣ. Что можно, все сдѣлаемъ.

Но нужда не могла ждать. Нееловъ опять далъ денегъ и этимъ.

— Вотъ хорошо, что добрый человѣкъ нашелся,—сказалъ Простоквашинъ.

— А тебѣ кто мѣшаетъ?—произнесъ Кіотниковъ.

— И вамъ тоже, Савелій Пафнутьевичъ!

— Ну, что тутъ спорить, надо дѣлать,—виѣшался Нееловъ, чтобы прекратить препирательство.

— Я хочу, чтобы о. Михаилъ...—началъ Малаховъ.

— А вотъ и владыка самъ, легокъ на поминѣ,—промолвилъ Простоквашинъ, увидѣвъ приближавшагося священника, который шелъ своей обычной медленной поступью, опираясь на высокий посохъ.

Къ священнику подошла убитая горемъ прачка и что-то прошептала, принимая благословеніе.

— Надо безъ ропота переносить божье испытаніе, на все Его святая воля,—сказалъ наставительно о. Михаилъ.

— Батюшка, а жить-то чѣмъ? Вѣдь все, до послѣдней нитки сгорѣло!

— Ну, проживешь какъ-нибудь, молись, Господь дастъ силу перенести... А тамъ добрые люди помогутъ.

— Не дадите ли вы, батюшка...

— У меня съ собою нѣтъ ничего, да и что же я могу... вотъ попечительство...

Онъ замѣтилъ вблизи группу знакомыхъ, его лицо ослабилось, и онъ, взмахнувъ посохомъ, воскликнулъ громко, съ удареніемъ на „о“:

— А, вотъ и вы здѣсь! Прибыть изволили?

Очевидно, восклицаніе относилось преимущественно къ Неелову.

Черезъ минуту отецъ Михаилъ уже здоровался со всѣми, и очень крѣпко пожалъ руку Неелову, хотя и догадывался, что тотъ не особенно къ нему расположенъ.

Узнавъ, что Рощинъ—пріятель Малахова и тоже писатель, о. Михаилъ замѣтилъ шутливо:

— Еще однимъ опаснымъ человѣкомъ больше у насъ.

— Это почему же? Развѣ я опасный?—спросилъ Малаховъ.

— Го-го-го! Я это такъ... вы смиренный,.. да вѣдь долго ли все... Становой говорить: „Малаховъ—ничего, а все побавляюсь; вѣдь писатель: молчить, молчить, да вдругъ и прохватить!“ Го-го-го!

Онъ погладилъ бороду и обратился къ Кіотникову:

— Каковъ пожарикъ-то? а? Вотъ вамъ и случай проявить христіанскую добродѣтель!

Кіотниковъ рѣзко отвѣтилъ ему:

— А сами-то что же? Подайте примѣръ!

— Го-го-го!—залился опять густымъ смѣхомъ о. Михаилъ.— Мы обязаны наставлять...

— А не примѣръ подавать? — спросилъ Роцинъ, котораго почему-то раздражалъ смѣхъ священника.

— Я этого не говорю, господинъ Роцинъ.

— Я хочу къ вамъ съ просьбой обратиться, о. Михаилъ, — перебилъ Малаховъ, вмѣшиваясь: — надо будетъ въ церкви сказать слово, воззваніе.

— Это можно, — согласился о. Михаилъ.

— Когда я могу къ вамъ зайти?

— Да когда хотите.

— А вы куда теперь?

— А вотъ, посмотрѣть пожарище, и больше нигуда.

— Такъ не заведемъ ли ко мнѣ сейчасъ? Попьемъ чайку и поговоримъ.

— И это можно... я на все согласенъ.

Мимо прошла еврейка, которая поклонилась всѣмъ молча. О. Михаилъ нагнулся къ Малахову и промолвилъ тихонько, но однако такъ, что слышали и остальные:

— А вы знаете, отчего случился пожаръ-то?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Малаховъ.

— Гм! А въ народѣ поговариваютъ, что это дѣло... евреевъ... подожгли будто они.

— Батюшка, неужели вы этому вѣрите?

Священникъ промолвилъ нерѣшительно:

— Вѣдь говорятъ, — не мое это мнѣніе...

— Мало ли какія гадости говорятъ, такъ вѣдь ихъ нельзя повторять! — раздраженно воскликнулъ Роцинъ. — Ваша обязанность...

О. Михаилъ смутился.

— Я не подтверждаю, я только передаю...

— И этого нельзя, — возразилъ Роцинъ: — вы должны властнымъ своимъ словомъ разрушать подобные слухи... Вѣдь это же гадость!

Роцинъ волновался.

Малаховъ успокоилъ пріятеля:

— Да о. Михаилъ это и сдѣлаетъ; онъ и самъ не сомнѣвается въ нелѣпости слуховъ.

— Разумѣется! — подхватилъ священникъ. — Кто же этому повѣритъ...

Тонъ о. Михаила Роцину показался не совсѣмъ искреннимъ, но онъ промолчалъ. Кіотниковъ сказалъ:

— Батюшку не скоро увѣрите... Онъ евреевъ не терпитъ, да и обиженъ ими.

— Эго вы напрасно, Савелій Пафлутовичъ, — возразилъ о. Михайль: — я ничего не имѣю противъ нихъ. А что они злы на насъ теперь, это же вѣрно.

— Пускай, — согласился Кіотниковъ, — а того и не буду отвергать, только все же слухи о поджогѣ — чепуха.

— Да? вы тоже такъ думаете? — съ видимою радостью спросилъ Роцинь.

— Понятно! Я не пріятель ихній, а только не люблю вздора: какая тутъ злоба на неповинныхъ? Вѣдь эти-то ничего имъ не сдѣлали; ужь если мстить, такъ становому, либо батюшкѣ, — у него, вѣстятъ, домикъ чудесный!

— Эю вы что же... на меня натравить хотите? — съ испугомъ произнесъ о. Михайль.

— Чего вы испугались-то? развѣ я кому это говорю? — возразилъ Кіотниковъ: — я адѣсь только... Никто васъ не тронетъ. Здѣшніе евреи — народъ трудящійся, и, право, не хуже многихъ станціонныхъ, что срывать! Возьмите хоть Моисея Либермана: да онъ куда многихъ православныхъ совѣстливѣе!

— Однако, вы, Савелій Пафлутовичъ, большой любитель жидовъ, а я считалъ васъ...

Кіотниковъ грубо перебилъ Простоквашина:

— Не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ... Слыхали это, Титъ Филиппычъ? Промежь насъ, православныхъ и русскихъ, жидовъ-то немало тоже!

— Ну; это какъ понимать еще, — обидчиво сказалъ Простоквашинъ.

— Какъ хотите!

Наступило неловкое молчаніе.

— Пойдемте чай пить, — сказалъ Малаховъ. — О. Михайль! И вы, Савелій...

— Спасибо, — не давши кончить, произнесъ Кіотниковъ: — я по дѣламъ, а потомъ на поѣздъ надо... Вы меня имѣйте въ виду насчетъ дѣса...

Онъ сталъ прощаться.

— Не сердись, Титъ Филиппычъ, — промолвилъ старикъ, протягивая руку Простоквашину, — не хотѣлъ тебя обидѣть, а люблю правду!

— Что обижаться, — сказалъ Простоквашинъ, — не любишь же ты жидовъ больше своихъ.

Кіотниковъ махнулъ рукой и съ улыбкой произнесъ, обращаясь къ о. Михайлу: — И вы, батюшка, не гнѣвайтесь на меня:

я говорю просто, что думаю... Зайду какъ-нибудь къ вамъ на-счетъ годового...

— Милости просимъ! Я не сержусь... Не мнѣ одному досталось, а всѣмъ... го-го-го!

Когда Кіотниковъ отошелъ на такое разстояніе, что уже не могъ слышать, о. Михайлъ проговорилъ шутливо, но не безъ нѣкотораго раздраженія:

— А старикъ-то занозистый! голыми руками его не возьмешь!

— Умный старикъ!—сказалъ на это Нееловъ:—и я люблю его за то, что онъ всегда говоритъ „своими словами“.

— Его не поймешь, — замѣтилъ Простоквашинъ, пожимая плечами:—то онъ такой православный, хоть мантию надѣвай на него, то вдругъ за жидовъ вступится!

— Чего же тутъ страннаго? — произнесъ Малаховъ. — Онъ такой именно оттого, что — какъ прекрасно выразился Дмитрій Алексѣевичъ—всегда своими словами говорить. Православіе не мѣшаетъ видѣть истину и отдавать должное иновѣрцамъ. Вотъ и я...

Въ этотъ мигъ подошла къ Малахову дѣвушка и подала ему письмо.

— Отъ барыни,—сказала она, слегка кланяясь.

— Развѣ Лія Соломоновна пріѣхала?—спросилъ Малаховъ, разрывая конвертъ.

— Да-съ, барыня сегодня утромъ вернулись на скоромъ.

Малаховъ, пробѣжавъ записку, сказалъ:—Хорошо, я зайду; кланяйся барынѣ и скажи, что я очень ее благодарю.

Дѣвушка отошла, а Малаховъ обратился къ Простоквашину:

— Вотъ вамъ, Титъ Филипповичъ, лучше всякаго отвѣта,—произнесъ онъ, показывая на письмо, которое держалъ въ рукахъ.

— Отъ кого это?—спросилъ Нееловъ.

— Отъ Вейнтраубе, здѣшней аптекарши... Вотъ вамъ и *еврейка*,—онъ подчеркнул это слово,—а не угодно ли послушать, что пишетъ...

Малаховъ развернулъ записку и началъ читать, замедливъ шаги:

„Добрѣйшій Ювеналій Никандровичъ!

„Я только-что вернулась изъ Варшавы, и какое ужасное извѣстіе встрѣтило меня! Я сильно утомилась долгой дорогой, и не могу еще зайти къ вамъ; я не была и на мѣстѣ пожара. Но мнѣ передали многое. Не откажитесь зайти ко мнѣ. Я увѣрена, что вы будете организовать помощь погорѣльцамъ, — примите и меня, какъ участницу. Посылайте ко мнѣ,—у меня найдется кое-

что изъ одежды и бѣлья. Мнѣ жаль несчастныхъ и больно за тѣ слухи, которые также сообщила мнѣ Маша. Вы, вѣроятно, тоже слышали. За что? за что? Жду васъ. Поклонъ милой Натальѣ Павловнѣ.—Л. В.“

Малаховъ сложилъ письмо и промолвилъ:

— Что скажете, Тятя Филипповичъ?

— Да-а,—предупредить его о. Михаилъ:—Лія Соломоновна добродѣтельная еврейка; она многимъ помогаетъ. Вотъ Фекля безъногая ежемѣсячно даетъ три рубля.

— Слава Богу, есть изъ чего дать! — съ усмѣшкой произнесъ Простоквашиный.

— Ну, они вовсе не богаты, — возразилъ Малаховъ, котораго возмущилъ отвѣтъ Простоквашина: — есть люди болѣе ихъ состоятельные и не дадутъ этого. Да и дѣло не въ суммѣ, не въ деньгахъ вообще, а въ сердечномъ отношеніи. Я не забуду, какъ Вейнтраубе угѣшала больную дѣвочку, которой сдѣлали операцію. Она ходила въ больницу, носила гостинцы, до часамъ сидѣла около больной; вѣдь это не была знакомая, а просто сирота, всѣми брошенная. Вотъ и теперь: вы видите, какъ она отнеслась къ погорѣльцамъ, а вѣдь слухи-то до нея уже дошли, и ее, какъ еврейку, не могли не задѣть!

— Я ничего худого о Ліи Соломоновнѣ и не говорю, но вѣдь не всѣ такіе,—возразилъ Простоквашиный.

— А развѣ мы всѣ такіе? — сказалъ Малаховъ. — Я не спорить хочу, Тятя Филипповичъ, а только разрѣшить ваше недоумѣніе насчетъ Кіотникова: онъ обо всемъ разсуждаетъ спокойно и чужды предвзятыхъ мнѣній... Что хорошо, того онъ отрицать не станетъ.

— Вѣдь Лія Соломоновна образованная еврейка, она въ гимназіи училась, — сказалъ священникъ. — Да и при томъ она изъ хорошей семьи. А простые-то евреи?

— Еврейскій плебсъ, какъ и нашъ—люди темные,—произнесъ Нееловъ. — А страсти... Я не отрицаю дурныхъ качествъ у еврейской націи, ихъ немало, но вѣдь у всякой націи свои отрицательныя черты... безъ нихъ нѣтъ народа... Но евреи трудолюбивы, выносливы, чаще всего хорошіе семьяне—все это вѣрно, и развѣ это не положительныя достоинства?

Нееловъ обращался собственно къ Простоквашину, но тотъ ничего не отвѣтилъ, а протянулъ руку для прощанья.

— А вы не зайдете къ намъ?—спросилъ Малаховъ.—Мы бы обсудили...

— Да что же обсуждать? Вотъ на собраніи и обсудимъ.

А вы съ о. Михаиломъ пообсудите; я на все согласенъ, — какъ другіе, такъ и я-съ.

Онъ направился къ пролетѣй, которая дождалась его на углу переулка.

Остальные прошли еще разъ по мѣсту пожара. Явились погорѣльцы, которыхъ раньше не было. Малаховъ разспрашивалъ и заносилъ отмѣтки въ записную книжку. Двухъ женщинъ, заявившихъ о томъ, что дѣти ихъ остались чуть не голыми, онъ послалъ къ Вейнтраубе; старику на деревнянѣй велѣлъ придти къ себѣ за пальто; Нееловъ въ некоторымъ далъ денегъ.

XVII.

Нееловъ пробылъ въ Рамцахъ три дня. И ему, и Малахову работы было, что называется, по горло. Рошнинъ также помогать имъ. Прежде всего онъ взялся написать рѣчь для о. Михаила, который заявилъ прямо: — Сказать — я скажу, да вѣдь надо бы... того... получше.

— Вы просто, какъ Богъ на душу положитъ, — промолвилъ Нееловъ.

— Такъ-то такъ, но все же покраснорѣчивѣе лучше.

— А вы возьмите слово Василия Великаго по поводу голода, да и приспособьте.

— Го-го! То голодъ, а тутъ пожаръ... Да у меня и вѣтъ творевій св. Василия. А вотъ бы вы, Ювеналій Никандровичъ, написали, вамъ это пустяки, — ну, я бы прочелъ. У васъ горячо выйдетъ, я знаю!

Малаховъ согласился, но хлопоты отнимали у него много времени, и онъ охотно принялъ предложеніе пріятеля написать воззваніе.

— За помощь спасибо, — сказалъ Малаховъ, — только помни, что говоритъ священникъ и въ храмѣ.

— Ну, конечно, — отвѣтилъ Рошнинъ.

Когда онъ показалъ набросокъ, Малаховъ пришелъ въ восторгъ.

— Признаюсь, Авениръ, этого я отъ тебя не ожидалъ: ты, положительнo, обладаешь краснорѣчіемъ проповѣдника. Не правда ли, Дмитрій Алексѣевичъ? — отесся Малаховъ къ Неелову.

— Да, да, — подтвердилъ тотъ. — Я тоже удивляюсь и думаю, что же это: искусство, талантъ или... это изъ источника, который скрытъ и невѣдомъ самому Авениру Львовичу?

Рошнинъ разсмѣялся и промолвилъ:

— Знаете, одна юродивая пророчила, что я буду монахомъ. Мнѣ было лѣтъ пять, она пришла къ намъ, да и говорить матери: „Гдѣ же твой монашекъ-то?“ — „Какой монашекъ?“ — спрашиваетъ мать. „А твой Авенирушка, — вѣдь онъ монашекъ будетъ, мать моя“. Пока не сбылось, а вѣдь кто знаетъ... И блудницы дѣлались праведницами.

Онъ опять засмѣялся. Нееловъ ничего не сказалъ на это, а Малаховъ замѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ я очень радъ.

Онъ не пояснилъ своей мысли, а баба, явившаяся за пособіемъ, прервала разговоръ.

Собраніе попечительства было назначено черезъ день; Малаховъ рѣшилъ представить собранію возможно подробный докладъ. Онъ раздѣлилъ съ Нееловымъ погорѣльцевъ, они обошли всѣхъ, сдѣлали тщательные опросы, записали просьбы и представили собранію яркій и подробный докладъ о положеніи каждаго погорѣльца. Картина вышла полная, съ мельчайшими деталями и произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

— И поработали же вы! — замѣтилъ благочинный, о. Павелъ, прибывшій на собраніе изъ сосѣдняго села.

Онъ обратился къ о. Михаилу, какъ бы для подтвержденія.

— Да, ну и Господь воздастъ за это... — сказалъ о. Михаилъ. — Онъ не лицепріятный Воздаятель за злая и благая.

— А вы-то, о. Михаилъ, со своей стороны...

— Я завтра за обѣдней скажу слово, о. Павелъ.

— Оно уже готово у васъ?

— Гм! Какъ же, какъ же!

О. Михаилъ повесился на Малахова и сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ Неелова и Рощина, но тѣ или не слыхали, или благо-разумно промолчали; о. Михаилъ успокоился и смѣло докончилъ:

— Я ужъ постарался, о. Павелъ, сообразно отцамъ церкви...

— Ну, что же, такъ и надо, это вашъ пастырскій долгъ, — произнесъ благочинный.

Немало пришлось поработать и Натальѣ Павловнѣ. Она пересмотрѣла все бѣлье и отдѣлила то, что можно было пожертвовать погорѣльцамъ; она два раза была у аптекарши, и онѣ вмѣстѣ посѣтили нѣкоторыхъ бѣдняковъ, нуждавшихся въ леченіи и уходѣ. Имъ были бесплатно отпущены лекарства изъ аптеки. На Лію Соломоновну, очень нервную и впечатлительную, все дѣйствовало сильно.

— Эхъ, барыня, — замѣтилъ желѣзнодорожный врачъ, добровольно лечившій нѣкоторыхъ бѣдныхъ: — такъ принимать все къ

сердцу, такъ и жить нельзя, матеріала не хватитъ. Надо спокойнѣе относиться. Вонъ о. дьяконъ: хлопочетъ, носится, а не волнуется.

Вейнтраубе волновалась еще и отъ слуховъ, которые хотя и не встрѣтили большой вѣры въ населеніи, но все же продолжались и кое-чѣмъ принимались за правду. Вейнтраубе даже подверглась оскорбленію. Какая-то баба изругала ее „жидовной“ и кривнула вслухъ при встрѣчѣ:—Ишь, вровь христіанскую пьютъ, да еще и поджигаютъ!

Лія Соломоновна измѣнилась въ лицѣ. Малахова, шедшая съ нею, старалась ее успокоить и сдѣлала выговоръ бабѣ.

— А ты, барынька, молчи,—отгрызнулась баба:—коли дружишь съ нехристями, такъ и дружи, это твое дѣло, а я тебѣ не подвластная, что хочю, то и говорю, запретить ты мнѣ не можешь.

Наталья Павловна увлекла скорѣе Вейнтраубе, но та продолжала волноваться.

— Зачѣмъ вы придаете значеніе словамъ глупой бабы! — говорила Малахова.—Вѣдь она не свои слова повторяетъ, а съ вѣтру.

— Наталья Павловна! Но за что же? — воскликнула Вейнтраубе.—Я этой бабѣ нынѣшней весной дала денегъ на лошадь, обѣщала скоро же отдать, но не отдала, и я не требую, — когда будутъ, все равно. И вотъ она же...

Въ голосѣ оскорбленной женщины звучали слезы.

Неелову хотѣлось послушать, какъ о. Михаилъ скажетъ „слово“, но дѣла потребовали Дмитрія Алексѣевича въ усадьбу, и онъ уѣхалъ поздно въ субботу.

Нееловъ ошибся, предполагая, что о. Михаилъ не сумѣетъ сказать рѣчи. О. Михаилъ произнесъ „слово“ превосходно, удививъ даже Малахова. Онъ рѣдко заглядывалъ въ бумажку, говорилъ горячо, словно это были его собственные слова. Онъ прибавилъ отъ себя, и эта прибавка вышла очень кстати.

Сначала было рѣшено, что о. Михаилъ предложить подписываться у старосты послѣ обѣдни, но въ церкви перерѣшили, и сейчасъ же послѣ рѣчи староста пошелъ собирать съ блюдомъ, на которое священникъ первый положилъ рубль. Набрали порядочно, такъ какъ въ церкви народу было много. О. Михаилъ, Малаховъ и врачъ взялись собирать же листамъ, чтобы привлечь состоятельныхъ жителей къ взносамъ на пользу погорѣльцевъ; у попечительства не хватало средствъ на продолжительную помощь всѣмъ нуждающимся. Приходилось прибѣгнуть къ частной

помощи лицъ, не принадлежащихъ къ попечительству. Въ числѣ ихъ оказался священникъ села Высокія Горки, собравшій сто рублей въ своемъ приходѣ. Эта помощь особенно была цѣнна, потому что она не была вынуждена, а явилась добровольной, какъ сердечный откликъ пастыря, повліявшаго на своихъ прихожанъ. Объ этомъ Малаховъ узналъ въ церкви, и, возвращаясь домой съ Роцинимъ, онъ выражалъ ему свою радость.

— Спасибо отцу Θεодору, — онъ, помимо матеріальной помощи погорѣльцамъ, и мнѣ, и многимъ доставлялъ нравственное утѣщеніе.

Они проходили въ эту минуту мимо аптеки. Въ саду Лія Соломоновна пила чай. Около нея сидѣли ея дѣти — двѣ дѣвочки, прелестныя, какъ купидоны. Отвѣчая на поклонъ Малахова, Вейнтраубе крикнула:

— Заходите ко мнѣ, я угощу хорошими ватрушками, а вы ихъ любите!

— И чаемъ, конечно?

— Ну, еще бы, разумѣется!

— Но я — видите — съ пріятелемъ...

— А развѣ ему нельзя зайти? Я буду очень рада.

Роцинъ раскланялся, благодаря за любезное приглашеніе.

Низкій грудной голосъ аптекарши понравился Роцину, и онъ замѣтилъ тихо: — Какой пріятный голосъ!

— Зайдемъ, и ты познакомишься съ ней, — сказалъ Малаховъ. — Только смотри, — шутливо добавилъ онъ, — не измѣни Ритѣ, въ ея отсутствіе.

Роцинъ раньше только мелькомъ видѣлъ аптекаршу, и тогда ему понравилась ослѣпительная бѣлизна ея лица, залитаго румянцемъ. Онъ замѣтилъ и красивыя черныя глаза, но только сегодня онъ разсмотрѣлъ Вейнтраубе какъ слѣдуетъ.

Лія Соломоновна была высокаго роста. Пышныя черныя волосы еще болѣе отъѣняли собою бѣлизну лица, а румянецъ — яркій, но не грубый — придавалъ лицу что-то такое, что лишало его тривиальности, которая часто замѣчается въ лицахъ, пышащихъ здоровьемъ. Этого-то земного и вульгарнаго не было въ лицѣ и фигурѣ Вейнтраубе. Несомнѣнно, она пользовалась довольствомъ и счастьемъ, но ея глаза были скорбны, и они оставались такими даже тогда, когда она смѣялась. Словно разъ вразившая сердце скорбь отразилась въ глазахъ, да такъ и застыла въ нихъ.

Одѣта Вейнтраубе была въ сѣрое легкое шерстяное платьѣ и красную англійскую кофточку изъ полупрозрачной матеріи,

перетянутую чернымъ кушакомъ, усѣяннымъ металлическими блѣстками.

Малаховъ представилъ аптекаршѣ пріятеля.

— Мы уже немножко знакомы, — сказала она, протягивая Рошнину бѣлую, красивую руку.

Пока горничная ходила за чашками, а Малаховъ передавалъ аптекаршѣ объ о. Теодорѣ и рѣчи о. Михаила, Рошнинъ внимательно разсматривалъ хозяйку.

„Она положительно красива, — рѣшилъ онъ. — Разумѣется, Рахиль моложе, и ея красота, какъ дѣвушки, свѣжѣе, но эта симпатичнѣе и духовнѣе. Несмотря, что она дама и мать двоихъ дѣтей, но отъ ея воздушной фигуры вѣетъ необыкновенной чистотой, и ея красота не пробуждаетъ грѣшныхъ мыслей, какъ красота Рахили. Къ ней сразу тянетъ, но что-то внутреннее, и это что-то даже виѣшней красотѣ придаетъ отгѣвнокъ неземного“...

Рошнинъ такъ замечтался, что не слышалъ, какъ хозяйка два раза задала ему одинъ и тотъ же вопросъ.

— Авениръ, тебя спрашиваетъ Лія Соломоновна, — сказалъ Малаховъ, дотрогиваясь рукой до его плеча.

Рошнинъ встрепенулся.

— Бога ради, простите!

— О чемъ вы это задумались?—спросила Вейнтраубе.

— Я... тутъ... видите...

Онъ взглянулъ на пріятеля и уловилъ тонкую улыбку на его губахъ.

„Что, я не правъ?“—говорила эта улыбка.

— Вы остаетесь жить здѣсь?—продолжала Вейнтраубе.

— Да, хочу.

— Вамъ очень здѣсь понравилось?

— Хочу отдохнуть, поработать серьезно. Да и у васъ здѣсь столько жизни!

Рошнинъ говорилъ, и самъ думалъ: „Чудные глаза, но отчего въ нихъ столько скорби? Вѣдь ей живется хорошо, — о чемъ ей скорбѣть? Неужели у нея тайное горе?“

Ему захотѣлось увидѣть мужа.

Точно отвѣчая на его мысли, аптекарша сказала:

— Какъ жаль, что Абрамъ уѣхалъ въ Петербургъ! Онъ хотѣлъ познакомиться съ вами.

— Ну, это успѣется, — промолвилъ Малаховъ: — Авениръ еще погостить во всякомъ случаѣ.

— Какъ погостить? Я остаюсь!—воскликнулъ Рошнинъ.

— Тогда тѣмъ болѣе.

— Нѣтъ, ты не вѣришь моему рѣшенію! — сказала Рощинъ.

— Вѣрю, но...

— Оставайтесь! — промолвила Вейнтраубе: — это будетъ хорошо.

Она остановила на гостѣ свой грустный взоръ.

А онъ опять думалъ: „Неужели это у нея такъ, просто скорбное выраженіе? Не можетъ быть!“

— Здѣсь есть что дѣлать, — произнесла, помолчавши, Вейнтраубе, и въ ея голосѣ послышалась теплая нотка.

Малаховъ заговорилъ о погорѣльцахъ.

— Я просила Абрама зайти въ нѣкоторымъ петербургскимъ знакомымъ, — замѣтила хозяйка: — я думаю, что онъ соберетъ что-нибудь для бѣдняковъ у нихъ.

Вейнтраубе слегка прищурилась и добавила:

— Кто это?

Въ садъ вошла баба и направилась прямо къ столу; Вейнтраубе узнала въ ней ту бабу, которая недавно бранилась.

— Зачѣмъ ты? что тебѣ надо? — взволнованно проговорила Лія Соломоновна.

Баба упала въ ноги.

— Барыня, прости, Бога ради... Къ тебѣ... Не оставь!

На лицѣ аптекарши изобразилось изумленіе.

— Ты идешь ко мнѣ и кланяешься? Да не ты ли на дняхъ...

— Барыня, прости! Сама не знала, что говорила. Люди наболтали... и я за ними; ради дѣтей твоихъ, прости, не оставь!

— Что тебѣ надо? Встань, пожалуйста!

Волненіе Вейнтраубе усиливалось и отразилось въ голосѣ.

— Зарѣжетъ, безъ ножа зарѣжетъ!

И баба опять повалилась въ ноги.

— Да что ты дѣлаешь! — воскликнула Вейнтраубе. — Встань и объясни, — я ничего не понимаю.

— Должны мы, лавочнику должны; опишетъ всѣ животы, разорить... Просила, въ ногахъ валялась, — не ждетъ болѣ...

— Но ты еще должна мнѣ.

— Барыня милая, все отдадимъ, потерпи, выручи, ради Хри...

Баба смутилась и остановилась.

Вейнтраубе улыбнулась, а глаза глядѣли съ глубокой скорбью на бабу, и теперь Рощинъ понялъ, что у аптекарши „это“ — не только „выраженіе“, а настоящая скорбь и не за себя, а за другихъ, за чужое горе.

„Да неужели? неужели?“ — произнесъ онъ мысленно и съ напряженіемъ ждалъ, чѣмъ все кончится.

— Сколько же тебѣ надо?—спросила Вейнтраубе.

— Ой, барыня, надо полторы бумажки... это, стало, красненькая и пятерка.

Аптекарьша пытливо посмотрѣла на бабу.

— Ты все правду говоришь? не обманываешь меня?

— Барыня, да кабы неправда, нешто я стала бы просить, пошла къ тебѣ? Легкое ли дѣло идти-то было къ тебѣ...

— Ну, хорошо, — сказала Вейнтраубе, — я тебѣ дамъ денегъ...

— Награди тебя Христось! — порывисто воскликнула баба, и вдругъ, спохватившись, всплеснула руками и проговорила: — Ой, опять я и забыла, что ты некрещеная!

Вейнтраубе вспыхнула и замѣтила тихо:

— Ничего, милая, ты не сдѣлала мнѣ неприятнаго; я некрещеная, какъ ты сказала, но я дамъ тебѣ во имя Христа, потому что и я люблю Его.

Эти слова какъ бы невольно вырвались у Вейнтраубе; ея лицо приняло выраженіе, втораго не было въ немъ раньше, самый голосъ звучалъ какъ-то иначе.

Баба удивленно посмотрѣла на нее, очевидно не понявъ сказаннаго...

Роцинъ поднялся въ нервномъ возбужденіи и, пройдясь по саду, снова сѣлъ на прежнее мѣсто.

Баба получила деньги и долго благодарила Вейнтраубе.

— Истинно сказать, — призналась баба, завязывая бумажки въ уголокъ платка: — я на такъ и пошла: не гадала, что простишь и дашь, а ты вотъ какъ, добрый крещенныхъ оказалась.

— Да, — произнесъ Роцинъ, не удержавшись: — не будучи христіанкой, вы поступили именно по завѣту Христа, какъ Его ученица.

Роцинъ опять вскочилъ и продолжалъ, останавливаясь передъ хозяйкой:

— Да въ чемъ же христіанство: ужели въ лицемѣрномъ ханжествѣ Простокванинныхъ и прочихъ? Оно въ томъ, что вы сдѣлали и чѣмъ пристыдили многихъ титулярныхъ христіанъ.

Вейнтраубе вдругъ смутилась и какъ-то стыдливо съѣжилась. Точно она въ чемъ-то попалась.

Малаховъ понялъ ея душевное состояніе и поспѣшилъ переменить разговоръ.

Явилась горничная.

— Чтò, Маша?—спросила аптекарша.

— Насчетъ Лукерьи и ея внучки, барыня.

— Чтò же, пусть остаются, куда же имъ!

— Какая это Лукерья?—освѣдомился Малаховъ.

— Моя прежняя кухарка. Давно жила у насъ. Заболѣла, мы лечили, потомъ она ушла къ своимъ, жила тамъ, а теперь ее прогнали, жить негдѣ, и работать не въ силахъ.

— И вы берете ее къ себѣ?

— Да куда же она дѣнется!

Малаховъ пожалъ плечами и промолвилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Ты правъ: Лія Соломоновна хочетъ пристыдить насъ!

— Да, хотѣлъ бы и посмотреть, что сдѣлалъ бы Простоква-
шинъ. Нѣтъ, я скажу ему...

— Ради Бога!—испуганно воскликнула Вейнтраубе. — Онъ и такъ не любитъ меня... Да и что тутъ такого? Вы преувеличили все, право!

Разговоръ вскорѣ перешелъ на литературу. Коснулись и еврейскихъ сюжетовъ и типовъ.

— Я вовсе не держусь того мнѣнія,—сказала аптекарша,— что нельзя рисовать темныхъ сторонъ еврейскаго быта... Почему нельзя? Что за покровительственная система къ намъ? Это обидно, если хотите, я всегда говорю. Но рисуйте безъ злобы, не прибѣгая ко лжи, не травите, не науськивайте. Я знаю одного публициста,—приходится иногда встрѣчаться съ нимъ въ одной знакомой семьѣ... въ Петербургѣ... Онъ брызжетъ просто слювой, когда говоритъ о насъ,—гдѣ же тутъ искать правды?

— Простоквашиныхъ въ прессѣ не мало,—сказалъ Роцинъ. —Я съ вами согласенъ, что ложь въ обратную сторону тоже обидна.

— Непремѣнно,—подтвердила Вейнтраубе. —Но мнѣ больно, когда какой-нибудь общій порокъ приписываютъ только евреямъ. Укралъ человекъ—мало ли воровъ ведѣ?—но если укралъ еврей, то это подчеркнуть такъ, какъ будто бы только еврей и воруютъ, и никто больше... Вотъ что возмутительно!

— Узкій націонализмъ,—промолвилъ Роцинъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ Малаховъ:—націонализмъ не синонимъ лжи и человѣконенавистничества... Я, напримѣръ, русскій, и, конечно, мнѣ русскіе интересы ближе всего, но во имя справедливости и именно національной гордости я не могу рукоплескать всякой несправедливости по отношенію другихъ русскихъ гражданъ, хотя бы и иной народности. Я христіанинъ не по паспорту только; пусть запретятъ молиться по-своему нехристіанамъ, и я первый буду возмущенъ этимъ.

Малаховъ поднялся съ мѣста.

— Однако, пора домой, жена ждетъ обѣдать, хотя я уже испортилъ аппетитъ вашими ватрушками, Лія Соломоновна, — сказалъ Малаховъ.

— Я очень рада, что вы такъ смотрите на... это, — проговорила Вейнтраубе, пожимая руку гостя.

— На что? — съ улыбкой спросилъ онъ: — на аппетитъ?

— Вы ловите меня... ай, ай, Ювеналій Никандровичъ!

Аптекарьша укоризненно покачала головой.

— Ювеналій нестерпимый педантъ въ отношеніи къ логичности, — сказалъ Роцинъ, прощаясь съ Вейнтраубе.

— Привычка отъ репетированія въ молодости, — засмѣявшись, произнесъ Малаховъ.

Дорогою Роцинъ произнесъ вдругъ, прерывая молчаніе:

— Меня поразила аптекарша... Признаюсь, мнѣ хотѣлось поцѣловать у нея руку.

— Да, у нея красивая рука, — сказалъ Малаховъ, улыбаясь.

— Я вовсе не потому, — не безъ раздраженія возразилъ Роцинъ: — тутъ не дама, а...

— А что же?

Малаховъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— Да неужели ты не согласишь, что передъ нею не стыдно преклониться многимъ и христіанамъ?

— Согласишь вполне. Но причѣмъ тутъ твое желаніе?

— Фу ты! Какъ дань уваженія, я думаю! — воскликнулъ Роцинъ.

— Но такихъ же мнѣній держится и Кіотниковъ... Не хочешь ли и у него?..

Малаховъ не кончилъ и громко засмѣялся.

— Чортъ знаетъ, что такое стало съ тобой въ деревнѣ! — сердито проговорилъ Роцинъ. Но онъ не удержался и засмѣялся самъ.

— Дуралей ты, Ювеналій, и больше ничего, — прибавилъ онъ.

Малаховъ не отвѣтилъ пріятелю, но улыбка долго не сходила съ его губъ.

Они застали Наталью Павловну въ саду. Она провожала бабу, дѣлая ей какія-то замѣчанія.

— Гдѣ это вы были такъ долго? — спросила Наталья Павловна, обращаясь къ мужу.

— Зашли къ Вейнтраубе, — отвѣтилъ онъ. — Надо было познакомиться Авенира съ нею.

— Они уже видѣлись... правда, мелькомъ. Ну что, Авениръ Львовичъ, — добавила Наталья Павловна, — какъ вы нашли Лію Соломоновну?

— Прекрасная женщина! — восторженно отвѣтилъ Роцинъ! —
 Чтò за глаза!

И замѣтивъ улыбку Малаховой, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Я не въ смыслѣ красоты... но выраженіе этихъ глазъ:
 эта скорбь...

— Вы любите страданіе, — замѣтила Малахова.

— Не страданіе, — перебилъ Роцинъ, — а скорбь... и скорбь
 не за себя. Это не страданіе, а скорбе состраданіе. Восхищаясь
 Лией Соломоновной, я не имѣю въ виду ее, какъ женщину, — хотя
 она несомнѣнно красивая женщина, — но это чудный человѣкъ.
 Передъ такой еврейкой не стыдно преклониться любому изъ насъ.

— Да, — согласилась Малахова: — у Лии Соломоновны хорошее
 сердце. Только она нехарактерна для націи, я не назову ее исклю-
 ченіемъ, — это было бы невѣрно и черезчуръ сильно. Но, по-
 моему, такихъ личностей все же немного. Она нетипична, какъ
 представительница, на ней сильно сказалось вліяніе русскаго
 образованія, русскіхъ кружковъ, литературы. И она по натурѣ
 очень добрая. Но я очень рада, что она вамъ понравилась. Я
 сама ее люблю... Ну-съ, а теперь пойдѣте, у меня все готово
 къ обѣду. Или васъ Лія Соломоновна уже накормила?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ съ улыбкой мужъ, — но аппетитъ она до-
 статочно испортила. Впрочемъ, сегодня любимая уха изъ нали-
 мовъ, я ее буду ѣсть охотно.

XVIII.

Роцинъ получилъ письмо отъ Ольги Николаевны. Она, видимо,
 была удивлена и обрадована предложеніемъ мужа, — главнымъ
 образомъ за дѣтей; въ письмѣ стояла слѣдующая фраза: „Я буду
 счастлива, если вы вернетесь къ дѣтямъ“. Но нѣкоторые выра-
 женія въ письмѣ ясно показывали, что Ольга Николаевна была
 рада и за себя. Любовь ея къ мужу проскальзывала въ письмѣ,
 хотя, очевидно, она сдерживала себя. При всемъ этомъ въ ея
 словахъ проглядывало какое-то сомнѣніе: она уже извѣрилась за
 прежніе годы. Но она соглашалась пріѣхать, и просила только
 выслать ей денегъ на дорогу. Въ послѣднее время она подпи-
 сывалась въ письмахъ къ мужу просто: „О. Р.“ Теперь же она, въ
 концѣ послѣ фразы: „Жду скорѣйшаго отвѣта“, подписалась:
 „Ваша Ольга“.

Эта подпись не ускользнула отъ вниманія Роцина, и онъ
 воскликнулъ:

— Ну, да, я такъ и зналъ, — она святая, святая, — она все простить!

Онъ немедленно сообщил содержаніе письма Малаховымъ и сейчасъ же принялся писать отвѣтъ женѣ.

Въ пятомъ часу дня приходитъ въ Рамцы почтовый поѣздъ изъ Петербурга. Роцинъ написалъ отвѣтъ и самъ понесъ письмо на вокзалъ.

— Я очень рада за Ольгу Николаевну, — сказала Малахова мужу, входя въ его комнату. — Она изстрадалась, бѣдная, да и дѣти...

Она посмотрѣла на мужа и добавила:

— Но ты, кажется, не раздѣляешь моего взгляда или не вѣришь другу?

— По правдѣ сказать, да.

— Почему же?

— Не усидить долго Авениръ здѣсь: это не въ его натурѣ. Но это все-таки хорошо, что онъ перевозитъ сюда семью. Пусть онъ здѣсь отдохнетъ, освободится отъ этой накипи... Впрочемъ, какъ знать, — продолжалъ Малаховъ задумчиво: — всею бываетъ; можетъ быть, онъ останется и совсѣмъ.

— Объ этомъ ужъ намъ надо позаботиться, Ювеналій, — сказала Наталья Павловна.

— Что мы сдѣлаемъ? — возразилъ мужъ. — Авениръ не ребенокъ. Позаботиться можно. Но натура тутъ, другъ мой, сильнѣе всего! Надо только объ одномъ позаботиться — какъ можно дольше его задержать здѣсь. Здоровая тишина, можетъ быть, его вылечитъ, а тогда онъ и самъ не пойдетъ по старой дорогѣ. Но натура, натура, Наташа! Хорошій онъ человекъ въ сущности, но рабъ своей природы. Увлекается сильно, прыжокъ иногда можетъ такой сдѣлать, что, думаешь, вотъ сейчасъ въ святые попадетъ. А тамъ, глядишь, трахъ, и полетѣлъ внизу. Я его видѣлъ уже во всякихъ передѣлкахъ.

Наталья Павловна посмотрѣла на мужа и промолвила медленно, обдумывая что-то:

— Да, ты правъ. Ну, нѣтъ какъ Богъ.

Малаховъ вышелъ на балконъ.

По шоссе быстро неслась бричка, запряженная въ пару; на козлахъ, рядомъ съ возницей, сидѣлъ Роцинъ, который, замѣтивъ Малахова, снялъ шляпу и сталъ махать. Въ бричкѣ сидѣли дама въ широкой соломенной шляпѣ и какой-то господинъ въ цилиндрѣ.

— Съ кѣмъ это онъ? — промолвилъ недоумѣвающе Малаховъ и пошелъ съ балкона, чтобы встрѣтить неожиданныхъ гостей.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ женой.

— Наташа! Авениръ везеть къ намъ какихъ-то даму и мужчину. Я не могу узнать ихъ.

И онъ сталъ спускаться съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи жену.

Когда Малаховъ вошелъ въ садъ, пріѣхавшіе уже входили въ него.

Впереди шла средняго роста, очень красивая молодая женщина съ вьющимися бѣлокурыми, льняного цвѣта волосами, пышнымъ ореоломъ обрамлявшими овальное лицо съ прозрачной бѣлизной кожи, какъ у восковыхъ фигуръ. Румянецъ слегка оттѣнялъ щеки. Голубые глаза глядѣли весело.

Женщина была одѣта въ шерстяное платье изсиня-сѣраго цвѣта, съ вычурной прозрачной вышивкой, черезъ которую просвѣчивала нижняя синяя шольвовая юбка. Такая же вышивка покрывала гладкій лифъ съ напускомъ на груди и узкіе длинные рукава съ внушительными раструбами у запястья.

— Можетъ быть, мы вамъ помѣшали, говорите прямо! Впрочемъ, мы въ вамъ съ радостной вѣстью, и потому, думаю, вы не будете очень досадовать на наше посѣщеніе.

Глаза блондинки смѣялись не то беззаботно-весело, не то какъ бы съ легкой ироніей.

— Могу сказать только одно: очень радъ видѣть васъ, — отвѣтилъ Малаховъ, пожимая маленькую ручку. — Какимъ это образомъ вы надумали посѣтить насъ, здѣшнихъ отшельниковъ?

— А вотъ это все объяснить вамъ Сержъ, — сказала дама, кивая головой въ сторону мужа, стоявшаго за нею.

Сержъ, или, иначе, Сергій Осиповичъ Релятскій, былъ шатѣнъ, довольно высокаго роста, съ красивымъ, но блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, которому стриженная влиномъ борода придавала возлиный видъ. Одѣтъ Релятскій былъ въ безукоризненно сшитый смокингъ. Отъ всей фигуры его вѣяло щеголеватостью, и какъ-то сразу было видно, что Релятскій любить пожить и понимаетъ толкъ въ благахъ жизни. Онъ съ женой былъ вполне пара.

Пока жена говорила, онъ съ легкой улыбкой глядѣлъ на Малахова и теперь, подхвативъ послѣднюю фразу жены, промолвилъ, вѣрнѣе пожимая руку хозяину:

— Да это моя миссія, для этого я и пріѣхалъ. И надѣюсь, что не безплодно.

Рощинъ, расплачивавшійся съ извозчикомъ, тоже вошелъ въ садъ.

— Ювеналій, — воскликнулъ онъ, перебивая Релятскаго: — берегись, къ тебѣ явились искусители.

— Извините, Авениръ Львовичъ, не искусители, а друзья и союзники, — поправилъ Релятскій.

Въ садъ спустилась и Наталья Павловна. Она была знакома съ Релятскими и, увидавъ блондинку, уже гладившую собаку, доверчиво вилявшую хвостомъ, проговорила:

— Нина Аркадьевна! Какими судьбами?

— Не ожидали, да? — отвѣтила Релятская и, обнявъ Наталью Павловну, крѣпко расцѣловалась съ нею.

— Не ожидали, но очень рады.

— И знаете, съ какими вѣстями?

— Не знаю, но, несомнѣнно, съ добрыми.

— Конечно. Вы видите, какъ ласкова ваша собака, — а собаки чувствуютъ друзей. Рошинъ меня предупреждалъ, что вашъ церберъ злой.

— Но онъ золъ только къ бѣдно одѣтымъ. Этотъ церберъ хозяйскій, а не нашъ, но удивительно аристократическаго направленія, — не любитъ плохо одѣтыхъ.

— Ха, ха, ха! — замялась Релятская. — Вотъ странно: у такихъ демократовъ и аристократическое направленіе цербера! Да, онъ хозяйскій! А кто вашъ хозяинъ?

Нина Аркадьевна болтала, какъ ребенокъ, и ея свѣжій голосъ звенѣлъ, какъ колокольчикъ, въ тепломъ воздухѣ.

— Вы у насъ ночуете, разумѣется? — спросила Малахова, усаживая гостью на скамью у стола, который прислуга уже накрыла скатертью.

— О, нѣтъ, — отвѣтила Релятская: — мы только до курьерскаго... Вѣдь это серьезно, что мы по дѣлу къ вамъ. Сержъ! — прибавила Нина Аркадьевна, обращаясь къ мужу: — ты что же, сообщилъ уже о цѣли приѣзда?

Мужъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Нѣтъ, милость; это за чаемъ. За чаемъ лучше; встать, мнѣ чертовски хочется пить.

У палисадника въ эту минуту остановилась телѣжка. Стулъ колесъ привлекъ вниманіе разговаривающихъ. Они обернулись.

— А, Савелій Пафнутьевичъ, — произнесъ Малаховъ и крикнулъ: — Милости просимъ, прямо къ чаю!

— Кто это? — шопотомъ спросилъ Релятскій.

— Заводчикъ одинъ, крестьянинъ, состоятельный человекъ и очень умный.

— Дѣти у него съ высшимъ образованіемъ, — добавилъ Рошинъ.

— Ба, ба! — протянул Релятскій, оттопыривъ губу: — Это очень интересно!

Вошелъ Кіотниковъ. Малаховъ познакомилъ его съ Релятскими. Нина Аркадьевна съ любопытствомъ оглядывала Кіотникова, и легкая улыбка скользнула на ея губахъ, когда Савелій Пафнутьевичъ проговорилъ, обращаясь къ Малаховой:

— Э, золотая барынька, вы ужъ китайской травки мнѣ плесните!..

Всѣ размѣстились около стола.

— Какъ вамъ здѣсь нравится? — спросила Наталья Павловна Релятскую.

— У васъ очень мило, но, я думаю, скучно.

— Да, ужъ не такъ, какъ у васъ въ Павловскѣ.

— Ну, знаете, мнѣ и Павловскъ надоѣдаетъ. Я немедленно утащила бы Сержа за границу, но эта газета... Ахъ, pardon, ты, кажется, еще не сказала, я тебя предупреждаю...

— Нѣтъ, что же, можно приступить и къ дѣлу, — отвѣтилъ мужъ, закуривая сигару.

Рошинъ подмигнулъ Малахову и сдѣлалъ выразительный знакъ Натальѣ Павловнѣ.

Та съ недоумѣніемъ посмотрѣла на его оживленное лицо.

— Вы знаете Картошкина? — проговорилъ Релятскій, обращаясь къ Малахову.

— Это тотъ, у котораго чуть не двадцать домовъ въ Петербургѣ?

— Онъ самый.

— Знаю немного, — и что же?

— Онъ на дняхъ получаетъ разрѣшеніе на изданіе газеты.

— Картошкинъ? На что ему газета?

— Ну, какъ сказать, на что... Это...

— Ахъ, Ювеналій Никандровичъ, — вмѣшалась Релятская: — это все затѣя Сержа; онъ уговорилъ Пахома Сосипатровича... такъ его взмылилъ, что тотъ на стѣну полѣзъ: хочу газету, ха, ха, ха!

— Ну, мой другъ, — съ легкой улыбкой возразилъ Релятскій: — Картошкинъ не такой ужъ глупый, онъ много читаетъ и любитъ...

— Но онъ едва ли правильно сумѣетъ подписать фамилію, — замѣтилъ Малаховъ.

— Ахъ, что вы! — заступаясь, воскликнулъ Релятскій. — Это неправда! Пахомъ Сосипатровичъ не получилъ систематическаго образованія, но онъ очень просвѣщенный человекъ.

— Это Пахомъ-то просвѣщенный!—сказалъ Кіотниковъ, отлебивая съ блюдечка чай.—Новость!

— А вы развѣ его изволите знать?—освѣдомился Релятскій.

— Полагаю, что не меньше, чѣмъ вы... Я еще его знавалъ, когда онъ и въ почетѣ не былъ. Дѣло свое онъ ведетъ хорошо, это вѣрно, но насчетъ просвѣщенія, ужъ не знаю, въ чемъ оно у него?—развѣ въ томъ, что помимо жены французенку завелъ себѣ, да, какъ попугай, чужія слова повторяетъ. Это можетъ быть!

— У него большая и прекрасная бібліотека.

— Видѣлъ; книгъ, дѣйствительно, немало, и все въ хорошихъ переплетахъ. Да только читаетъ ли онъ ихъ, вотъ въ чемъ вопросъ?

— Вкусы бываютъ разные; я, раздѣн, не могу согласиться съ вами относительно Пахома Сосипатровича. Но дѣло не въ этомъ.

— А въ его капиталахъ, конечно,—произнесъ Кіотниковъ и, подавая чашку Натальѣ Павловнѣ, промолвилъ:—Плесните-ка еще, барынька.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ Релятскій, какъ бы не слыша послѣднихъ словъ Кіотникова:—Пахомъ Сосипатровичъ желаетъ дать настоящей живой органъ печати и за деньгами не стоитъ. Меня онъ пригласилъ редактировать всю хроникку, вести театральнй отдѣлъ, завѣдывать спортомъ и вообще, такъ сказать, всѣмъ тѣмъ, что на злобу дня; общая редація будетъ принадлежать Голубцову. Это журналистъ опытный и человѣкъ съ темпераментомъ. А это—главное. Довольно мертвечины въ прессѣ!

— Голубцовъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій,—замѣтилъ Малаховъ.

— Вы хотите сказать, безъ приходскихъ тенденцій,—поправилъ Релятскій.—Это и отлично. Право, намъ эта приходчина... надѣла. Но вы не отнимете у Голубцова таланта, умѣнья, нюха, словомъ—тѣхъ качествъ, которыя нужны и безусловно даже необходимы для журналиста.

— Ахъ, Маркъ Викторовичъ прелесть, что за человѣкъ!—воскликнула Релятская.—Онъ мертваго подыметъ. Сколько у него огня, энергіи! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ жить и работать. Я отъ него въ восторгѣ! Я просто, кажется, влюблена въ него!

— Мой другъ! что ты говоришь!—съ улыбкой остановилъ ее Релятскій.

— Сержъ! я говорю при тебѣ, значить, ничего опаснаго нѣтъ.

— Ну, какъ сказать... Однако, мы удалились въ сторону.

Такъ вотъ, Ювеналій Никандровичъ: основывается большая газета. Я хотя и не редакторъ, но, такъ сказать, первое лицо въ редакціи, потому что даже Голубцова я предложилъ Картошкину... И онъ не пойдетъ противъ меня ни въ чемъ. А я хочу, очень хочу,—Релятскій подчеркнулъ это слово,—чтобы вы приняли дѣятельное участіе въ нашей газетѣ.

— Да, да, Ювеналій Никандровичъ,—подхватила жена:—пожалуйста, не откажите Сержу... Вы будете очень полезны. Это не только его, но и мое желаніе.

Малаховъ повлонился и произнесъ:

— Крайне польщенъ, Нина Аркадьевна, и очень благодаренъ, но чѣмъ же я могу быть полезенъ, и почему именно я? Съ Голубцовымъ мы во многомъ не сходимся.

— Но Сержъ васъ считаетъ своимъ другомъ.

Малаховъ засмѣялся.

— Я очень цѣню дружбу Сергѣя Осиповича, но... мы съ нимъ тоже во многомъ не сходимся, какъ писатели.

— Позвольте, Ювеналій Никандровичъ,—перебилъ Релятскій:—я это знаю, но это не можетъ нисколько мѣшать дѣлу. Вы позволите мнѣ разъяснить вамъ нѣсколько мой взглядъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я врагъ всякихъ стѣсненій. Вы смотрите такъ,—прекрасно, это ваше дѣло! А я иначе,—не стѣсняйте меня. Всякій имѣетъ право смотрѣть и думать по-своему. Не такъ ли?

— Конечно, но тогда въ одной газетѣ...

— Радон, это глубокая ошибка—смотрѣть такъ узко. Бога ради, простите! Вы думаете, что читателю очень пріятно стройное направленіе? Да позвольте: у газеты подписчиковъ тысячь сорокъ-пятьдесятъ. Неужели всѣ смотрятъ одинаково? Никогда! Да, наконецъ, интересно выслушать всякое мнѣніе. По-моему, главное одно: чтобы было талантливо. Газета должна сообщать обо всемъ, знакомить со всѣмъ, со всѣми теченіями, мнѣніями, и пр., и пр. Положимъ, вопросъ объ общинѣ: отлично! Дайте ваше мнѣніе. А гдѣ правда—ну, читатель самъ можетъ сдѣлать выводъ. Да, наконецъ, мы это заключеніе ему дадимъ, но это не мѣшаетъ удѣлять мѣсто и тѣмъ, кто съ нами не согласенъ. Живо, интересно, талантливо—вотъ въ чемъ вся суть. И это у насъ будетъ. Вы знаете, кто ужъ далъ слово работать? У насъ будетъ сотрудничать Дудкевичъ. Перо легкое, остроумное...

— Но Дудкевичъ у Коровина.

— Мы прибавили ему тысячу рублей, онъ къ намъ переходитъ. Развѣ ему не все равно, гдѣ писать? Онъ и къ Коро-

вину перешель отъ Пискарева, потому что Коровинъ ему набавилъ.

— Коровинъ опять набавить, потому что Дудкевичъ у него первая скрипка.

— Ну, вѣтъ-съ! мы уже подписали контрактъ и оградились неустойкой. Да дѣло не въ этомъ... Такъ вотъ-съ: Дудкевичъ—это разъ; затѣмъ Шишкинъ. Правда, онъ прежде писалъ въ консервативномъ духѣ, но теперь онъ себя реабилитировалъ, и молодежь его любитъ. Онъ—хорошій фельетонистъ. Не правда ли?

И такъ какъ Малаховъ молчалъ, то Релятскій, дожидаясь секунду, продолжалъ:

— Затѣмъ будетъ извѣстный публицистъ Щукинъ. Вы знаете, какимъ успѣхомъ пользуются его бесѣды въ провинціи? Онъ бьетъ, какъ молотъ, провинція имъ зачитывается.

— А я-то зачѣмъ вамъ? — промолвилъ Малаховъ.—Что я могу дать?

— Вы? Боже мой! Вы намъ необходимы, какъ человѣкъ, знающій народъ, деревню. Я говорю вамъ: мы смотримъ на дѣло широко. Мы должны удовлетворить всѣмъ желаніямъ. Вы дополните ту сторону, какая у насъ отсутствуетъ. Вы и какъ беллетристъ, и какъ публицистъ для насъ нужны, что насущный хлѣбъ. И вотъ я предлагаю вамъ: все о деревнѣ возьмите подъ свое крыло. Въ этой области васъ никто не будетъ стѣснять. Никто не будетъ вмѣшиваться, вы—полный хозяинъ, и все, что напишете—это все для насъ. Конечно, вы будете редактировать и беллетристическій отдѣлъ.

— Но я пишу теперь немного.

— И не надо много. Романъ, повѣсть въ годъ—и отлично. А статьи, ну, это само собой, и редактированіе... Насчетъ обезпеченія... о, въ этомъ отношеніи вы удивитесь нашей щедрости.

Рощинъ не удержался и предупредилъ Релятскаго:

— Ювеналій! тебѣ хотятъ предложить восемь тысячъ, помимо гонорара за беллетристику.

— Да-съ, восемь тысячъ помимо гонорара, — подтвердилъ Релятскій и обвелъ всѣхъ присутствующихъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

— Гм! жалованье министерское, — проговорилъ Кіотниковъ.

— Да, Савелій Пафнутьевичъ, вы говорите правду, — произнесъ Малаховъ.—Но позвольте, — добавилъ онъ, обращаясь къ Релятскому:—Вѣдь вы, конечно, потребуеете моего переѣзда въ Петербургъ?

— О, да, конечно!—въ одинъ голосъ воскликнули супруги.

И прежде, чѣмъ успѣлъ отвѣтить Малаховъ, Релятская проговорила, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Дорогая, Наталья Павловна! Какъ это будетъ славно! У насъ постоянная ложа въ оперѣ, и мы съ вами...

Какъ громъ, поразилъ всѣхъ отвѣтъ Малахова:

— Въ Петербургъ я не поѣду.

— Какъ! при такихъ условіяхъ?

— Даже при такихъ.

— Но отчего же, отчего?—растерянно произнесъ Релятскій, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, а напротивъ, думавшій поразить Малахова цифрой вознагражденія и ожидавшій отъ него полнаго согласія.

— Оттого, что я не хочу жить въ Петербургѣ, это разъ.

— А во-вторыхъ?—спросилъ Релятскій уже какимъ-то упавшимъ голосомъ.

— А во-вторыхъ, я не хочу снова запрягаться въ эту лямку, погружаться въ газетную тину и перебрасываться отъ работы къ работѣ, кипѣть, какъ въ котлѣ. Я испыталъ уже эту каторгу, и слава Богу, что избавился отъ нея, отбылъ, и теперь живу на свободѣ.

— Вотъ это хорошо сказано!—воскликнулъ Кіотниковъ.

И хлопнувши по плечу сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Малахова, старикъ добавилъ:

— И не прельщайся деньгами, не жадничай, не ходи туда, сиди здѣсь! Здѣсь и тебѣ лучше, да и отъ тебя другимъ лучше.

— Вотъ ужъ не понимаю этого, что хотите, не понимаю!—воскликнулъ Релятскій, разводя руками.

Улыбка—не то сожалѣнія, не то разочарованія—блуждала на губахъ его жены.

— Я понимаю,—продолжалъ Релятскій:—уходи въ деревню, ради спасенія силъ, таланта, такъ какъ здѣсь жизнь дешевле... Но когда такіа условія...

— Вы сказали: для спасенія таланта, — перебилъ Малаховъ: — вотъ именно я и хочу его спасти, потому и остаюсь здѣсь. Я хочу быть только беллетристомъ-художникомъ, а въ городѣ мнѣ придется размѣниваться...

— Ювеналій Никандровичъ, но вамъ не надо писать изъ-за нужды!

— Все равно: я буду раздвигаться и раскидываться. Я не могу...

— А Достоевскій,—замѣтилъ Роцинъ:—вотъ вѣдь онъ издавалъ „Дневникъ Писателя“!

— Конечно,—подхватилъ Релятскій:—Федоръ Михайловичъ не могъ молчать, какъ публицистъ, если этого требовала жизнь! Малаховъ повачалъ головою.

— Вы ошибаетесь, господа,—сказалъ онъ:—во-первыхъ, Достоевскій не потому издавалъ „Дневникъ“, что не могъ молчать, а потому что заставляла нужда: онъ не хотѣлъ писать романы тогда, когда нѣтъ никакого влеченія. Будь онъ обезпеченъ, онъ никогда бы не сталъ разсмѣиваться и то же самое сказалъ бы, какъ художникъ, и это было бы еще лучше. Это разъ. А во-вторыхъ; ну, когда душа потребуешь, такъ сказать, неотступно высказаться публицистически,—пусть художникъ превращается въ публициста. А вѣдь тутъ не то: приходится считаться съ потребностями читателей, съ газетой, съ разными условіями... Надо писать, хочешь—не хочешь. И эта вѣчная суета... Нѣтъ, Богъ съ этимъ со всѣмъ! Я хочу творить въ тиши, безъ кнута, хочу и писать, и жить, какъ всѣ... быть не только лѣтописцемъ, но и дѣлать маленькую деревенскую исторію.

Онъ разсмѣялся, какъ бы желая смягчить свой отвѣтъ.

— Вы говорите такъ рѣшительно и горячо,—произнесъ Релятскій,—что...

Онъ пожалъ плечами и хотѣлъ что-то прибавить, но ему помѣшала жена.

— Нѣтъ, Ювеналій Никандровичъ, этого я не могу допустить!—воскликнула она, выражая протестъ всей своей тонкой, вертлявой, какой-то декадентской фигуркой. — Въ самомъ дѣлѣ: такія блестящія условія, Сержъ такъ хлопоталъ, ему... намъ такъ хочется, — да, наконецъ, мнѣ положительно жалко бѣдную Наталью Павловну: какъ можно засадить молодую женщину въ такую трущобу! Простите, это преступленіе! Это насиліе!

— Только не насиліе, Нина Аркадьевна! — возразила Малахова.

— Ахъ, не увѣряйте меня, Наталья Павловна!—воскликнула гостя:—всѣ жены такъ говорятъ, чтобы оправдать своихъ супруговъ, или... чтобы выгородить самихъ себя, скрыть свое „вѣрнопопданничество“... Вотъ ужъ я въ этомъ случаѣ—ни-ни: на іоту не уступлю Сержу. Онъ знаетъ, что я люблю его, но—скажи онъ: оставь Петербургъ!.. Ни за что не соглашусь! За границу—да, извольте... А то онъ выдумалъ какъ-то ѣхать въ провинцію; я сказала прямо: не ѣду! Поѣзжай одинъ, а я останусь здѣсь. Чтобы я зарылась въ глушь—сохрани Богъ! О, всѣ мужчины—эгоисты... а литераторы еще больше, хотя и пишутъ о любви и прочихъ прекрасныхъ матеріяхъ.

Она засмѣялась, встала и прошлась по дорожкѣ.

— Нина Аркадьевна! вы соблазните Авенира, и онъ отмѣнитъ свое рѣшеніе,—замѣтилъ Малаховъ.

— Какое рѣшеніе? — спросила Релятская, останавливаясь передъ Малаховымъ.

— Да онъ тоже намѣренъ поселиться здѣсь.

— Какой вздоръ! Этого никогда не будетъ... Авениръ Львовичъ, вѣдь вы принимаете предложеніе Сержа? Значитъ, вы поселитесь въ Петербургѣ!

— Да? ты уже передумалъ? — обратился къ другу Малаховъ.

Роцинъ вскочилъ съ мѣста.

— Право, не знаю, что дѣлать! Мнѣ очень здѣсь нравится... и я хотѣлъ бы отдохнуть, но... знаешь, Ювеналій, это такое живое дѣло... при томъ полная самостоятельность...

— А письмо къ женѣ?

— Ну, это ничего не значить! Пусть она сюда переѣзжаетъ, дѣтямъ деревня полезна... Это такъ близко отъ Питера, — я буду навѣщать каждую недѣлю, даже чаще... А потомъ я и самъ переберусь сюда... Да, если хочешь, я это такъ говорю, а я, можетъ быть, и останусь здѣсь, хотя живое дѣло, живое!..

— Никогда не будетъ этого, чтобы вы здѣсь остались, — властно произнесла Релятская. — Да, да, не будетъ, такъ и знайте, Авениръ Львовичъ! Я не хочу этого... Что вы тутъ станете дѣлать? Это съ вашей-то натурой, съ вашей любовью къ городу?

Малаховъ засмѣялся.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ онъ: — тебѣ не выбратъся изъ города! Что, Наташа? А ты еще...

Это задѣло Роцина.

— Позволь, Ювеналій, я повторяю, что еще ничего не рѣшилъ окончательно... Я вотъ съѣзжу съ Сергѣемъ Осиповичемъ, все узнаю, посмотрю... Ты скорѣ на приговоръ... погоди!

Кютниковъ погладилъ бороду и промолвилъ какъ бы про себя, но вслухъ:

— И силенъ же Питеръ своими соблазнами, такъ и тянетъ всѣхъ... Всѣ говорятъ о деревнѣ, а нието ей послужить не хочетъ.

— Какъ нието? Да вотъ мы начинаемъ дѣло... развѣ мы игнорируемъ деревню? Мы и ей будемъ служить, — сказалъ Релятскій.

— Эхъ, господинъ, при чемъ тутъ народъ и деревня! Дай вамъ Богъ всякаго успѣха, а только вы о народѣ оставьте: — все это затѣвается для барской публички.

— Но интересы-то народа?

— Какіе интересы?—перебилъ старикъ:—развѣ газета ваша для народа? для чтенія деревенскаго простаго человѣка?

— Вы вотъ про что!

— Да-съ...

— Ну, есть и для этой публики, есть... напримѣръ...

Релятскій какъ бы затруднялся назвать.

— Вы хотите указать на разные „Листки“? — помогъ ему Малаховъ.

— Хотя бы...

— Ну, это что за пресса!—промолвилъ Роцинъ:—она раз-
вращаетъ народъ, простаго читателя...

— А кто же виновать-то, господинъ хорошій? — спросилъ Кіотниковъ.—Отчего туда никто не посылаетъ хорошаго?

— Савелій Пафнутьевичъ! да кто же туда пойдетъ? Вѣдь это не литература...

Роцинъ брезгливо поморщился.

— Да вѣдь ихъ простой-то человѣкъ читаетъ?

— Читаетъ.

— Такъ вы чего же его не пожалѣете, господинъ? За-
чѣмъ же ему вредное-то читать? Вы ему дайте хорошее чтеніе.

— То-есть, идти въ эти газеты?—спросилъ Роцинъ.

— Хотя бы...

— Ну, это унизительно!

— Да почему же? Забавлять и смѣшить барина не унизи-
тельно, а простаго человѣка хорошему поучить — унизительно...
не понимаю!

— Я согласенъ съ Савеліемъ Пафнутьевичемъ,—произнесъ
Малаховъ:—это у насъ глупое предубѣжденіе, прямо какой-то
предразсудокъ. Важно — что писать, зачѣмъ, а не то — гдѣ...
Свѣтъ именно и надо вносить во тьму...

— А плата, Ювеналій Никандровичъ? Народныя газетки —
хотя ихъ всего одна-двѣ—платять гроши!—замѣтилъ Релятскій.

— А у васъ на первомъ планѣ гонораръ?

— Но жизнь, Ювеналій? Все дорого!—воскликнулъ Роцинъ.

— Гдѣ, Авениръ? Въ твоемъ возлюбленномъ Питерѣ? Вѣрно.
Вотъ потому-то и лучше жить въ деревнѣ, гдѣ все дешево. Я
могу работать за такую плату, за какую ты не можешь... вѣрно.

— Здѣсь нѣтъ жизни,—возразила Релятская, уже снова си-
дѣвшая рядомъ съ хозяйкою.—И зачѣмъ это жертвоприношеніе
на алтарь мужика! Вы дѣлаете кумиръ изъ лапта... фи! Это
старо. Да и у кого талантъ, тотъ долженъ пользоваться и жить!

Вы, пожалуй, скажете, что и Шаляпинъ долженъ за сто рублей пѣть въ балаганахъ?

— Зачѣмъ же! — возразилъ Малаховъ. — Этого никто не скажетъ.

— Почему же?

— Во-первыхъ, народу и не надо непременно Шаляпинскаго пѣнія... Это—роскошь... Но еслибы можно было хорошую оперу дать народу... Я не скажу—мужику даже, а небогатому городскому обывателю,—то, разумѣется, это недурно, потому что балаганъ съ его забавами—это не идеаль. Я вообще не одобряю артистической жадности и этой эгоистичности со стороны таланта! Талантомъ надо служить родинѣ, а не пускать его въ оборотъ за непомѣрные проценты, какъ это дѣлаютъ съ капиталомъ ростовщики.

— Это возмутительно!—воскликнула Релятская.—Вы проповѣдуете какое-то подвижничество! Но вѣдь талантливые люди не юродивые! Съ какой стати талантливому человѣку продавать себя за гроши и чуть не нуждаться! Талантъ—драгоценнѣйшій капиталъ, и его обладатель имѣетъ право получать самые высокіе проценты... Чѣмъ больше—тѣмъ лучше! А то что такое: гостинодворцы будутъ ѣздить на рысакахъ, а писатели — эта соль земли—ютиться въ мансардахъ и ходить въ рваныхъ резиновыхъ калошахъ... Это несправедливо!

— Вы берете крайности, Нина Аркадьевна!—возразилъ Малаховъ. — Зачѣмъ мансарды? Но можно и не бросать сотни въ загородныхъ ресторанахъ, на подобіе гостинодворцевъ. Не купчики же—примѣры для тѣхъ, кто, по-вашему, „соль земли“!

— Да, но и не схимовахи же, надѣюсь?

— Если хотите, то подвижники скорѣе могутъ быть прихѣромъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но я не требую этого. Надо только помнить, что талантъ дается не для того, чтобы на него... простите!.. содержать кокотовъ и жить во-всю. Онъ—даръ неба, и имъ надо служить если ужъ не человѣчеству—это слишкомъ грандіозно,—то хотя родинѣ.

— Да, но не издателямъ же, которые на счетъ писателей содержатъ кокотовъ!—волко замѣтила Релятская.

— Пускай, но я этого не говорю. Тутъ завидовать, право, нечему. Но я стою за интересы страны, а не издателей... почему вы на меня нападаете?

Малаховъ улыбнулся при послѣдней фразѣ.

— Я не нападаю на васъ, но я защищаю писателей... И что же вы: точно они не родинѣ служатъ?

— Не всегда, Нина Аркадьевна! Возьмите послѣдній романъ Мерченко: это идеализація разврата. Съ такимъ талантомъ и чему служить!

— Не троньте моего милаго Виктора Васильевича: у него все такъ интересно... каждая пустая вещица—преlestь!

Релятскій перебилъ жену:

— Мы вдаемся въ общія сужденія, а время идетъ... Ювеналій Никандровичъ, такъ вы положительно не принимаете нашихъ условій?

— Не принимаю безусловно!—отвѣтилъ Малаховъ.

— А если Наталья Павловна... вы ее спросили?—опять замѣтила Релятская.

— Но вы не ей, а мнѣ предлагаете,—улыбаясь, отвѣтилъ Малаховъ.

— Но если она...

— Захочетъ жить въ столицѣ?—дovончилъ Малаховъ.—Это ея дѣло, я насиловать ее не стану; но я останусь здѣсь.

— О, вы тиранъ!—воскликнула гостья.

— Напротивъ: даю полную свободу... Но мнѣ кажется, Нина Аркадьевна, что вы ошибаетесь насчетъ вкусовъ моей жены. И онъ обратился къ Натальѣ Павловнѣ:

— Что ты скажешь?

— Я уже сказала... Еслибы иначе, то я не жила бы здѣсь давно.

— Вы слышали, Нина Аркадьевна?

— Ахъ, это...

Релятская не кончила, пожала плечами и съ досадливой миной откинулась на спинку садовой скамейки.

— Хвалю,—промолвилъ Кіотниковъ.—Что дѣло—то дѣло.

Эти слова разозлили Релятскаго.

— Я удивляюсь вамъ,—сказалъ онъ волко:—вы стоите за народъ, отчего же не издаете для него нарочитой газеты? Вотъ въ ней и Ювеналій Никандровичъ принялъ бы на себя редакцію.

Старикъ вдумчиво посмотрѣлъ на Релятскаго и промолвилъ спокойно:

— Куда намъ, господинъ, съ суконнымъ рыломъ, да въ калашный рядъ! Я не Пахомъ, не за свое дѣло не возьмусь.

— Но Ювеналій Никандровичъ...

— Я его, господинъ, очень люблю и уважаю, но и съ нимъ такого дѣла не начну, гдѣ я не могу быть не только компаньонномъ, а и въ чернорабочіе не гожусь. Я ему вѣрю, да несуразно самому, какъ слѣпцу ходить.

Кіотниковъ отеръ потъ съ лица большимъ вѣтчатымъ платкомъ и продолжалъ:

— А Ювеналій Никандровичъ правильно разсуждаетъ: чего ему идти туда, гдѣ все кипитъ, какъ въ котлѣ? Здѣсь у него есть дѣло, да и свою службу онъ несетъ какъ слѣдуетъ. Кто любить городъ, примѣрно, хотя бы господинъ Рощинъ... Ему, видать, безъ городу и не дыхнуть, присосался...

Малаховъ громко расхохотался.

— Удивительно мѣтко вы выражаетесь!—сказалъ онъ Кіотникову:—Авениръ именно присосался. Да проживи еще я лѣтъ пять, шесть, и мнѣ не выбраться бы, пожалуй! Я какъ разъ въ-время ушелъ.

— И слава Богу,—провзнесъ Кіотниковъ:—здѣсь-то лучше. А вотъ господинъ-то хотѣлъ меня уворить, а ему спасибо скажу: газеты издавать не стану, на это у меня и кипки не хватитъ: деньги мои небольшія, да и тѣ въ дѣлѣ... А вотъ если хорошія книжки, такъ двѣ-три, это можно испробовать, тутъ не много надо, да и я понимаю, что мужику-то нужно... Мы съ тобой, Ювеналій Никандровичъ, объ этомъ послѣ потолкуемъ.

Релятскій переглянулся съ женой.

— Новая издательская фирма въ Рамцахъ,—сказалъ Релятскій полушутливо, полуйронично.

— Какая фирма, мы по мелочной торговлѣ,—также не безъ ироніи отвѣтилъ старикъ.

XIX.

Кіотниковъ скоро уѣхалъ, обѣщаясь опять заглянуть на недѣлѣ.

Гости пробыли до девяти часовъ. Малахова предложила имъ пройти по шоссе и въ поле, но Нина Аркадьевна испугалась сырости и пьяныхъ.

— У васъ тутъ, вѣроятно, и золоторотцы бродятъ,—сказала она.

— Да что они сдѣлаютъ? Насъ много!—возразилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—упорно отказывалась Релятская:—мы лучше посидимъ въ саду, а потомъ пораньше на вокзалъ...

Она все-таки осмотрѣла квартиру Малаховыхъ.

— Вы совсѣмъ опростились,—сказала она съ улыбкой, въ которой сквозила иронія.—Ювеналій Никандровичъ,—добавила она, обращаясь къ хозяйну:—я прежде васъ не знала... Но

Сержъ такъ много о васъ говорилъ... Я въ васъ не узнаю того Малахова... Ба! А гдѣ же другой беллетристъ?—спросила она.

Наталья Павловна засмѣялась.

— Онъ измѣнилъ всѣмъ намъ... Посмотрите!

Она подвела Релятскую къ периламъ балкона, на которомъ всѣ стояли.

— Видите!..

Въ саду Роцинъ разговаривалъ съ Ритой, держа ее за руку.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ онъ:—Значить, вмѣстѣ и ѣдемъ.

— Куда—вмѣстѣ?—крикнула ему Релятская съ балкона.

Роцинъ поднялъ голову, немножко смутился и выпустилъ руку дѣвушки; Рита сейчасъ же исчезла изъ сада.

— Эта.. барышня ѣдетъ по дѣлу въ Питеръ... Такъ я говорю—вмѣстѣ...

— Но когда же ты ѣдешь?—спросилъ Малаховъ.

— Я?.. А знаешь что: я поѣду вмѣстѣ съ твоими милыми гостями... потомъ вернусь... и захвачу свои вещи... Можетъ быть, тогда и Оля... прѣдетъ сюда. Ахъ, впрочемъ, ей еще надо послать!..

— А для этого надо сначала достать,—со смѣхомъ подсказала Релятская.

— Вы угадали...

— Ну, это мы устроимъ,—покровительственно произнесъ Сергѣй Осиповичъ.

— Спасибо! Тогда я ѣду!

— А барышня?

— И она тоже...

— Какъ?.. На курьерскомъ?—удивленно спросилъ Малаховъ.

— Ну, тутъ близко... Разсчетъ пустой!—отвѣтилъ Роцинъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ отправились на вокзалъ. Рита ушла раньше.

Малахову не нравилось, что дѣвушка ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Роцинымъ и Релятскими.

— И что за спѣшка у нея?... На курьерскомъ... Пустая трата денегъ, когда въ домѣ...

— Ювеналій, не брюзжи, ради Бога!—съ досадою остановилъ друга Роцинъ.—Ты превращаешься въ ворчуна... Это еще рано!

— Вы за что-то пробираете пріятеля?—спросила Релятская, поймавъ фразу Роцина.

— Да, онъ въ деревнѣ сильно измѣнился! — отозвался Рошинъ.

— И къ худшему! — добавила Релятская.

— А я доволенъ своей перемѣной, — сказала Малаховъ.

Они подошли къ вокзалу.

Побѣдъ побѣдоносно подкатилъ къ платформѣ и остановился сразу.

Изъ перваго вагона выскочилъ молодой человѣкъ, въ охотничьей курткѣ, и хотѣлъ прослѣдовать на вокзалъ; но его окликнулъ Релятскій:

— Казанцевъ!.. Вы это куда?

Молодой человѣкъ оглянулся, узналъ Релятскаго и подошелъ къ нему.

— Да вы и съ женой? Ба!.. Тутъ и Рошинъ... изъ Одессы... и Малаховъ!

— Цѣлая редакция! — захохотавъ, произнесла Релятская.

Казанцева знали всѣ.

Малаховъ немножко поморщился, здороваясь, но не подаль вида, что Казанцевъ ему не особенно пріятенъ.

А Казанцевъ объяснялъ:

— Я къ полковнику Рутневу... На охоту... Я уже рѣшилъ на обратномъ пути заѣхать къ вамъ, — добавилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Малахову и какъ бы желая его этимъ осчастливить.

Ювеналій Никандровичъ промолчалъ.

Курьерскій побѣдъ стоитъ въ рамцахъ всего десять минутъ.

Пора было садиться въ вагонъ. Рошинъ познакомилъ Риту съ Релятскими и помѣстилъ ее въ одномъ купѣ съ ними.

Малахову пришлось, противъ желанія, зайти съ Казанцевымъ на вокзалъ.

— Какъ вы здѣсь живете? — спросилъ молодой человѣкъ, садясь за столикъ и наливая себѣ пива. — Скучно?

— Нисколько! — отвѣтилъ Малаховъ.

— Да, я васъ понимаю, — тряхнувъ длинными волосами, произнесъ Казанцевъ: — Вы ушли... чтобы остаться независимымъ художникомъ... Это отлично! Въ этомъ отношеніи вы сошлись съ Вакуловымъ... только пути разные... Онъ сказалъ себѣ: я долженъ выбраться, а не загубить свой талантъ!.. И — женился.

— Когда же?

— Недавно повѣнчался... Я былъ шаферомъ.

— На комъ же?

— На вдовѣ секретаря консисторіи.

— Чтò вы говорите! Но ему всего двадцать-четыре года!

— Положимъ—двадцать-пять!

— А ей?

— Ей—сорокъ-пять... Но у нея имѣнье, заводъ и семьдесятъ тысячъ капитала... Недурно?

— Это чортъ знаетъ чтò такое!.. Это -- прямо гадость!—не сдержавшись, воскликнулъ Малаховъ.

— Ювеналій Никандровичъ,—произнесъ онъ:—вы смотрите немножко узко... по-старому... Наше поколѣние смотреть иначе... Ну, вотъ возьмите—Рощина... Развѣ лучше?.. Ему нѣтъ и сорока... а чтò онъ изъ себя?.. Весь развинулся... А какъ писатель—исписался!

— Это неправда!—горячо воскликнулъ Малаховъ.—Авениръ, дѣйствительно, распаталъ здоровье, но не исписался! А какъ человѣкъ... да онъ со всѣми своими пороками чистъ и праведенъ сравнительно съ этимъ... Вакуловымъ...

Малаховъ поднялся со стула.

— Куда же вы?

— Извините, пора домой... Мы рано ложимся... Да и вамъ время ѣхать: до имѣнья Рутнева—двадцать верстъ.

— Кажется, вы разсердились на меня?—съ иронической улыбкой спросилъ Казанцевъ.

— Нисколько... За чтò?.. Всякій имѣетъ право...

Онъ не договорилъ и простился съ Казанцевымъ.

— Фу, какіе мерзавцы!—промолвилъ Малаховъ, идя по платформѣ.—И эти идутъ на смѣху...

— Не всѣ же такіе, Ювеналій!—замѣтила жена.

— Ну, еще бы!.. Но эти выдвигнутся... увидишь... Вотъ когда можно сказать словами Некрасова: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй!“

Онъ засмѣялся. Въ его смѣхѣ послышалась злоба.

— Успокойся, Ювеналій... не стойтъ!—сказала Наталья Павловна.

Малаховъ промолчалъ.

Подходя къ дому, онъ вдругъ спросилъ у жены:

— Наташа... скажи мнѣ всю правду: ты не страдаешь, живя здѣсь?

— Нѣтъ, Ювеналій!

— Но ты, можетъ быть, дѣлаешь это ради меня... видя, что мнѣ здѣсь полезно... А сама... Ты вѣдь любишь городъ?.. да?..

— Я живу потому, что здѣсь мнѣ хорошо, лучше, чѣмъ въ городѣ!

— Очень радъ, мой другъ!

Малаховъ взялъ руку жены и поцѣловалъ ее.

Но еслибы онъ не былъ сегодня такъ сильно взволнованъ, онъ, вѣроятно, уловилъ бы въ голосѣ жены что-то не вполне искреннее.

Наталья Павловна сказала не всю правду. Она любила мужа и знала, что ея откровенное признаніе отравить его душевный покой.

И она солгала.

Она считала, что такъ — лучше, потому что — ни мужъ не могъ переѣхать въ Петербургъ, ни она — оставить мужа.

XX.

Малаховы получили письмо отъ Ольги Николаевны, которая извѣщала, что на слѣдующей недѣлѣ она выѣдетъ, если только къ этому времени получить деньги на дорогу. Ольга Николаевна просила Наталью Павловну подробнѣе написать обо всемъ. Ропина писала: „Усидитъ ли Авениръ въ Рамцахъ? Чтò, если все не надолго, — зачѣмъ и трогаться?“ Но черезъ нѣсколько строчекъ она прибавляла. „Впрочемъ, я охотно покину Москву и поселюсь тамъ, гдѣ вы. Если Авениръ и будетъ часто уѣзжать въ Петербургъ... съ вами я не соскучусь. Моимъ дѣтишкамъ въ деревнѣ здоровѣе, и ради одного этого я готова жить въ Рамцахъ. Тамъ и дешевле. Я не могу пожаловаться: Авениръ посылаетъ деньги, но на нихъ въ деревнѣ можно прожить, конечно, гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Я рада переѣхать къ вамъ“.

Прочитавъ письмо, Наталья Павловна сказала мужу:

— Какъ же теперь быть: писать обо всемъ ей или нѣтъ?

— Думаю, что не надо, — отвѣтилъ Малаховъ: — это ее смутить... Она права: и ей, и ея дѣтямъ здѣсь лучше. Авениръ станетъ навѣщать, и легче будетъ его уговорить на переѣздъ сюда. Я не думаю, чтобы онъ долго удержался въ газетѣ, да еще вопросъ: долго ли продержится и газета? Наконецъ, посылая деньги, Авениръ, конечно, самъ напишетъ про все женѣ.

— Да пошлетъ ли онъ ихъ скоро? — замѣтила Наталья Павловна. — У нея, вѣроятно, все готово къ отъѣзду и она волнуется.

— Ну, чтò же, тогда пошлемъ деньги Ольгѣ Николаевнѣ, а потомъ получимъ съ Авенира. Вотъ человѣкъ: остался безъ гроша, а погорѣльцамъ далъ двѣсти рублей.

Малахова одобрила предложеніе мужа.

— Я очень люблю Ольгу Николаевну и мнѣ жаль ее, — сказала она. — А это похоже на Рощина.

Малаховъ послалъ деньги и извѣстилъ объ этомъ пріятеля.

„Ты послѣ отдашь мнѣ, — писалъ Малаховъ: — только, пожалуйста, позаботься о дальнѣйшемъ. Я буду очень радъ, если ты передумаешь и поселишься здѣсь. Брось это „живое дѣло“. У тебя живое дѣло — дѣло художника. Отдайся ему всецѣло, пока не поздно. Тебѣ грѣшно размѣнивать твой талантъ, если и не громадный, то и не маленькій. Не будь расточителемъ божьяго наслѣдства“.

Квартирка для Ольги Николаевны была совсѣмъ готова. Ее оклеили новыми обоями. У хозяина мебели оказалось маловато. Но тутъ помогли о. Михайлъ и Вейнтраубе и даже докторъ. Малахова пошутила: „Хотя съ борку, да съ сосенки, но квартира обставлена мило“.

Вернулась Рита, привезла письмо отъ Рощина и объявила, что она тоже переѣзжаетъ въ Петербургъ.

— Это зачѣмъ? — удивленно спросилъ Малаховъ.

— Мнѣ Релятскіе даютъ мѣсто въ конторѣ редакціи. Пятьдесятъ рублей жалованья и комната при конторѣ.

— Но согласится ли вашъ дядя на это? — сказала Наталья Павловна.

— Конечно. Такое жалованье!

— А я думаю, что не согласится, — промолвилъ Малаховъ.

— Это почему? — съ задоромъ спросила дѣвушка.

— Я буду просить его не отпускать васъ.

— Вотъ странно!.. Вамъ-то что?

Голосъ Риты дрогнулъ.

— Глупенькая! — промолвилъ Малаховъ: — вы сами не понимаете, куда и на что идете!

— А вы знаете?

Брови дѣвушки сдвинулись.

— Хорошо знаю, Рита. И какая тамъ контора: у васъ на рукахъ дѣти.

— Они мои, что-ли? — рѣзко кинула Рита. — Вотъ сказали! Я имъ не мать... Ради нихъ зарываться въ этой ямѣ!

— Какъ вы заговорили, Рита! Чьи это вы слова повторяете? Это вамъ Нина Аркадьевна наговорила?

Малаховъ пытливо посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Хотя бы и она, — что жъ такое? Она славная, добрая, веселая... Мы будемъ вмѣстѣ ѣздить въ театръ.

Рита въ слезахъ ушла домой.

— Это ужасно!.. Тамъ дѣвочка погибнетъ... Надо принять всѣ мѣры, чтобы дядя не отпускаялъ.

Ювеналій Никандровичъ говоритъ, волнуясь.

— Его, можетъ быть, соблазнить жалованье,—сказала жена.

— Я ему все объясню. Не дуракъ же онъ и любить сколько-нибудь племянницу.

— А что же писать Роцинъ? — напомнила Наталья Павловна.

— Ахъ, да!

Малаховъ досталъ изъ кармана пиджака письмо, куда онъ сложилъ его, разговоривая съ Ритой, и сталъ читать.

Письмо Роцина было очень горячее. Онъ писалъ: „Газета Картошкина—большое дѣло. Редакція формируется съ рѣдкимъ умѣньемъ. Къ газетѣ применеть все, что есть живого въ литературѣ. Мы покажемъ, какъ надо вести настоящій органъ печати. У издателя денегъ много и онъ ихъ не жалѣетъ. Я уже получилъ авансъ. Спасибо тебѣ за дружескую услугу. Я на дняхъ буду въ Рамцахъ и расквитаюсь съ тобой, и привезу денегъ Ольгѣ. Она, къ этому времени, навѣрное уже будетъ у васъ. Я здѣсь застрялъ невольно: создаются, такъ сказать, министерства при газетѣ. Ты правъ: мое дѣло—дѣло художника. Благодарю за лестное мнѣніе о моемъ талантѣ. Надѣюсь, что ты говоришь не по дружбѣ только или ради завлеченія меня въ Рамцы. Другъ мой! Дай мнѣ еще немного пожить здѣсь и побороться... А тамъ, года черезъ три—все бросаю и дѣлаюсь вѣчнымъ обитателемъ твоей деревни. Вѣрь мнѣ. Вѣрь и тому, что Ольгѣ не придется меня упрекать. Я не знаю, въ какія отношенія она пожелаетъ встать ко мнѣ, но я буду примѣрнымъ отцомъ, и если она можетъ все простить, то и примѣрнымъ мужемъ. Всему конецъ. Письмо тебѣ передастъ Рита. Моралистъ, да не смущается твое сердце: клянусь, не питаю никакого злого умысла на нѣмочку. Больше: я буду стоять на стражѣ ея интересовъ, и никто не дерзнетъ посягнуть на этого прелестнаго котенка. И Нина Аркадьевна поможетъ мнѣ“.

Малаховъ, читавшій вслухъ, бросилъ письмо на столъ и воскликнулъ не то съ досадой, не то съ изумленіемъ:

— Что это такое: смѣется онъ или наивничаетъ? Релятская за стражѣ нравственности Риты!

— Мнѣ кажется теперь,—замѣтила жена,—ни то, ни другое... Роцинъ не отдаетъ себѣ отчета, потому что ему и самому еще смутно это, но онъ хочетъ удержать Риту вблизи себя.

— Какъ, ты думаешь, что у него начинается новое?

— Не утверждаю, — отвѣтила Наталья Павловна, — мнѣ такъ кажется... Вотъ прїѣдетъ, поговори съ нимъ хорошенько.

— Непремѣнно! Но надо уговорить Фреймана... Ахъ, Авениръ! — съ грустью добавилъ Малаховъ: — самъ ищетъ своей гибели! Здѣсь онъ спасъ бы себя во всѣхъ отношеніяхъ... Черезъ три года! Точно это пустяки... А если тогда поздно будетъ? Мало ли погибло даровитыхъ людей. Самъ со мной соглашался, и вотъ...

Малаховъ развелъ руками, взялъ письмо и сталъ его дочитывать.

„Изъ Риты — писалъ Роцинъ — можно сдѣлать развитую женщину. Право, жаль, если она выйдетъ за какого-нибудь телеграфиста и завянетъ прежде времени. Какъ ни говори, а это — нѣжный и благоуханный цвѣтокъ“.

— Еще бы! — замѣтилъ Малаховъ иронично и продолжалъ чтеніе:

„У меня много плановъ. Я буду писать въ газетѣ и обдумывать крупныя работы. Прїѣзжая въ Рамцы, я буду отдыхать, освѣжаться; ну, а все лѣто проживу у васъ и напишу большой романъ, вотъ увидишь! Прощай, спѣшу на редакціонное собраніе. Обнимаю тебя, цѣлую ручки твоей жены (ты позволишь?) и за симъ — твой безпутный Авениръ“.

Въ этотъ же день Малаховъ видѣлся съ хозяиномъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

— Это ничего, — сказалъ Фрейманъ Малахову въ свое оправданіе: — Я буду ѣздить часто и наблюдать...

Малаховъ только пожалъ плечами. Рита уѣхала.

Въ этотъ день онъ встрѣтился на вокзалѣ съ Рутневымъ.

Полковникъ поздоровался съ нимъ и спросилъ:

— Не былъ у васъ Казанцевъ?

— Нѣтъ. А что?

— Ну, и прїатели же ваши...

— Какіе прїатели: Казанцевъ? Онъ вовсе не прїатель; я его мало даже знаю.

— Но онъ сказалъ такъ... Очень радъ тогда... Вѣдь это же... негодяй!

— Котораго вы принимаете?

— Да вѣдь онъ нахаль! Я недавно встрѣтилъ его тетку... плачетъ. Онъ такъ напугалъ старуху, что та откупилаъ и дала ему пятьсотъ рублей.

— Чѣмъ же онъ могъ напугать?

— Тутъ какой-то ссыльный къ ней ходилъ... Казанцевъ ска-

зая, что это социалистъ, и напугалъ тетку... Словомъ — грязь... Ну, ужъ нравы молодой литературы! — закончилъ полковникъ.

— Вы принимаете за писателей проходимцевъ, — сказалъ Малаховъ.

— Но они все-таки литераторы, — произнесъ полковникъ.

И сейчасъ же добавилъ:

— Конечно, больше ко мнѣ Казанцевъ не прїѣдетъ: я его принялъ отлично... ха! ха! Но вообразите: знаетъ меня мало, мы съ нимъ встрѣтились въ одномъ домѣ, и онъ назвалъ самъ на охоту... Я принялъ его нелюбезно: еще бы! Прїѣхалъ ночью, всѣхъ переполошилъ, держится по-хамски... И все-таки, уѣзжая, спросилъ взаимы сто рублей! Я предложилъ двадцать, — ваялъ. Я нарочно, чтобы не ѣдиль: это помогаетъ!

Малаховъ былъ возмущенъ и озадаченъ. Онъ не выносилъ Казанцева, за его наглость, хвостовство... но то, что сообщилъ Рутневъ, для Малахова было новостью: онъ не зналъ такихъ гадостей за этимъ „литературнымъ птенцомъ“.

Возвращаясь домой, Малаховъ думалъ: „Вотъ такой гусь еще вотрется въ Картошкинскую газету, — дѣйствительно, все живое въ литературѣ! И каждый день съ такими встрѣчаться, вести одно дѣло... Нѣтъ, слава Богу, что я стою далеко отъ этого болота съ его миазмами. Но что же это такое? Этого прежде не было... Пши, развратничали, но даже во все это вносили что-то поэтическое, широкое... до такихъ же мерзостей не доходили! Это просто рыцари вяземской лавры полѣзали въ прессу“...

Малахову вспомнился писатель, судившійся за кражу рогонды; потомъ другой — за подѣлку векселей на имя дяди...

Онъ выругался и прибавилъ мысленно, уже входя въ садъ: — „Надо написать Авениру, чтобы они не пускали въ свою газету Казанцева“.

XXI.

Ольга Николаевна прїѣхала и устроилась. Ей понравилось въ Рамцахъ, понравилась квартира... Она заплакала, когда ее встрѣтили на вокзалѣ Малаховы... Дѣти были въ восторгѣ отъ деревни... Прислугу нашли скоро, хотя и не умѣющую готовить хорошо.

— Это ничего, я помогу ей, — сказала Ольга Николаевна. — Пусть она хотя черную работу дѣлаетъ.

Рощину послали письмо. Онъ отвѣтилъ депешей, что будетъ черезъ два дня, въ воскресенье, къ обѣду.

Съ самаго утра въ этотъ день Ольга Николаевна волновалась. Она пригласила обѣдать къ себѣ Малаховыхъ, отправила дѣтей съ Натальей Павловной въ обѣднѣ, а сама съ кухаркой принялась за стряпню. Она помнила тѣ пирожки съ печонкой, которые такъ любилъ мужъ, — и рѣшилась его угостить ими на новосельѣ. Ювеналія Никандровича она просила на вокзалѣ, въ буфетѣ, купить вина.

— Авениръ не любить обѣдать безъ вина, — съ улыбкою сказала Ольга Николаевна.

Когда дѣти вернулись домой, она уже придѣлась и на столѣ ждалъ кофе. Ольга Николаевна оживилась, суетливо хлопотала и безпрестанно поглядывала на часы. Съ каждой минутой ея нервность увеличивалась. Она сама не понимала, что дѣлается съ нею. Вѣдь недавно она видѣла мужа — когда онъ проѣзжалъ черезъ Москву и былъ у дѣтей. Она встрѣтила его почти совсѣмъ спокойно. Что же теперь?.. Не чуетъ ли сердце... что-нибудь недоброе?.. Но что же?..

Ольга Николаевна задумывалась на минуту — и опять принималась за что-нибудь по хозяйству.

Малаховъ, идя изъ церкви, завернулъ на вокзалъ — купить вина, по просьбѣ Ольги Николаевны, и остался дожидаться поѣзда, на которомъ обыкновенно приходятъ газеты изъ Петербурга, для продажи въ кіоскѣ.

Выйдя на платформу, Ювеналій Никандровичъ былъ удивленъ, увидѣвъ Риту и Фреймана, шедшаго сзади. Дѣвушка была взволнована, и на глазахъ ея еще видѣлись слѣды недавнихъ слезъ. Онѣ слышались и въ голосѣ, когда на вопросъ Малахова: — „Вы почему?“ Рита отвѣтила: „Дядя взялъ назадъ!“

Фрейманъ рассказалъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы посмотреть, какъ устроилась Рита и что она дѣлаетъ. Онъ попалъ какъ разъ въ тотъ мигъ, когда Рита возвращалась съ прогулки съ двумя молодыми людьми — будущими сотрудниками газеты. Оба они прошли въ комнату Риты, куда подали чай, и вскорѣ явился Роцинъ.

„А когда же будетъ выходить газета?“ — освѣдомился Фрейманъ. Ему сказали, что съ октября. — „Что же теперь будетъ дѣлать Рита?“ — спросилъ онъ дальше. „О, ей дѣла много“, — опять отвѣтили ему.

— Тогда я, — рассказывалъ Малахову Фрейманъ, жестикулируя руками, — понялъ все. Я сказалъ: о, я вижу, какое это дѣло... Тутъ Ритѣ не служба. Ну, я взялъ Риту за руку и

сказалъ: сію минуту собирай вещи, и мы ѣдемъ. И вотъ мы уѣхали... Господинъ Рощинъ...

— Онъ прѣдетъ сегодня сюда,—сказалъ Малаховъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Фрейманъ: — онъ хотѣлъ, но не будетъ... Онъ ѣдетъ въ Парижъ! Вотъ у Риты есть письмо... Рита, — гдѣ письмо?

Дѣвушка, шедшая впереди, остановилась и подала письмо Малахову. Когда Ювеналій Никандровичъ разорвалъ конвертъ, то въ немъ оказались два письма: одно — къ нему, другое — къ Ольгѣ Николаевнѣ.

Малаховъ, оставъ отъ спутниковъ, сейчасъ же принялся за чтеніе письма, которое было адресовано ему.

„Дорогой другъ!—писалъ Рощинъ.—Ты будешь изумленъ и станешь ругать меня, когда я скажу тебѣ: я сейчасъ уѣзжаю въ Парижъ и даже не могу захватить въ Рамцы... Но иначе нельзя ничего сдѣлать... Случилось такое обстоятельство, что надо свои интересы по-бому!.. Слушай... я тебѣ кратко, но объясню все... Ты слышалъ немного про Зою Мазаровну Перфильеву?.. Ея мужъ — тиранъ. Онъ билъ ее, — ее—красавицу, вѣжную дилію, хрупкое созданіе... Ей удалось вырвать какъ-то у мужа отдѣльный паспортъ... Она прѣехала сюда... Но мужъ уже спохватился и летать тоже сюда... Сегодня онъ будетъ здѣсь... Мы спасаемъ ее... и увозимъ за границу... Вотъ Кіотниковъ ругалъ Картошкина: а это высокоу души человекъ! Онъ далъ тысячу рублей, чтобы спасти бѣдную женщину. Я ѣду... на два-три мѣсяца всего... Устрою ее гдѣ-нибудь въ семействѣ... и — вернусь... Я буду изъ Парижа писать... О, этотъ городъ вдохновитъ меня! Великая нація — великихъ людей! Мнѣ редакція предложила блестящія условія... Это даже лучше... чѣмъ въ Петербургѣ... Но ты не думай, что я тамъ останусь... Боже сохрани! Черезъ два-три мѣсяца я снова въ Петербургъ и въ Рамцахъ! Завтра Релятскій высылаетъ Ольгѣ Николаевнѣ триста рублей... Довольно ей пока... Я ей пишу отдѣльно... Но ты успокой ее... Цѣлую тебя... Цѣлую ручки Натальи Павловны... Твой Авениръ“.

„P. S. Разорвалъ конвертъ и дѣлаю приписку: бѣдная Рита! Этотъ чухонецъ ее увозитъ! Впрочемъ... Прощай!“

Малаховъ не вѣрилъ своимъ глазамъ,—до того письмо было неожиданно по содержанию. Онъ зналъ пріятеля, привыкъ къ его эксцентричностямъ, но такого поступка никакъ не ожидалъ. Перевести семью, послать депешу, заставить всѣхъ волноваться— и вдругъ въ Парижъ! Точно какая-то сказка! Да, въ поступкѣ нѣтъ

ничего сквернаго, низкаго. И онъ, Малаховъ, увѣренъ, что теперь, въ эту минуту, Рощинъ охваченъ только однимъ высокимъ, горячимъ чувствомъ: спасти бѣдную женщину отъ деспотизма негодяя-мужа. Никакое другое чувство не примѣшивается — это вѣтъ всякаго сомнѣнія. Онъ знаетъ друга. Но что дальше, тамъ — въ Парижѣ? Онъ пишетъ: „черезъ два-три мѣсяца“... Ну, а если? Страдающая одинокая красавица, которой вѣтъ двадцати-пяти лѣтъ — и Авениръ! Это — порохъ и огонь. Онъ самъ не отдаетъ себѣ отчета въ первыхъ движеніяхъ сердца. Онъ теперь стремится на крыльяхъ возвышенной мечты. Навѣрное, онъ самъ вызвался ѣхать... Правда, лучше нельзя было найти проводника для Зои Макаровны: Авениръ сумѣетъ быть въ дорогѣ и тамъ преданнымъ рыцаремъ, а въ мягкой нѣжности и предупредительности онъ возьметъ первый призъ. У него это не притворство, а все искренно. Но что если Зоя увлечется имъ, полюбитъ? Тогда начнется новый актъ, в прощай Рамцы!

Размышляя, Малаховъ дошелъ до дома. Въ саду сидѣла жена. Малаховъ сразу замѣтилъ, что она взволнована.

„Вѣроятно, видѣла Риту, и та все сказала“, — подумалъ Ювеналій Никандровичъ.

— Ты знаешь уже? — спросилъ онъ у жены.

— Да, Рита сказала. Неужели это правда?

— Правда; вотъ, прочти его письмо.

Онъ подаль женѣ тонкій листокъ и самъ опустился на скамейку.

Наталья Павловна прочитала письмо и возвратила его мужу.

— Что скажешь?

— Мнѣ жалко Ольгу Николоевну. Она такъ, видимо, рада, волнуется... Это ужасно!

— Положимъ, мотивы благородны! — какъ бы защищая друга, замѣтилъ Малаховъ.

— Но ей-то развѣ легче? — возразила жена. — Хотя бы заѣхать... Да, впрочемъ, сегодня мужъ той нагриветъ... нельзя медлить...

Она улыбнулась грустно и добавила:

— Три мѣсяца, пишетъ онъ: — но такъ ли это будетъ? ты увѣренъ?

Она глядѣла на мужа, ожидая отвѣта.

— Кто же можетъ впередъ знать, — промолвилъ онъ. — Я думаю, что мужъ Зои полетитъ за нею, если узнаетъ... а это возможно. Ну, тогда Авениръ попадетъ въ кашу. Вотъ человекъ!

И помолчавъ, закончилъ:

— А все-таки я люблю Авенира... Онъ какъ-то симпати-

чепъ при всѣхъ безумствахъ. Помнишь чьи-то стихи: есть люди, которые нравятся при всѣхъ порокахъ больше, чѣмъ другіе при всѣхъ ихъ добродѣтеляхъ. Авениръ именно изъ первыхъ. Въ немъ, несмотря на всю власть земли надъ нимъ, чутся всегда дыханіе божьяго духа.

Наталя Павловна улыбнулась на нѣсколько выспреннюю рѣчь мужа и сказала:

— Да, но надо же объявить все Ольгѣ Николаевнѣ. Надо письмо ей передать... Какъ это тяжело все!

XXII.

Рощина съ дѣтьми была въ палисадникѣ, когда явились Малаховы.

Ольга Николаевна встала съ табуретки, на которой сидѣла, и пошла навстрѣчу гостямъ.

— Вы пойдете на повѣдь?—спросила она.—Я бы хотѣла съ дѣтьми выйти.

У Натали Павловны сжалось сердце отъ боли. Ювеналій Нивандровичъ смѣшался и молчалъ. Рощина замѣтила смущеніе гостей и вдругъ вся переѣвилась въ лицѣ.

— Вы хотите что-то...

Она не могла говорить. Ее забила нервная дрожь.

— Успокойтесь, голубушка, ничего особеннаго,—заговорила Наталя Павловна, улыбаясь черезъ силу и беря за руку Рощину:—вы должны знать эксцентричную натуру Авенира Львовича... Онъ хорошій человекъ, но...

Наталя Павловна точно разучилась говорить и съ трудомъ подыскивала слова.

— Что же такое?

Ольга Николаевна въ изнеможеніи опустилась на лавочку у калитки.

— Онъ не будетъ сегодня, потому что...

Малахова почувствовала, что ея горло кто-то сжалъ и не даетъ говорить.

Она сдѣлала страшное усиліе и докончила:

— Вообразите, онъ уѣхалъ въ Парижъ!

— Въ Парижъ?—повторила Рощина.—Зачѣмъ?

— Всего на три мѣсаца, а то и меньше... Ювеналій, да что же ты не дашь письма Ольгѣ Николаевнѣ отъ мужа?

Малаховъ передалъ Рощиной маленькой конвертикъ.

Она дрожащей рукой разорвала конвертикъ и стала читать. Письмо въ ея рукахъ дрожало. Лицо оставалось такое же блѣдное, только глаза то вспыхивали, то потухали. Дочитавъ письмо, она уронила его, и не замѣтила этого.

Малаховъ поднялъ письмо.

— Прочтите, — сказала едва слышно Рощина.

Малаховъ передалъ письмо женѣ. Рощина писалъ Ольгѣ Николаевнѣ то же самое, что и пріятелю, только въ другихъ выраженіяхъ, въ другомъ тонѣ. Онъ умолялъ простить его, увѣрялъ, что это не что иное, какъ только поѣздка для спасенія несчастной женщины, и клялся, что черезъ два, много три мѣсяца онъ вернется и будетъ въ Рамцахъ. „Ты святая, святая Ольга, — писалъ онъ: — ты все поймешь, и не обвинишь меня. Вѣдь это же дѣло спасенія человѣка! Ювеналій, навѣрное, согласенъ со мною. Скажи дѣтамъ, что я ихъ горячо цѣлую и привезу изъ Парижа много подарковъ. Прости, прости, моя хорошая Ольга... Еще немного, и мы вернемъ прошлое“.

Ольга Николаевна сидѣла неподвижно; на глазахъ ея блесгли слезы.

Подбѣжала дѣвочка. Увидѣвъ у матери слезы, она ласково прижалась къ ней и прошептала:

— Мама, что съ тобой? Кто тебя обидѣлъ?

Рощина вздрогнула, какъ укутаная. Она быстро смахнула слезы, поднялась съ лавочки и неожиданно для всѣхъ твердо проговорила:

— Полно, крошка, я не плачу... Но... папа сегодня не пріѣдетъ сюда..

Ея голосъ все же дрогнулъ подъ конецъ.

— Мамочка, а папа тебя не обидѣлъ?

И дѣвочка подозрительно посмотрѣла на письмо, которое мать держала въ рукахъ.

— Нѣтъ, милая... Онъ сегодня уже не обидѣлъ! — какъ-то особенно подчеркивая слова, промолвила Рощина, цѣлуя дочь.

Она обратилась затѣмъ къ Малаховымъ и сказала:

— Ну, что дѣлать... Все готово для обѣда... Пойдемте, справимъ новоселье!

Она быстро повернула и пошла къ дому.

Малаховы послѣдовали за нею.

Въ этотъ же день, уже около часовъ десяти, пріѣхалъ Кіотниковъ въ Рамцы.

Онъ зашелъ къ Малахову, который рассказалъ обо всемъ ему.

— Да, вотъ оно что...

И помолчавъ, онъ вдругъ произнесъ съ улыбкой:

— А ты уже никуда не думаешь бѣжать отсюда?

— Никуда, Савелій Пафнутьевичъ!

— Тагъ. Ну, тагъ вотъ что: землю-то купляешь у Соренина?

— Хотѣлъ бы, но...

— Денегъ не хватаетъ?

— Да.

— Ладно же: я тебѣ дамъ, и лѣсу отпущу, стройся... А со мной расквитаешься помаленьку...

— Да что вы, Савелій Пафнутьевичъ...

— Ну, будетъ тебѣ... достально я тебя узналъ... Ты вотъ угости-ка меня чайномъ... Я что москвичъ: всегда готовъ пить чай!

Вошла Наталья Павловна.

— Вотъ, Наташа,—сказалъ ей мужъ: — Савелій Пафнутьевичъ даетъ мнѣ деньги... сколько не хватаетъ... на покупку земли и въ кредитъ отпускаетъ лѣсъ для дома...

Малаховъ улыбнулся и добавилъ шутливо:

— Я рассказалъ про Авенира... Вѣроятно, Савелій Пафнутьевичъ боится, что и я сбѣгу въ Парижъ!

— А что же, долго ли,—также шутливо произнесъ старикъ, находившійся сегодня въ хорошемъ расположеніи духа.—Гляди, и убѣжишь! А вотъ, выстроишься—и кануть! Ужъ тутъ не то, что только въ деревнѣ живешь, а на свою землю садешь... на цѣпочку... хе... хе... хе!..

АЛЕКСАНДРЪ КРУГЛОВЪ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ ГЛАСНАГО СУДА

Изъ воспоминаній женщины-стенографа конца 60-хъ и 70-хъ годовъ.

...Моя обязанность правительственнаго стенографа совпала съ тѣмъ славнымъ и счастливымъ временемъ царствованія императора Александра II, когда молодой государь, освободивъ свой народъ отъ крѣпостной зависимости, даровалъ ему затѣмъ цѣлый рядъ реформъ: судебную, земскую, мировую, городскую, школьную и друг.

Даровитая группа призванной интеллигенціи проявила тогда столько созидающей энергіи и творчества, осуществляя всѣ эти преобразованія, что, несмотря на скоро наступившія неблагопріятныя условія, все же успѣла неизгладимо намѣтить пути лучшей жизни и лучшихъ отношеній.

Судъ „скорый, гласный и милостивый“ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣлъ, и первый призывъ исполнителей этого гражданскаго обновленія вполнѣ соответствовалъ идеалу и задачамъ, положеннымъ въ основу гуманнаго народнаго суда.

Блестящій выборъ даровитаго и талантливаго судебного персонала, заполнившаго вновь открытыя судебныя учрежденія, былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, обусловливавшихъ ту высоту, на которую сразу поставленъ былъ нашъ гласный судъ. Заслуга того, кто такъ умѣло и умно выполнилъ эту патріотическую задачу, навсегда останется въ исторіи юстиціи за тѣмъ благороднымъ министромъ, который руководился при выборѣ судебныхъ дѣятелей наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ изъ критеріевъ — личными дарованіями и талантами.

И теперь, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда ряды этихъ дѣятелей такъ сильно порѣдѣли, немногіе изъ оставшихся все же неизмѣнно горятъ свѣтлыми точками среди тумана карьеризма и остатковъ того разрушенія, которому подвергла позднѣйшая бюрократія этотъ храмъ общественной совѣсти.

Въ настоящій моментъ раздаются голоса:—нѣтъ людей! нѣтъ выбора для осуществленія нужныхъ реформъ. Это—тяжелая бюрократическая клевета на даровитый русскій народъ! Ихъ тысячи томится въ бездѣйствіи, имѣя возможность предложить свою богатую инициативу, знанія и энергію развѣ только якутамъ, камчадаламъ и самоѣдамъ...

Скромная дѣятельность стенографовъ, на долю которыхъ тогда выпала обязанность и честь передавать въ печать рѣчи и дѣйствія въ учрежденіяхъ, гдѣ впервые примѣнялось провозглашенное начало общественной справедливости, самоуправленія и экономического устройства народа, являлась тогда живымъ и интереснымъ дѣломъ ¹⁾. Какъ и большинство того времени, радостно переживая высоту общественнаго настроенія, которое вызывалось важностью этой славной эпохи, я не предчувствовала, какъ скачкою быстро наступитъ, по мановенію того же жезла, обратное, попятное движеніе, а съ нимъ прекратится и наша скромная работа...

Когда я рѣшила покончить съ своей праздною и зависимою жизнью и искать себѣ труда, харьковская судебная палата съ семью окружными судами была уже открыта. Переездъ мой туда безпрепятственно осуществился, благодаря содѣйствію знакомой интеллигентной семьи Н. П., съ которою я раньше сблизилась въ моемъ родномъ городѣ Полтавѣ,—городѣ столь поэтично воспѣтомъ нашимъ величайшимъ поэтомъ. Въ немъ тогда, какъ и сотни, тысячи лѣтъ тому назадъ, наступали тихія украинскія ночи, съ прозрачнымъ небомъ и звѣзднымъ блескомъ,—но своей дремоты превозмочь не могъ не только воздухъ, но и многотысячный городъ, представлявшій изъ себя въ тѣ времена безнадежную захоластную пустыню.

Общественная дремота въ Полтавѣ обуславливалась, главнымъ образомъ, своеобразнымъ управленіемъ его главнаго администратора. Желтый, худой какъ трупъ, онъ своими костлявыми и цѣпкими руками сжималъ съ такой силой всякіе интеллектуальные проблески и стремленія вѣренной ему губерніи, что за все время своего долговременнаго управленія краемъ, несмотря на энергичныя попытки нѣкоторыхъ самыхъ благонадежныхъ лицъ, не

¹⁾ Мы стенографировали не только въ судѣ, но и въ земствѣ, и въ думѣ.

разрѣшала отереть ни одной библіотеки, ни школы грамоты, ни даже дѣтскаго сада, находя все это завѣдомо вреднымъ и ненужнымъ для его мѣстныхъ обывателей. Даже на просьбу своей знакомой высокопревосходительной аристократки дозволить ей открыть школу грамоты для бѣдныхъ дѣвочекъ онъ сказалъ: „Chère m-lle F., s'oyez-moi que toutes ces écoles ne font que du mal“. Когда же г-жа F. съ его мнѣніемъ не согласилась и отвѣтила, что подаетъ ему формальное прошеніе, онъ ей отвѣтилъ: „Подавайте, — но предупреждаю васъ, что прошеніе это будетъ лежать у меня подъ сукномъ“. Такое упрощенное администрированіе этой губерніей съ миллионнымъ населеніемъ принималось десятки лѣтъ этимъ высокопоставленнымъ бюрократомъ, получившимъ свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ гражданскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Съ какимъ желчнымъ раздраженіемъ и шипѣніемъ встрѣчался тогда подобными дѣятелями шумный потокъ всеобщаго обновленія, который радостно охъпала лучшихъ людей того времени, — чуднаго времени всеобщаго энтузіазма и дѣятельности. Новая лучшія формы жизни какъ изъ рога изобилія посыпались властной рукой Александра II-го, призывая всѣхъ въ трудъ, мысли и лучшему существованію, у источника котораго было положено благородное начало свободы... Все освобождалось: миллионы рабовъ, общественныя учрежденія и интеллигентныя женщины. Извѣженныя, избалованныя, богатыя, титулованныя, бѣдныя, мы, бросивъ свои дворянскія гнѣзда, стали работать въ магазинахъ, библіотекахъ, редакціяхъ, судебныхъ канцеляріяхъ, швейныхъ мастерскихъ, отставая свою личную независимость и достоинство. Хотя работа эта, лишенная подготовки, была подчасъ плоха и неумѣла, но женщина 60—70-хъ годовъ все же сдѣлала свое дѣло, установивъ безповоротно принципъ необходимости труда и болѣе широкихъ умственныхъ запросовъ и потребностей.

И вотъ, въ это счастливое время, недавно оставивши пансіонскую скамью, я пріѣхала въ Харьковъ, искать себѣ труда и независимой жизни.

Семья Н. П., по приглашенію которой я пріѣхала туда, состояла изъ брата и сестры и ихъ маленькой воспитанницы. Прежде Н. П., правовѣдъ по образованію, служилъ дореформеннымъ прокуроромъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ губернаторомъ былъ видный дѣтель царствованія Александра II-го, В. А. Арцимовичъ. Вслѣдствіе безпристрастнаго и справедливаго по отношенію къ освобожденнымъ крестьянамъ введенія уставныхъ грамотъ, Арцимовичъ вызвалъ неудовольствіе и доносы въ средѣ

крѣпостниковъ-дворянъ, послѣдствіемъ чего была назначена въ эту губернію сенаторская ревизія. Ревизія окончилась тѣмъ, что— въ угоду дворянской партіи — всѣхъ безупречныхъ дѣятелей рѣшили въ Петербургѣ съ повышеніемъ перевести въ столицы. Н. П., за содѣйствіе, оказываемое Арцимовичу, получилъ также предложеніе перевода. Считая такое предложеніе оскорбительнымъ для своего служебнаго достоинства, Н. П., написавъ очень рѣзкое письмо своему министру, подалъ въ отставку, причемъ остался безъ всякихъ средствъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ получилъ предложеніе служить въ другомъ министерствѣ, которое и принялъ, переѣхавъ на югъ.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, одного изъ первыхъ, кого я встрѣтила у моихъ знакомыхъ, былъ прокуроръ судебной палаты Ш—овъ. Познакомившись и узнавъ о моемъ желаніи искать себѣ труда, онъ предложилъ мнѣ подготовиться къ стенографированію и занять мѣсто правительственнаго стенографа харьковского судебного округа.

Въ это время старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты былъ баронъ Торвау. Нѣмецъ по происхожденію, онъ примѣнилъ нѣмецкую систему стенографированія Габельсбергера къ русскому языку и написалъ руководство. Обучивъ одного изъ чиновниковъ этому искусству, онъ поручилъ ему открыть при университетѣ стенографическіе курсы, которые я вскорѣ и стала посѣщать.

Чтобы заинтересовать дѣломъ стенографированія, любезный прокуроръ судебной палаты Ш—овъ, для наглядной, такъ сказать, иллюстраціи будущей моей дѣятельности, предложилъ проводить насъ въ окружный судъ, для присутствованія на интересномъ уголовномъ дѣлѣ „отцеубійства“, гдѣ должны были состязаться въ качествѣ сторонъ талантливый товарищъ прокурора А. Ѳ. Кони, защитникъ приватъ-доцентъ В—овъ и экспертъ профессоръ д-ръ медицины Ламбль.

Въ назначенный день, мы поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ аданія, гдѣ помѣщался залъ окружнаго суда, и заняли мѣста, предназначенныя для публики. Свѣтлый залъ суда со всѣми своими атрибутами — большимъ портретомъ творца суда присяжныхъ, зеркаломъ, аналоемъ съ раскрытымъ евангеліемъ и крестомъ— производилъ благоговѣйное настроеніе... Черезъ полчаса всѣ скамьи и проходы были биткомъ набиты самой элегантною публикой, преимущественно дамами и учащейся молодежью. Студенты-юристы считались желанной публикой въ залѣ суда, какъ его будущіе дѣятели, и потому третья часть публики состояла изъ молодежи. Талантливый ли составъ суда, бѣдность ли обще-

ственныхъ впечатлѣній, или серьезный интересъ къ новымъ преобразованіямъ, но харьковская публика всегда охотно посѣщала засѣданія новыхъ судовъ, слушая и привѣтствуя нашихъ молодыхъ ораторовъ, такъ сказочно явившихся во всеоружіи знанія, блеска и силы слова.

Когда публика размѣстилась и успокоилась, судебный приставъ провозгласилъ: „судъ идетъ!“ — и всѣ почтительно встали. Въ залъ суда, съ противоположнаго конца отъ публики, вошли: председатель суда, два члена, товарищъ прокурора и секретарь и заняли свои мѣста, а защитникъ вошелъ изъ боковой двери. Судьи помѣстились за большимъ столомъ, задрапированнымъ краснымъ сукномъ, съ золотой бахромой и кистями. Товарищъ прокурора сѣлъ по правую сторону отъ суда за особый маленькій столъ, также задрапированный краснымъ сукномъ. По лѣвую сторону отъ суда, за трехмѣстнымъ попитромъ, помѣстился защитникъ. Противъ защитника, на двѣнадцать креслахъ, установленныхъ въ два ряда, размѣстились избранные по жребію присяжные засѣдатели.

Въ то время председателемъ суда былъ Э. Я. Фуксъ. Изысканный съ виду, нѣсколько надменный, съ протяжною рѣчью и особыми манерами, онъ производилъ импонирующее впечатлѣніе. Всегда съ подсудимыми изысканно вѣжливый, онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относился, во время судебныхъ преній, какъ къ прокурору, такъ и къ защитнику, и одинаково останавливался, если тѣ иногда выходили изъ предѣловъ сдержанности или превращали пренія въ турниръ блестящаго остроумія и беллетристической начитанности. Въ своихъ напутствіяхъ присяжнымъ засѣдателямъ онъ отличался ясностью изложенія дѣла, строгимъ безпристрастіемъ и никогда не стремился опустить чашу вѣсовъ въ сторону обвиненія во что бы то ни стало, какъ это сдѣлалось впоследствии обычнымъ явленіемъ, начиная съ министерства Манасеина и дальше — Муравьева. За время своего председательствования Э. Я. Фуксъ обратилъ залъ суда въ торжественный храмъ, гдѣ совершалъ таинство правды, гуманности и милосердія.

Когда Э. Я., повышенный по службѣ, уступилъ свое председательское кресло другимъ лицамъ, харьковскій уголовный судъ сразу поблекъ, потускнѣлъ, и никто уже изъ его преемниковъ въ продолженіе моей службы не держалъ такъ высоко знамя судебного достоинства, какъ этотъ безпристрастный жрецъ Оемиды.

Записывая подъ его председательствомъ судебные отчеты, я думала, что въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ Э. Я. былъ бы идеальнымъ верховнымъ судьей, а у насъ онъ хотя и

остался незапятнаннымъ, но все же не могъ возвыситься далѣе обыкновеннаго типа сановнаго бюрократа, которому нужно было нести съ оглядками свою дѣятельность вплоть до сенаторскаго мудира... Многимъ памятно дѣло сенатора У..., поплатившагося за сочувственную статью, написанную по поводу возмутительнаго приговора Дрейфуса.

...Помѣстившись за прокурорскимъ столикомъ, товарищъ прокурора, А. Ѡ. Кони, былъ молодой, бѣловусый, небольшого роста, съ развитымъ лбомъ, съ небольшими интеллигентными, живыми глазами, въ общемъ представлявшій весьма привлекательную и симпатичную фигуру. Одаренный большимъ ораторскимъ талантомъ, тонкой наблюдательностью и способностью къ проникновенію въ индивидуальныя свойства и душевныя побужденія подсудимыхъ, онъ былъ иногда для нихъ грозой. Я записывала его обвинительныя рѣчи, литературно обработанныя, обнаруживавшія большое знаніе и начитанность, и мнѣ всегда казалась странной и непонятной такая трата столь богатыхъ умственныхъ силъ на такое неблагодарное и непроизводительное дѣло, какъ обвиненіе. Къ счастью, А. Ѡ. Кони принадлежалъ къ самымъ умѣреннымъ гонителямъ порока. Но были между служителями прокуратуры и такіе, которые, казалось, находили наслажденіе въ обвиненіи, относились къ подсудимымъ какъ къ личнымъ врагамъ: глумились надъ своими безпомощными жертвами, для большей убѣдительности не жалѣли самыхъ густыхъ красокъ и всегда холодно и спокойно требовали примѣнить наивысшую мѣру наказанія. Какъ становилось иногда жутко и непріятно, когда, въ силу общественныхъ ненормальныхъ условій или психическаго расстройства, или въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, при наполненномъ нарядной публикой залѣ суда, на позорную скамью подсудимыхъ опускался недавно раскованный и выведенный изъ тюремнаго заточенія субъектъ, съ блѣднымъ и недоумѣвающимъ лицомъ, и по адресу его, хотя бы онъ признавалъ себя виновнымъ, лилась, возмездія ради, плавная рѣчь, художественная по формѣ и по тонкости психологическаго анализа. Но анализъ этотъ часто сводился къ негуманному вскрытію душевныхъ ранъ и къ безперервному прикосновенію къ тѣмъ сокровеннымъ чувствамъ и побужденіямъ, къ которымъ не всегда допускаются даже самые интимные и задушевные друзья, причемъ весьма и весьма часто, за неимѣніемъ фактическаго матеріала, прокурорской властью захватывалась весьма широкая область фантазіи, и на этомъ скользкомъ и опасномъ пути получались судебныя ошибки... Какъ сейчасъ передъ глазами моими про-

ходить записанное мною дѣло, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣла очень красивая дама съ офицеромъ, убившимъ ея мужа. Въ день совершенія преступленія жена убитого находилась за нѣсколько сотъ верстъ отъ Харькова, гдѣ было совершено преступленіе. Дама и офицеръ безусловно отрицали ея прямое и косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ, но прокуроръ не унимался. Ему во что бы то ни стало желалось доказать ея виновность, и, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ, онъ всячески старался въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей утопить ее въ грязь. Вызвавъ за нѣсколько сотъ верстъ ея прислугу, прокуроръ задавалъ имъ на судѣ такіе вопросы, что пришлось краснѣть отъ стыда,—дѣло доходило до спальни и бѣлья... Съ защитникомъ, человекомъ болѣзненнымъ и желчнымъ, сдѣлался обморочный припадокъ,—пришлось отложить дѣло до слѣдующаго дня. На другой день, волновавшія чувства защитника вылились въ такой беспощадной критикѣ на голову прокурора, что защитительная рѣчь его, переполненная негодованіемъ и желчи, мѣстами возвышалась просто до высокихъ нотъ вдохновенія и краснорѣчія.

Присяжные, осудивъ убійцу, вынесли подсудимой оправдательный вердиктъ, и хотя она никому изъ знавшихъ ее не внушала симпатіи, оправданіе ея было встрѣчено сочувственно.

Впрочемъ, эти послѣдніе факты, говорившіе о стремленіи обвинить во что бы то ни стало, стали проявляться, приблизительно, во второе десятилѣтіе существованія новаго гласнаго суда, когда московская „охранительная“ печать все настойчивѣе стала кричать: „распни, распни!“—по адресу оправданныхъ по судебнымъ приговорамъ, и когда наконецъ наступило такое время, когда и самъ великое судебное учрежденіе предлагалось этой печатью къ распятію, и когда стойкіе служители Феиды поколебались и стали уступать... Наступило тяжелое время: болѣе щепетильные въ сознаніи общественнаго долга дѣятели первой судебной мобилизаціи стали уходить въ адвокатуру. Лучшая и безупречная часть прокуратуры, не требовавшая обвинительныхъ вердиктовъ во что бы то ни стало, начала терять подъ собою почву, подвергаясь гоненію высшаго начальства. Большинство же смирилось, и суды быстро стали наполняться бездарностями...

Возвращаюсь къ засѣданію суда объ отцеубійствѣ.

Одновременно съ судомъ, изъ другой—боковой, какъ я уже сказала,—двери вошелъ въ залъ засѣданія красивый брюнетъ во фракѣ и занялъ мѣсто за попитромъ. Это былъ защитникъ подсудимаго, приватъ-доцентъ здѣшняго университета, подававшій, какъ говорили, большія надежды въ сферѣ избранной имъ ученой карьеры.

Когда предсѣдатель сказалъ судебному приставу: „введите подсудимаго“, въ залѣ послышались движеніе и шумъ. Громкое преступленіе рисовало воображенію образъ подсудимаго дерзкимъ и наглымъ негодиемъ... Дверь распахнулась — и на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ рѣшоткой, между двумя конвойными со штыками, показалась маленькая фигурка въ сѣромъ халатѣ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ сѣрыми, торчащими на очень низкомъ лбу волосами и съ тупымъ и равнодушнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

Всѣ были разочарованы, увидѣвъ — вмѣсто мрачнаго злодѣя — какое-то ничтожное и звѣроподобное существо.

На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, подсудимый что-то невнятно пробормоталъ.

Еще до судебного засѣданія, сторонами былъ возбужденъ вопросъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, для чего судомъ былъ вызванъ дать свое научное заключеніе профессоръ д-ръ медицины Ламбль.

Послѣ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній, выяснившихъ, что подсудимый, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, въ минуту раздраженія, имѣя въ рукахъ дубинку, замахнулся на свою жертву и положилъ ее на мѣстѣ, — слово было дано эксперту.

Чехъ по происхожденію, профессоръ Ламбль занималъ кафедру патологической анатоміи. Помимо профессуры, онъ занимался и медицинскою практикой, и своей широкой извѣстностью былъ обязанъ таланту чрезвычайно проницательнаго діагноста, и потому кругъ его пациентовъ былъ громаденъ. Какъ лекторъ, онъ причислялся къ университетскимъ звѣздамъ. Его изящная фигура, съ большими черными проницательными глазами, съ острой эспаньолкой, вызвала представленіе о Мефистофель.

Поклонившись суду, профессоръ просилъ предсѣдателя еще разъ осмотрѣть подсудимаго въ присутствіи суда. Когда подсудимый, выведенный на средину зала, былъ посаженъ на стулъ, экспертъ вынулъ сантиметръ и, смѣривъ окружность его головы, просилъ обратить вниманіе на поразительно малый и узкій черепъ, а также на тщедушную и недоразвитую фигуру подсудимаго. Затѣмъ, отпустивши подсудимаго на прежнее мѣсто, профессоръ сталъ излагать свое заключеніе, длившееся болѣе часа. И что это была за экспертиза! Это была пѣснь торжествующей науки, исполненная съ такимъ блескомъ, знаніемъ и талантомъ, что публика замерла и сидѣла точно очарованная подъ влияніемъ раскрываемаго передъ нею невѣдомаго міра психическихъ явленій. И по мѣрѣ того, какъ экспертъ развивалъ свое мнѣніе передъ

судомъ, выясняя, что рассматриваемое преступленіе совершено только на почвѣ больной психики, а не злой воли, — всѣ ясно поняли, что дѣло сидящаго на позорной скамьѣ выиграно, что неотразимо логично и научно обоснованныя положенія эксперта дѣлаютъ почти излишнимъ въ этомъ дѣлѣ какъ прокурора, такъ и защитника. Всѣмъ намъ стало ясно до очевидности, что передъ нами сидѣлъ не злодѣй и разбойникъ, а представитель вырождающейся семьи, невѣняемый дегенератъ, полуидіотъ, мѣсто которому не въ тюрьмѣ и на двадцати-лѣтней каторгѣ, а въ пріютѣ душевно-больныхъ или слабоумныхъ...

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось заносить въ стенографическихъ отчетахъ экспертизы извѣстныхъ въ Россіи специалистовъ судебной медицины и психіатріи, но никто не производилъ въ судѣ такого подавляющаго впечатлѣнія и не имѣлъ такого рѣшающаго значенія на присяжныхъ, какъ экспертъ профессоръ Ламбль.

Товарищъ прокурора не могъ не видѣть подавляющаго впечатлѣнія, произведеннаго экспертизой на публику и присяжныхъ; онъ просилъ, за позднимъ временемъ, отложить судебныя пренія до слѣдующаго утра.

На другой день начались судебныя пренія.

Товарищъ прокурора явился, какъ того слѣдовало ожидать, обвинителемъ во всеоружіи также знанія и таланта. Искусно построенная, солидно обработанная, но чуждая ненужныхъ нагроможденій и аффектацій, рѣчь его отличалась крайнею простотою изложения, но виѣсть и силой. Желая главнымъ образомъ ослабить вліяніе экспертизы, обвинитель приводилъ такіе авторитеты, какъ Гринингеръ, Крафтъ-Эббингъ и друг., умѣло выбирая изъ нихъ нужный ему матеріалъ; въ его освѣщеніи и выводахъ подсудимый явился далеко не большимъ и психически нормальнымъ субъектомъ, но подъ вліяніемъ злой воли совершившимъ столь тяжкое преступленіе, за которое во имя справедливости долженъ понести заслуженное имъ наказаніе... Но доводы экспертизы были такъ наглядны, что все-таки они одержали верхъ между присяжными засѣдателями.

Въ первые года реформированнаго суда прокурорская власть, въ виду хорошо поставленной слѣдственной части, справедливаго и безпристрастнаго состава суда, распространяла свою дѣятельность преимущественно на лицъ, привлекаемыхъ за проступки грубаго насилія, нисколько не вызывая своею дѣятельностью ни чувства вражды, ни враждебнаго къ нему отношенія. Но прокуратура стала блекнуть и терять свой престижъ съ того вре-

мени, какъ, сплотившись съ „гороховымъ пальто“, стала не въ мѣру, и за страхъ, и за совѣсть, подвергать гоненію ищущихъ идеала добра и правды...

Рѣчь защитника была нѣсколько блѣднымъ отголоскомъ эксперта Ламбли. Молодой доцентъ хотя и слылъ за многообъщавшаго оратора, но, при записываніи нѣсколько разъ его судебныхъ рѣчей, мнѣ казалось, что онъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ бѣдность и неглубокость мыслей облекать въ такую красивую форму, что форма эта принималась за красивыя мысли. Имponируя ученой степенью, плавностью рѣчи, знаніемъ уголовного судопроизводства, онъ производилъ иногда впечатлѣніе на присяжныхъ.

На поставленные судомъ вопросы присяжные засѣдатели признали подсудимаго невмѣняемымъ.

Находившаяся въ судѣ публика выходила изъ зала суда вполне удовлетворенной и высоко-настроенной. Въ новыхъ приемахъ суда, гдѣ несчастный, забитый, одичалый и ненормальный субъектъ нашелъ себѣ защиту отъ прежняго узкаго взгляда на виновность, сказался широкій взглядъ образованнаго и непредѣльно-гуманнаго законодателя. Всѣ увѣровали, что навсегда положенъ предѣлъ произволу и ужасамъ дореформеннаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ поняли, что тайна высокой правды приговоровъ заключалась въ томъ, что на двѣнадцать креслахъ воссѣдали простые здравомыслящіе судьи, не искушенные ни теоріями римскаго права, ни другими жемудрыми соображеніями, что судьи эти были призваны законодателемъ писать свои вердикты на основаніи врожденнаго нравственнаго чутья и здраваго смысла. И законодатель не ошибся, вѣряя судьбу многотысячныхъ подсудимыхъ своему даровитому и великому народу, который, только-что снявъ крѣпостныя оковы, смогъ оцѣнить и воспринять такъ просто и легко болѣе усовершенствованныя формы русской жизни, такъ же просто, какъ восприняли и распространили двѣнадцать бѣдныхъ рыбарей величайшія этическія истины, довѣренныя имъ Богочеловѣкомъ...

Восемь лѣтъ, записывая вердикты присяжныхъ засѣдателей, я была свидѣтельницей, что не только въ большихъ центрахъ, но и въ захолустныхъ мѣстахъ, гдѣ весьма часто на составъ двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей находился одинъ грамотный, избираемый старшиной, приговоры всегда были безукоризненно правильны, всегда въ духѣ устава Александра II. Въ продолженіе восьми лѣтъ, въ моемъ судебномъ округѣ на совѣсть судей ни разу не легло тяжкое бремя сознанія допущенной судебной ошибки...

На меня, какъ и на остальную публику, выходящую изъ залы новаго суда, процессъ „отцеубійства“ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Выѣстъ съ тѣмъ мною смутно и неясно чувствовалось какое-то противорѣчіе между существованіемъ такого образцоваго, свободнаго суда—съ общей обстановкой окружающей жизни и среды нашихъ забытыхъ и трусливыхъ обывателей, безъ руководящихъ гражданскихъ идеаловъ. Уже слишкомъ шель въ разрѣзъ такой независимый судъ при несмѣняемыхъ судьяхъ съ нашимъ укоренившимся бюрократизмомъ и произволомъ. Дурныя предчувствія скоро оправдались. Московская охранительная печать начала свои энергичныя наступленія... И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ инсинуаций, доносовъ и клеветы, новый судъ, эта гордость, этотъ памятникъ великаго творчества дѣятелей 60-хъ годовъ, подвергся полному разгрому...

Изъ всего судебного погрома, во всей неприкосновенности, но болѣе оvrѣпшимъ въ борьбѣ за право остался институтъ присяжной адвокатуры. Наша адвокатура съ ея блестящими ораторами явилась на свѣтъ, какъ по щучьему велѣнію, сразу, безъ подготовки, и ея лучшіе представители заняли тотъ пьедесталъ, съ котораго не сходили въ продолженіе сорока лѣтъ. Ея лучшіе представители создали то судебное краснорѣчіе, которое не уступало лучшимъ западнымъ образцамъ.

Пальма первенства, какъ мнѣ казалось, принадлежала тогда бывшему профессору В. Д. Спасовичу. Какъ живую вижу его коренастую фигуру съ большими, упорно глядящими глазами и съ тонко-сжатыми губами... Всецѣло проникнутый задачей защиты, онъ точно забывалъ, что находится въ залѣ судебного засѣданія. Рѣчь его, сперва неплывная и необработанная, мало-по-малу превращалась въ бурный потокъ блестящихъ сравненій, оригинальныхъ и глубокихъ мыслей. Постепенно воодушевляясь, голосъ его иногда звучалъ какими-то трагическими нотами, доходщими до силы вдохновенія и той красоты слова, которыя у потрясенныхъ присяжныхъ всегда вырывали оправдательные вердикты. Несмотря на все это, рѣчь его была всегда исполнена благородной простоты, чуждой напыщенности и позировки.

Какъ-то Спасовичу пришлось защищать одного литератора, бывшаго „петрашевца“, который, находясь на службѣ, растратилъ незначительную сумму денегъ, данную ему пріятелемъ-ремонтромъ для вклада въ банкъ. Старшиною присяжныхъ былъ избранъ профессоръ математики, неумолимый, сухой педантъ.

Прокуроръ заранѣе торжествовалъ иронически и злорадно, поглядывая какъ на свою жертву, такъ и на знаменитаго защитника.

Но вот наступили судебныя пренія, слово было дано защитѣ.

Спасовичъ, присоединяясь къ мнѣнію прокурора, со всею эвергіею обрушился на своего кліента, порицая его какъ чиновника и человѣка, злоупотребившаго довѣріемъ своего пріятеля и растратившаго вѣрными ему деньги. Но затѣмъ, постепенно переходя къ его положительнымъ качествамъ, онъ мастерски воскресилъ передъ присяжными образъ одного изъ симпатичныхъ молодыхъ „петрашевцевъ“, приговореннаго къ смертной казни и стоявшаго въ саванѣ на эшафотѣ, — воскресилъ образъ идеалиста, искавшаго, или, лучше сказать, мечтавшаго для родины своей о лучшихъ условіяхъ существованія, — человѣка, который, послѣ многолѣтней ссылки, далъ рядъ симпатичныхъ литературныхъ произведеній. Развертывая передъ судомъ жизнь подсудимаго, онъ въ заключеніе сдѣлалъ слѣдующую его характеристику. Въ жизни часто встрѣчаются типы корректные, выдержанные, въ теченіе всей жизни ходящіе по опушкѣ морали, не переходя ея предѣловъ ни въ ту, ни въ другую сторону; но есть натуры неуравновѣшенныя, слабыя, которыя хотя и способны иногда, подъ напоромъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, падать, но вмѣстѣ съ тѣмъ способны и подыматься до неизмѣримой высоты, высоты недоступной для ходящихъ по опушкамъ морали...

Уже съ середины рѣчи, безучастное лицо профессора-старшины засвѣтилось живнью, а къ концу рѣчи его напряженная фигура и заблиставшіе умные глаза выражали ясно и опредѣленно, что подсудимый спасенъ.

Публика наградила защитника рукоплесканіями, за что и была изгнана изъ залы судебной палаты.

Прокуроръ негодовалъ, имѣлъ какой-то обиженный видъ, въ особенности за „опушку морали“, а одна молодая женщина проливала горькія, безпричинныя, но хорошія слезы.

Кромѣ Спасовича, мнѣ не разъ приходилось записывать рѣчи другихъ корифеевъ нашей адвокатуры: въ высшей степени корректнаго К. К. Арсеньева, рѣчи котораго всегда были строго логичны и отличались отдѣлкою и мастерскимъ анализомъ, — но такія качества никогда не вызываютъ волненія. Арсеньевъ былъ для насъ, стенографовъ, грозой, такъ какъ могъ говорить до двухсотъ словъ въ минуту, чѣмъ вызывалъ чуть не судороги въ нашихъ пальцахъ. Затѣмъ, мнѣ случалось записывать рѣчи знаменитаго московскаго адвоката Плевако, внѣшность и манеры котораго, казалось, были въ полномъ несоотвѣтствіи съ его громаднымъ ораторскимъ талантомъ.

Но когда этотъ типичный и популярный продуктъ москов-

ской жизни, въ которомъ сплетались самыя противоположныя и противорѣчивыя черты, вставалъ передъ присяжными, лицо его покрывалось блѣдностью, черные глаза становились не только одухотворенными, но и красивыми, по адресу суда лилась изящная, полная остроумія и содержанія импровизація на любую тему...

Съ развитіемъ общественныхъ интересовъ и гражданскихъ потребностей, лучшіе представители института присяжной адвокатуры, выйдя изъ узкихъ рамокъ профессиональныхъ интересовъ, стали на широкій путь общественнаго служенія и съ мужествомъ и самоотверженіемъ нашли многообразное приложеніе своихъ силъ и талантовъ къ насущнымъ потребностямъ и другимъ многочисленнымъ вопросамъ русской многострадальной жизни, дѣйствуя во всеоружіи науки права...

Прошло сорокъ лѣтъ со времени открытія этого гласнаго, равнаго для всѣхъ и милостиваго суда. Что стало съ нимъ? Впрочемъ, это всѣмъ извѣстно...

Ю. К.—нъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

РОМАНЪ КЛАРЫ ФИВИХЪ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Berlin. 1906.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Это была весьма одаренная въ умственномъ отношеніи супружеская чета: обладая состояніемъ, супругъ, ради удовлетворенія художественныхъ наклонностей, немного пописывалъ, а супруга занималась живописью. Они играли въ четыре руки, пѣли дуэты, по крайней мѣрѣ—въ первое время послѣ свадьбы, а теперь они тѣмъ ревностиѣ посѣщали концерты и оперу. Всѣмъ они нравились, друзья называли ихъ очаровательными людьми,—и все же для полноты счастья имъ чего-то не доставало: у нихъ не было дѣтей.

Сидя одинъ въ конторѣ или прогуливаясь верхомъ по окрестностямъ Берлина, мужъ вздыхалъ порою при видѣ копошившихся въ пескѣ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, и брови его хмурились, но, любя жену, онъ скрывалъ отъ нея свое огорченіе. Она не настолько владела собою, и съ каждымъ годомъ становилась нервнѣе; со страхомъ заглядывала она въ хронику рожденій и, увидѣвъ объявленіе счастливыхъ родителей, извѣщавшихъ о рожденіи сына, поспѣшно бросала газету. Въ прежніе года Кэте Шлибенъ шила, вышивала, вязала всевозможныя принадлежности дѣтскаго туалета; ея распашонки съ продернутыми въ нихъ голубыми и розовыми ленточками—славились среди ея молодыхъ

пріятельницѣ, очень цѣнившихъ эти произведенія искусства, но теперь она окончательно забросила всѣ подобныя работы. Она уже не надѣялась. Къ чему было продѣвать указательные пальцы въ крошечныя рукава распашонки и, держа ее передъ собою, задумчиво глядѣть на нее долгимъ, долгимъ взоромъ? Это доставляло ей одно страданіе. И страданіе становилось вдвойнѣ ощутительнымъ въ тѣ сѣрые дни, которые безъ всякой видимой причины подкрадываются неслышными шагами среди солнечнаго сіянія. Тогда, лежа на кушеткѣ въ своей художественно убранной комнатѣ, она зажимивала глаза, а съ бульвара доносился къ ней наверхъ изъ-подъ каштановыхъ деревьевъ звонкій, ливующій крикъ, похожій на крикъ летящей ласточки. Она затыкала себѣ уши, чтобы не слышать этого крика, стрѣлою пронизывавшаго воздухъ и радостно звенѣвшаго въ небесной лазури.

Когда они оба настолько состарятся, отяжелѣютъ, утомятся, что уже не будутъ въ состояніи черпать впечатлѣнія извнѣ—кто принесетъ имъ въ домъ эти впечатлѣнія? Кто внесетъ сюда съ собою дуновение юности, свѣжестъ, жизнерадостность, облекающія двадцатилѣтнихъ юношей и дѣвушекъ какъ свѣтлыя одежды, струящіяся, подобно теплу и свѣту, отъ нетронутаго морщинами чела? Кто станетъ восхищаться тѣмъ, чѣмъ они восхищались, и оживитъ въ нихъ эти ощущенія? Кто наполнитъ домъ и садъ беззаботно заразительнымъ молодымъ смѣхомъ?

У бездѣтныхъ нѣтъ второй юности. Никто не наследуетъ отъ нихъ чувство любви въ прекрасному, восхищеніе искусствомъ, никто не станетъ благоговѣнно хранить собранныя ими въ теченіе цѣлой жизни вещи и вещицы. И никто въ послѣдній, тяжкій, всѣхъ пугающій часъ не будетъ держать въ любящихъ рукахъ ихъ охладѣвающую руку, словно стараясь не отпустить ихъ, отдалить разлуку съ ними. Родная рука не закроетъ имъ глазъ... Боже! Боже!

Возвращаясь изъ конторы—Шлибенъ былъ компаньономъ въ большомъ торговомъ предпріятіи, созданномъ его отцомъ, — онъ часто замѣчалъ красныя пятна на миломъ лицѣ жены; ея нѣжный цвѣтъ лица былъ неузнаваемъ отъ слезъ; губы принужденно улыбались, но въ прекрасныхъ кривыхъ глазахъ свѣтилась затаенная грусть.

Домашній врачъ пожималъ плечами. У г-жи Шлибенъ разстроены нервы, она слишкомъ предоставлена самой себѣ. Чтобы положить этому конецъ, озабоченный мужъ рѣшилъ, что его компаньоны легко могутъ обойтись безъ него: онъ обязанъ посвятить себя женѣ, — вѣдь они такъ одиноки, никому въ мірѣ нѣтъ до нихъ дѣла, они другъ для друга—все.

Рѣшено было отправиться путешествовать. Квартиру сдали, дорогую обстановку отправили на храненіе. Они могли оставаться за границею хоть годъ, набираться впечатлѣній, развлекаться. Быть можетъ, Кэте вздумаетъ заняться живописью, а ему придетъ охота писать.

Они посѣтили Италію, Корсику, проѣхали въ Грецію и Египеть, видѣли горную Шотландію, Швецію, Норвегію, много чудныхъ мѣстъ. Кэте съ признательностью пожимала руку Паулю. Ея впечатлительная натура легко поддавалась восхищенію; она обладала недюжиннымъ талантомъ, и потребность творчества пробудилась въ ней съ мощною силою. Еслибы можно было перенести на полотно ту роскошь красокъ и очарованіе настроеній, которыя открывались ея восторженному взору!

Въ своемъ рвеніи она съ ранняго утра уже сидѣла за походнымъ мольбертомъ среди утесовъ Капри, у голубого Босфора, въ виду желтыхъ песковъ пустыни и рѣзкихъ очертаній фіорда, въ тѣни розовыхъ садовъ Ривьеры... Ея нѣжное лицо загорѣло, она перестала обращать вниманіе на свои заботливо выхоленные руки. Жажда дѣятельности охватила ее. Какое счастье—быть въ состояніи что-нибудь создать, оставить послѣ себя какую-нибудь память!

Число ея произведеній умножалось,—они возили за собою цѣлыя свертки исписаннаго холста. Сначала Шлибена очень радовалось рвенію Кэте; онъ предупредительно носилъ за нею складной табуретъ и мольбертъ и не уставалъ часами слѣдить за ея работою. Лежа въ скудной тѣни пальмъ, онъ глядѣлъ поверхъ книги на движенія ея кисти. Какое для нея счастье—находить столько удовольствія въ своемъ искусствѣ! Если это и утомляло его немного, онъ молчалъ. Вѣдь онъ не могъ доставить ей никакой другой радости.

И онъ вздыхалъ. Это былъ тотъ же вздохъ, который вырвался у него при видѣ безчисленныхъ, играющихъ на улицахъ, бѣлоголовыхъ ребятишекъ, тотъ же вздохъ, которымъ онъ провожалъ по воскресеньямъ идущихъ цѣлыми семьями въ Тиргартенъ берлинскихъ пролетаріевъ.

Неужели правъ писатель, утверждавшій, что человекъ желаетъ лишь для того, чтобы имѣть дѣтей, наслѣдниковъ его плоти и крови, которымъ онъ можетъ передать свои надежды, желанія, способность къ борьбѣ и приобрѣтенію, дѣтей, исходящихъ отъ него, какъ свѣжіе ростки отъ дерева, являющихся какъ бы символомъ жизни вѣчной? Не есть ли объявленное церковью воскресеніе мертвыхъ это возрожденіе нашей собствен-

ной личности въ грядущихъ поведѣніяхъ? Въ подобной мысли было нѣчто безконечно великое и успокоительное.

— Ты скучаешь?—спросила фрау Кэте, отрываясь отъ работы.

— Какъ?.. Чтò ты говоришь, душа моя?—Онъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, уличенный въ дурномъ умыслѣ.

Она улыбнулась его разсѣянности, возраставшей съ каждымъ днемъ. О чемъ онъ думаетъ? Не собирается ли писать романъ? Почему бы ему и не попробовать? Это не то, что путевые наброски для газетъ. Пишутъ же люди и на половину не такіе свѣдущіе и образованные, какъ онъ.

Онъ покачалъ головою и подумалъ, что если уже создавать что-нибудь, то это произведение должно быть крупнымъ и выдающимся, а то, чтò „создали“ онъ и жена его—развѣ можетъ хотя отчасти назваться таковымъ? И онъ вдругъ принялся строго критиковать ея картину, которою еще вчера любезно восхищался.

Она испугалась. Почему онъ такъ раздраженъ сегодня? Быть можетъ, южный климатъ дѣйствуетъ ему на нервы? Слѣдуетъ скорѣе уѣхать.

И такимъ образомъ они переѣзжали съ мѣста на мѣсто, изъ отеля—въ отель, повуда не устроились на болѣе продолжительный срокъ въ Швейцаріи, на альпійскихъ высотахъ. И снова онъ лежалъ—теперь уже подъ сѣнью сосны, жена его писала, а онъ слѣдилъ поверхъ книги за движеніями ея кисти. На этотъ разъ работа совершенно захватила ее: она писала портреты дѣтей, у которыхъ купила розы: прелестной голубоглазой дѣвочки и мальчика съ плутовскимъ личіемъ. Глаза ея сіяли; цѣлыми днями она думала только объ этой картинѣ: придутъ ли сегодня дѣти? удачно ли освѣщеніе? И все же работа не удалась; внѣшнее сходство было схвачено, но дѣтской души ей уловить не удалось.

Бѣдная женщина! Съ чувствомъ глубокой жалости слѣдилъ онъ за ея усиліями. Когда она наклонялась къ дѣтямъ, не становилось ли все ея лицо матерински-мягкимъ, миловидно закругленнымъ? Настоящій типъ Мадонны! И у этой женщины не было дѣтей.

Нѣтъ, онъ положительно не былъ въ состояніи дольше выносить это! Раздраженно отослалъ онъ дѣтей домой. Картина кончена; отъ этой мазни она не станетъ лучше, скорѣе—наоборотъ.

Вечеромъ Кэте расплакалась. Почему онъ отнимаетъ у нея эту радость? Почему онъ хочетъ уѣхать? Онъ стоялъ у окна, прижавшись лбомъ къ стеклу. Она подошла къ нему и положила

голову на его плечо, стала нѣжно умолять его остаться здѣсь хоть на двѣ недѣли... Хоть на недѣльку? Хоть на три дня? Хоть на два?.. Но онъ молчалъ и каждый разъ отрицательно качалъ головою.

Руки ея, обвивавшія его шею, разжались. Онъ могъ бы подарить ей два дня.

Голосъ ея разрывалъ ему сердце, но онъ крѣпился, убѣждая себя, что лучше порвать сразу. Это будетъ лучше для нея.

— Мы ѣдемъ завтра.

И когда, сильно поблѣднѣвъ, она взглянула на него широко раскрытыми, остановившимися отъ ужаса глазами, у него помимо воли вырвались горькія слова:

— Вѣдь они все равно не твои!

II.

Они уѣхали,—но казалось, что вмѣстѣ съ изумрудною лужайкою, на которой она писала веселыхъ дѣтей,—у фрау Кэте исчезла всякая веселость. Лицо ея приняло прежнее нервное выраженіе, углы рта опустились, она каждую минуту была близка къ слезамъ, и Шлибенъ со страхомъ спрашивалъ себя: неужели онъ понапрасну забросилъ дѣла и обрекъ себя на безцѣльное скитаніе?

Теперь, видя ее сидящею со сложенными руками, онъ ощущалъ почти бѣшенство. Почему она ничего не дѣлаетъ? Почему не пишетъ? Чѣмъ хуже Шварцвальдъ этой проклятой Швейцаріи? Бездѣйствіе начинало тяготить его; онъ стремился къ работѣ, казавшейся ему до сихъ поръ неинтересной. Но Кэте? Чтѣ за жизнь предстоитъ ей дома? Притомъ у нея, очевидно, развивалось малокровіе, и врачъ посоветовалъ ей брать желѣзныя ванны въ Спа.

Кэте почему-то обрадовалась.—Вотъ увидишь,—говорила она мужу,—у меня есть предчувствіе, почти увѣренность, что тамъ съ нами должно случиться что-то хорошее...

Своеобразная мѣстность понравилась ей; степь цвѣла, плоскія вершины холмовъ были покрыты пурпуровымъ цвѣтомъ, и пурпуръ заката сливался съ нимъ. Кэте охотно предпринимала прогулки и поѣздки въ Арденны. Степь околдовала ее. Казавшаяся—въ своемъ легкомъ платьѣ—свѣтлою точкой среди строго задумчиваго ландшафта, Кэте стояла, прикрывъ глаза отъ солнца рукою, любясь безконечнымъ просторомъ, не преграждаемымъ ни хол-

момъ, ни деревомъ, и глубоко вдыхала рѣзкій, свѣжій воздухъ, въ которомъ не чувствовалось близости человѣческаго жилья. Степь разстилалась передъ нею одноцвѣтнымъ ковромъ; лишь мѣстами выглядывали голубыя горечавки и тихо покачивающіеся бѣлыя колокольчики.

— Какъ хорошо!—говорила она съ глубокимъ чувствомъ. Меланхолическій пейзажъ отвѣчалъ ей настроенію. Въ немъ не было раздражающей пестроты; даже солнце, закатъ котораго здѣсь прекраснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, солнце, вспыхивающее такъ ярко, что все небо вспыхиваетъ съ нимъ, а ручейки и торфяныя ямы отражаютъ золотисто-алые лучи, — даже это солнце не кажется черезчуръ ослѣпительнымъ, дерзко лезущимъ. Оно заходитъ въ величавомъ спокойствіи, подобно грозному побѣдителю въ грозномъ бою.

Кэте жадно слѣдила за его угасающими лучами. Оно угасало — и небо становилось мертвеннымъ, но завтра оно снова воскреснетъ, — какъ символъ никогда не умирающей въ человѣчскомъ сердцѣ надежды.

Надъ степью клубились туманы — окутанные тайною, неопредѣленные, непонятные образы, поднимался вѣтеръ, какой-то шелестъ пробѣгалъ въ высокой травѣ, и Кэте казалось, что степь что-то хочетъ ей сказать.

Шла уже шестая недѣля ихъ пребыванія въ Спа. Ночи становились холодными, хотя днемъ еще свѣтило солнце, и Кэте съ грустью соглашалась, что надо уѣзжать. Степная трава отцвѣла, порою подъ ногами хрустѣла изморозь. Несмотря на холодъ, мужъ и жена поднялись на далекій холмъ, съ котораго отрывался видъ на отцвѣтшую равнину. Ничто не нарушало тишины, за исключеніемъ отдаленнаго звона колокола, явственно доносившагося до ихъ слуха. Какъ трогателенъ былъ этотъ звонъ!

Кэте стояла со сложенными руками и влажными глазами. Чтò за чары приковывали ее къ этой степи! Ея душа въ своихъ вѣчныхъ исканіяхъ походила на ребенка, стоящаго на порогѣ сказочнаго міра. Неужели чудо не совершится для нея?

— Это чтò такое? Развѣ ты не слыжалъ?

Она испуганно схватила мужа за рукавъ и, поблѣднѣвъ, приподнялась на цыпочкахъ, вытягивая шею впередъ.

— Вотъ опять! Слышишь?

Ей почудился крикъ ребенка. Шлибенъ сталъ успокоивать ее. Чтò же изъ того? Деревенскіе ребята и женщины собираютъ бруснику. Она уже поспѣла.

И онъ, нагнувшись, сорвалъ вѣточку коралловыхъ ягодъ, ярво выдѣлявшихся на темной зелени овальныхъ листовъ.

— Какъ похоже на мирту!—сказала Кэте, взявъ у него вѣтку,—помнишь, какъ, въ день нашей свадьбы, я отколола миртовый букетикъ отъ моего корсажа, поцѣловала его и дала тебѣ, а затѣмъ мы поцѣловались? До чего мы были тогда счастливы...

Онъ привлекъ ее къ себѣ и спросилъ, улыбаясь: развѣ они не счастливы теперѣ? Но вдругъ она, не отвѣчая, вырвалась отъ него и, бросивъ вѣточку, кинулась въ степь.

— Кэте, чтд случилось? Ты упадешь!—Онъ побѣждалъ за нею, во она такъ неслась, что ему не сразу удалось догнать ее. — Кэте, подожди же... Чтд съ тобой?

Онъ уже схватилъ ее за платье, когда она вдругъ обернулась и съ рыданіемъ упала къ нему на грудь.

— Тутъ все—цвѣтъ и плодъ... Но наша мирта отцвѣла и не принесла плода... Несчастные мы люди!

Опять?... Въ отчаяніи, злобѣ, непонятномъ смущеніи—онъ топнулъ ногою, кровь кинулась ему въ голову.

Эта пустынная мѣстность, отчаянно плачущая женщина—сводили его съ ума.

— Не сердись!—просила она, прижимаясь къ нему. — Видишь ли, я почему-то здѣсь надѣялась, ждала... сама не знаю—чего? и все—напрасно... Дай мнѣ выплакаться...

Чтд онъ могъ сказать ей въ утѣшеніе? Онъ молча гладилъ ее по волосамъ и по лицу, ожидая, пока она затихнетъ. Но вдругъ звуки, уже смутившіе ихъ раньше, послышались ближе. Плакалъ маленький ребенокъ. Кэте прислушалась и, повернувъ назадъ, стала пробираться въ густыя заросли, спотыкаясь на каждомъ шагу.

Ея тонкій слухъ не обманулъ ее. На голой землѣ, безъ подушки и одѣяльца, завернутый въ рваную юбку, лежалъ ребенокъ. Головка его, уже покрытая темными волосиками, лежала на травѣ, и онъ глядѣлъ большими свѣтлыми глазенками прямо въ небо. Возлѣ него не было матери, одна только степь.

Они ошиблись,—онъ не плакалъ, онъ ворковалъ про себя, какъ дѣлаютъ спокойныя, здоровыя дѣти. Его неспеленатая ручонки ухватились за красныя ягоды и раздавили ихъ. Затѣмъ, держа ягоды въ кулачкѣ, онъ поднесъ ихъ къ голодному ротку; губы грудного ребенка были окрашены ягоднымъ сокомъ.

— Совсѣмъ одинъ? — Кэте опустилась на колѣни, обхвативъ его дрожащими руками. — Бѣдный ребенокъ! Посмотри,

Пауль, какой онъ прелестный! Какъ онъ попалъ сюда? Онъ замерзнетъ, умретъ съ голоду... Пусть только явится мать—я прыгну къ ней. Покричи пожалуйста, громче, громче...

Шлибенъ принялся громко звать, но отвѣта не было.

— Никто не идетъ,—шепнула Кэте, и въ голосъ ея, вмѣстѣ съ тревогою, слышалась затаенная радость.

— Мать не особенно безпокоится о немъ. Еще явится ли она? Какое непростительное легкомысліе! Какая жестокость! А что еслибы его укусила змѣя или напалъ волкъ?

Пауль расхохотался. Волковъ и змѣй тутъ, положимъ, не водится, но туманы есть.

Кэте содрогнулась. Она присѣла на корточки, положивъ ребенка въ себѣ на колѣни, и щекотала пальцемъ у него подъ подбородкомъ; она гладила розовыя щечки, но онъ, не отрываясь, глядѣлъ темными и въ то же время свѣтлыми глазенками въ небо. Онъ не улыбался и не плакалъ: онъ просто не обращалъ на постороннихъ никакого вниманія.

Время проходило, а мать не показывалась. Кэте ласкала ребенка, цѣловала его ручки, не обращая вниманія на то, что онъ былъ грязны. Наконецъ она рѣшила, что они унесутъ его съ собою. Не бросать же его здѣсь?

Она выпрямилась, щеки ея разгорѣлись, глаза заблестѣли. Она была прекрасна въ эту минуту. Шлибенъ давно уже не видалъ ее такою—здоровою, счастливою. Онъ предложилъ понести ребенка, но она отказалась. Нѣтъ, она сама возьметъ его.

Кэте уже поднялась, какъ вдругъ отдаленный окликъ призывалъ ее въ мѣсту. Кричалъ грубый женскій голосъ. Вскорѣ вдали показалась высокая фигура въ болтавшейся вокругъ ногъ юбкѣ,—рѣзко вырисовавшаяся на фонѣ блѣднаго неба.

Оттуда она явилась? Изъ-за земляной насыпи, образовавшейся вокругъ торфяной ямы. На рукѣ у нея висѣлъ кузовокъ съ ягодами.

Это была мать. Ужасъ охватилъ поблѣднѣвшую Кэте; даже Пауль смутился, но почувствовалъ въ то же время облегченіе: это была естественная развязка. Женщина довольно рѣзкимъ движеніемъ востытыхъ рукъ взяла дитя у Кэте; не подумавъ поблагодарить ее за вниманіе, она недовѣрчиво оглядѣла пріѣзжихъ.

— Это вашъ ребенокъ?—спросилъ Шлибенъ, хотя вопросъ былъ излишнимъ: темные глазки ребенка походили на глаза матери, уже потускнѣвшіе, словно подернутые жизненнымъ налетомъ.

Женщина не отвѣчала, и лишь при вторичномъ вопросѣ, увидѣвъ, что Шлибенъ опустилъ руку въ карманъ, она сочла возможнымъ коротко отвѣтить:

— C'est l'm'in!

Лицо ея оставалось мрачнымъ, и Кэте возмутилась. Мать видѣла въ ребенкѣ лишнее бремя. Мучительная зависть охватила ее. Подобная женщина не заслуживала имѣть дѣтей. Она готова была вырвать его у нея изъ рукъ. Что за грубое лицо, что за жесткое выраженіе! Ея мрачный взглядъ могъ напугать кого угодно. Онъ смягчился, впрочемъ, при видѣ вынудой Паулемъ монеты. Фи! Сколько жадности было въ этомъ взорѣ! Она протянула руку и перевела духъ, когда ея загорѣлые пальцы крѣпко ухватились за крупную серебряную монету.

— Merci! — Мимолетная улыбка озарила непривѣтливое лицо; затѣмъ, взявъ одною рукою ребенка, а другою — тяжелый кузовокъ съ ягодами, она собралась уходить. Теперь можно было видѣть, до чего заплатана ея грубая юбка; изъ-подъ ситцеваго платка выбивались пряди всклокоченныхъ волосъ; на ногахъ ея были тяжелые мужскіе сапоги. По ея наружности трудно было рѣшить: молода она или уже въ годахъ? Плоская грудь и костлявая фигура безобразили ее, но лицо не казалось некрасивымъ; ребенокъ походилъ на нее.

По просьбѣ жены, Пауль попытался заговорить съ нею, похвалилъ ребенка и спросилъ: гдѣ она живетъ?

Сначала она отвѣтила на своемъ нарѣчій: — Je ne со'ргѣ-пау! — а затѣмъ, быть можетъ въ надеждѣ на вторичную подачку, прибавила жалобно-плаксивымъ тономъ:

— No pava пау de pain et tat d's enfa'ts!

— Вы — валлонка?

— Ау!.. Longfaye! — И, поднявъ руку, она указала куда-то вдаль.

Пауль зналъ, что Longfaye — очень бѣдная валлонская деревушка, и снова полѣзъ въ карманъ, но Кэте удержала его руку, шепнувъ: — Мы лучше оставимъ денегъ синдику деревни для ребенка, для этого бѣдняжки!

Женщина не могла, конечно, понять ея словъ, но взоръ ея съ быстротою молніи упалъ на изящную горожанку. Чего же они ее держатъ, если не хотятъ ничего дать ей? Чуть замѣтно кивнувъ головою и буркнувъ: „Adieu!“ — валлонка увѣренно зашагала впередъ, и скоро ея безцвѣтная фигура слилась съ зарослями. Солнце исчезло вмѣстѣ съ ребенкомъ. Сѣрый туманъ поднимался надъ степью.

III.

Деревенскій синдикъ пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство отъ посѣщенія важныхъ господъ. Онъ не зналъ, гдѣ принять ихъ, такъ какъ въ домѣ его помѣщались поросята и телята, а свинья тутъ же валялась въ грязи у дверей. Поэтому онъ предложилъ имъ пройтись по дорогѣ.

Кэте была блѣдна и, очевидно, плохо спала, но она улыбалась и въ ея чертахъ выражалось напряженно-радостное ожиданіе. Шлибенъ казался очень серьезнымъ. Не готовится ли онъ совершить изъ любви къ женѣ величайшую неосторожность, крайне необдуманнѣйшій поступокъ? Что если изъ этого не выйдетъ добра?

Они провели тревожную ночь. Кэте созналась ему робко, но съ испугавшею его страстностью, что ребенокъ не выходитъ у нея изъ ума. Она хочетъ, она во что бы то ни стало должна имѣть его! У этой женщины куча дѣтей, а у нея—ни одного. Она была бы такъ счастлива, такъ невыразимо счастлива съ нимъ!

— Милый, не отказывай въ моей просьбѣ, сдѣлай меня счастливою... Дай мнѣ этого ребенка!

Она плакала, ея руки обнимали его, ея поцѣлуи сыпались на его лицо.

Онъ старался всячески отговорить ее. Что, если ея влеченіе остынетъ,—въ какое положеніе будетъ она поставлена относительно своего приемыша? Кэте возмущилась. Неужели онъ можетъ такъ думать о ней? Они усыновятъ ребенка, она сама воспитаетъ его. Что изъ того, что они — не одной крови? Она въ это не вѣритъ. Онъ будетъ ея сыномъ по духу. Пауль самъ скоро позабудетъ, что ребенокъ—не родной ихъ сынъ. Онъ станетъ звать ихъ отцомъ и матерью: они будутъ отцомъ и матерью для него.

Пауль былъ поколебленъ. Передъ его умственнымъ взоромъ воскресли картины, которыя онъ уже не надѣялся видѣть. Онъ увидѣлъ улыбающуюся жену, держащую на колѣняхъ смѣющагося ребенка.

Онъ чувствовалъ, что самъ улыбается при звукахъ дѣтскаго лепета: „Па-па!“

Пауль поцѣловалъ жену, и въ этомъ поцѣлуѣ было согласіе.

Они проснулись поутру совершенно разбитыми, но радостно возбужденные, какъ люди, ожидающіе дорогого гостя. Кэте улы-

жились, они сегодня же выйдутъ въ Берлинъ,—ребенку не годится быть въ отелѣ. По дорогѣ въ Longfaye оба они волновались; вмѣсто коляски они взяли на этотъ разъ ландо, запаслись пледями и одѣялами, Пауль захватилъ съ собою даже свои документы. Радостно скользнулъ взоръ Кэте по степи — такой пустынной съ виду, но ставшей для нея сказочной страной. Невольно вспомнились ей библейскія слова: „И по прошествіи назначеннаго срока имъ былъ дарованъ сынъ“. Она знала, она была увѣрена, что чудо совершится здѣсь, здѣсь...

Мужъ тихо пожалъ ей руку, и она отвѣтила на его пожатіе. Теперь она снова любила его, какъ въ первые дни ихъ брака: онъ дарилъ ей высшее счастье жизни — сына.

Не легко оказалось объяснить Синдикъ, что они желаютъ усыновить ребенка: онъ подумалъ, что господа надъ нимъ смѣются. На что имъ понадобился ребенокъ Лизы Солгейдъ? Онъ недоуменно выслушивалъ объясненія Шлибена, и лишь послѣ того, какъ Кэте, нетерпѣливо потянувъ его за рукавъ, крикнула ему въ лицо: — Да поймите же, у насъ нѣтъ дѣтей! Мы хотимъ имѣть ребенка! — лишь тогда онъ дѣйствительно понялъ.

— Нѣтъ дѣтей? Какая жалость! — Синдикъ сразу сдѣлался доступнѣе и съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на богатую, красивую, но бездѣтную даму. Вотъ счастье-то привалило Жанъ-Пьеру! Вѣроятно, Лиза отдастъ его. Послѣ смерти мужа она очень бѣдствуетъ...

Какъ? Мужа ея нѣтъ въ живыхъ? У Шлибена гора свалилась съ сердца. Отецъ могъ оказаться пьяницей или шантажистомъ. Но отчего онъ умеръ? Климатъ здѣсь нездоровый, рѣзкія перемены температуры вліяютъ на горло и легкія. Не страдалъ ли онъ чахоткою?

Никласъ Рошеръ расхохотался. Мишель Солгейдъ ни разу въ жизни не былъ боленъ и не отъ болѣзни онъ умеръ. Онъ работалъ на фабрикѣ машинъ — голый до пояса, жаръ и холодъ были ему нипочемъ. Въ день Петра и Павла, съ годъ тому назадъ, получивъ сверхъ-урочную плату, онъ вздумалъ купить фунтика два кофе и еще кое-чего для жены. Всѣ такіе припасы много дешевле за границей... Но проклятые стражники (тутъ старикъ погрозилъ кулакомъ по направленію къ степи) — цѣльхъ четверо погнались за нимъ. Ни за что бы имъ было не поймать его, — онъ бѣгалъ какъ олень, — но онъ не хотѣлъ показать имъ, откуда онъ, и поэтому все время кружилъ, да и мѣшка своего онъ изъ самолюбія не захотѣлъ бросить. Два раза они кричали ему: „Стой!“ а въ третій разъ — помилуй насъ Господь

Богъ! — одинъ изъ нихъ выпалилъ. Пуля попала ему въ спину навывлетъ...

— Послѣ этого онъ прожилъ еще добрый часъ, — продолжалъ синдикъ. — Послали за женою, она была въ то время беременна на шестомъ мѣсяцѣ, — но она уже не успѣла съ нимъ проститься. Его положили у большого креста, хотѣли довести его до деревни, но онъ не позволилъ. „Нѣтъ“, говоритъ, „хочу здѣсь помереть“, и все на солнце глядѣлъ. А оно въ этотъ день было огромное, словно въ день Страшнаго суда Господня. Весь онъ былъ въ поту и крови, помиралъ человекъ, а солнцу все-таки радовался... Тотъ, что пристрѣлилъ его — заливался плакалъ... Вотъ ужъ, прости Господи, — у старика вырвалось движеніе отвращенія, — не хотѣлъ бы я быть стражникомъ!

Голосъ его вдругъ сдѣлался болѣе глубокимъ и хриплымъ отъ волненія, но, помолчавъ, онъ прибавилъ съ прежнимъ равнодушіемъ:

— А теперь, если вы желаете, мы отправимся, сударыня.

— И вы думаете, что вдова согласится отдать этого ребенка, рожденнаго послѣ смерти отца?

— Ну, если вы предложите ей кругленькую сумму! У нея и такъ цѣлая куча ребятъ.

Синдикъ снова сдѣлался крестьяниномъ себѣ на умѣ, который не прочь околпачить „господъ“, — это былъ уже не прежній человекъ, говорившій о смерти Мишеля Солгейда и о солнцѣ.

— Сотню талеровъ дадите? — спросилъ онъ, покосившись въ сторону господина. Сколько у него, должно быть, деньжищъ, — даже не поморщился!

IV.

Хижина Лизы Солгейдъ стояла одиноко, подобно остальнымъ домамъ деревушки, за высокою изгородью изъ кустарника, мѣстами порѣдѣвшей и нуждавшейся въ уходѣ. Развѣвавшіяся по вѣтру засохшія вѣтки — казались трепетавшими въ воздухѣ костлявыми пальцами. До чего тутъ должно быть холодно зимою!

Кѣте невольно плотнѣе закуталась въ суконное, подбитое шолкомъ манто. Овошки были крошечныя, крыша нависла надъ входомъ. Синдикъ постучалъ, но отвѣта не было. Должно быть, Лиза ушла съ дѣтьми по ягоды. Но изъ запертой хижины доносился голодный крикъ ребенка.

Бѣдное дитя! Она опять бросила его! Крикъ ребенка казался Кѣте воплемъ о помощи.

Синдикъ спокойно присѣлъ на бревно и вытащилъ изъ кармана своей синей блузы трубочку. Придется подождать.

Мужъ и жена съ огорченіемъ переглянулись. Ждать? Кэте отказалась присѣсть на володу, хотя синдикъ не безъ галантности очистилъ ей мѣсто; она безповойно ходила взадъ и впередъ, стараясь заглянуть въ подслѣповатыя окошечки, а изъ хижины все громче и отчаяннѣе доносился плачь ребенка.

Синдикъ разсмѣялся. Здорово реветъ мальчишка! Ну и легкія, чего сказать, у этого Жанъ-Пьера! Кэте не могла слышать плача, — онъ причинялъ ей душевную и физическую боль. Какъ онъ отдается въ ухахъ! Она прикрыла ихъ ладонями; сердце ея трепетало отъ жалости и негодованія. Какъ могла мать оставлять его на такое долгое время? Потъ выступилъ у нея на лбу; горящимъ, нетерпѣливымъ взоромъ впиалась она въ даль. Вотъ наконецъ на дорогѣ показались фигуры. У нея захватило духъ и сердце безумно забилось: это шла мать.

Лиза Солгейдъ тащила на спинѣ огромную вязанку хвороста, тяжестью своею почти пригибавшую ее къ землѣ. Трое дѣтей бѣжали впереди, четвертый цѣплялся за юбку матери; всѣ они — даже младшій — собирали ягоды. Всѣ четверо были красивыя дѣти; у нихъ, какъ и у Жанъ-Пьера, были большіе темные глаза, которыми они полузастѣнчиво и полудержко уставились на незнакомыхъ господъ.

Дѣйствительно ли не узнала Лиза своихъ вчерашнихъ собесѣдниковъ, или только сдѣлала видъ, что не узнала? Веревка, придерживавшая хворостъ, сильно врѣзалась ей въ плечи и грудь, — она развязала ее и сильнымъ движеніемъ сбросила ношу на землю, затѣмъ схватила топоръ и, не обращая вниманія на присутствующихъ, принялась колоть большой сучъ.

— Послушай, Лиза, открой намъ дверь, когда наколешь дровъ, — обратился къ ней синдикъ, между тѣмъ какъ мужъ и жена отошли въ сторону. Пусть синдикъ первый переговорить съ нею. Дѣло оказывалось не такимъ легкимъ, какъ они думали.

Лицо вдовы не измѣнило своего замкнутаго выраженія; молча, съ плотно сжатыми губами, она продолжала колоть сучья, — щепки такъ и летѣли подъ ее мощными ударами. Слушала ли она то, что ей говорилъ синдикъ? Да! Мужъ и жена обмѣнялись взглядомъ. Она отвѣтила ему съ большею живостью, чѣмъ можно было предположить, судя по ея сумрачно-апатичному виду.

Лиза Солгейдъ подняла руки и указала на хижину, гдѣ все еще надрывался ребенокъ. Грубо звучала ея рѣчь на варварскомъ

валлонскомъ нарѣчїи. Она возвысила голосъ, онъ—тоже; казалось, что они бранятся.

Кэте прислушивалась со страхомъ. Неужели она не соглашается? — Предлагай больше — двѣсти, триста, тысячу... И ему также пообщай за труды... Боже, какъ вричьть бѣдное дитя!

Дѣти стояли тутъ же, не шевелясь, съ неутертыми носиками, засунувъ пальцы въ ротъ. Наконецъ вдова окликнула ихъ, старшая дѣвочка отворила дверь, и прїѣзжіе, по приглашенію хозяйки, буркнувшей: „Entrez!“ — вошли въ хижину, состоявшую изъ одной комнаты и такую темную, что они въ первую минуту ничего не могли разглядѣть. Шлибену пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головою въ балку. Очагъ былъ грубо сложенъ изъ кирпича, надъ нимъ висѣлъ желѣзный котелъ. Нѣсколько глиняныхъ тарелокъ съ отбитыми краями, пара котелковъ, кувшинъ для молока — на полѣ, большая кровать въ углу, кое-какая одежда на стѣнѣ, скамья и столъ, на которомъ лежало четверть-хлѣба — такова была обстановка, если не считать колыбели Жанъ-Пьера.

Кэте съ дрожью оглядѣлась. Какая безнадежная, неприкрашенная нищета! Она замѣтила пестрый образокъ Мадонны и подъ нимъ — фарфоровую чашечку для святой воды, а также — плохую фотографію, изображавшую покойнаго Мишеля Солейда въ солдатской формѣ. Она винула на портретъ боязливый взглядъ, — ей вспомилась его кровавая смерть въ степи. Неужели Жанъ-Пьеръ будетъ хоть сколько-нибудь похожимъ на отца?

Шлибенъ ждалъ, чтобы жена заговорила, но она молчала; молчалъ и посредникъ, вѣжливо предоставляя слово „господамъ“. Женщина тоже ничего не говорила. Она отмахнулась отъ дѣтей, винувшихся-было къ жесткому хлѣбу, и, подойдя къ колыбели, остановилась у нея. Хотя лицо ея оставалось безстрастнымъ, но видно было, что въ ней происходитъ борьба. Шлибенъ рѣшился наконецъ заговорить — дружелюбно, но не безъ смущенія. Свидикъ передалъ ей, что они желаютъ взять къ себѣ, усыновить (adopter) ея ребенка. Они будутъ обращаться съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ, доставятъ ему все, чего она, конечно, не можетъ дать ему...

— Мы такъ будемъ его любить! — прервала Кэте.

Черная женщина обернулась къ ней и смѣрила ее взглядомъ, выраженіе котораго трудно было опредѣлить.

Кэте жадно смотрѣла на ребенка: теперь онъ уже не плакалъ, даже улыбался, — и вдругъ онъ протянулъ къ ней ручки, онъ просился къ ней, къ ней...

Радостная краска кинулась ей въ лицо; она уже хотѣла взять его, но тутъ между нею и имъ стѣною встала его мать.

— Нѣтъ!— жестко проговорила женщина, отстраняя ее движеніемъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правую она перекрестила лобъ ребенка, а затѣмъ его грудь.

Но почему же она не желаетъ отдать его? Кѣте дрожала отъ страха и взоромъ умоляла мужа помочь ей... Шлибенъ продолжалъ:

— Мы обезпечимъ будущность вашего ребенка; ему придется работать лишь изъ любви къ труду, не ради хлѣба насущнаго. Онъ никогда не будетъ голодать. Понимаете ли вы?

Изъ всѣхъ этихъ словъ валлонка поняла одно: ему не придется голодать. Но, тѣмъ не менѣе, она повачала головою, повторяя:— Нѣтъ! Nenni!

Она показала на себя, на другихъ дѣтей, на разстилавшуюся впереди степь и добавила:— Мы всѣ голодаемъ.— Угли ея сумрачнаго рта даже приподнялись, обнаживъ крѣпкіе зубы; что-то вроде покорной усмѣшки оварило ея лицо.

Тутъ вмѣшался синдикъ.

— Не велика радость голодать, Лиза! Чего ты ломаешься? Мальчуганъ попадетъ изъ ада прямо въ царствіе небесное. У тебя вѣдь ихъ цѣлая четверка.

Она кивнула головою, словно соглашаясь, но затѣмъ закинула ее назадъ; взглядъ ея обратился теперь уже съ очевидною ненавистью къ богатой, съ кольцами на пальцахъ, женщинѣ, глядѣвшей на ея Жанъ-Пьера.

— Нѣтъ! — повторила она еще упрямѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ раньше:— не хочу!

— Ты не хочешь?— Старикъ принялся кричать на нее:— ты похожа на мою корову, которая все норовитъ ударить ногою по подойнику. А чѣмъ ты будешь кормить всѣхъ пятерыхъ зимою? Если будутъ такіе холода, какъ прошедшею зимою, заморозишь ты своего Жанъ-Пьера. Старшіе покрѣпче. тѣ вынесутъ. Вѣдь ты могла бы купить себѣ корову, крышу перекрыть... Дѣло хорошее, Лиза.

— Сколько вы мнѣ дадите? — внезапно спросила Солгейдъ.

Она подняла голову, ея сумрачный взоръ скользнулъ по нищенской комнатѣ и четверымъ дѣтямъ. На пятого она не взглянула. Она такъ поблѣднѣла, что ея темное лицо стало пепельно-сѣрымъ.

— Что тебѣ дадутъ? Ну, что вы дадите, господинъ? Двѣсти талеровъ маловато за такого ребенка. Поглядите, какой онъ крѣ-

пышѣ... Не правда ли, сударыня? Двѣсти, двѣсти-пятьдесятъ, триста талеровъ...

Старикъ набавлялъ, какъ на аукціонѣ.

Кэте была очень блѣдна, слезы стояли въ ея глазахъ. Скорѣе, скорѣе вонъ отсюда!

— Вотъ пятьсотъ, — сказалъ Шлибенъ, вынимая бумажникъ.

Крестьянинъ вытянулъ шею, чтобы взглянуть; глаза его словно остановились. Онъ никогда еще не видывалъ, чтобы человѣкъ такъ легко разставался съ деньгами!

Солгейдъ кинула мимолетный взглядъ на банковые билеты, положенные Шлибеномъ рядомъ съ краюхою хлѣба, но жадный блескъ въ ея глазахъ сразу потухъ.

— Нѣтъ, — проворчала она угрюмо.

— Накиньте еще что-нибудь, — шепнулъ старикъ.

Шлибенъ положилъ еще пару билетовъ. Вся эта процедура была ему чрезвычайно противна: Скорѣе бы конецъ!

При видѣ такой щедрости, старый Никласъ не выдержалъ. Онъ подскочилъ къ Лизѣ и сталъ трясти ее за плечи. Ополумѣла она что-ли? Шестьсотъ талеровъ чистоганомъ на столѣ — и она не беретъ ихъ? У кого тутъ есть шестьсотъ талеровъ за душой? Такія деньги, такія деньги!

Его худое лицо, которое вслѣдствіе долгихъ лѣтъ тяжелой работы на холоду и въ вѣтеръ стало похоже на деревянное, все вздрагивало отъ волненія, каждая жилка въ немъ трепетала.

Со стукомъ выпалъ изъ руки женщины топоръ, который она до сихъ поръ машинально сжимала въ ней. Не поднимая головы, не глядя ни на деньги, ни на колыбель, она сказала громко, но совершенно беззвучнымъ голосомъ:

— Хорошо. Жанъ-Пьеръ — вашъ!

Она тяжелыми шагами отошла къ очагу и принялась шевелить тлѣющій торфъ.

Какое возмутительное равнодушіе! Кроткіе глаза фрау Кэте засверкали, даже Пауль былъ возмущенъ. Напрасно совѣсть мучила его за то, что они берутъ у матери ребенка.

Синдикъ взялъ деньги, положилъ ихъ въ конвертъ, оставленный Шлибеномъ, и велѣлъ Лизѣ убрать ихъ. Она взяла у него конвертъ и спрятала его въ карманъ своей нижней заплатанной юбки. Затѣмъ Шлибенъ написалъ на вырванномъ изъ записной книжки листѣ актъ отреченія матери отъ ея правъ на сына, синдикъ подписалъ его, а Лиза поставила крестъ. Оставалось только просить синдика выслать ему метрику ребенка; Пауль

далъ ему свой берлинскій адресъ и незамѣтно вложилъ въ руку старика пару золотыхъ.

Кэте вынула ребенка изъ колыбели и, нѣжно прижавъ его къ себѣ, укутала его въ свое мягкое теплое манто. Вѣдь это было теперь ея собственное, нѣжно любимое, выстраданное ею дитя.

Братъ и сестры маленькаго Жанъ-Пьера молча стояли, вытаращивъ глаза. Вѣроятно, они не понимали, что ихъ маленькаго брата совсѣмъ берутъ отъ нихъ,—иначе они выразили бы чѣмъ-нибудь свои чувства. Но они смотрѣли только на хлѣбъ, лежавшій на столѣ. Шлибенъ ощутилъ живѣйшее состраданіе къ этимъ бѣдняжкамъ, которые должны были остаться здѣсь — голодные и холодные. Онъ сунулъ каждому въ руку по монетѣ; они не поблагодарили, но пальцы ихъ крѣпко ухватились за деньги.

И Солгейдъ тоже не поблагодарила. Когда чужая женщина взяла изъ колыбели ея ребенка, она содрогнулась и теперь стояла, не шевелясь, у пустой колыбели. Она видѣла, какъ Жанъ-Пьера укутали въ теплое манто. Ей нечего было дать ему съ собою.

Несмотря на равнодушіе матери, Шлибенъ до самой послѣдней минуты опасался сцены, но женщина оставалась спокойною. Ея опущенная рука касалась кармана, въ которомъ лежали деньги—цѣна ея материнской любви. Въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, въ борьбѣ съ ужасающею нищетою, эта несчастная до того утратила образъ и подобіе человѣка, что разлука съ ея младшимъ ребенкомъ уже не причиняла ей страданія. Не такую матью будетъ для него Кэте.

Они поспѣшно направились къ выходу. На порогѣ Кэте еще разъ обернулась; хотя эта женщина, очевидно, была безчувственна, но чувство сожалѣнія къ ней заставило Кэте оглянуться.

Вдругъ раздался крикъ—короткій, рѣзкій, пронизывающій, потрясающій до мозга костей. Единственный, исторгнутый мукою и ненавистью крикъ.

Солгейдъ нагнулась. Рука ея подняла упавшій топоръ. Она швырнула имъ, какъ копьемъ. Лезвіе, сверкнувъ, пролетѣло надъ головою уходящей женщины и съ трескомъ вонзилось въ косякъ двери.

V.

Они бѣжали съ ребенкомъ. Это было настоящимъ бѣгствомъ. Кучеръ хлестнулъ по лошадямъ, колеса закрипѣли. Деревня, какъ страшный сонъ, осталась позади.

Надъ степью внезапно спустился туманъ и, вмѣсто широкихъ далей, оказывалась сплошная глухая стѣна, могучая и непроницаемая, созданная болотными испареніями; она ли поднималась отъ земли до облаковъ, или облака опустились до земли?

Небо и степь слились. То и другое было пронизывающимъ, сырмъ, холоднымъ, жидкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плотнымъ, таинственнымъ и зловѣщимъ сѣрымъ туманомъ, — туманомъ, отъ котораго невозможно спастись заблудившемуся путнику. У него тысячи рукъ, такъ тѣсно обхватывающихъ жертву, что она не можетъ двинуться ни назадъ, ни впередъ; вопль о помощи замираетъ въ ея горлѣ, сдавленномъ ужасомъ, а ослѣпленный взоръ не видитъ ни пути, ни выхода.

Кучеръ сыпалъ проклятіями и погонялъ лошадей; дороги совсѣмъ не было видно; исчезли канавы по сторонамъ и телеграфныя столбы; широкое, проложенное съ такимъ трудомъ шоссе — словно расплылось. Къ счастью, лошади не заблудились, — съ громкимъ ржаньемъ онѣ подвигались впередъ въ морѣ тумана.

Кэте дрожала и плотнѣе укутывала ребенка въ пледы и одѣяло, которыми она догадалась заpastись. Мужъ обнялъ ее рукою, словно защищая ее. Они велѣли закрыть лавдо, но холодный туманъ проникалъ во внутрь кареты и затруднялъ дыханіе. Кэте покашливала; она вздрагивала не отъ радости, но отъ страха за свое сокровище. Чтѣ если мать настигнетъ ихъ — эта страшная женщина со сверкающимъ топоромъ? Она зажмурилась, сиюсь отогнать это видѣніе, но затѣмъ снова открывала ихъ; сердце ея билось, на лбу выступалъ потъ. Этотъ образъ всегда будетъ преслѣдовать ее и во снѣ. До своей послѣдней минуты она не перестанетъ видѣть женщину со сверкающимъ топоромъ!

Топоръ просвисталъ надъ ея головою, она ощутила холодную струю воздуха на вискахъ; онъ не задѣлъ ее и вонзился въ косякъ двери, но она чувствовала какую-то внутреннюю боль и со страхомъ подносила руки къ вискамъ. Никогда не отдѣлаться ей отъ этого страха.

Пауль былъ разстроенъ. Чтѣ еслибы эта страшная женщина убила его жену? Онъ мысленно упрекалъ себя: какъ онъ могъ связаться съ подобными людьми? Онъ съ досадою поглядывалъ на мирно спавшаго въ объятіяхъ его жены ребенка. Будетъ ли онъ въ состояніи полюбить его? Да, онъ поступилъ неблагоразумно, — не слѣдовало соглашаться...

Вѣтеръ завывалъ какъ злой песъ и бросался навстрѣчу лошадямъ, которыя съ трудомъ подвигались впередъ. Глядя сквозь

затуманенныя мокрыя стекла кареты, новый отецъ говорилъ себѣ, что никогда ребенокъ не долженъ знать о своемъ происхожденіи. Видя, что жена вся ушла въ созерцаніе спящаго ребенка, онъ еще болѣе нахмурился и хотѣлъ взять ея правую руку, которою она поддерживала тяжело лежавшую на ней маленькую головку.

— Не утомляйся... Заснетъ и такъ!

И въ отвѣтъ на ея озабоченное:—Шшъ!—онъ сказалъ выразительно:—Скажу тебѣ одно: не отдавай ему сразу своего сердца, обожди.

— Что такое? Почему ты говоришь такъ... такъ нехорошо?— Она тихо разсмѣялась—счастливымъ смѣхомъ,—слава Богу, все это ужасное миновало, а мать скоро забываетъ о страданіяхъ, причиненныхъ ей рожденіемъ ребенка. Посмотри!—и она съ осторожною ласкою коснулась раскраснѣвшей отъ сна щеки Жанъ-Пьера:—посмотри, какъ онъ прелестенъ, какъ невинентъ! Я такъ радуюсь. Порадуйся же и ты, Пауль, вѣдь ты такъ добръ... Давай лучше придумывать, какъ мы назовемъ нашего мальчика.

Въ каретѣ становилось уютнѣе. Казалось, что отъ мирно спавшаго дѣтскаго тѣльца струилась благотворная теплота, дыханіе жизни исходило изъ его ровно дышащей здоровой груди, радость жизни свѣтилась въ розовыхъ, все болѣе и болѣе разгоравшихся щечкахъ, благословеніе жизни чувствовалось въ маленькихъ, крѣпко сжатыхъ кулачкахъ.

Пауль, странно растроганный, взялъ одинъ изъ этихъ кулачковъ въ свою руку и съ улыбкою глядѣлъ на него. Вѣдь они были родители.

А вокругъ все сильнѣе разыгрывалась буря; такъ можетъ бушевать только осень въ степи. Тутъ не бываетъ постепеннаго уведенія, тихаго приближенія зимы, переходовъ отъ холода къ теплу. Ледяной вѣтеръ со стономъ, свистомъ, рычаніемъ и воемъ носится по равнинѣ, поднимаетъ зыбь на болотахъ и плѣсахъ, валяется на уцѣлѣвшій ельникъ, который тяжело стонетъ и трещитъ подъ его напоромъ, а затѣмъ несется далѣе среди усѣявшихъ равнину крестовъ... Надъ равниною что-то гудѣло, подобное органу или прибою морскихъ волнъ, — это природа исполняла на органѣ бури пѣснь своего всемогущества.

Карета ползла по равнинѣ, какъ жалкое насѣкомое, и вѣтеръ всѣми силами старался слунуть, снести ее—вмѣстѣ съ сидящими въ ней людьми. Эти пришельцы, эти похитители увозили съ собою вѣчто, принадлежавшее степи—всецѣло и безраздѣльно ей одной.

Шла настоящая борьба. По временамъ кучеру приходилось слѣзать съ козелъ и вести подъ уздцы упирившихся, храпѣвшихъ лошадей. Изъ овраговъ поднимались и кивали призраки въ туманныхъ одеждахъ; они свивались и развивались, плакали. стонали, — тихая степь словно ожила.

Сквозь море тумана неслись стаи птицъ; онѣ кружились надъ каретою и испускали рѣзкіе, пронзительно-дикие крики. Но сегодня въ этихъ крикахъ не слышалось торжества: они звучали какъ жалоба.

Степь плакала. Крупныя капли падали изъ тумана; вскорѣ и самый туманъ обратился въ слезы, — медленно падающія, а затѣмъ — въ неудержимыя, лющіяся бурнымъ потокомъ слезы.

VI.

Шлибены благополучно достигли Берлина.

При выходѣ изъ купе, Кэте имѣла измученный видъ, волосы ея растрепались, она отчасти утратила свою элегантность. Не легко было совершить такое путешествіе съ ребенкомъ. Къ счастью, имъ еще удалось найти въ Кельнѣ хорошую няню, любящую дѣтей, добродушную и обходительную, но у матери все же оказалось много дѣла. Не простудился бы ребенокъ, нравится ли ему молоко въ рожкѣ? Ни пѣніе, ни укачиваніе — ничто не помогало; онъ кричалъ во всю дорогу до Берлина изо всей силы своихъ здоровыхъ легкихъ.

Но вотъ они, слава Богу, дома. Здѣсь все пошло какъ по маслу. Въмѣсто квартиры въ городѣ, они наняли виллу въ Грунвальдѣ, — нельзя же запереть такого ребенка въ душномъ городѣ, ему необходимъ садъ.

Мальчика назвали Вольфгангомъ. Въ словѣ „Вольфъ“ было нѣчто короткое, властное, энергическое, отъ него вѣяло тою степью, надъ которою они одержали побѣду. „Маленькій Вольфъ!“ — повторяла молодая мать по сту разъ въ день.

Молодая мать! Кэте чувствовала себя помолодѣвшею въ ребенкѣ, совсѣмъ молодою. Никто не далъ бы ей ея тридцати-пяти лѣтъ, и она сама — менѣе всѣхъ. Однимъ духомъ она взбѣгала по лѣстницѣ, услыжавъ, что Вольфъ проснулся и требуетъ рожокъ.

Ей, проводившей ранѣе цѣлыя часы на кушеткѣ, теперь не приходило въ голову прилечь днемъ. Какъ безцвѣтна и безсодержательна была до этого ея жизнь! Она ежедневно сопровождала ребенка на прогулку, и ей доставляло удовольствіе самой

браться за ручку бѣлой лакированной съ золотыми гвоздиками колясочки. Прохожіе любовались элегантною колясочкой и въ особенности—красивымъ ребенкомъ. Сердце ея радостно билось при восклицаніяхъ: „Прелестное дитя! Чудные глаза!“ Она преисполнялась чувствомъ блаженной гордости, голова ея высоко поднималась, глаза сіяли счастьемъ. Всѣ принимали ее за мать, за молодую мать годовалаго дитяти, за красавицу-мать красиваго ребенка. Многіе упоминали о сходствѣ: „Вашъ портретъ, сударыня, только волосы потемнѣе вашихъ“. И она улыбалась и краснѣла,—не могла же она объяснять людямъ, что въ жилахъ ребенка течетъ не ея кровь? Просыпаясь, онъ прежде всего искалъ глазами ее; она же убаюкивала его на сонъ грядущій. Никто не умѣлъ такъ хорошо пѣть:

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Воетъ вѣтеръ за окномъ,
Дождь въ окошечко стучить,
У сосѣда песь ворчить,
Лааетъ песь на бѣдняка
И хватается за бока...

И каждый вечеръ Вольфъ сладко засыпалъ подъ звуки пѣсни о вѣтрѣ, дождѣ, о безпріютныхъ и беззащитныхъ людяхъ, на которыхъ выдается сосѣдній песь...

Теперь Шлибень уже не могъ пожаловаться на настроеніе своей жены,—она была весела, жезнерадостна, здоровье ея поправилось, и онъ самъ принялся съ чуждымъ ему до сихъ поръ рвеніемъ за свое дѣло, обнаруживъ, къ изумленію своихъ компаньоновъ, предпримчивость и коммерческую сметку. Въ прежнія времена онъ умѣлъ только тратить деньги, а не наживать ихъ; ему съ женой было достаточно и того, что они имѣли; теперь, сидя въ конторѣ за счетами, онъ иногда ловилъ себя на мысли: „Это пригодится для мальчугана!“—но сейчасъ же сердито вскакивалъ съ мѣста. Онъ взялъ ребенка изъ угожденія женѣ,—не желаетъ онъ любить его да и только!

И однако, возвращаясь подъ вечеръ домой и съ наслажденіемъ вдыхая ароматы сосенъ, еще болѣе обострившій аппетитъ, онъ при видѣ мальчика, бѣжавшаго къ нему навстрѣчу съ крикомъ: — „Папа, кушать хочу, пойдемъ кушать!“—не могъ удержаться, чтобы не поднять крикуна и не подбросить его еверху. Онъ все таки былъ славный мальчишка и кушалъ молодцомъ. Слава Богу, сытъ онъ будетъ всегда.

Чувство неиспытаннаго имъ ранѣе довольства и домашняго

уюта охватывало Шлибена. Онъ приобрѣлъ въ собственность хорошенькую виллу, купилъ участокъ земли подъ садъ: не-пріятно будетъ, если кто-нибудь поселится у нихъ подъ бокомъ. Сначала Шлибену не нравилась мысль поселиться за городомъ, но теперь онъ находилъ ее чудесной. Здѣсь именно чувствуешь себя „дома“. И, подгоняемый колоссальнымъ аппетитомъ, онъ слѣдовалъ за мальчуганомъ въ столовую, гдѣ ихъ ожидала Кэте.

День, въ который Вольфангу Шлибену надѣли первые штанишки, былъ днемъ семейнаго торжества.

Кэте, желая сдѣлать мужу сюрпризъ, заказала фотографію мальчика въ новомъ костюмѣ и поставила ее на столъ мужа въ день его рожденія. Шлибенъ остался очень доволенъ подаркомъ. Здоровякъ-мальчишка! Ему всего три года, а можно дать всѣ четыре, и видъ у него таковой задорный, какъ у пятилѣтняго, который уже не прочь подраться съ товарищемъ...

Къ обѣду собрались гости; окна красивой виллы были ярко освѣщены, а въ саду царилла совершенно итальянская ночь—до таковой степени былъ тепелъ воздухъ и небо усѣяно звѣздами; между вѣтвей и кустовъ горѣли—подобные свѣтлякамъ—пестрые фонарики.

Въ верхнемъ этажѣ виллы, въ комнатѣ, слабо озаренной лампою подъ матовымъ колпакомъ, спокойно спалъ Вольфъ; а внизу, за богато убранномъ столомъ, пили здоровье его и его родителей, причемъ старый другъ семьи, домашній врачъ, сказалъ причествующій случаю тостъ: „Да здравствуетъ ребенокъ, принесшій счастье въ домъ, счастливецъ, упавшій въ буквальный смыслѣ слова съ неба!“

Кэте взволновалась, какъ это всегда бывало съ нею при каждомъ намекѣ на происхожденіе ребенка. Гости шумно выпили за здоровье „сына этого дома“; всѣ восхищались его красотой и миловидностью, но ей сдѣлалось не по себѣ и, оставшись позднѣе наединѣ съ докторомъ, она высказала ему свои опасенія.

Тотъ, на правахъ стараго знакомаго, дружески попенялъ ей. Къ чему дѣлать такую тайну изъ происхожденія ребенка? Это даетъ поводъ къ разнымъ не-пріятнымъ предположеніямъ (онъ не сказалъ—какимъ)...

Своимъ спичемъ онъ именно хотѣлъ сказать, что нечего постороннимъ людямъ допытываться истины, но любопытство ихъ слишкомъ возбуждено.

Дѣйствительно, знакомые Шлибеновъ очень интересовались происхожденіемъ Вольфа; спрашивать фрау Кэте было не

легко,—она блѣднѣла, отмалчивалась и старалась замѣть разговоръ. Дамы объясняли ея волненіе по своему: она мужественно боролась съ инстинктивной нелюбовью къ ребенку, котораго она такъ великодушно приняла въ свой домъ. Какую борьбу пришлось ей выдержать съ собою! Бѣдняжка!

Нѣкоторые пытались защищать Шлибена. Не можетъ быть! Онъ былъ не по одной только внѣшности и манерамъ вполне безупречнымъ человѣкомъ, вѣрнѣйшимъ мужемъ, до сихъ поръ влюбленнымъ въ свою Кэте, какъ въ первый годъ супружества.

Гости разѣхались уже послѣ двѣнадцати, и Кэте, соскучившаяся по мальчикѣ, поспѣшила къ нему; у дверей она столкнулась съ мужемъ, также шедшимъ туда, и, взявъ его подъ руку, вошла съ нимъ вмѣстѣ въ дѣтскую, между тѣмъ какъ онъ сказалъ, словно извиняясь:

— Я только хотѣлъ взглянуть, не проснулся ли онъ отъ шума?

Они на цыпочкахъ подошли къ колыбели. Ребенокъ спалъ, разметавшись; его толстыя розовыя ножки были раскрыты и отъ чистаго здороваго дѣтскаго тѣла исходилъ запахъ свѣжести и жизнерадостности, сливавшійся съ ароматомъ сосенъ.

Кэте нагнулась и поцѣловала ямочку на пухломъ колѣнѣ. Поднимая голову, она встрѣтила задумчивый взглядъ мужа и, привыкнувъ дѣлать съ нимъ всѣ его заботы, спросила, чѣмъ онъ встревоженъ.

— Я думалъ—гмъ!—не лучше ли было бы сказать людямъ правду? Могутъ выйти недоразумѣнія... Чтò за бѣда, если мальчикъ и узнаетъ, что онъ не нашъ... то-есть, не родной нашъ сынъ?

— Ради Бога!—она съ ужасомъ всплеснула руками:—Никогда! Ни за что на свѣтѣ!—Она опустила на колѣни возлѣ колыбели и обняла ее руками, словно для защиты.—Пауль, пойми же, вѣдь онъ тогда будетъ потерянъ для насъ!

Въ ея голосѣ слышался такой ужасъ, что онъ загнулся.

— Я только полагалъ, что это... наша обязанность. Люди толкуютъ веривъ и вѣсь. Почему бы не сказать?...

Лицо ея совсѣмъ побѣлѣло. Какъ? Развѣ онъ забылъ?.. Никогда ребенокъ не долженъ знать, даже—въ случаѣ ея смерти... Онъ принадлежать имъ, имъ однимъ!

Кэте почти выкрикивала слова, затѣмъ она обхватила ребенка руками и, прильнувъ къ нему, зарыдала:

— Вольфъ, мой мальчикъ, вѣдь ты не уйдешь отъ твоей мамы? Нѣтъ?

Ея слезы и поцѣлуи разбудили ребенка, но на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы заплакать, онъ обвилъ ручонками ея шею и пробормоталъ въ полуснѣ:—Мама!

Кэте радостно размѣялась сквозь слезы и, схвативъ руку мужа, потянула его къ себѣ.

— Пауль, милый! Поцѣлуй же его—нашего ребенка!

Шлибенъ нагнулся, ихъ головы были рядомъ, и мальчикъ обнялъ другою рукою его шею. Всѣ трое были безконечно близки другъ другу въ эту тихую ночь, когда серебряный мостъ изъ лунныхъ лучей, казалось, соединилъ небо и землю.

VII.

На виллѣ Шлибенъ наступили дни чистѣйшаго счастья. Она была прибрѣтена въ собственность, купленъ участокъ земли подъ садъ, устроены качели и всевозможныя приспособленія для дѣтскихъ игръ. Но Вольфу этого было мало, и онъ влѣзалъ на всѣ снабженные колючею проволокою заборы сосѣднихъ виллъ. Вольфъ былъ сорви-головою, „немножко черезчуръ“—по мнѣнiю матери. Шлибена забавляла неугомонность мальчика,—подъ нею чувствовалось столько силы и здоровья. Но Кэте отчасти пугалась ея, вспоминая о его происхожденiи. Она не бранила мальчика за разорванное платье, но когда онъ въ первый разъ вернулся домой съ порядочною дыркою на головѣ, она страшно разсердилась, а затѣмъ ей сдѣлалось дурно и она еле добралась до своей постели. Когда мужъ упрекнулъ ее въ неблагоразумiи, она промолчала, затѣмъ онъ сталъ утѣшать ее, замѣтивъ, что это—пустяки, рану перевязали, и мальчику—какъ съ гуся вода, онъ распродоволенъ...

Кэте содрогнулась. Еслибы Пауль зналъ то, о чемъ она постоянно думаетъ! И Мишель Солгейдъ лежалъ, истекая кровью въ степи. Мальчикъ не жалуется, какъ не жаловался и его... (она не рѣшалась выговорить это слово) его отецъ... Каждый изъ знакомыхъ ей дѣтей, не будучи плаксою, расплакался бы и струсилъ, еслибы ему разбили голову до крови. Вольфъ былъ не только нечувствителенъ къ боли, но пожалуй—и къ радости. Когда ему что-нибудь дарили, онъ молча бралъ подарокъ, безъ тѣхъ громкихъ изъясненiй восторга, какiя свойственны другимъ дѣтямъ.

— Мужикъ!—шутя говаривалъ иногда Шлибенъ, но это слово было для Кэте уколomъ въ сердце. Неужели ея Вольфъ былъ

дѣйствительно существомъ другой породы? Больше всего доставляло ему удовольствіе возиться со своимъ огородомъ, который онъ устроилъ и держалъ въ образцовомъ порядкѣ, хотя ни курарка, ни горничная—обѣ городскія жительницы—не могли дать ему на этотъ счетъ никакихъ указаній.

— Врожденный хозяинъ!—одобрялъ отецъ, но матери было бы пріятнѣе, еслибы огородъ его заросъ крапивой; она подарила ему и цвѣты, однако онъ мало интересовался ими, за исключеніемъ подсолнечника, скоро переросшаго его самого.

Вольфа отдали въ школу. Сначала мать попробовала сама заниматься съ нимъ, но она волновалась, нервничала, и дѣло не клеилось. Въ школѣ оно отчасти, хотя и не совсѣмъ, пошло на ладъ. Вольфъ не былъ лѣнивъ, но мысли его разбѣгались и ученье мало интересовало его. Сидя въ классѣ, онъ думалъ о томъ: успѣють ли осыпаться за утро послѣдніе листья въ саду? Вернется ли будущю весною аистъ, которому онъ устроилъ домикъ въ вѣтвяхъ сосны? Онъ ощипалъ послѣднія ягоды съ куста и улетѣлъ съ громкимъ крикомъ. Чѣмъ же онъ будетъ питаться въ пути? Мальчикъ жалѣлъ, что не могъ дать ему мѣшечка съ ягодами на дорогу.

За ночь выпалъ глубокій снѣгъ, хрустѣвшій подъ сапожками Вольфа, когда онъ шелъ утромъ въ школу.

Было очень холодно. Откуда-то доносилось голодное карканье. Горничная думала, что это кричитъ сова. Много она понимает!

Сидя въ классѣ и машинально слѣдя глазами за рукою учителя, чертившаго на доскѣ задачу, Вольфъ думалъ о вѣронѣ, страхивающемъ своими черными крыльями снѣгъ съ вѣтвей. Вотъ онъ взвивается кверху, летитъ высоко—высоко... Грудь мальчика приподнялась, онъ глубоко перевелъ духъ, глаза его блестяли.

— Вольфангъ, да ты никакъ спишь съ открытыми глазами?—воскликнулъ учитель, при громкомъ смѣхѣ другихъ малышей.

Вольфъ спрятался отъ горничной и пошелъ домой одинъ. Дорогою онъ искалъ вѣрона, потомъ бѣжалъ что было духу и наконецъ, отвязавъ свой ранецъ, зашвырнулъ его на высокую сосну, гдѣ тотъ и повисъ. Тогда Вольфъ, желая сбить его оттуда, устроилъ регулярную бомбардировку сосны снѣжными комьями, но, не добившись желаннаго результата, вернулся домой, разгоряченный и въ веселомъ настроеніи, но безъ ранца.

— Что? Вѣрно оставили?—сердито спросила горничная, уставшая отъ бѣготни за нимъ.

— Заткни себѣ глотку! — проговорилъ онъ, отталкивая ее: она была ему невыносима въ эту минуту.

Родители сидѣли уже за столомъ; отецъ, нахмурясь, взглянулъ на него, а мать проговорила съ мягкимъ упрекомъ:

— Гдѣ ты пропадалъ? Лизбета всюду искала тебя.

— Ну, что же ты молчишь? — строго спросилъ Шлибенъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ. Какъ рассказать имъ, сидящимъ здѣсь въ комнатѣ, — о томъ, что было тамъ на дворѣ?

— Вѣроятно, его оставили въ школѣ, барыня, — шеннула Лизбета, подавая жаркое; — я завтра узнаю отъ другихъ мальчиковъ и доложу вамъ.

— Ахъ, ты! — Мальчикъ вскочилъ, опрокинувъ стулъ, и, со сжатыми кулаками кинувшись на дѣвушку, такъ схватилъ ее за руку, что она вскрикнула и выронила блюдо.

— Ахъ, ты, дура! — Онъ собирался ударить ее; отецъ не безъ труда его оттащилъ, а Кэте, выронивъ вилку, со страхомъ усталилась на своего мальчика.

Горничная начала громко жаловаться: — Онъ всегда такой. Только-что онъ сказалъ ей: „Заткни себѣ глотку!“ Нѣтъ, этого она не позволитъ, она лучше уйдетъ съ мѣста! И она съ плачемъ выбѣжала изъ комнаты. Шлибенъ былъ возмущенъ.

— Ты долженъ быть вѣжливъ съ низшими, именно потому, что они стоятъ ниже тебя. Слышишь ли ты это? — И онъ тутъ же отшлепалъ мальчугана, который, стиснувъ зубы, не издалъ ни одного звука, но каждый ударъ отзывался у матери въ сердцѣ. Послѣ обѣда, пока мужъ читалъ газету, она прокралась наверхъ къ Вольфу и, тихо отворивъ дверь, нашла его стоящимъ у окна. Оно выходило на незастроенное пространство, теперь густо покрытое чистымъ бѣлымъ снѣгомъ, искрившимся въ блѣдномъ свѣтѣ раннихъ зимнихъ сумерекъ. Лицо мальчика показалось ей въ этомъ свѣтѣ очень блѣднымъ. И, вопреки всякимъ правиламъ педагогики, она открыла ему свои объятія, прошептала: — Бѣдное дитя!

Они долго стояли, обнявшись, и ни одинъ не спрашивалъ, почему другой такъ печаленъ.

— Это не оттого, что папа прибилъ меня, — прошептала наконецъ Вольфъ.

Она гладила его волосы, стояшіе ежомъ, и ни о чемъ не спрашивала, но про себя она рѣшила, что никогда на будущее время онъ не долженъ стоять такимъ образомъ у окна и жадно вглядываться въ снѣжную даль. Къ чему онъ стремился?

О чемъ мечталъ? Не окружала ли его вѣжнѣйшая любовь и все, чего только можетъ пожелать дѣтское сердце?

Въ этотъ вечеръ она не рѣшилась оставить его, — она предложила ему поиграть съ нимъ, и онъ радостно согласился, но это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Здѣсь были локомотивы, пароходы, солдатикъ, книги съ картинками, всѣ новѣйшія игрушки, но Вольфъ нетерпѣливо швырялъ ихъ, — все было, по его мнѣнію, „глупо“ и „скучно“. Кончилось тѣмъ, что онъ нашелъ въ углу стараго, трехногаго барашка, свою давнишнюю игрушку, и удовлетворился имъ. Онъ сѣлъ на коверъ, какъ маленькій ребенокъ, поставилъ барашка рядомъ и сталъ его гладить.

Уложивъ Вольфа въ постель, Кэте сѣла у его изголовья, взяла его руку и заплѣла пѣсенку, которою раньше убаюкивала его:

Спи, дитя, спойнымъ сномъ,
Воетъ вѣтеръ за окномъ...

Она плѣла все тише, думая, что онъ засыпаетъ, но вдругъ онъ рѣзко выдернулъ у нея свою руку.

— Перестань... Я уже не маленькій.

По счастью, въ Грунвальдѣ не было уличныхъ ребятшекъ, — не то Вольфъ непремѣнно подружился бы съ ними. За немѣніемъ ихъ, онъ сошелся съ дѣтьми швейцара одной изъ ближайшихъ виллъ, Артуромъ и Фридою Лемке, и съ сыномъ банкирскаго кучера — Гансомъ Флеббе. Въ иномъ знакомствѣ недостатка не было; фрау Кэте часто приглашала на виллу дѣтей ихъ берлинскихъ знакомыхъ; они угощались пирожнымъ и фруктами, играли въ крокетъ, теннисъ, въ мячъ, и ихъ звонкій смѣхъ весело раздавался подъ высокими соснами; но въ кругу этихъ чистенькихъ дѣтей ея необузданный мальчикъ бывалъ всегда самымъ тихимъ. Зато онъ отводилъ душу въ игрѣ со своими пріятелями: это были дикія игры, по бѣльшей части — игра въ разбойниковъ и жандармовъ, причемъ Фрида не отставала отъ мальчиговъ. Какъ сверкали глаза у Вольфа, атамана разбойниковъ, когда ему удавалось повалить на землю жандарма — Ганса Флеббе — и тотъ нѣкоторое время оставался безъ движенія, представляясь убитымъ!

— Я застрѣлилъ его! — съ гордостью заявлялъ онъ матери.

Они играли на пустопорожномъ мѣстѣ, рядомъ съ виллою, и, привлеченная ихъ дикими криками и свистомъ, Кэте подошла къ окну и позвала мальчика, который прибѣжалъ, весь запыхав-

шись; съ лица у него струился потъ, бѣлая блуза была въ грязи, а на панталонахъ красовалась большая треугольная дыра. Боже, на что онъ похожъ! Она отерла ему лобъ, но онъ, дрожа отъ нетерпѣнія, сталъ вырываться у нея изъ рукъ: вѣдь она не знаетъ—товарищи ждутъ его за кустами, они не смѣютъ выйти, куда не вернется атаманъ...

На бѣду Вольфа вошелъ отецъ и, увидѣвъ, какъ мальчикъ отбивается руками и ногами, пришелъ въ негодование и, схвативъ его за шиворотъ, заставилъ его просить у матери прощенья, что Вольфъ исполнилъ неохотно и безъ всякихъ признаковъ раскаянія. Онъ былъ обиженъ и не понималъ, за что его ругаютъ и запрещаютъ ему играть!

— Такъ не просить прощенья!—вспылилъ Шлибенъ.— Повтори еще разъ.

Мальчикъ повторилъ.

— А теперь обѣщай, что ты не будешь такъ вести себя? Ну? Скажи: милая мама, я обѣщаю...

Ни слова, ни звука.

— Это что же такое?—Шлибенъ встряхнулъ мальчика, но тотъ упрямо сжалъ губы и метнулъ исподлобья взоръ на отца.

Фрау Кэте уловила этотъ взглядъ. Боже, это былъ взглядъ—той женщины!

Она обняла мальчика: не надо его раздражать... Она ближе притянула его къ себѣ и закрыла ладонью ему глаза, чтобы онъ такъ не смотрѣлъ на нее, между тѣмъ какъ ея глаза молили мужа: „Уйди, уйди, прошу тебя!“

Онъ повиновался, но съ неудовольствіемъ покачалъ головою. „Избалуетъ она себѣ на горе этого остолопа!“—Онъ прошелъ въ кабинетъ и даже заперъ за собою дверь.—„Отдохнуть не дадутъ человѣку!“

Шлибенъ взялся за газету, но нѣжный, молящій голосъ жены раздражалъ его. Очень нужно такъ нѣжничать послѣ всего, что мальчишка себѣ позволилъ! Молчить онъ что-ли? Кажется, она цѣлуетъ его, голосъ ея замеръ въ нѣжномъ шопотѣ... Но это что такое? Тихій плачь? Совсѣмъ не похоже на грубоватый мальчишескій голосъ Вольфа. Да, это онъ плачетъ—теперь уже громко, и среди рыданій можно разобрать слова:—„Но я долженъ былъ застрѣлить его... Вѣдь онъ — жандармъ!“

Когда, спустя нѣкоторое время, Шлибенъ вошелъ въ комнату, онъ нашелъ Кэте одну у окна. Она отпустила мальчика играть. Играть? Вмѣсто того, чтобы отправить его заниматься? Это уже не просто дѣтская шалость, какъ забрасываніе рання на сосну,

это — безобразіе. Но она все готова ему извинить, все! — Къ чему это приведетъ его?

— Вотъ къ чему! — Кэте указала на мужа и на себя.

— Что такое? Пожалуйста, не говори загадками!

— Если ты не понимаешь сердцемъ, что же я могу сказать тебѣ въ поясненіе?

Что за бессмысленный страхъ передъ тѣмъ, что прошло и было позабыто? Почему она постоянно вызываетъ призракъ его матери? Вольфъ живетъ въ самой благопріятной обстановкѣ. Къ чему можетъ онъ стремиться, о чемъ тосковать? Онъ и не подвѣриваетъ о томъ, что его настоящее мѣсто — не здѣсь.

Шлибенъ закурилъ сигару — лучшаго сорта, изъ тѣхъ, которыя обыкновенно предлагались гостямъ. Какъ воспитывать подобнаго ребенка? Разумѣется, не такъ, какъ это дѣлаетъ Кэте. Удивительно, что присутствіе одного мальчугана переворачиваетъ весь домъ вверхъ дномъ. Положимъ, онъ доставилъ имъ ранѣе много пріятныхъ часовъ. Къ этому дивану онъ совершилъ свою первую прогулку и съ крикомъ восторга впервые самъ вообразилъ къ отцу на колѣно... Теперь онъ начинаетъ проявлять нѣкоторую самостоятельность. Что же? Въ сущности это — въ порядкѣ вещей. Надо быть снисходительнѣе. Всѣ они, мужчины, были въ свое время мальчишками.

Сигара погасла. Шлибенъ и не думалъ раскуривать ее. Онъ вспомнилъ свое дѣтство. Положа руку на сердце, — развѣ онъ не шумѣлъ, не проказничалъ, не пачкался, не рвалъ штановъ, не продѣлывалъ болѣе чѣмъ достаточно разныхъ глупыхъ шутокъ? Онъ вспомнилъ наставленіе матери и слова отца: — Все прощается, кромѣ лжи! — А Вольфъ не былъ лжецомъ. Онъ просто былъ непослушнымъ мальчишкой, а это случается и съ хорошими дѣтьми. Бросивъ сигару, отецъ пошелъ искать его.

Онъ нашелъ всѣхъ четверыхъ за игрою въ лагерь. Они развели огонь въ углу пустыря, подъ прикрытіемъ вѣтвей, свѣшивавшихся изъ сосѣдняго сада. У Фриды былъ въ передникѣ картофель, который предполагалось испечь въ золѣ, но костеръ не желалъ разгораться, хотя Вольфъ, лежа на животѣ, всѣми силами старался раздуть его.

— Не горитъ? — спросилъ, неслышно подойдя, Шлибенъ.

Вольфъ вскочилъ на ноги и изъ розоваго сдѣлался блѣднымъ; его круглое личико вытянулось, взоръ омрачился, отчего онъ сразу словно постарѣлъ.

— Надо идти домой? — спросилъ онъ жалобно.

Шлибенъ, дѣйствительно, пришелъ увести его, — но какъ уйти

ранѣе, чѣмъ успѣетъ картофель? Ничего не отвѣчая, онъ нагнулся, но такъ какъ это было неудобно, онъ сталъ на колѣни и принялся раздувать слабо потрескивавшій огонекъ изо всей силы своихъ здоровыхъ легкихъ. Посыпались искры, и скоро огонекъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ.

Поднялся крикъ восторга. Фрида запрыгала, косы ея развѣвались. — Горить! Горить! — Гансъ и Артуръ также заскакали на одной ногѣ и, захлопавъ въ загрязненные ладони, принялись кричать: — Горить! Горить!

— Тише, дѣти! — воскликнулъ Шлибенъ, котораго позабавилъ ихъ восторгъ. — Тащите сюда хворосту, только сухого... Живо! — скомандовалъ онъ; охваченный желаніемъ не дать погаснуть этому то высоко поднимавшемуся, то низко стлавшемуся по землѣ огоньку. Онъ дулъ на хворостъ, шевелилъ его, вѣтеръ гналъ ему дымъ въ лицо и ѣлъ глаза; онъ кашлялъ, но упорно продолжалъ свое дѣло, не обращая даже вниманія на свѣтло-зеленыя пятна на своихъ панталонахъ и на то, какъ удивлялись бы прохожіе, увидѣвъ г. Пауля Шлибена за подобнымъ занятіемъ. Ему самому нравилось разводить огонь для картофеля подъ этимъ блѣдно-голубымъ осеннимъ небомъ, по которому плыли облака, а ниже — рѣяли ласточки.

Дѣти таскали хворостъ. Вольфъ бралъ вѣтки и ломалъ ихъ о колѣно. Огонь совсѣмъ разгорѣлся и распространялъ теплоту, — можно было погрѣть руки, — право, оказывалось превесело; а какъ отрадно было слѣдить за поднимающимся кверху въ видѣ облачка дымкомъ, пронизаннымъ солнечнымъ свѣтомъ! Картофель варили въ горячую золу, и дѣти уже столпились кругомъ, ожидая, когда успѣетъ первая картофелина. — Не правда ли, какъ вкусно пахнетъ? — Шлибенъ поднялся, похлопалъ себя по колѣнямъ и уже собирался уходить. Онъ ощутилъ почти сожалѣніе. Но не годится оставаться здѣсь долѣе. Чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, скажутъ люди?

Онъ выбралъ уединенную тропинку, избѣгая встрѣчь, но вдругъ услышалъ позади себя шаги.

— Вольфъ? Ты зачѣмъ?

Темные глаза мальчика жалобно взглянули на него.

— Развѣ ты также идешь домой?

Отъ сосенъ струился смолистый ароматъ, воздухъ былъ такъ чистъ, такъ легко дышалось въ лѣсу. Бѣлыя нити, похожія на вязанье эльфовъ, тянулись отъ вѣтки къ вѣткѣ, солнце уже не жгло и отъ увядающихъ кустовъ поднимался горьковатый запахъ.

Пауль перевелъ духъ. Онъ помолодѣлъ на десять, вѣтъ, на двадцать лѣтъ.

— Ну, маршъ назадъ!—сказалъ онъ.

Мальчикъ глядѣлъ, не понимая.

— Бѣги!—повторилъ онъ и улыбнулся.

Вольфъ испустилъ такой громкій, либующій крикъ, что товарищи, не зная, въ чемъ дѣло, издали отвѣтили ему тѣмъ же.

Темные глаза мальчика, любившаго свободу, свѣжій воздухъ, бѣготню, вспыхнули. Онъ глубоко перевелъ духъ, словно съ груди его свалилось бремя, и стрѣлою пустился обратно черезъ поле.

Шлибенъ вернулся домой. Онъ не хотѣлъ говорить Катѣ, гдѣ онъ былъ, но она уже стояла у окна съ тревожнымъ вопросомъ въ глазахъ. По лицу его она увидѣла, что онъ не сердится.

Онъ кивнулъ ей головою; а когда горничная спросила его, не знаетъ ли онъ, гдѣ мальчикъ,—она уже три раза приносила и уносила подогрѣтое молоко,—онъ отвѣтилъ ей, словно извиняясь:

— Ну, ничего, Лизбета, подогрѣйте въ четвертый. Ему полезно побѣгать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Фрида Лемке праздновала десятый годъ своего рожденія.

— Если ты придеши, будетъ сладкій пирожекъ съ изюмомъ,—сказала она своему другу Вольфу, и тотъ цѣлый день приставалъ къ матери, чтобы она позволила ему идти въ гости. Почему она не хочетъ, чтобы онъ шелъ?

Почему, дѣйствительно? Сказать ему, что Фрида ей не нравится? Но дѣвочка всегда была чисто одѣта, учтиво присѣдала, сами Лемке были вполне приличными людьми, только дѣти ихъ зимою и лѣтомъ постоянно бѣгали по улицѣ. Не казалось ли ей, что сама улица является ей въ образѣ этой не по годамъ развитой, со вздернутымъ носомъ дѣвчонки? Нѣтъ, ему не слѣдуетъ идти къ этимъ людямъ, дышать атмосферою швейцарской.

— Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты пошелъ туда,—сказала она. Въ виду его умоляющихъ глазъ, у нея не хватило духу сказать:—Я не хочу!

Онъ прекрасно оцѣнилъ это преимущество и неумолимо настаивалъ на своемъ желаніи. Онъ будетъ такъ скучать, если она не позволитъ ему, ничто уже не доставитъ ему удовольствія... Онъ такъ станетъ ее любить, если она его отпустить! Ему такъ хочется идти!...

Шлибенъ былъ иного мѣнѣя. Мальчику не мѣшаетъ знакомиться съ различными слоями общества. Онъ и самъ въ его годы бывалъ у простыхъ людей. Чтò же тутъ дурного?

Кэте хотѣла сказать: для тебя это не представляетъ опасности, но одумалась и не сказала. Къ чему надождать ему своими вѣчными, ни на чемъ не основанными, страхами и сомнѣнїями? Она подумала съ нѣкоторою горечью, что теперь онъ уже не такъ чутко понималъ каждое ея душевное движеніе, — или, можетъ быть, она перестала понимать его? Но вѣдь онъ все же былъ ея вѣрный, дорогой мужъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ; нѣтъ, любила такъ же, какъ своего Вольфа. Вокругъ мальчика, какъ земля вокругъ солнца, вращалась вся ея жизнь.

Иногда она не безъ изумленїя поглядывала на мужа, дивясь переменѣ въ его наружности. Не то чтобы къ его солидной осанкѣ не шла эта начинающаяся полнота; наоборотъ, она гармонировала съ его годами, съ серебряными нитями, начинавшими проглядывать въ его бородѣ и на вискахъ, но удивительно, что изъ него вышелъ такой практическій человѣкъ... Теперь онъ не взялъ бы изъ степи чужого ребенка, не принялъ бы его какъ даръ изъ сказочнаго міра. Измѣнилась ли она сама за эти годы? Не особенно. Она сохранила свою стройную дѣвическую фигуру, прежній отгнòкъ волосъ и ея нѣжная кожа легко окрашивалась румянцемъ. Она еще сохраняла наружную молодость, но въ душѣ она ощущала по временамъ сильную усталость. Отъ хлопотъ съ Вольфомъ у нея кружилась голова. Будь она моложе на пятнадцать, десять лѣтъ — она такъ не чувствовала бы, сколько силъ уходитъ у матери на ребенка.

Боже, какая неистощимая безудержная сила таилась въ немъ! Кэте изумлялась, чувствовала себя сбитою съ толку, истощенною. Казалось, онъ не знаетъ усталости. Съ шести часовъ онъ былъ уже на ногахъ и рвался изъ дому туда, на просторъ, на свѣжій воздухъ. Еще до зари онъ начиналъ метаться; онъ спалъ въ сосѣдней комнатѣ, и дверь ея, несмотря на убѣжденїя Шлибена, оставалась на ночь открытою. Иногда Вольфъ начиналъ стонать или говорить во снѣ самъ съ собою, и тогда Кэте босякомъ прокрадывалась къ его постели и прислушивалась къ его непонятному бормотанью. О чемъ онъ бредилъ? Она оправляла на немъ одѣяло, лобъ его былъ влаженъ, онъ стоналъ. Какъ страшно быстро онъ росъ! Какъ бы она хотѣла увидѣть выраженіе его лица! Но она не смѣла зажечь свѣчу, такъ какъ мужъ спросилъ бы ее: „Чтò ты тамъ дѣлаешь?“ Да и Вольфъ спросилъ бы и спросилъ: „Чего тебѣ?“ Кэте нагибалась къ нему,

чувствуя его жаркое дыханіе на своемъ лицѣ, и шептала чуть слышно: „Мама здѣсь! Мама съ тобою!“ Но онъ поворачивался спиной, и она сознавала, что онъ — не здѣсь, не съ нею. Не искала ли во снѣ его душа ту незнакомую отчизну, которая съ невѣдомомъ силой влекла ее къ себѣ?

Послѣ такихъ вочей Кэте чувствовала на себѣ по утрамъ тревожный взглядъ мужа, и гребень, расчесывавшій ей густые волосы, дрожалъ въ ея рукѣ. Шлибену снова приходилось жаловаться доктору Гофману на нервы жены, и тотъ принималъ озабоченный видъ. Все это изъ-за мальчишки. Онъ ее мучаетъ.

— Смотри ты у меня! — погрозилъ Шлибенъ мальчугану: — мама изъ-за тебя постоянно разстраивается.

„Разстраивается?“ — Вольфгангъ надулся. Онъ самъ разстроенъ, потому что его не пускаютъ къ Лемке.

— Ну, ступай! — сказала послѣ завтрака Кэте. Она даже съѣздила въ Берлинъ и привезла оттуда красивую, въ розовомъ платѣ, юбку, у которой были бѣловурные локоны и закрывающіеся глаза. — Подари ее Фридѣ... Осторожнѣе, не разбей.

Вольфъ очень обрадовался, что онъ принесетъ Фридѣ подарокъ, и въ порывѣ признательности и радостнаго возбужденія — онъ былъ вообще врагомъ всякихъ нѣжностей — подставилъ матери лицо для поцѣлуя. Положимъ, поцѣлуй длился дольше, нежели ему было приятно, и Кэте сознавала это, но она все же была рада и отпустила его съ улыбкою, отъ которой просвѣтлѣло все ее лицо.

— Только вернись домой засвѣтло! — крикнула она ему вслѣдъ. Слыхалъ ли онъ? Мальчишкѣ умчался съ быстротою оленя; вѣтеръ сорвалъ съ него матросскую шляпу, повисшую у него на шеѣ, но онъ летѣлъ съ непокрытою головою. Чтò влекло его съ такою силою къ этимъ людямъ? Улыбка исчезла съ лица Кэте, и она отошла отъ окна.

Вольфгангъ былъ счастливъ. Онъ сидѣлъ у Лемке въ каморкѣ, гдѣ за ситцевымъ пологомъ помѣщалась кровать родителей; Фрида спала тутъ же на диванѣ, а Артуръ — въ чуланчикѣ, въ которомъ хранились метлы и лопата отца. Въ комнатѣ было тепло и уютно; къ нѣжному благоуханію мѣсячной розы, гвоздикъ, мирты и герани, бывшихъ еще въ цвѣту и украшавшихъ собою оконце, приходившееся почти на уровнѣ съ землею, примѣшивался запахъ кофе, варившагося въ эмалированномъ кофейникѣ. Дома Вольфу не давали кофе, а здѣсь онъ, подражая другимъ, пилъ его съ удовольствіемъ. Ни одинъ тортъ не казался ему такимъ вкуснымъ, какъ этотъ сладкій пирогъ, больше

походившій на простую булку, и когда фрау Лемме предложила ему, какъ почетному гостю, второй кусокъ, онъ взялъ его съ сѣющими лицомъ.

Фрау Лемме была польщена посѣщеніемъ Вольфа. Булка произвела на нее мало впечатлѣнія, и она убрала ее въ шкафъ. — „Что ты за барышня такая, чтобы каждый день въ кухню играть? Зря деньги потрачены“. Но позднѣе, когда Лемме вернулся домой, булку достали изъ шкафа, чтобы показать ему. „Франтиха какая! Мамаша Вольфганга прислала ее Фридѣ во дню рожденія“...

— Посмотри-ка, Лемме, кружево какое у нея на юбкѣ... Точно у Фриды на крестильномъ ея платьицѣ, помнишь? Съ первымъ ребенкомъ всегда носишься, думаешь, онъ — и нивѣсть что! А какъ время-то идетъ! Вотъ ей ужъ и девять годочковъ стукнуло.

— Десять, — поправила Фрида: — мнѣ сегодня десять исполнилось, мама.

— Десять и есть! — Фрау Лемме позачала головою и рассмѣялась своей забывчивости. — Помнишь, Лемме, какъ она родилась?

Мужъ налилъ себѣ кофе изъ нестоящаго кофейника.

— Какъ не помнить? Надѣлала она тогда переполоху. Теперь, черезъ десять лѣтъ, даже не вѣрится.

— Ну, проживи я хоть сто лѣтъ, а этого дня не забуду! — И фрау Лемме принялась рассказывать, какъ вотъ въ такое же время, около четырехъ часовъ, она собиралась варить кофе — жили они тогда въ городѣ, на пятомъ этажѣ — и вдругъ ее схватили боли. Она сейчасъ же — къ галстучницѣ: „пошлите, молъ, вашу дѣвочку къ Вальднертѣ, № 10 по Госпитальной улицѣ, она уже знаетъ“... И тутъ ей такъ худо сдѣлалось — еле свели ее наверхъ... Мучилась она, мучилась — такъ кричала, что на третьемъ дворѣ слышно было. И вечеръ прошелъ, и ночь, и утро, шесть часовъ, семь часовъ пробило... И вотъ наконецъ около девяти Вальднерша говоритъ...

— Послушай, мать, — прервалъ Лемме, мигнувъ въ сторону дѣтей, слушающихъ съ разинутыми ртами, — все это ужъ было да прошло.

— Ровно въ одиннадцать она родилась, — задумчиво проговорила фрау Лемме и перевела духъ, словно она поднялась на высокую гору. Размягченная воспоминаніями, она неожиданно притянула къ себѣ и поцѣловала пораженную подобною нѣжностью Фриду, которая посмотрѣла на брата и другихъ мальчиковъ и рассмѣялась — сама не зная, чему.

— А теперь — ступайте играть!

На улицѣ было свѣтло, вѣтеръ — свѣжій, солнце радостно свѣтило, гдѣ-то вдали взвивался къ небу бумажный змѣй. Прокжіе встрѣчались изрѣдка, экипажей совсѣмъ не попадалось на встрѣчу. Улица принадлежала имъ однимъ.

Сегодня Вольфъ, у котораго упорно засѣла въ головѣ какая-то мысль, выразилъ желаніе быть жандармомъ; онъ игралъ какъ-то вяло и пришелъ въ себя лишь во время схватки съ Гансомъ Флеббе, который распаралъ ему лицо и вырвалъ изъ головы влокъ волосъ. Артуръ, засунувъ руки въ карманы штановъ, подзадоривалъ бойцовъ, а Фрида, смѣясь, скакала на одной ножекѣ, причемъ бѣлокурая косичка моталась изъ стороны въ сторону у нея на спинѣ. Но вдругъ смѣхъ ея изъ веселаго сдѣлался смущеннымъ. Гансъ, бывшій старше Вольфа на нѣсколько лѣтъ, подмялъ его подъ себя и тузилъ кулакомъ по лицу.

— Флеббе! Стой! — Она потянула его за блузу, но такъ какъ это не помогло, она ловко подставила ему ногу. Гансъ споткнулся, и Вольфъ, воспользовавшись этимъ, опрокинулъ его и принялся обрабатывать кулаками въ свой чередъ. Это уже не была обыкновенная игра; у Вольфа лицо пылало какъ въ огнѣ, ссадина шла у него отъ виска до подбородка, изъ глазъ его, буквально, сыпались искры. Слабосильный Артуръ хотѣлъ-было схватить его за ноги, но былъ отброшенъ въ сторону сильнымъ толчкомъ. Вольфъ, пылая гнѣвомъ, обернулся къ нему. Это былъ не благовоспитанный, чисто одѣтый „господскій“ ребенокъ, но грубая, необузданная, первобытная сила. Онъ тяжело дышалъ и хрипѣлъ... Вдругъ раздался окликъ:

— Вольфгангъ, Вольфгангъ!

— Мать зоветъ, — сказала Фрида, — ваца дѣвушка ждетъ у двери.

Фрау Лемке, улыбаясь, успокаивала недовольную Лизбету: дѣти заигрались. Но, увидѣвъ замечанный востромъ Вольфа и кровавую ссадину на его щекѣ, она покраснѣла и принялась чистить его. Хорошо напроказили, нечего сказать! Она попыталась защитить его передъ Лизбетой, смотрѣвшею на все съ молчаливымъ негодованіемъ. Дѣти всегда останутся дѣтьми! На прощанье она ласково провела своею закрубѣлою отъ работы рукою по его паранижѣ: — До свадьбы заживетъ, такъ что-ли, Вольфгангъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ искренно; въ ея взглядѣ онъ увидѣлъ столько дружескаго пониманія, что у него явилось къ ней теплое чувство.

Лизбета ворчала дорогою, что ему вѣдно было вернуться засвѣтло, но онъ не обратилъ на это вниманія: вретъ по обыкновенію. Оказалось однако, что мать ждала его; на столѣ былъ приготовленъ его ужинъ: яйцо, бутербродъ съ ветчиною, молоко въ серебряной кружбѣ; сама она сидѣла насунувшись, сложивъ руки на бѣлой скатерти и нетерпѣливо сдвинувъ брови.

Висячая лампа ярко освѣщала столъ и свѣтлые волосы Кате, но лицо ея не казалось отъ этого свѣтлѣе. Мать была въ нарядномъ шолововомъ съ кружевами платьѣ; ея шея и руки были чуть прикрыты прозрачною тканью. Мальчикъ вспомнилъ, что ей надо было ѣхать сегодня въ городъ къ знакомымъ, гдѣ отецъ, не обѣдавшій дома, условился съ нею встрѣтиться. Вотъ почему ему слѣдовало вернуться ранѣе. Точно онъ не сумѣетъ самъ лечь въ постель!

— Какъ ты поздно!

— Почему же ты не уѣхала?—спросилъ онъ.

— Ты знаешь, дитя, я не могу быть спокойна, когда я не знаю, дома ли ты.

Какая она смѣшная! Уврадуть его что-ли? Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Съ голыми плечами и руками она казалась ему чужою въ этомъ платьѣ. Задумчиво прожеванная кусочекъ хлѣба, онъ постоянно возвращался мысленно къ разсказу фрау Лемке. Какъ онъ родился—объ этомъ отецъ съ матерью никогда ему не говорили. Онъ пересталъ ѣсть и среди полной тишины вдругъ проговорилъ:

— Я тоже очень долго не могъ родиться?

— Чтò такое?.. Кто?.. Ты?..

Она, кажется, не поняла его. Онъ быстро проглотилъ послѣдній кусочекъ и сказалъ ясно и отчетливо:

— Я тоже очень долго не могъ родиться? Съ Фридою это долго тянулось. И ты такъ же кричала, какъ фрау Лемке?

— Я?..—Она покраснѣла до слезъ и затѣмъ очень поблѣднѣла. На мгновеніе она зажмурила глаза, голова ея кружилась, въ ухахъ шумѣло, она хотѣла подняться со стула и—не могла. Дрожащими руками она ухватилась за столъ, но массивная дубовая доска словно качалась, выскальзывала у нея изъ-подъ рукъ. Чтò говорить этотъ мальчикъ? Великій Боже!

Она прикусила губы, перевела духъ и съ усиленіемъ проговорила:—Вздоръ! Кончай спорѣе, иди спать!—Голосъ ея звучалъ непривычно рѣзко.

Мальчикъ изумленно взглянулъ на нее.—Почему ты вдругъ

стала такая... гадая? Даже спросить нельзя!—Онъ сердито отодвинулъ тарелку и пересталъ ѣсть.

Почему она не отвѣтила ему? Развѣ онъ не родился, какъ родилась Фрида, — развѣ мать не радовалась его рожденію? Какъ гадко съ ея стороны, что она ничего не хочетъ ему рассказать!

Въ немъ пробудилось жгучее любопытство. Онъ станеть думать объ этомъ всю ночь, а между тѣмъ ему очень хотѣлось спать. Кэте увидѣла, какъ омрачилось его лицо. Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Чѣмъ сказали ему эти люди? Безъ сомнѣнія, они внушили ему чувство недоувѣрія, быть можетъ возбудили въ немъ страшныя подозрѣнія? Иначе онъ не сталъ бы мучить ее подобными вопросами.

Ужасъ охватилъ ее, руки и ноги ея похолодѣли. Но состраданіе къ нему было сильнѣе ужаса. Бѣдное дитя, — онъ жаждалъ узнать истину о своемъ рожденіи, и она ничего не можетъ, не смѣетъ, не должна сказать ему.

— Вольфъ, — проговорила она, — ты еще слишкомъ малъ. Не теперь, въ другой разъ... Ты этого не поймешь.

— Нѣтъ, теперь, теперь! — онъ схватилъ ее за платье и продолжалъ со свойственнымъ ему упорствомъ:

— Я хочу, я долженъ знать!

— Но, Вольфъ, теперь у меня нѣтъ времени, я должна ѣхать, право я должна... Я ничего не могу тебѣ рассказать.

— Ты не хочешь, а фрау Лемме рассказала своей Фридѣ, — упрямое выраженіе его лица смѣнилось печальнымъ: — ты не любишь меня такъ, какъ фрау Лемме любить свою Фриду.

Она его не любить? Кэте чуть не вскрикнула. Неужели мальчикъ инстинктивно чувствуетъ какой-то пробѣлъ, отсутствіе той таинственной связи, которая неразрывно соединяетъ родную мать съ ея роднымъ ребенкомъ?

— Вольфъ, — проговорила она нѣжнымъ, дрожащимъ голосомъ, — мой маленькій Вольфъ, — она провела холодною, какъ ледъ, рукою по его горячему лбу, — ты самъ не вѣришь тому, что говоришь. Мы такъ любимъ другъ друга, не правда ли, дитя мое, дорогое мое дитя?..

Она ловила его взглядъ, но онъ отвѣтилъ, глядя въ сторону: — Ты ничего не хочешь рассказать мнѣ!

Это исходитъ не отъ него. Кто-то внушилъ ему подобныя мысли?

— Какая ты смѣшная! — возразилъ онъ въ отвѣтъ на ея вопросъ: — никто не научалъ меня спрашивать. Но я все же очень хотѣлъ бы знать. Самъ не понимаю почему, но это просто мучить меня.

Мучить его? Уже съ этихъ поръ? Не предчувствіе ли это? Смутныя воспоминанія первыхъ дней дѣтства? Она принудила себя улыбнуться и, подойдя къ нему сзади, положила ему руки на плечи, прильнувъ щекою къ его головѣ. Затѣмъ она заговорила такимъ голосомъ, каковымъ рассказываютъ сказку:

— Мы съ папочкой были женаты уже пятнадцать лѣтъ, и намъ очень хотѣлось имѣть маленькую дѣвочку или маленькаго мальчика. И вотъ однажды мнѣ стало очень грустно, такъ какъ у всѣхъ женщинъ были уже дѣтки, а только у меня не было... Я долго ходила по полю, и вдругъ я услышала голосъ... нѣтъ, голосокъ, доносившійся прямо съ неба... Я услышала его и... и...

Она запнулась и остановилась, не зная, какъ продолжать.

— Ну и что же дальше?..—переваль онъ нетерпѣливо. — Говори скорѣе... Ну?

— И на другой день ты уже лежалъ въ своей колыбелькѣ,— поспѣшно и неловко закончила она почти неслышнымъ голосомъ.

— И это—все?.. Онъ освободился изъ ея объятій и, обернувшись, посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ну и мы... мы очень радовались...

— Какъ глупо!—воскликнулъ онъ обиженно:—вовсе не такъ родятся! Фрау Лемке рассказывала совсѣмъ по другому. Ты и сама не знаешь, какъ это бываетъ?—Онъ съ сомнѣніемъ глядѣлъ на нее.

Она избѣгала его взгляда, но этотъ вопрошающій взглядъ проникалъ до глубины ея души. Она стояла передъ нимъ обманщицей и не знала, что сказать.

— Ты ничего не знаешь,—повторилъ онъ съ горькимъ разочарованіемъ и пошелъ къ двери.

Она не остановила его для того, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Что она отвѣтитъ ему, когда онъ станетъ мужчиною и съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ предложитъ ей тотъ же вопросъ, потребовавъ на него отвѣта?

IX.

Дружбѣ съ Лемке были поставлены границы, — Вольфу запретили ходить къ нимъ. Кэте почувствовала нѣчто вродѣ ревности къ этой женщинѣ, не стѣснявшейся говорить Богъ знаетъ о чемъ передъ дѣтьми... Теперь фрау Лемке уже не могла похвастаться привѣтливимъ поклономъ, которымъ изящная дама

отвѣчала прежде на ея почтительный вниксенъ: Кэте перестала замѣчать ее.

Встрѣтивъ однажды Вольфа, фрау Лемке спросила его: чѣмъ они обидѣли его мамашу? Почему онъ не заходитъ къ нимъ? Или онъ поссорился съ Артуромъ и Фридою? Только этого не можетъ быть. Мать не пускаетъ его. Конечно, онъ — господскій сынъ, а они — швейцарскія дѣти...

Къ ея добродушному тону примѣшивалась нѣкоторая обидчивость. Мальчикъ сильно покраснѣлъ, и хлыстикъ, который онъ держалъ въ рукѣ, со свистомъ разрѣзалъ воздухъ.

— Я вижу, ты не смѣешь? Ну, и Богъ съ вами! — Она повернулась, чтобы уйти, но выраженіе глазъ мальчика приковало ее къ мѣсту. — Нѣтъ, сыночекъ, ты ни при чемъ тутъ, я знаю. А она не говорила, почему тебѣ нельзя играть съ моими? У Фриды какъ-разъ чудный мячикъ есть: верхняя барыня подарила.

Глаза мальчика загорѣлись. Онъ съ такою силою отшвырнулъ ногою камешекъ, что тотъ отлетѣлъ на другую сторону улицы. — А все-таки я буду играть съ ними!

— Ну, ну, не надо быть такимъ упрямымъ. Надо слушаться мамашу... Видитъ Богъ, мы тебя любили, но такъ всегда бываетъ съ богатыми людьми: сначала водятъ дружбу, а потомъ...

Мальчикъ схватилъ ее за руку, и, нагнувшись къ нему, она испугалась, замѣтивъ слезы у него на глазахъ. — Полно, полно, Вольфъ... Ради Господа Бога, не плачь, не стѣнь того...

Своимъ грубымъ синимъ передникомъ — она только-что стирала — фрау Лемке отерла ему глаза и щеки и провела рукою по густымъ волосамъ, стоявшимъ ежикомъ на его круглой головѣ; а онъ, избѣгавшій всякихъ нѣжностей, принималъ эти ласки на улицѣ среди бѣла-дня.

— Я приду къ вамъ въ подвалъ, фрау Лемке. Пусть говорятъ, что хочеть. Я приду къ вамъ.

И онъ не убѣжалъ, по своему обыкновенію, въ припрыжку, но ушелъ медленно и задумчиво, и женщина, провожая его глазами, подумала: „до чего онъ выросъ!“

Фрау Кэте пришлось выдержать тяжелую борьбу. Вольфъ добился того, чтобы дѣтямъ разрѣшили приходить къ нему — хотя бы только въ садъ. Это была настоящая борьба между нимъ и матерью, безъ сценъ, безъ рѣзкихъ словъ, безъ привязаній съ ея стороны и просьбъ со стороны мальчика, но тѣмъ серьезнѣе была эта нѣмая борьба. Кэте чувствовала, что сопротивленіе его росло и росло, дойдя чуть не до отвращенія къ ней. Или, можетъ быть, это лишь казалось ей. Она ощущала по-

требность поговорить объ этомъ съ мужемъ, но опасалась его насмѣшливой улыбки, его неопредѣленнаго упрека. Еще на дняхъ онъ какъ-то сказалъ: „трудно воспитывать своего собственного ребенка, не только...“ Нѣтъ, онъ никогда не долженъ говорить: чужого. Это — не чужое дитя, онъ — ея собственный любимый сынъ.

Она уступила Вольфу и рѣшила быть ласковой съ дѣтьми, стоившими ей немало тайныхъ слезъ, — такою ласковой, что ихъ уже не потянетъ отсюда на улицу; здѣсь они будутъ играть подъ ея надзоромъ. И все же, раскладывая по кустамъ пестрые яички для игры и разные сюрпризы, — друзья Вольфа были приглашены къ нему на Пасхѣ, — она ощутила въ сердцѣ нѣчто вродѣ гнѣва. Придутъ сюда эти невоспитанные дѣти, растопчутъ своими грубыми сапогами старательно раздѣланныя клумбы, на которыхъ изъ-подъ сѣти виноградника уже проглядываютъ почки гіацинтовъ и выходятъ изъ земли тюльпаны. Жаль, что не удастся мирно насладиться первымъ настоящимъ весеннимъ днемъ, прислушиваясь къ пѣнію малиновки! А они еще „упирались“. Кучеръ Флеббе — тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, какъ нужно себя держать, а Лемке не захотѣли сначала придти. Пришлось два раза послать за ними Лизбету; та вернулась совершенно возмущенною. „Что только подобные люди воображаютъ о себѣ!“ Но Вольфъ такъ порывисто обнялъ мать, когда она позволила ему позвать дѣтей, что Кэте сѣла и написала „многоуважаемой фрау Лемке“, прося ее отпустить дѣтей играть въ яйца.

И вотъ они явились. Молча и неподвижно стояли они, наряженные въ свои лучшіе костюмы, и даже не глядѣли на клумбы. Кэте всегда думала, что она умѣетъ разговаривать съ дѣтьми; она похвалила пестрое клѣтчатое платье Фриды, взяла въ руку ея косу и сказала: „какая толстая!“; обратила вниманіе на ярко вычищенные сапоги Артура и напомаженные волосы Флеббе. Раздѣленные проборомъ посрединѣ, они казались наклеенными надъ его цвѣтущею лакейской физиономіей. Но въ отвѣтъ на всѣ свои любезности Кэте слышала лишь: „да“ и „нѣтъ“.

Дѣти чувствовали себя стѣсненными, въ особенности — Фрида, угадывавшая принужденность этихъ дружелюбныхъ вопросовъ. Она невольно понижала свой звонкій голосъ, и мальчики, подражая ей, смотрѣли въ землю и фыркали носами, не смѣя употребить своихъ носовыхъ платковъ.

Кэте была въ отчаяніи. Что за удовольствіе находилъ Вольфъ въ обществѣ подобныхъ товарищей? Игра у нихъ не клеилась,

даже лицъ отыскивать они не умѣли. Усталая и раздраженная, Кэте вернулась въ домъ, но едва переступила она порогъ своей комнаты, какъ вслѣдъ ей раздался изъ сада звонкій, рѣзкій крикъ, напоминавшій крикъ летящей ласточки. Такъ кричать дѣти на открытомъ воздухѣ, и она когда-то жадно внимала этимъ крикамъ, но теперь въ ней шевельнулось горькое чувство: для того, чтобы дѣти развеселились, нужно было, чтобы она ушла.

Подойдя къ окну, Кэте стала смотрѣть въ садъ. Какъ они бѣгали, рѣзвились, хохотали, прыгали, скакали! Они играли въ догоняшки. Фрида, какъ ласка, скрывалась въ кустахъ, затѣмъ съ рѣзко звенящимъ смѣхомъ выскакивала оттуда и снова исчезала. Вольфгангъ дико несся за нею; онъ не обращалъ вниманія на то, что безжалостно топчетъ любимыя куртины матери,—онъ думалъ лишь о томъ, чтобы перерѣзать дорогу проворной Фридѣ. Двое другихъ послѣдовали за нимъ. Какъ доставалось отъ нихъ клумбамъ! Трое мальчиковъ ловили дѣвочку, бѣлокурая косенка ея развѣвалась при солнечномъ свѣтѣ, какъ золотой шнуръ. Она мелькала то здѣсь, то тамъ, но вотъ Вольфгангъ поймалъ ее и испустилъ торжествующій крикъ. Фрида попробовала освободить косу, но мальчикъ крѣпко держалъ ее; тогда она съ быстротою молвіи обернулась и, смѣясь во весь ротъ, сама крѣпко обхватила его руками за талію, словно она его поймала, а не онъ ее. Это было совершенно невинное дѣтское движеніе, но Кэте покраснѣла и нахмурилась. Вотъ каковы эти уличныя дѣвочки!

И она снова вышла въ садъ, ненавидя эту дѣвочку, уже пытавшуюся завлечь ее Вольфа.

Если Кэте ожидала, что, по уходѣ нагруженныхъ подарками дѣтей, Вольфгангъ станетъ бурно благодарить ее, то она ошиблась; ей самой пришлось спросить его:—Ну, что, весело было?

— Ничего.

Вечеромъ, когда онъ цѣловалъ ей руку, что дѣлалось по желанію отца, она почувствовала, какъ холоденъ былъ его поцѣлуй, и не удержалась, чтобы еще разъ не спросить его:—Развѣ тебѣ не было весело?—И онъ откровенно отвѣтилъ.—Какъ только становилось весело, ты сейчасъ же приходила.

— Ну, хорошо, я больше не стану вамъ мѣшать!—Она попыталась улыбнуться.

Вольфъ не могъ пожаловаться на мать. Его друзья посѣщали его почти каждый день. Шлибенъ не находилъ ничего дурного въ этой дружбѣ съ дѣтьми „не ихъ круга“. Современемъ она прекратится сама собою, а теперь пріятно видѣть, какъ хорошо Вольфгангъ къ нимъ относится.

„Почему Пауль не хочетъ помочь ей воспитывать мальчика? — спросила себя Кэте, — онъ пересталъ понимать ея желанія, въ немъ уже нѣтъ прежней чуткости...“

Въ дѣйствительности Шлибенъ отказался отъ внимательства, убѣдившись, что слова его разбиваются объ упорство Кэте, не желающей отступиться отъ своихъ принциповъ. Зачѣмъ имъ сориться? Столько лѣтъ они прожили счастливо, дожили чуть не до серебряной свадьбы — и вдругъ этотъ мальчуганъ, еще не умѣвшій правильно писать, внесетъ разладъ въ ихъ отношенія? Пусть Кэте балуетъ его покуда; современемъ ему понадобится болѣе твердая рука. Къ счастью, у мальчугана правдивая натура.

Шлибенъ былъ доволенъ Вольфомъ. Мальчикъ не принадлежалъ къ числу первыхъ учениковъ, но шелъ въ серединѣ класса; если изъ него не выйдетъ ученаго — и это не бѣда, будущность его обезпечена. Шлибенъ уже рѣшилъ про себя, что, по окончаніи мальчикомъ курса, онъ отправитъ его на годъ во Францію, въ Англію, быть можетъ — въ Америку, гдѣ тотъ поступитъ ученикомъ въ одинъ изъ крупныхъ торговыхъ домовъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, а затѣмъ отецъ сдѣлаетъ его компаньономъ ихъ собственной фирмы. Ему даже улыбалась мысль имѣть въ его лицѣ молодого помощника: у Вольфганга — широкія плечи, онъ общается быть выносливымъ въ работѣ. Еслибы только Кэте не терзалась понапрасну, не требовала отъ мальчика того, чего онъ не можетъ дать! Порою, встрѣчая взглядъ Вольфа, словно искавшаго у него поддержки, Шлибенъ успокоительно улыбался ему. Да, съ Кэте нелегко бываетъ ладить.

Докторъ Гофманъ предписалъ Кэте поѣздку въ Франценсбадъ; туда мужу не придется, конечно, сопровождать ее, но онъ воспользуется этимъ, чтобы побывать въ Тиролѣ и спустить нѣсколько фунтиковъ лишняго жиру. Пауль убѣдилъ жену оставить мальчика дома: онъ уже не маленький, ему одиннадцать лѣтъ, пусть приучается къ самостоятельности. Передъ отъѣздомъ случилось, однако, маленькое затрудненіе: узнавъ, что ее оставляютъ съ Вольфгангомъ, Лизбета заявила съ видомъ оскорбленной королевы, что она проситъ отпустить ее; хотя она прослужила въ домѣ десять лѣтъ и ей очень жаль разстаться съ господами, но она не намѣрена долѣе выносить его дерзостей.

Пришлось взять наскоро другую дѣвушку — высокую, плотную, съ круглымъ, бѣлымъ и румянымъ лицомъ, „деревенщину“ по сравненію съ благовоспитанною Лизбетою. Несмотря на свои

восемнадцать лѣтъ, она уже долго жила на мѣстахъ; до этого она служила въ нянькахъ у управляющаго. Шлибенъ потѣшался надъ нею; она не понимала никакой шутки и все принимала за чистую монету, но съ кухаркою и служителемъ новая горничная поладила, благодаря тому, что оказалась покладливою.

— Можешь спокойно ѣхать, Кэте, — сказала Шлибенъ; — недѣль черезъ шесть ты съ Божьей помощью вернешься здоровою, и пожалуйста, чтобы я больше не видѣлъ этой сладочки между бровями...

Онъ поцѣловалъ ее, и она отвѣтила на его поцѣлуй, — вѣдь они разставались едвали не впервые. Со времени появленія Вольфа у нихъ въ домѣ, Шлибенъ только одинъ разъ уѣзжалъ на двѣ недѣли. Почему бы, въ сущности, онъ не могъ поѣхать съ нею въ Франценсбадъ, какъ ѣздилъ когда-то въ Спа? Но зачѣмъ объ этомъ говорить, если ему самому оно не пришло въ голову? Да, крылья времени многое уносятъ съ собою. Она вздохнула и тихо отстранила его руку. Вдругъ кто-нибудь войдетъ? „Такіе старые супруги!“ — попробовала она пошутить.

Но когда рано поутру передъ домою остановилась карета, въ которую положили ея багажъ, и Пауль, помогшій Кэте сѣсть въ экипажъ, помѣстился рядомъ съ нею, она не удержалась, чтобы не сказать:

— Еслибы ты поѣхалъ со мною! Я не могу ѣздить одна.

— Что же ты не сказала ранѣе? Я могъ бы устроить тебя и вернуться назадъ.

Онъ не понялъ ея словъ. „Еслибы ты поѣхалъ со мною“ — значило: „еслибы ты остался тамъ со мною!“

Она съ грустью подняла взоръ на окно комнаты Вольфа, который еще спалъ. Она еще съ вечера простилась съ нимъ, а сейчасъ лишь на минутку взглянула къ нему.

— Кланяйтесь мальчику, — повторяла она стоявшимъ у кареты Фридриху и кухаркѣ. — Берегите его, слышите?

Наверху что-то стучнуло. Она взглянула туда. Мальчикъ высунулъ въ окно темную головку; онъ былъ въ ночной рубашкѣ, щеки его рдѣли отъ сна.

— Прощай, мама, прощай! Поправляйся и пиши мнѣ!

Онъ весело кричалъ ей и кивалъ головою, а за его плечомъ дружелюбно улыбалось круглое, румяное лицо новой горничной Циллы.

Съ кѣм. О. Ч.

КИППСЪ

ИСТОРИЯ ПРОСТОЙ ДУШИ:

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906.

Окончаніе.

КНИГА ТРЕТЬЯ ¹⁾.

I.

Прошло два мѣсяца—и Киппсъ очутился наверху блаженства, или могъ бы себя чувствовать наверху блаженства по ходу событий. Въ домѣ м-ра Кута и его сестры онъ впервые встрѣтился съ Еленой Уольшингэмъ какъ съ равной. Сначала онъ робѣлъ и отъ неловкости опрокидывалъ чашки съ чаемъ, ронялъ на полъ тартинки съ масломъ; но постепенно онъ освоивался съ своимъ новымъ положеніемъ и рѣшился даже принять любезное приглашеніе Елены и сдѣлать визитъ ей матери. Онъ внимательно прочелъ главу о визитахъ въ своей настольной книгѣ, „Манеры и правила свѣтскаго обращенія“, и у него сильно билось сердце, когда онъ очутился у входной двери дома Уольшингэмовъ, одѣтый по всѣмъ правиламъ свѣтскихъ приличій и запасшись темами для корректныхъ свѣтскихъ разговоровъ. Визитъ сошелъ благополучнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ; Елена и ея мать стали говорить съ нимъ настолько просто, что онъ просидѣлъ у нихъ гораздо дольше, чѣмъ полагалось по его книгѣ, и потомъ сталъ уже бывать запросто. Кутъ убѣдилъ

---

¹⁾ См. выше: июнь, стр. 708.

Уольшингэмовъ не ѣхать въ Брюгге, какъ они предполагали, а остаться въ Фолькстонѣ на лѣто. Благодаря этому, Киппсъ имѣлъ случай часто видаться съ ними. Его шансы на расположеніе Елены увеличились особенно послѣ одной прогулки, когда онъ и она отдѣлились отъ остальной компаніи — этой привилегіей Киппсъ пользовался во время всѣхъ прогулокъ съ молчаливаго общаго соглашенія — и имъ навстрѣчу попался быкъ, довольно внушительныхъ размѣровъ. Елена испугалась, а Киппсъ обнаружилъ большое хладнокровіе; онъ спокойно сказалъ ей, чтобы она перешла черезъ низкую загородку на сосѣднее поле, а самъ пошелъ навстрѣчу быку. Только когда она уже была въ безопасности на полѣ, онъ отвернулся отъ быка и послѣдовалъ за Еленой. Этотъ инцидентъ, по существу совершенно незначительный, показалъ однако Еленѣ, что Киппсъ во всякомъ случаѣ не трусъ и можетъ составить надежную опору въ жизни женщины. Это впечатлѣніе сказалось въ ея отношеніи къ нему и на обратномъ пути домой послѣ этой прогулки, и во время дальнѣйшихъ совмѣстныхъ экскурсій. Съ каждой новой встрѣчей она относилась къ нему все съ большимъ вниманіемъ и симпатіей, и вскорѣ между ними произошла рѣшающій разговоръ. Они отправились всей компаніей осматривать одну изъ достопримѣчательностей въ окрестностяхъ Фолькстона — ферму Лимнэ, занимающую старинный рыцарскій замокъ. Ферма славилась прекраснымъ видомъ съ высоты башни на море и на далекіе берега Франціи. Сначала рѣшено было, что всѣ поднимутся на башню. Но м-съ Уольшингэмъ испугалась крутой лѣстницы, и сказала, что останется ждать остальныхъ внизу. Подруга Елены, пришедшая съ ними, осталась съ нею, а молодой Уольшингэмъ вмѣстѣ съ Кутомъ пошли покупать папиросы, такъ что Киппсъ очутился на башнѣ вдвоемъ съ Еленой. Она стала молча глядѣть вдаль, а Киппсъ стоялъ рядомъ съ нею, очарованный, и сталъ громко восхищаться видомъ.

— Когда вокругъ такъ красиво, когда я среди такой дивной природы, я чувствую себя такимъ ничтожнымъ! — сказалъ онъ, слегка заикаясь отъ волненія.

Она взглянула на него взглядомъ собственника, какъ всегда, но съ оттѣнкомъ нѣжности.

— Знаете, м-ръ Киппсъ, — сказала она, и въ голосѣ ея уже отразилась необыкновенная участливость, — вы слишкомъ скромны.

Онъ взглянулъ на нее съ радостнымъ изумленіемъ, точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Неужели, миссъ Уольшингэмъ, — произнесъ онъ прерывающимся голосомъ, — неужели вы обо мнѣ хорошаго мнѣнія?

— Ну, конечно.

— Господи! Вѣдь вы такая ученая, такая... Скажите, могли бы вы быть мнѣ другомъ и помочь мнѣ?.. Миссъ Уольшингэмъ, скажите, какъ вы ко мнѣ относитесь? Могу я надѣяться на вашу дружбу?

Она долго молчала и потомъ, взглянувъ на него, сказала:

— Вы очень благородный человекъ, — сказала она. — Вотъ вы, напримѣръ, такъ добры къ моему брату, и это меня глубоко трогаетъ. Какъ великодушно съ вашей стороны поручить ему свои дѣла, хотя онъ — только начинающій адвокатъ. И вы такъ необыкновенно скромны. Къ тому же я имѣла случай убедиться также и въ вашей храбрости — тогда, при встрѣчѣ съ быкомъ.

Взглянувъ внизъ, она сдѣлала знакъ рукой, увидавъ, очевидно, внизу мать, и сказала Киппсу, что пора идти внизъ. Киппсъ повелъ ее внизъ съ машинальной учтивостью, но мысли его были въ полномъ хаосѣ. Онъ чувствовалъ, что судьба его должна рѣшиться въ эту минуту. Онъ пошелъ впередъ, спустился на нѣсколько ступенекъ и протянулъ ей руку, чтобы помочь ей сойти. Задержавъ ее руку въ своей, онъ спросилъ:

— Скажите, у васъ нѣтъ ко мнѣ дурного чувства?

Она долго не отвѣчала, но по ее мягкому, обворожительно улыбающемуся взгляду Киппсъ почти угадывалъ отвѣтъ, и сердце его замерло.

— Обѣщайте мнѣ, — сказала она наконецъ, — что если я буду находить въ васъ много хорошихъ качествъ, вы перестанете ставить себя ни во что.

— Такъ я для васъ не ничто?.. Вы...

Она наклонилась къ нему совсѣмъ близко и сказала тихимъ голосомъ:

— Вы мнѣ нравитесь.

Изумленіе его почти превышало его радость. Онъ спросилъ изъ боязни рокового недоразумѣнія:

— Вы согласны выйти за меня замужъ?

Она посмотрѣла на него, смѣясь, радуясь своему обаянію, своей власти. Онъ ей дѣйствительно показался привлекательнымъ въ эту минуту. Изъ него выйдетъ славный мужъ.

— Ну, да, — сказала она, смѣясь. — Согласна.

Еслибы погруженнаго въ молитвы отшельника вдругъ схватили среди его спокойныхъ молитвъ, такимъ, какъ онъ есть, въ

рубищѣ, и перенесли въ рай, гдѣ онъ очутился бы среди херувимовъ съ ослѣпительно сверкающими крыльями, то состояніе его духа должно было быть именно такимъ, какое испытывалъ въ эту минуту Киппсъ. Его точно насильно звергли въ міръ блаженства... Онъ крѣпче ухватился за перила, чтобы не упасть отъ волненія, потомъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но не рѣшился. Ни одного слова больше онъ, однако, не могъ произнести. Онъ повернулся къ Еленѣ, и на лицѣ его было выраженіе ужаса, когда онъ сталъ помогать ей спускаться по темной лѣстницѣ.

Внизу всѣ точно знали, что произошло между Еленой и Киппсомъ. Никто ничего не говорилъ, но это видно было по выраженію лицъ. На обратномъ пути м-съ Уольшингемъ пошла подъ-руку съ Киппсомъ—ей было нѣсколько трудно идти въ гору, —ц говорила съ нимъ материнскимъ тономъ, главнымъ образомъ о своихъ дѣтяхъ, о томъ, какъ исключительно умна и талантлива ея дочь, о томъ, что она, навѣрное, сдѣлается выдающейся писательницей и вообще будетъ сіять въ свѣтѣ. Она рассказала вскользь и о своемъ покойномъ мужѣ, тоже истинномъ художникѣ душой; онъ поэтому и былъ неудачникомъ въ дѣлахъ, слишкомъ довѣрялся своему компаньону и потерялъ все состояніе...—Но не будемъ говорить о печальномъ прошломъ въ такой день, какъ сегодня,—закончила она.

Когда всѣ они сѣли пить чай подъ деревьями, въ маленькой деревенской гостинницѣ, Киппсъ замѣтилъ, что все общество смотреть на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Ему сдѣлалось неловко, и онъ радъ былъ, что вскорѣ началась возня съ осами, отвлекшая вниманіе отъ него. Онъ тоже усердно отгонялъ осъ, а потомъ принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, передавалъ чашки и тарелки за столомъ, продѣлывая, однако, все это какъ во снѣ. Онъ только поглядывалъ на Елену, поражаясь ея хладнокровіемъ и спокойствіемъ. Только на одну минуту она слегка порозовѣла.

На обратномъ пути Киппсъ опять очутился наединѣ съ Еленой, но все еще не могъ собраться съ духомъ, чтобы говорить съ ней,—онъ только кивалъ головой въ отвѣтъ на всѣ ея замѣчанія о цвѣтахъ и деревьяхъ. Онъ все еще чувствовалъ себя оглушеннымъ. Душевной близости къ Еленѣ онъ не ощущалъ. Онъ только видѣлъ съ величайшимъ изумленіемъ, что богиня спустилась съ алтаря и пошла рядомъ съ нимъ, взявъ его за руку. Елена въ свою очередь глядѣла на него, и рѣшила, что онъ совсѣмъ ничего. Сознаніе своей власти надъ нимъ тоже придавало ему нѣкоторую привлекательность въ ея глазахъ. А

главное, съ нимъ связано было представленіе о свободной, блестящей жизни въ Лондонѣ, о столькихъ новыхъ жизненныхъ перспективахъ. Этихъ мыслей Киппсъ не могъ прочесть въ ея глазахъ. Онъ и не видѣлъ ея глазъ въ надвигающихся сумеркахъ. Но влюбленное воображеніе рисовало ему ея глаза сіяющими звѣздами. Она казалась ему душой окружавшей его природы. Онъ переживалъ незабвенныя минуты. Все самое завѣтное осуществилось. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда кажется, что будущаго нѣтъ, что время остановилось.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ девять, Кутъ пришелъ къ Киппсу и съ очень растроганнымъ выраженіемъ лица поздравилъ его, доказывая, что судьба посылаетъ ему теперь большее счастье, чѣмъ наслѣдство. Киппсъ охотно согласился съ нимъ и рассказалъ, какъ все произошло, какъ онъ полюбилъ Елену еще когда учился у нея рѣзбѣ по дереву. Кутъ сталъ выхвалять Елену и всю семью, и вскользь упомянулъ, что они находятся въ родствѣ—правда, въ нѣсколько отдаленномъ—съ лордомъ Бопрэ. Это произвело на Киппса большое впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ, что судьба посылаетъ ему слишкомъ ужъ щедрые дары.

Киппсъ сталъ подробно спрашивать, что ему слѣдуетъ предпринять теперь,—въ „Манерахъ и правилахъ“ онъ ничего не нашелъ на этотъ счетъ. Изъ бесѣды съ Кутомъ выяснилось, что Киппсъ долженъ отправиться къ м-ссъ Уольшингэмъ, попросить у нея руки ея дочери, затѣмъ купить красивое кольцо—ювелиръ поможетъ ему выбрать что-нибудь изящное—и послать Еленѣ. Киппсъ почувствовалъ большое облегченіе, узнавъ, что кольцо нужно послать, а не принести самому. Они обсудили также костюмъ Киппса и рѣшили, что онъ отправится къ матери Елены въ черномъ скюртугѣ, въ цилиндрѣ и съ розой въ петличкѣ. Киппсъ чувствовалъ несомнѣнное удовлетвореніе отъ своего нагляднаго превращенія въ истиннаго джентльмена, который надѣвается въ торжественныхъ случаяхъ черный скюртугъ, хорошо знакомъ съ лэди Пюнетъ и состоитъ женихомъ отдаленной родственницы лорда Бопрэ. Киппсу становилось страшно передъ своимъ собственнымъ величіемъ. Еще два мѣсяца тому назадъ онъ былъ ничтожнымъ приказчикомъ, а теперь жизнь раскрылась передъ нимъ какъ волшебный цвѣтокъ, и сердце этого цвѣтка—красавица Елена. Онъ рѣшилъ, что купить самое прекрасное обручальное кольцо, какое только найдется въ Фолькстонѣ.

Потомъ онъ освѣдомился, слѣдуетъ ли также послать цвѣты. Давая дальнѣйшіе совѣты, Кутъ сказалъ, что Киппсъ долженъ попросить Елену „назначить день“. Киппсъ вздрогнулъ.

— Не слишкомъ ли уже это будетъ смѣло съ моей стороны? — спросилъ онъ. — И когда можетъ быть свадьба — такъ черезъ годъ, вѣроятно?

— Затѣмъ такъ долго ждать! — возразилъ Кутъ.

Онъ обѣщаль Киппсу помочь ему во время свадьбы, потомъ разъяснилъ недоумѣнія Киппса относительно того, что такое „тэтъ-а-тэтъ“; въ книгѣ „Манеры и правила“ сказано было, что этого не разрѣшается жениху и невѣстѣ. Кутъ сказалъ Киппсу, что Уольшингэмы придерживаются болѣе широкихъ взглядовъ и не соблюдаютъ всѣхъ свѣтскихъ правилъ, такъ что онъ можетъ свободно видѣться съ невѣстой.

— Сколько, однако, еще нужно обдумать! — сказала Киппсъ, озабоченно вздохнувъ. — Неужели, по вашему..., свадьба можетъ быть ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Вы же этого хотите, — такъ почему бы нѣтъ?

Еще долго за полночь сидѣлъ Киппсъ и съ напряженнымъ вниманіемъ перелистываль книгу въ красномъ переплетѣ. Особенно внимательно онъ прочиталь главу, съ заголовкомъ: „Свадьбы“, потомъ еще долго обдумываль прочитанное и счелъ себя наконецъ готовымъ къ торжественному шагу. — „Пойду завтра же“, — рѣшилъ онъ, и пошелъ наконецъ спать.

На слѣдующій день Киппсъ явился къ м-ссъ Уольшингэмъ въ предписанномъ для торжественныхъ случаевъ костюмѣ и въ виду своей несомнѣнной корректности чувствовалъ себя недурно. Его попросили въ гостиную, и когда къ нему вышла м-ссъ Уольшингэмъ, онъ смѣло сѣлъ на кресло, сдѣлавъ граціозное движеніе локтемъ руки, въ которой держаль шляпу, и намѣревался произнести цѣлую рѣчь. Но м-ссъ Уольшингэмъ сразу прекратила церемонность его объясненія, сказавъ, что знаетъ обо всемъ, и заговорила очень искренно и тепло. Она распространилась о своихъ материнскихъ чувствахъ къ Еленѣ.

— Вѣдь дочь, милый Артуръ, — сказала она, — гораздо ближе сердцу матери, чѣмъ сынъ.

Затѣмъ она сказала, что „бракъ — потеря“, но что она довѣряеть ему, Киппсу, и увѣрена, что онъ будетъ хорошимъ мужемъ. Она поблагодарила Киппса за его покровительство ей сыну и сказала, что и дочь, и сынъ ея — удивительно талантливы и умны, — нужно только создать имъ подходящія условія для проявленія ихъ качествъ.

Наступила короткая пауза, пріятно прерванная появленіемъ Елены. Она весело и дружественно поздоровалась съ Киппсомъ, вс, видимо, удивилась его торжественному костюму. Она предло-

жила чай, потомъ вышла и вернулась въ сопровожденіи служанки, которая приготовила все къ чаю на маленькомъ столикѣ. Послѣ чаю м-съ Уольшингемъ поднялась, ласково протянула руку Кипсу и, сказавъ, что имъ, навѣрное, нужно много о чемъ поговорить вдвоемъ, вышла изъ комнаты.

Въ эту блаженную минуту, когда онъ остался наединѣ съ невѣстой съ разрѣшенія ея матери, у Кипса мелькнули въ головѣ два одинаково сильныхъ желанія: ему хотѣлось — и казалось, что такъ собственно полагается, — подойти къ Еленѣ и обнять ее, а другое желаніе было выпрыгнуть изъ окна и убѣжать. Послѣ того какъ дверь за м-съ Уольшингемъ закрылась, онъ все-таки подошелъ къ Еленѣ, которая продолжала стоять у чайнаго столика; не зная, что дѣлать, онъ отъ неловкости сталъ крутить усы. Его успокаивала только увѣренность, что онъ корректно одѣтъ и никакой неловкости не совершилъ. Но въ душѣ его поднималось смутное, изумлявшее его самого сознание, что его чувства къ Еленѣ какъ-то странно измѣнились; онъ не испытывалъ уже того блаженства въ ея близости, какъ въ блаженные минуты на башнѣ. Она взглянула на него опять взглядомъ собственника — очень требовательнаго, потомъ улыбнулась и сказала, что рада его приходу. Онъ совсѣмъ смутился, рассказалъ отъ неловкости, что купилъ ей кольцо, и потомъ только заговорилъ искреннимъ тономъ.

— Мнѣ положительно не вѣрится... — сказалъ онъ. — Это еще невѣроятнѣе, чѣмъ наслѣдство. Вотъ мы скоро поженемся... Мнѣ кажется, что это не со мной происходитъ, а съ кѣмъ-то другимъ. Знаете, что я чувствую? — продолжалъ онъ и поглядѣлъ на Елену, покраснѣвъ. — Я васъ недостойнъ. Я невоспитанъ, и вы будете это все болѣе и болѣе замѣчать.

— Я помогу вамъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ неязанныхъ привычекъ; все это въ сущности пустыя, и вамъ будетъ очень легко исправиться, — если только вы не будете сердиться на мои замѣчанія.

— Напротивъ того, я буду вамъ благодаренъ отъ всей души.

— Ну, и отлично... Вотъ, напримѣръ, вы говорите неполнѣе правильно, — нужно обратить на это вниманіе. Вы не обижаетесь, что я это вамъ говорю?

— Нѣтъ же! Я знаю, что это можно исправить, — нужно поучиться. Мнѣ говорилъ одинъ знакомый актеръ.

— И вотъ еще что — не одѣвайтесь слишкомъ нарядно. Это производитъ впечатлѣніе вульгарности, мѣщанства. Настоящій джентльменъ никогда не долженъ обращать на себя вниманіе своимъ туалетомъ.

— Понимаю, понимаю. Нужно, чтобы не видно было, что платье совсѣмъ новое, — сказалъ Киппсъ съ глубокимъ отчаяніемъ въ голосѣ. Ему хотѣлось въ эту минуту швырнуть свой цилиндръ въ самый далекій уголъ комнаты.

— Я постараюсь слѣдовать вашимъ указаніямъ, — сказалъ онъ. — Я постараюсь исправиться.

— Я увѣрена, что это вамъ удастся, — сказала она, и на минуту положила руку ему на плечо. Но онъ даже не замѣтилъ ея ласковаго движенія. Онъ сосредоточился на томъ, чтобы спросить Елену о срокѣ свадьбы въ наиболѣе правильныхъ выраженіяхъ. Но онъ такъ и не придумалъ до самаго ухода, и ушелъ, не спросивъ.

Придя домой, онъ долго сидѣлъ передъ открытымъ окномъ у себя въ комнатѣ, вспоминая о разговорѣ съ невѣстой, и думалъ о томъ, что онъ никогда не будетъ знать, какъ вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни. Потомъ онъ всталъ, прошелъ черезъ комнату къ книжному шкафу, вынулъ „Манеры и правила свѣтскаго обращенія“ и началъ внимательно читать ихъ сначала и до конца.

II.

Сдѣлавшись женихомъ, Киппсъ рѣшилъ сообщить объ этомъ событіи первостепенной важности старикамъ тетѣ и дядѣ. На слѣдующее же утро послѣ разговора съ Еленой и ея матерью онъ рано позавтракалъ, нанялъ автомобиль — не дилижансомъ же теперь ему было ѣхать въ Нью-Ромнэ! — и покатилъ по знакомой съ дѣтства дорогѣ. Его появленіе у домика съ игрушечной лавкой произвело, конечно, большую сенсацію. Старикъ Киппсъ прежде всего сталъ осматривать моторъ съ видомъ знатока и сталъ давать племяннику совѣты на тотъ случай, если онъ захочетъ приобрести собственный автомобиль. А когда они вошли въ комнату, старикъ поблагодарилъ Киппса за присланную ему виски. Чтобы показать, однако, свое житейское превосходство и большой опытъ, онъ сталъ критиковать марку, присланную племянникомъ.

— Тебя обманули, — сказалъ онъ: — будь остороженъ, не дѣрай никому, не покупай ничего, не посоветовавшись со мной.

Киппсу хотѣлось какъ можно скорѣе сообщить о перемѣнѣ въ своей жизни, но это было невозможно — до того старики были заняты волнующимъ ихъ вопросомъ о переселеніи въ другое мѣсто. Объ этомъ они болѣе всего хотѣли поговорить съ пле-

мянникомъ. Какъ только Кипсъ такъ неожиданно разбогатѣлъ, онъ, конечно, рѣшилъ позаботиться о старикахъ: онъ предложилъ имъ оставить торговлю и поселиться въ какомъ-нибудь тихомъ хорошенькомъ вотаджѣ. Это была очень красивая и пріятная мечта, но когда дошло дѣло до осуществленія ея, то появилась тысяча препятствій. Не оказалось нигдѣ подходящаго домика. Старикъ интереснѣе всего были самые поиски, и онъ осматривалъ всѣ дома въ окрестностяхъ Ромнэ, — и большіе, и маленькіе. Иногда ему особенно нравились занятые дома, и онъ настаивалъ на томъ, чтобы ему позволили осмотрѣть ихъ сверху до низу, доказывая возмущеннымъ хозяевамъ, что вѣдь они не вѣчно будутъ здѣсь жить. М-съ Кипсъ въ свою очередь жаловалась на трудности выбора. „Если домъ будетъ слишкомъ большой, нужна служанка, — а я терпѣть не могу дѣвчонокъ, которыя всюду шныряютъ, все вынюхиваютъ и вдобавокъ еще смѣются надъ хозяевами. А маленькій домъ тоже неудобенъ — негдѣ даже будетъ кошку отодрать“. Повидимому, необходимо было имѣть мѣсто для этой рѣдко происходящей, но важной процедуры. Затѣмъ старикъ говорилъ, что нужно распродавать имѣющійся въ лавкѣ товаръ не спѣша. Не то все пойдетъ за бездѣнокъ. Всѣ эти соображенія такъ волновали стариковъ, что, рассказывая племяннику о нихъ, они даже забыли освѣдомиться о его дѣлахъ. Разъ какъ-то дядя спросилъ: „Ну, а ты какъ поживаешь въ Фолькстонѣ? Я заѣду на дняхъ провѣдать тебя“, — но прежде чѣмъ Кипсъ успѣлъ отвѣтить что-нибудь, старикъ опять сталъ говорить о переѣздѣ. Кипсъ рѣшилъ, что единственная возможность достигнуть цѣли своего пріѣзда къ старикамъ, это пройтись по городу, составить планъ рѣчи, съ которой онъ обратится къ нимъ, и, вернувшись, сказать имъ все въ точности. Такъ онъ и поступилъ.

Онъ пошелъ по главной улицѣ, по направленію къ церкви, а потомъ дальше къ мѣсту, гдѣ когда-то бѣгалъ взапуски съ Анни Порникъ. Онъ сѣлъ тамъ, задумался о далекомъ прошломъ, и на время образъ Елены и картины будущаго отошли вдале, вытѣсненные воскресшими картинами былого. И вдругъ Кипсе окликнулъ голосъ, тоже тѣсно связанный съ его воспоминаніями. Онъ поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ, протягивая ему руку, его другъ дѣтства, Сидъ Порникъ. Онъ очень измѣнился, но все-таки былъ все тотъ же, прежній Сидъ, похожій на свою сестру Анни, но при этомъ совсѣмъ не красивый. Они дружески поздоровались.

— Я какъ разъ вспоминалъ о тебѣ, Сидъ, — сказалъ Кипсъ. — А ты тутъ какъ тутъ.

— Да, я иногда наѣзжаю сюда, — отвѣтил Сидъ. Голосъ его сталъ нѣсколько жесткимъ, громкимъ, и видъ у него былъ спокойно-самоувѣренный. — А ты какъ тутъ очутился? — спросилъ онъ Киппса. — Я тебя сейчасъ же узналъ, какъ только ты показался изъ-за угла. Да это Киппсъ, подумалъ я, если меня чортъ не дразнитъ! Ты въ отпуску?

— Да, видишь ли... Я недавно пол...

— Я тоже отдыхаю. Но я самъ себѣ далъ отпускъ. У меня самостоятельное дѣло — велосипедный магазинъ. Самъ дѣлаю велосипеды. Самыя лучшія машины по общедоступнымъ цѣнамъ во всемъ Лондонѣ. У меня масса заказовъ. Хочешь, зайдешь въ нашъ старый домъ? Тамъ теперь мать живетъ одна послѣ смерти отца. Ей не хотѣлось переселиться ко мнѣ въ Гаммерсмитъ. Ну пусть живетъ на старомъ мѣстѣ. Я не разорюсь, доставляя ей эту радость. Я-то женатъ уже два года, — и еслибы ты видѣлъ, какой у меня славный сыночекъ! А ты, конечно, еще не женатъ?

Киппсъ обрадовался возможности сообщить хоть что-нибудь о себѣ.

— Я вчера какъ-разъ сдѣлался женихомъ, — сказалъ онъ.

— Это хорошо, — покровительственно сказалъ Сидъ. — А кто же очастливленная тобой особа?

Киппсъ попытался отвѣтить небрежнымъ тономъ.

— Дочь одного фолькстонскаго адвоката, — сказалъ онъ. — Семья съ довольно хорошимъ положеніемъ. Родственники лорда Бопрэ.

— Что? — чуть не крикнулъ Сидъ.

— У меня измѣнились обстоятельства, Сидъ. Я получилъ наслѣдство.

Сидъ внимательно взглянулъ на платье Киппса, только теперь замѣтивъ перемѣну въ его внѣшности.

— Сколько? — спросилъ онъ.

— Около тысячи двухсотъ фунтовъ въ годъ, приблизительно, — отвѣтилъ Киппсъ. Сидъ былъ совершенно ошеломленъ. Киппсъ сталъ рассказывать ему о томъ, какъ онъ самъ былъ пораженъ, когда адвокатъ объявилъ ему о наслѣдствѣ, оставленномъ ему его дѣдомъ, про котораго онъ никогда даже не слышалъ. Сидъ сердечно поздравилъ его, повторяя: — Это, дѣйствительно, необыкновенное счастье!

— Однако, — прибавилъ онъ, — хорошо, что это выпало на твою долю, а не на мою. Я бы не могъ оставить эти деньги себѣ. Я вѣдь, знаешь, социалистъ. Я знаю, что деньги добываются эксплуатаціей труда.

Сидъ сталъ развивать свои теоріи о несправедливости въ распредѣленіи богатствъ, но скоро прервалъ свои разсужденія, повторяя нѣсколько разъ:

— Тысяча двѣсти фунтовъ въ годъ!.. Ты сдѣлаешься важнымъ господиномъ, Киппсъ. Можетъ быть, скоро не захочешь и разговаривать съ простымъ механикомъ. Будешь гнушаться меня.

— Нѣтъ, Сидъ,—твердо отвѣтилъ Киппсъ.—Этого никогда не будетъ. Я не такой.

— Деньги мѣняютъ человѣка,—скептически возразилъ Сидъ.— А тутъ еще ты женишься на аристократкѣ... Мастерманъ—это мой жилецъ, большой умница—Мастерманъ говоритъ, что все дѣло въ женщинахъ. Онѣ создаютъ всѣ общественныя перегородки.

Киппсъ опять сталъ увѣрять, что „онъ не таковъ“, но Сидъ только задумчиво повторялъ:—Тысяча двѣсти въ годъ! Подумать только...

Чтобы какъ-нибудь перекинуть мостъ черезъ открывшуюся между ними пропасть, Киппсъ сталъ вспоминать про ихъ дѣтскія игры и приключенія.

Сидъ, дѣйствительно, просіялъ и заговорилъ непринужденно о старомъ.

— Послушай, Сидъ,—спросилъ вдругъ Киппсъ:—что съ Анни?

— Ничего. Она устроилась въ Ашфордѣ. Мы не ладимъ теперь съ нею,—прибавилъ Сидъ, слегка нахмурившись.—Я былъ противъ того, чтобы она жила въ прислугахъ. Мы люди простые, но мнѣ неприятно, чтобы моя сестра прислуживала за столомъ кому бы то ни было—даже людямъ, имѣющимъ тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ.

Киппсъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ намека, и сказалъ только, что Анни была славной дѣвчонкой и бѣгала взапуски совсѣмъ молодцомъ. Но Сидъ вернулся къ волновавшему его вопросу о наслѣдствѣ Киппса.

— Что ты будешь дѣлать съ деньгами?—спросилъ онъ.— Вотъ послушай бы Мастермана,—онъ бы тебѣ сказалъ, какъ ихъ употребить съ пользой. А что, еслибы наслѣдство досталось мнѣ? Я бы, конечно, не вернулъ денегъ государству, при теперешнемъ положеніи вещей. Я бы основалъ кооперативную фабрику. Или новую социалистическую газету. Намъ очень нужна социалистическая газета.

Онъ старался утопить свою личную горечь въ разработкѣ такого рода гипотезъ. Но Киппсу надоѣло выслушивать разсуж-

денія Сиды; онъ сказалъ, что его ждетъ автомобиль, и что пора ѣхать обратно въ Фольбстонъ. Сидъ опять пришелъ въ ужасъ, — его возмущеніе было однако не безъ примѣся зависти, — узнавъ, что Киппсъ заплатилъ пять фунтовъ за прокатъ автомобиля. — „На эти деньги пять семействъ могутъ прожить цѣлую недѣлю!“ сказалъ онъ съ негодованіемъ. Но все-таки величіе Киппса его какъ бы гипнотизировало, и онъ пошелъ съ нимъ, помогъ ему надѣть автомобильную куртку и очки, и стоялъ съ стариками до послѣдней минуты, пока моторъ не укатилъ наконецъ, поднимая облако пыли. Старикъ Киппсъ обернулся къ Сиду и съ нѣкоторой ироніей пожелалъ ему стать фабрикантомъ автомобилей. Сидъ стоялъ, не двигаясь, не слушая старика и прислушиваясь къ далекому уже пыхтѣнію автомобиля. Молодой механикъ вдругъ убѣдился, что хотя онъ и смастерилъ уже семнадцать велосипедовъ, считая и тѣ, на которые получилъ недавно заказы, все-таки это не даетъ ему право гордиться своими удачами въ жизни... Бываютъ большія удачи! Что-то горькое зашевелилось въ немъ, и лицо его утратило прежнее удовлетворенное, самоувѣренное выраженіе. Онъ медленно направился къ дому матери, и она была слегка обижена его пасмурнымъ видомъ. Она вѣдь купила специально для него печенье къ чаю, а онъ даже вниманія не обратилъ. Онъ ей не рассказалъ о встрѣчѣ съ Киппсомъ. И никому другому онъ тоже ничего не рассказывалъ. Ему хотѣлось забыть о судьбѣ Киппса, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

III.

Когда Киппсъ сталъ думать о своей повѣздѣ въ Ромнѣ, онъ впервые почувствовалъ, что между его теперешней жизнью и понятіями его прежней среды образовалась уже глубокая пропасть. Онъ почувствовалъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что намѣревался сообщить старикамъ — но такъ и не сообщилъ — и кругомъ ихъ понятій. То, что казалось естественнымъ и желательнымъ въ атмосферѣ, окружающей Елену, должно было вызвать подозрѣніе и недоувѣріе у стариковъ — у тети и дяди. По круто измѣнившемуся отношенію къ нему Сиды Порника, по его словамъ: — „да ты скоро и разговаривать не захочешь съ такимъ скромнымъ механикомъ, какъ я“, — Киппсъ смутно предчувствовалъ, что путь общественнаго восхожденія будетъ усѣянъ для него, быть можетъ, обломками разбитыхъ дружескихъ связей. Вскорѣ это предчувствіе Киппса подтвердилось на практикѣ: ему, дѣйствительно, при-

шлось порвать отношенія съ прежними товарищами по магазину и съ актеромъ Читерло.

Отношенія его къ Еленѣ стали совершенно иными послѣ ихъ бесѣды на башнѣ. Прежде онъ молился на нее, какъ на богиню; теперь богиня спустилась къ нему, шла рядомъ съ нимъ и сдѣлалась его строгой воспитательницей. Она къ нему относилась съ искренней симпатіей; онъ ей нравился. Она его первая поцѣловала нѣсколько разъ въ лобъ, а онъ ни разу ее не поцѣловалъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и самъ не зналъ еще, что хотя по-прежнему преклоняется передъ нею и гордится тѣмъ, что она его невѣста, но уже не любитъ ее. Всякая нѣжность исчезла изъ его отношенія къ Еленѣ навсегда. Но этого не подозрѣвала ни она, ни онъ самъ. Она относилась къ нему все болѣе и болѣе хорошо—съ оттѣнкомъ материнскаго чувства, опекала его и заботилась о его воспитаніи. Такъ, она рѣшила уничтожить всѣ его связи съ прежней вульгарной средой. Самымъ нежелательнымъ изъ старыхъ знакомыхъ Киппса былъ актеръ Читерло, и относительно его Елена стала дѣйствовать очень рѣшительнымъ образомъ. О существованіи Читерло она узнала во время одной изъ прогулокъ по морскому берегу вдвоемъ съ Киппсомъ. Имъ навстрѣчу появился господинъ въ полосатомъ фланелевомъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ. Онъ шелъ, засунувъ руки въ карманы, и глядѣлъ на прохожихъ съ нѣсколько лукавымъ видомъ, — вѣроятно изучая ихъ, какъ матеріалъ для какой-нибудь новой пьесы. Увидавъ Киппса, онъ очень развязно повдоровался съ нимъ и, отозвавъ его въ сторону, — съ фамильярнымъ поклономъ въ сторону Елены, — сталъ ему рассказывать о своихъ ближайшихъ планахъ. Онъ сообщилъ ему, что синдикатъ для постановки его драмы работаетъ очень усердно, и горячо поблагодарилъ Киппса за его денежную помощь въ этомъ дѣлѣ. Киппсъ, изъ благодарности къ Читерло, который способствовалъ счастливому перевороту въ его жизни, уже давно согласился быть главнымъ участникомъ синдиката для проведенія его драмъ на сцену (Читерло увѣрилъ его, что синдикатъ уже составился). Теперь актеръ сообщилъ, что данныя Киппсомъ деньги значительно подвинули его дѣла. Поговоривъ объ этомъ, Читерло удалился съ очень самоувѣреннымъ видомъ; Елена стала подробно спрашивать своего жениха о томъ, кто это такой. Киппсъ рассказалъ ей о роли Читерло въ исторіи наслѣдства, и сказалъ, что изъ благодарности онъ принимаетъ денежное участіе въ театральныхъ предпріятіяхъ Читерло. Елена освѣдомилась прежде всего, видалъ ли Киппсъ пьесы Читерло на сценѣ,

и узнавъ, что онъ „не видѣли свѣта рампы“, тотчасъ же взяла съ него торжественное обѣщаніе, что онъ не будетъ тратить ни одного фунта на Читерло, не посоветовавшись съ нею. Затѣмъ она сказала въ видѣ общей мысли, что нельзя вести знакомство со всѣми на свѣтѣ. Киппсъ смущенно, какъ бы извиняясь, напомнилъ ей опять, что онъ многимъ обязанъ Читерло.

— Нельзя сразу порвать со всѣми, кого зналъ,—прибавилъ онъ въ свое оправданіе.

Елена промолчала и потомъ сказала:

— Мы вѣдь скоро переѣдемъ въ Лондонъ, а пока не стоить, впрочемъ, ничего мѣнять. Мы поселимся гдѣ-нибудь въ хорошемъ кварталѣ и составимъ подходящій кругъ знакомыхъ.

Весь конецъ этого лѣта Киппсъ занятъ былъ восполненіемъ пробѣловъ своего воспитанія; онъ даже, по мнѣнію Елены, слишкомъ ужъ открыто сознавался въ своемъ невѣжествѣ, прося у всѣхъ указаній и совѣтовъ. Онъ усердно изучалъ „Манеры и правила свѣтскаго обращенія“, затѣмъ бесѣдовалъ много съ сестрой Кута, которая сообщила ему необходимыя—для салонныхъ разговоровъ—свѣдѣнія по искусству. Много пользы принесли ему также бесѣды съ м-ссъ Уольшингемъ; она безъ лишнихъ разсужденій говорила ему категорически, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, и рассказывала много поучительныхъ анекдотовъ и примѣровъ изъ жизни свѣтскаго общества. Онъ слушалъ ее всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Больше всего она говорила, однако, о своихъ дѣтяхъ,—„своихъ двухъ брилліантахъ“, какъ она ихъ называла,—объ ихъ талантахъ, характерахъ, и о необходимости создать благопріятныя условія для проявленія ихъ дарованій. Имъ нужна подходящая общественная атмосфера,—иначе имъ трудно дышать. Киппсу казалось—и, повидимому, сама м-ссъ Уольшингемъ тоже это предполагала,—что она переселится вмѣстѣ съ ними въ Лондонъ и будетъ жить у нихъ въ домѣ. Но, въ великому его удивленію, Елена сказала ему однажды, что этого не будетъ, что они должны составить себѣ свой совершенно самостоятельный кругъ,—у матери же есть достаточно своихъ знакомыхъ здѣсь.

Братъ Елены тоже участвовалъ въ воспитательномъ синдикатѣ, подготовлявшемъ Киппса въ свѣтской жизни, но его участіе было менѣе значительно. Онъ поѣхалъ разъ съ Киппсомъ въ Лондонъ и тамъ показалъ ему, какія слѣдуетъ покупать папирсы и сигары; объяснилъ ему, что въ завтраку нужно заказывать красное вино, а въ обѣду—moselle mousseux, и далъ еще такого же рода полезныя указанія. Онъ тоже мечталъ о томъ

времени, когда они всѣ вмѣстѣ поселятся окончательно въ Лондонѣ. Этотъ планъ разрабатывался и принималъ все болѣе широкіе размѣры, составляя главное содержаніе разговоровъ Елены. Она очень мало говорила съ своимъ женихомъ о чувствахъ,—онъ тоже больше молчалъ на этотъ счетъ. Всѣ бесѣды сосредоточивались на обсужденіи будущаго, которое съ полной откровенностью изображалось, какъ походъ „двухъ брилліантовъ“, сестры и брата Уольшингэмовъ, съ цѣлью завоевать лондонское высшее общество; Киппсъ игралъ роль багажа, а также кассира. Они, конечно, по словамъ Елены, будутъ очень бѣдны,—Киппса эти слова удивили, но онъ не возразилъ,—пока братецъ не сдѣлаетъ настоящей карьеры, достойной его талантовъ. Но при удачѣ и умѣньи они, быть можетъ, многого достигнутъ. Елена говорила объ ихъ лондонскихъ друзьяхъ и свѣтскихъ знакомыхъ, о видахъ на участіе въ жизни высшаго свѣта,—и Киппсъ пронизался все болѣшимъ уваженіемъ къ своей невѣстѣ, понявъ, что она преуспѣетъ въ свѣтѣ, даже если ей не поможетъ очень ужъ далекое родство съ лордомъ Бопрэ.

Уольшингэмы были довольны успѣхами Киппса, и Кутъ въ особенности не могъ нахвалиться его способностями. Онъ увѣрялъ, что Киппсъ—природный джентльменъ, что онъ съ каждымъ днемъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи и что ему недостаетъ только хладнокровія для полнаго совершенства. Да еще не мѣшаетъ ему, конечно, пройти какой-нибудь курсъ элементарныхъ знавій. Кутъ говорилъ Киппсу, что онъ теперь уже окончательно перешелъ въ разрядъ джентльменовъ, членовъ „общества“. Нужно ему только утвердиться во всѣхъ привычкахъ, составляющихъ необходимый элементъ свѣтской жизни. Это давалось Киппсу довольно легко.

Были, однако, и непріятныя обязательства, которымъ ему пришлось подчиниться въ виду своего новаго положенія. Пришлось рѣзко порвать съ прежними товарищами по магазину. Этого категорически потребовала Елена,—и это очень рѣшительно привелъ въ исполненіе Кутъ во время музыки на берегу. Буггинсъ и Пирсъ, главные приказчики отъ Шальфорда, подсѣли, по старой привычкѣ, къ Киппсу, пока онъ сидѣлъ одинъ въ ожиданіи Кута, и по-товарищески болтали и шутили съ нимъ, громко говоря своимъ нѣсколько вульгарнымъ привазничьимъ жаргономъ. Когда явился Кутъ, они продолжали разговоръ въ томъ же тонѣ; Кутъ позвалъ Киппса пойти съ нимъ, и когда молодые люди хотѣли къ нимъ присоединиться, онъ очень прямо и рѣзко заявилъ имъ, что онъ и Киппсъ не нуждаются въ ихъ обществѣ.

Они ушли съ такимъ выраженіемъ изумленія и обиды, что Киппсъ въ этотъ вечеръ забылъ даже хвалить музыку, какъ полагалось. Ему казалось, что онъ ударилъ товарищей въ лицо при такихъ обстоятельствахъ, что они не имѣли возможности отвѣтить на оскорбленіе. Кутъ преподавалъ ему суровый урокъ своимъ поступкомъ; онъ показалъ, что истинный джентльменъ долженъ быть жестокъ, неумолимо ограждая себя отъ сношеній съ неподходящими людьми. Но когда Киппсъ съ болью въ душѣ присутствовалъ при жестокомъ поступкѣ Кута, ни ему, ни Куту не приходило въ голову, что наступитъ день, когда та же процедура будетъ примѣнена къ самому Киппсу. А между тѣмъ это должно было произойти. Киппсъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, очень изысканнымъ въ одеждѣ и манерахъ, и пропасть между нимъ и его прежней средой становилась все болѣе глубокой. Онъ сталъ уже почти совершеннымъ джентльменомъ, обладающимъ всѣми качествами джентльмена, — достаточнымъ патриотизмомъ, достаточнымъ благочестіемъ, — у него было постоянное мѣсто въ первомъ ряду, въ самой фэшенебельной церкви въ Фольстонѣ; но связь его съ прежней средой оказалась все-таки болѣе крѣпкой, чѣмъ можно было предположить. Открылось нѣчто, чего нельзя было вырвать изъ души такъ легко, какъ порвать отношенія съ товарищами по магазину, — и его свѣтскости пришелъ конецъ.

IV.

Черезъ нѣсколько дней Киппсъ поѣхалъ на велосипедъ — онъ сдѣлался отличнымъ велосипедистомъ — въ Ромнэ, съ тѣмъ, чтобы рассказать наконецъ тетѣ и дядѣ о своей помолвкѣ. Въѣзжая въ городокъ — очень шиварно, держась за руль только одной рукой, — онъ вдругъ встрѣтилъ Анни Порникъ. Случайно онъ какъ-разъ думалъ именно о ней. Ему почему-то показалось, что, конечно, очень пріятно имѣть тысячу двѣсти фунтовъ дохода и сознавать, что можешь все, что хочешь, купить, заказать, очень лестно быть женихомъ дальней родственницы лорда Бопрэ, — но что во всѣхъ этихъ благахъ жизни нѣтъ чего-то, чѣмъ пропитана вся атмосфера Нью-Ромнэ и что такъ отраднo. Въѣхавъ на главную улицу, онъ сталъ вспоминать каникулы въ дѣтскіе годы, вспомнилъ Анни и игры съ нею. И вдругъ она — передъ нимъ. Та же Анни, только на семь лѣтъ старше. Она настолько не измѣнилась, что онъ тотчасъ же узналъ ее.

— Анни!—окликнулъ онъ ее, и она радостно отвѣтила:

— Да это Киппсъ!

Тутъ только онъ замѣтилъ, что она измѣнилась въ лучшему, и была очень хорошенькой въ своемъ простенькомъ сѣромъ платьицѣ и въ шляпѣ съ розовыми цвѣтами.

— Какъ ты попалъ сюда, Киппсъ? У тебя каникулы?

Киппсъ сразу сообразилъ, что Сидъ ничего не рассказалъ про него сестрѣ, и припоминая, какъ недружелюбно онъ отнесся къ сообщенію о наслѣдствѣ, рѣшилъ не повторять той же ошибки, но зато впалъ въ противоположную крайность и даже не намекнулъ на переѣзду въ его жизни.

— Да,—сказалъ онъ,—я пріѣхалъ отдохнуть домой. Какъ давно мы не видѣлись съ тобой, Анни! Сколько—семь или восемь лѣтъ?

— Я не считала,—сказала Анни.—А ты какой большой сталъ! У тебя усы!

Киппсъ покраснѣлъ отъ ея одобрительнаго взгляда и пошелъ рядомъ съ нею. Она шла домой къ матери, и Киппсъ пошелъ проводить ее. Всѣ фолькстонскія соображенія теряли свою силу въ Ромнѣ, и Киппсу казалось вполне позволительнымъ идти рядомъ съ Анни, хотя она была только простой служанкой. Они шли молча. Потомъ между ними—къ внутреннему изумленію самого Киппса—начался разговоръ о шестипенсовой монетѣ, которую они, на прощанье, разломали пополамъ и сохранили каждый на память. Анни первая сказала, что сохранила свою половинку, и Киппсъ вспомнилъ, что и у него хранится его половинка. Въ эту минуту онъ удивился, что за все время ни разу объ этомъ не вспомнилъ. Анни обрадовалась.

— Вотъ не ожидала!—сказала она.—Я даже часто думала, что глупо хранить мою половинку. Впрочемъ, вѣдь это ничего не значитъ,—прибавила она.—А ты попрежнему служишь приказникомъ?

— Я живу въ Фолькстонѣ,—уклончиво отвѣтилъ Киппсъ и спросилъ, не рассказывалъ ли Сидъ о встрѣчѣ съ нимъ съ недѣлю тому назадъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Анни.—Я пріѣхала уже позже... А ты часто пріѣзжаешь сюда?—спросила Анни, помолчавъ.

— Иногда.

— Я такъ рада, что мы встрѣтились.

Киппсъ почувствовалъ, что въ душѣ его проснулось что-то забытое, радостное.

— Анни!—сказалъ онъ взволнованно, глядя ей въ счастли-

ые нѣжные глаза.—Какъ я радъ! Все наше дѣтство снова какъ живое предо мной...

Ему хотѣлось такъ много сказать ей, хотѣлось пойти гулять съ ней, гладѣть въ ея глаза, отражающіе столько дружбы къ нему. Но онъ еще помнилъ Фолькстонъ со всѣми его обязательствами и поспѣшилъ разстаться съ подругой дѣтства. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ снова у дяди и говорилъ съ нимъ о вещахъ, которыя дядя предлагалъ ему приобрести на какомъ-то аукціонѣ—очень выгодно, по словамъ старика. Киппсъ самъ потомъ не помнилъ, согласился ли онъ, или отказалъ, но во всякомъ случаѣ онъ быстро отдѣлался отъ старика и помчался на велосипедѣ обратно въ Фолькстонъ. Онъ ѣхалъ очень быстро, занятый нахлынувшими на него мыслями и воспоминаніями. Онъ только теперь сообразилъ, что между истиннымъ джентльменомъ и такою дѣвушкой, какъ Анни, лежатъ цѣлая пропасть. Ему даже казалось, что онъ поступился своимъ достоинствомъ, гуляя съ нею,—вѣдь она простая служанка. Но потомъ эти мысли были побѣждены совѣмъ другими. Онъ вспоминалъ, какія у нея губы,—и ему такъ хотѣлось поцѣловать ихъ; онъ думалъ и о томъ, какая она хорошая, какъ съ ея стороны трогательно, что она сохранила свою половинку монеты.

Пріѣхавъ домой, онъ первымъ дѣломъ прошелъ къ себѣ наверхъ, въ спальню, отыскалъ старую шкатулку, въ которой спрятаны были разныя бездѣлушки, на самомъ днѣ ея нашелъ завернутую въ бумажку половинку шестипенсовой монеты и долго глядѣлъ на нее съ особой нѣжностью.

Ложась въ этотъ вечеръ спать, онъ вдругъ что-то вспомнилъ.

— Да вѣдь я опять имъ сегодня ничего не сказалъ! Что-жъ, придется снова ѣхать въ Ромнэ,—рѣшилъ онъ и долго еще не могъ заснуть, думая объ Анни и представляя себѣ, какъ бы онъ ее изумилъ, рассказавъ о своемъ неожиданномъ богатствѣ. На слѣдующее утро мысли объ Анни не повидали его, и онъ подумалъ, что въ сущности долженъ былъ бы рассказать ей о своей помолвкѣ. Погрузившись въ воспоминанія, онъ ясно припомнилъ, какъ онъ возвращался на рождественскія каникулы домой съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ поцѣловать Анни. Неужели онъ дѣйствительно когда-то проливалъ настоящія слезы изъ любви къ ней, скучая въ разлукѣ съ нею! Сколько это было лѣтъ тому назадъ?

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней Киппсъ сдерживалъ свое желаніе поѣхать снова въ Ромнэ, но затѣмъ все-таки поѣхалъ и сталъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти ухаживать

за Анни. Встрѣтивъ ее, онъ предложилъ ей прогуляться „въ память о старой дружбѣ“, пошелъ съ ней на морской берегъ; сидя на пескѣ и играя камешками, онъ сказалъ ей, что и у него сохранилась его половинка раздѣленной между ними монеты. Вступивъ на скользкій путь неполнѣхъ правдивыхъ признаній, Киппсъ говорилъ Анни, что помнилъ о ней всѣ эти годы. Анни была болѣе правдива, увѣряя его въ свою очередь, что никогда не забывала его, и что никто ей такъ не нравился, какъ онъ. Среди воспоминаній о дѣтствѣ, которымъ они теперь предались, Киппсъ помнилъ только объ одномъ — о томъ, какъ ему еще тогда хотѣлось поцѣловать Анни въ губы, и о томъ, что это желаніе никогда еще не исполнялось. А теперь она рядомъ съ нимъ, такая нѣжная, такая любящая. На этотъ разъ онъ не спрашивалъ позволенія. Когда наступила пауза въ разговорѣ, онъ нѣжно шепнулъ ей: „Анни!“ — обнялъ ее за талію и поцѣловалъ ее въ губы. Она тоже поцѣловала его — чисто и нѣжно, какъ ребенокъ.

Вспоминая потомъ объ этомъ, Киппсъ почему-то считалъ, что онъ совершилъ какую-то измѣну по отношенію къ Еленѣ: Анна и Елена были существами столь различныхъ міровъ, что отношенія къ той и другой не имѣли ничего общаго. Онъ только зналъ, что ему хочется опять повидать Анни и объяснить ей — онъ въ сущности самъ не могъ опредѣлить, что именно. А Елену онъ, конечно, любилъ и въ особенности почиталъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все чаще и чаще положительно ненавидѣлъ ее, въ особенности когда она тащила его съ собой въ гости въ скучные и важные дома. Анни была такая простая и была особенно мила ему своимъ преклоненіемъ передъ нимъ; ея сочувствующій и восхищенный взглядъ былъ бальзамомъ для его самолюбія, издержаннаго въ отношеніяхъ съ Еленой. У него было теперь въ душѣ такое теплое и благодарное чувство къ Анни, что онъ понималъ, какъ нехорошо было видѣться съ нею вторично, увѣрять ее въ своей вѣрности и, главное, цѣловать ее. Къ сожалѣнію, эти мысли и чувства явились на нѣсколько часовъ позже, чѣмъ слѣдовало.

Размолвки между Киппсомъ и его невѣстой обострились, главнымъ образомъ, изъ-за мучительнаго для Киппса вопроса о визитахъ. Принимать гостей и дѣлать визиты было для него нестерпимымъ ужасомъ. Когда при немъ докладывали о приходѣ какой-нибудь дамы, онъ дѣлалъ всяческія попытки улизнуть, навлекая на себя гнѣвъ Елены. Когда она настаивала на томъ, чтобы онъ отправлялся съ нею къ какой-нибудь фэшенебельной

яди, то онъ передъ самымъ домомъ находилъ какой-нибудь предлогъ удрать, и выдумки его были неисчерпаемы. Разъ онъ даже сдѣлалъ видъ, что у него пошла кровь носомъ, и убѣжалъ, прижавъ платокъ къ носу, оставивъ свою взбѣшенную невѣсту передъ страшными для него дверями. Но одно приглашеніе его все-таки заставило принять—на собраніе у одной дамы, гдѣ предполагался „чай съ анаграммами“. Кутъ объяснялъ ему, что это очень интересно, что каждый долженъ отыскивать, съ кѣмъ ему сидѣть, по карточкамъ съ анаграммами. Киппсъ ничего не понялъ, но отказаться не могъ, и съ ужасомъ думалъ о предстоящей тамъ пыткѣ.

Прошло четыре дня послѣ его вторичнаго посѣщенія Ромнэ. Киппсъ проснулся утромъ съ тяжелой головой послѣ вечера, проведеннаго въ обществѣ Читерло, который пришелъ рассказать объ успѣшныхъ дѣлахъ синдиката и выпить стаганчикъ виски. Киппсъ долго не могъ заснуть въ ту ночь, и всѣ его мысли были обращены къ Анни. Ему уже было ясно, что онъ не любитъ Елену, что ему милѣе всѣхъ на свѣтѣ Анни, что ему хотѣлось бы остаться съ нею навсегда, отказавшись отъ всего, чтó его окружало въ послѣднее время. Онъ поздно проснулся утромъ, и сразу вспомнилъ о печальномъ результатѣ, къ которому пришелъ ночью. Одѣвшись, онъ сѣлъ завтракать и читать утреннюю почту. У него было тяжело на душѣ. Среди обычныхъ писемъ съ объявленіями и предложеніями всевозможныхъ новыхъ изобрѣтеній для продажи оказались и два настоящихъ письма. Одно заключало въ себѣ приглашеніе къ парадному обѣду, а другое было длинное письмо отъ дяди изъ Ромнэ слѣдующаго содержания:

„Дорогой мой племянникъ, твое письмо насъ очень поразило, хотя мы могли ожидать извѣстія подобнаго рода, и мы надѣмся, что все устроится къ лучшему. Если молодая дѣвица, о которой ты пишешь, дѣйствительно родственница лорда Бопрэ, то это прекрасно,—только берегись, чтобы тебя не провели, чтобы заманить, какъ выгоднаго жениха. Мнѣ приходилось служить старику лорду Бопрэ, когда я служилъ метръ д’отелемъ,—онъ очень строгій и требовательный господинъ. Онъ, навѣрное, забылъ меня—и во всякомъ случаѣ не стоитъ возобновлять знакомства. Завтра идетъ дилижансъ въ Фольбстонъ, и такъ какъ ты говоришь, что твоя невѣста живетъ по близости, то мы запремъ лавку и приѣдемъ. Все равно, продажи никакой нѣтъ: приѣзжіе все привозятъ съ собой, даже игрушки для дѣтей. Намъ хочется повидать твою наречѣнную, поцѣловать ее и приласкать, если она покажется намъ подходящей для тебя. И ей,

навѣрное, пріятно будетъ познакомиться съ твоимъ старивомъ-дядей. Намъ бы слѣдовало видѣть ее раньше, чѣмъ все рѣшилось,—ну, да, Богъ дастъ, все къ лучшему. Любящій тебя дядя Эдуардъ Джонъ Киппсъ. У меня все еще изжога. Я привезу тебѣ ревеню, какого ты не можешь достать въ Фолькстонѣ, и привезу также, если удастся, букетъ цвѣтовъ для твоей невѣсты“.

— Они сегодня пріѣдутъ!—воскликнулъ Киппсъ, стоя совершенно безпомощный, съ письмомъ въ рукахъ.—Подцѣловать и приласкать ее!.. Нѣтъ, я этой встрѣчи не переживу. А телеграфировать и остановить ихъ слишкомъ поздно.

Черезъ двадцать минутъ послѣ того, къ носильщику, который шелъ по дорогѣ, обратился молодой человекъ съ блѣднымъ, выражающимъ полное отчаяніе лицомъ. У него былъ въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой—тяжелый сакъ-воважъ. Онъ попросилъ снести его багажъ на вокзалъ какъ можно быстрее, чтобы попасть на ближайшій поѣздъ въ Лондонъ.

V.

Лондонъ былъ для Киппса третьимъ міромъ. Были, конечно, міры и помимо него, но Киппсъ зналъ только три: во-первыхъ, Нью-Ромнэ и магазинъ Шальфорда, т.е. его первоначальный міръ, заключавшій въ себѣ и Анни; затѣмъ міръ утонченной свѣтской жизни, въ которой Кутъ былъ церемоніймейстеромъ. Въ этомъ мірѣ Киппсъ долженъ былъ окончательно утвердиться своимъ бракомъ, и міръ этотъ былъ, очевидно, несомнѣримъ съ первымъ; затѣмъ третій, еще совершенно невѣдомый міръ—Лондонъ. Онъ представлялся Киппсу какъ хаосъ огромныхъ сѣрыхъ площадей и массы людей, толпящихся, главнымъ образомъ, между Черингъ-Кроссъ и „Грандъ-Отель-Рояль“, множества магазиновъ, свверовъ, ресторановъ,—гдѣ умные и опытные люди вродѣ Уольшингэма умѣютъ заказывать лѣнчъ, внушая лакеямъ величайшее почтеніе. Есть тамъ также выставки—Уольшингэмы водили его на нѣкоторыя изъ нихъ—и театры. Удобство Лондона въ глазахъ Киппса заключалось, главнымъ образомъ, въ кэбахъ. Братъ Елены научилъ его пользоваться ими, и Киппсъ зналъ, что гдѣ бы ни очутиться, стоитъ свистнуть кэбу и сказать: „Грандъ-Отель-Рояль“, чтобы все устроилось. Днемъ и ночью эти возницы, заслуживающіе полного довѣрія, доставляли заблудившихся лондонцевъ по домамъ, и безъ нихъ люди были бы какъ въ лѣсу.

Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло представлялось Киппсу, и, кажется, то же самое говорятъ американцы, приѣзжающіе въ Лондонъ.

Самое путешествіе въ Лондонъ было бы пріятно Киппсу — онъ попалъ въ великолѣпный поѣздъ, гдѣ можно было гулять по широкимъ корридорамъ, — но его не покидали тревожныя мысли. Радость того, что онъ спасся бѣгствомъ, исчезала, когда онъ представлялъ себѣ приѣздъ тети и дяди въ его пустой домъ. Онъ оставилъ записку, объясняя, что его отозвали по чрезвычайно важнымъ дѣламъ, и прося ихъ распорядиться у него въ домѣ какъ у себя. Онъ страшно боялся встрѣчи ихъ съ Уольшингэмами, и расказывался, что успѣвшилъ сообщить имъ о помолвкѣ. Слѣдовало сначала жениться, а потомъ ужъ увѣдомить ихъ.

Когда Киппсъ очутился на Черингъ-Кроссъ, мысли его были отвлечены лондонскими впечатлѣніями. Онъ взялъ кабъ съ непринужденностью, которая сдѣлала бы честь молодому Уольшингэму, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что кучеръ почувствовалъ въ нему особое почтеніе, когда онъ назвалъ „Грандъ-Отель“. Онъ сталъ затѣмъ повторять всѣ приемы молодого Уольшингэма во время ихъ совмѣстной поѣздки въ Лондонъ, и все шло вначалѣ великолѣпно. Въ конторѣ отеля съ нимъ были чрезвычайно любезны и дали ему прекрасную комнату за четырнадцать шиллинговъ въ день. Онъ поднялся наверхъ, провелъ довольно много времени, разглядывая обстановку комнаты, внимательно оглядывая себя самого во множествѣ зеркалъ, потомъ еще посидѣлъ на краю кровати, посвистывая отъ удовольствія. Онъ былъ вполне доволенъ своимъ номеромъ и рѣшилъ, что четырнадцать шиллинговъ прямо-таки дешеваѣ цѣна за такую комнату. Но, замѣтивъ, что мысли его какъ-то незамѣтно опять направились въ сторону Анни, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и сошелъ внизъ по лѣстницѣ, не рѣшившись сѣсть въ лифтъ. Онъ подумалъ-было пойти завтракать въ столовую, но попалъ сначала въ большую гостиную и сѣлъ читать указатель лучшихъ отелей по всей Европѣ. Потомъ у него вдругъ возникло сомнѣніе, имѣеть ли онъ право пользоваться этимъ роскошнымъ помѣщеніемъ безъ приплаты, и онъ успѣвшилъ выйти. Ему уже очень хотѣлось пойти позавтракать, — и онъ даже направился въ столовую въ сопровожденіи человека въ ливреѣ; но, увидавъ издали множество лакеевъ и столы съ цѣлымъ сложнымъ арсеналомъ ножей и вилокъ, съ цѣлымъ строемъ стакановъ и рюмокъ, онъ испугался и повернулъ назадъ, пробормотавъ, что не туда попалъ.

Онъ ходилъ нѣсколько времени по hall'ю, пока ему не

показалось, что швейцаръ смотритъ на него съ подозрѣнiемъ, потомъ опять поднялся къ себѣ по лѣстницѣ, взявъ шляпу и зонтикъ и смѣло вышелъ изъ отеля. Онъ рѣшилъ позавтракать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. Выйдя на Страндъ, онъ почувствовалъ на минуту внутреннее удовлетворенiе, увѣренный, что всѣ смотрятъ съ почтенiемъ и завистью на этого щеголя, выходящаго изъ шикарнаго отеля. Онъ съ улыбкой отвергъ услуги кэбмена, подѣхавшаго къ нему, какъ только онъ показался у дверей отеля, и пошелъ пѣшкомъ вдоль Странда. Онъ чувствовалъ голодъ, но рѣшилъ не торопиться съ завтракомъ и шелъ не спѣша. Навѣрное попадется на глаза какой-нибудь подходящей въ вкусамъ ресторанъ. По дорогѣ онъ старался припомнить меню, которое составлялъ молодой Уольшингэмъ, когда они завтракали вмѣстѣ. Ему не хотѣлось очутиться въ смѣшномъ положенiи человѣка, не умѣющаго распорядиться какъ слѣдуетъ въ шикарномъ ресторанѣ. Онъ остановился-было у окна, въ которомъ разложены были сырые бифштексы, томаты и салатъ. „А вдругъ это не ресторанъ, а магазинъ събстныхъ припасовъ, гдѣ все это покупается сырымъ?“ подумалъ онъ. Онъ никакъ не могъ рѣшить этотъ вопросъ, но, въ виду возникнувшаго сомнѣнiя, предпочелъ пройти мимо. Затѣмъ онъ увидѣлъ въ другомъ окнѣ бутылки съ шампанскимъ, блюдо со спаржей, а также вывѣшенное меню лѣнча въ два шиллинга, и чуть ужъ было не зашелъ туда. Но, къ счастью, онъ замѣтилъ во-время двухъ лакеевъ, которые глядѣли на него изъ-за ширмъ явно ироническимъ взглядомъ, и поспѣшилъ пройти мимо. Такъ онъ шелъ все дальше и дальше, и затрудненiя выросли на каждомъ шагу. Онъ не рѣшался войти ни въ одинъ изъ встрѣчныхъ ресторановъ, не зная, какъ войти, куда дѣвать шляпу, какъ назвать кушанья, и не желая разыграть дурака. На минуту онъ подумалъ-было представиться иностранцемъ,—имъ все прощается,—но побоялся, что его обличать, и что тогда будетъ еще хуже. Голодъ, однако, все усиливался, въ особенности когда Киппсъ попалъ въ такой кварталъ, гдѣ совсѣмъ не было ресторановъ. „Зайду куда попало“, рѣшилъ онъ наконецъ. Но первой ему попала на глаза кухмистерская, гдѣ продавали жареную рыбу и сосиски. Онъ бы зашелъ туда, но не рѣшался появиться въ своемъ щегольскомъ платьѣ среди оборвышей, толпившихся у прилавка и закусывавшихъ стоя. Увидавъ эту публику черезъ дверь, онъ поспѣшилъ пройти мимо.

Киппсъ уже было рѣшился взять кэбъ и претерпѣть ужасы столовой въ „Грандъ-Отелѣ“, когда вдругъ его кто-то хлопнулъ

по плечу. Онъ обернулся и увидѣлъ Сиду. Киппсъ очень обрадовался ему, — тѣмъ болѣе, что Сидъ на этотъ разъ отнесся къ нему безъ всякой неприязни.

— Приѣхалъ тратить милліоны? — весело спросилъ онъ Киппса, стоявшаго въ раздумьи передъ окномъ кухмистерской. Узнавъ, что Киппсъ никуда не спѣшитъ, а ищетъ, гдѣ бы заказать себѣ лѣнчъ — „мы это называемъ обѣдомъ“, пояснилъ Сидъ, — онъ его позвалъ къ себѣ.

— У насъ сегодня бараньи котлеты, — сказалъ онъ, — поѣдемъ ко мнѣ въ Гаммерсмитъ. Ты, встати, увидишь Мастермана. Это тебѣ будетъ очень полезно.

Киппсъ съ радостью принялъ приглашеніе, и они поѣхали по подземной желѣзной дорогѣ. Этого способа передвиженія Киппсъ еще не зналъ, — братъ Елены не возилъ его иначе какъ въ кэбахъ. По дорогѣ Сидъ рассказывалъ про Мастермана, занимающаго комнату у него въ домѣ. Онъ выхвалялъ ученость и умъ Мастермана и обѣщалъ Киппсу навѣрное познакомить его съ этимъ великимъ человѣкомъ.

Они приѣхали, и Сидъ ввелъ Киппса въ свою лавку, заставленную велосипедами и заваленную разными велосипедными принадлежностями.

— Это машины, которыя я отдаю на прокатъ, — объяснилъ Сидъ. — А вотъ и машина моей собственной конструкціи — „Красный флагъ“, самый лучший велосипедъ въ Лондонѣ и очень дешевый.

Потомъ онъ провелъ Киппса въ столовую, гдѣ уже было чисто и аккуратно накрыто къ столу, и вызвалъ изъ кухни жену, молодую женщину съ веселыми, свербающими глазами, въ розовомъ ситцевомъ платьѣ и передникѣ. Она только поздоровалась и побѣжала въ кухню торопиться съ обѣдомъ; Сидъ сходилъ за пивомъ, и вскорѣ они всѣ сѣли обѣдать. За столомъ сидѣлъ и маленькій сынокъ Сиды, веселый, понятливый и совершенно неапризный ребенокъ. Киппсъ давно не обѣдалъ въ такомъ пріятномъ обществѣ. Все ему нравилось, — и ѣда, и семейная обстановка Сиды. Ему уже вовсе не казалось, что изъ нихъ двухъ онъ — большій баловень судьбы. Напротивъ того, онъ положительно преклонялся передъ Сидомъ. Какой онъ молодецъ, — въ двадцать два года у него самостоятельное дѣло, прелестная, веселая жена, очаровательный ребенокъ. Киппсу нужно было внутренне вспоминать про свою необыкновенную удачу для того, чтобы не чувствовать себя подавленнымъ счастьемъ своего друга дѣтства.

Послѣ обѣда Сидъ повелъ Киппса наверхъ, къ Мастерману.

— Это Киппсъ, — сказалъ Сидъ, представляя его своему жильцу. — Тотъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Съ тысячею двумястами фунтовъ дохода.

Мастерманъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, лохматый, нерешливый, но съ одухотвореннымъ лицомъ и сверкающими глазами. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у самаго камина, не поднялся, здороваясь съ гостемъ, а только пригласилъ Киппса сѣсть и спросилъ, курить ли онъ. Киппсъ вынулъ папиросы и угостилъ ими Мастермана и Сиду.

— Какъ вы себя чувствуете съ тѣхъ поръ, какъ имѣете тысячу двѣсти фунтовъ дохода? — спросилъ Мастерманъ.

— Странно, очень странно, — отвѣтилъ Киппсъ. — Мнѣ трудно было освоиться съ этимъ сразу.

— И что же, деньги дали вамъ счастье? — продолжалъ спрашивать Мастерманъ.

— Этого я въ сущности не могу сказать. Вначалѣ, конечно, было пріятно.

— Потомъ привыкли, не правда ли? А сколько времени продолжалась ваша радость?

— Съ недѣлю, — отвѣтилъ Киппсъ.

Мастерманъ вивнулъ головой.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ онъ. — Вотъ почему богатство не кажется мнѣ желательнымъ. Я очень радъ, что это подтверждается. Деньги не могутъ принести счастье при теперешнемъ положеніи дѣлъ. Еслибы деньги доставались за заслуги, то каждый золотой означалъ бы, дѣйствительно, умноженіе власти и счастья, имѣя тѣмъ самымъ огромную цѣну. А теперь деньги приносятъ только разочарованіе. Думаешь, что все можно купить на нихъ, а потомъ оказывается тысяча препятствій; нужно знать, гдѣ что покупать, потомъ оказывается, что все-таки не куплено еще что-то нужное, и такъ до безконечности. Вы, навѣрное, уже это испытали? — спросилъ онъ Киппса.

— Да, меня въ первый же день обманули на покупкѣ банджо, — сказалъ Киппсъ, — потому что я купилъ не тамъ, гдѣ слѣдовало.

— Однако, Мастерманъ, — возразилъ Сидъ, — все-таки деньги сила. Ими можно пріобрѣсть многое.

— Я говорю о счастьи, — отвѣтилъ Мастерманъ. — Если отправиться съ заряженнымъ ружьемъ на большую дорогу, то тоже можно пріобрѣсть кое-что. Но едвали пріобрѣтенное такимъ путемъ осчастливило бы кого-нибудь. Деньги только въ томъ случаѣ имѣли бы значеніе, еслибы міръ былъ всюду благоустроенъ. Человѣкъ — общественное животное, и человѣчество не можетъ быть

счастливы въ одномъ мѣстѣ, когда оно несчастно въ другомъ. Нужно все — или не будетъ ничего; никакія заплаты не помогутъ. Общество — цѣльный организмъ, который или здоровъ, или боленъ. Здоровыя ноги вамъ ни въ чему, если болитъ голова. Поэтому ни одинъ классъ общества отдѣльно не бываетъ счастливымъ, дѣйствительно счастливымъ, а не только съ виду. Таково мое убѣжденіе, и потому у меня нѣтъ никакого желанія подниматься вверхъ по общественной лѣстницѣ. Не стоитъ. Миръ боленъ, — и я сомнѣваюсь въ возможности излеченія.

— Мы, социалисты, вылечимъ его, — сказалъ Сидъ. — Мы создадимъ новую цивилизацію.

— Сидъ оптимистъ, — сказалъ Мастерманъ Киппсу съ грустной улыбкой. — Я не вѣрю въ обновленіе. У людей нѣтъ творческаго воображенія, нужнаго для того, чтобы создать новую культуру. И во всякомъ случаѣ передъ нами нѣсколько вѣковъ общаго смятенія, во время котораго люди будутъ бессмысленно погибать, какъ при случайной давѣ на улицѣ. Будутъ революціи, войны, экономическая борьба, крахи — и каждый будетъ все это чувствовать на себѣ.

Киппсъ попросилъ посвятить его въ цѣли социализма; оказалось, что онъ совершенно ничего не знаетъ, и Сидъ сталъ ему излагать основу социалистическихъ теорій. Мастерманъ сначала только поправлялъ его, когда онъ былъ не совсѣмъ точенъ, но мало-по-малу онъ самъ оживился, забылъ на время о своемъ пессимизмѣ, и сталъ такъ сильно и убѣжденно нападать на богатство привилегированныхъ классовъ, что увлекъ своего гостя. Киппсъ забылъ, что онъ самъ теперь принадлежитъ къ разряду богатей и пострадалъ бы отъ перемѣнъ, которыхъ требовалъ Мастерманъ, продолжавшій громить высшіе классы.

— У нихъ есть всѣ средства умножать знанія и пользоваться новыми изобрѣтеніями и открытіями, — говорилъ онъ, — а они не умѣютъ извлечь ничего путнаго изъ всего этого. Автомобили они употребляютъ на то, чтобы, одѣвшись какими-то диварями, мчатся по дорогамъ и давить дѣтей. Они имѣютъ возможность путешествовать, у нихъ сколько угодно свободнаго времени, и все это совершенно ни къ чему. Подъ ихъ ногами люди живутъ во мракѣ, въ нищетѣ, а они не устраиваютъ школъ, пользуются чужимъ трудомъ и спѣшатъ забыть о чужихъ страданіяхъ, чтобы не портить своего веселаго настроенія. Нищета все растетъ, а эта кучка привилегированныхъ тунеядцевъ ничего не дѣлаетъ, чтобы помочь дѣлу... И сами они живутъ уродливо; ихъ женщины красятся и наряжаются, чтобы скрыть подъ роскошью нарядовъ свое

уродство; они рады сдѣлать что угодно ради денегъ; женщины согласны выйти замужъ за кого угодно, лишь бы жить въ роскоши. У нихъ у всѣхъ нѣтъ вѣры въ себя. Никто не вѣритъ въ справедливость законовъ, въ благородство чьихъ-либо побуждений. Всѣ идутъ проторенной дорожкой, пока есть деньги.... Но этому наступить конецъ. Такъ продолжаться не можетъ...

Онъ остановился, сильно закашлявшись, и, къ ужасу Киппса, выплюнулъ довольно много крови.—Это ничего не значитъ,—отвѣтилъ онъ, замѣтивъ ужасъ Киппса, и продолжалъ громить безсовѣстность эксплуататоровъ. Онъ вспомнилъ о своемъ собственномъ дѣтствѣ, о томъ, какъ онъ съ тринадцати лѣтъ работалъ на фабрикѣ и потомъ сидѣлъ по ночамъ, чтобы удовлетворить своей жаднѣ знаній, какъ ему въ теченіе всей молодости пришлось бороться за образованіе, какъ другіе борются за кусокъ хлѣба, какъ онъ не могъ попасть въ университетъ...—Я способнѣе десяти принцевъ крови,—говорилъ онъ,—а меня придавили, и я нигде не годенъ. Еслибы я направилъ свои силы на то, чтобы надувать ближнихъ, я бы процвѣлъ... Теперь поздно!.. Да, мѣръ нигде не годенъ, и всякая живая душа должна неминуемо погибнуть!.. Дайте мнѣ еще папироску!—сказалъ онъ Киппсу уже другимъ, спокойнымъ голосомъ. Рука его дрожала, когда онъ взял папиросу, и на щекахъ показались красныя пятна. Въ эту минуту въ комнату вошла м-съ Сидъ Порникъ, и Мастерманъ поглядѣлъ на нее съ виноватымъ видомъ.

— Опять говорили о социализмѣ! — сказала м-съ Сидъ съ упрекомъ.

Киппсъ ушелъ отъ Сиды уже часовъ въ шесть. Онъ шелъ глубоко задумавшись о словахъ Мастермана. Увидавъ по дорогѣ скамейку, онъ сѣлъ, продолжая размышлять. Отъ теорій Мастермана мысли его перешли на нѣчто другое. Какъ разъ передъ самымъ уходомъ Сидъ спросилъ его:

— Ты не встрѣчалъ Анни за это время? — и прежде чѣмъ Киппсъ успѣлъ отвѣтить, прибавилъ:—Теперь ты навѣрное встрѣтишь ее. Она поступила на мѣсто въ Фолькстонѣ.

Это извѣстіе было для него важнѣе всѣхъ нападокъ Мастермана на неурстройство міра. Возможно, что онъ встрѣтитъ Анни, очень возможно. Ему бы очень этого хотѣлось,—но что если онъ встрѣтитъ ее, гуляя съ Еленой? Вотъ будетъ исторія! Жизнь стала слишкомъ сложной для бѣднаго Киппса. Онъ въ эту минуту пожалѣлъ отъ всей души о томъ, что вторично вѣздилъ въ Ромнэ, а главное, что поцѣловалъ Анни. И какъ это онъ тогда совершенно забылъ объ Еленѣ? Теперь-то онъ твердо помнилъ о

ней. Онъ рѣшилъ, что напишетъ ей въ непринужденномъ тонѣ письмо, сообщая, что ему пришлось уѣхать въ Лондонъ на нѣсколько дней,—и старался представить себѣ лицо Елены, когда она будетъ читать это письмо. Онъ напишетъ также своимъ старикамъ, извинится и объяснитъ, что его вызвали по дѣламъ. Они-то, конечно, удовлетворятся его сообщеніемъ, но Елена не то—Елена потребуетъ объясненій. Онъ подумалъ, что хорошо бы совсѣмъ не возвращаться въ Фолькстонъ. Это положило бы конецъ всему...

Мимо Киппса прошла дама, одѣтая чрезвычайно изящно, хотя просто; ее сопровождали два безукоризненно одѣтыхъ молодыхъ человѣка. Киппсъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, подумалъ, что они, быть можетъ, богаче его, но что имъ хорошо жить на свѣтѣ—не то, что ему. Ихъ ничего не угнетаетъ, они знаютъ, какъ одѣться, и чувствуютъ себя свободно и хорошо во всѣхъ обстоятельствахъ. У нихъ, навѣрное, нѣтъ нежелательныхъ связей и отношеній въ жизни. Еслибы, напримѣръ, эта дама сдѣлалась невѣстой одного изъ сопровождавшихъ ее джентльменовъ, ей не угрожало бы появленіе плотнаго дядюшки съ склонностью къ родственнымъ объятіямъ; жениху ея нечего бы было также опасаться встрѣчи съ Читерло или съ бывшими товарищами по магазину.

Мысли Киппса опять вернулись въ Еленѣ, и онъ сталъ себѣ представлять ихъ совмѣстную жизнь въ Лондонѣ, вдали отъ его прежней среды. Елена—какъ трудно ее иногда понимать! Онъ глубоко задумался. Они будутъ вести свѣтскую жизнь,—начнутъ обѣды, визиты, приглашенія къ чаю. Конечно, постепенно онъ со всѣмъ этимъ свыкнется, но пока трудно. Какъ знать, что за обѣдомъ ѣдятъ вилокъ, что ножомъ? Ему казалось, что онъ никогда не научится этимъ премудростямъ. Хорошо, что онъ хоть пропуститъ на этотъ разъ чай съ анаграммами. Но какъ объяснить Еленѣ свое отсутствіе? Она, очевидно, желала, чтобы онъ непремѣнно тамъ былъ,—Киппсъ вспомнилъ, какъ она настаивала. Но вѣдь онъ знаетъ, что будетъ чувствовать себя тамъ отвратительно. Лучше ужъ онъ приметъ другое, ожидавшее его дома, приглашеніе на обѣдъ. Это все-таки не такъ ужасно, какъ чай съ анаграммами. А что еще будетъ, если, пріѣхавъ въ Фолькстонъ, онъ прежде всего натолкнется на Анни? Ужасно! Хорошо, что они переѣдутъ въ Лондонъ. Тутъ безопаснѣе. Но и тутъ онъ не огражденъ отъ старыхъ связей: во-первыхъ, навѣрное, вслѣдъ за нимъ пріѣдетъ и Читерло—ставить свою пьесу. И онъ себѣ представлялъ, какъ среди какого-нибудь свѣтскаго общества Чи-

терло приведетъ всѣхъ въ ужасъ своимъ громовымъ краснорѣчіемъ, своей самоувѣренностью. А Сидъ... Къ Сиду нельзя повернуть спину. Не дай Богъ: Киппсъ слишкомъ бы страдалъ, еслибы въ его присутствіи съ Сидомъ обратились, какъ Куть съ Буггинсомъ и Пирсомъ. Особенно послѣ того, какъ онъ обѣдалъ у своего друга дѣтства. Къ тому же Сидъ—братъ Анни. А что если встрѣтить Анни въ присутствіи Елены или Кута? Какой ужасъ! Киппсъ бросилъ недокуренную папиросу и продолжалъ путь къ „Грандъ-Отелю“, поглощенный всѣми этими осложненіями жизни. А люди еще думаютъ, что деньги устраняютъ заботы!

Киппсъ послѣ того выносилъ величіе „Грандъ-Отеля“ еще въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей, а потомъ постыдно бѣжалъ. Отель подавилъ Киппса не намѣренно, а просто своимъ царственнымъ величіемъ и чрезмѣрностью комфорта. Непріятности начались, какъ только онъ вернулся отъ Сиды. Оказалось, что онъ потерялъ круглый кусокъ картона съ номеромъ своей комнаты. Онъ ходилъ нѣсколько времени, не зная, что ему дѣлать, по hall'ю и корридорамъ, до тѣхъ поръ, пока замѣтилъ, что вся прислуга въ шапочкахъ съ галунами глядитъ на него и, повидимому, смѣется надъ нимъ. Наконецъ, гдѣ-то въ тихомъ уголку внизу, подлѣ парикмахерской, онъ замѣтилъ человѣка въ зеленой ливреѣ и съ добрымъ лицомъ. Тотъ не сталъ надъ нимъ смѣяться, а выказалъ полную готовность помочь ему, сказалъ, что нужно сдѣлать, досталъ его ключъ и провелъ его по лифту и потомъ по корридору въ его комнату. Киппсъ далъ ему полъкроны.

Очутившись благополучно у себя въ комнатѣ, Киппсъ сталъ одѣваться къ обѣду. Помня наставленія Уольшингэма, онъ привезъ съ собой фракъ и теперь облачился въ него. Но, къ несчастью, въ попыткахъ бѣгства, онъ забылъ захватить еще одну пару ботинокъ, и нѣсколько времени не могъ рѣшить, надѣть ли ему свои красныя суконныя туфли съ золотымъ шитьемъ, или стереть самому пыль съ своихъ сапогъ полотенцемъ и снова надѣть ихъ. Такъ какъ у него болѣли ноги отъ ходьбы, то онъ предпочелъ туфли. Уже потомъ, когда онъ увидѣлъ, что и лакеи, служившіе за столомъ, и всѣ обѣдающіе устремили сразу взоры на его обувь, онъ пожалѣлъ, что не надѣлъ лучше сапоги. Но чтобы возмѣститъ одинъ недочетъ костюма корректностью всего остального, онъ захватилъ съ собой свой клакъ.

Столовую онъ нашелъ безъ труда. Это было огромное, залитое свѣтомъ помѣщеніе, и множество людей обѣдали — повидимому, совершенно непринужденно—за столиками, освѣщенными

свѣчами подѣ красными абажурами; мужчины были во фракахъ, а дамы всѣ въ глубокомъ декольтѣ. Оркестръ музыки помѣщался въ особомъ углу, и всѣ музыканты стали глядѣть въ упоръ на красныя туфли Киппса при его появленіи. Самое непріятное было то, что пришлось безконечно долго идти по открытому мѣсту, прежде чѣмъ можно было укрыть красныя туфли подѣ столикомъ. Киппсѣ выбралѣ маленький столикъ—не тотъ, у котораго лавей съ наглымъ лицомъ стоялъ, подставляя ему стулъ, а другой,—и сѣлъ. Не зная, куда дѣвать свой клакъ, онъ поднялся и сѣлъ на него (клакъ найденъ былъ поздно вечеромъ кѣмъ-то изъ ужинающихъ и возвращенъ по принадлежности на слѣдующій день).

Киппсѣ развернулѣ салфетку и приготовился обѣдать. Супъ онъ выбралѣ безѣ затрудненія, увидавѣ на карточкѣ: „бульонъ“, но былѣ болѣе смущенъ, когда ему подали карточку винъ. Онъ перевернулѣ ее, и, найдя на оборотѣ перечисленіе разныхъ родовъ водокъ и ликеровъ, твердо велѣлъ лавею принести виски „Маусанла“, хотя на карточкѣ эта марка не была обозначена. Лавей пошелѣ спросить, и Киппсѣ сталѣ ѣсть супъ съ приподнятымъ чувствомъ самоуваженія. Оказалось, однако, что требуемой имѣ виски нѣтъ, и Киппсѣ заказалѣ тогда красное вино. Ему принесли полъ-бутылки, и онъ уже сталѣ чувствовать себя совсѣмъ недурно. Но вдругъ, оглядываясь вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что за сосѣдними столиками сѣдѣли ужасныя женщины—полуобнаженныя, съ возбужденными отъ вина лицами, и всѣ онѣ смѣялись, поглядывая въ его сторону. Какія несносныя существа! Киппсѣ замѣтилѣ, что и одинъ изъ лавеевъ тоже все поглядываетъ на него, и покраснѣлъ. Онъ старался уже не поднимать глазъ, сталѣ ѣсть рыбу, путаясь въ ассортиментѣ вилокъ и ножей, разложенныхъ возлѣ его прибора. Вдругъ онъ замѣтилѣ, что дама въ розовомъ, сѣдѣвшая за сосѣднимъ столикомъ, ѣсть рыбу совсѣмъ по другому.

Но растерянность Киппса стала все увеличиваться послѣ того, какъ онъ не могъ справиться съ своимъ *vol au vent*; онъ пробовалѣ ѣсть его сначала ножомъ, потомъ, по примѣру дамы въ розовомъ, вилокъ, но не могъ ничего выловить, покраснѣлъ, расплескалѣ соусъ себѣ на рубашку и жилетъ, попробовалѣ поправить дѣло ложкой и возбудилѣ вниманіе лавеевъ, бросившихся вытирать пятна салфеткой... Онъ чувствовалѣ, что всѣ вокругъ смотрятъ и смѣются, и съ каждой минутой все больше терялѣ самообладаніе. Его бѣсила несправедливость направленныхъ на него насмѣшливыхъ взглядовъ. Чѣмъ онъ виноватъ, что

не умѣетъ вести себя за столомъ? Хорошо имъ, которыхъ съ дѣтства обучали хорошимъ манерамъ! Онъ ничего не знаетъ, старается, насколько умѣетъ, быть корректнымъ, а они же его высмѣиваютъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя социалистомъ. Пусть бы скорѣе наступили тощіе годы для богачей—пусть! Онъ будетъ очень радъ.

Подали баранину съ горошкомъ,—но отъ горошка онъ отказался, зная, въ какихъ злоключеніяхъ это можетъ привести опять. Но когда горошекъ пронесли мимо, онъ почувствовалъ негодованіе противъ этихъ безстыдно раздѣтыхъ женщинъ, которыя еще осмѣливаются критиковать его. Какъ онъ радъ, что не принадлежитъ въ числу этихъ нахаловъ, глядящихъ на него во всѣ глаза!

Когда среди обѣда заигралъ оркестръ и случайно исполнилъ какъ-разъ какой-то военный маршъ, Киппсъ еще болѣе ощутилъ въ себѣ полную нравственную метаморфозу. Всѣ его идеалы измѣнились. Послушный ученикъ Кута, уже „почти джентльменъ“, вдругъ превратился въ бунтаря, въ отщепенца, въ ненавистника всѣхъ общественныхъ условностей. Его приводило въ негодованіе это собраніе грабителей, готовыхъ эксплуатировать всѣхъ ради своей выгоды. Отъ всѣхъ послѣдующихъ блюдъ онъ отказывался, отстраняя лаяка очень рѣшительными жестами. Станетъ онъ ѣсть эту несуразную ѣду, приготовленную какими-то иностранными поварами! Онъ сталъ пить вино, обмакивая въ него кусочекъ булки. Увидѣвъ устремленный на него взглядъ одного изъ обѣдающихъ, онъ столь же пристально поглядѣлъ въ отвѣтъ. Пусть смотрятъ. Онъ имѣетъ полное право не ѣсть того, что ему не нравится.

Наконецъ подали мороженое, и Киппсъ взялъ кусочекъ. Но оно оказалось такимъ твердымъ, что подъ напоромъ вилокъ и ножа, которыми Киппсъ атаковывалъ свою бомбу, кусочекъ ея отскочилъ довольно далеко и шлепнулся объ полъ. За со-сѣднимъ столомъ громко засмѣялись.

Что дѣлать? Бросить въ нихъ остатки бомбы? Бѣжать? Во всякомъ случаѣ нужно удалиться съ достоинствомъ. Киппсъ отстранилъ лаяка, принесшаго ему снова блюдо съ мороженымъ, уперся обѣими руками объ столъ, отодвинулся назадъ на стулѣ, высвободилъ красныя туфли изъ-подъ скатерти и всталъ. Затѣмъ онъ осторожно переступилъ черезъ лежавшій на полу кусокъ мороженаго, бросилъ салфетку подъ столъ, засунулъ руки въ карманы и ушелъ, отряхая прахъ отъ ногъ. Онъ оставилъ позади себя кусокъ растаявшаго мороженаго на полу, свой клажъ

на стулѣ и, кромѣ того, всякое поползновеніе на то, чтобы стать свѣтскимъ человѣкомъ...

Кипсъ вернулся въ Фолькстонъ къ знаменитому чаю съ анаграммами—но не потому, что послѣ всего пережитого за обѣдомъ ему захотѣлось опять очутиться въ свѣтскомъ обществѣ,— а только потому, что онъ не могъ дольше выдержать единоборство съ „Грандъ-Отелемъ“. Снаружи онъ оставался спокоенъ, но внутренно онъ былъ измученъ борьбой, сомнѣніями, униженіями, и ему хотѣлось во что бы то ни стало отстоять свою личность въ отчаянномъ поединкѣ съ отелемъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы это чудище одолѣло его безъ борьбы,—но въ концѣ концовъ все-таки долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Шансы двухъ противниковъ были слишкомъ неравные. Съ одной стороны онъ — и къ тому же съ одной только парой ботинокъ. А съ другой — лабиринтъ комнатъ, покрывающихъ нѣсколько акровъ земли, болѣе тысячи человѣкъ, служащихъ и гостей, главное занятіе которыхъ, повидимому, заключалось въ томъ, чтобы насмѣшливо глядѣть на Кипса, смѣяться надъ нимъ за его спиной и всячески унижать его. Уже электрическое освѣщеніе послужило орудіемъ побѣды отеля надъ Кипсомъ. Послѣ обѣда, въ Кипсу явилась горничная, неприятная, суровая дѣвица съ надменнымъ лицомъ; она пришла, вызванная звономъ Кипса, который позвонилъ, думая, что поворачиваетъ кнопку отъ электричества.

— Гдѣ свѣча и спички?—спросилъ Кипсъ, потирая ушибленный въ темнотѣ локоть.

Отель объяснилъ, что электричество замѣняетъ свѣчи, и побѣдилъ, унизивъ Кипса.

— Откуда мнѣ знать?—спросилъ Кипсъ.

— Да, откуда вамъ знать!—сердито отвѣтила горничная, и вышла, хлопнувъ дверью. „Кажется, нужно было бы дать ей на чай“,—подумалъ Кипсъ.

Онъ очистилъ сапоги платкомъ и вышелъ прогуляться, потомъ вернулся въ кзбѣ. На слѣдующее утро побѣда оказалась опять на сторонѣ отеля. Кипсъ не зналъ, что нужно выставить сапоги за дверь, и сапоги остались нечищенными. Затѣмъ отель васмѣялся надъ нимъ, принесъ горячую воду для мытья, когда Кипсъ уже былъ совершенно одѣтъ.

Человѣкъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него, и Кипсъ почувствовалъ себя униженнымъ.

Но главное торжество отеля надъ Кипсомъ заключалось въ томъ, что сутки имѣютъ двадцать-четыре часа, а Кипсу нѣтъ было наполнить ни одинъ изъ этихъ долгихъ часовъ. У

него болѣли ноги отъ ходьбы наканунѣ, и онъ не рѣшался предпринимать опять длинныя прогулки. Онъ нѣсколько разъ выходилъ и возвращался въ отель, и вѣжливость швейцара, который каждый разъ снималъ передъ нимъ шапку, навела его на мысль, что ему нужно дать на чай. Онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и далъ ему шиллингъ, а потомъ продолжалъ уже давать всѣмъ безъ разбора. Купивъ газету, онъ отдалъ мальчику сдачу съ шиллинга, потомъ поднялся къ себѣ на лифтѣ, далъ шесть пенсовъ человѣку—и забылъ газету въ лифтѣ. Встрѣтивъ горничную въ корридорѣ, онъ далъ ей полъ-кроны. Онъ рѣшилъ создать себѣ положеніе въ отелѣ этимъ путемъ. Все въ отелѣ ему не нравилось, даже возмущало его съ точки зрѣнія политической, соціальной и нравственной, но онъ не хотѣлъ показаться мелочнымъ среди этой давящей его роскоши. Спустившись внизъ по лифту (опять давъ человѣку шесть пенсовъ), онъ встрѣтилъ лакея, который несъ ему его вѣдь, — и далъ лакею полъ-кроны. Пусть прислуга смотритъ на него какъ на оригинала, но пусть чувствуетъ къ нему расположеніе. Когда у него не хватило серебра, онъ пошелъ развѣдывать у кассы въ hall'ѣ. Онъ далъ при этомъ на чай человѣку въ зеленой ливреѣ, подумавъ, что это тотъ, который помогъ ему найти его комнату наканунѣ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ отеля, сталъ ѣздить изъ конца въ конецъ по разнымъ омнибусамъ, побывалъ въ какихъ-то далекихъ кварталахъ и поѣхалъ обратно. Онъ позавтракалъ гдѣ-то въ северномъ ресторанчикѣ и часа въ три вернулся въ „Грандъ-Отель“. Утомившись отъ ѣзды, онъ пошелъ пить чай въ гостиную.

Ему вдругъ показалось, что его щедрость, быть можетъ, только портитъ его положеніе. На него смотреть не съ почтеніемъ, а съ любопытствомъ, интересуясь тѣмъ, кому онъ опять вздумаетъ дать на чай. Но было уже поздно мѣнять, — подумаютъ, что у него не хватило денегъ. Опять отель одержалъ побѣду надъ нимъ.

Но и ему представился случай отомстить отелю за всѣ униженія и хоть разъ выйти побѣдителемъ. Это произошло во время чая въ гостиной. Когда Киппсъ вошелъ въ гостиную, тамъ было довольно тихо. Онъ удобно развалился въ креслѣ, но потомъ вдругъ обезпокоился, что слишкомъ выставляетъ на видъ свои запыленные сапоги, и сѣлъ прямо. Мало-по-малу комната стала наполняться группами людей высшаго и буржуазнаго круга. Они тоже пришли пить чай, и при видѣ ихъ въ сердцѣ Киппса опять закипѣла ненависть.

По близости отъ него появилась дама, блондинка, съ высоко взбитыми волосами. Она разговаривала съ пасторомъ, который вѣроятно былъ ея гостемъ къ чаю. Онъ говорилъ очень почтительнымъ, тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—лэди Джэнъ этого не перенесетъ.

Пасторъ пробормоталъ что-то невнятное. — У бѣдной лэди Джэнъ такое вѣжное сердце! — произнесла опять блондинка авторитетно и отчетливо. Къ нимъ подошелъ затѣмъ толстый господинъ съ бритымъ лицомъ и важнымъ видомъ, подселъ къ нимъ и тоже заговорилъ, слегка картава, о „бѣдной лэди Джэнъ и ея горѣ“. Съ правой стороны Киппса сѣла молодая парочка, чрезвычайно нарядная американка и господинъ, одѣтый съ иголочкой; не обращая никакого вниманія на Киппса, они стали смѣяться и разговаривать о своихъ дѣлахъ. Киппсъ чувствовалъ, до чего они всѣ своимъ поведеніемъ выключаютъ его изъ своего круга, и у него возникло непреодолимое желаніе какъ-нибудь проявить свою личность. Какъ это сдѣлать? Произнести монологъ въ духѣ Мастермана? Понимая, что это невозможно, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, показать свою независимость. Разглядывая залу, онъ вдругъ увидѣлъ музыкальный ящикъ, и рѣшилъ завести его. Это докажетъ всѣмъ, что онъ тутъ совершенно не стѣсняется, какъ и они, и что онъ человѣкъ со вкусомъ, любящій музыку. Онъ поднялся, прочелъ списокъ пьесъ, выбралъ первую попавшуюся, вложилъ шестипенсовую монету въ отверстіе — и приготовился слушать пріятную мелодію.

Музыка оказалась оглушительно громкой — совершенно неподходящей въ изысканной атмосферѣ аристократическаго отеля. И группа друзей лэди Джэнъ, и молодая американка пришли въ полный ужасъ. Разговоры остановились и замѣнились отчаянными жестами. — Нельзя ли остановить этотъ ужасъ? — крикнула пріятельница лэди Джэнъ, указывая пальцемъ въ перчаткѣ на инструментъ пытки и говоря что-то лакею объ „ужасномъ молодомъ человѣкѣ“. — Нужно бы устроить, чтобы механизмъ не дѣйствовалъ, — сказалъ пасторъ, и лакей покорно наклонилъ голову. Всѣ стали поспѣшно покидать гостиную. Киппсъ съ чувствомъ истиннаго наслажденія откинулся въ креслѣ, кончилъ чай, заплатилъ, давъ очень щедро на чай, и медленно направился къ двери. Его выходъ преисполнилъ мѣру терпѣнія возмущенной пріятельницы лэди Джэнъ, и, выходя изъ двери, онъ видѣлъ еще ея жестъ, выразившій вопросъ: „Неужели нельзя остановить?“ Звуки музыки сопровождали его, черезъ корридоръ, въ лифтѣ, и затихли только когда онъ пришелъ къ себѣ въ комнату. А потомъ онъ видѣлъ

изъ окна своей комнаты, что пріятельница лэди Дженъ и ея гости пили чай на дворѣ, на вынесенномъ имъ туда столикѣ.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно побѣдилъ, — но этотъ разъ былъ единственнымъ. Во всемъ остальномъ побѣда была на сторонѣ высшихъ классовъ и отеля. И онъ даже усомнился, можно ли это считать побѣдой. Довольно мелко и вульгарно мѣшать людямъ разговаривать, поднимая вокругъ нихъ шумъ. Онъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ служащихъ конторы многозначительно взглянулъ на него, и подумалъ, что отель отомститъ ему, заставивъ его уплатить безконечное количество фунтовъ. Что если у него не хватитъ денегъ уплатить по счету? Замѣтивъ, что кто-то опять снялъ передъ нимъ шапку, Киппсъ машинально сунулъ ему шиллингъ. Но онъ началъ этимъ тяготиться. Чортъ знаетъ, сколько выходить денегъ на вѣчное сованіе ихъ, — къ тому же совершенно безцѣльное! Что если отель представитъ ему невозможный счетъ? Отказаться платить? Поднять скандалъ? Но не лѣзть же въ драку со всѣми людьми въ зеленыхъ ливреяхъ...

Около семи часовъ онъ вышелъ, пообедалъ опять въ демократическомъ кварталѣ, пошелъ въ music hall, но упражненія акробатовъ показались ему скучными, и онъ поѣхалъ домой. Онъ далъ опять на чай челоуѣку, поднявшему его на лифтѣ, и наконецъ радъ былъ лечь въ постель. Но онъ не могъ заснуть, и сталъ вспоминать, что весь день прошелъ въ неустанной раздачѣ шиллинговъ и полукронъ, вспомнилъ ужасы обѣда наканунѣ, потомъ вспомнилъ еще скандалъ въ гостиной за чаемъ. Завтра, конечно, объ этомъ будетъ знать весь отель. Очевидно, такъ продолжаться не можетъ. Онъ призналъ свое поражение.

На слѣдующее утро Киппсъ заявилъ о своемъ отъѣздѣ, сталъ раздавать на чай всѣмъ, кто не уклонялся съ достаточной быстротой и твердостью. Онъ сунулъ даже шиллингъ въ руку какому-то разсѣянному торговцу брилліантами изъ Южной Америки, который стоялъ въ сѣняхъ, поджидая жену. Затѣмъ онъ съ глубокимъ ожесточеніемъ въ сердцѣ покинулъ отель — въ кабъ, которому заплатилъ на Черингъ-Кроссѣ четыре шиллинга. Послѣ того на него напалъ внезапный припадокъ скупости; отклонивъ услуги носильщика, онъ самъ понесъ свой чемоданъ въ поѣздъ.

VI.

По волѣ судьбы, Киппсъ все-таки очутился на чаѣ съ анаграммами. Вернувшись въ Фолькстонъ, онъ рѣшилъ, что уже лучше

увидаться съ Еленой на людяхъ, тѣмъ объяснять ей свое бѣгство съ глазу на глазъ. Онъ рѣшилъ, что все равно, рано или поздно, придется бывать въ обществѣ, когда онъ женится на Еленѣ; такъ ужъ все равно — пусть новая жизнь начнется съ чая съ анаграммами. Нужно забыть все, что было и въ Ромнѣ, и въ Лондонѣ, въ „Грандъ-Отелѣ“; нужно восстановить свое пошатнувшееся общественное положеніе, разъ навсегда забывъ и про Анни, и про Читерло, и отдаться во власть Елены и Кута. Тяжело забыть про Анни, но что же дѣлать!..

Онъ одѣлся—не слишкомъ нарядно, а какъ-разъ такъ, какъ слѣдуетъ, помня уроки Елены, и пошелъ къ м-ссъ Биндонъ Боттигъ въ назначенный часъ. Но съ самаго входа его ожидало гѣчто, измѣнившее всѣ его рѣшенія и планы. Ему отворила двери Анни. Обоюдное ихъ изумленіе было такъ велико, что они не могли произнести ни слова. Особенно ошеломлена была, конечно, Анни, не имѣвшая понятія о метаморфозѣ Киппса. И при этомъ она должна была сдержаться, не выйти изъ роли служанки, исполняющей свои обязанности при приемѣ гостей, взять у Киппса шляпу и палку. Онъ едва успѣлъ шепнуть ей: „Анни!“, какъ завидѣвшія его дочери хозяйки бросились къ нему, ввели его въ гостиную, стали посвящать его въ тайны предстоящей игры, занимать его разговорами, засыпать его вопросами. А у него кружилась голова, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы поймать на минутку Анни и хоть что-нибудь объяснить ей. Онъ говорилъ съ хозяйкой крайне разсѣянно, все вокругъ него ему казалось совершенно бессмысленнымъ, и онъ опять почувствовалъ себя ученикомъ Мастермана, возмущеннымъ безцѣльностью и бесполезностью свѣтскаго образа жизни. Елена, встрѣтившая его безъ гнѣва (онъ даже удивился ея снисходительности), увлечена была разговоромъ съ мѣстнымъ пасторомъ. Онъ воспользовался случаемъ, когда Анни появилась въ гостиной, и, указавъ ей на Елену, шепнулъ незамѣтно для другихъ:—Это моя невѣста.

Бѣдная Анни! Она взглянула на него съ выраженіемъ полной безпомощности на лицѣ; но ее отозвали, ей что-то приказывали, и она умчалась, выполняя распоряженія хозяйки.

Киппсъ рѣшилъ уйти. Среди общаго оживленія, когда игра въ анаграммы только-что наладилась, когда къ Киппсу приставали какія-то барышни съ анаграммами его имени, онъ вышелъ изъ гостиной, попрощался съ хозяйкой, которая зорко слѣдила за нимъ, и, несмотря на всѣ ея протесты, ушелъ—съ полнымъ отчаяніемъ въ душѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ званый обѣдъ у

— Жена моя увлекается спортомъ, — говорилъ онъ, — гольфомъ и другими играми; я провожу большую часть времени въ клубахъ, и намъ не стоитъ вести хозяйство. Мы наняли маленькій домикъ въ деревнѣ и имѣемъ pied à terre въ Лондонѣ. Жить на старомъ ладѣ невозможно уже потому, что въ Лондонѣ нѣтъ хорошей прислуги.

— И видѣ Лондона вопросъ о прислугѣ тоже самый больной, — сказала м-съ Биндонъ Ботингъ, найдя наконецъ удобный предлогъ вмѣшаться въ разговоръ. — У меня на этотъ счетъ былъ печальный опытъ. Знаете, милая, — прибавила она, обращаясь къ м-ссу Вэсъ, — я скоро опять останусь безъ прислуги. Моя новая дѣвушка уходитъ. Не знаю, что съ нею. Вначалѣ она была довольна и весела. Но съ того дня, какъ у насъ былъ чай съ анаграммами, все измѣнилось. Не хочетъ оставаться, плачетъ все время и объявила, что уйдетъ въ концѣ мѣсяца. Не понимаю, почему на нее такъ повліялъ чай съ анаграммами.

Киппсъ почему-то не могъ управиться съ ножомъ и вилкой. Руки у него дрожали.

— Я увѣренъ, — сказалъ Ревель, пытаясь захватить нить разговора въ свои руки, — что тутъ замѣшана любовь — послѣдній потухающій отблескъ романтической старины среди нашей будничной прозы. Странно, что именно въ низшемъ классѣ, среди домашней прислуги...

Ревель достигъ цѣли. Вниманіе стола было приковано къ его словамъ, когда онъ сталъ говорить про любовь. Порывистость движеній Киппса неожиданно смѣнилась полнымъ спокойствіемъ. Онъ внутренне принялъ неповолебимое, вполне самостоятельное рѣшеніе. Онъ не слушалъ Ревеля. Отложивъ вилку и ножъ, онъ отказывался отъ всѣхъ дальнѣйшихъ блюдъ. Кутъ поглядывалъ на него съ тревогой, а Елена слегка покраснѣла.

Около половины десятого въ тотъ же вечеръ у дверей м-ссы Биндонъ Ботингъ раздался рѣзкій звонокъ. Позвонилъ молодой человекъ во фракѣ и въ цилиндрѣ. У него былъ очень взволнованный видъ, цилиндръ сдвинулся на затылокъ, волосы были растрепаны. Это былъ Киппсъ. Онъ отказался присоединиться къ дамамъ послѣ обѣда, несмотря на уговоры Кута.

— У меня дѣло дома, — сказалъ онъ, и ушелъ съ неожиданнымъ рѣшеніемъ въ душѣ. Оно и привело его къ дверямъ м-ссы Биндонъ Ботингъ. Дверь открылась, и въ ней показалась миловидная фигура Анни. При видѣ Киппса она поблѣднѣла.

— Анни, — сказалъ Киппсъ, — я долженъ съ тобой поговорить. Я долженъ сейчасъ же что-то сказать тебѣ. Я...

— Это входъ къ господамъ, а не къ прислугѣ!—отвѣтила Анни.

— Все равно. Мнѣ нужно сказать что-то важное.

— Довольно съ меня всего прежняго... Дверь ко мнѣ—внизу, съ кухни—послѣ девяти часовъ. Тогда я свободна. Я—прислуга и знаю свое мѣсто. Если вы явились сюда, то позвольте спросить, какъ о васъ доложить. У васъ свои знакомые, у меня—мой, и вамъ не слѣдъ разговаривать со мной.

— Анни, я хочу спросить...

Раздались чьи-то шаги въ передней, за спиной Анни.

— Не здѣсь,—сказала она.—У насъ такого вѣтъ.—И она захлопнула дверь.

— Съ кѣмъ это вы говорили?—спросила живущая въ домѣ старая тетка м-съ Биндонъ Ботингъ.

— Господинъ—какъ будто навеселѣ—спрашивалъ про кого-то.

— Какое имя онъ называлъ?

— Чье-то совершенно чуждое,—сказала Анни и побѣжала внизъ по лѣстницѣ на кухню.

— Надѣюсь, Анни, что вы были съ нимъ вѣжливы!—крикнула ей вслѣдъ тетка.

— По заслугамъ,—отвѣтила Анни прерывистымъ голосомъ.

Тетка м-съ Биндонъ Ботингъ сообразила, что этотъ звонокъ имѣлъ, быть можетъ, отношеніе къ сердечной драмѣ, видимо происходящей въ жизни служанки. Она перестала спрашивать и поднялась къ себѣ наверхъ. Дверь внизу открылась, и въ кухню вошелъ Киппсъ. Онъ раскраснѣлся и задыхался отъ волненія.

— Вотъ!—сказалъ онъ и протянулъ ей двѣ половинки шестипенсовой монеты. Анни стояла за кухоннымъ столомъ—съ блѣднымъ лицомъ и широко раскрытыми глазами. Киппсъ ясно видѣлъ, что глаза у нея заплаканные.

— Видишь,—сказалъ онъ.—Я сохранялъ мою половинку все это время.

— Напрасно,—сказала она, качая головой.

Онъ поблѣднѣлъ и взглянулъ на нее. Неужели амулетъ потерялъ свою силу?

— Анни,—сказалъ онъ, съ мольбой въ голосѣ, и подошелъ къ ней, но она еще рѣшительнѣе покачала головой и приняла оборонительную позу.

— Послушай, Анни,—сказалъ Киппсъ.—Я знаю, что поступилъ нехорошо. Но вотъ что—я хочу жениться на тебѣ.

Анни прислонилась къ краю стола.

— Какъ такъ? Вы—ты долженъ жениться на ней—на твоей лэди. Ты ея женихъ и не можешь быть и моимъ женихомъ.

— Нечего мнѣ становиться твоимъ женихомъ. Я хочу сразу жениться. Какъ можно скорѣе.

Анни еще болѣе поблѣднѣла.

— Что все это значить?—спросила она едва слышно.

Киппсъ сталъ объяснять все очень ясно и опредѣленно.

— А то, что мы поѣдемъ сейчасъ же въ Лондонъ и тамъ поженемся. Пошла?

Они опять взглянули другъ другу въ глаза,—и все невозможное стало казаться возможнымъ.

— Какъ же,—сказала она,—мой мѣсяцъ не кончился. Меня не отпустятъ.

— Попроси, чтобы отпустили. А нѣтъ, такъ поѣдешь безъ спросу.

— Хозяйка задержать мои вещи.

— Не задержать. А задержать, такъ пусть. Я тебѣ куплю во сто разъ больше вещей, чѣмъ у тебя есть. Только поѣзжай.

— Но вѣдь это будетъ нехорошо относительно... ея.

— Дѣло не въ ней, Анни, а во мнѣ. Думай обо мнѣ.

— И ты нехорошо поступалъ относительно меня, Арти. Почему ты не сказалъ...

— Да я вѣдь не говорю, что я хорошо поступалъ,—прервалъ онъ ее.—Анни,—молилъ онъ,—я пришелъ исправить прошлое. Я знаю, что виноватъ. Я и пришелъ повиниться. Развѣ этого не довольно съ тебя? Я самъ не зналъ, что дѣлалъ... Теперь я знаю, что мнѣ нужно... Анни, поѣдешь со мной?... Поѣдешь?

Молчаніе.

— Если ты мнѣ не отвѣтишь, Анни, если ты не согласишься, я сейчасъ...

Онъ не докончилъ своей угрозы и повернулся къ двери.

— Я уйду,—сказалъ онъ.—У меня теперь нѣтъ никого на свѣтѣ. Я съ ними со всѣми порвалъ. Мнѣ теперь свѣтъ не милъ. Мнѣ осталось... броситься въ море!

Онъ сталъ возиться съ ручкой отъ дверей, точно не умѣя открыть ее. Наконецъ онъ открылъ, и ясно было, что онъ дѣйствительно уходитъ.

— Арти!—крикнула Анни, и онъ обернулся. Оба они стояли съ застывшими, блѣдными лицами.

— Хорошо, я поѣду съ тобой!

Лицо его снова оживилось, онъ закрылъ дверь и повернулся къ ней. Потомъ они сразу кинулись оба другъ къ другу.

— Арти,—крикнула она,—не уходи!—и бросилась къ нему со слезами. Они прижались другъ къ другу, какъ дѣти.

— Мнѣ было такъ тяжело, Анни, такъ тяжело!—говорилъ Киппсъ, давая наконецъ волю своему горю.

— Замолчи! — сказала Анни, прижимаясь головой къ его плечу. — Хозяйка подслушиваетъ. Подожди уходить, а то она узнаетъ тебя на дѣстницѣ.

Онъ ушелъ только черезъ часъ, когда они ясно слышали, что м-съ Биндонъ Боттингъ и ея тетка вернулись въ себѣ наверхъ. И на прощанье Анни сказала ему:

— Помни, я не для всякаго бы бросила мѣсто, не дослуживъ до срока!

VII.

Они спаслись бѣгствомъ изъ запутанныхъ свѣтъ свѣтской жизни, убѣжали сначала каждый въ отдѣльности пѣшкомъ на главный фолькстонскій вокзалъ, потомъ вмѣстѣ первымъ классомъ въ Лондонъ, на станцію Черингъ Кроссъ, потомъ въ каретѣ по лондонскимъ улицамъ и закоулкамъ въ Гаммерсмитъ, въ Сиду. Киппсъ все выглядывалъ изъ окна, чтобы посмотрѣть, не прѣехали ли уже они. Ему казалось, что какъ только они доберутся до Сиды, они будутъ въ полной безопасности. Наконецъ они прѣехали. Щедро расплатившись съ кучеромъ, онъ обратился къ своему будущему шурину, который вышелъ имъ навстрѣчу.

— Мы съ Анни собираемся повѣнчаться,—сказалъ онъ.

— А я думалъ...—началь-было Сидъ, но Киппсъ не далъ ему договорить и, войдя въ домъ, объяснилъ положеніе дѣлъ. Сидъ былъ очень доволенъ объясненіемъ.

— Я съ тобой спорить не стану,—сказалъ онъ.—Теперь, очевидно, все рѣшено и мѣнять поздно.

Мастерманъ тоже спустился внизъ и поздравилъ Киппса.

— Я зналъ, что жизнь въ высшемъ кругу поважается вамъ тяжелой, но я все-таки не полагалъ, что у васъ хватитъ мужества уйти... Воображаю, какъ будетъ ругаться ваша бывшая аристократическая невѣста. Ну, да не все ли это равно!

— Вы были на совершенно безнадежномъ пути,—говорилъ Мастерманъ Киппсу потомъ, за обѣдомъ. — Все равно, вы не могли бы удержаться на высотѣ. Вы бы достигали совершен-

ства въ разнаго рода вульгарныхъ свѣтскихъ качествахъ, но это не вершина. Вы бы только вертѣлись, какъ бѣлка въ колесѣ. Идеаль высшаго свѣта—самый уродливый. Достигнувъ его, вы бы жили среди женщинъ, играющихъ въ карты, и мужчинъ, играющихъ на скачкахъ, вращались бы среди бюрократовъ и епископовъ,—все это совершенно пустые люди, занятые только внѣшними преимуществами... Вы бы занимали среди нихъ самое жалкое положеніе въ свѣтѣ вашей жены. Я вѣдь это давно знаю, я знаю женщинъ этого круга... Съ меня довольно. Я не стремлюсь попасть туда...

— Я часто думалъ о вашихъ словахъ,—сказалъ Киппсъ.

— Не помню, что я вамъ говорилъ, но во всякомъ случаѣ вы поступили умно и смѣло, а это очень рѣдко бываетъ. Вы женитесь на равной и пойдете по соотвѣтственной вамъ дорогѣ, независимо отъ чужихъ мнѣній. Это—единственный вѣрный путь. Создайте свой личный міръ такимъ, какъ онъ соотвѣтствуетъ вашимъ внутреннимъ желаніямъ и стремленіямъ, женившись на женщинѣ, которая вамъ подѣ парю... Такъ бы и я, вѣроятно, поступилъ, еслибы нашелъ подходящую мнѣ подругу... Но этого не случилось...—Онъ задумался, потомъ заговорилъ болѣе оптимистическимъ тономъ о томъ, что ненужно никогда терять надежды на лучшее, и выпилъ за будущее счастье жениха и невѣсты.

Время до свадьбы Киппсъ и Анни провели очень весело. Они ѣздили на лодкѣ въ Кью, осматривать ботаническій садъ, и осматривали другія лондонскія достопримѣчательности, соотвѣтствующія ихъ простому, неразвитому вкусу. Особенно интересно они провели цѣлый день въ „Хрустальномъ дворцѣ“. Имъ тамъ очень понравилось, и они добросовѣстно все осмотрѣли. Копія греческихъ статуй ихъ нѣсколько смутили. Киппсъ сказалъ, что въ древности міръ былъ какой-то странный, а Анни усомнилась въ томъ, что люди дѣйствительно ходили когда-нибудь голые. Попавъ потомъ въ пещеры и искусственные гроты съ изображеніями допотопныхъ животныхъ, они еще болѣе восхищались всѣмъ, что видѣли тамъ. Наконецъ они пошли позавтракать и потомъ сѣли отдохнуть въ тихомъ уголку дворца, и стали говорить о своемъ будущемъ, радуясь благополучному концу всѣхъ злоключеній.

— И подумай, что случилось бы со мной, еслибы я не встрѣтилъ тебя!—сказалъ Киппсъ, любуясь своей хорошенькой подругой.—Какъ это я могъ, однако, стать женихомъ... той?

— Вѣрно, она завлекла тебя,—сказала Анни.

— Нѣтъ, этого нельзя сказать, — чистосердечно сознался

Кипсъ. — Я почему-то увлекся... а въ такихъ случаяхъ я дѣйствую очертя голову. Ну, да Богъ съ ней! Теперь все устроилось къ лучшему. Мы поженемся, наймемъ маленькій домикъ — только не въ Фольстонѣ — и заживемъ на славу. Порядокъ у насъ будетъ въ домѣ чудесный, — ты вѣдь опытная хозяйка и сумѣешь распорядиться какъ слѣдуетъ прислугой.

— Прислугой? Намъ не нужно прислуги, — сказала Анни, взумленная уже самымъ предположеніемъ такого рода.

— Одну служанку необходимо будетъ взять — хотя бы для тяжелой работы.

— Да, пожалуй. Но въ домѣ и на кухнѣ я буду дѣлать все сама. Прислуга рѣдко работаетъ какъ слѣдуетъ, — я-то ужъ знаю. И потомъ еще вотъ что. Ни за что не наймемъ домъ съ кухней внизу. Это — мука для прислуги.

Они стали рисовать себѣ свою тихую, уютную жизнь въ домикѣ съ идеальнымъ устройствомъ и для хозяевъ, и для прислуги. Работать имъ не придется. Они будутъ гулять, ѣздить на велосипедѣ (Анни тоже должна непременно научиться ѣздить), навѣщать стариковъ въ Ромнѣ, ѣздить къ Сиду. По вечерамъ къ нимъ иногда будетъ приходиться Буггинсъ, или они будутъ читать книжки. А главное — они будутъ сидѣть вдвоемъ, пить чай днемъ у огня и радоваться другъ другу и своей любви. Передъ каминомъ будетъ лежать кошка — безъ кошки домъ не уютенъ.

Такъ рисовался имъ идеалъ ихъ будущей скромной, уютной жизни; мечтая о немъ, Кипсъ глядѣлъ въ глаза Анни, любовался ея кудрями, выбивавшимися изъ-подъ шляпы, — какъ въ старое время, когда она была совсѣмъ дѣвочкой, — вспоминалъ ихъ дѣтство и опять повторялъ о томъ, какъ странно складывается жизнь, — какъ невозможно было предвидѣть ни внезапную метаморфозу въ его судьбѣ, ни того, что вопреки обстоятельствамъ они опять найдутъ другъ друга, съ тѣмъ, чтобы уже не разставаться больше въ жизни.

Вся эта бесѣда Кипса и Анни происходила въ отдаленномъ углу „Хрустального дворца“, на скамейкѣ противъ чучела какого-то огромнаго допотопнаго животнаго. Кипсъ какъ-то поднималъ на него глаза во время разговора, сначала разсѣяннo, а потомъ вглядываясь опять съ возрастающимъ интересомъ.

— Хотѣлъ бы я, однако, знать, какимъ образомъ всѣ эти допотопныя животныя исчезли потомъ съ лица земли? Вѣдь не убили же ихъ всѣхъ?

— Я знаю, — сказала Анни. — Ихъ смыло потопомъ.

На этомъ бесѣда кончилась. Чучело допотопнаго животнаго безразлично глядѣло вдаль, поверхъ ихъ головъ, съ невозмутимо спокойнымъ взглядомъ. Такъ бы поглядѣлъ на нихъ настоящій живой Куть, еслибы увидѣлъ теперь Киппса, переставшаго существовать для высшаго свѣта. Этотъ уничтожающій, мертвящій взглядъ допотопнаго животнаго сдѣлался въ концѣ концовъ невыносимъ. Киппсъ и Анни поднялись и, еще разъ взглянувъ на него съ изумленіемъ, ушли своимъ путемъ — навстрѣчу своему будущему.

Въ установленный заранѣе день простодушный Киппсъ обвѣчался съ достойной его подругой, и Венера-Уранія, богиня супружеской любви, истинно великая, благородная и добрая богиня, благословила ихъ союзъ.

Прежде однако, чѣмъ жизнь молодой четы сдѣлалась истинно счастливой, на ихъ долю выпало еще много испытаній. Вкус у Киппса и Анни были простые, но Киппсъ еще не умѣлъ побороть соблазны роскоши, открытой ему при его богатствѣ, и надѣлалъ много глупостей, прежде чѣмъ остепениться и начать жить соотвѣтственной его натурѣ жизнью. Первымъ несчастіемъ было то, что Киппсъ задумалъ строить свой собственный домъ. Они никакъ не могли найти вполне подходящій домикъ, въ виду того, что Анни требовала удобствъ не только для себя, но и для прислуги. Это и побудило Киппса обратиться къ архитектору съ порученіемъ выстроить ему идеальный домъ. Анни протестовала, потомъ настаивала хотя на томъ, чтобы остановиться на самомъ простомъ, незатѣйливомъ планѣ постройки. Но ей не удалось убѣдить Киппса. На него вліяли и совѣты архитектора, и, главное, уговоры старика дяди, который стоялъ за блескъ и роскошь. Анни боролась, потомъ увидѣла, что ее обвиняютъ, будто бы изъ-за нея Киппсъ теряетъ достойное его общественное положеніе, — и покорилась. Пока они поселились въ наемномъ домѣ, и тамъ тоже между мужемъ и женой шла борьба, омрачавшая иногда ихъ молодое семейное счастье. Киппсъ раздражался неспособностью и нежеланіемъ Анни стать „дамой“. Разъ произошла цѣлая домашняя драма, стоившая Анни многихъ слезъ. Когда Киппсы поселились во временно нанятомъ домѣ, къ нимъ пришли съ визитами представители мѣстнаго общества, пасторъ и одна дама съ дочерью. Киппса не было дома, а Анни занята была уборкой дома, и была въ рабочемъ ситцевомъ платьѣ и передникѣ. Когда раздался стукъ у входной двери, ей въ голову не пришло, что это могутъ быть гости, и она открыла

сама, не переодѣвшись. Ее приняли за прислугу, спросили, дома ли м-съ Киппсъ. Она совершенно растерялась, сказала, что м-съ Киппсъ нѣтъ дома, и машинально приняла визитныя карточки отъ своихъ собственныхъ гостей. Киппсъ былъ въ полномъ отчаяніи, когда она рассказала ему о случившемся, и потребовалъ, чтобы она все-таки отвѣтила на визитъ; онъ былъ увѣренъ, что ее не узнаютъ, когда она явится принаряженная. Анни плакала, и между ними произошла крупная сцена.

Но Анни не пришлось отплатить визитъ сосѣдямъ — также какъ Киппсу не пришлось докончить постройку дома, задуманнаго слишкомъ грандіозно для его простыхъ надобностей. Случилась катастрофа. Молодой Уольшингемъ, братъ Елены, который остался повѣреннымъ Киппса и послѣ его разрыва съ Еленой, оказался мошенникомъ. Онъ бѣжалъ съ деньгами, — и въ одинъ прекрасный день Киппсъ получилъ извѣщеніе, что все его состояніе погибло. Первое время послѣ катастрофы было ужасное. Киппсъ былъ близокъ къ полному отчаянію. Онъ уже слишкомъ свылся со своимъ богатствомъ, чтобы примириться съ отсутствіемъ его. Анни была менѣ несчастна, — въ глубинѣ души она даже была довольна, надѣясь, что когда кончится блескъ, начнется истинное счастье. Но ей трудно было утѣшить мужа. Она пробовала предлагать ему разные планы устройства, но у Киппса опустились руки.

Оказалось однако, что несчастье не такъ велико, какъ думали въ первую минуту. По выясненіи счетовъ, у Киппса осталась еще тысяча фунтовъ. Теперь это показалось имъ огромнымъ капиталомъ, такъ какъ на эти деньги можно было завести какое-нибудь дѣло. Киппсъ ни за что не хотѣлъ вернуться на старый путь и приобрести магазинъ мануфактурныхъ товаровъ. Онъ уже достаточно жилъ культурной жизнью, чтобы избрать болѣе интеллигентное занятіе. Онъ сдѣлался книжнымъ торговцемъ — и счастье ему улыбнулось. Дѣла пошли хорошо, обезпечивая скромную жизнь для него съ женой и съ родившимся у нихъ ребенкомъ. Но судьба готовила имъ дальнѣйшія удачи — награду за все, что Киппсъ претерпѣлъ въ прошломъ. Въ свое время онъ далъ Читерло для его „синдиката“ двѣ тысячи фунтовъ, и радовался послѣ потери состоянія, что хоть эти деньги попались Читерло, а не мошеннику Уольшингему. Но Читерло не напрасно питалъ надежды на свою комедію. Благодаря деньгамъ, онъ провезъ ее на сцену, и она сразу понравилась и имѣла шумный успѣхъ. Авторъ разбогатѣлъ — и не только заплатилъ Киппсу долгъ, но сдѣлалъ его участникомъ въ барышахъ. Семейное

счастье Кипса стало безмятежнымъ. Жизнь его устроилась именно такъ, какъ нужно было для его простой души, безъ тунейства и чрезмѣрной роскоши, налагавшей на него нестерпимо сложныя обязательства. Онъ былъ избавленъ отъ заботъ; онъ велъ съ любовью книжную торговлю, и дома ждала его Анни, которую онъ неизмѣнно любилъ.

По праздникамъ они часто устраивали далекія прогулки вдвоемъ, и это было ихъ самое счастливое время. Разъ подъ вечеръ въ июль они оставили ребенка на попеченіи служанки и поѣхали кататься на лодкѣ. Солнце зашло, вечеръ былъ теплый и тихій. Кипсъ пересталъ грести, и вдругъ его охватило чувство таинственности жизни. Все казалось такимъ удивительнымъ и безконечно прекраснымъ, — и красота эта сливалась съ мыслями о жизни, съ воспоминаніями. Все это жило въ эту минуту въ душѣ Кипса безсознательно, не отливаясь въ опредѣленные вопросы или формы, не доходя до его непосредственнаго сознанія. Что-то какъ бы поднималось, какъ призракъ изъ глубины водъ, и опять расплывалось въ ничто.

— Арти! — сказала Анни.

Онъ очнулся и взялся машинально за весла.

— Что? — спросилъ онъ.

— О чемъ ты думаешь?

Онъ сталъ соображать.

— Кажется, ни о чемъ, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Можетъ быть, впрочемъ, я думалъ о томъ; какъ все странно въ жизни. Что-то вроде этого мелькало у меня въ головѣ.

— Странный ты, Арти!

— Да? Мнѣ иногда кажется, что я не похожъ ни на кого другого. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — можетъ быть, это невѣрно. Не знаю, право, — заключилъ онъ и налегъ на весла.

Съ англ. З. В.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РОССІИ

I.

Изъ числа вопросовъ, привлекающихъ наибольшее вниманіе общества, послѣ вопросовъ о политическомъ освобожденіи русскаго народа, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ аграрный. Выдвинулся онъ какъ-то вдругъ и довольно неожиданно для большинства общественныхъ дѣятелей. Первые шаги нашего освободительнаго движенія имѣли чисто политической характеръ. Резолюціи сѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей относились лишь къ вопросамъ политическимъ; вновь основывавшіяся при кн. Святополкъ-Мирскомъ боевыя газеты объявляли только политическія платформы; даже крестьянскій вопросъ рассматривался какъ вопросъ по преимуществу политической. Волненія крестьянъ весной прошлаго года, ихъ заявленія въ совѣщаніяхъ, собираемыхъ земствами и сельско-хозяйственными обществами, постановленія перваго московскаго крестьянскаго сѣзда и, наконецъ, осеннія аграрныя волненія совершенно измѣнили настроеніе общества: широкія земельныя преобразованія признаны были необходимой частью программъ всѣхъ партій, искренно стремящихся къ политическому обновленію Россіи, и общественные дѣятели приходятъ даже къ мнѣнію, что безъ удовлетворенія аграрныхъ требованій крестьянъ, поставляемыхъ на первую очередь въ программѣ занятій Государственной Думы, нельзя рассчитывать и на упроченіе политической свободы. Аграрный вопросъ неразрывно связался такимъ образомъ съ вопросомъ политическаго обновленія Россіи.

Но почему же аграрныя требованія русскихъ крестьянъ представляются столь неотвратимыми и настоятельными? Почему революціонныя движенія крестьянъ въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы, съ уничтоженіемъ феодальной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, потеряли общій и угрожающій характеръ, и юридически-свободные земледѣльцы стремятся тамъ къ улучшенію своего положенія путемъ обычныхъ средствъ хозяйственной дѣятельности, — а рускіе крестьяне, юридически совершенно освобожденные отъ помѣщиковъ сорокъ-пять лѣтъ назадъ, ожидаютъ улучшенія своего быта отъ политическихъ средствъ и полагаютъ достигнуть этого насильственными дѣйствіями противъ землевладѣльцевъ, не имѣющихъ никакихъ надъ ними правъ и находящихся, повидимому, лишь въ обыкновенныхъ сосѣдскихъ, дѣловыхъ, съ ними сношеніяхъ?

Указанный фактъ распространенія въ свободной Россіи такихъ крестьянскихъ движеній, которыя возбуждались въ другихъ странахъ наличностью крѣпостныхъ порядковъ, вызываетъ прежде всего мысль о томъ, не сохранились ли въ русскомъ быту такіе порядки фактически, несмотря на ихъ юридическую отмѣну? Личная зависимость крестьянина отъ помѣщика исчезла, конечно, безслѣдно. Но можно ли сказать то же самое о хозяйственной сторонѣ крестьянскаго быта, интересы которой дороги крестьянину не менѣе интересовъ его личности? Простое наблюденіе деревенскаго быта даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, а исторія поземельнаго устройства освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ бросаетъ яркій свѣтъ на причины этого явленія.

Поземельныя отношенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ устраивались безъ серьезной заботы о томъ, чтобы создать классъ совершенно независимыхъ мелкихъ земледѣльцевъ; скорѣе можно было замѣтить обратную тенденцію. Вслѣдствіе этой тенденціи не было обращено вниманіе на то, что проектированныя правила поземельнаго устройства крестьянъ вели къ нарушенію хозяйственной цѣльности надѣла будущаго „свободнаго“ земледѣльца, и что освобождаемому крестьянину предстояло получить участокъ, лишенный естественнаго признака нормальной производительной единицы: технической цѣльности и самостоятельности. Такое содержаніе Положенія о крестьянахъ было послѣдствіемъ того, что это Положеніе составлялось одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, стремившейся провести реформу съ наименьшимъ ущербомъ для помѣщиковъ. Въ этихъ видахъ за крестьянами не было признано права на кормовыя (для скота) угодья, которыми они пользовались внѣ границъ участка, состоявшаго въ ихъ единственномъ владѣніи, и у нихъ была еще отрѣзана часть угодій (преимущественно тоже кормовыхъ), входившихъ въ составъ этого послѣдняго.

Такой окончательный результат крестьянской реформы долженъ поразить насъ тѣмъ болѣе, что принципами, объявленными для руководства составителей Положенія о крестьянахъ, казалось, въ корнѣ пресѣкалась возможность чего-либо подобнаго. Высочайшимъ рескриптомъ 2-го ноября 1857 г. освобождаемымъ крестьянамъ полагалось отводить такое количество земли, котораго было бы достаточно „для обезпеченія ихъ быта и выполнения ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками“. Это Высочайшее повелѣнiе, впрочемъ, не было, да и не могло быть приведено въ исполненiе, и редакціонныя комиссіи высказали другое начало для развязки поземельныхъ отношеній крѣпостной эпохи,—начало раздѣленія крѣпостной земли между помѣщиками и крестьянами соотвѣтственно тому, что находилось во владѣнiи тѣхъ и другихъ во времена крѣпостного права. При выполнении этого положенія крестьяне перешли бы въ свободное состоянiе съ тѣми хозяйственными ресурсами, какими они пользовались ранѣе, и ихъ бытъ не потерпѣлъ бы, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, существенныхъ потрясеній. Будучи обезпеченъ производительными средствами, продуктами коихъ покрывались его настоятельнѣйшія нужды, вышедшій на волю крестьянинъ видѣлъ бы передъ собою одну новую задачу: добыть средства на уплату возложеннаго на него денежнаго оброка или выкупного платежа. Такимъ способомъ крестьянскій вопросъ разрѣшенъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщикъ былъ не русскій, а полякъ, и притомъ возставшій противъ русскаго владычества. Правительство и здѣсь освободило безвозмездно отъ крѣпостныхъ узъ только душу крестьянина, а его землю заставило выкупить у помѣщика; но поземельные надѣлы были отведены крестьянамъ довольно щедро. Въ семи губерніяхъ этого края крестьяне получили при освобожденіи, въ среднемъ, на 40% болѣе того, что находилось въ ихъ владѣнiи въ крѣпостныя времена. Что же касается 20-ти черноземныхъ губерній центральной, южной и восточной Россіи, то надѣлы крестьянъ были при освобожденіи урѣзаны, въ среднемъ, слишкомъ на 20%, а по отдѣльнымъ губерніямъ и общинамъ—несравненно болѣе. Такъ, изъ 182 тыс. ревизскихъ душъ (64% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ) саратовской губерніи, потерпѣвшихъ сокращеніе своихъ участковъ, у 31 тыс. душъ надѣлы были уменьшены на 10—25%, у 35 тыс. душъ—на 25—50%, у 57 тыс. душъ—на 50—75% и у 59 тыс. душъ—болѣе, чѣмъ на 75%! Последнія двѣ группы крестьянъ, потерявшія при освобожденіи болѣе половины своей земли, составляли $\frac{2}{3}$ крѣпостного населенія губерній. Нечерноземныя губерніи были менѣе несчастны. Земли, находившіяся въ единственномъ владѣнiи крѣпостныхъ крестьянъ, подверглись здѣсь, при освобожденіи, въ общемъ, незначительному сокращенію. Но потрясеніе крестьянскаго

хозяйства и здѣсь было достаточно велико, потому что, кромѣ этихъ земель, крѣпостные крестьяне нечерноземныхъ губерній широко пользовались угодьями (преимущественно кормами для скота) во владѣльческой части имѣнія, и права освобождаемыхъ крестьянъ на эти угодья были совершенно игнорированы.

Итакъ, несмотря на то, что реформа 19-го февраля имѣла задачей уничтожить навсегда иго, угнетавшее половину крестьянскаго населенія, отданную въ личную и хозяйственную зависимость отъ постороннихъ лицъ, это иго было уничтожено только на половину: личная зависимость крестьянъ была упразднена, хозяйственная — сохранена. Территорія хозяйства бывшаго помѣщикаго крестьянина была расчленена на двѣ части: одна часть (главнымъ образомъ усадебная и пахатная земля) передана крестьянину, а другая (сѣнокосы и пастбища, а также лѣсъ) осталась во владѣнн помѣщика. Освобожденному крестьянину предстояло, такимъ образомъ, не только приспособиться къ новой социальной обстановкѣ, но и преодолевать обиды реформы, вырывать изъ чужихъ рукъ свою землю, безъ которой онъ не могъ существовать, какъ исправный хозяинъ-земледѣлецъ. Нужда крестьянъ въ отрѣзанныхъ угодьяхъ была постоянной; а обезпечить себѣ пользованіе ими — средствами обыкновеннаго гражданского оборота — они могли лишь на время (арендой). Имъ приходилось, поэтому, въ лучшемъ случаѣ находиться постоянно подъ дамокловымъ мечомъ лишенія безусловно-необходимой земли, въ худшемъ — претерпѣть это лишеніе и быстро спускаться по уклону хозяйственнаго разоренія.

Сохраненіе зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ въ одномъ отношеніи вело къ возвращенію и другихъ крѣпостныхъ порядковъ. Нуждаясь безусловно въ помѣщичьихъ угодьяхъ, крестьянинъ не имѣлъ силы сопротивляться требованію владѣльца, чтобы въ уплату за нанимаемую землю онъ обрабатывалъ его поля, и скоро онъ увидалъ себя въ ярмѣ той самой барщины, отъ которой, казалось, онъ только что избавился. Выкупной денежный платежъ не былъ, поэтому, единственной жертвой крестьянъ ради ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній; на нихъ возложена и другая жертва, обуславливаемая необходимостью удерживать въ своихъ рукахъ пользованіе землею, право собственности на которую передано было другому. Жертва эта — несравненно болѣе тяжкая, потому что она — неопредѣленная и не обезпечивающая, подобно выкупнымъ платежамъ, стойкаго результата: приметъ ее владѣлецъ земли — крестьянинъ продолжаетъ быть хозяиномъ; отвергнетъ — ему грозитъ ликвидація хозяйства. Жертва эта къ тому же и безконечна: черезъ сорокъ лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, половина общинъ, напр., московской губ. продолжаетъ снимать у помѣщи-

ковъ необходимы имъ кормовыя угодья, при чемъ почти въ половинѣ этихъ общинъ сохранилось и другое наслѣдіе крѣпостныхъ временъ: уплата за нанятую землю не деньгами, а трудомъ. Крестьяне такой промышленной и, такъ сказать, денежной губерніи, какъ московская, не могли въ теченіе сорока лѣтъ ликвидировать — путемъ обычныхъ гражданскихъ сдѣлокъ — остатковъ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ! — Чего же можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ крестьянъ черноземнаго центра, получающихъ всѣ средства существованія отъ земледѣлія, часть ресурсовъ коего находится въ чужихъ рукахъ! Неудивительно, что крестьяне считали Положеніе 19-го февраля не настоящей волей и ожидали окончательнаго своего освобожденія отъ реформъ политическихъ. Прошлагодня волненія крестьянъ послужили напоминаніемъ того, что эти ожиданія еще не получили удовлетворенія, и что, при дальнѣйшей отсрочкѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, крестьянство должно будетъ само взяться за разрѣшеніе этого жгучаго вопроса ¹⁾.

Соображая все, что было говорено выше о происхожденіи современныхъ аграрныхъ отношеній, нужно признать, что разсужденія многихъ авторовъ, пишущихъ о данномъ вопросѣ, разсужденія въ томъ смыслѣ, что поземельные счета между бывшими помѣщичьими крестьянами и ихъ владѣльцами слѣдуетъ считать законченными, крѣпостныя отношенія окончательно ликвидированными, и что „аграрная реформа должна разсматриваться теперь независимо отъ несовершенствъ и ошибокъ реформы 1861 г.“, что „не помѣщикъ долженъ удовлетворять крестьянъ, а государство“ — эти разсужденія нельзя считать вполне обоснованными. Одинъ корень нашего аграрнаго вопроса заключается именно въ неполной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Аграрная реформа можетъ поэтому имѣть въ виду ликвидацію этихъ послѣднихъ, — и въ такомъ случаѣ она можетъ быть произведена за счетъ владѣльцевъ. Юридическое основаніе для этого заключается въ томъ, что помѣщики получили все, что имъ полагалось по принципамъ, положеннымъ въ основаніе ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній: выкупную сумму, исчисленную на основаніи крѣпостныхъ оброковъ крестьянъ, которыми послѣдніе получали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и право свободнаго распоряженія своимъ трудомъ. Въ этой суммѣ заключалось, слѣдовательно, въ невыраженномъ открыто видѣ, вознагражденіе владѣльцевъ не только за оставленную у крестьянъ землю, но и за отнимаемый у помѣщиковъ трудъ крѣпостныхъ. Крестьяне же, погашавшіе эти выкупные платежи, не получили цѣликомъ той земли, какая имъ

¹⁾ Подробнѣе о современныхъ аграрныхъ отношеніяхъ и объ аграрномъ движеніи см. „Политическая Энциклопедія“ п. р. Л. З. Слонимскаго, вып. 1.

слѣдовала по принципамъ, положеннымъ въ основаніе ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, т.-е. площади, находившейся въ ихъ пользованіи во времена крѣпостного права.

II.

Описанныя выше условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не составляли единственной причины возникновенія у насъ остраго аграрнаго вопроса. Даже при отведеніи крестьянамъ всѣхъ угодій, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ—ихъ поземельныя отношенія нельзя было бы считать упроченными. Площадь владѣнія крѣпостныхъ крестьянъ рассчитана была на половину ихъ рабочей силы, такъ какъ другая ея половина затрачивалась на воздѣлываніе помѣщичьихъ земель. Какъ должно было или могло раціонально сложиться при такихъ условіяхъ хозяйство освобожденнаго крестьянина? Довольствоваться производительнымъ примѣненіемъ половины имѣющагося у него рабочаго времени крестьянинъ не могъ уже потому, что кромѣ тѣхъ предметовъ, которые служили для потребленія его семьи въ крѣпостныя времена, ему нужно было выработать еще деньги для уплаты выкупныхъ платежей и другихъ повинностей, быстро возраставшихъ въ обновляющейся Россіи, для запаса на черный день, который отнынѣ онъ долженъ переносить одинъ, не рассчитывая на помощь владѣльца; для приобрѣтенія тѣхъ предметовъ потребленія его семьи, которые ранѣе приготавлились домашнимъ способомъ, а съ распространеніемъ мѣноваго хозяйства должны были покупаться на деньги, и для удовлетворенія новыхъ потребностей, быстро развивавшихся по мѣрѣ превращенія натурального хозяйства въ денежное. Крестьяне должны были, поэтому, стремиться расширить свою производительную дѣятельность за предѣлы, очерченныя площадью отведенныхъ имъ участковъ, и такъ какъ въ черноземныхъ областяхъ населеніе, говоря вообще, не имѣло другихъ источниковъ заработка, кромѣ сельскаго хозяйства, то въ расширеніи сельскохозяйственной дѣятельности до полнаго насыщенія своей рабочей силы крестьянинъ и искалъ разрѣшенія задачи производительнаго использованія освобожденнаго рабочаго времени. Но расширеніе сельскохозяйственной дѣятельности крестьянина не могло осуществиться безъ участія земли помѣщика. Раціональнымъ же, съ эконоической точки зрѣнія, можно было бы признать одно изъ слѣдующихъ рѣшеній данной задачи.

Или половина крестьянъ оставила бы свои надѣлы, открывъ такимъ образомъ другой ихъ половинѣ возможность сосредоточить въ

своихъ рукахъ такое количество земли, которое избавляло бы ихъ отъ необходимости обращаться къ чужимъ угодьямъ. Въ этомъ случаѣ крестьянское хозяйство рѣзко было бы отдѣлено отъ помѣщичьяго и создався бы, какъ въ западной Европѣ и нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, классъ батраковъ, работающихъ по найму помѣщиковъ. Или въ сельско-хозяйственномъ быту возстановилось бы въ новыхъ культурныхъ формахъ то единеніе крупнаго и мелкаго земледѣлія, на которомъ была основана хозяйственный строй крѣпостныхъ временъ. Мелкіе земледѣльцы получили бы доступъ къ прочному и выгодному пользованію помѣщичьей землей, какъ частью общей хозяйственной единицы, причемъ крестьяне вносили бы въ дѣло свой трудъ и частью инвентарь, помѣщики доставляли бы средства на другіе необходимые расходы и руководили предпріятіемъ; а доходы отъ хозяйства дѣлились бы между сторонами на условіяхъ, выгодныхъ для всѣхъ. Или, наконецъ, помѣщичьи земли перешли бы въ единственное владѣніе крестьянъ, и мелкое хозяйство этимъ путемъ сдѣлалось бы совершенно независимымъ отъ крупнаго землевладѣнія.

Но у насъ не осуществилось ни одно изъ этихъ рѣшеній вопроса, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдается и то, и другое, и третье. Сколько ни писали наши просвѣщенные хозяева о важности такихъ формъ аренды, при которыхъ владѣлецъ не ограничивался бы полученіемъ арендной платы, а самъ принималъ участіе въ производствѣ и заинтересовалъ бы крестьянъ въ выгодахъ тщательной обработки его угодій—второй способъ разрѣшенія вопроса о согласованіи двухъ системъ землевладѣнія и земледѣлія въ Россіи не получилъ сколько-нибудь значительнаго распространенія. То же самое приходится сказать и объ упроченіи самостоятельности мелкаго земледѣлія путемъ вытѣсненія изъ деревень излишняго населенія и созданія недѣльныхъ крупныхъ крестьянскихъ участковъ. О такомъ исходѣ можно было бы помышлять, еслибы фабрично-заводская промышленность получила столь широкое распространеніе, что поглотила бы (вмѣстѣ съ крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ) не только весь приростъ рабочаго населенія Россіи, но и приблизительно половину дѣйствующихъ мелкихъ земледѣльцевъ, и еслибы условія работы на фабрикахъ, заводахъ и въ крупныхъ экономіяхъ были достаточно благоприятны и устойчивы для того, чтобы очень мелкій землевладѣлецъ предпочелъ ее работѣ на собственномъ участкѣ. Мы, однако, не можемъ рассчитывать, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, на что-либо, сколько-нибудь соответствующее этому предположенію. А если такъ, то достигъ устойчивости крестьянскаго хозяйства путемъ сосредоточенія надѣльной земли въ маломъ числѣ рукъ представляется невозможнымъ. Остается поэтому рассчитывать на третій рациональный путь

устраненія недостатка нашего мелкаго хозяйства, путь обращенія на этотъ предметъ земель, не принадлежащихъ крестьянству. Такая постановка аграрнаго вопроса признается теперь всѣми вліятельными нашими политическими фракціями; но попытки детальной его разработки не соотвѣтствуютъ важности предмета.

Значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи обусловливается не только ненормальностью положенія мелкаго земледѣльца, не могущаго обойтись безъ чужой земли и не получающаго эту землю на прочныхъ и выгодныхъ условіяхъ. При тенденціи господствующаго строя къ общественному раздѣленію труда, земледѣлецъ черноземныхъ областей Россіи долженъ рассчитывать на производительное примѣненіе своего труда только въ области сельскаго хозяйства; а въ виду трудности примиренія интересовъ самостоятельнаго хозяйства съ необходимостью наемной работы въ крупной экономіи, слѣдуетъ желать, чтобы производительное примѣненіе труда земледѣлецъ находилъ исключительно въ своемъ, а не въ чужомъ хозяйствѣ. Финансовые результаты хозяйственной дѣятельности земледѣльца зависятъ отъ того, какая часть рабочаго времени примѣняется имъ производительно. Максимальныя выгоды отдѣльный земледѣлецъ и вся страна получаютъ отъ сельскохозяйственнаго промысла въ томъ случаѣ, когда этотъ промыселъ допускаетъ производительное примѣненіе рабочихъ силъ въ теченіе круглаго года. Для этого хозяйство должно быть основано на производствѣ не зерновыхъ, а преимущественно животныхъ продуктовъ, и къ этому именно стремятся наиболѣе культурныя государства, возлагая снабженіе себя зерномъ на старыя отсталыя страны или на молодыя многоземельныя колоніи. Послѣднія берутъ на себя эту роль потому, что богатство земель и дѣвственная ея почва, съ одной стороны, и возможность широкаго примѣненія къ земледѣлію берегающихъ трудъ машинъ, съ другой,—настолько повышаютъ производительность труда въ зерновомъ хозяйствѣ, что послѣднее становится наиболѣе выгодной формой эксплуатаціи національныхъ рабочихъ силъ. Первыя дѣлаются поставщиками на внѣшніе рынки зерна,—несмотря на малоземелье и истощенную почву,—потому что не имѣютъ возможности, по причинѣ бѣдности и некультурности населенія, расплачиваться по своимъ заграничнымъ обязательствамъ продуктами болѣе производительнаго примѣненія труда и что нуждающійся въ деньгахъ крестьянинъ не имѣетъ достаточнаго числа покупателей своихъ продуктовъ внутри страны. Вывозъ зерна для колоній служитъ источникомъ ихъ обогащенія, а экспортъ зерна отсталыхъ странъ способствуетъ закрѣпленію ихъ бѣднаго состоянія. Такъ, напримѣръ, специальное изслѣдованіе вашингтонскаго департамента труда показало, что при старыхъ для Америки приемахъ обработки земли, скод-

ныхъ съ тѣми, которые примѣняются въ настоящее время въ нашихъ малороссійскихъ губерніяхъ, на всѣ операціи по добычѣ пуда пшеницы затрачивалось два часа труда земледѣльца, между тѣмъ какъ, примѣняя машины и другія усовершенствованныя орудія, современный американскій земледѣль сократилъ расходъ своего труда до 6—7 минутъ на пудъ пшеницы. Это значитъ, что производительность земледѣльческаго труда въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время въ 20 разъ превышаетъ производительность прежнихъ приѣмовъ добычи зерна, которые пользуются еще широкимъ распространеніемъ въ центральныхъ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ. Зерно столь различной стоимости производства продается (русскими и американскими производителями) на однихъ и тѣхъ же европейскихъ рынкахъ по одной и той же цѣнѣ, представляющей нѣчто среднее между цѣною зерна для русскаго и для американскаго хозяина. Это зерно, слѣдовательно, продается тамъ съ большою выгодой для американскаго земледѣльца и съ крупнымъ убыткомъ для русскаго. Русскій земледѣлецъ не можетъ, поэтому, рассчитывать на удовлетворительный доходъ, даже если онъ имѣетъ производительное занятіе въ теченіе всего періода сельско-хозяйственныхъ работъ, который въ нашемъ климатѣ продолжается едва 6—7 мѣсяцевъ. При ограниченіи же его работы частью сельско-хозяйственнаго періода, онъ осужденъ влечь жалкое полувищенское существованіе. Изъ этого слѣдуетъ, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи должно состоять въ передачѣ земледѣльцамъ такого количества земли, каковаго, вмѣстѣ съ надѣлами, было бы достаточно для занятія всѣхъ ихъ рабочихъ силъ. Попробуемъ прикинуть, сколько понадобилось бы земли для удовлетворенія этого требованія лишь по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ.

Наканунѣ освобожденія крестьянъ въ двадцати черноземныхъ губерніяхъ находилось около 40 милліоновъ десятинъ помѣщичьей земли, изъ коихъ около 15 милліоновъ десятинъ состояло въ единственномъ владѣніи крестьянъ; и кромѣ того крестьяне участвовали въ пользованіи угодьями, не состоявшими въ ихъ надѣлѣ. Это послѣднее обстоятельство мы не будемъ, однако, принимать во вниманіе и поведемъ разсужденіе въ предположеніи, что надѣльная земля составляла единственный источникъ пользованія крѣпостного въ работѣ на себя, а не на помѣщика. При освобожденіи площадь крестьянскаго землевладѣнія сократилась до 12 милліоновъ десятинъ, а въ рукахъ помѣщичьихъ осталось 28 милліоновъ десятинъ. Крестьяне при крѣпостномъ правѣ пользовались такимъ количествомъ земли, какое они могли обработать, отдавая своему хозяйству половину рабочаго времени, ибо другая его половина затрачивалась на воздѣлываніе помѣщичьихъ

запашекъ. Это значитъ, что всего крестьяне обрабатывали въ то время не менѣе 30 милліоновъ десятинъ, и такая именно площадь должна бы находиться въ ихъ пользованіи въ настоящее время, еслибы число земледѣльцевъ оставалось неизмѣннымъ. Въ такомъ случаѣ помещики должны были бы уступить своимъ бывшимъ крѣпостнымъ 18 милліоновъ десятинъ, а въ ихъ рукахъ осталось бы 10 милліоновъ десятинъ. Этого количества достаточно для надѣленія по вышеуказанной нормѣ еще $\frac{1}{3}$ части общаго числа крѣпостныхъ; и только приростъ земледѣльческаго населенія въ указанной пропорціи могъ бы рассчитывать на достаточное земельное удовлетвореніе. Всякое же увеличеніе числа земледѣльцевъ свыше 33% вело бы къ сокращенію площади единичнаго крестьянскаго участка, къ ограниченію производительнаго примѣненія рабочей силы мелкихъ сельскихъ хозяевъ. А такъ какъ приростъ крестьянскаго населенія съ 1861 г. превышаетъ 33%, то если считаться съ законами развитія господствующаго хозяйственнаго строя и имѣть въ виду, что земледѣльцы мало-по-малу лишаются подсобныхъ заработковъ и ихъ благосостояніе будетъ зависѣть исключительно отъ того, въ какой мѣрѣ они найдутъ производительное примѣненіе своему труду въ области сельскаго хозяйства, то мы не можемъ не придти къ заключенію, что въ пользованіе земледѣльцевъ должна быть передана вся площадь годныхъ для сельскаго хозяйства угодій.

Это практическое заключеніе, къ которому приводитъ анализъ экономическихъ отношеній нашей страны, находится въ полномъ соответствіи съ психологическимъ настроеніемъ русскаго народа, выработаннымъ тѣмъ же историческимъ процессомъ, которымъ создавались и современныя аграрныя отношенія. А эта согласованность объективнаго и субъективнаго факторовъ даннаго явленія служитъ ручательствомъ того, что нашъ аграрный вопросъ получить именно то, а не другое разрѣшеніе.

III.

Историческія судьбы русскаго землевладѣнія и земледѣлія не способны были закрѣпить въ сознаніи народа идею полной или частной, а тѣмъ болѣе крупной собственности на землю. Закрѣпленію этой идеи препятствовали колонизаціонный характеръ исторіи русскаго народа, непрерывное распространеніе населенія на сѣверъ, югъ и востокъ. Постояннымъ отливомъ земледѣльцевъ на окраины вѣдупреждалось образованіе рѣзкаго малоземелья и необходимость перехода къ интенсивному хозяйству въ центрѣ Россіи; а на почвѣ этихъ двухъ фактовъ, главнымъ образомъ, и развивается идея объ исключительномъ правѣ

на землю. Еще менѣе можно было ожидать развитія этой идеи во вновь колонизируемыхъ областяхъ. Непрерывающійся процессъ свободнаго занятія мелкими земледѣльцами новыхъ пространствъ поддерживалъ, напротивъ того, въ сознаниіи народа естественную мысль объ отличіи земли, какъ объекта владѣній, отъ другихъ предметовъ собственности, о принадлежности ея не отдѣльному лицу, а Богу, народу или царю, какъ представителю послѣдняго. Правда, мелкіе земледѣльцы, бравшіе на себя бремя распашки и расчистки новыхъ земель и тяжесть борьбы съ неблагоприятными условіями первобытной природы, встрѣчали на своемъ пути лицъ, объявлявшихъ себя собственниками нигдѣ незанятыхъ пространствъ на томъ основаніи, что у нихъ были жалованныя грамоты; но крестьяне не могли не смотрѣть на такихъ людей какъ на узурпаторовъ, ненужныхъ для земледѣльческаго производства, но имѣющихъ силу и средства пожинать тамъ, гдѣ они не сѣяли. Вся послѣдующая исторія нашего сельскаго хозяйства не измѣнила этого возрѣнія крестьянъ, и крупное землевладѣніе остается въ глазахъ народа вреднымъ паразитомъ, не играющимъ въ производствѣ той организующей роли, каковая принадлежитъ капиталу въ индустриіи, и лишь стѣсняющимъ свободное развитіе коренной основы русскаго хозяйства—мелкаго земледѣлія.

Не усматриваетъ крестьянинъ въ хозяйствѣ помѣщика и той крупной культурной роли, какую ему приписываютъ нѣкоторые писатели.

О ничтожности, въ общемъ, этой роли можно судить уже по тому низкому состоянію, въ какомъ находится наше крестьянское хозяйство; а достаточное объясненіе этому находится въ томъ, что помѣщичье хозяйство, какъ крупное и товарное, не можетъ служить образцомъ для крестьянскаго хозяйства даже въ случаяхъ, когда по своему совершенству оно заслуживало бы подражанія. Рѣзкую иллюстрацію сказаннаго мы имѣемъ въ томъ безпомощномъ положеніи, въ какомъ оказываются крестьяне, приступающіе къ посѣву на поляхъ клевера. Не смотря на то, что въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ давно существуютъ рациональныя травопольныя помѣщичьи хозяйства, крестьяне никакъ не могутъ ввести собственными силами правильный травопольный сѣвооборотъ и разрѣшаютъ этотъ вопросъ лишь при помощи общественной, земской агрономіи. Это безсиліе помѣщичьяго хозяйства оказать существенную культурную услугу хозяйству крестьянскому объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что помѣщичьи сѣвообороты, рассчитанные на производство для сбыта, не соотвѣтствуютъ задачамъ крестьянскаго хозяйства, имѣющаго въ виду главнымъ образомъ производство предметовъ потребленія собственной семьи крестьянина. И въ другихъ отношеніяхъ наше помѣщичье хозяйство не можетъ оказать существеннаго вліянія на крестьянское: принимаемая имъ орудія

не по силамъ тощей крестьянской лошадеи, его усовершенствованный скотъ не выдержитъ спартанскаго содержанія крестьянской лошади или коровы, и т. д.

Но если крестьянинъ мало видитъ для себя пользы отъ культурнаго крупнаго хозяйства, то онъ чувствуетъ на самомъ себѣ всю тяжесть неизбѣжной зависимости его отъ крупнаго землевладѣльца и весь вредъ, приносимый ему сосѣдствомъ владѣльческаго хозяйства. У насъ слишкомъ безразборчиво подчеркиваютъ тотъ фактъ, что урожаи помѣщичьихъ полей превышаютъ урожаи полей крестьянскихъ, и приписываютъ это обстоятельство несовершенству сельско-хозяйственной техники, выработанной тысячелѣтной исторіей мелкаго земледѣлія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, въ большинствѣ, вѣроятно, случаевъ, сравнительно высокіе урожаи на владѣльческихъ поляхъ обусловлены не искусствомъ хозяина, а тѣмъ, что онъ имѣетъ возможность правильно примѣнять на своей землѣ приемы земледѣлія, заимствованные изъ крестьянскаго опыта. Обратной стороной этого, однако, является ограниченіе возможности примѣнять эти приемы въ хозяйствѣ мелкихъ земледѣльцевъ. Дѣло въ томъ, что, за неразвитіемъ у насъ класса специальныхъ сельско-хозяйственныхъ батраковъ, большая часть работъ на помѣщичьихъ поляхъ исполняется самостоятельными мелкими земледѣльцами, причѣмъ послѣдніе отдають владѣльцамъ не избытокъ своихъ рабочихъ силъ, а сплошь да рядомъ и то время, которое имѣ слѣдовало бы использовать въ собственномъ хозяйствѣ. Соглашались они на это не по здравому коммерческому расчету, а потому что находятся въ зависимости отъ сосѣдей-земледѣльцевъ, не имѣя возможности обойтись безъ найма ихъ земель и будучи вынуждены прибѣгать къ ихъ денежнымъ средствамъ въ случаяхъ нужды въ деньгахъ. Владѣльцы пользуются этой зависимостью: они обязываютъ крестьянъ уплачивать за нанимаемую землю трудомъ и подражаютъ ихъ въ минуты нужды зимою на обработку своихъ земель, давая впередъ большую или меньшую часть условленной платы, которая обыкновенно оказывается на 30—50% ниже того, что стоитъ соответствующая работа въ моментъ ея выполненія. Поставленный въ тиски аграрныхъ и финансовыхъ затрудненій, крестьянинъ не въ состояніи слѣдовать правильному расчету при заключеніи описанныхъ сдѣлокъ и такъ забирается обязательными лѣтними работами, что воздѣлывать собственную землю ему, сплошь и рядомъ, приходится урывками. Только въ видѣ иллюстраціи этого положенія, изъ массы имѣющагося на этотъ счетъ матеріала, мы приведемъ показанія двухъ писателей: одного, производившаго систематическое изслѣдованіе хозяйствъ крестьянъ курской губерніи, и другого, путешествовавшаго по Россіи для ознакомленія съ техникой сельскаго хозяйства.

И. А. Вернеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ земледѣльческій сезонъ бывшаго помѣщичьяго крестьянина курской губерніи. „Занятые въ сентябрѣ посѣвомъ своихъ и *помѣщичьихъ* земель, уборкою гречихи, молотбою и пахотою для *помѣщиковъ* подъ овесъ и ячмень, крестьяне никогда не успѣваютъ съ осени подготовить почву для весенняго посѣва овса. Весною у нихъ также незначительный промежутокъ времени между оттепелью и посѣвами овса уходитъ на *обязательныя работы для помѣщиковъ*, а потому большинство крестьянъ вынуждено сѣять овесъ по непаханному полю. Послѣ овса начинается хлопотливый періодъ пахоты подъ свеклу, гречу, горохъ и т. д. и посѣвъ этихъ растений; здѣсь крестьянинъ опять-таки *урысками* можетъ заняться своимъ полемъ и о тщательной обработкѣ послѣднато не можетъ быть и рѣчи. Періодъ этотъ тянется до начала сѣнокоса...; если же и здѣсь остается свободное время — оно употребляется на *вывозку экономическаго* навоза. Послѣ 1 іюля начинается уборка озимыхъ хлѣбовъ и *взметъ экономическаго пара*, а потому не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ: наиболѣе заваленные отработками принуждены разсѣивать рожь по непаханному полю“. „Какъ на причину болѣе плохой обработки крестьянской земли,—пишетъ покойный проф. Костычевъ,—мнѣ указывали вездѣ на то, что крестьяне обязывались работать на владѣльческихъ земляхъ и не успѣвали производить во-время работъ на своихъ поляхъ“¹⁾.

Итакъ, ни историческія, ни экономическія, ни агрикультурныя условія русскаго хозяйства не содѣйствовали тому, чтобы въ сознаніи русскаго народа образовалось понятіе о необходимости и полезности крупнаго владѣнія и крупнаго земледѣльческаго производства. Крупная собственность, по крайней мѣрѣ въ новѣйшія времена, должна была, напротивъ того, казаться крестьянину не только ненужнымъ учрежденіемъ, но и учрежденіемъ вреднымъ, потому что, не выполняя никакой общественной функціи и не образуя совершенно самостоятельнаго хозяйства, она ограничивала свободу и правильность примѣненія къ землѣ труда мелкихъ земледѣльцевъ. Это ограниченіе съ теченіемъ времени чувствовалось сильнѣе и сильнѣе, благодаря тому, что масса сельскаго населенія, по отсутствію другихъ заработковъ, вынуждена заниматься земледѣліемъ—какъ бы маловыгодно оно ни было. По причинѣ указаннаго обстоятельства, на земляхъ, составляющихъ крестьянскіе надѣлы, ищеть приложенія своихъ силъ не только часть наличнаго состава крестьянъ, совершенно ненужная для ихъ обработки, но и значительная часть прироста сельскаго населенія. Участки,

¹⁾ О положительномъ и отрицательномъ вліяніи помѣщичьяго хозяйства на крестьянское см. В. В.: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“.

находящиеся въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, мельчаютъ вслѣдствіе этого болѣе и болѣе, а нужда въ чужихъ земляхъ дѣлается болѣе и болѣе настоятельной. Зависимость мелкихъ хозяевъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ постоянно вслѣдствіе этого увеличивается; оплата этой зависимости, по причинѣ ожесточенной конкуренціи крестьянъ при наймѣ помѣщичьихъ земель, становится болѣе и болѣе высокой; сохраненіе же, при помощи этихъ средствъ, хотя призрака хозяйственной самостоятельности крестьянина становится менѣе и менѣе возможнымъ, и всякая несчастная случайность грозитъ земледѣльцу ликвидаціей его хозяйства и лишеніемъ сколько-нибудь постояннаго дохода.

Крестьянинъ, поэтому, не можетъ не стремиться къ тому, чтобы обезпечить себѣ постоянное и неубыточное пользованіе тѣми угодьями, безъ которыхъ ему нельзя обойтись, но право распоряженія коими принадлежить не ему, а другимъ лицамъ. Мужикъ въ настоящее время такъ истощенъ, а его земельный голодъ такъ подыалъ продажныя цѣны земли, что достиженіе указанной цѣли путемъ покупки земли представляется крестьянину совершенно невозможнымъ¹⁾. А вынесенныя изъ прошлаго возрѣнія на земельную собственность указывали ему болѣе вѣрный путь достиженія такой цѣли: принудительное отчужденіе помѣщичьихъ угодій.

Мужикъ давно дѣлаетъ идею о переходѣ въ его пользованіе всѣхъ владѣльческихъ земель. „У мужиковъ, самыхъ цивилизованныхъ посредниками,—писалъ на этотъ, счетъ тридцать лѣтъ назадъ, такой знатокъ народнаго быта, какъ покойный А. Н. Энгельгардтъ,—все-таки остается гдѣ-то въ мозгу тайничокъ, изъ котораго нѣтъ-нѣтъ, да и выскочить мужицкое понятіе, что земля можетъ быть только общинной собственностью. Что деревня, т.-е. все общество, можетъ купить землю въ вѣчность, это понимаетъ каждый мужикъ, и купленную деревней землю никто не можетъ отдать другой деревнѣ. Но чтобы землю, купленную какимъ-нибудь Егоренкомъ, нельзя было отдать—когда выйдетъ „Новое Положеніе“ насчетъ земли—деревнѣ, этого ни одинъ мужикъ понять не можетъ. Какъ бы мужикъ ни былъ цивилизованъ, думаю—будь онъ даже богатѣйшій желѣзнодорожный радчикъ,—но до тѣхъ поръ, пока онъ русскій мужикъ—у него останется въ мозгу тайничокъ“²⁾.

Много разъ такіа возрѣнія на землю прорывались во вѣнцѣмъ

¹⁾ См. объ этомъ „Вѣсти. Европы“ 1900, янв., „Рабочія силы Россіи“.

²⁾ „Изъ деревни“—Спб. 1882, стр. 297. Энгельгардтъ посвятилъ этому вопросу цѣлую статью, которая, по цензурнымъ условіямъ, не могла въ свое время появиться въ печати; было бы желательно опубликовать ее теперь, когда аграрный вопросъ и отношеніе къ нему крестьянъ составляютъ зобу дня.

поведеніи крестьянъ, и верховная власть неоднократно выступала на защиту крупнаго землевладѣнія, обращаясь къ крестьянамъ съ заявленіемъ, что частная собственность неприкосновенна, и крестьяне не должны помшлять о принудительномъ обращеніи крупныхъ владѣній въ свое пользованіе. Желаніе искоренить такіе взгляды крестьянъ было однимъ изъ мотивовъ учрежденія крестьянскаго банка. Приобрѣтя землю, при помощи этого банка, съ затратой собственныхъ средствъ, крестьянинъ—по мнѣнію государственнаго совѣта, разсматривавшаго проектъ закона о крестьянскомъ банкѣ,—„будетъ уважать собственность не только свою, но и чужую; онъ станетъ охранять владѣніе ею всѣми зависящими отъ него способами и прежде всего будетъ врагомъ какихъ-либо передѣловъ земли“. Новѣйшія аграрныя движенія крестьянъ служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, какъ мало основательны были эти ожиданія. Напуганные движеніемъ, крупные землевладѣльцы ищутъ основанія народныхъ возрвнй на землю въ общинной формѣ владѣнія послѣдней, и спѣшатъ съ изготовленіемъ закона, отмѣняющаго эту бытовую форму и разрѣшающаго крестьянскому банку давать ссуды подъ надѣльные крестьянскіе участки. Они надѣются, что вовлеченіемъ въ товарный оборотъ надѣльныхъ земель будетъ въ корнѣ подорвано возрвнне на землю, какъ на предназначенную служить интересамъ трудового населенія. Но это предположеніе столь же малоосновательно, какъ и первое. Населеніе малороссійскихъ губерній, не знающее общины, такъ же рѣшительно высказывается за упраздненіе крупной собственности, какъ и великороссы, и основаніемъ для такихъ стремленій служатъ не тѣ или другія традиціонныя формы пользованія землей, а стремленіе земледѣльца обезнечить себѣ возможность веденія правильнаго трудового хозяйства.

Рѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи путемъ обращенія всѣхъ земель въ пользованіе трудящихся классовъ, представляя какъ бы естественное послѣдствіе всей исторіи нашего землевладѣнія и земледѣлія и вытекаая изъ исторически-сложившагося міросозерцанія русскаго народа, находится, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полномъ согласіи съ общимъ направленіемъ демократическихъ идей цивилизованнаго міра и съ идеями, давно выставленными на знамени русской демократической интеллигенціи. Умерщвленіе этой идеи представляется поэтому абсолютно невозможнымъ. А такъ какъ само строеніе русскаго общества привело къ тому, что въ немъ возможно соперничество только двухъ крупныхъ силъ—еще господствующей, но бьющейся въ предсмертныхъ судорогахъ бюрократіи и еще поработенныхъ, но рвущихся къ свѣту трудящихся массъ, на сторонѣ коихъ находится все, что есть живого и мыслящаго,—и всякая попытка владѣющихъ, буржуазныхъ классовъ вмѣшаться въ борьбу этихъ силъ съ своимъ самостоя-

тельнымъ словомъ обнаруживаетъ лишь полное ихъ безсиліе,—то мы и не въ состояніи указать, какая политическая сила могла бы помѣшать осуществленію исторической мечты русскаго народа объ обращеніи всей земли въ пользованіе трудящихся массъ, послѣ того, какъ сила реакціи будетъ сломлена и наша страна увидитъ себя подъ сѣнью свободныхъ политическихъ учрежденій! Кто можетъ намъ сопротивляться,—говорятъ сами крестьяне,—когда мы добьемся всеобщей подачи голосовъ и въ союзъ съ городскими рабочими противопоставимъ прочимъ классамъ $\frac{9}{10}$ избирательныхъ голосовъ? Повторяемъ, со сверженіемъ бюрократическаго ига, народная сила окажется непреоборимой. Съ этимъ должны заранѣе примириться наши владѣющіе классы и приготовиться къ тому, что частная крупная земельная собственность можетъ быть уничтожена.

IV.

Изъ сказаннаго выше нельзя, однако, выводить заключеніе, будто съ упраздненіемъ крупнаго землевладѣнія разрѣшится вопросъ объ экономическомъ благополучіи земледѣльцевъ. Такой результатъ аграрная реформа не можетъ имѣть уже потому, что на всей территоріи сельско-хозяйственныхъ угодій европейской Россіи можно использовать лишь $\frac{2}{3}$ тѣхъ рабочихъ силъ, какія ищутъ себѣ примѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ, а при равномерномъ распределеніи земли между всѣми работающими каждый земледѣлецъ получилъ бы $\frac{2}{3}$ площади того участка, какой онъ въ состояніи обработать въ теченіе 6—7-ми мѣсяцевъ нашего сельско-хозяйственнаго сезона ¹⁾. Крестьянинъ же, лишенный подсобныхъ заработковъ и вынужденный ограничиваться доходами, получаемыми отъ производительнаго примѣненія его труда въ теченіе 4—5-ти мѣсяцевъ въ году, не можетъ не находиться въ полу-нищенскомъ состояніи при всякихъ социальныхъ условіяхъ. Тѣмъ менѣе представляется это возможнымъ въ виду той быстроты роста личныхъ и общественныхъ потребностей, какая характерна для современнаго хозяйственнаго строя. Поэтому, аграрная реформа не устраняетъ роковаго вопроса о бѣдности земледѣльческаго населенія. Важнѣйшимъ результатомъ упраздненія крупнаго землевладѣнія слѣдуетъ считать не обезпеченіе матеріальнаго благополучія земледѣльческаго класса (чего ожидать нельзя), а уничтоженіе или значительное ограниченіе капиталистической эксплуатаціи сельскаго населенія и уясненіе вопроса о причинахъ бѣдности земледѣльцевъ. Когда

¹⁾ См. ст. „Рабочія силы Россіи“.

этотъ вопросъ не будетъ затемняться существованіемъ эксплуатаціи крестьянина земельнымъ капиталомъ, тогда всѣмъ сдѣлается яснымъ, что для поднятія матеріальнаго благосостоянія земледѣльцевъ необходимо увеличить время производительнаго примѣненія ихъ труда.

Немногіе, впрочемъ, вѣрятъ тому, что аграрной реформой разрѣшается вопросъ объ экономическомъ положеніи земледѣльцевъ. Но слѣдующая за этимъ задача формулируется, какъ задача поднятія производительности земли. При этомъ молчаливо признается непреложность двухъ положеній: что увеличеніе времени производительнаго примѣненія труда крестьянина, занимающагося земледѣліемъ, можетъ быть осуществлено лишь на почвѣ того же самаго земледѣльческаго промысла, и что въ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства не существуетъ препятствій къ такому поднятію производительности земли, какое необходимо для полного обезпеченія и нынѣ устроившагося на ней населенія, и возможнаго прироста послѣдняго.

На чемъ, однако, основано это послѣднее предположеніе? Примѣръ другихъ государствъ вовсе не доказываетъ его непреложной истинности. Земледѣльческая Индія не благоденствуетъ, а страдаетъ отъ постоянныхъ голодовокъ; земледѣльческое населеніе Ирландіи не благоденствуетъ, а бѣжитъ со своей родины; въ Англіи земледѣльческое населеніе не испытываетъ остраго страданія только потому, что численность его сокращается изъ года въ годъ, и бывшіе земледѣльцы поглощаются фабрикой или эмигрируютъ; земледѣльческое населеніе Франціи удерживается въ сноскомъ положеніи, благодаря примѣненію такихъ героическихъ средствъ, какъ ограниченіе рожденія дѣтей; земледѣльческое населеніе Германіи пользуется сравнительнымъ благосостояніемъ при томъ же условіи ограниченія числа земледѣльцевъ, но не физиологическимъ, а социальнымъ путемъ быстрого развитія промышленности и эмиграціи въ Америку. Почему же считается истиной, что поднятіе матеріальнаго благосостоянія русскихъ земледѣльцевъ не встрѣтитъ препятствій, стоявшихъ на пути улучшенія быта земледѣльцевъ въ другихъ государствахъ, и что производительность нашей земли можетъ быть поднята на такую высоту, что сельское хозяйство доставитъ достаточное обезпеченіе не только тѣмъ лицамъ, которыя привлечены къ нему въ настоящее время, но и тому потомству этихъ лицъ, которое не найдетъ примѣненія своихъ силъ въ области промышленнаго труда и будетъ увеличивать кадры земледѣльцевъ? Почему не рѣшаются утверждать чего-либо подобнаго относительно эксплуатаціи другихъ естественныхъ богатствъ? Почему, напр., не предполагаютъ удвоить и утроить разработку нашихъ нефтяныхъ источниковъ, каменноугольныхъ копей, залежей минераловъ и помѣстить въ эти отрасли промышленности тотъ избытокъ рабочихъ рукъ, какой

наблюдается въ сельскомъ хозяйствѣ? И если всякому ясно, что нельзя привлекать къ названнымъ отраслямъ промышленности больше рабочихъ силъ, чѣмъ это допускается спросомъ рынка на соответствующіе продукты,—а если бы можно было увеличить здѣсь число рабочихъ въ два и три раза, то подъ условіемъ пониженія производительности каждаго рабочаго и прекращенія техническихъ улучшеній,—если все это ясно, когда рѣчь идетъ о горной, фабричной и заводской промышленности,—почему всѣ эти соображенія исчезаютъ изъ нашего сознанія, когда рѣчь зайдетъ о сельскомъ хозяйствѣ?

Сельское хозяйство отличается отъ другихъ промысловъ тѣмъ, что доставляетъ человѣку продовольствіе. Поэтому, при наличности свободной земли, таковая будетъ заниматься всякимъ лицомъ, не пристроившимся къ другому промыслу. Но при товарномъ хозяйствѣ земледѣліе непосредственно обезпечиваетъ трудящемуся лишь средства его пропитанія; въ удовлетвореніи же другихъ своихъ потребностей земледѣлецъ, какъ и кустарь, будетъ зависѣть отъ сбыта своихъ произведеній, сводящихся болѣе и болѣе къ категоріи жизненныхъ припасовъ. По условіямъ даннаго быта, напримѣръ, земледѣлецъ будетъ находиться въ удовлетворительномъ положеніи, если выручитъ деньгами вдвое больше того, что стоятъ потребляемые имъ жизненные припасы. Для этого ему нужно имѣть двухъ покупателей. Тогда онъ можетъ поднять производительность земли настолько, чтобы получать натурою втрое больше того, что требуется для пропитанія его семьи. Но если по мѣстнымъ условіямъ земледѣлецъ имѣетъ лишь одного покупателя и можетъ выручить деньгами лишь половину того, что ему нужно,—онъ подыметъ производительность земли до уровня, при которомъ цѣнность всѣхъ получаемыхъ имъ продуктовъ будетъ лишь въ два раза превосходить стоимость потребляемыхъ имъ жизненныхъ припасовъ. Какъ бы ни была недостаточна такая выручка—у него нѣтъ средствъ увеличить ее, если, конечно, не предположить, что онъ побѣдетъ всѣхъ конкурентовъ на международныхъ рынкахъ и станетъ помѣщать туда свои товары.

Если съ этой точки разсмотрѣть положеніе русскаго земледѣльца по сравненію, напримѣръ, съ нѣмецкимъ, то мы найдемъ рѣзкое между ними различіе. Вслѣдствіе широкаго развитія промышленности неземледѣльческое населеніе Германіи въ два раза превышаетъ число земледѣльцевъ, и каждый земледѣлецъ имѣетъ двухъ покупателей своихъ продуктовъ. А вслѣдствіе слабаго развитія промышленности въ Россіи, земледѣльческое ея населеніе въ два раза многочисленнѣе промышленнаго и на двухъ земледѣльцевъ приходится одинъ покупатель. Нѣмецкій земледѣлецъ выручаетъ, поэтому, деньгами вдвое больше того, что стоятъ потребляемые имъ жизненные припасы; а русскій

получаетъ на внутреннемъ рынкѣ половину стоимости собственнаго потребления. Еслибы сравнимыя страны не ввозили и не вывозили земледѣльческихъ продуктовъ, то русскій земледѣлецъ имѣлъ бы въ четыре раза меньше денежныхъ средствъ, нежели нѣмецкій. Но такъ какъ нашъ сельскій хозяинъ работаетъ не только для внутренняго, но и для внѣшнихъ рынковъ, то его денежная выручка возрастаетъ. Увеличивая денежную выручку земледѣльца, внѣшняя торговля, однако, скорѣе закрѣпляетъ низкій уровень, чѣмъ способствуетъ возвышенію производительности нашей земли. Это—потому что 80% цѣнности вывозимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ принадлежатъ растительному царству, главнымъ образомъ, хлѣбамъ, между тѣмъ какъ наше хозяйство и безъ того страдаетъ отъ преобладанія зерновыхъ посѣвовъ и крайне слабого развитія животноводства. Ограниченное количество скота даетъ мало удобренія, а оно требуется въ увеличенномъ количествѣ, потому что, кромѣ посѣвовъ для нуждъ страны, мы еще растимъ хлѣбъ и для прокормленія иностранцевъ. Удобреніе $\frac{1}{2}$ части нашихъ полей, производящей хлѣба для вывоза за границу, должно поэтому совершаться на счетъ отбросовъ скотоводства, удовлетворяющаго внутреннюю потребность въ соответствующихъ продуктахъ. И такъ какъ этихъ отбросовъ совершенно недостаточно даже для восстановленія плодородія полей, истощаемыхъ для удовлетворенія внутренняго спроса на хлѣбъ, то понятно, какъ неблагоприятно долженъ отзываться на нашемъ хозяйствѣ фактъ необходимости удобрять, кромѣ того, и поля, воздѣлываемыя для иностранцевъ. Парализовать вредное вліяніе этого обстоятельства можно бы лишь соответствующимъ развитіемъ экспорта продуктовъ скотоводства; но на осуществленіе этого пожеланія не имѣется никакой надежды.

Къ развитію скотоводства на счетъ хлѣбныхъ посѣвовъ стремятся всѣ культурныя государства, и достигаютъ этого, развивая свою промышленность и ограждая хозяйство отъ конкуренціи иностранныхъ производителей таможенными пошлинами. Поэтому, главнѣйшія государства западной Европы потребляютъ ничтожныя количества иностранныхъ молочныхъ и мясныхъ продуктовъ, и только Великобританія, благополучіе которой основано на фабричной дѣятельности, ежегодно ввозитъ изъ-за-границы 50—60 милліоновъ пудовъ мясныхъ и 20 милліоновъ пудовъ молочныхъ продуктовъ. Но по слабленію англійскаго рынка мясными товарами интенсивное хозяйство Европы не въ состояніи конкурировать съ заатлантическими государствами, а половина требованія его на молочные продукты удовлетворяется Давіей и Канадой; другая половина распределяется по мелочамъ между десяткомъ поставщиковъ, причѣмъ на долю Россіи приходится $1\frac{1}{2}$ —2 милліона пудовъ. Мы вправѣ, поэтому, утверждать, что экс-

портъ продуктовъ нашего скотоводства не достигнетъ размѣровъ, обеспечивающихъ восстановление плодородія полей, истощаемыхъ по-сѣвами для иностранныхъ потребителей нашего хлѣба. А вѣдь развитіе скотоводства необходимо и для удобренія остальныхъ нашихъ полей.

Изъ всего только-что высказаннаго слѣдуетъ, что мы не имѣемъ надежды достигнуть въ ближайшемъ будущемъ такого увеличенія доходовъ отъ сельскаго хозяйства, которое обеспечивало бы безбѣдное существованіе нашему земледѣльцу. А если такъ, то возвышенія крайне низкихъ доходовъ послѣдняго слѣдуетъ достигать не путемъ только возвышенія урожайности его полей; нужно еще заботиться о производительномъ пригнѣненіи его труда во время, свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій. Необходимо, слѣдовательно, восстановление связи промысловъ и земледѣлія, разорванной господствующимъ хозяйственнымъ строемъ.

V.

Существующіе проекты упраздненія крупной частной собственности вызываютъ возраженія, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что это поведетъ къ уничтоженію хорошо поставленныхъ хозяйствъ, а при этомъ крестьяне лишатся образцовъ высшей культуры, которымъ до сихъ поръ они будто бы подражали, и производительность земли понизится. О возвращеніи на крупныя хозяйства, какъ на образцы для хозяйствъ мелкихъ, мы уже говорили; и теперь ограничимся на этотъ счетъ замѣчаніемъ, что сохраненіе такихъ хозяйствъ ради той ограниченной пользы, какую они въ этомъ смыслѣ приносятъ, было бы черезчуръ дорогой цѣной за науку. Сохраненіе крупныхъ культурныхъ хозяйствъ нивоимъ образомъ не исключало бы необходимости широкаго развитія общественной агрономіи со спеціальной цѣлью поднятія мелкаго земледѣлія; а при наличности общественныхъ агрономическихъ организацій образцовая роль культурныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ сводится къ минимуму. Иное дѣло—вопросъ объ упраздненіи крупныхъ хозяйствъ, какъ наиболѣе производительныхъ предприятий. Правда, съ раздробленіемъ крупныхъ имѣній на мелкіе участки, производительность земли понизится не пропорціонально площади уничтоженныхъ культурныхъ хозяйствъ, потому что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія поведетъ къ возрастанію крестьянскаго скотоводства и, слѣдовательно, удобренія для крестьянскихъ полей; что съ уменьшеніемъ платежей за землю у крестьянъ сохранятся средства для улучшенія инвентаря, а освобожденіе крестьянъ отъ

обработки по найму помещичьихъ полей позволить имъ все свое время посвящать собственному хозяйству. Тѣмъ не менѣе, есть основанія опасаться, что, побуждаемые нуждою въ деньгахъ и отсутствіемъ другихъ заработковъ, крестьяне черноземныхъ губерній стануть, какъ и нынѣ, искать увеличенія своихъ доходовъ въ расширеніи запашекъ на счетъ кормовыхъ угодій, и это поставитъ предѣлъ возрастанію ихъ скотоводства. Разрушеніе крупныхъ хозяйствъ поведетъ, кромѣ того, къ большимъ внезапнымъ пертурбаціямъ въ области народной производительности и въ сферѣ социальныхъ отношеній, такъ какъ съ раздробленіемъ крупныхъ хозяйствъ сразу произойдетъ измѣненіе установившагося соотношенія между различными культурами и выдвинется вопросъ объ устройствѣ двухъ милліоновъ рабочихъ, показавшихъ при переписи 1897 г., что они получаютъ средства къ жизни, нанимаясь на земледѣльческія работы. Этихъ батраковъ нужно будетъ, конечно, устроить въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ. А посадить сразу на землю такую массу хозяевъ, переселять ихъ для этого изъ одной мѣстности въ другую и снабдить ихъ инвентаремъ, быть можетъ усадьбными постройками и т. п., это такая трудно выполнимая и дорого стоящая операція, что совершенно естественнымъ представляется желаніе избѣжать ея или разсрочить на много лѣтъ.

Желаніе это можетъ получить удовлетвореніе, если крупныя помѣщичьи хозяйства не будутъ уничтожены, а лишь переданы въ общественное завѣдываніе и если рабочіе будутъ заинтересованы въ сохраненіи этихъ хозяйствъ участіемъ въ доходахъ послѣднихъ. Въ экономическомъ отношеніи это будетъ выгодноѣ раздробленія имѣній на множество мелкихъ и технически хуже поставленныхъ хозяйствъ, какъ потому, что крупное производство допускаетъ экономію затраты и рабочей силы, и живого и мертваго инвентаря, такъ и по причинѣ того, что рационально поставленное крупное хозяйство производительнѣе обычнаго типа нашихъ мелкихъ хозяйствъ. Участвующіе въ такомъ общественномъ хозяйствѣ рабочіе выручили бы, поэтому, вѣроятно большій доходъ, чѣмъ они имѣли бы въ качествѣ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, и хозяйство, кромѣ того, приносило бы чистый доходъ въ пользу общественной кассы. Общественное крупное хозяйство осуществило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идею образца для преобразованія хозяйства крестьянскаго и осуществило бы ее въ наиболѣе рациональномъ направленіи. Окрестные крестьяне, ознакомившись съ организацией хозяйства, съ его доходностью и способомъ веденія дѣлъ, и убѣдившись въ томъ, что данная форма производства приноситъ большіе доходы, чѣмъ ихъ мелкія хозяйства, могутъ пожелать приобщить свои земли къ данной организациіи и обрабатывать ихъ уже въ качествѣ участниковъ въ общественномъ предпріятіи. Наличие круп-

бовать избавить ихъ отъ бремени землевладѣнія, и тотъ социальный актъ, который оказалъ такое могучее вліяніе на общественное развитіе Японіи, хотя и поздно, будетъ осуществлень, наконецъ, и въ Россіи. Освободившаяся вслѣдствіе этого общественная энергія—сообразно задачамъ момента—въ Японіи была направлена на укрѣпленіе вѣшняго государственнаго могущества; въ Россіи она будетъ призвана къ работѣ внутренняго социальнаго переустройства.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1906.

Мнимое бездѣйствіе Государственной Думы.—Роль конституціонно-демократической партіи.—Меньшинство и парламентскія комиссіи.—Бездѣйствіе Государственнаго Совѣта.—Программа его „центра“.—Министерство Горемыкина; его законопроекты и его административная дѣятельность.—Рѣчь главнаго военнаго прокурора.—Рѣчи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.—Рѣчь кн. Урусова.—Положеніе періодической печати.—Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ.—Еще о программѣ партіи демократическихъ реформъ.

Со времени открытія Государственной Думы не прошло еще двухъ мѣсяцевъ—и, однако, въ числѣ нападокъ, которыми ее съ разныхъ точекъ зрѣнія осыпають, мы встрѣчаемъ обвиненіе въ бездѣйствіи. Не слишкомъ ли усердствуютъ обвинители? Чтò такое семь-восемь недѣль, въ виду важности и сложности задачъ, рѣшить которыя должна Дума? Собравшись послѣ длиннаго ряда отсрочекъ, она очутилась съ одной стороны передъ пустымъ пространствомъ, для заполнения котораго не было до нея сдѣлано ни шагу, съ другой стороны—передъ массой фактовъ, отвлекающихъ ее отъ главнаго ея призванія. *Пустое пространство*—это область законодательства. Первые законопроекты, заслуживающіе этого названія, внесены правительствомъ въ Думу только въ началѣ іюня; во всемъ остальномъ, даже самомъ неотложномъ, она по неволѣ должна была взять на себя законодательную инициативу, нагѣренно затрудненную текстомъ учрежденія Думы и еще болѣе затрудняемую образомъ дѣйствій министерства. *Масса фактовъ*—это накопившіяся въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и все еще не прекращающіяся беззаконія, совершаемыя или допускаемыя правительствомъ и вопіющія къ справедливости народныхъ представителей. Несмотря на столь неблагоприятныя условія, Государственная Дума сдѣлала, въ короткое время, далеко не мало. Она изложила, въ формѣ отвѣта на

тронную рѣчь, программу своей будущей дѣятельности; она выяснила, путемъ продолжительныхъ преній, главные взгляды на аграрный вопросъ и облегчила, тѣмъ самымъ, задачу избранной ею аграрной комиссіи; она рассмотрѣла и утвердила значительную часть наказа, который долженъ служить ей руководствомъ въ ея занятіяхъ; она положила начало осуществленію „свободъ“, обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября, но скорѣе извращенныхъ, чѣмъ обеспеченныхъ послѣдующими правительственными актами; она высказалась, въ принципѣ, за полную отмѣну смертной казни; она рассмотрѣла множество запросовъ, относящихся къ отдѣльнымъ правонарушеніямъ, и подготовила систематическое изслѣдованіе административныхъ злоупотребленій.

Этого простого перечня достаточно, чтобы снять съ Думы упрекъ въ „недѣланіи“. Еще болѣе убѣдительною ея защитой можетъ послужить небольшая историческая справка. Богаты ли были положительными результатами первые два мѣсяца дѣятельности перваго французскаго учредительнаго собранія, если и считать ее не со времени созыва генеральныхъ штатовъ, а со времени сліянія, совершившагося въ концѣ іюня 1789-го года? Ночь 4-го августа была только великодушнымъ порывомъ, плоды котораго нужно было еще облечь въ форму законодательныхъ актовъ. Декларация правъ гражданина и челоуѣка, составленіе которой было значительно облегчено примѣромъ съвероамериканскихъ штатовъ, была утверждена уже по истеченіи вышеупомянутаго періода времени. Всѣ остальные труды собранія находились, къ концу августа, въ зачаточномъ состояніи. А между тѣмъ, съ половины іюля собраніе не встрѣчало болѣе никакихъ помѣхъ со стороны исполнительной власти. Еще менѣе производительны были первые два мѣсяца сессіи національнаго конвента. Учредительное собраніе 1848-го года открылось 5-го мая; до іюньскихъ дней, прервавшихъ правильныя его занятія, прошло почти два мѣсяца, въ теченіе которыхъ имъ не было сдѣлано ничего существенно важнаго. Медленность франкфуртскаго парламента вошла въ пословицу; для окончанія единственной его работы—проекта имперской конституціи—ему понадобился, при полномъ почти отсутствіи внѣшнихъ препятствій, безъ малаго годъ. Сумма трудовъ прусскаго національнаго собранія, продолжавшихся около полугода, оказалась крайне незначительною. Вѣнскій парламентъ, засѣдавшій— правда, съ большимъ перерывомъ—слишкомъ семь мѣсяцевъ, успѣлъ разрѣшить только крестьянскій вопросъ. Не странно ли, затѣмъ, ожидать отъ нашей Государственной Думы неудержимо быстраго шествія впередъ, безостановочнаго, ни на минуту не оскудѣвающаго творчества? Предстоящее ей дѣло можно сравнить, по его громадному объему и громадной трудности, только съ тѣмъ, которое было совершено первымъ фран-

цзскимъ учредительнымъ собраніемъ — а оно засѣдало болѣе двухъ лѣтъ, при обстоятельствахъ во многомъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ существующія у насъ въ настоящее время.

За упреками въ медленности скрывается иногда нѣчто другое: Думѣ ставить въ вину ея рѣшимость не сходить съ легальной почвы. Наиболѣе послѣдовательные ея противники находятъ, что ей слѣдовало бы открыто стать на революціонную дорогу, провозгласивъ себя учредительнымъ собраніемъ, — или требуя немедленнаго производства новыхъ выборовъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія — или, по меньшей мѣрѣ, игнорируя все ограничивающее ея свободу, не стѣсняясь учрежденіемъ 20-го февраля. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности и желательности насильственнаго переворота — вопросъ, отрицательное разрѣшеніе котораго въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, — посмотримъ, въ какой степени логиченъ и дѣлсообразенъ былъ бы революціонный образъ дѣйствій самой Думы. Значительное большинство ея членовъ выбрано для мирной работы, для смѣлыхъ и широкихъ преобразованій, но не для уничтоженія всего существующаго строя. Наибольшій успѣхъ не случайно выпалъ на долю партіи, прямо высказавшейся за конституціонную монархію. Систематически и тенденціозно уклонились отъ участія въ выборѣ Думы только небольшія, сравнительно, группы городскихъ рабочихъ. Оставаясь вѣрною самой себѣ и возложенной на нее задачѣ, Государственная Дума не могла, слѣдовательно, присвоить себѣ роль учредительнаго собранія, все созидающаго заново. Всякая попытка въ этомъ направленіи могла повлечь за собою прекращеніе дѣйствій Думы, т. е. потерю послѣдняго, быть можетъ, шанса вывести страну, безъ дальнѣйшихъ потрясеній, изъ невыносимо-тяжелаго положенія, продолжающагося уже почти два года. Что исчезновеніе Думы послужило бы исходной точкой гражданской войны, безпримѣрной по своей продолжительности и ожесточенности — въ этомъ можно быть вполне увѣреннымъ: не поддается предвидѣнію только ея конечный исходъ. Каковъ бы онъ ни былъ, Россія надолго осталась бы изнуренной, обезсиленной и обнищавшей. Отвѣтственности за такое будущее не могла, очевидно, взять на себя Государственная Дума.

Менѣе рѣзкіе, но аналогичные результаты могло бы имѣть и требованіе немедленнаго производства новыхъ выборовъ, равносильнаго прекращенію дѣятельности Думы. Еслибы это требованіе не было уважено, положеніе вещей сразу получило бы революціонный характеръ; еслибы оно было исполнено, все было бы опять поставлено на карту. Составъ новой Думы зависѣлъ бы, отчасти, отъ хода событій до и во время выборовъ, отъ вліяній, которымъ удалось бы приобрести преобладающую силу. Какія это были бы вліянія — заранѣе предсказать нельзя.

Всеобщая подача голосовъ иногда обманываетъ всё разсчеты, даже тамъ, гдѣ она давно вошла въ обычай; еще большихъ сюрпризовъ можно было бы ожидать отъ нея у насъ, на новой, мало подготовленной почвѣ, въ особенности еслибы избирательное право было распространено на женщинъ, составляющихъ, въ этомъ отношеніи, совершенно загадочную величину. Государственная Дума, вышедшая изъ мартовскихъ и апрѣльскихъ выборовъ, глубоко проникнута преобразовательнымъ духомъ; остановить ее въ самомъ началѣ ея дѣятельности—значило бы промѣнять вѣрное на невѣрное и, быть можетъ, потерять все, стремясь сразу достигнуть слишкомъ многого.

Мы говорили до сихъ поръ о полной, рѣшительной ломкѣ рамокъ, въ которыя поставлена Государственная Дума; посмотримъ теперь, къ чему могло бы привести частичное ихъ нарушеніе. Представимъ себѣ, на примѣръ, что крайней лѣвой удалось бы настоять, въ концѣ мая, на безотлагательномъ разсмотрѣніи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, вопреки ст. 55—57 учрежденія Государственной Думы. Одно изъ двухъ: или это было бы признано актомъ революціоннымъ—и въ такомъ случаѣ наступилъ бы кризисъ, неблагоприятный для освободительнаго движенія уже потому, что народной массѣ не была бы достаточно ясна причина, заставившая Думу идти на встрѣчу открытому разрыву; или ничего не измѣнилось бы въ положеніи правительства и Думы—и это было бы невыгодно для послѣдней, потому что ширинѣ ея размаха слишкомъ мало соответствовала бы сила удара. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, принятый Думою безъ соблюденія установленнаго порядка, явился бы, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ *резолуціей*, выражающей *мнѣніе* Думы; обязательнымъ для всѣхъ *закономъ* онъ все-таки сталъ бы только тогда, когда были бы пройдены всѣ фазисы парламентской процедуры. вмѣсто ускоренія получилось бы, вѣроятно, замедленіе желаннаго результата.

Есть между обвинителями Думы и такіе, которые, не рекомендуя ей немедленнаго перехода къ революціоннымъ дѣйствіямъ, находятъ ее недостаточно рѣшительной и смѣлой. Къ этой категоріи принадлежитъ редакція „Двадцатаго Вѣка“. Пользуясь излюбленнымъ ею приемомъ повторенія, она неоднократно ставитъ своимъ читателямъ рядъ вопросовъ, заключающихъ въ себѣ, вмѣстѣ съ осужденіемъ Думы, указаніе на тактику, которой ей надлежало бы держаться. „Думаете ли вы“—сказано въ одномъ изъ такихъ обращеній,—„что Дума въ правѣ ограничиться законопроектирующею дѣятельностью? Въ правѣ ли она только формулировать желанія народа, не дѣлая доступныхъ ей активныхъ шаговъ для ихъ скорѣйшаго практическаго осуществленія? Считаете ли вы *представленіе* или *обращеніе* къ монарху своевременнымъ и необходимымъ шагомъ для прекращенія продолжающихся

бѣдствій страны? Полагаете ли вы, что законопроектирующія пренія Думы болѣе объединять съ нею страну, чѣмъ пренія о содержаніи и подробностяхъ *представленія*, въ которомъ должна быть дана картина современныхъ бѣдствій Россіи"? „Поставить вопросъ о бюрократіи“ — читаемъ мы въ той же газетѣ — „прямо и непосредственно передъ лицомъ верховной власти, ожидая тутъ же окончательнаго отвѣта, Дума боится“. Итакъ, „активной мѣрой“ со стороны Думы должно явиться „представленіе“ монарху, въ которомъ былъ бы прямо поставленъ, между прочимъ, вопросъ объ уничтоженіи бюрократической системы управленія. Но развѣ Дума не начала свою работу именно съ такого представленія, облеченнаго въ форму адреса? Развѣ въ этомъ представленіи не была подчеркнута необходимость отвѣтственности министровъ передъ Думой — отвѣтственности, полагающей конецъ всевластію бюрократіи? И на чемъ основано предположеніе, что „законопроектирующія пренія“ меньше способствуютъ объединенію Думы и народа, чѣмъ способствовали бы ему пренія о „представленіи“? Развѣ, напримѣръ, изъ дебатовъ по аграрному вопросу не сложилась поразительная картина нужды, обусловливаемой земельнымъ голодомъ? Развѣ на бѣдствія народа и ихъ главныя причины не былъ еще раньше пролить яркій свѣтъ преніями объ адресѣ? Почему разработка законопроектовъ, точно и ясно опредѣляющихъ способы устраненія этихъ бѣдствій, должна считаться менѣе „активной“ мѣрой, чѣмъ составленіе „представленія“, въ которомъ неизбѣжно нашли бы мѣсто только общія указанія?... Или, быть можетъ, центръ тяжести требованія, такъ настойчиво предъявляемаго къ Думѣ „Двадцатымъ Вѣкомъ“, заключается въ передачѣ „представленія“ непосредственно верховной власти и въ ожиданіи отъ нея *немедленно* отвѣта? Но вѣдь выборъ этого пути зависитъ не отъ одной Думы. Именно его она намѣчала для отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, — но ея намѣреніе оказалось неисполнимымъ. Столь же непреодолимая препятствія она могла бы встрѣтить и въ томъ случаѣ, еслибы рѣшилась послѣдовать совѣту „Двадцатаго Вѣка“. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, какъ слѣдовало бы реагировать на отказъ въ принятіи „представленія“ Думы или въ удовлетвореніи изложенныхъ въ немъ желаній. На этотъ вопросъ „Двадцатый Вѣкъ“ не даетъ прямого отвѣта; но его подсказываетъ самая сущность дѣла. Прервавъ свою „законопроектирующую“ работу, какъ недостаточно „активную“ и, слѣдовательно, бесполезную, Дума не могла бы уже къ ней возвратиться и должна была бы перейти къ образу дѣйствій, опасность котораго мы старались показать выше.

Рука объ руку съ нападками на Думу идутъ нападки на конституціонно-демократическую партію. И это вполне понятно: хотя „ка-

деты“ и не располагаютъ въ Думѣ абсолютнымъ большинствомъ, но они многочисленнѣе всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ, взятыхъ отдѣльно, и всего сильнѣе вліяютъ на ходъ и исходъ преній. Къ нимъ принадлежитъ весь президіумъ Думы; въ ихъ средѣ всего больше даровитыхъ ораторовъ и неутомимыхъ работниковъ; отъ нихъ идетъ большая часть законопроектовъ, вносимыхъ въ Думу. „Кадетамъ“ часто ставятъ въ вину готовность подчиняться рѣшеніямъ, постановляемымъ партией ихъ внѣ Думы, рѣзко выраженное стремленіе къ преобладанію въ Думѣ, преувеличеніе требованій, вытекающихъ изъ понятія о партійной дисциплинѣ. Насколько справедливы эти упреки—мы здѣсь разбирать не будемъ; насъ интересуетъ теперь только общій характеръ дѣятельности партіи. Не входя въ ея составъ и не во всемъ съ нею соглашаясь, мы признаемъ за нею крупныя историческія заслуги. Во время выборнаго періода она очень много содѣйствовала не только организаціи оппозиціонныхъ элементовъ, но и распространенію оппозиціоннаго духа; въ Думѣ она стала во главѣ движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ умирала, сдерживала его въ критическіе моменты, сохраняла за нимъ его мирныя свойства. Благодаря, главнымъ образомъ, ей Дума не переступала до сихъ поръ той черты, за которой возникаетъ опасность конфликта—преждевременнаго, легкомысленнаго, въ которомъ право не было бы всецѣло на сторонѣ Думы. Совершенно естественно, что противъ конституціонно-демократической партіи озлоблены всѣ тѣ, кто вѣритъ въ неизбежность насильственнаго переворота и старается ускорить его во что бы то ни стало; но нельзя не удивляться тому, что на „кадетовъ“ обрушиваются газеты въ родѣ „Двадцатаго Вѣка“, обвиняя ихъ въ нарушеніи обязательствъ, данныхъ во время выборной кампаніи. Немедленное достиженіе цѣлей, намѣченныхъ партией, зависитъ не отъ нея одной; она могла только обѣщать, что будетъ стремиться къ этимъ цѣлямъ—и такому обѣщанію до сихъ поръ не измѣняла.

Что конституціонно-демократическая партія не расположена систематически злоупотреблять своей силой—доказательствомъ этому служитъ эпизодъ, происшедшій въ засѣданіи Думы 29-го мая, при обсужденіи способа избранія думскихъ комиссій. Мнѣнію графа Гейдена, отстаивавшаго право меньшинства быть представленнымъ въ комиссіяхъ, депутатъ Щепкинъ, принадлежащій къ конституціоналистамъ-демократамъ, противопоставилъ слѣдующій рядъ аргументовъ. Большинству въ палатѣ соответствуетъ большинство въ странѣ; законодательство осуществляется большинствомъ; отрицаніемъ этого принципа является, слѣдовательно, утвержденіе, что въ работахъ комиссій должны принимать участіе представители меньшинства. „Если мы“—продолжалъ г. Щепкинъ—„допускаемъ къ участію въ нашихъ ком-

интересахъ представителей меньшинства, то мы допускаемъ ихъ по столько, по сколько это намъ *потребно*; а это намъ *потребно* для того, чтобы знать тѣ возраженія, которыя намъ можетъ сдѣлать меньшинство, съ какими пренятствіями намъ придется считаться и какія уступки отъ насъ потребууетъ меньшинство, какія уступки мы, можетъ быть, ему сдѣлаемъ. Мы въ правѣ намѣтить тѣхъ представителей меньшинства, со взглядами которыхъ мы желаемъ наиболѣе считаться. Точка зрѣнія гр. Гейдена подкапывается подъ принципъ управленія посредствомъ парламентскаго большинства“. Мы думаемъ наоборотъ, что подкапывается подъ основы парламентской жизни точка зрѣнія г. Щепкина. Важно не то, что *потребно* для большинства; важно то, что ведетъ къ всестороннему выясненію и освѣщенію вопросовъ, разсматриваемыхъ парламентомъ. Съ этой именно цѣлью учреждаются парламентскія комиссіи, съ этой цѣлью отводятся въ нихъ мѣсто представителямъ меньшинства. Выслушивать послѣднихъ представители большинства должны не для того, чтобы заранѣе приготовиться къ опроверженію ихъ взглядовъ, а для того, чтобы опредѣлить, не заключается ли въ этихъ взглядахъ доля истины, которую слѣдуетъ принять во вниманіе при составленіи законопроекта. Другими словами, большинство не должно смотрѣть на все и на всѣхъ съ своей партійной точки зрѣнія. Своимъ господствующимъ положеніемъ оно должно пользоваться не только для того, чтобы приобрѣсти или сохранить власть, но и для того, чтобы согласовать проводимые имъ законопроекты съ широко понимаемымъ общимъ благомъ. Въ этомъ ему можетъ помочь меньшинство, открывая новыя точки зрѣнія, выставляя на видъ мало извѣстные или забытые факты. Принимая то или другое предложеніе меньшинства, большинство не всегда дѣлаетъ *уступку*, не всегда заключаетъ компромиссъ; бывають случаи, когда оно убѣждается въ своей неправотѣ и вноситъ поправку въ свои первоначальныя предположенія. Особенно удобной почвой для совмѣстной работы большинства и меньшинства служатъ именно подготовительныя комиссіи. Въ общемъ собраніи палаты сталкиваются между собою созрѣвшія мнѣнія, выработанные проекты; стремленіе къ побѣдѣ, часто разгорающееся со всею силой страсти, оставляетъ сравнительно мало мѣста для соглашеній. Другое дѣло—комиссія: здѣсь ничего еще не рѣшено, здѣсь будущіе противники во многомъ могутъ оказаться союзниками, вмѣстѣ ищущими лучшаго. Понятно, затѣмъ, что выборъ въ комиссію долженъ упасть не на тѣхъ членовъ меньшинства, которыхъ находить для себя особенно *удобными* большинство, а на тѣхъ, кому, при данныхъ условіяхъ, всего больше довѣряетъ и кого всего больше цѣнить само меньшинство. Въ глазахъ г. Щепкина избраніе представителей меньшинства—

актъ милости, снисхожденія со стороны большинства, отъ котораго, поэтому, и долженъ зависѣть выборъ лицъ, наиболѣе для *него* подходящихъ; мы думаемъ, что это—актъ справедливости и мудрости, не допускающій никакихъ стѣсненій свободы меньшинства. Принципу „управленія посредствомъ парламентскаго большинства“ защищаемая нами точка зрѣнія нисколько не противорѣчитъ: комиссія ничего окончательнаго не постановляютъ, заключенія ихъ не обязательны для палаты, большинству которой во всякомъ случаѣ принадлежитъ право послѣдняго, рѣшающаго слова... Мнѣніе г. Щепкина оказалось единичнымъ: никто не поддержалъ его, ему сильно возражали товарищи его по партіи—депутаты Винаверъ, Петражицкій, Езерскій. На самомъ дѣлѣ распредѣленіе мѣстъ въ думскихъ комиссіяхъ до сихъ поръ не всегда было строго пропорціонально сравнительной численности группъ или партій—но не было еще, кажется, случая, когда меньшинство осталось бы вовсе безъ представителей въ комиссіи или были бы выбраны туда изъ его среды не тѣ лица, которыхъ намѣтило само меньшинство.

Мы старались показать, что никакихъ серьезныхъ упрековъ ни Думѣ, разсматриваемой какъ одно цѣлое, ни господствующей въ ней партіи сдѣлать нельзя—и что меньше всего она можетъ быть обвиняема въ бездѣйствіи. Бездѣйствуетъ, абсолютно и откровенно, только наша „верхняя палата“. Утвердивъ, послѣ короткихъ преній, отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, Государственный Совѣтъ собрался еще одинъ разъ, для повѣрки полномочій выборныхъ его членовъ—и затѣмъ прекратилъ на неопредѣленное время, всякую дѣятельность. Объясняется это, вѣроятно, сознаніемъ непримиримаго противорѣчія между Совѣтомъ и Думой—противорѣчія, устраняющаго возможность предполагать, что проектъ, составленный Государственнымъ Совѣтомъ, будетъ хотя бы отчасти усвоенъ Думой. Нормально ли такое положеніе вещей? Не указываетъ ли оно на первородный грѣхъ въ самой организациі Государственнаго Совѣта? Соответствуетъ ли оно критическому моменту русской государственной жизни, когда пали преграды, слишкомъ долго обрекавшія ее на неподвижность, когда стремленіе впередъ можно еще урегулировать, но нельзя остановить? Верхнія палаты, близкія, по своему типу, къ нашему Государственному Совѣту, существуютъ во многихъ западно-европейскихъ государствахъ, но учреждены онѣ были болѣею частью при совершенно иныхъ условіяхъ и съ иною цѣлью. Въ Италіи, напримѣръ, назначаемый королемъ сенатъ является преемникомъ піемонтской верхней палаты, образованной Карломъ-Альбертомъ въ эпоху національнаго подъема и сразу примкнувшей къ освободительному движенію. Не для того,

чтобы играть роль тормазы, былъ созданъ и испанскій сенатъ, отчасти избираемый, отчасти назначаемый. У насъ Государственный Совѣтъ получилъ свое настоящее устройство въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда уславивались и брали верхъ реакціонныя теченія. Въ его составъ вошли почти всѣ члены прежняго Государственнаго Совѣта, свыкшіеся съ старымъ режимомъ и, за немногими исключеніями, прониженные его традиціями. Недалеко ушло отъ нихъ и большинство выборныхъ членовъ. Губернскія земскія собранія были призваны къ производству выборовъ какъ разъ тогда, когда они, чувствуя себя опереженными движеніемъ, начали измѣнять—опять-таки за немногими исключеніями—завѣтамъ общеземскихъ сѣздовъ. Дворянскія собранія остались, наоборотъ, вѣрными самимъ себѣ—и въ результатъ получилось отсутствіе всякой демаркаціонной черты между назначенными и выборными членами Государственнаго Совѣта. Очень небольшую прогрессивную группу образовали представители академіи и университетовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими земскими дѣятелями—столь небольшую, что ей нельзя было и думать объ активной роли. А между тѣмъ, передъ верхней палатой, не оторванной искусственно отъ почвы, изъ которой выросло народное представительство, могло бы открыться обширное поприще. Принявъ на себя разработку одной части очередныхъ вопросовъ, она могла бы значительно ускорить ихъ разрѣшеніе, а слѣдовательно, и наступленіе спокойствія, въ которомъ такъ давно нуждается страна.

Какъ недостаточны добрыя намѣренія, когда они не соединены съ широкими государственными видами и съ вѣрнымъ пониманіемъ минуты—объ этомъ даетъ понятіе обнародованная программа „центра“ Государственнаго Совѣта. Охраненіе и законотворное развитіе конституціонно-монархическихъ началъ; охраненіе цѣлости и недѣлимости государства, при условіи признанія началъ равноправности и уваженія культурныхъ особенностей племенъ и народностей, его населяющихъ; развитіе и распространеніе началъ самоуправленія; уваженіе къ порядку и закону, какъ необходимое условіе свободы; широкое насажденіе просвѣщенія всѣхъ степеней; экономическія реформы, направленные къ подъему благосостоянія всѣхъ классовъ населенія, въ особенности земледѣльческаго и рабочаго; законность дѣйствій правительства; полная независимость и самостоятельность суда—вотъ главные пункты этой программы, допускающей безконечное множество разнообразныхъ толкованій. Что понимаютъ составители ея подъ развитіемъ конституціонно-монархическихъ началъ? Какъ они относятся къ отвѣтственности министровъ, къ бюджетнымъ и другимъ правамъ народнаго представительства, къ организаціи верхней палаты? Что они думаютъ объ автономіи окраинъ, какъ рисуютъ себѣ будущее устройство мѣстнаго самоуправленія? Считаютъ ли они необходимымъ

общедоступность, а затѣмъ и обязательность начальнаго обученія? Допускаютъ ли они принудительное отчужденіе части владѣльческихъ земель и дальнѣйшую регламентацію рабочаго дня? Чѣмъ они имѣютъ въ виду обезпечить закономѣрность правительственной дѣятельности и самостоятельность суда? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ программа „центра“ не даетъ отвѣта, нигдѣ не выходя изъ области общихъ мѣстъ, ни въ чемъ не отрывая дороги къ соглашенію съ Государственной Думой. Понятно, при такихъ условіяхъ, выжидательное положеніе, занятое Государственнымъ Совѣтомъ; но вѣдь рано или поздно ему придется изъ него выйти—и тогда необходимость другой, иначе составленной, иначе дѣйствующей верхней палаты обнаружится еще ярче.

Бросимъ теперь взглядъ на третьяго участника парламентской жизни—на министерство. И у него былъ періодъ „недѣланія“, продолжавшійся довольно долго. Нарушено оно было, прежде всего, такимъ дѣйствіемъ, которое было хуже бездѣйствія: въ Государственную Думу былъ внесенъ законопроектъ объ устройствѣ при юрьевскомъ университетѣ прачешной и оранжереи. Это можно было бы считать чѣмъ-то въ родѣ комическаго интермедо въ весьма серьезной драмѣ, еслибы не такъ неудачно была выбрана для него минута: непосредственно слѣдуя за деклараціей 13-го мая, невинный самъ по себѣ законопроектъ былъ слишкомъ похожъ на надѣвательство надъ Государственной Думой. Болѣе содержательны законопроекты, представленные въ Думу, нѣсколько недѣль спустя, министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ; но использованы Думой, при ея настоящемъ настроеніи, могутъ быть развѣ предложенія, направленные къ возстановленію мироваго суда и къ усиленію отвѣтственности должностныхъ лицъ. Самыхъ звучныхъ вопросовъ министерство либо не касается вовсе, либо касается такъ, что за нимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ пойти громадное большинство Думы. Нельзя быть увѣреннымъ даже въ томъ, что министерскіе законопроекты будутъ приняты Думой къ своему разсмотрѣнію. Намъ кажется, что происхожденіе законопроекта не должно служить поводомъ къ его отклоненію или игнорированію, развѣ что онъ несомнѣнно направленъ къ разрыву съ старыми порядками. Чѣмъ скорѣе, наприимѣръ, будетъ упраздненъ институтъ земскихъ начальниковъ, тѣмъ лучше; не слѣдуетъ, поэтому, отталкивать заносимую надъ нимъ руку, хотя бы это была рука одного изъ коллегъ г. Горемыкина. Выраженіе недовѣрія къ министерству остается въ полной силѣ, хотя бы и былъ разсмотрѣнъ—или даже принятъ—тотъ или другой министерскій законопроектъ: вѣдь не впадаетъ же Дума въ противорѣчіе сама съ собою, дѣлая запросы осужденному ей министерству. Такова наша личная точка зрѣнія; но мы не будемъ

удивлены, если Дума взглянетъ на дѣло иначе и откажется отъ обсуждения законопроектовъ, внесенныхъ министерствомъ Горемыкина-Стишинскаго, къ чему бы они ни относились и что бы въ себѣ ни заключали. Слишкомъ велика пропасть, лежащая между образомъ дѣйствій министерства и минимальными требованіями конституціоннаго строя.

Послѣ всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось „усмиреніе“ при министерствѣ Витте-Дурново, первую потребностью страны было возвращеніе къ законности, устраненіе чрезвычайныхъ судовъ, прекращеніе экстраординарныхъ каръ, снятіе чрезвычайной и усиленной охраны, раскрытіе тюремъ, переполненныхъ въ силу судебныхъ приговоровъ и административныхъ распоряженій. Эту потребность ярко выразилъ отвѣтный адресъ Государственной Думы. Въ министерской деклараціи 13-го мая было признано, что „обновленіе нравственнаго облика земли русской немыслимо безъ водворенія истинныхъ началъ законности“. На самомъ дѣлѣ, однако, все осталось по старому. Военному суду предавались лица, не имѣющія ничего общаго съ войскомъ; смертные приговоры не только постановлялись, но и исполнялись—исполнялись даже послѣ того, какъ Дума почти единогласно высказалась за отиѣну смертной казни; лишеніе свободы, въ видѣ заключенія подъ стражу и высылки въ отдаленные края, практиковалось администраціей въ широкихъ размѣрахъ; ожиданіе амнистіи оказалось тщетнымъ. Положеніе дѣлъ, и прежде тяжело отзывавшееся не на однихъ его жертвахъ, сдѣлалось нестерпимымъ, когда собралась и возвысила свой голосъ Государственная Дума. Въ конституціонномъ государствѣ, каковымъ—что бы ни говорили закоренѣлые приверженцы старины,—стала Россія, слишкомъ очевидной аномаліей является господство произвола. Одною изъ худшихъ его формъ, хотя и прикрытою закономъ, слѣдуетъ признать право генералъ-губернатора не допускать касационной жалобы на приговоръ военнаго суда. И вотъ, Думѣ пришлось услышать, въ отвѣтъ на ея попытку спасти нѣсколько человѣческихъ жизней, простую ссылку на это право! Ничѣмъ, въ данномъ случаѣ, не оправдывалось его примѣненіе; не было никакой причины торопиться, не было и тѣни *periculi in mora*; необходимо было, наоборотъ, продлить производство, чтобы увеличить шансы помилованія. И кто же повѣритъ, что военный министръ не могъ бы, еслибы захотѣлъ, настоять на открытіи осужденнымъ доступа къ главному военному суду или еще дальше, къ престолу Государя? Понятно, поэтому, глубокое негодованіе, вызванное рѣчью главнаго военнаго прокурора.... Менѣе черствымъ, менѣе самоувѣреннымъ былъ отвѣтъ, данный министромъ юстиціи, 8-го іюня, на обращенные къ нему запросы; и онъ, однако, остался вѣренъ холодному формализму, усвоенному

министерствомъ; и, выгораживая своихъ подчиненныхъ, не нашелъ ни одного слова неодобренія для порядка, при которомъ возможно безграничное расширеніе сферы дѣйствій военнаго суда.

Выгодно отличаясь отъ заявленій, съ которыми раньше выступали министры и ихъ уполномоченные, рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная въ засѣданіи 8-го іюня, обнаружила съ еще болѣею, быть можетъ, ясностью ненормальность позиціи, занятой министерствомъ Горемыкина-Стишинскаго. Не считая возможнымъ защищать своихъ предшественниковъ, признавая себя обязаннымъ отвѣчать только на тѣ запросы, которые относятся ко времени управленія нынѣшняго кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ вышелъ, однако, изъ намѣченныхъ имъ самимъ предѣловъ — и не могъ, въ сущности, поступить иначе: преемственность политики влечетъ за собою преемственность отвѣтственности. Не оправдывая, но извиняя дѣйствія жандармскаго офицера, совершенныя въ декабрѣ прошлаго года, г. Столыпинъ выразилъ убѣжденіе, что юридически этотъ офицеръ виновенъ не былъ, такъ какъ „воззванія его, призывавшія къ погрому, къ такому не привели“. Какъ! — по ст. 129-ой уголовнаго уложенія подлежитъ наказанію авторъ статьи, возбуждающей къ совершенію тяжкаго преступленія, хотя бы статья эта не возымѣла никакого дѣйствія, хотя бы она, вслѣдствіе послѣдней конфискаціи газетнаго нумера, почти никѣмъ не была прочитана — а должностное лицо, на обязанности котораго лежитъ поддержаніе спокойствія и порядка, не отвѣчаетъ, юридически, за напечатаніе и распространеніе воззванія къ погрому, случайно оставшагося безъ послѣдствій! Его начальство въ правѣ ограничиться строгимъ внушеніемъ, за которымъ, повидимому, не послѣдовало даже удаленіе отъ должности! И такой взглядъ проводить, съ каедръ, министръ, провозглашающій необходимость „оградить спокойствіе и охранять свободу“! Не ясно ли, что истинной охраной этихъ благъ нельзя ожидать отъ министерства, унаслѣдовавшаго традиціи и взгляды до-конституціонной эпохи?

Департаментъ полиціи, по словамъ г. Столыпина, „не оборудовалъ преступной типографіи“. Бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Урусовъ, отвѣчавшій въ Думѣ на рѣчь г. Столыпина, доказалъ неопровержимо, что такая типографія была оборудована, съ вѣдома тѣхъ, „кому это вѣдать надлежало“ — и закрытіе ея состоялось только тогда, когда о существованіи ея узналъ гр. Витте. „Никто изъ насъ“ — воскликнулъ кн. Урусовъ — „никогда не узнаетъ тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія этой широкой организаци, обеспечивали ея участникамъ безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ чиновъ и, наконецъ, имѣли такую власть, что находили возможнымъ исклопатывать для болѣе отличившихся

награды и повышенія“. Къ этому вопросу мы позволяемъ себѣ отнестись менѣе скептически, чѣмъ кн. Урусовъ. Нѣмецкая поговорка гласитъ, что нѣтъ такого тайнаго дѣла, котораго рано или поздно не озарилъ бы солнечный свѣтъ. Когда надъ Россіей взойдетъ солнце правды, его лучи проникнутъ и туда, гдѣ царитъ теперь тщательное спускаемый мракъ... Главное, впрочемъ, сдѣлано уже теперь, благодаря въ особенности князю Урусову. Кто именно виноватъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—это вопросъ второстепенный: важно доказать наличность вины и ея тѣснѣйшую связь съ господствовавшей и донынѣ еще въ значительной мѣрѣ господствующей системой. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно цѣнна та часть рѣчи князя Урусова, которая касается происхожденія погромовъ. Она бросаетъ яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и на настоящее. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно такъ, какъ описываетъ князь Урусовъ, произошелъ погромъ и въ Вѣлютокахъ. Можно сказать утвердительно, что министерству Горемыкина-Столыпина онъ не былъ нуженъ и не могъ быть приятенъ—и все-таки онъ совершился, потому что слишкомъ много накопилось на мѣстахъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, горючаго матеріала и слишкомъ широко распространилось умѣнье обращать его въ пламя пожара. Въ Вѣлютокахъ, какъ прежде въ Кишиневѣ или Гомелѣ, дѣятельность „темныхъ силъ“ находила благоприятную почву въ „дезорганизаціи и деморализаціи власти“.

„Мы не имѣемъ никакихъ гарантій“—такъ закончилъ кн. Урусовъ свою замѣчательную рѣчь—, относительно прекращенія дѣятельности преступныхъ противоправительственныхъ организацій и относительно того, что въ нихъ не будутъ принимать участія лица, состоящія на государственной службѣ... Никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Государственной Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди или темныя силы, стоящія за недосыгаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми, производя какія-то вивисекціи... На насъ (т.-е. на Государственную Думу) ополчаются тѣ же невѣдомыя темныя силы и лишаютъ насъ возможности работать въ томъ единеніи съ верховною властью, которое является и необходимымъ залогомъ успѣха нашей работы, и необходимымъ залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни“. Къ этимъ глубоко вѣрнымъ словамъ мы сдѣлаемъ только одну оговорку. Да, положить конецъ вмѣшательству и власти „темныхъ силъ“ нелегко будетъ даже министерству, взятому изъ состава Государственной Думы или состоящему въ полной гармоніи съ ея большинствомъ; тѣмъ не менѣе оно можетъ и должно спра-

виться съ этой задачей. *Можетъ*, потому что на его сторонѣ будетъ стоять Дума, поддерживаемая народомъ; *должно*, потому что отъ успѣшнаго окончанія борьбы зависитъ все будущее Россіи.

Самымъ лучшимъ мѣриломъ впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью князя Урусова, служить безмѣрная злоба, которую она возбудила въ реакціонной печати. Всего дальше въ этомъ направленіи идутъ, какъ всегда, „Московскія Вѣдомости“. Объясняя образъ дѣйствій князя низменнымъ честолюбіемъ, онѣ называютъ его „перебѣжчикомъ въ ряды злѣйшихъ враговъ Россіи“, которымъ онъ доставилъ „новое орудіе лжи и клеветы противъ царя и его правительства“. „Тайну“, которую онъ разоблачилъ, сама московская газета называетъ „некрасивой“ — но о ней князю Урусову слѣдовало молчать, разъ что она стала ему извѣстной въ силу его служебнаго положенія. Въ основаніи всей этой аргументаціи лежитъ явная передержка. Устройство типографіи, о которой говорилъ князь Урусовъ, было тайной не только для публики, но и для вѣдомства, за исключеніемъ самихъ устроителей и ихъ властныхъ сообщниковъ. До свѣдѣнія князя Урусова оно дошло не въ силу его служебнаго положенія, не въ силу правъ, принадлежавшихъ ему какъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ. Оно было, притомъ, дѣйствіемъ преступнымъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ функціями государственной службы. Къ такимъ дѣйствіямъ непримѣнимо понятіе о служебной тайнѣ. Объявить о нихъ во всеуслышаніе и предупредить, тѣмъ самымъ, ихъ повтореніе было не только правомъ, но и обязанностью князя Урусова. Заинтересованными въ ненарушимости „некрасивыхъ тайнъ“ могутъ быть только ихъ участники. И если вся вина князя Урусова заключается въ разоблаченіи одной изъ такихъ тайнъ, то гдѣ же то „новое орудіе лжи и клеветы, которое онъ далъ врагамъ Россіи“ — т. е. врагамъ „истинно-русскихъ людей“? Позволительно ли, наконецъ, выставить князя Урусова противникомъ царя, корону котораго онъ хотѣлъ бы „поставить выше ежедневныхъ политическихъ дрязгъ, оградить отъ отвѣтственности за ошибки“? Позволительно ли отождествлять правительство съ случайными держателями мимолетной власти?

Другую систему нападеній, болѣе тонкую, но еще менѣе допустимую, избрало „Новое Время“. Оно приводитъ рядъ оскорбительныхъ для кн. Урусова предположеній, но приводитъ ихъ не отъ своего имени, а какъ образчикъ того, до чего можетъ дойти страсть заподозривать дѣйствія противника. Костюмъ выбранъ приличный и юридически неуязвимый; но то, что имъ прикрыто, все-таки очень похоже на клевету, отъ которой, какъ извѣстно, „всегда что-нибудь остается“ (*calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose*). Кн. Урусовъ, говорятъ намъ, былъ губернаторомъ при Плеве, товарищемъ

министра при Дурново; ergo—почему бы не назвать его „ставленикомъ“ Плеве, „избранникомъ“ Дурново? Вѣдь называютъ же „птенцами Плеве“ гг. Стяжипскаго, Гурко, кн. Ширинскаго-Шихматова?.. Любитель параллелей забылъ прибавить, что если кн. Ширинскій-Шихматовъ былъ посланъ въ Тверь „для разгрома земства“, то кн. Урусовъ былъ назначенъ туда (при кн. Святополкъ-Мирскомъ) съ прямо противоположною, примирительною цѣлью—и отозванъ оттуда при г. Булыгинѣ. Мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ онъ занялъ въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда возлагались надежды на либерализмъ графа Витте—и вышелъ въ отставку, когда обрисовалась система и сложилось полномостіе Дурново. Остается еще фактъ назначенія кн. Урусова, при Плеве, бессарабскимъ губернаторомъ: но кому же неизвѣстно, что въ этотъ моментъ министерствомъ руководило желаніе смягчить (особенно за границей) удручающее впечатлѣніе кишиневскаго погрома? Добрая память, которую кн. Урусовъ оставилъ въ Кишиневѣ, свидѣтельствуеетъ о томъ, что на этотъ разъ по койный министръ внутреннихъ дѣлъ не ошибся въ своемъ выборѣ.

Что бы ни говорили о кн. Урусовѣ реакціонныя газеты, его рѣчь сохранять и сохранить существенно важное значеніе. Ее нельзя приписать ни неосвѣдомленности, ни систематическому недоброжелательству. Административный міръ, къ которому долго и еще недавно принадлежалъ ораторъ, не можетъ быть для него предметомъ ненависти. Онъ знаетъ его слабыя стороны, ясно видитъ необходимость его обновленія и можетъ лучше многихъ другихъ указать средства къ скорѣйшему достиженію этой цѣли. Нарушеніемъ долга было бы съ его стороны молчаніе въ критическую минуту—и онъ заговорилъ, какъ только она настала. Нужно надѣяться, что это не послѣдняя его услуга дѣлу, къ которому призвана Государственная Дума.

Характерной чертой ненормальнаго положенія, переживаемаго Россіей, служить—рядомъ съ арестами, высылками и смертными приговорами—участъ періодической печати. Конфискація газетъ повторяется съ нѣкоторыхъ поръ почти столь же часто, какъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года; за нею нерѣдко слѣдуетъ приостановленіе изданія впредь до судебного приговора. Объясняется это, отчасти, тѣмъ, что появились вновь органы крайнихъ лѣвыхъ партій, одно время, вслѣдствіе усилившагося гоненія, почти совсѣмъ сошедшіе со сцены. Но развѣ можетъ быть рѣчь о свободѣ печати, когда молчать и скрываться вынуждены цѣлыя направленія, насчитывающія немало приверженцевъ въ странѣ? Неужели исторія послѣднихъ десятилѣтій не

убѣдила администрацію, что этимъ путемъ ничего прочнаго и важнаго нельзя достигнуть? Цѣлесообразно ли, притомъ, мѣшать выраженію въ печати взглядовъ, безпрепятственно высказываемыхъ съ ваеэдрн Государственной Думы? Разумно ли требовать отъ суда приостановки не осужденныхъ еще изданій, послѣ того какъ недавній опытъ доказалъ наглядно всю вопіющую несправедливость этой мѣры? Гораздо болѣе надежнымъ средствомъ борьбы съ крайними мнѣніями, чѣмъ запрещенія и наказанія, является опроверженіе ихъ въ печати, — а свободно полемизировать можно только съ противникомъ, также пользующимся свободой... Большой ошибкой слѣдуетъ признать, наконецъ, обнародованіе, 6-го іюня, утвержденнаго 22-го апрѣля мнѣнія Государственнаго Совѣта, создающаго новый проступокъ печати (распространеніе ложныхъ слуховъ съ цѣлью подорвать довѣріе къ государственному кредиту). Полезныхъ результатовъ отъ него ожидать нельзя — а между тѣмъ, появляясь полтора мѣсяца спустя послѣ открытія Государственной Думы, т.-е. послѣ окончательнаго вступленія въ силу новаго законодательнаго порядка, оно производитъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе.

Разрастающіяся преслѣдованія оппозиционныхъ органовъ печати не уравновѣшиваются единичнымъ случаемъ привлеченія къ суду газеты изъ противоположнаго лагеря. Какъ ни возмутительно „Воззваніе къ православнымъ людямъ“, напечатанное въ № 147 „Московскихъ Вѣдомостей“, въ возбужденіи противъ него уголовного дѣла не было надобности уже потому, что слишкомъ ограничена сфера вліянія гг. Грингмута и К^о. слишкомъ мало вѣроятно, чтобы ихъ слова могли имѣть зажигательное дѣйствіе. Гораздо практичнѣе, чѣмъ обращеніе къ суду, было бы принятіе мѣръ, которыя убѣдили бы всѣхъ и каждого въ отсутствіи солидарности между правительствомъ и реакціонной прессой. Такого убѣжденія не можетъ быть, пока въ официальныхъ органѣ помѣщаются телеграммы, восторженно воспроизводимыя „Московскими Вѣдомостями“, и пока остается неизмѣннымъ привилегированное положеніе этой газеты.

Безпрестанно возбуждаемыя преслѣдованія по дѣламъ печати имѣютъ еще одну невыгодную сторону: они грозятъ конфликтомъ между правительствомъ и Государственной Думой. Многіе изъ депутатовъ состоятъ редакторами газетъ и могутъ быть, въ этомъ качествѣ, привлечены къ уголовной отвѣтственности. Между тѣмъ, относящіяся сюда статьи учрежденія Государственной Думы не отличаются опредѣленностью. Когда въ Государственную Думу поступило извѣщеніе прокурора судебной палаты о возбужденіи преслѣдованія противъ депутата Ульянова (за проступки печати), она совершенно правильно истолковала ст. 20 и 21 учрежденія въ томъ смыслѣ, что онѣ даютъ ей

право устранить или не устранить обвиняемаго отъ участія въ засѣданіяхъ Думы—и, конечно, не нашла основаній для его устраненія. Съ цѣлью предупредить дальнѣйшія недоразумѣнія составленъ и внесенъ въ Думу законопроектъ о неприкосновенности членовъ Государственной Думы, вполнѣ соотвѣтствующій началамъ, принятымъ въ западно-европейскихъ государствахъ ¹⁾. Нужно быть совершенно несвѣдущимъ въ исторіи и въ государственномъ правѣ, чтобы обвинять Думу по этому поводу—какъ дѣлаетъ „Новое Время“ (№ 10858)—въ стремленіи установить *безотвѣтственность* депутатовъ. Согласіе Думы на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ ея члена требуется законопроектомъ только во время сессіи Думы; только на это время приостанавливается, до разрѣшенія Думы, преслѣдованіе, возникшее раньше открытія сессіи, а также дѣйствіе постановленія, въ силу котораго депутатъ лишень свободы.

Мы не успѣли закончить, въ нашемъ майскомъ обзорѣи, разборъ брошюры г. Зиновьева о партіи демократическихъ реформъ. Оставляя въ сторонѣ бѣглия замѣтки автора по аграрному вопросу, остановимся на его мнѣніяхъ о второй палатѣ, о преобразованіи суда и о финансовыхъ реформахъ.

„Основною и кореннымъ полемъ дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправления“—говоритъ г. Зиновьевъ—„всегда останутся коали- ственные мѣстные интересы; возложеніе на мѣстное самоуправленіе другихъ функцій противорѣчило бы его существу, было бы неестественнымъ и потому ошибочнымъ. Такой ошибкой была бы передача органамъ мѣстнаго самоуправления избирательныхъ для второй палаты функцій“. Мнѣніе г. Зиновьева не подтверждается опытомъ: во Франціи, въ Голландіи, въ Швеціи, въ Испаніи члены верхней палаты, всѣ или нѣкоторые, выбираются провинціальными собраніями разныхъ типовъ и наименованій или особыми коллегіями, въ составъ которыхъ входятъ представители такихъ собраній,—и этотъ способъ выбора нигдѣ не приводитъ къ неблагопріятнымъ результатамъ. Для Россіи онъ кажется намъ единственнымъ правильнымъ: у насъ немислима какъ назначеніи, такъ и наследственная верхняя палата,—а между тѣмъ совершенно нежелательна, по многимъ причинамъ, однопалатная система. Наше земство, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, оказалось хорошей школой для развитія политическихъ способностей и навыковъ; нѣтъ основанія думать, что оно потеряетъ это значеніе въ

¹⁾ Ср., напримѣръ, ст. 84 прусской конституціи, ст. 57—датской, ст. 45—бельгійской, ст. 87 и 45—итальянской, ст. 47—испанской, ст. 96 и 97—болгарской.

конституціонной Россіи. Составленныя изъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ дѣятелей, губернскаго земскаго собранія—въ особенности при правильной организаціи выборовъ, а не такой, какая существуетъ въ настоящее время,—безъ труда найдутъ въ своей средѣ людей, всесторонне знакомыхъ съ потребностями своего края и вполне достойныхъ быть представителями его въ верхней палатѣ. Какимъ образомъ производство, разъ въ три или четыре года, выборовъ въ члены верхней палаты можетъ нарушить правильное теченіе земской жизни—этого г. Зиновьевъ не объясняетъ. Земство можетъ только выиграть отъ установленія тѣсной, непосредственной связи между нимъ и общегосударственнымъ представительствомъ. Напрасно г. Зиновьевъ полагаетъ, что намѣчаемый партией демократическихъ реформъ способъ избранія земскихъ гласныхъ (путемъ всеобщаго голосованія, подъ условіемъ лишь двухлѣтней осѣдлости въ данной мѣстности или столь же продолжительнаго владѣнія въ ней недвижимостью) обусловленъ ролью, отводимую земству въ образованіи верхней палаты. Еслибы верхней палаты не было вовсе или она составлялась бы помимо земства, приверженцы *демократическихъ* реформъ все-таки стояли бы за предоставленіе земскаго избирательнаго права и такимъ постояннымъ мѣстнымъ жителямъ, у которыхъ нѣтъ никакого имущественнаго ценза. Заинтересованы въ земскомъ дѣлѣ не только плательщики земскаго сбора, но и всѣ тѣ, чье благосостояніе зависитъ отъ успѣшнаго хода земскаго хозяйства. Сказанное нами о земствѣ примѣнимо, конечно, и къ городамъ.

Тотъ пунктъ программы партии демократическихъ реформъ, который касается суда, г. Зиновьевъ находитъ недостаточнымъ: имъ требуется только возвращеніе къ основнымъ началамъ, провозглашеннымъ, но не вполне осуществленнымъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и извращеннымъ послѣдующими законодательными актами—а необходимо дальнѣйшее ихъ развитіе и усовершенствованіе. Это совершенно справедливо—но въ партійныхъ программахъ указывается только самое важное, самое настоятельное. Изъ числа недостатковъ нашего судебного строя, перечисляемыхъ г. Зиновьевымъ, многіе, притомъ, коренятся именно въ отступленіяхъ отъ духа и смысла судебныхъ уставовъ; назовемъ, для примѣра, неудовлетворительность слѣдственной части, вызванную, главнымъ образомъ, появленіемъ непредусмотрѣнныхъ въ первоначальномъ текстѣ уставовъ *временныхъ* слѣдователей.

Возраженія г. Зиновьева противъ подоходнаго налога, противъ прогрессивности обложенія и противъ обложенія тагъ называемаго незаслуженнаго прироста цѣнности земель касаются, въ сущности, не партии демократическихъ реформъ, а всѣхъ тѣхъ, кто, по тѣмъ или другимъ основаніямъ и въ той или другой мѣрѣ, стоитъ за введ-

ніе вышеупомянутыхъ началъ въ область нашего финансоваго законодательства. Ограничимся, поэтому, двумя замѣчаніями. Терминъ: *незаслуженный приростъ* не изобрѣтенъ партией демократическихъ реформъ; онъ получилъ право гражданства въ финансовой наукѣ, означая случайное и внезапное повышеніе цѣнности одной категоріи имущества (напримѣръ—вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги). Повышенное обложеніе такого прироста особенно цѣлесообразно въ сферѣ мѣстнаго обложенія (о чемъ и идетъ рѣчь въ программѣ партіи демократическихъ реформъ).—Усиленную прогрессию въ обложеніи наслѣдствъ г. Зиновьевъ находитъ несправедливой, разъ что она касается наслѣдствъ „семейнаго характера“. „Смерть домохозяйна“—говоритъ онъ—„почти всегда вноситъ въ семью разстройство и не-маловажныя подчасъ затрудненія, отъ которыхъ наслѣдникамъ приходится лишь постепенно оправляться“. Это можно сказать только о тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдниками являются дѣти, внуки, родители или жена умершаго; но вѣдь для нихъ всегда и вездѣ устанавливается самый низкій процентъ обложенія, растущаго по мѣрѣ отдаленности наслѣдниковъ отъ наслѣдодателя. И тогда, впрочемъ, когда наслѣдуютъ дѣти, вполне справедлива прогрессія, опредѣляемая *размѣромъ* (т. е. цѣнностью) наслѣдства. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „затрудненія“, о которыхъ говоритъ г. Зиновьевъ, обратно пропорціональны стоимости наслѣдства. Чѣмъ больше наслѣдственное имущество, тѣмъ меньше „разстройство“, вносимое въ семью смертью наслѣдодателя.

ОТВѢТЪ г. ФЕДОРУ САМАРИНУ.

Г-нъ Федоръ Самаринъ въ V-й книжкѣ „Вѣстн. Европы“ помѣстил довольно пространное возраженіе на мою статью: „Крестьянскій банкъ и его начало“, появившуюся еще въ декабрьской книжкѣ 1905 г. того же журнала. Онъ желаетъ исправить характеристику мѣтній своего отца, Д. Ф. Самарина, по крестьянскому земельному вопросу, которымъ я, будто бы, придалъ невѣрную окраску.

Продолжительная моя отлучка изъ Петербурга помѣшала мнѣ отвѣтить на это возраженіе безотлагательно. Но оппонентъ мой, надеюсь, извинитъ мнѣ этотъ невольный грѣхъ, принявъ во вниманіе, что и самъ онъ выступилъ съ своимъ возраженіемъ почти черезъ пять мѣсяцевъ послѣ появленія моей статьи. Постараюсь отвѣчать наиболѣе кратко, по существеннымъ пунктамъ, обходя введенные въ возраженіе сторонніе элементы.

Прежде всего, коснусь заподозриванія вѣрности моихъ словъ о московской земской оппозиціи (1879 г.) устройству кредита для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія. „Не первая, не вторая и даже не третья“ въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, „московская губернія отличилась тѣмъ, что въ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, подъ руководствомъ Д. Ф. Самарина, называя вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ“, „раздутымъ литературою“, добилась обращенія земскаго рѣшенія въ другую сторону...“ — Г. Федоръ Самаринъ спрашиваетъ — кому принадлежать выраженія, поставленные въ кавычкахъ, прибавляя, что по связи рѣчи можно предполагать отнесеніе ихъ мною къ его отцу. — Хотя я могъ бы ограничиться указаніемъ, что по точному смыслу моихъ словъ выраженія эти относятся собственно къ *отпозиции*, безъ названія лицъ, но долженъ сознаться, что дать вполне опредѣленный отвѣтъ на заданный вопросъ для меня слишкомъ трудно. Вѣдь дѣло происходило слишкомъ четверть вѣка тому назадъ, о тогдашнемъ земскомъ собраніи отчеты и корреспонденціи печатались во многихъ газетахъ, слѣдовательно для столь несущественнаго разъясненія понадобилось бы перерыть цѣлые вороха стараго газетнаго хлама, который и разыскать мудрено. Однако могу сослаться на косвенное подтвержденіе. Эти самыя слова, по *свѣжимъ* слѣдамъ, приведены были мною въ статьѣ „Мелкій земельный кредитъ и крестьянскія переселенія“ („Вѣстн. Европы“ 1880 г. октябрь), т.-е. почти въ то самое время, когда я возражалъ и прямо Д. Ф. Самарину („Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“.

„Вѣст. Европы“, 1881 г., февраль). И слова эти ни съ чьей стороны возраженій не встрѣтили. Изъ тогдашней статьи я заимствовалъ ихъ и для той, противъ которой послѣдовало нынѣшнее возраженіе. Кто именно произносилъ въ означенномъ смыслѣ слова и были ли даже въ отчетахъ названы ихъ авторы, я теперь, слишкомъ черезъ четверть вѣка, точно сказать не могу. Конечно, задавать подобные вопросы еще удобнѣе будетъ спустя опять четверть вѣка, потому что тогда и отвѣчать будетъ некому. Впрочемъ, самъ же г. Федоръ Самаринъ даетъ еще другое подтвержденіе: онъ признаетъ, что кто-то въ земскомъ собраніи дѣйствительно произносилъ выраженія въ смыслѣ упомянутой „вадорности“ и „раздутости“, только утверждаетъ, что Д. О. Самаринъ не раздѣлялъ соответствующихъ имъ мнѣній. Въ чемъ же я погрѣшилъ, относя подобныя мнѣнія къ московской оппозиціи?

Желаая возстаповить мнѣнія своего отца, возражатель мой приводитъ цитату изъ одной его рѣчи, приглашая меня познакомиться съ подлинными журналами московскаго земскаго собранія, хотя тутъ же оговаривается, что эти журналы составлены были до того неправильно, что „оказалось невозможнымъ перепечатать рѣчь Д. О. Самарина цѣликомъ“. Конечно, разысканіе старыхъ московскихъ земскихъ журналовъ для меня недоступно, да и къ чему привело бы оно, когда этотъ источникъ ненадеженъ и въ немъ нельзя разобрать, что именно вѣрно и что—невѣрно. Если самъ г. Федоръ Самаринъ затрудняется имъ пользоваться, то какъ же я буду относиться къ нему съ большимъ довѣріемъ? Главное же, конечно, въ томъ, каковы были дѣйствительно мнѣнія Д. О. Самарина? Разобраться въ этомъ отчасти помогаетъ самъ мой возражатель.

Приведенная имъ цитата изъ мнѣнія его отца, при всей сбивчивости и уклончивости отъ точныхъ положеній, показываетъ, что покупку земель для крестьянъ Д. О. Самаринъ допускалъ лишь въ видѣ очень небольшого исключенія; въ ней выдаются такія мѣста: „Сочувствую покупкѣ земель, какъ *отдѣльной* мѣрѣ, но *отрицаю* какъ *общую* мѣру; общая, мѣрѣ представляется, заключается въ содѣйствіи улучшенію земледѣлія крестьянъ“. „Я нисколько не думаю отрицать известной степени важности величины надѣла для благосостоянія крестьянъ... Но... покупка земли будетъ имѣть незначительное прирѣненіе на дѣлѣ“. „Можетъ ли эта мѣра быть выдвигаема, какъ существенная коренная мѣра, способствующая подъему благосостоянія крестьянъ? Мнѣ кажется — нѣтъ“. Спрашивается, что, при самомъ безпристрастномъ отношеніи къ этимъ словамъ, можно вывести изъ нихъ, кромѣ допущенія очень маленькой помощи нѣсколькимъ деревнямъ губерніи, съ рѣшительнымъ устраненіемъ созданія широкой помощи для всѣхъ случаевъ, когда окажется возможнымъ пособить ну-

ждающимся вообще? Вѣдь при такихъ размѣрахъ помощь совсѣмъ теряетъ серьезное значеніе. Изъ означенныхъ словъ выходитъ такъ: и недурно бы прибавить крестьянамъ земли — и не нужно давать сколько-нибудь значительно; и важно увеличить надѣлы — и нельзя этого осуществить на дѣлѣ; а сколько именно слѣдуетъ дать — объ этомъ краснорѣчивое умолчаніе, иллюстрируемое только результатомъ, состоящимъ въ рѣшеніи: отклонить предложенный проектъ, т.-е. иллюстрируемое фактомъ, внушительнѣе всего говорящимъ послѣ шатаванія аргументовъ въ разныя стороны. Какое именно увеличеніе надѣловъ допускалъ Д. Θ. Самаринъ — объ этомъ и настоящій его апологетъ также не высказываетъ ничего опредѣленнаго, какъ не высказывалъ его отецъ, хотя, повидимому, онъ тщательно разобрался въ матеріалахъ. Разъясненія по этой части можно находить только въ общемъ ходѣ вопроса въ Москвѣ и въ другихъ заявленіяхъ Д. Θ. Самарина.

Итакъ, — не вижу, въ чемъ я погрѣшилъ относительно московской оппозиціи, и могъ ли я отнестись къ ней благопріятнѣе, чѣмъ отнесся. Судить надо по результатамъ, по тому, что именно она сдѣлала, а не по украшеніямъ рѣчей словами о сочувствіи, фактически сводящимися къ ничтожнымъ опытамъ.

Мнѣнія Д. Θ. Самарина о крестьянскомъ малоземельи и помощи противъ этого зла гораздо пространнѣе были выражены въ неупомянутой почему-то моимъ оппонентомъ статьѣ его, помѣщенной въ Аксаковской „Руси“ 1880 года, гдѣ онъ гнѣвно обрушился на опытъ проф. Янсона, выяснившій фактъ малоземелья. Аргументацію этой статьи я разобралъ тогда же, въ своей статьѣ: „Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ („Вѣстн. Европы“ 1881 года, февраль). Разыскать эту послѣднюю статью не трудно, такъ какъ я указываю номеръ журнала. Въ „Руси“ Д. Θ. Самаринъ высказывалъ, что противъ малоземелья слѣдуетъ бороться такими отчислениями изъ земскихъ суммъ на покупки, какія производило тверское земство (10 тыс. руб. въ годъ). И на это я отвѣтилъ расчетомъ, по которому, идя предложеннымъ Д. Θ. Самаринимъ путемъ, устраненія только одной категоріи малоземелья пришлось бы ожидать болѣе 260 лѣтъ, когда, разумѣется, выростутъ новыя нужды. Впечатлѣніе отъ упомянутой статьи Д. Θ. Самарина получалось такое: о коренной помощи крестьянамъ только поговорить, а на дѣлѣ все сведемъ къ пустяку. Не отыщеть ли мой оппонентъ другихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о склонности его отца къ болѣе значительной и сколько-нибудь *опредѣленной* помощи крестьянству? Туманныя и уклончивыя выраженія этого не говорятъ.

Упрекаетъ меня г. Федоръ Самаринъ и за замѣчаніе, что устраненіе широкой земельной помощи московская оппозиція провела путемъ ссылки на возможность достиженія большей пользы отъ тѣхъ

неопредѣленныхъ агрономическихъ опытовъ на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ, изъ которыхъ потомъ ничего не вышло. Нѣтъ, говорить онъ, эти опыты предлагались „не вмѣсто земельныхъ добавокъ“, а на раду съ ними, и нельзя признавать, что изъ нихъ ничего не вышло. Но вѣдь судить о дѣйствіяхъ оппозиціи слѣдуетъ не потому, что кѣмъ-либо предлагалось, а потому, что она *сдѣлала*; а дѣло ея состояло именно въ провалѣ широкой земельной помощи и въ постановленіи объ упомянутыхъ опытахъ, изъ которыхъ точно не вышло ничего, т.-е. оппозиція сдѣлала именно то, что я поставилъ на ея счетъ. Мой возражатель и самъ признаетъ, что „предложенныя агрономическія мѣропріятія не получили на *первыхъ же порахъ* осуществленія“, только обвиняетъ въ томъ московскую губернскую управу. Разумѣется, у меня нѣтъ ни возможности, ни желанія входить въ повѣрку, кто именно тутъ былъ виноватъ, но для подтвержденія сказаннаго мною совершенно достаточно, что постановленіе объ опытахъ не исполнялось, и остается прибавить, что упомянутыя *первыя поры*, по показанію самого моего оппонента, длились семь лѣтъ, такъ какъ лишь съ 1886 года земство взялось за помощь улучшенію земледѣлія и стало вводить травосѣяніе. Но это представляется уже новымъ начинаніемъ, какихъ и впослѣдствіи, конечно, будетъ много, а не дѣломъ оппозиціи 1879 или 1880 года. Приписывать это начинаніе оппозиціи или Д. Ѧ. Самарину можно развѣ въ предположеніи, что однимъ имъ совершенно открытіе пользы земледѣльческихъ улучшеній; тогда, конечно, можно относить къ нему и все, что будетъ сдѣлано земствомъ впереди. Но это, кажется, будетъ уже слишкомъ...

Во всякомъ случаѣ, говорить о земскихъ дѣяніяхъ 1886 года мнѣ не было никакого основанія, такъ какъ, во-первыхъ, я изображалъ не исторію земства, а лишь ходъ земельного вопроса, а во-вторыхъ, имѣлъ въ виду только семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ.

Приводить еще г. Ѧодоръ Самаринъ мнѣнія своего отца, высказанныя спустя около пятнадцати лѣтъ послѣ описываемой мною эпохи, гдѣ онъ критикуетъ крестьянскій банкъ и говорить о политическомъ значеніи земельныхъ покупокъ въ Западномъ краѣ для крестьянъ русскаго происхожденія, отдавая преимущество политическимъ пѣлямъ предъ экономическими. Но хотя у меня и нашлось бы что сказать по поводу этихъ его мнѣній, однако въ данномъ случаѣ они представляютъ для меня совсѣмъ сторонній матеріалъ. Связи съ содержаніемъ статьи моей „Крестьянскій банкъ и его начало“ матеріалъ этотъ не имѣетъ, стало быть распространяться объ означенныхъ мнѣніяхъ значило бы черезчуръ интересоваться личною характеристикю Д. Ѧ. Самарина, къ чему нѣтъ у меня побужденій. Я занимался ходомъ крестьянскаго земельного вопроса, лицъ касался при этомъ лишь попутно, по мнѣн

отношенія ихъ къ означенному ходу, а притомъ значеніе Д. Ѳ. Самарина въ крестьянскомъ дѣлѣ вообще не было таково, чтобы вызывать усиленный интересъ къ упомянутой характеристикѣ.

Г. Ѳедоръ Самаринъ заключаетъ тѣмъ, что мои „обвиненія“ едва ли можно долѣе поддерживать при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Смѣю увѣрить его, что никакой предвзятой пристрастности или недобросовѣстности по отношенію къ его отцу у меня нѣтъ, но судить о фактахъ считаю обязательнымъ на основаніи ихъ самихъ. И прибавлю, что возраженіе г. Ѳедора Самарина не побуждаетъ меня отказаться ни отъ чего мною высказаннаго въ статьѣ „Крестьянскій банкъ и его начало“.

Ѳ. Воропоновъ.

Петербургъ, июнь, 1906.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1906.

I.

— Сочиненія Пушкина. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Т. II. Спб. 1905.

„Работы по изданію сочиненій Пушкина,—читаемъ въ предисловіи,—предпринятія Академіей Наукъ, въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ должны прикинуть къ тому, что сдѣлано здѣсь покойнымъ Л. Н. Майковымъ, какъ въ силу того, что онѣ должны быть продолженіемъ уже начатаго изданія, такъ и потому, что онѣ не могутъ не воспользоваться нѣкоторыми основными приемами, установленными Майковымъ, данными, имъ выработанными и подготовленными“.

Посвящая затѣмъ страницы двѣ весьма обстоятельному очерку заслугъ покойнаго Л. Н. Майкова по изданію перваго тома, предисловіе рассказываетъ исторію дальнѣйшихъ, послѣ его кончины, подготовительныхъ работъ. Такъ, была образована коммиссія, сначала подъ предсѣдательствомъ Жданова, а затѣмъ—А. Н. Веселовскаго, въ работахъ которой приняли участіе, между прочимъ, А. Н. Пыпинъ, П. А. Ефремовъ, В. И. Саитовъ, В. Е. Якушкинъ, И. А. Шляпкинъ, А. А. Шахматовъ и др. Въ коммиссіи было рѣшено поручить редактированіе сочиненій Пушкина г. Якушкину, а редактированіе переписки поэта г. Саитову. Довольно существеннымъ отступленіемъ отъ предположеній Майкова составляетъ рѣшеніе коммиссіи держаться въ распредѣленіи стихотвореній Пушкина строго хронологическаго порядка, что, впрочемъ, слѣдуетъ признать наиболѣе правильнымъ, не потому только, что самъ Пушкинъ держался этого порядка, но и потому, что иной порядокъ едвали возможенъ въ строго научномъ критическомъ изданіи вообще.

Варианты къ текстамъ Пушкина въ настоящемъ изданіи даются въ двухъ видахъ: бѣловые, печатные варианты помѣщаются при самомъ текстѣ, подъ строкой, варианты же черновыхъ рукописей печатаются въ примѣчаніяхъ, вмѣстѣ съ черновыми набросками, отрывками, произведеніями, принадлежность которыхъ Пушкину сомнительна, и т. д. По отношенію къ Пушкину примѣчанія эти имѣютъ особое значеніе. „Такъ какъ полнота,—говорится въ предисловіи,—основная задача изданія, то въ силу положенія, высказаннаго еще Бѣлинскимъ,—„чтобы не пропала ни одна строка Пушкина“,—настоящее изданіе стремится къ тому, чтобы вполне исчерпать всѣ черновыя рукописи Пушкина: въ примѣчаніяхъ не только приводятся черновые варианты отдѣльных стиховъ или отдѣльныхъ выраженій, но всякая черновая, насколько возможно, дается въ ея цѣломъ видѣ“. Столь же важное значеніе имѣетъ и вопросъ о правописаніи Пушкинскихъ стихотвореній. Редакція остановилась на мысли воспроизводить правописаніе Пушкина или по подлиннымъ рукописямъ поэта, или, при отсутствіи таковыхъ, по первымъ изданіямъ,—этимъ приемомъ въ каждомъ произведеніи достигается сохраненіе орфографіи того оригинала, по которому оно печатается. Указавъ на то, что до сихъ поръ всѣ посмертныя изданія сочиненій Пушкина не задавались ни малѣйшей заботой о сохраненіи Пушкинской орфографіи, редакція говоритъ: „Между тѣмъ уже давно чувствовалась важность точнаго воспроизведенія Пушкинской орфографіи; на это не разъ указывалось критикой. Правописаніе Пушкина, несмотря на нѣкоторыя въ немъ колебанія въ зависимости отъ того, къ какому времени относится изданіе или рукопись, въ общемъ представляется вполне опредѣленнымъ, и къ тому же вопросы правописанія возбуждали въ Пушкинѣ живой интересъ, какъ это видно изъ его замѣтокъ. Совершенно очевидно, что модернизация Пушкинскаго правописанія неправильна какъ научный приемъ изданія и мѣшаетъ изученію языка Пушкина“.

Изъ сухой, строгой академической рамки глядитъ на читателя улыбающееся лицо и сверкающій взоръ молодого поэта. Между предисловіемъ и объемистыми примѣчаніями заключены творенія самаго нѣжнаго періода юности Пушкина—то, что писалось имъ между 1818—1821 годами, лирическія стихотворенія и первыя поэмы—„Русланъ и Людмила“, „Кавказскій пленникъ“. Въ первыхъ произведеніяхъ 1818 г. Пушкинъ еще не весь принадлежитъ себѣ,—имъ владѣютъ классическіе образы, хотя боги и богини Олимпа утратили свою торжественность и превратились въ милыхъ пастушковъ и пастушекъ, напѣвающихъ нѣжныя и шаловливыя пѣсни. Славянизмы еще часто пестрятъ въ стихахъ, слишкомъ живо хранящихъ слѣды отжившей литературной школы, чередуясь съ отраженіями мыслей, настроеній

Жуковского и Батюшкова. Объ этомъ зараженіи поэтическимъ восторгомъ Пушкинъ говоритъ неоднократно. Въ посвященіи Жуковскому онъ считаетъ блаженнымъ того, —

кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ...

Здѣсь поэтъ говоритъ о восторгѣ, о чувствѣ, но черезъ годъ, обращаясь къ „оракуламъ вѣковъ“, онъ будетъ говорить о зараженіи инымъ, идейномъ, о вліяніи великихъ міровыхъ художниковъ на умъ и чувство вмѣстѣ, на весь нравственный обликъ. Ихъ голосъ будетъ гнать „лѣнь и сонъ угрюмой“, рождать „жарь къ трудамъ“, и ихъ „творческія думы“ будутъ „зрѣть“ въ душевной глубинѣ поэта. Но до этого Пушкинъ ни на чемъ не можетъ остановиться. Онъ какъ ребенокъ: и любитъ быть со старшими, и необузданно рвется на свободу, которая обольщаетъ его всѣми прелестями молодости и веселья. По временамъ онъ задумывается глубоко, и тогда со слезами на глазахъ мечтаетъ о счастьѣ родины „на обломкахъ самовластья“, порою груститъ и жалуется, порою бросается въ дикій омутъ разгула и утѣхъ случайной любви — и всему отдается полно, безъ остатка... неустойчивость, мимолетность, какая-то сверхающая перемѣнчивость въ настроеніяхъ — таковы черты стихотвореній этого года. Творчество 1819 г. выражаетъ начало душевнаго перелома, нѣкоторую реакцію, разочарованность и въ любви, и въ дружбѣ. Поэтъ попрежнему любитъ „вечерній пиръ, гдѣ веселье предсѣдатель“, но онъ уже цѣнитъ блаженство уединенія, скрывающаго его „отъ уснителя глупца, отъ пробудителя нахала“, а иногда, приобрѣтая мудрость эпикурейца, даетъ совѣты Толстому, своего рода гораціанское *carpe diem*: „до капли наслажденье пей, живи безпечень, равнодушень, мгновенью жизни будь послушень, будь молодъ въ юности твоей“. Политическія стихотворенія, разительныя своею мѣткостью и силой, явственно обнаруживаютъ тѣ вліянія, которыя огнемъ и грозой пронесли надъ душой Пушкина, — но не имъ отдалъ онъ свои лучшіе поэтическіе восторги. Они для поэта въ борьбѣ съ самимъ собой, въ предвкушеніи трудовъ и радостей творчества, когда — „краски чуждыя, съ лѣтами, спадаютъ ветхой чешуей“... Вмѣстѣ съ тѣмъ стихъ Пушкина приобрѣтаетъ невѣдомую прежде чистоту, грацію и воздушность, не во всѣхъ, правда, пьесахъ, но въ тѣхъ, законченности которыхъ предшествовала, какъ это можно убѣдиться изъ настоящаго

академическаго изданія, упорная и кропотливая работа. Самые темы стихотвореній становятся жизненнѣй и углубленнѣй. Отвернувшись душой отъ свѣта (не навсегда впрочемъ) и „бездушнаго собранья“, „гдѣ умъ хранить невольное молчанье, гдѣ холодомъ сердца поражены“, Пушкинъ инстинктивно стремится къ сельскому уединенію и природѣ, которая будятъ въ немъ творческіе порывы. „Люби,—обращается онъ къ домовому,—зеленый скать холмовъ,

Лука, измятые моею бродящей лѣвнью,
Прохладу липъ и еленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

И по фантастической канвѣ его первой поэмы рассыпаются роскошные узоры лукоморья съ зеленымъ дубомъ, румянаго заката надъ усыпленной землей, померкшей степи, сѣдыхъ тумановъ, ландшафтовъ съ нѣсколькими сгущенными красками—на романтической ладъ, но обязательныхъ и въ наше время музыкой и нѣжнымъ сочетаніемъ ясной улыбки поэта съ волшебствомъ сказки.

Въ стихотвореніяхъ 1820 г. Пушкинъ весь—томленіе, легкая грусть, мечтательность, воплощеніе поэзіи въ „немолчномъ говорѣ фонтана любви“, въ минутахъ умиленія, молодыхъ надеждъ, сердечной тишины, гдѣ „прежній жаръ и нѣга вдохновенья“, въ прозрачно-ясныхъ, отчетливыхъ до сухости, силуэтахъ Кавказа. Изъ этого Пантеона поэтическихъ настроеній поэтъ на мгновенье появляется во всеоружіи воина, язвительный и колкій въ своихъ эпиграммахъ, безпощадный и въ преслѣдованіи враговъ, среди которыхъ гонители науки и свободной мысли были въ первомъ ряду. Уже тогда заклеилъ онъ позоромъ „всей Россіи притѣснителя“, который царю былъ другъ и братъ, а по натурѣ былъ—„просто фрунтовой солдатъ“, и эта оцѣнка всеильнаго Аракчеева не могла не стать ходячей монетой общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ году у поэта все еще мало „ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ“,—онъ кипитъ чувствами и мечтами.

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

Примѣчанія вносятъ драгоцѣнный фактический матеріалъ къ изученію Пушкина, но они слишкомъ сухи и недостаточно освѣщены съ точки зрѣнія внутренней исторіи Пушкинскаго творчества. Во всякомъ случаѣ, это изданіе въ высокой степени цѣнное, и ему слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія.

II.

— П. И. Пестель. „Русская Правда“. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоиздательство „Культура“. Спб. 1906.

„Русская Правда“, конституціонный проектъ Пестеля, издана по списку, который хранится въ библиотекѣ Академіи наукъ и представляетъ точное воспроизведеніе подлинника. Послѣдній, послѣ ареста Пестеля, былъ зарытъ единомышленниками знаменитаго декабриста въ землю, но впослѣдствіи, послѣ доноса офицера Зайкина, былъ извлеченъ изъ земли и доставленъ въ Петербургъ. Послѣ суда надъ Пестелемъ „Русская Правда“ была запечатана и вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ по дѣлу декабристовъ сдана на храненіе въ Государственный Архивъ. Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ „Русская Правда“ была распечатана для занятій акад. Н. Ѳ. Дубровина и лишь въ настоящее время стала доступной изслѣдователямъ, работающимъ въ Государственномъ Архивѣ.

Въ предисловіи издатель говоритъ: „еслибы намъ понадобилось защищать личность П. И. Пестеля отъ личныхъ наветовъ и укоровъ, то вмѣсто всякихъ аргументовъ мы указали бы на грандіозность теоретическаго труда, подъятаго Пестелемъ. Князь С. Волконскій былъ правъ, говоря о „Русской Правдѣ“: „при гласности, когда она („Русская Правда“) появится, окажется, какой огромный трудъ и съ какимъ отчетливымъ и свѣтлымъ взглядомъ былъ исполненъ Пестелемъ“. Предсказаніе оправдывается. „Русская Правда“ прежде всего поражаетъ широтой захвата темъ, а затѣмъ широтой и самыхъ взглядовъ. Правда, корни „Русской Правды“ уходятъ въ современность, окружавшую Пестеля, но верхушками она касается, непосредственно и больно, насъ, современниковъ“...

Въ настоящее время за „Русской Правдой“ сохраняется, по преимуществу, значеніе любопытнѣйшаго историческаго памятника. Теоретическая разработка намѣченныхъ Пестелемъ задачъ, ихъ историческое пониманіе и проведеніе ихъ въ общественное сознаніе и въ жизнь далеко ушли впередъ со временъ Пестеля. Уже самый видъ регламента, который представляетъ собой „Русская Правда“, въ которомъ въ самой категорической формѣ предрѣшены почти всѣ вопросы государственнаго управленія, административнаго дѣленія государства, военнаго устройства, гдѣ точно опредѣляются брачныя и родственныя отношенія, въ связи съ обоснованіемъ началъ нравственности,—кажется современному взору слишкомъ элементарнымъ и далекимъ отъ господ-

ствующихъ понятій о вопросахъ этого рода и способахъ ихъ разрѣшенія. Отъ идеологическихъ построений „Русской Правды“ вѣетъ духомъ XVIII ст., идеями Руссо и энциклопедистовъ, съ ихъ ученіемъ объ естественномъ правѣ. Тѣ быстрыя операціи, которыя „Русская Правда“ предполагала произвести надъ племенами, населяющими Россію, надъ сословіями, затѣмъ планы завоеванія смежныхъ съ Россіей областей, чтобы народы приблизить къ единству, а границы государства къ прочности и географическому предѣлу, — напоминаютъ замыслы Робеспьера и обнаруживаютъ вліяніе идей французской революціи и замысловъ въ духѣ мечтаній Наполеона о переустройствѣ Европы. Съ другой стороны, предначертанія Пестеля о государственныхъ и областныхъ учрежденіяхъ отмѣчены весьма характерными признаками чисто російскаго бюрократизма. Въ цѣломъ, „Русская Правда“ — произведеніе глубокаго и самоотверженно-патріотическаго ума, охватившаго огромную сложность вопросовъ государственнаго механизма, чтобы приблизить къ конкретному участию въ судьбахъ суровой русской дѣйствительности міръ идеальныхъ представленій о служеніи общественному и общечеловѣческому благу.

„Непреложный законъ гражданскихъ обществъ, — говоритъ Пестель во „введеніи“, — заключается въ томъ, что каждое государство состоитъ изъ народа и правительства, слѣдовательно, народъ не есть правительство и каждое изъ оныхъ имѣетъ свои особенныя обязанности и права; однако же правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное, между тѣмъ какъ народъ существуетъ для собственнаго своего блага и для выполненія воли Всевышняго, призвавшаго людей на сей землѣ прославлять его имя, быть добродѣтельными и счастливыми. Сей Законъ Божій постановленъ для всѣхъ людей въ равной мѣрѣ, и, слѣдовательно, всѣ имѣютъ равное право на его исполненіе. А посему народъ російскій не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротивъ того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства“. Правительство избирается всѣмъ народомъ, но принципъ народнаго представительства разработанъ Пестелемъ крайне своеобразно; когда онъ говоритъ о функціяхъ правительства, то получается картина необыкновенно централизованнаго бюрократическаго государственнаго организма. Пестель вообще — поборникъ сильной централизованной власти. Исходя изъ принципа, что „политическіе и гражданскіе законы содѣлываютъ народы таковыми, каковыми они суть“, изъ чего слѣдуетъ, что „одинаковые гражданскіе законы на цѣломъ пространствѣ государства болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію

всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности, а тѣмъ самимъ и произведутъ ту совершенно вѣрную и истинно тѣсную политическую связь въ государствѣ, коея существованіе столь благодѣтельно“,—Пестель стремится, чтобы племена, населяющія Россію, были слиты не только политически, но и этнографически въ одно, чтобы „обитатели цѣлаго пространства російскаго государства *есть были русскіе*“. Средства для этого—господство только одного языка—россійскаго, уничтоженіе различныхъ названій племенъ, однообразіе законовъ, регулирующихъ не только общественно-государственную, но и частную жизнь.

Признавая право собственности священнымъ и неприкосновеннымъ, Пестель, тѣмъ не менѣе, находитъ, что всѣ безъ исключенія должны пользоваться землей, которая должна быть двухъ родовъ—частная и общинная. Гражданинъ, лишенный частной земельной собственности, пользуется общественной; „вся Россія будетъ, слѣдовательно, состоятъ изъ однихъ обладателей земли и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли“. Конфискаціи частной собственности на землю не будетъ, но земля, принадлежащая государству, городскимъ и сельскимъ обществамъ, дѣлится пополамъ—одна половина въ пользованіи частныхъ лицъ, другая—общества. Сословія совершенно уничтожаются, а также и связанныя съ ними привилегіи; также „не можетъ долѣе въ Россіи существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено“. Торговля и промышленность должны быть совершенно свободны, но, тѣмъ не менѣе, Пестель признаетъ, что „аристократія богатствъ гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристократія богатствъ, владѣя богатствами, находитъ въ нихъ орудія для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно бессильно, и посредствомъ коихъ оно приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость“.

Г. Сильванскій въ своей статьѣ „Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“ („Былое“ 1906, февраль) такъ характеризуетъ Пестеля: „Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка. Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мы-

слителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста. Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія „Русской Правды“, которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На „Русскую Правду“ Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неурядица, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи“.

Текстъ „Русской Правды“ изданъ неполнѣ исправно, какъ объ этомъ можно судить по сличеніямъ и поправкамъ, указаннымъ В. И. Семевскимъ въ майской книгѣ „Былого“. Вторую половину разсматриваемой нами книги занимаетъ „Записка о государственномъ управленіи“, писанная Пестелемъ ранѣе „Русской Правды“. Во второмъ, исправленномъ изданіи, которое, несомнѣнно, не замедлитъ появиться, желательна, въ интересахъ широкаго круга читателей, статья обобщающаго характера.

III.

— Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. М. 1906.

Въ этомъ сборникѣ собрано все, что можно сказать людямъ, еще неполнѣ убѣжденнымъ, подъ вліяніемъ застарѣлыхъ предрасудковъ и ложныхъ представленій о правахъ государства, въ полной бессмысленности, со всѣхъ точекъ зрѣнія, смертной казни. Такихъ людей, къ сожалѣнію, немало среди русской публики, и нужно было разыгратьъ всей ужасающей кровавой драмѣ послѣднихъ лѣтъ, чтобы обнаружить истинное, весьма прискорбное въ общемъ, культурное состояніе широкихъ круговъ нашей читающей публики. Среди нихъ еще существуетъ убѣжденіе, находящее даже печатные органы для своего выраженія, что смертная казнь—законное средство государственной мудрости, и что примѣненіе ея не является доказательствомъ полнаго банкротства нравственнаго авторитета государственной власти. Иначе—

развѣ необходимо было бы убѣждать и доказывать обратное, ссылаясь на вѣчные законы божеской и человѣческой правды, взывая къ незамѣтному разуму и непосредственному чувству, изъ которыхъ слагается совѣсть общественныхъ отношеній? Людямъ, неясно думающимъ о смертной казни, названная книга предлагаетъ всѣ виды логическихъ доказательствъ и нравственныхъ убѣжденій, чтобы внушить ихъ душѣ отвращеніе и ужасъ при одной мысли о правѣ отнятія жизни однимъ человѣкомъ у другого. Конечно, здѣсь только малая частица того, что передумано и написано человѣчествомъ о *варварскомъ* переживаніи *дикаго* обычая, именуемомъ смертной казнью, но зато статьи, собранныя въ этой книгѣ, за исключеніемъ первой, принадлежащей перу Вл. Соловьева и дающей тонъ всѣмъ остальнымъ, написаны нашими современниками, внушены тѣми же ужасами, свидѣтелями которыхъ являемся и мы, и возбуждаемое ими чувство протеста вытекаетъ изъ тѣхъ же реальныхъ фактовъ современности, которые у всѣхъ на глазахъ и которые въ глубинѣ совѣсти ставятъ съ мучительной и неотступной тревогой вопросъ о личной отвѣтственности каждою за все, что творится у него на глазахъ.

Въ прекрасной, едва ли не самой прекрасной (если только слово прекрасный подходитъ къ статьѣ, трактующей о смертной казни) статьѣ, открывающей сборникъ, Вл. Соловьевъ ярко и убѣдительно доказываетъ противность смертной казни первоосновамъ нравственности. „Будучи нечестивою и безчеловѣчною,—писалъ Соловьевъ,—смертная казнь имѣетъ и *постыдный* характеръ, который уже давно закрѣпленъ за нею общественнымъ чувствомъ, какъ это видно изъ всеобщаго презрѣнія къ палачу. Война, дуэль, открытое убійство могутъ быть безчеловѣчны, ужасны, съ извѣстной точки зрѣнія бессмысленны, но особаго, специфическаго элемента *постыдности* въ нихъ нѣтъ. Что бы ни говорили сторонники вѣчнаго мира, военный человѣкъ, сражающійся противъ вооруженныхъ противниковъ съ опасностью собственной жизни, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возбуждать къ себѣ презрѣнія. Хотя дуэль нельзя и сравнивать съ войною, хотя дуэлистъ справедливо вызываетъ негодованіе и преслѣдуется какъ за преступленіе, но все-таки человѣка, выходящаго на барьеръ, никто за одно это искренно не презираетъ и по той же причинѣ: этотъ человѣкъ возвышается, по крайней мѣрѣ, надъ инстинктивнымъ страхомъ смерти и показываетъ, что его собственная физическая жизнь сама по себѣ безъ извѣстныхъ нравственныхъ (хотя бы и ошибочно понятыхъ) условій не имѣетъ для него цѣны. То же до нѣкоторой степени можно сказать и про иные случаи убійства. Но вся эта сторона самопожертвованія, или риска собственной жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая въ извѣстныхъ случаяхъ

ужасъ прямого убійства,—въ смертной казни совершенно отсутствуетъ. Здѣсь заранѣе и завѣдомо обезоруженный и связанный человѣкъ убивается человѣкомъ вооруженнымъ, совершенно ничѣмъ не рискующимъ и дѣйствующимъ исключительно изъ низкаго своекорыстія. Отсюда специфически постыдный характеръ смертной казни и безграничное всеобщее презрѣніе къ палачу“. Далѣе Соловьевъ доказываетъ, что смертная казнь, противная первоосновамъ нравственности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе *права* въ самомъ его существѣ. Эта статья Соловьева, написанная, сравнительно, давно, такъ свѣжа, и повтореніе ея въ сборникѣ такъ своевременно, что многія дальнѣйшія статьи представляются только дальнѣйшимъ развитіемъ ея отдѣльныхъ положеній.

Свящ. Г. Петровъ считается съ возраженіемъ, которое часто раздается въ устахъ защитниковъ смертной казни: „пусть убійцы перестанутъ убивать,—тогда государство перестанетъ казнить“. Свящ. Петровъ напоминаетъ слова Еватерины II о томъ, что—„правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая ему“. Эти слова представляются автору изреченіемъ великой государственной мудрости и правды: „если признано,—говорить онъ,—что убійствамъ надо положить конецъ, что отнятіе жизни кѣмъ бы то ни было и отъ кого бы то ни было преступно, то ясно, что правительство должно не ждать примѣра и почина отъ убійцъ, а само обязано дать примѣръ, само призвано положить начало должному признанію великой цѣнности человѣческой жизни. Чтò это было бы за правительство, которое ждало бы уроковъ и образцовъ отъ своихъ подсудимыхъ?“

Арх. Михаилъ останавливается на психологіи убійцъ различныхъ типовъ и приходитъ къ заключенію, что если еще можно понять убійство подъ вліяніемъ аффекта, то нѣтъ ничего ужаснѣе и позорнѣе холоднаго и рассчитаннаго убійства или казни. „Поэтому, въ то время, какъ убійство въ аффектѣ есть низшій видъ и типъ убійства, убійство по суду есть высшій и наиболѣе преступный типъ“. Г-нъ В. Розановъ говоритъ о „лукавыхъ“ словахъ, которыми прикрываетъ правящій классъ убійства по распоряженію суда. „Уголовный судъ“, приговоръ о смертной казни“, „Судъ приговорилъ такого-то къ повѣшенію“, „приговорилъ къ разстрѣлянню“, когда нужно говорить просто: „мы, судьи, удавили сегодня Петра“, „мы приказали солдатамъ Николаю и Фаддею застрѣлить мѣщанина Семена“. „Смертные приговоры,—встаетъ отмѣчаетъ г. Розановъ,—собственно обширно практикуются лишь въ отношеніи простонародья... Дворяне дворянъ не „обдираютъ“, и, на примѣръ, чиновники чиновниковъ никогда не „вѣшаютъ“, хотя бѣдствія отъ чиновниковъ, иногда ставящихъ государство на край гибели, превосходятъ вредъ отъ воровъ и разбойниковъ... Ну, какъ тайный

совѣтникъ удавить тайнаго совѣтника? Но „тайный совѣтникъ“ мѣщанина Иванова? Это — вотъ, котораго можно ободрать, „чужая кровь, чужая душа“, не „мы“ и не „наше“.

О правѣ военныхъ властей, облачаемыхъ нерѣдко полномочіями разстрѣливать и вѣшать по своему усмотрѣнію, и вытекающихъ отсюда ужасныхъ непоправимыхъ ошибокъ и дикой непослѣдовательности, даже съ точки зрѣнія существующаго уголовного права, говорить В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Вмѣсто суда — безграничный произволъ озвѣрѣвшихъ дикарей и полное пренебреженіе къ человѣческой личности, доходящее до того, что вмѣсто одного разстрѣливаютъ другого, и все это съ сознаниемъ полной безнаказанности за сдѣланную ошибку. Несостоятельны и военные суды съ точки зрѣнія военной науки: этому вопросу посвящаетъ свою замѣтку проф. М. Чубинскій подъ заглавіемъ „Смертная казнь и военные суды“.

Отразились въ сборникѣ и реальныя картины недавно пережитыхъ событій. В. И. Немировичъ-Данченко живо и мѣтко набросалъ потрясавшую сцену военнаго суда, разыгравшагося на поляхъ Манчуріи въ послѣднюю войну. Въ сценѣ этой, изображающей судъ надъ двумя темными и отупѣлыми солдатами, наглядно обнаруживается несостоятельность военнаго суда, допускающаго роковыя ошибки, благодаря которымъ невинные люди платились своей жизнью. Механичность мертвыхъ „дѣйствующихъ узаконеній“ спорить съ механичностью живыхъ людей, не отдающихъ себѣ отчета въ значеніи совершаемаго дѣла. Нельзя безъ содроганія читать описаній, сдѣланныхъ г. Владимировымъ по свѣжимъ слѣдамъ Голутвинской расправы, и истязанія несчастной Спиридоновой. Заканчивается сборникъ поименнымъ спискомъ приговоренныхъ къ смертной казни русскими судами въ періодъ съ 1826 по 1906 гг.

Въ итогѣ, читатель выноситъ непреодолимое убѣжденіе, что смертная казнь неминуемо должна быть отмѣнена, — иначе она постигнетъ и тотъ режимъ, который надѣется поддержать свое существованіе при ея посредствѣ.

IV.

— А. С. Пругавинъ. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 года. Изд. „Посредника“. М. 1906.

„Теперь, когда Россія находится *наканунѣ* крупныхъ и коренныхъ реформъ, имѣющихъ цѣлью переустройство нашего государственнаго и общественнаго механизма, особенно полезно и поучительно оглянуться на тѣ условія, среди которыхъ еще недавно текла

да и сейчасъ еще течетъ жизнь русскаго крестьянства, составляющаго огромный, подавляющій процентъ населенія Россіи“. Да, очерки автора поучительны вдвойнѣ—и потому, что они вносятъ свою долю въ процессъ обновительной работы страны, и потому, что они появляются въ моментъ, когда надвигающаяся голодовка заставляетъ искать въ опытѣ недавняго прошлаго практическихъ указаній, какъ справлялись и какъ нужно справиться съ народнымъ бѣдствіемъ, требующимъ огромнаго напряженія общественныхъ силъ. Впечатлѣнія автора относятся, преимущественно, къ самарской губерніи, бывшей въ центрѣ области, постигнутой неурожаемъ 1898—99 г. Авторъ наблюдалъ на мѣстѣ и картину самой голодовки, прискорбно типичную и гнетущую однообразіемъ своей покорности судьбѣ, и отношеніе къ ней администраціи и земства. Отношеніе это къ факту голодовки крестьянъ цѣлаго ряда губерній было, конечно, діаметрально противоположнымъ, и яркая характеристика его составляетъ для переживаемаго нами времени крупную заслугу, тѣмъ болѣе, что, какъ объ этомъ можно судить по многимъ признакамъ нашей политической жизни, въ обществѣ существуетъ все еще немалое число лицъ, для которыхъ неясна разница между общественной и бюрократической организаціей возможной помощи на мѣстахъ голодающему крестьянству.

Въ 1898 г. мѣстные земскіе люди первые, конечно, могли предугадать тѣ неизбежныя послѣдствія, которыми повлечетъ за собой неурожай для крестьянъ, и безъ того уже разоренныхъ и обѣдѣвшихъ, и они тотчасъ успѣли выяснить размѣры народной нужды и опредѣлить размѣры необходимой помощи. Но дѣятельность земства была парализована администраціей, которая связала земскую самостоятельность по рукамъ и ногамъ, подчинивъ ее усмотрѣніямъ всевозможныхъ властей, начиная отъ губернской администраціи и продолжая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. А власти, по обыкновенію, проявили возмутительно безучастное отношеніе къ народной нуждѣ, и на всѣ ходатайства земства объ оказаніи рациональной помощи отвѣчали выраженіемъ полнаго недовѣрія и равнодушія. Результаты такого положенія дѣлъ не замедлили сказаться: разразилась голодовка, а за ней появились неизбежныя болѣзни, эпидеміи, цынга и тифъ. Чтобы представить себѣ тѣ размѣры, которыхъ достигло бѣдствіе, авторъ напоминаетъ, что число больныхъ цынгой только въ трехъ губерніяхъ: самарской, казанской и симбирской, доходило до 100.000 человекъ! Еще болѣе недовѣрчиво была встрѣчена частная инициатива. „Лица, отправлявшіяся въ мѣстности, — говоритъ г. Пругавинъ, — пострадавшія отъ неурожая, для устройства столовыхъ и оказанія другихъ видовъ помощи голодающимъ, подвергались со стороны мѣстныхъ властей разнаго рода стѣсненіямъ. За ними учреждался строгій

надзору полиціи, слѣдившей за каждымъ ихъ шагомъ. Нерѣдко эти стѣсненія принимали такія грубыя и назойливыя формы, что вынуждали людей, работавшихъ надъ оказаніемъ помощи голодавшему населенію, бросать сверъна сердце—дѣло, надъ которымъ они безкорыстно и самоотверженно трудились, и—уходить...”

Разсказывая печальную эпопею земскихъ ходатайствъ, г. Пругавинъ цитируетъ, для большей наглядности, официальные документы, и читатель не всегда въ состояніи рѣшить, что руководило дѣйствіями нашихъ властей,—непониманіе ли размѣровъ народнаго бѣдствія, или недѣлательство надъ дѣлательностью земскихъ учреждений. Изъ массы приводимыхъ авторомъ фактовъ отгѣтимъ одинъ-два для примѣра. Самарская губернская земская управа ходатайствовала передъ министерствомъ объ увеличеніи продовольственной нормы до 40 фунтовъ на ѣдока, считая, что 35-ти фунтовъ, установленныхъ петербургскими чиновниками на человѣка, недостаточно (даже по учебникамъ физиологіи норма для питанія человѣка составляетъ не менѣе 48 ф. въ мѣсяцъ). Въ отвѣтъ на это обращеніе было получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ разъясненіе о томъ, что ходатайство земства „не могло быть уважено въ виду того обстоятельства, что норма въ 35 фунтовъ опредѣлена бывшимъ въ іюлѣ мѣсяцѣ особымъ совѣщаніемъ, заключенія коего удостоились высочайшаго одобренія“. На ходатайства земства объ отпускѣ суммъ изъ казны на организацию общественныхъ работъ, въ которыхъ могли бы принять участіе пострадавшіе отъ неурожая крестьяне, а также на многія другія ходатайства, имѣвшія цѣлью сократить размѣры народнаго бѣдствія, администрація отвѣтила полнымъ отказомъ. Указавъ на неуспѣшность земскаго ходатайства объ организацию общественныхъ работъ, г. Пругавинъ восклицаетъ: „Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же чисто формальнымъ, совершенно бездушнымъ отношеніемъ бюрократіи къ народнымъ нуждамъ... Что за бѣда, что разоренному населенію грозитъ голодь со всѣми ужасами! Главное, конечно, не въ этомъ,—не въ томъ, чтобы какъ-нибудь предупредить надвигавшееся бѣдствіе,—со всѣмъ нѣтъ! Главное въ томъ, чтобы при этомъ какъ-нибудь не нарушить министерскій циркуляръ отъ такого-то числа и за такимъ-то номеромъ. Вотъ въ чемъ вся суть вопроса!.. Пусть голодаетъ народъ, пусть онъ пухнетъ отъ цынги, пусть какъ мухи мрутъ крестьянскія дѣти—но циркуляры г. министра должны соблюдаться во что бы то ни стало, хотя бы наперекоръ здравому смыслу, „наперекоръ стихіямъ“.

Какъ видно изъ очерковъ г. Пругавина, общественныя силы, несмотря на всѣ препятствія, чинившіяся администраціей, оказали дѣло помощи голодающему крестьянству незамѣнимыя услуги. Самоотвер-

женно работали врачи и въ особенности добровольческая молодежь — курсистки, фельдшерицы, студенты. Но дѣятельность ихъ была стѣснена недостаткомъ средствъ и медикаментовъ. „Красный Крестъ“ дѣйствовалъ независимо и не считалъ нужнымъ удовлетворять просьбы добровольныхъ работниковъ объ отпускѣ необходимѣйшихъ пособій. „Тотъ, кто имѣлъ случай стоять близко къ дѣятельности нашего Краснаго Креста,—замѣчаетъ авторъ,—навѣрное, согласится съ нами, что тамъ всегда царили хаосъ и канцелярщина“. Дѣятельность чиновъ Краснаго Креста вообще протекала въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ работа земскихъ организацій, но благопріятная сторона этихъ условій была обращена, къ сожалѣнію, не къ больнымъ. Одинъ изъ своихъ очерковъ г. Пругавинъ посвящаетъ, между прочимъ, типичному для Краснаго Креста явленію, студенту-бѣлоподкладочнику, пораженному своимъ щегольскимъ видомъ и „крайне формальнымъ и даже небрежнымъ отношеніемъ“ къ пациентамъ. Типъ этотъ, довольно распространенный среди столичной золотой молодежи, живо очерченъ авторомъ въ провинціальной, чрезвычайно своеобразной для него обстановкѣ, и возбуждаетъ естественное чувство гадливости и презрѣнія. Въ параллель господамъ, подобнымъ „студенту изъ Краснаго Креста“, г. Пругавинъ изображаетъ другіе типы, типы интеллигентныхъ барышень и пожилыхъ дамъ, а также другихъ студентовъ, отдававшихъ всѣ свои силы на борьбу съ народной нуждой. „Какъ они были полны стремленія возможно скорѣе попасть въ глухія села и деревни, населеніе которыхъ изныло отъ нужды, голода и болѣзней!.. Точно пламенемъ они охвачены были однимъ страстнымъ желаніемъ—поскорѣе, чѣмъ только возможно, облегчить страданія людей, которые пухли отъ долгаго голода, отъ недостатка хлѣба, отъ цынги“.

Итоги напрашиваются сами собой,—и было бы болѣе чѣмъ печальнымъ заблужденіемъ не присоединить ихъ къ тѣмъ многочисленнымъ даннымъ, которыя ясно указываютъ, въ какую сторону слѣдуетъ обратиться за помощью въ предстоящей борьбѣ съ голодомъ въ мѣстахъ, постигнутыхъ неурожаемъ.

V.

— Тюшовъ В. Н. По западному берегу Камчатки. Изъ Записокъ Имп. Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1906.

Книга г. Тюшова есть не простое географическое изслѣдованіе, но весьма своевременное напоминаніе, что и на западномъ берегу

Камчатки живутъ люди, ждущіе, какъ манна небесной, измѣненія тѣхъ порядковъ, которые разрушили ихъ коренной бытъ, уничтожили и продолжаютъ уничтожать ихъ благосостояніе, словомъ, изнывають подъ тяжестью бюрократическаго режима, который тамъ, въ холодныхъ, непривѣтливыхъ тундрахъ, давить тѣмъ больше, чѣмъ меньше встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны забитыхъ и приниженныхъ обитателей. Книга г. Тюшова составилаь изъ дневника, и это придаетъ ей особую цѣнность живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Впечатлѣнія эти, отмѣчавшіяся мимоходомъ, безъ какой бы то ни было, повидимому, преднамѣренной цѣли, пріятно оживляютъ монотонную лѣтопись географическихъ и геологическихъ наблюдений и даютъ отчетливое представленіе о природѣ и бытовыхъ особенностяхъ края. Въ общемъ, книга приобретаетъ характеръ, дѣлающій ее виднымъ явленіемъ не только въ научномъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

„Авторъ настоящаго труда,—читаемъ мы въ предисловіи г-на Богдановича, подъ редакціей котораго вышла книга, — врачъ по своей специальности, болѣе десяти лѣтъ находится почти безвыѣздно на Камчаткѣ, удерживаемый тамъ врожденной страстью къ путешествіямъ, какъ къ одному изъ средствъ для изученія природы. Когда автору, послѣ окончанія имъ дерптскаго университета, предстояло избрать мѣсто для своей дальнѣйшей дѣятельности, выборъ его остановился на Камчаткѣ не случайно, а какъ на области, представляющей въ географическомъ отношеніи самый разнообразный матеріалъ для наблюдений и изслѣдованій“. Со стороны автора добровольное поселеніе въ Камчаткѣ было подвигомъ, своего рода самопожертвованіемъ, которое должно быть отмѣчено, какъ замѣтная общественная заслуга. Описаніе населенія Камчатки, преимущественно быта камчадаловъ, должно обратить на себя вниманіе уже по одному тому, что литература о Камчаткѣ чрезвычайно бѣдна, почти исчерпывавшаяся, въ смыслѣ цѣльныхъ описаній, трудами Крашенинникова, Эрмана и Дитмара, съ которыми постоянно считается авторъ, дѣлая къ нимъ весьма существенныя поправки и примѣчанія. Въ этнографическомъ отношеніи чрезвычайно цѣнными являются описанія занятій, промысловъ, съ изображеніями и подробнымъ объясненіемъ типичнѣйшихъ бытовыхъ и промысловыхъ предметовъ и орудій. Не претендуя на живописность изложенія, авторъ въ высшей степени ясно и детально рассказываетъ, въ какихъ условіяхъ живутъ камчадалы, каково ихъ жилище, какова ихъ одежда, обувь, способы ѣзды, какъ они охотятся, развлекаются, — и все это до наглядности непосредственно и живо. Изображая черты духовнаго быта, г. Тюшовъ многократно и обстоятельно останавливается на образцахъ народной поэзіи, приводить тексты пѣсенъ и сказокъ (нѣкоторыя изъ нихъ прелестны по

содержанію и, съ точки зрѣнія фольклора, представляютъ любопытные варианты темъ международнаго обращенія, особенно богатъ звѣринный эпосъ); большое вниманіе удѣляетъ и языку, причеиъ въ изложеніи отмѣчаетъ мало-мальски типичныя выраженія и обороты, что имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія народно-бытовой техники. Въ области языка г. Тюшовъ дѣлаетъ любопытныя наблюденія о томъ, какъ отражалось на русской рѣчи переселеніе въ Камчатку. Переселенцы, распредѣляясь въ различныхъ пунктахъ Камчатки, съ теченіемъ времени пріобрѣтали новыя туземныя оттѣнки рѣчи и вырабатывали свои особые говоры, столь различныя между собой, что по одному разговору авторъ безъ труда опредѣлялъ, изъ какого селенія происходитъ тотъ или другой субъектъ. Съ другой стороны, заслуживаютъ вниманія тѣ наблюденія, въ которыхъ отражается самый процессъ осѣданія на мѣстахъ русскаго элемента, характеризующій его умѣнье приспособляться къ новымъ естественнымъ условіямъ и, напр., добывать хлѣбъ тамъ, гдѣ туземцамъ это оказывалось не подъ силу (земледѣліе въ Начнеяхъ—стр. 46—47). Видно по всему, что авторъ сжился и полюбилъ этотъ суровый край. „Да будетъ мнѣ прощено, — говоритъ онъ, какъ бы извиняясь за свою любовь къ „тундрочкамъ“, — что я стану останавливаться на каждой тундрѣ: я полюбилъ ихъ не меньше настоящаго камчадала, которому онѣ дороги такъ же, какъ и хребты горъ“. Эта-то любовь къ краю и изощрила наблюдательность автора и сообщила его изложенію жизненность и теплоту.

Поэтому нельзя не выслушать печальной повѣсти автора о томъ, какъ нашъ режимъ отразился на обитателѣ Камчатки и какія мѣры еще можно предпринять для улучшенія его быта. Общій смыслъ этой повѣсти сводится къ тому, что русскіе владѣютъ Камчаткой двѣсти лѣтъ и ничего не дали этому краю, кромѣ канцелярскаго гнета (подъ видомъ „управленія краемъ“), разоренія и умственной загрузѣности. Обычная картина нашей политики на инородческихъ окраинахъ: поборы, „натуральныя“ повинности, вродѣ „каюрства“, т.-е. разъѣздовъ по безконечнымъ пространствамъ съ грознымъ „начальствомъ“ или по дѣламъ начальства съ „бумагами“ въ кармаи; отсутствіе всякой заботы о леченіи и просвѣщеніи, произволъ, безправіе и невѣжество чиновниковъ и духовенства — все это слишкомъ извѣстно, и авторъ даетъ этому роковому „извѣстному“ только мѣстную окраску. Изобразивъ страшную картину эпидеміи въ 97-мъ году, авторъ со скорбью жалуется на свою полную безпомощность сдѣлать что-либо своими силами. „Въ свое время я писалъ, — говоритъ онъ, — о насущной необходимости улучшить медицинскую помощь инородческому населенію Камчатки. Но писанія и на этотъ разъ, какъ и

всегда, остались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Чтò за дѣло сытымъ и довольнымъ чиновникамъ, получающимъ положенное по штату содержаніе, до того, что населеніе Камчатки во время эпидеміи совершенно безпомощно, что оно за 200-лѣтнее владѣніе Камчаткой не научено ничему хорошему своими покорителями, заплативъ и все еще платя щедрую дань имъ несчетными сороками соболей, черныхъ и красныхъ лисицъ, морскихъ бобровъ и др. пушнина и получивъ отъ нихъ только сифились. Какое кому дѣло, что это населеніе день и ночь, безпрекословно, везетъ по топямъ, въ дождь и снѣгъ, то какого-нибудь начальника, въ лицѣ ли начальника округа или его помощника, окружнаго врача, урядника, или какой-нибудь изъ безчисленныхъ и безтолковыхъ приказовъ;—это, говорятъ, его „натуральная повинность“; какое дѣло до того, что это населеніе, доведенное двухсотъ-лѣтнимъ совершенно безконтрольнымъ владычествомъ посылавшихся правителей до подобнаго состоянія, вынуждено было забыть родной языкъ, чтобы выучить русскій, но такъ, что нужно долго привыкать къ этой искаженной рѣчи, чтобы что-нибудь понять. А казалось бы, давно слѣдуетъ обратить вниманіе на тяжелое положеніе камчатскихъ инородцевъ. И помочь, хотя бы немного, не все вдругъ, казалось, было бы не трудно при желаніи. Камчадалы—это тѣ же дѣти, но только взрослые; при этомъ, надо сказать, дѣти очень способны отъ природы. Ихъ нужно учить, учить не плетью, какъ дѣлаютъ нѣкоторые мудрые начальники, посылая для обученія въ камчадалское селеніе казака (обучать камчадала ловить рыбу!), а собственнымъ примѣромъ, добрымъ и ласковымъ словомъ и обхожденіемъ.

Отъ недостатка заботъ и вниманія къ нуждамъ края онъ не только не приходитъ съ теченіемъ времени въ болѣе культурное состояніе, но, напротивъ, обрекается на заустѣніе, такъ какъ естественныя богатства, благодаря хищнической эксплуатаціи, уменьшаются, и жителямъ становится все труднѣе и труднѣе вести борьбу за свое существованіе. Въ главѣ VII-й авторъ приводитъ цѣлый рядъ за душу хватающихъ эпизодовъ, наглядно изображающихъ ту атмосферу безправія и незащитности, въ которой живутъ несчастные камчадалы. Незавидна при этомъ, если вѣрить рассказамъ, и роль мѣстнаго духовенства: и оно, въ своемъ обращеніи съ населеніемъ, немногимъ отличается отъ представителей мѣстной администраціи. Пересказывать эти эпизоды было бы слишкомъ долго, да и услышать ихъ можно вездѣ, гдѣ инородцы приходятъ въ соприкосновеніе съ попечительными заботами русской администраціи. И все это оттого—кажется камчадаламъ,—что царю неизвѣстно ихъ горькое положеніе: „какъ бы царь самъ бы зналъ житье наше,—разсуждаютъ они,—такъ безпремѣнно намъ бы лучше было, потому онъ какъ Богъ, все по

правдѣ... Потому какъ больше его нѣтъ, и что онъ скажетъ, хоть какому начальнику, такъ оно и будетъ. И товаръ, може, дешевле будетъ, и дадутъ намъ, что намъ нужно"... Горячая защита камчадаловъ, во имя общечеловѣческихъ правъ и государственнаго достоинства и пользы, обличаетъ въ авторѣ человека съ высоко развитымъ чувствомъ общественной правды, и нужно надѣяться, что голосъ его съ одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества уже не долго будетъ звучать гласомъ вопиющаго въ пустынь, что онъ дойдетъ до слуха тѣхъ, кому дороги интересы нашей гражданственности и культуры.

VI.

— Мережковский, Д. С. Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб., 1906.

Достоевскій—пророкъ русской революціи. Такъ рѣшилъ г. Мережковский, у котораго своя логика, своя аргументація и свое особое искусство наговорить подчасъ очень много, а сказать куда меньше такого, что могло бы кореннымъ образомъ задѣть критическую мысль и направить ее по новому пути. Это такъ замѣтно на его послѣдней книгѣ. Художественная разбросанность плана даетъ возможность строить изложеніе на частностяхъ, внутренне мало согласованныхъ, говорить афоризмами, заинтересовывать читателя неожиданными сопоставленіями, игрой словъ и возбуждать *обманчивое настроеніе мысли*, ея психику, не возбуждая въ то же время самой мысли къ анализу и провѣркѣ. Только этимъ и можно объяснить, что, при всей скудости содержанія послѣдней работы г. Мережковского, она читается съ интересомъ, особенно если принять во вниманіе сдѣланную въ ней попытку подогнать и Достоевскаго къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ современности и сдѣлать его сопричастникомъ русской революціи, хотя бы въ томъ смыслѣ, что у автора „Дневника писателя“ нашлось, среди огромной массы написаннаго, нѣсколько страницъ, удобныхъ для художественно-публицистическаго парафраза на современныя темы.

Снисходительно отмѣтивъ „обманы и самообманы“ Достоевскаго, высказанные имъ по поводу того, что „Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездною“—между жаждущимъ земли крестьянствомъ и христіанствомъ, „русскимъ“ христіанствомъ—православіемъ, г. Мережковский прекрасно обнаруживаетъ безсиліе Достоевскаго согласовать его представленіе объ анти-христіанскомъ господствѣ папъ съ представленіемъ о самодержавіи, осуществляющемъ духовную христіанскую свободу. Столь же мѣтко обличаетъ

г. Мережковскій, въ сущности уже обличенную, славянофильскую завосность передъ Европой, которая каждому русскому, по словамъ Достоевскаго, „такъ же драгоценна, какъ Россія“, и которую (Европу), тѣмъ не менѣе, русскіе, по совѣту того же Достоевскаго, должны были бы съѣсть, чтобы не быть съѣденными самими. Достоевскій произнесъ смертный приговоръ надъ всей общественностью Европы, гдѣ онъ видѣлъ лишь одно „рабство и самоубійство“, но въ то же время русское православіе было для него источникомъ могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія той же Европы. А нашимъ православіемъ благословлялось самодержавіе, которое въ свою очередь, какъ мы видѣли, воплощало въ себѣ, по Достоевскому, духовную свободу. „И ежели государственная власть папѣ Достоевскому кажется отреченіемъ отъ Христа, то русское самодержавіе должно бы ему казаться прямымъ и широкимъ путемъ въ царство Антихриста“.

Должно бы казаться, а вотъ не казалось, и даже совсѣмъ напротивъ. Это можно констатировать, какъ фактъ, но дѣлать его исходной точкой для доказательства мысли, что самодержавіе и христіанство—двѣ вещи несомѣстныя, едвали стоило. Достоевскій для этого—орудіе слишкомъ тяжелое, и бьетъ оно совсѣмъ не въ ту сторону, куда хотѣлось бы г. Мережковскому. А главное—г. Мережковскій ломится въ открытую дверь и доказываетъ мысль, которая стала ясною не со вчерашняго дня. Г. Мережковскій могъ бы найти иные, болѣе близкіе, поводы для отождествленія, если ему угодно, самодержавія съ антихристомъ. И кто же мѣшалъ бы ему поговорить на эту тему безъ всякихъ поводовъ и подходовъ, не вводя читателя въ заблужденіе относительно Достоевскаго и не дѣлая изъ него провидца русской революціи? При всемъ своемъ талантѣ, глубинѣ и тонкости психологическаго анализа, Достоевскій въ своихъ общественныхъ и политическихъ взглядахъ былъ реакціонеромъ чистой воды, убѣжденнымъ противникомъ всего, что не мирилось съ самодержавіемъ и православіемъ, и этого факта не прикрывъ никакими хитротолкованіями, никакой игрой словъ.

А революція, о которой говоритъ Верховенскій, имѣетъ къ революціи, переживаемой нами, самое отдаленное отношеніе. Наша революція построена на социализмѣ, вся пронята его идеалами, а Верховенскій отрицаетъ социализмъ: „старья“, молъ, „силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ“—обычная погудка реакціонеровъ шестидесятыхъ годовъ. Онъ противопоставляетъ ему другую силу, силу грозную, но каку-то подозрительную: „Намъ вѣдь только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все подымется!“ А рычагъ этотъ—Иванъ Царевичъ, самозванецъ, та же самодержавная власть. Словомъ, клинъ клиномъ... а въ результатѣ: „и застонетъ стономъ земля, и взволнуется море, и

рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное“. Слышится ли здѣсь предвѣстіе русской революціи, а не простая діалектика, или, если ужъ подыскивать толкованіе, не мечта о захватѣ власти: „строить мы будемъ, мы, одни мы!“? Это послѣдніе слова монолога Верховенскаго, но... что же строить теперь они, эти „неистовые мечтатели“, отвергавшіе идеалы социалистическаго порядка? Не скорбятъ ли одни изъ нихъ объ упадкѣ духовныхъ основъ, въ станѣ реакціонеровъ, а другіе не ищутъ ли способовъ примѣнать къ старымъ традиціямъ эстетическаго эпикурейства освѣжающую волну новыхъ социальныхъ признаковъ?

Революція—по Достоевскому—совѣмъ не революція въ нашемъ смыслѣ, а то „преображеніе“, о которомъ говоритъ старецъ Зосима: „Общество христіанское пребываетъ неизменно въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь“. Вообще г. Мережковскій слишкомъ смѣло отождествляетъ Достоевскаго съ Зосимой, но въ данномъ случаѣ разсужденія старца какъ нельзя болѣе согласуются со всѣмъ строемъ убѣжденій Достоевскаго. Достоевскій утверждалъ революцію духовную, но отрицалъ социальную, и имѣлъ въ виду „переходъ общества въ церковь“, т. е. въ общество вѣрующихъ и возвѣровавшихъ, по существу не касался государства, поскольку оно воплощало въ себѣ идею самодержавія, и смѣшеніемъ терминовъ „общество“ и „государство“, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Мережковскій, создавалъ путаницу въ понятіяхъ. Тамъ же, гдѣ дѣло шло о духовномъ перерожденіи людей, Достоевскій, устами того или другого героя, выражался опредѣленно и ясно: „Церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголокъ, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлью всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества“. Видѣть въ подобныхъ общихъ, для извѣстнаго склада людей, разсужденіяхъ предзнаменованіе русской революціи—не болѣе основательно, чѣмъ видѣть въ невинныхъ словахъ—„позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ“—намекъ на земскій соборъ, какъ это дѣлаетъ г. Мережковскій, не взирая на то, что сама современная Достоевскому цензура обошла ихъ, по причинѣ ихъ явной невинности, своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Нѣтъ, ужъ на что удобный источникъ Достоевскій, чтобы черпать изъ него матеріалъ для всякаго рода пророчествъ и предзнаменованій, но къ дѣлу русской революціи онъ рѣшительно никакого отношенія не имѣетъ, и поминать его въ страданные революціонные дни, какіе мы переживаемъ теперь, едва ли у мѣста.

Такимъ образомъ, и эту о происхожденіи самодержавія отъ

Антихриста приобретаетъ самостоятельную цѣнность. Здѣсь г. Мережковский говоритъ отъ себя—ему во всеобщее, что касается Антихриста, и книги въ руки.

Евг. Л.

VII.

— Декабристы. 86 портретовъ; видъ Петровскаго завода и 2 битовыхъ рисунка того времени. Пояснительный біографическій текстъ приватъ-доцента Московскаго университета П. М. Головачева. Вступительная статья В. А. Маякотина. Изданіе М. М. Зензинова. I—XX+I—294+I—II. Москва 1906.

Прекрасно изданный большой томъ (въ большую 8°, въ 300 слишкомъ страницъ) заключаетъ въ себѣ, кромѣ 86 портретовъ декабристовъ, вступительную статью В. А. Маякотина, предисловіе и пояснительный біографическій текстъ П. М. Головачева и его же поправки и дополненія. Портреты нѣкоторыхъ декабристовъ въ отдѣльности появлялись и раньше въ различныхъ изданіяхъ, затѣмъ 23 портрета изъ собранія г. Зотова были помѣщены въ книгѣ Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I“, но появленіе въ свѣтъ коллекціи Зензинова дало возможность видѣть многихъ декабристовъ впервые, другихъ—такими, какими мы ихъ не знали раньше.

Въ предисловіи къ книгѣ объясняется происхожденіе только-что изданнаго собранія портретовъ. Братья Н. и М. А. Бестужевы въ Селенгинскѣ задумали составить сборникъ біографій всѣхъ декабристовъ, который Н. А. Бестужевъ имѣлъ намѣреніе приложить къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ самимъ акварелью „съ изумительнымъ сходствомъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія назначеннаго на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ“. „Эта коллекція“, по словамъ М. А. Бестужева, „увезена сестрой Еленой Александровной“. Проданная извѣстному Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, она въ настоящее время, къ сожалѣнію, неизвѣстно, гдѣ находится. Равно безслѣдно исчезло и собраніе дубликатовъ всѣхъ портретовъ, писанныхъ Н. Бестужевымъ, подаренное послѣднимъ селенгинскому купцу Лушникову. Но это собраніе акварелей было въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Москвѣ, и здѣсь съ нихъ были заказаны г. Зензиновымъ художнику Питчу карандашные копии. Эти-то послѣднія и воспроизведены въ настоящемъ изданіи. По самому происхожденію коллекціи Зензинова, въ ней не могло быть портретовъ декабристовъ, не попавшихъ почему-либо въ Сибирь; иныхъ лицъ, впрочемъ, просто не хватаетъ. Поэтому Бестужевскихъ портретовъ находится въ книгѣ всего шестьдесятъ-четыре, остальные двадцать-два взяты изъ собраній: П. О. Созоновичъ, В. Е.

Якушкина и изъ другихъ изданій, при чемъ послѣдніе портреты, кромѣ пяти казенныхъ, въ большинствѣ случаевъ представляютъ декабристовъ уже въ старости, почему въ смыслѣ интереса далеко уступаютъ первымъ. Въ художественномъ отношеніи, правда, портреты Бестужева не слишкомъ высокаго качества, почему трудно вмѣстѣ съ издателемъ назвать кисть его „искусной“, но зато ее можно признать „вѣрной“, ибо сходство портретовъ съ оригиналами было удостовѣрено Завалишинымъ, М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, Бѣляевымъ и другими. Не болѣе искуснымъ является и карандашъ Питча: хотя онъ несомнѣнно вѣрно передалъ оригиналъ, но зато совершенно сгладилъ особенности акварельнаго письма, хотя фототипія Фишера въ Москвѣ прекрасно воспроизвела рисунки Питча, сохранивъ тонъ и характеръ карандашнаго рисунка. Все это, однако, нисколько не умаляетъ иконографическаго значенія и интереса изданныхъ г. Зензиновымъ портретовъ этой единственной въ своемъ родѣ коллекціи и книга несомнѣнно украситъ собой бібліотеку каждаго интересующагося исторіей XIX столѣтія и въ частности исторіей декабристовъ. Этому, конечно, весьма много будетъ способствовать и „пояснительный текстъ“, составленный П. М. Головачевымъ. Въ сущности авторъ, съ значительнымъ безпристрастіемъ, умѣренностью и объективностью историка, даетъ читателю весьма полныя біографіи всѣхъ восьмидесяти шести декабристовъ съ краткими характеристиками каждаго, при чемъ среди нихъ есть немало совсѣмъ почти неизвѣстныхъ. При этомъ расположеніе по алфавиту дѣлаетъ изданіе прекрасной справочной книгой. Г. Головачевымъ сдѣлана серьезная и нелегкая работа, но, наряду съ достоинствами, она не лишена и нѣкоторыхъ недостатковъ. Прежде всего попадаетъ значительное количество неточностей и мелкихъ фактическихъ промаховъ: Кюхельбекеръ, наприимѣръ, стрѣлялъ не въ генерала Волкова, а въ командира гвардейскаго корпуса Воинова; Нарышкинъ родился не въ 1795 г., а 4-го февраля 1798 г.; Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ „скончалась въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, куда поступила послѣ смерти второго мужа“, но въ Москвѣ единственный Покровскій монастырь—мужской; Александръ Крюковъ былъ женатъ не на мѣстной уроженкѣ, а на сосланной эстонкѣ; сестра Захара Чернышева названа графиней Чернышевой-Салтыковой, вмѣсто—Чернышевой-Кругликовой; про Никиту Михайловича Муравьева сказано, что у него была „единственная“ дочь Софья. вышедшая „за извѣстнаго генерала“ Бибикова, тогда какъ у него было еще двѣ дочери, Екатерина и Елизавета, умершія въ пожиломъ годахъ, незамужними; что же касается первой, то мужъ ея былъ неизвѣстный майоръ М. И. Бибиковъ. Нѣтъ нужды больше останавливаться на подобныхъ недосмотрахъ, которыхъ еще можно довольно

набрать изъ текста П. М. Головачева. Что касается до характеристикъ декабристовъ, то многія изъ нихъ, при всей ихъ краткости, отличаются жѣткостью, но зато есть и такія, которыя грѣшатъ противъ истины или отзываются нѣсколько панегирикомъ, въ чемъ, конечно, декабристы не нуждаются. Это объясняется той точкой зрѣнія, которую усвоилъ себѣ авторъ: онъ смотритъ на декабристовъ не какъ на обыкновенныхъ людей, со всѣми ихъ слабостями, достоинствами и недостатками, а исключительно какъ на „мучениковъ идеи“ и „благородныхъ прародителей русской политической свободы“. Поэтому и отношеніе къ нимъ особенное. Такъ, иногда авторъ прибѣгаетъ къ фигурѣ умолчанія, — наприимѣръ, говоря о предсмертныхъ минутахъ С. И. Муравьева-Апостола, онъ умалчиваетъ о свидѣтельствѣ И. Д. Якушкина; въ другихъ случаяхъ старается смягчить свои же отзывы, — такъ, о Лунинѣ онъ говоритъ, что „онъ былъ храбръ, но безъ всякаго бреттерства“, т.-е. какъ разъ наоборотъ; о Ентальцовѣ, который изъ ревности звѣрски обращался съ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, онъ довольно мягко выражается—„сильно притѣснялъ“. Въ иныхъ случаяхъ г. Головачевъ прибѣгаетъ къ такимъ туманнымъ выраженіямъ, что у читателя остается впечатлѣніе, будто авторъ что-то еще знаетъ, но не все говорить,—наприимѣръ, онъ пишетъ: „Здоровье Бяратинскаго подорвано еще въ Россіи вслѣдствіе особенностей его личнаго поведенія“. Даже о Д. И. Завалишинѣ авторъ выражается необыкновенно мягко и говоритъ о немъ, что онъ „имѣлъ какой-то психическій дефектъ“, тогда какъ это лицо имѣетъ вполне опредѣленную нравственную физиономію, при чемъ представленіе о немъ, очень ясное, создается на основаніи свидѣтельствъ многихъ изъ его сотоварищей; впечатлѣніе же отъ его „записокъ“, о которыхъ говоритъ и П. М. Головачевъ, только подтверждаетъ эти жесткіе о немъ отзывы. Конечно, тотъ же особенный пѣтеть къ предмету часто заставляетъ автора пояснительнаго текста прибѣгать къ языку высокому, но, благодаря этому, мѣстами и неясному. Серьезно говоря, едвали необходимы фигуральныя фразы вродѣ слѣдующихъ: „температура его политической экзальтаціи достигла высшаго предѣла“..., или: „температура взаимной любви и расположенія особенно высоко поднималась во время болѣзни кого-либо изъ товарищей...“, или еще: „Кюхельбекеръ горячо принялъ къ сердцу идеи, одушевлявшія благородныхъ прародителей русской политической свободы...“ Такой же „высокій стиль“ субъективнаго чувства, вмѣсто спокойнаго объективнаго изложенія историка, усвоенъ авторомъ вступительной статьи. Людямъ, знакомымъ съ исторіей общественнаго движенія въ царствованіе Александра I, эта статья ничего не сообщаетъ новаго; что же касается до большой публики, то, кажется, ей было бы инте-

реснѣе получить краткій очеркъ, болѣе или менѣе фактическій, исторіи возникновенія тайныхъ обществъ, событій 14 декабря, слѣдствія, суда и приговора надъ декабристами, такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія хотя и есть въ книгѣ, но отрывочно разбросаны по всѣмъ біографіямъ.

Къ книгѣ приложены видъ Петровскаго завода и два чрезвычайно любопытныхъ и неизвѣстныхъ рисунка: „камера декабристовъ въ чинскомъ острогѣ (1829 г.)“ и „кабинетъ Н. Д. Якушкина въ Ялуторовскѣ (1836 — 1855 г.г.)“. Кромѣ того, въ концѣ книги имѣются „поправки и дополненія о П. Г. Каховскомъ“ и „библиографическій указатель“ источниковъ и матеріаловъ. Въ заключеніе можно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе прекраснаго изданія М. М. Зеввинова, вполне художественно исполненнаго и очень чисто напечатаннаго на хорошей бумагѣ, хотя нельзя не признать также цѣну книги (12 р.) нѣсколько высокой. — А. Г.

Въ іюнѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

- Айзманъ*, Д.—Разказы, т. I. Спб. 906. Ц. 1 р.
Андреевъ, Л.—Мелкіе разказы. Т. III. Спб. 906. Ц. 1 р.
 ——— Разказы. Т. II. Спб. 906. Ц. 1 р.
Беме, Маргарита.—Дневникъ падшей. Съ нѣм. Кіевъ. 906. Ц. 75 к.
Беренштамъ, Вл.—За право! 15 фотограф. снимковъ. Спб. 906. Ц. 80 к.
Бернштейнъ, Э.—Теорія и практика соціальной демократіи. Съ нѣм. В. Д. Ульрихъ. Спб. 906. Ц. 20 к.
Бехтеевъ, С. С.—Хозяйственные итоги истекшаго .сорокалѣтія. Т. II: Вопросъ земельный. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.
Верхарнъ, Эм. Стихи о современности, въ переводѣ В. Л. Брюсова. М. 906. Ц. 1 р. 30 к.
Горнфельдъ, А. Г.—Муки слова. Спб. 906. Ц. 20 к.
Гротъ, К. Я.—Дневникъ И. И. Козлова. Спб. 906.
Далаевъ, д-ръ, Ин. В.—Народное здравіе и насущные вопросы медицинской организаціи. Спб. 906. Ц. 60 к.
 ——— Искусство работать. Умственный трудъ, его гигиена и методика. Спб. 906. Ц. 25 к.
Догановичъ, Анна.—Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчель. Съ рис. М. 906. Ц. 40 к.
Елпатьевскій, К. В.—Сборникъ легендъ и стихотвореній изъ всеобщей исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.
Емельяновъ, Е. Г.—Научныя экскурсіи въ область загадочнаго. Спб. 906. Ц. 60 к.
 ——— Золото въ россыпяхъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ: Записка практика-золотопромышленника. Спб. 906. Ц. 1 р.

- Радій въ рози Дракона. Золото и радій на Кавказѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.
- Ермоловъ, А. С.* — Нашъ земельный вопросъ: I. Земля и трудъ. II. Крестьяне и земля. III. Дѣйствительность и земельныя утопіи. Спб. 906. Стр. V+291. Ц. 1 р. 50 к.
- Жоресъ, Ж.* — Интернационализмъ и патриотизмъ. Съ франц. И. Биллинъ и Я. Кернесъ. Киевъ. 906. Ц. 12 к.
- Зайончковскій, Н.* — Письмо къ гр. И. И. Толстому (б. министру народн. просвѣщенія). Спб. 906.
- Звенигородскій, кн. Андрей.* — Delirium tremens. М. 906.
- Игнаси.* — Чѣмъ должно быть право? Объективныя основы нравственности и права. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 30 к.
- Калантаръ, Ал.* — Мелкая земская единица. Тифл. 906.
- Кривальскій, К. А.* — Война. Разказы. Спб. 906. Ц. 80 к.
- Купринъ, А.* — Разказы. Т. II: 1) Поединовъ, 2) Съ улицы. Спб. 906. Ц. 1 р.
- Лисенковъ, Г. И.* — Опытъ систематическаго построения аграрной программы. Исслѣдованіе въ пяти частяхъ. Ч. 1 и 2. Спб. 906.
- Луначарскій, А.* — Отрывки жизни. Спб. 906. Ц. 80 к.
- Львовъ, А. К.* — Пѣсни горькой доли. Для школы и народа. Н.-Новг. 906. Ц. 25 к.
- Львовъ, Ф.* — Лиходѣи бюрократическаго самовластья, какъ непосредственныя виновники первой русско-японской войны. Спб. 906. Ц. 50 к.
- Мазетинъ, Евг.* — Повѣсти и разказы. Изъ сельской жизни. Кадниковъ. 906. Ц. 1 р.
- Мережковскій, Д.* — Трилогія. Христосъ и Антихристъ. Спб. 906. Ч. I. Ц. по подлинскѣ 4 р. 50 к.
- Оболенская, З. Н.* — Къ свободѣ и свѣту. М. 906. Ц. 1 р.
- Оленевъ, М.* — Идеологія русскаго буржуа. О старомъ и новомъ либерализмѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.
- Преображенскій, Ф.* — Крестьянство и земля. М. 906. Ц. 50 к.
- Сведенборгъ, Эм.* — Посмертное твореніе. Апокалипсисъ (гл. I) по смыслу духовному. Спб. 906. Ц. 60 к.
- Симбирскій, Н.* — Правда о Гапонѣ и 9-мъ января. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.
- Соловьевъ, К. Н.* — Родное слово. Быть, нравы, обычаи и повѣрья. Спб. 906.
- Тацyna, Лидія.* — Стихотворенія. Вильна, 906. Ц. 60 к.
- Тимирязевъ, К. Л.* — Наука и земледѣлецъ. М. 906. Ц. 10 к.
- Толстой, гр. А. К.* — Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳеодоръ. III. Царь Борисъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. 21-е. Т. III. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.
- Фишеръ, Куно.* — Исторія новой философіи, т. V. Иммануилъ Кантъ и его ученіе. Ч. 2: Система разума на основѣ критики разума. Съ нѣм. Д. Жуковский и О. Аносова. Спб. 906. Ц. 3 р. 50 к.
- Цытовичъ, Н. М.* — Политическая реформа и социальный переворотъ. По поводу лекцій А. Исаева: „Характеръ русской революціи“. Киевъ. 906.
- Чадовъ, М. Д.* — Славянофилы и народное представительство. Харьк. 906. Ц. 40 к.
- Чернышевъ, В.* — О программѣ будущей народной школы. Спб. 906. Ц. 40 к.
- Чириковъ, Е.* — Пьесы, т. IV. Спб. 906. Ц. 1 р.
- Щепкинъ, М. П.* — Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городоваго Положенія. М. 906. Ц. 1 р.

Юшкевичъ, Семень.—Разказы, т. III. Спб. 906. Ц. 1 р.

Дрошъ, А.—Происхожденіе души и элементы познанія. Опытъ параллелистическаго міросозерпанія. Спб. 906. Ц. 1 р.

Эмбахеръ, П.—Анархизмъ. Изложеніе ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Л. Толстого. Съ нѣмецъ. Р. Стрѣльцовъ. Спб. 906. Ц. 800.

Boyer, P., et Spéranski, N.—Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués, Commentaire grammatical, Remarques diverses en appendice lexique. Par. 906. Ц. 10 фр.

— Народная и дѣтская литература съ 1880 г. по 1905 г. Сборникъ своихъ отзывовъ. Подъ ред. А. Громбаха. Вып. I: Географія. М. 906. Изд. Москов. Губерн. Земства.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1905 годъ. Кн. VII, VIII, IX и X. Спб. 906. Ц. по 1 р. книга.

— Темы жизни. № 6. Д. Зайцевъ, Государственне страхование рабочихъ, ц. 8 к.—Володинъ, В., Чему жизнь рабочихъ учить, ц. 6 к.—А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи, ц. 8 к.— № 4. К. Пономаревъ, Пролетаріатъ на Кавказѣ, ц. 7 к.— Г. Давыдовъ, Какъ расходуются народныя деньги, ц. 5 к.— В. Львовъ, 90-ые годы и творчество В. Вересаева.— № 8. А. Глѣбовъ, Общественныя работы, ц. 12 к.— П. Румянцевъ, Крестьянство и социаль-демократія, ц. 5 к. Спб. 906.

— Толковый Словарь живого великорусскаго языка, Влад. Даля. 3-е исправленное и значит. дополненное изданіе, п. р. проф. Н. А. Бодуэна-де-Куртена. Т. III, вып. 21. Спб. 906.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1906 г.

Отголоски русских дѣлъ за границей.—Митингъ протеста въ Берлинѣ и рѣчь профессора Листа.—Парламентскія пренія во Франціи.—Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ.—Министерская декларация.—Политическіе вопросы и социальная программа.—Рѣчи Жореса и Клемансо.—Внутренніе кризисы въ Австріи и Венгрии.

Печальныя событія нашей внутренней политики приняли въ последнее время такой характеръ, что за границей серьезно поднимался вопросъ о мѣрахъ дипломатическаго воздѣйствія или вмѣшательства съ точки зрѣнія интересовъ простой человѣчности, независимо отъ обычныхъ заботъ иностранныхъ кредиторовъ Россіи. Въ британскомъ парламентѣ настойчиво высказывалась мысль о необходимости дать почувствовать русскому правительству, что оно не пользуется симпатіями западно-европейскаго культурнаго міра и вызываетъ всеобщее негодованіе допущеніемъ такихъ погромовъ, какъ бѣлостокскій; обѣ палаты сѣверо-американскаго конгресса приняли постановленія въ этомъ смыслѣ, и президенту Рузвельту приписывалось намѣреніе официально довести до свѣдѣнія русской дипломатіи о чувствахъ американцевъ по поводу происходящихъ у насъ безобразій.

Само собою разумѣется, что эти попытки иностраннаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла были бы совершенно безцѣльны и послужили бы только матеріаломъ для дешовыхъ патріотическихъ протестовъ извѣстнаго рода печати; нѣкоторыя газеты, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ, заранѣе обвинали чуть ли не въ государственной измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, кто разоблачаетъ грѣхи отечественныхъ порядковъ передъ чужими націями или надѣется на сочувствіе иностранцевъ въ нашихъ домашнихъ счетахъ съ правительствомъ. Для наивныхъ и фальшивыхъ патріотовъ изъ породы „истинно-русскихъ людей“ Россія и русская самодержавная бюрократія—одно и то же, государство совпадаетъ съ начальствомъ, а отечество олицетворяется департаментомъ полиціи или полицейскимъ участкомъ: кто нападаетъ на высшее русское правительство и его агентовъ, тотъ является, будто бы, врагомъ Россіи, а унижать русскую государственную власть въ глазахъ иностранцевъ—значитъ подрывать авторитетъ Россіи, какъ великой державы. Но эти мнимые патріоты не видятъ и не понимаютъ, до чего унижается и стаптывается въ грязь международная

репутация Россіи преступными дѣйствіями русской администраціи, и какъ дорого обходятся государству, даже съ чисто-финансовой точки зрѣнія, такіе возмутительные факты, какъ кровавые погромы, неустанно поощряемые и оправдываемые такъ называемою патриотическою печатью. Заграницею никто не смѣшиваетъ теперь русскаго правительства съ русскимъ государствомъ и народомъ, и именно тѣ иностранцы, которые громко выражаютъ свое возмущеніе противъ существующаго у насъ режима, съ наибольшею рѣшительностью высказываютъ свои симпатіи къ Россіи, какъ къ несчастной великой странѣ, достойной занять вполне равноправное мѣсто въ ряду передовыхъ свободныхъ націй культурнаго міра.

Насколько западно-европейское общественное мнѣніе отличаетъ официальную Россію отъ народной, можно видѣть, напримѣръ, изъ рѣчей, произнесенныхъ на недавнемъ „митингѣ протеста“ въ Берлинѣ. На этомъ многочисленномъ собраніи, состоявшемся 24 іюня (нов. ст.), предсѣдательствовалъ депутатъ имперскаго сейма Шрадеръ, который въ своемъ вступительномъ словѣ коснулся бѣлостокскихъ ужасовъ и связанныхъ съ ними общихъ принципиальныхъ вопросовъ. Обсуждая „невозможное положеніе дѣлъ“ въ Россіи, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія интересовъ германской имперіи, депутатъ Шрадеръ въ весьма осторожномъ и умѣренномъ тонѣ говорилъ о недостаткахъ русскаго управленія. „Если не обманываютъ насъ всѣ отчеты, — продолжалъ ораторъ, — то бѣлостокскія звѣрства готовились и совершались при участіи и попустительствѣ мѣстныхъ властей, и это обстоятельство должно особенно возбуждать наше отвращеніе и волновать нашу общественную совѣсть. Безъ сомнѣнія, когда-нибудь установятся, наконецъ, правильные и разумные порядки, которые дадутъ русскому народу возможность спокойно развиваться и устраивать мирно свою жизнь. И мы имѣемъ въ этомъ величайшій интересъ, преимущественно въ финансовомъ отношеніи“. Послѣ Шрадера выступилъ передъ собраніемъ извѣстный профессоръ уголовного права, фонъ-Листъ. „Два мотива, тѣсно и неразрывно связанные между собою, — сказалъ профессоръ Листъ, — побудили насъ созвать это собраніе протеста: во-первыхъ, желаніе выразить чувства нашей дружбы къ сосѣднему русскому государству, и во-вторыхъ, забота о томъ, чтобы интересы германской имперіи не пострадали подъ вліяніемъ русскихъ событій. Дружба между государствами и народами не есть нѣчто произвольное, а основывается на извѣстной общности интересовъ. Эта общность интересовъ, гдѣ она существуетъ, можетъ временно затемняться разными политическими обстоятельствами; наши отношенія съ Россіею неоднократно разстраивались, какъ это было послѣ берлинскаго конгресса и затѣмъ двѣнадцать лѣтъ спустя, когда русская дипломатія возле-

чена была въ союзъ съ Франціею. Наша торговля съ Россіею составляетъ десятую долю всей вообще германской торговли; огромная масса нѣмецкихъ капиталовъ помѣщена въ частныхъ русскихъ предпріятіяхъ. Поэтому, всякій разъ, когда нарушается хозяйственная производительность Россіи, хотя бы только на короткое время, это наноситъ ущербъ и германскимъ хозяйственнымъ интересамъ. Также и съ точки зрѣнія высшей политики для насъ чрезвычайно важно, чтобы Россія сохранила способность къ положительнымъ политическимъ дѣйствіямъ. Въ системѣ равновѣсія великихъ державъ Россія является весьма могущественнымъ факторомъ. Если она временно устраняется или не принимается въ расчетъ, то равновѣсіе нарушается, и возникаетъ опасность чрезмѣрнаго перевѣса Великобританіи, которая, несмотря на свои нынѣшнія дружественныя отношенія съ Германіею, остается великой угрозой для всего политическаго положенія нѣмецкаго народа. По хозяйственно-финансовымъ, культурнымъ и политическимъ причинамъ мы должны сохранять вѣрную дружбу съ сосѣднею, подвергшеюся столь тяжкимъ испытаніямъ страной, и мы должны желать, чтобы она была въ состояніи предоставить своему народу возможность активно участвовать въ культурныхъ успѣхахъ человѣчества. Съ тревогою и грустью обращаемъ мы туда свои взоры; насъ беспокоитъ то, что мы имѣемъ предъ собою совершенно своеобразное явленіе, которое прежде никогда не замѣчалось при революціяхъ. Это обдуманное заранѣе способъ дѣйствій—организациа черныхъ бандъ и затѣмъ избіеніе не какихъ-нибудь революціонеровъ, а мирныхъ жителей. И все это происходитъ при пассивномъ участіи органовъ, предназначенныхъ для поддержанія порядка, въ присутствіи полиціи и вооруженной силы. Потому—безнаказанность или даже повышение. Именно это содѣйствіе правительственныхъ органовъ наполняетъ насъ тревожнымъ чувствомъ. Если наши еврейскіе сограждане публично возмущались этими избіеніями, то это, конечно, ихъ бесспорное право и обязанность; но прежде всего—долгъ христіанскаго населенія протестовать самымъ торжественнымъ образомъ, и съ этимъ протестомъ должно соединиться требованіе, чтобы выяснены были причины и виновники этихъ ужасовъ. Мы имѣемъ право желать, чтобы установлена была степень сознательнаго умысла въ этихъ событіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не спросить себя, не находятся ли соучастники въ нашемъ нѣмецкомъ населеніи. Современная Россія опирается на финансовую поддержку, которую она получаетъ съ Запада; она должна потерпѣть крушеніе въ тотъ моментъ, когда эта поддержка будетъ у нея отнята. Кто помогаетъ Россіи при современныхъ условіяхъ, тотъ дѣлается сообщникомъ совершаемыхъ ужасовъ и ответственнымъ за нихъ. Мы можемъ здѣсь публично выразить признательность нашему министер-

ству иностранныхъ дѣлъ за его образъ дѣйствій относительно послѣдняго русскаго займа. Но съ искреннимъ стыдомъ и огорченіемъ мы должны признать, что не только во Франціи, но и въ Германіи дѣтели финансоваго міра, христіанскіе и еврейскіе, давали средства на сохраненіе русской правительственной системы. Наша задача, однако, не исчерпывается только протестомъ; нужно имѣть въ виду не только настоящее, но и ближайшее будущее. Тяжелая задача для Россіи заключается въ томъ, чтобы найти для себя организацію достаточно сильную, способную привести къ установленію правильнаго и разумнаго порядка. Среди всѣхъ этихъ русскихъ бѣдствій является предъ нами, по крайней мѣрѣ, одинъ источникъ свѣта, одинъ общественный органъ, могущій служить представителемъ желательнаго порядка, — русская Государственная Дума. Возникнувъ изъ народныхъ выборовъ, она показала своими заявленіями и дебатами, что въ ея средѣ есть энергическіе и компетентные люди, вполне понимающіе задачи даннаго момента. Именно теперь мы должны воспользоваться случаемъ, чтобы выразить этимъ людямъ наше довѣріе и тѣ надежды, которыя мы возлагаемъ на ихъ дѣятельность. И эти надежды не напрасны. Поднимая свой голосъ въ этомъ смыслѣ, съ твердой увѣренностью повсюду встрѣтитъ сочувственный откликъ, мы дѣйствуемъ не только какъ друзья Россіи, но и какъ нѣмецкіе патріоты“.

Приведенная нами въ подробномъ извлеченіи рѣчь профессора Листа представляется намъ въ высшей степени характерною и поучительною; она какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что просвѣщенные иностранцы отлично понимаютъ разницу между Россією и русскимъ правительствомъ, и что рѣшительное осужденіе господствующаго у насъ режима неразрывно связано съ искреннимъ, сознательнымъ сочувствіемъ къ новой, свободной, парламентской Россіи. Профессоръ Листъ въ одно и то же время настаиваетъ на необходимости сохранить близкія дружественныя связи съ Россійскою имперією и рѣзко подчеркиваетъ отрицательное, даже прямо враждебное отношеніе къ властвующей русской бюрократіи; для него Россія есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ ея нынѣшнія официальныя сферы, и сознаніе этой внутренней противоположности предполагается уже вполне установившимся и безспорнымъ въ общественномъ мнѣніи Германіи. Съ точки зрѣнія профессора Листа, истинные друзья Россіи должны тщательно воздерживаться отъ всего того, что имѣетъ видъ поддержки и поощренія русскаго правительства при современныхъ его условіяхъ и порядкахъ; особенно слѣдуетъ избѣгать какихъ бы то ни было формъ финансовой помощи, въ которой до сихъ поръ не рѣшались отказывать русскимъ государственнымъ людямъ заграничныя банкирскія фирмы. Въ томъ же духѣ говорилъ вслѣдъ за Листомъ депутатъ Трегеръ, который,

впрочемъ, держался больше въ области отвлеченныхъ нравственныхъ соображеній. По его словамъ, „всякій человѣкъ, проникнутый идеями права, свободы, справедливости и культуры, обязанъ рѣшительно протестовать противъ русскихъ жестокостей и насилій, и этотъ единственный протестъ не пройдетъ безслѣдно“. Культурное развитіе—продолжалъ Трегеръ,—ничѣмъ не можетъ быть задержано. „Правительственная анархія въ Россіи должна была неизбежно вызвать противо-дѣйствіе, и такимъ образомъ совершаемыя насилія уравниваются бросаемыми съ другой стороны бомбами. Правительство, несмотря на созваніе Государственной Думы, стремится сохранить свое самодержавіе, и оттого никакое соглашеніе невозможно. Антисемитизмъ, повидимому, не играетъ значительной роли въ происходящихъ кровавыхъ событіяхъ и служитъ для нихъ только вѣншиимъ формальнымъ прикрытіемъ. Общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ народовъ должно оказаться достаточно сильнымъ, чтобы произвести надлежащее давленіе на Россію. Нельзя сомнѣваться, что, каковы бы ни были обстоятельства, русскому народу удастся въ концѣ концовъ создать новую Россію, съ которою мы будемъ въ состояніи идти рядомъ, рука объ руку, и дѣйствовать совмѣстно также въ вопросахъ цивилизаціи“. Въ заключеніе единогласно принята была собраніемъ слѣдующая резолюція: „Собраніе выражаетъ свое глубокое сочувствіе жертвамъ убійствъ въ Россіи и свое негодованіе противъ виновниковъ этихъ безчеловѣчныхъ жестокостей. Оно надѣется, что Государственная Дума добьется привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, и что силы прогресса и культуры помогутъ нашему великому восточному сосѣду достигнуть устроенія прочнаго конституціоннаго порядка, съ обезпеченіемъ гражданскихъ правъ и религіозной свободы, для блага Россіи и въ интересахъ мирныхъ и дружественныхъ отношеній ея съ Германскою имперіею“. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено сообщить текстъ этой резолюціи по телеграфу предсѣдателю русской Государственной Думы.

Замѣчательно, что съ разныхъ сторонъ, изъ важнѣйшихъ центровъ культурнаго міра, доходятъ до насъ авторитетные и громкіе голоса, свидѣтельствующіе о предстоящей коренной перемѣнѣ въ отношеніяхъ передовыхъ иностранныхъ націй къ Россіи подъ вліяніемъ перехода ея на конституціонный путь. До послѣдняго времени русское государство имѣло для Запада только двоякое значеніе, — какъ стихійная физическая сила, которую выгодно привлечь на свою сторону, и какъ неисчерпаемый предметъ эксплуатаціи для иностранныхъ капиталистовъ и предпринимателей. Россіи боялись, съ ней искали дружескихъ соглашеній и союзовъ, старались пользоваться ея военнымъ могуществомъ и политическимъ вліяніемъ для различныхъ

цѣлей, нерѣдко возлагали на нее роль международного жандарма для защиты чуждых ей интересовъ, дорожили сохраненіемъ съ нею традиціонныхъ придворныхъ и дипломатическихъ связей,—но ее не уважали, часто ненавидѣли, смотрѣли на нее, какъ на оплотъ всякаго угнетенія и насилія, и рядомъ съ официальной дружбой правительствъ существовала неискоренимая вражда народовъ къ великой Русской имперіи. Теперь впервые выступаетъ на сцену русская нація, нашедшая свое законное представительство въ Государственной Думѣ, и прежнія чувства антипатіи и недовѣрія, укрѣпившіяся на почвѣ печальныхъ особенностей стараго самодержавнаго режима, мало-помалу исчезаютъ. Международное положеніе Россіи становится болѣе яснымъ и простымъ, къ великой выгодѣ не только русскаго народа, но и всѣхъ другихъ культурныхъ націй, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ результатовъ, достигнутыхъ самымъ фактомъ созыва и существованія перваго русскаго парламента.

Французская палата депутатовъ открыла свои засѣданія 1 іюня (нов. ст.) въ обновленномъ составѣ и тотчасъ же занялась весьма интересными и сложными вопросами. Старѣйшій изъ членовъ палаты, Луи Пасси, произнесъ, по обыкновенію, предсѣдательскую рѣчь, въ которой затронулъ существенныя слабыя стороны политическаго строя третьей республики. Какъ представитель старой либеральной школы, Луи Пасси счелъ своимъ долгомъ напомнить тѣ хорошіе и отчасти забытые нынѣ принципы, во имя которыхъ его сограждане неизмѣнно избирали его въ парламентъ въ продолженіе тридцати-шести лѣтъ. „Порядокъ и свобода—старыя слова, но они всегда хороши. Конституція 1875 года по прежнему стоитъ на стражѣ республики, но она измѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ владѣющихъ ею партій. Многіе не отдають себѣ отчета въ томъ, что эта конституція есть только уставъ дѣлопроизводства въ области государственнаго права и что французы 1906 года подвержены неограниченному произволу конституціонныхъ властей. Всякій гражданинъ можетъ въ каждый данный моментъ навлечь на себя мѣры административнаго насилія, противъ которыхъ онъ нигдѣ не найдетъ ни защиты, ни суда. Съ другой стороны,—продолжалъ Луи Пасси,—новые законы мотутъ возвести на степень обязательныхъ догматовъ самыя худшія посягательства на естественныя права и вольности, признанныя неотъемлемыми въ деклараціяхъ 1789 года. Не только отдѣльная личность, но и большинство гражданъ зависятъ отъ произвола большинства членовъ каждой палаты, хотя бы это большинство состояло только изъ одного лишняго голоса сверхъ половины общаго числа голосовъ“. По мнѣнію

Луи Пасси, эта опасность для гражданской свободы должна быть устранена закономъ, который гарантировалъ бы французамъ отъ произвольныхъ рѣшеній администраціи и отъ случайностей парламентскихъ коалицій. „Такой порядокъ вещей давно организованъ въ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ опредѣлены границы законодательной власти и гдѣ существуетъ верховный судъ, призванный постановлять рѣшенія по жалобамъ и претязаніямъ гражданъ. Депутаты избираются не для непосредственнаго управленія, и большинство должно всегда помнить, что оно не представляетъ собою всей страны. Нужно желать, чтобы депутаты законодательствовали, не выѣшиваясь въ дѣла управленія,— чтобы министры управляли подъ своею конституціонною отвѣтственностью, чтобы юстиція не руководилась политикою, и чтобы каждый исполнялъ свою обязанность въ предѣлахъ признанной за нимъ компетенціи“. Пасси справедливо указываетъ на многіе пережитки старыхъ порядковъ и идей, дающіе себя сильно чувствовать большинству французскаго населенія. „Администрація относится къ плательщикамъ податей безъ достаточнаго уваженія; она все еще смотритъ на нихъ, какъ при старомъ режимѣ, считая ихъ годными только для обложенія разными платежами и для содѣйствія видамъ и интересамъ политическихъ дѣятелей. Въ демократіи плательщики податей являются участниками, заинтересованными въ правильномъ веденіи публичныхъ дѣлъ; они много платятъ за то, чтобы имѣть въ бюджетѣ порядокъ, обезпечить безопасность и свободу труда. Государство обязано имъ доставить всѣ эти блага“. Ораторъ закончилъ свою рѣчь нѣсколькими добродушными совѣтами и красивыми фразами—объ уваженіи къ противникамъ, о сохраненіи внутренняго мира и объ одинаковой любви всѣхъ партій и классовъ къ общему отечеству; палата наградила своего старѣйшаго сочлена шумными рукоплесканіями, но не сдѣлала изъ его указаній никакого положительнаго вывода и перешла затѣмъ къ обычнымъ парламентскимъ дѣламъ и заботамъ. Въ сущности, конечно, и самъ Пасси не имѣлъ въ виду достигнуть чего-нибудь своею суровою критикою французской конституціонной практики; но поднятые имъ вопросы сохраняютъ все свое принципиальное значеніе, хотя они давно уже признаны фактически безплодными, интересными лишь для любителей отвлеченныхъ теорій.

Въ дѣйствительности, граждане Французской республики, обладая всѣми правами и преимуществами ничѣмъ не ограниченнаго народо-властія, далеко не пользуются такою личною и общественною свободою, какъ англичане, подданные короля Эдуарда. Французы все еще остаются подвластными своимъ администраторамъ и чиновникамъ; они терпятъ надъ собою заботливую правительственную опеку, подвергаются различнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ въ общественной

жизни, не видятъ у себя твердаго господства законности и даже не могутъ избавиться отъ полицейскихъ пріемовъ и нравовъ, унаслѣдованныхъ отъ второй имперіи. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти стѣсненія и ограниченія усиливаютъ центральную власть и даютъ ей могущественныя орудія господства надъ цѣлою страной и надъ всѣмъ государствомъ; а эта центральная власть находится въ рукахъ республиканцевъ, представителей огромнаго большинства французскаго народа. Если же высшая государственная власть имѣетъ свой источникъ и свою санкцію въ принципѣ всеобщаго народнаго голосованія, то широта правъ и функцій правительства идетъ всецѣло на пользу республикъ и народу; поэтому сокращать полномочія власти во имя заботливой охраны личныхъ и общественныхъ правъ отдѣльныхъ гражданъ—значило бы дѣйствовать во вредъ республикъ, какъ дѣлому, и умалять силу ея служебныхъ органовъ. Такъ обыкновенно разсуждаютъ французскіе республиканцы. Затѣмъ станетъ господствующая демократическая партія ослаблять тотъ правительственный механизмъ, который находится въ ея распоряженіи? Республика имѣетъ еще много непримиримыхъ враговъ во Франціи, и отказываться отъ традицій государственнаго всемогущества было бы слишкомъ наивно и самоотверженно со стороны республиканцевъ. Безполезно оспаривать значеніе этихъ доводовъ, ибо они вытекаютъ изъ основныхъ представленій французовъ о народовластіи, о государствѣ и правительствѣ. Луи Пасся видитъ источникъ зла въ неограниченномъ господствѣ парламентскаго большинства; но парламентское большинство столь же безраздѣльно господствуетъ въ Англіи, и однако тамъ это партійное господство нисколько не мѣшаетъ существованію тѣхъ неизбѣжныхъ гарантій личныхъ и общественныхъ правъ, которыя лежатъ въ основѣ британской конституціи. Для французовъ сущность политической свободы заключается въ пріобрѣтеніи полной власти надъ государствомъ, а для англичанъ—въ твердомъ законномъ огражденіи личныхъ, общественныхъ и государственныхъ правъ и интересовъ отдѣльныхъ гражданъ; французы склонны жертвовать правами ради власти, личностью ради общества, законностью ради упроченія республики, или ради могущества и величія государства, и противъ этихъ вѣковыхъ французскихъ тенденцій безсильны всякіе логическіе доводы и разсужденія. Множество талантливыхъ книгъ написано французами для выясненія великихъ достоинствъ британской конституціи; французскіе мыслители и публицисты, начиная съ Монтескье, съ увлеченіемъ разрабатывали и распространяли конституціонныя идеи англичанъ, и тѣмъ не менѣе основы англійскаго политическаго быта остались чуждыми французамъ. Со времени окончательнаго водворенія республики во Франціи не было предпринято ни одной крупной административной реформы,

не внесено никакой существенной перемены въ организацію властей и въ отношенія ихъ къ обывателямъ; личныя и общественныя права свободно нарушаются въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ политика, одобряемая парламентомъ, и, напримѣръ, вся борьба противъ клерикаловъ велась такими способами и средствами, которые были бы немислимы въ Англии. Если извѣстныя формы произвола и насилія устанавливаются или допускаются народнымъ представительствомъ, то онѣ становятся законными, и въ этомъ смыслѣ рѣзкія замѣчанія Пасса должны быть признаны несправедливыми: административный произволъ въ грубомъ значеніи этого слова не существуетъ и не имѣетъ почвы въ современной Франціи.

Истинный характеръ республиканской внутренней политики получилъ всестороннее освѣщеніе въ министерской деклараціи, прочитанной въ палатѣ 12-го іюня (н. ст.) председателемъ совѣта министровъ Саррреномъ, и въ послѣдовавшихъ затѣмъ продолжительныхъ парламентскихъ дебатахъ. Правительство изложило свою программу замѣчательно подробно, стараясь заранѣе отвѣтить на всѣ запросы и требованія общественнаго мнѣнія. Ссылаясь на блестящій успѣхъ передовыхъ республиканскихъ группъ въ майской выборной кампаніи, кабинетъ выражаетъ рѣшимость неуклонно идти по пути прогресса и демократическихъ реформъ. Порядокъ, нарушенный въ разныхъ мѣстахъ противниками закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, восстановленъ; волненія рабочихъ прекратились, и потому, „не опасаясь уклониться отъ своихъ обязанностей и сохраняя увѣренность въ возможности легко положить конецъ всякимъ попыткамъ вызвать безпорядки, правительство предлагаетъ начать парламентскую сессію объявленіемъ всеобщей амнистіи“. Республиканская партія, „позававъ свою силу, можетъ теперь проявить умѣренность и великодушіе, и закономъ о забвеніи прошлаго достойно праздновать вступленіе во власть новаго президента республики и одержаніе великой побѣды на выборахъ“. Такимъ образомъ министры съ первыхъ же словъ идутъ на встрѣчу желаніямъ и настроенію парламента; они не опираются на происходившіе безпорядки для защиты суровыхъ мѣръ и исключительныхъ законовъ противъ клерикаловъ, а напротивъ, говорятъ о всеобщей амнистіи,—хотя отъ послѣдней должны выиграть вовсе не единомышленники большинства, а рѣшительные противники и враги республиканцевъ. Министерство обѣщаетъ, дагѣ, серьезныя финансовыя реформы и прежде всего введеніе „общаго подоходнаго налога, который, различая доходъ съ капитала отъ доходовъ труда и не обременяя мелкихъ доходовъ одинаково съ крупными, не причинитъ ущерба ни собственности, ни индивидуальной свободѣ“. Въ области народнаго образованія предполагается постепенное освобожденіе частныхъ

школь отъ односторонняго вліянія духовенства и дальнѣйшее увеличеніе числа учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ, чтобы облегчить къ нимъ доступъ различнымъ классамъ населенія независимо отъ степени матеріальной состоятельности отдѣльныхъ лицъ. Право стачекъ не признается за чиновниками, такъ какъ оно несовмѣстимо съ общественными и государственными интересами, но взаимно будутъ даны служащимъ гарантіи отъ произвола изданіемъ соотвѣтственнаго статута. Частыя стачки и забастовки рабочихъ побуждаютъ подвергнуть коренному пересмотру правила о наймѣ труда и особенно о коллективномъ наймѣ, что составитъ предметъ новаго закона; будетъ также урегулирована продолжительность рабочаго дня; проектъ организаціи пенсіоннаго фонда для рабочихъ, одобренный уже палатою, будетъ горячо поддержанъ правительствомъ передъ сенатомъ. Для рабочихъ, занятыхъ въ рудникахъ и коняхъ, имѣется въ виду обезпечить участіе въ прибыляхъ, при выдачѣ предпринимателямъ новыхъ концессій; говорится также о разныхъ льготахъ и пособіяхъ земледѣлю, и т. и. Въ интересахъ правосудія будутъ преобразованы военные суды, приговоры которыхъ часто не безъ основанія волновали общественное мнѣніе. Что касается иностранной политики, то кабинетъ останется вѣрнымъ той программѣ мира и справедливости, которой неуклонно держится Франція; правительство „сохранить и укрѣпить союзъ и дружескія связи, столь дорогія для страны, и надѣется уменьшить въ будущемъ опасность замѣшательства и конфликтовъ“, причемъ представляется возможнымъ и общее международное соглашеніе съ цѣлю сокращенія вооруженій и военныхъ расходовъ, отягощающихъ народы. Глухое упоминаніе о „союзѣ“ и о „дорогихъ“ дружескихъ связяхъ прошло на этотъ разъ почти незамѣченнымъ въ палатѣ; только слово „дорогія“ было повторено въ ироническомъ возгласіи одного изъ депутатовъ. „Предлагаемая нами программа—сказано въ концѣ деклараціи—не является чѣмъ-то законченнымъ. Постоянно вдохновляясь желаніями и чувствами страны, мы всегда будемъ готовы обсуждать и разрѣшать вмѣстѣ съ вами задачи, постоянно выступающія предъ общественнымъ мнѣніемъ. Какъ извнѣ, такъ и внутри никакой результатъ не можетъ быть достигнутъ безъ тѣснаго взаимнаго согласія между республиканскимъ большинствомъ и представляющимъ его правительствомъ. Мы приносимъ вамъ нашу добрую волю, нашу преданность республикѣ и демократіи. Мы питаемъ твердую надежду, что парламентъ не откажетъ намъ въ поддержкѣ“.

Эта правительственная декларація не давала, повидимому, матеріала для существенныхъ возраженій и протестовъ, тѣмъ болѣе, что она только формулировала взгляды и принципы значительнаго парламентскаго большинства; но она послужила поводомъ къ интереснымъ

преніямъ объ общей политикѣ правительства. Въ преніяхъ принялъ участіе самый выдающійся ораторъ современной Франціи, извѣстный проповѣдникъ социализма, Жанъ Жоресъ; онъ направилъ свои главные удары противъ министра внутреннихъ дѣлъ, Клемансо, который, будучи радикаломъ-соціалистомъ, ничего не успѣлъ сдѣлать или предложить для реального удовлетворенія нуждъ рабочаго класса. Клемансо, по словамъ Жореса, всегда занимался только критикою и упражнялъ свой талантъ въ искусствѣ отрицанія и нападенія; поэтому, сдѣлавшись министромъ, онъ не обнаруживаетъ способности къ политическому и законодательному творчеству. Его предположенія о будущихъ законахъ въ пользу рабочихъ грѣшатъ неясностью и неопредѣленностью; такъ же точно и проекты финансовыхъ и бюджетныхъ реформъ не выходятъ изъ круга обычныхъ радикальныхъ фразъ, въ которыхъ министръ финансовъ Паункарё пока не сумѣлъ еще вложить реальное содержаніе. Жоресъ долго и остроумно отдѣлывалъ министровъ-радикаловъ, возвращаясь постоянно къ заявленіямъ и дѣйствіямъ Клемансо; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы мимоходомъ говорилъ о великихъ задачахъ социализма и указывалъ на необходимость стремиться къ практическому его осуществленію. Между прочимъ, Жоресъ упрекалъ Клемансо за его образъ дѣйствій во время недавнихъ волненій рабочихъ; радикальный министръ дошелъ до того, что посылалъ войска противъ рабочихъ, и хотя военные отряды не употребляли оружія противъ рабочихъ, даже подвергаясь нападеніямъ съ ихъ стороны, но самый фактъ обращенія къ военной силѣ противъ трудящагося народа долженъ считаться предосудительнымъ. Жоресъ напомнилъ министру его прежнія рѣчи, несогласныя съ его новѣйшими поступками, и требовалъ отъ него большей послѣдовательности и откровенности по отношенію къ рабочему вопросу. Соціалистическія идеи развивались также Вальяномъ и другими ораторами; но признанный вождь французскихъ социалистовъ, Жюль Гедь, сохранялъ до конца уворное молчаніе. Въ засѣданіи 18-го іюня Клемансо подробно отвѣчалъ Жоресу, и эта рѣчь министра была образцомъ полемическаго остроумія, ѣдкости и въ то же время дѣловитости. Не ограничиваясь обстоятельнымъ опроверженіемъ фактическихъ указаній противника, Клемансо въ свою очередь разобралъ теорію Жореса, отмѣтилъ ея внутренніе противорѣчія, ея туманность и расплывчатость, причѣмъ отдавалъ, однако, полную справедливость его возвышеннымъ социальнымъ идеаламъ. Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ сторонникъ реальной и практической политики, возстаетъ противъ безпочвеннаго коллективизма, поглощающаго отдѣльную личность и подавляющаго всякую инициативу; онъ рѣшительно стоитъ за улучшеніе условій труда и матеріальнаго быта рабочихъ на почвѣ индиви-

живать выгодныя ей связи, пользоваться слабостью небольшихъ сосѣднихъ государствъ, пріобрѣтать реальное вліяніе и достигать цѣнныхъ результатовъ безъ всякаго для себя риска; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна ея тактика на Балканскомъ полуостровѣ, доставившая ей первенствующее положеніе при содѣйствіи Россіи и при всегдашней поддержкѣ Германіи. Не ведя никакой войны съ Турціею, а напротивъ, считаясь охранительницею и защитницею турецкаго султана, Австрія получила двѣ богатыя турецкія провинціи, Боснію съ Герцеговиною, мало-по-малу оттѣснила Россію съ полуострова, вовлекла въ кругъ своего непосредственнаго воздѣйствія Сербію и Болгарію, взяла въ свои руки македонскій вопросъ, и все это не только безъ пререканій и столкновеній съ Россіею, но съ ея формальнаго согласія и одобренія. Держава, принесшая колоссальныя народныя жертвы для борьбы съ Турціею, дѣйствовала только для пользы Австріи и Германіи, а сама осталась совершенно ни при чемъ, сохранивъ на память только финансовое разстройство и внѣшніе долги; таковы были всегда печальныя итоги семейно-придворной самодержавной дипломатіи, привыкшей смотрѣть на государство и народъ какъ на безправное и безотчетное достояніе небольшой горсти распоряджающихся лицъ. Австрія даже въ худшіе періоды абсолютизма никогда не жертвовала кровью и достояніемъ своихъ народовъ для того, чтобы оказывать благодѣянія чужимъ монархамъ и правительствамъ, а напротивъ, всегда старалась извлечь для себя пользу изъ чужихъ разорительныхъ предпріятій и изъ чужого легкомыслія; такъ же расчетливо всегда поступала Пруссія, которая, подобно имперіи Габсбурговъ, ничего не имѣла, конечно, противъ того, чтобы безграничная щедрость, самоотверженіе и великодушіе на народный счетъ оставались удѣломъ дружественной и союзной Россіи. Какъ бы то ни было, несомнѣнные успѣхи внѣшней австрійской политики могутъ служить вѣнскому кабинету нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ трудныхъ современныхъ обстоятельствахъ Австро-Венгріи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique. Paris, 1906. Libr. Plon. Стр. 318. Ц. 3 фр. 50 с.

В своемъ вступительномъ обращеніи „къ ихъ величествамъ Николаю II и Эдуарду VII“ г. Николай Нотовичъ, указывая на великія заслуги обоихъ государей въ дѣлѣ обезпеченія всеобщаго мира, вспоминаетъ о русской инициативѣ въ созовѣ Гаагской конференціи и о необыкновенномъ великодушіи Россіи при заключеніи мира на Дальнемъ Востока. Русское правительство, „вынужденное, для охраны русской чести, отразить внезапное и измѣнническое нападеніе, имѣло рѣдкое мужество остановить порывъ своихъ войскъ въ тотъ именно моментъ, когда вѣроятная побѣда утѣшила бы насъ за печали и горести, причиненныя разочарованіями перваго времени: вѣрнымъ, но кровавымъ трофеемъ, блистательнымъ, но эфемернымъ лаврамъ были предпочтены благословеніе подданныхъ и спокойствіе міра“.

Вся книга г. Николая Нотовича характеризуется этими немногими словами. Болѣе или менѣе искусное извращеніе фактовъ до полной ихъ неузнаваемости, подъ прикрытіемъ слащавыхъ идей официальнаго патриотизма и благополучія,—таковъ неизмѣнный способъ разсужденій автора. Чтò можетъ быть лучше этихъ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ фразъ о русско-японской войнѣ? Въ какомъ невинномъ и успокоительномъ видѣ представлены здѣсь ужасныя событія 1904 и 1905 годовъ! Коварные японцы неожиданно нарушили спокойствіе добродѣтельныхъ русскихъ правителей, которые вовсе не думали завладѣть Манчуріей, не устраивали военно-промышленныхъ предпріятій въ сѣверной Корей, не писали въ 1903 году секретныхъ нотъ о необходимости дѣйствовать противъ Японіи съ оружіемъ въ рукахъ и не предвидѣли войны даже послѣ формально объявленнаго разрыва; страшныя пораженія, испытанныя русской арміею въ теченіе болѣе полуторныхъ лѣтъ, были только неудачами „перваго времени“;—Лаоянь и Мукденъ, Портъ-Артуръ и Цусима неминуемо направляли насъ къ окончательной побѣдѣ, которую только по недоразумѣнію не успѣлъ одержать генералъ Леневицъ надъ тщетно ожидавшими его японскими войсками въ долгіе мѣсяцы отъ мукденской катастрофы до заключенія мира; именно та битва, которой не было, непременно доставила бы намъ торжество, и если наши полководцы, послѣ многихъ

последовательныхъ опытовъ, воздержались отъ новой кровавой встрѣчи. то вовсе не для избѣжанія вѣроятнаго конечнаго разгрома, а только потому, что они сознательно предпочли благодѣянiя мира „вѣрнымъ и блистательнымъ, но эфемернымъ лаврамъ“ побѣды. Какъ хорошо и тонко пишетъ г. Николай Нотовичъ! Какъ прiятно читать его истиннымъ патриотамъ, привыкшимъ гнать отъ себя грустную правду! Его краткiй отзывъ о русско-японской войнѣ, по своему тону и содержанию, удивительно напоминаетъ послѣднее официальное сообщенiе о бѣлостокскомъ погромѣ: здѣсь также дѣйствительность представлена навыворотъ, и виновниками бѣдствiй оказываются не устроители ихъ. а сами пострадавшiе, которые съ одной стороны пожелали умышленно вызвать противъ себя погромъ, а съ другой—осмѣливались иногда защищаться. Но правительственные сообщенiя имѣютъ за собою установившуюся бюрократическую практику и опираются на привычную довѣрчивость русскихъ обывателей, — а на чтò разсчитываетъ г. Николай Нотовичъ? Кого думаетъ онъ убѣдить своими фантастическими расказами и доводами? Зачѣмъ онъ обращается къ иностранцамъ и специально къ англичанамъ съ такими аргументами, которые у нихъ ничего другого, кромѣ смѣха, вызвать не могутъ? Содержанiе книги не даетъ прямого отвѣта на эти вопросы; но одно несомнѣнно: авторъ вполне отчетливо выражаетъ миросозерцанiе людей, которые присвоили себѣ титулъ „истинно-русскихъ“ и которые умѣютъ мыслить и дѣйствовать только „нутромъ“, стихiйно, не заботясь о цѣляхъ и послѣдствiяхъ.

„Сынъ Яфета, Мосокъ, отъ котораго мы приходимъ всѣ, москвиты и русскiе, одни по прямому преемству, другiе по усыновленiю, соорудилъ свое неприкосновенное жилище, которое все еще носить его имя, на несокрушимой скалѣ, и основы этого жилища такъ крѣпко укоренились въ нашей священной почвѣ, что онъ навсегда обезпечены отъ дѣйствiя времени, какъ и отъ нападений непрiятеля“. Такъ начинается свою книгу г. Николай Нотовичъ. Сообщивъ это любопытное свѣдѣнiе о происхожденiи Москвы, онъ столь же достоверно излагаетъ вкратцѣ всю исторiю русскаго народа и попутно высказываетъ разныя поразительныя вещи о Россiи. Ни одинъ народъ въ мирѣ не проникнутъ такимъ патриотизмомъ и такою священной любовью къ отечеству, какъ русскiе; еслибы у насъ раздался гдѣ-нибудь кощунственный возгласъ, смущающiй иногда совѣсть публики во Францiи: „не нужно границъ,—нѣтъ отечества!“—то „отъ ледяного берега Архангельска до жаркихъ равнинъ Кавказа поднялся бы изъ всѣхъ грудей единокланный крикъ осужденiя; не было бы даже надобности обращаться къ законному правосудiю для наказанiя святотатца и измѣнника; каждый русскiй считалъ бы себя въ правѣ истребить его“.

„Патріоты“ устроили бы погромъ или избіеніе, и космополиты исчезли бы съ лица земли. Правда, и въ Россіи происходятъ иногда волненія и замѣшательства, которыя „заставляютъ иногда сомнѣваться въ истинности самыхъ незыблемыхъ нравственныхъ началъ и колеблютъ социальное зданіе, казавшееся безусловно крѣпкимъ и устойчивымъ“; но „эти движенія, столь значительно и пристрастно преувеличиваемыя за границею“, остаются, по увѣренію автора, только случайными и поверхностными, нисколько и ни въ чемъ не затрогивая исконныхъ чувствъ народныхъ массъ. Народъ вообще доволенъ своею судьбою и своимъ начальствомъ; но, какъ вездѣ, и у насъ „существуютъ утописты, мечтатели или честолюбцы, стремящіеся измѣнить правительственную систему, опрокинуть сверху до низу всю экономію законодательства, чтобы достигнуть болѣе равномернаго распредѣленія благосостоянія и приобрести болѣе значительную сумму свободы“. Космополитовъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ, и потому въ Россіи понятіе отечества неизмѣримо глубже и прочнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Одни только русскіе обладаютъ полнымъ единствомъ расы и свободны отъ всякихъ постороннихъ національныхъ примѣсей; этимъ они кореннымъ образомъ отличаются отъ прочихъ европейскихъ націй, какъ доказываетъ бѣглый историческій обзоръ, дѣлаемый по этому поводу г. Николаемъ Нотовичемъ. Оттого, напримѣръ, французскій или германскій патріотизмъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ русскимъ. Въ прошломъ у насъ все было прекрасно и возвышенно; не было ни татарскаго ига, ни иноземныхъ нашествій, ни позорныхъ междоусобій и смуть, а если было что-нибудь подобное, то прошло безслѣдно для народа. У насъ не было рабства, не было ни холоповъ, ни крѣпостныхъ. „Ни одинъ предокъ нынѣшнихъ русскихъ не носилъ унизительныхъ цѣпей холопства: быть можетъ, единственная изъ всѣхъ человѣческихъ расъ, наша раса осталась чистой отъ этого клейма“ (стр. 16). Всегда Россія блистательно расплачивалась за испытанныя неудачи; „теперь она тоже ждетъ возмездія и дождется его: это даже не вопросъ времени, какъ въ прошломъ,—достаточно только призывъ къ энергіи“. Авторъ, очевидно, намекаетъ на скорую побѣду надъ Японіею. Исключительныя преимущества русскихъ предъ другими націями объясняются „чувствомъ тѣсной солидарности, соединяющей на огромномъ пространствѣ потомковъ Росса, Мосоха и Тобола, этихъ трехъ братьевъ, столь же неразлучныхъ, какъ двѣнадцать колѣнъ Израила“. Распространяемая иностранцами увѣренія, что русскій народъ произошелъ отъ смѣшенія различныхъ племенъ, составляютъ злостную клевету; по меньшей мѣрѣ, у насъ насчитывается 120 милліоновъ чистыхъ славянъ, а „20 милліоновъ человѣческихъ существъ, которыя, живя подъ властью

нашихъ попечительныхъ законовъ, могутъ считаться чуждыми намъ по расѣ,—должны быть причислены къ армянамъ или туркоманамъ“. За недостаткомъ безспорныхъ историческихъ доказательствъ, авторъ ссылается на „внѣшнее сходство типа всѣхъ нашихъ соотечественниковъ“, отъ Одессы до Архангельска (стр. 21). Слѣдовало бы „объяснить русскимъ народнымъ массамъ ихъ происхождение, ихъ великую миссію и предстоящую цѣль, чтобы оживить ихъ патриотическую вѣру (значить, нѣтъ въ народѣ собственнаго національнаго сознанія и глубокой патриотической вѣры?) и чтобы побудить ихъ возобновить общественный союзъ подъ покровомъ попечительной власти, которая водъ разными именами и формулами, соотвѣтственно перемѣнявшимъ обстоятельствамъ, всегда счастливо направляла и регулировала стремленія русской націи къ присущему ей идеалу“.

Г. Николай Нотовичъ снѣшить, однако, оговориться, что его отзывы о благотворной руководящей роли попечительнаго начальства не должны быть истолкованы въ смыслѣ льстиваго угодничества; напротивъ, онъ самъ пострадалъ за правду, когда позволилъ себѣ высказаться противъ мнѣній министровъ, которые „злоупотребляли снисходительною добротою Государя для внушенія ему пагубныхъ совѣтовъ“: за этотъ актъ откровенности—продолжаетъ онъ—„я заплатилъ своей свободой; ссылка безъ суда и долгое изгнаніе были наградой за мою проникательность и патриотическую горячность“. Какихъ, однако, преданныхъ патриотовъ—прибавимъ мы отъ себя—преслѣдовала и ссылала наша администрація, подъ видомъ крамольниковъ! Подъ влияніемъ ссылки безъ суда и долгаго изгнанія, авторъ еще сильнѣе прежняго утвердился въ томъ убѣжденіи, что возможность внушать Государю пагубные совѣты и ссылать людей безъ суда непремѣнно должна быть сохранена, что этотъ порядокъ вещей спасителенъ для Россіи и что всякая попытка нарушить эту систему самодержавія есть посягательство на самыя основы русскаго государства. „Я громко предупреждаю своихъ соотечественниковъ, увлеченныхъ ложно понятымъ либерализмомъ,—воскликаетъ г. Николай Нотовичъ,—что они идутъ по ложной дорогѣ, разрушая или умаляя въ его существѣ священнѣйшій принципъ самодержавія. Наше самодержавіе вовсе не похоже на то, о которомъ говорятъ плохо освѣдомленные социологи и изъ котораго они сдѣлали какое-то пугало въ глазахъ другихъ націй, преданныхъ вольнодумству и беспорядку. Русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго съ деспотизмомъ; это, напротивъ, самая совершенная организація патриархальной власти, каковую только знаютъ люди. Это необходимая основа и неизбѣжный вѣнецъ всего нашего политическаго ученія; это по преимуществу институтъ неприкосновенный, не только потому, что онъ освященъ религіей, но особенно потому, что русская нація не

могла бы нормально развиваться без него; потому что вне его у нас ничего нет, ничего кроме хаоса или тиранической узурпации. Мне искренно кажется, что русскому народу было бы так же трудно дышать и двигаться без самодержавия, как отдельному человеку жить обезглавленным" (стр. 24—5). В самом деле, что стало бы с русским народом, если бы его судьбою не распоряжались многочисленные органы самодержавной власти, начиная с министров и кончая земскими начальниками и урядниками? Как могла бы существовать Россия без попечительной власти таких правителей, как Сипягин, Плеве, Победоносцев? Не страшно ли подумать, что корпус жандармов и департамент полиции перестали бы регулировать жизнь и образ мыслей многомиллионного русского населения? Русский народ чувствовал бы себя несчастным и как бы обезглавленным, если бы придворные фавориты лишены были возможности секретно проводить разорительные для страны манчжурские планы и вовлечь Россию в позорную войну, стоившую народу сотни тысяч человеческих жизней и около двух миллиардов рублей. Автор полагает, что кроме министров и случайных фаворитов могут внушать „пагубные советы“ и иноземные монархи, особенно Вильгельм II, и по этому поводу он обрушивается на последнего и на Гогенцоллернов вообще; и он даже не замечает, что сам жестоко критикует принципы самодержавия, указывая на эти опасные для России тайственные влияния, которые должны исчезнуть или потерять свою силу при конституционном режиме.

Книга г. Николая Нотовича, как видно отчасти изъ приведенных нами выдержек, не подлежит серьезному разбору по существу: отсутствие необходимых знаний, крайняя легкость суждений, полное непонимание обсуждаемых вопросов и простое безсодержательное фразерство бросаются въ глаза на каждой страницѣ. Непонятно только, почему авторъ связалъ свои „истинно-русскіе“ взгляды съ идеею тѣснаго союза съ Англіею; можно подумать, наоборотъ, что книга написана съ спеціальною цѣлью доказать невозможность для современной Россіи какого бы то ни было союза или соглашенія съ передовыми державами культурнаго міра.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1906.

„Передъ грозой“. — Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства. — Общее настроеніе Государственной Думы. — Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ. — Отмена смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада комиссіи Государственной Думы.

Политическое положеніе данной минуты всего вѣрнѣе можно опредѣлить словами: „передъ грозой“. Это уже не затишье передъ бурей — періодъ затишья ушелъ назадъ. Это моментъ, когда тучи нависли, когда вдаль гудятъ раскаты грома, когда порывы вѣтра то тутъ, то тамъ вздымаютъ облака пыли, когда трудно дышется, когда не въ моготу становится ожиданіе, когда страхъ ужасовъ грозы начинается вызывать желаніе, чтобы она скорѣе разразилась — чтобы налетѣла, смела то, чему суждено быть сметеннымъ, и прошла...

Открытаго вооруженнаго возстанія нигдѣ нѣтъ, но повсюду раздаются револьверные выстрѣлы и взрывы бомбъ. Повсюду и ежедневно убиваютъ городовыхъ, овалоточныхъ, полиціймейстеровъ, стражниковъ. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ нѣтъ сплошнаго пожара, не рѣжутъ лошадей и коровъ, какъ было осенью, но — то горитъ хуторъ въ одномъ углу черноземной полосы, то какая-либо отдѣльная постройка — въ другомъ. И вездѣ косятъ и увозятъ чужую траву, самовольно обрабатываютъ луга и клеверныя поля подъ выпасъ, „снимаютъ“ сельскихъ рабочихъ, обрекая на гибель и безъ того небогатый урожай. Нѣтъ общей забастовки, но въ рѣдкомъ промышленномъ центрѣ не бастуютъ — или булочники, или кроичники, или наборщики какой-нибудь типографіи, или рабочіе какого-либо предпріятія. Низменные инстинкты черни еще не выбились сплошь наружу, но въ Бѣлостокѣ уже былъ еврейскій погромъ и — кто знаетъ! — быть можетъ, готовятся погромы и въ Кишиневѣ, и въ Гомелѣ, и въ Одессѣ. Нигдѣ войска не вышли явно изъ повиновенія, но броженіе среди солдатъ — вездѣ. Оно коснулось даже преображенцевъ — перваго полка русской гвардіи... Развѣ это не нависшія тучи и не приближающийся гулъ раскатовъ грома?

А ощущенія, испытываемыя всѣми и каждымъ? Чѣмъ отличаются они отъ томленія передъ надвигающейся грозой — томленія, бросающаго мысль отъ отчаянія къ безумной рѣшимости и наоборотъ? Разсказываютъ, что въ дни парижской коммуны городская жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ театрахъ шли представленія, на

бульварахъ фланировала толпа, торговали кафе, магазины и рестораны. Такъ и у насъ: снаружи близкой грозы не видно. На колониjsкомъ ипподромѣ разыгрываютъ призы, и публика волнуется за успѣхъ фаворитовъ. Въ „Акваріумѣ“, на „Крестовскомъ“ и въ другихъ садахъ слушаютъ музыку и шансонетки, смотрятъ борьбу на поясахъ и безъ поясовъ и фокусы, продѣлываемые дрессированными слонами и собаками, ужинаютъ, пьютъ шампанское. На дачахъ—занимаются флиртомъ и играютъ въ карты. Обычно же идутъ уличныя строительныя работы, перестилка мостовыхъ, окраска домовъ и т. д. Въ Петербурга—ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, покупаютъ и продаютъ, пашутъ землю, плутуютъ, воруютъ — словомъ, всѣ заняты обыкновеннымъ, будничнымъ дѣломъ. Но прислушайтесь къ разговорамъ. Прислушайтесь къ своимъ собственнымъ мыслямъ, когда вы не на-людяхъ и голова свободна отъ будничныхъ впечатлѣній. Всѣ безъ исключенія — отъ активныхъ революціонеровъ до самыхъ уравновѣшенныхъ людей—въ крайней тревогѣ. У всѣхъ нервы напряжены и взвинчены до послѣдней степени. Всѣ насторожились и ждутъ, теряясь въ догадкахъ, что будетъ завтра, черезъ мѣсяць, черезъ годъ...

Въ такую критическую минуту и при такомъ общественномъ настроеніи, какъ-то странно читать въ газетахъ, что задача момента—замѣна министерства И. Л. Горемыкина министерствомъ изъ состава Думы — и только. Какъ просто было бы разрѣшеніе кризиса, еслибы въ этомъ дѣйствительно была вся задача момента, еслибы это была задача, а не ничтожная, мелкая задачка! Министерство И. Л. Горемыкина, конечно, обнаружило свою полную несостоятельность, утратило всякое довѣріе населенія и должно немедленно уйти — независимо отъ личныхъ качествъ входящихъ въ его составъ чиновниковъ. Кто участвовалъ въ составленіи деклараціи 13-го мая, мечтая начальническимъ или учительскимъ окрикомъ воздѣйствовать на психику народныхъ представителей, кто выслушалъ вотумъ недовѣрія и потомъ прекратилъ посѣщеніе думскихъ засѣданій, кто не сумѣлъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отвѣтить на жгучія потребности жизни внесеніемъ законопроектовъ по главнѣйшимъ вопросамъ — тому ни одного лишняго дня нельзя оставаться въ министерскомъ кабинетѣ конституціоннаго государства. Очевидно также, что послѣ опыта съ министерствомъ И. Л. Горемыкина бесполезно на смѣну однихъ чиновниковъ ставить лицомъ къ лицу съ Думою другихъ чиновниковъ же, которые, быть можетъ, измѣнятъ тонъ деклараціи, но не измѣнятъ ея содержанія и которые еще болѣе замедлятъ, по старой бюрократической привычкѣ, подготовительную законодательную работу. Но думать, что истинное конституціонное министерство, отвѣтственное

передъ народнымъ представительствомъ — если не по буквѣ закона, то по долгу совѣсти — и образованное изъ думскаго большинства, сразу внесетъ умиротвореніе въ умы и въ жизнь, — очень и очень рискованно.

Во-первыхъ, какъ образовать такое министерство? Русская революція и возникла, и течетъ безымянно. Ей минетъ скоро два года. За это время она разрушила всѣ старыя авторитеты и не создала ни одного новаго. У насъ нѣтъ именъ—ни въ Думѣ, ни за ея стѣнами. Нѣтъ людей съ общепризнаннымъ авторитетомъ, опираясь на который они могли бы дѣйствовать смѣло, увѣренно и рѣшительно. Во-вторыхъ, у насъ нѣтъ въ данную минуту и идейнаго авторитета. Идеиное единство исчерпывается отрицаніемъ бюрократическаго строя и всего того, что онъ породилъ. Въ области же положительныхъ стремленій существуетъ безконечное разнообразіе непримиримыхъ теченій. И это точно отражаетъ на себѣ Государственная Дума. До сихъ поръ она поражаетъ единодушіемъ. Но прочно ли это единодушіе? Сохранится ли оно, когда общій врагъ кадетовъ и социаль-демократовъ, октябристовъ и трудовиковъ будетъ окончательно низвергнутъ и когда министерскія скамьи займутъ представители нынѣ внѣшними лишь обстоятельствами связаннаго воедино большинства членовъ Думы? Наконецъ, въ-третьихъ, нельзя скрывать отъ себя всей трудности фактическаго положенія, въ которомъ окажется новое министерство.

Первымъ условіемъ принятія имъ власти будетъ и несомнѣнно должна быть амнистія. Это—требованіе народа, требованіе справедливое, безъ удовлетворенія котораго ничего невозможно начать, ни въ области законодательной, ни въ области управленія. Съ одинаковой силой амнистія есть требованіе спокойнаго, холоднаго разсудка. Надо же кончить съ той юридической негнѣпцей, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія „незыблемыхъ основъ гражданской свободы“ безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулы закона!.. Надо же кончить съ той вопіющей несправедливостью и съ тѣмъ непримиримымъ противорѣчіемъ между житейской правдой и правдой бездушнаго закона, которыя въ устахъ тысячъ заключенныхъ, сосланныхъ, осужденныхъ и подлежащихъ осужденію выливаются въ слова: „да, мы виновны; но виновны только въ томъ, что повѣрили манифесту 17 октября“. Надо же кончить со всѣмъ тѣмъ, къ чему привели эксцессы революціи, съ одной стороны, и во стократъ ихъ превзошедшіе эксцессы правительственной реакціи—съ другой... Нельзя теперь, въ іюнѣ и въ іюль, подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ, оцѣнивать дѣйствія и поступки, совершавшіеся во время сумятицы октябрьскихъ, ноябрьскихъ, декабрьскихъ и январскихъ дней. Клубокъ безконечныхъ противорѣчій все больше

и больше запутывается. Разобрать его по ниточкамъ немислимо. Его можно только разрубить, поставивъ на недавнее прошлое крестъ и произнеся столь страстно воѣми ожидаемое слово...

Практически, однако, неизбежнымъ слѣдствіемъ амнистіи будетъ усиленіе рядовъ тѣхъ, кто, въ сущности, отрицаетъ и самый конституціонализмъ, считая Государственную Думу только первымъ этапомъ на пути социальнаго переворота. Уже съ думской кафедрой раздавалось, что нечего ссылаться на одражѣвшія западныя конституціонныя формы и что социалисты Запада теперь ждутъ новаго слова изъ Россіи. Едвали могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что взвинченные умы социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ не остановятся передъ неосуществимостью немедленнаго торжества социалистическихъ идеаловъ, и что они во имя этихъ идеаловъ объявятъ войну кадетамъ, столь же страстную, какъ та, которую они два года вели вмѣстѣ съ кадетами противъ бюрократическаго строя. И министерству изъ думской среды придется принять на себя удары вчерашнихъ союзниковъ. Принять—и отвѣчать ударами же.

Съ другой стороны, этому министерству придется вести не менѣе тяжелую борьбу съ громадной арміей губернаторовъ, исправниковъ, жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ—со всей колоссальной организацией центральной и мѣстной администраціи. Какъ свидѣтельствовалъ еще графъ Витте, эта армія не имѣетъ „навыковъ“ правомѣрной дѣятельности, а чтобы освободиться отъ нея, нужно очень и очень много времени. Допустимъ даже, что, подъ руководствомъ новыхъ вождей, мѣстныя власти не будутъ устраивать погромовъ и не станутъ печатать и распространять возбуждающія къ беззаконію прокламаціи. Допустимъ, что на мѣстахъ вообще прекратится совершеніе администраціей формальныхъ правонарушеній, направленныхъ на свободу гражданъ. Но дѣлать то дѣло, для котораго существуютъ вездѣ и всюду мѣстныя власти, нынѣшніе чиновники тоже не будутъ—частью по неумѣнью, частью по нежеланію. Они скорѣе всего просто забастуютъ: будутъ смирно сидѣть, злорадно потирая руки. Наконецъ, министерству придется считаться съ тѣми темными, закулисными силами, которыя—какъ говорилъ въ своей замѣчательной рѣчи князь Урусовъ,—стоя между верховной властью и министрами, отнимаютъ отъ представителей народа довѣріе верховной власти, и которыя представляются людьми, по воспитанію—вахмистрами и городовыми, а по убѣжденію—погромщиками...

Несмотря, однако, на всѣ невѣроятныя трудности, никто изъ членовъ Думы, сознательно принадлежащихъ къ большинству, хотя бы случайному, не имѣетъ нравственнаго права отказаться отъ министерскаго портфеля,—конечно если таковой будетъ предложенъ не

ему одному, а ему совмѣстно съ представителями другихъ парламентскихъ группъ. Есть моменты и есть условія, когда люди обязаны приносить себя въ жертву, дабы создать мостъ, по которому пройдутъ ихъ преемники. Что такой моментъ наступилъ—говорить не нужно. Такими условіями для членовъ Думы являются обстоятельства ихъ избранія и вѣра населенія въ то, что Дума можетъ вывести страну изъ тупика и вывести. Не о жертвѣ жизнью мы теперь говоримъ, а о жертвѣ именемъ и популярностью... Близко ли время образованія новаго министерства? Слухи и толки не прекращаются. Освѣдомленное „Новое Время“ называетъ ихъ „упорными“.

Государственная Дума точно отражаетъ не одну идейную разногласію политическихъ воззрѣній. Наблюдая Думу, видишь передъ собой правдивое отраженіе всей русской общественности—ея настроенія и даже ея поведенія. Не было и нѣтъ никого, ни справа, ни слѣва, кто признавалъ бы совершенной систему выборовъ, давшую первый составъ Думы. И она, конечно, несовершенна. Но дала она, въ смыслѣ фотографированія, поразительно вѣрную картину.

На фонѣ молчаливой и темной крестьянской массы, туго разбирающейся въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но до самыхъ глубинъ проникнутой протестомъ противъ горя, нужды и безправія, а потому дружно голосующей за все, что обѣщаетъ облегченіе и свободу,—рѣзко выдѣляются въ Думѣ вышедшіе изъ этой массы единицы, въ которыхъ кипитъ злоба за вѣковыя обиды дѣдовъ и отцовъ, а вмѣстѣ съ злобой—страстное, порывистое желаніе полюбѣе и скорѣе покончить съ прошлымъ. На фонѣ расплывчатой, любящей будировать, но только въ своемъ кругу и съ оглядкой, интеллигенціи, склонной ко всему доброму и свѣтлому, а также и къ пассивному покою,—если и менѣе рѣзко, то не менѣе опредѣленно, выдѣляются тоже немногіе активные работающіе люди. Большинство изъ нихъ—профессора, адвокаты и земцы. Или возьмемъ иной фонъ: фонъ господствующей численно великороссійской народности. Ея представители гораздо болѣе молчать, чѣмъ слушаютъ. Они ничего не требуютъ и не желаютъ для себя такого, чего не требовали бы и не желали для всѣхъ. А поляки говорятъ: у себя, въ коренной Россіи, дѣлайте, что хотите, уничтожайте частную земельную собственность, обращайтесь принудительно отчужденную землю въ государственный земельный запасъ, но нашихъ формъ землепользованія не трогайте, мы не допустимъ къ себѣ переселенія, мы не хотимъ, чтобы наши земли получило ваше крестьянство. Евреи не устаютъ подчеркивать ихъ исключительную юридическую и экономическую приниженность. Кавказцы—особенно надъ ними

таготиющей административный гнетъ... За всѣми этими спеціальными нуждами все болѣе и болѣе уходитъ въ тѣнь главная нужда и главное горе—нужда и горе голодающей, обезсиленной русской деревни... Развѣ не то же самое мы видимъ въ печати, слышимъ на митингахъ и лично наблюдаемъ каждый день? Развѣ не тѣ же фоны и не то же на нихъ выдѣляющееся даетъ дѣйствительность, не концентрированная степенными выборами, а разлитая?..

Говорять—и не безъ основаніи,—что думскія засѣданія гораздо болѣе напоминаютъ митинги, чѣмъ дѣловыя собранія парламента. Здѣсь опять прямое отраженіе современной дѣйствительности, выражающейся въ общественномъ настроеніи. Для дѣловой работы нужны твердо сложившіеся положительные идеалы. Ихъ нѣтъ въ общественномъ сознаніи, нѣтъ и въ Думѣ. И какъ для того, чтобы они сложились въ обществѣ, не принимаютъ мѣръ руководители общественной мысли, такъ не дѣлаютъ ровно ничего, чтобы поставить на реальную почву работу Думы, тѣ, кто долженъ давать матеріалъ для этой работы. Первые слишкомъ охвачены борьбой и формулировкой отрицательныхъ стремленій. Вторые—министерство И. Л. Горемыкина—тоже занимается въ стѣнахъ Думы борьбой. Даже не борьбой, а мелкой полемикой; мелкой—по цѣли и ужасной, раздражающей—по средствамъ. Ибо ея средства—разстрѣлы и ссылка, вызывающій тонъ и упорство въ надеждѣ подчинить себѣ волю народа...

Всякая людская масса необходимо требуетъ руководства. Въ парламентахъ руководство естественно принадлежитъ министерству и осуществляется комбинаціей вносимыхъ законопроектовъ. Вездѣ и всюду собственная законодательная инициатива членовъ парламента имѣетъ субсидіарное значеніе. И иначе быть не можетъ, такъ какъ депутаты не располагаютъ никакими средствами, кромѣ личныхъ знаній, для детальной и дѣловой технической разработки вносимыхъ предложеній. Имъ можетъ принадлежать, въ буквальномъ смыслѣ, только инициатива, т.-е. починъ, сопровождаемый самой общей формулировкой мысли. Какъ же выполнило свою естественную роль министерство И. Л. Горемыкина? Ко дню открытія Думы у него не оказалось ни одного готоваго законопроекта. Затѣмъ оно будто нарочно предложило Думѣ заниматься вопросомъ о прачешной и оранжереѣ при крѣвскомъ университетѣ и только на второй мѣсяцъ внесло законодательныя предположенія по министерству юстиціи болѣе важнаго характера. Оно опоздало и опоздало непоправимо. Въ теченіе мѣсяца мысль пятисотъ членовъ Думы, никогда не бывшихъ активными участниками законодательной дѣятельности, не могла не работать. Она работала, все выше и выше поднималась въ облака и долетѣла до признанія—пока что меньшинствомъ,—что никакой регламентаціи

свободы собраній не нужно, что довольно сказать: „всѣ вольны собираться“—и поставить точку. Министръ юстиціи, между прочимъ, внесъ законопроектъ объ устраненіи исключительнаго права начальства предавать суду должностныхъ лицъ и о распространеніи на этихъ лицъ общихъ правилъ подсудности суду присяжныхъ. Но внесъ тогда, когда въ Думѣ вопросъ уже дебатировался и безъ возраженія многими говорилось, что не должно быть вовсе никакихъ особыхъ правилъ о сужденіи должностныхъ лицъ. Кромѣ того, онъ внесъ его тогда, когда Дума уже вотировала недовѣріе министерству. Въ результатѣ—законопроектъ, который 27-го апрѣля былъ бы привѣтствованъ, еще и не назначенъ къ слушанію и будетъ ли слушаться—весьма сомнительно.

По самому жгучему и больному вопросу—аграрному—министерство, какъ будто нарочно, дало сложиться самымъ радикальнымъ воззрѣніямъ, выждало, когда гг. Стишинскій и Гурко окончательно упадутъ въ глазахъ Думы, когда Дума выберетъ комиссію для самостоятельной разработки вопроса и комиссія уже начнетъ занятія—и только тогда вошло со своимъ мотивированнымъ представленіемъ. Неужели оно полагаетъ, что Дума удостоитъ вниманіемъ это представление? Да, недаромъ два года говорилось, что русская бюрократія впала въ состояніе старческаго маразма...

Одновременно съ внесеніемъ аграрнаго законопроекта, министерство опубликовало „правительственное сообщеніе“, читая которое, не знаешь, чему удивляться и какъ назвать этотъ актъ. Сообщеніе начинается ссылкой на „Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства“. Оканчивается слѣдующими словами: „русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смуть и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора“. А все содержаніе, повторяющее доводы, которые въ Государственной Думѣ развивали гг. Стишинскій и Гурко, направлено противъ мнѣній, высказывавшихся членами Думы, причемъ эти мнѣнія выдаются за „распространяемые среди сельскаго населенія слухи“. „Вотъ тѣ мѣры — авторитетно заявляетъ министерство о своихъ предположеніяхъ, — при помощи которыхъ несомнѣнно можетъ быть достигнуто прочное улучшение благосостоянія крестьянъ. Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужде-

не всѣхъ частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ. Отчужденіе частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ "... Въ народѣ распространяются слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отставая выгоды помѣщиковъ. Это невѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и cadaго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получаютъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обеспеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится заработковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы на вѣрный голодъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями "... „Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя мѣры для улучшенія земельного быта крестьянъ, правительство подтверждаетъ, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и cadaго, причемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, то завтра могутъ быть нарушены и права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ "...

Не для разбора по существу, конечно, мы привели эти выдержки. Мы не рискнули ихъ передать своими словами, ибо сами никакой передачѣ не повѣрили бы. Въ правительственномъ сообщеніи конституціоннаго государства, отъ лица министерства, монархъ, его воля, и его заботы противопоставляются представителямъ народа, ихъ волѣ и ихъ заботамъ! Министерство, причесавъ за спину монарха, разрываетъ въ глазахъ народа единеніе между Государемъ и народными избранниками! И это не указъ о роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ—это только „правительственное сообщеніе“!.. Мы никогда не

употребляли ополченнаго термина: „провокація“. Неужели до этого дошелъ въ пылу борьбы умирающій чиновничій режимъ?!

Передъ этимъ актомъ блѣднѣютъ всѣ эксцессы отдѣльныхъ депутатовъ, вплоть до грубыхъ выходокъ по адресу министровъ. Намъ противна всякая грубость и брань. Она недостойна уважающихъ свое высокое званіе и свои высокія обязанности представителей народа. И она не нужна: логика въ связи съ горячимъ, но сдержаннымъ чувствомъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе бьетъ парламентскаго противника. Но развѣ грубость поведенія вообще и особенно въ отношеніи людей иного образа мыслей не является тоже одной изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго состоянія общества? Вспомните, какимъ языкомъ — высокомернымъ, надменнымъ и грубымъ — говорили студенческіе совѣты старость съ профессорскими коллегіями. Вспомните тонъ резолюцій совѣта рабочихъ депутатовъ и союза союзовъ, или слова, съ которыми безработные обращались къ петербургской городской думѣ. Оглянитесь вокругъ на эти, повсюду встрѣчаемыя, разгоряченныя лица интеллигентовъ, готовыхъ каждую минуту на грубую выходку... Уваженіе къ чужому слову и мнѣнію, какъ бы оно ни было несимпатично, даетъ лишь долгая практика правовой жизни. Первые же шаги на новомъ поприщѣ подбрасываютъ людей въ ту начальственную высь окриковъ, съ которой русскій обыватель никогда ничего другого, кромѣ надменности и грубости, не слыхалъ. Къ тому же, толпа всегда возбуждаетъ и электризуетъ...

Особенно тяжелое впечатлѣніе произвело поведеніе нѣкоторыхъ членовъ Думы въ засѣданіи 19-го іюня, когда крики: „вонъ“, „долой“, „палачъ“ и т. д. встрѣтили генерала Павлова и непрерывно продолжались до тѣхъ поръ, пока онъ не сошелъ съ каеэдры и не оставилъ зданія Думы. По этому поводу членъ Государственной Думы Анкинъ сказалъ, по возобновленіи засѣданія, слѣдующее: „Несомнѣнно, то, что здѣсь сегодня произошло, волнуетъ не только насъ, но это волнуетъ и всю страну. Поэтому позвольте мнѣ сказать въ объясненіе нашего поведенія. Чувство негодованія, которое охватило всѣхъ насъ при видѣ людей, стоящихъ сейчасъ у кормила правленія, чувство это насъ какъ будто сначала сковало. Здѣсь мы слышали вопиющее невѣжество, здѣсь мы слышали, какъ социализмъ сравнивали съ анархизмомъ, здѣсь мы видѣли, какъ выводили анархизмъ изъ социализма. Дѣлали это нарочно или по невѣжеству—я не знаю, но, несомнѣнно, это готовилось къ тому, чтобы взрывъ негодованія проявился при появленіи на этомъ священномъ мѣстѣ чловѣка, котораго вся жизнь есть кровь, есть убійство. Пусть страна знаетъ, что Госу-

государственная Дума имѣетъ своей единственною цѣлью рѣшать дѣла мира, и всякій видъ крови, всего кроваваго, ужаснаго, насъ возмущаетъ, и мы при этомъ не можемъ работать. Пусть страна знаетъ, что мы не терпимъ крови. Вотъ что означалъ тотъ порывъ негодованія, который здѣсь былъ". Тѣ же мысли повторилъ г. Аладьинъ, закончившій заявленіемъ отъ трудовой группы, что „г. Павловъ ни одного слова съ этой трибуны болѣе не произнесетъ“.

Приведенныя слова объясняютъ психологически, почему произошелъ грубый взрывъ. Но сами говорившіе ихъ признаютъ современнымъ, что созданъ и нежелательный, и опасный прецедентъ. „Я долженъ сказать—отвѣтилъ гг. Аникину и Аладьину князь Волконскій, — что ежели тотъ минимумъ требованій, которымъ долженъ удовлетворить всякій говорящій на этой кафедрѣ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія лицъ, сидящихъ тамъ (нагѣво) или какой бы то ни было группы, даже отъ всей Думы, а не отъ закона, то Дума будетъ не работоспособна. Нынѣ вы изгоняете одного, завтра другого. При такихъ условіяхъ работа не будетъ возможна. И вмѣсто порядка, вы залете страну такой кровью, какой она до сихъ поръ не видѣла. Глубоко протестую противъ"... Шумъ заглушилъ конецъ фразы...

Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ, само собою разумѣется, скоро забудется и не затмитъ всего значенія историческаго дня 19 іюня. Въ этотъ день Государственная Дума *единогласно* постановила отмѣнить смертную казнь. Дума сказала: отнынѣ въ Россіи не должно быть закономѣрныхъ убійствъ, не должно быть властнаго лишенія человѣческой жизни государствомъ—на основаніи закона и приговора суда, черезъ правительственнаго агента—палача. Великій день!..

Глубоко прочувствованными словами его привѣтствовала „Страна“ (№ 103). „19 іюня первый парламентъ обширнѣйшей имперіи, вѣрный голосу своей совѣсти и желаніямъ страны, торжественно принявъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, какъ такой уголовной кары, которая несомнѣстима ни съ человѣческимъ достоинствомъ, ни съ безпрекословными велѣніями справедливости, ни съ насущными интересами общества. Никогда воля законодательнаго собранія не отвѣчала такъ близко, такъ точно глубочайшимъ движеніямъ нашего народнаго духа, всему нравственному складу русскаго народа; никогда зрѣло продуманное настроеніе не выражалось съ такой кристальной прозрачностью, съ такой безукоризненной отчетливостью, какъ въ этотъ день освобожденія народной совѣсти отъ тяготѣвшаго надъ ней призрака кровавой, мрачной кары, грозившей за самыя различныя, глубоко несходныя по характеру дѣянія насильственнымъ отрятіемъ жизни. Государственная Дума исполнила свой долгъ“...

„Но мы обязаны отмѣтить, что въ день, когда Государственная Дума приняла свой первый законопроектъ—и по какому вопросу!—правительство было противъ нея; что въ день, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, „лучшихъ людей“, сказалъ свое строго взвѣшенное и изъ глубины національнаго сознанія идущее слово: „смертной казни не быть“—это правительство было не съ народомъ“...

Необходимость немедленной отмѣны смертной казни была выражена Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. „Стремясь — говорилъ адресъ — къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путь административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ“.

17-го мая Думѣ стало извѣстно, что въ Усть-Двинскѣ разстрѣляно 8 человѣкъ, и на другой день за подписью пятидесяти-четырехъ лицъ внесенъ былъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ всего изъ двухъ статей:

1. Смертная казнь отмѣняется.

2. Впредь до пересмотра уголовного законодательства, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

Авторы законопроекта и съ ними вся Дума потребовали спѣшнаго его обсужденія. Но... министры заявили, что они желаютъ воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ, который имъ даетъ законъ для приготвленія. Пришлось ждать томительный мѣсяцъ, увеселій еще новыя жертвы „вымирающаго карательнаго института“. Наступило 19-е іюня. Законопроектъ поставленъ на повѣстку. Министры извѣщены и прибыли. Они приготовились! Они не даромъ заставили ждать цѣлый мѣсяцъ: они вышли съ бумажками въ рукахъ, по которымъ прочли то, что написали у себя дома въ теченіе десяти минутъ... Отъ рѣчей министра юстиціи и представителя морского министра осталось впечатлѣніе чего-то трусливаго и необычайно жалкаго...

Устный докладъ г. Кузьмина-Караваева продолжался почти два часа. Дошелъ ли докладъ до слуха министра юстиціи—его тайна. Но, выйдя непосредственно послѣ докладчика на кафедру, г. Щегловитовъ,

считавшійся до сихъ поръ въ ряду извѣстныхъ криминалистовъ и опытныхъ ораторовъ, и не пытался даже возражать и разбивать только-что высказанные доводы въ пользу отмѣны смертной казни. Онъ прочелъ по принесенной бумажкѣ нѣсколько общихъ мѣстъ, съ гордостью патриота заявилъ, что „если не считать попытки, сдѣланной въ 1747 г. въ Тосканѣ, Россія была первой страной, исключившей смертную казнь изъ числа наказаній за общія преступленія, не политическія“,— причемъ, по примѣру не менѣ горделивыхъ учебниковъ, забылъ о кнутѣ, о плетяхъ и о шести тысячахъ ударовъ шпицрутенами, равно забылъ о цѣломъ рядѣ законовъ специальныхъ, которыми въ концѣ XIX в. смертная казнь за неполитическія преступленія была восстановлена (напр. въ 1893 г. за разбой на Кавказѣ и др.),— далѣе развилъ новую теорію анархизма, выростающаго изъ социализма, привелъ на справку четыре штата Сѣверной Америки, вытащилъ изъ архивной пыли отзывъ берлинскаго профессора Листа о первоначальномъ проектѣ нашего уголовного уложенія и закончилъ всегдашнимъ бюрократическимъ пригѣвомъ на тему: сперва успокоеніе, а потомъ реформы. „Отмѣна смертной казни—сказалъ г. Щегловитовъ— за политическія преступленія требуетъ, прежде всего, наступленія въ государствѣ полного порядка и успокоенія страны; при отсутствіи этихъ условій, подобная мѣра едвали можетъ быть признана своевременною“. Но вмѣстѣ съ этимъ г. Щегловитовъ показалъ, что онъ не вовсе глухъ къ настойчивому требованію народной совѣсти: онъ призналъ возможнымъ и своевременнымъ отмѣнить смертную казнь за карантинныя преступленія...

Когда мы услышали эти послѣднія слова, насъ взяла оторопь. Намъ показалось, что министръ юстиціи смѣется надъ Думой. Мы стали воскрешать въ памяти, когда былъ послѣдній случай примѣненія казни за карантинныя посягательства. Мы спрашивали себя: прошли ли съ этого момента двадцать лѣтъ или сорокъ, пятьдесятъ? Потому этотъ вопросъ сдѣлать съ трибуны г. Набоковъ, и товарищъ министра юстиціи—самъ г. Щегловитовъ очевидно счелъ, что слушать пренія не стоитъ, и что гораздо важнѣе отдать время своей канцеляріи—знаками показалъ, что онъ тоже не помнитъ... Такъ одинъ добродѣтельный богатъ въ духовномъ завѣщаніи не одѣлилъ бѣднаго брата. Разставаясь съ жизнью, онъ написалъ, что взятыя у него братомъ взаимны тридцать лѣтъ назадъ десять рублей—онъ прощаетъ...

Еще загадочнѣе, зачѣмъ повадобились мѣсячныя приготовленія главному военно-морскому прокурору г. Матвѣенко. Онъ сказалъ, буквально, слѣдующее: „По порученію морского министра, считаю долгомъ доложить Государственной Думѣ, что отмѣна смертной казни по слѣдъ морского устава должна составить предметъ особаго вопроса,

подлежащаго разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ, опредѣленнымъ военно-морскимъ судебнымъ уставомъ, каковое направленіе этого вопроса опредѣляется, по мнѣнію морского министра, статьей 55 основныхъ законовъ. Съ толкованіемъ послѣдней, изложеннымъ г. членомъ-докладчикомъ, морской министр согласиться не можетъ“. Какъ стали извѣстны морскому министру соображенія докладчика, которыхъ отсутствовавшій министр не слыхалъ—г. Матвѣенко не повѣдалъ. Почему министр не можетъ согласиться, какія имѣть для того юридическія основанія—этого тоже г. Матвѣенко не объяснилъ. „Не согласенъ“ и все тутъ—чего еще разсуждать!.. Не безъ основанія, по окончаніи этой любопытной „рѣчи“, съ заднихъ скамей раздался вопросъ: „скоро ли въ отставку“?

Слова представителей министерства—очень жаль, что еще не былъ выслушанъ главный военный прокуроръ, генераль Павловъ—сослужили немалую службу ораторамъ изъ членовъ Думы. Не по содержанію ихъ рѣчей, ибо противники оказались слишкомъ ничтожны для серьезнаго диспута, а съ вѣшной стороны—со стороны впечатлѣнія. Казенная сухость чтенія однихъ особенно выдѣлила искренность тона свободной, богатой образами, устной рѣчи другихъ, нежеланіе или неумѣніе толковать законъ—спокойный и тщательный юридическій анализъ, повтореніе чужихъ словъ—самостоятельную работу мыслей... Мы не будемъ ни приводить, ни тѣмъ болѣе разбирать всего того, что говорилось въ Думѣ 19-го іюня. Мы остановимся только на одной части вопроса: дѣйствительно ли своевременно теперь отмѣнить смертную казнь въ Россіи? Оправдывается ли рѣшеніе Думы съ политической точки зрѣнія?

Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства! „Въ то время—справедливо говоритъ Н. С. Таганцевъ,—когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и навсегда, спокойствіе правящей власти. Но эпоха подобныхъ движеній отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе,

хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни или смерти"... Это такое же заблужденіе, какъ и то, что, вынося свое рѣшеніе, Государственная Дума не содрогалась видомъ крови, ежедневно проливаемой на улицахъ чуть не всѣхъ городовъ. Можно ли безъ содроганія читать извѣстія объ убійствахъ городскихъ, околоточныхъ, стражниковъ и другихъ низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь они повинны только въ томъ, что у нихъ тоже есть семьи, что они тоже голодны, что они тоже хотятъ ѣсть...

Нынѣшнія политическія убійства—это не то явленіе, какое представляли изъ себя такія же убійства, начиная съ семидесятыхъ годовъ и до дня убійства В. К. Плеве. То были отдѣльные спорадическіе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ террористическомъ фактѣ того времени, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный расчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствіе. Тѣ же убійства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленія иного порядка. Когда убиваютъ городскихъ, когда убиваютъ солдата на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, передъ формой массоваго психоза. Какъ бывають эпидеміи самоубійствъ, такъ бывають эпидеміи убійствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью даже съ холодными, рассчитанными, обдуманными убійствами, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидеміи, охватившей страну, вдвойнѣ нецѣлесообразно. Бороться съ ужаснымъ явленіемъ, свидѣтелями котораго мы бываемъ теперь каждый день, нужно инымъ способомъ: устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ это явленіе, устраненіемъ того, что обусловливаетъ и вызываетъ политическія убійства. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя — кровожадная жестокость закона, смертная казнь. Вспомните дѣло Спиридоновой. Ее побудили убить Лужевовскаго тѣ звѣрства и казни, которыя онъ совершалъ. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, толкнувшимъ ея руку взять револьверъ. И если проанализировать каждый новѣйшій случай, то въ громадномъ большинствѣ, если не всегда, установится преемственная связь между жестокостью закона и его исполнителей и даннымъ фактомъ убійства, и зависимость второго отъ первой. Кто же и чѣмъ долженъ начать? Властное ли и могущественное государство — отказомъ отъ кровавой мести, или охваченные психозомъ революціонные элементы—прекращеніемъ политическихъ убійствъ? Кто долженъ первый разорвать заколдованный кругъ?..

Съ другой стороны, мы живемъ въ эпоху революціи. Что будетъ завтра, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяць—никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смысла настроеній, смысла теченій, смысла личнаго торжества,—они могутъ наступить каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ, при той неизвѣстности, которая предстоитъ русской жизни, не было уже убійствъ по закону, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы ни было совершено, было преступнымъ дѣяніемъ.

1-го декабря 1789 года французское учредительное собраніе, по предложенію доктора Guillotin, постановило, что отнынѣ смертная казнь состоятъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно расшататься и что наступитъ анархія. Этого не наступило, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Русская Государственная Дума начала свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни. Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это гарантируетъ то, что лишенія жизни по закону—властнымъ безвластнаго—больше въ незаконченную эпоху русской революціи не будетъ...

Получить ли рѣшеніе Думы санкцію? Будемъ надѣяться, что да...

21 іюня въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе по поводу погрома въ г. Вѣлостокѣ. 22 іюня Государственная Дума выслушала о томъ же погромѣ докладъ „комиссіи по изслѣдованію незаконномѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ“, а на слѣдующій день начала его обсужденіе.

Правительственное сообщеніе, основанное на данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ шталмейстеромъ Фришемъ, и на „другихъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства“, опредѣляетъ слѣдствія безпорядковъ слѣдующими цифрами: убито 7 христіанъ и 75 евреевъ; ранено 18 христіанъ и 60 евреевъ; разгромлено 169 квартиръ и лавокъ, принадлежащихъ еврейскому населенію, съ убыткомъ на сумму около 200 тыс. рублей. Далѣе, изъ фактическихъ свѣдѣній останавливаетъ вниманіе перечень полицейскихъ чиновъ, жандармовъ и солдатъ, бывшихъ жертвами революціонныхъ покушеній въ теченіе 1905 и 1906 гг. Общее ихъ число—33. Эти посягательства, а также насильственными

дѣйствій, направленныхъ противъ мирныхъ жителей, по словамъ сообщенія, „повергли населеніе Бѣлостока въ паническое состояніе“. дошедшее до крайняго напряженія послѣ убійства 29 мая полиціймейстера Деркачева, и „породили то состояніе угнетенности и апатіи, въ которое пришла бѣлостокская полиція, не рѣшавшаяся даже показываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города“. „Прослѣдить ходъ погрома—говорится далѣе,—то затихавшаго, то возобновлявшагося въ разныхъ частяхъ города, и различить въ заявленіяхъ пострадавшихъ лицъ истину отъ вольныхъ и невольныхъ измышленій можетъ, конечно, лишь судебное слѣдствіе, которое и ведется со всей возможной быстротой. Признавая до окончанія слѣдствія всякія утвержденія по этому предмету преждевременными, правительство можетъ пока считать установленнымъ лишь то обстоятельство, что погромъ производился по преимуществу отдѣльными небольшими кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ по преимуществу мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ“... Въ заключеніе правительство отвергаетъ, „съ глубокимъ негодованіемъ, распространяемые въ обществѣ слухи о томъ, что еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участіи мѣстной администраціи и войскъ, и считаетъ долгомъ выразить свое убѣжденіе въ томъ, что причину этого печальнаго событія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, которыя непрерывнымъ рядомъ преступныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ властей и противъ частныхъ лицъ, довели мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроили полицію, не имѣвшую вслѣдствіе этого возможности предупредить и во-время остановить начавшіеся беспорядки“.

Къ прямо противоположнымъ выводамъ пришла комиссія Государственной Думы на основаніи свѣдѣній и матеріаловъ, собранныхъ командированными ею въ г. Бѣлостокъ членами Думы: М. Е. Араканцевымъ, Е. Н. Щепкинымъ и В. Р. Якубовичемъ. Эти матеріалы чрезвычайно обширны и заключаютъ въ себѣ такія описанія фактовъ со словъ очевидцевъ и потерпѣвшихъ, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ на головѣ. Впрочемъ, и безъ этихъ описаній однѣ голыя цифры показываютъ, какъ жестоко велся погромъ. Даже въ сраженіяхъ на войнѣ, при самыхъ усовершенствованныхъ средствахъ причиненія вреда, число раненыхъ всегда во много разъ превышаетъ число убитыхъ; въ Бѣлостокѣ же было убито 75 евреевъ (по свѣдѣніямъ комиссіи—82) и ранено только 60 (по свѣдѣніямъ комиссіи—70). Это значитъ, что били на смерть и добивали раненыхъ.

Комиссія признала, что, во-первыхъ, „никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ

населеніемъ города Бѣлостока не существовало"; во-вторыхъ—что „нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи“. По мнѣнію комиссіи, болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе *планомерность* произведеннаго погрома. „О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его; слѣдовательно онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. Наконецъ, приурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента“... „Сображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что погромъ былъ подготовленъ и организованъ. Но кѣмъ же? Остановившаяся на образѣ дѣйствій г. начальника губерніи, нельзя не усмотрѣть, что еще до погрома представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на пристава Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо, облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Но губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ. Наступаетъ день погрома. Губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ генераломъ Богаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ г. Вильну, къ генералъ-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ, трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избиеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію; онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью“... „Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣйствительность „дѣйствительныхъ мѣръ“ министра внутреннихъ дѣлъ (о принятіи которыхъ онъ говорилъ членамъ Думы Якубсону и Шефтелю), нужно признать, что въ организаціи погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть извѣстная, а можетъ быть и неизвѣстная явной власти“... Послѣ рѣчи князя В... сова этотъ послѣдній выводъ получаетъ особенное значеніе..

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЪ

въ 1906 г.

(Ороекъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ истории, политики, литературы

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ году, отъ 28 до 30 листовъ обмывовеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	На полугодіе:		На четверть года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Всѣмъ доставленъ, въ Конторѣ журнала . . .	45 р. 60 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	5 р. 90 к.	5 р. 90 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.
Изъ Петербурга, съ доставкой . . .	10 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Изъ Москвы и друг. городовъ, съ перес. . .	17 „ —	9 „ —	8 „ —	6 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Изъ другихъ мѣстъ, съ перес. почтою . . .	17 „ —	10 „ —	9 „ —	8 „ —	6 „ —	5 „ —	5 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдствіе разсрочки годовой подписки на журналы, подписки на 1-е полугодіе: въ январѣ и въ іюль, и во четверть года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и въ октябрѣ, принимаются — безъ повышения годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣльныхъ Конторахъ: при книжныхъ магазинахъ К. Риксера, Невск. просп., 74; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 26.

ВЪ СІБИРЬ:

- въ книжн. магаз. П. Я. Оглоблина, Крестатинск., 33.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ П. П. Блудова, Варшавскій пр., 10.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ П. С. Библиоплева, на Моховой, и въ Конторѣ П. Печникова, въ Петербургскихъ улицахъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образъ“, Рыночная, 12.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ указываться въ годъ или по крайней мѣрѣ, съ готыми обозначеніями губерній, уѣздовъ и мѣстожительства и съ означеніемъ жилищнаго или иного мѣста жительства, съ (НИ) *подписывается* владельцемъ журналовъ, или его законнымъ представителемъ въ самомъ мѣстоожительствѣ подписчика. — 2) *Первый годъ* долженъ быть означенъ Конторѣ журнала исключительно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ переводъ подписки, перехода изъ одного мѣста жительства въ другое, долженъ составлять 1 руб., и изъ одного мѣста жительства въ другое — до 40 коп. — 3) *Житица* на неопределенно доставляемъ подписчикамъ за Рубанскій пр., 10, или по адресу, если подписка была сдѣлана въ какомъ-либо мѣстѣ жительства, и, если она сдѣлана въ Петербургѣ, Динабургѣ, или въ какомъ-либо мѣстѣ жительства, то подписка должна быть получена въ Конторѣ журнала исключительно, въ мѣстоожительствѣ подписчика, который предложить за подписной суммѣ 14 коп. почтовый ярлыкъ.

Издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ М. М. СТАСЮЛЕНВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Спб., Гатчинск., 20, Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Адамовичъ пер., 7.

ВЪСЛѢВЪ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8.

АВГУСТЪ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство С. С. Сивилева

№ 18

КНИГА 8-я. — АГУСТЪ, 1906.

- I.—ПО МАНЧЖУРИИ ДОМОЮ.—Путевая заметка.—В. Св.-Л-в.
- II.—СЕМЬ ЛЕТЪ ВЪ БРЕСТЫНСКОМЪ ВАИЧЕ.—По личнымъ воспоминаниямъ.
—В. В. Верновина
- III.—ВЪ ПОГОРАХЪ.—Поэзия.—Часть первая.—I—XXVIII.—И. Соболева
- IV.—УГНКА ИНДИВИДУАЛИЗМА И СОЦІАЛЬНАЯ И ЕЯ ОСНОВЫ.—I—V
—К. Анисимова.
- V.—НЕ РОДНОЙ СЛЕНЬ.—Романъ Клары Фейбелъ.—X—XII.—Кларе Минне Соу.
Rons. v. O. Viebig.—См. стб. V. 9.
- VI.—МОЕ УЧАСТИЕ ВЪ АМЕРИКАНСКОМЪ ТРЕСТЕ.—I—VI.—В. А. Тюр-
ового
- VII.—ДЖЕРИ.—Романъ.—Грион Слиндер, The Jungle.—I—IV.—См. стб. 3. В.
- VIII.—ГЕНРИЕЛЬ ПЕСНИ.—Литературный очеркъ.—I—II.—Л. Подонского.
- IX.—ХРОНИКА — ВНУТРЕННІЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій манифестъ 4-го
июля.—Именно: короткое разсужденіе, условія, изъ которыхъ вытекаютъ
его результаты.—Вопросъ о тактѣ туръ.—Вопросъ о приобщеніи къ зем-
леопользовательскому.—Возможно ли было образованіе министерства для
среды Государственной Думы?—Общественія воззвѣнія на Думу.—Смыслъ и
дѣйствія проекта министерства.—Единственный образованный классъ въ
трудномъ положеніи.—Незастѣнчивое процвѣтаніе.—Рифъ—серттан.
- X.—КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ И ПРЯЧОВЫ ВЪ МАЛОЙ ПРОВІНЦІИ ИНТЕР-
ИСТИ.—Повесть изъ Ревеля.—В. А. Швакдуръ-Швакдуръ.
- XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Братскій очеркъ исторіи Харковского уни-
верситета за время его дѣятельнаго существованія (1805—1805).—II. По-
эзия, С. Омскъ географія и статистика турусскихъ племенъ (Арханг.
Ч. I, кн. I—II и II—III).—III. Министръ и Кавъ. Труды Инновационной Думы Русско-
Готр. Общества, похъ руководителю П. К. Козлова, Т. I. Часть первая и
вторая.—IV. Осажденіе Кузнецкой, Д. II. Исторія русской интеллигенціи.
V. Обороняе товарищества „Дальнѣ“ за 1900 годъ. Книга десятка.—
Вн. А.—VI. „Малы“. Литературно-публицистическій сборникъ.—VII.
VII. Герцогиня Анна Сибирская. Путь въ Штутгартъ. Пер. съ англ.
похъ ред. В. Вольгарскаго и Л. Марковича. Т. I—II, выпускъ I; II, III—
А. Касперова.—Повесть англ. и брошюры.
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международное движеніе русского народа.—
Отрывки англо-русскихъ манифестовъ.—Тонны и секретности совѣсно-
ныхъ плановъ и вопросы о эквиполитетѣ.—Личныя подвѣтныя Индустриальныя
—Иностранная почта и русскія дѣла.—Пританскій премьеръ и ре-
путатъ Думъ.—Международно-конгрессная конференція мира въ Лондонѣ.—Вопросъ
объ Дребуру.
- XIII.—ОВОРОТЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. В. Оксен. De Tactis
Mugis.—II. Еженедельникъ de Siret. Les Coup d'Œil.—III. II.
- XIV.—ВЪЪ ОДИНСТВЕННОЙ ХРОНИКѢ.—Роспускъ Государственной Думы.—
Вопросъ эквиполитетъ таможни (закръ)?—Поздравленіе для закрданій Думъ.—Поздрав-
ленія закрданій министерства индустріи и американскія дѣла.—Пританскій
инновационный биржевикъ въ дѣлѣ работъ.—Высочайшія распоряженія.—
Врѣдотворный законъ.—Отчеты условной комиссии въ Петербургѣ.—В. В.
Верновина I.
- XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда.—II. Отъ Русско-
Общества охраненія персидскаго языка.
- XVI.—ВІДИОСТАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Самозинка, В. Очеркъ по исторіи пер-
сидской литературы XIX—го вѣка.—Эдм. Шампильонъ. Франція пикаетъ ре-
волюцію въ окладѣхъ 1789 года.—I. I. Энциклопедія Революціи для молодежи.—
I. I. Сажинъ. Къ вопросу о жилищной индустрии, похъ Пашинъ и об-
общеніемъ устройствю.—Гражданскія войны Калифорніи. См. Ко-
леса Малашова, т. I—II.
- XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—VII.

ПО
МАНЧЖУРИИ
ДОМОЙ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Быль августъ въ началѣ. На Востока военныя дѣйствія какъ будто затихли. Утомленные упорной, тяжелой борьбой, противники стояли другъ противъ друга, чего-то выжидая. Всѣ чувствовали, что пора кончить ужасное, бесполезное, хаотическое кровопролитіе въ далекой Манчжуріи, и всѣ ждали мира. А онъ, этотъ желанный миръ, быль уже близокъ.

Но въ то время какъ на полѣ брани томительно длилось глухое и тяжелое своей неопредѣленностью затишье и Лиевичъ замеръ въ ожиданіи послѣдняго удара Ойямы, въ Портсмутѣ С. Ю. Витте, тогда еще не графъ, давалъ бой на дипломатическомъ полѣ барону Кокура.

Съ лихорадочной поспѣшностью расхватывались публикой портсмутскія телеграммы. Всѣ ждали и надѣялись. Почему-то казалось, что миръ уже обезпеченъ.

не такъ смотрѣлъ на дѣло штабъ. Тамъ шла дѣятельная подготовка къ грядущимъ военнымъ событіямъ. Спѣшно ровалась цѣлая серія пулеметныхъ ротъ; горныя батареи, двѣ которыхъ во время боевъ было такъ ощутительно, тоже торопились, хотя и безуспѣшно, сформироваться и

идти „туда“; самая разнообразная дѣятельность, все въ томъ же направленіи, кипѣла неудержимо.

Пословица „лучше поздно, чѣмъ никогда“, несмотря на свой явно отрицательный въ данномъ дѣлѣ смыслъ, весьма широко проводилась въ жизнь. Но всего этого казалось мало. Рѣшено было оказать Линевичу поддержку и офицерскимъ составомъ. И вотъ приказано было образовать 9-й резервъ манчжурскихъ армій и немедленно выслать его на театръ военныхъ дѣйствій.

Не знаю, какъ въ другихъ частяхъ, но у насъ въ полку распоряженіе это было получено 16-го августа, а 17-го уже было назначено 8 офицеровъ и въ томъ числѣ одинъ полковникъ.

Не успѣло состояться назначеніе, какъ пришла первая телеграмма о достигнутыхъ нашей дипломатіей „блестящихъ результатахъ“.

Произошло нѣкоторое замѣшательство. Никто не понимаетъ, что будетъ дальше съ „9-мъ резервомъ“, и люди благоразумные рѣшили, что, въ виду заключенія мира, „резервъ“ останется дома. Распоряженія въ этомъ смыслѣ ждали съ нетерпѣніемъ и были увѣрены, что оно придетъ до отправки, назначенной на 25-ое августа.

Но, вмѣсто отмѣны, пришла лишь отсрочка. Было велѣно отложить отправку до 29-го. Всѣ встрепнулись. Было очевидно, что кто-то думаетъ объ участи этого резерва, направляемаго на театръ военныхъ дѣйствій уже по окончаніи таковыхъ, что объ немъ не забыли, и потому надежды на отмѣну опять воскресли. Слишкомъ казалась нелѣпой вся эта исторія.

Я лично былъ въ высшей степени заинтересованъ этимъ вопросомъ, такъ какъ въ числѣ другихъ прапорщиковъ былъ назначенъ и я. Ожиданіе было томительно. Бѣжать не хотѣлось. Со всѣхъ сторонъ на насъ сыпались шутки, точно мы были новаты во всей этой безалаберщинѣ.

А между тѣмъ изъ штаба пришло новое распоряженіе: замѣнить двухъ назначенныхъ отъ насъ капитановъ поручиками.

Тогда всѣ поняли, что наша отправка дѣйствительно нужна, и что если ужъ штабъ даже въ такія подробности входитъ, „значить“ имѣетъ точныя данныя и т. д.

Однимъ словомъ, мы стали готовиться къ отъѣзду.

Во всѣхъ магазинахъ, въ экономическомъ обществѣ, всюду можно было видѣть озабоченно снующихъ офицеровъ.

Никто не зналъ, что нужно брать съ собой „туда“. Въ полкахъ были разныя вырѣзки, отзывы офицеровъ и т. п. указанія по этому предмету, но все было такъ противорѣчиво, что каждый руководствовался или личными взглядами, или совѣ-

тами приказчиковъ экономическаго общества и другихъ „спеціальныхъ магазиновъ“.

Въ результатъ—масса ненужныхъ, бесполезныхъ вещей и непронзводительные расходы изъ скудной суммы, полученной изъ полка. Надо отдать справедливость,—подъ конецъ войны стали „нагонять экономію“. Офицеры нашего резерва получили, сравнительно съ первыми резервами, очень мало. Но къ чему эта экономія, когда всѣ эти, хотя и сокращенные, уже, такъ сказать, „экономные“ расходы производятся безъ всякаго смысла?!

Я не знаю точной цифры всѣхъ офицеровъ нашего резерва, но говорили, что ихъ 1.400—1.600 человекъ. А принимая во вниманіе, что тамъ были не только прапорщики, хотя они и составляли значительное большинство, но и офицеры другихъ чиновъ, до полковниковъ включительно,—расходъ оказывался значительнымъ.

И дѣйствительно,—прапорщики получили, приблизительно, по 400 р., съ небольшими колебаніями, поручики—по 700—800 р., а полковники по 2.000 р. или около того, опять-таки съ колебаніями въ обѣ стороны. Ясно, что расходъ не малый, хотя и на экономическихъ началахъ.

Нелѣпость всей операціи была такъ очевидна, что многіе изъ нашихъ товарищей, сообразивъ совершенную бесполезность своего прибытія на Востокъ, опоздали на двѣ—три недѣли, и никто этого не замѣтилъ. Думали, что можно было опоздать на сколько угодно. Никто на это вниманія не обращалъ.

Любопытно было поглядѣть на офицеровъ этого, такъ послѣдно высланнаго резерва въ канцеляріи дежурнаго генерала въ Гунжулинѣ. Имъ предъявляли списокъ полковъ, и они сами выбирали себѣ вакансіи въ любомъ. И вотъ тутъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ полкахъ вакансій совсѣмъ нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ—такъ мало, что невозможно туда назначить маленькую группу въ 5—6 однополчанъ, желавшихъ попасть въ одинъ полкъ, чтобы продолжать служить вѣстѣ.

Вакансій не было, нужды въ офицерахъ, слѣдовательно, тоже не было, а они, эти вновь прибывшіе, все шли и шли въ канцелярію дежурнаго генерала, и никто не зналъ, куда ихъ сунуть.

Любопытно то, что послѣ насъ еще умудрились прислать какихъ-то офицеровъ, тоже для „пополненія“ переполненныхъ полковъ Манчжуріи, но изъ Гунжулина ихъ отправили, кажется, домой.

Для полноты картины надо добавить, что въ Россіи во времени отсылки „резерва“ офицеровъ въ полкахъ было удивительно мало. Недостатокъ въ нихъ ощущался до такой степени, что мы, прапорщики, привыкшіе слышать въ мирное время постоянныя

шутки на тему: „курица не птица—прапорщикъ не офицеръ“ и т. д., оказались въ совершенно иномъ положеніи и исполняли массу самыхъ разнообразныхъ должностей, до командованія ротами включительно.

И вотъ въ такое-то время нашли возможнымъ вырвать изъ остатковъ офицерскаго кадра еще около полуторы тысячи человекъ.

Результаты мудрой мѣры сказались немедленно: во-первыхъ, часть только-что присланныхъ офицеровъ возвратилась домой *сейчасъ же* для обученія новобранцевъ (я лично знаю такіе примѣры). И эти офицеры поѣхали въ числѣ другихъ, посланныхъ для той же цѣли изъ полковъ. Не проще ли было оставить насъ дома? Но, во-вторыхъ, что самое главное, уже въ самыхъ первыхъ числахъ октября пришло распоряженіе вернуть резервъ домой.

Положимъ, намъ не дали обратныхъ прогоновъ. Намъ дали „литеру“. Но все-таки обошлись мы очень дорого казнѣ и не принесли ни малѣйшей пользы.

Для чего мы были посланы? Для чего было убито столько денегъ? И для чего, наконецъ, было доставлено столько тяжелыхъ минутъ всѣмъ этимъ семейнымъ офицерамъ, на неопредѣленное время оторваннымъ отъ семьи?

Какъ все это дико, нелѣпо, и какъ тяжело исполнять явно бессмысленныя распоряженія!

Но какъ бы то ни было, а въ назначенный день я и нѣсколько моихъ товарищей сѣли въ поѣздъ, уходящій въ Манчжурію. На вокзалѣ публики было много, но проводы отъѣзжавшихъ офицеровъ совершенно не походили на такіе же проводы мѣсяцемъ раньше. Лица были бодрѣе, слышались шутки; не было тѣхъ раздирающихъ душу сценъ, которыхъ такъ много видѣлъ за эту войну рязанскій вокзалъ. Мирный договоръ былъ заключенъ, и потому на душѣ у всѣхъ было сравнительно легко. Но вотъ и третій звонокъ. Послѣдніе поцѣлуи, объятія, привѣтствія, и среди пожеланій скорого возвращенія мы медленно двинулись впередъ. До Рязска дорога пролетѣла незамѣтно. Пересадка въ другой поѣздъ совершилась тоже вполне благополучно, и мы радовались, что все такъ хорошо устроивается, что мѣста всѣмъ хватаетъ и что ѣхать вовсе не такъ скучно, какъ мы ожидали.

Въ Батракахъ впервые увидѣли мы часовыхъ у дверей буфетовъ и на платформѣ. Это было, такъ сказать, первое предостереженіе. Мы попадали въ ту черту, гдѣ суровая военная дисциплина уже начинаетъ чувствоваться въ воздухѣ.

Дальше—больше.

Подойдя къ сызранскому мосту, нашъ поѣздъ остановился, и въ вагоны стали вскакивать бородатые ополченцы, съ длинными и неуклюжими берданками въ рукахъ, по-двое въ каждый вагонъ.

Это—охрана моста. Окна, двери, уборныя, площадки классныхъ вагоновъ—все немедленно было заперто. Любопытно, что и въ нашъ, *исключительно офицерскій*, вагонъ вошло тоже двое бородачей, и одинъ изъ нихъ сталъ просить офицеровъ войти въ вагонъ и поднять стекла въ окнахъ. Стоявшій на площадке полковникъ, только-что расположившійся любоваться видомъ Волги, страшно возмутился такимъ насиліемъ; онъ горячо доказывалъ, что отъ него нелѣпо оборонять мостъ, что онъ самъ воинскій чинъ и т. д.; но солдатъ тупо смотрѣлъ на него, и когда поѣздъ уже двинулся къ мосту—произнесъ безапелляціоннымъ тономъ: „Пожалте, ваше высокоблагородіе“.

Пришлось подчиниться.

Но было что-то глупое и несуразное въ этой охранѣ въ офицерскомъ вагонѣ, и это понимали и мы, такъ сказать, караульные, и сами караульщики.

Помимо того, что эта мѣра нелѣпа, по отношенію къ офицерамъ, по идеѣ, но она и недѣйствительна, такъ какъ охрана, вооруженная берданками съ длиннѣйшими штыками, на дѣлѣ совершенно безоружна въ тѣсномъ вагонѣ, гдѣ нѣтъ никакой возможности пустить ихъ въ дѣло. Но какъ бы то ни было, а охрана эта стояла не только на этомъ мосту, но и на всѣхъ попадавшихся на дальнѣйшемъ пути.

И это—одна изъ утомительнѣйшихъ функцій дорожной охраны.

Однажды я обратилъ вниманіе на блѣдное, усталое лицо одного изъ этихъ охранниковъ. Видно было, что человекъ усталъ, что ему давно уже не приходилось выспаться, и потому онъ настолько безучастно относился къ своимъ обязанностямъ, что даже не обратилъ вниманія на то, что я не ушелъ съ площадки въ вагонъ.

— Что, землякъ, тяжела служба-то?—спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваш-бродіе, — отвѣтилъ онъ вяло. — Она, служба-то, не то чтобы чижала, сказать нельзя, а только что очень ужъ безпокойна.—Онъ помолчалъ.—Возьмите то во вниманіе—ни днемъ, ни ночью нѣтъ тебѣ покою. Вотъ сейчасъ васъ проводятъ, а тамъ, черезъ четыре-пять часовъ, обратно ѣхать, а тамъ опять назадъ. Такъ вотъ и гоняемся.

— А гдѣ же сейчасъ-то будете отдыхать?—заинтересовался я.

— А на разѣздѣ. Только тамъ плохо,—замѣтилъ онъ флег-

матично.—Спимъ-то на полу, гдѣ придется. Ни нарѣ, никакого ни на есть устройства, а такъ. И чаю-то испить негдѣ. Сейчасъ-то ничтѣ. Время теплое. А зимой здоровѣ холодно. На полу-то лежамши, застынешь. Девятый мѣсяцъ мы тутъ.

И онъ, грустно опустивъ голову, умолкъ.

Девятый мѣсяцъ люди живутъ на полу, на разъѣздѣ, гдѣ и чаю-то попить не могутъ, зимой мерзнуть, и никто этого не видитъ и этимъ не интересуется!

— Что же вы начальству-то не доложите, что у васъ даже подстилки нѣтъ? Вѣдь отъ него это зависитъ!—замѣтилъ я.

— Оно, начальство-то наше, знаетъ — да чтѣ толку-то!—безнадежно отвѣтилъ онъ.—Эхъ, хоть бы домой-то поскорѣе! Все хозяйство стало!—И онъ задумался.

Тяжело пришлось имъ, этимъ старикамъ-ополченцамъ, призваннымъ на охрану дороги.

Любопытный эшелонъ обогнали мы въ Батравахъ. Огромный „приспособленный“ поѣздъ, съ однимъ лишь класснымъ вагономъ. Вездѣ видны какіе-то люди въ матросскихъ полосатыхъ рубашкахъ, армейскихъ шараварахъ и заломленныхъ по-флотски армейскихъ же фуражкахъ. На одномъ изъ вагоновъ-теплушекъ андреевскій флагъ и подъ нимъ—красная символическая тряпка. Въ вагонѣ второго класса—офицеры-гвардейцы, ведущіе эшелонъ, и гвардейскіе часовые у входовъ въ вагонъ, охраняющіе начальниковъ отъ подчиненныхъ. Изъ вагоновъ мѣстами выглядываютъ гвардейскіе же солдаты. Оказывается, это—эшелонъ балтійскихъ моряковъ.

Нашъ поѣздъ останавливается между эшелономъ и платформой.

Сейчасъ же на буферахъ нашего вагона появляется фигура молоденькаго матросика, пробирающагося въ свой вагонъ съ платформы.

— Почему, братъ, — спрашиваю его, — ты въ армейской формѣ?

— Такъ что, ваше благородіе, какъ наши суда-то потопи, намъ не на чемъ стало плавать, такъ, значить, насъ въ пѣхоту оборотили,—бойко и вѣжливо отвѣчаетъ онъ. Оказывается дажѣ, что онъ еще совсѣмъ молодой матросъ, призыва 1905 г., и потому ничего противъ „оборачиванія въ пѣхоту“ не имѣетъ.

Совершенно иначе смотреть на дѣло уже вполне сформировавшійся морской воякъ, красивый малый, съ лихо закрученными усами и гармоникой въ рукахъ. „Насъ потому въ пѣхоту оборотили, — острить онъ на какой-то вопросъ офицера въ сосѣд-

немъ со мною вагонѣ,—что на флотѣ молодцы сразу большими партіями сдаваться умѣютъ. Для этого дѣла насъ сюда начальство и посылаетъ“. Товарищи хохочутъ.

И при видѣ этихъ офицеровъ, сидящихъ за часовыми въ своемъ вагонѣ, при видѣ этихъ разнузданныхъ, неряшливо одѣтыхъ людей, этого андреевскаго флага въ сочетаніи съ краснымъ, становится какъ-то непонятно, зачѣмъ понадобилось этихъ людей вливать въ ряды пѣхотныхъ войскъ манчжурскихъ армій, гдѣ и такъ неспокойно, и такъ все еле держится.

Результаты этой мудрой политики уже начали, если не ошибаюсь, сказываться.

Кромѣ этой встрѣчи, до самаго Челябинска не было ничего занимательнаго съ военной точки зрѣнія. А меня интересовала именно эта сторона дѣла. Слишкомъ много пришлось мнѣ слышать противорѣчивыхъ разсказовъ о порядкахъ на линіи, по которой прошли сотни тысячъ нашихъ солдатъ, и потому хотѣлось имѣть свой взглядъ на дѣло.

Успѣшная, за послѣднее время, доставка войскъ на театръ военныхъ дѣйствій чрезвычайно невыгодно отразилась на пассажирскомъ и товарномъ движеніи по всей линіи, начиная отъ Самары. Грузы одно время совершенно, кажется, не принимались, а пассажиры ждали очереди цѣлыми недѣлями. Въ Самарѣ мнѣ пришлось видѣть массы людей,—цѣлыя семьи съ ребятишками,—валявшихся на холодномъ, мокромъ полу платформы въ ожиданіи „отправки“.

— Осьмой день моримся, прохарчилились совсѣмъ,—жаловался мнѣ худой, оборванный мужиченко.—Хоть бы солдатъ-то пересылать перестали. Одна задержка, прости Господи!—и безнадежно оглянулъ биткомъ-набитые вагоны нашего поѣзда.

Приблизительно такая же картина—на другихъ болѣе или менѣе значительныхъ станціяхъ.

Но своего апогея эта пассажирская неурядица достигла въ Челябинскѣ. Нашъ поѣздъ опоздалъ, и соотвѣтствующій ему сибирскій уже ушелъ въ нашему приходу. Мы надѣялись, что на слѣдующій день насъ отправятъ раньше слѣдующаго изъ Россіи поѣзда, и намъ удастся получить мѣста. Обратились къ одному изъ помощниковъ коменданта. Какъ и полагается, этотъ „тыловой герой“ очень развязно общалъ насъ „устроить“, и мы ушли спать въ свои вагоны; впоследствии мы на опытѣ испытали, что администрація дороги, заодно съ комендантами, не всегда такъ любезно разрѣшаетъ офицерамъ переночевать въ остающемся на станціи поѣздѣ. Я лично самъ не разъ долженъ былъ проводить

ночь на ногахъ или на буфетномъ столѣ на станціи, въ то время какъ вагонъ, въ которомъ я пріѣхалъ вечеромъ, до утра простаивалъ на томъ же мѣстѣ. Я до сихъ поръ не понимаю смысла такихъ распоряженій, и думаю, что найти его здѣсь, какъ и въ огромномъ большинствѣ другихъ, не менѣе странныхъ, распоряженій, не удастся.

Но, какъ бы то ни было, а эту ночь мы проспали въ вагонахъ,—и даже, грѣшные люди, считали это въ порядкѣ вещей и не подозрѣвали, что только счастливая случайность спасла насъ отъ бессонной ночи въ буфетѣ.

На слѣдующій день началась „посадка“. Подали поѣздъ, и помощникъ коменданта указалъ намъ офицерскіе вагоны. Благодаря его нераспорядительности, произошла давка. Офицеры не попадали въ свои вагоны, зато публика стремилась въ нихъ неудержимо и едва сдерживалась солдатами. Вагоны, предназначенные для публики, были еще заперты. По совершенно ненятому капризу помощника коменданта, они отпирались по очереди, а не всё сразу, и потому толпа пассажировъ, человѣкъ въ 300—400, у каждаго вагона стремилась цѣликомъ попасть именно въ него, забывая объ остальныхъ. Давка, драка, крикъ и ругань...

— Ваше высокоблагородіе,—говоритъ какой-то пожилой человѣкъ, съ виду подрядчикъ, обращаясь къ стоящему рядомъ со мной полковнику:—окажите намъ, Христа ради, какое ни на есть присутствіе. Вѣдь силъ нѣтъ никакихъ, ей Богу. Живемъ недѣлю здѣсь, а тамъ надо дѣло дѣлать. Работа стала. Робята безъ дѣловъ сидятъ. Окажите присутствіе!

Полковникъ недоумѣваетъ. Я вмѣшиваюсь въ дѣло и объясняю, что мы тоже лишь пассажиры, а обратиться надо къ коменданту. При этомъ словѣ лицо несчастнаго старика принимаетъ злобное, тупое выраженіе: „слыхали мы, дескать, это“. И онъ опять обращается къ тому же полковнику съ той же, очевидно заученной, фразой, прибавивъ, какъ бы въ поясненіе: „Вы вѣдь наши начальники, явите Божескую милость“. И опять говоритъ о „дѣлахъ“, которыя безъ него „стали“ гдѣ-то въ Томскѣ. А поѣздъ тѣмъ временемъ успѣлъ наполниться свыше мѣры засидѣвшейся въ Челябинскѣ публикой, которая съ легкимъ сердцемъ и почти радостно, дѣятельно переругивается въ окна и двери вагоновъ съ толпой разочарованныхъ несчастливцевъ, не попавшихъ на поѣздъ и обреченныхъ на долгое сидѣнье на станціи и на новыя атаки проходящихъ поѣздовъ.

По всей линіи до Иркутска и дальше повторялись все тѣ же

сцену. Разнообразіемъ для насъ лично послужила пропажа всего нашего багажа, который былъ гдѣ-то выгруженъ изъ внезапно „заболѣвшаго“ товарнаго вагона и гдѣ-то остался ждать, на неопредѣленное время, своей очереди для отправки въ Манчжурію. Мы этимъ были очень опечалены. Привыкши къ европейской точкѣ зрѣнія на пассажирскій багажъ, мы надѣялись, что онъ будетъ все время въ нашемъ поѣздѣ, и поэтому, во-первыхъ, уплатили рублей по восьми за пудъ, а во-вторыхъ, положили тутъ различныя вещи, нужныя тотчасъ по прибытіи на мѣсто. Было досадно, что багажъ отсталъ. Насъ, впрочемъ, стали утѣшать, что онъ не отсталъ, а пропалъ, и что можно получить за него деньгами,—но насъ это совершенно не устраивало, и мы дѣлательно стали его искать, заявляя и телеграфируя на большихъ станціяхъ. Впослѣдствіи, уже въ Харбинѣ, одинъ офицеръ, по службѣ близко знакомый съ дѣлами этихъ дорогъ, объяснилъ намъ, что подобныя пропажи бывають часто, и что вагоны съ багажомъ, особенно въ нѣкоторыхъ пунктахъ пути, имѣють хроническую склонность къ „заболѣванію“. Вагонъ признается „заболѣвшимъ“, багажъ выгружается куда-нибудь (при этомъ возможна и утрата его), а вагонъ грузится различнымъ товаромъ, оплаченнымъ, конечно, много выше тарифа, и благополучно слѣдуетъ дальше съ ближайшимъ же поѣздомъ. Какъ устраиваются съ контролемъ—не знаю. Но въ Манчжуріи и на всей линіи дороги къ ней, насколько приходилось слышать отъ людей хорошо освѣдомленныхъ, до такой степени свято и нерушимо соблюдается правило „рука руку моетъ“, что, вѣроятно, и здѣсь дѣло поставлено твердо и прочно, и нѣтъ основанія опасаться, что эта „частная организація“ „положить охулку на руку“. „Представьте,—говорилъ тотъ же офицеръ,—даже намъ взятки предлагаютъ; просто отбоя нѣтъ!“ А между тѣмъ гдѣ-то кто-то что-то дѣлаетъ незаконное, офицерскія вещи пропадаютъ десятками, сотнями пудовъ, а дорога платитъ опредѣленную сумму съ фунта. Я, конечно, не знаю точной статистики этихъ „невыгодныхъ“ для дороги „сдѣлокъ“, въ которыя она что-то очень часто вовлекается, но говорятъ, что одна изъ станцій уплатила за пропавшіе грузы свыше сорока тысячъ рублей и обратила даже на себя вниманіе министерства. Но, опять-таки повторяю, такъ говорятъ люди, съ дѣломъ знакомые, и да будетъ на нихъ отвѣтственность за достовѣрность этихъ свѣдѣній.

Послѣ пропажи багажа, ближайшая непріятность ожидала насъ на станціи Манчжуріи. Благодаря нелюбезности и возмутительно невнимательному къ намъ отношенію помощника комен-

данта, намъ пришлось всю ночь проболтаться на вокзалѣ, а вагоны наши, какъ я говорилъ выше, всю ночь стояли, ничѣмъ и никѣмъ незаняты, на своихъ мѣстахъ. Вообще, отношеніе комендантовъ къ офицерамъ какое-то удивительно странное. Мнѣ очень много разъ приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ, и я никогда не могъ понять, почему эти господа, сидя въ теплѣ и холѣ, смотрятъ на обращающихся къ нимъ офицеровъ какъ на какихъ-то назойливыхъ просителей, отъ которыхъ надо возможно скорѣе отвязаться.

Особенно возмутительно отношеніе многихъ господъ этапныхъ комендантовъ. Они, видимо, считаютъ свое дѣло пріятной синекурой, нисколько ни о чемъ не заботятся, даже не знаютъ, есть ли у нихъ свободныя помѣщенія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и непрестанно жалуются лишь на „массу“ работъ.

Когда я пишу эти строки, я вспоминаю, между прочимъ, коменданта одного китайскаго мѣстечка, который, несмотря на долгія совѣщанія съ своимъ помощникомъ и довѣреннымъ унтеръ-офицеромъ, отвелъ намъ, т.-е. нашей командѣ, при восьми офицерахъ, открытую для вѣтра площадку на горѣ (а мороза было градусовъ 5—6) и категорически отказалъ въ какомъ бы то ни было помѣщеніи, ссылаясь на то, что все уже занято. А между тѣмъ оказалось, что цѣлая фанза, состоящая въ его вѣдѣніи, совершенно пуста и занята лишь однимъ, случайно забредшимъ въ нее, офицеромъ.

И это въ крупномъ, сравнительно, мѣстечкѣ, и это тоже называется „служба“!

Не менѣе возмутительно отношеніе къ офицерамъ и въ городѣ Х., гдѣ комендантствуетъ, какъ и во многихъ другихъ теплыхъ мѣстечкахъ, гвардейскій капитанъ. Да всѣхъ и перечислить невозможно.

Есть, впрочемъ, и люди хозяйственные.

Такъ, мнѣ одинъ комендантъ рассказывалъ, что его мѣстникъ на одномъ изъ этаповъ жилъ совсѣмъ помѣщикомъ: имѣлъ поля и огороды, такъ какъ имѣлъ казенныхъ лошадей, муловъ и нижнихъ чиновъ. На его огородахъ и поляхъ зрѣлъ картофель, который, будучи проданъ проходящимъ войскамъ по манчжурскимъ цѣнамъ, далъ заботливому хозяину свыше четырехъ съ половиной тысячъ рублей. Но, увлекаясь земледѣліемъ, этотъ комендантъ не только не устроилъ какихъ бы то ни было помѣщеній для нижнихъ чиновъ, но даже не нашелъ времени и средствъ для приспособленія фанзы подъ офицеровъ.

Въ извиненіе ему говорилось: „онъ, господа, человекъ семейный“.

Въ Харбинъ мы прибыли на семнадцатый день по выѣздѣ изъ Москвы. Здѣсь уже все пахнетъ войной. Цѣны безобразны. Кормятъ на вокзалѣ отвратительно. Номеровъ въ гостинницахъ нѣтъ. Все переполнено офицерами. Стоитъ тринадцатый корпусъ, части котораго еще подтягиваются. Естественно, что комендантъ и его помощникъ, при такомъ наплывѣ военной публики, не знали, что въ офицерскихъ баракахъ есть мѣста, и заявили, что ни одного мѣста нѣтъ. Нашлись Оомы невѣрные, которые лучше насъ знали цѣну этимъ заявленіямъ и, ничтоже сумняся, отправились въ баракъ, гдѣ благополучно и переночевали.

Остальные же размѣстились—кому гдѣ пришлось, *даже на полу*. Въ вагоны никого не разрѣшали пускать, такъ какъ таковыя имѣютъ какое-то назначеніе, но ловкіе люди и тутъ нашлись, дали мзду поѣздной прислугѣ и переночевали въ вагонахъ, которыхъ, какъ оказалось на утро, хватило бы на всѣхъ безъ всякаго вреда для кого бы то ни было, а для дороги и коменданта въ особенности.

На слѣдующій день, преодолевъ всѣ мытарства, мы кое-какъ попали-таки въ поѣздъ, въ грязные вагоны третьяго класса, переполненные тараканами и прочей дрянью, и благополучно добрались до Гунжулина. Здѣсь—„отлично оборудованный“ этапъ. Но это „отлично“ весьма относительно и подходитъ только къ манчжурскимъ понятіямъ. Офицерское помѣщеніе этапа представляетъ изъ себя землянку съ нарами, раздѣленными—поставленными на ребро досками—на рядъ стойлъ, съ одной висячей лампой на огромное, сравнительно, помѣщеніе и съ запахомъ конюшни. Запахъ этотъ исходитъ съ крыши, которую, тепла ради, засыпали конскимъ навозомъ.

Крыша, по непонятному капризу строителя, устроена такъ, что вода неминуемо должна застаиваться и протекаетъ какъ разъ на нары. Кромѣ того, съ потолка сыплются какіе-то навозные черви въ большомъ количествѣ.

Но этотъ этапъ „сравнительно“ очень хорошъ.

Проѣзжій офицеръ и этому радъ. Одно лишь худо: поѣсть негдѣ. Гунжулинъ—центръ, въ который стекаются офицеры со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ трехъ армій, а никто даже не позаботился дать имъ возможность хоть какъ-нибудь закусить. Это удивительнѣйшее отсутствіе заботы о чинахъ арміи меня всегда возмущало. Трудно допустить, чтобы нельзя было организовать это дѣло. А между тѣмъ офицеру только и остается или вокзалъ, или „офицерская столовая“, гдѣ страшно дерутъ частные предприниматели и кормятъ какой-то возмутительной и вредной

дряню. А чѣмъ кормятся солдаты, которые почему-либо идутъ одиночнымъ порядкомъ, такъ я даже и не знаю.

Есть, впрочемъ, два отдѣленія экономическихъ обществъ: гвардейскаго и московскаго. Первое, сравнительно, богато обувью и одеждой, но предметовъ первой необходимости по части продуктовъ—сахара, табаку, какой бы то ни было ѣды—этого ничего нѣтъ. „Все вышло-съ“. Вина, впрочемъ, много. Особенно у гвардейцевъ.—Мадеры цѣлыя массы, шампанскаго—тоже. Другіе сорта—тоже хорошо представлены, а водки, напимѣръ, обыкновенно нѣтъ. „Есть-съ ромъ“, говорятъ вамъ.

Кстати объ экономическихъ обществахъ. Прекрасныя это по мысли учрежденія, цѣль отличная, средства хорошія, а между тѣмъ они не на высотѣ положенія. И въ Гунжулинѣ, и въ Херсу, да и въ другихъ мѣстахъ замѣчается странное явленіе. Какъ я уже говорилъ, предметовъ первой необходимости у нихъ нѣтъ („скоро будутъ-съ“, „были, да вышли-съ“ и т. д.), а рядомъ въ лавкахъ какихъ то кавказскихъ человѣковъ вы достанете все, что угодно: и сахаръ и ѣду, и даже тѣ же марки винъ, что въ „экономѣ“, но, конечно, съ огромной надбавкой. Очевидно, „экономы“ торгуютъ на сторону, и офицерамъ приходится переплачивать, получая товаръ отъ посредника, который беретъ манчжурскій процентъ. Много объ этомъ говорятъ, всюду можно слышать возмущенные голоса офицеровъ, огорченныхъ нижнихъ чиновъ, переплачивающихъ на каждой вещи, а дѣло идетъ по заведенному порядку и впредь, вѣроятно, такъ же пойдетъ. А любопытно бы выяснить нѣкоторыя подробности.

Вообще, это кратковременное пребываніе въ Манчжуріи оставило во мнѣ впечатлѣніе какого-то ужаснаго кошмара.

Начиная съ границы, стали попадаться боевые офицеры, врачи и вообще участники и свидѣтели боевъ и всей манчжурской жизни. Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ все больше и больше попадалось ихъ. Большинство весьма словоохотливо и откровенно. Привыкнувъ уже въ той жизни, которою они жили почти два года, они уже мало возмущаются царящими порядками, и рассказываютъ спокойно такіе эпизоды, что человѣку свѣжему жутко становится.

Попавъ на гунжулинскій этапъ, мы сразу окунулись какъ бы въ мѣстную жизнь. Офицеры-„манчжурцы“ смѣялись надъ нашимъ негодованіемъ, постоянно вызываемымъ въ насъ сообщаемыми ими фактами. „Вамъ все это пока диво,—говорили они,—а потомъ привыкнете!“

И мы, дѣйствительно, стали привыкать. Сначала мы не вѣ-

рили. Но затѣмъ аналогичные рассказы стали сыпаться со всѣхъ сторонъ. Видно было, что это все рассказывается не для насъ, рассказывается безъ всякаго желанія произвести эффектъ, а просто вспоминается пережитое и подмѣненное во всей своей безобразной наготѣ.

Потомъ все это стало меркнуть по сравненію съ безхитростными, совершенно спокойными рассказами солдатъ.

Не буду передавать всего этого. Часть этихъ фактовъ, вѣроятно, всплыветъ на судѣ, часть станетъ известна большой публикѣ изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ.

Одно могу сказать — темы были очень однообразны: распоряженія и дѣйствія въ бояхъ чиновъ различныхъ степеней и затѣмъ—хищеніе всякаго рода. Послѣдняя отрасль достигала, по-видимому, грандіознѣйшихъ размѣровъ. Повторяю, я самъ не былъ очевидцемъ хищеній, но при мнѣ называли по именамъ такую массу лицъ, хитящихъ тѣмъ или инымъ способомъ, что просто голова идетъ кругомъ. Нѣтъ возможности запомнить всѣхъ этихъ чиновъ, званій и фамилій.

Здѣсь передъ изумленнымъ слушателемъ проходятъ фамиліи начальниковъ разныхъ транспортовъ, полутранспортовъ, обозовъ всѣхъ родовъ и разрядовъ, этаповъ и командъ. Съ едва скрываемой завистью рассказываетъ мнѣ одинъ заурядъ-прапорщикъ, какъ „нажился“ его товарищъ, тоже „заурядъ“, на покупкѣ скота въ Монголіи.

Оказывается, это—очень выгодная командировка. Все чаще и чаще приходится слышать рассказы все о той же покупкѣ скота. Цифры и фамиліи мѣняются, но смыслъ все тотъ же.

Конечно, я далеко отъ мысли, что это—правило безъ исключеній. Само собой понятно, что масса людей относится къ дѣлу добросовѣстно, но все-таки слишкомъ великъ обратный процентъ и слишкомъ какъ-то цинично и открыто объ этомъ говорятъ.

Приходится слышать такіе разговоры:

— Слышали про Х.? Онъ тутъ меньше года, а ужъ домой тысячь двадцать-пять женъ перевелъ!..

— Не можетъ быть, —возражаетъ собесѣдникъ.—Во-первыхъ, еслибы онъ перевелъ двадцать-пять тысячь, я бы зналъ, —я вѣдь только-что возвратился изъ отпуска. Отлично знаю его семью. А во-вторыхъ, — онъ вѣдь не дуракъ и прекрасный семьянинъ; еслибы у него дѣйствительно была такая сумма, —онъ бы переслалъ. Поэтому думаю, что у него не было ея.

— А главное, —заступается второй однополчанинъ, —онъ и

не успѣлъ бы столько „уэкономить“. Вѣдь его послѣ Муэдена убрали въ строй за потерю повозокъ. Нѣтъ, этотъ не успѣлъ. А вотъ Васья Z., вотъ тотъ, дѣйствительно, „заработал“. Только онъ вѣдь дуракъ. Чтò нажилъ — то и прожилъ. Смотрите, чтò онъ видѣлываетъ въ Харбинѣ. Дуракъ!

И все въ такомъ духѣ, и никто, какъ будто, и не интересуется посмотрѣть на вопросъ съ другой стороны. Никто и не думаетъ, какъ ужасно то, что X. не укралъ только потому, что „не успѣлъ“, и что въ Z. возмутительно не то, что онъ „дуракъ“, не умѣющій использовать плодовъ своего воровства, а что онъ — воръ.

Это разговоры среди офицеровъ...

— А вотъ, ваше благородіе, — говоритъ мнѣ мой вѣстовой на бивакѣ, въ то время, какъ я умываюсь, — въ карты у насъ, въ обозѣ, страшное дѣло хлещутся. Извѣстно, у нихъ деньги! — добавляетъ онъ мечтательно.

— Кто же хлещется-то? — спрашиваю, заинтересовавшись.

— Какъ кто? Да все они же, обозные. Опять же „заурады“. Да вы, ваше благородіе, думаете, у нихъ мало капиталовъ-то? Нивакъ нѣтъ. У нихъ игра-то почище офицерской ведется. Одетья, землякъ мой (онъ назвалъ незнакомую мнѣ фамилію), за эти мѣсяца рублей восемьсотъ — девятьсотъ домой-то переслалъ. Ему везетъ. Ну и его урѣзали раза два здорово. Шибко накрыли, а то онъ тыщи двѣ переслалъ бы, — проговорилъ онъ, особенно вкусно произнося слово „тыщи“...

— Рази намъ есть возможность въ деньгахъ тататься съ обозомъ! — говорилъ мнѣ на привалѣ запасной унтеръ-офицеръ изъ моей команды. — Сейчасъ взять обознаго. Онъ тебѣ и казенное имущество крадетъ, онъ и водкой торгуетъ, онъ и трудовъ нашихъ не знаетъ. Баринъ — онъ противъ насъ. Опять же были мы на лѣвомъ флангѣ. Отступали — свое-то все побросали. А обозный, глядишь, тащѣтъ и тащѣтъ всякое китайское обзаведеніе. Много они добра потаскали въ тѣ поры. Ну, и деньгицъ у нихъ... Здоровы только въ карты играть. Страшное дѣло. Домой много посылаютъ. А намъ конфузъ. Больно насъ изъ дому письмами донимаютъ, почему мы денегъ не шлемъ. Зачѣмъ, молъ, здѣсь проживаемъ. Онъ, молъ, шлетъ, а ты-то чтожь? А гдѣ ее взять, деньгу-то? Сами изволите знать, строевую-то жизнь!

„Дѣла!“ — огорченно добавилъ онъ.

И много, много, подобнаго слышалъ я отъ солдатъ, дѣла съ ними утомительный трехсотверстный переходъ.

Ужасныя, тяжелыя темы!

Но самыя горячіе, жгучіе и задорныя споры вызываютъ вопросы о справедливости присужденія наградъ. Это—больное мѣсто манчжурскаго офицера. Здѣсь страсти разыгрываются. Человѣкъ можетъ хладнокровно рассказывать о нелѣпнѣйшемъ распоряженіи своего начальника, навлекшемъ гибель массы людей; можетъ спокойно обсуждать новыя факты о какой-нибудь махинаціи, клонящейся къ ограбленію казны, но говорить безъ пѣны у рта о наградахъ—мало кто способенъ. Я зналъ одного чрезвычайно передового прапорщика-технолога. Онъ былъ выше „мелочей военной жизни“ и на все смотрѣлъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ; офицерскіе разговоры были недоступны для его слуха. Но когда, однажды, кто-то замѣтилъ, что одинъ изъ офицеровъ его полка гдѣ-то что-то получилъ, Станислава или что-то въ этомъ родѣ, онъ сталъ неузнаваемъ: вскочилъ съ кровати, отбросилъ „Сынъ Отечества“ и ринулся въ споръ. Онъ на что-то негодовалъ.

И такъ большинство. А между тѣмъ награды теперь потеряли свое значеніе: его свели совершенно на нѣтъ, во-первыхъ, способъ выдачи, а во-вторыхъ—злоупотребленія.

Вся кампанія раздѣлена на „бою“. И вотъ, всѣ бывшіе въ одномъ бою—получаютъ Анну 4-ой степени (на пашку, съ надписью „за храбрость“); бывшіе въ двухъ бояхъ—Станислава 3-й степени, съ мечами и бантомъ, и т. д. По орденамъ можно считать, во сколькихъ бояхъ былъ офицеръ. Даже „Владиміръ“—и тотъ выдавался довольно щедро. Исключеніе сдѣлали для „Георгія“. Кавалеровъ этого ордена мало. Даже очень мало. Георгіевскія думы строги и требовательны. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, указываютъ на неправильно удостоенныхъ этого почетнаго ордена чиновъ. Ошибки вездѣ возможны, и потому, можно сказать, это единственный орденъ, оставшійся на своей высотѣ (конечно, если выключить нѣкоторые „флотскіе Георгіи“, которые были выданы, пожалуй, слишкомъ торопливо).

Возмутительно, съ военной точки зрѣнія, что боевые ордена, „съ мечами и бантомъ“, получили разные нестроевые чины, командиры, начальники различныхъ тыловыхъ учреждений, и не выдавшіе японцевъ. Забавно слышать незаинтересованному человѣку рассказы о тѣхъ невинныхъ хитростяхъ, на которыя пускались эти герои, для добыванія себѣ боевыхъ наградъ. Просто какія-то сраженія съ вѣтряными мельницами устраивали, по примѣру безсмертнаго Донъ-Кихота: отражали какихъ-то хунхузозъ, кого-то отъ чего-то оберегали, спасали и объ этомъ писали реляціи.

Были счастливыцы,—были и неудачники. Но всё эти скромныя геройства, эти перестрѣлки и отраженія — могутъ вызвать лишь улыбку; гораздо же болѣе грустны факты иныхъ способовъ добыванія награды. А и такіе способы пускались въ ходъ, и притомъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

А ужъ о Фамусовскомъ правилѣ: „какъ станешь представлять къ крестичку или къ мѣстечку, ну, какъ не порадыть родному человѣчку!“ — и говорить нечего. Особенно это замѣтно на солдатскихъ наградахъ. Я лично знаю случаи, гдѣ знаки военнаго ордена получили не бывшіе въ бою ослятники и тому подобная публика, не имѣющая за собой подвиговъ, но имѣющая „руку“.

А сколько зато ненагражденныхъ героев! Ихъ немало!

И все это порождаетъ обиду, зависть, злобу и недовольство. Я лично смотрю на дѣло объективно, какъ лицо, нисколько не заинтересованное, но часто становится противно, когда слышишь всё эти повѣствованія.

Какъ все это мелко, грязно!

Въ такихъ разговорахъ время быстро летѣло, и я оглянуться не успѣлъ, какъ попалъ на „конку“ и покатишь на бивакъ полка.

Въ пути, въ маленькомъ вагонѣ, запряженномъ по бокамъ мулами, лошадьми или осликами и быстро катившемся по узенькой колеѣ переносной желѣзной дороги, разговоры шли все на тѣ же темы. Какой-то казначейскій чиновникъ рассказывалъ о харбинскихъ игорныхъ домахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ находился. „Крупно играютъ“, — говорилъ онъ съ увлеченіемъ. — „Банкъ по три-четыре тысячи — явленіе нормальное. И откуда это у офицеровъ такія деньги?“ — наивно недоумѣвалъ онъ. — „Ну, у интендантовъ — это еще такъ!“ ... „Представьте!“ — оживился онъ вдругъ — „есть тамъ одинъ интендантъ, фамилію какъ на грѣхъ забылъ, а въ лицо хорошо помню. Да вотъ будете въ Харбинѣ, увидите, — онъ описалъ его наружность, — такъ, представьте, онъ, каналья, увидѣлъ банкъ невѣроятнѣйшихъ размѣровъ (онъ назвалъ колоссальную сумму) — „и что же бы вы думали — поставилъ карту „за банкъ“, проигралъ, погѣвъ въ скютку, вытащилъ этакій, знаете, бумажникъ, вроде чемодана, отсчиталъ пятисотенными билетами, не сморгнувъ, сполна всю сумму и вышелъ. У насъ у всѣхъ духъ захватило, а ему — какъ съ гуся вода“.

Въ это время что-то случилось, и передніе вагоны стали. Нашъ кондукторъ-солдатъ ловко затормозилъ, и нашъ вагонъ тоже остановился. Всѣ высунулись посмотреть, что случилось.

Мой сосѣдъ, боевой капитанъ, уже былъ снаружи.

— Поручаю, поручаю! — кричалъ онъ моему товарищу. — У насъ есть, кажется, водакъ. Тащите его скорѣе сюда! — Тотъ быстро высочилъ. — Вотъ, вотъ онъ! — говорилъ капитанъ, тыча пальцемъ на одинъ изъ переднихъ вагоновъ, изъ котораго степенно и съ чувствомъ собственного достоинства вылѣзалъ какой-то генералъ. — Да кто это? — спросилъ мой товарищъ, хватаясь за водакъ. — А чортъ его знаетъ, кто это! — безцеремонно заявилъ капитанъ: — довольно того, что генералъ, это вѣдь здѣсь рѣдкость. Они боятся южнѣе Гунжулина забираться. Потому позиція близка. Ну, да теперь миръ. Пожалуй и на позицію рискнуть заглянуть, а во время боевъ — такъ Боже упаси. Никого не было, кромѣ нѣсколькихъ человекъ на всѣ арміи. Нарочно на нихъ ѣздили смотрѣть въ тылъ! — И онъ громко засмѣялся, нѣсколько, видимо, не безпокоясь, слышать его генералъ или нѣтъ.

Это меня удивило. Остальные же офицеры „манчжурцы“ улыбались, не возражая. Черезъ минуту мы уже катили дальше. Ъсть хотѣлось смертельно, а запасовъ никакихъ не было. И вотъ, совершенно неожиданно, на главной, средней, станціи пути насъ встрѣтилъ старичокъ-подполковникъ, оказавшійся комендантомъ станціи, и сталъ радушно приглашать въ огромный шатерь-столовую. Все тамъ было такъ чисто, такъ опрятно, хозяйнѣ-комендантъ такъ заботливо наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣмъ офицерамъ, прибывшимъ съ нашимъ поѣздомъ, было подано все своевременно, что мы съ рѣдкимъ аппетитомъ стали уничтожать и обѣдъ, и чай, предложенные намъ, какъ оказалось, къ тому же безплатно.

Среди того отношенія, которое мы до того привыкли встрѣчать въ другихъ мѣстахъ, среди всѣхъ неудобствъ и лишеній, которыя приходилось переживать изъ-за нераспорядительности и халатности начальниковъ различныхъ степеней, этотъ старичокъ-комендантъ, съ добрымъ, ласковымъ лицомъ, и этотъ шатерь-столовая оставили по себѣ самое отрадное, хорошее воспоминаніе.

Мнѣ говорили, что столовая эта устроена Куропаткинѣмъ и содержится на его счетъ. Если такъ, то большое ему спасибо.

Со всякими неудобствами, на арбахъ и двуколкахъ, дотащились-таки мы до нашего бивака.

Первые дни прошли въ ознакомленіи съ офицерами, ротой и т. д. Въ совершенно неприспособленныхъ къ холодамъ офицерскихъ палаткахъ было холодно. Солдаты жили въ обмазанныхъ глиной, плетеныхъ шалашахъ-палаткахъ, и имъ было несравненно лучше, чѣмъ намъ. Мнѣ, впрочемъ, не разъ приходилось замѣчать, что

солдаты устроены лучше офицеровъ во многихъ отношеніяхъ. Да къ тому же солдаты такъ научились „примѣняться къ мѣстности“, что умѣютъ, что называется, „изъ ничего“ устроить и жилье, и очагъ.

Мнѣ пришлось попасть въ баталіонъ, стоящій на бивагѣ. Товарищъ мой попалъ въ баталіонъ, стоящій верстахъ въ двухъ „на позиціяхъ“. И вотъ однажды я собрался на эти „позиціи“. Это было тѣмъ удобнѣе, что нашъ баталіонъ производилъ тактическія занятія и наступалъ на свои же позиціи. По окончаніи „занятія“, я съ товарищемъ пошелъ осматривать всѣ эти знакомыя лишь теоретически, да по сообщеніямъ газетъ, сооруженія.

Тутъ и редуты, и корридоры, и галереи, и блиндажи, и все это выбито на высокой скалѣ, прямо въ камнѣ, хотя и не очень твердомъ, нашимъ полкомъ.

Сколько работы, сколько силъ и энергій даромъ потрачено! Сколько денегъ загублено! Эта масса проволочныхъ загражденій, эти засѣки изъ Богъ вѣсть откуда доставленныхъ деревьевъ,—все это поднимало духъ, отъ всего этого вѣяло силой и неприступностью, и являлось желаніе на дѣлѣ испытать всѣ эти „усовершенствованія“. Короче сказать, во мнѣ проснулся „воинственный пылъ“! Вернулся я домой подъ этимъ впечатлѣніемъ и, грѣшный человѣкъ, думалъ: „Если ратификація, какъ говорятъ, не состоится, мы себя покажемъ на этихъ позиціяхъ!“

Но эти высокомерныя мечты черезъ нѣсколько дней улетучились. Я потерялъ вѣру и въ „позиціи“, и въ то, что „мы себя покажемъ“, и сталъ страстно желать скорѣйшей ратификаціи договора.—Если не будетъ ратификаціи,—думалъ я,—насыплютъ намъ „япоши“!—и сердце щемила тоска.

Такой крутой поворотъ вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Нашъ корпусъ высылалъ квартирьеровъ для подготовки квартиръ, фуража и топлива по пути къ зимнимъ квартирамъ къ сѣверу. Я попалъ въ число квартирьеровъ. Передъ отправкой изъ полка, вышло первое маленькое недоразумѣніе—не оказалось ни картъ, ни плановъ пути для насъ. Дали намъ наконецъ какія-то, очень неважныя, крошкы, причемъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ замѣтилъ: „Да что вы, господа, о картахъ заботитесь? Мы всѣ бои безъ картъ прожили, а въ мирное время и подавно проживемъ. Это ужъ такая война безъ плановъ“. И мы пошли. Инструкцій не дали никакихъ, указаній—никакихъ.

„Начинается“,—подумалъ я.

Мы, квартирьеры нашего полка, направлялись въ штабъ одной изъ дивизій нашего корпуса, гдѣ предстояла разбивка квартирье-

ровъ на партіи, по одному отъ каждаго полка, и назначеніе ихъ на опредѣленные участки пути. Здѣсь образовалась цѣлая сходка. Тутъ были офицеры всѣхъ родовъ оружія. Все это шумѣло, говорило, спорило.

Старшіе на пунктахъ квартирьеры никакъ не могли собрать своихъ младшихъ квартирьеровъ, тѣ путали номера своихъ участковъ — и выходила невообразимая путаница. Наконецъ, часа черезъ два, относительный порядокъ былъ восстановленъ при помощи начальника штаба.

Онъ сообщалъ радостную вѣсть, что квартирьерамъ разрѣшено ѣхать со своими командами по желѣзной дорогѣ до своихъ пунктовъ. Такимъ образомъ мы избѣгали длиннаго пѣшеконнаго пути (у насъ были верховыя лошади, но солдаты должны были идти пѣшкомъ) — и всѣ ликовали. Старшіе квартирьеры, условившись о дняхъ отправленія своихъ группъ, сначала ближайшихъ участковъ группы, а постепенно и дальнѣйшихъ, отпустили своихъ подчиненныхъ по домамъ и назначили имъ дни сбора. Все было улажено, и публика стала разѣзжаться.

Я глядѣлъ на все это и думалъ: „А что же бываетъ въ бою, когда нервы ватянуты, когда медлить нельзя, когда и обдумывать-то некогда и все должно быть заранѣе обдуманно, если при мирной обстановкѣ не умѣютъ распредѣлить квартирьеровъ по участкамъ?“

Изъ задумчивости меня вывелъ голосъ моего товарища: „Пойдете слушать, — говорилъ онъ, — тамъ пріѣхалъ какой-то генералъ и о чемъ-то говорить съ офицерами“. Оказалось, что человекъ три офицеровъ нашли удобнѣе идти походомъ и просили генерала имъ разрѣшить этотъ способъ передвиженія. Генералъ пыталъ, разводилъ руками и былъ, видимо, въ затрудненіи. Начальникъ штаба волновался и что-то разъяснялъ. Можетъ быть, все и обошлось бы благополучно, но тутъ подоспѣлъ второй генералъ. „Умъ хорошо, а два лучше“, — говоритъ пословица. — Но не о генералахъ она, видно, сложена. Здѣсь вышло наоборотъ. Второй генералъ проявилъ массу энергіи и тутъ же было приказано, „согласно просьбѣ офицеровъ“, *встѣмъ* идти походомъ.

Офицеры стали протестовать, просить, доказывать, но никто уже и слушать ихъ не хотѣлъ, и, по какому-то глупому капризу трехъ-четырехъ офицеровъ, во-время успѣвшихъ забѣжать къ кому слѣдовало, нѣсколько десятковъ офицеровъ и сотенъ солдатъ пошли пѣшкомъ.

Все это показало такой безпорядокъ, что сразу многое стало ясно изъ непонятныхъ эпизодовъ минувшей войны.

Можно ли ждать распоряженій толковыхъ отъ такихъ людей, которые и въ такомъ пустягѣ растерялись и отдали подъ-рядъ два противорѣчивыхъ приказанія?

И вотъ при видѣ этихъ генераловъ, этого начальника штаба, не имѣя при себѣ ни карты, ни инструкцій, я понялъ, что не въ позиціяхъ дѣло, и что чѣмъ скорѣе миръ, тѣмъ лучше.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“.

Намъ приходилось проходить черезъ расположеніе сибирскихъ корпусовъ, т.-е. черезъ деревни, отведенныя подъ ихъ зимнія квартиры. Но части этихъ корпусовъ пришли раньше, чѣмъ наши успѣли пройти, и вышло замѣшательство. Нашимъ полкамъ, вмѣсто того, чтобы переночевать по пути въ еще незанятыхъ деревняхъ чужихъ корпусовъ, пришлось мѣстами наткнуться - на занятыхъ уже, такъ сказать, „хозяевами“ деревни и спать подъ открытымъ небомъ. А былъ уже октябрь въ серединѣ, и солдаты страдали отъ холода.

Фуражные районы были тоже распредѣлены такъ неудобно, что одни части перебывали фуражъ у другихъ; китайцы эту штуку поняли и моментально на все подняли цѣны вдвое втрое.

Между квартирными нашего корпуса и учрежденіями другихъ корпусовъ и армій происходили постоянныя столкновенія, и никто не могъ разобраться въ этой путаницѣ.

Какъ же могло совершиться правильное отступленіе отъ Мукдена трехъ армій, если одинъ корпусъ не могъ придти на зимнія квартиры безъ недоразумѣній и пререканій?

Если вдуматься во все это, то становится скверно на душѣ и страдаетъ патріотическое чувство.

Я былъ глубоко счастливъ, когда полкъ прошелъ благополучно черезъ мой пунктъ и мнѣ было разрѣшено съ командой ѣхать по желѣзной дорогѣ на зимнія квартиры.

II.

Еще до перехода на зимнія квартиры, до деревушки, гдѣ я былъ квартирнеромъ, стали доходить тревожныя вѣсти изъ Харбина.

Манифестъ 17 октября всколыхнулъ все и вся. Въ Харбинѣ начались „безпорядки“.

Произошелъ обычный расколъ. Часть жителей, съ красными флагами и марсельезой, двигалась по улицамъ Харбина ближе

къ вокзалу; другая часть, съ портретомъ Государя и пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“, концентрировалась у пристани. Волненія росли и принимали мѣстами острый характеръ.

Одна изъ мѣстныхъ газетъ признала своевременнымъ измѣнить свою фізіономію, что и сдѣлала круто и рѣшительно, не откладывая въ долгій ящикъ. Начались забастовки. Все это, конечно, не могло не касаться и военныхъ, такъ какъ Харбинъ въ настоящее время превратился въ исключительно военный центръ.

Воинскіе чины стали появляться на митингахъ; генералъ Надаровъ сталъ этому противиться всѣми мѣрами и въ пылу начальническаго рвенія слегка даже „зарапортовался“ въ своихъ приказахъ. Приказы эти стали обсуждаться по существу. Доказывалось, что воинскіе чины—такіе же граждане, какъ и лица не военно-служащіе. „Военный юристъ“, разъясняя этотъ вопросъ въ „Харбинскомъ Листкѣ“, подробно ссылался на законъ и, главнымъ образомъ, на ст. 79 Основн. законовъ.

А пока шла эта юридическо-административная распря въ верхнихъ слояхъ, въ нижнихъ слояхъ вопросъ рѣшался самостоятельно и весьма при томъ разнообразно.

Различные „вольные“ старались объяснить солдатамъ, что „свобода“ означаетъ полное равенство *всѣхъ* чиновъ и званій. А въ виду того, во-первыхъ, что Харбинъ, какъ это ни грустно ген. Надарову, все-таки переполненъ всякими, Богъ знаетъ откуда берущимися, такъ сказать „приблудными“ солдатами, а во-вторыхъ, и перспектива „полнаго равенства“ не только съ господиномъ фельдфебелемъ, но даже съ самимъ ротнымъ, очень ужъ соблазнительна сама по себѣ,—нашлось много охотниковъ примкнуть къ такому именно пониманію „свободы“.

Болѣе консервативный элементъ не соглашался съ такимъ взглядомъ и просто не понималъ.

„Слабод, слабод!—говорилъ мнѣ лично солдатъ,—а что она такое—и не понять“.

И дѣйствительно не понять, тѣмъ болѣе, что не дѣлалось даже попытокъ давать какія-нибудь официальные разъясненія. А до этого начальство додумалось уже въ ноябрѣ.

Въ то же, однако, время, т.-е. въ октябрѣ, между нижними чинами въ Харбинѣ и западнѣе, „была смута великая“.

Разсказывали примѣры активнаго выраженія своихъ взглядовъ сторонниками различныхъ группъ.

— Шелъ генералъ по одной изъ улицъ Харбина,—разсказывалъ намъ одинъ полковникъ,—на встрѣчу ему солдатшко. Чести, что-ли, не отдашь, или тамъ чортъ его знаетъ что такое,

но только генералъ подзываетъ его и начинаетъ его распекать. Въ это время, представьте себѣ, какой-то жуликъ тутъ какъ тутъ. „Что ты, говоритъ, на него смотришь, на генерала-то?—ты, говоритъ, такой же гражданинъ, какъ и онъ. Онъ тебя такими словами оскорблять не имѣетъ права,—теперь свобода“.

— Ну и что же?—спросили мы хоромъ.

— Ну, — продолжалъ полковникъ, — посмотрѣлъ это солдатишко на жулика-то, да какъ дастъ ему въ ухо! Тотъ, натурально, — турманомъ. „Въ чужое, молъ, дѣло не встрѣвай“. Вотъ тебѣ и свобода!

Это примѣръ крайняго консервативнаго взгляда. Крайняя правая. А вотъ крайняя лѣвая.

Въ залъ I и II классовъ, на харбинскомъ вокзалѣ, вваливается, конечно пьяный, солдатъ. Смотритъ по сторонамъ и, увидавъ группу офицеровъ, въ томъ числѣ и одного штабъ-офицера, за общимъ столомъ, шатающейся походкой направляется къ нимъ и, съ папирской въ зубахъ, тутъ же разваливается на стулѣ. Замѣтивъ негодующіе взгляды г.г. офицеровъ, которые, однако, ограничиваются лишь взглядами, онъ замѣчаетъ. „Чего же такого? Небось, изъ того же тѣста сдѣланъ. Потому что теперь, значить, слабода—и я за свои деньги завсегда имѣю право“... Слѣдуютъ сбивчивыя объясненія все на ту же тему „о слабодѣ“.

Свидѣтели переданнаго только-что случая, врачъ и офицеръ одного изъ полковъ нашей дивизіи, были страшно взволнованы собственнымъ рассказомъ. Мы тоже призадумались. Въ нашей тихой маленькой деревенькѣ еще никто не обнаруживалъ ни однимъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ своего взгляда на этотъ деликатный вопросъ.

И офицеръ, и врачъ уѣхали, а мы все еще обдумывали, что можетъ быть дальше? Естественно, что мы были лично заинтересованы, чтобы было возможно меньше проявленій крайнихъ лѣвыхъ воззрѣній въ описанной формѣ.

Но съ приходомъ полка на зимнія квартиры выяснилось, что „пока чтд“, дѣла обстоятъ еще благополучно.

Чувствовалась, однако, потребность все это понять.

„Люди“ читали газеты, которыя, по выраженію одного изъ начальствующихъ лицъ, „къ сожалѣнію до нихъ доходили“, и продолжали ничего не понимать.

Линевичъ приказалъ разъяснить. Но, несмотря на многочисленный штабъ, главнокомандующій не издалъ никакой не только брошюры, которую ничего не стоило бы составить, но даже не

нашелъ нужнымъ дать программу для этихъ объясненій. По крайней мѣрѣ, у насъ ничего подобнаго не было.

Послѣдствія оказались самыя нежелательныя, но и неизбежныя: отъ исполненія этого приказа уклонились,—т.-е. полковой командиръ пытался что-то разъяснить полку на морозѣ, но такъ туманно и странно, чтобы не сказать больше, что я, напримѣръ, частью ничего не понималъ, частью же почерпнулъ такія неожиданныя свѣдѣнія изъ области государственнаго права, что только пожалѣлъ о неполнотѣ нашихъ университетскихъ курсовъ. Все это было такъ ново!

Ясно, что солдаты получили одно лишь впечатлѣніе отъ лекціи—они ознобили себѣ ноги.

Сдѣлавъ свое дѣло, полковникъ уѣхалъ, приказавъ „разъяснить подробности“ значеніе манифеста.

Ротные командиры стали въ тупикъ. Нѣкоторые рѣшили „подготовиться“, и потому „отложили“ разъясненія; другіе же имѣли мужество категорически отказаться отъ подобнаго предпріятія. Я испросилъ разрѣшеніе побесѣдовать съ ротой. Надо было видѣть эти лица!

Масса народа наполняла фанзу. Два-три молоденькихъ солдата пересмѣивались, вспоминая, очевидно, что-то очень смѣшное, имъ однимъ извѣстное. Но всѣ эти старики запасные охватили меня тѣснымъ вольцомъ. Я излагалъ имъ сжато теорію самодержавнаго и представительнаго образа правленія, объяснял слова и смыслъ манифеста. На непонятныхъ, почему-либо, мѣстахъ меня останавливали, переспрашивали.

— Намъ это во какъ знать надо!—говорилъ мнѣ одинъ старикъ, въ предчувствіи близкаго увольненія въ запасъ, заблаговременно утратившій видъ воина и уже успѣвшій обратиться въ „лапотника“.

— А не то,—пояснилъ онъ,—одинъ то говоритъ, другой—иное, а рази разберешься. А намъ это обязательно знать нужно,—повторилъ онъ.

Когда же я перешелъ на вопросъ о дисциплинѣ и доказывалъ ея необходимость въ войскахъ, каковъ бы ни былъ государственный строй, и притомъ ссылаясь на примѣръ Японіи, тотъ же старикъ воскликнулъ:— Это какъ есть! Столько народу согнано, да безъ дисциплины,—все одно, что стадо безъ пастуха.

И это мнѣніе было преобладающимъ. — А какъ домой придемъ, да къ воинскому явимся, да, значить, съ казенной-то одежей распрощаемся, тогда, значить, и ослобонимся,—мечтательно замѣтилъ сидѣвшій со мной унтеръ-офицеръ, и я не могъ про-

честь на его лицѣ, какъ онъ воспользуется своимъ положеніемъ „ослобонившагося“.

Эта свобода не предусмотрена манифестомъ 17 октября, но, пожалуй, дороже всякой иной солдату, а въ особенности запасному.

Потянулись скучные, однообразные дни. Пришелъ приказъ Линевича съ расписаніемъ очередей отправки домой корпусомъ. Потомъ стали разбивать въ особыя группы запасныхъ, для увольненія домой, но все это шло вяло, скучно, апатично.

Мы сидѣли въ холодной, дымной фанзѣ. Книгъ не хватало, было томительно скучно. Завязывались споры, но они были безсодержательны.

Мы съ моимъ товарищемъ ждали съ часу на часъ откомандированія въ Россію. Давно уже былъ объ насъ приказъ, но „въ виду забастовки“ на желѣзной дорогѣ насъ предписано было задержать „до распоряженія“.

И вотъ желанный часъ насталъ. Распоряженіе пришло, и мы стали, какъ институтки передъ выпускомъ, отсчитывать часы, остающіеся до отъѣзда домой. Насталъ и день отъѣзда, день избавленія отъ этой ужасной манчжурской жизни, отъ этого тяжелого кошмара.

Раннимъ утромъ, мой товарищъ и я, сердечно распрощались со своими временными сослуживцами, ѣхали по мерзлой, безснѣжной дорогѣ, въ ротной повозкѣ, на станцію. На душѣ было хорошо и легко. Холодный, сухой, неприятный манчжурскій вѣтеръ казался сегодня совсѣмъ другимъ и непротивнымъ. Заморенныя полковыя влячи, точно понимая наше нетерпѣніе поспорѣе выбраться изъ нашей дрянной деревушки, да и вообще изъ Манчжуріи, бодро бѣжали впередъ.

Да, хорошо было на душѣ. Но вотъ водокачка, а вотъ и станція. Поѣздъ еще не приходилъ, хотя мы опоздали на добрый часъ. Публика проявляла всѣ признаки нетерпѣнія. Большинство ѣхало или какъ мы—въ Россію, или въ Харбинъ—„провѣтриться“. Поэтому, когда поѣздъ подошелъ, то его облѣпили моментально со всѣхъ сторонъ. Я попалъ въ холодный товарный вагонъ, во и за то благодарилъ Бога.

Какъ ни какъ, а все же я ѣхалъ, — а это было главное. Было холодно и стыли ноги. Это слегка портило настроеніе, но все же было не въ силахъ его сокрушить.

Вдали мелькнули какія-то зданія Харбина. Черезъ четверть часа поѣздъ уже подходилъ къ платформѣ. Все забѣгало, замуѣло. Искали носильщиковъ, солдатъ, кого-нибудь, чтобы выт-

щить и отнести на „хранение“ вещи, не доискивались своих чемодановъ, вообще суетились.

Добравшись, наконецъ до склада на хранение ручного багажа, мы узнали, что онъ запертъ. Это я замѣчалъ уже не въ первый разъ: приходитъ поѣздъ, съ той ли, съ другой ли стороны, оказывается—складъ запертъ. Приходится часами ждать открытія, а самому терять время на окартауливаніе своего багажа. Носильщиковъ нѣтъ, китайцевъ изъ пассажирскаго зала гоняють, а солдаты, по увѣренію дорожныхъ служащихъ, временами крадутъ порученныя имъ охранѣ вещи.

Наконецъ удалось получить наши воинскіе билеты, и мы стали разыскивать поѣздъ.

Говорю: разыскивать потому, что, что никто не знаетъ, гдѣ стоитъ поѣздъ, въ которомъ часу онъ „на самомъ дѣлѣ“ отходить, и узнать о немъ ни у кого нельзя. Я лично не могъ нивого изъ администраціи отыскать, несмотря на всѣ старанія. Пришлось обратиться въ дежурную комнату.

Но, несмотря на эти неудобства, мы все-таки нашли и поѣздъ, и купъ I-го класса, и съ наслажденіемъ вытянулись на мягкихъ диванахъ. Черезъ минуту мы уже отходили отъ Харбина. Ничего изъ ряда вонъ выдающагося въ Харбинѣ на станціи я не замѣтилъ.

Насъ же предупреждали, что тамъ творится что-то очень печальное, что нижніе чины ведутъ себя въ высшей степени невыходяще и что въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то тревожнымъ. Но, повторяю, за мое краткое пребываніе я ничего такого не замѣтилъ. Солдаты, правда, честь въ большинствѣ случаевъ не отдавали, не торопились, какъ прежде, дать дорогу офицерамъ, посторониться передъ нимъ,—но и только.

Мы даже отчасти успокоились и рѣшили, что всѣ дошедшія до насъ рассказы—вздоръ и плодъ чей-то досужей фантазіи. Не хотѣлось вѣрить, что такъ быстро можетъ погибнуть дисциплина, это могучее начало, поддерживающее порядокъ въ семисотъ-тысячной людской массѣ и служащее единственной гарантіей спокойной и своевременной перевозки этой массы домой.

Но офицеры, входившіе въ нашъ вагонъ на промежуточныхъ до „Манчжуріи“ станціяхъ, снова разбудили въ насъ опасеніе грозной и тяжелой развязки. Они рассказывали объ единичныхъ случаяхъ самаго рѣзкаго неповиновенія нижнихъ чиновъ своимъ начальникамъ; они приводили примѣры того, что отдѣльныя группы солдатъ предъявляли требованія своимъ командирамъ; они даже сообщили намъ, что одна артиллерійская часть послала своему

высшему начальнику, помимо начальства прямого, депутацію товарищей, съ требованіемъ улучшенія нѣкоторыхъ условій быта и назначенія категорически сроа ихъ отправки домой, угрожая въ противномъ случаѣ забастовкой.

Все это было какъ-то странно, дико, непривычно, и во все это вѣрилось съ трудомъ. А между тѣмъ слухи все росли и становились все тревожнѣе.

Въ плохомъ настроеніи, подъ вліяніемъ всего слышаннаго, прибыли мы на станцію „Манчжурія“. Поездъ пришелъ ночью. И вотъ опять сидѣніе и дреманіе въ буфетѣ на стулѣ, опять тяжелая дремота и полная неизвѣстность, когда пойдетъ поездъ въ Россію.

Но вотъ началась запись у коменданта станціи, человека чрезвычайно рѣзкаго и грубаго съ офицерами, но весьма мало распорядительнаго.

Посадку въ вагоны производилъ, положимъ, не онъ, а его помощникъ, который бѣгалъ вдоль поезда, говорилъ какіе-то пустяки и вообще, видимо, былъ сильно возбужденъ. Благодаря этой „возбужденности“, онъ много путалъ, держалъ насъ на морозѣ полтора часа и наконецъ-то приказалъ отпереть наши вагоны III-го класса. Другихъ вагоновъ не было, и мы были рады и этимъ.

Не успѣли мы размѣститься, какъ пришелъ какой-то офицеръ и сообщилъ, что назначена забастовка, и поездъ не пойдетъ. Мы привыкли уже къ этимъ разговорамъ, такъ какъ всѣ считали своей священной обязанностью разъ по десяти на день предостерегать товарищей противъ якобы по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ назначенной уже забастовки. Поэтому и теперь мы мало обратили вниманія на его слова и терпѣливо ждали отправки.

Вдругъ откуда-то донесся ревъ цѣлой массы голосовъ. Точно гдѣ-то кричали „ура“.

— Эшелонъ пришелъ, — замѣтилъ кто-то тревожно.

Ревъ повторился.

— Нѣтъ, это что-то не то! — откликнулся кто-то изъ другого угла.

Всѣ затихли. И вдругъ, уже гдѣ-то гораздо ближе, послышалось пѣніе. Всѣ бросились къ окнамъ. Къ поезду подходила большая толпа какихъ-то людей. Впереди несли красные флаги съ бѣлыми надписями. Но, за отсутствіемъ вѣтра, знамена мало развѣвались, и прочитать надписи было нельзя. Слышалась нестройная „марсельеза“, исполняемая немногочисленной толпой, идущей тѣсно около флаговъ. За флагами „валилъ“ народъ. Но

онъ не глѣлъ, а только смотрѣлъ и молча проходилъ, точно въ калейдоскопѣ, мимо нашихъ оконъ.

Нѣкоторые офицеры инстинктивно потянулись къ оружію. Но это оказалось совершенно излишней предосторожностью. Никто изъ толпы не обратилъ даже вниманія ни на нашъ поѣздъ, ни на насъ самихъ, прилипшихъ къ нашимъ окнамъ.

Толпа прошла.

— Забастовка!—пронеслось всюду.

Побѣждали узнавать, спрашивать.

Никто ничего не зналъ, но каждый считалъ долгомъ отвѣтить.

Мигомъ родилась масса негнѣйшихъ слуховъ. До истины оказалось невозможнымъ проникнуть,—пришлось ждать.

Томительно долго шло время, а мы—около ста-пятидесяти офицеровъ—все сидѣли и ждали. Вдругъ поѣздъ дрогнулъ, двинулся впередъ, потомъ назадъ, потомъ опять впередъ и—сталъ. Общественная молва тутъ же рѣшила, что насъ не пропускаютъ. Флегматики стали закусывать, меланхолики впали въ безъисходную тоску, а главная масса все ждала.

Наконецъ всѣхъ оживилъ протяжный вой паровоза. Онъ точно справлялся у кого-то о чемъ-то и, словно узнавъ, что ему было нужно, грузно и тяжело тронулся въ путь.

Мы вздохнули свободно.

Въ третьемъ классѣ было неуютно, неудобно, а главное, непривычно. Перспектива такого путешествія до самаго Иркутска была въ высшей степени непріятна и сврашивалась лишь тѣмъ, что, по словамъ коменданта, вагонъ отведенъ только для офицеровъ и недоступенъ для посторонней публики. Поэтому мы надѣялись ѣхать своей компаніей.

Но въ первую же ночь поднялся скандалъ. Кто-то ломился въ вагонъ, требовалъ, чтобы офицеры убрали свои вещи съ полковъ, такъ какъ на эти полки лягутъ какіе-то люди, тоже пассажиры, „только сортомъ лучше офицеровъ“, и т. д.

Одинъ изъ офицеровъ запротестовалъ. Онъ сталъ ссылаться на свои права, на слова коменданта, но тутъ на него посыпался такой градъ изысканнѣйшей ругани, что ему только и осталось, что притвориться мгновенно заснувшимъ. А до меня все еще долетала все та же ругань, направленная и противъ офицеровъ, и коменданта, и всего начальства.

— Теперича всѣ равны!—оралъ все тотъ же голосъ.—Господа тоже нашлись! Мы васъ утремъ. Не слышали въ Манчжуріи про слаботу, такъ мы вамъ ее тутъ покажемъ. Придемъ въ депо, такъ узнаете, какіе вы есть господа, и т. д.

Становилось и противно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно.

Не успѣлъ успокоиться этотъ свободолюбецъ, какъ появились другіе. Сцена стала повторяться съ удивительнымъ однообразіемъ.

Одинъ „гражданинъ“ до того разошелся, что сѣлъ мнѣ прямо на ноги, и на мою просьбу подвинуться, замѣталъ: — И такъ хорошъ! Не ндравится, такъ ноги-то поубери да садь. А мнѣ и такъ можно.

— Не великъ начальникъ! — добавилъ онъ, видя мою сдержанность.

Но эта фраза его погубила, такъ какъ я вспыхнулъ и, обладая вполне достаточной физической силой, выпшвырнулъ его вонъ. Это салто-мортале, очевидно, навело его на новыя мысли, потому что ко мнѣ онъ больше и близко не подходилъ.

Это были первые „граждане“, которыхъ мы встрѣтили, переѣхавъ границу.

— Вотъ она, „слабода! — мелькнуло въ головѣ у каждаго. И стало какъ-то грустно и тяжело.

На слѣдующій день ввалился какой-то добродушный мужикъ. Онъ сѣлъ противъ меня, попросилъ папиросу, „потому отъ нашего табаку духъ больно силёнъ“, и сталъ покуривать, вставляя иногда въ нашъ разговоръ вѣжливыя замѣчанія. Оказалось, что онъ „калуцкой“ каменщикъ и здѣсь работаетъ съ артелью.

Все шло хорошо, пока онъ гдѣ-то не успѣлъ подвыпить.

Тутъ же былъ приведенъ „своjakъ“, и вотъ они оба раскинулись въ живописныхъ позахъ. Разговоръ тотчасъ оживился. Они ругали начальство. Слово „слабода“ не сходило съ ихъ языка. Они оба провели два вечера на митингахъ рабочихъ въ одномъ изъ депо дороги и вышли оттуда озлобленными. Они не поняли, что тамъ говорили о „слабодѣ“, но поняли, что „теперь не тѣ времена“, и что „теперь можно и поговорить“. На этомъ основаніи они теперь ѣхали для объясненій съ какимъ-то „начальникомъ“, имѣющимъ до нихъ „касательство“, съ твердымъ намѣреніемъ — „ежели онъ, по давешнему, дверью передъ рожей хлопнетъ“, такъ и его „по тому же мѣсту“.

Одинъ изъ пунктовъ обвиненій былъ тутъ же разъясненъ однимъ изъ ѣхавшихъ съ нами чиновниковъ. Каменщикъ обижался, что его обрабадываетъ „начальникъ“ и дѣлаетъ вычеты. Оказалось, что пока онъ работалъ поденно, то получалъ заработную плату сполна; когда же сталъ брать подряды, то съ него стали удерживать какой-то законный процентъ. Но ни самъ каменщикъ, ни его своjakъ ничего слушать не хотѣли.

— Возьми, — говорили они, — это въ казну, такъ такъ и говори:

„въ казну“, а дверью, братъ, не хлопай. Да и въ казну-то зря берутъ. Это дѣло мы тоже похеримъ.—И они стали говорить о народномъ представительствѣ, о своихъ представителяхъ отъ „кажней деревни“, и т. д.

Мнѣ было интересно узнать, какъ они понимаютъ самые выборы, и я указалъ имъ на выборы старшинъ, наприимѣръ.

Каменщикъ выругался.

— Рази это выборы?—замѣтилъ онъ.—Такъ только земскаго гѣшимъ. А тогда, братъ, не то будетъ. Мы земскихъ-то по шапкѣ. Это мы все по своему наладимъ!—и онъ опять сталъ говорить о томъ, что новые выборы будутъ совершенно непохожи на теперешніе, потому: „сказано тебѣ: свобода“.

„Свобода, свобода, свобода“—это слово такъ и висѣло въ воздухѣ.

Въ нашемъ вагонѣ какой-то одутловатый, съ пьяными глазами субъектъ подпаввалъ матросовъ, вторыхъ онъ досталъ откуда-то изъ теплушекъ, и уговаривалъ ихъ скинуть офицерскія вещи на полъ. Матросы жестоко пили и громко съ нимъ разговаривали. Намъ было все слышно, но сдѣлать мы ничего не могли.

Въ поѣздѣ была масса „теплушекъ“, переполненныхъ въ большинствѣ пьяными солдатами, и потому „затрогивать“ ихъ было въ высшей степени рискованно. О какой бы то ни было полиціи или охранѣ и думать было нечего. Жандармы всюду прятались, какъ зайцы. Ни одного и достать-то нельзя было. Охраны тоже не было. Оставались лишь свои физическія средства, но доходить до нихъ можно только при самой неизбежной крайности.

Мы чувствовали себя связанными по рукамъ и ногамъ.

Положеніе было болѣе чѣмъ глупое и притомъ совершенно безвыходное. Приходилось покориться судьбѣ и молчать.

А виѣстѣ съ тѣмъ было обидно, что наше грозное начальство оказалось безсильнымъ удержать хотя бы только въ границахъ приличія своихъ солдатъ и дать средство офицерамъ мирно доѣхать домой. Примѣромъ того, до какой смѣлости доходили нижніе чины, можетъ служить слѣдующій случай на ст. Оловянной.

Пришелъ экспрессъ. Всѣ вагоны полны офицерами всѣхъ чиновъ, до высшихъ включительно. Въ ожиданіи прохода экспресса стоитъ эшелонъ матросовъ. Они недовольны задержкой и требуютъ дальнѣйшей отправки.

Узнавъ, что винокъ задержки является экспрессъ, они совершенно спокойно „отпрягаютъ“ его скороходный локомотивъ,

прицѣпляютъ къ своему поѣзду и безнаказанно уѣзжаютъ, оставивъ экспрессъ безъ паровоза.

И всѣ это знаютъ, пассажиры въ немалыхъ военныхъ чинахъ молчатъ и терпятъ, а разнузданные нижніе чины дебоширятъ и безчинствуютъ по своему желанію безнаказанно.

Поразительный эффектъ произвела революція-ультиматумъ солдатскаго митинга въ Читѣ. Мы прочитали ее наканунѣ бытія въ Читѣ и были просто поражены.

Поразило не то, что солдаты собрались на митингъ, что выставили цѣлый рядъ *требований*, и экономического, и административнаго характера, причемъ явно сквозило участіе въ дѣлѣ людей не-военныхъ, — но то угрожающее требованіе, чтобы отвѣтъ былъ данъ въ назначенному времени, при чемъ даже часъ былъ назначенъ.

Не знаю, какъ поступило начальство, но наканунѣ назначеннаго дня пьяные солдаты переполнили помѣщеніе I-го и II-го классовъ и учинили тамъ буйство и безобразіе безграницныя. Офицеры, конечно, въ дѣло не рѣшались впутываться, потому что были совершенно безсильны возстановить хотя бы относительный порядокъ.

Сѣвшіе въ нашъ переполненный вагонъ пассажиры рассказывали возмутительнѣйшіе эпизоды изъ жизни войска за послѣдніе дни. Мои сосѣди, мужъ и жена, помѣстившіеся вмѣстѣ на скамеечкѣ у окна, были и этому рады, „лишь бы вырваться изъ этой ужасной обстановки“.

Тутъ сѣла и какая-то женщина, сразу же поднявшая крикъ. Она говорила все на ту же тему о всеобщемъ равенствѣ, и потому всячески поносила офицеровъ. На слѣдующій день она, между прочимъ, замѣтила, что какой-то молодой солдатикъ принесъ что-то, кипятокъ или что-то въ этомъ родѣ, одной изъ пассажирокъ по просьбѣ офицера. И вотъ на него посыпались ругательства за его услугу, со стороны „гражданки“. Она его упрекала въ холопствѣ, говорила ему, что теперь „господь къ чорту пора“, и что солдатъ срамить себя, оказывая услугу офицеру.

Былъ приглашенъ жандармъ, чтобы ее вывести. Но она, при видѣ „представителя власти“, громко крикнула: „Ступай вонъ, царскій песъ. Довольно вы насъ кусали, — теперь и мы васъ укусимъ!“ — и прибавила, конечно, цѣлый лексиконъ крылатыхъ словъ. Я заинтересовался продолженіемъ этой сцены. Крикъ не унимался. У дверей и на площадкѣ появились пьяныя фізіономіи матросовъ и солдатъ, уже откуда-то съ ней знакомыхъ, и жав-

дармъ съ побѣдной прислугой бросились спасаться. Въ догонку имъ неслись торжествующіе клики побѣдительницы и неистощимая, виртуозная брань, которой могъ бы позавидовать любой заводчикъ.

Дама эта доѣхала въ купѣ кондукторовъ до самаго Иркутска. Переменялось за это время четыре кондукторскихъ бригады, нѣкоторые старшіе кондуктора энергично старались ее выжить изъ своего помѣщенія, но всё одинаково безуспѣшно. На всё доводы, угрозы, она отвѣчала одно и то же: „Если меня кто тронетъ, я позову товарищей-солдатъ, а въ депѣ—такъ товарищей-рабочихъ, и мы васъ такъ расщелкаемъ, что праха отъ васъ не останется. Теперь сила наша!“

И ее оставляли въ покоѣ. Сила была на ея сторонѣ, и она это сознавала.

При видѣ такихъ сценъ, бѣгущихъ жандармовъ, спасающихся кондукторовъ, слушая рассказы о томъ, какъ пьяные матросы, на одной изъ крупнѣйшихъ станцій, потащили агента подъ паровозъ и еще что-то хотѣли съ нимъ сдѣлать, — казалось, что что-то точно порвалось, что-то такъ страшно измѣнилось, что жить становится невозможнымъ и слѣдуетъ куда бы то ни было бѣжать. Но бѣжать было некуда...

Хотя дорога была объявлена на военномъ положеніи и за нарушение порядка грозили всякими ужасами, никто не обращалъ на это вниманія, и люди дѣлали рѣшительно все, что приходило въ голову. Солдаты, толкая офицеровъ, протискивались къ буфетнымъ стойкамъ, тутъ же пили водку, пиво, переругивались и шумѣли. Они желали держаться развязно и потому громко и непринужденно орали и смѣялись, думая, вѣроятно, что это-то и есть самый высшій тонъ. А офицеры опять-таки молчали, и только если ужъ поведеніе солдатъ становилось слишкомъ бурно— уходили.

Откуда набралась въ нашъ поѣздъ вся эта масса одиночныхъ солдатъ? Почему ихъ пересылали такими стадами, а не командами? Никто изъ насъ этого не зналъ и ни отъ кого узнать не могъ. Знаю только, что все это было похоже не на воинскій поѣздъ, а на какой-то хаосъ, какое-то нашествіе дивихъ ордъ.

Зачѣмъ же было пугать какимъ-то жупеломъ, „военнымъ положеніемъ“ и страшными карами, страшными на бумагѣ, но неосуществимыми на дѣлѣ? Это только возбуждало этихъ пьяныхъ людей и ясно показывало имъ безсиліе „начальства“, грозящаго, но не могущаго привести угрозы въ исполненіе.

А въ то же время что-то неладное творилось и на дорогѣ.

Она бастовала и пропускала, насколько мнѣ извѣстно, лишь воинскіе поѣзда.

Забастовщики узнали, что въ войскахъ манчжурскихъ арій распространяется взглядъ, что перевозка войскъ задержана забастовкой. Въ противовѣсъ этимъ слухамъ было отправлено войскамъ сообщеніе, что забастовка ихъ не воснется, и что они будутъ перевезены много скорѣе, чѣмъ то было заявлено военнымъ начальствомъ. Такая успѣшность дѣла перевозки объяснялась, конечно, тѣмъ, что дорога теперь въ рукахъ забастовщиковъ и потому будетъ работать правильнѣе, чѣмъ прежде.

На станціи Слюдянка, кругобайкальской желѣзной дороги, къ намъ подѣлъ какой-то подрядчикъ, что-то строящій на дорогѣ и близко, уже нѣсколько лѣтъ, знакомый съ тамошними порядками. Онъ разсказалъ намъ, что инженеры теперь „отъ дѣла уволившись“, и что дѣйствуютъ стачечные комитеты и притомъ весьма успѣшно. Изъ его словъ было ясно, что комитеты всими силами стараются расположить къ себѣ войска и, такъ сказать, хотятъ подкупить ихъ ускоренной перевозкой на родину. Для болѣе успѣшнаго выполненія этого плана они отправили выборную комиссію для провѣрки количества подвижного состава, могущаго быть пущеннымъ тотчасъ же въ дѣло.

— Страсть какъ здорово до всего добираются!—восхищался подрядчикъ.—Далеко ли отъ Иркутска до Слюдянки, а гляди—ужъ 197 теплушекъ отыскали. Стояли себѣ безъ дѣла, про нихъ и забыли, а эти, гляди, и высмотрѣли. Анъ пять поѣздовъ-то и выйдетъ. Цѣльный полкъ уйдетъ. А какъ подумать, сколько они ихъ, до Харбина-то ѣхамши, наберутъ—страшное дѣло!—Онъ былъ доволенъ комитетаміи.

— Дѣловой народъ, просто сказать—башковатый!—отзывался онъ о членахъ комиссій и комитетовъ.

Все это было такъ странно и непривычно. Казалось, что ѣдешь не по Россіи, хоти и азиатской, а Богъ вѣсть по какому незнаемому государству. Вѣдь только три съ половиной мѣсяца былъ я здѣсь, только такъ недавно все было тихо, мирно, гладко—и вдругъ такая метаморфоза! Съ непривычки вѣрилось съ трудомъ. А мѣстные люди, вродѣ этого подрядчика, смотрѣли на все иными глазами. Они уже наглядѣлись и наслышались. Имъ все это уже казалось въ порядкѣ вещей.

Однако, несмотря на распорядительность комитетовъ, насъ все-таки недалеко отъ Иркутска задержали безобразно долго.

Произошла, какъ всегда, безобразная сцена. Прибывшіе раньше насъ эшелоны требовали скорѣйшей отправки, не желая пропу-

скать насъ, а потому ругали все ту же несчастную, безпомощную железнодорожную администрацію и грозили насиліями. Не успѣли ихъ отправить, какъ то же повторили наши солдаты. Опять шумъ, крики, ругань, самовольный звонъ въ станціонный колоколъ пьянаго матроса, безтолковый вой паровоза—и мы, наконецъ, двигаемся къ Иркутску.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы подошли къ дрянному иркутскому вокзалу.

Не стану распространяться о томъ, что намъ опять пришлось выгнать изъ вагоновъ на 32-хъ-градусный морозъ, что комендантъ опять-таки „ничего не могъ сдѣлать“; и что пришлось всю ночь торчать въ буфетной залѣ, биткомъ-набитой публикой, багажемъ, вещами, такъ какъ дѣваться было некуда. Все бы это можно было какъ-нибудь перетерпѣть, но самое ужасное было то, что намъ грозила перспектива задержки въ Иркутскѣ дня на три—четыре. Поезда не ходили, офицеровъ набралось еще раньше насъ много, а тутъ еще пришелъ лишенный, какъ я упоминалъ, пассажирскаго паровоза экспрессъ. Все это становилось нестерпимо глупо.

Пришлось идти нанимать себѣ какіе-нибудь номера.

Съ трудомъ найдя грязныя, холодныя конуры, мы вернулись за своими вещами на вокзалъ. Кто-то подалъ мысль обратиться за справками въ комитетъ, распоряжающійся теперь забайкальской дорогой, и попытаться узнать что-нибудь и о сибирской. Сказано—сдѣлано.

И вотъ нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, отправляемся къ предсѣдателю комитета.

Когда о насъ доложили, то сперва появилось нѣсколько любопытныхъ служащихъ; вѣроятно, смутило ихъ то, во-первыхъ, что пришли офицеры, а во-вторыхъ, что насъ было шесть человекъ. Затѣмъ, очевидно успокоенные нашими мирными объясненіями, они куда-то скрылись, и тогда уже вышелъ къ намъ и самъ предсѣдатель.

Надо отдать ему справедливость: онъ такъ внимательно отнесся къ нашей просьбѣ „устроить“ намъ поѣздъ въ Россію, такъ вѣжливо и толково отвѣчалъ на наши многочисленные вопросы людей ничего не знающихъ и чувствующихъ себя точно съ луны свалившимися, что мы были просто поражены. Да, откровенно говоря, вся эта новая обстановка казалась намъ совершенно дикой.

Предсѣдатель, однако, „не взялъ на себя смѣлость“ категорически отвѣтить на нашу просьбу о поѣздѣ, но общалъ

„доложить“ ее комитету и переговорить съ завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ. Онъ любезно назначилъ часъ, въ который мы должны были зайти за отвѣтомъ.

За полчаса до назначеннаго времени, мы зашли сначала въ управленіе завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и встрѣтили тамъ какого-то молодого офицера, который сообщилъ намъ: „Мы распорядились; поѣздъ будетъ поданъ!“

Мы съ трудомъ удержали улыбку, отлично зная, кому мы обязаны этимъ поѣздомъ, и отправились въ предсѣдателя комитета. Онъ сказалъ намъ, что комитетъ снесся съ сибирской желѣзной дорогой, что она согласилась дать намъ исключительно воинскій поѣздъ, и что онъ объ этомъ сообщилъ завѣдующему передвиженіемъ. Мы поблагодарили и ушли.

На станціи насъ ждалъ новый сюрпризъ. Ни начальника, ни его помощника не было. Ихъ замѣнялъ какой-то господинъ въ партикулярномъ платьѣ и тепломъ кенгуровомъ картузѣ съ ушами.

Онъ прохаживался съ чувствомъ собственнаго достоинства по платформѣ, съ засунутыми глубоко въ карманы пальто руками, а между тѣмъ зорко слѣдилъ и за маневрирующими паровозами, и за куда-то передвигаемыми поѣздными составами.

По временамъ онъ дѣлалъ короткіе окрики и, видимо, руководилъ всѣмъ дѣломъ. Странно было видѣть, какъ подбѣжавшій на его зовъ служащій въ формѣ вжалъ подъ козырекъ, какъ машинистъ проходящаго мимо паровоза, на ходу здороваясь съ нимъ, снялъ свою лохматую папаху.

Странно было наблюдать и этого самозваннаго начальника (по словамъ одного изъ дорожныхъ рабочихъ, предсѣдателя какого-то, кажется, бюро), и этихъ добровольно-подчиненныхъ, отдающихъ честь своему начальнику, и вмѣстѣ съ тѣмъ все это такъ захватывало своей новизной, что, несмотря на жестокой морозъ, я стоялъ и смотрѣлъ на все происходящее съ живѣйшимъ интересомъ.

Но вотъ, наконецъ, и нашъ поѣздъ.

Опять начинается это утомительное сидѣнье въ III-мъ классѣ, это медленное движеніе поѣзда верстъ по десяти — двѣнадцати въ часъ, эти безконечныя стоянки на станціяхъ. Но все это ничто по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается кругомъ.

Солдаты точно съ цѣпи сорвались. Иркутскъ въ этомъ отношеніи сыгралъ видную роль. Тамъ происходили многолюдные солдатскіе митинги, вырабатывались программы, чуть ли не цѣлыя обновленный и усовершенствованный „уставъ внутренней службы“. Солдаты, поджигаемые и поддерживаемые какими-то „вольными“,

совершенно позабыли всякую дисциплину. Не имѣя первоначальнаго, не-военнаго, воспитанія, они, сбросивъ съ себя дисциплину, обратились въ какихъ-то хулигановъ въ военной формѣ.

Надо было только слышать тѣ оскорбленія, которыя сыпались на офицеровъ, всѣ эти рассказы о томъ, какъ въ бояхъ офицеры прятались и бѣжали, и всевозможныя выдумки въ томъ же родѣ. Все это тутъ же подтверждалось толпой „товарищей“, совершенно упускавшей изъ вида тотъ огромный процентъ потери въ офицерахъ, который былъ бы немислимъ, еслибы хотя часть всего рассказываемаго была истинной.

И всѣ эти „солдаты“ вернутся домой и тамъ станутъ рассказывать то же! Да еще, вѣроятно, и болѣе краснорѣчиво, если они уже здѣсь перестали стѣсняться, — а стѣсняться они перестали во всѣхъ отношеніяхъ.

Не говоря уже о томъ, что они переполняли буфетъ I-го класса, пьянствуя и безобразничая, они стали сами „вести“ поѣздъ, все время дежуря на паровозѣ; стали давать самовольно звонки и брать путевые жезлы. Все это сопровождалось гнуснѣйшимъ обращеніемъ съ желѣзнодорожными служащими.

Мнѣ отъ души жаль этихъ ни въ чемъ неповинныхъ работниковъ, которые должны почему-то переносить площадную брань и крикъ пьяныхъ матросовъ и солдатъ. Да мнѣ говорили, что не всегда и одной руганью дѣло обходится.

А эти несчастные буфетчики!..

Положимъ, они „зашибли копѣйку“ съ тѣхъ же войскъ, когда они шли еще „туда“. Они драли, хотя и вдвое меньше, чѣмъ ихъ манчжурскіе собратья, но все же это не даетъ никому права посягать на ихъ частное имущество, — а такое посяганіе вошло въ обычай.

Буфеты при нашемъ приближеніи запирались, и намъ нечего было ѣсть. Кто-то догадался дать телеграмму на одну изъ ближайшихъ станцій, съ просьбой приготовить что-нибудь поѣсть.

Мы ждали эту станцію съ голоднымъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ дождались. Всѣ бросились въ залу. Я немного заповдалъ и, входя въ буфетъ, увидалъ странное зрѣлище: прислуга, хозяйка, какія-то бабы — хватили и тащили съ буфета всѣ закуски, посуду, все, что можно было, куда-то въ сосѣднее помещеніе. Все это продѣлывалось такъ поспѣшно и такъ несвоевременно, что я спросилъ, что все это значить. — Уходите, уходите! — кричала хозяйка. — Не до васъ теперь. Въ буфетѣ ничего нѣтъ. Получить ничего нельзя! — Она нервно прятала въ какой-то ящикъ ножи и вилки.

— Господи, да что же это такое!—вскриевала она, задыхаясь.—Намедни разбили все; только поправились—опять бить будутъ. Весь вѣкъ копѣйку берегли, начали свое дѣло, и теперь все должно погибать. Да что же это такое?!—и она истерично разрыдалась, посылая кому-то проклетія.

— По міру пускаютъ!—слышалось сквозь рыданія.

Вся эта сцена произвела на меня невыразимо тяжелое впечатлѣніе. Я недоумѣвающе смотрѣлъ на все это.

— Эге!—проговорилъ рядомъ со мной пьяненькій матросъ.—Прочухали, что нашъ ашелонъ идетъ. Телеграмму получили,—добавилъ онъ вполголоса.—Ну, да отъ нашихъ не очень-то спиртное спрячешь!—и онъ расхохотался.

Такъ вотъ она—причина отчаянія несчастной разоренной женщины. Мнѣ все стало ясно.

И двигаясь дальше къ Челябинску, видя пустые буфеты, слыша все тѣ же однообразные разговоры о „разгромахъ“ буфетовъ, я видѣлъ, что это не случайная вспышка пьянаго буйства, а какой-то систематическій грабѣжъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ, что солдаты, пившіе при мнѣ водку, исправно расплачиваются, — особенно матросы. Я самъ видѣлъ, какъ они, за неимѣніемъ водки, пили коньякъ и платили по 50 коп. за рюмку.

Вскорѣ, однако, ихъ финансы стали, очевидно, приходить къ концу. Вотъ солдатъ продаетъ валенки. На слѣдующей станціи какой-то мужикъ торгуетъ у солдата казенный полушубокъ; тутъ же продаютъ казенныя папахи, карманные часы, вообще все, за что можно получить хоть сколько-нибудь.

Могу себѣ представить, въ какомъ видѣ эти люди, пропившіе съ себя все, явятся къ своимъ воинскимъ начальникамъ. Они будутъ увѣрять и ихъ, а главное публику и особенно публику „сѣрую“, что начальство отпустило ихъ голыми и босыми, что имъ „взять негдѣ“, и что они, „проливавшіе кровь, теперь должны стыть“. Я слышалъ уже эти разговоры и по пути, и у московскаго воинскаго начальника.

И вотъ, пропивъ все возможное, они становятся нищими. Они ходятъ по вагонамъ, по платформамъ, просятъ „на хлѣбъ“, а отъ нихъ, между тѣмъ, до такой степени пахнетъ водкой, что съ ними говорить противно.

Они, зная отлично, что все это пьянство происходитъ на нашихъ глазахъ, увѣряютъ насъ, офицеровъ, отлично знающихъ, что полагается солдату, что имъ отъ казны ничего не даютъ, и

что тѣхъ грошей, которые они получили изъ своихъ частей, имъ „и на хлѣбъ-то не хватаетъ“.

И они говорятъ это, забывая, что они пьяны и что по ихъ лицамъ особенно ясно видно, что „не о хлѣбѣ единомъ сытъ будетъ человѣкъ“.

Нѣкоторые принимаютъ даже манеры и интонаціи профессиональных нищихъ. Какъ сейчасъ вижу одного старшаго унтер-офицера. Онъ пропилъ все, кромѣ мундира. Вспухшая отъ пьянства физиономія, оловянные глаза. Онъ горбится, точно нищій на паперти, и робко, подходя какъ-то бокомъ, протягиваетъ руку: „Христа ради“.

Я далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ и приказалъ уйти. Онъ сказалъ: „Слушаюсь“ — и покорно пошелъ вонъ изъ буфета. Но черезъ минуту онъ уже стоялъ въ той же позѣ передъ каменъ-то „вольнымъ“ и униженно просилъ.

Когда и гдѣ успѣли такъ опуститься солдаты? Что повліяло такимъ ужаснымъ, растлѣвающимъ образомъ? Гдѣ причина всего этого ужаса? Говорю: ужаса, потому что другого слова подобрать не могу.

Что же это за солдаты, которые такъ распускаются, какъ только урвутся изъ строя? Что же это за „запасъ“?

Говорю это, не желая кого бы то ни было упрекать или порочить. Мнѣ просто больно было все это видѣть и переживать. Слишкомъ все это было далеко отъ моихъ представлений о нашихъ солдатахъ, съ которыми я прожилъ слишкомъ два года.

Съ такими мыслями я пріѣхалъ, черезъ десять дней по выѣздѣ изъ Иркутска, въ Челябинскъ.

Здѣсь мы впервые за всю дорогу увидели попытки поддерживать порядокъ. На вокзалѣ дежурила рота отъ одного изъ полковъ 13-го корпуса. Вся она была собрана исключительно изъ молодыхъ солдатъ. Было странно видѣть такую молодую роту. На Востоѣ во всѣхъ ротахъ преобладаютъ запасные бородачи, и зеленая молодежь среди нихъ теряется. Здѣсь же наоборотъ. Всѣ не только безбородые, но даже безусые, — точно кадеты. Странно и то, что они не въ папахъ, а въ фуражкахъ съ огромными, негнѣными на видъ козырьками.

Но дѣятельность эта молодежь проявляетъ большую. Стѣбить только появиться въ залѣ перваго класса пьяному или нищенствующему солдату, какъ моментально появляются эти „ангелы“, какъ ихъ называютъ солдаты, и тотчасъ же удаляютъ „нежелательные элементы“. Да и на платформѣ они пытаются „навести порядокъ“, но тамъ всегда масса солдатъ изъ эшелонѣвъ, и по-

этому ихъ дѣятельность нѣсколько сдерживается этимъ обстоятельствомъ. Въ общемъ все же чувствуется, что есть кто-то, кто, хотя отчасти, можетъ обуздать произволь дикой и пьяной компаніи запасныхъ.

Выразилось присутствіе въ Челябинскѣ власти и въ томъ обстоятельствѣ, что когда мы наконецъ, хотя и съ недоразумѣніями, все-таки сѣли въ вагоны, на площадкахъ стояли же молодые „анделы“ и поддерживали порядокъ. Кромѣ того, у паровоза тоже стояла охрана, а потому пришедшіе эшелоны не могли отцѣпить нашего, какъ выражаются солдаты, „воня“, и мы, хотя и съ опозданіемъ часа на три, поѣхали-таки безпрепятственно.

Было уже совершенно темно.

Мы попали въ вагонъ второго класса и, разлегшись на мягкихъ диванахъ, въ сладкихъ мечтахъ скоро быть дома, заснули, утомленные всей сутоловой и суетней минувшаго дня. Проснулись мы уже почти за Ураломъ.

Ночью шли отлично, съ большой скоростью и короткими стоянками, но подъ утро стали немного мѣшкать. Передъ нами шелъ какой-то эшелонъ и мѣшалъ намъ, а умудренный опытомъ машинистъ не хотѣлъ его обгонять на разъѣздѣ или маленькой станціи.

— Все одно солдаты не пустятъ себя обогнать, — объяснял намъ кондукторъ.

Но вотъ мы все-таки догнали ихъ и должны были обогнать. Нашъ поѣздъ сталъ у платформы, а соперникъ стоялъ на второмъ пути. Настала рѣшительная минута. Въ дверяхъ станціи появился какой-то служащій съ „жезломъ“ въ рукахъ. Къ нему подбѣжало нѣсколько нашихъ солдатъ, но, рѣшивъ вѣроятно, что до паровоза отъ ихъ теплушекъ далеко, они опрометчиво отпустили его одного, а сами побѣжали къ своимъ вагонамъ. Они торжествовали. „Жезлъ“ отдали нашему поѣзду, и, значить, мы пойдѣмъ первыми. Но въ тотъ моментъ, какъ человекъ съ жезломъ проходилъ мимо нашихъ оконъ, на него набросилось нѣсколько солдатъ изъ обгоняемаго эшелона, вырвали „жезлъ“ и съ криками: „его-то намъ и надо!“ — бросились въ своему паровозу. Наши солдаты, замѣтивъ этотъ маневръ, ринулись было отбивать яблоко раздора, но было уже поздно, и эшелонъ, безъ звонковъ, давъ короткий прощальный свистокъ, быстро понесся мимо насъ.

Наше дѣло было проиграно, и мы просидѣли больше сорока минутъ въ ожиданіи „пути“. Всѣ были раздосадованы и ходили мрачно по станціи.

Нѣкоторое разнообразіе и даже, пожалуй, веселье вызвалъ слѣдующій случай.

Среди другихъ по платформѣ прогуливался какой-то очень пожилой, сѣдой капитанъ. Я замѣтилъ его еще въ Иркутскѣ и съ тѣхъ поръ встрѣчалъ ежедневно въ буфетахъ.

Такъ вотъ этотъ капитанъ мирно прогуливается. Въ нему вдругъ подлетаетъ подвыпившій солдатъ 37-ой дивизіи и говоритъ:—Позвольте вамъ доложить, ваше высокоблагородіе, у васъ носикъ того—.

Тотъ, не замѣчая, что у солдатинки вся рожа дергается отъ затаеннаго веселья, хватается себя за носъ, третъ переносицу и добродушно ему говоритъ:—Что, запачкалъ что-ли чѣмъ-нибудь?—и, потеревъ еще, добавляетъ:—Спасибо, голубчикъ.—Но голубчикъ грозить пальцемъ передъ самымъ носомъ капитана и пьянымъ голосомъ отвѣчаетъ:—Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, онъ у васъ не то что запачканъ, а просто носикъ-то у васъ въ буфетцѣ просится.—И, довольный своей шуткой, онъ громкимъ хохотомъ провожаетъ оторопѣвшаго старика.

Хохотъ его дружно подхватывается товарищами, и бѣдный капитанъ едва успѣваетъ скрыться въ свой вагонъ.

Эта шутка вызвана, вѣроятно, тоже своеобразнымъ пониманіемъ „свободы слова“.

А вотъ еще примѣръ отношеній солдатъ къ офицерамъ.

Въ буфетъ одной изъ ближайшихъ станцій, гдѣ сидитъ много офицеровъ, торонающихся пообѣдать, входитъ солдатъ.

Попавъ въ незнакомую обстановку, онъ снимаетъ папаху и въ нерѣшительности останавливается среди комнаты. Неизвѣстно, тѣмъ разрѣшились бы его колебанія, но вдругъ съ сосѣдняго столика, гдѣ за бутылками пива сидятъ два солдата, раздается голосъ:—Слышь, землякъ, ты чего же это сталъ-то? Ты чего же сумѣиваешься? Что офицеровъ-то много понасѣло? (слѣдуетъ непечатное слово) Такъ это, братъ, наплевать! На такія же деньги-то пьемъ да ѣдимъ. Не хуже ихъ!—Водаряется гробовое молчаніе. Всѣ напряженно молчатъ.

— Я почему тебѣ говорю: наплевать? Потому я этотъ народецъ, братъ ты мой, видалъ. Да вотъ къ примѣру: стояли мы подъ Музденомъ,—началъ онъ свое повѣствованіе, и голосъ его громко и ясно разносился по всей комнатѣ.

— Ну, стоимъ и япощекъ ждемъ. Пріѣзжаетъ эта нашъ баталіонеръ. Хорошо. „Что у васъ, ребята, все въ порядкѣ?“— „Такъ точно—все“.—Въ это время конный охотникъ— „японцы“, кричитъ, „наступаютъ! близко!“ Баталіонеръ услышалъ это: „Такъ

у васъ, ребята, все готово? Ну, а у меня подавно!“ — Вытянулъ это плетью лошадь (опять непристойное слово), да и усакалъ. Да. Ему-то хорошо, верхомъ-то удирать, а каково намъ-то, пѣхомъ, — добавилъ онъ, наливая себѣ пива. — Оттого я тебѣ и говорю: наплевать!

Стало всѣмъ какъ-то нехорошо и неловко. Когда же поѣздъ тронулся, я почувствовалъ облегченіе. Въ своемъ купѣ можно было себя чувствовать въ болѣе безопасности отъ дерзостей и нахальныхъ выходокъ солдатъ. А на душѣ все же было и здѣсь нехорошо. Встрѣчные поѣзда передавали ужасныя вѣсти изъ Россіи. Чѣмъ ближе мы подвигались къ Сызрани, тѣмъ вѣсти становились тревожнѣе. Газетъ не было, телеграммъ — тоже. Но это обстоятельство мало смущало желѣзнодорожниковъ. Они все знали, такъ какъ получали телеграммы непрерывно по своему телеграфу. Притомъ работа шла такъ успѣшно, что, по ихъ словамъ, телеграмма о забастовкѣ, отправленная изъ Харькова, кажется, пришла на ст. Оловянную, забайкальской дороги, черезъ *двадцать минутъ*. Поэтому понятно, что они знали все, что дѣлается въ Россіи, но, конечно, всѣ извѣстія носили совершенно опредѣленную и притомъ чрезвычайно яркую окраску.

На одной изъ станцій мы узнали, что есть „свѣжая“ телеграмма. Бросились въ помѣщеніе телеграфа. Тамъ какой-то телеграфистъ читалъ что-то стоящимъ около него офицерамъ. Ихъ лица были встревожены, — онъ же, напротивъ, былъ строго сосредоточенъ и почти мраченъ. Видно было, что онъ „понимаетъ всю серьезность положенія“.

„Императорскія войска разбиты, — читалъ онъ. — Нами отбито: четыре орудія и три пулемета“ ... Затѣмъ еще и еще какія-то слова.

Я протискался впередъ.

— Скажите, пожалуйста, какія это императорскія войска и что у нихъ отбилъ орудія и пулеметы? И, вообще, какія же есть еще войска въ Россіи, кромѣ императорскихъ?

Я спросилъ это безъ всякаго желанія посмѣяться. Я просто ничего не зналъ и не слыжалъ по этому поводу. Но молодой телеграфистъ оскорбился. Онъ скосилъ въ мою сторону глаза и съ презрительной усмѣшкой, вѣроятно въ высшей степени грочической, процѣдилъ: — Есть войска народныя!

Это было произнесено такимъ голосомъ, въ глазахъ говорившаго было столько презрѣнія, что мнѣ, какъ представителю императорскихъ войскъ, оставалось только поспѣшно ретироваться, что я и не замедлилъ сдѣлать.

Куда же мы ѣдемъ? Что ожидаетъ насъ впереди? Наконецъ,

кто мы, къ какой партіи мы принадлежимъ?—мы ничего этого не знали и ломали себѣ головы надъ этими вопросами.

Даже солдатшечки наши попритихли. Были ли и они смущены слухами, или все уже было пронито, но они стали какъ-то сдержаннѣе и спокойнѣе.

А поѣздъ все мчалъ и мчалъ насъ все ближе къ этому новому, неизвѣстному и потому жуткому.

— Эхъ, лучше бы въ Манчжуріи сидѣть!—слышались голоса.

— Чтò-то будетъ?—откликнулись другіе.

Но вотъ наконецъ и Самара. Вотъ сызранскій мостъ, Волга. Всѣмъ сдѣлалось веселѣе.

Хотя и было еще раннее утро, но всѣ уже проснулись—и вагонъ ожилъ. Чувствовалось, что, перѣѣхавъ Волгу, точно со всѣмъ ужъ домой попалъ. На время даже тревоги забылись.

Но вотъ въ Батракахъ опять извѣстіе о борьбѣ „императорскихъ“ войскъ съ народными. Опять разговоры о томъ, что гренадеры московскаго гарнизона „нейтральны“ и не принимаютъ участія въ борьбѣ, что въ Москвѣ происходитъ что-то невѣроятное по своимъ размѣрамъ и что правительство начинаетъ уступать.

Взволнованные, не зная, чему вѣрить, пріѣхали мы въ Сызрань.

Пошли сейчасъ же въ буфетъ—узнать новости и закусить, но оказалось, что буфетъ разбитъ, а потому „не работаетъ“, и въ буфетной залѣ пусто.

— Правительство арестовано. Только-что пришла объ этомъ телеграмма отъ комитета, — послышался чей-то взволнованный голосъ.

— Кѣмъ, когда, какое правительство, кто именно, откуда этотъ слухъ?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

И только какой-то желчный военный врачъ, съ лицомъ муміи, видимо недавно оправившійся отъ тяжелой болѣзни, небрежно бросилъ: — Это ужъ старо. Мы это еще вчера знали.

Но, кромѣ знающаго доктора, всѣ были поражены.

Одинъ изъ прапорщиковъ, вѣзшихъ съ нами, обратился за разъясненіями къ жандарму, какъ представителю власти:

— Правда ли, что правительство арестовано?

— Навѣрное не могу знать, а такъ передавали. Телеграмма была,—доложилъ онъ. — Теперь, ваше благородіе, время такое: не знаешь, кому и служишь. Самая служба тяжелая.

Онъ былъ, видимо, подавленъ своимъ положеніемъ. Да оно и понятно. „Въ случаѣ чего, Боже упаси“, рабочіе и прочій людъ, уважавшій въ немъ „жандара“, не постѣснились бы выместить на немъ все накидѣвшее и наболѣвшее въ ихъ душахъ.

Нелегко стало и у насъ на душѣ, когда мы услышали такое откровеніе жандарма. Это было сочтено за очень дурной симптомъ.

Подумать только—жандармъ и такія рѣчи! И опять все это показалось намъ необычайно дико.

А тутъ опять все новыя и новыя свѣдѣнія на всѣхъ станціяхъ къ Рязани. Буфеты разбиты то запасными, то новобранцами. Такъ сказать, бывшіе и будущіе воины, видимо, мало стѣснялись во время своего путешествія.

Такъ добрались мы до Рязани. Здѣсь уже были очевидцы московскихъ событій. Были какіе-то юнкера безъ шапекъ, отобранныхъ у нихъ, по ихъ словамъ, революціонерами, но съ едоссальнѣйшимъ запасомъ личныхъ наблюденій, которыя свидѣтельствовали о правильныхъ, почти, атакахъ, о бояхъ, о пожарахъ. Они не жалѣли красокъ, и, какъ мы узнали на слѣдующій день, наврали страшно.

Буфетчикъ, сидя въ своемъ темномъ залѣ и боясь его осветить, чтобы не привлечь нежелательную публику, со своей стороны рассказывалъ ужасы.

Мы вошли въ свой вагонъ съ яркимъ представленіемъ о всемъ, совершающемся въ Москвѣ, и съ чувствомъ людей, которымъ предстоитъ въ самомъ близкомъ будущемъ—если не гибель, то, во всякомъ случаѣ, какое-либо тяжелое испытаніе.

Ложились спать неохотно.

Знакомые ходили навѣщать другъ друга изъ вагона въ вагонъ и не давали спать желающимъ.

Обсуждался, главнымъ образомъ, вопросъ,—выдавать ли оружіе. Его требовали, по словамъ очевидцевъ, отъ всѣхъ офицеровъ. Избѣжать этого было нельзя, потому что изъ тѣхъ же источниковъ мы знали, что поѣздъ придетъ прямо на рязанскій вокзалъ, а такъ какъ онъ въ рукахъ „народа“, то мы, такъ сказать, непосредственно должны были попасть въ руки хозяевъ вокзала. Избѣжать этого было нельзя, и потому приходилось мысленно прощаться съ оружіемъ.

Особенно горевали два офицера, имѣвшіе даренныя шапки.

Но пока все это обсуждалось, я все-таки заснулъ подъ шумокъ. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ денщикъ моихъ сосѣдей періодически куда-то исчезалъ и возвращался каждый разъ съ какой-либо новостью. Новости эти были противорѣчивы, часто явно нелѣпы, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же подвергались тщательнѣйшему обсужденію.

Настроеніе было нервное; являлась необходимость въ умствен-

вой работѣ, желаніе чѣмъ-нибудь заняться, и потому всякая тема была хороша.

Подъ эти споры и окончательно заснулъ и проснулся гдѣ-то уже подъ Москвою.

Разговоры шли все на тѣ же утомительно-однообразныя темы. Въ тысячный, миллионный разъ задавались одни и тѣ же вопросы однимъ и тѣмъ же людямъ, и отвѣты получались томительно однообразные, потому что не было никакихъ свѣжихъ данныхъ. Единственный источникъ—денщикъ—и тотъ, казалось, исчерпался.

Было безнадежно скучно, томительно и скверно.

Казалось, что разсвѣтъ запоздалъ и газъ въ баракахъ былъ какой-то тусклый. Кромѣ того, было страшно накурено. Тоже признакъ нервнаго настроенія.

Изъ сосѣдняго вагона пришли два офицера и рассказали, что къ нимъ вошли трое молодыхъ людей и потребовали выдачи оружія, на томъ логичномъ основаніи, что въ „Москвѣ все равно отнимутъ: лучше отдайте добровольно“. Не достигнувъ цѣли, они ушли съ угрозой.

Но вотъ и совсѣмъ ужъ Москва. Паровозъ гудитъ и движется страшно медленно. Оттуда-то появится кондукторъ. Онъ вносить все-таки разнообразіе въ компанію; ему рады. Онъ это чувствуетъ и начинаетъ разсказывать всякія были и небывлицы. Его слушаютъ, и онъ, поощренный общимъ вниманіемъ, вретъ уже совершенно бесовѣстно. Вопросы сыплются градомъ. Онъ охотно отвѣчаетъ и даетъ совѣты.

— А вамъ бы, барышня, плохо не пришлось,—ласково говорить онъ, глядя на нашу спутницу, надѣющуюся попасть въ Петербургъ съ знакомымъ офицеромъ въ воинскомъ поѣздѣ.

— А что?—волнуется та.

— Да то, что вамъ вѣдь тутъ ѣхать не полагается. Кромѣ воинскихъ чиновъ, „они“ никого не пускаютъ. Не высадили бы и васъ.

— Не можетъ быть!—протестуетъ та уже совершенно перепуганнымъ голосомъ.

— И очень просто,—не унимается кондукторъ.—Вотъ на-медни ѣхалъ полковникъ съ женой. Ну и что жъ? Пришла это барышня, да барыню и гонить. Вотъ тутъ на станціи недалеча. (Онъ называлъ станцію.) Полковникъ за жену заступается. Извѣстно, въ обиду не даетъ. Ну, та, барышня-то, своихъ шарлатановъ чловѣкъ двадцать и позвала въ вагонъ-то. А они, шематоны, всѣ съ револьверами, барыню-то и выкинули вонъ. Съ него пашку потащили. Ужъ и я пыталъ ихъ срамить. Ничего во вни-

маніе брать не хотять. Ну, тутъ солдатня изъ теплушекъ подошли; такъ полковникъ при шашкѣ и остался. Ей Богу!—завочилъ онъ разсказъ.

Все это вносило мало успокоенія.

— Да что же нашъ машинистъ такъ тащить?—разозлился вдругъ одинъ изъ офицеровъ. — Чортъ его знаетъ, скотина какая-то!

— Сейчасъ ни одинъ, можно сказать, машинистъ ходу давать не станетъ, — откликнулся кондукторъ. — Потому, первое, путь, можетъ, „ими“ повреждена, а второе, перво-на-перво стрѣлять по немъ, по машинисту, начинаютъ, „не вози, молъ“, а потомъ по вагонамъ. Вотъ онъ и смотритъ.

И дѣйствительно, машинистъ, должно быть, зорю смотрѣлъ. Поездъ едва-едва двигался. Очевидно, было чего опасаться.

Наконецъ вагонъ слегка вздрогнулъ и остановился.

— Пріѣхали! — возвѣстилъ кондукторъ. — На товарную подалъ. Пассажирскій не принимаетъ! Теперь только, господа, мой вамъ совѣтъ—здѣсь переспать до свѣту, а то теперь самое военное дѣйствіе. Часовъ до семи пострѣляютъ—и шабашъ до одиннадцати, а тамъ опять принимаются. Вамъ, значитъ, въ эту самую перебивку и потрафлять. А то очень просто, что и убьютъ. Бьютъ нонче офицеровъ-то! — пособолѣвновалъ онъ.

Всѣ притихли.

Вдругъ кто-то снаружи крикнулъ, что поездъ черезъ пятнадцать минутъ уѣдетъ куда-то назадъ и что надо очищать вагоны.

Началась суматоха.

Меньше чѣмъ въ десять минутъ всѣ вещи были уже на свѣгу и около нихъ суетились откуда-то появившіеся ломовые извозчики.

Еще нѣсколько минутъ—и офицеры, съ пожеланіями счастливаго пути и прощальными привѣтствіями, кто пѣшеомъ, кто на саняхъ ломовиковъ, потянулись по темнымъ улицамъ въ городъ.

Оттуда доносились выстрѣлы.

Тяжело было это возвращеніе „домой“.

Негостепріимно встрѣчала насъ Москва!

В. СЕ—Л—Ъ.

СЕМЬ ЛѢТЪ

ВЪ

КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Разсказавъ, по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, въ статьѣ „Крестьянскій банкъ и его начало“ („Вѣстникъ Европы“, декабрь, 1905 г.), какъ возникъ этотъ банкъ, какъ образовалось его управленіе и какъ началась его дѣятельность, обращусь теперь къ воспоминаніямъ о самой его жизни въ теченіе того періода, когда я занималъ въ немъ должность члена совѣта. Предстоитъ говорить о томъ, что нашъ совѣтъ самъ дѣлалъ и съ чѣмъ ему приходилось соприкасаться.

Видѣть и переживать намъ въ это время приходилось многое. Какъ объяснено было въ упомянутой моей статьѣ, мы вполне сознавали, что дѣло крестьянскаго банка — только палліативъ, уже по самому размѣру своему не могущій принести очень существенной поправки такому огромному зданію, какъ сложившееся въ теченіе двадцати лѣтъ крестьянское земельное устройство цѣлой Россіи. Однако, нельзя было не дорожить и такимъ палліативомъ, потому что онъ все-таки давалъ возможность сдѣлать для крестьянства хоть что-нибудь, тогда какъ въ другихъ сферахъ не представлялось въ ту пору и этого. Наше сравнительно небольшое дѣло мы старались, по крайней мѣрѣ, повести настолько заботливо, чтобы изъ него извлекалась вся та польза, какую можно было извлечь при окружающихъ условіяхъ, чтобы дѣятельность банка не только росла внѣшнимъ образомъ, но и

поудачнѣе попадала въ настоящія жизненныя нужды. При такой цѣли, независимо отъ заботъ о технической сторонѣ дѣла, надо было еще какъ можно внимательнѣе слѣдить за проявленіями требованій народной жизни и условіями, благопріятствующими или мѣшающими ихъ удовлетворенію.

Намъ удавалось возбуждать живой интересъ къ этому въ предсѣдателяхъ мѣстныхъ отдѣленій банка, и они сообщали результаты своихъ наблюденій на мѣстахъ, какъ официально, такъ и въ частной перепискѣ, которую каждый изъ насъ, представителей центрального управленія, поддерживалъ съ тѣми или другими предсѣдателями постоянно, сверхъ формальныхъ сношеній. Но такъ какъ и это насъ не удовлетворяло, то мы, временами, еще сами отправлялись въ мѣстности совершенія земельныхъ покупокъ, для ближайшаго изученія того, что насъ интересовало. Такъ, содѣйствуя земельнымъ покупкамъ въ центрѣ управленія, мы потомъ видѣли своими глазами практическія послѣдствія многихъ изъ этихъ покупокъ на мѣстѣ. Здѣсь, бесѣдуя по цѣлымъ часамъ съ крестьянами-покупщиками, производя осмотры земель и т. под., мы узнавали, какъ ведется на купленныхъ земляхъ хозяйство, какъ относятся къ дѣлу сами крестьяне, что имъ еще нужно, въ чемъ они встрѣчаютъ затрудненія, чѣмъ можно помочь удовлетворенію основательныхъ ихъ желаній и т. д.

Матеріалъ получался значительный и полезный. Удовлетворяя извѣстной любознательности, онъ становился также поводомъ и основаніемъ для подготовленія нами новыхъ законопроектовъ и административныхъ распоряженій. Наряду съ выясненіемъ хозяйственныхъ и общественныхъ условій сельской жизни, здѣсь выступали и мѣстные нравы, и этнографическія особенности, и разнаго рода жизненныя черты. Можно бы много рассказывать о тогдашней нашей работѣ и наблюденіяхъ, но я воздержусь отъ большого распространенія, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Первая—это моя личная солидарность съ большинствомъ тогдашнихъ дѣйствій крестьянскаго банка. Рѣчь льется обильнѣе, когда приходится критиковать тѣхъ или другихъ людей и ихъ дѣла, становясь къ нимъ въ полемическое отношеніе, т.-е. когда автору есть противъ чего спорить или надо изображать борьбу; но гораздо меньше побужденій къ словозліянію, когда признаешь, что въ большинствѣ случаевъ дѣлалось то, что слѣдовало дѣлать, и, значитъ, спорить не о чемъ. Выраженіе солидарности не многословно. Конечно, авторъ можетъ ошибаться, но замѣчать это—дѣло другихъ, а самъ онъ можетъ высказываться лишь сообразно своимъ собственнымъ взглядамъ. Другая причина — мѣ

томъ, что многое изъ видѣннаго тогда — особенно свои поѣзды по разнымъ губерніямъ — я уже описывалъ въ статьяхъ, печатавшихся около самаго времени этихъ поѣздокъ ¹⁾, и потому избѣгаю повтореній.

I.

Крестьянскія земельныя покупки.

Съ открытіемъ, въ маѣ 1883 года, ссудной дѣятельности крестьянскаго банка, поступленіе покупочныхъ земельныхъ сдѣлокъ въ совѣтъ стало расти постепенно, но требовало большого труда. Разсматривать ихъ приходилось наряду съ нѣкоторыми оставшимися организационными работами. Приходившія сдѣлки отличались большимъ разнообразіемъ. Были между ними и крупныя, и среднія, и даже такія маленькія, по которымъ всего одинъ крестьянинъ покупалъ двѣ-три десятины. Такая раздробленность увеличивала численность сдѣлокъ, а слѣдовательно и количество требуемой работы. По однимъ сдѣлкамъ мы безотлагательно разрѣшали ссуды; по другимъ — приходилось отказывать или требовать представленія дополнительныхъ данныхъ; по многимъ нужно было разрѣшать возникавшія недоумѣнія и давать отдѣленіямъ руководящія указанія; но во всѣхъ случаяхъ мы старались всемирно избѣгать затяжки и давать скорыя рѣшенія, чтобы не томить заинтересованныхъ людей.

Значительность требовавшагося труда преимущественно вызывалась тѣмъ, что въ первое время, пока дѣло было еще новинкою и нужно было наладить общій порядокъ разсмотрѣнія сдѣлокъ, необходимою являлось особенно вникать въ массу частныхъ обстоятельствъ отдѣльныхъ дѣлъ и тщательно просматривать документы. Переходъ правъ собственности на землю — дѣло настолько важное и обставленное существеннаго значенія формальностями, что къ нему нельзя было относиться поверхностно, интересуясь только вопросами — насколько увеличивается крестьянское землевладѣніе и какъ велика просимая ссуда. Важно

¹⁾ Вотъ эти статьи: въ „Вѣстникѣ Европы“ — „Къ переселенцамъ“ (іюнь и іюль 1887 г.), „Среди крымскихъ татаръ“ (мартъ 1888 г.) и „Среди молдаванъ“ (апрѣль 1891 г.); въ журналъ „Сѣверный Вѣстникъ“ — „У смоленскаго мужика“ (апрѣль 1889 г.) и „Курае“ (декабрь 1889 г.); въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ — „По деревнямъ“ (1885 и 1886 гг.), „Подворники“ (1888 г.) и „Въ Сѣверщину“ (1891 г.); въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“ — „Покупки съ помощью крестьянскаго банка“ (1886 г.) и „Новая сельскохозяйственная единица“ (1887 г.).

было выясненіе правъ продавцовъ на сбываемую ими землю, такъ какъ въ этомъ заключалась гарантія безпрепятственнаго владѣнія крестьянъ-покупщиковъ, а также точное опредѣленіе состава и границъ приобретаемой земли. При недостаткѣ вниманія къ этой сторонѣ дѣла легко могли возникать очень непріятные сюрпризы: инныя ссуды оказались бы выданными подъ землю со спорными границами, въ составъ покупокъ попадали бы участки, перешедшіе раньше въ крестьянскій надѣлъ, и т. под. При недостаткахъ нашихъ ипотечныхъ порядковъ возможно казалась даже продажа несуществующихъ владѣній, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни спеціальнаго, ни генеральнаго межеванія. А еще вѣроятнѣе былъ сбытъ крестьянамъ земель, обремененныхъ арендными и лѣсорубочными договорами, чиншевымъ правомъ и т. под. Съ другой стороны, необходимо было совершенно вѣрное обозначеніе личнаго состава покупателей. При коллективныхъ „товарищескихъ“ сдѣлкахъ союзъ покупателей едва только рождался и они до того не составляли еще никакой общественной единицы, собираясь часто изъ разныхъ деревень, а потому требовалось перечисленіе ихъ именъ, отчествъ и фамилій, куда уже врывалась путаница. Допущеніе невѣрностей въ именахъ крестьянъ-покупщиковъ повело бы за собою неясность, кто именно приобрѣлъ право на участіе въ купленной землѣ. И если бы потомъ понадобилось совершеніе о той же землѣ какихъ-либо новыхъ актовъ, то при руководствованіи документами требовалось бы участіе людей, фактически несуществующихъ. Были еще и другія обстоятельства, осложнявшія разсмотрѣніе дѣлъ.

Вотъ почему приходилось посвящать много вниманія бумажной сторонѣ дѣла, и если это было собственно черною работою, то—неизбѣжною. Такую черную работу въ первые мѣсяцы брали на себя сами члены совѣта, желая выяснять, — какія прорѣхи чаще встрѣчаются въ дѣлахъ, въ чемъ нужна особая осторожность и какъ предупреждать промахи. Подобнымъ путемъ выработывались приемы провѣрки сдѣлокъ, а когда дѣло достаточно наладилось, — эту провѣрку можно было уже предоставить дѣлопроизводителямъ. Вопросъ же о земельныхъ цѣнахъ по каждой сдѣлкѣ обсуждался самъ по себѣ, съ особымъ интересомъ, возбуждая нерѣдко большіе споры, такъ какъ нельзя было не чувствовать, что здѣсь—главный корень задачи крестьянскаго банка, и что если только сразу распустить цѣны, то покупки потеряютъ выгодность для крестьянъ и дѣло можетъ быть убито въ самомъ основаніи. Что толку, если земель накуплено будетъ и много,

да такъ дорого, что платежи за нихъ станутъ исчерпывать или превышать всю доходность!

Одннадцать губерній, выбранныхъ въ первую очередь для дѣятельности крестьянскаго банка, принадлежали къ весьма различнымъ типамъ, и это различіе отражалось какъ въ общемъ ходѣ дѣла въ нихъ, такъ и въ характерѣ земельныхъ покупокъ.

Въ первые мѣсяцы дѣло особенно шибко пошло въ двухъ губерніяхъ: полтавской и екатеринославской. Обѣ онѣ скоро выдѣлились рѣзко изъ ряда остальныхъ. Мы были засыпаны оттуда просьбами о ссудахъ, которыя хлынули словно черезъ прорвавшуюся плотину. По числу сдѣлокъ первое мѣсто заняла полтавская, такъ что нѣкоторое время намъ приходилось заниматься ею почти исключительно. И для этого были достаточныя основанія въ самомъ существѣ дѣла. Названная губернія отличалась большою густотою населенія, а тамошнее крестьянство было такъ мало надѣлено землею, что въ среднемъ выводѣ на душу въ этой губерніи приходилось земли меньше, чѣмъ въ какой-либо другой. Эти выводы не подрашивались даже, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, надѣлами бывшихъ государственныхъ крестьянъ, потому что въ полтавской губерніи этого разряда крестьянъ было сравнительно мало. Таковы были плоды мѣстныхъ работъ по осуществленію крестьянской реформы шестидесятихъ годовъ. Понятно, что прикупка земли тутъ была очень нужна и крестьяне набросились на открывшійся способъ къ ея осуществленію. Другой крупный разрядъ земледѣльцевъ полтавской губерніи составляютъ такъ называемые малороссійскіе казаки, владѣющіе землею не въ качествѣ надѣла, а на правѣ личной собственности. Ихъ владѣніе—самое неровное: есть между ними богачи и совершенные бѣдняки, одни имѣютъ десятки и сотни десятинъ, а другіе—только ничтожные клочки или даже ничего; владѣнія отдѣльныхъ казаковъ и дробятся, и растутъ, продаются и дополняются покупками, что усиливаетъ неравенство, поддерживающее численность нуждающихся въ землѣ. Ко всему этому, въ духѣ малорусскаго населенія—преобладаніе личнаго начала надъ общественнымъ. Внутренняя связь сельскихъ „обществъ“ слаба и крестьяне стремятся жить и вести дѣла не обществомъ, а каждый порознь или, по крайней мѣрѣ, въ союзѣ съ подобранными товарищами. Оттого и полтавскія земельныя покупки выступали, главнымъ образомъ, не общественныя, а товарищескія или единоличныя. Тамъ покупали товарищества, размѣромъ отъ трехъ человѣкъ до нѣсколькихъ десятковъ хозяевъ или даже больше, а здѣсь отдѣльный мужикъ пріобрѣталъ двѣ, три, пять

десятины и просилъ отдѣльной ссуды. Наконецъ, еще одну особенность полтавскаго крестьянства представлялъ своего рода зудъ къ покупкамъ и продажамъ, выразившій нѣчто вродѣ сравнительнаго легкомыслія въ земельномъ дѣлѣ. Купивъ землю, крестьяне иногда, по прошествіи небольшого времени, задумывали уже продавать часть ея, а въ отдѣльныхъ случаяхъ это выражалось еще рѣзче. Помню примѣръ, какъ мужикъ покупалъ тотъ самый кусокъ земли, которымъ владѣлъ уже прежде два или три раза: владѣлъ и продалъ, потомъ купилъ и опять продалъ и т. д. Совокупность всѣхъ такихъ условий и была причиною той массы значительныхъ и мелкихъ земельныхъ сдѣлокъ, какою полтавская губернія предъявила крестьянскому банку съ самаго начала.

Екатеринославская губернія отличалась уже инымъ характеромъ. Тамъ, въ описываемую пору, былъ большой земельный просторъ. Не исчезли еще цѣлинныя земли и были такія передовыя пространства, которыя не пахались въ теченіе десятилѣтій (теперь этого уже нѣтъ). 50 рублей за десятину считалось хорошею цѣною (теперь — вчетверо или даже дороже). Но губернія эта принадлежала къ числу наиболѣе крѣпостническихъ, особенно пресловутый новomosковскій уѣздъ, — что отразилось на характерѣ земельного устройства мѣстныхъ крестьянъ въ шестидесятыхъ годахъ. Несмотря на земельный избытокъ, крестьяне, въ большей части случаевъ, получили очень мелкіе надѣлы, а помѣщики удержали за собою большія площади какъ обрабатываемой, такъ и пустующей земли. Стѣсненіе крестьянъ порождаетъ недружелюбныя отношенія между ними и помѣщиками, доходившія до острыхъ столкновеній, усмиреній и т. под. Но и помѣщики получали мало дохода отъ своихъ владѣній. Поэтому крестьянамъ нужно было покупать, а помѣщики находили выгоднымъ продавать земли за порядочную цѣну, и кромѣ того, на екатеринославскій просторъ стремились переселенцы изъ сосѣднихъ густонаселенныхъ губерній: полтавской, харьковской, курской и т. д. Всѣмъ имъ на руку было открытіе крестьянскаго банка и сдѣлки пошли быстро какъ для устройства мѣстныхъ крестьянъ, такъ и для переселеній. Но тутъ уже преобладали покупки болѣе значительныя, общественныя и крупно-товарищескія, такъ что одна екатеринославская устраивала больше народа, чѣмъ иные десятки полтавскихъ.

Нѣсколько позже расшевелилась дѣятельность крестьянскаго банка въ уфимской губерніи, представлявшей уже другого рода своеобразности. Тамъ въ предшествовавшіе годы многое было

подготовлено къ усиленнымъ земельнымъ продажамъ. Во-первыхъ, тамъ только-что закончился знаменитый расхватъ казенныхъ земель крупными представителями администраціи и чиновниками, ознаменовавшій генераль-губернаторство Крыжановскаго и управленіе государственными имуществами министра Валуева; исторія этого расхищенія, какъ извѣстно, представила очень выдающійся эпизодъ административныхъ нравовъ семидесятыхъ годовъ. А во-вторыхъ, многіе неразборчивые дѣльцы широко спекулировали скупою землей у башкирскихъ обществъ. Тупые, полудикіе башкиры не устояли противъ соблазна угощеній водкою, кониною и чаемъ, а также противъ ловкихъ подговоровъ, и отдавали дѣльцамъ свою землю почти задаромъ, по рублю за десятину и даже дешевле. Мѣстные легенды изображали эффектные картины подобныхъ пиршествъ и соблазновъ. Вакханалія эта подверглась пріостановкѣ правительствомъ, но къ тому времени дѣльцы успѣли уже сдѣлаться собственниками большихъ площадей невоздѣланной и въ значительной части лѣсной земли. Однако, ни у крупныхъ администраторовъ, ни у чиновниковъ, ни у скупщиковъ не было ни умѣнья, ни охоты самимъ вести хозяйство на захваченныхъ земляхъ; весь расчетъ ихъ былъ—на пришлыхъ крестьянъ, и онъ оказывался вѣрнымъ. Переселенцы изъ разныхъ губерній приходили массами, селились и строились на этихъ земляхъ, образуя новыя селенія, и платили, что отъ нихъ владѣльцы требовали, не имѣя даже никакого обезпеченія противъ того, что завтра же ихъ могутъ оттуда согнать. Но полученіе періодическихъ платъ даже отъ беззащитныхъ поселенцевъ для дѣльца—дѣло скучное, затяжное. Чѣмъ довольствоваться подобными платами или затрачивать свой трудъ и деньги на приведеніе дикихъ земель въ культурное состояніе—лучше сбыть захваченную землю разомъ, реализуя свою пріобрѣтательскую ловкость въ денежный капиталъ. Такъ, ко времени открытія дѣятельности крестьянскаго банка и здѣсь выступили, съ одной стороны, стремленіе къ продажамъ, а съ другой—переселенческое желаніе закрѣпить за собою занятія земли. Сверхъ того, продолжали приливать въ уфимскую губернію новыя переселенческія струи, искавшія такихъ же земель. Но скупщики и получившіе казенные участки администраторы и чиновники, разумѣется, жаждали схватить какъ можно большій барышъ на своихъ пріобрѣтеніяхъ. Кто заплатилъ за десятину рубль, два рубля или полтинникъ, — тѣ норовили уже взять съ крестьянъ по 15, по 20 рублей или даже дороже. И стремленія скупщи-

ковъ въ значительной степени увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ безъ этого нельзя было бы устроить переселенцевъ.

Съ небезынтересными типами приходилось знакомиться, имѣя дѣло съ уфимскими земельными приобрѣтателями, обратившимися въ продавцовъ. По общественному положенію эти люди представляли изрядное разнообразіе: встрѣчались тутъ и военные генералы, и крупные гражданскіе чины, и средніе чиновники, и купцы, и дворяне считавшихся хорошими фамилій, и т. под., а объединяющимъ всѣхъ элементомъ оказывался одинъ духъ стяжанія. Иные, являясь въ совѣтъ, нѣсколько конфузились при разговорахъ о своихъ приобрѣтеніяхъ и пытались поправить распространенную о нихъ славу разказами, что или приобрѣтенія ихъ произошли какъ-то случайно, или сами они уступали настойчивымъ просьбамъ башкиръ, руководясь даже участливостью къ ихъ положенію. Но помню одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, извѣстнаго пролаза и нечистаго дѣльца, который былъ совершенно свободенъ отъ всякаго конфуза. Хотя онъ и просилъ объ участіи къ его дѣлу, но когда рѣчь коснулась его притязанія получить изъ крестьянскаго банка 18 или 20 рублей, взамѣнъ затраченнаго имъ на покупку рубля, то онъ сразу замкнулся въ твердой казенной позиціи: какъ бы ни была устроена его покупка—она сдѣлана на „законномъ“ основаніи и потому никакой критикѣ не подлежитъ. Другими словами: пусть я и плутъ, но законъ меня защищаетъ, а мнѣ только это и нужно.

Понятно, что въ отношеніи къ подобнымъ продавцамъ сложилось извѣстное предубѣжденіе,—однако, и въ ихъ достоинствѣ случалось встрѣчать значительныя различія. Разъ, помню, одновременно поступили въ совѣтъ двѣ уфимскія земельныя сдѣлки: по одной, продавцомъ выступалъ чиновникъ государственныхъ имуществъ К — ь, который получилъ продаваемую землю при расхватѣ казенныхъ имѣній, а по другой—купившій у башкиръ чиновный помѣщикъ К — скій, принадлежавшій къ порядочной фамиліи, чуть-ли даже не родственникъ Аксаковыхъ. Я, вмѣстѣ съ другимъ членомъ совѣта, Храповицкимъ, принялись разсматривать эти сдѣлки, и оба пришли къ мнѣнію, что цѣна слишкомъ высока. Чтобы не разстраивать и не затягивать покупку, мы рѣшили пригласить обоихъ продавцовъ для переговоровъ объ уменьшеніи цѣны, — благо оба они находились въ Петербургѣ. При этомъ мы гадали одинаково: ну, К — скій, вѣрно, согласится, а вотъ съ доискавшимся казенной земли чиновникомъ государственныхъ имуществъ, должно быть, придется изрядно поторго-

ваться! Вышло, однако, не то. Чиновникъ К—ъ явился первымъ и, какъ только мы предложили ему сбавку нѣсколькихъ рублей съ десятины, согласился сразу; а въ дальнѣйшемъ разговорѣ высказывался такъ: „По совѣсти сознаю, что землю я получилъ почти даромъ, оттого и уступаю охотно; скидка меня не огорчить, а больно то, что на насъ теперь пальцами указываютъ, какъ на хищниковъ, отчего иногда и въ глаза другимъ смотрѣть бываетъ конфузно. Можетъ быть, и вы на меня такъ смотрите, но я честью увѣряю, что самъ ничего не искалъ, не просилъ и даже не зналъ, что меня собираются наградить казенною землею... Вотъ я теперь и уступилъ сколько вы предложили, а все-таки останусь при значительной денежной выгодѣ, и чувствую, что на меня все-таки будутъ пальцами указывать, будутъ позорить, какъ корыстолюбца и пролаза“... Намъ пришлось уже его успокаивать. Чиновникъ выдалъ подписку о согласіи на сбавку цѣны и ушелъ. Вслѣдъ за нимъ показалась длинная фигура франтоватаго старика К—скаго, и тутъ пошелъ уже другой разговоръ. К—скій началъ выраженіемъ удивленія, почему ему предлагаютъ сбавку, когда онъ продаетъ не только дешево, но почти благотворительно? Дальше выступили разсказы, что и купилъ-то онъ землю не ради своей выгоды, а лишь изъ снисхожденія къ мольбамъ самихъ башкиръ; они-де въ ногахъ у него валялись, прося: „кунай“ да „кунай“ нашу землю! Ну, онъ сжался и согласился, да притомъ еще на покупку отъ него потребовалось немало невидныхъ расходовъ и т. под. Послѣ продолжительнаго разговора въ подобномъ родѣ явилось согласіе сбавить на десятину одинъ рубль, и мы ничѣмъ не кончили. Затѣмъ К—скій являлся еще нѣсколько разъ съ такими же томительными объясненіями, ужимками и увертками, сбавляя новые рубли и полтинники, пока не удалось наконецъ уладить и эту сдѣлку.

Въ томъ же 1883 году начались и потомъ довольно ровно и широко пошли земельныя покупки въ моголевской губерніи. Здѣсь покупали все мѣстные, не-пришлые крестьяне, бѣлоруссы, преимущественно отдѣльными деревнями и небольшими товариществами, по невысокимъ цѣнамъ, недалеко отъ 15-ти рублей за десятину. Большая часть этихъ покупокъ имѣла характеръ пополненія и округленія покупателей своихъ надѣловъ, то-есть представляла одинъ изъ самыхъ нормальныхъ и желательныхъ видовъ. По цѣнности, эти сдѣлки были некрупны, часто даже маленькія, но при своей численности онѣ представлялись поправляющими хозяйственное положеніе значительной массы мѣстнаго

сельскаго населенія. Одно только производило невеселое впечатлѣніе: плохое качество приобретаемой земли. Оставшіеся отъ вырубки лѣса площади, кусты, мелкія заросли, неважные лужки, скудныя отъ природы или истощенныя пашни, куски выгоновъ, а почва вездѣ—то песочекъ, то подзолъ, то болотистая или иная дрянь—вотъ что почти исключительно доставалось покупавшему бѣлоруссу. Но въ тощей Бѣлоруссіи лучшей земли и встрѣчалось очень мало, а кромѣ того въ высшей степени нетребовательный бѣлоруссъ, котораго „счастье“, по Некрасовскому выраженію, состоитъ въ черномъ „хлѣбушкѣ“, — если онъ не съ мякиною и кострикою, и когда имъ можно наѣсться до-сыта, — очень дорожилъ земельными клочками и такого свойства. Купивъ подобную прелесть, онъ, большею частью, долженъ бывалъ еще разработать ее каторжнымъ трудомъ, расчищая пни и заросли своеручно, при помощи первобытнаго орудія—„мотыги“, и потомъ уже засѣвать едва расчищенную поляну подъ другое подобное же орудіе — „смыкъ“, такъ что еще не скоро удавалось ему дожидаться пользованія плодами своего новаго владѣнія. Тѣмъ не менѣе, бѣлоруссъ послѣ покупки былъ доволенъ своимъ положеніемъ и держался за новую собственность крѣпче, чѣмъ другой мужикъ за площадь драгоцѣннаго чернозема. Дрянная земля измучить его, а онъ еще сильнѣе привязывается къ ней. Всего больше бѣлоруссъ опасался потерять добытую землю и, какъ ни трудно было платить, готовъ былъ во всемъ отказывать себѣ, лишь бы аккуратностью платежа гарантировать свое жалкое владѣніе отъ принудительной продажи за недоимки. Поэтому бѣлоруссъ постоянно тревожился вопросомъ, какъ бы не опоздать противъ платежнаго срока и безукоризненно отдать все, что отъ него слѣдуетъ. Едвали можно было указать другую мѣстность, гдѣ бы платежи крестьянскому банку поступали съ такою исправностью, какъ отъ бѣдныхъ, издавна замученныхъ нуждою крестьянъ могилевской губерніи. Какъ ни ограниченнымъ могло казаться достигаемое при подобныхъ условіяхъ улучшеніе крестьянскаго быта отъ земельныхъ покупокъ, но тутъ помощь крестьянскаго банка въ большой мѣрѣ выполняла свое назначеніе, давая землю тѣмъ, кому она нужнѣе.

Изъ прочихъ губерній по сравнительно большей численности сдѣлокъ выдавалась тверская, гдѣ покупки преобладали среднія или маленькія, а покупателями обыкновенно являлись отдѣльныя деревни или небольшія товарищества; приобретались же больше отрѣзсы отъ надѣловъ, участки зарослей, небольшія пустоши и т. под., словомъ—то, что годилось крестья-

намъ по сосѣдству. Но ходъ дѣла общалъ значительное развитіе покупокъ въ близкомъ будущемъ. Что же касается остальныхъ изъ одиннадцати губерній, въ которыхъ дѣйствія банка открыты были въ 1883 году (три юго-западныхъ, саратовская, херсонская и черниговская), то въ нихъ покупочная дѣятельность была или слабѣе, или не обнаруживала характерныхъ особенностей, или проявлялась какъ бы случайно. Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ получались по одной или по двѣ сдѣлки, зато въ цѣлыхъ группахъ уѣздовъ не замѣчалось никакого движенія. Крестьянское мало-земелье, острая нужда въ пополненіи его покупками, разумѣется, и тамъ существовали, какъ вездѣ, но—или между землевладѣльцами было меньше охотниковъ продавать, или эти охотники отличались большею медлительностью въ своихъ предложеніяхъ, или туго распространялись вѣсти о крестьянскомъ банкѣ въ самой крестьянской средѣ, или наконецъ меньше было живости въ банковыхъ отдѣленіяхъ (которые въ названныхъ губерніяхъ образованы были почти исключительно при учрежденіяхъ государственнаго банка, а не самостоятельно),—только оказывать тутъ свою помощь крестьянскому банку въ первое время приходилось сравнительно рѣже. Измѣнилось положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній уже впослѣдствіи.

Недостатокъ у крестьянъ свѣдѣній о существованіи крестьянскаго банка и объ условіяхъ его помощи, конечно, былъ одною изъ серьезныхъ помѣхъ развитію дѣла. Правда, среди народной массы ходили слухи объ открывшейся или только грядущей казенной помощи въ земельномъ дѣлѣ, но сбивчивые. Въ виду этого, мы заботились о распространеніи вѣрныхъ свѣдѣній о дѣлѣ, насколько это было возможно. Отпечатана была масса экземпляровъ правилъ о банкѣ, и мѣстнымъ отдѣленіямъ предоставлялось раздавать эти экземпляры при всякомъ подходящемъ случаѣ, внушая являющимся крестьянамъ, что никакія постороннія наставленія имъ не нужны, такъ какъ всѣ необходимыя указанія будутъ охотно имъ даваемы въ отдѣленіяхъ,—слѣдовательно, клиентамъ банка, въ ихъ собственныхъ интересахъ, надобно обращаться только въ отдѣленія, всемѣрно избѣгая совѣтовъ ненадежныхъ людей или услугъ низкопробныхъ адвокатовъ, которые будутъ только напрасно брать съ нихъ деньги. О распространеніи такихъ же предостереженій банкъ сносился и съ общео администраціею. Но все это дѣйствовало далеко не достаточно, особенно въ первое время, когда главной массѣ крестьянства еще трудно было освоиться съ представленіемъ, что для ея нуждъ есть специальное учрежденіе, сочувственное къ ея дѣй-

ствительнымъ пользамъ и всегда готовое помогать ей. Крестьяне не могли сразу отстать отъ давней привычки довѣрять разнымъ своекорыстнымъ проходивцамъ или случайнымъ совѣтчикамъ, также какъ и вдругъ увѣровать въ возможность живой участливости къ нимъ „казеннаго мѣста“. Да, притомъ, многіе изъ нихъ успѣвали заключать условія о покупкѣ земли на мѣстѣ своего жительства, вдали отъ банковыхъ отдѣленій, прежде всякой явки въ эти послѣднія, и даже плохо разбирая то, что предлагали имъ подписывать продавцы и ихъ агенты. Немало сдѣлокъ съ готовыми уже документами банковыя отдѣленія получали по почтѣ, не вида еще ихъ участниковъ и, слѣдовательно, не имѣя возможности въ чемъ нужно ихъ наставить или остеречь. Вотъ тутъ-то и возникали нехорошія осложненія, потому что въ область сдѣлокъ, съ самаго начала, стали вторгаться особаго рода дѣльцы, стремившіеся поживиться на созданіи новаго вида помощи крестьянству, пользуясь темнотою послѣдняго.

Спекуляція быстро отозвалась въ этомъ дѣлѣ, особенно на югѣ. Составлялись условія, устанавливавшія слишкомъ высокія цѣны за продаваемыя земли, обставлявшія сдѣлки чувствительными неустойками отъ крестьянъ, удерживавшія временное владѣніе частями этихъ земель за продавцами и, послѣ совершенія покупки, вводившія очень обременительные способы взноса доплатъ къ ссудамъ и т. п. И все это часто въ такихъ изворотливыхъ выраженіяхъ, которыя бывали даже непонятны крестьянамъ. Иные продавцы или ихъ агенты добивались прежде всего взятія у крестьянъ возможно большихъ задатковъ, чтобы покрѣпче забрать крестьянъ въ свои руки, хотя по „Положенію“ задатки, для большаго обезпеченія ихъ назначенія, могли быть, вмѣсто рукъ продавцовъ, вносимы въ „отдѣленія“. Потерю же задатковъ и взысканіе неустоекъ нерѣдко обуславливали даже такими обстоятельствами, которыя вовсе не зависѣли отъ крестьянъ-покупщиковъ: напримѣръ, если банкъ откажетъ въ ссудѣ, или разрѣшитъ ее въ меньшемъ размѣрѣ, или ссуда не будетъ выдана къ такому близкому сроку, къ какому нельзя ее выдать при наличномъ порядкѣ совершенія купчихъ крѣпостей и перевода ссудныхъ денегъ на мѣсто. Нѣкоторыя изъ подобныхъ условій представляли явные признаки того, что стѣснительныя требованія вводились не какъ средство побужденія крестьянъ къ исправному исполненію договора, но прямо въ томъ разчетѣ, что крестьяне не въ состояніи будутъ ихъ выполнить а тогда продавецъ и землю за собою сохранить, и задаткомъ и неустойкою воспользуется. Положимъ, возвращенія задатка можно требовать

судомъ, но пока судъ рѣшитъ — имъ будетъ пользоваться тотъ, у кого онъ въ рукахъ, а исходъ процесса — судебная лотерея, и покуда дѣло будетъ длиться — самый составъ крестьянъ-покупщиковъ можетъ распасться: собранные съ разныхъ деревень люди разойдутся, общность ихъ дѣйствій разстроится и взыскивать будетъ некому. Подобныя стѣснительныя условія являлись также попытками давленія на банкъ, въ смыслѣ вынужденія отъ него просимой ссуды, какъ бы она преувеличена ни была. Соображенія тутъ выступали такія: банкъ устроенъ для помощи крестьянамъ, а потому онъ пожалѣетъ ихъ и дастъ все, что у него попросятъ, ради избавленія ихъ отъ потери задатковъ и уплаты неустоекъ. Но, разумѣется, банку становится на такую почву было бы слишкомъ опасно, да и безцѣльно, такъ какъ покупка на слишкомъ обременительныхъ условіяхъ не устояла бы: непомѣрно задолженную землю пришлось бы продавать съ торговъ за недомки, и тогда банкъ бы понесъ убытокъ, а крестьяне, лишась земли, все равно потеряли бы и тотъ задатокъ, для спасенія котораго выдана была бы преувеличенная ссуда. Да и вообще банкъ терялъ бы самостоятельность дѣйствій, подчиняясь уловкамъ cadaго изворотливаго дѣльца.

Особенно слабы въ борьбѣ бывали крестьяне, покупавшіе землю не на родинѣ, а искавшіе ея въ просторныхъ мѣстностяхъ чужихъ губерній. На такихъ смѣлѣ направлялась тактика продавцовъ и специальныхъ посредниковъ. Землевладѣльцамъ, напримѣръ, степной екатеринославской губерніи хотѣлось сбывать малодоходныя или пустующія площади своихъ имѣній за возвышенную цѣну. Крестьяне, пользующіеся кредитомъ крестьянскаго банка, представлялись самыми тароватыми покупателями; но спросъ мѣстныхъ крестьянъ недостаточенъ для существующаго предложенія земель, — значитъ, надо возлагать надежды еще на крестьянъ другихъ, тѣсныхъ губерній, а какъ ихъ оттуда привлекать? Вотъ тутъ открывалось еще болѣе широкое поле дѣйствій для спекулянтовъ-посредниковъ, которые, впрочемъ, настойчиво виѣдрялись и въ мѣстныя покупки. И какъ разнообразенъ былъ составъ подобныхъ посредниковъ!

Одно время огромною клиентурою по куплѣ-продажѣ земель съ помощью банка овладѣлъ одинъ изъ нотаріусовъ полтавской губерніи, К. Ф.—ъ, районъ дѣятельности котораго охватилъ нѣсколько южныхъ губерній. Заручившись полномочіями разныхъ степныхъ землевладѣльцевъ-продавцовъ, онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ своего рода центръ, къ которому стремились обѣ стороны. Широко распространялись объявленія о продажныхъ

земляхъ, разсылаемыя по дальнимъ волостямъ и деревнямъ чужихъ губерній, дѣйствовали разные факторы, указывалось—къ кому обращаться для переговоровъ, полученія указаній и составленія документовъ. „Пришла къ намъ въ волость *администрация*, что продается въ екатеринославской губерніи такая-то земля и чтобы обращаться къ такому-то,—разсказывали мнѣ потомъ нѣкоторые крестьяне-покупщики;—ну, мы, потолковавши между собою, выбрали изъ себя повѣренныхъ, тѣ и пошли“. Посредникъ вступалъ въ переговоры, заявлялъ цѣны и другія условія, составлялъ документы и получалъ комиссіонныя деньги съ обѣихъ сторонъ сообразно величинѣ сдѣлокъ, слѣдовательно былъ заинтересованъ въ увеличеніи цѣнъ, въ уговариваніи крестьянъ платить дороже. Мужикъ тутъ часто терялся, попадая подъ вліяніе подговоровъ, настояній, соблазна и угрозъ: пользуйся-де счастливымъ случаемъ хорошей покупки, земля прекрасная, лучшей не найдешь, и уступается дешево, но если станешь медлить и слишкомъ торговаться, то пеняй уже самъ на себя, потому что у продавца отбою нѣтъ отъ покупателей; только заѣвайся—другіе сейчасъ дадутъ дороже и отобьютъ покупку, а ты останешься ни съ чѣмъ. Давай же скорѣе задатокъ! Мужичу, въ острый моментъ переговоровъ, и посовѣтоваться толкомъ не съ кѣмъ, и одуматься, и взвѣсить условія сдѣлки некогда, о цѣнахъ же трудно бывало и судить самостоятельно. Зналъ онъ, какъ дороги черноземныя десятины у него на родинѣ—въ Полтавщинѣ, Черниговщинѣ или Харьковщинѣ—и узнавъ, что екатеринославская земля тоже черноземъ, невольно распространялъ на нее представленіе о земельныхъ цѣнахъ своей родины—и сдавался. Позже уже приходилось мужикамъ дознать, что въ екатеринославской степи и климатическія, и хозяйственныя условія, и рискъ неурожаевъ отъ засухъ, а потому и цѣны—совсѣмъ не тѣ. Такъ устраивались сдѣлки, и посреднику, разумѣется, не было никакого дѣла до того, устоитъ ли новое крестьянское землевладѣніе при условіяхъ сдѣлки и что станется съ покупателями. Онъ взялъ свои комиссіонныя и за тѣмъ—прощайте! Весь интересъ его въ томъ, чтобы сдѣлокъ состряпывалось побольше, хотя бы самыхъ ненадежныхъ и невыгодныхъ кому бы то ни было, и чтобы круглѣе выходили комиссіонныя итоги.

Много настраивалъ сдѣлокъ упомянутый нотаріусъ К. Ф., в недаромъ тогда прославилось его имя въ широкой округѣ юга. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, былъ человекъ съ образованіемъ, свѣдущій въ дѣлахъ, умѣлый по документальной части. Другіе же бывали гораздо низкопробнѣе и грубѣе въ приемахъ. Напри-

хѣрь, въ одномъ углу кievской губерніи земельнымъ посредничествомъ промышлялъ завѣзшій мѣщанинъ Телисовъ, который сначала былъ мелкимъ разносчикомъ товара, потомъ перешелъ къ мелкотравчатому адвокатству, а когда открылся крестьянскій банкъ—призналъ за благо обратиться къ земельному посредничеству—и не ошибся въ расчетѣ. Этотъ бралъ съ крестьянъ до 9 рублей гонорара съ покупаемой десятины, забиралъ въ свои руки и подолгу держалъ десятки тысячъ крестьянскихъ денегъ, собранныхъ на доплаты къ ссудамъ, и все-таки не сдалъ своимъ довѣрителямъ полного отчета въ употребленіи этихъ денегъ, такъ что подъ конецъ мужики на недоразъясненные суммы махнули рукой. Жирно поживившись, Телисовъ превратился уже въ значительнаго купца, открылъ свой магазинъ въ бойкомъ мѣстечкѣ Сибѣлой, и крестьяне показывали мнѣ этотъ магазинъ, говоря:—„Вотъ куда посадилъ онъ наши денежки!“—Я спрашивалъ ихъ, зачѣмъ же они обращались къ ненадежному человѣку и рисковали довѣрять ему большія деньги, когда стдило только обратиться въ отдѣленіе банка и тамъ всему бы научили? А мужики отвѣтили:—„Не понимали мы, не знали, куда кинуться, дурной былъ“.—Разъ въ полтавской губерніи совершалась большая земельная покупка, и крестьяне сочли нужнымъ снарядить отъ себя нѣсколькихъ повѣренныхъ даже въ Петербургъ, для объясненій съ совѣтомъ банка. Казалось бы, въ этомъ былъ признакъ самостоятельности и осторожности, желанія внимательнѣе повести свое дѣло. Однако вмѣстѣ съ крестьянскими повѣренными прѣхалъ и инструкторъ-еврей, который постоянно пытался отодвигать крестьянскія рѣчи на задній планъ, перебивая ихъ изложеніемъ своихъ собственныхъ комбинацій и мнѣній, словно онъ-то настоящій хозяинъ дѣла, а крестьяне—не понимающая масса; приходилось уже унимать его прыть, приглашая самихъ крестьянъ высказываться объ ихъ дѣлѣ, безъ его руководства. А въ одной изъ среднихъ губерній навязался разъ крестьянской деревнѣ въ руководители мелкій чиновникъ, бравшій деньги за свои ненужныя услуги и „на расходы“ по дѣлу; и онъ, какъ послѣ обнаружилось, ставилъ, между прочимъ, въ счетъ своимъ довѣрителямъ такую статью: „на угощеніе совѣта крестьянскаго банка въ Петербургъ—столько-то“. Это онъ насъ-то угощалъ!

Впрочемъ, трудно перечислить даже одни типы большихъ и мелкихъ дѣльцовъ, старавшихся примазаться къ дѣлу банка, гдѣ излишнимъ было всякое постороннее вмѣшательство. Приходилось и съ этимъ вести борьбу, хотя очень трудную, потому что изъ Петербурга развѣ случайно можно было воздѣйствовать на

то, что дѣлалось въ деревняхъ, а фактическія силы мѣстныхъ отдѣленій состояли, много-много, изъ двухъ-трехъ человекъ на губернію, при большой массѣ бумажнаго и счетнаго дѣла. Напротивъ, землевладѣльцы-продавцы, когда имъ было нужно, являлись въ банкъ сами или присылали толковыхъ довѣренныхъ, хотя съ тѣми и другими, при излишествахъ ихъ требованій, тоже надо было бороться. Типовъ тутъ, въ свою очередь, было немало, и не безинтересныхъ, только распространяться о нихъ—потребовало бы много мѣста.

Впечатлѣнія первыхъ лѣтъ банковской дѣятельности вообще наводили на мысль, что развитіе земельныхъ покупокъ больше зависѣло отъ инициативы продавцовъ, чѣмъ отъ крестьянскаго почина. Гдѣ землевладѣлецъ хотѣлъ продать свою землю, тамъ онъ, такъ или иначе, подвигалъ свое дѣло. И съ банковыми правилами онъ больше знакомъ, и агентовъ, когда нужно, найдетъ удачнѣе, и морочить его они такъ не будутъ, и крестьянъ-покупщиковъ подыщеть. А у крестьянъ хоть и много было желаній покупать, но для главной массы ихъ ознакомленіе съ этимъ дѣломъ давалось ту же, больше ошущью, и успѣхъ исканій достигался труднѣе. Описанныя выше атаки на крестьянскій интересъ, попытки обращенія помощи крестьянству въ орудіе постороннихъ выгодъ, разумѣется, далеко не исчерпываютъ того, что происходило въ дѣйствительности. Большія и долгія усилія нужны были, чтобы пробираться черезъ эту густую чащу и выводить дѣло на болѣе чистый путь.

Къ концу 1883 года работа наша разрослась уже настолько, что засѣданія совѣта спеціально по разсмотрѣнію сдѣлокъ не только стали ежедневными, но съ каждымъ днемъ затягивались дольше и дольше, такъ какъ въ каждомъ надо было рѣшать больше и больше дѣлъ. Препонъ со стороны въ это время не чувствовалось. Напротивъ, въ представителяхъ другихъ учреждений, съ которыми приходилось сталкиваться, замѣчался особый интересъ къ такой новинкѣ, какъ крестьянскій банкъ. Общая администрація выражала готовность къ содѣйствію, хотя послѣднее большею частью сводилось къ отпискѣ. Отзычивость же провинціальныхъ властей мнѣ пришлось отчасти испытать въ концѣ того же года, когда, по поводу затормазившагося-было движенія дѣлъ въ екатеринославской губерніи и для подготовки нормальныхъ оцѣнокъ таврической, я былъ командированъ въ обѣ эти губерніи. Въ екатеринославскомъ отдѣленіи устроилось засѣданіе съ участіемъ земской управы и губернской администраціи, причемъ тормазившія недоразумѣнія, были улажены и

всѣ участники выразили готовность помогать дѣлу банка. А въ Симферополѣ губернаторъ Всеволожскій собралъ у себя губернскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ и земства, которые предъявили столько нужныхъ свѣдѣній, что я могъ повончить съ оцѣнкою въ одно это засѣданіе.

II.

Банковая система.

Сдѣлки шли и умножались. Расширялась территория ихъ совершенія. Число разсматривавшихся въ совѣтѣ сильно возросло съ каждымъ мѣсяцемъ. Къ концу 1883 года ссудъ разрѣшено было уже почти на три милліона рублей, несмотря на то, что въ этомъ году ссудная дѣятельность банка продолжалась лишь около полугода и касалась только одиннадцати губерній. Гораздо больше сдѣлокъ за то же время составлено было на мѣстахъ, хотя частью неудачно. Итогъ просимыхъ ссудъ, заявленныхъ въ мѣстныя банковыя отдѣленія, доходилъ безъ малаго до девяти милліоновъ рублей, только часть этихъ сдѣлокъ разстроилась, не дойдя до разсмотрѣнія въ совѣтѣ; по другой части въ ссудахъ, по разнымъ причинамъ, было отказано, и много сдѣлокъ, не успѣвъ разрѣшиться окончательно, перешло уже въ слѣдующій годъ. Развитіе дѣла давало себя чувствовать до того осязательно, что на слѣдующій годъ ясно предвидѣлось огромное превышеніе ссудами узаконенной пяти-милліонной годовой порціи, особенно въ виду предполагавшагося распространенія дѣйствій банка еще на новую группу губерній. Среди текущихъ дѣлъ, въ совѣтѣ выработаны были оцѣнки и рѣшено открыть банковыя отдѣленія для губерній: курской, тамбовской, пензенской, рязанской, смоленской, ковенской и таврической.

Подошелъ и первый платежный срокъ по выданнымъ ссудамъ, и тутъ враждебныя пророчества, что крестьяне не захотятъ платить, стремясь къ даровому захвату земель, рушились довольно внушительно. По всѣмъ губерніямъ платежи поступали вообще исправно, и если случались запаздыванія въ ихъ вносѣ, то сравнительно небольшія, объясняемая какими-либо особыми причинами и, во всякомъ случаѣ, непохожія на недоимки по тѣмъ земельно-кредитнымъ учрежденіямъ, которыя выдали ссуды болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ. Такъ однимъ пугаломъ, изъ числа выдвигавшихся противниками кре-

стьянскаго кредита, становилось меньше и политическимъ опасеніямъ относительно вліянія этого кредита убавилось простора. Если вездѣ платятъ — значитъ, въ помощи крестьянскаго банка вовсе не видятъ источника дарового полученія земли.

Когда почувствовалось, что дѣятельность банка дала уже ощутительный итогъ въ приростѣ крестьянскаго землевладѣнія, возникла въ совѣтѣ мысль, что надобно бы еще взглянуть на результаты нашей работы на мѣстѣ, въ деревняхъ. Въ совѣтѣ, въ Петербургѣ, намъ видны были, главнымъ образомъ, бумажные, цифровые итоги, но чѣмъ это отражается въ самой крестьянской жизни, въ сельскомъ мірѣ? Насколько достигаются цѣли банковской помощи и не обнаруживается ли на практикѣ такихъ вопросовъ, которые требуютъ своевременнаго принятія къ свѣдѣнію и необходимыхъ мѣръ? Земель куплено уже немало, но какъ ими пользуются, поступаютъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ въ распоряженіе всей купившей крестьянской массы? Можно было опасаться, чтобы сдѣланныя земельныя приобрѣтенія не попадали въ руки ограниченныхъ крестьянскихъ кружковъ, только прикрывающихся именемъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ или большихъ товариществъ. Конечно, полнаго выясненія практическихъ результатовъ ожидать было еще нельзя, такъ какъ въ теченіе менѣе чѣмъ годового періода порядокъ пользованія новыми землями у крестьянъ не могъ еще прочно установиться и вѣроятны были въ близкомъ будущемъ нѣкоторыя перемѣны въ немъ, но важно было узнать изъ ряда типичныхъ примѣровъ то направленіе, какое получается этимъ дѣломъ. И узнать это представлялось нужнымъ въ самое первое время, когда легче воздѣйствовать на всякія попытки извращенія пользованія государственною кредитною помощью.

Съ этою цѣлью въ началѣ 1884 года отправился на югъ Россіи управляющій банкомъ Картавецъ. Онъ объѣхалъ значительныя части губерній полтавской, екатеринославской и херсонской, посѣщая деревни, въ которыхъ состоялись земельныя покупки. При этомъ онъ толковалъ съ крестьянами-покупщиками, знакомился съ ихъ земельными порядками, осматривалъ самыя земли, собиралъ свѣдѣнія о мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ, общался съ мѣстными представителями земства и администраціи и т. п. Въ результатъ произведенныхъ наблюдений получились значительный и цѣнный, особенно для того времени, матеріалъ, съ которымъ Картавецъ вернулся въ Петербургъ, послѣ чего этотъ матеріалъ въ обработанномъ видѣ отпечатанъ былъ отдѣльною брошюрою. Оказалось, что опасенія относительно воз-

возможности скопленія приобрѣтенныхъ земель въ немногихъ рукахъ не встрѣтили подтвержденія на практикѣ, и если земля не дѣлилась между крестьянами съ полнымъ ариѳметическимъ равенствомъ, то во всякомъ случаѣ ее получало рѣшительное большинство членовъ сельскихъ обществъ, а не доставалась она сравнительно очень немногимъ, по тѣмъ или другимъ практическимъ хозяйственнымъ соображеніямъ обществъ, какъ это иногда случалось и въ отношеніи къ надѣльнымъ землямъ. Такое распределеніе производило успокаивающее впечатлѣніе, показавъ, что у крестьянъ-покупщиковъ все таки искомымъ былъ *общій* интересъ населенія покупавшихъ деревень, а при такомъ условіи помощь крестьянскаго банка не отклонялась отъ своей основной цѣли.

Съ другой стороны, интересъ добытыхъ Картавцевымъ свѣдѣній убѣждалъ въ необходимости обратить посѣщенія селеній покупщиковъ въ постоянный способъ дѣйствія. То, что замѣтилъ Картавцевъ, въ сущности едва только намѣчалось въ крестьянской средѣ, тогда какъ впереди слѣдовало ожидать дальнѣйшаго развитія и, можетъ быть, измѣненій намѣчавшагося. Послѣдующій ходъ жизни тѣмъ болѣе общалъ новыя явленія, что предстоявшее расширеніе территоріи дѣйствій крестьянскаго банка охватывало новыя крестьянскія массы, съ другими привычками, взглядами и этнографическими особенностями. Черты, замѣченныя въ екатеринославской или полтавской губерніяхъ, могли значительно отличаться отъ тѣхъ, какія обнаружатся, напримѣръ, въ смоленской, саратовской или у крымскихъ татаръ.—Поэтому возникъ у насъ проектъ: представителямъ совѣта ежегодно навѣщать, каждому, по двѣ или по три губерніи для разслѣдованій по болѣе или менѣе опредѣленной программѣ, выясняя, главнымъ образомъ, способы распределенія земли между покупщиками, веденіе хозяйства, основанія платежныхъ раскладокъ, приемы сбора платежей, порядокъ разрѣшенія общихъ для покупщиковъ вопросовъ, выборъ людей для общественныхъ порученій и вообще—внутреннюю организацію. Безъ этого пришлось бы въ Петербургѣ не имѣть ясныхъ представленій о такихъ условіяхъ жизни покупщиковъ, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ всего дѣла, тогда какъ, приглядываясь къ нимъ ближе и въ-время, гораздо легче держаться въ курсѣ возникавшихъ жизненныхъ потребностей и отвѣчать на нихъ. Какъ только проектъ этотъ выраженъ былъ Н. Хр—чу Бунге, онъ отнесся къ нему очень сочувственно и благословилъ насъ на предположенный экспедиціи. Онѣ стали производиться ежегодно, въ лѣтнюю пору, когда наплывъ свѣлокъ въ совѣтъ временно затихалъ, причѣмъ

большою частью ѣздили я и Храповицкій. Послѣдній побывалъ на югѣ въ томъ же 1884 году, а съ слѣдующаго года стали ѣздить мы оба, избирая мѣстности по соглашенію между собою, разумѣется, изъ тѣхъ, которыя почему-либо представляли болѣшій интересъ. Мнѣ лично, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пришлось такимъ образомъ поѣздить въ губерніяхъ: саратовской, пензенской, смоленской, курской, кievской, черниговской, полтавской, екатеринославской, херсонской, въ Бессарабіи и въ Крыму. На каждую экспедицію затрачивалось около мѣсяца.

Распространеніе дѣйствій крестьянскаго банка на новыя группы губерній шло съ каждымъ годомъ впередъ, хотя при этомъ труднѣе становилось подыскивать удачныхъ предсѣдателей для новыхъ банковыхъ отдѣленій. Чиновниковъ было можно набирать сколько угодно, но далеко не такъ легко было находить людей живыхъ и участливыхъ именно къ крестьянскому дѣлу при достаточномъ знакомствѣ съ нимъ. Выборъ же губерній для постепеннаго открытія отдѣленій производился главнымъ образомъ по соображенію сравнительной крестьянской нужды въ землѣ.

Быстрое усиленіе спроса на ссуды привело къ тому, что установленнаго годового размѣра ихъ стало хватать едва на полгода или даже меньше. Понадобились дополнительныя выдачи, на которыя нужно было испрашивать разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ. И въ 1884 году ссудъ выдано было уже на 9^{1/2} милліоновъ, въ 1885 — почти на 14 милліоновъ, а въ 1886 — слишкомъ на 11 милліоновъ рублей.

Такъ какъ дѣятельность банка выражалась въ громадной совокупности разнообразныхъ отдѣльныхъ фактовъ, распространяться о которыхъ было бы неудобно по ихъ объему, то я, вмѣсто того, коснусь здѣсь общихъ, болѣе характерныхъ чертъ его образа дѣйствій.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ явилась необходимость выводить кредитъ банка изъ узко-сословной рамки. Дѣйствіе этого кредита расширялось географически и не успѣло еще охватить многихъ губерній, а между тѣмъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ банкъ уже дѣйствовалъ, оставалось много людей, заслуживавшихъ его помощи, но не имѣвшихъ возможности ее получить. Дѣло въ томъ, что первоначальное „положеніе“ о банкѣ ограничивалось — какъ уже объяснялось выше — самымъ поверхностнымъ, узко-формальнымъ опредѣленіемъ состава его клиентовъ, оставляя при томъ немало недоразумѣній, допускавшихъ различныя толкованія. Ссуды разрѣшалось выдавать „крестьянамъ всѣхъ наименованій“, т.-е. не по бытовому, жизненному признаку,

а по признаку формальной сословной приписки. На этомъ основаніи, ссудою могъ пользоваться человекъ, фактически вышедшій уже изъ крестьянской среды и только еще не разставшійся съ крестьянскимъ названіемъ,—напр., торговецъ, промышленникъ или даже значительный землевладѣлецъ и т. п.; а съ другой стороны, чистѣйшіе земледѣльцы, живущіе личнымъ хлѣбопашественнымъ трудомъ, подлежали устраненію отъ пользованія банковою помощью только потому, что формально не назывались „крестьянами“. Между тѣмъ, въ экономическомъ отношеніи смыслъ имѣла помощь просто „земледѣльцу“, куда бы онъ ни былъ приписанъ. На коренное измѣненіе постановки дѣла надежды тогда не было и къ ослабленію объясненной ненормальности приходилось идти путемъ частныхъ актовъ, гдѣ можно—достигая административныхъ разъясненій по соглашенію съ другими вѣдомствами, а гдѣ необходимо—ходатайствуя о новыхъ законахъ. Такими способами помощь крестьянскаго банка распространена была на малороссійскихъ казаковъ, башкирскихъ припущенниковъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ-земледѣльцевъ, въ томъ числѣ старообрядцевъ и херсонскихъ „десятинниковъ“ (бывшіе крестьяне, перечисленные въ мѣщане, но оставшіеся земледѣльцами и, вслѣдствіе неполученія надѣла, ведущіе хозяйство на арендованныхъ участкахъ). Не встрѣтили отказовъ и крымскіе татары-земледѣльцы, хотя относительно ихъ и возбуждались сомнѣнія.

Но иначе отнесся банкъ къ притязаніямъ нѣмцевъ-колонистовъ. Эти послѣдніе, будучи очень широко надѣлены землею, постоянно вели свое хозяйство съ помощью массы наемныхъ рабочихъ изъ русскихъ крестьянъ и, владѣя значительными общественными капиталами, скупали еще новыя имѣнія для выселенія туда членовъ своихъ семействъ, чтобы продолжать веденіе хозяйства въ широкихъ размѣрахъ. Формальное препятствіе къ выдачѣ имъ ссуды было на лицо—они назывались не „крестьянами“, а „поселянами“,—но гораздо важнѣе была существенная сторона дѣла: помогать еще большому расширенію ихъ земельныхъ скупокъ значило—завармливать сытыхъ. Колонисты являлись сильными конкурентами дѣйствительно нуждавшимся въ землѣ покупателямъ, ищущимъ ея ради насущнаго хлѣба, и добавочное увеличеніе колонистскаго землевладѣнія шло бы въ ущербъ этимъ послѣднимъ, расширяя площадь обработки наемнымъ трудомъ, гдѣ дѣйствуютъ господа и слуги. Конечно, это расходилось съ настоящею задачею крестьянскаго кредита, и потому заботиться объ устраненіи для колонистовъ объясненной выше формальной препоны не было никакой надобности. Коло-

нисты, дѣйствительно, не замедлили протянуть руку къ помощи крестьянскаго банка и получили отказы. Тогда они стали добиваться своей цѣли путемъ жалобъ, доходили даже до сената, но тутъ ихъ притязанія потерпѣли неудачу.

При разсмотрѣннн просьбъ о ссудахъ, банкъ вообще больше благопріятствовалъ покупкамъ малоземельныхъ крестьянъ, чѣмъ имѣющихъ болѣе значительное количество земли, почему и требовалъ отъ отдѣленій, чтобы они, вмѣстѣ со сдѣлками, доставляли возможно точныя свѣдѣнія о размѣрѣ существовавшаго землевладѣнія покупателейъ. Всякая покупка малоземельныхъ, ставшая ихъ въ положеніе приобретающихъ „необходимое“, представлялась наиболѣе достигающею искомой цѣли. Основная выгода покупокъ состояла въ томъ, что покупательъ, приобретаая землю по современной цѣнѣ, избавлялся отъ будущихъ надбавокъ къ цѣнамъ, какія пришлось бы ему оплачивать впослѣдствіи, при покупкѣ или арендованіи той же земли, вслѣдствіе неизбежности дальнѣйшаго роста цѣнъ. Иначе сказать, тутъ для покупателя фиксировался платежъ за дорожающую землю, тутъ будущія нарощенія цѣнъ обращались въ его пользу и возвышающаяся арендная плата замѣнялась для него неизмѣннымъ выкупнымъ платежомъ. Кромѣ того, покупка обезпечивала за покупщикомъ то непрерывное пользованіе землею, котораго онъ не имѣлъ бы при арендованіи, такъ какъ при послѣднемъ люди нерѣдко перебываютъ землю одинъ у другого, и эта земля легко можетъ переходить отъ нуждающагося къ сытому или къ какому-нибудь промышленнику, или даже вовсе не сдаваться въ аренду, а поступать въ составъ крупнаго хозяйства, орудующаго наемнымъ трудомъ. Купленною землею крестьянинъ можетъ распоряжаться совершенно свободно, застраивая ее когда нужно, обращая одни угодыя въ другія и т. п., безъ всякой зависимости отъ воли постороннихъ людей, чего нѣтъ при арендѣ. Для него тутъ обезпечено приложеніе своего труда къ землѣ, тогда какъ, оставаясь при прежнемъ малоземельи, онъ вынуждается чуть не каждый годъ искать съемныхъ участковъ, иногда безуспѣшно, и подвергаться тягостнымъ требованіямъ за каждое даже мелкое пользованіе чужою землею—проѣздъ, выгонъ на убранныхъ поляхъ и т. д., — разстраивая тѣмъ свое хозяйство. Вообще, покупка земли представлялась дающею мужику то самостоятельное хозяйственное положеніе, которое также поддерживаетъ и цѣну его труда, словомъ—въ значительной степени обуславливаетъ его благосостояніе. Однако, есть существенная разница въ достоинствѣ экономическаго порядка между тѣмъ явленіемъ, когда му-

жикъ владѣеть землею въ „необходимомъ“ для удовлетворительности его хозяйства размѣрѣ, и тѣмъ—когда онъ владѣеть ею въ избыточномъ, превышающемъ его рабочую силу.

При владѣніи необходимымъ размѣромъ всѣ главные элементы доходности—рента, оплата капитала и рабочая плата—складятся у мужика въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и какъ бы ни увеличивалась въ окрестности рента за счетъ рабочей платы—эта переиѣна не отразится на мужикѣ такъ чувствительно, какъ при арендѣ или личномъ наймѣ, при которыхъ съ каждымъ годомъ доля владѣльца земли растетъ, а доля работника становится скуднѣе. Какъ только мужикъ самъ—и владѣлецъ, и рабочій, то ему даже не замѣтно, какая доля его дохода растетъ на счетъ другой, потому что обѣ онѣ—у него. — Напротивъ, если крестьянинъ, имѣя уже довольно значительное количество земли, купить еще столько или больше, то помимо того, что его покупка не вызвана несомнѣнною нуждою—онъ можетъ оказаться не въ состояніи обрабатывать свое владѣніе собственными силами своей семьи. Тогда онъ самъ ставеть обращаться къ наемному труду или сдавать десятины другимъ крестьянамъ по возвышающейся цѣнѣ, а при этомъ уже существенно измѣнится экономическій смыслъ положенія. На излишкѣ земли этого крестьянина рента и рабочая плата опять разъединятся, и возрастающую ренту станеть получать онъ самъ, а рабочую плату—его наемный работникъ или сѣмщикъ, т.-е. мужикъ-владѣлецъ будеть уже получать выгоду не только отъ собственнаго труда, но и отъ сокращенія вознагражденія работника, которому достанется то же, что получаютъ вообще наемные рабочіе данной мѣстности. Такое явленіе, какъ прибыль на чужомъ трудѣ, конечно, особыхъ симпатій вызывать не могло, хотя и тогда были, и теперь есть сторонники мнѣнія, будто прогрессъ крестьянскаго хозяйства долженъ состоять въ богатствѣ ограниченного меньшинства при отсутствіи заботъ объ участіи остальной, преобладающей массы. Стало бытъ лучше, если состоящій въ наемныхъ работникахъ самъ купить себѣ землю, чѣмъ останется въ зависимости отъ своего собрата-нанимателя. Сверхъ того, и ресурсъ, представляемый наличною массою продажныхъ земель, вовсе не такъ былъ великъ, чтобы излишній просторъ покупкамъ сытыхъ не затруднялъ удовлетворенія земельной нужды менѣе состоятельныхъ.

Вотъ почему нельзя было относиться безразлично къ тѣмъ и другимъ. Банкъ не имѣлъ права отказывать въ ссудахъ на одномъ томъ основанія, что просящіе имѣють большее противъ другихъ крестьянъ количество земли, но для малоземельныхъ, въ

предѣлахъ возможнаго, онъ охотно расширялъ эту помощь повышеніемъ размѣра ссудъ противъ нормальныхъ оцѣнокъ и т. п.

Очень серьезною задачею была критика продажныхъ земельных цѣнъ. Практика въ первые же годы дала почувствовать, что безъ нея обойтись невозможно, такъ какъ регулированіе размѣра однихъ ссудъ было явно недостаточно. Величину ссудъ банкъ, конечно, могъ опредѣлять довольно свободно, допуская просимыя или уменьшая ихъ по соображеніямъ о стоимости земли, однако этимъ далеко не разрѣшался вопросъ ни о выгодности, ни о прочности, ни вообще о существенныхъ послѣдствіяхъ покупокъ, такъ какъ и объ охранѣ интересовъ самаго банка, потому что ссуда и продажная цѣна—предметы очень различны. У продавцовъ, какъ уже объяснялось выше, сразу проявилась настойчивая тенденція возвышать цѣны вслѣдствіи, чтобы обратить банковую дѣятельность въ источникъ своихъ новыхъ одностороннихъ выгодъ, а крестьяне, большею частью, не умѣли твердо устоять противъ этой тенденціи. Слишкомъ соблазняясь перспективою скораго полученія желанной земли и надѣясь на уплату банковыми суммами, они нерѣдко плохо соображали, сколько имъ придется потомъ платить и въ состояніи ли они будутъ вынести эти платежи изъ земельной доходности. Бывали и другія причины крестьянской податливости требованіямъ высокихъ цѣнъ, только распространяться о нихъ здѣсь не буду. Какъ бы то ни было, въ результатѣ, совѣтъ банка часто получалъ сдѣлки съ такими преувеличенными цѣнами, которыя совсѣмъ не согласовались ни со свѣдѣніями о качествахъ и доходности продаваемой земли, ни съ цѣнами по предыдущимъ сдѣлкамъ о такихъ же или даже лучшихъ земляхъ. Параллельно цѣнамъ шло и возвышеніе просимыхъ ссудъ. Тутъ бывало ясно, что покупка на предложенныхъ условіяхъ не устоитъ: крестьяне не выдержатъ платежей и за недоимки лишатся какъ земли, такъ и всего того, что отдадутъ продавцу изъ своихъ собственныхъ средствъ. Что же тутъ оставалось дѣлать? Дать просимую ссуду—значило отказаться отъ ея обезпеченія, втянуть крестьянъ въ невыгодное дѣло; а уменьшить только одну ссуду—значитъ увеличить разницу между нею и продажною цѣною, т.-е. увеличить доплату изъ собственныхъ средствъ крестьянъ, что поставитъ послѣднихъ въ еще худшее положеніе или прямо введетъ ихъ въ разореніе. Да и интересы самаго банка тутъ неизбежно бы страдали, потому что крестьянскія неустойки, ведя къ умноженію принудительныхъ земельныхъ продажъ, увеличиваютъ рискъ банковыхъ потерь на торгахъ. Совсѣмъ же отказываться въ ссуд-

даже значило бы разстраивать и такія сделки, которыя могли бы состояться съ пользою при согласіи продавцовъ уменьшить свой запросъ, тогда какъ это согласіе было вѣроятно во многихъ случаяхъ. Игнорировать подобныя перспективы было нельзя, если только не относиться къ дѣлу съ казенною безучастностью. Лучшимъ выходомъ представлялось — коснуться самой продажной цѣны, согласивъ продавца понизить ее на столько, чтобы и уменьшенная ссуда являлась не рискованною, и крестьянская доплата не увеличивалась или даже вовсе не была нужною. Для подобныхъ предложеній продавцамъ имѣлся и формальный поводъ — охрана отъ убытковъ самаго банка. Такъ возникъ обычай, при обременительности цѣнъ, рѣшать условно: если продавецъ понизитъ цѣну — разрѣшить ссуду, а въ противномъ случаѣ — отказать въ ней. Правда, примѣненіе этого приема не всегда приводило къ успѣху, однако и при неудачѣ дѣло выходило не хуже, чѣмъ еслибы банкъ совсѣмъ не затрогивалъ продажныхъ цѣнъ, ограничиваясь обсужденіемъ только размѣра ссуды.

Соглашенія съ продавцами болѣе успѣшны бывали, когда продавецъ лично являлся въ совѣтъ банка. Когда, бывало, объяснишь ему, почему пониженіе цѣны необходимо и какія у насъ имѣются свѣдѣнія о мѣстной земельной доходности и цѣнахъ, а также, что въ случаѣ его несогласія встрѣтятся затрудненія къ выдачѣ просимой ссуды, то въ результатѣ переговоровъ часто оказывалось, что назначенная имъ цѣна выражала только запросъ — авось-де банкъ и такъ разрѣшитъ. Иногда оказывалось, что высокая цѣна поставлена управляющимъ или повѣреннымъ продавца, а самъ продавецъ вовсе не такъ прижимистъ. Нерѣдко послѣ получасового разговора продавецъ вполне соглашался на предложенныя условія и тутъ же писалъ формальное заявленіе о согласіи на пониженіе цѣны. Съ другими переговоры то прерывались, то возобновлялись по два и по три раза, но послѣ нѣсколькихъ частичныхъ уступокъ приводили къ такому же исходу. Труднѣе шло дѣло, когда, за отсутствіемъ продавца въ Петербургѣ, заключенія о необходимости уменьшенія цѣнъ сообщались мѣстнымъ отдѣленіямъ банка, съ порученіемъ имъ самимъ вести переговоры съ продавцами. — Но иныя изъ продавцовъ и тутъ вели себя лукаво. Давъ формальное согласіе на сбавку въ цѣнѣ, такіе норовили, прежде совершенія купчей крѣпости, тайно отъ банка, сорвать съ крестьянъ, деньгами или обязательствами, излишекъ противъ той уменьшенной цѣны, на которую они официально согласились. То-есть, на бумагѣ значилось, что земля продана за такую-то цѣну, а въ дѣйствительности продавецъ

взялъ больше, хотя по „Положенію“ требовалось, чтобы банку въ точности были открыты какъ цѣна, такъ и ссуда и порядокъ уплаты разницы между тою и другою; иныхъ же способовъ приплаты, неизвѣстныхъ банку, „Положеніе“ и не предусматривало. Такого рода обходы тоже удавались нерѣдко. Приведу здѣсь для образца одинъ характерный случай грубой продѣлки со стороны продавца.

Смоленскій помѣщикъ С—ій по нѣсколькимъ сдѣлкамъ продавалъ землю разнымъ деревнямъ, за высокія цѣны, и самъ явился въ совѣтъ банка съ усиленными просьбами о скорѣйшемъ разрѣшеніи ссуды. Помѣщикъ этотъ пользовался очень незавидною репутаціею, въ смыслѣ недобросовѣстнаго дѣльца; съ нимъ нужна была особенная осторожность въ дѣлахъ, и такое же впечатлѣніе производили какъ условія его сдѣлокъ, такъ и личныя съ нимъ объясненія. Онъ упорно торговался за каждый рубль на десятину, но наконецъ согласился на предложенную сбавку. А такъ какъ въ происходившемъ съ нимъ разговорѣ пришлось, между прочимъ, коснуться того, что нѣкоторые продавцы пытаются, секретно отъ банка, брать съ крестьянъ, кромѣ показанныхъ суммъ, еще денежныя обязательства, фактически увеличивающія цѣны, то С—ій, давая честное слово, что онъ ни къ чему подобному не способенъ, для устраненія всякихъ сомнѣній согласился и на формальную въ томъ гарантію. Онъ выдалъ подписку, что, соглашаясь на пониженіе цѣвъ, не станетъ брать отъ крестьянъ ни добавочныхъ денегъ, ни обязательствъ, и еслибы впослѣдствіи оказались какія бы то ни было крестьянскія денежныя обязательства въ его пользу, выданныя до совершенія купчей крѣпости, то онъ, С—ій, объявляетъ ихъ недействительными, отказываясь отъ всякаго по нимъ полученія. Казалось бы—полная гарантія на лицо. Ссуды были разрѣшены, земли куплены, но С—ій ничуть не затруднился ни своимъ честнымъ словомъ, ни подпискою. Года два или три послѣ того, объѣзжая нѣкоторыя мѣстности смоленской губерніи, попалъ я въ окрестность земельныхъ покупокъ у С—го. За одну изъ купившихъ у него деревень образовалась довольно значительная недоимка, рѣзко отличавшая эту деревню, такъ какъ платежи банку въ широкой округѣ поступали вообще исправно. Разспрашивая крестьянъ о причинахъ недоимки, я отъ нихъ услышалъ:— „Трудно было выплатиться, потому что у насъ подошелъ платежъ Николаю Михайловичу“.—Какой такой платежъ? Вѣдь Николаю Михайловичу С—му ничего отъ васъ не слѣдовало.— „Какъ не слѣдовало? А по вексялямъ!“— По какимъ вексялямъ?— Крестьяне по-

даютъ мнѣ нѣсколько оплаченныхъ и надорванныхъ обязательствъ— и что же оказывается? С—ій, послѣ своей подписки и честнаго слова, успѣлъ опутать крестьянъ, скрылъ отъ нихъ сдѣланную уступку въ цѣнѣ и взялъ нѣсколько платежныхъ обязательствъ на разные сроки, послѣ чего по нѣкоторымъ и деньги успѣлъ получить. Что тутъ можно было сдѣлать? Только выдать крестьянамъ копію его подписки, чтобы они могли ею защищаться, когда онъ вздумаетъ требовать по еще невыплаченнымъ обязательствамъ. Проѣхалъ я изъ этой деревни въ волостное правленіе, а тамъ встрѣчаетъ меня съ любезными улыбками самъ С—ій, спрашиваетъ, что я нашелъ въ деревнѣ, и приглашаетъ въ свой домъ завтракать. — Нашелъ я плохо, — отвѣчаю я, — и всего хуже, что вы, несмотря на свою подписку, взяли съ крестьянъ обязательства и зыскали по нимъ деньги, а изъ за этого вышла недоимка. — „Помилуйте, какъ это можно! — съ наивнымъ видомъ возражаетъ С—ій:—это вамъ мужики неправильно наговорили. Неужели вы такъ дурно можете обо мнѣ думать, что считаете меня способнымъ на такой поступокъ! Я свое слово всегда держу, и ваше недоувѣріе для меня даже обидно!“ — Какъ же прикажете думать, когда я своими глазами видѣлъ и въ рукахъ держалъ тѣ самыя обязательства, по которымъ вы успѣли уже деньги получить? — отвѣтилъ я. Тутъ только С—ій смѣшался и конфузливо пробормоталъ:— „Такъ я ужъ и самъ не знаю, какъ это случилось“... Завтракъ не состоялся, мы еще нѣсколько минутъ поглядѣли другъ на друга въ натапутомъ молчаніи, и затѣмъ я уѣхалъ.

Подобныхъ попытокъ къ обходу ставимыхъ банкомъ условій было немало, и трудно было предотвращать ихъ, какъ вообще трудно бороться съ обманами, подлогами и т. под., при недостаткѣ силъ. Иныя изъ нихъ удавались, другія во-время были обнаруживаемы и парализуемы; въ остальныхъ случаяхъ уменьшенія цѣнъ продавцы не нарушали принятыхъ ими условій. Нѣтъ, конечно, возможности и приблизительно учесть, какихъ примѣровъ и насколько было больше, однако все же результатъ былъ тотъ, что гдѣ сбавка вполне осуществлялась, тамъ получалась польза, а гдѣ удавались обманы, тамъ крестьяне секретно выплачивали собственно то, что при невмѣстательствѣ въ цѣны было бы взято съ нихъ гласно; стало быть, въ итогѣ все-таки выходилъ плюсъ.

Зато и негодовали же на банкъ охотники прихватить съ крестьянъ лишнее. И въ своихъ заявленіяхъ, и въ жалобахъ на совѣтъ они выѣзжали на эффектъ, что банкъ-де нарушаетъ ихъ

право собственности, такъ какъ всякій продавецъ имѣетъ право назначать своей землѣ какую угодно цѣну. Не додумывались они только до того, что никто не мѣшалъ имъ продавать кому угодно и почему угодно помимо банка, но у банка тоже есть право оберегать свой интересъ, а потому обуславливать свое участіе въ дѣлѣ тѣмъ, что ограждаетъ его отъ убытковъ и не идетъ въразрѣзъ съ его назначеніемъ. Впрочемъ, понятія о правѣ банка входить въ критику продажныхъ условій бывали тогда сбивчивы и въ официальныхъ сферахъ, гдѣ иногда не только эту критику, но и отдаваніе предпочтенія малоземельнымъ крестьянамъ предъ сытыми считали своего рода ересью, чуть не политическаго характера, или предметомъ спорнымъ. Держась точки зрѣнія подобныхъ понятій, банкъ долженъ былъ бы относиться съ узкоформальнымъ бездушіемъ ко всякимъ сдѣлкамъ, безразлично ко всякимъ кліентамъ, и раздавать ссуды при всякихъ условіяхъ, сознательно закрывая глаза на то, что изъ этого выйдетъ. Онъ долженъ былъ становиться покорнымъ орудіемъ даже явно эксплуататорскихъ опытовъ. Уменьшай, пожалуй, ссуды, но какъ бы ни разорялись крестьяне приплатами, какъ бы ни умножались оттого случаи продажи земли съ торговъ и банковые убытки—это пусть себѣ будетъ, какъ будетъ. Поводъ къ такимъ понятіямъ, кромѣ недостатка близкаго знакомства съ дѣломъ, давало отсутствіе вполнѣ точныхъ указаній въ поверхностной редакціи „Положенія“, и лишь нескоро послѣ того, при изданіи новаго банковаго устава, право критики продажныхъ условій было уже выражено формально. Но когда сдерживаніе продажныхъ цѣнъ получило ясную формальную почву—отъ него, при дѣйствіи новыхъ вѣяній, стала отступать сама банковая практика.

Приходилось банку подвергаться нареканіямъ и со стороны тогдашней печати, да не только ретроградной, преслѣдовавшей узкія одностороннія цѣли, но даже сочувствовавшей дѣйствительному улучшенію состоянія крестьянской массы. Со стороны ретроградовъ это было совершенно понятно, но въ основѣ нареканій сочувствовавшей печати были существенныя недогляды и недоразумѣнія. Здѣсь банкъ порицали за то, что онъ, критикуя продажныя цѣны, принималъ тѣмъ на себя своего рода овеку надъ крестьянскимъ согласіемъ на цѣны, но еще больше—за допущеніе крестьянскихъ приплатъ къ ссудамъ. Критика цѣнъ отвергалась на основаніи банальнаго положенія, что крестьяне лучше банка могутъ судить о томъ, дорога ли для нихъ покупка и смогутъ ли они выдержать платежи по ней и получить выгоду. Между тѣмъ, недостатокъ крестьянской осторожности

при соглашеніяхъ о цѣнахъ бывалъ слишкомъ очевиденъ, и надо было быть совсѣмъ слѣпымъ, чтобы безусловно полагаться на эту осторожность. Легко было совѣтовать на бумагѣ, ничѣмъ не отвѣчая, но далеко не таково было положеніе учрежденія, чувствовавшаго, что отъ каждаго его дѣйствія зависить серьезный практическій результатъ, въ томъ или другомъ углу сельскаго мира. Конечно, не могло оно тутъ отказываться отъ собственнаго сужденія.

Что же касается доплатъ къ ссудамъ, то онѣ бывали неотвратимы въ большинствѣ случаевъ. Банкъ, въ описываемое время, вовсе не стремился къ тому, чтобы вездѣ непремѣнно были доплаты. Напротивъ, ему гораздо пріятнѣе были покупки за умѣренную цѣну совсѣмъ безъ доплатъ, т.-е. расчетливую цѣну онъ охотно готовъ былъ выдавать ссудою, въ полной мѣрѣ. Но помимо того, что крестьяне очень часто соглашались на доплату при самомъ составленіи покупныхъ сдѣлокъ и послѣднія поступали въ банкъ уже въ такомъ видѣ—доплаты во многихъ случаяхъ вызывались самымъ существомъ дѣла. Напримѣръ, законъ ставилъ высшимъ предѣломъ ссуды 500 рублей на дворъ или 125 рублей на душу; слѣдовательно, гдѣ крестьяне покупали на большую сумму—избытокъ цѣны надъ этимъ предѣломъ неизбежно обращался въ доплату изъ ихъ собственныхъ средствъ. Въ иныхъ покупкахъ входили лѣсные участки, причемъ стоимость деревьевъ составляла значительную часть цѣны, а такъ какъ лѣсъ могъ быть быстро вырубленъ съ обезцѣненіемъ покупки, то его стоимость не могла быть включена въ составъ долгосрочной ссуды,—значить, опять часть цѣны должна была покрываться доплатою, и т. д. Всѣ объяснительные примѣры даже перечислить очень трудно. Относительно же неосложненныхъ подобными условіями покупокъ дѣло вообще представлялось такъ. Продажная цѣна составляется изъ двухъ слагаемыхъ: ссуды и доплаты. Ссуда должна быть обеспечена и, во всякомъ случаѣ, не превышать стоимости земли—иначе кредитъ будетъ не поземельный, а какой-то неопредѣленный и очень рискованный; стало быть, просимыя ссуды не могутъ не подвергаться критикѣ и—гдѣ нужно—сокращенію; но если при уменьшеніи ссуды сохранять продажную цѣну, то тѣмъ самымъ увеличивается доплата, а если не допускать увеличенія доплаты, то нельзя не понизить продажной цѣны. Такимъ образомъ, совмѣщеніе требованій неприкосновенности продажныхъ цѣнъ и недопущенія сколько-нибудь значительныхъ доплатъ равнялось требованію уменьшать слагаемыя безъ измѣненія суммы, т.-е. совершать невозможное арифметиче-

ское дѣйствіе.—Значить, слѣдуя совѣтамъ, оставалось бы или совсѣмъ отказывать въ ссудахъ по сдѣлкамъ съ доплатами—что было бы уже слишкомъ рѣшительно и самоувѣренно,—или же постоянно возвышать ссуды до полного размѣра продажныхъ цѣнъ, уже безъ всякой оглядки на стоимость земли, не считаясь ни съ правилами и оцѣнками, ни даже съ размѣромъ того, о чемъ просить. Но это послѣднее, помимо вопроса о законности, повело бы къ такой быстрой распушенности земельныхъ цѣнъ, которая, въ корнѣ убивая выгодность покупокъ, выбивая банкъ изъ всякаго расчета и ставя его на очень опасный путь, благоприятствовала бы только спекуляціямъ продавцовъ и грубымъ злоупотребленіямъ. Недостатокъ критики цѣнъ въ позднѣйшее время и привелъ къ непомерному ихъ росту,—и тогда, вмѣстѣ съ этими цѣнами, пошло уже возвышеніе и ссудъ, и доплата. Въ описываемое же время банкъ, не закрывая глазъ на существенную сторону дѣла, не бралъ также на себя стѣснять сдѣлки изъ-за однѣхъ доплатъ, когда онѣ не представлялись непосильными.

Слишкомъ много мѣста заняло бы подробное объясненіе отношеній банка къ встрѣчавшимся ему вопросамъ и изображеніе иллюстрирующихъ примѣровъ, а потому ограничиваюсь приведенными главными чертами означенныхъ отношеній.—Теперь надо обратиться къ тому, какъ отражалась дѣятельность банка въ самой средѣ пользовавшихся его помощью крестьянъ.

Ө. Воропоновъ.

ВЪ ПОРОГАХЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Быль свѣтлый майскій день.

Одѣтый яркою молодого листвою садовъ и палисадниковъ, не успѣвшій еще погрузиться въ пыль и духоту, нашъ уѣздный городъ смотрѣлъ весело и чистенько, благоухая носившимся въ воздухъ весеннимъ ароматомъ.

Въ общественномъ клубѣ, — красное кирпичное зданіе котораго занимало уголь площади и главной, Соборной улицы, — только-что кончилось экстренное свиданіе предводителя съ земскими дѣятелями. Въ просторной залѣ съ большими окнами, съ хорами въ заднемъ концѣ, курила и спорила кучка дворянъ... Впрочемъ, спорили всего двое; остальные прислушивались, переглядывались, хмурия важно брови, и по временамъ кивали неопредѣленно головами.

Одинъ изъ спорившихъ, Бельтищевъ, былъ красивый, не старый еще, стройный и подвижной брюнетъ съ остренькою бородкой, отставной гвардейскій артиллеристъ.

— Свободное развитіе общественнаго мнѣнія, — говорилъ онъ, — приложеніе общественной дѣятельности, публичное выраженіе мыслей, научная критика — все это такіе же предметы первой необходимости, какъ для человѣка воздухъ, вода! Безъ этого немислимо нормальное существованіе общества, а слѣдовательно и государства! Безъ этого всякій общественный органъ — трупъ!..

— Да я-жъ повторяю: въ предѣлахъ, указываемыхъ законами!.. Признаете вы законы или нѣтъ? — возразилъ помѣщикъ Платоновъ, очень полный, лысый мужчина съ круглымъ краснымъ лицомъ и нафабранными усами.

— Я признаю, что законы составляютъ основу правъ и обязанностей гражданскихъ! — отвѣтилъ Бельтищевъ, сдерживая влотившее въ немъ чисто юношеское возбужденіе. — Но если законы эти частію или вполнѣ отжили? Если назрѣли новыя нужды, потребности... выяснились всякія насущности? Не долгъ ли гражданамъ констатировать?..

— Нѣтъ-съ! Это дѣло правительства, власти!

— Но какимъ образомъ можетъ власть провѣдать о нуждахъ? „Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ“...

— У власти существуютъ посредствующіе органы!

— И въ ихъ числѣ: земство, дворянство!

Споръ продолжался.

У одного изъ оконъ, куря задумчиво папироску, стоялъ предводитель, Артемій Петровичъ Ветлугинъ, человекъ уже пожилой, но удивительно сохранившійся. Въ его высокой, худощавой фигурѣ видѣлась изысканность безъ принужденія; волнистые сѣдыватые волосы раздѣлялъ англійскій проборъ чрезъ всю голову; гладко-выбритый подбородокъ подпирали прямые высокіе воротнички.

Сдѣлавъ требовавшееся сообщеніе, онъ считалъ роль свою оконченною и не вступалъ преднамѣренно въ разговоръ, хотя Платоновъ, оттопыривая свои толстыя, красныя губы, выкрикивалъ особенно отчетливо нѣкоторыя фразы и подчеркивалъ словечки, назначавшіяся, видимо, затронуть предводителя, противникомъ политики котораго онъ былъ.

— Рациональная дѣятельность немислима безъ инициативы! — раздался возгласъ Бельтищева.

— Какая, кому инициатива можетъ быть надобна? въ чемъ-съ? Все указывается предначертаніями! — выкрикнулъ Платоновъ.

Бельтищевъ не отвѣчалъ.

Запустивъ руки въ карманы панталонъ и нервно подергивая плечами, онъ сталъ быстро прохаживаться около стола.

Платоновъ послѣдилъ за нимъ взглядомъ; потомъ, — заключая, что умолившій противникъ выбитъ окончательно изъ позиціи, — вскинулъ высоко голову со сплывшими съ затылка косицами зачеса и выплылъ изъ залы въ буфетъ.

Пришелъ письмоводитель дворянской опеки, Лука Лукичъ Модестовъ, и принесъ бумаги.

Ветлугинъ сталъ подписывать, присѣвъ къ столу.

Модестовъ—небольшого роста, полненькій мужчина среднихъ лѣтъ, съ бритымъ лицомъ и въ мундирномъ фракѣ,—досталъ изъ жилетнаго кармана серебряную съ чернью табакерочку, отвернулъ и внюхнулъ изъ-подъ локтя.

— Когда ожидать васъ теперь?—освѣдомился онъ, смаргивая выступившія слезинки.

— Не раньше конца слѣдующей недѣли. Но съ неотложнымъ прошу васъ въ Ртищево,—отвѣтилъ Ветлугинъ.

Село Ртищево было помѣстье—резиденція, куда онъ и готовился отправиться. У подъѣзда уже порывалась нетерпѣливо и „шалила“, роняя пѣну съ удиль, пара ровныхъ гнѣдыхъ, запряженная въ вѣнскую дорожную коляску.

Предводительствуя, Ветлугинъ не полагался всецѣло на дѣятелей, не ограничивался почетною ролью предсѣдателя, а хотѣлъ и умѣлъ работать. Поѣздки его въ городъ были поэтому нерѣдки и всегда затягивались. Теперь провелъ онъ въ городѣ цѣлыхъ четыре дня, но могъ быть увѣренъ, что дѣловой, исполнительный Модестовъ, состоявшій также личнымъ предводительскимъ секретаремъ, не замедлитъ появиться съ докладами и въ Ртищевѣ.

II.

Миновавъ длинную пригородную слободу, выпѣвшую крикливыми полуодѣтыми дѣтьми, и вобразившись на изволовъ, коляска безшумно покатила по прямой, гладкой дорогѣ. Впереди, точно парадные скороходы, мчались высокіе завитки пыли, поднимаемые попутнымъ вѣтромъ...

Въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, сіялъ золотыми маковками церкви и придѣловъ богатый Тихвинскій женскій монастырь, виднѣлось село Красные-Пеньки съ окруженною деревьями господскою усадьбой и съ проворно махавшею крыльями вѣтряною мельницей у околицы; тутъ же, выказываясь изъ-за монастырской рощи, сверкала извивами быстрая, неширокая рѣчка Пехорка, уходившая стороною дороги въ даль, гдѣ отчетливо виднѣлось на крутомъ берегу большое торговое село Бабино.

До Ртищева считалось отъ города верстъ двадцать.

Отецъ Ветлугина — типъ паркетнаго кавалера былыхъ временъ—провелъ молодость, блистая въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ; а потомъ, овдовѣвъ и умаившись, перешелъ на положеніе губернскаго туза-хлѣбосола. Прозвучавшее вскорѣ великое слово:

„Свобода!“ — удивило старика и какъ бы напугало. Онъ не понималъ этого слова, не отозвался на него, но и не озлобился, не сталъ въ ряды своекорыстныхъ вѣрнопостниковъ. Отъ начавшей закипать своеобразной новизны онъ посторонился — щепетильно и съ достоинствомъ, какъ сторонился отъ всего несвѣтскаго, — и продолжалъ, по инерции, хранить дореформенный барственный декорумъ, величаться, хлѣбосольствовать, держать собственныхъ музыкантовъ, пока вульгарный подстерегавшій „кондрашка“ не положилъ конецъ недоразумѣнью...

Единственный сынъ, Артюша, былъ зачисленъ еще ребенкомъ въ пажи. Но случилось, что крестный отецъ его быстро подвинулся по дипломатической дорогѣ, и это рѣшило дальнѣйшую судьбу крестника.

Состоя при министерствѣ, обладая средствами, связями, умный, красивый Велугинъ принялся было также блистать въ гостиныхъ, прожигать жизнь, волочиться, но вскорѣ — къ счастью своему — оступился, попалъ въ любовныя сѣти... Въ нихъ поймала его, попавшись и сама, юная грузинская княжна Нина Ираклиевна, дѣлавшая первые шаги свои въ свѣтѣ.

Вѣсть о смерти отца застала Велугина уже за границей — семьяниномъ, выдвинувшимся дипломатомъ и въ генеральскомъ чинѣ. Его ждалъ видный самостоятельный постъ; но случившееся ставило на первый планъ новые интересы, звало разобраться въ дѣлахъ, открывало путь къ дѣятельности въ родной обновляющейся дѣйствительности. Велугинъ колебался недолго. Новая миссія окрылила его, представилась ему великою, священной; увидѣлась цѣль, отвѣчавшая его честнымъ, просвѣщеннымъ взглядамъ, стремленіямъ... Онъ простился съ дипломатическою карьерой, предпочелъ видному посту на чужбинѣ ничтожную, безпокойную долю земца въ родномъ в—скомъ уѣздѣ.

Польщенное, а еще больше удивленное дворянство приняло своего блуднаго сына съ распростертыми объятіями и поднесло ему при наступившихъ вскорѣ выборахъ единогласно званіе предводителя. вмѣстѣ съ этимъ Велугинъ сталъ предсѣвателемъ земской управы, губернскимъ гласнымъ.

И потянулись годы непрерывныхъ, нескончаемыхъ, всегда спѣшныхъ трудовъ... Для себя — слѣдовало выбраться изъ нешуточной экономической путаницы, создавшейся за время барственного владычества отца... Для уѣзда, погрязавшаго въ консервативной путаницѣ, — требовалось выяснить дѣйствительныя задачи, установить должные взгляды, создать правильную оппозицію... Миссія оказывалась слишкомъ сложною. Сдѣлать требовалось

слишкомъ много. Силъ придавали только убѣжденность и самоотверженность, готовность служить общему благу не за страхъ, а за совѣсть...

III.

Показались ртищевскія поля... пространство лѣса, разбитаго просѣками на участки... Выступила изъ-за пригорка усадьба съ зеленѣвшимъ паркомъ, съ желѣзными крышами службъ... Блеснулъ въ мягкихъ алыхъ лучахъ уже спускавшагося солнца широкой разливъ пруда...

По луговинѣ шли навстрѣчу Нина Ираклѣвна и англичанка миссъ Кэрби, бывшая гувернантка дочерей, — особа очень высокаго роста, худощавая, съ рыжими локонами.

Кучеръ придерживалъ лошадей.

— Гдѣ же Кэтъ? здорова она? — спросилъ Ветлугинъ, здороваясь съ дамами.

Такъ звалась, на англійскій манеръ, младшая дочь, Катерина. Старшая, Вѣра, была уже замужемъ за помѣщикомъ сосѣдняго уѣзда, Юрловымъ.

— Она гоститъ у Вѣры, — отвѣтила Нина Ираклѣвна. — Григорій Васильевичъ въ „губернію“ поѣхалъ.

— Скачки начались тамъ?

— Ахъ, что ты! По дѣламъ, конечно...

— Дѣла ширятся, значить?..

Тонкая иронія чувствовалась въ его словахъ. Нина Ираклѣвна помолчала, потомъ сказала, перемѣняя разговоръ:

— Я еще вчера ждала тебя.

— Какимъ образомъ? Вчера засѣданіе въ управѣ было; а сегодня — собраніе въ клубѣ...

— Ахъ, да! Ну, что же? Рассказывай!

Они направились къ усадьбѣ прямо черезъ луговину. Миссъ Кэрби тактично отдалилась и пошла стороной, разыскивая ландыши подъ вустиками.

— Я передалъ о всемъ подробно... указалъ на невозможность самой дѣятельности при такихъ условіяхъ, — сталъ говорить Ветлугинъ. — Слѣдовало ожидать, что люди объединятся, выскажутся... сознаютъ неизбежность стойкой защиты своихъ правъ... А вышло ни то, ни сѣ...

Дѣло касалось укоренявшагося административнаго произвола. К—скіе либеральные дѣятели изнывали подъ неумолимымъ губернаторскимъ veto, постигавшимъ ихъ на каждомъ шагѣ; это

поощряло консерваторовъ, и они не стѣснялись отдаваться самой неприличной разнузданности, не останавливались ни предъ какими безпріемъ. Ветлугинъ спорилъ съ губернаторомъ, относился, пользуясь случаями, самъ въ подлежащія министерства, но все было напрасно. Въ виду скопившихся вопросовъ, надобностей, недоразумѣній, онъ отправился самъ въ Петербургъ. Поѣздка не удалась: на борьбу съ администраціей взглянули косо, точно на „крамолу“ казую-то; столичнымъ циркулярамъ, губернаторскому veto назначалось торжествовать надъ правдой, надъ законами... Это должно было вызвать кризисъ, понудить даже умѣренныхъ либераловъ на энергической протестъ; а между тѣмъ все свелось лишь къ шуму да спору... Оказалось и еще одно, что переносилъ Ветлугинъ съ горечью и о чемъ не упоминалъ теперь предъ женой: въ либеральномъ tutti онъ не могъ не подмѣтить какъ бы недовѣрія лично къ нему — точно къ плохому адвокату, не сумѣвшему выиграть въ Петербургѣ вѣрное дѣло...

Все еще красивая, съ умнымъ, выразительнымъ взглядомъ, съ слабо подобранными подъ гребень прядями черныхъ кудрей, уже замѣтно серебрившихся на вискахъ, Нина Иракліевна слушала, держа въ полуоборотъ къ мужу овальное смугловатое лицо, напоминавшее правильностью линий рельефъ камней.

— Платоновъ былъ?—спросила она.

— Еще бы!.. И, разумѣется, торжествовать, что все выходитъ по *его*, какъ онъ предвидѣлъ... Точно суть—въ какомъ-то дешевомъ предвидѣніи, а не въ томъ, что слѣдуетъ дѣлать, къ чему стремиться!.. Да, Бельтищевъ низко-низко кланяется тебѣ!

— И онъ былъ? Отчего ты не привезъ его?

— Нельзя ему: образцовымъ хозяйствомъ своимъ поглощенъ...

Положеніе Сергѣя Данилыча Бельтищева имѣло много общаго съ Ветлугинскимъ, и они какъ бы въ союзѣ состояли. Онъ также поставилъ личное ниже общественнаго, предпочелъ деревню служебному поприщу, увлекшись миссіей народническаго характера. Въ своемъ многоземельномъ имѣніи, селѣ Высокомъ, онъ устраивалъ образцовое хозяйство съ поставленнымъ въ либеральныя рамки вольно-наемнымъ трудомъ, съ усовершенствованными орудіями, раздавалъ крестьянамъ плужки-модели, премированные сѣмена,—довольствуясь, вмѣсто выгодъ, афоризмами, что „лучше не имѣть дохода, чѣмъ извлекать его изъ неблагополучія другихъ“, что „дворянство само испекло дурной порядокъ вещей, само должно и кушать“... Всегда оживленный, подвижной, съ звонкимъ, точно юношескимъ, голосомъ, съ мѣткимъ, правдивымъ словомъ наготовѣ, онъ не упускалъ случая появиться въ клуб-

ной залѣ, служившей обычнымъ мѣстомъ дѣловыхъ свиданій председателя съ дѣятелими уѣзда, и былъ неутомимымъ борцомъ въ схваткахъ съ консерваторами.

IV.

Село Красные-Пеньки казалось какъ бы вымершимъ. Недвижимый, палящій полуденный зной заставилъ всѣхъ примолкнуть и попрятаться. Даже собаки не интересовались ничѣмъ и покоились врасяжку подъ воротами, лишь щелкая по временамъ зубами въ напрасной ловлѣ увертливыхъ, надоѣдливыхъ мухъ; а куры мѣли сонливо подъ плетнями въ своихъ ямкахъ среди высокихъ, тѣнистыхъ кустовъ крапивы, чернобыльника.

Только на задахъ мелькала, приближаясь, статная фигура мужчины въ военной фуражкѣ и съ двустволкою за плечами.

Это былъ самъ владѣлецъ, отставной уланскій корнетъ Матвѣй Никольевичъ Ступинъ, возвращавшійся съ охоты. За нимъ подвигалась пѣгая лягавая собака, останавливаясь, скусывая какую-то надобную ей травку и догоняя хозяина рысцою.

Усадьба, когда подошелъ Ступинъ, тоже не подавала признаковъ жизни—рабочіе пользовались послѣобѣденнымъ отдыхомъ на сѣновалѣ; въ длинномъ, двухъ-этажномъ домѣ съ каріатидами, подпиравшими балконъ, были притворены ставни на солнечной сторонѣ.

На крыльцѣ, держась прямо на стулѣ, вязала чулокъ пожилая женщина съ нѣсколькими строгими чертами умнаго лица, одѣтая въ темненый ситцевый капотъ и въ повязкѣ.

Звали ее Антоновной.

Ступинъ радостно похвалился предъ нею удачливою охотою. Явившійся старичокъ-поваръ Лаврентій, въ бѣломъ пивейномъ колпакѣ, принялъ ягдташъ, гдѣ пестрѣла, между прочимъ, красивая спинка селезня; дѣвочка-подростокъ Маша, служившая за горничную, вынесла стулъ на крыльцо.

Ступинъ присѣлъ, чувствуя пріятную истому намаившагося человѣка, и закурилъ папиросу.

Прошло нѣсколько минутъ. Антоновна продолжала вязать, двигая увѣренно пальцами, спицы правильно мелькали; потомъ она опустила вязанье на коѣнни и посмотрѣла предъ собою—на старую, вѣтвистую лицу, осѣнявшую уголъ дома и крыльцо, на длинную улицу села съ низенькою деревянною церковью въ концѣ, съ бревенчатымъ „зданіемъ“ волостного правленія.

богатой сиротѣ изъ купечества. Поселившись въ Пенъкахъ, имѣя домъ-полную чашу, онъ принялся хозяйничать—попросту, патриархально, не выказывая ни знаній, ни практичности,—и все случилось такъ, что удалось и „округлить межу“ прекрасно, и имѣть полные амбары хлѣба, темныя, многолѣтнія скарды на гумнѣ...

Когда жена, проболѣвъ нѣсколько лѣтъ послѣ родовъ, умерла, убитый горемъ Ступинъ распорядился, чтобъ для осиротѣвшаго первенца, Моти, подыскали на селѣ степенную мамку, и бурмистръ доложилъ, что для этого очень „способствуетъ“ бездѣтная вдова Лукерья, Антона Трюхина дочь. Совсѣмъ еще молодая, красивая, но съ умнымъ взглядомъ и со строгостью въ лицѣ, Лукерья оказалась не мамкой, а золотомъ. Потому пришлось встрѣтить барскую ласку... Лукерья не посмѣла противиться, а безпечный Ступинъ—при томъ, достаточно уже раздобрѣвшій и облѣнившійся—обрадовался случаю взвалить на ея руки, въ добавленіе къ Мотѣ, домъ, вотчину и заботы о себѣ самомъ.

Соблазнъ для Лукерьи явился большой, завлекательный. Но она не потерялась, не ступила на избитую дорогу „барской барыни“; она только видоизмѣнила немного обязанности—стала мамкой для барина и матерью для привязавшагося къ ней Моти.

Получивъ и тутъ удачу, Ступинъ успокоился окончательно и „легъ“,—какъ ложились помѣщики его типа. Зимой онъ лежалъ въ кабинетѣ, на сафьянномъ широкомъ диванѣ, думая и посасывая янтарь саженнаго черешневаго чубука, надъ другимъ концомъ котораго дежурилъ приставленный особо „казачокъ“ съ четверткой „жукова“ наготовѣ и „неугасимую“ спермацетовую свѣчой; лѣтомъ—дремалъ, полулежа въ вольтеровскомъ креслѣ на террасѣ, и тоже думалъ, посасывая янтарь... О чемъ можно было думать цѣлые дни напролетъ и цѣлые годы неустанно—составляло тайну Ступина; но онъ дѣйствительно думалъ и такъ усердно, что заговорить съ нимъ можно было лишь окликнувъ его нѣсколько разъ...

Годы и событія тянулись надъ лежавшимъ Ступиннымъ, какъ тянутся они надъ могилами,—не доставляя ни радости, ни печали погребеннымъ. Въ домѣ и хозяйствѣ все вѣдала Антонова (такъ стали звать Лукерью). Она же должна была вѣдаться и съ учителями, когда Мотю стали готовить въ корпусъ, при чемъ научилась и сама читать, составлять строчки изъ чего-то вроде древней глаголицы...

Умеръ Ступинъ неожиданно—отъ случившагося воспаленія брюшины. Сынъ находился далеко, въ полку, и пріѣхалъ лишь спустя годъ. Онъ отнесся къ своей пѣстунѣ, какъ къ матери,

оставилъ по прежнему все на ея рукахъ. Но Антоновна покорилась только необходимости, — думая не объ этомъ, желая много: въ мечтахъ она видѣла питомца примѣрнымъ хозяиномъ, перебирала для него первыхъ невѣсть уѣзда, радовалась его счастью, готовилась служить госпожѣ...

Мечты, однако, грозили остаться мечтами... Прошло уже около года со дня прѣзда наследника, а онъ не думалъ ни о знакомствахъ, ни объ удовольствіяхъ; не отворялъ запертыхъ покоевъ, занимая внизу всего спальню да кабинетъ. Къ хозяйству выказывалъ онъ любовь и вникалъ во все, но съ крестьянами держалъ себя совсѣмъ просто, не по-барски, раздавалъ, не всегда съ разборомъ, хлѣбъ, деньги нуждающимся...

Антоновна стала задумываться. Она не была ни скупа, ни черства, знала, какъ гложетъ нужда деревню, понимала, что причиною многому — „темь“, невѣжество. Но она знала также и мужика, понимала, что всякій непорядокъ только балуетъ его, приноситъ ему не пользу, а вредъ. Отданное Терентію дерево мучило ее теперь. Она живо представляла себѣ начавшееся потомъ за селѣ — пересуды, завидки, удивленіе самого Терентія, досаду каждаго, что не отправился и онъ на порубъ...

VI.

Вечеромъ пришелъ бурмистръ.

Антоновна услышала доносившійся изъ кабинета громкій голосъ Ступина. Онъ говорилъ не такъ, какъ бывало обыкновенно при докладахъ, а что-то объяснялъ съ горячностью и повторялъ: „въ даръ... заново все“...

Онъ втолковывалъ бурмистру, — что распродажа міромъ лѣса и луговъ обездолила крестьянъ, изуродовала надѣлы; что земли не хватаетъ теперь, а недостатокъ сѣна и топлива заставляетъ совсѣмъ бѣдствовать зимою, лишаться послѣдней скотины; что такъ продолжаться не можетъ, и онъ даетъ крестьянамъ въ даръ лѣсу и луговъ, для чего надо будетъ передѣлать границы надѣла заново; что сдѣлать это надо скорѣе, до озимыхъ посѣвовъ, а потому необходимо, чтобы крестьяне собрались на дняхъ же, обсудить дѣло...

Бурмистръ Анѳимъ — рослый, широкобородный здоровякъ съ свекольнымъ цвѣтомъ лица — слушалъ, заложивъ руки за спину и поигрывая тамъ пальцами. Онъ сохранялъ обычно-равнодушный видъ, но безпримѣрныя слова барина будоражили, путали

мысли, вгоняли въ умственное бѣзсиліе. Отличавшійся всегда именно „смекалкой“, онъ не могъ теперь даже сообразить— „въ чемъ тутъ касательство?“—и, считая барина хитрецомъ, не могъ повѣрить, чтобъ человекъ „приставалъ безъ корысти“...

Отпущенный Ступиннымъ, бурмистръ прошелъ къ Антоновѣ.

Она сидѣла за маленькимъ самоварчикомъ въ своей комнатѣ, выходившей окнами въ садъ и напоминавшей обстановкою келью.

Вынесенная изъ кабинета ошеломленность простиралась до того, что и съ Антоновною, передавая ей разговоръ, бурмистръ держался насторожѣ, стараясь смотрѣть мимо ея глазъ, и принималъ чашку нетвердою рукой.

— Мнѣ думается, Лукерья Антоновна, — заключилъ онъ, опрокинувъ, въ знакъ полного довольства угощеніемъ, чашку на блюдечко и положивъ на донныше оставшійся кусочекъ сахара, — мнѣ думается, что въ такомъ разѣ лучше обождать малость. На словахъ пусть поговоритъ Матвѣй Николаевичъ, а мѣръ тревожить незначѣмъ пока!

Антоновна согласилась съ нимъ.

Но Ступинъ не хотѣлъ только „на словахъ говорить“. Онъ наутро же развилъ свой планъ предъ Антоновною, входя въ подробности, совѣтуясь — гдѣ и чего отрѣзать для новаго надѣла; а послѣ завтрака отправился осмотрѣть крестьянскій надѣлъ въ натурѣ.

На Антоновну напало безпокойство. Въмѣсто дерева былъ уже лѣсъ, вмѣсто Терентія — все село... Къ хозяйственной тревогѣ прибавилось смутное предчувствіе чего-то недобраго... Пока Ступинъ ѣздилъ, она побывала за совѣтомъ у священника, о. Николая Бронзова.

За обѣдомъ она сказала:

— Отъ этого дару, Матвѣй Николаевичъ, не вышло бы сумѣнія въ народѣ... Съѣздите вы къ Артемію Петровичу, къ предводителю, въ Ртищево: ему извѣстны всѣ эти дѣла, и человекъ онъ хорошій, отъ всѣхъ въ почетѣ...

Ступинъ, совсѣмъ незнакомый съ формальностями, недоумѣвавшій, съ чего, какъ начать, — просилъ весь.

— Ты мнѣ мысль подаде! — воскликнулъ онъ радостно.

VII.

Старикъ Петръ Юрьевичъ Велугинъ — когда доктора не отправляли его въ Карлсбадъ или Бадень — проводилъ лѣто въ Ртищевѣ, но заботы проявлялъ исключительно о „столовой“...

Съ прїѣздомъ сына ожила „гостинная“.

Уѣздная аристократія прїятно поразилась этимъ „нашего волеу прибыло“, стала задаваться свѣтскими толками, ожиданиями; однако вскорѣ разочаровалась... Аристократизма въѣшности, соревнованія туалетами, новостей, вѣсловія — ничего такого не оказалось въ возродившейся ртищевской гостинной; французская стрижотня не считалась въ ней обязательною, а разговоры велись обо всемъ — о политикѣ, хозяйствѣ, о „мужикахъ“ даже... Но и это было только вступленіемъ. Позже, когда достаточно обозначились партіи, ртищевская гостинная приняла для консерваторовъ видъ явнаго противнаго лагеря, сдѣлалась средоточіемъ дѣйствительныхъ, живыхъ интересовъ, отраженіемъ начавшейся идейной жизни уѣзда; на паркетѣ она стала соединять впервые не *сословія* только, а *уѣздъ*, вплоть до земскихъ фельдшерницъ или крестьянина — члена управы.

Никакихъ стѣснительныхъ церемонностей, ничего, назначеннаго давать „тонъ“, не практиковалось въ ртищевскомъ домѣ. Но существовало нѣчто иное, не совсѣмъ обычное... Поучительная, покоряющая дисциплина витала въ самомъ воздухѣ, заставляла каждого невольно „подтягиваться“, строить вдумчиво мысли, взвѣшивать слова. Попавъ въ Ртищево, самый беззащитнѣйшій охранитель не злоупотреблялъ свободою мнѣній и считалъ долгомъ для себя молчать прилично, если не мыслилъ такъ...

Шелъ третій часъ.

Въ большомъ, свѣтломъ кабинетѣ хозяина, убранномъ просто и съ библиотечными шкапами вдоль стѣнъ, окрашенныхъ голубоватою масляною краскою, располагался кружокъ мужчинъ, захватившихъ по дѣловымъ надобностямъ.

Главнымъ лицомъ былъ помѣщикъ Валерій Борисовичъ Хрущовъ — петербургскій бюрократъ изъ „восходящихъ“, пользовавшійся отпускомъ, чтобъ устроить свое имѣніе. Не по лѣтамъ хилый, слишкомъ модно одѣтый, при одноглазѣ и съ тщательно пробранными порѣдѣвшими волосами, точно нарисованными на сквозившемъ черепѣ, онъ резюмировалъ послѣднія новости изъ высшихъ сферъ; но все какъ-то не ладилось... При сообщеніи, что на вакантный важный постъ прочтется извѣстное лицо, умѣющее стать *au courant* всего, о чемъ *говорится* въ Россіи, Ветлугинъ только плечами пожалъ, промолвивъ, что важнѣе было бы звать, о чемъ *молчатъ*... Утѣшительный намекъ, что видимая опека надъ земствомъ имѣетъ въ сущности цѣлью лишь болѣе гармоничное осуществленіе возвѣщеннаго реформами, привелъ къ совсѣмъ неожиданному: гласный — помѣщикъ Шавровъ, пухлый

флегматикъ съ бѣлыми рѣсницами, вдругъ раскпятился, сталъ доказывать, что пресловутая эпоха великихъ реформъ давно отжила свой вѣкъ, обратилась въ предметъ буржуазныхъ вожделѣній, что назрѣли новыя, болѣе существенныя надобности...

Хрущова смущало это и удивляло. Онъ не ожидалъ такихъ „вольностей“ отъ провинціи, особенно отъ своего уѣзда, бывшаго всегда ультра-консервативнымъ; свободныя сужденія рѣзали его деликатное департаментское ухо, вызывали гримаски на бритое, землистаго цвѣта лицо.

Разговоръ коснулся послѣднихъ выходовъ инспектора народныхъ училищъ, отъ беззаконій котораго терпѣли училищный совѣтъ и все школьное земское дѣло. Толстенькій, кудрявый брюнетъ, земскій агрономъ Кравцовъ возсталъ противъ самаго типа народныхъ школъ, находя ихъ бесполезными, предлагая водвореніе знаній техническихъ, земледѣльческихъ... Ему возразили, противопоставляя типъ школъ гуманистическихъ, въ смыслѣ правильного развитія нравственныхъ и умственныхъ свойствъ...

На лицѣ Хрущова выразилась смертельная мука.

— Но вѣдь типъ школъ опредѣленъ, регламентированъ! — сказалъ онъ, прицѣпившись одноглазкой въ лицо хозяина.

— Конечно. Только пользы не приноситъ регламентація эта... Даже больше—удаляетъ деревню отъ знаній...—отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ она, регламентированная деревня! Вотъ-съ! — воскликнулъ сѣдой, съ длинными волосами, членъ крестьянскаго присутствія, подступивъ къ Хрущову и развертывая передъ нимъ листъ бумаги, исписанный кудрявымъ писарскимъ почеркомъ.

— Что это?—проговорилъ озадаченный петербуржецъ.

— Прошеніе мужицкое!

— И... что же?

— Оно безтолково, бессмысленно! Его невозможно ни удовлетворить, ни понять!—сталъ объяснять членъ.—И вотъ такія прошенія подается по нашему уѣзду *тридцать тысячъ* въ годъ—это подсчитано! Да-съ! Стоитъ каждое прошеніе не меньше трехъ рублей; плюсъ—потерянное на хлопоты рабочее время! Итого—*сто тысячъ* рублей, бросаемыхъ ежегодно въ печь вѣчными недоимщиками, терпящими голодъ, холодъ, нищету!... Не le comble ли это невѣжества, азіатчины! Не доказательство ли, какая духовная пища, кромѣ регламентированной, надобится деревнѣ?..

— Dura lex... sed lex... — перебилъ дипломатически и съ достоинствомъ Хрущовъ.

— Если бы такъ!—раздалось точно плачь.

Предъ Ветлугинымъ, оттиснувъ члена присутствія, очутился худощавый, нервный земскій статистикъ Андросовъ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

— Драконовскіе законы дайте, только пусть исполняются они!—продолжалъ Андросовъ:—пусть примѣняются всецѣло, по ихъ разуму, а не извращаются, не перетолковываются произвольно циркулярами, вносящими анархію только, не позволяющими предвидѣть желаемое властью и сообразовать съ нимъ поступки!

Хрущовъ пронзилъ статистика взглядомъ чрезъ одноглазку, какъ бы говоря: „Я могу простить кое-что предводителю, но ты не надѣйся!“

— Примѣненіе законовъ регулируется циркулярами во всей Европѣ,—промогнулъ онъ наставительно.

Блѣдное, опушенное рыженькою бородкой, лицо Андросова исказилось болѣзненно, глаза подъ дешевенькими очками сверкнули.

— Всегда такъ!—простоналъ онъ.—Въ дурномъ—заграница оправданіе; противъ хорошаго заграничнаго—византійщина, духъ русскій, дающій чувствовать себя за версту!.. Главное—цель къ свѣту законопатить!..

Хрущовъ выпустилъ и снова вставилъ одноглазку, оглядывая сухощавую, сутуловатую фигуру „инконфидента“, какъ мысленно окрестилъ онъ дерзкаго. Опустившись потомъ на стулъ, онъ принялъ убійственно-холодный видъ и сталъ разглядывать совсѣмъ синіе ногти на своихъ востялыхъ пальчикахъ.

Андросовъ не проникъ въ дипломатическое значеніе этого. Пройдясь мимо самыхъ ногъ Хрущова и чуть не задѣвъ моднѣйшіе лакированные башмачки, онъ продолжалъ, то поправляя очки, то потеревливая бородку:

— Циркулярная язва дѣлаетъ свое дѣло и по ту сторону Вержболова — я знаю, былъ тамъ... на меня и шапку ученуѣ тамъ надѣли...—При послѣднихъ словахъ Хрущовъ покосился со сдержаннымъ любопытствомъ на говорившаго.—Но развѣ обязательно пріобщаться къ чужимъ язвамъ? Развѣ не достаточно своихъ?.. И откуда право у насъ усматривать именно язвы, а не пользительно-здоровое?.. Деревню, напримѣръ, не отгораживаютъ тамъ отъ свѣта китайскою стѣнкой... интеллигенцію, за просвѣтительныя заботы, не сгибаютъ въ бараній рогъ...

— Но наша интеллигенція бѣжитъ изъ деревни! бѣжить-сь!—перебилъ Хрущовъ, встрепенувшись и ловя противника на словѣ, точно ястребъ птичку.—Въ нашемъ уѣздѣ я не нашель и половины прежняго!

— Скоро не будетъ и этого! — вставляя агрономъ Кравцовъ и нервно засмѣялся, закинувъ назадъ кудрявую голову.

— А было время, — сталъ говорить онъ потомъ, выпрямившись и геройски встрѣчая устремившуюся на него одноглазку. Было время, когда легіоны рвались жертвовать ради деревни личнымъ благомъ, средствами, здоровьемъ!.. Осмыслить не сумѣли этого... Святые, искренніе порывы злой рокъ смялъ, „предупредилъ и пресѣкъ“, и вотъ — единицы на рѣдкость!.. И что осталось дѣлать интеллигенціи во всячески регламентированной теперешней деревнѣ? Пьянствовать, въ карты дуться, визиты урядника принимать?.. Официальная земская дѣятельность и та официально же почитается за контрабандную, подозрительную, барьерами, запретами обставляется всюду!.. Живое, неотложное дѣло, неустанный трудъ, инициатива требуются, чтобы привести крупицу пользы; а земство на каждый шагъ свой разрѣшенія, инструкцій жди, кары за усердіе свое бойся!.. Каждый дѣятель точно въ какихъ-то порогахъ днѣпровскихъ вертится — того в гряди, что ладья въ дребезги и самъ ко дну!.. Не странно ли это? Не удивительно ли, что есть еще охотники?..

— И это не все! — воскликнулъ взволнованно членъ присутствія, откинувъ за ухо прядь сѣдыхъ волосъ. — Надо еще имѣть нервы проволочные, душу закаленную, чтобы пробиваться къ цѣли сквозь нечистоплотность барьеровъ!.. Надо умѣть выносить оскорбительную, унижительную нравственную муку при неотвязной угнетающей мысли, что ты — болѣющий о деревнѣ, рвущійся трудиться, жертвовать, — терпишься только! что ты за что-то, у кого-то на „замѣчаніи“, что дни твои сочтены!..

Хрущовъ — точно электрической угорь, накопившій энергію и ощутившій прикосновеніе, — пришелъ въ азитацію; въ глазахъ у него заискрились огоньки, на скулахъ проступило подобіе румянца.

Готовясь разрядиться, отвѣтитъ кратко, сильно и авторитетно, онъ началъ:

— Отдѣльный случай — не примѣръ!..

Пойти дальше этой фразы не удалось: членъ, агрономъ, статистикъ сперва вскрикнули всѣ вдругъ, а потомъ, на перебой, принялись превращать предъ петербуржцемъ „отдѣльный случай“ въ нескончаемый, документированный земскій мартирологъ...

VIII.

Въ пятомъ часу, когда кабинетъ опустѣлъ и Ветлугинъ, съ привычною аккуратностью, вносилъ надобное въ записную книжку, дворецкій подалъ карточку.

— Ступинъ... Проси!—сказалъ Ветлугинъ, догадываясь, что это молодой наследникъ.

Вошелъ Ступинъ, въ черномъ, мѣшковато сидѣвшемъ сюртугѣ уѣднаго покроя и съ военною фуражкой въ рукѣ, вмѣсто шляпы.

Выслушавъ, въ чемъ дѣло, Ветлугинъ, пріятно удивленный, посмотрѣлъ пристально на юнаго демократа и спросилъ:

— Чѣмъ же, собственно, могу я быть полезнымъ вамъ?

— Я просилъ бы дать мнѣ совѣтъ,—сказалъ Ступинъ.

— Охотно! Прежде всего, чтобъ даръ не пошелъ по слѣдамъ прежняго, надо обставить его условіями...

— Какими?

— Ихъ придется выработать... Бумаги съ вами?

Бумагъ не оказалось.

— Надобны планъ и выкупной договоръ. Я всегда къ вашимъ услугамъ; а пока очень радъ знакомству съ вами!

Онъ крѣпко пожалъ ему руку.

Ступинъ всталъ, откланиваясь.

— Нѣтъ-съ, это не по деревенски, и лошади должны отдохнуть,—сказалъ Ветлугинъ, тоже вставъ и беря его подъ-руку.— Прощу васъ отобѣдать у насъ.

Ступинъ смущенно отказался. Но хозяинъ, какъ бы не слыша, пропустилъ его предъ собою въ дверь, говоря:

— Пожалуйте! Отъ хлѣба-соли не уѣзжаютъ...

Черезъ анфиладу высокихъ, богато убранныхъ комнатъ, мимо трельяжей, статуй, зеркалъ, они прошли въ большую гостиную, носившую также названіе „голубой“.

Тамъ раздавался оживленный, прилично-громкій говоръ. Черезъ завѣшанныя тюлемъ окна падалъ мягкій, ровный свѣтъ. На угловомъ диванѣ медальонами, въ креслахъ, около японскихъ столиковъ,—видѣлись незнакомыя Ступину лица.

Навстрѣчу, точно плывя по паркету, показалась пожилая, красивая дама, съ раскрытымъ вѣеромъ въ рукѣ.

Ветлугинъ представилъ ей Ступина, и тотъ догадался, что это—хозяйка.

Она сказала съ нимъ нѣсколько словъ, потомъ взглянула въ сторону бесѣдовавшихъ дамъ и позвала:

— Катъ!

Къ ней подошла стройная, изящная блондинка въ полковомъ платьѣ стального цвѣта, съ высокимъ воротомъ.

Познакомивъ его съ дочерью, исполнявшею въ такихъ случаяхъ обязанности вице-хозяйки, она поспѣшила къ дивану, гдѣ ждалъ ее прерванный разговоръ.

Ветлугинъ между тѣмъ остановился у окна со старшею дочерью. Вылитый портретъ матери, такая же кудрявая и лишь безъ смуглоты въ лицѣ, Вѣра Артемьевна Юрлова одѣвалась просто, имѣла видъ совсѣмъ деревенской барыни. Отъ Глѣбова—родового помѣстья мужа—считалось до Ртищева не больше пятнадцати верстъ, но она показывалась очень рѣдко, отговариваясь то нездоровьемъ, то хлопотами съ дѣтьми—двумя мальчиками-погодками. Дѣйствительною причиною были постоянныя отлучки мужа, оставлявшаго хозяйство на ея руки.

— Ну, какъ ты, какъ? жива-здорова?—сказалъ Ветлугинъ, взявъ дочь за талию и прикоснувшись губами ко лбу.

— Какъ всегда, рара, — отвѣтила она, окидывая его признательнымъ взглядомъ.

— Какъ всегда...

Подошелъ Юрловъ — отставной кавалергардъ, сохранявшій военную выправку, выхолонный, надушенный, въ модномъ длинномъ рединготѣ.

— На минутку, рара, — сказалъ онъ съ дѣловитымъ видомъ и взявъ тестя подъ руку.

Они прошли за портьеру, въ кабинетикъ Нины Ираклиевны, уставленный саксонскими статуэтками по стѣнамъ и съ высокими фикусами въ углахъ.

— Вексельъ, рара... — промолвилъ Юрловъ, влады на столѣ бланкъ.

— Mais, mon cher...

— Черезъ двѣ недѣли, часъ въ часъ, возвращу... будьте покойны, — перебилъ Юрловъ. — Какъ честный человекъ!

Ветлугинъ подписалъ пятитысячный бланкъ и отодвинулъ его кончикомъ пальца.

— Я не то хотѣлъ сказать, — проговорилъ онъ, морщась и потирая переносицу. — Я имѣлъ въ виду, что у васъ должны быть деньги...

— Да вѣдь я не въ банкѣ держу ихъ! — отвѣтилъ Юрловъ. — Онѣ въ дѣлѣ у меня да подъ такія же вотъ бумажки по уѣзду расцущены... Въ оборотахъ не рубль, а часъ дорогъ!

Ветлугинъ не сказалъ ничего и сталъ барабанить пальцами по столу.

Онъ былъ недоволенъ зятемъ.

Развязаться съ отцовскою путаницей удалось не безъ жертвъ. Приведенное въ порядокъ Ртищево давало предусмотрѣнный доходъ, оплачивало погашенія банку, обѣщало въ будущемъ несомнѣнный приростъ, но оборотнаго капитала не было, и потому приходилось кредитоваться. За дочерями Ветлугинъ давалъ по пятидесяти тысячъ за каждую — долями въ недвижимости и съ правомъ на часть дохода, впродъ до выдѣла. Присватавшійся Юрловъ отклонилъ всякіе разговоры о приданомъ; но потомъ, предъ самою свадьбой, оказался во „временномъ затрудненіи“, и Ветлугинъ долженъ былъ выдать двадцать-пять тысячъ наличными. Съ того времени шелъ седьмой годъ; Юрловъ дѣлалъ въ своемъ заложеномъ-перезаложеномъ Глѣбовѣ огромныя заставы, сваялъ по неотложнымъ дѣламъ то въ городѣ, то въ „губернію“, велъ себя во всемъ на широкую ногу, а самъ подсовывалъ тестю бланки, нуждаясь то-и-дѣло въ нѣсколькихъ тысячахъ, чтобъ „перевернуться“.

Ветлугинъ потерялъ вѣру и въ дѣла, и въ слова зятя. При подписи каждаго бланка онъ приходилъ въ безпокойство о своемъ собственномъ, натянутомъ какъ струнка, кредитѣ.

Когда они вернулись въ гостиную, Ступинъ оживленно бесѣдовалъ съ Кетъ. Ему что-то помогло выйти изъ смущенія, освоиться. Онъ чувствовалъ себя пріятно, шутилъ самъ надъ собою, передавая о своихъ хозяйственныхъ приключеніяхъ, и радостно встрѣчалъ улыбку, освѣщавшую прелестное, матово-блѣдное лицо собесѣдницы, замѣчалъ ея особенность вспыхивать вдругъ, широко открывать, какъ бы въ наивномъ удивленіи, ясные сапфирные глаза.

Изъ гостей обращалъ на Ступина вниманіе только одинъ мужчина — элегантнѣйшій *bel-homme* лѣтъ тридцати, съ пробритымъ подбородкомъ и волнистыми каштановыми волосами, одѣтый съ безукоризненностью англійскаго дэнди. Онъ передвигалъ лежавшій передъ нимъ на столѣ у окна кипсакъ и поглядывалъ уголкомъ глаза на Кетъ, — выжидая съ увѣренною безпечностью, пока вице-хозяйка кончитъ „занимать“ неинтереснаго гостя. Это былъ помѣщикъ сосѣдняго уѣзда, аристократъ и богачъ Михаилъ Кирилловичъ Пороховъ — поклонникъ и другъ Кетъ, свой человекъ въ домѣ.

IX.

Спусти нѣсколько дней, Ступинъ, съ цѣлымъ портфелемъ плановъ и бумагъ, отправился снова въ Ртищево.

Въ паркѣ, когда подъѣзжалъ тарантасикъ, раздавались голоса, видѣлась на сѣвшемъ пруду лодка съ катавшимися дамами. У самой изгороди стояла Кэтъ, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, стройная, воздушная, срывавъ вѣтеръ бѣлой сирени; вѣтерокъ игралъ выбившимися прядями роскошныхъ пепельныхъ волосъ.

Ступинъ вышелъ изъ тарантасика и направился къ ней:

— Здравствуйте!— сказала она, взявъ цвѣты въ лѣвую руку и протягивая правую между балаясами. — Вы къ рара?.. Онъ уѣхалъ, но скоро будетъ... Володя...

Она повосилась знаменательно на стоявшаго около нея худенькаго, малорослаго мальчика въ черной курткѣ. Тотъ поклонъ и отдалъ поклонъ Ступину, сверкнувъ на солнцѣ бѣлообрисомъ, гладко-остриженной головой.

Володя Карновъ былъ сиротка — сынъ недавно умершаго одинокаго помѣщика изъ бѣдныхъ, призрѣтый Ветлугинымъ впродолженіе до явки родственниковъ и порученный Кэтъ для надзора и воспитанія.

— Папъ мой, — сказала она, улыбаясь, и поправила на Володѣ надѣтую криво фуражку. — А вотъ и рара!

И она замахала рукой.

Къ изгороди подъѣзжалъ небольшой англійскій брэкъ. Ветлугинъ, въ плащѣ и соломенной шляпѣ, сидѣлъ понуривъ голову и опираясь на трость. На лицѣ у него, точно маска, лежало застывшее выраженіе скуки и скорби.

Ступинъ едва узналъ его.

Вскинувъ голову, онъ сразу перемѣнился, улыбнулся и заговорилъ, выходя изъ экипажа:

— Аккуратный человекъ, не замѣшались!.. Очень, очень радъ... Передай, Кэтъ, мамѣ, что я вездѣ былъ, всѣхъ засталъ, что ей поклонъ шлютъ!.. Пойдемте!

Въ кабинетѣ Ветлугинъ быстро ознакомился съ дѣломъ и отобралъ надобныя бумаги.

— Да, печальны эти факты — проматываніе, пропиваніе своего собственнаго, насущнаго, и не какимъ-нибудь свихнувшимся пьянчугой, а цѣлымъ миромъ, юридическимъ лицомъ... — сталъ

говорить онъ потомъ. — Но иначе и быть не должно. Пока мужикъ будетъ оставаться не человѣкомъ, не гражданиномъ, а специфическою особью, запертою въ своей сословной клеткѣ, — всѣ воступки его будутъ мужицкіе, а не человѣческіе... И сколько уже поступковъ этихъ, сколько!.. И неизвѣстно, гдѣ конецъ!.. Деревня стремится по покатой плоскости въ тьму, въ невѣжество, нищаетъ, дичаетъ, впадаетъ въ какую-то отчаянную — безцѣльную, безвыгодную жестокость, въ „озорство“, какъ говорится... И ни у кого нѣтъ права помочь бѣдѣ... А помогать надо, надо — насколько можно и какъ можно... О вашемъ дѣлѣ я думалъ, и вотъ мы потолкуемъ... Потомъ я направлю васъ въ городъ — къ служебному Лепорелло моему, Лукѣ Лукичу Модестову: онъ оформитъ все, онъ — мастеръ по этой части!

Въ общихъ чертахъ рѣшено было такъ: Ступинъ давалъ крестьянамъ всего вдоволь, принималъ въ расчетъ всѣ ихъ надобности; по назначеннымъ Ветлугинымъ условіямъ, крестьяне должны были составить постепенными взносами мірской капиталъ на устройство школы, общественного колодца и хлѣбнаго запаснаго магазина, а до того не имѣли права ни продать даримое, ни отдать въ аренду.

Дворецкій доложилъ, что „въ галереѣ кушаютъ чай“.

Х.

Галереей звалась легкая, точно кружевная, постройка въ паркѣ, съ разноцвѣтными стеклами, со ступенями во всю длину, спускавшимися съ одной стороны къ пруду, съ другой — къ лужайкѣ съ клумбами. Въ дни именинныхъ и прочихъ торжествъ, когда въ паркѣ происходила „garden-party“ (Ветлугины вообще склонялись во всему англійскому, а не французскому), галерея убиралась гирляндами зелени, фонариками, озарялась бенгальскими огнями; въ ней танцовали, изъ нея смотрѣли — всегда очень недурной фейерверкъ, устраивавшійся на пруду ученымъ химикомъ-земцемъ. Обыкновенно же, въ хорошую погоду, она служила мѣстомъ деревенскаго чаепитія, запросто.

Теперь гостей собралось достаточно.

Было нѣсколько семействъ изъ города; былъ Бельтищевъ съ женою — очень красивою, милою, но нѣсколько церемонною барыней изъ петербургскихъ; былъ сосѣдъ князь Г* — видный мужчина съ сѣдою, гладко-остриженной головой, съ умнымъ, какъ бы насмѣшливымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ подъ

нависшими бровями, считавшійся оригиналомъ и пользовавшійся въ уѣздѣ за свою прямоту и независимость названіемъ маркиза Позы; была еще старая дѣвица Шипилина, Марья Ермингелдовна, звавшаяся у всѣхъ Шипилихой... О ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ теперь же, чтобы забыть потомъ...

Послѣ смерти отца она разодралась въ кровь съ явившимся судебнымъ приставомъ и отвоевала себѣ такимъ образомъ наличные капиталы, которыхъ прочіе наследники никакъ не могли доискаться потомъ. Голосъ имѣла она слащавый, вкрадчивый, казалась благожелательною, но съ наружностью это не вышло совсѣмъ: всегда вся въ темномъ, сутулая, съ пронзительными круглыми глазами и длиннымъ синеватымъ носомъ, она въ совершенствѣ походила на зловѣщую птицу, на ворона; она и теперь, склоняясь рѣзкими движеніями надъ чашкой, казалась теребашей добычу... Специальностью ея были... комеражы высшего разбора. Въ то время, какъ заурядныя городскія кумушки не жалѣли башмаковъ, рыская изъ дома въ домъ и отдавая чисто фонографной работѣ, Шипилиха изъѣзживала по уѣзду колеса своего фамильнаго тарантаса, вышивая творчески узоры на канвѣ событій, прибавляя къ интеллектуальности страстность, создавая комеражы широкіе, идеальные... Ее никто не жаловалъ, никто не приглашалъ къ себѣ; но она всѣмъ интересовалась, во всѣмъ являлась, всѣхъ разспрашивала, желая знать все, все...

За чайнымъ столомъ хозяйничала миссъ Кэрби, какъ бы стараясь въ то же время умѣрять холодностью взгляда и пріемовъ не слынувшей еще зной...

На берегу пруда, въ тѣни старыхъ развѣсистыхъ кленовъ, Кэтъ, двѣ барышни-сосѣдки и безбородый юноша-вѣмичъ, Феллеръ, сынъ управляющаго, тщились удить рыбу. Рыба играла, пуская безчисленные круги по неподвижной водѣ, кишѣла у берега, но не хотѣла прельщаться никакими лавомыми приманками.

— Чтò новенькаго?—спросилъ Ветлугинъ, здороваясь съ Шипилихой и подчеркивая тонко вопросъ.

— Ахъ, почему мнѣ знать!—толко отвѣтила та, обмахиваясь чернымъ вѣеромъ изъ казуаровыхъ перьевъ.

Ветлугинъ познакомилъ Ступина съ Бельтищевымъ, и рыцане хозяева-народники, забывъ всѣхъ и все, ушли тутъ же въ свой специальный разговоръ. Самого его атаковали всеякими дѣловыми вопросами городскіе дворяне, жены которыхъ бесѣдовали съ Ниной Израилевной.

Молодежь, покинувъ удочки, поднялась въ галерею. Пажъ

Володя слѣдовалъ, какъ тѣнь, за Кэтъ; повинаясь ея магическому взгляду, онъ отдалъ публикѣ общій поклонъ, шаркнувъ ножкой, а потомъ отдался у чайнаго стола во власть миссъ Кэрби, усадившей его около себя.

Кэтъ направилась къ стоявшему у перилъ князю Г*. Они были большими пріятелями. Онъ состоялъ ея неизмѣннымъ спутникомъ при прогулкахъ верхомъ, слалъ ей изъ своего Никольскаго цѣлые снопы розъ, которыхъ и въ Ртищевѣ дѣвать было куда. Онъ жилъ одиноко, затворникомъ въ своей прекрасной, но обветшавшей и одичавшей усадьбѣ. Кэтъ однажды попала къ нему случайно, съ отцомъ, и ее поразили въ кабинетѣ большою, писанный пастелью, портретъ необыкновенной красавицы. Отецъ объяснилъ ей потомъ, что это портретъ „бывшей“ жены князя. Она поняла, что князь не вдовецъ, и инстинктивно отвела ему мѣсто жертвы.

Прошло съ полчаса, и все снова перемѣнилось: Кэтъ и нѣмчикъ Феллеръ очутились на лужайкѣ, противниками Ступина и одной изъ баршенъ въ какой-то мудреной игрѣ въ мячъ; вѣчно живой и кипящійся Бельтищевъ принялся доказывать одному изъ городскихъ дворянъ-оппортунистовъ, что тотъ плохо служить добру, кто не борется со зломъ, и что нельзя ожидать благъ, какъ ожидаютъ причастія „разини“ (раскольничье согласіе въ уѣздѣ) — стоя съ разинутымъ ртомъ, пока сойдетъ ангелъ причастить; князь Г* и Ветлугинъ удалились въ уголокъ галереи и усѣлись тамъ за особымъ столикомъ.

У нихъ было о чемъ поговорить. И тѣмъ дальше шелъ разговоръ, тѣмъ больше и больше омрачалось лицо князя..

XI.

Князь вскорѣ уѣхалъ.

Отъ Ртищева до Никольскаго не насчитывалось и десяти верстъ. Знаменитая призовая пара „на отлетѣ“ шла ровною рысью, сверкая на солнцѣ подковами; брюссельская коляска колыхалась на выбоинкахъ дороги и мягко шаркала крыльями, задѣвая шины колесъ. Князь сидѣлъ, опустивъ голову и опершись на палку. Онъ не шутилъ, сверхъ обыкновенія, со своимъ сѣдымъ, бородатымъ кучеромъ Архипомъ, изъѣздившимъ съ нимъ вѣкъ и въ Петербургѣ, и въ походахъ, не спрашивалъ его, изъ какой деревни косцы тянутся черною полоской вдали, по изволу; изъ чьего лѣса везутъ навстрѣчу длинныя смолистыя

бревна, дрожащія тонкими верхушками на роспускахъ; члѣкъ лошадей, съ переплетенными соломою гривами и хвостами, ведутъ за тѣлѣгоу, между привязанными оглоблями...

Онъ отдавался думамъ.

Старикъ князь Г*, взысканный судьбою льстивый придворный, попавшій потомъ въ немилость и удалившійся на покой, былъ какъ бы фокусомъ, въ которомъ сосредоточивалось все недоброе крѣпостничества. Человѣкъ воспитанный, выдержанный, холодный и умный, онъ не кутилъ, не самодурствовалъ, не выказывалъ ни вспыльчивости, ни барственаго гнѣва, но ужасъ только увеличивался отъ этого... Вѣря въ законность своего феодализма, не допуская и мысли о критикѣ, пользуясь повровительствомъ властей, онъ систематически, просто и спокойно извлекалъ изъ человѣка все надобное, какъ изъ вещи, неуклонно практиковалъ и регламентированное, и обычное — отъ истязаній на конюшнѣ до jus primae noctisъ включительно... Жилъ онъ широко, окруженный французскою роскошью, и давалъ тонъ всему уѣзду. Никольское было какъ бы сочетаніемъ версальскаго Трианона съ мрачною инквизиціей. Семью составляли: вторая жена — сухая, бонтонная дама, не знавшая ничего дальше гостинной, и двѣ взрослые дочери отъ перваго брака. Единственный сынъ, вынужденный изъ пажей въ гвардію, служилъ въ Петербургѣ. Онъ рѣдко навѣщалъ Никольское, и потому сталкивался съ дѣйствительностью сразу, не осваиваясь съ нею, видѣлъ ее въ самомъ яркомъ, истинномъ свѣтѣ. Искательство и низкопоклонство разнокалибернаго уѣзднаго дворянства, примѣрное раболѣпіе дворни, тяжкія картины крѣпостничества, все, составлявшее антуражъ и среду отца, только оттапливало сына, приводило въ недоумѣніе, въ уныніе; прибѣгавшія къ нему, какъ къ защитнику и спасителю, жертвы отцовскаго деспотизма надрывали ему сердце.

Мельнули года. Все перетасовалось. Рабство отодвинулось въ область исторіи; сестры вышли замужъ; отецъ умеръ; мачиха удалилась навсегда за границу, коротать время на Брюллевской террасѣ, въ Дрезденѣ. Князь — уже старый холостякъ, много пережившій, передумавшій — рѣшилъ покинуть поля, чтобъ поселиться въ Никольскомъ, войти въ новые, укоренившіеся порядки.

Но судьба, соткавшая въ своей неисповѣдимой таинственности сѣтъ надобныхъ ей обстоятельствъ, хотѣла иного...

Дружба одной изъ дочерей-красавицъ въ знатной, прожившей семьѣ, еле державшейся на положеніи „позолоченой нищеты“, перешла вдругъ въ страсть... Пораженный, потрясенный, князь увидѣлъ, что это — только отвѣтъ, что страсть живетъ и

въ немъ самомъ... Попытка образумиться, напоминаніе о своихъ гѣтахъ, просьба подумать—только ускорили развязку: красавица упала къ нему на грудь, лепеча клятвы, роняя слезы счастья...

Ослѣпительно-ярко вспыхнули запоздавшія мечты. Исчезло, точно въ вихрь, прозаическое настоящее, уступая мѣсто обольстительному грядущему. Исчезли воли, намѣренія, соображенія, потонувъ въ одномъ, неотразимомъ: *ce que femme veut, Dieu le veut...*

Молодые супруги, правда, показались въ Никольскомъ, но лишь затѣмъ, чтобъ провести медовый мѣсяцъ, чтобъ плѣнительная княгиня Юлія Арнольдовна изумила уѣздъ туалетами, бриллиантами, высочайшимъ... Къ осени они были уже заграничей.

Спустя годъ, князь вернулся изъ-за-границы одинъ—не узнаваемый, посѣдѣвшій, осунувшійся. Онъ затворился въ Никольскомъ, занимая въ большемъ, роскошномъ домѣ только лицевую половину внизу, поддерживая лишь близкія знакомства. Печальный самообманъ, — разрѣшившійся въ Ниццѣ постыднымъ поведеніемъ Юліи Арнольдовны, — былъ забытъ имъ (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ увѣрилъ себя), и только дивный портретъ въ кабинетѣ на рѣзномъ орѣховомъ треножникѣ напоминалъ о мелькнувшемъ быломъ.

Потянулись годы. Князь весь отдался заботамъ о крестьянахъ, ушелъ въ идею „исполнить долгъ предъ тѣми, кто такъ покорно исполнялъ свой долгъ родомъ князей Г*“. Онъ не слѣдовалъ никакимъ теоріямъ, не записывался ни въ народники, ни въ социалисты, не задавался мыслью просвѣщать, поучать. Онъ просто жилъ въ деревнѣ, зная, понимая ее, составляя надобную спицу въ ея колесницѣ, насаждая доброе непосредственно, приходя на помощь въ нуждѣ. Когда случившійся падежъ скота обездолилъ Никольское, князь самъ поѣхалъ на ярмарку въ Бабино и закупилъ тамъ цѣлое стадо коровъ, табунъ лошадей, но потребовалъ, чтобъ отнынѣ крестьяне обращались къ земскому ветеринару и исполняли всё его указанія. Онъ отпускалъ даромъ лѣсъ погорѣльцамъ, но отъ общества требовалъ заботы по пожарной части. Его хлѣбный амбаръ былъ открытъ для крестьянъ при неурожаѣ, при нуждѣ, но съ обратившимся въ законъ условіемъ: „Первая лопата съ гумна—въ амбаръ“!

Главное было впереди.

Свои земли при Никольскомъ, лѣса и угодья князь оставлялъ въ наслѣдство крестьянамъ. Требовалось только выбраться изъ „двѣпровскихъ пороговъ“, которые ставилъ законъ, запрещаая дарить или завѣщать родовую недвижимость. Съ этою цѣлью и

зная всё малѣйшія особенности, нужды, потребности уголка, князь выработалъ проектъ различныхъ общепользныхъ учреждений при Никольскомъ. Предполагалось основать въ собственность общества земледѣльческую школу съ образцовыми полями, народную библіотеку, читальню, чайную, больницу, общественный магазинъ предметовъ первой необходимости. На все это давались въ избытѣкъ недвижимыя и капиталы. Уголокъ выводился изъ омертвѣнія; селу предстояло превратиться въ цѣлый городокъ.

Спеціальное ходатайство о разрѣшеніи задуманнаго находилось давно въ Петербургѣ. Князь писалъ дровьямъ, знакомымъ, хлопоталъ ускорить дѣло, а оно все по обычаю затягивалось. Отправлявшійся въ Петербургъ Ветлугинъ взялся повидаться съ кѣмъ слѣдуетъ и выяснить все лично. Теперь, бесѣдуя съ хозяиномъ въ галереѣ, князь узналъ о безуспѣшности стараній и услышалъ привезенный краткій, но сильный петербургскій отвѣтъ, что „*баланстеріи не допускаются*“.

Пороги только умножились, осложнились. Надо было придумывать новый выходъ.

Коляска мѣрно, точно по клавишамъ, застучала по длинной бревенчатой части, соединявшей Никольское съ сосѣдними торфяными болотами.

Князь очутился отъ своихъ думъ и вскинулъ голову.

Впереди, напоминая старинные литографированные пейзажи, видѣлась усадьба съ зелеными купами многолѣтнихъ раскудрившихся деревьевъ, съ темно-красными крышами построекъ, со шпицами, флюгерами.

Встрѣтить вышли: старый, согбенный лакей Пантелеймовъ, съ сѣдыми висячими бабенбардами и въ старомодномъ плюшевомъ жилетѣ, и камердинеръ Аванасій—бритый худенькій старичокъ, съ сѣдымъ хохолкомъ на лбу, съ торчавшими сзади, изъ за воротника скрутка, завязками манишки.

ХІІ.

Отдавшись наладившемуся дѣлу съ крестьянами, Ступинъ какъ бы напелъ исходъ всему.

Бродившія мысли его успокоились, вошли въ колею. Избрать долю хозяина, слиться интересами съ окружающимъ, имѣть близкими къ себѣ его радости и печали—стало для него яснымъ, опредѣлившимся цѣлью.

Навѣдывавшійся изъ города Модестовъ успѣшно велъ пере-

говори съ крестьянами, объясняя, одолевая то одинъ, то другой пунктъ. Самъ Ступинъ съ бурмистромъ, — уже отлично понявшимъ, „въ чемъ тутъ касательство“, и готовымъ на услуги, — объѣзжалъ дѣсь, дуга, намѣчая болѣе подходящія для крестьянъ участки, облюбовывалъ на селѣ мѣста для школы и колодца. Съ незнакомымъ прежде сознаніемъ прямого, сосредоточеннаго интереса встрѣчалъ онъ теперь все деревенское, сознавалъ, какъ раскрывается предъ нимъ, шагъ за шагомъ, таинственное содержаніе жизни, дѣйствительности; спокойно и увѣренно готовился къ труду, къ жертвамъ...

При каждомъ практически назрѣвавшемъ вопросѣ или встрѣчавшемся затрудненіи онъ ѣхалъ за совѣтомъ въ Ртищево. Если Ветлугина не оказывалось дома, Кэтъ записывала надобное, для передачи отцу. Она и сама интересовалась дѣломъ Ступина съ крестьянами. Ее не пугали специально-школьныя или хозяйственныя сухія, скучныя подробности, въ которыя вдавался Ступинъ при ея разспросахъ. Встрѣчая касавшееся школъ въ получавшихся въ Ртищевѣ англійскихъ журналахъ, она отмѣчала прочитанное, и потомъ, при случаѣ, переводила Ступину. Это увлекало обыкновенно въ бесѣду, въ оживленный обмѣнъ мнѣній, близкій порою къ спору.

Случалось, что при этомъ присутствовала миссъ Кэрби, не расстававшаяся съ голубымъ гаруснымъ шарфомъ, который вѣчно вязала она для кого-то. При первомъ же возвышеніи голосовъ она поднимала голову и роняла свой клубокъ шерсти; потомъ, видя маневръ незамѣченнымъ, а опасность растушею, она извинялась, что прерываетъ разговоръ, и освѣдомлялась у Кэтъ: какое сегодня число?

Вѣра и Кэтъ родились въ Лондонѣ и тамъ же поступили въ вѣдѣніе миссъ Гортенвіи Кэрби. Былъ еще первенецъ-сынъ, Иванъ, родившійся въ Россіи, — уже женатый и успѣшно служившій въ одномъ изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ. Имѣя предкомъ баронета, а отцомъ многосемейнаго деревенскаго пастора, миссъ Кэрби рано вступила на самостоятельный путь наставницы и принадлежала по своимъ качествамъ къ числу патентованныхъ англійскихъ издѣлій, не боящихся никакихъ ударовъ судьбы.. Она послѣдовала за Ветлугиными въ Россію; а окончивъ наставничество, имѣвшее въ основѣ задачу развивать умъ, сердце и руки, заслужила любовь воспитанницъ и осталась навсегда въ семьѣ.

XIII.

Темная, безлунная ночь съ едва мерцавшими звѣздочками крыла все точно бархатомъ. Въ ртищевскомъ домѣ давно погасли огни.

Свѣтъ мелькалъ только внизу—въ маленькой диванной, выходящей окнами въ паркъ. Она была собственнымъ уголкомъ супруговъ Ветлугиныхъ, и они имѣли обыкновеніе бесѣдовать въ ней передъ сномъ.

Близилась уже полночь. Ветлугинъ, въ туфляхъ и плафрокѣ, сидѣлъ, горбясь въ креслѣ. Сумрачный, съ усталымъ, осунувшимся лицомъ, онъ не походилъ на себя. Привычная, свойственная вообще придворнымъ и дипломатамъ способность будить въ себѣ энергію, сохранять чуткость, неутомимость, покинула его теперь, свершивъ возможное, и организмъ бездѣйствовалъ.

Вошла Нина Иракліевна, бывшая наверху, у Кэтъ.

— Отчего ты такъ долго?—проговорилъ Ветлугинъ, точно отъ сна очнувшись.

— Кэтъ писала Вѣрѣ, и я ждала, чтобъ прислать.

— А Григорій Васильевичъ и глазъ не важеть...

— У него столько дѣлъ!

Ветлугинъ откинулся на спинку кресла; усталый взглядъ его ожилъ на мгновенье.

— Важно не количество дѣлъ, а ихъ значеніе!—отвѣтилъ онъ.

Нина Иракліевна промолчала, по обыкновенію. Она всегда старалась извинять Юрлова, вѣрила, что затрудненія его дѣйствительно временныя, что онъ хлопочетъ выйти изъ нихъ, и надѣялась на лучшее, по общей людской склонности къ этому.

— Всякія дѣла тогда лишь могутъ идти какъ должно,—продолжалъ Ветлугинъ,—когда на соответствующемъ мѣстѣ находится соответствующій человѣкъ—the right man in the right place... А Григорій Васильевичъ—*кавалергардъ*,—подчеркнулъ онъ:—и потому ни въ хозяйствѣ, ни въ оборотахъ—не на мѣстѣ... А пророс...—началъ онъ, помолчавъ и слѣдуя, видимо, сѣвшенію идей:—Кэтъ, насколько могу я понимать въ такихъ дѣлахъ, не въ спорѣ, важеть, съ Порозовымъ?..

— Она очень расположена къ нему...

— И онъ заслуживаетъ этого!

Михайлъ Кирилловичъ Порозовъ ухаживалъ за Кэтъ давно и открыто. Во многомъ англоманъ, какъ и Ветлугины, онъ, 10

англійскому обыкновенію, объяснился прежде всего не съ родителями, а съ нею. Она искренно отвѣтила, что должна подумать, и осталась съ нимъ въ дружбѣ. Отсрочка сходилась и съ обстоятельствами жениха: требовалось отдѣлать домъ въ Петербургѣ, распорядиться въ имѣніи такъ, чтобъ можно было пожить заграницей.

Нина Иракліевна присѣла на диванъ, подбирая задумчиво волосы подъ гребень, какъ бы соображая что-то.

— Ты знаешь?.. Платоновъ будетъ баллотироваться въ предводителя...—сказала она.

— Не думаю...—промолвилъ Ветлугинъ, сохраняя равнодушный видъ.—Не въ такой же степени можетъ утратиться „амбушуръ“ у дворянства...

— Да, да!—подтвердила Нина Иракліевна.—И... ты понимаешь: безъ попутнаго вѣянія не выступилъ бы онъ...

До выборовъ оставался всего годъ. Платоновъ—крайній консерваторъ и человѣкъ съ такимъ нравственнымъ уровнемъ, что доносы о „нехожденіи въ церковь“, о „неблагонадежности“ составляли у него приемъ борьбы,—не рѣшался никогда выступить кандидатомъ хотя бы въ безличныя кандидаты предводительскіе. Почему же теперь?.. Неужели „вѣяніе“ уже такъ ощутительно?..

Ветлугинъ молчалъ.

— Шипилица звонить по уѣзду,—продолжала Нина Иракліевна.—Мнѣ передаютъ... съ доброжелательствомъ, какъ водится... съ несноснымъ, обиднымъ соблагованіемъ...

Голосъ дрогнулъ у нея, слова остановились въ горлѣ.

— Зачѣмъ волноваться такъ изъ-за пустяка!—воскликнулъ утѣшаяще Ветлугинъ.—Все это—слухи только, ничтожныя, безосновательныя... А Платоновъ—пузырь мыльный... Нѣмцы преврасно смотрятъ на подобныя вещи, говоря: „Lass dir eine Kleinigkeit nicht näher gehn, als sie werth ist!“... А?... И потомъ, помнишь, какъ мы рѣшили?.. Мы рѣшили, что никакіе уѣздные комеражы не существуютъ для насъ... И ты отлично сдѣлаешь, если выкинешь ихъ изъ головы!

— А твоя неудача въ Петербургѣ?

Она затрогивала то, что лежало у него на сердцѣ, чѣмъ заняты были думы до ея прихода... Но онъ не хотѣлъ, чтобъ страдала еще она. Да и что пользы?

— Какое можетъ быть отношеніе!—отвѣтилъ онъ съ видимымъ спокойствіемъ.

— Безъ этого развѣ посмѣлъ бы Платоновъ!—возразила

Нина Иракліевна.—И развѣ не видно того же по петербургскимъ флюгерамъ—друзьямъ-пріятелямъ! Когда Свирскій чрезъ секретаря отвѣчалъ тебѣ?.. Аносовъ—могъ ли онъ раньше „добрейшимъ“ титуловать тебя?.. И вотъ всѣмъ этимъ слухомъ земля полнится; все это позволяетъ осмѣливаться людшкамъ... чловѣчишкамъ...

Слезы посыпались у нея изъ глазъ...

XIV.

Въ своей спальнѣ, улегшись на гигиеническую кровать съ жесткимъ матрасомъ, Велугинъ отогналъ отъ себя все дневное.

Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ, неприятное подступало, овлаживало мыслями. Онъ зажегъ свѣчу и выкурилъ папироску; а тамъ еще и еще...

Наступила мучительная бессонная ночь.

Потянулись въ памяти годы непрерывныхъ трудовъ, усилій, безъ мысли о корысти, во имя гражданскихъ добросовѣстныхъ стремлений... Встала скорбная вереница эпизодовъ, событій, недоразумѣній, столкновеній, репрессій,—тормозившихъ каждый шагъ, незаслуженныхъ, тяжкихъ, обезкураживающихъ, не щадившихъ ни самолюбія, ни достоинства... Дувшій то туда, то сюда циркулярный вѣтеръ мѣшалъ сосредоточиться, не позволялъ держаться ни опредѣленныхъ взглядовъ, ни выработаннаго плана дѣйствій, смущалъ требованіемъ всякихъ неприглядностей. Замотрѣлая уѣздная жизнь, обреченная покоиться на трехъ своихъ вѣтахъ—картахъ, водѣ и свѣѣ,—принуждала однихъ работниковъ бѣжать, атрофировала способности другихъ. Пившій, буйствовавшій инспекторъ народныхъ школъ, креатура охранителей, незаконно изгонялъ лучшихъ земскихъ учителей, и приходилось закрывать школы. Паря надъ всѣмъ этимъ и вырывая жертву за жертвой, свирѣпствовалъ административный произволъ... Легально достигнутое сегодня, завершенное, рушилось завтра по прихоти „усмотрѣнія“, и приходилось снова начинать трудъ.

...Какъ ни былъ безотраденъ путь, гдѣ „столекихъ славныхъ жизнь поблекла“, какъ ни кидало ладью въ порогахъ,—онъ не терялъ цѣли изъ виду, утѣшался надеждой, что каждая преденная пядь приближаетъ, что съ каждымъ новымъ испытаніемъ союзъ соратниковъ крѣпнеть... А чтò въ результатѣ? Стоило усилиться произволу, приблизиться рѣшительной минутѣ—и нѣтъ уже единства, энергіи, стойкости; противники осмѣливаются,

держаютъ... Онъ, носитель лучшихъ сословныхъ завѣтовъ, безкорыстный подвижникъ, долженъ отвоевывать себѣ право на служеніе благу другихъ, на самопожертвованіе... И не пора ли опомниться? Не химера ли, не заманчивыя ли несбыточныя мечтанія эта тяжкая, самоотверженная, опасная забота о деревнѣ, о „меньшемъ братѣ“, о благѣ всѣхъ? Кто просить ее? кому она надобна? Не благу ли часть сулить жесткая буржуазная формула: „Chacun pour soi, chacun chez soi“?..

...Какъ всегда, онъ хотѣлъ вѣрить, что прогрессъ—стремленіе къ образцу, къ идеалу, а не тяготѣніе къ реальному; что забота о благѣ всѣхъ—долгъ гражданина; что только самоотверженностью избранниковъ держится живящее движеніе, гонится мертвенный застой; что отъ суровой дѣйствительности надо требовать слишкомъ много, чтобы она дала что-нибудь; что какъ бы доказательно ни развѣчивалъ разсудокъ свѣтлую, пылкую отзывчивость мечтателей, она всегда будетъ знакомъ лучшихъ людей, свѣтомъ во тьмѣ, Прометеевою искрой, назначенной жить истуканы... Онъ хотѣлъ вѣрить во все это, хватался судорожно за эту вѣру — за свое послѣднее дорогое, въ котораго не было больше ни руководящей цѣли, ни нравственной связи съ окружающимъ; а чувства отзывались туго, апатично, энергія гасла, подавляемая скорбью утомленной души...

XV.

Хорошій лѣтній день уже клонился къ вечеру.

Городъ К* начиналъ приходить въ себя послѣ обѣденнаго отдыха.

Лучшій въ Соборной улицѣ, деревянный, обшитый тесомъ и выкрашенный сѣрою масляною краской, домъ предводительскаго кандидата, Андрея Демьяныча Макушева, тоже подалъ признаки жизни: оконныя зеленныя шторы съ черными деревьями и согнувшимися въ дугу охотниками поднялись; балконная дверь въ палисадникъ, наполненный копавшимися курами; отворилась.

Показался и самъ Макушевъ — хмурый, оплывшій толстякъ въ пестромъ шолковомъ халатѣ.

Онъ остановился въ двери, зѣвнулъ, разогналъ платкомъ кивнувшую къ потному лицу вереницу мухъ и взглянулъ на ясное, прозрачное небо, какъ бы затканное золотистыми безконечными нитями.

Заспаные глаза его ослѣпило. Онъ заморгаль учащенно и отступилъ въ комнату.

Зѣвнувъ еще нѣсколько разъ—длительно и смачно, такъ что нижняя челюсть едва-едва стала на мѣсто, — онъ тряхнулъ головою и крикнулъ:

— Эй!

Отъ этого крика ожилъ весь домъ: появилась горничная съ бутылкой смородиной шипучки на подносіи; вышла изъ спальни, поправляя прическу, жена, Дарья Зиновьевна, — полная, недурная собою, брюнетка въ бриллиантовомъ каготѣ; на заднемъ крыльцѣ загудѣлъ самоваръ, выбрасывая искорки изъ трубы.

Макушевъ, чувствовавшій обыкновенно послѣ сна неутолимую жажду, осушилъ залпомъ два стакана шипучки.

— Не пей ты такъ, сразу! — сказала жена. — Отъ этого и бурчанье у тебя...

— Когда хочется!

Просвѣтъ балконной двери затемнился. Раздался голосъ:

— Воркуете?

Это пришелъ инвалидный начальникъ Никаноръ Максимовичъ Шубинъ, постоянный партнеръ въ „винтъ“.

— П'ли! — крикнулъ Макушевъ, распечатывая съ трескомъ надъ ухомъ гостя володу картъ.

— Смотрите, себя не контузьте, какъ въ прошлый разъ — безъ пяти, вмѣсто большого плема! — отвѣтилъ Шубинъ, бери карту. — Да что вы спѣшите? Не вдвоемъ же садиться!

— Берите, берите! Сейчасъ подой...

Отрыжка шипучкой, шибнувшая въ носъ, вырвавшаяся съ рокотомъ и свистомъ изо рта, не дала Макушеву кончить.

Съ палисадникомъ поровнялась толстенная блондинка, игриво повертывая яркій зонтикъ на плечѣ.

— Настасья Ниловна! — окликнулъ её Шубинъ изъ двери. — Куда это вы такъ — чикъ-чикъ-чикъ?! И смотрѣть не хотите!

— Никуда: гуляю.

— Лука Лукичъ что подѣлываетъ?

— На охоту уѣхалъ!

— А не въ Ртищево?

— Можетъ быть... Не знаю.

— Нила Семеныча отчего не видно?

— За книгами сидитъ!

Она кивнула головой и пошла еще бойчѣе, поспѣшнѣе.

— Почему такое любопытство? — обратилась къ Шубину хозяйка, заинтересовываясь сама.

— Такъ это я, чтобъ попытать ее,—отвѣтилъ тотъ.—Никогда правды не скажешь, хоть ты что! У меня солдатикъ такой есть—Никоновъ, что дрова кололъ вамъ... Я ужъ такъ и спрашиваю его—наоборотъ все: не соображаетъ и попадается...

— Чтò жъ такого теперь? Въ чемъ можетъ быть неправда?—съ горячностью и допытываясь, сказала Макушева.

— Да во всемъ!—отвѣтилъ Шубинъ.—Лука Лукичъ позавчера въ Ртищево, съ бумагами къ Артемію Петровичу уѣхалъ, а не на охоту; папенька ея, Нилъ Семенычъ, по уѣзду, на вскрытія, отправился, и это отлично извѣстно ей; сама она не гуляетъ, а къ акцизному въ садъ, на свиданіе, сѣвшитъ...

— Все, все вамъ извѣстно!—перебила Макушева, съ легкою краской въ лицѣ, отъ волненія.—Подумаешь, что вы женщина!

— Почему же мнѣ собственно извѣстно?—промолвилъ, скромничая, Шубинъ.—Весь городъ знаетъ, что дѣти не Луки Лукича...

— А зачѣмъ онъ женился на ней, послѣ всѣхъ ея романовъ?

— Любовь-съ...

— Нѣтъ, это значитъ—неглижировать обществомъ, игнорировать приличія!...

Макушева, какъ воспитавшаяся въ институтѣ, владѣла изысканною рѣчью.

Въ балконную дверь вступила пара подъ-ручку — секретарь земской управы Кипарисовъ съ женою. Вскорѣ подошли еще гости.

Играть сѣли въ гостиной.

Во время самаго разгара игры, къ палисаднику подѣхалъ ямской тарантасъ. Изъ него выбрался и торопливо направился въ домъ Модестовъ.

— Лука Лукичъ! — Вотъ онъ! — Вписывайтесь! — раздался голоса игроковъ.

Но Модестовъ, сверхъ обыкновенія, не засмѣялся, не порадовался случаю вписаться. Онъ положилъ на стулъ портфель, повѣсилъ себѣ на руку накидку, оставшись въ форменномъ фракѣ, обмахнулъ платкомъ сконфуженное бритое лицо и остановилъ на Макушевѣ растерянный взглядъ.

— Артемію Петровичъ скончались...—проговорилъ онъ убитымъ голосомъ.

Хозяинъ и гости всочили.

— Чтò вы?—Когда?—Быть не можетъ!—раздался голоса.

— Вчера ночью... Поражены... Что-съ?.. Да, да... Извините, Дарья Зиновьевна!..—сталъ лепетать Модестовъ, повертываясь и

не успѣвая отвѣчать обступившимъ его. — Отца родного потерялъ! — сказали онъ уже отъ себя и дѣтски-плаксиво. — Вамъ надо въ должность вступать, Андрей Демьянычъ.

— Какъ... вступать?

— Въ званіе предводителя: вы—кандидатъ.

Макушевъ, самый заурядный штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, избранъ былъ въ уваженіе его безвредности и служилъ отъ нечего дѣлать. Вступать въ должность ему приходилось не разъ; но вступленія эти ограничивались обыкновенно лишь тѣмъ, что Модестовъ приносилъ къ нему бумаги и указывалъ, которую изъ нихъ и на какомъ мѣстѣ слѣдуетъ подписать.

Теперь со вступленіемъ связывалось нѣчто.

Макушевъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, а потомъ вынулъ изъ гостиной въ кабинетъ такъ стремительно, что пестрый шелковый халатъ его раскинулся сзади точно павлиній хвостъ.

— Вотъ и отлетѣла душа уѣзда, — промолвилъ философски секретарь Кипарисовъ.

— Сынъ, Иванъ Артемьевичъ, заступитъ? Онъ въ Петербургѣ? Служить? — стала любопытствовать Макушева, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Флигель-адъютантъ-съ! — отвѣтилъ Шубинъ, проникаясь достоинствомъ при одномъ упоминеніи такого титула.

Вошелъ Макушевъ.

Онъ былъ одѣтъ во все новое и черное. Изъ-подъ воротника куртука выглядывала на шеѣ лента Станислава.

— Господа! Тяжелая скорбь, постигнувшая уѣздъ...—обратился онъ къ гостямъ.—Вступая теперь въ обязанности, прошу извинить... Милка!—это было ласкательное для жены—мы ѣдемъ съ Лукой Лукичемъ! Ты—завтра, къ выносу!

XVI.

Подъѣздъ ртищевского дома былъ затянутъ чернымъ сукномъ съ плѣрезами.

Въ залѣ шла предвыносная панихида.

Съдой, благообразный мѣстный священникъ, въ черной съ серебромъ ризѣ, служилъ не торопясь, вдумчиво. Красноватый свѣтъ большихъ восковыхъ свѣчей въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ боролся со свѣтомъ дня. Между двумя рядами этихъ подсвѣчниковъ лежалъ на столѣ Ветлугинъ, прикрытый по грудь парчевымъ покровомъ.

Въ дверяхъ сосѣдней комнаты стояли семья и близкіе, въ глубокомъ траурѣ. Нина Иракліевна, полубольная, сидѣла въ креслѣ.

Залу наполнило съѣхавшееся дворянство.

Макушевъ, неслышно ступая по лоснившемуся паркету, приближался къ столу и поклонился покойнику. Ветлугинъ лежалъ какъ живой: сѣдоватые, тщательно пробранные волосы серебрились при блескѣ свѣчей, усы и бакенбарды были зачесаны, стоячіе, точно костяные воротнички подпирали выбритый подбородокъ. Что-то таинственно-высокое, властное видѣлось въ неподвижныхъ, какъ-бы сіявшихъ чертахъ.

Растревоженнымъ воображеніемъ Макушевъ впервые представилъ себѣ отчетливо *предводителя*—не челоуѣка только, а и отвлеченный, казавшійся недосыгаемымъ, іерархическій обликъ.

Смущенный, онъ отступилъ отъ стола и замѣшался въ ряды дворянъ.

Ему стали пожимать руку. Кто-то шепнулъ: „Поздравляю“... Приблизившійся дворецкій прошепестилъ чуть слышно:

— Пожалуйте въ угловую...

Макушева дернули за полу, и онъ двинулся вслѣдъ за другими.

Въ угловой, на большомъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, были разложены листы чистой бумаги, стоялъ письменный приборъ. Макушеву предложили предсѣдательское мѣсто. Потомъ всѣ заспорили, точно забывъ о немъ. Когда споръ затихъ, Модестовъ составилъ протоколъ. Макушевъ узналъ, что земство учредить школьную стипендію имени *предсѣдателя* Ветлугина, а дворянство почтить похороны *предводителя* особою депутаціей. Тутъ же образовали и депутацію, съ Макушевымъ во главѣ.

Похороны распоряжался Юрловъ, обращавшій особое вниманіе на декоративную сторону, не упускавшій ни одной мелочи, способствовавшей выказать высокое положеніе покойнаго.

Послѣ похоронъ—гробъ опустили въ фамиліный склепъ, въ оградѣ ртищевской церкви—началась литія въ залѣ.

Стоя въ толпѣ, Ступинъ увидѣлъ неподалеку отъ себя Катю. Въ большомъ траурномъ чепцѣ, горестно-тихая, она стояла не шевелясь, сжимая платокъ блѣдными пальцами опущенныхъ рукъ. Замѣтивъ его, она придвинулась и пожала ему руку.

— Все счастье опущено въ могилу,—промолвила она.

— Чтѣ за причина?

— Докторъ нашелъ, что нервный ударъ.

Уходя потомъ съ дамами, она сказала ему:

— Вы будете прїѣзжать къ намъ? На той недѣлѣ мы брата моего ждемъ.

Тамъ и сямъ, въ обособлявшихся группахъ и у закусточныхъ столовъ, таинственно перешептывались. Уѣздное всезнайство плодило слухи, догадки о неожиданной смерти предводителя, мѣшало былъ съ небылицами, катило роспій „свѣжый комъ“...

Достовѣрно-извѣстное было тоже неясно и сводилось къ немногому. Нину Ираклиевну разбудили на разсвѣтѣ, сказавъ, что Артемію Петровичу нездоровится. Она нашла мужа въ агоніи. Онъ бредилъ, мѣшая русскія фразы съ англійскими. Послѣднія, вырвавшіяся съ предсмертнымъ хрипѣніемъ, слова были: „...*the battle of life... is over...*“ Находившійся на вскрытіи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ртищева и немедленно вызванный, уѣздный врачъ, тестъ Модестова, Нилъ Семеничъ Оболяниновъ, могъ только констатировать кончину, случившуюся, по его заключенію, отъ *apoplexia nervosa*.

XVII.

Ступинъ отправился въ Ртищево спустя недѣли двѣ.

Пріема не было, но обо всемъ докладывалось миссъ Кэрби. Его попросили въ маленькую гостиную.

Миссъ Кэрби была тамъ — вся въ черномъ, чопорная, холодная. Блюда этикетъ, она заговорила по французски, хотя обыкновенно любила практиковать изучавшуюся ею русскую рѣчь. Ступинъ сначала затруднился, было, но, не вида исхода, осмѣлился. Освѣдомившись о здоровьи дамъ, попросивъ засвидѣтельствовать имъ его соболѣзнованіе, онъ взялся за шляпу.

Миссъ Кэрби проговорила, остановивъ на немъ безстрастный взглядъ:

— Сейчасъ выйдетъ miss Кэтъ.

Вошла Кэтъ, съ усталымъ взглядомъ, блѣдная до синевы, проступавшей сквозь тонкую кожу. На плечахъ у нея была большая, домашняя шаль.

— Ахъ, чтò дѣлается у насъ! Вы вообразить не можете! — стала говорить она, прохаживаясь со Ступинымъ по комнатѣ. — Бумаги, счеты-разсчеты! Маманъ измучена, я должна сидѣть и слушать!..

Раздалось мелодическое позваніе шпоръ.

Вошелъ прїѣхавшій съ недѣлю тому назадъ молодой Ветлугинъ — въ красивомъ мундирѣ съ аксельбантами, съ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ, очень похожій лицомъ на отца.

Держась прямо и выказывая ту увѣренную паркетную выправку, при которой каждый шагъ, каждое движеніе сами находятъ мѣсто, получаютъ стройность, онъ приблизился къ Ступину и проткнулъ ему руку.

— Вотлугинъ,—сказалъ онъ просто.—Я много слышалъ о васъ отъ сестры.

Котъ молча поклонилась Ступину и пошла къ двери.

— Ты что же?.. просила г. Ступина?—окликнулъ ее братъ.

— Ахъ, да! Вотъ видишь: я даже память теряю!

Она вернулась, кутаясь въ свою шаль, и стала говорить:

— У меня большая просьба къ вамъ, Матвѣй Николаевичъ, я даже писать хотѣла вамъ... Можете вы пріютить пажа моего, Володю? Вы помните его?... Это не обезпечитъ васъ? Ему скучно, дико теперь у насъ, да и я рѣшительно не имѣю времени... Черезъ нѣсколько недѣль за нимъ пришлютъ родственники; а заниматься съ нимъ очень легко—онъ послушный и понятливый.

Ступинъ искренно отвѣтилъ, что мальчикъ будетъ только пріятнымъ компаньономъ для него. Онъ даже вызвался взять его теперь же съ собою.

Сборы оказались недолгими: спустя полчаса, Володя и его сундучокъ съ пожитками были въ тарантасѣ.

— Хорошо тебѣ сидѣть, Володя?—спросилъ Ступинъ, когда тарантасъ, выбравшись за село, застучалъ по жесткой, колесистой дорогѣ.

— Хорошо-съ,—прошепелявилъ Володя, шевельнувшись въ уголкѣ тарантаса и поводя плечиками.

Ступинъ попробовалъ-было продолжать разговоръ, но маленькій спутникъ только взглядывалъ робко и отмалчивался, встревоженный, видимо, переменною и всматривавшійся въ своего нового господина.

Вокругъ, сквозь густой, красноватый воздухъ, видѣлись площадки жнивья, усѣянные копнами, выдавались глянцовито-рыжіе загоны проса. Въ кустахъ и на высокихъ придорожныхъ стебляхъ татарника, белены звонко заливались стрекозы. Вдалекѣ, на краю начинавшаго вечерѣть горизонта, стояла темная грозовая туча, отбросивъ внизъ тускляя дождевыя полосы...

XVIII.

Въ ртищевской „голубой“ гостиниой шелъ между тѣмъ семейный совѣтъ, длившійся уже нѣсколько дней.

Косые лучи солнца падали сквозь тюль оконных занавѣсокъ длинными узорными полосами на паркетъ, на блѣдный плюшъ портьеръ.

На диванѣ, обложенная подушками и укрытая пледомъ до колѣнъ, полулежала Нина Иракліевна, нюхая по временамъ спиртъ изъ флакончика. У стола, заваленнаго конторскими книгами, планами, бумагами, помѣщались въ креслахъ Юрловъ, Ветлугинъ, Кэтъ и Вѣра.

Ветлугинъ предлагалъ ликвидировать дѣла, продать имѣніе. Юрловъ стоялъ за продолженіе дѣлъ.

— Какъ же вести дѣла, когда денегъ... вотъ, вотъ!..—воскликнулъ Ветлугинъ, тыча пальцемъ въ развернутый балансъ. — Сколько тамъ?.. Пять тысячъ?

— Да кредитъ же, говорю я! — возразилъ Юрловъ. — Безъ кредита вѣтъ дѣлъ!

— Личный кредитъ отъ личныхъ качествъ и зависитъ. Рара имѣлъ его, а я могу не имѣть. Рара жилъ здѣсь, отдавался всецѣло хозяйству, а у меня служба, я не могу...

— И ликвидировать не значить — взять да все и продать сегодня! — перебилъ Юрловъ. — Надо поддерживать ходъ дѣлъ, выжидать, выискивать покупателей!

Ветлугинъ всталъ и задумчиво прошелся по гостиной.

Взявшій хорошее состояніе за женою, стоявшій на видной служебной дорогѣ, онъ заботился въ наслѣдствѣ не о своихъ интересахъ, видѣлъ въ ликвидациіи избавленіе семьи отъ хлопотъ и потерь.

— Жеап,—послышался голосъ Нины Иракліевны. — Миѣ кажется, Григорій Васильевичъ правъ... Какъ ты думаешь?

— Я поступлю такъ, какъ будетъ вамъ угодно, мамап, — отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Я согласна съ нимъ.

— Вы какъ?—обратился Ветлугинъ къ сестрамъ.

Тѣ соглашались съ нимъ и съ матерью.

Наступила тишина. Слышалось только позваниванье шпоръ прохаживавшагося Ветлугина.

— Что жъ, будемъ вести дѣла! — сказалъ онъ, остановившись у стола. — Но лично я все-таки не могу принять на себя этого. Если вы, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрлову, — если вы убѣждены въ возможности, знаете условія мѣстныхъ, имѣете шансы... явиться замѣстителемъ рара, то...

Юрловъ потупился задумчиво.

Каждое слово его на совѣтъ, всякое усиліе, всякій пони-

сель — все въ тому и клонилось, чтобы стать замѣстителемъ тестя, водворить „интенсивность“ во всѣхъ хозяйственныхъ статьяхъ, дать полный ходъ кредиту... Окунаться съ головою въ невѣдомое, надѣяться невѣсть на что — составляло въ немъ органическую особенность, „родъ недуга“. Его огромные глѣбовскіе засъвы, сложнѣйшіе „обороты“ — вплоть до продажи хлѣба на кормю — были, собственно говоря, лишь переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, хроническимъ таяніемъ родовыхъ остатковъ, но онъ толкомъ эту воду въ ступѣ искренно. На опутанное долгами Глѣбово, давно ставшее пустымъ экономическимъ терминомъ, онъ продолжалъ смотрѣть какъ на реальную цѣнность, вѣрилъ, неизвѣстно почему, что финансовая тѣснота, жмущая спереди, сзади и съ боковъ, есть только временная, что вотъ-вотъ откуда-то придетъ что-то — свалится съ неба, быть можетъ, — и дѣла воспрянутъ, зацвѣтутъ.

И дѣйствительно, фантастическое „что-то“ сваливалось теперь съ неба: заведенное огромное хозяйство, съ поступленіями, съ кредитомъ, съ извѣстностью давалось само въ руки, обезпечивало дальнѣйшіе извороты въ безнадежныхъ глѣбовскихъ дѣлахъ.

Ориентировавшись мысленно, Юрловъ всталъ и закрутилъ обѣими руками свои длинные шелковистые усы (это была у него привычка).

— Въ виду общихъ семейныхъ интересовъ, я готовъ! — произнесъ онъ, позировавъ и опираясь о столъ кончиками пальцевъ. — Мнѣ предстоитъ трудъ, на меня ложится отвѣтственность, и я... постараюсь! Но — онъ поднялъ какъ бы со строгостью указательный палецъ: — для успѣха необходимы полная свобода дѣйствій, самостоятельность! И я — онъ сдѣлалъ общій поклонъ — надѣюсь имѣть ихъ! Вы говорите: гдѣ деньги? — продолжалъ онъ, развернувъ инвентарь и обращаясь къ Велугину. — Вотъ-съ онѣ... вотъ, на лицо! — Онъ прихлопнулъ кончиками пальцевъ по страницѣ. — Вотъ лѣсъ... Почему онъ только *лѣсъ*, цѣнностью двѣсти рублей за десятину, а не *товаръ*, приносящій съ того же пространства пять, десять тысячъ рублей?! Поставьте лѣсопильню, обратите сырье въ бревна, доски, клепки, въ дрань, гонтъ — вотъ и все!.. А болота? — Онъ прихлопнулъ по другой страницѣ. — Онѣ даже и цѣнности никакой не имѣютъ, да еще налогами бременятъ! А между тѣмъ это — торфъ... парафинъ!.. Потому-то и важны въ предпріятіяхъ интенсивность, кредитъ! Потому-то и являются Крушны, Лессепсы, создающіе изъ ничего сотни милліоновъ!

XIX.

Повдно вечеромъ, въ своей комнатѣ наверху, Ветлугинъ отдавался думамъ.

Первы были натянуты, на все смотрѣлось точно сѣвозъ темные очки. Да и было отчего. Загадочность смерти отца не утвѣждалась отъ него, и онъ не могъ не болѣть душою. О состояніи дѣлъ онъ зналъ раньше, но не ожидалъ найти затруднительность такую малоправимую. Въ неожиданномъ свѣтѣ выступалъ и Юрловъ,—превращавшійся изъ „веселаго человѣка“ въ вершителя судебъ. По балансу, имущество значительно превышало долги, почему ликвидация и казалась лучшимъ исходомъ. Теперь все зависѣло отъ хода дѣлъ. Какими неутѣшительными ни оказались бы результаты, за себя онъ мирился съ ними заранѣе, но объ участи матери и Катъ нельзя было не думать.

Получивъ толчокъ, мысли бѣжали дальше, за обычный круговоръ, цѣплялись то за одно, то за другое. Ветлугинъ какъ бы прозрѣвалъ, открывалъ горизонты. Многое изъ убѣздной дѣятельности отца—раньше малопонятное, скользившее только по вниманію,—выступало въ живомъ, яркомъ свѣтѣ, перестраивало кругъ обычныхъ понятій, взглядовъ... по иному освѣщало событія, лица...

Въ раскрытое окно—огня не было въ комнатѣ—лилась мягкая ночная прохлада; немногія звѣздочки на темномъ небѣ точно прятались за верхушками деревьевъ парка; вспыхивали и трепетно гасли зарницы вдаль.

Какая-то уснувшая птица оборвалась въ вѣтвяхъ подь окномъ и зашумѣла крыльями.

Ветлугинъ вскинулъ голову.

Тоскливо, не по себѣ было ему и хотѣлось расхѣяться. Онъ спустился чрезъ балконную въ паркъ и побрелъ по лабиринту дорожекъ.

Въ галереѣ виднѣлось у перилъ что-то бѣлое: это оказалась Катъ въ ночномъ капотѣ.

— Ты не спишь?—сказалъ удивленно Ветлугинъ.

— Я часто засиживаюсь такъ. И ты смотри, какъ хорошо тутъ!—стала говорить она.—Прудъ спать и дышать во свѣтъ... Деревья обступили его, точно великаны сказочные, и шепчутся о чемъ-то... А за ними—тѣни какія-то хоровадомъ кружатся и все уходятъ, уходятъ въ даль... Вѣдь да? Ты всмотришься!

Онъ молча присѣлъ рядомъ съ нею на садовый диванчикъ.

— Всѣ книги Володины въ классной остались,—сообщила она вдругъ.

— Да? Надо отослать завтра,—промолвилъ Ветлугинъ.—А какой славный Ступинъ, отзывчивый!

— Рара очень любилъ его.

— Не знаю, успѣю ли я побывать у него... Отпускъ короткій у меня, а надобности длинныя обазываются... Надо къ князю Г* съѣздить, въ городъ, ко многимъ... На визитъ къ Порозову цѣлый день уйдетъ, а отправиться непременно слѣдуетъ!.. Онъ сколько, два раза уже былъ за это время?

— Три...

— Вотъ видишь!.. А что это за Шипилиха, о которой слышишь то-и-дѣло?

— Газета уѣдная...

— Бумушка—ротъ нараспашку, языкъ на плечо?

— Откуда у тебя такія выраженія?—сказала, усмѣхнувшись,

Кэтъ.

— Девчигъ мой о горничной говорить такъ.

Они побесѣдовали, перебѣгая съ предмета на предметъ, но, точно сговорившись, не коснулись ни словомъ ртищевскихъ дѣлъ.

XX.

Кэтъ приводила въ порядокъ свою комнату.

Въ синенькомъ рабочемъ фартукѣ англійскаго фасона, усѣянномъ кармашками, точно заплатами, въ старенькихъ перчаткахъ и съ платкомъ на головѣ въ защиту отъ пыли, она методично дѣйствовала то тряпкой, то метелкой изъ перьевъ, устанавливала книги на полкахъ, бездѣлушки на этажеркѣ.

Въ дверяхъ показалась миссъ Кэрби.

Съ минуту она оставалась въ положеніи наблюдательницы, слѣдя за движеніями питомицы и какъ бы экзаменуя, по призывкѣ, выполненіе преподаваннаго, потомъ сдѣлала шагъ впередъ и произнесла значительно:

— М-г Порозовъ пріѣхалъ. Я приказала просить его въ голубую гостиную.

Рука Кэтъ съ метелкой опустилась бессильно, на лицѣ выразилось смущеніе.

Миссъ Кэрби помедлила, давая слово, но, не дождавшись его, продолжала:

— Миѣ кажется, что будетъ не совсѣмъ ловко, если онъ и на этотъ разъ не увидитъ... хозяйку. Какъ вы думаете?

Убитая горемъ Нина Ираклиевна почти не показывалась изъ своей комнаты. Гостей принимала миссъ Кэрби или Кэтъ. Въ Порозову не вышла она ни разу за всѣ три его прѣзда... Чуткое женское сердце подсказывало ей, что первая же встрѣча съ поклонникомъ и другомъ принесетъ развязку, и этой развязки она смутно, безотчетно боялась, отдаляла ее... Смятеніе охватило ее и теперъ. Но рѣшиться надо было.

— Да, я одѣнусь сейчасъ,— сказала она.— Займите его пока. Миссъ Кэрби скрылась къ себѣ.

Съ несвойственною ея націи поспѣшностью она придала своему туалету видъ парадности, выпрямилась до послѣдней возможности и прослѣдовала внизъ.

Порозовъ, во фракѣ, съ черною ленточкой вмѣсто часовой цѣпочки, подстриженный, съ усами въ ниточку,—онъ вообще выходилъ изъ своей деревенской уборной точно изъ столичной парикмахерской,—стоялъ въ гостиной у окна.

Вступившая миссъ Кэрби величественно указала ему мѣсто на козетѣ, а сама сѣла поодаль, въ кресло.

— Прошу извинить,— сказала она.— Madame все еще не такъ здорова, но она очень рада будетъ узнать о вашемъ любовномъ посѣщеніи. Доложатъ miss Кэтъ. Она, кажется, лучше чувствуетъ себя сегодня.

Она говорила цо-англійски, такъ какъ Порозовъ владѣлъ достаточно этимъ языкомъ.

При послѣднихъ словахъ ея онъ поклонился, понимая предупрежденіе, и повелъ должный гостинный разговоръ.

Вошла Кэтъ.

Миссъ Кэрби проводила ее взглядомъ вплоть до козетки, какъ бы направляя магнетически. Потомъ, помедливъ нѣсколько, какъ требовалось правилами, она поднялась, отдала поклонъ кивкомъ головы и удалилась.

— Благодарю васъ, Катерина Артемьевна. Я такъ счастлива, что вижу васъ, наконецъ,— началъ разговоръ Порозовъ.— Въ дни печали не до гостей. Но миѣ печаль ваша такъ близка, что я рѣшился... еще разъ...

— Маман очень признательна вамъ,— отвѣтила Кэтъ.

Порозовъ поклонился, отдѣлившись отъ спинки козетки.

Что-то необычное въ другѣ—не то смущеніе, не то рассчитанная холодноватая сдержанность—коснулось его, порвавъ мысль.

Онъ помолчалъ, постукивая шляпой о колыно.

Неожиданная смерть Ветлугина давала всему иной оборотъ. Порозовъ относился къ ней какъ къ большому личному своему горю, видѣлъ себя обязаннымъ стать ближе къ семьѣ, объясниться окончательно съ Кэтъ. Съ этою мыслью являлся онъ раньше; съ нею явился и теперь.

— Я просилъ бы у васъ позволенія воснуться извѣстнаго вамъ... того, что составляетъ лучшую надежду мою... мечту... — проговорилъ онъ.

Кэтъ приняла выжидательный видъ.

Порозовъ продолжалъ:

— Я не въ силахъ больше... я изнемогаю подъ отраднымъ, счастливымъ бременемъ моихъ чувствъ къ вамъ... Я рѣшаюсь высказать ихъ еще разъ, отдать въ ваши руки судьбу мою... Теперь, при постигшемъ васъ горѣ, я желалъ бы стать ближе, быть въ правѣ сочувствовать... Катерина Артемьевна! Я у вашихъ ногъ!

Онъ высказалъ это обращеніе лишь какъ установленную формальность, не придавая ему значенія, готовясь услышать желанное: „да“.

Кэтъ подняла на него отуманившіеся сапфирные глаза.

— Благодарю васъ за ваше расположеніе ко мнѣ, за участіе въ нашему горю, — стала говорить она. — Но... прошу забыть... простить мнѣ... Передумавъ о многомъ, я увѣрилась, что не могу составить ваше счастье...

Въ первую минуту Порозовъ счелъ себя ослышавшимся. Потомъ онъ отклонился къ спинкѣ возетки, полузакрывъ глаза и осваиваясь съ услышаннымъ.

— Такъ ли я понялъ васъ, Катерина Артемьевна? — сказалъ онъ, вставъ и смотря, точно сквозь флёръ, на блѣдное лицо Кэтъ. — Мнѣ не остается надежды?

— Не въ моей власти дать ее.

Онъ поклонился и отступилъ.

Она протянула ему руку; онъ тихо, съ чувствомъ, прикоснулся губами къ кончикамъ пальцевъ и вышелъ.

XXI.

Коляска двинулась отъ подъѣзда.

Порозовъ, привалившись въ уголокъ и сложивъ руки на груди, раздумывалъ хмуро. Онъ былъ изумленъ, пораженъ, не

находилъ причины случившемуся. Уязвленное самолюбіе, горечь утраты, отчаяніе—поднимались въ немъ сразу; его корректное, уравновѣшенное существо точно въ куски разбивалось. Съ мукою, еще больше тяжкою отъ неизвѣстности, переносилъ онъ неожиданное крушеніе своей, дѣйствительно, лучшей надежды, увѣренно взлелѣянной мечты...

А Кэтъ долго еще стояла въ гостиной, замеревъ въ неподвижности, едва сдерживая подступавшія слезы.

Ни взгляды и дѣятельность отца, ни собственные склонности не держали ее въ заколдованномъ кругу касты. Формируясь свободно, получая впечатлѣнія безъ прикрасъ и узкаго подбора, она не была тепличнымъ цвѣткомъ, стремилась къ воздуху, свѣту, инстинктивно жаждала полноты жизни полнотою чувствъ. Порозовъ первый произвелъ на нее впечатлѣніе, первый нарушилъ невинную тишь ея души. Она готова была отозваться, но ласкавшія слухъ восторженныя изліянія поклонника не затронули въ ея внутреннемъ мірѣ чего-то—робкаго, нѣжнаго, бывшаго выше удовольствія чувствъ, не приласкали его.

Оставаясь въ дружбѣ и раздумывая, она, съ быстрою женскою прозорливостью, улавливала въ поклонникѣ каждую выдававшуюся черту. Типичный представитель сословія, дисциплинированный членъ касты совсѣмъ заслонялъ предъ нею въ Порозовѣ „человѣка“; жизнь, общественность были какъ бы инымъ міромъ для него, знавшаго только свѣтъ, общество; можно было подумать, что онъ рожденъ съ органическою особенностью не переносить самаго представленія о заботѣ, трудѣ...

Одинъ случай былъ особенно памятенъ.

Они бесѣдовали вечеромъ въ гостиной. Кэтъ только-что окончила по модели изъ англійскаго журнала пышный бумажный абажуръ и стала примѣрять его на лампу. Абажуръ вдругъ вспыхнулъ, грозя зажечь платье, а сидѣвшій около поклонникъ, другъ не придумавъ ничего лучшаго, какъ броситься къ звонку и поднять тревогу, вызывая лакеевъ... Предъ Кэтъ — какъ бываетъ иногда это съ мыслящими, впечатлительными людьми—ничтожный самъ по себѣ случай этотъ точно завѣсу отдернулъ.

Недоразумѣніе росло. Кэтъ мучилась, чувствуя себя чужою съ другомъ внѣ свѣтскихъ, обычныхъ условностей, не зная, какъ сблизиться. Когда встрѣтилась надобность пристроить Володю, она подумала о Порозовѣ, но тутъ же смутилась, поняла, что просьба ея только отяготитъ, а человѣческій поступокъ окажется предъ кастовымъ декорумомъ неумѣстностью, мѣщанствомъ. Она оторопѣла предъ такимъ заключеніемъ, но отрѣшиться отъ него

не могла. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, мысль толкнула ее на Ступина, она не стала и колебаться, сочла какъ бы правомъ поручить ему безпріютнаго мальчика.

Она рѣшила не длить недоразумѣніе, восторжествовала разсудкомъ надъ чувствами, но не безъ боли досталось ей это.

Нину Иракліевну исходъ сватовства и опечалилъ, и удивилъ. Не въ ея правилахъ было вмѣшиваться въ чувства, выказывать въ подобномъ случаѣ родительскую власть; но, смотря субъективно—черезъ материнское желаніе счастья дочери,—она находила Порозова лучшимъ женихомъ и не скрыла этого отъ Кэтъ.

Пріѣхавшая къ обѣду Вѣра тоже удивилась и спросила, засмѣявшись громкимъ, деревенскимъ смѣхомъ:

— Кто же вытолкнулъ его у тебя изъ сердечка?

— Почему ты такъ думаешь?—возразила обидчиво Кэтъ.

— Не хочешь, не говори...

Кэтъ расплакалась и ушла въ свою комнату.

XXII.

У Ступина сваливали первое привезенное съ луговъ сѣно.

Хозяинъ былъ у сараевъ и распоряжался. Володя, уже успѣвшій свыкнуться, загорѣтъ и окончательно утратить неупрочившуюся муштровку Кэтъ, кувыркался на сѣнѣ, подавая дурной примѣръ лягавой собакѣ Медору, принимавшемуся лаять отчаянно и подражать шалуни.

На селѣ, поднимая пыль, преслѣдуемый всѣми наличнымъ составомъ собакъ, предшествуемый разбѣгавшимися во всѣ стороны курами, показался англійскій шарабанъ парокъ въ шорахъ, съ форменнымъ грумомъ позади, сидѣвшимъ въ корзинкѣ и сложившимъ руки на груди по-наполеоновски.

Правиль Юрловъ; рядомъ съ нимъ былъ Ветлугинъ.

Они возвращались изъ города, гдѣ провели все утро у нотариуса, совершая акты по наследственному дѣлу.

Шарабанъ повернулъ во дворъ.

Ступинъ, весь обсыпанный сѣнною трухой, кинулся встрѣчать неожиданныхъ гостей, очищаясь на бѣгу руками, какъ щеткой.

За нимъ кинулась собака.

— Медоръ! Прочь!—крикнулъ онъ ожесточенно.

Но Медоръ успѣлъ уже взвиться ласковымъ прыжкомъ на грудь Ветлугину; потомъ, обскакавъ кругомъ шарабанъ, настигъ Юрлова.

Ступинъ направился, было, съ гостями на крыльцо, но, вспомнивъ, что въ передней Антоновна собираетъ бѣлье для стирки, повернулъ назадъ.

— Черезъ садъ пройдемте... Извините... Совсѣмъ подеревенски у меня...—говорилъ онъ, показывая дорогу гостямъ.

— Но у васъ такой прекрасный домъ! — замѣтилъ Ветлугинъ, окидывая любопытнымъ взглядомъ кариатиды, лѣпные карнизы.

— Да всѣ комнаты позаперты! Дѣдушка жилъ поцарски, а отецъ... Сюда вотъ, черезъ террасу... Медоръ! Ахъ, Боже ты мой!

Онъ притопнулъ на Медора, скакавшаго кругомъ и не дававшаго ходу.

Въ кабинетѣ Ступинъ предупредительно подвинулъ гостямъ табуреты изъ оленьихъ ногъ, но, тутъ же спохватившись, усадилъ ихъ на широчайшій отцовскій диванъ, еще больше неудобный.

Зато въ отпертой, прибранной наскоро столовой, гдѣ Антоновна приготовила чай, нашлось, чѣмъ полюбоваться.

Приглядѣвшись къ новѣйшей легковѣсной роскоши петербургскихъ большихъ домовъ, Ветлугинъ съ уваженіемъ взиралъ на рѣзную моренаго дуба мебель, украшавшую въ Петербургѣ только антикварскія лавки, на старинную, золоченую черезъ огонь бронзу, на потемнѣвшія подлинныя фламандскія картины на стѣнахъ. Старинный толстый хрусталь, игравшій гранями точно алмазами, тяжеловѣсныя серебряныя вазы съ завитками „рококо“, саксонскія тарелки, занятая запросто домашнимъ печенъемъ, привели его въ восхищеніе. Все это были красовавшіеся только на этажеркахъ въ большихъ петербургскихъ домахъ—въ томъ числѣ и у него—„unicques“, собранные здѣсь въ дюжины, въ комплекты.

Ветлугинъ, уѣзжавшій на слѣдующій день въ Петербургъ, былъ съ прощальнымъ визитомъ. Визитъ Юрлову Ступинъ отдалъ чрезъ нѣсколько дней, — отправляясь въ Бабино за сестрами и завернувъ по дорогѣ въ Глѣбово.

На очереди оставался визитъ въ Ртицево—дамамъ.

Пока Ступинъ раздумывалъ на этотъ счетъ, изъ Ртицева явился посланецъ съ письмомъ отъ Кэтъ.

Это было ея первое письмо къ Ступину. Она спрашивала—здоровъ ли Володя, какъ ведетъ себя, хорошо ли учится; сообщала нѣкоторыя отличительныя черточки его характера, знаніе которыхъ могло быть нелишнимъ для воспитателя.

Володю, оставшагося послѣ смерти отца совсѣмъ полугра-

мотнымъ, учили, примѣняясь къ требованіямъ реальной школы. Ступинъ взялся за перо, чтобъ аттестовать ученика съ наилучшей стороны, но задумался.

— Передай, что самъ пріѣду!—сказалъ онъ посланному.

XXIII.

Въ Ртищевѣ встрѣтилъ Ступина Юрловъ, уже вступившій въ права хозяина-распорядителя. Въ ботфортахъ, въ бѣломъ войлочномъ беретѣ съ шишкой на макушкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, онъ сидѣлъ въ длинномъ вѣнскомъ креслѣ предъ подъѣздомъ и дѣлалъ выводку лошадямъ.

У конторы криволико разсуждала кучка рядчиковъ въ длинныхъ синихъ чуйкахъ и съ саженими въ рукахъ. Въ передней попались на глаза какіе-то громоздкіе инструменты, круги проволоки.

Встрѣтившая въ гостиной Кэтъ казалась очень похудѣвшею, а трауръ рѣзко отдѣлялъ ровную бѣлизну кожи. Она какъ бы выросла даже. Въ сапфирныхъ глазахъ свѣтилась серьезность, придававшая большое сходство съ отцомъ.

— Мы въ осадномъ положеніи,—сказала она.—Вездѣ подкопы ведутся — и въ лѣсу, и въ полѣ копаютъ. Потомъ тутъ, подъ домомъ, копать станутъ...

— Для чего?—спросилъ удивленно Ступинъ.

— А, можетъ быть, тамъ золото есть!

Онъ понялъ, что она шутитъ, и засмѣялся.

— Чтò же означаютъ эти подкопы?

— Григорій Васильевичъ хочетъ работать и въ „вѣдрахъ“, какъ говоритъ онъ. Вѣдь онъ взялся завѣдывать дѣлами... Чтò же нашъ воспитанникъ?

Это „вашъ“ точно на облака подняло Ступина.

Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія и сталъ оживленно разсказывать объ успѣхахъ Володи, о своихъ приемахъ обученія.

— А ваше дѣло съ крестьянами?—спросила Кэтъ.

— Модестовъ передалъ уже бумаги въ нотаріусу.

— Насчетъ шеоль я слѣдила въ журналахъ. Хотите?

Они присѣли, какъ всегда, къ столу у окна. Кэтъ стала перебирать красивые желтенькія, синенькія тетрадки англійскихъ изданій и переводить, резюмируя.

Вошелъ Юрловъ.

Онъ занималъ въ Ртищевѣ воннаты покойнаго Ветлугина.

При обязанности хозяйничать и въ Глѣбовѣ, ему приходилось скакать верхомъ туда и обратно по нѣсколькѣ разъ въ день, и это вдалось у него „faire la navette“.

Онъ и теперь собрался скакать, общаясь къ обѣду.

— Мы увидимся еще! — крикнулъ онъ Ступину, уходя. — Вы обѣдаете у насъ... Да, да! Не слушаю!

Онъ выбѣжалъ, звеня шпорами, сверкая ботфортами.

Обѣдали уже при свѣчахъ и всего вчетверомъ, считая миссъ Кэрби (Нина Ираклиевна не выходила изъ своей комнаты). Хозяйничала Кэтъ. Юрловъ все время развивалъ предъ Ступинымъ свои ртищевскіе хозяйственные планы, — проходившіе, впрочемъ, у того мимо вниманія.

За кофеемъ Юрловъ сказалъ:

— Вы должны погостить у насъ день-другой; должны взглянуть на дѣло, помочь мнѣ...

— Въ чемъ?

— У меня вотъ плановъ!

Юрловъ черкнулъ себя розовымъ обточеннымъ ногтемъ по голландскому воротничку и продолжалъ, сдвинувъ серьезно брови:

— Мнѣ не съ вѣмъ подѣлиться ни одною мыслью; не отъ кого выслушать совѣтъ. А всякій совѣтъ я цѣню на вѣсь золота!

Онъ показалъ это наглядно, снявъ съ мизинца и взвѣсивъ на рукѣ золотое кольцо съ бирюзой.

— Но я... какой же я совѣтникъ!.. — сконфуженно промолвилъ Ступинъ.

— Вы — публика; у васъ посторонній, безпристрастный взглядъ.

— И вы напрасно такъ скромничаете, Матвѣй Николаевичъ, — сказала Кэтъ, поддерживая зятя. — Братъ говорилъ мнѣ, какъ все прекрасно устроено у васъ!

— Не мною-съ...

— Но это показываетъ, что вы можете понимать...

— И судить! — завершилъ Юрловъ.

Рѣшено было, что Ступинъ взглянетъ на дѣло.

Онъ чувствовалъ, какъ между нимъ и Кэтъ точно преграда рушится, чувствовалъ ея довѣріе къ нему, и невольно — пока Юрловъ повоился въ вреслѣ, полузакрывъ глаза и докуривая сигару, — разговорился съ нею просто, откровенно о своемъ житьѣ-бытьѣ, объ охотѣ, объ Антоновѣ...

Комнату приготовили ему внизу, съ окнами въ паркѣ. Юрловъ явился обривизовать — хорошо ли гостю, и надѣлилъ его своею надушенною ночью рубашкой.

Ночь выдалась какая-то слишкомъ свѣтлая, безпкойная.

Яркій мѣсяць точно серебромъ заливалъ опущенную бѣлую занавѣску, раскидывалъ легкія, блѣдныя пятна по полу. Ступина волновали какія-то тихія, неясныя мечты, и онъ долго не могъ условонься, забыться...

XXIV.

Наутро — едва оконная занавѣска заалѣла подъ несмѣлымъ первымъ лучомъ солнца, а пробудившійся Ступинъ соображалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, — Юрловъ явился, уже одѣтый, въ ботфортахъ и съ крагами для спутника.

Домъ еще безмолвствовалъ. Полусонный лакей, въ пиджагѣ поверхъ ситцевой рубахи, принесъ изготовленный на спирту чай, корзинку со вчерашнимъ хлѣбомъ.

— По походному! А?.. Военные люди! — сталъ говорить Юрловъ, закрутивъ усы и вромая хлѣбъ тупымъ ножомъ. — Лошади! А?

— Сѣдлаютъ-съ, — отвѣтилъ лакей, сдерживая зѣвокъ.

Когда показались они въ подѣздѣ, конюхи держали уже двухъ коней, подѣ английскими сѣдлами.

Ступинъ весело, съ закипѣвшею въ немъ жизнерадостностью, всочилъ въ сѣдло и подобралъ поводья. Юрловъ занесъ длинную ногу въ стремя рассчитанно, съ важною миной, и перевинулся плавнымъ форменнымъ движеніемъ.

Начинало уже обогрѣвать. Въ парѣ поднимался съ пруда розоватый туманъ, таявшій въ воздухѣ. Со скотнаго двора тянулись въ поле пестрыя, рослыя коровы, приотнавливаясь и мыча.

За околицей попался приказчикъ съ мокрыми волосами — только-что выкупавшійся.

— Рабочіе на торфѣ вышли? — спросилъ Юрловъ, придерживая своего рыжаго ширококостнаго скакуна.

— И на торфѣ, и на глину вышли-съ!

— Первый планъ мой, видите ли, вотъ каковъ-съ! — обратился къ Ступину Юрловъ, стараясь держаться сѣдломъ къ сѣдлу и повачиваясь отъ безпокойныхъ движеній лошади, стряхивавшей съ себя слѣпней, уже начинавшихъ мелькать золотистыми точками въ воздухѣ. — Все вниманіе хозяевъ устремляется обыкновенно лишь на поверхность земли... Между тѣмъ, поверхность бѣдна, ограничена въ хозяйственномъ пространствѣ, наемъ ея дорогъ... Нѣдра — неизмѣримо-богаты, безпредѣльны и не имѣютъ почти никакой цѣнности... Въ ртищевскихъ владѣніяхъ,

напримѣръ, находятся аспидныя залежи, торфъ, известнякъ... богатство цѣлое, остававшееся въ забросѣ!.. Планъ второй — интенсивное эксплуатированіе поверхности, разумѣя извлеченіе продуктовъ изъ почвы и пользы изъ нихъ... Продавать лѣсъ на дубъ, сѣно возами — пріемъ, собственно говоря, допотопный!.. Оставляя въ сторонѣ фабричный способъ изготовленія строительныхъ матеріаловъ, надѣлайте срубовъ изъ бревенъ, сплавьте ихъ въ Бабино по Пехорѣ, и каждое бревно дастъ вдесатеро!.. Спрессуйте сѣно, двиньте его на большой рынокъ — тотъ же, удешаженный доходъ!..

Плавная рѣчь его ласкала ухо, точно музыка; всё расчеты казались точнѣйшими. Ступинъ съ любопытствомъ поглядывалъ на него, укладывая въ умъ общія черты плановъ.

Въ сторонѣ отъ дороги открылось темно-сѣрое пространство торфяныхъ болотъ съ тучами носившихся надъ ними пискливыхъ птичекъ.

Юрловъ повернулъ туда.

Изъ шалаша показался рядчикъ, поднимая вверхъ руки и напаявая на себя кафтанъ.

— Вонъ, видите! — Юрловъ описалъ рукою полукругъ. — Все это — торфъ, а изъ него — парафинъ! Милліарды пудовъ! Возьмемъ только пять копѣекъ съ пуда: меньшій процентъ немыслимъ! А?

Ступинъ хотѣлъ-было прикинуть въ умѣ барышъ, но Юрловъ далъ шпоры своему коню и направилъ его бурцъ-галопомъ къ виднѣйшейся вдаль кучѣ рабочихъ.

Тамъ расчищали неглубокое мутно-бѣловатое болотце.

— А ну-ка, запусти! — приказалъ Юрловъ рабочему.

Рабочій запустилъ въ землю складной желѣзный щупъ, потомъ вынулъ его и поднесъ Юрлову острый конецъ, наполненный въ извивахъ чѣмъ-то бѣлымъ.

— Полюбуйтесь! — воскликнулъ значительно Юрловъ.

— Бѣлая глина это, — отвѣтилъ равнодушно Ступинъ.

— Каолинъ-съ! фарфоровая глина! На фунты продается она!

— У насъ, въ Пенѣвахъ, много ее...

— Всю беру, всю! — крикнулъ Юрловъ, не давъ договорить, и завозился въ сѣдлѣ, какъ бы готовясь хлопнуть по рукамъ.

— Горшечники пробовали ее, да не выходятъ ничего, — отвѣтилъ совсѣмъ не по-коммерчески Ступинъ. — Примѣсь какая-то есть въ ней: трескается посуда при обжиганіи.

Юрловъ заморгалъ растерянно глазами, но тутъ же крикнулъ:

— И все-таки беру!

Послѣ этого побывали у известковыхъ и аспидныхъ залежей, казавшихся для непосвященнаго весьма обычными горками да овражками... Осмотрѣли шумѣвшій въ лѣсу ручей, изъ котораго — „если расширить русло и слить источники вверхъ“ — могла выйти „Ниагара на цѣлый десятокъ лѣсопилень“...

Выбравшись на дорогу, взадники ослабили поводья; приустановившія лошади пошли крупнымъ шагомъ, фыркая и опуская сразу головы.

— Я начинаю съ выработки образцовъ... чтобы всякій могъ получить понятіе наглядно... Собственно разработка — впереди... — сталъ говорить Юрловъ. — Какого вы мнѣнія о моихъ планахъ?

Безсознательно работавшею мыслью Ступинъ успѣлъ уже освоиться нѣсколько съ грандіозностями, разобратся въ главномъ.

— Капиталы большіе, знанія спеціальныя требуются... — сказалъ онъ.

— Даге! — воскликнулъ Юрловъ. — Подобныя дѣла не ведутся личнымъ трудомъ, собственными средствами! Для этого существуетъ акціонерное начало! Хотите участвовать?

— Если устроится компанія, то отчего же...

Солнце стояло уже высоко на голубомъ, безоблачномъ небѣ и прижаривало по осеннему. Ближилось время завтрака. Юрловъ посмотрѣлъ на часы и натянулъ поводья.

Около усадьбы обступили его рабочіе; подѣхалъ верхомъ на буланой лошади управляющій Феллеръ — типичный круглолицый нѣмецъ съ голубыми глазами и рыжеватыми подстриженными баками.

Ступинъ отдалъ лошадь подбѣжавшему конюху, начавшему тутъ же проваживать ее, и направился къ дому, огибая кирпичныя, съ желѣзными крышами, службы.

Продолжавшая работать, мысль все яснѣе и опредѣленнѣе отбѣсняла грандіозныя предпріятія въ область аферъ, несбыточности. Казалось, что съ хозяиномъ умерло все окружающее и только хранить свой видимый остовъ; инстинктивно чувствовалось что-то неблагополучное, удручающее...

Изъ прачешной доносились взвизги, смѣхъ... Въ дверяхъ каретнаго сарая, завидѣвъ Ступина, показался рослый, подгулившій кучеръ съ балабайкой; рядомъ съ нимъ топорщился, совсѣмъ хмельной, съ раскраснѣвшимся лицомъ, не то мальчуганъ, не то варникъ.

— Ваше благородіе! баринъ хорошій! — выкрикнулъ надорваннымъ голосомъ кучеръ. — Дозвольте для вашей милости... представленіе отъ насъ!

Онъ забрячалъ на балалайкѣ, выпучивъ глаза, и заплъ, подрыгивая колѣномъ въ тактъ:

Выходили дѣвы рая
Изъ кирпичнаго сараа!..
. . . . . —Дѣлай!

Мальчуганъ уже „дѣлалъ“ — откалывая „въ присядку“, падам, вставая, разбрасывая ногами пыль...

Кучеръ продолжалъ, выходя изъ себя:

Я тоскую и скучаю,
Не ѣмъ хлѣба, не пью чаю,
Свой разсудокъ помрачаю
И по этому случаю
Всей деревнѣ наскучаю!!...

XXV.

Къ завтраку вышла Нина Иракліевна—вся въ черномъ, съ недавнею, но замѣтною сѣдиною въ кудряхъ.

Она вела разговоръ, улыбаясь съ обычною привѣтливостію; но улыбка эта не свѣтилась во взглядѣ, не трогала лица. На Ступина посмотрѣла она какъ бы на воспоминаніе былыхъ, лучшихъ дней, подала ему руку, а за столомъ указала мѣсто около себя.

Послѣ завтрака пріѣхали супруги Бельтищевы. Потомъ подѣхалъ князь Г*. Онъ прихрамывалъ по случаю припадка подагры, опирался на стойкую трость изъ американской виноградской лозы, а на правой, больной, ногѣ былъ у него бархатный сапогъ. Пріѣхала еще гостья, городская дама, красавица и львица Олсуфьева — особа бальзаковского возраста, съ вѣскольکو излишнею нагульвой полнотою, съ искрометными черными глазами. Мужъ ея, очень воспитанный человекъ, владѣвшій большимъ состояніемъ, не вступался ни во что и бывалъ съ самаго утра „навеселѣ“... Она — играла роль благотворительницы, либералки, выказывала пониманіе земскихъ вопросовъ, поборала сердца... Ступинъ, какъ новое лицо, тутъ же сталъ ея намѣченною жертвой; но потомъ, угадавъ съ спеціальною чуткостію въ такихъ дѣлахъ его неподходящее настроеніе, она измѣнила тактику и стала лорнировать его и Кэтъ, соображая что-то...

Чай сервированъ былъ въ паркѣ, въ галереѣ.

По ясному небу бѣжали бѣлыя прозрачныя тучки; свѣжо,

тихо было вокругъ; отчетливо отражались опрокинутыя деревья въ неподвижномъ прудѣ.

Кэтъ, взявъ подъ руку Бельтищеву, спросила Ступина, умѣетъ ли онъ грести. Тотъ, вмѣсто отвѣта, очутился однимъ прыжкомъ на берегу и отвязалъ лодку.

За чайнымъ столомъ держалось меланхолическое настроеніе. Хозяйничавшая миссъ Кэрби вздыхала и возводила очи горѣ, точно псалмы напѣвая мысленно. Нина Ираклиевна печально бесѣдовала съ княземъ.

— Le temps est un grand maître: il règle bien des choses... — промолвилъ утѣшительно князь.

У перилъ стояли Юрловъ и Олсуфьева съ блюдечками варенья въ рукахъ и вели пикировку. Онъ былъ всегдашнимъ мстителемъ ея за равнодушіе; она не упускала случая подразнить его кокетствомъ.

— Да-съ... вотъ видите ли... Свобода выше всего для васъ, — говорилъ онъ, выступая журавлинымъ шагомъ около нея и выскребывая блюдечко. — А предъ алтаремъ вы „боятся мужа“ глялись...

— Мало ли какія ветхости существуютъ! — отвѣтила она съ задорнымъ лукавствомъ въ искрометныхъ глазахъ.

— Вотъ и это тоже: сами вы православная, а завѣты Христа ветхостью считаете...

— Я не просила дѣлать изъ меня православную, и потому, выросши, могу имѣть свои взгляды!

— Тогда одно что-нибудь: или вы — семьянка, дворянка, или... курсистка, нигилистка...

— И это ветхость уже...

— Развѣ надо возвращаться къ нигилизму, чтобъ мыслить свободно, имѣть свои взгляды?! — воскликнулъ Бельтищевъ, очутившись около Юрлова и закиная своимъ обычнымъ юношескимъ возбужденіемъ. — Мы пережили, переварили...

— Я собственно о религіи! — перебилъ Юрловъ.

— И она въ счету!

— Нельзя же отвергать религію!

— Будто?

— У человѣка безъ религіи не можетъ быть... правилъ, — произнесъ важно Юрловъ.

— Такъ ли? — спросилъ Бельтищевъ и продолжалъ: — Забѣжимъ впередъ — представимъ себѣ, что выдвинулся, занялъ мѣсто религіознаго культа *благородства*, на примѣръ... *благородства* по-ступковъ, разумѣется, чувствъ, понатій... Можетъ ли быть безъ

правиль послѣдователь?.. И почему не выдвинуться этому культу? Его кодексъ включаетъ въ себя все, чего требуютъ кодексы религіозныя, да еще плюсы имѣеть; безчестіе вполнѣ равняется грѣху, нравственная безупречность—та же праведность. Кромѣ того, благородство одинаково понятно и почтено всюду, и потому благородный человѣкъ не будетъ оказываться нигдѣ *инотърцемъ*; а это положить конецъ безумной религіозной враждѣ, нетерпимости!

Юрловъ закрутилъ усы, готовясь если не отразить смѣлый парадоксъ,—онъ не былъ силенъ въ отвлеченностяхъ,—то поговорить красно и въ духѣ попечительнаго охранительства, приверженцемъ котораго считался онъ въ своемъ уѣздѣ; но возвратившіяся съ ватанья дамы помѣшали спору, и разговоръ перешелъ на другое.

XXVI.

Бельтищевы и Олсуфьева скоро уѣхали. Ступинъ тоже хотѣлъ уѣхать, но незамѣтно пробылъ въ нерѣшительности и какомъ-то внутреннемъ смущеніи до самаго обѣда; а потомъ пришлось составить—съ княземъ и Юрловымъ—партію въ вистъ Нинѣ Иракліевнѣ.

Услышавъ отъ тещи, что она собирается на утро въ Глѣбово, повидать внучать, Юрловъ предложилъ устроить *partie de plaisir*, съ завтракомъ у него. Нина Иракліевна одобрила мысль. Князь не могъ участвовать по случаю подагры; но Ступину не мѣшало ничто. Онъ и Кэтъ отправлялись верхомъ.

Выйдя въ десятомъ часу утра въ залу, — Юрловъ ускакалъ къ себѣ еще на зарѣ,—Ступинъ нашелъ тамъ Кэтъ.

Въ черной кашемировой амазонкѣ, стройно охватывавшей ее молодой, гибкій станъ, гладко причесанная, въ высокой шляпѣ и съ бѣлою розой на груди, она была изящна и строго-прекрасна.

— Намъ пора,—сказала она, поднявъ на него глаза, сътившіеся какъ-то торжественно и пріятно.

Они вышли.

Буропѣгій конь „Зефиръ“ почувалъ хозяйку еще за дверями и заржалъ, переступая ногами. Конюхъ попятилъ его, выровнялъ, передалъ поводья приблизившейся Кэтъ и принялъ на ладонь мускулистой руки кончикъ эластичной ботинки.

Кэтъ ѣздила больше чѣмъ хорошо. Она сидѣла свободно—какъ на стулѣ, держалась прямо—безъ натянутости; ее маленькая

ручка въ черной перчаткѣ управлялась съ поводьями твердо, спокойно—совсѣмъ по-спортсменски.

Впереди ѣхали въ коляскѣ Нина Иракліевна и миссъ Кэрби. Утро было хорошее, ясное. Пара гнѣдыхъ бѣжала крупною спорою рысью по сухой, гладкой дорогѣ со встрѣчавшимися полосами чернолѣсья по сторонамъ. Близившаяся осень уже трогала кое-гдѣ деревья своею холодною рукою, набрасывала на темную зелень пурпуръ и желтизну; въ полномъ зрѣлаго аромата воздухъ чувствовались волны свѣжести.

Помѣстительный красный кирпичный домъ въ Глѣбовѣ былъ типичнымъ дореформеннымъ „дворянскимъ гнѣздомъ“, изобиловалъ лѣстницами, корридорами, остатками стариннаго убранства (въ диванной уцѣлѣли стеклянные „газовые“ рожки на стѣнахъ), былъ набитъ прочною, псевдо-стильною рѣзною мебелью работы крѣпостныхъ столяровъ.

Юрловъ подогналъ парадныя комнаты подъ новѣйшій стиль, завелъ городскихъ лакеевъ, водворилъ французскую кухню.

Завтракъ оказался роскошнымъ—съ трюфелями, съ подогрѣтымъ лафитомъ, съ замороженнымъ шампанскимъ. Живые и веселые мальчики Петя и Ваня—въ шотландскихъ востюмчикахъ, съ обнаженными икрами—не отходили отъ бабушки и тети Кэтъ. На долю Ступина выпало удовольствіе выслушать отъ хозяина продолженіе апологіи ртищевскимъ предпріятіямъ, съ „цифровыми данными“ на этотъ разъ...

Когда собрались въ обратный путь и Нина Иракліевна прощалась у подъѣзда съ внучатами и Вѣрой Артемьевной, Кэтъ,—она и Ступинъ были уже на коняхъ,—сказала:

— Мы поѣдемъ впередъ, мама: позади коляски лошади горячатся очень.

Они двинулись со двора.

— Pas très vite!—крикнула Нина Иракліевна.

Кэтъ улыбнулась и взглянула на Ступина.

— Мама всегда боится за меня и не позволяетъ ѣздить быстро,—стала говорить она, понизивъ голосъ.—Но мы поѣдемъ? Да?.. Только не надо, чтобъ она знала потомъ: это растревожить ее...

Дружелюбіе, довѣрчивая близость чувствовались въ ея словахъ. Ступинъ молча кивнулъ головой. Тихая восторженность проникала его и хорошо, радостно было у него на сердцѣ...

За околицей, гдѣ луговая дорога выводила на торную и даль прикрывалъ тянувшійся лѣсъ, они переглянулись молча и пустили сразу коней. Рваншіеся, горячившіеся скакуны понес-

лись вихремъ; вихрь понесся навстрѣчу, ударилъ въ лица, зашвырнулъ въ ухахъ...

Мелькнуло уже полдороги, когда Кэтъ сдержала коня.

Матовое лицо ея разрумянилось, грудь вздымалась порывисто и высоко, глаза горѣли красивымъ, мягкимъ блескомъ.

Она молча, точно своему, передала Ступину хлыстикъ подержать, и стала поправлять волосы, закинувъ руки назадъ, покачиваясь на сѣдлѣ въ таетъ мѣрному шагу лошади. Спускавшееся солнце разбрасывало среди деревьевъ овальныя пятна свѣта, удлиненныя тѣни; въ безоблачной вышинѣ, чуть шевеля широкими распластанными крыльями, рѣяли два ястреба.

— Какъ хорошо! — сказала она, принявъ обратно хлыстикъ и встрѣчая лицомъ вѣявшій вѣтерокъ; потомъ продолжала, заставивъ лошадь идти въ ногу: — Когда вы устроите вашихъ крестьянъ и будете служить, — то въ земствѣ? Да?

Онъ не думалъ, чтобъ она помнила такъ его разговоры, и внимательно посмотрѣлъ на нее добрыми, серьезными глазами.

— Я а ргіогі, принципіально, считаю, что общественная служба — долгъ гражданина, — отвѣтилъ онъ. — И мнѣ хотѣлось бы служить, быть полезнымъ, по возможности. Но теперь... Макушева я совершенно не знаю, — заключилъ онъ, избѣгая печальнаго упоминанія.

— Рара такъ былъ доволенъ, надѣясь имѣть въ васъ помощника себѣ, — промолвила Кэтъ. — Вы не знаете, сколько горя доставляли ему консерваторы ихъ происками всякими, грубостью... Онъ очень, очень страдалъ!

Продолжая разговаривать, они миновали луговину, перебрались черезъ систему мостовъ, разбросанныхъ по широкому ржавому болоту. Направо отъ дороги открылась длинная, прямая какъ стрѣла, просѣка ртищевского лѣса. Крупные, высокіе ясени, липы, дубы уходили величественною колоннадою вдаль; бывшее наискосокъ солнце прорѣзывало лучами зеленыя верхушки, затопляло листву цѣлымъ моремъ огней...

— Тутъ будетъ немножко въ сторону, — сказала Кэтъ, поворачивая коня къ просѣкѣ: — но посмотрите, какая гладкая, прямая дорога!..

Ступинъ усмѣхнулся и, давъ шпоры своему коню, поспежалъ съ нею, держа ее рядомъ, ощущая ея близость, улавливая ея взглядъ — глубокой, какъ бы вопросительный, мерцавшій ласковымъ блескомъ...

XXVII.

Выѣхавъ къ службамъ усадьбы, они оставили тамъ лошадей и пошли черезъ паркъ къ дому. Ничего особеннаго не было сказано между ними, ничего особеннаго не случилось. Но они взаимно чувствовали, что какая-то черта переступлена и что такъ лучше, что отъ этого какъ будто свѣтлѣе кругомъ... Какъ будто сіяли и лица у нихъ, когда они взглядывали другъ на друга...

Они присѣли въ галереѣ, переждать, пока подъѣдетъ коляска: дорога видна была отсюда, какъ на ладони.

— Отчего балы не веселятъ меня? Не знаю!—сказала Кэтъ, помѣстивъ аккуратно на желѣзный столикъ шляпу, перчатки, хлыстикъ и продолжая разговоръ, перебѣгавшій съ одного на другое.—Капризъ мой...

— У васъ такой дурной характеръ?—прервалъ съ комическимъ удивленіемъ Ступинъ.

— Нѣтъ. Но во мнѣ живетъ какая-то инстинктивная оппозиція многому... кастовому.—Она чуть-чуть вспыхнула, вспоминая отказъ Порозову.—Во многомъ являются у меня свои взгляды, желаніе идти своимъ путемъ...

— И идите.

Глаза ея широко открылись въ привычномъ наивномъ удивленіи.

— Но развѣ это такъ просто?—возразила она.—Надо избрать путь, стать лицомъ къ лицу съ жизнью, найти себѣ цѣль... Я недурно рисую, знаю три европейскіхъ языка, считаюсь хорошею музыкантшей, но все это—лишь свѣтскіе talents d'agrément. Выступать съ этимъ самостоятельно въ жизни... Одно время была у меня мысль... я хотѣла избрать живопись, или музыку—чтобъ отдаться вполне, усовершенствоваться, а потомъ отказалась. Теперь такъ много артистовъ всякихъ, такъ труденъ ихъ путь и такъ двусмысленно положеніе... Для меня привлекательнѣе деревня. Я надѣялась стать ближе къ ней, подготовиться къ дѣятельности—къ учительской или фельдшерской, напримѣръ... быть полезной дѣлу рара... Бѣдный рара...

Она отвернула лицо и стала смотрѣть на прудъ, загоравшійся яркими бликами подъ восьми лучами солнца. Волненіе подступало у нея къ горлу; двѣ свѣтлыя слезы упали одна за другою съ рѣсницъ. Она торопливо достала платокъ изъ кармана и отерла глаза.

А Ступинъ опустилъ голову, боясь пошевелиться, чувствуя, какъ замираетъ и колотится сердце въ груди. Трепетъ пробѣгалъ у него по тѣлу. Нежданное, фатальное мгновеніе наступило для него, сводило въ немъ къ ясному все смутное, таившееся, влекло къ развязкѣ, ставя свой ультиматумъ: „теперь или никогда“...

— Катерина Артемьевна, — проговорилъ онъ, вскинувъ голову. — Я тоже потерялъ отца, одинокъ... Я также ищу своего пути, и дѣли одніе у насъ... Пойдемте вмѣстѣ, объ руку, къ радостямъ и печалямъ...

Онъ взялъ руку Кэтъ и отвелъ отъ лица.

Она не отняла руки. Она только замерла на мгновеніе, какъ бы съ испугомъ на блѣдномъ лицѣ; а потомъ склонилась къ нему, — вся дрожа, въ первомъ, боязливомъ восторгѣ любви и стыдливости. Онъ, въ первомъ порывѣ вспыхнувшей страсти, съ силою прижалъ ее къ груди, гдѣ билось преданное ей сердце.

Вернувшаяся и вышедшая искать ихъ, миссъ Кэрби столкнута съ ними въ аллеѣ.

— Кэтъ! Богъ съ вами!.. Возможно ли это?! — вскрикнула она, очутившись въ объятіяхъ питомицы и стараясь защитить свои, всегда тщательно подвитые, рыжіе локоны.

Грозное: „shocking!“ готово было сорваться съ ея губъ, но, взглянувъ на взволнованное, сіявшее лицо Кэтъ, на краснорѣчиво молчавшаго Ступина, старая миссъ поняла все и обняла въ свою очередь питомицу.

О свадьбѣ нечего было и помышлять раньше окончанія годичнаго траура. Помолвку рѣшили сдѣлать зимой, по истеченіи шести траурныхъ мѣсяцевъ, когда полагалось начаться обычными пріемами и выѣздами, а до того все оставлялось въ семьѣ.

XXVIII.

Стало по утрамъ сковывать непросыхавшую землю.

Садъ въ Пенъкахъ полуоблетѣлъ. Стройныя веселыя березы предъ террасой пересыпались золотомъ по свѣтло-зеленымъ вѣткамъ и казались отъ этого прозрачнѣе, стройнѣе. Хватилъ морозецъ рябину и налилъ ее. На смѣну лѣтнимъ мечтательнымъ пѣвуньямъ явились бойкія, врикливыя синицы; пестрый дятель сталъ усерднѣе бѣгать по оголявшимся древеснымъ стволамъ и

стучать носомъ о бору. Антоновна окончила соленье огурцовъ, рубку капусты.

Оставаясь на положеніи необъявленнаго жениха, Ступинъ не упускалъ случая воспользоваться правами гостя, чтобы побывать въ Ртищевѣ и побесѣдовать съ Кэтъ подъ политичнымъ надзоромъ миссъ Кэрби, исполнявшей обязанности свѣтскаго Аргуса.

Въ прочіе дни онъ отдавался усердно хозяйству, а вечера проводилъ за чтеніемъ сельско-хозяйственныхъ книжекъ, — все прибывавшихъ и прибывавшихъ съ каждою почтой, но толковавшихъ какъ бы о какой-то иной странѣ и только приводившихъ хозяина въ недоумѣніе...

Съ наступленіемъ одного изъ такихъ вечеровъ, прибыла подвода, переправленная изъ Ртищева въ Пенъки. Она была прислана за воспитанникомъ Володей. Пробѣжавъ неизвѣстно кому адресованную записку родственницы, просившей „вручить“ мальчика посланному—древнему старцу изъ дворовыхъ, Ступинъ хотѣлъ отложить ее въ сторону, до утра, но въ глаза ему бросилась приписка карандашомъ: писала Кэтъ, извѣщая, что на утро она и миссъ Кэрби пріѣдутъ въ Пенъки, проститься съ Володей.

Ступинъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и захопоталъ.

Захопотала еще больше Антоновна. Принять предстояло дочь Артемія Петровича и не одну, а съ „англичанкой“, представленіе о которой соединялось въ ея воображеніи съ чѣмъ-то совсѣмъ апокалипсическимъ.

Затрудненіе вышло съ костюмами Володи: сохранявшіеся все время въ сундуѣ, пересыпанные махоркой съ толченымъ перцемъ, они не потерпѣли отъ моли, но оказывались внѣ возможности даже и „треснуть по швамъ“, такъ какъ совершенно не вмѣщали въ себя подростшаго и раздобрѣвшаго воспитанника. Чтобы поправить бѣду, Ступинъ рѣшилъ отправиться рано утромъ въ городъ и одѣть Володю тамъ, въ магазинѣ.

Отправляясь уже спать, онъ обратилъ вниманіе, что по дому мелькаютъ вездѣ огни.

— Почему огни въ запертыхъ комнатахъ?—спросилъ онъ появившуюся Антоновну, обвѣшанную тряпками и полотепцами.

— Прибираемъ мы тамъ съ Машей.

— Для чего?

— Да къ завтраму...

— Съ чего ты берешь это?!—воскликнулъ удивленный Ступинъ.—Пріѣдутъ всего на одну минуту, повернутся въ гостиной,—вотъ и все! Причемъ тутъ комнаты?

— Можно ли такъ судить, Матвѣй Николаевичъ!—возразила рѣшительно и авторитетно Антоновна.—Это когда мужчины бывають у васъ, такъ ничего—посадилъ въ кабинетъ, поговорилъ—и все тутъ! А прїѣдутъ женщины, важныя—какъ домъ не показать? какъ не объяснить всего? Возможно ли это? Сами скажите!

Ступинъ только махнулъ рукою.

На утро все въ домѣ смотрѣло преобразившимся. Въ растворенныхъ, прибранныхъ комнатахъ, изгоняя многолѣтнюю затхлость, носилось благоуханіе какого-то древняго курева, отысканнаго въ кладовой. Антоновна, въ завѣтномъ шерстяномъ капотѣ и шоловой повязкѣ, имѣла озабоченно-торжественный видъ. Володя, восхищенный городскимъ новенькимъ скюртучкомъ, то-и-дѣло охорашивался украдкой. Въ кухнѣ Маша наводила старымъ шерстянымъ чулкомъ послѣдній лоскъ на самоваръ, казавшійся и безъ того вторымъ солнцемъ.

Послѣ полудня показалась изъ лѣска, виднаго отъ усадьбы, небольшая каретка, сверкая на солнцѣ лакированными спицами колесъ.

Ступинъ и Володя поспѣшили на крыльцо.

Прощаніе состоялось немедленно, въ гостиной, и вышло очень трогательнымъ. Кэтъ подарила своему папу вязаный шоловной кошелекъ, наполненный серебряными рублями; миссъ Кэрби—вѣрная мисси анличанъ наводнитъ міръ Библией—вручила золото-обрѣзанный экземпляръ. Володя, несмотря на всѣ старанія крѣпиться, казаться мужчиной, пришелъ въ такую мягкость, что расплакался совсѣмъ по-дѣтски, а вздернутый носикъ его зардѣлся какъ клюква. Присутствовавшая при прощаніи Антоновна тоже выронила невольную слезу.

Миссъ Кэрби поднялась, давая этимъ знакъ къ отъѣзду. Но Антоновна подала свой знакъ хозяину, и Ступинъ,—только теперь постигавшій всю благодѣтельность хлопотъ ея,—предложилъ пройтись по комнатамъ и выпить чашку чаю.

Всѣ пошли по анфиладѣ старинныхъ, величественныхъ покоевъ, отдѣланныхъ еще дѣдомъ Ступина и прекрасно сохранившихся. Истинная, той эпохи, роскошь видѣлась во всемъ, въ каждой мелочи. Лѣпные выдержаннаго стиля бордюры, багеты червонной позолоты, матерчатые шоловые обои крупноцвѣтнаго „gros de bouges“, распаянные въ ракурсы потолки, мебель съ бронзой и фарфоровыми севрскими медальонами—все смотрѣло скромно, не кидалось въ глаза, а требовало, чтобъ всмотрѣлся, оцѣнили.

Въ угловой Кэтъ заинтересовалась старинными клавикордами розоваго дерева, съ инкрустаціей, съ художественною, потрепавшеюся отъ времени, живописью на выпуклыхъ наружныхъ концахъ. Узенькія, пожелтѣвшія клавиши неровно и туго опустились подъ ея пальцами, вызвавъ пріятные, но нестройные звуки, подхваченные страннымъ резонансомъ въ углахъ пустынной комнаты.

Библиотека—она же и картинная—наполнена была—какъ водилось въ старинныхъ барскихъ домахъ—французскими иллюстрированными изданіями и классиками. Изъ русскихъ книгъ находились только: недоконченный словарь Плюшара, Смирдинскіе томики Пушкина, да неизбѣжный баронъ Брамбеусъ.

Картинъ было всего съ десятокъ, но каждая изъ нихъ чего-нибудь стоила. Миссъ Кэрби остановилась задумчиво предъ небольшимъ испанскимъ портретикомъ Веласкеса и потомъ сообщила со вздохомъ Кэтъ, что онъ напоминаетъ ей черты предка-баронета (увѣковѣченный эмалью на ея фамильномъ медальонѣ).

Когда спустились въ столовую, соединявшуюся съ верхомъ виткою дубовою лѣстницей, тамъ все уже ждало гостей: кипѣлъ самоваръ, застывая тонкимъ паромъ цѣльныя, чисто-промытыя стекла, отливали яхонтомъ и изумрудомъ банки со всякими сортами варенья; дышалъ въ вазѣ тонкимъ ароматомъ теплый еще, пряженный въ маслѣ „хворостъ“...

Ступинъ выбѣжалъ въ садъ и принесъ дамамъ по букету цвѣтовъ—голубыхъ и бѣлыхъ астръ.

— Зачѣмъ вы мнѣ дали?.. Это послѣдніе цвѣты...—тихо проговорила Кэтъ, прикрываясь букетомъ.

— Вы не любите ихъ?

— Не потому... Ихъ не даютъ...

Она договорила взглядомъ: „невѣстѣ“—и вспыхнула.

Благовѣстили уже къ вечернѣ на селѣ, когда каретка отѣхала и стала подниматься на извозокъ, къ лѣску. Ступинъ оставался на крыльцѣ, провожая ее глазами. Ему показалось, что шелковая бѣлая подушечка, прикрывавшая заднее оконце каретки, поднялась. Онъ махнулъ платкомъ.

Вернувшись въ столовую, онъ присѣлъ задумчиво предъ своимъ недоконченнымъ стаканомъ чаю. Впечатлѣнія мелькнувшаго все еще витали вокругъ, трогали, какъ только-что прервавшееся радостное свиданіе.

— Всѣ люди родятся какъ люди—что на селѣ у насъ, что еще гдѣ-нибудь...—стала философствовать убиравшая со стола Антоновна.—А что значить обучить-то человѣка всему, понятіе

ему дать!.. И слово-то каждое у ней—особенное... и взглянуть-то она, и пройдетъ-то — не по нашему, не по-бабья... И ужъ чего выше, кажется, а обхождение какое имѣютъ... Кофточки подала я имъ въ передней, пока карету вы звали, такъ вѣдь поцѣловали меня—англичанка какъ бы съ важностью этакъ, а барышня даже за шею обняла... губки мяконькія такія...—Что-то подступило къ сердцу Антоновны, и она закончила, не выдержавъ:—Вотъ бы жена-то вамъ!

— Боже тебя избави судачить объ этомъ—у о. Никона или еще гдѣ!..—заговорилъ встрепенувшійся Ступинъ.

— Ахъ, что вы! что вы!—воскликнула, отмахиваясь объими руками, Антоновна.

А сердце такъ и покатилося у нея. Лелѣянное въ мечтахъ становилось возможнымъ, видимымъ; все земное свершалось для нея, свѣтло и широко раскидывалось передъ нею будущее Мотъ...

Н. СЪВЕРОВЪ.

Э Т И К А

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ

И

ЕЯ ОСНОВЫ

I.

Большинство современныхъ философовъ-моралистовъ, занимавшихся разработкою этики, или ученія о нравственности, какъ Вундтъ, Гефдингъ, Бурдо, а также, хотя и неполнѣ прямо и категорично, и Спенсеръ, и многіе другіе, трактуютъ отдѣльно—нравственность индивидуальную и нравственность соціальную; первую изъ нихъ Бурдо называетъ еще нравственностью элементарною, а вторую—нравственностью уравниательною; Спенсеръ высказалъ сперва, что нравственность есть только высшая форма отношенія къ ближнему, а потому ее слѣдуетъ считать нравственностью соціальною; но затѣмъ, далѣе, онъ все же утверждаетъ, что правила поведенія обусловливаются самой жизнью, ея сохраненіемъ, развитіемъ и совершенствованіемъ, а потому существуютъ также извѣстныя правила поведенія человѣка и по отношенію къ самому себѣ, и за ними также нельзя не признавать значенія правилъ этическихъ, которыя составляютъ законъ нравственности индивидуальной. Вундтъ за основаніе нравственности индивидуальной считаетъ присущій какъ человѣку, такъ и животнымъ инстинктъ удовлетворенія различныхъ органическихъ потребностей индивидуума, какъ потребности питанія, самосохраненія, защиты и проч., а въ основаніе нравственности соціальной онъ кладетъ

инстинктъ защиты и сохраненія рода, къ которому данный индивидуумъ принадлежитъ. Приблизительно на эти же основанія той и другой нравственности указываетъ также и Гефдингъ, считая за основаніе первой, или нравственности индивидуальной, стремленіе индивидуума къ личному благополучію, а за основаніе второй, или нравственности социальной,—стремленіе индивидуума къ общему благополучію. Бурдо сперва какъ на основаніе той и другой нравственности указываетъ на тотъ законъ жизни, въ силу котораго поступки индивидуума, стремящіеся доставить увеличеніе жизни и содѣйствовать ея развитію, влекутъ за собой здоровье, удовольствіе, радость, между тѣмъ какъ дѣйствія, стремящіеся къ ограниченію жизни, напротивъ, влекутъ за собой печаль, скорбь и безпокойство. Въ виду, однакоже, того обстоятельства, что поступки индивидуума, направленные исключительно на увеличеніе его личной жизни, оказываются недостаточными для развитія жизни не только социальной, но даже и его личной, представляется, по мнѣнію Бурдо, необходимымъ, чтобы дѣйствія индивидуума выходили изъ круга его узкой личной жизни и были направлены на развитіе жизни той социальной группы, къ которой онъ принадлежитъ, т.-е. чтобы индивидуумъ дѣйствовалъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ,—съ одной стороны для себя, а съ другой для другихъ,—подобно тому, какъ въ природѣ дѣйствуютъ взаимно силы—центростремительная и центробѣжная („Проблема жизни“, стр. 280—281).

Сутерландъ, указавъ сперва, какъ на основанія поведенія индивидуума, на инстинктъ самосохраненія или эгоизмъ и альтруизмъ, затѣмъ, напротивъ, только послѣдній называетъ истиннымъ нравственнымъ, заслуживающимъ одобренія, хотя затѣмъ все же утверждаетъ, что правильнымъ поведеніемъ индивидуума слѣдуетъ считать то, которое представляетъ собой разумный компромиссъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ („Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“). Впрочемъ, и по мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ философовъ, какъ Гефдингъ и Бурдо, безусловное предпочтеніе должно быть отдаваемо нравственности социальной, на томъ основаніи, что наибольшему расширенію жизненной дѣятельности содѣйствуетъ именно альтруизмъ, а никакъ не эгоизмъ, ибо наше индивидуальное существованіе настолько ограничено во всѣхъ отношеніяхъ, что нуждается въ расширеніи черезъ присоединеніе къ группамъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обширнымъ, къ которымъ индивидуумъ привязанъ такими связями, что порвать ихъ или ослабить онъ можетъ только во вредъ себѣ. Въ виду этого обстоятельства, альтруизмъ

и представляется собственно разумнымъ расширеніемъ эгоизма, который, выступая наружу путемъ единенія съ другими, содѣйствуетъ и своему собственному расширенію, обращая въ свою пользу благіе результаты общенія съ другими, и потому представляется даже выгоднымъ для индивидуума согласованіе эгоизма съ альтруизмомъ при помощи взаимныхъ уступокъ, хотя все же, по мнѣнію Бурдо, именно въ одномъ альтруизмѣ жизнь имѣетъ наилучшія условія для движенія впередъ. Въ виду того, что эгоизмъ самъ достаточно защищаетъ себя, онъ нуждается скорѣе въ сдерживаніи, чѣмъ въ поощреніи, между тѣмъ какъ альтруизмъ, какъ нѣчто безкорыстное и соединенное иногда даже съ самоотверженіемъ индивидуума ради пользы общей, напротивъ, долженъ подлежать всегда полному поощренію въ его проявленіи.

Хотя указаніе означенныхъ философовъ на необходимость признанія полного предпочтенія нравственности соціальной передъ нравственностью индивидуальной и представляется вполне основательнымъ, но нельзя вполне отвергать значенія и нравственности индивидуальной, какъ дѣлаютъ нѣкоторые другіе; — поведеніе индивидуума и по отношенію себя можетъ оказываться въ противорѣчій съ развитіемъ индивидуальной жизни, или можетъ оказываться безнравственнымъ, какъ противорѣчащее инстинкту самосохраненія и влекущее за собой не только не укрѣпленіе и не развитіе личной жизни, а даже ея разрушеніе, и потому представляется необходимымъ признавать нравственность непременно въ двухъ ея видахъ, или въ видѣ нравственности индивидуальной и соціальной, а не только въ видѣ послѣдней. Огромная, впрочемъ, заслуга современныхъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о нравственности, заключается въ томъ, что они поставили ученіе о ней на научную почву, указаніемъ, какъ на ея основанія, на причины, коренящіяся въ самой природѣ или въ жизни живыхъ существъ и въ стремленіи ихъ къ ея сохраненію и развитію, чѣмъ совершенно подорвали ученіе теологовъ и метафизиковъ о нравственности и ея основаніяхъ.

Нѣкоторые ученые не ограничиваются, впрочемъ, только указаніемъ основаній нравственности, коренящихся въ самой природѣ и жизни, но подвергаютъ критикѣ ученіе о нравственности теологовъ и метафизиковъ. Такъ, Гегдингъ, указываетъ на совершенную необоснованность указанія Канта, какъ на основаніе нравственности, на категорическій императивъ о долгѣ, которымъ каждый вынуждается исполнять свои обязанности какъ по отношенію себя, такъ и другихъ, — императивъ, неизвѣстно изъ чего возникающій и лишенный, притомъ, всякой санкціи его

соблюденія. Также и по мнѣнію Бурдо—принципы, полагаемые въ основаніе нравственности какъ Кантомъ, такъ и другими метафизиками, съ нимъ во многомъ согласными, какъ, напр., Сократомъ, Аристотелемъ, Спинозой и другими, представляются совершенно безплодными, какъ ни на чемъ не основанные и не пользующіеся поэтому довѣріемъ, вслѣдствіе того, что выставлены ими основныя начала нравственности не только не очевидны, но и очень спорны. Также точно, по его замѣчанію, и религіозная нравственность, какъ основанная на сверхъестественномъ откровеніи общественныхъ заповѣдей или, какъ имѣющая въ основаніи ея тайну, является для многихъ лишенной всякой санкціи, тѣмъ болѣе еще потому, что установленныя ею возданія за неисполненіе этихъ заповѣдей въ будущей жизни представляются очень призрачными, а для многихъ даже невѣроятными. Въ виду такой шаткости какъ религіозныхъ ученій о нравственности, такъ и метафизическихъ, какъ не обоснованныхъ на доказанныхъ началахъ и лишенныхъ санкціи, тѣмъ болѣе представляется необходимымъ въ настоящее время обоснованіе и развитіе ея на научныхъ началахъ.

Подтверженіемъ правильности положенія означенныхъ философовъ о томъ, что нравственность должна быть обосновываема и выводима изъ самой природы или законовъ жизни живыхъ существъ и ея развитія, можетъ служить также тотъ фактъ, что нравственность присуща не только человѣку, но и животнымъ, у которыхъ она уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ возникать ни на началахъ религіи, ни на началахъ метафизическихъ, а можетъ корениться только въ ихъ природѣ и вытекаетъ изъ ихъ жизни. Такъ, по замѣчанію Вундта, несмотря на то, что у животныхъ отсутствуютъ религіозныя чувства и представленія, у нихъ все же имѣются въ наличности, хотя и въ зачаточномъ видѣ, извѣстныя формы общественнаго обхожденія, соединеннаго съ актами любви и ненависти, вслѣдствіе чего разсмотрѣніе фактовъ нравственной жизни не можетъ обойти той связи, которая существуетъ въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и животными; простѣйшія чувства и побужденія у человѣка и животныхъ объединяются въ существенномъ очень многими сходными свойствами, такъ какъ и въ общественной жизни животныхъ имѣются въ наличности тѣ стороны нравственной жизни, которыя связаны съ формами жизни общественной у людей, по крайней мѣрѣ на первыхъ ея ступеняхъ, и въ союзахъ животныхъ посредствомъ ихъ достигаются извѣстныя цѣли, благопріятныя какъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и для ихъ большинства. Также и по замѣ-

жизню Спенсера, подобно тому, какъ человѣческая жизнь должна быть разсматриваема какъ дальнѣйшее развитіе жизни дочеловѣческой, такъ и человѣческая справедливость или нравственность должна быть понимаема какъ дальнѣйшее развитіе дочеловѣческой нравственности и справедливости.

Съ особенной, однакоже, подробностью и наглядностью положеніе это развито Сутерландомъ, которымъ въ доказательство его правильности приведены многочисленныя примѣры изъ жизни различныхъ животныхъ, начиная съ низшихъ и кончая не только высшими животными, но и человѣкомъ. Такъ, указавъ сперва, какъ на основаніе нравственности социальной, на чувство симпатіи, возникающей вообще въ животномъ организмѣ, вслѣдствіе родительскихъ и супружескихъ отношеній, и развивающейся затѣмъ въ симпатію социальную, всегда выгодную для жизни вида, онъ указываетъ далѣе на развитіе этой симпатіи среди насѣкомыхъ и, главнымъ образомъ, муравьевъ и пчель. Многія насѣкомыя обнаруживаютъ заботу и о своихъ яйцахъ и дѣтенышахъ, которая имѣетъ сходство съ родительскимъ уходомъ за ними, но наибольшаго развитія эта забота достигаетъ у жалоносныхъ перепончатокрылыхъ, которыя свои яйца выставляютъ на солнце и затѣмъ укрываютъ личинки, выкармливаютъ куколки, помогаютъ вылупиться молодымъ насѣкомымъ, очищаютъ ихъ, питаютъ и даже обучаютъ. Вообще, муравейникъ и пчелиный улей представляютъ собой не простой агломератъ, доходящій иногда до пятисотъ тысячъ индивидуумовъ, но общественный союзъ, основанный на взаимопомощи и сотрудничествѣ, такъ какъ они вообще совмѣстно работаютъ, питаются и предаются играмъ безъ всякихъ ссоръ и недоброжелательства другъ къ другу.

Далѣе, Сутерландъ указываетъ на довольно значительное развитіе чувства симпатіи и основанной на немъ общественной жизни у птицъ, и прежде всего у всѣхъ родовъ гусиныхъ, которые отличаются такими социальными привычками, что живутъ довольно большими обществами, въ особенности буревѣстники и олуши, стаи которыхъ доходятъ до огромныхъ размѣровъ. Чувство симпатіи проявляется у нихъ въ томъ, что перѣдко селезни, а также самцы гуси оказываютъ помощь подвергшимся нападенію членамъ ихъ стаи въ защитѣ отъ врага; перѣдко, услышавъ крикъ страдающаго товарища, они съ необыкновеннымъ мужествомъ нападаютъ на врага, а также оказываютъ помощь страдающимъ товарищамъ и въ другихъ видахъ; такъ, напр., морскія ласточки и чайки перѣдко поддерживаютъ въ воздухѣ своихъ раненыхъ товарищей и помогаютъ имъ летать,

а упавшимъ въ воду помогаютъ плавать, а иногда и цѣлыми стаями преслѣдуютъ хищниковъ, напр. воронъ, соколовъ, цапель или лисицъ, схватившихъ кого-либо изъ ихъ товарищей. Еще болѣе развитымъ представляется чувство взаимной симпатіи у поморниковъ, которые цѣлыми стаями защищаютъ своихъ товарищей, иногда отъ нападенія орловъ, а также у фламинговъ, которые во время отдыха всегда ставятъ изъ среды своей часовой, обязанныхъ въ случаѣ опасности немедленно поднимать тревогу, послѣ чего вся стая поднимается и улетаетъ; также пеликаны обыкновенно цѣлыми стаями охотятся за рыбами, причемъ сперва широкимъ кольцомъ охватываютъ стаю рыбъ, затѣмъ постепенно суживаютъ его и наконецъ бросаются ихъ хватать, когда онѣ по одиночкѣ стараются прорвать кольцо и освободиться; журавли не только всегда ставятъ часовыхъ для наблюденія за опасностью, но и въ случаѣ нападенія на нихъ какого-либо врага становятся въ кругъ клювами наружу и отбиваются отъ нападенія; наконецъ попугай всегда живутъ обществами и, притомъ, неразрывными парами выводящими птенцовъ, и чувство симпатіи у нихъ проявляется не только къ своимъ птенцамъ, но и къ сиротамъ другихъ паръ и даже другихъ стай, а также къ ихъ престарѣлымъ и больнымъ товарищамъ, не говоря уже объ общей защитѣ отъ враговъ.

Разумѣется, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ видовъ животныхъ къ высшимъ, все болѣе и болѣе развитымъ представляется и чувство взаимной симпатіи между индивидуумами одного и того же вида, а также и основанное на немъ взаимное ихъ сотрудничество, содѣйствующее развитію у нихъ жизни общественной и нравственности социальной. Въ подкрѣпленіе правильности этого положенія Сутерландъ приводитъ довольно значительное число примѣровъ, сперва изъ жизни низшихъ млекопитающихъ, а затѣмъ и высшихъ, и наконецъ человѣка. Такъ, онъ указываетъ на довольно развитую жизнь общественную у различныхъ грызуновъ, какъ у бѣлокъ, кроликовъ, крысъ и мышей, встрѣчающихся обыкновенно въ большомъ количествѣ и, притомъ, на значительныхъ пространствахъ земли, въ противоположность видамъ грызуновъ необщественныхъ, какъ кротовъ, дикобразовъ и другихъ, которые, несмотря на ихъ хорошія средства самозащиты—на иглы и другія, все же встрѣчаются довольно рѣдко и, притомъ, на небольшихъ пространствахъ. Чувства взаимной симпатіи у крысъ и мышей заключаются въ томъ, что онѣ не только всегда храбро защищаютъ отъ нападенія враговъ своихъ товарищей, но и всегда дружно соединяются для нападенія на

враговъ, для совершенія грабежей и для сотрудничества въ производствѣ для себя различныхъ работъ, какъ для устройства норъ и другихъ жилищъ, со многими необходимыми приспособленіями для безопасной жизни въ нихъ, или въ видѣ крѣпостей для защиты отъ нападенія, или въ видѣ особыхъ выходовъ для собственнаго ухода изъ нихъ при спасеніи отъ враговъ. Особеннымъ искусствомъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи отличаются бобры, которые хотя и живутъ не особенно многочисленными обществами, но въ сотрудничествѣ проявляютъ необыкновенное искусство въ устройствѣ для себя пещеръ, въ которыхъ они живутъ, а также необходимыхъ для нихъ плотинъ; для устройства послѣднихъ они подрываютъ и опрокидываютъ близъ растущихъ деревья, съ которыхъ обдираютъ также кору и изъ нея заготавливаютъ себѣ необходимые запасы пищи на зиму.

Еще болѣе развиты чувство взаимной симпатіи и инстинктъ необходимости взаимной помощи и сотрудничества у высшихъ млекопитающихъ, какъ у бизоновъ, буйволовъ, антилопъ, сернъ, сѣверныхъ оленей и другихъ, которые обыкновенно цѣлыми стадами, приготовляясь къ оборонѣ отъ врага, становятся въ кругъ, повернувшись мордами и рогами наружу и спрятавъ въ середину круга своихъ дѣтенышей, причемъ иногда подчиняются даже одному опытному руководителю, а для наблюденія за возможной опасностью, выставляютъ часовыхъ, которые даютъ знать крикомъ о приближеніи врага; въ случаѣ же нападенія хищнаго звѣря врасплохъ на одного кого-либо изъ нихъ, какъ, напр., у буйволовъ, другіе, находящіеся вблизи, бросаются ему на помощь и стараются защитить его отъ врага. Общая защита отъ враговъ также организована и у лошадей и слоновъ, которые нерѣдко оказываютъ помощь своимъ товарищамъ, подвергшимся какой-либо опасности, и въ одиночку, какъ въ случаѣ причиненія кому-либо изъ нихъ ранъ охотниками, или паденія въ воду, или въ яму, или борьбы съ нападающимъ врагомъ. Далѣе, еще большее развитіе принимаютъ чувство симпатіи и общественные инстинкты у обезьянъ, даже у четверорукихъ, и, притомъ, почти у всѣхъ видовъ ихъ, а въ особенности у мартышекъ, макака, сапажу и павьяновъ, общественность которыхъ проявляется нерѣдко въ ихъ особенной игривости; вообще же онѣ всѣ очень общественны, и многія изъ нихъ живутъ и бродятъ довольно большими группами, до нѣсколькихъ сотъ особей, по извѣстной опредѣленной территоріи, которой онѣ, подобно низшимъ человѣческимъ племенамъ, завладѣваютъ въ ихъ исключительное пользованіе, какъ своимъ продовольственнымъ райономъ, подъ руководствомъ вождя,

которому они безусловно повинуются, взаимѣнь чего онъ постоянно заботится о благосостояніи группы и находится всегда на стражѣ, наблюдая за угрожающей ей опасностью. Почти на этой же стадіи развитія стоитъ чувство общественности и у человекоподобныхъ обезьянъ, какъ у гиббоновъ, орангъ-утанговъ, гориллъ и шимпанзе, съ тѣмъ только отличіемъ, что онѣ представляются еще болѣе кроткими, добродушными, послушными и привязчивыми и, притомъ, не только къ своей группѣ, но и къ другимъ животнымъ. Такъ, у гиббоновъ замѣчались случаи большой сострадательности къ ихъ раненымъ товарищамъ, за которыми ухаживали другіе, съ цѣлю облегчить ихъ страданія, и приносили имъ пищу, а также случаи ихъ въ высшей степени ласковаго отношенія къ человѣку. Подобнымъ же чувствомъ отличаются также орангъ-утанги, гориллы и шимпанзе. Не болѣе развитымъ представляется чувство общественной симпатіи у дикарей, которые, подобно обезьянамъ, но обыкновенно меньшими группами, приблизительно въ количествѣ 20—30 человѣкъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ и питаются только дикими плодами и животными и не имѣютъ другого жилища, кромѣ простой изгороди для защиты отъ вѣтра, какъ, напр., бушмены, негритосы, абригены Андаманскихъ острововъ, у которыхъ только наблюдается болѣе продолжительный уходъ родителей за дѣтьми, а также болѣе сплоченныя и постоянныя семейныя отношенія и болѣе доброты и взаимопомощи къ своимъ, чѣмъ у обезьянъ; зато они отличаются гораздо болѣе жестокостью и болѣе широкимъ проявленіемъ деспотизма къ племенамъ чужимъ. На нѣсколько болѣе высокой стадіи развитія чувства общественной симпатіи стоятъ готентотовъ, полинезійцевъ, австралійцевъ и у нѣкоторыхъ другихъ, проявляющіяся уже въ томъ, что они живутъ гораздо болѣе большими группами, въ количествѣ 100 и болѣе человѣкъ.

Самое содержаніе нравственности большинство современныхъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о морали, также опредѣляютъ болѣе или менѣе сходно. Такъ, Спенсеръ, приравнивая нравственность къ альтруизму, утверждаетъ, что подъ нравственностью слѣдуетъ разумѣть тѣ дѣйствія индивидуума, которыми доставляется благополучіе для другого вмѣсто собственнаго. Лучше и подробнѣе, хотя и сходно со Спенсеромъ въ общемъ, опредѣляетъ содержаніе нравственности Гефдингъ: по его словамъ, нравственными поступками должны считаться тѣ, которые имѣютъ цѣлю наивозможно большее благо и наивозможно болѣе прогрессъ для наивозможно большаго числа сознательныхъ существъ. Какъ на существенныя признаки такого содержанія нрав-

ственности—онъ указываетъ на два: на одинъ отрицательный, заключающійся въ томъ, что нивакому единичному индивидууму не должно удѣляться больше того, что онъ заслуживаетъ по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ родѣ, соответственно его качествамъ, а на другой положительный, заключающійся въ томъ, что способности и потребности каждаго индивидуума должны быть развиваемы и удовлетворяемы настолько полно и обильно, насколько это совмѣстимо съ тѣмъ, чего требуетъ цѣльность жизни рода. Далѣе, въ объясненіе содержанія нравственности, какъ достиженія наибольшаго благополучія, Гефдингъ замѣчаетъ, что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть все, что служитъ удовлетвореніемъ потребностей человѣческой природы въ ея цѣломъ, и что поэтому предлагаемое имъ опредѣленіе содержанія нравственности представляется болѣе точнымъ, чѣмъ опредѣленіе, дававшееся ему прежними утилитаристами, какъ Миллемъ, Бентамомъ и другими, какъ дѣйствіямъ, имѣющимъ цѣлью наибольшее счастье или наибольшую пользу наибольшаго числа людей. Въ противоположность альтруизму, агонизмъ, напротивъ, долженъ быть признаваемъ, по его мнѣнію, за такое зло, которое препятствуетъ развитію нравственности, а слѣдовательно и благополучію сознательныхъ существъ, и можетъ вести къ разрушенію общества въ томъ случаѣ, когда или единичные индивидуумы сами сдѣлали бы себя абсолютной цѣлью благополучія, или же были бы сдѣланы такою цѣлью другими.

II.

Хотя опредѣленіе содержанія нравственности по цѣли достиженія общаго благополучія, а не общаго счастья или пользы, какъ утверждали утилитаристы, быть можетъ, сравнительно съ опредѣленіемъ ея содержанія послѣдними, и представляется болѣе правильнымъ, но самое понятіе благополучія даже отдѣльными индивидуумами понимается различно: то, что считается благополучіемъ одними, для другихъ, напротивъ, имѣетъ смыслъ прямо противоположный, вслѣдствіе чего и при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій индивидуумовъ, какъ нравственныхъ или безнравственныхъ, также нерѣдко могутъ возникать серьезные недоразумѣнія и противорѣчія. Недостаточно выясняютъ понятіе благополучія и указанные Гефдингомъ необходимые „предикаты“, или, какъ онъ говоритъ, заповѣди нравственности, и именно, первая заповѣдь отрицательная потому, что предоставленіе каждому индивидууму не болѣе того, что онъ заслуживаетъ, хотя, быть мо-

жетъ, и представляется справедливымъ, но, въ видахъ опредѣленія значенія и степени достоинствъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, нивагого положительнаго объективнаго критерія имъ не указано, а заповѣдь положительная потому, что наиболѣе полное развитіе способностей индивидуума и наиболѣе полное удовлетвореніе его потребностей далеко не всегда могутъ содѣйствовать его собственному благополучію и благополучію того рода, къ которому онъ принадлежитъ, ибо многія способности индивидуума, какъ и его потребности, могутъ быть не только не полезными для общаго благополучія, но нерѣдко даже прямо вредными и опасными, какъ, напр., властолюбіе, способность и стремленіе господствовать надъ другими, разныя прихоти и потребности въ дорогомъ стоящихъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ.

Бурдо также опредѣляетъ содержаніе нравственности какъ поведеніе, имѣющее цѣлью достиженіе блага, но онъ подробнѣе опредѣляетъ въ связи съ этимъ основнымъ признакомъ ея содержанія существо блага, какъ цѣли, сперва нравственности индивидуальной, а затѣмъ соціальной. Именно, говоря о содержаніи нравственности индивидуальной, онъ находитъ, что индивидуумъ, въ силу самой его природы и законовъ жизни, съ одной стороны, стремится къ благамъ, позволяющимъ лучше пользоваться жизнью, т.-е. къ здоровью, счастью, удовлетворенію чувства изящнаго, къ познанію истины, а съ другой—избѣгать золь, сокращающихъ жизнь, или дѣлающихъ ее болѣзненной, т.-е. избѣгать страданія и несчастья. Блага бывають физическія и психическія; первыя установлены научно собственно гигиеной и заключаются не въ чемъ иномъ, какъ въ искусствѣ быть здоровымъ, пользоваться постоянно хорошимъ расположеніемъ духа и долго жить. Правила гигиены, выведенныя изъ законовъ физиологіи, указываютъ самыя вѣрныя средства поддерживать нормальность отправления организма и охранять такимъ образомъ первое благо жизни, здоровье, являющееся условіемъ и обезпеченіемъ всѣхъ другихъ благъ жизни, какъ физической силы, довольства, способности ко всякому дѣлу. Общее правило гигиены заключается, по замѣчанію Бурдо, въ томъ, чтобы доставлять дѣйствительнымъ естественнымъ потребностямъ организма требуемое ими удовлетвореніе въ надлежащей мѣрѣ, безъ его уменьшенія, но и безъ увеличенія сверхъ необходимаго, почему и представляются противными нравственности какъ излишній аскетизмъ, такъ и неумѣренное стремленіе къ удовольствіямъ. Цѣль, затѣмъ, нравственности индивидуальной психической, стоящей несравненно выше и шире нравственности физической, заключается въ сво-

бодномъ развитіи жизни психической, выражающейся, въ общемъ, въ искусствѣ быть счастливымъ, достигаемомъ съ помощью гигиены чувствъ, или въ благоразумномъ и умѣломъ пользованіи ими и направленіи ихъ и сдерживаніи въ извѣстныхъ границахъ, но никакъ не въ подавленіи страстей, какъ движущихъ силъ жизни. Источникъ этого послѣдняго счастья коренится въ насъ самихъ, такъ какъ отъ каждаго индивидуума самого зависитъ быть настолько благоразумнымъ, чтобы, съ одной стороны, не подавлять слишкомъ свои естественныя желанія, а съ другой и не привязываться особенно страстно къ чему-либо. Затѣмъ, въ объясненіе содержанія нравственности социальной, Бурдо говоритъ, что общее благо, составляющее ея цѣль, заключается въ достиженіи общаго счастья, — для чего необходимо не только поддержаніе добрыхъ отношеній съ людьми и полезныхъ связей съ ними, а въ сношеніяхъ съ ними дѣловыхъ — строгой честности, но и исполненіе обязанностей взаимопомощи и, главнымъ образомъ, помощи несчастнымъ въ борьбѣ съ разными случайностями и затрудненіями въ жизни, такъ какъ исполненіемъ этихъ обязанностей въ отношеніи другихъ каждый и самъ изъ такого общенія съ людьми извлекаетъ немало выгодъ и для себя, какъ существо въ одиночествѣ очень слабое. Выяснивъ, такимъ образомъ, содержаніе и цѣль той и другой нравственности, или нравственности индивидуальной, какъ основанной на эгоизмѣ индивидуума, и нравственности социальной, какъ основанной на его альтруизмѣ, остается еще указать, какимъ образомъ въ поведеніи индивидуума обѣ онѣ должны быть комбинируемы, — и это указаніе тѣмъ болѣе необходимо, что при противоположныхъ требованіяхъ эгоизма и альтруизма они нерѣдко, въ случаяхъ превышенія мѣры того или другого изъ нихъ, приходятъ въ столкновеніе между собой. Человѣкъ, будучи отдѣльнымъ самостоятельнымъ существомъ, и въ то же время существомъ, входящимъ въ составъ рода или группы, къ которой онъ принадлежитъ, необходимо долженъ имѣть двойное побужденіе къ дѣйствіямъ: съ одной стороны, въ качествѣ отдѣльной личности сохранять свое „я“, а съ другой стороны, въ качествѣ члена того общества, къ которому онъ принадлежитъ и безъ котораго онъ не могъ бы жить, нести тяготы и жертвы, требуемыя общественными интересами, чтобы участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ ему жизнью въ обществѣ, — и потому этика и должна установить, въ какихъ разумныхъ и справедливыхъ границахъ долженъ дѣйствовать эгоизмъ, и въ какихъ предѣлахъ полезенъ и обязателенъ альтруизмъ. Слѣдуетъ считать допустимымъ дѣйствіе эгоизма только въ тѣхъ

предѣлахъ, пока онъ ограничивается дѣйствіями, направленными на сохраненіе цѣлости индивидуума и его правъ на существованіе; за этими предѣлами должна уже выступать сфера дѣйствія альтруизма, какъ фактора, наиболѣе содѣйствующаго расширенію жизненной дѣятельности людей, что можетъ имѣть мѣсто, однакоже, только при слѣдованіи индивидуумомъ порядку и законамъ, установленнымъ въ той социальной группѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Въ виду того, что такой альтруизмъ представляется выгоднымъ для индивидуума и въ его личной жизни, его и можно считать за разумное и благородное расширение эгоизма; именно съ помощью альтруизма получаютъ наилучшія условія для развитія и движенія впередъ жизни людей, и онъ заслуживаетъ самаго широкаго поощренія, какъ порождающій такое безкорыстное поведеніе по отношенію другихъ, которое только и можетъ считаться за добродѣтель. Несмотря на возможность противорѣчій между эгоизмомъ и альтруизмомъ, все же представляется возможнымъ согласованіе ихъ при помощи взаимныхъ уступокъ, потому что оба они представляются необходимыми, и альтруизмъ требуетъ отъ эгоизма лишь того, что для него представляется съ одной стороны лишнимъ, а съ другой и вознаграждаетъ его за такую жертву выгодами жизни въ обществѣ.

Хотя приведенными указаніями Бурдо и выясняются содержаніе и цѣль нравственности вообще, какъ индивидуальной, такъ и социальной, и, притомъ, гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ другими, но все же они представляются неполнѣй достаточными, потому что и въ нихъ ничего не говорится объ одномъ изъ существенныхъ признаковъ собственно нравственности социальной, о необходимости наличности въ дѣйствіяхъ индивидуума на общую пользу того общества или той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ, солидарности съ дѣйствіями другихъ ея членовъ въ этомъ отношеніи, — признака, на необходимость котораго указалъ, однакоже, Гефдингъ, который объяснилъ важное значеніе этого признака въ жизни и дѣятельности различныхъ общественныхъ союзовъ и вліяніе его на нравственность не только социальную, но и индивидуальную. Въ такомъ союзѣ члены его проходятъ весь цѣль воспитанія отъ эгоизма къ альтруизму; въ немъ они научаются подчинять свои личные интересы общимъ интересамъ союза, что представляется выгоднымъ и лично для каждаго изъ нихъ, ибо, дѣйствуя въ союзѣ, каждый изъ нихъ становится не только болѣе самостоятельнымъ въ жизни, но и можетъ достигать такихъ результатовъ, которыхъ онъ никогда не могъ бы достигнуть, дѣйствуя одинъ особнякомъ. Хорошо вы-

яснено также и взаимное соотношение нравственности индивидуальной и социальной, какъ силъ центростремительной и центробъжной, находящихся въ борьбѣ между собою. Хотя по природѣ беретъ верхъ, главнымъ образомъ, первая изъ этихъ силъ въ дѣйствіяхъ и поведеніи индивидуума въ обществѣ, но правильное между ними соотношение наступаетъ тогда, когда онѣ приходятъ въ равновѣсіе между собой въ дѣйствіяхъ индивидуума, и когда послѣдній проявляетъ наклонности одинаково, какъ эгоистическія, такъ и альтруистическія, притомъ въ должной мѣрѣ, безъ вреда какъ для себя, такъ и для общества.

Та и другая нравственность, какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ ихъ дѣйствіи, проявлялись, однакоже, и проявляются и въ настоящее время у различныхъ народовъ и различныхъ группъ людей неодинаково, вслѣдствіе чего и представляется интереснымъ выясненіе степени и хода ихъ развитія; на это и обратили вниманіе очень многіе изъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о нравственности, особенно о нравственности социальной; на выясненіе же развитія нравственности индивидуальной мало обращали вниманія, несмотря на то, что и она не всегда и не у всѣхъ одинакова, а также измѣняется съ теченіемъ времени. Мы видѣли, что, по мнѣнію Бурдо, основаніемъ нравственности индивидуальной физической должны служить правила гигиены, выводимыя изъ законовъ физиологіи, а основаніемъ нравственности индивидуальной психической — вообще развитіе ума, и такимъ образомъ, съ развитіемъ гигиены и образованія должна получать болѣе широкое развитіе и нравственность индивидуальная, какъ по ея содержанію, такъ и по ея цѣлямъ. Хотя въ общемъ указаніе это и представляется совершенно правильнымъ, какъ покоящееся на научномъ основаніи, но въ дѣйствительности встрѣчаются такіе случаи, когда съ развитіемъ цивилизаціи и усложненіемъ жизни и потребностей нравственность индивидуальная не только не развивается, но даже падаетъ, когда многіе индивидуумы, вслѣдствіе полученія возможности пользоваться гораздо большими личными удовольствіями и наслажденіями жизни, предаются имъ съ излишествомъ, и это указываетъ на то, что правильное развитіе личной нравственности, въ связи съ поступательнымъ движеніемъ впередъ, обуславливается на самомъ дѣлѣ не только приведенными выше основаніями, но и еще какими-либо другими. Если принять во вниманіе ея тѣсную связь и соотношение съ нравственностью социальной, то необходимо заключить, что развитіе ея во многомъ должно обуславливаться развитіемъ этой послѣдней нравственности, какъ вызывающей необходимость та-

кого поведения индивидуума, которое должно служить сдержкой слишком широкаго проявленія стремленія къ пользованію личными наслажденіями и слишком широкаго удовлетворенія личныхъ потребностей, что имѣетъ мѣсто непремѣнно въ ущербъ проявленію нравственности социальной.

На развитіе этой послѣдней нравственности, напротивъ, обращаютъ вниманіе едва ли не всѣ современные философы, занимавшіеся разработкой ученія объ основахъ морали, хотя и не всѣ они объясняютъ ея развитіе одинаковымъ образомъ, и, притомъ, большинство ограничивается объясненіями ея довольно краткими. Такъ, Спенсеръ отмѣчаетъ, что альтруизмъ въ людскомъ обществѣ зарождается сперва въ области семейной, затѣмъ переходитъ въ область социальную, гдѣ появляются такіе союзы, или коопераціи, которые содѣйствуютъ развитію жизни, какъ общественной, такъ и индивидуальной, такъ какъ въ нихъ съ благосостояніемъ всѣхъ ея членовъ возрастаетъ и благосостояніе каждаго въ отдѣльности. Далѣе, онъ говоритъ, что этическое содержаніе въ правилахъ поведения, согласно съ ходомъ социальной эволюціи въ обществахъ людей, все болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ перехода формъ общежитія отъ военнаго типа къ индустриальному; въ обществахъ перваго типа требованія самосохраненія цѣлаго общества сильнѣе требованій въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, между тѣмъ какъ по мѣрѣ перехода отъ условій быта военнаго къ условіямъ быта индустриальнаго, все болѣе и болѣе растетъ значеніе послѣднихъ интересовъ, которые и начинаютъ составлять основу общественной жизни;— въ жизни такихъ обществъ добровольные союзы, или коопераціи, замѣняютъ постепенно союзы принудительные, какъ различныя сословныя общества и формы организаціи власти, и путемъ борьбы труда съ капиталомъ, а также борьбы съ властью за политическую свободу, достигаютъ осуществленія все большаго и большаго обезпеченія равныхъ средствъ къ индивидуальному благополучію всѣхъ. Наряду съ развитіемъ личнаго благополучія идетъ все большее и большее развитіе средствъ и благополучія общественнаго, или развитіе альтруизма, и на его основаніи развитіе нравственности социальной, которая проявляется сперва въ видѣ простой справедливости индивидуума къ близкимъ, а затѣмъ и въ видѣ благотворенія или филантропіи, сначала въ видѣ филантропіи отрицательной, заключающейся собственно только въ самоограниченіи эгоистическихъ чувствъ, а потомъ и въ видѣ филантропіи положительной, заключающейся въ прямыхъ дѣйствіяхъ въ интересахъ ближняго, даже вопреки собственнымъ

эгоистическимъ цѣлямъ. Съ теченіемъ времени нравственность социальная, по объясненію Спенсера, развиваясь все шире и шире, распространяется постепенно и за предѣлы отдѣльныхъ обществъ и народовъ и становится руководящей и въ отношеніяхъ между разными обществами и народами. Почти это же самое, но еще болѣе кратко говорить о постепенномъ развитіи нравственности социальной въ человѣческихъ обществахъ и Геддингъ, который только указываетъ, что ея дальнѣйшее развитіе должно заключаться въ распространеніи ея и на отношенія между народами и государствами, которые до сихъ поръ во многомъ состоятъ между собой еще въ первобытныхъ естественныхъ отношеніяхъ.

III.

По общему признанію, первоначально социальная нравственность получила свое начало въ семьѣ, потому что прежде всего въ семейной группѣ протекаетъ жизнь индивидуума, въ которой и образуются самыя непринужденныя и прочныя связи между ея членами, какъ между родителями и дѣтьми и между самими дѣтьми, порождающія между ними и взаимныя обязанности, заключающіяся прежде всего во взаимной поддержкѣ другъ друга. Изъ круга семьи нравственность социальная переходитъ во взаимныя отношенія между семьями одного и того же племени и заключается въ поддержаніи съ ними добрыхъ и полезныхъ связей и взаимопомощи другъ другу въ борьбѣ съ разными случайностями и затрудненіями въ жизни. Впослѣдствіи нравственность эта распространяется и на отношенія людей въ болѣе обширныхъ обществахъ, образующихъ государства, когда уже необходима извѣстная гражданская доблесть индивидуумовъ по отношенію къ нимъ, заключающаяся въ томъ, чтобы они не только употребляли часть своихъ средствъ на общественныя нужды, но и лично участвовали въ ихъ защитѣ. Дальнѣйшее развитіе этой нравственности должно заключаться въ томъ, чтобы она была установлена и въ международныхъ отношеніяхъ, въ видахъ справедливаго соглашенія между собой всѣхъ интересовъ, и такимъ образомъ была распространена на все человѣчество, и наконецъ въ распространеніи ея и на отношенія человѣка къ животнымъ и въ особенности къ животнымъ домашнимъ.

По мнѣнію Вундта, напротивъ, утвержденіе о первоначальномъ зарожденіи социальной нравственности въ первобытной семьѣ не выдерживаетъ критики, потому что, какъ доказали

многіе изслѣдователи первобытной культуры, какъ Бахофенъ, Леббокъ и Макъ-Ленанъ, у первобытныхъ народовъ не было правильно заключаемыхъ браковъ, а господствовало случайное, беспорядочное сожительство, вслѣдствіе чего вмѣсто семьи было только материнство или связь дѣтей съ матерью. Въ виду этого обстоятельства слѣдуетъ, по мнѣнію Вундта, искать первоначальное зарожденіе нравственности соціальной не въ семьѣ, а въ родовыхъ или племенныхъ союзахъ, къ образованію которыхъ люди были побуждаемы не только необходимостью защиты отъ враговъ — другихъ племенъ или союзовъ, но и необходимостью производить многія нужныя работы совмѣстно, по неспособности производить ихъ каждымъ отдѣльно, какъ, напр., работы по добыванію огня, по добыванію и приготовленію пищи и многія другія, производство которыхъ и развивало въ нихъ первоначально чувство взаимопомощи, взаимной коопераціи и солидарности, составляющихъ основу нравственности соціальной. На этой почвѣ нравственность соціальная возникла прежде всего у дикарей, у дикихъ охотничьихъ племенъ, которыя, не имѣя постоянного жительства, совмѣстно преслѣдуютъ дичь, гдѣ только ее можно найти, переходя съ мѣста на мѣсто и встрѣчаясь постоянно съ опасностями, требующими единенія для самозащиты не только отъ нападенія дикихъ звѣрей, но и другихъ, подобныхъ же племенъ. Дальнѣйшее развитіе получаетъ эта нравственность у кочевниковъ или номадовъ, такъ какъ они, странствуя съ мѣста на мѣсто съ имѣющимися у нихъ стадами животныхъ, служащихъ имъ пищей, должны проявлять еще болѣе солидарности и заботливости въ отношеніи добыванія пищи для нихъ; затѣмъ еще большее развитіе нравственности эта получаетъ у племенъ, обратившихся къ земледѣлію и ведущихъ уже осѣдлый образъ жизни, вслѣдствіе того, что у нихъ появляется еще болѣе такихъ работъ, которыя для производства ихъ требуютъ совмѣстнаго труда многихъ людей и изъ которыхъ многія производятся не только съ помощью животныхъ, но и рабовъ, обращенныхъ въ неволю изъ покоренныхъ ими племенъ, причемъ появляется уже раздѣленіе занятій, а также раздѣленіе племенъ на классы, изъ которыхъ одни являются повелителями, а другіе — исполнителями ихъ велѣній.

Въ виду того, что у первобытныхъ племенъ не было первоначально организованной и прочной семьи, какъ постоянного союза между родителями, и затѣмъ между родителями и дѣтьми, а преобладало случайное и беспорядочное сожительство между мужчинами и женщинами, то нельзя не признавать основатель-

нымъ утверждение Вундта, что первоначальное возникновение нравственности социальной скорѣе можно видѣть не въ семьѣ, а въ родѣ или племени отдѣльныхъ первобытныхъ народовъ, совершенно правильнымъ представляется и другое утверждение Вундта о постепенномъ развитіи этой нравственности у племенъ вочевыхъ, а затѣмъ у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, какъ также вполне соответствующее дѣйствительному движенію впередъ культуры.

Съ особой подробностью и обстоятельностью останавливается на выясненіи развитія нравственности социальной Сутерландъ. Считая за основаніе этой нравственности чувство симпатіи, онъ находитъ источникъ этого чувства въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ; эти отношенія, расширяясь постепенно, возбуждаютъ развитіе такого же чувства симпатіи между братьями и сестрами, а впоследствии и между болѣе отдаленными родственниками и сосѣдями. Высказавъ это общее заключеніе о возникновеніи и развитіи социальной нравственности, онъ далѣе подробно останавливается на выясненіи ея развитія сперва у дикарей, у которыхъ она стоитъ почти на одномъ уровнѣ, какъ и у высшихъ животныхъ общественныхъ и, главнымъ образомъ, у обезьянъ, а затѣмъ у варваровъ. Болѣе высокое развитіе социальной нравственности у послѣднихъ, сравнительно съ ея развитіемъ у дикарей, онъ видитъ прежде всего въ ослабленіи у нихъ войнъ съ другими племенами, сравнительно съ войнами дикарей, которые ведутъ ихъ почти постоянно и съ крайней жестокостью, между тѣмъ какъ у варваровъ войны хотя и ведутся почти съ такой же жестокостью и беспощадностью, какъ и у дикарей, зато не постоянно, а хронически, черезъ извѣстныя промежутки времени. Жестокость войнъ ослаблялась постепенно у народовъ цивилизованныхъ, какъ у грековъ и римлянъ, которые впоследствии не только не подвергали избіенію или обращенію въ рабство побѣжденные ими народы,—какъ это дѣлали варвары,—и не только сохраняли имъ жизнь, но даже и извѣстную часть ихъ имущества, и даже въ извѣстной степени пользованіе гражданскими правами, причѣмъ большая часть населенія римской имперіи никакого участія въ войнѣ не принимала, что влекло за собой значительное увеличеніе благосостоянія населенія. Кроме этого, обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ развитію нравственности социальной, было все большее и большее увеличеніе числа членовъ племенныхъ союзовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ сообща. Такъ, въ то время, какъ у низшихъ дикарей первоначально число членовъ племенныхъ союзовъ достигало только отъ 20 до 100 человекъ, у высшихъ дикарей, какъ у сѣверо-американскихъ

индѣйцевъ, оно достигаетъ уже, въ среднемъ, 300 человекъ, причеиъ нѣкоторые изъ нихъ объединялись съ другими племенами въ общіе союзы, численность которыхъ достигала уже 4.000 человекъ и болѣе, что значительно содѣйствовало развитію среди нихъ общественнаго чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчало переходъ ихъ отъ бродячаго образа жизни къ осѣдлому и къ земледѣлю, значительно увеличивъ ихъ безопасность отъ нападенія враговъ. Еще болѣе значительное увеличеніе численности племенныхъ союзовъ замѣчается у варваровъ, какъ, напр., у негровъ центральной Африки, у которыхъ число ихъ достигаетъ иногда уже 300.000 человекъ; въ случаяхъ объединенія племенныхъ союзовъ въ одинъ общій союзъ, число членовъ ихъ достигало уже и милліона человекъ, а у нѣкоторыхъ высшихъ варваровъ, какъ, напр., жителей Мадагаскара, — даже и нѣсколькихъ милліоновъ; изъ объединенія же такихъ племенъ впоследствии стали образовываться и цѣлыя государства съ десятками милліоновъ жителей. Вмѣстѣ съ ростомъ племенныхъ союзовъ въ ихъ численности замѣчаются въ нихъ развитіе и увеличеніе симпатій между ихъ членами, выражающейся сперва, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, въ подачѣ милостыни слѣпымъ, калѣкамъ, идиотамъ и даже просто неспособнымъ и лѣнивымъ, а затѣмъ превращающейся въ организованную общественную благотворительность, какъ, напр., въ Египтѣ, государствахъ Индіи, въ Китаѣ и въ другихъ, въ которыхъ она выражалась уже въ устройствѣ госпиталей для бѣдныхъ больныхъ, особыхъ пріютовъ для дѣтей и больныхъ стариковъ и различныхъ благотворительныхъ обществъ. Особенное же развитіе общественная благотворительность получала, начиная съ XVI-го столѣтія, въ государствахъ западной Европы: въ Англіи, Франціи и Германіи, и въ этомъ направленіи она развивается и до настоящаго времени.

IV.

Хотя Сутерландъ и указываетъ, какъ на первый источникъ зарожденія и развитія чувства симпатій и основанной на немъ нравственности социальной, — на отношенія матери къ ея дѣтямъ, а не на необходимость коопераціи или сотрудничества между членами извѣстнаго рода или племени, какъ Вундтъ, но врядъ ли можно видѣть противорѣчіе между обоими указаніями; на самомъ дѣлѣ можно признавать оба эти обстоятельства за основанія зарожденія нравственности социальной, какъ дѣйствующія одно-

временно и совместно. Самая большая, однакоже, заслуга Сутерланда заключается въ томъ, что онъ не только призналъ источникъ развитія нравственности социальное развитіе чувства симпатіи между индивидуумами у людей и у животныхъ, но вмѣстѣ съ этимъ указалъ, какъ на главную причину, двигающую ея развитіе въ теченіе долгаго періода жизни живыхъ существъ, на ихъ борьбу за существованіе, въ которой выигрываютъ и получаютъ преобладаніе и даже побѣду тѣ роды или группы живыхъ существъ, у которыхъ она получила наибольшее распространеніе и развитіе. Чувство взаимной симпатіи, зародившись сперва у животныхъ, все большее развитіе получаетъ у человѣка, въ видѣ сотрудничества извѣстнаго числа индивидуумовъ одной группы или союза, что уже на первыхъ порахъ у дикарей даетъ имъ преимущество въ борьбѣ за обладаніе пищей и вообще въ борьбѣ за существованіе передъ отдѣльными, необъединенными между собой индивидуумами, обитателями лѣсовъ и полей. Впослѣдствіи такія группы, или союзы, состоящіе изъ большаго числа индивидуумовъ и, притомъ, болѣе прочно объединенные и лучше организованные, оказываются въ борьбѣ за существованіе фатальными для дикарей, которые въ борьбѣ съ ними постепенно исчезаютъ, какъ расы менѣе социальныя и потому менѣе способныя къ защитѣ въ борьбѣ за существованіе. Вообще, ретроспективный взглядъ на исторію человѣчества показываетъ, что въ главныхъ чертахъ исторія эта заключалась въ покореніи расъ съ менѣе развитой симпатіей и солидарностью между ихъ индивидуумами, неспособными къ образованію могущественныхъ союзовъ, расами болѣе внутренне солидарными, такъ что разрозненность между членами расы всегда оказывалась гибельной для нея. Весь ходъ всемірной исторіи показываетъ возвышеніе типа, способнаго къ единенію, и въ то же время подчиненіе, поглощеніе, а иногда даже и полное уничтоженіе типовъ, менѣе способныхъ къ сплоченности, или побѣду въ борьбѣ за существованіе социальныхъ расъ надъ индивидуальными, потому что въ борьбѣ за существованіе сила, берущая верхъ, заключается въ единеніи. Также точно имѣетъ большее значеніе чувство симпатіи, которое сопровождается выгодными послѣдствіями для индивидуума въ его борьбѣ за существованіе съ другими индивидуумами изъ одной и той же расы или союза людей, такъ какъ и въ нихъ нерѣдко индивидуумы, даже физически болѣе сильные, но не проявляющіе чувства симпатіи къ своимъ соплеменникамъ, устраняются ими изъ жизни и предаются смерти. Такимъ образомъ, борьба за существованіе вы-

звала все большее развитіе чувства симпатіи или соціальной нравственности не только у отдѣльныхъ индивидуумовъ по отношенію ихъ соплеменниковъ, но и большую солидарность въ ихъ дѣйствіяхъ противъ другихъ племенъ и союзовъ, вслѣдствіе того, что люди, проявившіе наиболѣе симпатіи къ другимъ своимъ соплеменникамъ, получали и наиболѣе выгодъ въ своей личной жизни въ нихъ, а націи, состоявшія изъ наибольшаго числа такихъ индивидуумовъ, получали наиболѣе выгодъ и преимуществъ, какъ въ своемъ внутреннемъ развитіи, такъ и въ борьбѣ за существованіе съ другими націями, менѣе солидарными и сплоченными въ дѣйствіяхъ ихъ членовъ.

Въ подтвержденіе правильности этого положенія Сутерландъ приводитъ немало примѣровъ изъ исторіи, доказывающихъ, что расы или племена, мало соціальныя и жестокія, очень скоро исчезали въ борьбѣ за существованіе съ расами болѣе соціальными, какъ, напр., многія индійскія племена, селонныя въ раздорамъ и затѣвавшія наичаще междуособныя войны съ другими племенами и отъ нихъ погибшія, а также подобныя же племена арабскія, и затѣмъ въ особенности малайцы, которые вслѣдствіе ихъ жестокости и исчезли съ лица земли. Вообще, приведенные имъ примѣры изъ исторіи безусловно подтверждаютъ правильность его основнаго положенія, какъ о главномъ двигателѣ развитія нравственности соціальной, о борьбѣ за существованіе, какъ обстоятельствѣ, влекущемъ за собой преобладаніе типовъ союзовъ людей, наиболѣе между собой объединенныхъ и дѣйствующихъ наиболѣе солидарно въ защитѣ ихъ интересовъ въ борьбѣ съ другими группами, такъ что можно сказать, что въ настоящее время объясненіе развитія нравственности поставлено на научномъ основаніи и, притомъ, на основаніи того принципа, дѣйствіемъ котораго объясняется вообще эволюція и развитіе жизни въ природѣ.

Нѣкоторые изъ современныхъ философовъ, занимавшіеся разработкой ученія нравственности, обращаютъ вниманіе на обязательность соблюденія для индивидуумовъ правилъ нравственности, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, въ виду того обстоятельства, что природой установлена санкція какъ ихъ соблюденія, такъ и несоблюденія, заключающаяся, по объясненію Бурдо, въ томъ, что соблюденіе ихъ индивидуумомъ сопровождается извѣстными наградами или благами, а ихъ нарушеніе, напротивъ, извѣстными страданіями, или зломъ для него. Такъ, по его словамъ, въ то время, какъ соблюденіе индивидуумомъ правилъ нравственности индивидуальной, или правилъ

гигиены, сопровождается здоровьем, удовольствиями и радостью жизни, отступление от них вызывает в нем скорбь, печаль и беспокойство, — и такими же последствиями приблизительно сопровождаются также соблюдение и нарушение правил нравственности социальной. Также и по объяснению Спенсера санкция обязательности соблюдения правил нравственности, и в особенности нравственности социальной, заключается в том, что каждый должен нести последствия своего поведения по соображении соответствия или несоответствия его реальным интересам жизни. Возникновение применения принципа воздаяния замечается уже у стадных животных, живущих группами, у которых выработаны известные приемы общественной расправы с особями, не удовлетворяющими общим интересам группы, как, напр., у бобров, которые изгоняют из своей группы лентяев, не принимающих участия в общественных работах при постройках; у пчел, которые убивают трутней после того, как они сделались им ненужными; у ворон, убивающих вообще негодных членов группы; у грачей, которые вездесю там же из них, которые крадут материал для постройки гнезд из чужих гнезд, разрушают их гнезда; — и этот принцип развивается все шире и шире сперва у животных высших, как у обезьян, а затем у человека. Довольно любопытные примеры такой общественной расправы у животных и в особенности у птиц, и, притом, в виде расправы вполне сознательной, вроде суда народного над провинившимся в чем-либо индивидуумом, приводит Эванс в своей „Эволюционной этике“. Виновные птицы приговариваются другими не всегда к лишению жизни, но иногда только к телесному наказанию, в виде избивания, после чего они и остаются в группе. Как на примере такого общественного суда над провинившимися членами сообщества, он указывает на периодические сборища ворон на Шетландских островах, описываемые доктором Эдмондом, которые, смотря по количеству дел, продолжаются недѣлю и больше, причем, в случае присуждения виновных к смерти, они немедленно и убиваются; затем — на такой же случай суда ворон в Берлинѣ, в одном из садов, когда он, после продолжительного варканья, заклевали до смерти одну из ворон, сидѣвшую отдѣльно от них, и затем еще на случай суда журавлей, также в Берлинѣ, на котором было насчитано болѣе 500 птиц и собраніе которых длилось полдня, до произнесения приговора над одной из самок за то, что ею в трубѣ дома было высижено случайно подмѣненное хозяйномъ

дома журавлиное яйцо на гусиное, за что она была немедленно вмѣстѣ съ выводкомъ убита, а гнѣздо ея было разорено.

Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія въ томъ, что имѣющіяся въ дѣйствительности извѣстныя санкціи соблюденія правилъ нравственности, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, заключающіяся въ воздаяніи добромъ за соблюденіе правилъ той и другой нравственности, или, напротивъ, зломъ за ихъ несоблюденіе, и на самомъ дѣлѣ могутъ служить для индивидуумовъ извѣстнымъ стимуломъ, или побужденіемъ, къ нравственному поведенію, какъ по отношенію себя, такъ и другихъ, но, однакоже, стимуломъ далеко не достаточнымъ къ соблюденію ихъ во всемъ объемѣ и, притомъ, одинаково правилъ той и другой нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, если глубже вникнуть въ значеніе этихъ санкцій, какъ стимуловъ къ соблюденію правилъ нравственности во всемъ ихъ объемѣ, то нельзя, кажется, будетъ не признать, что главнѣйшее и болѣе полное значеніе онѣ могутъ имѣть только относительно соблюденія правилъ нравственности индивидуальной, ибо нарушеніе ихъ индивидуумомъ по отношенію самого себя можетъ влечь за собой болѣе неотразимо и болѣе чувствительно тѣ лично невыгодныя и даже вредныя для него послѣдствія ихъ нарушенія, или несоблюденія, которыми послѣднее сопровождается обыкновенно въ жизни, въ силу самыхъ законовъ ея, какъ, напр., разстройствомъ здоровья, болѣзнями, а иногда и душевными страданіями и другими. Нарушеніе или несоблюденіе индивидуумомъ правилъ нравственности соціальной, напротивъ, можетъ нерѣдко не сопровождаться для него никакими невыгодными послѣдствіями, вслѣдствіе того, что санкція соблюденія ихъ, установленная въ обществахъ не только людей, но и животныхъ, установлена въ нихъ, главнымъ образомъ, по отношенію тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ значеніе только правилъ отрицательныхъ или правилъ, заключающихся въ запрещеніи совершенія тѣхъ или другихъ противообщественныхъ дѣйствій, но не правилъ положительныхъ, заключающихся въ совершеніи со стороны индивидуума какихъ-либо полезныхъ дѣйствій для другихъ, вродѣ оказанія имъ помощи или содѣйствія въ какихъ-либо дѣлахъ ихъ, потому что никакихъ въ этомъ отношеніи пундическихъ мѣръ въ обществахъ людей болшею частью не установлено, между тѣмъ какъ безъ ихъ установленія соблюденіе ихъ и представляется лишеннымъ всякой санкціи. Кромѣ этого, совершеніе какихъ-либо полезныхъ дѣйствій для другихъ можетъ нерѣдко не только не сопровождаться выгодными послѣдствіями для самого индивидуума, ихъ совершившаго, но

может иногда влечь за собой и довольно значительный ущерб для него, и для совершения таких дѣйствій представляется необходимымъ высокое развитіе чувства симпатіи къ другимъ или значительное преобладаніе въ человѣкѣ альтруизма надъ эгоизмомъ, что можетъ имѣть мѣсто, въ большинствѣ случаевъ, только преимущественно у индивидуумовъ, стоящихъ на болѣе или менѣе высокой степени умственнаго развитія, когда является сознаніе необходимости и полезности совершения такихъ дѣйствій въ пользу общества, въ видахъ его поддержанія и развитія, внѣ всякихъ соображеній о личныхъ невыгодахъ и опасностяхъ.

V.

При отсутствіи у большинства индивидуумовъ сознанія необходимости совершения полезныхъ дѣйствій въ пользу общества, а также и при отсутствіи какого-либо воздаянія со стороны общества за ихъ несовершенство, представляется, кажется, очевиднымъ и отсутствіе какой-либо прямой и очевидной санкціи развитія нравственности социальной положительной; если же, несмотря на это, нравственность эта все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени развивается и расширяется, то, въ видахъ объясненія такой эволюціи ея, ничего болѣе не остается, какъ признать за основаніе ея развитія, главнымъ образомъ, борьбу за существованіе и ея послѣдствія, заключающіяся, съ одной стороны, въ томъ, что группы людей, дѣйствующія наиболѣе солидарно между собой и оказывающія наибольшую помощь другъ другу, какъ въ защитѣ отъ нападенія враговъ, такъ и въ сотрудничествѣ въ добываніи средствъ къ существованію, побѣждаютъ въ борьбѣ за существованіе и болѣе и болѣе развиваются и улучшаютъ свое положеніе, а съ другой—что группы людей, дѣйствующія разрозненно, вслѣдствіе отсутствія у нихъ достаточной солидарности въ дѣйствіяхъ въ пользу всей группы и преобладанія въ нихъ индивидуумовъ эгоистическихъ и дѣйствующихъ исключительно въ ихъ личную пользу, постепенно въ борьбѣ за существованіе обезсиливаются и даже вымираютъ. Обстоятельство это съ достаточной очевидностью указываетъ на то, что борьба за существованіе имѣетъ значеніе не только основанія развитія нравственности социальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и главнѣйшей санкціей соблюденія ея величайшими индивидуумами, хотя большинствомъ изъ нихъ, въ особенности на низшей степени развитія, и бессознательно. Съ развитіемъ, одна-

воже, просвѣщенія и проникновенія въ сознание индивидуумовъ все болѣе и болѣе того принципа, что солидарность въ дѣйствіяхъ съ другими на пользу той группы или общественнаго союза, къ которому они принадлежатъ, представляется выгодной и лично для нихъ, самое это основаніе нравственности социальной и признаніе его за главный стимулъ ея развитія получаютъ все большее и большее значеніе и распространеніе, что вполне наглядно доказывается ходомъ развитія общественности среди людей и въ особенности образованія въ послѣднее время различныхъ между ними коопераций и союзовъ въ видѣ добровольныхъ соединеній, ради достиженія извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей. Кроме того, это основаніе нравственности социальной и главный стимулъ ея развитія представляются вполне универсальными въ жизни не только человѣка, но вообще всѣхъ живыхъ существъ на землѣ: тѣ животныя, которыя живутъ извѣстными группами и дѣйствуютъ въ нихъ солидарно, какъ въ защитѣ отъ враговъ, такъ и въ поддержаніи ихъ существованія, переживаютъ въ борьбѣ за существованіе съ другими и даже размножаются и занимаютъ все большія и большія пространства на землѣ, между тѣмъ какъ животныя хищныя, даже очень сильныя, но дѣйствующія врознь, напротивъ, постепенно истребляются и вымираютъ.

Обстоятельство это съ достаточной очевидностью указываетъ, кажется, на такія значительныя преимущества этого основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ и санкціи развитія нравственности социальной передъ основаніями ея и санкціями исполненія ея величій, указываемыми теологами и метафизиками, что эти послѣднія представляются совершенно излишними; — это, впрочемъ, подтверждается еще и тѣмъ, что, несмотря на все большее и большее распространеніе такихъ религій, которыя проповѣдуютъ необходимость проведенія въ жизни индивидуума нравственныхъ началъ любви къ ближнимъ, онѣ все же въ довольно слабой степени содѣйствовали ея развитію и усвоенію этихъ принциповъ людьми въ ихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, быть можетъ, отчасти потому, что указываемыя ими санкціи ихъ соблюденія, заключающіяся въ наградахъ въ другой, будущей жизни, не имѣютъ никакого вѣдимаго значенія; но, разумѣется, нельзя отрицать, что религіи эти оказали нѣкоторое содѣйствіе развитію нравственности социальной, потому что хотя относительно и очень немногіе изъ людей, поддавшіеся ихъ вліяніямъ въ ихъ поведеніи относительно ближнихъ, все же иногда служили въ этомъ отношеніи приѣромъ для другихъ и тѣмъ хотя сколько-нибудь содѣйствовали ея развитію. По сравненію, однакоже, съ значеніемъ основаній и

санкцій соблюденія правилъ нравственности соціальной, указываемыхъ нѣкоторыми изъ религій, должны имѣть еще меньшее значеніе въ жизни основанія и санкціи соблюденія правилъ этой нравственности, указываемыя метафизиками, прежде всего, разумѣется, вслѣдствіе сравнительно очень малаго распространенія ихъ ученій въ обществахъ людей даже въ настоящее время, а отчасти потому, что указываемыя ими санкціи ихъ соблюденія представляются не только совершенно неопредѣленными, но даже просто призрачными, фиктивными, лишенными поэтому всякаго авторитета. Такимъ образомъ въ настоящее время за единственно правильныя какъ основанія этой нравственности, такъ и санкціи соблюденія правилъ ея, могутъ быть приняты ея основанія и санкціи соблюденія, указываемыя современными учеными теоретиками, занимавшимися разработкой ученія о нравственности, и основанныя ими на данныхъ самой жизни или природы, въ чемъ и заключается ихъ большая заслуга передъ теологами и метафизиками въ области этики. Указаніе на эти основанія нравственности соціальной и на эту санкцію соблюденія ея вѣднѣй, какъ основанія и санкціи, указываемыя самой природой и жизнью живыхъ существъ, представляется съ теченіемъ времени тѣмъ болѣе необходимымъ, что, какъ замѣчаетъ Бурдо, постепенный упадокъ религіозныхъ вѣрованій, а также потеря довѣрія къ основаніямъ ея, указываемымъ метафизиками, вродѣ врожденности нравственнаго чувства, предписанія совѣсти, категорическаго императива и другихъ подобныхъ, оставляютъ нравственность эту безъ всякаго прочнаго основанія и безъ всякой поддержки обязательности соблюденія ея вѣднѣй.

Выясненіе означенныхъ научныхъ основаній нравственности соціальной и санкціи соблюденія ея вѣднѣй, какъ указываемыхъ самой природой или жизнью, съ развитіемъ просвѣщенія, все болѣе и болѣе будетъ входить въ сознаніе людей и будетъ служить все болѣе возрастающимъ стимуломъ къ ея развитію среди нихъ, или къ развитію среди нихъ солидарности и взаимнаго расположенія, съ сознаніемъ, при этомъ, выгоды для нихъ такого поведенія и отношенія къ другимъ въ борьбѣ за существованіе ихъ съ другими группами людей и необходимости, ради этого, подчиненія ихъ личныхъ выгодъ выгодамъ того общества, или группы, къ которымъ они принадлежатъ. Вслѣдствіе, однакоже, преобладанія въ человѣческихъ обществахъ эгоистическихъ натуръ, ставящихъ свои интересы выше интересовъ общественныхъ, а также вслѣдствіе недостаточнаго проникновенія въ ихъ сознаніе вредности такого направленія и необходимости подчиненія ихъ

личныхъ интересовъ общественнымъ, ради ихъ же личной пользы въ борьбѣ за существованіе, нѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго въ томъ, что, несмотря на все значеніе борьбы за существованіе, какъ обстоятельства, двигающаго впередъ развитіе нравственности социальной, она въ настоящее время стоитъ еще не на особенно высокомъ уровнѣ развитія, и въ будущемъ задача ея развитія еще очень велика, что, впрочемъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ очень медленной эволюціей жизни вообще, вытекающей изъ борьбы за существованіе и ею обусловливаемой. И на самомъ дѣлѣ, извѣстные правила поведенія, благожелательнаго къ другимъ людямъ, составляющія содержаніе нравственности социальной, еще и въ настоящее время считаются обязательными и практикуются хотя сколько-нибудь въ достаточной степени только въ средѣ болѣе или менѣе ограниченныхъ и замѣнутыхъ группъ людей, но никакъ не по отношенію всѣхъ,—и теперь, хотя и въ болѣе или менѣе уже смягченныхъ формахъ, все же еще практикуется въ отношеніи массы народа многое такое, что воспрещено по отношенію членовъ своей группы. Если у народовъ дикихъ и варваровъ допускались всякія жестокости противъ другихъ въ борьбѣ съ ними, то впоследствии, по соединеніи многихъ отдѣльныхъ племенъ въ довольно большія государства, возникла борьба въ нихъ самихъ, между властью съ помощью ея служителей и народомъ, вслѣдствіе того, какъ замѣтилъ Бурдо, что угнетеніе властью народа сопровождается иногда со стороны власти большими жестокостями по отношенію къ народу, и со стороны послѣдняго неизбежны иногда бунты и возстанія противъ власти, причемъ жестокая власть нерѣдко имъ и ниспровергается. Такая борьба между властью и народомъ, когда допускаются всякія противонравственныя средства со стороны власти противъ народа, продолжается, по замѣчанію Спенсера, довольно долго, пока народъ не достигнетъ передачи власти ему самому отъ той небольшой группы людей, а иногда и отъ того сословія, въ рукахъ котораго она находилась, и пока не достигнетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отѣны сословныхъ преимуществъ и уравниенія въ правахъ всѣхъ гражданъ, послѣ чего опять начинается борьба между разными группами населенія на экономической почвѣ,—главнымъ образомъ, между трудомъ и капиталомъ, или между капиталистами и рабочими,—борьба, продолжающаяся и въ настоящее время.

Вслѣдствіе такой борьбы между разными группами населенія, нравственность социальная не получила еще и въ настоящее время надлежащаго развитія и осуществленія даже внутри отдѣль-

ныхъ государствъ, не говоря уже о томъ, что она находится еще на болѣе низкой степени развитія въ отношеніяхъ между различными народами, и это, разумѣется, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока прежде въ самыхъ государствахъ не исчезнетъ антагонизмъ между интересами различныхъ группъ населенія сперва въ ихъ борьбѣ за власть и политическія и гражданскія права, а затѣмъ за экономическую обеспеченность, послѣ чего, быть можетъ, станутъ болѣе солидарными между собой и различные народности различныхъ государствъ. Однимъ словомъ, по соображеніи всего происходящаго въ борьбѣ какъ изъ-за гражданскихъ правъ, такъ и на почвѣ экономическихъ интересовъ, нельзя не видѣть, что принципы нравственности социальной могутъ получить осуществленіе еще очень нескоро и именно не прежде, какъ исчезнетъ антагонизмъ между властью и народомъ, что возможно только по переходѣ власти ко всему народу и подъ его контроль, а также—когда исчезнетъ антагонизмъ и между экономическими интересами различныхъ группъ населенія; послѣднее же возможно лишь тогда, когда будетъ достигнуто настолько равномерное распредѣленіе матеріальныхъ благъ между всѣми членами государства, что не будетъ болѣе ни нуждающихся, ни угнетенныхъ, или когда всѣ будутъ обеспечены въ ихъ существованіи настолько, что ни въ какой дальнѣйшей борьбѣ за существованіе между ними не будетъ надобности, и когда, вслѣдствіе этого, всѣ получатъ достаточный стимулъ къ дѣйствію на пользу общую всего народа, а затѣмъ и на пользу общую всѣхъ народовъ, когда не будетъ антагонизма и между ихъ интересами, и когда, вслѣдствіе этого, не будетъ надобности въ борьбѣ за существованіе и между націями, что представляется, разумѣется, осуществимымъ только въ очень отдаленномъ будущемъ. Развитію нравственности социальной предстоитъ еще довольно тяжелый и длинный путь, пока не сдѣлается ненужной и исчезнетъ въ обществахъ борьба противъ лицъ или сословій; закатившихъ власть и злоупотребляющихъ ею, и пока не будетъ достигнуто, наконецъ, равновѣсіе интересовъ различныхъ группъ населенія въ каждомъ государствѣ, а затѣмъ и интересовъ различныхъ государствъ между собою.

К. Анненковъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

Романъ Клары Фивихъ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Egon Fleischel, Berlin. 1906

Х *).

Кэте почти не замѣтила, какъ промелькнули недѣли разлуки съ домою. Пребываніе на водахъ оказалось менѣе неприятнымъ, нежели она думала. Ее охватило ощущеніе покоя, какого она не испытывала дома. Она писала веселыя письма, и сообщенія мужа о „чудныхъ горахъ и дивной погодѣ“—радовали ее. Ихъ домашній врачъ Гофманъ сообщалъ ей утѣшительныя свѣдѣнія о Вольфѣ. Мальчикъ копается въ своемъ садикѣ, посадилъ редиску и салатъ, двое товарищей его—мальчикъ и дѣвочка—больны, а съ третьимъ—толстоголовымъ—онъ не любитъ играть. Иногда застаешь его и за книжкой, словомъ—тревожиться о немъ нечего.

Слава Богу! Кэте облегченно вздохнула, у нея гора свалилась съ плечъ; она написала мальчику довольное письмо, и отъ него получила такое же; правда, оно было очень забавное, начиналось словами: „Дорогая мать“, и было словно откуда-то списано; онъ ничего не сообщалъ о себѣ, не просилъ ее „скорѣе прійхать“, но оно, противъ его обыкновенія, было написано старательно и чисто, что она сочла за доказательство любви. Къ письму была приложена картинка: ягненокъ, держащій красное знамя, на которомъ золотыми буквами было написано: „Agnus Dei miserere nobis“. Ее тронула безвкусная картинка,—онъ хотѣлъ сдѣлать ей

---

*) См. выше: июль, стр. 233.

подарокъ. Добрый мальчикъ! Она положила картинку вмѣстѣ со своими драгоценностями и вдругъ почувствовала, что ей страшно его недостаетъ.

Сентябрь былъ уже въ половинѣ, когда Кэте собралась домой.

Мужъ выѣхалъ встрѣтить ее въ Дрезденъ; свиданіе ихъ было самое сердечное; онъ не могъ нарадоваться ея свѣжему цвѣту лица, ея свѣтлому взгляду. Она въ свою очередь нашла, что онъ загорѣлъ, помолодѣлъ, сдѣлался почти такимъ же стройнымъ, какъ прежде.

Они заняли отдѣльное купе, какъ влюбленные. Имъ столько нужно было передать другъ другу!

— Какъ я рада, что ты снова со мною!—сказала она, выслушавъ рассказъ объ его поѣздѣ.

— А я!—онъ обнялъ ее, привлекъ къ себѣ, и она, задумчиво улыбаясь, прислонилась головою къ его плечу.

Передъ ихъ полузакрытыми глазами кружились въ падашемъ ванскокъ широкомъ столбѣ свѣта безчисленныя золотыя пылинки; однообразный стукъ колесъ и сознаніе тихой радости въ душѣ—дѣйствовали на нихъ убаюкивающимъ образомъ.

Вдругъ она встрепенулась, словно отъ толчка, ее охватила тоска: она забыла спросить о ребенкѣ!

— Вольфъ? Чтѣ съ Вольфомъ?

— Прекрасно себя чувствуетъ. Но ты расскажи о себѣ: какъ же ты проводила дни?

— Утромъ выпивала стаканъ воды, затѣмъ—другой, а послѣ завтрака...

Но ей было уже не до рассказовъ. Съ Вольфомъ что-нибудь случилось? Онъ только не хочетъ сказать...

Пауль удивился. Ничего ровно съ нимъ не случилось. Спитъ себѣ, ѣсть, пьетъ, ходитъ въ школу и процвѣтаетъ. Пусть она лучше расскажетъ о себѣ...

— Чтѣ же обо мнѣ говорить?.. Видишь, я хорошо себя чувствую...

Какъ равнодушно относится онъ къ ребенку! А она, мать, тоже забыла о немъ! Ей сдѣлалось такъ стыдно, что она подняла голову съ плеча мужа и съла выпрямившись. Они уже не влюбленные, они—отецъ съ матерью, которые должны думать о ребенкѣ. И она стала говорить только о немъ.

Пауль почувствовалъ перемѣну въ ея настроеніи, и это огорчило его. Неужели опять все пойдетъ по старому? У него тоже пропала охота говорить о своей поѣздкѣ. Ихъ разговоръ дѣлался все односложнѣе. На слѣдующей станціи онъ купилъ газету, а

она попробовала задремать, думая о томъ, обрадуется ли ей Вольфъ? Окликъ мужа:—Берлинъ! Собирайся, душа моя!—разбудилъ ее. Поѣздъ уже грохоталъ подъ стеклянною крышею вокзала.

Прохладный вѣтерокъ приятно освѣжалъ лицо ея, покуда они ѣхали домой. Когда экипажъ остановился передъ домомъ, окруженнымъ вѣчно зелеными соснами, съ его балконами, уставленными яркими осенними цвѣтами, сердце у нея забилось, словно отъ быстрой ходьбы. Но Вольфъ не выбѣжалъ навстрѣчу. Странно, что онъ не ждалъ ее.

— Они, вѣроятно, сидятъ на верандѣ, какъ всегда по вечерамъ,—сказала Шлибенъ, пропуская Кэте впередъ, чтобы она могла поздороваться съ мальчикомъ. Кэте, не обращая вниманія на сіяющее лицо кухарки, на домашій тортъ ея изготовленія, на ливрею Фридриха, убравшаго чайный столъ цвѣтами, поспѣшила черезъ столовую прямо на веранду, дверь на которую была открыта. Она остановилась незамѣченною на порогѣ.

— На столѣ горѣла одна свѣча подъ колпакомъ. Но Цилла ничего не дѣлала. Чулокъ, который она штопала, лежалъ у нея на кофѣнкахъ, рука съ иглою поклонилась на краю стола; лицо, казавшееся въ полумракѣ красивѣе и тоньше, было поднято вверхъ, она о чемъ-то задумалась.

Вольфа не было видно, но мать услышала, какъ онъ заговорилъ тономъ сожалѣнія:—Неужели ты не помнишь дальше? Продолжай, продолжай, Цилла... Это такъ хорошо!

Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ у ногъ дѣвушки, прижавшись къ ея кофѣнкамъ. Лицо его было поднято къ ней съ молящимъ выраженіемъ въ темныхъ, блестящихъ словно агаты глазахъ. Онъ продолжалъ тономъ, какимъ никогда не говорилъ съ матерью:

— Спой, Циллочка, милая Циллочка, спой!

Служанка затянула:

„— Не дрожи,—она сказала другу...“

— Нѣтъ, не такъ!

„Я къ тебѣ явилась не со злостью...“

— Опять не то!

„Ахъ, зачѣмъ я вѣрила въ быломъ...“

— Нѣтъ, не помню дальше... Ишь ты! А сколько разъ я это пѣвала въ деревнѣ, гуляя съ моимъ миленькимъ; экая досада,

право!—она сердито топнула ногою:—совсѣмъ изъ памяти вонъ!

— Не сердись, Циллочка, милая Циллочка... Начни сначала! Я еще разъ послушаю... Это такъ хорошо!

Циллочка? Какъ нѣжно это звучитъ! Какъ онъ словно пригованъ къ ея губамъ!

Кѣте вытянула голову,—она стояла уже на верандѣ, но они оба не видѣли ее. Служанка затинула монотонно и ворчливо:

„Генрихъ спалъ съ женою молодою—
Богачихой съ рейнской стороны,
Но, тревожимъ совѣстью больною,
Видѣлъ онъ мучительные сны.
Полночь бьетъ; откинулась гардина,
Протянулась бѣлая рука..
Видитъ онъ...“

Цилла остановилась,—по верандѣ пронеслось какое-то дуновение... Мальчикъ испуганно вскрикнулъ:—Вотъ она, вотъ она стоитъ!

— Вольфгангъ! Вольфъ!—Мать протянула къ нему руки, но онъ спряталъ голову въ колѣняхъ у служанки. Кѣте мрачнымъ взоромъ скользнула по ней. Какое безуміе—пѣть ему подобныя пѣсни!..

— Ахъ, барыня! Сама барыня!—Цилла вспыхнула и вскочила, уронивъ все, что лежало у нея на колѣняхъ: чулокъ, ножницы, клубокъ нитокъ и—мальчика въ томъ числѣ. Почему они оба такъ испугались? Вольфъ такъ смотрѣлъ на нее, словно она была привидѣніе!

Мальчикъ всталъ, поздоровался съ матерью, машинально принявъ ея поцѣлуй, но она не замѣтила въ немъ никакой радости. Сконфузился онъ, что-ли? Было ли это съ его стороны мальчишескою застѣнчивостью? Или она вдругъ стала ему до такой степени чужою?

Невыразимое разочарованіе охватило вернувшуюся домой женщину, и она невольно рѣзкимъ тономъ выслала дѣвушку. Сѣвъ на ея мѣсто, она привлекла его къ себѣ. Хорошо ли ему было? Онъ кивнулъ головою. Скучалъ ли онъ немножко по мамѣ? Онъ вторично кивнулъ. Она привезла ему много гостинцевъ...

Онъ оживился.—Привезла ли что-нибудь Цилла? Рабочій ящичекъ? У нея совсѣмъ старый, еще со школы остался. А какъ она хорошо рассказываетъ! И поетъ... Вотъ я тебѣ спою...

„На дѣвушкѣ-кровь съ молокомъ
Женился мужикъ, проживавшій богато,

Но плохо ей жить со своимъ старикомъ,
Она полюбила солдата...”

— Просто умрешь со смѣху!—И онъ продолжалъ напѣвать, но она закрыла ему ротъ рукою.

— Это нехорошая пѣсня, гадкая пѣсня... Ты никогда больше не долженъ пѣть ее.

— Но почему же?—Онъ посмотрѣлъ на нее округлившимися глазами.

— Потому что я этого не хочу!—коротко отвѣтила мать. Она была возмущена. Завтра она сдѣлаетъ выговоръ дѣвушкѣ. Лицо ея уже не горѣло, у нея пробѣжалъ по тѣлу ознобъ, и когда Пауль закричалъ:—Да сними же пальто!—она быстро пошла на его зовъ.

Мальчикъ остался одинъ и задумчиво смотрѣлъ блестящими мечтательными глазами въ мягкій сумракъ.

Завтра Цилла снова споетъ и расскажетъ ему... Найдется гдѣ-нибудь мѣстечко.

Кэте, несмотря на смертельную усталость, плохо спала въ эту ночь. Она имѣла длинный разговоръ съ Паулемъ; онъ согласился съ нею, что обѣ пѣсни были неподходящими, но мало ли чего не слышать дѣти, и это проходить для нихъ безслѣдно!

— Для *нею*—вѣтъ. Сколько разъ я пробовала знакомить его съ настоящею поэзіей, но онъ не проявлялъ никакого интереса, никакого пониманія, и вдругъ такая... такая...—она не находила словъ—приводить его въ восторгъ! Но я этого не потерплю.

— Тогда откажи прислугѣ,—проговорилъ онъ нетерпѣливо; онъ уже засыпалъ, и ему хотѣлось покоя.—Повойной ночи, душа моя! Выспись хорошенько. Теперь ты дома и можешь дѣлать по-своему.

Такъ она и сдѣлаетъ.

Кэте стала слѣдить за мальчикомъ, вся обратившись въ зрѣніе и слухъ. Отказывать Циллѣ не было причинъ, такъ какъ она исполняла свою работу добросовѣстно, отличалась честностью и опрятностью; ей только не слѣдовало проводить время съ Вольфомъ. Ему шелъ двѣнадцатый годъ, и вообще не годилось, чтобы за нимъ ходила горничная.

Но Кэте не легко было осуществить свои намѣренія. Мужъ, хозяйство, общество—имѣли на нее свои права; она не могла забросить все это ради ребенка. Она опасалась также вооружить противъ него своего мужа, который желалъ, чтобы она выѣзжала; ему нравилось, когда она, въ качествѣ интересной, элегантной женщины, имѣла успѣхъ въ обществѣ.

Вольфгангъ хорошо развивался, особенно физически, хотя онъ больше раздавался въ ширину; тѣлосложеніе его было крѣпкое, плечи широкія. Когда онъ игралъ съ Лемке въ снѣжки, онъ казался старше своего одноклѣтца-Артура, даже — Фриды. Правда, его кормили иначе, чѣмъ ихъ. Мать съ удовольствіемъ смотрѣла на его свѣжую, чистую кожу, выхоленную съ помощью теплыхъ ваннъ и холодныхъ обливаній. Каждый двѣ недѣли парикмахеръ подстригалъ и мылъ его густые, темные, стоявшіе ежикомъ волосы, нѣсколько грубые, не взирая на уходъ. Лемке казались на ряду съ нимъ заморышами; правда, что они перенесли скарлатину. Только бы Вольфъ не заболѣлъ ею! Къ Лемке его не пускали, но въ школѣ есть всегда возможность заразиться.

Вольфъ съ половиною своего класса весело катался на конькахъ по озеру, лежавшему за дачами. Кэте также пришла послѣ обѣда взглянуть на мальчика. Какъ хорошо онъ бѣгалъ! Увѣреннѣе и лучше многихъ, выписывавшихъ вѣзеля и танцовавшихъ съ дамами. Она простояла до тѣхъ поръ, покуда у нея не застыли ноги. Вольфъ, какъ нарочно, стремился на середину рѣвки, гдѣ ледъ еще былъ ненадеженъ, но ей думалось, что при ней съ нимъ ничего не можетъ случиться.

Когда онъ въ сумерки вернулся домой, отъ него такъ и вѣяло свѣжестью и здоровьемъ. — Вотъ хорошо-то! — Онъ готовъ кататься на конькахъ сегодня, завтра, послѣ-завтра, всегда — и все дальше, дальше... Озеро черезчуръ мало...

— Развѣ ты не усталъ? — спросила мать, улыбаясь. Она не могла на него наглядѣться — до такой степени онъ весь сіялъ.

— Усталъ? — почти презрительная улыбка мелькнула у него на губахъ: — Я никогда не устаю. Есть отъ чего! Цилла говорить, что ей тоже бы хотѣлось покататься со мною.

— Почему же нѣтъ? — Шлибенъ, прихлебывавшій кофе, усмѣхнулся съ насмѣшливымъ добродушіемъ: ему доставляло удовольствіе подразнить румянаго мальчугана. — Только матери придется взять на это время другую горничную.

Вольфгангъ не понялъ легкой насмѣшки. — Что жъ? Пусть возьметъ! — Но тутъ же лицо у него вытянулось.

— Вотъ обѣда... У нея нѣтъ коньковъ. Ты купи ей, папа!

— Конечно! Только этого не доставало!... — Шлибенъ искренно расхохотался. — Нѣтъ, мальчуганъ, при всемъ уваженіи къ Циллѣ — это было бы немножко черезчуръ... Не правда ли?

Онъ взглянулъ на Кэте, которая, противъ обыкновенія, громко застучала чашками.

Мальчикъ не понималъ, почему бы Циллѣ не кататься на конькахъ? Что такое мать имѣетъ противъ нея? Смѣшно! Стоило только, чтобы ему что-нибудь понравилось, какъ ей — наоборотъ.

Сидя за письменнымъ столомъ, онъ подперъ обѣими руками голову. Она была тяжела. Глаза у него ложило, и они слезлись, какъ только онъ устремлялъ ихъ на тетрадь. Хороша будетъ латинская письменная работа! Онъ уже видѣлъ, какъ учитель пожимаетъ плечами: „Шлибенъ! Десять ошибокъ! Десять ошибокъ, молодой человекъ... Если ты не приналяжешь, въ Паскѣ тебя не переведутъ“.

Въ сущности ему это все равно. Вообще, ему сегодня все — все равно. Онъ вдругъ почувствовалъ себя уставшимъ до смерти. Почему она не влюбилась Циллу? Цилла такъ хорошо рассказываетъ! Вчера, когда родители были въ гостяхъ, что такое она рассказывала ему, сидя у его постели? Онъ не могъ припомнить. Мысли его путались. Голова его опустилась на столъ, и онъ заснулъ. Проснулся онъ черезъ часъ, но усталость его не прошла; дрожа отъ озноба, онъ оглянулся, ничего не понимая. Всѣ члены у него болѣли.

Утромъ онъ всталъ совсѣмъ зеленый, но послѣ занятій снова пошелъ на катокъ, хотя скоро вернулся. За обѣдомъ онъ ничего не могъ ѣсть, — его тошнило; въ вечеру началась лихорадка, боль въ горлѣ и колотье въ ушахъ. Въ утро онъ сталъ бредить, и докторъ, котораго немедленно вызвали по телефону, объявилъ, что это — скарлатина.

Скарлатина? Кэте едва устояла на ногахъ. То, чего она всегда опасалась!

Свѣжая морозная погода съ солнцемъ и голубымъ небомъ — смѣнилась сѣрыми днями, тяжело нависшими надъ виллою.

Болѣзнь овладѣла мальчикомъ съ невѣроятною силою, словно его, полное соковъ, хорошо упитанное тѣло, представляло пищу для пожирающаго пламени лихорадки. Гофманъ качалъ голову: всюду скарлатина протекаетъ благополучно, только здѣсь дѣло пошло неладно. Онъ прописывалъ то и другое, дѣлалъ все отъ него зависящее не только въ качествѣ врача, но и друга дома, искренно привязаннаго къ ребенку. Всѣ дѣлали все, что могли. Кэте была неутомима, она отвергла помощь сестры милосердія. Мать не можетъ чувствовать усталости, ухаживая за своимъ ребенкомъ.

Пауль никогда не думалъ, чтобы жена его—при ея нервности—оказалась такою выносливою. У нея всегда была легкая походка, но теперь она безшумно скользила по комнатѣ больного, появляясь то съ правой, то съ лѣвой стороны кровати. Она—такая слабая—неотлучно оставалась на своемъ посту. Въ теченіе многихъ ночей ей не пришлось заснуть ни на минуту, но зато она радовалась: Вольфъ проспалъ около двухъ часовъ.

— Не надорви своихъ силъ!—умолялъ ее мужъ, но она отвѣчала, что не чувствуетъ утомленія.

Долго ли она выдержитъ такое напряженіе? Хотя бы она позволила дѣвущѣ смѣнить себя! Та долго уже проситъ, чтобы ей позволили дежурить при больномъ.

— Цилла? Ни за что!

Во время долгихъ темныхъ ночей въ сердце Кэте каждый разъ вонзалась стрѣла, когда мальчикъ звалъ въ бреду свою Циллочку. Какъ ненавидѣла она эту круглолицую, со свѣтлыми глазами дѣвущку! Ночью она словно выросла передъ нею, принимала призрачныя очертанія, становилась между нею и ребенкомъ. И это была уже не Цилла, а—мать или фрау Лемме; всѣ онѣ вмѣстѣ.

По лицу Кэте текли слезы; она наклонялась къ нему и шептала:—Мама—здѣсь, мама—съ тобою!—Но онъ не узнавалъ ее.

У Циллы было заплаканное лицо, когда фрау Лемме робко постучалась въ дверь кухни; до сихъ поръ она посылала дѣтей, но сегодня они вернулись съ такими тревожными извѣстіями, что она рѣшила пойти сама. У воротъ стояло два докторскихъ экипажа, и это испугало ее.

— Ну что? Какъ онъ сегодня?

Цилла залилась слезами; кухарка, не дотрогиваясь до посуды, стояла у плиты, а Фридрихъ, услыжавъ звонокъ, ураганомъ пошелъ наверхъ.

Фрау Лемме всплеснула руками. Неужто мальчику такъ плохо?

Цилла закрыла лицо передникомъ, а кухарка глухо сказала:

— Къ концу дѣло идетъ.

Къ концу? Неужели онъ умретъ—Вольфгангъ, мальчикъ? Не можетъ быть! Фрау Лемме сильно поблѣднѣла. Кухарка заговорила:—Ужъ такъ-то ему плохо! Докторъ привезъ профессора изъ самыхъ знаменитыхъ; онъ и вчера былъ, да врядъ ли что можно сдѣлать. Съ сердцемъ нехорошо. Сегодня она видѣла его: лежитъ пластомъ, какъ восковой...

Всѣ три женщины плавали, сидя вокругъ кухоннаго стола. Фрау Лемме забыла, что она дала слово не переступать порога

этой кухни, что дома она поставила вариться обѣдъ, который будетъ испорченъ. — Господи, Господи, Ты, Боже мой! Какъ она это перенесетъ? Единственный ребенокъ!

Наверху, у постели больного, стояли двое докторовъ. Снѣ совершенно исчезла, не было никакихъ слѣдовъ красноты на его лицѣ съ закрытыми глазами, и только черныя рѣсницы страшно чернѣли на немъ. Губы его посинѣли; широкая, теперь ввалившаяся грудь вздрагивала и тяжело приподнималась. При каждомъ вздохѣ его Кэте тяжело переводила дыханіе. Она сидѣла въ креслѣ, въ ногахъ кровати, — такъ просидѣла она всю ночь.

Ее тревожно-вопросительный взоръ переходилъ отъ одного озабоченнаго лица къ другому и затѣмъ устремлялся въ пространство. Они стояли одинъ — съ правой, другой — съ лѣвой стороны, а въ головахъ постели стояла та, кого они не видѣли — смерть.

Врачи сдѣлали ребенку впрыскиваніе; сердце было очень слабо, и можно было опасаться худшаго. Знаменитость уѣхала, проговоривъ: „до завтра!“ но въ этомъ: „до завтра!“ слышалось: кто знаетъ? Домашній врачъ остался; онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Шибеномъ въ его кабинетѣ, за рюмкою вина, но хозяинъ только угощалъ его, самъ же не могъ пить. Какъ она перенесетъ этотъ ударъ?

Кэте стояла на колѣняхъ возлѣ своего кресла, прижимала руки ко лбу. Она обращалась къ Богу, который нѣкогда даровалъ ей этого ребенка, а теперь желаетъ взять его. „Боже, Боже! Не отнимай его у меня! Вѣдь у меня ничего больше нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!“

Все, даже мужъ ея — было позабыто. У нея былъ только этотъ ребенокъ — такой милый, добрый, славный, послушный, такой красивый, очаровательный, достойный любви, до того осчастливившій и обогатившій ея жизнь, что, потерявъ его, она все потеряетъ, она станетъ нищею! Она забывала о пролитыхъ изъ-за него слезахъ, а если она и плакала, то это были слезы радости...

Поднявшись съ колѣнъ, она наклонилась надъ нимъ и, обхвативъ его остывающее тѣло, прижала его къ своей груди, стараясь согрѣть его своимъ дыханіемъ, влить въ него свою жизненную теплоту, удержать его силою своей воли. Она боролась со стоявшею въ головахъ смертью. Что окажется сильнѣе — смерть или ея материнская любовь?

Наступилъ вечеръ, настала полночь. Съ вечера бушевалъ метель, но теперь стало очень тихо. Тишина смерти. Вѣтеръ

не шелестилъ въ соснахъ, поднимавшихся прямо какъ свѣчи въ ясному морозному небу. Безжалостно сверкали звѣзды; въ серебряномъ зеркалѣ замерзшаго озера, съ котораго смело весь свѣтъ, отражалась полная луна. Наступилъ страшный холодъ, обвѣявшій землю дуновениемъ смерти.

Взглянувъ на термометръ, Шлибенъ испугался. Неужели отопленіе не дѣйствуетъ? Виденъ паръ отъ дыханія. Онъ рѣшилъ сойти самъ въ нижній этажъ. Это бездѣйствіе ужасно. Жена его сидѣла молча, съ широко раскрытыми застывшими глазами; сидѣлка, на приглашеніи которой настоялъ докторъ, дремала, и ребенокъ лежалъ тихо, словно онъ былъ уже мертвъ.

Тяжелыми шагами спустился онъ въ кухню. Тамъ тоже не спали. Всѣ сидѣли вокругъ стола и дрожали отъ холода, несмотря на то, что кухня весь день топилась. Даже вѣрникій, сваренный кухаркою кофе—не согрѣвалъ людей. Во всемъ домѣ чувствовался холодъ смерти.

Сидѣлка предложила сдѣлать больному горячую ванну; въ подобныхъ случаяхъ это употребляется, какъ послѣднее средство, и иногда помогаетъ. Мигомъ закипѣла работа. Фридрихъ и Цилла ведрами таскали наверхъ кипятокъ, и дѣвушка, при каждомъ ведрѣ, которое она ставила у ванны, повторяла молитву. Она не могла перекреститься, такъ какъ руки у нея были заняты, но она была увѣрена, что святые услышатъ ее.

— Пресвятая Марія! Св. Іосифъ! Св. Варвара! Ангель-хранитель! Архангелъ Михаилъ! Спасите его и помилуйте!

Покуда Шлибенъ, Кэтъ и сидѣлка опускали мальчика въ ванну, Цилла стояла за дверью и повторяла всѣ молитвы, какія только могла припомнить наяву, со всею глубиной своей вѣры. Между тѣмъ щеки смертельно блѣднаго мальчика начали окрашиваться румянцемъ; съ его губъ—до этого времени безмолвныхъ—вырвался легкій вздохъ. Онъ согрѣлся, когда его уложили въ постель, но скоро онъ началъ горѣть, появился сильный жаръ. Сестра милосердія встревожилась.

— Лду! Скорѣе лду!

— Есть ли въ домѣ ледъ?—Шлибенъ такъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты больного, что едва не ударилъ дверью по лбу молившуюся Циллу. Они вмѣстѣ сбѣжали внизъ. Кухарка растерялась. Лду нѣтъ—не думали, чтобы онъ могъ понадобиться... Фридрихъ помчался въ аптеку, но прежде, чѣмъ ему отерокутъ и онъ кого-нибудь добудится, отъ пламени, вспыхнувшего съ такою силою, блѣдная свѣчка успѣетъ догорѣть. Совсѣмъ ошалѣвъ отъ страха, Шлибенъ озирался по сторонамъ; тутъ онъ

замѣтилъ, что Цилла, схвативъ ведро и топоръ, кинулась въ наружную дверь.

— Я достану льду.

— Откуда?

— Оттуда! — Она засмѣялась и указала рукою, въ которой сверкалъ топоръ, по направленію къ озеру. — На озерѣ много льду. Я пойду, нарублю.

Она исчезла; онъ безъ шапки и пальто побѣжалъ въ догону, какъ былъ, въ одномъ сюртукѣ. Въ виду затеплившейся надежды, ужасы ночи отступили, разсѣялись, — онъ не ощущалъ холода. Но когда всѣ виллы остались позади и онъ очутился одинъ на берегу замерзшаго озера, сверкавшего какъ твердый металлическій щитъ, окруженнаго черными безмолвными соснами-гигантами, онъ такъ озабъ, что ему показалось, что онъ замерзнетъ. И онъ ощутилъ страхъ, каковаго никогда еще не испытывалъ. Смертельный страхъ.

Что это за голосъ доносится къ нему изъ лѣсу, изъ чащи, залитой обманчивымъ голубымъ свѣтомъ лунныхъ лучей? Кто-то дразнить его, наполовину плачетъ, наполовину смѣется? Странно! Кто можетъ такъ кричать?

— Сова кричитъ, — сказала Цилла. Она занесла топоръ обѣими руками и съ силою ударила по глыбѣ. Ледъ треснулъ, раскололся такъ, что гулъ далеко пошелъ по всему озеру, что-то загрохотало, застонало, словно голосъ изъ глубины. Умреть ли ребенокъ? Будетъ ли жить?

Шлибенъ овирался какъ потерянный. О, Боже, и это напрасно, все напрасно! Несмотря на свою твердость, онъ ощутилъ слабость. Да, здѣсь онъ былъ слабъ. Здѣсь была ночь, одиночество, лѣсъ и вода. Все это было ему давно знакомо, но никогда оно не было такимъ — такимъ безмолвнымъ и вмѣстѣ — одареннымъ ужасающею жизнью. Деревья никогда не были такъ высоки, озеро — такъ велико, обитаемый міръ — такъ далеко.

Ему казалось, что за ними кто-то прятался. Не стоитъ ли тамъ охотникъ, желающій пустить стрѣлу ему въ сердце? Среди великаго молчанія раздавались лишь удары топора, повторенные эхомъ. Цилла, не смущаясь, дѣлала свое дѣло; онъ изумлялся хладнокровію дѣвушки, но таившаяся въ этомъ молчаніи угроза отъ того не уменьшалась.

Дрожь пробѣгала по тѣлу Шлибена; нѣтъ, онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что противъ этой незримой власти человѣкъ безсиленъ... Все было напрасно. Великая скорбь охватила его. Онъ бралъ обѣими руками холодные куски льду и складывалъ ихъ въ

ведра; онъ порѣзался объ острѣе, какъ стекло, края, но не чувствовалъ физической боли. Кровь капала у него по пальцамъ.

И вдругъ что-то закапало изъ его глазъ, что-то жгучее и вѣдое потекло у него по щекамъ—медленные невольныя слезы. Но это были слезы отца, оплакивающего своего ребенка.

XI.

— Господи Боже мой, до чего ты выросъ!—говорила фрау Лемке.—Скоро придется говорить тебѣ: „вы“ и „молодой баринъ“.

— Никогда!—Вольфгангъ бросился ей на шею.

Фрау Лемке удивилась. Что такое случилось съ Вольфгангомъ? Послѣ болѣзни нельзя его узнать: до того онъ сдѣлался обходительнымъ. Положимъ, онъ былъ всегда славнымъ мальчикомъ, но такихъ нѣжностей за нимъ не замѣчалось. И какъ онъ былъ веселъ; когда онъ смѣялся, глаза у него такъ и свѣтились.

Вольфъ былъ полонъ жизнерадостности и безграничнаго веселья. Онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать. Ни на одну минуту онъ не могъ посидѣть спокойно, земля горѣла у него подъ ногами.

Онъ сдѣлался ужасомъ учителя. Весь его примѣрный классъ отбился отъ рукъ изъ-за одного ученика. И главное—на него даже нельзя было серьезно разсердиться. Къ досадѣ утомленнаго человѣка, всходившаго годъ за годомъ, день за днемъ на ту же кафедру, для того, чтобы задавать тѣ же самыя задачи, примѣшивалась легкая грусть: вотъ гдѣ была радость жизни, здоровье, свѣжесть, неиспользованная сила, вотъ гдѣ была молодость! У Вольфа не было честолюбія; онъ и не думалъ вѣшать головы, когда мать, указывая на дурную отмѣтку, взволнованно говорила:—Неужели я изъ-за этого столько билась съ тобою?

Какъ женщины честолюбивы! Отецъ принималъ это спокойно; положимъ, ему и не пришлось столько биться съ мальчикомъ. Послѣ его болѣзни Кэте неутомимо репетировала съ нимъ, писала, читала, считала, заучивала правила и достигла того, что, несмотря на потерянное время, Вольфъ былъ на Пасхѣ переведенъ. Она вздохнула съ облегченіемъ, словно поднялась на гору, но и послѣ этого дѣло затормозилось. Когда въ саду защебетали первые дрозды, Вольфъ былъ пятнадцатымъ; когда запѣли соловьи—онъ спустился нѣсколькими степенями ниже; когда же наступило лѣто—онъ уже принадлежалъ къ числу послѣднихъ учениковъ. Слишкомъ было заманчиво работать въ саду: сѣять, поливать, просто лежать на мягкомъ дернѣ подъ солнеч-

нымъ пригрѣвомъ; еще лучше — бродить по лѣсу или купаться въ озерѣ, уплывая такъ далеко, что товарищи кричали ему: — Шлибенъ, вернись, утонешь!

— Радуйся, что онъ такъ веселъ! — говорилъ Шлибенъ Кэте. — Кто бы могъ подумать, полгода тому назадъ, что онъ такъ поправится? Хорошо, что онъ не любитъ сидѣть сиднемъ. Гофманъ говорилъ, что ему необходимо больше бытi. на свѣжемъ воздухѣ, больше дѣлать движенiя. Такая тяжелая болѣзнь не проходитъ безслѣдно для организма. Итакъ, будемъ выбирать изъ двухъ золъ меньшее; конечно, шалопай долженъ все-таки помнить, что учиться надо.

Это трудно было соединить. Кэте чувствовала себя безсильною. Когда глаза мальчика, похожiе на темныя блестящiя ягоды, молили ее: „пусти меня гулять!“, она не рѣшалась оставить его дома, хотя знала, что онъ не приготовилъ уроковъ. Слова доктора припоминались ей и та ужасная ночь, когда жаръ у больного все усиливался, пульсъ бился бѣшенымъ темпомъ и подгонялъ ослабѣвшее сердце, до тѣхъ поръ, повуда ледъ не охладилъ горячки, которая лишь съ заалѣвшею на востокѣ зарею разрѣшилась благодѣтельною испариною.

Но когда онъ виснулъ на рукѣ посланной за чѣмъ-нибудь Циллы, или бѣжалъ съ нею, чтобы опустить въ ящикъ письмо, и притаскивалъ ей стулъ, когда она садилась штопать чулки подъ сиренью, росшей близъ кухонной двери, — это казалось Кэте нестерпимымъ. Когда же она узнала, что Цилла свое свободное воскресенье провела съ мальчикомъ на лужайкѣ — произошла сцена.

Дѣвушка плакала горькими слезами. Чтò же она сдѣлала дурного? Она только рассказывала ему о томъ, чтò „у нихъ на деревнѣ“.

— Какое ему до этого дѣло? — воскликнула Кэте, которой хотѣлось бы сказать еще многое другое. Она ненавидѣла эту круглолицую дѣвушку, такъ „дерзко“ смотрѣвшую на нее своими свѣтлыми глазами. Сама Фрида Лемке была предпочтительнѣе.

Но Фриду теперь рѣдко можно было видѣть. Она уже носила полудлинныя платья, училась питью, а послѣ конфирмацiи ей предстояло поступить — о чемъ она говорила съ важностью — „въ магазинъ“.

— Я откажу ей, — заявила Кэте однажды послѣ обѣда.

— Вотъ какъ! — Шлибенъ не слышалъ, въ чемъ дѣло. — Почему?

— Потому! — Въ сдержанномъ тонѣ Кэте слышалось не только

раздраженіе, но вѣчто большее; ея кроткіе золотисто-каріе глаза потемнѣли и глядѣли мрачно.

— Ты вся дрожишь... Что такое опять случилось?—спросилъ онъ съ досадою, откладывая газету, которую собирался прочесть.

— Такъ не можетъ продолжаться!—Голосъ Кэте звучалъ глухо и она вѣрѣе стиснула руки. Сегодня она вышла на одинъ часъ; онъ долженъ былъ заниматься, но оказалось, что въ комнатѣ его нѣтъ, онъ былъ у кухонныхъ дверей съ этою... съ Циллою. Онъ обнялъ ее руками за шею и цѣловалъ, цѣловалъ... „Милая Циллочка!“ И та притянула его къ себѣ, почти посадила на колѣни—такого большого мальчика—и что-то все говорила ему.

— Ты слышала: что именно?

— Нѣтъ, но они засмѣялись, а потомъ она шлепнула его по рукамъ, онъ—ее, и пошло! Прилично ли это?

— Ты права, это заходить слишкомъ далеко, но дурного я тутъ ничего не вижу. Она—хорошая, неиспорченная дѣвушка, онъ—глупый мальчишка. Неужели ты изъ-за этого откажешь дѣвущей? Видѣли они тебя?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлай видъ, что и ты ихъ не замѣтила. Это будетъ гораздо умнѣе. А съ мальчикомъ я при случаѣ поговорю.

— И ты полагаешь, что можно... что не слѣдуетъ отказывать ей?—Кэте совсѣмъ стихла, видя его такимъ спокойнымъ.

— Для этого нѣтъ никакой причины.—Онъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, и хотѣлъ снова приняться за газету, но, встрѣтивъ ея взглядъ, протянулъ ей руку черезъ столъ:—Душа моя, не дѣлай изъ всего такой трагедіи.. Ты портишь жизнь себѣ... мальчику и... ну, да, и мнѣ въ томъ числѣ. Смотри на все легче. А теперь дай мнѣ почитать газету.

Кэте тихо встала—онъ уже читалъ—и отняла у него свою руку. Его спокойствіе оскорбляло ее. Оно переходило въ равнодушіе, въ лѣность. Но она не можетъ такъ относиться.

Вольфгангъ былъ уже у себя въ комнатѣ. Сегодня Цилла, какъ онъ ни просилъ ее, подкравшись къ ней позади и обхвативъ ее обѣими руками, не пожелала ничего ему рассказать, отвѣтивъ коротко:—Я ничего не знаю.

— Ну, расскажи что-нибудь! О вѣрстномъ ходѣ?.. Или хотя о вашей свиньѣ? Сколько поросятъ было у нея прошлый разъ?

— Тринадцать. —Противъ этого вопроса Цилла не могла устоять, но она оставалась скупю на слова.

— А ваша корова будетъ теляться въ нынѣшнемъ году? Сколько коровъ у самаго богатаго изъ вашихъ крестьянъ?—Вольфъ зналъ всѣ подробности о тамошнихъ людяхъ, объ ихъ скотѣ. Онъ не могъ наслушаться рассказовъ о деревнѣ, о маломъ колоколѣ, трезвонницемъ къ ранней обѣднѣ и вечернѣ, о торжественномъ звонѣ въ воскресные и праздничные дни. Онъ спрашивалъ о поляхъ золотистой ржи и голубого льна, о снѣжающихъ на горизонтѣ полосахъ лѣса, о широкихъ, широкихъ лугахъ, надъ которыми вьются пчелы, о тихихъ водахъ, гдѣ отражаются огни заката...

Но Цилла оставалась задумчивой.—Ступай, ступай... Не буду и не буду! Барыня такъ на меня сегодня поглядѣла... Она откажетъ мнѣ.

Онъ съ досадою вернулся къ себѣ и раздѣлся. Онъ привыкъ засыпать подъ рассказы Циллы, и ему снились покрытыя розовымъ цвѣтомъ поля, тихія воды и утки, за которыми онъ охотится. Что такое сегодня съ Циллой? „Барыня мнѣ откажетъ“. Что за вздоръ! Развѣ онъ дозволить?

Дверь скрипнула. Не она ли все-таки пришла? Нѣтъ, мать. Онъ живо юркнулъ въ постель и прикрылся одѣяломъ до подбородка. Пусть думаетъ, что онъ спитъ.

Но она этого не подумала, а сказавъ:— „Ты еще не спишь?“— сѣла на стулъ, на которомъ сидѣла Цилла. Мальчикъ про себя началъ сравнивать ихъ лица. Цилла—красивѣе; она такая бѣлая, румяная, и когда она смѣется, на полныхъ щекахъ у нея проступаютъ ямки. Хотя и мать тоже нельзя назвать некрасивою.

Онъ внимательно разглядывалъ ее, и вдругъ у него явилось совсѣмъ новое чувство: какія у нея худенькія щеки! А мягкіе волосы у висковъ... да вѣдь они...

-- Ты сѣдѣешь?—вдругъ проговорилъ онъ съ испугомъ и указалъ пальцемъ:—совсѣмъ сѣдѣешь?..

Она кивнула головою. Ей было неприятно, и отъ этого ея нѣжное лицо какъ-то удлиннилось.

— Ты должна чаще смѣяться, —воскликнулъ онъ,—тогда не будетъ замѣтно, что у тебя морщины.

— Морщины? Да!—Она нервно провела рукою по лбу. До чего безжалостны глаза у дѣтей! Съ молодостью и красотою покончено,—остатокъ ихъ взялъ вотъ этотъ ребенокъ. И отвѣтъ ея прозвучалъ почти упрекомъ:

— Это отъ заботъ... Твоя тяжелая болѣзнь и... (сказать ли ему о томъ, что ее гложетъ?) и... многое,—заклчила она со вздохомъ.

— И думаю,—сказаль онъ безцеремонно,—да вѣдь ты уже и немолода!

Положа руку на сердце, нужно было сознаться, что онъ лишенъ сердечной деликатности. Она не могла подавить легкаго раздраженія. Не особенно пріятно, когда дѣти напоминаютъ вамъ о вашихъ годахъ.

— Во всякомъ случаѣ я не *такъ* еще стара.

— Ну, да, конечно не *такъ*. Но гораздо старше, напрямѣрь, чѣмъ я или Цилла.

Кѣте вадрогнула. Опять она!

— Цилла—красивая дѣвушка, не правда ли, мама?

Гнѣвъ охватилъ ее съ такою силой, что она уже не могла владѣть собою.

— Да?—проговорила она коротко и встала.—Она уходитъ 1-го октября.

— Она уходитъ? Неправда?—Онъ недовѣрчиво уставился на мать.

— Нѣтъ, правда!—Она самой себѣ казалась жестокою, но въ его недовѣрчіи было столько тревоги!—Я откажу ей.

— Ты этого не сдѣлаешь,—онъ засмѣялся,—ни за что не сдѣлаешь!

— Я это сдѣлаю!—Она подчеркнула каждое слово.

Онъ все еще недовѣрчиво качаль головою, но вдругъ ему вспомнился удрученный видъ Циллы, ея слова. Онъ вдругъ поднялся и сѣлъ на постели. Онъ повторилъ:

— Ты этого не сдѣлаешь!

— Не стану ли я спрашивать позволенія у тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ онъ. Лицо дѣвушки, ея довѣрчивые глаза всплыли передъ нимъ. Его охватилъ гнѣвъ.

— Она не должна уходить, не должна, не должна!—вдругъ завылъ онъ, повторяя эти слова все громче и громче.

Онъ бросился ничкомъ и, зарыдавъ, сталъ яростно колотить ногами о кровать, затрепавшую подъ ударами.

Кѣте испугалась,—она никогда не видѣла его въ подобномъ бѣшенствѣ. Но какъ она была права, хотя ей было и жалъ его! Она стала его уговаривать:—Вольфъ! Милый Вольфъ!—Любящею рукою она потянула на него упавшее одѣяло, но, почувствовавъ ея прикосновеніе, онъ оттолкнулъ ее.

— Вольфъ да Вольфъ! Убирайся ты со своимъ Вольфомъ! Что я за маленький! Меня зовутъ Вольфгангъ. И ты несправедлива... Ты завидуешь... Ты хочешь, чтобы она ушла, потому что я больше ее люблю, гораздо больше, чѣмъ тебя...

Онъ прокричалъ ей это въ лицо. Она очень поблѣднѣла, ей захотѣлось крикнуть отъ боли. Ей сразу припомнились всѣ пролитыя изъ-за него слезы; ни одинъ часъ его болѣзни не былъ для нея такимъ тяжелымъ, какъ этотъ. Она забыла, что онъ—еще дитя, глупый мальчишъ. Не самъ ли онъ сказалъ: „Я уже не маленькій!“... Не говоря ни слова, она вышла изъ комнаты.

Онъ, пораженный изумленіемъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ: неужели онъ ее обидѣлъ? У него не было намѣренія обидѣть ее. Онъ уже спустилъ ноги съ кровати, намѣреваясь босикомъ бѣжать за нею, удержать ее за платье, спросить: — Ты сердилась? — но тутъ ему снова вспомнилась Циλλα. Нѣтъ, слишкомъ дурно со стороны матери отказывать ей.

Онъ, плача, сложилъ руки подъ одѣяломъ. Цилла сказала ему, что нужно молиться Пресвятой Дѣвѣ Маріи, той улыбающейся женщиной въ голубомъ, усѣянномъ звѣздами одѣявіи, съ короною на головѣ, которая царитъ надъ алтаремъ. Она все можетъ. Она попроситъ Господа Бога, и для нея Онъ все сдѣлаетъ.

Во время отсутствія родителей Цилла брала его однажды въ свою церковь, взявъ слово, что онъ никому ничего не скажетъ, и прелесть тайны усилила для него очарованіе этого храма, куда его неодолимо влекло съ тѣхъ поръ. Въ церкви, въ которой онъ бывалъ съ родителями, онъ не испытывалъ ничего подобнаго.

„Богородица-Дѣва, радуйся!“—повторялъ онъ много, много разъ начало молитвы,—дальше онъ не зналъ. И снова пахло ладаномъ, звенѣлъ колокольчикъ, и священникъ, въ богатомъ облаченіи, склонился передъ алтаремъ. Какъ онъ завидовалъ мальчикамъ изъ хора, преклонявшимъ колѣна рядомъ съ нимъ! Подъ высокимъ куполомъ дивно звучало: „*Procedenti ab utroque*“... И затѣмъ священникъ высоко вознесъ сіяющую чашу, и всѣ люди преклонились передъ нею. „*Qui vivis et regnas in saecula saeculorum!*“ Эту латынь онъ запомнилъ. Цилла должна была за руку увести его изъ великолѣпнаго и все же родного ему храма, въ которомъ не было ничего чуждаго и холоднаго. Онъ вылезъ изъ-подъ одѣяла и, ставъ на колѣни на коврѣ, сложилъ руки, какъ видѣнные имъ на картинахъ ангелы. Глаза его горѣли, его возмущеніе смѣнилось покорностью.

Когда онъ снова легъ въ постель и отъ чрезмѣрной усталости глаза его сомкнулись, онъ увидѣлъ во снѣ прекрасную Дѣву-Марію съ хорошо знакомыми ему чертами, и сердце его загорѣлось любовью къ ней.

1-го октября Циллу рассчитали. Фрау Шлибенъ дала ей хорошій аттестатъ, но до поступленія на другое мѣсто она хотѣла съѣздить домой,—она соскучилась по своимъ и разлука съ мальчикомъ ее огорчала. Какъ онъ убивался! Наканунѣ онъ повисъ у нея на шеѣ и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, какъ маленькій ребенокъ. Сколько имъ нужно было сказать другъ другу!—но барыня спугнула ихъ: они слышали ея шаги и разбѣжались. Цилла рассчитывала, что она простится съ нимъ сегодня, но, тотчасъ по уходѣ Вольфа въ школу, барыня заявила ей, что она можетъ идти. Новая горничная была уже здѣсь. Цилла нѣскоро вырвала картинки изъ своего молитвенника, вернула ихъ въ бумагу и, написавъ сверху: „На память отъ Циллы“, положила ихъ въ ящикъ его столика.

Корзину свою она отправила багажемъ; въ рукахъ у нея были только кожаный мѣшечекъ и картонка. На вокзалѣ ей пришло въ голову, что она можетъ уѣхать и позже. Въ часъ кончаются занятія въ гимназiи. Какъ обрадуется Вольфъ, если она все-таки простится съ нимъ!

Прохожіе съ любопытствомъ смотрѣли на молодую особу, стоявшую на часахъ вблизи отъ подъѣзда гимназiи. Картонку она поставила на землю, а сакъ держала въ рукѣ, не сводя глазъ съ дверей и спрашивая у проходящихъ: „второй часъ?“ Время тянулось медленно, но вотъ уже близко къ первому часу. Сердце ея забилось. Милый мальчикъ! Она уже видѣла радостный блескъ его темныхъ глазъ, слышала его изумленное:— „Циллочка? Ты?..“

Сейчасъ раздастся звонокъ, и онъ выбѣжитъ изъ класса... Но тутъ она вдругъ увидѣла барыню. Она?! Фрау Шлибенъ быстрыми шагами направлялась къ гимназiи. Вотъ горе-то!

Дѣвушка поспѣшно юркнула за кусты. Сегодня она сама пришла за своимъ Вольфгангомъ. Приходится уходить. Глубоко опечаленная, вернулась она на вокзалъ. Вся ея радость пропала. Одно утѣшало ее: Вольфгангъ никогда, никогда ее не забудетъ.

За обѣдомъ Вольфъ очень удивился, увидѣвъ новую горничную съ острымъ лицомъ, похожую на барышню, и, не выдержавъ, спросилъ: гдѣ Цилла?

— Она ушла, вѣдь ты знаешь,—отвѣтила мать.

— Ушла?—Онъ поблѣднѣлъ и сейчасъ же густо покраснѣлъ.

— Ушла, не простась?—У него пропалъ аппетитъ; онъ давилъ каждымъ кускомъ и боялся расплакаться.

Какъ могла она уйти, не простась съ нимъ, не давъ ему своего адреса, уйти именно въ то время, когда онъ былъ въ

школы? У него зародилось мгновенное подозрѣніе. Не такъ онъ глупъ, какъ они думаютъ. Мать нарочно ее уснула, чтобы не дать имъ проститься. Какая это гадость съ ея стороны!

Злобно пробормотавъ послѣобѣденную молитву, онъ кинулся къ себѣ наверхъ. Тамъ онъ нашелъ картинки съ припискою Циллы и предался гнѣву и отчаянію. Онъ топалъ ногами и цѣловалъ картинки, причѣмъ отъ его слезъ на нихъ расплывались темныя пятна. Затѣмъ онъ сбѣжалъ въ столовую, гдѣ отецъ еще сидѣлъ за столомъ, а мать убирала фрукты въ свой буфетъ въ стилѣ Помпадуръ. Ага! Она еще предлагала идти съ нимъ сегодня гулять. Такъ онъ и пошелъ съ нею!

— Гдѣ Цилла? Почему ты не дала ей проститься со мною?

Мать смотрѣла на него, словно окаменѣвшая: какъ онъ угадывалъ самыя затаенныя ея мысли? Она не произнесла ни слова, а его мальчишескій голосъ обрывался отъ волненія и звучалъ глухо:

— Да, ты, ты... я это отлично знаю... не хотѣла, чтобы она простилась со мною. Ты отправила ее для того, чтобы я никогда больше ее не увидѣлъ,—ты, ты... Это постыдно съ твоей стороны, это низко!—Онъ наступалъ на нее, руки его поднялись. Не хотѣлъ ли онъ ее ударить?

— Негодяй!—Сильная рука отца схватила его за шиворотъ.— Какъ ты смѣешь? Поднять руку на мать? Дрянь ты этакая, негодный мальчишка!

— Она не позволила ей со мною проститься, — закричалъ мальчикъ,—она отослала ее, потому что...

— Если ты осмѣлишься сказать еще хотя одно слово...

— Скажу! Почему она не позволила Циллѣ попрощаться? Цилла ничего ей не сдѣлала, я такъ ее любилъ, и вотъ именно потому...

— Молчи!

Шлибенъ ударилъ мальчика по губамъ. Онъ вышелъ изъ себя; упорство мальчугана взбѣсило его. Какъ онъ уперся, стараясь вырваться, какими дерзкими глазами смотрѣлъ ему въ лицо! Какъ осмѣливался онъ возвышать голосъ?—Ахъ, ты дерзкій, неблагодарный негодяй! Чтò было бы съ тобою? Ты бы погибъ въ нищетѣ... Она сдѣлала изъ тебя человѣка... Она подобрала тебя изъ...

— Пауль!—крикъ жены прервалъ Шлибена. Катя, какъ безумная, схватила его за руку.— Не надо, не надо... Оставь его!— Она зажала мужу ротъ, и когда тотъ гнѣвно отстранилъ ее, она отняла у него мальчика, спрятала голову его у себя въ колѣняхъ и даже закрыла ему уши. Трепетно, съ широко-

раскрытыми глазами на поблѣднѣвшемъ лицѣ, она умолила его: — Ни слова! Прошу, прошу тебя...

Гнѣвъ его еще не улегся. Право, Кэте сходить съ ума! Защищать мальчишку отъ заслуженнаго наказанія! Съ рѣзкимъ: „пусти пожалуйста!“ онъ шагнулъ къ нему, но Кэте вытолкнула Вольфа за дверь, заперла ее и встала передъ нею, словно преграждая путь своимъ тѣломъ.

Они были одни и съ полнымъ укора возгласомъ: „Ты едва не выдалъ нашу тайну!“ она, шатаясь, дошла до дивана и, скорѣе упавъ, чѣмъ сѣвъ на него, залилась безудержными слезами.

Шлибевъ большими шагами ходилъ по комнатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ слишкомъ далеко зашелъ. Но въ сущности едва ли было бы несчастіемъ, еслибы мальчуганъ узналъ правду! Пусть бы онъ узналъ и свое происхожденіе, и то, что онъ всѣмъ пользуется здѣсь изъ милости. Напрасно было дѣлать изъ этого тайну.

Онъ остановился передъ плачущею Кэте. Ему стало безконечно жаль ее. Вотъ что она получила въ награду за свою любовь, за свое самоотверженіе! Тихо, не говоря ни слова, онъ положилъ руку на ее низко склонившуюся голову. Кэте выпрямилась и схватила его руку. — Не наказывай его, прошу тебя! Не бей его! Я виновата, онъ угадалъ... Я терпѣть ее не могла, я отказала ей и нарочно отправила ее безъ него, потому что онъ любилъ ее, — именно потому. Я боялась ее... Пауль! — она отчаянно заломила руки: — Пауль, я стыжусь передъ ребенкомъ, стыжусь передъ собою...

Вольфгангъ сидѣлъ у себя наверху и держалъ въ рукѣ картинки съ изображеніями святыхъ. Онѣ были его драгоценнѣйшей, единственною собственностью, дорогою памятью. Гдѣ она теперь? Еще здѣсь или уже въ Берлинѣ? Какъ онъ скучалъ по ней! Ему недоставало ее милаго, улыбающагося лица, и это чувство доходило до нестерпимости. Здѣсь никто не любитъ его такъ, какъ она, и онъ никого не любитъ такъ, какъ ее. Онъ забывалъ, что онъ часто дразнилъ ее, по-дѣтски ссорился съ нею. Влеченіе его выросло до безграничности, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и образъ.

Онъ кинулся на коверъ и запустилъ въ него ногти, — иначе онъ все перебилъ бы, переломалъ.

Послышались шаги отца. Онъ постучался въ дверь. Пускай себѣ стучитъ! Вольфгангъ заперся.

— Сію минуту отвори!

Должно быть, предстоитъ взбучка. Вольфъ отеръ слезы и стиснулъ зубы.

— Ну, скоро ли?—Стукъ дѣлался все нетерпѣливѣе.

Онъ всталъ и открылъ дверь. Отецъ вошелъ, — но не съ тростью въ рукахъ, а съ выраженіемъ скорби и гнѣва на лицѣ.

— Сейчасъ сойди внизъ. Ты обидѣлъ твою бѣдную, добрую, черезчуръ добрую мать... Ступай къ ней, попроси прощенія, вырази ей свое раскаяніе, слышишь? Пойдемъ.

Мальчикъ не тронулся съ мѣста. Съ безконечно несчастнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрямымъ выраженіемъ онъ уставился глазами въ пространство.

— Ты долженъ пойти, слышишь? Мать ожидаетъ.

— Не пойду!—Вольфъ процѣдилъ это сквозь зубы.

— Что такое? — Ошеломленный подобною дерзостью, взрослый человѣкъ глядѣлъ на ребенка. Тотъ отвѣтилъ на его взглядъ вызывающимъ взглядомъ. Юное лицо было такъ блѣдно, что темные глаза казались еще болѣе темными — мрачными, какъ бездна.

— Злые глаза!—сказалъ себѣ Шлибенъ. И, повинувшись давно забытому, дремавшему въ тайникахъ его души и внезапно проснувшемуся гнѣву, онъ съ силою схватилъ мальчика за грудь, такъ что тотъ не могъ пошевеливаться.—Чурбанъ безчувственный, неужели у тебя нѣтъ сердца? Она—сдѣлавшая тебѣ столько добра, она ждетъ тебя, а ты не хочешь?.. На колѣни, говори тебѣ! Ступай, проси прощенія! Сію минуту!

Онъ взялъ его за воротъ и повелъ передъ собою внизъ по лѣстницѣ до той комнаты, гдѣ погруженная въ свое горе сидѣла Кэте съ до-красна наплаканными глазами.

— Кто-то пришелъ просить прощенія!—сказалъ Шлибенъ, толкая къ ней мальчика.

Вольфгангъ хотѣлъ уже крикнуть: — Не стану! Не хочу!—но вдругъ ему сдѣлалось такъ жаль ее! Вѣдь она была такъ же несчастна, какъ и онъ: они не подходятъ другъ къ другу! Это было внезапнымъ открытіемъ, придавшимъ такую глубину его взору, такъ обострившимъ линіи его дѣтскаго лица, что оно сразу стало казаться старѣе.

Рыдая, воскликнулъ онъ:—Прости!—Онъ самъ не слышалъ, сколько муки было въ этомъ возгласѣ; онъ не чувствовалъ, какъ ея руки обхватили его; онъ былъ въ полусознательномъ состояніи и ощущалъ лишь громадную пустоту и необъяснимую безутѣшность. Какъ во снѣ онъ слышалъ слова отца: — Ну, хорошо, теперь ступай заниматься и постарайся исправиться!—Онъ сошелъ по лѣстницѣ, какъ лунатикъ. Заниматься—теперь? Зачѣмъ? Для чего? Ему было до того безразлично—хвалять его

или бранить! И вообще онъ не желаетъ здѣсь дольше оставаться. Онъ содрогнулся, словно отъ отвращенія.

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, смотря въ пространство. И передъ его неподвижнымъ взоромъ мало-по-малу возставалъ безконечный просторъ: поля ржи, цвѣтушіе холмы, за которые заходить солнце, тихія воды съ кружащей надъ ними птицею и торжественно-прекрасный колокольный звонъ. Вотъ куда влечетъ его! Съ тоскою протянулъ онъ руки впередъ; его заплаканные глаза заблестѣли. Его попробуютъ здѣсь удержать. Нѣтъ, они его не удержатъ. Его потянуло къ окну. Положимъ, оно слишкомъ высоко надъ землею для того, чтобы можно было спрыгнуть, но онъ все же спустится. Въ двери уйти нельзя.

Стоя на колѣняхъ на наружномъ карнизѣ окна, онъ старался достать ногами до водосточной трубы. Вотъ она! Онъ соскользнулъ съ карниза, придерживаясь за него лишь кончиками пальцевъ, повисъ на минуту въ воздухѣ и затѣмъ, почувствовавъ водосточную трубу между колѣнъ, выпустилъ карнизъ, обхватилъ ее обѣими руками и быстро, безъ шума спустился внизъ.

Онъ робко оглянулся: никто не видѣлъ его. Въ одну минуту онъ очутился въ саду, перелѣзъ черезъ заборъ, причемъ разорвалъ себѣ панталоны, и затѣмъ съ чувствомъ дикаго торжества оглянулся на домъ. Вольфъ стоялъ на пустырь, гдѣ когда-то игралъ въ разбойники. Въ немъ не шевельнулось ни малѣйшее чувство сожалѣнія. Какъ звѣрь, слышащій позади себя выстрѣлы, онъ помчался къ лѣсу.

Вольфъ бѣжалъ и бѣжалъ — до полного изнеможенія. Онъ бѣжалъ все прямо, не выбирая дороги, и по его соображеніямъ былъ уже далеко. Тогда онъ бросился на землю; вокругъ него, подобно стройнымъ колоннамъ, поднимались къ небу молчаливыя деревья.

Вольфъ пролежалъ нѣкоторое время на спинѣ, давая успокоиться крови, безумно струившейся у него по жиламъ. Ему казалось, что онъ слышитъ непонятно скорое и громкое бѣненіе своего сердца. Какъ непріятно колотилось оно у него въ груди, — временами онъ ощущалъ даже колюще. Ничего подобнаго не бывало ранѣе съ его сердцемъ. Правда, онъ еще никогда такъ не бѣгалъ, въ особенности — послѣ болѣзни. Ему недоставало воздуха; онъ думалъ, что задохнется. Наконецъ онъ сталъ дышать свободнѣе; теперь ему уже не приходилось ловить воздухъ открытымъ ртомъ. Мало-по-малу имъ овладѣло глубокое довольство.

Еще не наступили сумерки, когда онъ продолжалъ свой путь,

но въ воздухѣ уже чувствовалась осень. Падавшій сквозъ красноватая вѣтви сосенъ солнечный свѣтъ имѣлъ въ себѣ нѣчто безконечно ласковое, примиряющее, смягчившее сердце бѣглеца. Онъ шелъ какъ во снѣ—куда? Онъ не зналъ этого, не думалъ объ этомъ; онъ просто шелъ и шелъ. Онъ шелъ вослѣдъ непреодолимому влеченію, которое кружилось надъ нимъ, ворковало, манило его, какъ голубь, ищущій свое гнѣздо.

Здѣсь было торжественно-тихо. Нога безшумно ступала по мху и невысокой травѣ. Сосны стояли какъ тонкія свѣчи, и вершины ихъ пламенѣли въ огняхъ заката. Сухіе листья не шуршали подъ ногами; мохъ усыпанъ былъ лишь гладкими иглами. До чего здѣсь было хорошо! Вольфгангъ осматривался съ изумленнымъ восхищеніемъ; взоръ его погружался въ сумракъ лѣса, мягкій, таинственный сумракъ. Здѣсь стоялъ такой ароматъ, прохладно-влажный, острый и свѣжій, что грудь словно расширялась и чувствовалась притокъ свѣжихъ силъ.

Среди этого великаго спокойствія Вольфгангъ впервые ощутилъ послѣдствія сегодняшнихъ волненій. Онъ схватился за свой пылающій лобъ—и лишь теперь замѣтилъ, что онъ безъ фуражки. Но не все ли равно? Онъ свободенъ, свободенъ! Мальчикъ испустилъ крикъ торжества, но испугался своего собственнаго громкаго голоса. Его больше не запрутъ... На волъ! На волъ! На волъ!

Онъ уже никуда не рвался. Его охватило великое блаженство, безграничный восторгъ. Глаза его сіяли; онъ не могъ насмотрѣться на міръ, словно видѣлъ все это впервые.

Вольфъ растянулся на мягкомъ мху и катался отъ удовольствія, но затѣмъ снова вскочилъ; онъ долженъ все видѣть, вполне насладиться своею свободою. Надъ синѣющимъ лѣсомъ догорала послѣдняя алая полоса, когда мальчикъ впервые сообразилъ, что она находится вблизи отъ бывшей дороги между Потсдамомъ и Шпандау. Какое горе! Неужели неподалеку есть домъ и люди, онъ даже слышитъ пѣніе пѣтуха и отдаленный стукъ колесъ? Мальчикъ прыгнулъ въ сторону, какъ олень, и снова углубился въ чащу.

И вотъ наступилъ вечеръ. По землѣ поползли легкіе туманы, пронесся вечерній вѣтеръ, туманъ сгущался и окутывалъ лѣсъ призрачной пеленою, но Вольфъ не испытывалъ страха. Что могло съ нимъ случиться здѣсь, куда доносится свистокъ локомотива и по временамъ поднимается легкій, какъ облако, дымокъ?

Вольфу представлялось, что онъ почуветъ гдѣ-нибудь въ преріи или въ степи. Къ блаженству свободы примѣшивалась нѣкоторая

жажда приключеній. Къ сожалѣнію, нельзя развести огонь, чтобы испечь на немъ что-нибудь: у него ничего для этого не было, да ему и не хотѣлось ѣсть. Онъ желалъ одного—хорошенько и подольше выспаться.

Не думая долго, онъ растянулся на землѣ, которая была уже сыровата, но на немъ было теплое платье, не пропускавшее холода. Устроивъ для головы нѣкоторое возвышеніе, онъ обратилъ лицо къ ночному небу, на которомъ сіяли улыбавшіяся мальчику кроткія звѣзды. Онъ думалъ, что скоро заснетъ, но онъ еще долго лежалъ съ открытыми глазами. Непонятное ощущение мѣшало ему спать: это было слишкомъ прекрасно, похоже на дивную сказку. Золотистыя очи охраняли его, бархатный плащъ окуталъ его, мать нѣжно убаюкала его на сонъ грядущій. Миновали — влеченіе и тоска, упорство, страданіе, гнѣвъ, все, что причиняетъ боль. Въ безконечномъ спокойствіи осталось одно лишь ощущеніе блаженства.

ХІІ.

Фрида Лемке была подтверждена; она носила почти длинныя платья и, встрѣтивъ долго не видѣннаго ею Вольфганга Шлибена, поздоровалась съ нимъ уже не прежнимъ дѣтскимъ кивкомъ головы, но все-таки остановилась.

— Ну, какъ поживаешь, Вольфгангъ?—спросила она, смѣясь, хотя нѣсколько покровительственно, какъ подобаетъ взрослой дѣвицѣ.—Что подѣлываешь?

— Хорошо!—онъ дерзко вздернулъ голову, но ему было не по себѣ.

Она оглядѣла его. Какой онъ большой, но какимъ увальнемъ держится! И она еще больше выпрямила свой похожій на тростинку станъ.—Чего ты горбишься?—Она прищурила глаза.— Попалъ бы ты въ моей хозяйкѣ, она выпрямила бы тебѣ горбъ!— и Фрида засмѣялась.

— Ты, кажется, довольна?

— А почему бы мнѣ не быть довольной? Чтобы я позволила какой-нибудь старой вѣдьмѣ вогнать меня въ тоску? Не такъ я глупа! Когда она ругается, я молчу, а про себя потѣшаюсь... Ха! ха!

Какъ она похорошѣла! Темные глаза мальчика остановились на Фридѣ, словно онъ никогда не видѣлъ ее раньше. На ея бѣловурныхъ волосахъ, подобранныхъ теперь тяжелымъ узломъ,

играло солнце. Лицо ея было такое круглое, цвѣтущее. Почему она больше не приходитъ къ нимъ?—Очень просто! Весь день она въ мастерской, возвращается къ десяти и отсыпается. По воскресеньямъ же она гуляетъ послѣ обѣда съ Артуромъ и Флеббе.—Гдѣ?—Тамъ, куда его не пустять!—Она опять расхоталась.

— Правда!—Онъ повѣсилъ голову.

— Ну, развеселись!—и она провела указательнымъ, выступившимъ изъ лопнувшей перчатки пальцемъ подъ его подбородкомъ.—Зато ты—гимназистъ. Артуръ также поступаетъ на будущій годъ въ ученье въ парикмахеру...

— Да,—проговорилъ Вольфгангъ. Онъ стоялъ, какъ потерянный, со своими книгами, на той улицѣ, гдѣ они играли въ разбойниковъ; всѣ они—уже взрослые люди, только онъ—ихъ атаманъ—все еще глупый школьникъ.

— Будь онѣ прокляты!—Онъ съ такою силою швырнулъ на землю связку, что ремни развязались, а книги и тетради рассыпались по пыльной улицѣ.

— Ахъ, Вольфъ, что же ты это!—Фрида испуганно нагнулась и стала собирать книги, а онъ, не помогая ей, сумрачно смотрѣлъ вдаль. Она связала ихъ и сунула ему подъ мышку; онъ хотѣлъ снова ихъ швырнуть, но тутъ она прямо разсердилась. Швырять дорогія книги! Если у отца его много денегъ, это еще не причина, чтобы такъ обходиться съ вещами. Фрида украдкой поглядывала на него. Почему онъ такъ перемѣнился? А ему стало стыдно: что она подумаетъ о немъ?

— Надо идти,—сказала она вдругъ,—не то я останусь безъ обѣда. У насъ сегодня селедка съ картофелемъ. Вотъ важно-то!

— И я пойду съ тобою!—Онъ пошелъ рядомъ съ нею.

Она покраснѣла. Что скажетъ мать, если она приведетъ Вольфа? Сегодня у нихъ уборка, да къ тому же она солгала: и селедки нѣтъ къ картофелю, а только луковая подливка.

— Нѣтъ, ступай домой,—сказала она, сдѣлавъ видъ, что надулась.—Ты долго не ходилъ къ намъ, я на тебя сердита.

— Сердита? На меня? Да вѣдь я не могъ придти... Мнѣ не позволяли! Фрида!

Весь красный, онъ бѣжалъ за Фридою и просилъ ее не сердиться. Въ кои-то вѣки они встрѣтились, и она вотъ какая съ нимъ... Въ голосѣ его слышалась печаль. Ей было жаль его, и вмѣстѣ—досадно. Чего пристаешь? И Флеббе будетъ недоволенъ. И она проговорила сухо:—Мы тебѣ—не компанія. Ступай къ барышнямъ.

— Повтори это еще разъ!—грубо крикнулъ онъ и схватилъ ее за руку.—Что мнѣ за дѣло до этихъ глупыхъ обезьянъ?

Она знала, что онъ говоритъ правду, и была польщена. Поэтому она проговорила ласково, но уклончиво:—Я знаю, Вольфъ, но все же ты не долженъ къ намъ ходить. Прощай!

Они были одни въ аллеѣ, лежавшей позади виллъ, но будь здѣсь кто-нибудь, Вольфъ не обратилъ бы на это вниманія. Онъ почти яростно обхватилъ ее руками:—Не пущу тебя! Пойду съ тобой!

Хотѣлъ ли онъ поцѣловать ее или ударить? Она зашипѣла на него, какъ разсерженная киска. Глупый мальчишка! Бѣгунъ! Хорошо, нечего сказать! Бѣгаетъ изъ дому, прячется въ лѣсу... И все-таки тебя изловили... Что взялъ?

Онъ очень покраснѣлъ, выпустилъ ее и стоялъ, повѣсивъ голову, а она не безъ злорадства продолжала издѣваться. Не собирався ли онъ бѣжать въ Америку—безъ куса хлѣба, безъ гроша въ карманѣ, даже—безъ шапки?

Онъ продолжалъ стоять, повѣсивъ голову, и пробормоталъ:

— Ты не должна надъ этимъ смѣяться.

— Плакать, что-ли? Мать твоя достаточно плакала, а твой отецъ бѣгалъ какъ сумасшедшій. Всѣхъ лѣсничихъ на поиски разослали. Скажи по правдѣ: хорошо тебѣ влетѣло, когда тебя привели домой?

— Нѣтъ!—Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее сердито засверкавшими глазами.—Нѣтъ, меня не били,—этого бы я не позволилъ.

— Запирали?—спросила она съ любопытствомъ.

Онъ молчалъ.—Что могъ онъ сказать? Нѣтъ, его не запирали, онъ могъ ходить по дому и саду, по улицѣ, и все же... и все же онъ не былъ свободенъ. Изъ глазъ его вдругъ хлынули слезы.

— Не смѣйся, Фрида, я такъ, такъ...—Онъ хотѣлъ сказать: несчастенъ, но это слово такъ много и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало выражало, что онъ постыдился его произнести. Слезы гнѣва и горя катились у него по лицу. Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода, но это удручало его, словно случилось вчера. Онъ не могъ забыть, какъ скоро, какъ легко его поймали. Ранѣе, чѣмъ наступила заря слѣдующаго дня. И то, что казалось ему геройствомъ, подвигомъ, было въ ихъ глазахъ мальчишескою глупостью. Правда, мать много плакала, но отецъ только взялъ его за ухо.—Помни, чтобъ это было въ послѣдній разъ, сынъ мой!—Фрида смотрѣла на его слезы, и вдругъ глаза ея тоже увлаж-

жились вмѣстѣ съ нимъ.—Вольфъ,—проговорила она сквозь слезы,—не плачь. Ну, что за бѣда!? Это скоро позабудется. Теперь, когда тебя не стануть въ намъ пускать, скажи дома: „я опять убѣгу!“ Приходи въ будущее воскресенье послѣ обѣда,—я не пойду гулять съ Артуромъ и Флеbbe, стану тебя ждать.

Она одною рукою утерла слезы ему, другою—себѣ.

Они стояли среди цвѣтущихъ кустовъ въ ясный солнечный день; благоухала сирень, съ краснаго терновника сыпались на нихъ лепестки. Темная и бѣлокурая головы сблизилась.

— Фрида,—сказалъ онъ и крѣпко сжалъ ея руку,—Фрида, ты все еще мнѣ другъ?

— Ну, само собою разумѣется!—и она весело разсмѣялась:—хорошая была бы эта дружба, еслибы я такъ скоро тебя забыла. Вотъ!

Она сложила губы и поцѣловала его.

— Вотъ еще!—Она вторично его поцѣловала.—А теперь развеселись, мой мальчикъ. Погода такая чудесная!

Радостное настроеніе, вызванное встрѣчей съ Фридою, разсѣялось дома при вопросѣ матери: почему онъ запоздалъ? Онъ снова почувствовалъ узы. Но онъ много думалъ о Фридѣ, и голова ея съ золотистымъ узломъ волосъ вставала между нимъ и классною работою. Онъ всегда ее любилъ и игралъ съ нею охотнѣе, чѣмъ съ другими; она лучше всѣхъ понимала его и была на его сторонѣ. Увы! какъ онъ завидовалъ тому мальчику, который пекъ картофель въ золѣ и игралъ въ разбойниковъ! Вольфгангу казалось, что золотая пора дѣтства навсегда миновала и впереди нѣтъ уже никакихъ радостей. Недаромъ и пасторъ, готовившій его къ конфирмаціи, говорилъ:—Вы уже не дѣти! Заботы жизни скоро воснутъ васъ.—И онъ уже коснулся его.

Вольфгангъ сидѣлъ, наморщивъ лобъ; ему лѣзли въ голову разныя мысли, никогда не приходившія раньше.

Почему въ классѣ такъ интересуются его родителями? Порою товарищи перемигиваются между собою и усмѣхаются. Что въ немъ смѣшного? Недавно противный Леманъ, скосивъ глаза и надувъ щеки, поглядѣлъ на него и расхохотался:—А вѣдь ты чертовски мало похожъ на твоего отца!—Развѣ онъ дѣйствительно не похожъ ни на отца, ни на мать?

Сегодня, раздвѣаясь, Вольфгангъ долго разглядывалъ себя въ зеркало, висѣвшее надъ умывальнымъ столомъ. Онъ держалъ

свѣчу въ рубѣ и освѣщаль себя со всѣхъ сторонъ. Ни одной черты похожей. Похожъ ли его грубый носъ на тонкій носикъ матери? И у отца совсѣмъ другой носъ. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ такого широкаго лба съ низко растущими волосами, такихъ почти сросшихся бровей. Положимъ, у отца темные глаза, но похожи ли они сколько-нибудь на эти глаза, такіе черные, что они не становятся свѣтлѣе, даже если поднести къ нимъ совсѣмъ близко свѣчу?

Мальчикъ вздохнулъ, но въ этомъ вздохѣ слышалось какое-то облегченіе. Если онъ такъ мало походить на нихъ физически, мудрено ли, что онъ часто думаетъ и чувствуетъ по иному?

Удивительно, какъ другіе мальчики въ школѣ до сихъ поръ держатся за юбку матери. Кульрихъ, напримѣръ: у него, двѣ недѣли тому назадъ, умерла мать, и когда онъ явился въ школу съ черною повязкою на рукавѣ — съ нимъ всѣ носились, какъ съ сырымъ яйцомъ, говорили шопотомъ и не дурачились. Во время урока Закона Божія, когда случайно прочли: „Если отецъ и мать оставятъ васъ, Отецъ вашъ Небесный не покинетъ васъ“, — Кульрихъ опустилъ голову на свою библию и такъ просидѣлъ цѣлый часъ.

Послѣ урока учитель подошелъ къ нему и долго съ нимъ говорилъ. Это было уже давно, но Кульрихъ и до сихъ поръ не повеселѣлъ; во время рекреации, когда всѣ ѣли или играли, онъ сидѣлъ въ сторонѣ и ни къ чему не притрогивался. Неужели такъ тяжело лишиться матери?

Надъ молчаливыми соснами царилъ чудная свѣтлая лунная ночь, и мальчикъ долго сидѣлъ на окнѣ; глаза его горѣли, мысли ронились какъ мошки. Откуда налетали онѣ на него?

Хотя онъ былъ еще слишкомъ молодъ, но физически онъ такъ развился, что Шлибенъ рѣшилъ подтвердить его на Пасхѣ, прежде чѣмъ онъ начнетъ „разсуждать“. Но Кэте казалось, что онъ уже началъ; онъ, видимо, избѣгалъ съ нею разговоровъ о религіи, и уроки знаменитаго доктора теологіи Баумана, славившагося своими проповѣдями и умѣньемъ привлекать сердца учениковъ, скользили по немъ безслѣдно или вызывали скуку. Зато, чтó-то неудержимо влекло его въ ту церковь, гдѣ онъ былъ когда-то съ Циллою, и по дорогѣ къ д-ру Бауману онъ часто заходилъ туда, чтобы постоять съ минуту въ уголкѣ, подышать таинственнымъ, мистическимъ, убаюкивающимъ ароматомъ ладана! Эта церковь всегда была открыта, и когда, по выходѣ изъ нея, онъ попадалъ въ сумятицу и шумъ Берлина, ему казалось, что онъ былъ сейчасъ въ иномъ мірѣ.

Такъ прошли лѣто и зима. Къ Пасхѣ Шлибенъ велѣлъ заново отдѣлать и окрасить виллу,—и она должна была облечься въ праздничный нарядъ по случаю семейнаго праздника. Бѣлый домъ съ красною крышею и зелеными жалузи былъ очарователенъ; въ немъ было бы нѣчто деревенское, еслибы не устроенный недавно зимній садъ съ пальмами и цвѣтущими азалиями. Въ саду посѣяли свѣжій дернъ; всюду пробивались молодые побѣги; на фруктовыхъ деревьяхъ уже завязывались почки. На улицѣ показались дѣтскія бѣлыя и голубыя колясочки; рядомъ съ ними топали другія маленькія ножки. Изъ всѣхъ дверей появлялись няньки съ дѣтьми; хихикающія барышни-подростки играли въ теннисъ, а кавалеры-третьеклассники ухаживали за ними. Повсюду были свѣтъ и веселье, въ вершинахъ сосенъ шелестилъ вѣтерокъ, а журавли искали мѣста для гнѣздъ.

На постели Вольфганга лежалъ новый черный костюмъ, который ему предстояло примѣрить. Сердце Кэте трепетало, когда она помогала ему одѣваться. До сихъ поръ онъ ходилъ въ матросской курточкѣ и панталонахъ до колѣнъ; теперь въ первый разъ онъ одѣнетъ костюмъ взрослога человѣка. Платье изъ тонкаго чернаго сукна было ему не къ лицу,—теперь впервые можно было замѣтить, что черты его грубоваты.

Длинные панталоны стѣсняли его, скрутку сидѣлъ на немъ неловко; онъ сдѣлалъ несчастное лицо.

— Посмотришь же въ зеркало! — сказала Кэте, толкая его къ зеркалу. Онъ посмотрѣлъ, но не на себя, а на ея лицо, отражавшееся рядомъ съ его лицомъ, и увидѣлъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

— Мы ничуть не похожи,—пробормоталъ онъ, но Кэте не разслышала.

— Чтò ты говоришь? Тебѣ не нравится костюмъ?

— Отвращеніе! — Онъ снова разсѣянно уставился въ зеркало. Чтò такое опять говорили вчера Леманъ и фонъ Кессельборнъ, тоже будущіе конфирманты? Они язвили его,—быть можетъ потому, что отецъ его такъ богатъ? Онъ заявилъ имъ, что у него были серебряныя часы съ тѣхъ поръ, какъ ему исполнилось восемь лѣтъ, а теперь онъ получить золотыя. Это страшно взбѣсило ихъ. Кессельборнъ провозгласилъ: „Шлибенъ — болванъ!“—а его подголосокъ Леманъ не менѣе громогласно сказалъ при всемъ классѣ: „Сколько ни важничай, а мы знаемъ тò, чтò знаемъ!“

— Чтò такое ты знаешь?—Онъ собирался вкнуться на Лемана, какъ тигръ, но приходъ учителя помѣшалъ этому; а за-

тѣмъ оба они удрали, но онъ подмѣтилъ во взорахъ многихъ товарищей любопытство и затаенное злорадство,—или, можетъ быть, это ему лишь показалось?

— Я ничуть не похожъ на тебя,—повторилъ онъ,—и на отца тоже.

— О, нѣтъ!—воскликнула она съ живостью:—на отца — очень.

— Ни капли.

Онъ увидѣлъ, что она покраснѣла, а потомъ сильно поблѣднѣла и сказала съ насмѣшленнымъ смѣхомъ:

— Мало ли есть дѣтей, не похожихъ на родителей! Что же изъ этого?

— Да, но...—Онъ не договорилъ и сумрачно сдвинулъ брови: очевидно, мысль его работала напряженно.

Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей онъ бросалъ въ зеркало такіе недовѣрчиво-вопрошающіе взгляды, что Катѣ невольно отстранилась. Умышленно ли онъ говорилъ, или безъ намѣреній? Что онъ подобравалъ? Что ему сказали? Что онъ знаетъ?

Ея руки, оправлявшія его костюмъ, дрожали; она стояла на колѣняхъ и обдергивала его панталоны, но пальцы ея бесполезно цѣплялись за сукно. Теперь онъ смотрѣлъ уже не въ зеркало, а на нее, съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ. Обыкновенно лицо его не было выразительно; оно не было ни красиво, ни некрасиво,—обыкновенное гладкое, неопредѣлившееся мальчишеское лицо, но теперь въ немъ замѣчалось нѣчто тревожное, сомнѣвающееся; морщинки на лбу, складки вокругъ губъ—старили его.

Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо. Мать и сынъ молчали. За окномъ чиркали птицы и въ вершинахъ сосенъ шелестѣлъ весенній вѣтерокъ. Катѣ медленно поднялась съ колѣнъ, словно у нея онѣмѣли члены, и она ухватила рукою за ближайшій стулъ.

— Раздѣнься!—тихо проговорила она.

Онъ съ облегченіемъ сталъ снимать съ себя непривычный нарядъ. Ей такъ хотѣлось заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь, хотя бы о пустякахъ, но только бы говорить, говорить... Но она его боялась; ей казалось, что онъ скажетъ: „Ты мнѣ чужая!“—и она нѣмѣла отъ страха.

Онъ снялъ новое платье и стоялъ передъ нею со своей широкою грудью въ полуразстегнутой рубашкѣ, съ мускулистыми крѣпкими ногами, съ которыхъ сползли чулки; его ширококостное сильное тѣло было полуобнажено. Она отвернулась, но тотъ

часть же смутялась. Почему же матери бояться взглянуть на сына? Матери?...

У нея потемнѣло въ глазахъ. Не оборачиваясь, она пошла къ двери, сказавъ: — Я иду внизъ. Ты справишься и безъ меня.

Конфирмація была назначена на Вербное воскресенье. Докторъ Бауманъ постарался выяснить молодымъ людямъ все значеніе предстоящаго имъ шага, и лучъ благоговѣнія озарилъ равнодушіе Вольфганга. Онъ былъ внимательнѣе на послѣднихъ урокахъ, классная бонната показалась ему не такою скучною; севозъ она ея падалъ смягченный свѣтъ, и та же мягкость, примиренность закрадывалась въ его душу. Даже Кессельборнъ съ Леманомъ уже не казались ему такими противными. Его жесткая душа смягчалась, и когда священникъ подчеркнул слова: „Чти отца твоего и мать твою!“ — онъ подумалъ, что онъ во многомъ передъ ними виноватъ, — особенно передъ матерью. Иногда, по возвращеніи домой, ему хотѣлось сказать ей что-нибудь ласковое, но это у него не выходило. Кэте ходила на станцію — встрѣчать его; она жалѣла мальчика, которому, помимо занятій въ школѣ, приходилось ежедневно ѣздить въ городъ; ей хотѣлось попрежнему приголубить его; но когда она видѣла, что онъ шелъ, не глядя по сторонамъ, не подозрѣвая, что она здѣсь, и не ожидая ее, она поворачивала за уголъ или отходила за дерево и пропускала его мимо себя, не окликнуть.

Однажды Кэте рѣшилась поговорить съ пасторомъ о томъ, что смутно съ давнишнихъ поръ лежало у нея на душѣ. Докторъ Бауманъ знаетъ, что мальчикъ былъ крещенъ въ католической вѣрѣ? — Да, онъ видѣлъ его свидѣтельство о крещеніи, но можетъ по совѣсти увѣрить г-жу Шлибенъ, что юноша — истинный христіанинъ евангелическаго вѣроисповѣданія. Что же еще тревожитъ ее?

Она съ трудомъ проговорила: — Итакъ, вы полагаете, вы дѣйствительно полагаете, что мы... поступили правильно?

Она глядѣла на него, жадно ожидая отвѣта, и онъ наклонилъ голову.

— Насколько нашъ разумъ и сознание могутъ подсказать — да!

Ночь передъ конфирмаціей Вольфгангъ провелъ безъ сна. Пасторъ сказалъ, что онъ долженъ приготовиться, и онъ самъ чувствовалъ, что это — важный день, переломъ въ его жизни. Но мысли его постоянно отвлекались. Какой-то текстъ выпадетъ на его долю? У многихъ мальчиковъ были любимые тексты,

и они надѣялись, что пасторъ выберетъ именно ихъ для напутственнаго изреченія. Получить ли онъ завтра золотые часы?

Конечно, получить. Вотъ обоятся Кессельборнъ съ Леманомъ—негодяи! Онъ поднесетъ имъ часы прямо къ носу,—пусть позеленѣютъ отъ зависти. Чего они суются въ то, что ихъ не касается? И опять онъ увидѣлъ въ зеркалѣ свое лицо рядомъ съ лицомъ матери. Ни одной скрѣпой черты! Что за мучительная неувѣренность! Онъ бродитъ, точно въ потьмахъ.

Онъ метался въ постели, не зная, какъ добиться правды. Сынъ ли онъ своихъ родителей, или не сынъ ихъ? Будетъ ли ему жаль, если онъ окажется не ихъ сыномъ? Нѣтъ! Но будетъ такъ страшно! Его бросало въ потъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лихорадило. Онъ натянулъ на себя одѣяло. Сердце его такъ и трепыхалось въ груди. Только бы заснуть и позабыть обо всемъ этомъ! Онъ судорожно замиуривалъ вѣки, но сонъ не приходилъ; въ столовой гудѣли старинные часы, и бронзовые часики изъ будуара матери вторили имъ серебристымъ голоскомъ. Нивогда часы такъ громко не били. Скоро ли настанетъ утро?

Утромъ рано, когда сквозь закрытыя ставни прокрадывались въ комнату золотые лучи, Катѣ вошла къ сыну. Она была блѣдна; всю ночь она боролась съ собою. Сказать ли ему правду? Что-то нашептывало ей: „Вотъ день, въ который ты обявана это сдѣлать“. Но когда взошло солнце, голоса ночи смолкли. Надо молчать для того, чтобы не потерять его.

Но ей хотѣлось выказать ему какимъ-нибудь способомъ свою любовь. Войдя къ нему, она была удивлена, найдя его уже одѣтымъ; онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на пустырь, на которомъ недавно начали строить домъ.

— Съ добрымъ утромъ, милый сынъ!—сказала Катѣ.

Онъ не слышалъ ея словъ.

— Вольфгангъ!

Онъ испуганно обернулся, словно не узналъ ее.

— Да ты уже готовъ!—Въ ея голосѣ слышалось разочарованіе; ей хотѣлось помочь ему при одѣваніи. Она никогда не думала, что этотъ день такъ растрогаетъ ее. Она подошла къ нему, положила руки ему на плечи и заглянула ему въ глаза.— Дитя мое! Поздравляю тебя.

— Съ чѣмъ?—Онъ такъ безучастно взглянулъ на нее, что все задушевное, теплое, раввавшееся изъ души, осталось невысказаннымъ. Очевидно, онъ былъ еще ребенкомъ, не понимающимъ всего значенія этого дня.

Она ограничилась тѣмъ, что оправила его костюмъ, страхи-

вая съ него каждую пылинку. Когда онъ нагнулъ голову, она не удержалась, взяла его обѣими руками за лицо и быстро поцѣловала его въ лобъ.

„Почему не въ губы?—подумалъ онъ:—мать поцѣловала бы своего ребенка въ губы“.

Они вмѣстѣ сошли къ завтраку. На столѣ стояли цвѣты, отецъ былъ въ черномъ сюртукѣ, и на приборѣ Вольфганга лежали золотыя часы. Это были дорогіе часы. Онъ критически осмотрѣлъ ихъ. Да, они понравились ему. Внутри золотой крышки было вырѣзано: „На память о 1-мъ апрѣля 1901 г.“ Никто изъ подтверждающихся не получить и приблизительно такихъ часовъ. Страшно тяжелые.

Родители слѣдили за Вольфгангомъ, державшимъ часы въ рукахъ. Да, онъ, несомнѣнно, былъ радъ подарку.

— Они бьютъ,—сказала Кэте,—ты и въ потьмахъ будешь знать, который часъ. Видишь, если вотъ здѣсь нажать пружинку...

— Гдѣ? Покажи!..—Онъ очень заинтересовался.

Они чуть не опоздали. Вольфъ шелъ между родителями. Фрида, уже одѣтая и премиленькая, стояла у дверей, а фрау Лемке высунула голову изъ окна своего подвала, глядя вслѣдъ мальчику. Она была совсѣмъ растрогана.

Сегодня былъ настоящій весенній день; виллы имѣли праздничный видъ, цвѣли крокусы, тюльпаны; даже Берлинъ съ его сѣрыми громадами и шумомъ — казался тише обыкновеннаго, а самыя улицы — какъ будто шире. Церковь наполнялась конфирмантами. О, молодость! Кэте подавила легкое чувство сожалѣнія, почти зависти... Еслибы можно было помолодѣть! Но оно мгновенно потонуло въ сознаніи того, что ея мальчикъ дѣлается сегодня взрослымъ человѣкомъ. Да благословить его Господь!

Давно не испытанная, дѣтски-наивная, молитвенная оупищія охватили ее. Все принесенное годами и свѣтскою жизнью — отпало отъ нея. Сегодня она была такою же молодою, какъ и они, стоявшіе передъ алтаремъ, блаженно-вѣрующею, полною радостныхъ надеждъ.

Докторъ Бауманъ придалъ обряду большую торжественность; многія дѣти и матери плакали. Трепетъ благоговѣнія пробѣжалъ по церкви; низко склонились темныя и бѣлокуроыя головы. Кэте искала глазами Вольфганга; его голова была темнѣе всѣхъ, но онъ не склонилъ ее, — его блуждающій взоръ скользилъ по церкви и остановился на овнѣ. Чего онъ искалъ? О чемъ думалъ? Она шепнула мужу: — Ты видишь его?

Онъ кивнулъ головою, прошептавъ:—Да, онъ выше всѣхъ!— Въ его словахъ слышалась отцовская гордость. Сегодня онъ чувствовалъ себя отцомъ. Несмотря на многія заботы, неудобства, непріятности, — все-таки мальчикъ доставлялъ имъ и радости; изъ него еще можетъ выйти хорошій человекъ. Какимъ солиднымъ дѣлаетъ его чернѣй сюртукъ!

Мысли Вольфганга шли своимъ, не намѣченнымъ путемъ. Всѣ впечатлѣнія скользили по немъ, ни одно не оставалось, онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ толпѣ...

Когда настала его очередь, онъ машинально сталъ рядомъ съ Кульрихомъ; впереди были Кессельборнъ и Леманъ. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ! Онъ швырнулъ бы имъ подъ ноги свои золотые часы; пусть они берутъ ихъ, но пусть также возьмутъ назадъ и свои слова! Чтѣ это была за ужасная ночь! Теперь, когда онъ опускался на колѣни, въ ногахъ чувствовалась боль. Кульрихъ тихо плакалъ, — онъ думалъ о своей матери. Бѣдняжка! Чтѣ-то влажное и жгучее затуманило глаза Вольфганга.

Органъ тихо гудѣлъ, а священникъ произносилъ тексты, которыми онъ напутствовалъ причастниковъ.

„И Господь утретъ ихъ слезы, не будетъ больше ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная“.

Это—Кульриху. Тотъ приподнялъ свое заплаканное покраснѣвшее лицо, слыша слова утѣшенія.—Теперь его чередъ. Чтѣ-то онъ услышитъ?

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны, ибо мы ищемъ ее въ грядущемъ“.

Это — его текстъ? Что онъ означаетъ? Беспредѣльное разочарованіе овладѣло Вольфгангомъ. Онъ ждалъ его, какъ откровенія, какъ приговора Господня. Изъ него онъ долженъ былъ узнать истину. И вдругъ?.. Обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, онъ поднялся съ колѣнъ. Онъ не видѣлъ пріветственнаго взора матери, не видѣлъ, какъ отецъ потихоньку кивалъ ему. Онъ былъ совершенно оглушенъ, уничтоженъ этимъ разочарованіемъ.

Наковонецъ раздался заключительный хоралъ. Толпа хлынула изъ церкви, дѣти спѣшили подойти къ родителямъ, Вольфгангъ также присоединился къ своимъ. Онъ увидѣлъ Кульриха съ его отцомъ; они не были особенно дружны, но тутъ онъ схватилъ его за руку, молча пожалъ ее и отошелъ. Кѣте, вообще мягко настроенную, — тронулъ порывъ мальчика. Какой онъ добрый! Горячія надежды и пожеланія возносились изъ ея души къ небу. А небо сіяло надъ ними—такое голубое, свѣтлое, безоблачное.

Они вернулись домой въ экипажѣ, не желая портить себѣ настроеніе въ переполненномъ вагонѣ. Вольфгангъ молчалъ; онъ сидѣлъ напротивъ матери, рука его лежала въ ея рукѣ, но пальцы его не отвѣчали на ея нѣжное, теплое пожатіе.

Снова проѣхали они мимо Лемке. При стукѣ колесъ по улицѣ, Фрида подбѣжала къ окну, улыбнулась и кивнула, но фрау Лемке не было видно, и Вольфгангъ рѣшилъ, что сегодня же послѣ обѣда, какъ только ему удастся отдѣлаться, онъ зайдетъ къ Лемке.

На видѣ ихъ ожидали гости. Шлибены не пожелали устроить изъ конфирмаціи сына свѣтское празднество, но пришлось пригласить добраго стараго доктора съ женою и обонхъ компаньоновъ. Все это были пожилые люди; Вольфгангъ, сидя между ними, говорилъ лишь: „да!“ и „нѣтъ!“—но кушалъ онъ и пилъ основательно. Столъ былъ всегда хорошъ, но вира и дорогія закуски подавались не каждый день. Въ заключеніе пили за его здоровье, а старшій компаньонъ-весельчакъ то-и-дѣло подливалъ ему шампанскаго.

— За ваше здоровье, Вольфгангъ! За ваше вступленіе въ фирму!

Изъ-за стола встали около пяти часовъ; мужчины пошли курить, дамы усѣлись за кофе. Вольфгангъ незамѣтно ускользнулъ къ Лемке. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ показать имъ свои золотые часы и спросить: какой текстъ получила Фрида? А затѣмъ... Затѣмъ, не скажетъ ли ему чего-нибудь фрау Лемке?..

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны“ — глупое изреченіе, но оно не выходило у него изъ головы, и, глядя на неподвижныя вершины сосенъ, онъ повторялъ: „мы ищемъ ее въ грядущемъ“, — но гдѣ же? Гдѣ?

Странный блескъ появился въ его темныхъ глазахъ. Многое припомнилось ему... слова противной старой горничной Лизбеты: „тебя держать здѣсь изъ милости“. Проклятая баба! Будь она здѣсь — онъ бы вынудилъ у нея сознаніе. Онъ имѣетъ право знать правду—какъ бы ужасна она ни была.

Вольфгангъ выпрямился; ротъ его принялъ выраженіе упорства и непреклонности. „Мы ищемъ свою отчизну“. Да, онъ станетъ искать ее! Сердце его билось. Глупое сердце, которое бьется порою какъ дикая птица, запертая въ тѣсную клітку...

У Лемке Фрида кинулась къ нему навстрѣчу, схватила его за обѣ руки; ея голубые глаза свѣтились восхищеніемъ:—Какой ты нарядный, Вольфгангъ! Совсѣмъ баринъ—да и только!

Онъ улыбнулся,—это было мило съ ея стороны.

Когда же фрау Лемке сказала растроганно:—Ну, Вольфгангъ, хотя я теперь и буду говорить вамъ: „вы“, но, видитъ Богъ, отъ этого я не стану васъ меньше любить,—онъ почувствовалъ радость, какой еще не испытывалъ сегодня. Лицо его смягчилось, и онъ крѣпко пожалъ ея огрубѣлую отъ работы руку.

Затѣмъ онъ сѣлъ: онъ долженъ былъ все рассказать по порядку; онъ показалъ свои часы и заставилъ ихъ бить, но ему не хотѣлось говорить,—атмосфера этой комнаты какъ-то убаюкивала его. Снова здѣсь пахло свѣже-смолотымъ кофе, а мирта и мѣсячные розы на окошкѣ—примѣшивали къ нему свой болѣе слабый аромат. Онъ совсѣмъ забылъ, что уже давно здѣсь сидитъ, но вдругъ вспомнилъ это и почувствовалъ сильный страхъ: вѣдь онъ долженъ былъ что-то спросить!

Когда фрау Лемке сказала:—Ваша мать радуется, поди, что у нея такой большой сынъ? — онъ вдругъ неожиданно выговорилъ:—Да развѣ я—ея сынъ?—и, не получивъ отвѣта, такъ какъ фрау Лемке смотрѣла на него испуганными глазами, почти прокричалъ:—Развѣ я—ея сынъ?

Мать съ дочерью обмѣнялись быстрымъ взглядомъ. Фрау Лемке очень покраснѣла и смутилась.

— Не лгите мнѣ... Я все равно узнаю. Я долженъ узнать. Мать ли она мнѣ? И отецъ мой — дѣйствительно ли онъ мнѣ отецъ?

— Боже милостивый, Вольфгангъ! Что это вамъ вздумалось?.. Мало ли что люди зря болтаютъ!

— Нѣтъ! Я уже въ такихъ годахъ, что могу все знать.

Фрау Лемке не сдавалась. Пусть онъ спроситъ у своихъ родителей. Она въ такія дѣла не мѣшается. Фрида раскрыла было ротъ, но мать прикрикнула на нее. Лемке до смерти убьетъ ее; они, чего добраго, еще потеряютъ мѣсто, а дѣти еще не стали на ноги... Она матери его не знала, да и отецъ его, поди, уже давно про нее забылъ...

— Мой, мой отецъ?—прервалъ Вольфгангъ:—значитъ, онъ—дѣйствительно мой отецъ?

Фрау Лемке утвердительно кивнула.

— Но моя... моя настоящая ма....—Онъ не въ состояніи былъ договорить; онъ закрылъ лицо руками и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, охваченный внезапною, страстною, могучею тоскою по матери, родившей его. Онъ не произнесъ ни слова, но вздохъ его походилъ на стонъ.

Когда онъ вернулся домой, отецъ не безъ раздраженія спросилъ, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ и какъ разъ въ такой день?

Часы, действительно, показывали восемь, но это было ему все равно. Устремивъ глаза въ одну точку, словно онъ видѣлъ передъ собою опредѣленную цѣль, Вольфгангъ выступилъ передъ родителями.

— Я долженъ у васъ спросить,—началъ онъ, и вдругъ безъ всякаго перехода выговорилъ рѣзко:—Чей я сынъ?

Слово было сказано. Молодой голосъ жестко прозвучалъ. Или только въ ухахъ Кэте онъ раздался какъ трубный гласъ? Вотъ онъ—грозный вопросъ. У нея потемнѣло въ глазахъ; она не видѣла своего мальчика, она только слышала его вопросъ. Безпомощно, какъ слѣпая, она протянула руку,—слава Богу, мужъ ея былъ тутъ, и она услышала его отвѣтъ:

— Какъ пришелъ тебѣ въ голову подобный вопросъ? Нашъ сынъ, разумѣется. Чей же еще?

— Этого я не знаю, и это именно я хочу узнать отъ васъ,—повторилъ жесткой молодой голосъ.

Удивительно, какъ спокойно онъ звучалъ, и потому самому казался Кэте еще ужаснѣе.

— Отвѣчай, я хочу, я *должна* знать!

Какое упорство, какая неумолимость слышались въ этомъ словѣ! Она опустила на свое мѣсто, совсѣмъ уничтоженная, и даже въ голосъ мужа почувствовалась тайная дрожь. Кто распространилъ подобную сплетню и возстановилъ его противъ нихъ? Развѣ не были они всегда ему отцомъ и матерью?

Эти слова прозвучали для Кэте фальшью. Она протянула руки:—Мой мальчикъ!

Но онъ словно не замѣталъ ея простертыхъ рукъ; сдвинувъ брови, онъ обращался только къ Шлибену.—Я знаю, что ты—отецъ мой, но она—онъ скользнулъ взоромъ въ сторону Кэте,—она не мать мнѣ.

— Кто это сказалъ?—громко вскричала Кэте.

— Всѣ говорятъ.

— Никто! Это неправда. Ложь, ложь и ложь! Ты—мое дитя, мой сынъ, нашъ сынъ! И тотъ, кто это отрицаетъ—лжетъ, обманываетъ, клеветаетъ... Онъ...

— Кэте!—Мужъ взглянулъ на нее, и въ тогѣ его послышались укоръ и предупрежденіе:—Кэте!

Затѣмъ онъ обернулся къ молодому человѣку, стоявшему съ поднятою головою и вызывающимъ видомъ, и сказалъ:

— Мать слишкомъ взволнована, ты долженъ былъ бы ее пощадить,—хотя на сегодняшний день. Ступай. Мы завтра...

— Нѣтъ, нѣтъ!—Кэте не дала ему договорить и продол-

жала въ сильнѣйшемъ возбужденіи:— Не надо откладывать, пусть онъ спрашиваетъ, и отвѣтъ ему теперь же, сейчасъ, что онъ— нашъ сынъ, нашъ родной сынъ. Вольфъ, милый Вольфъ,— она давно уже не называла его этимъ дѣтскимъ именемъ,— Вольфъ, неужели ты уже совсѣмъ насъ не любишь? Поди ко мнѣ!

Она снова простерла къ нему любящія, умоляющія руки; онъ былъ очень блѣденъ и смотрѣлъ въ одну точку.

— Вольфъ, поди ко мнѣ!

— Не могу.

Ничто не шевельнулось въ его лицѣ, не дрогнуло въ его тонѣ. Она зарыдала и обратила взоры къ мужу,— онъ долженъ помочь ей! Но Шлибенъ мрачно глядѣлъ на нее; она ясно читала въ выраженіи его лица: „Почему ты не слухала меня?“ Нѣтъ, онъ не поможетъ ей! Глаза ея расширились отъ ужаса; она ухватила руками за ручки кресла и приподнялась, словно желая защититься отъ того, что сейчасъ произойдетъ. Не сошелъ ли Пауль съ ума? Что онъ говоритъ: Ты не нашъ сынъ!

— Не вашъ сынъ?— Мальчикъ запнулся, этотъ отвѣтъ смутилъ его; онъ вспыхнулъ и поблѣднѣлъ, взоръ его переходилъ отъ лица мужа къ лицу жены.

Какъ? Значитъ и онъ— не его отецъ? Но вѣдь фрау Лемке сказала?.. Не хочетъ ли онъ отъ него отречься? Недовѣрчиво взглянулъ онъ на Шлибена, и затѣмъ въ немъ поднялось чувство обиды. Если и тотъ не былъ его отцомъ, значитъ у него нѣтъ никакого, рѣшительно никакого права быть здѣсь? Подойдя ближе, онъ быстро проговорилъ:

— Ты— навѣрное мой отецъ? Ты не хочешь только этого сказать... Но она,— онъ кивнулъ по направленію къ креслу,— она не мать мнѣ!— Глаза его вспыхнули, онъ глубоко перевелъ духъ, словно почувствовавъ облегченіе:— Я всегда это зналъ!

— Тебѣ сказали неправду. Еслибы это зависѣло отъ меня, я давно бы сказалъ тебѣ правду. Къ сожалѣнію, удобная минута пропущена, и приходится говорить ее сегодня. Говорю тебѣ— какъ одинъ мужчина другому, удостовѣряя моимъ честнымъ словомъ: я— не родной тебѣ отецъ, какъ и она— не родная мать. По рожденію ты намъ чужой. Мы взяли тебя въ сироты, такъ какъ у насъ не было дѣтей и мы желали имѣть ребенка. Мы взяли тебя изъ...

— Пауль!— Какъ и въ тотъ разъ, когда Пауль, возмущенный неблагодарностью ребенка, хотѣлъ открыть ему его происхожденіе, Кэте съ громкимъ крикомъ упала къ нему на грудь. Она обвила руками его шею и шептала, дрожа:— Не говори ему:

откуда? Ради Бога, не говори! Онъ уйдетъ, онъ броситъ насъ, мы его потеряемъ!.. Я этого не перенесу... Сжался... Не говори ему, откуда онъ!

Онъ хотѣлъ ее отстранить, но она не выпускала его, продолжая отчаянно умолять.

Великая жалость къ ней охватила Шлибена. Бѣдная, бѣдная жена его! Почему этотъ ударъ долженъ былъ обрушиться на нее? И въ немъ пробудился гнѣвъ противъ мальчика, который такъ дерзко требовалъ, да, требовалъ того, о чемъ онъ долженъ былъ бы просить, и глядѣлъ на нихъ такими холодными, безжалостными глазами.

Серьезный, но мягкій голосъ, какимъ до сихъ поръ отвѣчалъ ему Шлибенъ, сдѣлался строгимъ.

— Я запрещаю тебѣ говорить со мною въ такомъ тонѣ.

— Я имѣю право спрашивать.

— Да, ты имѣешь.

Взрослый человекъ былъ пораженъ. Онъ, дѣйствительно, имѣетъ право. Кто здѣсь неправъ—это ясно.

— Но если ты—не сынъ нашъ по крови, то все же я полагаю, что заботы многихъ лѣтъ, воспитаніе—сдѣлали тебя нашимъ сыномъ по духу. Поди сюда, сынъ мой, и если всѣ говорить, что ты намъ не родной, я говорю тебѣ: ты—воистину нашъ сынъ.

Онъ протянулъ ему свободную руку, другою онъ поддерживалъ жену; на груди его еще оставалось мѣсто для расквашагося мальчика. Но Вольфгангъ отступилъ и не взялъ протянутой руки.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ, и, попрежнему не сводя безслезныхъ глазъ съ тѣхъ, кого онъ такъ долго считалъ своими родителями, онъ пошелъ къ двери.

— Мальчикъ, куда же ты? Останься!—воскликнулъ Шлибенъ сердечно. Мальчикъ былъ въ тяжеломъ положеніи, надо быть съ нимъ терпѣливымъ, и онъ еще разъ позвалъ его:—Останься, Вольфгангъ!

Но Вольфгангъ покачалъ головою.—Не могу. Вы меня обманули. Пустите меня!—Онъ рѣзко страхнулъ руку отца, которую тотъ положилъ на его рукавъ.

И тутъ онъ закричалъ, какъ раненный звѣрь:

— Чтò вы меня мучите? Пустите меня! Я хочу уйти, я хочу думать о моей матери—гдѣ-то она!..

Съ кѣм. О. Ч.

МОЕ УЧАСТІЕ

ВЪ

АМЕРИКАНСКОМЪ ТРЁСТЪ

Лѣтъ десять тому назадъ, я разсказалъ на страницахъ „Вѣстника Европы“ о моемъ удаленіи отъ активной дѣятельности въ Америкѣ на промышленномъ поприщѣ и переходѣ къ мирной жизни земледѣльца ¹⁾. Съ тѣхъ поръ я жилъ то въ имѣніи, то въ городѣ, неуклонно отказываясь отъ многихъ, дѣлавшихся мнѣ отъ времени до времени, очень соблазнительныхъ дѣловыхъ предложеній и предпочитая тихую кабинетную жизнь выпучей промышленной или финансовой дѣятельности, требующей въ настоящее время въ Америкѣ неослабнаго и самаго усиленнаго напряженія всѣхъ способностей. Я рассчитывалъ окончить дни свои на повоѣ—до денегъ я никогда не былъ жаденъ,—и, обезпечивъ свою приблизившуюся старость и семью, только наблюдалъ за своимъ состояніемъ, помѣщеннымъ такъ, что оно не требовало особенныхъ хлопотъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ прежде, тяготѣнія русскаго интеллигента, все еще очень во мнѣ живучія, пересилили требованія обычной американской жизненной колени. У насъ, за самыми рѣдкими исключеніями, люди работаютъ до смерти—нашъ типичный дѣлецъ, business man, не зналъ бы, что съ собою дѣлать, еслибъ ему пришлось перестать ѣздить каждый день въ свою контору и работать тамъ съ утра до ночи. Онъ бы прямо повѣсился отъ бездѣлья и скуки,

---

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, январь 1896: „Американская деревня“.

такъ какъ внѣ своей работы, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, онъ неспособенъ ни на что другое. Проработавъ безостановочно лѣтъ тридцать или сорокъ, онъ утрачиваетъ способность наслаждаться жизнью внѣ своей работы,—она ему необходима, какъ воздухъ и свѣтъ, и безъ нея онъ не зналъ бы, за что взяться и къ чему притенуться. Года три тому назадъ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ теперь уже покойнымъ С. П. Хюнтингтономъ—С. Р. Huntington,—тогда 78-лѣтнимъ старикомъ, владельцемъ и главноуправляющимъ южной тихо-океанской желѣзной дороги—Southern Pacific R. R.,—человѣкомъ, „стоившимъ“ больше двухсотъ милліоновъ долларовъ и не имѣвшимъ дѣтей, этого ходячаго извиненія всѣхъ стажателей. Сѣдой какъ лунь, съ неизгладимой печатью хроническаго, и умственнаго, и физическаго переутомленія на лицѣ, онъ работалъ съ утра до ночи, неизмѣнно путешествуя и переѣзжая съ мѣста на мѣсто по ночамъ, чтобы не терять времени; никто не умѣлъ зорче его слѣдить за своими служащими, чтобы и они не потеряли ни минуты изъ ихъ обычнаго рабочаго дня. Онъ зналъ, что я уже удалился отъ активной дѣятельности, —retired from business,—какъ это здѣсь называется.

— Ну, какъ же вамъ это не стыдно? Сколько вамъ лѣтъ?—привѣтствовалъ онъ меня.

— Мнѣ уже за пятьдесятъ, и я наработался досыта на моемъ вѣку,—отвѣчалъ я.

— Да вы еще юнецъ, просто юнецъ! Мнѣ уже стукнуло семьдесятъ-восемь, а я рассчитываю поработать еще лѣтъ двадцать. Безъ работы я пропаду, какъ муха на морозѣ.

— А я обладаю способностью наслаждаться жизнью и безъ ежедневнаго торчанія въ дѣловой конторѣ. Да и не въ этомъ дѣло. Вѣдь если мы, съ нашимъ опытомъ, съ нашими средствами, съ нашими дѣловыми связями, будемъ продолжать активную работу до ста лѣтъ,—какой же шансъ будутъ имѣть наши молодые люди? Вѣдь имъ не совладать съ нами: мы стоимъ во много разъ въ лучшихъ условіяхъ на жизненномъ полѣ битвы, чѣмъ они. Нужно дать и имъ возможность подняться на ноги; — съ нами, какъ противниками, никакая конкуренція имъ не возможна. Да и гдѣ же предѣлъ скопленію богатствъ въ однихъ рукахъ, если и сто, и двѣсти милліоновъ все еще мало?

— Какое кому дѣло до частныхъ милліоновъ и кто ихъ считалъ? И мнѣ что за дѣло до всего этого? Всякій самъ за себя. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Неужели я долженъ сдать себя въ архивъ и пропасть съ тоски

только потому, что какой-нибудь самолюбивый юнецъ желаетъ занять мое мѣсто? Это, батенька, филантропія, а не дѣло.

И хотя я и пустилъ въ ходъ всѣ мои діалектическія способности, и не разъ успѣлъ запереть упрямаго старика въ уголь, онъ, тѣмъ не менѣе, внутренно только еще сильнѣе укрѣпился въ своей позиціи. Работа до конца, до смерти въ комутѣ—была единственной вещью, которую онъ понималъ и признавалъ; а черезъ полгода онъ скоропостижно умеръ, и изъ-за его милліоновъ и посейчасъ ссорятся и судятся наследники, и, мнѣ сдается, немалая ихъ часть пойдетъ „на кормъ“ адвокатамъ и судамъ.

Въ декабрѣ 1902 года, благодаря желанію выручить пріятеля-соотечественника, неожиданно попавшаго въ бѣду изъ-за неосторожности дѣловаго партнера, мнѣ пришлось сдѣлаться формальнымъ главой довольно значительнаго промышленнаго деревообрабатывающаго предпріятія. Предпріятіе это состояло членомъ ассоціаціи владѣльцевъ деревообрабатывающихъ заводовъ нашей мѣстности; мнѣ пришлось принять участіе въ ея засѣданіяхъ, и, въ апрѣлѣ 1903 г., эта ассоціація, на своемъ годичномъ собраніи, единогласно выбрала меня своимъ президентомъ и главноуправляющимъ. Предвидя, по предшествовавшему ходу дѣлъ, этотъ выборъ и не желая опять влѣзть въ комутъ, я всячески старался отъ него уклониться, но, благодаря крайне неблагопріятному для меня стеченію обстоятельствъ, въ концѣ концовъ пришлось таки согласиться,—и такимъ образомъ меня, такъ сказать, насильно „сняли съ полки“ и поставили во главѣ одного изъ американскихъ трэстовъ, о которыхъ мнѣ не разъ приходилось писать на страницахъ „Вѣстника Европы“, и мнѣ пришлось проработать въ немъ почти три года. Вопреки моимъ ожиданіямъ, работа эта очень меня заинтересовала;—она, во-первыхъ, дала мнѣ возможность провѣрить на практикѣ мои теоретическія представленія о разныхъ сторонахъ современныхъ комбинацій капитала, а во-вторыхъ, опять свела меня очень близко съ повседневной жизнью, отъ которой я совсѣмъ было ушелъ. Кабинетное уединеніе весьма своеобразно дѣйствуетъ на человѣка особенно въ томъ отношеніи, что ослабляетъ его способность оцѣнивать событія всесторонне и правильно;—онъ все больше и больше поддается симпатіямъ и антипатіямъ своего индивидуализма и дѣлается склоненъ освѣщать ихъ только съ своей собственной, болѣе или менѣе узкой точки зрѣнія. Только повседневное общеніе съ людьми можетъ вылечить его отъ этого серьезнѣйшаго порока, котораго онъ обыкновенно совсѣмъ не

склоненъ самъ замѣчать. Настоящая статья посвящена, во-первыхъ, моему опыту и впечатлѣніямъ по поводу этой дѣятельности, а во-вторыхъ,—описанію того положенія, которое занимаютъ промышленные и другіе трѣсты въ современной американской жизни.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ, весной 1892 года, я переѣхалъ изъ Сѣверной Каролины въ Калифорнію, до апрѣля 1903 г., когда я занялъ мѣсто главноуправляющаго калифорнскимъ лѣснымъ трѣстомъ, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ я не имѣлъ ничего общаго съ лѣснымъ и деревообрабатывающимъ дѣломъ. Покидая его, я стоялъ за соупаитъ всего, что было съ нимъ связано—съ цѣнами, требованіями и, въ особенности, съ его техникой. Не было такого метода или приѣма, такой машины, которыхъ бы я не зналъ. Мои послѣднія лѣсопилки и деревообрабатывающая фабрика были снабжены рѣшительно всѣми новостями въ этихъ производствахъ; — я внимательно слѣдилъ за всякимъ усовершенствованіемъ, за всякой мелочью. Занявшись въ Калифорніи совсѣмъ другими дѣлами, я мало-по-малу совсѣмъ отсталъ отъ лѣсного дѣла, и очень мало имъ интересовался. Вернувшись къ нему въ декабрь 1902 г., я нашелъ его совершенно преобразованнымъ, не только относительно методовъ и приѣмовъ, но и почти всѣхъ основъ его техники. Нигдѣ въ мірѣ, конечно, машинныя производства не мѣняются такъ быстро и такъ всеобъемлюще, какъ въ Америкѣ. Новыя изобрѣтенія и усовершенствованія идутъ одни за другими такъ быстро, что въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ измѣняютъ все производство отъ начала до конца самымъ кореннымъ образомъ. Не только улучшаются до неузнаваемости старыя машины, и является масса новыхъ, работающихъ на другихъ, вновь изобрѣтенныхъ основаніяхъ, но и мѣняется устройство силы, паровиковъ и паровыхъ машинъ; — за послѣднее десятилѣтіе эти послѣдніе, благодаря усовершенствованіямъ въ конструціи, удвоили и даже утроили свою силу и производительность, требуя гораздо меньше воды и топлива, и будучи доведены почти до безусловно-автоматическаго совершенства. На моихъ лѣсопилкахъ и фабрикахъ во Флоридѣ и Сѣверной Каролинѣ, пятнадцать—двадцать лѣтъ тому назадъ, машинистъ былъ очень важнымъ чиномъ, у котораго были всегда полны руки работы, хлопотъ и отвѣтственности. Ему нужно было и топить паровикъ, и наблюдать за уровнемъ воды въ немъ, и постоянно

сдѣлать за машиной, не выпуская изъ рукъ ключа и маслянки. Теперь въ паровыхъ приборахъ топливо снабжается автоматически, нефтью ли, опилками или стружками отопляется паромъ; мѣсто постоянно засорявшихся и требовавшихъ безпрестаннаго вниманія штательныхъ помпъ заняли автоматически работающіе инжекторы; паровая машина снабжена автоматически же работающими маслянками и не требуетъ абсолютно никакого вниманія. Вся ихъ конструкция и размѣры радикально измѣнились. Тамъ, гдѣ паръ не нуженъ и работаютъ газолитомъ или электричествомъ, хлопотъ и заботъ еще меньше, и машинистъ сдѣлался ненужной роскошью. Нѣтъ ни остановокъ, ни всегда сопряженныхъ съ ними значительныхъ убытковъ, изъ-за того, что паровой приборъ пришелъ въ неисправность. Словомъ, заводчикъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ и не заглядываетъ въ свое паровое отдѣленіе, тогда какъ прежде оно было постоянно напоминающимъ о себѣ большимъ мѣстомъ всякаго производства. У насъ въ Калифорніи очень дешевое топливо—нефть, стоящая всего 40—50 центовъ за бочку въ 42 галлона, но и съ этой дешевизной съ большимъ успѣхомъ конкурируетъ теперь еще болѣе дешевое электричество:—силу можно нанять въ какомъ угодно количествѣ, измѣряя ея расходъ особымъ, очень точнымъ, приборомъ, у нѣсколькихъ компаній, специально этимъ промышляющихъ. Одна получаетъ ее въ горахъ, за 90 миль отъ нашего города, имѣя проводники въ каждое мѣстечко по пути, другая—изъ запруженной въ средней Калифорніи цѣлой водной системы, за 300 миль отсюда. Вообще, вопросъ о силѣ все меньше и меньше принимается заводчикомъ въ соображеніе,—онъ разрѣшенъ вполне удовлетворительно, и сила удешевляется съ каждымъ годомъ, причѣмъ пользованіе ею доведено до такого совершенства, что я лично не вижу, чего еще можно ожидать въ этомъ отношеніи.

Какъ деревообрабатывающая, такъ и, въ особенности, лѣсопильная техника ушли далеко впередъ съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ узналъ. Круглыя пилы почти совсѣмъ исчезли изъ употребленія и замѣнились ленточными; все производство усовершенствовалось настолько, что лѣсопила съ семью, восемью рабочими, выпиливавшая, 15—20 лѣтъ тому назадъ, всего 5—6 тысячъ футовъ теса и когда-то казавшаяся мнѣ совершеннымъ чудомъ по своей производительности, вырѣзаетъ теперь, въ тотъ же рабочий день, 15—20 тысячъ, и притомъ теса гораздо лучшаго качества и съ несравненно меньшимъ убыткомъ на опилки. Какъ важны и существенны всѣ подобныя усовершенствованія, всего

лучше иллюстрируется именно такимъ кажущимся на первый взглядъ пустякомъ, какъ уменьшеніе расхода на опилки. Тонкая ленточная пила дѣлаетъ разрѣзъ въ бревнѣ не болѣе, чѣмъ въ $\frac{1}{16}$ дюйма, тогда какъ толстая круглая требовала $\frac{3}{16}$ и даже больше,—и эта разница, при распилкѣ дюймового теса, составляетъ экономію въ 12—15% въ количествѣ получаемого изъ даннаго бревна теса. Въ сравненіи съ прежнимъ, одна эта экономія не только покрываетъ полностью все издержки производства, но и оставляетъ еще значительный барышъ. Само собой разумѣется, что она обогатила многихъ лѣсоопиловъ, прежде чѣмъ сдѣлалась общимъ достояніемъ, и понизила вездѣ цѣну теса соответственно. Я лично знаю нѣсколькихъ лѣсоопиловъ, сдѣлавшихся въ короткое время миллионерами, благодаря одному этому усовершенствованію, введенному ими у себя очень рано. Произшли самыя существенныя измѣненія и въ деревообрабатывающемъ производствѣ. Чтобы не вдаваться въ техническія тонкости и подробности, я охарактеризую ихъ тѣмъ положеніемъ, что отношеніе числа рабочихъ на машинахъ на современной деревообрабатывающей фабрикѣ къ числу ручныхъ столяровъ совершенно измѣнилось. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на одну машину приходилось держать, въ среднемъ, около двухъ столяровъ—приходилось додѣлывать руками то, чего не могла сработать машина. Теперь на пять разныхъ машинъ нуженъ всего одинъ столяръ,—до того эти машины усовершенствованы и до того законченнѣе онѣ обрабатываютъ продуктъ. Нѣкоторыя изъ нихъ чуть-чуть не говорятъ,—до того изумительно совершенна и окончена ихъ работа;—и тогда какъ прежде девять десятыхъ продукта требовали додѣлыванія ручнымъ трудомъ столяра, теперь, наоборотъ, цѣлыхъ девять десятыхъ выходятъ изъ машинъ готовыми къ употребленію. Фабрика съ двадцатью машинистами держитъ всего трехъ-четырехъ столяровъ, и даже меньше.

Хотя вопросъ о современной быстротѣ технической эволюціи во всякомъ производствѣ въ Америкѣ и не имѣетъ, повидимому, прямого отношенія къ сущности настоящей статьи, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался настолько важенъ во всей промышленной жизни нашей страны, что я не могу кончить съ нимъ только тѣмъ, что я уже сказалъ выше, тѣмъ болѣе, что, въ моихъ глазахъ, онъ и сыгралъ уже, и все еще играетъ огромную роль въ общемъ дѣлѣ консолидаціи всѣхъ нашихъ промышленныхъ предпріятій. За послѣднія двадцать лѣтъ онъ измѣнилъ главныя политико-экономическія основанія этихъ предпріятій въ томъ смыслѣ, что затрачиваемый на нихъ капиталъ оказывается по-

ставленнымъ въ совершенно новое положеніе. Прежде, ставя въ фабричный корпусъ извѣстныхъ силу и машины, предприниматель могъ рассчитывать использовать ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не изнасятся и не обратятся въ ломъ—расходъ на погашеніе былъ болѣе или менѣе опредѣленной величиной, которую можно было рассчитать напередъ,—теперь же онъ всегда, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, рискуетъ тѣмъ, что эти машины придется сдать въ архивъ, можетъ быть, всего черезъ три, четыре мѣсяца по установкѣ, хотя онѣ и стоятъ огромныхъ денегъ, и не потому, что онѣ изнасились, а потому, что изобрѣтено вѣчто новое, гораздо болѣе совершенное. Машина устарѣваетъ теперь всегда гораздо раньше, чѣмъ она успѣваетъ изнаситься, и устарѣваетъ настолько, что кабая бы то ни было конкуренція съ новымъ изобрѣтеніемъ для нея совершенно невозможна. И пути сообщенія, и методы торговыхъ и промышленныхъ сношеній въ Америкѣ такъ совершенны, что мѣстная изолированность и мѣстные условія утратили всякое значеніе, утратили свои охранительныя, такъ сказать, въ этомъ отношеніи способности;—всякая новинка почти мгновенно разносится по всей странѣ, вызываетъ пониженіе цѣнъ и убиваетъ сразу и навсегда всякую отсталость въ какомъ-либо производствѣ. Разъ фабрикантъ гдѣ бы то ни было поставилъ у себя новую и успѣшную машину—не пройдетъ и полугода, какъ и всякій другой въ той же отрасли будетъ вынужденъ сдѣлать то же самое,—иначе онъ очень быстро останется не у дѣлъ. Необходимо зорко и неустанно слѣдить за всей техникой, за всѣми методами и приемами извѣстнаго производства; необходимо не отставать,—иначе сразу вмѣсто барышей пойдутъ убытки, и нѣтъ той силы, которая могла бы ихъ отвратить. Ни средства, ни дѣловыя связи, ни долгій промышленный престижъ не въ состояніи бороться съ идущимъ на пониженіе рынкомъ; единственное средство—не упуская ни минуты, приспособиться къ его новымъ требованіямъ. И этому, сравнительно очень новому даже у насъ, по своей быстротѣ и всемогуществу закону подчинены теперь въ Америкѣ не только торговля и промышленность, но и все другое—желѣзныя дороги, городскія постройки, парусное и паровое судоходство. Если домовладѣлецъ въ дѣловой части города не слѣдитъ за требованіями времени, не приспособляетъ своего дома сообразно тому, что могутъ получить жильцы въ другомъ,—онъ не только потеряетъ ихъ, но и дѣловая часть города уйдетъ отъ него: дѣловые центры новыхъ, быстро растущихъ западныхъ городовъ, а съ ними и высокая поземельная стоимость и высокая рента передвигаются съ пора-

зительной быстротой тамъ, гдѣ предпримчивость и отзывчивость домовладѣльцевъ отстаютъ отъ публичныхъ требованій. Въ нашемъ городѣ центръ этотъ, на моихъ глазахъ, за послѣднія пять лѣтъ подвинулся на нѣсколько кварталовъ на югъ, разоривъ въ конецъ почившихъ на лаврахъ прежнихъ его хозяевъ и обогативъ чуткихъ владѣльцевъ его настоящаго мѣстопребыванія. Наши трансконтинентальныя желѣзныя дороги за послѣднее десятилѣтіе вынуждены были затратить десятки милліоновъ на выпрямленіе и перестройку своихъ путей: Northern Pacific, Union и Central Pacific въ сущности выстроили новыя линіи на огромныхъ протяженіяхъ, дабы имѣть возможность сократить время переѣзда между востокомъ и нашимъ побережьемъ;—новыя линіи, выстроенныя болѣе прямо и болѣе солидно, грозили имъ совершеннымъ уничтоженіемъ тѣми преимуществами, которыми они могли дать своимъ пассажирамъ и грузоотправителямъ. Трансатлантическіе почтово-пассажирскіе пароходы должны выходить въ чистую отставку и быть перестроены въ товарныя черезъ десять, много пятнадцать лѣтъ по своей постройкѣ—такъ быстро вытѣсняють ихъ новыя, болѣе скорыя, болѣе удобныя и совершенныя. Затраченный на предпріятіе основной капиталъ долженъ быть ввроченъ назадъ въ гораздо болѣе короткое время,—представляемая имъ собственность какого бы то ни было рода приходитъ въ негодность гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и не потому, что она изнашивается, а потому, что новыя изобрѣтенія и усовершенствованія заставляють владѣльца изъять ее изъ обращенія за убыточностью эксплуатаціи.

Эта бѣшеная быстрота технической эволюціи и осложненіе и усиленіе требованій отъ всякаго дѣла, идущія все crescendo, кажутся мнѣ однимъ изъ главнѣйшихъ, если не самымъ главнымъ факторомъ въ современномъ положеніи всякаго промышленнаго предпріятія въ Америкѣ, факторомъ все еще недостаточно понятнымъ и оцѣненнымъ ея общественнымъ мнѣніемъ, хотя въ дѣйствительности онъ уже и успѣлъ измѣнить всѣ основы ея дѣловой жизни. Штаты Новой Англіи утратили одну за другой почти всѣ свои прежнія промышленныя монополіи,—фабрики и заводы распространились по всей странѣ, и мануфактурное дѣло сдѣлалось общимъ достояніемъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, капиталы востока и его промышленный престижъ были всемогущи; извѣстныя фирмы вели извѣстныя мануфактурныя дѣла изъ поколѣнія въ поколѣніе; дѣло улучшалось медленно, шло само собой и не требовало отъ хозяевъ особой талантливости,—фабричная дѣятельность была очень консервативна и болѣе или

женѣе обезпечена. А въ такомъ дѣлѣ, какъ, на примѣръ, лѣсопильное, всякій, кто располагалъ двумя-тремя тысячами долларовъ и крупницей здраваго смысла, могъ купить лѣсопилку, пустить ее въ ходъ и рассчитывать на большій или меньшій успѣхъ. Съ одной стороны, приходъ и расходъ могли быть заранѣе опредѣлены довольно обстоятельно; съ другой—конкуренція не была такъ сильна и процентъ барыша былъ сравнительно гораздо выше; съ третьей—мѣстные условія были гораздо устойчивѣе и имѣли гораздо больше вліянія на исходъ дѣла. Въ настоящей моментъ всѣ эти факторы или перестали существовать, или, во всякомъ случаѣ, измѣнилось крайне существенно ихъ относительное значеніе. Къ хозяину какового бы то ни было промышленнаго предпріятія предъявляются гораздо бѣдшія требованія—у посредственности не осталось, въ сущности, никакихъ шансовъ. Успѣхъ, больше чѣмъ когда-либо прежде, сталъ зависѣть отъ личности. Къ солидности, осторожности и благоразумію, обезпечивавшимъ его прежде, теперь присоединилась необходимость быстроты соображенія, рѣшительности, отзывчивости, тонкой, широко-развитой чуткости,—всякое промышленное производство, даже такое, сравнительно, примитивное какъ лѣсопильное, всякое торговое дѣло требуютъ всего этого, требуютъ прямо таланта. Прежде дѣло могло идти при однихъ прилежаніи и рутинности, — теперь они одни неизбѣжно погубятъ его въ самое короткое время.

То же лихорадочное усиленіе темпа жизненной эволюціи въ Америкѣ и подъема прежнихъ требованій къ ея современнымъ дѣятелямъ замѣчается и проявляется весьма осязательно во всѣхъ другихъ сферахъ, — даже, на примѣръ, въ сферѣ народнаго образованія. За послѣднія десять лѣтъ, многіе штаты, въ томъ числѣ и Калифорнія, совсѣмъ измѣнили свои недавніе взгляды на цѣлесообразность пожизненности учительскихъ дипломовъ. Прежде учитель, получивъ извѣстный дипломъ, пріобрѣталъ имъ право учить до смерти, — теперь это осталось только какъ исключеніе въ почему-либо выдающихся случаяхъ, и дипломъ хорошъ только на извѣстный, довольно короткій срокъ, — два, три, максимумъ, кажется, пять лѣтъ; по ихъ истеченіи, требуется новый экзаменъ: штатъ желаетъ знать, не устарѣлъ ли учитель, не отсталъ ли онъ отъ современныхъ на него требованій, въ состояніи ли онъ отвѣчать имъ; требованія эти измѣняются и растутъ такъ быстро, что учителю, желающему продолжать практику своей профессіи, необходимо неустанно слѣдить за ними и соотвѣтственно расширять свои познанія и улучшать свою технику. Законъ не

даетъ ему возможности опочить на лаврахъ и довольствоваться устарѣвшими, забракованными методами и приемами,—къ чему, въ сожалѣнію, дипломированные люди такъ склонны вездѣ и всюду.

Въ виду всего вышеизложеннаго, силѣ капитала и его консолидаціи, въ общей оцѣнкѣ положенія, по моему крайнему разумѣнію, отводится далеко не принадлежащее имъ въ дѣйствительности значеніе. Блестящія индивидуальныя способности, на мой взглядъ, больше, чѣмъ когда-либо прежде, обезпечиваютъ успѣхъ вездѣ и во всемъ. Не самыя деньги, а умѣнье пользоваться ими и своевременно и вѣрно опредѣлять именно то, что нужно во всякій данный моментъ, рѣшаетъ дѣло. Присмотрѣвшись внимательно и на опытъ къ дѣятельности нашихъ трѣстовъ, и крупныхъ, и мелкихъ, и абсолютныхъ, и временныхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что и самая консолидація капитала, такъ галлопирующая у насъ за послѣднюю четверть вѣка, была вызвана и вызывается въ большинствѣ случаевъ именно стремленіемъ уравновѣсить такъ или иначе вліяніе на извѣстную отрасль промышленности особенно сильныхъ въ ней личностей. Дѣйствительно способный человекъ, ставъ во главѣ промышленнаго предпріятія, можетъ погубить теперь своихъ конкурентовъ гораздо скорѣе и эффективнѣе, чѣмъ когда-либо прежде;—объединеніе интересовъ является обыкновенно единственнымъ средствомъ къ спасенію предпріятій съ менѣе одаренными руководителями, хотя сила капитала и престижа и можетъ случайно быть въ ихъ рукахъ. Соотношеніе и значеніе необходимыхъ для успѣха факторовъ измѣнились,—и въ этомъ измѣненіи главную роль, по моему крайнему разумѣнію, играетъ не сила капитала, а людская талантливость. То подавляющее, универсальное значеніе, которое придаетъ силѣ капитала социализмъ, совсѣмъ не соответствуетъ дѣйствительности.

Что сила индивидуальныхъ способностей получила теперь неприущее ей прежде значеніе, доказывается всего нагляднѣе тѣмъ фактомъ, что онѣ оплачиваются въ настоящее время прямо баснословными содержаніями. Спросъ на выдающіяся организаторскія способности и погоня крупныхъ предпріятій за талантливыми людьми уже успѣли серьезно отозваться на персоналѣ нашихъ государственныхъ и штатныхъ учреждений, и законодательныхъ, и исполнительныхъ, и судебныхъ. Я еще засталъ въ Америкѣ то время, когда государственная или общественная служебная карьера считалась не только наиболѣе почетной, но и наиболѣе выгодной, приносившей наилучшее возможное вознагражденіе.

Теперь высшіе оклады этой карьеры—окружныхъ судей, сенаторовъ, министровъ, губернаторовъ—оказываются прямо ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать успѣшная промышленная или торговая карьера, и выдающіеся политиканы-чиновники одинъ за другимъ переходятъ на нихъ, пользуясь своими политическими успѣхами только какъ первыми ступенями для достиженія несравненно лучше оплачиваемыхъ мѣстъ въ дѣловыхъ сферахъ. Высшіе федеральные и штатные чины сбѣгутъ съ государственной и общественной службы, такъ какъ ихъ способности оцѣниваются дѣловымъ міромъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ государствомъ. Я уже имѣлъ случай указать на этотъ фактъ въ одной изъ моихъ предыдущихъ статей, къ которой и отсылаю читателя для подробностей ¹⁾.

Къ сожалѣнію, эта современная погоня за выдающимися индивидуальными способностями въ вожакахъ отнюдь не связана съ требованіемъ отъ нихъ же прямоты и честности ихъ дѣлового характера. Уровень американской дѣловой морали, промышленной и торговой, несомнѣнно упалъ весьма чувствительно за последнее десятилѣтіе. Финансовый кризисъ 1893 года, разорившій у насъ массу народа и вызвавшій тяжелый промышленный и торговый застой и безработицу 1893—1896 годовъ, подействовалъ крайне существенно на наши дѣловые нравы. Многіе приемы и методы, абсолютно не допускавшіеся до этого кризиса, получили съ тѣхъ поръ права гражданства, такъ сказать, укоренились и сдѣлались обыденнымъ явленіемъ. Дѣловая мораль—какъ и вообще понятіе о томъ, что нравственно и что безнравственно,—матерія крайне растяжимая, не поддающаяся хоть сколько-нибудь точнымъ опредѣленіямъ, и въ обыденной жизни представляется мнѣ довольно широкой и очень покатой полосой, отдѣляющей добросовѣстность отъ преступленія. Десять лѣтъ тому назадъ, наши дѣловые классы только очень рѣдко рѣшались вступать на эту полосу, и это обыкновенно клеймило ихъ извѣстнымъ образомъ и навсегда,—теперь чуть ли не большинство прогуливается на ней почти постоянно, рискуя въ сущности только очень мало. Я долженъ сознаться съ большимъ сожалѣніемъ, что почувствовалъ мою отсталость въ этомъ отношеніи очень скоро и очень чувствительно, и что мнѣ приходится теперь встрѣчаться съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ чуть ли не каждый день. Меня увѣряютъ, что, благодаря общему дѣловому процвѣтанію и поразительному подъему въ народномъ благосостояніи за

¹⁾ См. „Американская злоба дня“: „Вѣстникъ Евроин“, апрѣль, 1906 г.

послѣднія четыре-пять лѣтъ, положеніе постепенно улучшается, и дѣловая мораль опять поднимается, — тѣмъ не менѣе, мнѣ лично она представляется теперь очень низкой, гораздо ниже того уровня, на которомъ я ее оставилъ въ 1894 году. Кромѣ того, завелся особый, сравнительно очень многочисленный, новый классъ людей, выбившихся изъ своихъ профессій и обратившихся къ эксплуатаціи довѣрчивости и недалковидности своихъ согражданъ, къ эксплуатаціи иногда очень грубой, иногда очень утонченной, какъ къ исключительному источнику добыванія средствъ къ существованію. Конца нѣтъ самымъ разнообразнымъ затѣямъ выманить такъ или иначе ваши деньги. Изощренность этихъ аферистовъ просто изумительна. Не проходитъ дня, чтобы въ каждую дѣловую контору не явилось двухъ-трехъ представителей этого новаго у насъ класса. Превосходные говоруны, отлично одѣтые и, повидямому, преуспѣвающіе — отъ нихъ такъ и несетъ довольствомъ, хотя они и работаютъ исключительно языкомъ и своими wits — ловкостью, хитростью и изощренностью, умѣемъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Газеты обличаютъ ихъ ежедневно, — и все-таки они съ успѣхомъ находятъ многочисленныя новыя жертвы, ускользая во-время и перебираясь изъ города въ городъ по мѣрѣ надобности.

II.

Современныя американскіе промышленныя трѣсты распались довольно рѣзко на два класса: одни, которые скупили всѣ отдѣльныя предпріятія одного рода въ извѣстной мѣстности или всей странѣ, лишивъ ихъ всякой индивидуальности, и управляютъ ими всецѣло посредствомъ одного центрального управленія; другіе, которые оставили индивидуальность отдѣльныхъ предпріятій нетронутой, не измѣнили ихъ фактическаго владѣнія, а сконцентрировали только въ центральныхъ управленіяхъ дѣю регулированія ихъ производства и сбыта ихъ произведеній. Первые, конечно, гораздо компактнѣе и управлять ими несравненно легче — они, въ сущности, стали однимъ предпріятіемъ, гораздо, конечно, большимъ по размѣрамъ, но всѣ части котораго подчинены безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ распоряженіямъ одной управляющей силы, какъ бы эта сила ни была организована. Разъ консолидація достигнута и оформлена, отдѣльные члены уже не могутъ выдѣлиться изъ нея по своему усмотрѣнію. Къ этой формѣ организаціи прибѣгаютъ обыкновенно желѣзныя дороги и всѣ такія производства, которыя болѣе или менѣе рѣзко огра-

ничены извѣстными районами, какъ напр. нефтяное, стальное, стекольное, сахарное, въ послѣднее время каменноугольное. Они не боятся конкуренціи, такъ какъ во всей странѣ только извѣстныя мѣстности обладаютъ совокупностью тѣхъ условій, которыя необходимы для ихъ успѣха, и всѣ такія мѣстности обыкновенно входятъ въ составъ такихъ трѣстовъ съ самаго начала. Такіе трѣсты въ сущности всемогущи и быстро обращаются въ самыя откровенныя монополіи. Они — такая сила, съ которой до сихъ поръ совершенно безуспѣшно ратуютъ и законъ, и населеніе. Такихъ трѣстовъ, сравнительно, немного; ихъ организація отличается отъ индивидуальныхъ предпріятій только своими размѣрами, и всѣ трудности преодолеваяются и оканчиваются разъ навсегда, когда консолидація достигнута и оформлена. Опытъ прошлаго доказалъ, что для ихъ успѣха необходимъ почти полный контроль всего производства въ странѣ; если это условіе недостижимо, попытки принять эту форму организаціи оканчиваются обыкновенно весьма печально — разореніемъ пайщиковъ и распаденіемъ трѣста, что и случилось съ трѣстами водочнымъ, веревочнымъ, пивнымъ, нѣсколькими банковскими и многими другими. Дѣло въ томъ, что разъ организуется трѣстъ при отсутствіи почти полнаго контроля производства, остающіяся внѣ его предпріятія тоже сплочиваются — и возникаетъ немедленно самая убійственная конкуренція, борьба за существованіе и борьба на смерть. Въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, составляющихъ извѣстный трѣстъ, индивидуальное ими управленіе хозяевами смѣняется наемнымъ трудомъ, — они мгновенно теряютъ тѣ преимущества отдѣльнаго частнаго дѣла, которыя являются результатомъ того, что во главѣ его можетъ стоять особенно талантливая личность, и этими-то преимуществами и пользуется обыкновенно возникающая конкуренція. Общественное мнѣніе всегда и вездѣ возстановлено противъ трѣстовъ, всегда окажетъ поддержку такой конкуренціи, и она, привлекая къ себѣ въ то же время выдающіяся личныя силы производства, въ концѣ концовъ всегда подтягиваетъ такой трѣстъ и вынуждаетъ его распаденіе. Абсолютныя трѣсты, совмѣщающіе въ себѣ все извѣстное производство въ странѣ, удерживаютъ въ своемъ распоряженіи и всѣ выдающіяся въ немъ личныя силы, — онѣ вынуждены мириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, дѣлаютъ это болѣе или менѣе охотно, такъ какъ, — какъ уже было упомянуто выше, — обыкновенно трѣсты платятъ имъ огромное содержаніе. Заручившись монополіей въ дѣлѣ съ билліонными годовыми оборотами, такіе трѣсты могутъ платить огромныя деньги дѣйствительно способнымъ личностямъ и наслаждаются

монополіей и въ этомъ отношеніи. Если же успѣшная конкуренція возможна, талантливый человѣкъ не довольствуется подчиненнымъ положеніемъ, и обыкновенно переходитъ на сторону этой конкуренціи;—до сихъ поръ этотъ фактъ и былъ всегда причиною разоренія и распада трѣстовъ, не контролировавшихъ всего извѣстнаго производства въ странѣ, и этотъ-то неуспѣхъ такой формы организаціи для такихъ производствъ и вызвалъ въ жизни гораздо болѣе многочисленный второй классъ консолидацій, въ которыхъ входящія въ ихъ составъ отдѣльныя предприятия остаются собственностью ихъ владѣльцевъ и вступаютъ въ союзъ, передавая въ распоряженіе центральной организаціи только извѣстныя стороны своего дѣла—прежде всего регулированіе производства, установленіе цѣнъ на продуктъ и его сбытъ. Формы ихъ организаціи чрезвычайно разнообразны;—кромѣ того, онѣ крайне растяжимы, такъ какъ подлежатъ во всякое время соглашеніямъ и измѣненіямъ, сообразно потребностямъ дѣла и минуты. Абсолютный трѣстъ перваго класса неподвиженъ; трѣсты второго то расширяютъ, то суживаютъ юрисдикцію своихъ центральныхъ управленій, и главы отдѣльныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, предприятий постоянно вліяютъ на всю ихъ работу своими индивидуальностями. Они въ сущности представляютъ собою не что иное, какъ частныя временныя соглашенія, оформленныя только весьма поверхностно самодѣльными конституціями, нигдѣ не явленными и не имѣющими никакой законной силы; нельзя преслѣдовать члена за ихъ нарушеніе судомъ, и потому все соглашеніе можетъ держаться только пока всѣ члены добровольно подчиняются его требованіямъ. Личная добросовѣстность вожаковъ предприятий и ихъ дѣловая мораль являются рѣшающимъ факторомъ въ ихъ успѣхѣ. Хотя консолидація капитала въ промышленности и торговлѣ, въ которой онѣ обратились въ теченіе послѣдней четверти прошлаго столѣтія, и началась именно такими соглашеніями, формы ихъ организаціи все еще быстро эволюціонируютъ; выдѣливъ и выдѣляя изъ себя время отъ времени абсолютныя трѣсты перваго класса, уже вполне опредѣлившіеся, громадное большинство остальныхъ все еще ищетъ болѣе практичныхъ путей и болѣе цѣлесообразныхъ методовъ для того, чтобы выработать нѣчто болѣе прочное и совершенное, нѣчто такое, что, не принимая формы абсолютнаго трѣста, въ то же время обладало бы болѣе устойчивой жизнеспособностью и не зависѣло бы такъ всецѣло отъ дѣловаго характера входящихъ въ соглашеніе личностей. До самаго послѣдняго времени, до успѣха сахарнаго и мясного трѣстовъ,

этого не удавалось достигнуть: — примѣнялись и пробовались самыя разнообразныя формы организаціи, и все-таки дѣло въ концѣ концовъ неизмѣнно сводилось къ тому, что всякое такое соглашеніе состоитъ всякую минуту въ прямой зависимости отъ усмотрѣнія участниковъ; — одинъ членъ, почему-либо недовольный, отступая отъ соглашенія, могъ сразу сдѣлать продолженіе его невозможнымъ. Одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ организаціи такихъ комбинацій — въ американскомъ языкѣ уже появилось для ихъ опредѣленія новое, въ примѣненіи именно къ нимъ и въ отличіе ихъ отъ абсолютныхъ трѣстовъ, слово combine — является уплата всѣми членами впередъ въ кассу организаціи известной суммы, болѣе или менѣе значительной, которая можетъ быть конфискована резолюціей исполнительной власти организаціи за доказанный фактъ нарушенія участникомъ какаго-либо изъ установленныхъ ею правилъ. Оштрафованный такимъ образомъ членъ обязанъ немедленно пополнить сумму штрафа, — иначе онъ исключается изъ организаціи. Исполнительная власть вручается обыкновенно выборному совѣту директоровъ, состоящему изъ пяти-семи членовъ — иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, единоличной власти президента организаціи. Само собой разумѣется, что всегда и вездѣ главнымъ факторомъ является степень довѣрія участниковъ какъ другъ къ другу, такъ и къ выборной исполнительной власти организаціи. Общее пониженіе дѣловой морали, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, сказывается на каждомъ шагѣ именно въ отсутствіи достаточной степени довѣрія въ обоихъ случаяхъ. Участники и не довѣряютъ одинъ другому, и не довѣряютъ своему же выборному центральному управленію; — подозрѣнія, нерѣдко безусловно неосновательныя, постоянно отравляютъ отношенія, осложняютъ дѣло и очень часто приводятъ къ распаденію организацій. Въ штатѣ Калифорніи и въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ нѣтъ въ сущности ни одного производства, которое бы не было комбинировано такъ или иначе; — въ нѣкоторыхъ эти комбинаціи за послѣднее десятилѣтіе организовались и распались по нѣскольку разъ. Мясники, оптовые и розничные, булочники, молочники, даже мелочные бакалейщики — всѣ эти отрасли организованы, и цѣна ихъ продуктовъ опредѣляется и регулируется центральными управленіями. Въ строительномъ дѣлѣ имѣются организаціи лѣсопиловъ, лѣсо-торговцевъ, производителей разнаго рода кирпича, извести, водяныхъ, газовыхъ и электрическихъ приспособленій, кровельной драни и черепицы, гальванизированнаго желѣза и жести, наконецъ всей деревообрабатывающей промышленности. Организованы

банки, извозчики, отели, рестораны, паровыя прачешныя; даже у докторовъ, ветеринаровъ и аптекарей существуютъ соглашенія относительно цѣнъ за извѣстнаго рода услуги публикѣ. Словомъ, обыватель всюду и вездѣ встрѣчаетъ въ своихъ жизненныхъ издержкахъ болѣе или менѣе стойкія цѣны; конкуренція такъ или иначе устранена, и у него остается только свобода выбора того или другого профессионала, той или другой фабрики или лавки,—цѣна же въ сущности одинакова, куда бы онъ ни обратился. Тотъ же порядокъ вещей существуетъ и на рабочемъ рынкѣ. Ремесленные союзы, слѣдя по стопамъ промышленныхъ и торговыхъ трѣстовъ, также стремятся главнымъ образомъ къ абсолютному контролю рабочаго рынка, къ монополіи на требуемый въ ихъ производствахъ трудъ. За послѣднее десятилѣтіе рабочей вопросъ въ С.-А. С. Штатахъ сведенъ въ сущности къ тому, чтобы уничтожить трудъ несоюзный—то меньшинство, которое уклоняется отъ организаціи и которымъ искусно пользуется капиталъ для подрыва союзныхъ вліяній. Преслѣдуя главнымъ образомъ эту цѣль и нерѣдко не останавливаясь ни передъ чѣмъ для ея достиженія, ремесленные союзы въ своихъ современныхъ методахъ мало чѣмъ отличаются отъ трѣстовъ и въ практикѣ своей дѣятельности, и въ достигаемыхъ ими результатахъ, и въ своемъ воспитательномъ значеніи въ общественной жизни.

III.

Лѣсное и деревообрабатывающее дѣло тихоокеанскаго побережья, какъ по суммѣ затраченнаго на него капитала, такъ и по числу занятыхъ имъ рабочихъ, является, безспорно, главной и далеко преобладающей промышленностью всего дальняго запада Америки. Особенныя, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ не повторяющіяся, почвенныя и климатическія условія этого побережья дали ему нѣсколько лѣсныхъ породъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся—красное дерево ¹⁾, орегонскую, желтую и сахарную сосну. Всѣ эти мѣстныя породы отличаются

¹⁾ Redwood. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что называютъ въ Россіи краснымъ деревомъ, употреблявшимся въ старину для выдѣлки цѣнной мебели, породы тропической, растущей на Вестъ-Индскихъ островахъ и въ Центральной Америкѣ и называемой здѣсь mahogany. Redwood—видъ сосны, sequoia, съ темно-красной сердцевиной, дерево, достигающее огромныхъ размѣровъ и высоты, довольно мягкое и употребляемое здѣсь для всѣхъ родовъ внутренней и наружной отделки какъ жилыхъ домовъ, такъ и всякихъ другихъ сооруженій.

прежде всего удивительнымъ богатствомъ и густотой лѣсонасаждения — деревья достигаютъ огромной высоты и толщины, и растутъ, буквально, одно на другомъ, такъ что эвръ дѣвственнаго лѣса нашего побережья даетъ въ 10 и даже въ 20 разъ больше дерева, чѣмъ какая-либо порода востока и Европы. Разсчитываютъ, что на тихоокеанскомъ побережьѣ, несмотря на относительную незначительность пространства его лѣсной территоріи, остается больше, чѣмъ двѣ трети всего стоячаго лѣса, которымъ располагаетъ теперь весь Сѣверо-Американскій Союзъ. Лѣсная полоса довольно рѣзко ограничена, и включаетъ въ себя отчасти центральную и всю сѣверную часть штата Калифорніи и приморскія части, на западъ отъ Каскадныхъ горъ, штатовъ Орегона и Вашингтона. На самомъ сѣверѣ послѣдняго сосновой породы исчезаютъ и замѣняются кедромъ—spanish cedar—и елью и спрусомъ. Лѣсъ, тесъ, кровельная дрань, шпалы, телеграфные и телефонные столбы, кромѣ пополненія внутренняго рынка, вывозятся въ огромныхъ количествахъ на всѣ острова Тихаго океана, въ Австралію, Китай, Японію, Сибирь, — чѣмъ занять значительный парусный и отчасти паровой флотъ, около 500 судовъ, — а также на всѣ рынки востока Союза, и все это дѣло организовано въ нѣсколько трѣстовъ и комбинацій, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собою. Вся деревообрабатывающая промышленность тихоокеанскаго побережья получаетъ свой сырой матеріалъ отъ нихъ — только нѣкоторыя дорогія породы для роскошной внутренней отдѣлки идутъ изъ Мексики и Центральной Америки — и, будучи въ свою очередь организована, находится съ ними въ самой тѣсной аффилиаціи: трудно разграничить, гдѣ начинается и гдѣ кончается дѣятельность организацій обоихъ родовъ, такъ онѣ сплетены между собою многочисленными постоянными и временными договорами и соглашениями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредствующимъ звеномъ служатъ лѣсоторговцы, также организованные въ различныхъ мѣстностяхъ въ особыя комбинаціи, состоящія въ тѣсной связи съ лѣсопильнымъ дѣломъ, съ одной стороны, и съ деревообрабатывающимъ — съ другой. Дѣтъ пять тому назадъ, деревообрабатывающіе заводы Калифорніи образовали особую организацію, которая, благодаря разнообразію и разрозненности интересовъ, не была особенно успѣшной, и хотя и выработала обширную программу и цѣлый сводъ руководствующихъ производствомъ установленій, не была въ состояніи слѣдить за приведеніемъ ихъ въ исполненіе: —внутренніе раздоры не прекращались, установленныя цѣны не соблюдались, и неумѣренная конкуренція вызвала нѣсколько

банкротствѣ, несмотря на то, что потребность въ строительномъ матеріалѣ была громадна, такъ какъ строительныя операціи все расширялись. Фабрики были завалены заказами, были вынуждены работать по ночамъ, и все-таки къ концу года, вмѣсто дивидендовъ, оказывались дефициты. Въ томъ же положеніи были и лѣсопильныя и лѣсоторговныя комбинаціи. Во-первыхъ, не было довѣрія другъ къ другу между членами; во-вторыхъ, управленіе центральными органами было связано разными многочисленными совѣтами и директоратами; рѣшенія по разнымъ вопросамъ требовались немедленно, а на созваніе совѣта нужно было время, его члены могли быть въ отлучкѣ или больны, и исполненіе всѣхъ требовавшихся формальностей для обязательнаго постановленія часто откладывало все дѣло въ дальній ящикъ и тормозило успѣхъ самымъ существеннымъ образомъ. Лѣсная торговля и деревообрабатывающая промышленность нашей части штата особенно страдали, благодаря самой чувствительной разницѣ въ положеніи рабочаго вопроса сравнительно со штатами Орегономъ и Вашингтономъ. Тогда какъ у насъ приняты восьмичасовой рабочей день, на сѣверѣ все еще въ силѣ десяти- и даже одиннадцатичасовой. У насъ нѣтъ зимы, и работа идетъ круглый годъ,—тамъ же заводы закрываются совсѣмъ на зиму, и заводчикъ наговяетъ время длиннымъ рабочимъ днемъ лѣтомъ. Ремесленные союзы у насъ гораздо сильнѣе и гораздо прочнѣе организованы, чѣмъ въ городахъ Портлендѣ и Сіэтлѣ, и заработная плата тамъ соответственно ниже, и останется ниже на долгое время, благодаря отчасти и сравнительной дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ потребностей. Намъ приходится платить машинисту четыре доллара за восемь часовъ, тогда какъ въ Портлендѣ онъ довольствуется тремя и даже двумя съ половиной за одиннадцать. У насъ нѣтъ своего лѣса, и приходится привозить его съ сѣвера же,—а обработанный тесъ вѣсить меньше необработаннаго,—его провозъ, слѣдовательно, дешевле,—и вотъ мы быстро очутились въ такомъ положеніи, что могли конкурировать съ этимъ сѣверомъ только въ убытокъ себѣ. Получились невыносимыя дѣловыя условія, цѣлая революція, происшедшая и очень быстро, и, главное, вполне неожиданно для громаднаго большинства нашихъ заводчиковъ, людей недостаточно дальновидныхъ;—ниже мнѣ придется дать ихъ общую характеристику, и читатель будетъ въ состояніи и самъ сопоставить факты и оцѣнить положеніе. Несмотря на то, что въ нашемъ, напимѣръ, городѣ, въ теченіе всего 1902 года производилось новыхъ построекъ слишкомъ на миллионъ долларовъ въ мѣсяцъ и работы было

всѣмъ по горло, къ декабрю многіе заводы были въ неоплатномъ долгу, и съ началомъ 1903 года всѣмъ ясно стало, что безъ общихъ мѣръ ожидать какаго бы то ни было улучшенія нельзя. Абсолютная необходимость болѣе цѣлесообразной, болѣе консолидированной организаціи была очевидна, — и такой организаціи, которая, контролируя внутреннюю, домашнюю конкуренцію, въ то же время ограждала бы наши заводы и отъ внѣшней, сѣверной. Хотя нѣкоторыя отдѣльныя предпріятія и понимали положеніе дѣла вполне, они были совершенно бессильны исправить его хоть сколько-нибудь. Быстро и радикально измѣнились общія индустріальныя условія всей деревообрабатывающей промышленности обширной мѣстности, и измѣнились настолько, что для ихъ исправленія оказались необходимыми новыя методы.

Я умышленно остановился такъ подробно на этомъ фактѣ, такъ какъ онъ очень картинно иллюстрируетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ силъ, которыя создали современные тресты и комбинаціи и оказываются такими всемогущими въ коренномъ политико-экономическомъ переустройствѣ всей нашей промышленной и коммерческой дѣятельности. Комбинація факторовъ и ихъ относительное значеніе могутъ быть различны въ различныхъ мѣстностяхъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности и торговли, но результатъ получается одинъ и тотъ же — необходимость организаціи въ той или другой формѣ. Было бы крайне поучительно изучить и опредѣлить, что именно вызвало первые тресты въ странѣ, — а въ настоящее время, когда ими охвачено почти все, ни одна отрасль уже не можетъ избѣжать обращенія къ нимъ же. До австро-прусской войны 1866 г. — всѣ страны довольствовались пистонными ружьями; послѣ нея — оставалось только или ввести игольчатые, или распустить армію. Съ пистоннымъ ружьемъ она была абсолютно бесполезна.

И калифорнскіе деревообрабатывающіе заводчики не могли съ теченіемъ времени не понять всего этого. И имъ пришлось или закрыть свои заводы, или присоединиться къ общему движенію и основательно организовать. Произошло нѣсколько митинговъ, составлена была новая конституція организаціи, и дѣло остановилось на нѣкоторое время за исполнительнымъ главой, пока, наконецъ, мнѣ не пришлось взять на себя эту роль. Я былъ человѣкомъ совершенно новымъ въ этомъ производствѣ въ нашей мѣстности, къ тому уже лѣтъ восемь удалившимся отъ всякой активной дѣятельности, — тѣмъ не менѣе, выборъ остановился упорно именно на мнѣ, главнымъ образомъ вѣроятно потому, что я не былъ причастенъ старымъ ссорамъ и столбно-

веніямъ; свѣжій человекъ былъ необходимъ, такъ какъ только въ такому человеку всѣ члены организаціи могли относиться съ довѣріемъ и безъ камня за пазухой. Послѣ выбора рѣшено было отказаться отъ какихъ-либо совѣтовъ или правленій и предоставить исполнительную власть президенту-главноуправляющему, съ правомъ дѣлать обязательныя постановленія единолично и немедленно приводить ихъ въ исполненіе. Съ этого и началась въ апрѣлѣ 1903 года моя работа; съ теченіемъ времени мы вступили въ соглашеніе и съ лѣсопилами побережья, и съ лѣсо-торговцами, и организація съ ея аффилиаціями разрослась во всѣхъ направленіяхъ, обнявъ все лѣсное и деревообрабатывающее дѣло Калифорніи.

Первоначальнымъ ядромъ организаціи были, какъ выяснено выше, деревообрабатывающіе заводчики штата Калифорніи, около 30 фирмъ съ 65—70 членами. Со всѣми ими я находился въ постоянномъ личномъ соприкосновеніи, и имѣлъ полную возможность изучить ихъ со всѣхъ сторонъ весьма основательно. Лѣсопила и лѣсоторговцы, помимо принадлежности къ нашей, имѣютъ и свои отдѣльныя организаціи, и я состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ихъ представителями, президентами и главноуправляющими, выборными совѣтами и директоратами, съ которыми тоже успѣлъ всесторонне ознакомиться,—съ рядовыми ихъ членами сношенія у меня были рѣже, только на общихъ собраніяхъ ихъ организацій, но все-таки значительное ихъ большинство я тоже знаю лично. Ихъ нѣсколько сотъ, и во всей ихъ средѣ, ведущей безспорно самое важное и самое большое промышленное и торговое дѣло всего нашего побережья, за исключеніемъ двухъ-трехъ европейцевъ, нѣтъ положительно ни одного образованнаго человека, нѣкоторые прямо малограмотны. Всѣ начали свою жизненную карьеру простыми рабочими—выучились ремеслу, уже зарабатывая свой хлѣбъ, и затѣмъ выдвинулись изъ рядовъ и перешли въ разрядъ хозяевъ-заводчиковъ исключительно благодаря своимъ личнымъ способностямъ и энергіи. Все тихоокеанское побережье—страна очень молодая, въ которой еще не успѣла образоваться наслѣдственная переходимость дѣловыхъ предпріятій. Большинство, конечно, кровные американцы—но немало между ними и европейцевъ—эмигрантовъ перваго поколѣнія—нѣмцевъ, англичанъ, ирландцевъ, французовъ, даже русскихъ двое—вашъ покорный слуга и таковой же когда-то гвардейскій офицеръ съ немалымъ числомъ декорацій на груди. Самый крупный изъ деревообрабатывающихъ заводчиковъ—еще сравнительно молодой человекъ, лѣтъ тридцати-пяти, всего

пятнадцать лѣтъ тому назадъ вывозилъ на тачкѣ стружки изъ-подъ строгальной машины, съ жалованьемъ въ пять долларовъ въ недѣлю, въ нашемъ же городѣ. Самый энергичный и дѣловитый—двадцать лѣтъ тому назадъ бѣжалъ изъ Ирландіи безъ гроша и чуть не задохся въ угольномъ трюмѣ парохода, куда спрятался отъ полиціи, разыскивавшей его за то, что онъ пырнулъ ножомъ въ бокъ хозяина-столяра, у котораго былъ въ учени. Два партнёра-лѣсопила, въ настоящій моментъ владѣющіе самымъ большимъ заводомъ нашего побережья, съ сотнями тысячъ акровъ лѣсовъ и цѣлой самостоятельной желѣзнодорожной системой, собственностью, въ общей сложности стѣящей свыше пяти милліоновъ долларовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ были чернорабочими поденщиками,—теперь же они живутъ въ настоящихъ дворцахъ въ Санъ-Франциско, женились на дѣвушкахъ изъ хорошаго круга, и только очень, очень рѣдко, и то при самомъ внимательномъ наблюденіи, можно замѣтить въ ихъ обращеніи и разговорѣ мимолетныя остатки старыхъ временъ. Одинъ изъ нихъ даже сдѣлался крупнымъ меценатомъ въ области искусства—покупаетъ ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ почему-либо выдающихся картинъ и уже составилъ себѣ завидную картинную коллекцію. Самый крупный лѣсоторговецъ южной Калифорніи, нѣмецъ, обратившій свое дѣло въ корпорацію, дабы еще при жизни выдѣлать извѣстныя части своему многочисленному потомству, повезъ прошлымъ лѣтомъ свою жену умирать на родину, въ Вюртембергъ,—и старушка, дѣйствительно, скончалась тамъ, въ крестьянской нѣмецкой избѣ, тогда какъ ея сыновья ворочаютъ здѣсь милліонами. Несмотря на самыя тщательныя развѣдки, я не могъ открыть въ числѣ нѣсколькихъ сотъ моихъ соработниковъ, вожаковъ этихъ огромныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, ни одного человѣка, который пользовался бы преимуществами рожденія, воспитанія, образованія, состоянія. Всѣ они вышли изъ рядовъ, изъ тѣхъ же рабочихъ, свыше сотни тысячъ которыхъ работаютъ теперь на нихъ самихъ. Громадное ихъ большинство принадлежали сами когда-то къ различнымъ ремесленнымъ союзамъ. Нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ въ нашихъ засѣданіяхъ, при обращеніяхъ ко мнѣ или другимъ сочленамъ, не могутъ отвыкнуть отъ употребленія слова brother, братъ, обязательнаго при обращеніяхъ въ засѣданія этихъ союзовъ. И, само собой разумѣется, хотя многіе изъ нихъ давно освоились съ своимъ благопріобрѣтеннымъ положеніемъ хозяина-заводчика, хотя одно это положеніе уже достаточно аттестуетъ ихъ выходящія изъ ряда способности и

энергію, тѣмъ не менѣе огромное большинство все еще неспособно вполне и всесторонне оцѣнивать всѣ потребности этого положенія во всякій данный моментъ, слѣдить за быстрой эволюціей и техники, и дѣловыхъ осложненій, и отзываться—и своевременно, и цѣлесообразно—на непрерывно колеблющіяся и измѣняющіяся требованія и производства, и рынка. Одни выдвинулись благодаря своему умѣнью купить, другіе—благодаря умѣнью продать, третьи—умѣнью ладить съ рабочими и способности добиться отъ нихъ высокой степени производительности; четвертые—благодаря своему знанію технической части или организаторскимъ способностямъ въ распредѣленіи работы именно такъ, что она обходится имъ особенно дешево,—но только у очень немногихъ и рѣдкихъ исключеній имѣется соединеніе этихъ способностей въ связи съ промышленной и торговой дальновидностью и умѣньемъ пользоваться всѣми благоприятными обстоятельствами въ одно и то же время. Для этого у нихъ не хватаетъ ни общаго развитія, ни теоретическихъ знаній, ни способности правильно понимать различіе между причинами и результатами. Я знаю систему каждой фабрики, знаю отношеніе на нихъ хозяевъ къ рабочимъ и наоборотъ, знаю главные характеристическія особенности каждаго вожака—у однихъ идутъ особенно хорошо извѣстныя особенности дѣла, у другихъ—другія, у третьихъ—третьи,—и въ то же время каждая фабрика хромаетъ болѣе или менѣе въ томъ или другомъ отношеніи. Я всегда считалъ себя экспертомъ въ американскомъ лѣсопильномъ и деревообрабатывающемъ производствѣ,—и только теперь, получивъ возможность сразу слѣдить и изслѣдовать результаты дѣятельности нѣсколькихъ десятковъ промышленныхъ предпріятій самаго разнообразнаго калибра, понялъ, какъ мало, сравнительно, въ сущности я зналъ это производство во всѣхъ его фазахъ. Каждый день приходилось открывать что-нибудь новое, что-нибудь такое, что навсегда остается закрытымъ для владѣльца отдѣльнаго предпріятія и что поддается изученію только при возможности сравнительныхъ методовъ и только для людей вполне посвященныхъ во всѣ перипетіи дѣла и могущихъ одновременно слѣдить за вліяніями однихъ и тѣхъ же факторовъ при различныхъ условіяхъ производства. Люди, стоящіе во главѣ современныхъ американскихъ промышленныхъ трестовъ и способные правильно оцѣнивать вліянія и результаты различныхъ общихъ индустриальныхъ факторовъ нашего времени, приобрѣтаютъ такой цѣнный запасъ знаній, какой недоступенъ никому другому,—и благо имъ, если они не пускаютъ его въ ходъ въ ущербъ своимъ же сочленамъ!

Далеко не одинаковы, конечно, и средства, и приспособленія, и техническія и машинныя способности различныхъ предпріятій. Большія, дѣйствительно первоклассныя во всѣхъ отношеніяхъ машины очень дороги, и, хотя окупаются скоро, требуютъ для этого извѣстнаго обеспеченнаго размѣра производства, — небольшія фабрики не могутъ рассчитывать на успѣхъ съ ними, и вынуждены конкурировать, обладая только машинами съ меньшей производительностью. Извѣстный заказъ, попадая на фабрику со всѣми необходимыми для него приспособленіями, при извѣстной цѣнѣ дастъ хозяину хорошій барышъ, тогда какъ на другой, не обладающей всѣмъ нужнымъ, онъ дастъ только убытокъ. Затѣмъ огромное вліяніе на успѣхъ дѣла имѣетъ и способъ покупки сырого матеріала. Заводъ съ большими средствами или установленнымъ кредитомъ — что у насъ въ сущности одно и то же — можетъ покупать свое дерево оптомъ, вагонами или даже судовыми грузами прямо съ сѣвера, тогда какъ небольшая фабрика съ недостаточнымъ оборотнымъ капиталомъ вынуждена покупать его у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ, часто съ большими приплатами за разсрочку платежей и по болѣе высокой, сравнительно съ рыночной за наличныя, цѣнѣ. Вотъ эти-то особенности и неравномѣрности, и личныя, и техническія, и матеріальныя, въ связи съ тѣми факторами, которые я выяснилъ въ предыдущихъ главахъ, и помимо разорительности конкуренціи внѣшней и внутренней, и вынуждаютъ современную американскую промышленность къ организаціи. Конечно, у сильнаго больше средствъ и, повидимому, больше вѣроятности осилить слабого въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, — но и слабый, если почему-либо пользуется извѣстными благоприятными случайностями, обыкновенно личной энергіей и способностями руководителей, нерѣдко можетъ довести до разоренія и сильнаго, — и вотъ эта-то неизвѣстность, эта-то возможность неуспѣха при всякой борьбѣ и гонить въ организацію съ одинаковой силой и сильныхъ, и слабыхъ. Таково, по крайней мѣрѣ, положеніе лѣснаго дѣла и на нашемъ побережьи, и по всей Америкѣ, и потому-то организація во что бы то ни стало, несмотря на всѣ трудности ея устройства и поддержки, несмотря на преимущества особенно благоприятно обставленныхъ предпріятій, составляетъ главную и жгучую злобу дня и возобновляется неминуемо, несмотря на многочисленныя неудачи; — то положеніе, что безъ нея успѣхъ абсолютно невозможенъ, уже сдѣлалось аксіомой для всякаго дѣловаго американца.

относительно зарегистрированія присяжной ежегодной финансовой отчетности, поддаются болѣе или менѣе систематичной статистикѣ. Вторые, несравненно болѣе многочисленныя, представляютъ собою секретныя соглашенія и не поддаются никакимъ изслѣдованіямъ. Пресса и публика обыкновенно только случайно узнаютъ объ ихъ существованіи и функціяхъ, и сколько-нибудь достоверныхъ статистическихъ данныхъ о нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Только сами участники знаютъ правду, и только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, при острыхъ ссорахъ между ними самими, такіе секреты выходятъ на свѣтъ. Я уже много лѣтъ собираю всѣ доступныя статистическія данныя о нашихъ трѣстахъ изъ всевозможныхъ источниковъ, тщательно проверяя ихъ одни другими. Многіе трѣсты опаздываютъ съ своими отчетами, и потому что - либо общее можно составить изъ данныхъ только не ближе двухъ лѣтъ тому назадъ, — тѣ цифры, которыя я привожу ниже, относятся къ январю 1904 г.

Хотя желѣзнодорожныя комбинаціи по своей организаціи и не представляютъ трѣстовъ абсолютныхъ, избѣгая столкновеній съ закономъ, тѣмъ не менѣе онѣ прочнѣе другихъ и по своей дѣятельности и вліянію на нашу жизнь совершенно съ ними тождественны, и относительно ихъ существуютъ весьма точныя статистическія данныя, такъ какъ всѣ американскія желѣзныя дороги обязаны представлять весьма подробную, строго систематизированную ежегодную отчетность и федеральной Interstate Commerce Commission, и штатнымъ контрольнымъ учрежденіямъ. Несмотря на четверть вѣка упорнѣйшаго законодательнаго противодействія желѣзнодорожной консолидаціи, всякая сколько-нибудь дѣйствительная конкуренція въ американскомъ желѣзнодорожномъ мѣрѣ совершенно искоренена, и ограничивается большей или меньшей скоростью сообщеній, различіями въ удобствахъ пассажировъ, срочностью грузовъ и т. д., — цѣна же на одинаковыя разстоянія всюду одинакова. Тѣ времена, когда соперничавшія желѣзныя дороги везли пассажира отъ Нью-Йорка до Чикаго, или отъ Чикаго до Миннеаполиса, или даже отъ Чикаго до Лосъ-Анжелеса, разстояніе въ 3.300 верстъ, за одинъ долларъ, а бочку муки отъ Миннеаполиса до Нью-Йорка за десять центовъ, — прошли безвозвратно. Чрезвычайно поучительно, что въ исторіи желѣзнодорожнаго развитія и тарифовъ Сѣверо-Американскій Союзъ шелъ совершенно по слѣдамъ Англіи, пережилъ тѣ же фазисы и пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. И въ Англіи періодъ 1836 — 1872 годовъ прошелъ въ свирѣпой конкуренціи, въ правительственномъ поощреніи ея и въ за-

тратѣ огромныхъ капиталовъ на постройку параллельныхъ конкуррирующихъ линий. Но уже въ теченіе семидесятихъ годовъ тѣ нѣсколько сотъ отдѣльныхъ компаній, которыя въ теченіе сороковыхъ годовъ владѣли всего пятью тысячами миль желѣзнодорожныхъ путей, сократились на 12, владѣвшихъ уже 13 тысячами миль, а въ 1904 г. и эти 12 консолидировались въ 6, владѣющихъ 15 тысячами миль. Оказалось, что всякая желѣзнодорожная линія составляетъ сама по себѣ монополію, и что постройка параллельныхъ линий отнюдь не обезпечиваетъ конкуренціи, хотя несомнѣнно сводится въ концѣ концовъ къ безмысленной потерѣ затраченнаго на ихъ постройку капитала. Совершенно тѣ же фазы и тѣ же явленія были пережиты и американскими желѣзными дорогами, и къ 1-му января 1904 г. онѣ представляли собой слѣдующія немногія комбинаціи:

	Число миль:	Число вошедшихъ въ ея составъ отдѣльныхъ компаній:	Капитализація:
1. Группа Моргана . . .	47.206	225	\$ 2.265.116.350.00
2. Группа Кассата . . .	19.300	280	\$ 1.822.402.335.00
3. Группа Гульда . . .	28.157	185	\$ 1.368.877.540.00
4. Группа Харизана . . .	22.943	85	\$ 1.321.243.711.00
5. Группа Вандербильта.	21.888	132	\$ 1.169.196.132.00
6. Группа Мура	25.092	91	\$ 1.070.250.939.00
Итого	164.586	998	\$ 9.017.016.907.00

Первая контролируетъ югъ и сѣверо-западъ; вторая — центральный востокъ; третья — центральный западъ; четвертая — тихоокеанское побережье; пятая — сѣверо-востокъ, и шестая — центръ и западъ.

Въ Союзѣ приблизительно 204.000 миль желѣзныхъ дорогъ, съ общей капитализаціей въ 12 билліоновъ долларовъ, — слѣдовательно, внѣ вышеперечисленныхъ шести комбинацій остается всего около 39.500 миль съ капитализаціей около 3 билліоновъ. Изъ нихъ около 15.000 миль связаны такъ или иначе одновременно съ двумя или болѣе изъ предыдущихъ шести крупныхъ группъ, — ихъ еще нельзя причислить къ которой-либо изъ нихъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, не самостоятельны и контролируются ими болѣе или менѣе, и ихъ полное поглощеніе той или другой группой есть только вопросъ самаго короткаго времени — нѣсколькихъ лѣтъ. По самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, послѣ 1-го января 1904 г., 42 компаніи съ капитализаціей въ \$ 380.277.000.⁰⁰ уже опредѣленно примкнули къ той или другой, и должны быть причислены къ нимъ. Независимыхъ компаній остается около

ларовъ раздѣлена, приблизительно, поровну между облигаціями и акціями, и далеко не всѣ дороги способны оплачивать проценты по облигаціямъ, — акціи же въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно бездоходны. Только дороги группъ Вандербильта и Кассата стоятъ на болѣе или менѣе прочномъ финансовомъ основаніи; всѣ остальные, съ самыми незначительными исключеніями, все еще время отъ времени находятся вынужденными увеличивать свою задолженность. Можно утверждать, не обинуясь, что отъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ до сихъ поръ наживались и наживаются ихъ организаторы и строители, управляющіе и подрядчики, а не ихъ владѣльцы-акціонеры. Только желѣзныя дороги небольшой, сравнительно, территоріи между верхнимъ Атлантическимъ побережьемъ и Аллеганскими горами и озерами Эри и Онтарио выбрались на торный путь финансового успѣха, и то почти исключительно благодаря хозяйственной расчетливости и дальновидности четырехъ поколѣній подрядъ семьи Вандербильтовъ. Все остальное — не что иное, какъ обремененная огромными долгами бездоходная спекулятивная собственность, весьма чувствительная ко всякимъ случайностямъ и въ особенности подверженная финансовымъ паникамъ. Ея дѣйствительные хозяева — не акціонеры, затратившіе свои капиталы на ихъ постройку, и не мѣстные въ районахъ ихъ работы люди, а дѣльцы-воротилы нью-іоркскаго денежнаго міра, у которыхъ нѣтъ ни умѣнья, ни охоты, ни интереса заниматься систематичной созидательной работой, а есть только спекулятивные инстинкты биржевыхъ хищниковъ.

Ни одна отрасль промышленности не доставила такъ много законодательной работы и федеральному, и штатнымъ правительствамъ, какъ желѣзнодорожное дѣло. Законодательство это пыталось и остановить, и задержать процессъ консолидаціи, и регулировать тарифы пассажирскіе и торговые, и подчинить правительственной регламентаціи разныя детали эксплуатаціи. Было время, когда лучшіе люди страны надѣялись подчинить желѣзныя дороги правительственному контролю, отнять у нихъ возможность пристрастно господствовать надъ обслуживаемою ими территоріей и создавать монополіи, оставивъ ихъ въ частномъ владѣніи. Опытъ цѣлаго полустолѣтія разочаровалъ ихъ въ этихъ надеждахъ. Хотя президентъ Рузвельтъ все еще обѣщаетъ лучшее будущее при посредствѣ законодательства, серьезные люди перестали вѣрить возможности какого-либо существеннаго улучшения этимъ путемъ безъ перемѣны всѣхъ основъ, считаютъ его въ лучшемъ случаѣ ничтожнымъ палліативомъ и все чаще и

тратѣ огромныхъ капиталовъ на постройку параллельныхъ конкуррирующихъ линий. Но уже въ теченіе семидесятихъ годовъ тѣ нѣсколько сотъ отдѣльныхъ компаній, которыя въ теченіе сороковыхъ годовъ владѣли всего пятью тысячами миль желѣзнодорожныхъ путей, сократились на 12, владѣвшихъ уже 13 тысячами миль, а въ 1904 г. и эти 12 консолидировались въ 6, владѣющихъ 15 тысячами миль. Оказалось, что всякая желѣзнодорожная линія составляетъ сама по себѣ монополию, и что постройка параллельныхъ линий отнюдь не обезпечиваетъ конкуренціи, хотя несомнѣнно сводится въ концѣ концовъ къ безмысленной потерѣ затраченнаго на ихъ постройку капитала. Совершенно тѣ же фазы и тѣ же явленія были пережиты и американскими желѣзными дорогами, и къ 1-му января 1904 г. онѣ представляли собой слѣдующія немногія комбинаціи:

	Число миль:	Число вошедшихъ въ ея составъ отдѣльныхъ компаній:	Капитализація:
1. Группа Моргана . . .	47.206	225	\$ 2.265.116.350.00
2. Группа Кассата . . .	19.300	280	\$ 1.822.402.335.00
3. Группа Гульда . . .	28.157	185	\$ 1.368.877.540.00
4. Группа Харimana . . .	22.943	85	\$ 1.321.243.711.00
5. Группа Вандербильта . . .	21.888	132	\$ 1.169.196.132.00
6. Группа Мура . . .	25.092	91	\$ 1.070.250.939.00
Итого .	164.586	998	\$ 9.017.016.907.00

Первая контролируетъ югъ и сѣверо-западъ; вторая — центральный востокъ; третья — центральный западъ; четвертая — тихоокеанское побережье; пятая — сѣверо-востокъ, и шестая — центръ и западъ.

Въ Союзѣ приблизительно 204.000 миль желѣзныхъ дорогъ, съ общей капитализаціей въ 12 билліоновъ долларовъ, — слѣдовательно, внѣ вышеперечисленныхъ шести комбинацій остается всего около 39.500 миль съ капитализаціей около 3 билліоновъ. Изъ нихъ около 15.000 миль связаны такъ или иначе одновременно съ двумя или болѣе изъ предыдущихъ шести крупныхъ группъ, — ихъ еще нельзя причислить къ которой-либо изъ нихъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, не самостоятельны и контролируются ими болѣе или менѣе, и ихъ полное поглощеніе той или другой группой есть только вопросъ самаго короткаго времени — нѣсколькихъ лѣтъ. По самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, послѣ 1-го января 1904 г., 42 компаніи съ капитализаціей въ \$ 380.277.000.⁰⁰ уже опредѣленно примкнули къ той или другой, и должны быть причислены къ нимъ. Независимыхъ компаній остается около

дѣтъ, онъ истощилъ и энергію, и средства цѣлыхъ тысячъ соперниковъ, и сдѣлалъ бесплодными усилія длиннаго ряда законодательныхъ противъ него мѣропріятій. Въ борьбѣ съ этимъ своимъ послѣднимъ дѣтищемъ вся Америка оказывается покуда совершенно безсильной.

Баснословное, не поддающееся хоть сколько-нибудь определеннымъ вычисленіямъ, богатство Рокфеллера и его сообщниковъ оказываетъ все болѣе и болѣе замѣтное вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ Союзѣ. Большинство желѣзнодорожныхъ комбинатовъ, включая группы Моргана, Гульда и Кассата, въ дѣйствительности, вѣроятно, вполне подлежатъ его контролю. Онъ же господствуетъ и въ стальномъ, мѣдномъ и свинцовомъ трѣстахъ, и въ большинствѣ крупныхъ кредитныхъ учреждений города Нью-Йорка.

Стальной трѣстъ—United States Steel Corporation—организованъ въ 1901 году, заключаетъ въ себѣ около 785 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ \$ 1.370.000.000⁰⁰. Онъ владѣетъ и огромными пространствами богатѣйшей въ Союзѣ желѣзной руды, и обширными каменноугольными и известковыми площадями, и цѣлымъ флотомъ пароходовъ на великихъ озерахъ, и многими значительными желѣзнодорожными линіями, и нѣсколькими стами стальныхъ заводовъ всякаго сорта и наименованія. Рыночная стоимость его бумагъ подвержена сильнымъ колебаніямъ и никогда не достигала номинальной—ея тахімум'омъ былъ итогъ въ \$ 1.265.000.000⁰⁰, мінімумъ спускался до \$ 700.000.000⁰⁰. Доходность стального трѣста еще не успѣла установиться,—до сихъ поръ она опредѣлялась отъ 70 до 130 м. въ годъ, но уходила почти цѣликомъ на скупку другихъ стальныхъ предпріятій, не вошедшихъ въ трѣстъ при его организаціи, и на улучшеніе, такъ что дивиденды были ничтожны. Дѣйствительная стоимость владѣемой имъ собственности до сихъ поръ служитъ пищей сильнымъ спорамъ. Тогда какъ скептики опредѣляютъ ее не болѣе какъ въ \$ 300.000.000⁰⁰, промышленные оптимисты оцѣниваютъ ее въ 1½ билліона и даже болѣе. Эта огромная разница въ оцѣнѣ происходитъ отъ различія взглядовъ на стоимость принадлежащихъ трѣсту рудъ. Его организаторы утверждаютъ, что руды эти составляютъ около 75% всѣхъ имѣющихся на континентѣ Сѣверной Америки, и что континентъ этотъ уже изслѣдованъ настолько, что никакихъ новыхъ сколько-нибудь существенныхъ открытій быть не можетъ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ въ рукахъ трѣста будетъ находиться почти абсолютная монополія всѣхъ источниковъ стали. Оппоненты же возражаютъ, что ничего подобнаго не существуетъ,

что новыя залежи руды отъкрываются ежегодно, и что всякая возможность монополіи въ этомъ направленіи—не что иное, какъ праздная мечта. Кто изъ нихъ правъ—разрѣшить только будущее, и я нарочно упомянулъ объ этомъ спорѣ; дабы уяснить, почему капитализація многихъ трѣстовъ по самой силѣ вещей можетъ и будетъ считаться и произвольной, и дутой:—основанія въ ней во многихъ случаяхъ также спорны и неопредѣленны. Достаточно сравнить вышеприведенныя цифры относительно бумажныхъ цѣнностей стального и нефтяного трѣстовъ, чтобы усмотрѣть, что какіе-либо общіе выводы въ этомъ отношеніи невозможны. Тогда какъ капитализація перваго превосходитъ второй въ 14 разъ, ихъ рыночная стоимость почти одинакова.

Утверждаютъ, что организація стального трѣста была вызвана главнымъ образомъ европейской, преимущественно нѣмецкой и англійской, конкуренціей на всемірномъ стальномъ рынкѣ. То, что она встрѣтила у себя дома гораздо меньше противодѣйствія, чѣмъ другіе трѣсты, объясняется стремленіемъ къ установленію болѣе прочныхъ цѣнъ на стальные издѣлія. Огромный ростъ стального дѣла въ Америкѣ за послѣднюю четверть вѣка сдѣлалъ сталь однимъ изъ излюбленныхъ предметовъ нью-іорьской биржевой спекуляціи и вызвалъ сильныя колебанія цѣнъ на нее, колебанія острыя и часто совершенно неожиданныя и необъяснимыя дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, вызывавшія быстрое обогащеніе однихъ и разореніе другихъ—и въ то же время сильно затруднявшія взятіе какихъ-либо подрядовъ на сколько-нибудь отдаленное будущее. Трѣстъ дѣйствительно упрочилъ цѣны, не поднимая ихъ.

Исторія организаціи стального трѣста существенно отличается отъ всѣхъ другихъ въ томъ отношеніи, что онъ не выросъ постепенно, а образовался цѣликомъ сразу. Организація эта, по громадности, разнообразію и множеству вошедшихъ въ нее отдѣльныхъ предприятий и по итогу капитализаціи представляла собою особенныя трудности и долго считалась недостижимой. Потребовались замѣчательныя организаторскія способности Джона Пирпонта Моргана и его вліяніе на всѣ американскія денежныя и промышленныя сферы, дабы довести ее до конца. Въ числѣ современныхъ американскихъ дѣльцовъ Морганъ занимаетъ единственное мѣсто,—равныхъ ему по смѣлости и находчивости людей у насъ нѣтъ. Онъ, какъ и Рокфеллеръ, стоитъ самъ по себѣ, внѣ сравненій, и о нихъ у насъ говорятъ и пишутъ за послѣднее время больше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, не исключая и президента Рузвельта.

Управленіе стальнымъ трѣстомъ чрезвычайно своеобразно. По своей организаціи онъ принадлежитъ отчасти къ типу security holding companies, — о которыхъ я говорилъ выше, — отчасти къ абсолютнымъ трѣстамъ, и добровольно публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе частые и очень подробные отчеты о всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности. Такая необычная откровенность успокаиваетъ общественное мнѣніе, и оно относится къ стальному трѣсту существенно мягче, чѣмъ къ трѣстамъ вообще. Дѣятельность различныхъ собственности и заводовъ стального трѣста не сведена къ одному знаменателю, — напротивъ, имъ предоставлена довольно широкая самостоятельность. Обобщены только производство и доставка сырыхъ матеріаловъ и продажа издѣлій, техника же дѣла и мѣстные дѣла — вродѣ рабочаго вопроса — предоставлены вполнѣ самостоятельности заводскихъ властей. Стальной трѣстъ — не абсолютная монархія, управляемая неограниченно центральнымъ управленіемъ, какъ Standard Oil Company или табачный трѣстъ, а федеральная республика, члены которой, отдѣльные заводы, подчинены центральному совѣту только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ общность управленія желательна и выгодна для цѣлаго. Рѣзко разграничены власти законодательная и исполнительная. До сихъ поръ дѣла стального трѣста, повидимому, процвѣтаютъ, хотя ему и пришлось уже пережить довольно острый промышленный кризисъ въ своей области.

Сахарный трѣстъ — American Sugar Refining Company — организованъ въ 1891 году, заключаетъ въ себѣ 145 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ \$ 145.000.000⁰⁰. Рыночная стоимость его бумагъ — около \$ 130.000.000⁰⁰, доходность — около 7%. Сахарный трѣстъ контролируетъ такъ или иначе все сахарное дѣло Союза, хотя публику и увѣряютъ, что существуютъ двѣ или три якобы самостоятельныя компаніи. Организованъ онъ чрезвычайно искусно и осторожно, ловко обходя разныя требованія закона, такъ что его отчетность не подлежитъ ни федеральному, ни штатному контролю, и онъ не публикуетъ своихъ годовыхъ отчетовъ, ведя все дѣло въ глубочайшей тайнѣ. И самый трѣстъ, и его руководитель, Хавемейеръ, отъявленный врагъ всякой публичности, очень непопуляренъ, хотя цѣны на сахаръ и стоятъ очень низкія, и, повидимому, сахарный трѣстъ или не расположенъ, или почему-либо не можетъ воспользоваться своей несомнѣнной монополіей для поднятія цѣнъ. Въ послѣднее время оптовая цѣна на сахаръ спускалась до трехъ центовъ за фунтъ, ниже, чѣмъ когда-либо прежде. С сахарномъ трѣстѣ публикѣ извѣстно меньше, чѣмъ о какомъ-

либо другомъ. Развитие свеклосахарнаго производства подавало бы надежду на конкуренцію, — но теперь уже извѣстно достоверно, что и оно перешло всецѣло въ руки трѣста.

Мѣдный трѣстъ — Amalgamated Copper Company — организованъ въ 1899 году, объединилъ въ себѣ 11 отдѣльныхъ предприятий и капитализированъ въ \$ 175.000.000⁰⁰, но рыночная стоимость его бумагъ не превосходила ста милліоновъ и подвержена частымъ и чрезмѣрнымъ колебаніямъ, а его доходность крайне проблематична. Исторія этого трѣста весьма поучительна. Онъ былъ основанъ младшимъ Рокфеллеромъ и Роджерсомъ, при участіи остальныхъ владѣльцевъ Standard Oil Company, съ откровенной цѣлью контроля добычи мѣди во всемъ мірѣ и поддержанія цѣнъ на нее. Самые крупные рудники трѣста находятся въ штатѣ Монтанѣ. Но, несмотря на безграничныя въ сущности средства и исключительныя дѣловыя способности его организаторовъ, несмотря на сравнительную немногочисленность залежей мѣдной руды, трѣстъ этотъ не только не имѣлъ успѣха, но и находится теперь въ безнадежномъ положеніи. Методы, создавшіе и упрочившіе нефтяной трѣстъ, оказались совершенно непригодными для контроля мѣднаго рынка. Добыча мѣди во всемъ мірѣ вычисляется въ 1.200.000.000 фунтовъ въ годъ (изъ нихъ въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ 535.000.000); изъ нихъ мѣдный трѣстъ контролируетъ 180.000.000, или около одной трети. Несмотря на всевозможныя усилія трѣста, на активную поддержку Ротшильдовъ, контролирующихъ богатѣйшіе мѣдные рудники Европы въ Рио-Тинто въ Испаніи, на огромную, постоянно возрастающую потребность на мѣдь въ Союзѣ, благодаря быстрому развитію электричества и всѣхъ основанныхъ на немъ отраслей промышленности, цѣна на мѣдь съ 19 центовъ за фунтъ въ 1899 г. упала до 10¹/₂ въ 1902 и не поднималась съ тѣхъ поръ выше 13-ти. Соперники мѣднаго трѣста и его европейскіе союзники оказались сильнѣе его въ томъ смыслѣ, что они, благодаря болѣе благоприятнымъ мѣстнымъ условіямъ для добычи мѣди, могли производить ее дешевле, чѣмъ трѣстъ, и заставили его продавать свой продуктъ въ убытокъ себѣ. Трѣстъ былъ съ самаго начала слишкомъ заносчивъ, слишкомъ много полагался на престижъ своихъ организаторовъ, предпочелъ войну соглашенію — и до сихъ поръ оказывается побитымъ на всѣхъ пунктахъ и отброшеннымъ далеко назадъ. Онъ дискредитированъ въ глазахъ публики, достигъ только прямо противоположныхъ своимъ намѣреніямъ результатовъ, и былъ вынужденъ прекратить дивиденды, хотя при своей организаціи

и обѣщаль публично 20% на свою капитализацію. Мѣдный рынокъ не только остался покуда свободнымъ, но и цѣна на мѣдь стоитъ упорно ниже стоимости ея производства трѣсту. Внимательное изученіе тѣхъ превратностей судьбы и паденія цѣнности бумагъ, которыя пережилъ мѣдный трѣстъ за семь лѣтъ своего существованія, доказываетъ неопровержимо, что факторы, которые вѣдѣйствуютъ на дѣятельность трѣстовъ, вообще очень многочисленны и все еще могутъ оказаться вполне неожиданными и неподлежащими предусмотрѣнію, какъ бы дѣловиты, опыты и ловки ни были ихъ организаторы. Еслибъ не магическое имя Рокфеллеровъ, мѣдный трѣстъ давно бы развалился окончательно, — онъ держится только благодаря ихъ господствующему и энергичному участію въ немъ и покуда успѣлъ только вызвать острое искусственное паденіе цѣны.

Мясной трѣстъ—Meat trust—не имѣетъ оффиціального имени, такъ какъ юридически не оформленъ и организованъ втайнѣ, хотя въ дѣйствительности и представляетъ собою одинъ изъ самыхъ прочныхъ и выгодныхъ трѣстовъ Америки. Федеральное правительство цѣлыхъ три года разслѣдовало преступное соглашеніе входящихъ въ его составъ предпріятій всѣми находящимися въ его распоряженіи способами; президентъ Рузевельтъ лично принялъ самое энергичное участіе въ направленіи этого разслѣдованія, — но всѣ эти усилія, несомнѣнно добросовѣстныя на этотъ разъ, оказались въ концѣ концовъ тщетными, и трѣстъ этотъ не только остался безнаказаннымъ, но и продолжаетъ свою дѣятельность съ большимъ успѣхомъ и понынѣ. — Основы соглашенія и способы распределенія дѣла и дѣлежа барышей между участниками такъ и остались тайными, — трѣстъ существуетъ и функционируетъ, но добратся до его секретовъ оказалось невозможнымъ. Извѣстно, что имъ объединены всѣ большія мясныя фирмы Союза; многія изъ нихъ сами по себѣ представляютъ крупныя консолидаціи прежде отдѣльныхъ предпріятій. Капитализація только восьми изъ нихъ достигаетъ \$ 94.150.000⁰⁰, хотя такія крупныя компаніи, какъ Кюдахай и Морриса, не включены въ этотъ итогъ. Мясной трѣстъ заключаетъ въ себѣ не только скотобойныя и консервирующіе мясо разнаго рода заводы, но и желѣзнодорожно-вагонныя компаніи—рефригераторы, — фабрики тузовъ изъ мясныхъ отбросовъ, клея, мыла и нѣсколькихъ другихъ специальностей. Его обороты и барыши громадны, и онъ безусловно контролируетъ цѣны во всемъ Союзѣ и на живой товаръ, и на всѣ сорта мяса и мясныхъ продуктовъ; онъ же контролируетъ

и всю американскую экспортную торговлю какъ живымъ скотомъ, такъ и мороженнымъ и консервированнымъ мясомъ.

Полное пораженіе правительства въ его преслѣдованіи мясного трѣста еще разъ доказало до очевидности абсолютную безуспѣшность какихъ-либо законодательныхъ мѣръ противъ трѣстовъ вообще, какова бы ни была форма ихъ организаціи. Когда, послѣ многолѣтней борьбы, законъ полагалъ, что добился того, что, для достиженія прочности посредствомъ юридической оформленности, трѣсты были таки наконецъ вынуждены публиковать свою отчетность, — сейчасъ же нашлись люди, которые сумѣли обойти и это требованіе закона. Были изобрѣтены такіе тайные методы, которые, доставляя имъ желательныя устойчивость и прочность и помимо юридической оформленности, въ то же время избавляли ихъ отъ публичности. Сахарный и мясной трѣсты были пионерами успѣшнаго примѣненія такихъ методовъ, и уже нашли себѣ многочисленныхъ подражателей, — что ясно изъ того, что за послѣдніе два-три года число юридически оформляющихся трѣстовъ чрезвычайно упало. Всякій трѣстъ прежде всего всячески избѣгаетъ публичности, избѣгаетъ привлеченія къ себѣ вниманія общественнаго мнѣнія. Публикованіе организаціи и, въ особенности, годичной отчетности подрываетъ спекулятивную способность ихъ бумажныхъ цѣнностей, — для успѣшной спекулятивной игры ими имъ нужна тьма, а не свѣтъ. Немало трѣстовъ распалось фактивно за послѣднее время, немедленно реорганизуясь втайнѣ, — соответственно этимъ вновь выяснившимся возможностямъ. Изворотливость нашихъ дѣльцовъ справляется шутя съ неповоротливостью и непрактичностью нашихъ законовъ.

VI.

Изъ всего вышневложеннаго читатель, вѣроятно, уже успѣлъ усмотрѣть и самъ, какъ трудно сдѣлать какіе-либо положительные общіе выводы относительно современныхъ американскихъ трѣстовъ. Въ моемъ распоряженіи, помимо продолжительнаго личнаго опыта, находится цѣлая масса самаго разнообразнаго печатнаго матеріала, кипы малодоступныхъ публикѣ отчетовъ, разобратся въ которыхъ болѣе или менѣе правильно я считаю себя вполне компетентнымъ, — тѣмъ не менѣе, у меня не хватаетъ смѣлости выводить общія заключенія, и я попытаюсь только описать въ общихъ чертахъ то вліяніе, которое они уже успѣли оказать на наши жизненныя условія.

Еще только пятнадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, признаніе трѣстовъ вообще злѣйшими врагами не только народнаго благосостоянія, но и всего американскаго государственнаго и общественнаго порядка и радикальная проповѣдь въ пользу ихъ немедленнаго искорененія были самой жгучей злобой дня и вынесли на поверхность нашей жизни немало реформаторовъ, общавшихъ публикѣ ихъ конечную гибель. И конгрессъ, и штатныя законодательныя органы были завалены сотнями и тысячами самыхъ удивительныхъ проектовъ съ этой цѣлью. Самозванымъ спасителямъ отечества не было счету и удержу, и чаевшая движенія воды легковѣрная наша публика платила имъ безпрекословно и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ огромныя деньги. Но весь этотъ трескучій политическій фейерверкъ оказался въ концѣ концовъ только новымъ успѣшнымъ выборнымъ фокусомъ, безвредной шумихой, балаганнымъ представленіемъ, неспособнымъ не только хоть сколько-нибудь измѣнить, но и задержать ходъ дѣла. Трѣсты и размножаются, и укрѣпляются, и постепенно вырабатываютъ болѣе прочныя, болѣе цѣлесообразныя формы организаціи и методы дѣятельности. Кромѣ того—и это, на мой взглядъ, является самымъ важнымъ симптомомъ послѣдняго времени—они успѣли сдѣлаться чисто народнымъ достояніемъ въ томъ смыслѣ, что всѣ классы населенія обратились теперь къ ихъ помощи. Если четверть вѣка тому назадъ они были дѣтищемъ исключительно крупныхъ капиталовъ, крупныхъ отраслей промышленности, то теперь они обнимаютъ собою всякое самое мелкое, чисто мѣстное дѣло. Если въ городкѣ—два булочника или два мясника или двѣ молочныя или желѣзныя лавки, они немедленно вступаютъ въ соглашеніе и образуютъ мѣстный булочный или мясной или молочный трѣстъ. Формы, методы, имена могутъ быть различны, но сущность остается та же. Идея проникла и привилась повсемѣстно даже къ земледѣльческимъ сферамъ. Производители пшеницы, масла, хлопка, апельсинновъ, клубники—всѣ организованы въ прочныя ассоціаціи и всѣ представляютъ потребителю сомкнутый фронтъ. Въ известной мѣстности онъ можетъ купить известный продуктъ только у центральной организаціи. Все объединено больше или меньше—и все стремится къ дальнѣйшему, еще болѣе тѣсному объединенію. Наиболѣе способные мѣстные люди заняты не войной съ объединяющими организаціями, какъ это было прежде, а ихъ упрощеніемъ и укрѣпленіемъ. Ремесленникъ или рабочій не можетъ не видѣть и начинаетъ сознавать, что и его союзъ стремится къ тому же и добивается тѣхъ же результатовъ. Въ то же время

онъ помѣщаетъ свои сбереженія въ бумажныхъ цѣнностяхъ тѣхъ же трѣстовъ—или самъ, или, чаще, при посредствѣ сберегательныхъ банковъ, отчеты которыхъ показываютъ ему, какъ помѣщены его деньги. Значительная часть тѣхъ 20 билліоновъ долларовъ капитала, которые помѣщены въ капитализаціи трѣстовъ, какъ было вычислено мной въ одной изъ предыдущихъ главъ, разошлась по всей странѣ. Изъ 168.000 рабочихъ стального трѣста, 27.000 состоятъ въ то же время и его акціонерами на цѣлыя десятки милліоновъ долларовъ. Пока газеты и политиканы воевали, трѣсты незамѣтно подрывали активную себѣ оппозицію прямымъ захватомъ разныхъ слоевъ народныхъ массъ. Принципиально отрицательное къ нимъ отношеніе общественнаго мнѣнія медленно, но вѣрно измѣнилось по мѣрѣ того, какъ публика мало-по-малу становилась сама непосредственно заинтересованной въ ихъ успѣхѣ. Карманъ—вездѣ и всегда очень односторонней моральности. Аудиторіи страстныхъ публичныхъ противниковъ трѣстовъ постепенно рѣдѣли и ограничиваются все больше и больше крайними непримиримыми элементами, недовольными всѣмъ современнымъ общественнымъ строемъ вообще. Народныя же массы осваиваются съ трѣстами, съ ихъ очевидной неизбѣжностью, и, по мѣрѣ распространенія и популяризаціи, такъ сказать, ихъ дѣятельности и вліяній, начинаютъ замѣтно измѣнять свое къ нимъ отношеніе. Эта перемѣна едвали подлежитъ теперь сомнѣнію. Отъ общей борьбы съ трѣстами осталась только застарѣлая традиціонная ненависть къ тѣмъ изъ нихъ, которые съ самаго начала привлекли къ себѣ почему-либо общественное вниманіе, какъ, напр., Standard Oil Company. Я лично думаю, что исключительная непопулярность Рокфеллера обусловливается главнымъ образомъ личными причинами—его несимпатичностью какъ человѣка, отвратительно сухими и жестокосердыми крайностями всѣхъ его методовъ. Его ненавидѣли бы и на всякомъ другомъ жизненномъ поприщѣ. Морганъ, самый яркій представитель новѣйшей формации организаторовъ и воротилъ трѣстовъ, несомнѣнно очень популяренъ среди нашихъ народныхъ массъ,—ему удивляются и аплодируютъ публично, не обвинуясь.

Американецъ по всей своей натурѣ прежде всего крайній индивидуализмъ. За все время его самостоятельной исторіи, ни одно политическое или политико-экономическое явленіе не имѣло такого сильнаго нивелирующаго вліянія именно противъ индивидуализма, какъ трѣсты. Они не только уничтожили десятки тысячъ самостоятельныхъ предпріятій, но и все болѣе и болѣе закрываютъ самый доступъ къ нимъ во всѣхъ отрасляхъ и по

всему Союзу. А эти самостоятельныя предпріятія, эта легкость сдѣлаться самому независимымъ хозяиномъ служили главной одушиной индивидуализму, удовлетворяли сильныя натуры. Съюзивъ самымъ существеннымъ образомъ этотъ выходъ, трѣсты кромѣ того ввели желѣзную дисциплину во всѣ охваченныя ими дѣла, требуютъ отъ своихъ служащихъ безпрекословнаго повиновенія. Я уже имѣлъ случай указать выше, какъ тяжелъ въ этомъ отношеніи гнетъ Standard Oil Company. По его стопамъ, больше или меньше, идутъ всѣ трѣсты. Не только ихъ успѣхъ, самое ихъ существованіе требуетъ абсолютизма, обусловлено слѣпымъ подчиненіемъ всего механизма распоряженіямъ руководителей. Стальной трѣстъ представляетъ въ этомъ отношеніи единственное исключеніе, — и знатоки дѣла думаютъ, что и онъ скоро будетъ вынужденъ покинуть свои новшества. Непомѣрно возвышая немногихъ, обладающихъ такъ важными для нихъ исключительными дѣловыми способностями, трѣсты самымъ безжалостнымъ образомъ нивелируютъ массы.

Въ этомъ направленіи на моихъ собственныхъ глазахъ за ту четверть вѣка, что я прожилъ въ Америкѣ, произошла здѣсь разительная перемѣна. Вступающій въ активную жизнь молодой человекъ имѣетъ теперь гораздо меньше шансовъ на самостоятельную дѣятельность въ будущемъ, чѣмъ 15 — 20 лѣтъ тому назадъ. И самое число самостоятельныхъ мелкихъ предпріятій значительно сократилось, и шансы ихъ на успѣхъ уменьшаются съ каждымъ годомъ. Разъ извѣстная отрасль начала объединяться въ извѣстной мѣстности, борьба отдѣльнаго предпріятія съ объединенными интересами становится очень трудной, такъ какъ такому предпріятію придется встрѣчаться на каждомъ шагѣ съ тѣми болѣе благоприятными частными условіями, которыми такъ или иначе пользуются эти объединенные интересы, и которыхъ оно не въ состояніи будетъ достигъ. Мѣстныя объединения и начинаются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, именно съ того, что выговариваютъ своимъ сочленамъ извѣстныя преимущества, поступаясь для достиженія этого сначала извѣстными сторонами своей самостоятельности, а затѣмъ обыкновенно и своимъ независимымъ существованіемъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ это уже дошло до того, что самостоятельный отдѣльный предприниматель сдѣлался прямо невозможнымъ. Таково водо- и газопроводное дѣло, всегда объединенное у насъ подъ именемъ plumbing business. Для того, чтобы заниматься имъ гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Союза, необходимо быть, съ одной стороны, членомъ водо- и газопроводнаго трѣста, съ другой — чле-

номъ водо- и газо-проводнаго ремесленнаго Союза. Оба эти учрежденія имѣютъ національныя, штатныя и мѣстныя организаціи, работаютъ совмѣстно, рука объ руку, и успѣли уже искоренить абсолютно все къ нимъ непринадлежащее. Посторонній имъ человекъ не можетъ купить за наличныя деньги никакого водо- или газо-проводнаго матеріала. Получило въ разныхъ концахъ Союза публичную огласку немало случаевъ, когда строившіе свои собственные дома удалившіеся отъ дѣлъ водо- и газо-проводчики ремесленники были лишены возможности сами произвести свою собственную работу, такъ какъ не могли купить нужнаго матеріала, — необходимо было сдѣлать ее на подрядъ водо- и газо-проводному Союзу.

Лучшіе люди Америки уже давно указываютъ на устарѣлость нашего государственнаго устройства. Оно остается безъ всякой перемены уже столѣтіе съ четвертью. За этотъ періодъ времени радикально измѣнились всѣ американскія жизненныя условія, и физическія, и соціальныя. Уничтожено разстояніе, и для сообщеній, и для сношеній; изобрѣтеніе пара и электричества и ихъ развитіе измѣнили существовавшее дотолѣ соотношеніе въ значеніи и вліяніи мускульной и головной работы; ускорился и обострился весь жизненный темпъ; измѣнился характеръ правящихъ классовъ и перемѣстился центръ воздѣйствія на какую бы то ни было власть. Развитіе капитализма, съ одной стороны, и объединеніе рабочихъ массъ, съ другой, вызвали въ жизни и на первый планъ новые могучіе политическіе факторы. Долгіе сроки между выборомъ и вступленіемъ въ должность новыхъ составовъ представительства и властей, непрямые выборы въ такіе важные органы правительственной власти, какъ федеральный сенатъ и должность президента Союза, назначеніе исполнительной властью — а не народный выборъ — федеральнаго судебного персонала, безотвѣтственность кабинета министровъ, двойныя палаты конгресса и штатныхъ легислатуръ и многія другія основы успѣли сдѣлаться вредными анахронизмами, и законодательные механизмы страны перестали соответствовать ея жизненному темпу и бѣшеной скачкѣ технической и политико-экономической эволюціи. Опытъ американскаго народа съ трѣстами доказалъ очевидно и наглядно, что механизмы эти перестали повиноваться народной волѣ и сдѣлались безсильными при новомъ порядкѣ вещей, и что новыя эти явленія требуютъ и новыхъ методовъ, — конституція, созданная столѣтіе съ четвертью тому назадъ, не въ состояніи справиться съ ними. Не она упра-

влететь страной, а эти новыя явленія, обратившія ее самое въ свое послушное орудіе;— конституція сдѣлалась фикціей, наборомъ красивыхъ фразъ, утратившихъ свою силу и значеніе. Ея либерализмъ и растяжимость, съ одной стороны, и мудрая, выработанная долгимъ опытомъ система организаціи и работы политическихъ партій, съ другой, сдѣлали возможнымъ то, что она существовала безъ перемѣнъ такъ долго,—но наступило такое время, когда ни то, ни другое уже не достаточно для народнаго благосостоянія и должно быть измѣнено соотвѣтственно новымъ требованіямъ. Я думаю, что въ выясненіи и сознаніи этой необходимости дѣятельность трѣстовъ сыграла главную роль.

Она же, принеся съ собою ускореніе и усиленіе скопленія огромныхъ богатствъ въ рукахъ небольшихъ людскихъ группъ и даже отдѣльныхъ личностей, вызвала къ жизни и новую страшную опасность для народнаго благосостоянія всей страны, это—увеличеніе значенія денежныхъ знаковъ. Утверждаютъ, что одинъ Рокфеллеръ контролируетъ бумажныя цѣнности стоимостью въ $5\frac{1}{2}$ билліоновъ долларовъ, въ связи же съ группой Моргана—въ 10 билліоновъ. Вычисляють, что денежныхъ знаковъ всякаго рода обращается во всемъ мірѣ не больше 12 билліоновъ долларовъ, изъ нихъ въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ—около 2-хъ билліоновъ. При обыкновенныхъ условіяхъ, этого итога денежныхъ знаковъ больше чѣмъ достаточно для правильнаго теченія дѣлъ—большая ихъ часть лежитъ неподвижно въ разныхъ казначействахъ и банкахъ. Въ Америкѣ же наличныя деньги вообще употребляются очень мало, такъ какъ вся дѣловая публика считаетъ бумажныя чеки гораздо болѣе удобнымъ и безопаснымъ орудіемъ торговаго и ежедневнаго обмѣна. Тѣмъ не менѣе, Рокфеллеръ, бросивъ на денежный рынокъ неожиданно всего незначительную часть контролируемыхъ имъ бумажныхъ цѣнностей, можетъ въ 24 часа вызвать самую ужасную панику—разорить кого и что ему угодно. Еще въ 1869 году Джэй Гульдъ, оперируя съ несравненно меньшими наличными средствами, чѣмъ тѣ, которыми теперь располагають въ Америкѣ цѣлыя сотни людей, и играя не на зажимку наличныхъ денегъ, а только на повышение курса на золото, вызвалъ умыленно въ трое сутокъ знаменитую „черную пятницу“, мгновенно разорившую больше народу, чѣмъ какой-либо денежный кризисъ прежде или послѣ. Въ Америкѣ биржевая игра не составляетъ достоянія только извѣстныхъ сферъ въ денежныхъ центрахъ,—въ ней принимаетъ участіе вся страна, милліонеры и рабочіе, и всякая паника отзывается остро и непосредственно въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ. Что же

могъ бы учинить теперь Рокфеллеръ, еслибъ его средства попали въ руки дѣльца такого сорта, какимъ былъ всю свою жизнь Гульдъ?

За послѣдніе года воротили нью-іорскаго денежнаго рынка все чаще и все сильнѣе „выдавливаетъ“ почтеннѣйшую публику періодическими зажимами наличныхъ денегъ и неожиданнымъ поднятіемъ учетнаго процента до 100 и даже 150%. Въ текущемъ году, несмотря на положительное отсутствіе какихъ-либо законныхъ основаній къ этому, уже продѣлано было нѣсколько такихъ „выдавливаній“ — squeezes. Воротили эти могутъ во всякое время, совершенно произвольно, и повторить Гульдовскую „черную пятницу“, и придать ей какіе нибъ заблагорасудится размѣры.

Рокфеллеръ, человѣкъ старый, — ему 67 лѣтъ, — хронически больной и очень слабый, тѣмъ не менѣе и до настоящаго момента держитъ исключительно въ своихъ рукахъ всѣ нити распорядка своимъ огромнымъ денежнымъ имуществомъ. Утверждаютъ, что его единственный сынъ не принимаетъ въ этомъ распорядкѣ никакого участія и не сочувствуетъ дѣлу отца. Повято, почему знатоки нью-іорской биржи опасаются, что даже смерть Рокфеллера, въ особенности если она будетъ внезапной, окажетъ острое и, по всей вѣроятности, весьма пагубное вліяніе на обычное теченіе дѣлъ въ Союзѣ. Это — Дамовловъ мечъ, висящій теперь надъ всѣми американскими спекулятивными элементами, то-есть, въ сущности, надъ всей страной.

Несмотря на все очевидное значеніе совокупности выше перечисленныхъ вліяній трѣстовъ на всю нашу современную жизнь, я думаю, что она все-таки составляетъ только незначительную величину, сравнительно съ тѣмъ тлетворнымъ воздѣйствіемъ, которое они оказали на весь нравственный обликъ современнаго зауряднаго американца. Считаая трѣсты неизбѣжной фазой все-сильной эволюціи, я въ настоящей статьѣ пытался относиться къ нимъ по возможности безпристрастно, и, повторяю, ихъ все-стороннее дѣйствительное значеніе и будущность еще далеко не ясны для меня самого. Но въ то же время тотъ фактъ, что они, хотя, можетъ быть, и volens-polems, развратили нашъ народъ и въ особенности нашу молодежь, — не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Извѣстно, что американскій народъ отнюдь не отличается ни теоретическими познаніями, ни философскими наклонностями, ни отвлеченностью міровоззрѣнія. Это народъ-практикъ, на-

родъ настоящей минуты и логики фактовъ. Въ то же время это народъ тщеславный, съ спекулятивной натурой самаго азартнаго игрока въ мѣрѣ. Такой народъ, особенно при благоприятныхъ для этого обстоятельствахъ, крайне склоненъ сдѣлать деньги своимъ Молохомъ, а легкую, быструю наживу — своимъ идеаломъ. Такіе примѣры, какъ Рокфеллеръ съ его Standard Oil Company, или Морганъ съ его билліонными трѣстами, дѣйствуютъ на его воображеніе и грубые вкусы гораздо дѣйствительнѣе добродѣтельныхъ книжекъ и проповѣдниковъ. Мнѣ пришлось не разъ видѣть интеллигентныхъ людей, захлебывавшихся отъ самодовольства надъ карриатурой, изображающей негра-посыльнаго Моргана, выносящаго изъ европейскаго королевскаго зала тронъ, явобы купленный имъ для своей кухни. Бѣра во всемогущество силы денегъ быстро растетъ при такихъ наглядныхъ примѣрахъ. Хотя народъ и ненавидитъ Рокфеллера и увѣренъ, что онъ сто разъ заслужилъ позорнѣйшую висѣлицу, тѣмъ не менѣе втайнѣ гордится его успѣхомъ, его энергіей, его силой, даже его безнаказанностью — и стремится по его стопамъ. Успѣхъ, успѣхъ во что бы то ни стало — вотъ тотъ девизъ, который прибили трѣсты къ современному народному знамени, развративъ имъ и его воображеніе, и его вкусы, и его нравственные критеріи.

Въ заключеніе я обращаю вниманіе читателя на только-что вышедшую книгу симпатичнѣйшаго и популярнѣйшаго нашего современнаго писателя Оуэна Вистера — „Lady Baltimore“. Написанная въ формѣ романа, въ дѣйствительности она представляетъ собою самую могучую, самую талантливую филиппику противъ этого современнаго американскаго духа времени — противъ поклоненія успѣху во что бы то ни стало.

П. А. Тверской.

Апрѣль 1906 г.
г. Лосъ-Анжелесъ.

Д Е Б Р И

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

I.

Вѣнчаніе кончилось въ четыре часа, и начался съѣздъ гостей. На улицѣ толпились любопытные, привлеченные бурной экспансивностью Маріи Берчинской. Вся отвѣтственность за удачу торжества лежала на ея широкихъ плечахъ. Ей поручено было слѣдить за точнымъ выполненіемъ всѣхъ обрядовъ, согласно завѣтамъ далекой родины; сознавая всю важность своей роли, она металась съ утра какъ угорѣлая, сбивала всѣхъ съ ногъ, кричала и командовала, давая полную волю своему мощному голосу. Слѣдя за соблюденіемъ всѣхъ формальностей, она была такъ занята другими, что сама совершенно не подчинялась установленному ею же этикету,—на это у нея не хватало времени. Изъ церкви она вышла самой послѣдней, и чтобы быть на мѣстѣ раньше гостей, стала энергично торопить своего кучера. Видя, что онъ глухъ къ ея окрикамъ, она стала ругаться. Пока она ругалась на своемъ родномъ литовскомъ нарѣчій, онъ молчалъ. Тогда она перешла на польскій, понятный ему, и онъ сталъ возражать. Началась крупная перепалка, къ великой радости уличныхъ мальчишекъ, которые обступили коляску съ обѣихъ сторонъ.

Новый наплывъ публики былъ, однако, весьма нежелателенъ, такъ какъ и безъ того у дверей толпился народъ. Музыка уже начала играть, и звуки оркестра, состоявшаго изъ виолончели

и двухъ скрипокъ, слышны были издали. Увидавъ сборище передъ дверьми, Марія прекратила руготню съ кучеромъ, выскочила изъ коляски, нырнула въ толпу и протолкалась въ подъездъ. Войдя въ домъ, она принялась энергично оттѣснять толпу назадъ, чтобы очистить дорогу для приглашенныхъ, и громко кричала при этомъ, заглушая музыку своимъ зычнымъ голосомъ.

Вывѣска надъ домомъ—на литовскомъ и англійскомъ языкахъ—возвѣщала о томъ, что тамъ продавались вина и спиртные напитки. Это было питейное заведеніе, расположенное въ одной изъ отдаленныхъ улицъ фабричнаго квартала въ Чикаго. Въ этотъ день одна изъ залъ нанята была для семейнаго торжества. Тамъ праздновалась свадьба юной Оны Лукошайтэ.

Новобрачная стояла въ дверяхъ рядомъ съ кузиной Маріей, которая тяжело дышала, уставъ отъ борьбы съ толпой. У Оны было трогательное счастливое выраженіе лица. Глаза имѣли удивленный видъ, вѣки слегка дрожали и тонкое личико покраснѣлось. На ней было бѣлое кисейное платье и короткій бѣлый вуаль, спускавшійся до плечъ. Онъ замѣнялъ собой вѣнчальную фату и къ нему были пристегнуты пять бумажныхъ розановъ и восемь ярко зеленыхъ листьевъ. Въ рукахъ у Оны были бѣлыя нитяныя перчатки, и она нервно теребила ихъ, вся дрожа отъ волненія. Ей едва исполнилось шестнадцать лѣтъ и она была такая маленькая, тщедушная—совсѣмъ ребенокъ. Ей самой было такъ странно, что она уже замужемъ—да еще за кѣмъ!—за Юргисомъ Рудкусомъ, который стоялъ теперь неподалеку отъ нея, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петличкѣ чернаго сюртука. Онъ такой широкоплечій, руки у него могучія, какъ у великана. Она голубоглазая блондинка, а у Юргиса большіе черные глаза съ пушистыми бровями и густые черные вьющіеся волосы. На видъ они совершенно не подходящая пара,—но контрасты наружности никогда еще не служили препятствіемъ для семейнаго счастья,—вопреки всякимъ теоріямъ и пророчествамъ. Юргисъ могъ свободно взвалить себѣ на плечи мясную тушу въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ и безъ всякаго усилія снести ее на возъ,—но теперь видъ его не былъ внушительный. Онъ робко жался къ стѣнѣ, какъ затравленный звѣрь, и у него пересыхало во рту отъ волненія, такъ что онъ съ трудомъ могъ выговорить нѣсколько словъ, когда друзья подходили къ нему съ поздравленіями.

Мало-по-малу удалось наконецъ отдѣлать постороннихъ зрителей отъ приглашенныхъ гостей и очистить залу хоть настолько, чтобы по ней можно было двигаться. Вначалѣ пускали всѣхъ,

не предвидя, что толпа любопытныхъ возрастетъ до такихъ размѣровъ. Если кто-нибудь изъ постороннихъ подходилъ поближе или казался голоднымъ, хозяйева сейчасъ же предлагали ему стулъ и приглашали принять участіе въ пиршествѣ. Одна изъ священныхъ традицій литовскихъ свадбъ заключалась въ томъ, чтобы никто не уходилъ голоднымъ. Трудно было, конечно, примѣнить обычай литовскихъ лѣсовъ къ фабричному кварталу Чикаго съ его населеніемъ въ четверть милліона, но хозяйева старались все-таки по возможности слѣдовать завѣту отцовъ: уличныя дѣти, привлеченныя заманчивымъ зрѣлищемъ, уходили сытыми и облаканными, а на кухнѣ кормили всѣхъ сбѣжавшихся туда собакъ.

Въ залѣ воцарилась сразу полная непринужденность. Мужчины сидѣли въ шляпахъ или безъ шляпъ, какъ хотѣли. Гости садились за столъ и вставали, не дожидаясь приглашеній. Произносились рѣчи,—но никто не былъ обязанъ слушать ихъ, если не желалъ. Многіе пѣли, хоромъ или по одиночкѣ, но тоже по собственному усмотрѣнію. Въ комнатахъ стоялъ гулъ отъ разнообразныхъ звуковъ,—но это никого не беспокоило, кромѣ младенцевъ, которыхъ матери принесли съ собой, не имѣя на кого оставить дома. Для нихъ въ залѣ отведенъ былъ отдѣльный уголъ, гдѣ стояли кровати и воляски; они спали въ нихъ по-двое и по-трое. А дѣти постарше, которыя уже умѣли ходить, сновали вокругъ столовъ, сосали леденцы и жевали колбасу.

Зала была величиной около тридцати квадратныхъ футовъ. Стѣны были бѣлыя, выштукатуренныя и совершенно голыя, за исключеніемъ висѣвшаго по одной сторонѣ комнаты календаря, картинки съ изображеніемъ скачекъ и родословной хозяйевъ въ золотой рамкѣ. Дверь справа вела въ пивную, и оттуда заглядывали въ залу нѣсколько любопытныхъ. Въ углу за дверью устроена была стойка, за которой стоялъ человекъ въ довольно грязной бѣлой одеждѣ, съ нафабранными черными усами и со спущеннымъ на лобъ, тщательно припомаженнымъ, однимъ локономъ. Въ противоположномъ углу стояли два стола, занимавшіе треть комнаты и заставленные блюдами съ холодной говядиной. Нѣкоторые изъ проголодавшихся гостей подходили туда закусывать. На столѣ, противъ мѣста для новобрачной, поставленъ былъ великолѣпный свадебный пирогъ съ розами и двумя ангелочками изъ сахара на верхушкѣ. Въ глубинѣ залы открывалась дверь въ кухню, и тамъ мелькали въ облакахъ пара суетящіяся женскія фигуры. Въ лѣвомъ углу, на небольшой эстрадѣ сидѣли три музыканта и дѣлали героическія усилія, чтобы за-

глушить шумъ голосовъ звуками своихъ инструментовъ. Дѣти, въ свою очередь старались перекричать музыку, а толпа, стоявшая въ дверяхъ и у оконъ, наслаждалась и зрѣлищемъ, и звуками, и запахомъ ѣды.

Вдругъ среди облаковъ пара стала болѣе ясно выдѣляться женская фигура. Она шла изъ кухни, и вскорѣ можно было узнать въ ней мачиху Оны, которую всѣ звали „тетей Ельзбетой“. Она несла въ рукахъ на большомъ блюдѣ тушоную утку; за нею слѣдовала, осторожно ступая, Котрина, съ такимъ же вторымъ блюдомъ. Черезъ минуту пришла старуха бабушка Маюшвине съ огромнымъ горшкомъ картофеля—почти величиной съ нее самоѣ. Такъ постепенно опредѣлялись размѣры пиршества. На столѣ появилась ветчина съ гарниромъ изъ тушеной капусты, вареный рисъ, макароны, болонская колбаса, булки, чашки съ молокомъ и кружки пѣнящагося пива. Кромѣ того, за спиной гостей была стойка, къ которой каждый могъ подойти и требовать что угодно, ничего не платя. Марья Берчинская къ тому же усердно всѣхъ подчивала, ѣла сама, чтобы дать примѣръ гостямъ, и говорила со смѣхомъ, что на кухнѣ припасено очень много, и что нужно все съѣсть, а то все равно испортится.

Такъ среди смѣха и шутокъ гости наконецъ принялись за ѣду. Молодые люди, сбившіеся въ кучку у дверей, отважились подойти къ столу и сѣсть. Старики заставили и Юргиса сѣсть по правую руку отъ невѣсты. Сѣли и дружки невѣсты—съ вѣнками изъ бумажныхъ цвѣтовъ на головахъ,—и ихъ примѣру послѣдовали остальные гости, старые и молодые. Величественный сидѣлецъ тоже уступилъ просьбамъ и согласился отвѣдать утки. И толстый полицейскій, которому предстояло въ концѣ вечера разнимать подравшихся, рѣшился подсѣсть къ концу стола. Дѣти кричали, грудные младенцы заливались плачемъ, гости смѣялись, шутили, пѣли,—и надъ всѣмъ этимъ гуломъ возвышался голосъ кузины Маріи, которая отдавала распоряженія музыкантамъ.

Музыканты... но какими словами описать ихъ? Они ни на минуту не переставали играть съ невообразимымъ бѣшенствомъ,—и все, что происходило въ залѣ, совершалось подъ звуки этой дикой музыки. И музыка преобразала всю атмосферу зала, превращала питейное заведеніе на задворкахъ чикагскихъ фабрикъ въ какой-то волшебный міръ, въ уголокъ заоблачнаго царства.

Дирижеръ маленькаго тріо игралъ съ истиннымъ вдохновеніемъ. Скрипка его фальшивила, но онъ все-таки казался избран-

никомъ музъ, или, вѣрнѣе, человѣкомъ, одержимымъ дьяволомъ, цѣлымъ роємъ дьяволовъ, которые носились вокругъ него, ускоряя темпъ его игры до того, что у него волосы становились дыбомъ и глаза лѣзли на лобъ. Имя скрипача — Тамочусъ Кушлейка, и онъ — самоучка въ своемъ искусствѣ. Онъ упражнялся въ игрѣ на скрипкѣ по ночамъ — послѣ того, какъ цѣлый день работалъ на бойнѣ. Теперь онъ снялъ сюртукъ и стоялъ въ жилетѣ, расшитомъ полинявшимъ узоромъ — золотыя подковы на бѣломъ фонѣ, — въ полосатой розовой рубашкѣ и въ солдатскихъ панталонахъ, свѣтло-синихъ съ желтой нашивкой. Это былъ его дирижерскій мундиръ. Тамочусъ былъ ростомъ не болѣе пяти футовъ, но все-таки его панталоны не доходили вершковъ на десять до полу. Откуда онъ добылъ такіе панталоны — нельзя было даже представить себѣ, но объ этомъ никто не думалъ, глядя на него. Онъ былъ такъ охваченъ вдохновеніемъ, что это заражало всѣхъ вокругъ. Все въ немъ горѣло вдохновеніемъ — и все порознь. Онъ топалъ ногами, трясъ головой, раскачивался изъ стороны въ сторону. У него было маленькое, необыкновенно комичное лицо, и въ наиболѣе эффектныхъ пассажахъ онъ сдвигалъ брови, шевелилъ губами и усиленно моргалъ. Отъ времени до времени онъ поворачивался къ товарищамъ и краснорѣчивыми жестами умолялъ ихъ быть на высотѣ своего артистическаго призванія.

Два другихъ члена оркестра едвали были достойны своего дирижера. Второй скрипачъ, чехъ, былъ статный человѣкъ высокаго роста и носилъ очки въ черной оправѣ. У него былъ видъ переутомленнаго мула, котораго нельзя подбодрить даже ударами кнута. Третій музыкантъ былъ толстякъ съ толстымъ краснымъ сентиментальнымъ носомъ. Онъ поднималъ глаза къ небу съ мечтательнымъ видомъ, исполняя партію контрабаса на віолончели, и не вникалъ въ игру своихъ партнеровъ. Чтò бы ни играли, онъ тянулъ всегда одну и ту же протяжную мрачную ноту съ четырехъ часовъ дня до четырехъ часовъ утра, — получая за это треть общей платы по доллару за часъ.

Уже въ самомъ началѣ пира Тамочусъ Кушлейка вскочилъ съ мѣста отъ возбужденія, а черезъ нѣсколько минутъ онъ уже направлялся къ сидѣвшимъ за столомъ. Ноздри у него раздулись, и онъ порывисто дышалъ: имъ овладѣлъ его демонъ. Онъ сталъ подымать своихъ товарищей, дѣлая имъ знаки скрипкой, и вскорѣ всѣ трое подошли къ гостямъ. Тамочусъ вскочилъ на стулъ — и сразу зачаровалъ всѣхъ своей игрой. Гости ѣли, кое-кто смѣялся и разговаривалъ, но всѣ до одного слушали при этомъ его игру.

Онъ фальшивилъ и скрипка его шипѣла на низкихъ нотахъ и визжала на верхнихъ нотахъ. Но никто не обращалъ на это вниманія — также, какъ на грязь, шумъ и духоту вокругъ себя. Все равно имъ приходилось всѣмъ жить въ этой обстановкѣ, и только среди нея они могли выражать свою душу. А въ этой музыкѣ, то дивой и веселой, то жалобно-тоскливой, страстной и мятежной, выражалась ихъ душа. Это были звуки ихъ родины, и по мѣрѣ того какъ они отдавались имъ всей душой, Чикаго съ его фабриками и питейными заведеніями отходилъ куда-то вдаль, а взору ихъ рисовались зеленые луга, сверкающая на солнцѣ гладь рѣки, лѣса и холмы, покрытые снѣжной пеленой. Они видѣли въ воображеніе поля далекой родины, вспоминали далекое дѣтство, радости и горе минувшихъ лѣтъ. Нѣкоторые изъ гостей закрывали глаза, откинувшись на стулѣ, другіе отбивали тактъ рукой по столу. Отъ времени до времени кто-нибудь вскакивалъ съ мѣста и просилъ сыграть какую-нибудь изъ наиболѣе извѣстныхъ національныхъ пѣсень. У Тамочуса вспыхивалъ огонекъ въ глазахъ, онъ взмахивалъ скрипкой по воздуху, кричалъ что-то товарищамъ, и они начинали играть въ бѣшеномъ темпѣ. Всѣ подхватывали хоромъ припѣвъ пѣсни и кричали, надрывая горло. Иные вскакивали съ мѣстъ, грузно притоптывали въ тактъ сапогами, поднимали стаканы съ виномъ и чокались съ сосѣдями. Вскорѣ кто-то предложилъ музыкантамъ сыграть старинную свадебную пѣсню, воспѣвающую красоту новобрачной и радости любви. Тамочусъ Кушлейка началъ играть и въ порывѣ вдохновенія сталъ пробираться промежъ двухъ столовъ, направляясь къ героинѣ торжества и увлекая за собой своихъ товарищей. Очутившись наконецъ возлѣ новобрачной, онъ сталъ по правую сторону отъ нея и заигралъ еще болѣе страстно, изливая всю свою душу въ звукахъ. Она была такъ взволнована, что совсѣмъ не могла ѣсть. Когда кузина Марія отъ времени до времени подталкивала ее локтемъ, она приходила въ себя на минуту, но потомъ опять умолкала и глядѣла въ пространство изумленнымъ взглядомъ. Тетя Ельзбета продолжала суетиться и бѣгать взадъ и впередъ, но она ни на кого не глядѣла, зачарованная звуками музыки, и глаза ея были полны слезъ. Ей совѣстно было вытирать слезы, но нельзя же было дать имъ катиться по щекамъ. Обернувшись, она увидѣла устремленный на нее взглядъ Юргиса и еще сильнѣе покраснѣла. А когда наконецъ скрипачъ подошелъ прямо къ ней и сталъ размахивать почти надъ самой ея головой своимъ волшебнымъ смычкомъ, она вся вспыхнула, и ей хотѣлось бы убѣжать, чтобы

спасти отъ обращенныхъ на нее взглядовъ. Въ эту критическую минуту ее выручила кузина Марія Берчинская, тѣмъ, что отвлекла общее вниманіе на себя: она вдругъ встала и запѣла свою любимую пѣсню о прощаніи влюбленныхъ. Марія была невысокаго роста, но отличалась могучимъ сложеніемъ. Она работала на фабрикѣ консервовъ и по цѣлымъ днямъ держала въ рукахъ жестянки мясныхъ консервовъ, вѣсомъ по четырнадцати фунтовъ. У нея было широкое лицо славянскаго типа, съ выступающими скулами и румянными щеками. Нижняя часть лица имѣла что-то лошадиное. Она носила синюю фланелевую блузу съ засученными рукавами, обнажавшими смуглыя руки. Въ рукахъ у нея была большая вилка — она только-что разрѣзывала жаркое для гостей. Она отбивала ею тактъ по столу и пѣла такъ оглушительно и въ такомъ быстромъ темпѣ, что музыканты съ трудомъ могли аккомпанировать ей.

Наконецъ пѣніе кончилось и начались рѣчи. Первымъ поднялся и сталъ говорить дѣдъ Антонъ. Отцу Юргиса, Антону Рудеусу, не болѣе шестидесяти лѣтъ, но на видъ ему можно дать восемьдесятъ. Онъ пріѣхалъ въ Америку съ полгода тому назадъ, но не поправился здоровьемъ. На родинѣ онъ много лѣтъ работалъ въ бумагопрядильнѣ, но сталъ страдать припадками сильнаго кашля и удушья, и ему пришлось оставить работу.

Въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, кашель прошелъ. Но въ Америкѣ Антонъ Юргисъ поступилъ на фабрику Дургэма и работалъ въ отдѣленіи пикудей, гдѣ приходилось проводить весь день въ холодномъ, сыромъ помѣщеніи. Ему опять сдѣлалось хуже. И теперь, какъ только онъ поднялся, его началъ душить припадокъ кашля; онъ отвернулъ блѣдное, худое лицо, ухватился за столъ и долго откашливался. Обыкновенно ораторы на свадьбахъ выучивали наизусть какую-нибудь рѣчь изъ книги и повторяли ее въ надлежащую минуту. Но дѣдъ Антонъ слылъ за ученаго человѣка; въ молодости даже ему поручали многіе писать ихъ любовныя письма. Всѣ поэтому насторожились слушать, зная, что онъ скажетъ что-нибудь свое.

Рѣчь, дѣйствительно, оказалась очень торжественной. Даже изъ дѣтей кто былъ постарше и понятливѣе подошли поближе и стали слушать, а женщины рыдали и утирали слезы передниками. Антонъ Рудеусъ какъ бы прощался съ семьей, говоря, что ему уже не долго придется жить подлѣ своихъ дѣтей. Онъ такъ разстроилъ всѣхъ своей рѣчью, что одинъ изъ гостей, Якубъ Шедвила, бакалейщикъ съ Гольстэтъ-Стрита, добродушный

толстякъ, поднялся съ мѣста и сталъ говорить, что жизнь вовсе ужъ не такъ печальна. Послѣ того онъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ поздравилъ новобрачныхъ, пожелалъ имъ счастья и всяческихъ благъ, причемъ очень смутилъ бѣдную Ону намеками на радости материнства. У Якуба, по выраженію его жены, было очень живое, поэтическое воображеніе.

Многіе изъ гостей уже насытились и стали вставать изъ-за стола. Кое-кто подходилъ къ стойкѣ; другіе рассказывали по залѣ, смѣясь и разговаривая. Отдѣльныя группы гостей затягивали пѣсни совершенно самостоятельно, не соображаясь ни съ пѣніемъ другихъ, ни съ оркестромъ. Но у всѣхъ замѣтно было выжидательное настроеніе,—повидимому, предстояло еще нѣчто интереснее, кромѣ хорошаго угощенія. Такъ оно дѣйствительно и оказалось. Едва кончилась ѣда, какъ столы съ остатками блюдъ отодвинули въ уголъ, стулья и дѣтей убрали съ дороги—и началась главная часть увеселенія. Тамочусь Кушлейка, подерѣпившись пѣлымъ кувшиномъ пива, вернулся на эстраду, оглянулъ залу, властно стукнулъ смычкомъ о скрипку, извѣстно взмахнулъ смычкомъ, закрылъ глаза и самъ унесся въ какой-то волшебный міръ, заигравъ мечтательный вальсъ. Вторая скрипка вторила ему, но скрипачъ игралъ съ открытыми глазами, слѣдя за дирижеромъ, а віолончелистъ отбивалъ нѣсколько времени тактъ ногой, чтобы усвоить темпъ, поднималъ глаза къ потолку и сталъ однообразно пилить: брумъ-брумъ-брумъ!..

Общество быстро разбилось на пары, и всѣ присутствующіе стали кружиться по залѣ. Танцевать вальсъ, повидимому, никто не умѣлъ, но это никого не останавливало,—каждый танцовать по-своему, такъ же, какъ прежде они пѣли, каждый на свой ладъ. Молодежь танцевала больше всего вальсъ „въ два па“. Люди постарше предпочитали старомодные танцы, и торжественно продѣлывали какія-то странныя и сложныя па. Иные вовсе не танцевали, а только держались за руки и выражали совершенно произвольными движеніями и притоптываніями свое веселое настроеніе. Къ числу таковыхъ принадлежали бакалейщикъ Якубъ Шедвила и его жена Люція. Они вдвоемъ съѣдали въ день почти столько же, сколько продавали всѣмъ своимъ покупателямъ, и были слишкомъ толсты для танцевъ. Они стояли поэтому посрединѣ залы, крѣпко обнявшись, медленно рассказывались изъ стороны въ сторону и блаженно улыбались отъ удовольствія.

Костюмы гостей постарше напоминали еще далекую родину. Нѣкоторые носили вышитые жилеты, куртки съ широкими об-

шлагами и пестрыми пуговицами, вынимали из кармана большіе пестрые платки. Молодежь, напротивъ того, тщательно всего этого избѣгала. Почти всѣ уже говорили по-англійски и старались одѣваться по послѣдней модѣ. На дѣвушкахъ были платья, купленные готовыми на распродажахъ, или хорошенькія блузки. Нѣкоторыхъ молодыхъ людей можно было принять за американскихъ приказчиковъ, еслибы не то, что они сидѣли въ комнатахъ въ шляпахъ. Каждая пара танцевала по-своему, однѣ тѣсно обнявшись, другія держась за руки на почтительномъ разстояніи. Однѣ вытягивали руки впередъ, другія небрежно свѣшивали ихъ внизъ. Однѣ подпрыгивали, другія старались выступать очень плавно. Нѣкоторыя пары дико неслись по комнатахъ, сбивая съ ногъ всѣхъ другихъ. Пары составлялись на весь вечеръ и дамы не мѣняли своихъ кавалеровъ. Такъ, напримѣръ, Елена Язайтита танцевала нѣсколько часовъ кряду со своимъ женихомъ Юзасомъ Рачіусомъ. Она была одной изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ залѣ, но нѣсколько отталкивала своей надменностью. На ней была бѣлая крахмаленная рубашечка, за которую она навѣрное заплатила свой заработокъ за полъ-недѣли,—она, какъ и Марія, раскрашивала жестянки. Юзасъ, ея женихъ, развозилъ товары Дургэма къ заказчикамъ и получалъ хорошее жалованье. У него былъ фатоватый видъ; онъ сдвинулъ шляпу на-бокъ и держалъ во рту папироску. Въ другой парѣ танцевала Ядвига Марцинкусъ, тоже очень хорошенькая дѣвушка, но болѣе скромная, чѣмъ Елена; она тоже раскрашивала жестянки для консервовъ, но ей приходилось содержать большую мать и трехъ маленькихъ сестеръ, и она не можетъ тратить свое жалованье на покупку рубашечекъ. На ней старомодное бѣленькое платьице, которое она уже пять лѣтъ надѣваетъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Но это не мѣшаетъ Ядвигѣ искренно наслаждаться, танцуя весь вечеръ со своимъ Миколасомъ. Они уже пятый годъ какъ обручены, но не могутъ жениться, потому что у Миколаса отецъ пьяница, и заботы о пропитаніи семьи—довольно многочисленной—лежатъ на немъ одномъ. Онъ бы, однако, справился со всѣмъ, такъ какъ работникъ онъ былъ превосходный, но его доканали несчастные случаи. Специальность Миколаса заключалась въ очисткѣ костей быка отъ мяса, и такъ какъ ему платили поштучно, и онъ работалъ съ бѣшеной быстротой, то ножъ иногда выскальзывалъ и онъ нѣсколько разъ жестоко порѣзался. Бѣда была не въ самомъ порѣзѣ—рану можно залечить,—а въ зараженіи крови. За послѣдніе три года Миколасъ былъ боленъ зараженіемъ крови и лежалъ въ кровати разъ три мѣсяца, а

другой разъ семь мѣсяцевъ. Въ послѣдній разъ онъ потерялъ мѣсто и опять въ теченіе недѣль шести долженъ былъ съ шести часовъ утра стоять зимой, на морозѣ, передъ дверьми фабричныхъ конторъ, въ ожиданіи, что ему дадутъ работу. Статистика доказываетъ, что этотъ разрядъ рабочихъ оплачивается лучше всего: они зарабатываютъ по сорока центовъ въ часъ,—но статистики, быть можетъ, никогда не поинтересовались поглядѣть на руки рабочихъ, вырубающихъ кости.

Танцы продолжались очень долго, съ короткими перерывами для отдыха музыкантовъ, и танцующіе, повидимому, совершенно не уставали, носясь въ упоеніи по залѣ подъ звуки скрипки Тамочуса. Онъ вошелъ въ азартъ и сталъ играть вальсъ бѣшенымъ *prestissimo*, не щадя струнъ своей скрипки, которая тщетно протестовала визгомъ на высокихъ нотахъ. Начался какой-то сатанинскій плясъ, увлекшій всѣхъ гостей, старыхъ и молодыхъ. Когда наконецъ скрипачъ закончилъ свою дикую игру оглушительнымъ, блестящимъ финаломъ, онъ самъ весь дрожалъ; а обезсиленные танцоры и ихъ дамы разсыпались во всѣ стороны, прислонясь къ стѣнамъ для отдыха; сѣсть было негдѣ, такъ какъ всѣ стулья убрали.

Послѣ этого сдѣланъ былъ перерывъ, во время котораго всѣхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ, угощали пивомъ. Гости отдыхали, готовясь къ самому торжественному изъ свадебныхъ обрядовъ—къ „ачъявимасъ“. Это былъ танецъ, который затягивался обыкновенно на три—четыре часа. Гости брались за руки и составляли кругъ, въ середину котораго вступала новобрачная. Затѣмъ каждый изъ мужчинъ по очереди выходилъ изъ круга и танцевалъ съ новобрачной. Можно было дѣлать танецъ сколько угодно, и все это происходило среди общаго веселья и смѣха. Когда гость кончалъ танцевать, къ нему подходила хозяйка—на этотъ разъ это была тетя Елизабета—со шляпой, въ которую онъ клалъ сколько-нибудь денегъ,—иногда долларъ, а иногда и пять, смотря по своимъ средствамъ и по тому, во сколько онъ цѣнилъ честь танца съ новобрачной. Предполагалось, что гости платятъ такимъ образомъ за пріемъ и угощеніе; друзья новобрачныхъ старались обыкновенно давать столько, чтобы молодой четѣ осталось порядочно денегъ для жизни на первое время послѣ свадьбы.

Расходы по устройству свадебнаго пира были огромные. Свадьба Оны и Юргиса стоила навѣрное до трехъ сотъ долларовъ,—а эта сумма превышала годовой заработокъ многихъ гостей. Нѣкоторые изъ нихъ проводили цѣлый день, отъ ранняг

утра до вечера, въ сырыхъ подвалахъ, а иные въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ въ году не видали солнечнаго свѣта съ воскресенья послѣ обѣда до утра слѣдующаго воскресенья; но и они не могли наработать триста долларовъ въ годъ. Были тутъ и маленькія дѣти, тоже уже работавшія на фабрикахъ — родители прибавляли имъ года, для того, чтобы ихъ приняли, — они не зарабатывали и ста долларовъ въ годъ. А между тѣмъ такая огромная сумма расходовалась сразу на устройство свадебнаго пира.

Это, конечно, было крайне непрактично, — иногда даже трагично, въ виду послѣдствій такой необдуманности; но нельзя отрицать, что въ этомъ была и большая красота. Эти несчастные люди отказывались мало-по-малу отъ всего, но они не могли отстать отъ стариннаго обычая пышно праздновать свадьбу. Отказаться отъ этого значило бы признать себя побѣжденными, потерять послѣднюю нравственную опору. Обычай свадебныхъ пиршествъ коренился въ завѣтахъ далекой старины. Значеніе его заключалось въ томъ, что можно примириться хотя бы съ жизнью въ темномъ подвалѣ, но необходимо для этого хоть разъ въ жизни порвать цѣпи, взмахнуть крыльями и, взлетѣвъ ввысь, поглядѣть на солнце; необходимо для этого хоть разъ отряхнуть всѣ заботы и страхи, посмотрѣть на жизнь свободно, какъ на игру, самому поиграть ею, какъ жонглеръ золотыми шарами, осушить всю радость жизни за разъ, какъ божалъ дорогого вина. Испытавъ это, почувствовавъ себя властелиномъ жизни, человекъ можетъ вернуться къ своей каторжной работѣ и жить воспоминаніями о минутномъ торжествѣ, о минутѣ своей свободы.

Танцоры продолжали вертѣться по залѣ, и когда у нихъ начинала кружиться голова, они вертѣлись въ противоположномъ направленіи. Уже стемнѣло, и залу тускло освѣтили двѣ коптившія керосиновыя лампы. Музыканты устали, воодушевленіе ихъ прошло, и они вяло повторяли одну и ту же короткую мелодію. Слѣдовало уже собственно прекратить игру и танцы, но Марія Берчинская никакъ не хотѣла этого допустить. Она была съ утра въ какомъ-то упоеніи, и ей было страшно, что эти блаженные часы кончатся. Ей хотѣлось бы крикнуть мгновенію: „Остановись, ты такъ прекрасно!“ — и она почувствовала ненависть къ музыкантамъ, которые смѣли чувствовать усталость и мѣшали ей длить волшебный сонъ. Она кричала своимъ зычнымъ голосомъ, чтобы они продолжали играть, и убѣждала гостей не прекращать танцы. Когда кто-то вышелъ изъ залы, не закрывъ за собой двери, и въ комнату ворвалась струя холод-

наго воздуха, Марія захлопнула дверь пинкомъ ноги, несясь мимо въ бѣшеной пляскѣ. При этомъ она чуть не задавила маленькаго Севастьяна, сына Шедвилы. Ребенокъ заплакалъ. Марія, очень жалостливая въ обыкновенное время, на этотъ разъ разсвѣрѣхла. Она схватила ребенка на руки, стала его успокаивать, понесла его къ стойкѣ и дала ему выпить пѣнящагося пива. Музыканты воспользовались этой минутой, чтобы отдохнуть и тоже выпить чего-нибудь.

Въ другомъ углу комнаты происходило тѣмъ временемъ взволнованное совѣщаніе между тетей Ельзбетой, дѣдомъ Антономъ и еще нѣсколькими друзьями. Они устроили свадебный пиръ, рассчитывая на участіе гостей въ покрытіи расходовъ,—такъ полагалось по старинному обычаю. Доля каждаго въ расходахъ была различная, но всякій отлично зналъ, сколько на него приходится, и старался дать немножко больше, чтобы еще осталось кое-что для молодыхъ. Но здѣсь, въ новой странѣ, все измѣнилось. Молодые люди, какъ отравленные какимъ-то тонкимъ ядомъ, разлитымъ въ воздухъ, потеряли всякое чувство стыда и чести. Они пришли, угостились вкуснымъ обѣдомъ и стали исчезать подъ разными предлогами. Одинъ, на примѣръ, выбросилъ за окно шляпу товарища, оба вышли поднимать ее и уже не вернулись. Нѣкоторые уходили совершенно открыто, глядя хозяевамъ прямо въ глаза, да еще уводили съ собою другихъ. Иные подходили сначала къ стойкѣ, напивались на счетъ хозяевъ и спокойно уходили. Хозяева были крайне смущены и взволнованы. Столько труда, столько расходовъ, и нието не помогъ имъ покрыть ихъ! Бѣдная Она стояла подлѣ мачихи, широко раскрывъ глаза отъ ужаса. Ее уже давно тревожили мысли о страшныхъ свадебныхъ расходахъ, и она по цѣлымъ ночамъ не спала, подчитывая, сколько еще придется платить по счетамъ, кромѣ предварительныхъ расходовъ. Пятнадцать долларовъ за залу, двадцать два доллара съ половиной за утокъ, двѣнадцать долларовъ музыкантамъ, пять въ церкви,—и это было далеко не все. Главное—это счетъ, который подастъ Грайчунъ за пиво и спиртные напитки. Всякій трактирщикъ сначала назначаетъ только приблизительную сумму. А когда дѣло доходитъ до расчета, онъ является, почесывая затылокъ, и говоритъ, что ошибся, что счетъ вышелъ большій, чѣмъ онъ предполагалъ,—но что зато онъ постарался угодить и гости ушли пьяные-препьяные. При этомъ онъ непремѣнно надувалъ: онъ начиналъ цѣдить пиво изъ неполной бочки, а затѣмъ бралъ вторую, тоже уже на половину опорожненную, а въ счетъ ставилъ двѣ цѣлыя бочки. Затѣмъ,

обязавшись ставить водку опредѣленнаго качества за условленную цѣну, онъ на самомъ дѣлѣ давалъ какую-то отвратительную отраву. Жаловаться въ судъ въ такихъ случаяхъ не стоило — всякій кабатчикъ всегда умѣлъ выпутаться, такъ какъ состоялъ въ дружбѣ съ мѣстными властями. Всѣ это знали, и потому не затѣвали исторій и, не споря, уплачивали по счету.

Поведеніе гостей, уклонившихся отъ уплаты своей доли, было особенно неделикатно по отношенію къ гостямъ, которые дали сколько могли, и даже больше. Старикъ Якубъ Шедвила далъ пять долларонъ, а всѣ знали, что онъ одолжилъ деньги подъ залогъ лавки, чтобы уплатить за наемъ помѣщенія. Точно также и старая пани Анеля. Она была вдова съ тремя дѣтьми, ее мучили острые припадки ревматизма, и она занималась стиркой бѣлья за грошевую плату. Она, кромѣ того, разводила цыплятъ, и это было ея единственной радостью. Она дрожала надъ каждымъ цыпленкомъ, проливая потоки слезъ, когда случалось, что у нея украли цыпленка. И все же она отдала тетѣ Ельзбетѣ всю выручку за своихъ цыплятъ за нѣсколько мѣсяцевъ, въ благодарность за то, что тетя Ельзбета одолжила ей разъ деньги, когда хозяинъ гналъ ее съ квартиры.

Около смущенныхъ хозяевъ собрались гости, понимавшіе, о чемъ они шепчутся. Среди собравшихся были, можетъ быть, и виновные въ неуплатѣ денегъ. Подошелъ и Юргисъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ нахмурилъ брови и сталъ оглядывать залу. У него, вѣроятно, чесались руки расправиться кое съ кѣмъ изъ незаплатившихъ, но онъ зналъ, что это бесполезно. Вышелъ бы только скандалъ. Онъ поэтому спокойно сказалъ тетѣ Ельзбетѣ, что плакать не стоить — все равно этимъ дѣлу не помочь, — и успокоилъ также Ону.

— Ничего, моя крошка, — сказалъ онъ ей тихо, — мы за все уплатимъ. Я буду больше работать.

Это было постояннымъ отвѣтомъ Юргиса въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ это сказалъ на родинѣ, на Литвѣ, когда одинъ чиновникъ отобралъ у него паспортъ, а другой арестовалъ его за то, что онъ безъ паспорта, и оба они подѣлили между собой его имущество. Онъ опять повторилъ эти слова въ Нью-Йоркѣ, когда они попались въ руки медоточиваго агента, который ихъ немилосердно обиралъ. И теперь онъ сказалъ это въ третій разъ.

У Оны захватило духъ: какъ это поразительно, что у нея мужъ, какъ у настоящей взрослой женщины! Да еще такой сильный, что ему все нипочемъ.

Оркестръ снова заигралъ и танцы съ новобрачной возобновились, но очень вяло, такъ что вскорѣ пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго сбора денегъ. Начались опять общіе танцы. Было уже, однако, за полночь. Гости отяжелѣли и устали; многіе были совершенно пьяны и танцовали уже въ полузабытѣи. Многія пары перестали танцовать, сидѣли по угламъ и шептались. Иные—изъ очень подвыпившихъ—рассаживали кучками по залѣ и громко распѣвали пѣсни; кое-гдѣ затѣвались споры и ссоры. Толстый полицейскій окончателно стряхнулъ сонъ и взялъ въ руку свою внушительную палку. Онъ зналъ, что ему нужно быть наготовѣ: драки, которыя начинались въ два часа ночи, если во-время не разнять людей, разгорались какъ лѣсной пожаръ, такъ что иногда приходилось вызывать всѣ полицейскіе резервы. Для предупрежденія этого нужно было расшибать голову каждому буйну въ отдѣльности, который попадался на глаза,—не то ихъ уже набиралось столько, что съ ними не было сладу. Тутъ, въ районѣ скотобоенъ и фабрикъ, не велся точный подсчетъ прошибленнымъ головамъ: здѣсь люди такъ привыкли весь день бить по головѣ скотъ, что потомъ упражнялись въ томъ же занятіи на друзьяхъ и товарищахъ, а нерѣдко и на членахъ собственной семьи.

Но въ эту ночь не было дракъ. Юргисъ слѣдилъ за этимъ еще болѣе зорко, чѣмъ полицейскій. Разъ только Марія, сильно подвыпившая къ концу вечера, вздумала-было полѣзть въ рубо-пашную съ уклонившимися отъ уплаты денегъ. Но ее во-время остановили. Опять возобновились танцы подъ однообразную игру утомленныхъ, обезсиленныхъ музыкантовъ. Танцы ужъ были совсемъ вялые, но музыка всѣхъ какъ бы гипнотизировала своимъ однообразіемъ. Никто не могъ остановиться, хотя было уже три часа ночи и всѣ истощали свою воспримчивость къ наслажденію, свои силы и свой запасъ нервнаго возбужденія, созданнаго чрезмѣрнымъ количествомъ выпитаго пива и водки. Ни у кого, однако, не хватало энергіи прекратить танцы и пойти спать. Вѣдь уже ровно въ семь часовъ въ то же утро каждый изъ нихъ будетъ на своемъ мѣстѣ на фабрикахъ Дургэма, Броуна или Джонса. Если кто-нибудь опоздаетъ на одну минуту, съ его жалованья скинуть плату за часъ; а если онъ опоздаетъ больше, то уже можетъ лишиться мѣста. Тогда опять придется стоять среди голодной толпы безработныхъ, съ шести часовъ утра до половины девятаго, и ждать, не найдется ли для него какого-нибудь дѣла. Всѣмъ безъ исключенія придется стать съ утра на работу,—даже Онѣ, которой отказали въ позволеніи не явиться

на работу въ день послѣ свадьбы. Когда у воротъ стоитъ столько безработныхъ, то нельзя рассчитывать ни на какія поблажки.

Бѣдной Онѣ стало совсѣмъ дурно отъ духоты и запаха спирта, которымъ всѣ гости были какъ бы пропитаны насквозь. Юргису хотѣлось скорѣе увести ее домой, и онъ не сталъ дожидаться коляски, тѣмъ болѣе, что идти имъ было совсѣмъ недалеко. Онъ укуталъ Ону въ платокъ, надѣлъ на нее свое пальто и увелъ ее. Пьяные и дремавшіе по угламъ гости даже не замѣтили ихъ ухода. Дѣдъ Антонъ тоже заснулъ, также какъ Якубъ Шедвила и его жена,—они даже громко храпѣли. Юргисъ взялъ Ону на руки, и она беззвучно опустила ему голову на плечо; онъ даже не могъ рѣшить, заснула ли она, или въ обморокъ. Но когда онъ дошелъ до дому и сталъ держать ее одной только рукой, отворяя дверь другою, она открыла глаза.

— Ты не пойдешь завтра на работу, крошка,—сказалъ онъ, поднимаясь съ нею на лѣстницу. Но она схватила его за руку и съ ужасомъ шепнула:

— Нѣтъ, нельзя,—мы и такъ разорены!

Но Юргисъ повторяетъ свое:—Не бойся,—говоритъ онъ,—я все устрою. У меня будутъ деньги;—я буду больше работать, вотъ и все.

II.

Юргисъ говорилъ такъ беззаботно о работѣ только потому, что былъ молодъ и вѣрилъ въ свои силы. Онъ слышалъ, что работа на чивагскихъ фабрикахъ консервовъ страшно быстро истощаетъ силы, но только смѣялся, слушая всѣ рассказы объ этомъ. Онъ пока прожилъ здѣсь только еще четыре мѣсяца, былъ молодъ и необыкновенно здоровъ и силенъ,—и поэтому не могъ представить себѣ, что судьба готовитъ ему поражение.

— Это только съ вами, заморышами, можетъ случиться,—говорилъ онъ,—а у меня плечи широкія, я все выдержу.

Юргисъ былъ настоящій деревенскій силачъ, и такихъ работниковъ, какъ онъ, очень цѣнили на фабрикахъ въ Чиваго. Когда его посылали куда-нибудь, онъ отправлялся бѣгомъ и быстро справлялся со всѣмъ. Когда на минуту ему нечего было дѣлать, онъ отъ избытка энергіи и силъ не могъ устоять спокойно на мѣстѣ. Работая вмѣстѣ съ другими, онъ всегда управлялся со своей долей общей работы гораздо скорѣе, чѣмъ другіе, и всегда поджидалъ медлившихъ товарищей, выдѣляясь своимъ проворствомъ и быстротой движеній. Онъ поэтому сейчасъ же

нашелъ работу. На второй день послѣ прїѣзда въ Чикаго, онъ простоялъ не болѣе получаса передъ конторой Броуна и Компаніи,—его наняли однимъ изъ первыхъ въ тотъ день. Это очень польстило его самолюбію, и онъ еще болѣе смѣялся надъ пессимистами. Ему сказали, что изъ людей, съ которыми онъ стоялъ такъ недолго въ ожиданіи найма, многіе ждали уже нѣсколько мѣсяцевъ и безъ всякаго результата.

— Ну, да что это и за народъ!—отвѣчалъ онъ:—бродяги, неспособные къ работѣ, спившіеся нищія, которые понесутъ въ кабакъ первый же заработанный грошъ. Но неужели вы полагаете, что съ такими руками,—онъ сжималъ при этомъ руки въ могучіе кулаки и показывалъ ихъ,—я пропаду съ голода?

— Да,—отвѣчали ему,—видно, что ты прїѣхалъ изъ деревенской глуши и города не знаешь.

Юргисъ, дѣйствительно, никогда не видалъ города до того, какъ рѣшился попытать счастья на чужбинѣ, для того, чтобы жениться на Онѣ. Его отецъ, дѣдъ и всѣ предки, о которыхъ сохранились преданія въ семьѣ, жили всегда въ Бѣловѣжской Пущѣ. Тамъ среди сотенъ тысячъ акровъ лѣсовъ есть лишь очень немного крестьянскихъ поселеній, издавна владѣвшихъ своими участками земли. Однимъ изъ немногочисленныхъ тамошнихъ крестьянъ былъ отецъ Юргиса, Антонъ Рудевусъ. У него было акровъ двѣнадцать пахотной земли. Кромѣ Юргиса, онъ имѣлъ еще одного сына и одну дочь. Сына взяли въ солдаты, и онъ пропалъ безъ вѣсти. Дочь Антона вышла замужъ, и мужъ ея откупилъ землю у тестя. Тогда старикъ Антонъ рѣшилъ эмигрировать со своимъ сыномъ. Юргисъ познакомился съ Оной годъ за полтора до того на конской ярмаркѣ въ ста верстахъ отъ своей деревни. Юргисъ прежде считалъ, что жениться глупо, а тутъ вдругъ дѣвушка ему сразу очень понравилась. Поговоривъ съ нею и поглядѣвъ на нее съ блаженной улыбкой, онъ прямо пошелъ, весь красный отъ смущенія и страха, къ ея родителямъ и предложилъ имъ отдать ему ее въ жены. Онъ предложилъ имъ за нее двѣ отцовскія лошади, которыя привелъ продавать на ярмарку. Но отецъ Оны оказался непреклоннымъ. Онъ сказалъ, что Она еще слишкомъ молода, что онъ самъ человекъ богатый и не отдастъ свою дочь такъ дешево. Юргисъ пошелъ домой очень опечаленный и работалъ всю весну и все лѣто, не покладая рукъ, чтобы забыть про свою неудачу. Но осенью, когда кончилась работа на полѣ, имъ опять овладѣла тоска, и онъ отправился къ Онѣ, пройдя въ двѣ недѣли пѣшкомъ пространство, раздѣлявшее ихъ.

Въ семьѣ Оны тѣмъ временемъ все переимѣнилось. Отецъ умеръ, и его земля оказалась въ рукахъ кредиторовъ. Теперь, къ великой радости Юргиса, Она была доступна для него. Семья состояла изъ Ельзеты Лукошайтэ, мачихи Оны—Она ее называла тетей,—и ея шестерыхъ дѣтей разнаго возраста. Былъ еще у Оны братъ Ионасъ, худощавый, небольшого роста; онъ работалъ на фермѣ. Юргису, прѣѣхавшему изъ лѣсной глуши, семья Оны внушала особое преклоненіе своей образованностью. Сама Она умѣла читать и знала, кромѣ того, многое, о чемъ онъ не имѣлъ понятія. Теперь семья очутилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Землю ихъ продали, причемъ кредиторы ихъ надули и ограбили; у нихъ осталось всего на всего семьсотъ рублей капитала. Конечно, Она могла бы теперь выйти замужъ за Юргиса и уйти изъ дому, но она была привязана къ тетѣ Ельзетѣ и не хотѣла оставить ее въ бѣдѣ. Ионасъ первый предложилъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать въ Америку, гдѣ одинъ его знакомый сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Ионасъ былъ увѣренъ, что ему удастся пристроиться тамъ, что для женщинъ и для дѣтей тоже найдется работа, и имъ будетъ житься лучше, чѣмъ на родинѣ. Юргисъ тоже слышалъ, что въ Америкѣ рабочей можетъ заработать три рубля въ день; примѣняя эту рабочую плату къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ жилъ дома, Юргисъ рѣшилъ, что, отправившись въ Америку, онъ можетъ разбогатѣть и жениться на Онѣ. Тамъ, какъ ему говорили, всѣ свободны. Служить въ солдатахъ не заставляютъ, не нужно тратить всѣ свои деньги на взятки чиновникамъ,—всякій воленъ жить какъ хочетъ и не долженъ унижаться ни передъ кѣмъ.

Только бы раздобыть деньги на проѣздъ,—тогда все устроится къ лучшему! Рѣшено было ѣхать слѣдующей весной, и до того Юргисъ нанялся къ подрядчику и прошелъ пѣшкомъ четыреста верстъ въ Смоленскъ, на работы по постройкѣ желѣзной дороги. Работа была страшно тяжелая, безъ отдыха, пища плохая, приходилось жить среди страшной грязи, но Юргисъ все переносилъ терпѣливо и зато отложилъ къ веснѣ восемьдесятъ рублей.

Слѣдующимъ лѣтомъ они всѣ и пустились въ путь въ Америку. Въ послѣднюю минуту къ нимъ присоединилась Марья Берчинская, двоюродная сестра Оны. Она была сирота и съ дѣтства работала на фермѣ около Вильны, гдѣ хозяинъ вѣчно ее колотилъ. Только въ двадцать лѣтъ Марьѣ пришло въ голову испытать свою силу. Она вздумала дать отпоръ хозяину и чуть не убила его. Послѣ того она ушла.

Ихъ поѣхало въ Америку такимъ образомъ двѣнадцать чело-

вѣкъ — шесть взрослыхъ и шестеро дѣтей. Уже по дорогѣ они попали въ бѣду: имъ взялся помогать какой-то агентъ, который оказался мазурикомъ и повытянулъ у нихъ много денегъ. Въ Нью-Йоркѣ повторилась та же исторія, потому что они растерялись въ чужомъ мѣстѣ и не знали, къ кому обращаться съ вопросами. Когда имъ встрѣтился человекъ въ синемъ мундирѣ, говорившій на ихъ языкѣ, онъ безъ всякаго труда завлекъ ихъ въ отель и заставилъ ихъ заплатить огромныя деньги при отъѣздѣ. По закону, у дверей каждаго отеля долженъ быть вывѣшенъ тарифъ, но законъ не требуетъ, чтобы тарифъ написанъ былъ по-литовски.

Пріятель Юваса разбогатѣлъ на торговлѣ мясными консервами, и поэтому семья литовскихъ эмигрантовъ тоже направилась въ Чикаго. Они знали только одно слово: „Чикаго“, и оно довело ихъ до мѣста назначенія. Но, очутившись — сами не понимая какъ — въ этомъ городѣ, они оказались совершенно безпомощными. Больше всего они теперь боялись людей въ мундирахъ, и при видѣ всякаго полицейскаго спѣшили перейти на другую сторону улицы. Такъ они пробродили цѣлый день, совершенно потерянные въ лабиринтѣ улицъ; подъ вечеръ ихъ подобрала полиція и помѣстила на ночь въ полицейскій участокъ. Утромъ нашли переводчика, и послѣ переговоровъ при его помощи ихъ посадили въ вагонъ электрическаго трамвая, научивъ ихъ новому слову: „скотные дворы“. Они очень радовались, что на этотъ разъ дѣло обошлось безъ лишнихъ расходовъ.

Сѣвъ въ вагонъ трамвая, они стали глядѣть въ окна. Передъ ихъ глазами потянулась длинная, безконечно длинная — они не знали, что длина ея тридцать-четыре версты — улица, и по обѣимъ ея сторонамъ шелъ непрерывающійся рядъ невзрачныхъ двухъ-этажныхъ домиковъ. Боковыя улицы были совершенно такого же типа; нигдѣ ни пригорка, ни зелени: все такія же безобразныя грязныя деревянныя строенія. Иногда путь пересѣкался мостомъ черезъ грязную рѣчку, съ грязными навѣсами и лачугами по берегамъ; или же они пересѣкали плотно желѣзной дороги съ цѣлымъ лабиринтомъ рельсовъ во всѣхъ направленіяхъ. Кое-гдѣ возвышались фабрики, угрюмыя зданія съ безконечнымъ количествомъ оконъ и огромныхъ трубъ; дымъ изъ нихъ наполнялъ весь воздухъ копотью. Потомъ опять начинался однообразный рядъ унылыхъ домиковъ.

Еще за часъ до приѣзда въ Чикаго, они стали замѣчать перемѣну въ воздухѣ; становилось все болѣе и болѣе темно, краски принимали какой-то грязный оттѣнокъ, вся природа вокругъ

была жалкая и чахлая. И въ то же время они обратили вниманіе на какой-то странный острый запах. Людямъ съ болѣе чувствительнымъ обоняніемъ запахъ этотъ показался бы нестерпимымъ,—имъ онъ показался только страннымъ. А теперь, сидя въ электрическомъ трамваѣ, они поняли, что направляются къ источнику его,—и что туда именно вель ихъ далекій путь съ родины. Запахъ этотъ уже не былъ чѣмъ-то смутнымъ, неуловимымъ. Онъ сталъ плотнымъ, осязательнымъ. Они никакъ не могли согласиться въ опредѣленіи этого запаха. Они только чувствовали запахъ чего-то сырого и остраго, жирнаго, прогорѣлаго и очень сильнаго. На иныхъ этотъ запахъ дѣйствовалъ какъ опьяняющее питье, другіе съ отвращеніемъ зажимали носъ. Литовская семья все еще не понимала, что это за запахъ, когда трамвай остановился, дверь широко раскрылась и раздался громкій голось:—Скотные дворы!

Они очутились на улицѣ и стали оглядываться вокругъ себя. Вдоль боковой улицы тянулись два ряда кирпичныхъ домовъ и посрединѣ было открытое пространство: тамъ изъ шести гигантскихъ трубъ поднимались столбы густого, жирнаго, чернаго какъ ночь дыма. Онъ точно выходилъ изъ нѣдръ земли, гдѣ горятъ еще огни отъ начала вѣковъ. Нескончаемые клубы дыма поднимались къ небу и разстилались по небу черной пеленой, застилавшей весь горизонтъ.

Вниманіе прїѣзжихъ было вскорѣ привлечено еще однимъ страннымъ обстоятельствомъ. Это, какъ и запахъ, было что-то стихійное, какой-то звукъ, составленный изъ тысячи отдѣльныхъ слабыхъ звуковъ. Сразу его трудно было подмѣтить, онъ только слегка вкрадывался въ сознаніе, какъ жужжаніе пчелъ весной или шелестъ листьевъ въ лѣсу; казалось, что до слуха доносится отголосокъ непрерывнаго движенія, чего-то совершающагося безъ перерыва гдѣ-то неподалеку. Постепенно, однако, выяснилось для сознанія, что звукъ этотъ производится животными, что это—далекій вой десяти тысячъ головъ скота, далекое визжанье десяти тысячъ свиней.

Прїѣзжимъ любопытно было бы прослѣдить, откуда идетъ этотъ звукъ, но у нихъ не было времени. Полицейскій на углу уже обратилъ на нихъ вниманіе, и они по обыкновенію поспѣшили перейти на другую сторону улицы, спасаясь отъ него. Вдругъ Ионасъ испустилъ радостный крикъ и исчезъ въ лавкѣ, на вывѣскѣ которой было написано: „Я. Шедвила. Лавка бакалейныхъ товаровъ“. Черезъ минуту онъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи толстаго господина безъ сюртука и въ передникѣ. У

обоихъ были радостно-возбужденныя лица. Оказалось, что Шедвила и былъ тотъ пріятель Іонаса, которому повезло въ Америку. Тотъ фактъ, что онъ разбогатѣлъ именно на продажѣ съѣстныхъ товаровъ, былъ особенно пріятнымъ сюрпризомъ, такъ какъ всѣ они еще ничего не ѣли съ утра, и дѣти уже начинали хныкать отъ голода.

Шедвила и его жена очень радушно приняли пріѣзжихъ, и Якубъ сталъ поучать своихъ земляковъ, объяснять имъ условія, въ которыхъ имъ теперь придется жить. Онъ сказалъ имъ, какъ бы они должны были поступить, въ чемъ состояли ихъ ошибки до сихъ поръ, и, главное, указалъ имъ, что дѣлать теперь, какъ начать жизнь въ новыхъ условіяхъ. Прежде всего онъ совѣтовалъ имъ поселиться у пани Анели Юкнинъ. Тамъ, конечно, жить имъ будетъ не особенно удобно, но на первыхъ порахъ это—самое подходящее. Тетя Ельзбета успѣшила сказать, что самое главное для нихъ теперь—дешевизна; они и такъ въ полномъ ужасѣ отъ того, что уходитъ столько денегъ. За нѣсколько дней пребыванія въ странѣ высокой заработной платы они успѣли убѣдиться, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, страна невообразимо высокихъ цѣнъ на предметы первой необходимости; бѣдные люди здѣсь, навѣрное, нуждаются еще гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ грѣзы Юргиса о богатствѣ сразу разсѣялись. Но самое ужасное было то, что они теперь должны были тратить по американскимъ цѣнамъ деньги, заработанныя на родинѣ по тамошней платѣ за трудъ. За послѣдніе дни они почти ничего не ѣли—до того ихъ ужасала дороговизна съѣстныхъ припасовъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Но все-таки, попавъ на квартиру вдовы Юкнинъ, они пришли въ полный ужасъ. Въ такой труппѣ имъ еще ни разу не приходилось бывать за все время путешествія. У пани Анели была квартира въ четыре комнаты, въ одномъ изъ двухъ-этажныхъ домовъ фабричнаго района. Въ каждомъ такомъ домѣ были четыре квартиры, и каждая квартира была пансіономъ для эмигрантовъ-литовцевъ, поляковъ, чеховъ. Квартиры эти содержались иногда частными предпринимателями, а иногда устраивались на кооперативныхъ началахъ. Въ каждой комнатѣ помѣщалось обыкновенно человѣкъ по шести, но иногда бывало и по тринадцати—четырнадцати, и случалось, что во всей квартирѣ жило человѣкъ шестьдесятъ. Каждый долженъ былъ имѣть собственную постель. Тюфяки разстилались на полу и занимали всю комнату,—кромѣ маленькаго пространства, занятаго печкой. Однимъ и тѣмъ же тюфякомъ пользовались иногда два человѣка, изъ которыхъ одинъ

работалъ днемъ и спалъ ночью, а другой работалъ ночью и спалъ днемъ. Хозяйка, пани Ювнинъ, была блѣдная маленькая женщина съ морщинастымъ лицомъ. Квартира ея была невообразимо грязна, тѣмъ болѣе, что кромѣ множества людей, спавшихъ въ комнатахъ, въ сѣняхъ съ кухоннаго хода устроено было еще изъ досокъ помѣщеніе для цыплятъ. Жильцы пани Анели говорили въ шутку, что для чистки и уборки комнатъ хозяйка пользовалась своими цыплятами. Она пускала ихъ ходить по комнатамъ, и они истребляли—по крайней мѣрѣ—паразитовъ. Возможно, впрочемъ, что это дѣлалось вовсе не ради чистоты, а для доставленія дарового корма цыплятамъ. Какъ бы то ни было, но пани Анеля совсѣмъ перестала заботиться объ уборкѣ дома. Она сильно страдала ревматизмомъ и большею частью сидѣла въ овоемъ углу, свернувшись отъ боли.

Вотъ куда попали на первыхъ порахъ пріѣзжіе. Они все-таки рѣшили остаться пока. Женщинамъ и дѣтямъ пани Анеля предложила раздѣлить съ нею ея комнату, гдѣ она спала со своими тремя дѣтьми. Юргисъ былъ увѣренъ, что достанетъ работу для себя на слѣдующій же день, а затѣмъ, можетъ быть, и Ионаса удастся пристроить—куда нибудь, и тогда они займутъ собственную квартиру.—А пока нужно потерпѣть.

Въ тотъ же день, попозже, Юргисъ и Она пошли пройтись по кварталу, гдѣ имъ предстояло поселиться. Всюду тянулись одинаковые унылые домики въ два этажа, и ряды ихъ прерывались только кое-гдѣ пустыми пространствами, гдѣ торчали пучки чахлой желтой зелени и тянулись плантаціи томатовъ. На этихъ пустошахъ рѣзвились дѣти. Они бѣгали, гнались другъ за дружкой, дрались. Количество дѣтей было какое-то поражающее. Сначала казалось, что это толпа шеольниковъ, выспавшая на улицу послѣ уроковъ, но мѣстные жители знали, что никакой школы тутъ не было: все это были дѣти мѣстныхъ рабочихъ, и улицы квартала были запружены ими настолько, что ѣхать по нимъ приходилось шагомъ.

Впрочемъ, и такъ трудно было бы скоро ѣздить здѣсь по улицамъ въ виду ихъ несправности. Середина улицы была повсюду ниже уровня домовъ и соединялась съ ними высокими троттуарами. Улицы были немощенныя, съ ухабами и рыгвинами на каждомъ шагу, съ глубокими впадинами, наполненными водой мутнаго зеленого цвѣта. Въ такого рода прудахъ барахтались дѣти, извлекая оттуда какіе-то непонятные трофеи. Вокругъ нихъ носились рои мухъ и чувствовался ужасный запахъ разложенія. Если пораженный этимъ запахомъ посторонній посѣти-

тель спрашивалъ мѣстныхъ жителей о причинахъ зловонія, — ему спокойно отвѣчали, что вся почва здѣсь наносная, и образовали ее тѣмъ, что сюда свозили и сваливали городскіе отбросы. Черезъ нѣсколько времени запахъ исчезнетъ, — но пока, конечно, неприятно, особенно лѣтомъ, въ жару и дождь. И нехорошо также, что столько мухъ. — А развѣ это не вредно для здоровья? — спрашивалъ посѣтитель. — Можетъ быть, но утверждать навѣрное нельзя.

Пройдя нѣсколько шаговъ дальше, Юргисъ и Она воочию увидѣли, какъ создавалась эта наносная почва. Въ огромную квадратную яму сваливали возы съ отбросами. Оттуда шло невообразимое зловоніе. Но несмотря на это, тамъ копалась цѣлая куча дѣтей до поздней ночи, и нельзя было въ точности рѣшить, ищутъ ли они тамъ кормъ для куръ, или пищу для самихъ себя. За свальной ямой высились высокія трубы кирпичнаго завода. Такъ что сначала землю раскапывали, чтобы добыть изъ нея глину, а потомъ снова засыпали ямы отбросами. Юргисъ и Она были поражены предпримчивостью американцевъ, умѣвшихъ такимъ образомъ извлекать пользу изъ всего. Пройдя дальше, они увидѣли яму, не засыпанную еще. Тамъ была вода, которая простояла все лѣто, покрываясь плѣсенью. Зимой она замерзала, и оттуда выкалывали ледъ и продавали его мѣстнымъ жителямъ. Это имъ тоже понравилось своей практичностью: они вѣдь не читали газетъ и ничего не знали про „микробы“.

Они долго стояли тамъ, не глядя на величественный закатъ, озарившій крыши домовъ. Имъ было не до заката; повернувшись спиной къ солнцу, они глядѣли на разстилавшійся передъ ними вдали городъ. Линія зданій рѣзко вырисовывалась на горизонтѣ. Кое-гдѣ надъ домами поднимались высокія трубы, и изъ нихъ потоки дыма разливались далеко-далеко — какъ бы до краевъ міра. Въ вечернемъ освѣщеніи дымъ принималъ самые разнообразные свѣтовые оттѣнки, становился смѣсью чернаго, коричневаго, сѣраго и багрово-краснаго. Все жалкое, нищенское исчезло — въ сумеркахъ оставалось только впечатлѣніе гигантской мощи. Юргису и Онѣ казалось, что все это волшебный сонъ о жизни, озаренной любовью, сознаниемъ свободы, перспективой работы для тысячи рубъ. Возвращаясь домой, Юргисъ сказалъ Онѣ еще болѣе увѣренно: — Завтра я поступлю на работу.

III.

Среди многочисленных знакомых Якуба Шедвилы оказался также одинъ полицейскій, состоявшій на службѣ у фабриканта Дургэма. Такъ какъ въ его обязанность входило и подыскиваніе рабочихъ на фабрику, то Якубъ попросилъ его пристроить буда-нибудь старика Антона и Ионаса. Самъ Юргисъ не нуждался въ протекціи. Онъ зналъ, что и самъ найдетъ себѣ работу,—и дѣйствительно не ошибся. Онъ пошелъ на фабрику Броуна и прождалъ тамъ не болѣе получаса. Надзиратель сейчасъ же замѣтилъ въ толпѣ высокаго, сильнаго литовца, и послѣ короткихъ переговоровъ жестами—своей запасъ англійскихъ словъ Юргисъ исчерпалъ послѣ первой же фразы—послѣдовало соглашеніе, и Юргису назначили явиться на работу на слѣдующее же утро, въ семь часовъ. Юргисъ поспѣшилъ домой съ радостной вѣстью. Получить работу въ первый же день—развѣ это не величайшая удача? Тѣмъ временемъ Якубъ успѣлъ повидаться съ знакомымъ полицейскимъ, и тотъ обѣщалъ доставить работу Антону и Ионасу. Вся семья пришла въ радужное настроеніе, и чтобы отпраздновать удачу, Якубъ рѣшилъ провести весь день съ своими земляками. Онъ оставилъ лавку на попеченіе жены и отправился съ пріѣзжими, показывать имъ достопримѣчательности города. Онъ былъ мѣстный старожилъ, городъ выросалъ на его глазахъ, и онъ гордился его великолѣпіемъ. Земля, конечно, принадлежала собственникамъ свотопригонныхъ дворовъ и фабрикантамъ консервовъ, но вѣшній видъ всего былъ его собственностью, и его правъ на это никто не могъ оспаривать. Онъ водилъ друзей своихъ по улицамъ, какъ помѣщикъ, показывающій свои владѣнія гостямъ.

Они прошли внизъ по улицѣ, которая вела къ свотопригоннымъ дворамъ. Утренняя работа была еще въ полномъ разгарѣ. Въ ворота вливался потокъ людей—въ этотъ часъ являлись на службы служащіе высшихъ категорій—клерки, стенографы и т. д. Женщины ждали большіе дилижансы, запряженные каждый парой лошадей. Они быстро наполнялись и уѣзжали. И опять доносился откуда-то вой скота, похожій на далекій ровоть океана. Пріѣзжие направились по направленію, откуда шли эти звуки,—ихъ влекло туда острое любопытство, и они шли, какъ дѣти, которыхъ ведутъ въ звѣринецъ. Перейдя черезъ рельсы, они увидѣли по обѣ стороны улицы загоны, переполненные скотомъ. Имъ хотѣлось бы

остановиться и посмотрѣть, но Якубъ торопилъ ихъ идти дальше. Онъ провелъ ихъ по лѣстницѣ на высокую галерею, откуда можно было все ясно увидѣть. Тамъ они долго стояли, пораженные отрывшейся ихъ взглядамъ картиной.

Скотопригонные дворы занимали около квадратной версты, и половина этого пространства отведена была подъ загоны для скота. Во всѣ стороны тянулось цѣлое море загоновъ. Когда они были полны, то казалось почти невѣроятнымъ, чтобы могло существовать столько скота на свѣтѣ. Скотъ былъ самый разнообразный: бурый, черный, старый и молодой, ревушіе быки и новорожденные телята, коровы съ кроткими глазами и буйные длиннорогіе тексасскіе быки. Количество головъ казалось неисчислимымъ, — точно ихъ согнали сюда со всего міра. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были проѣзды, загражденные на опредѣленныхъ разстояніяхъ воротами, и Якубъ пояснилъ, что такихъ воротъ двадцать-пять тысячъ. Когда это число вызвало крикъ изумленія у его земляковъ, Якубъ почувствовалъ нѣкоторую гордость, и подобное же чувство начало овладѣвать Юргисомъ. Вѣдь и онъ теперь соучастникъ этой гигантской производительности, одинъ изъ винтовъ поразительной машины.

Вдоль проѣздовъ неслись галопомъ люди верхомъ, въ ботфортахъ и съ длинными бичами въ рукахъ. Это были закупщики скота для крупныхъ консервныхъ фабрикъ въ далекихъ штатахъ. Они останавливались, осматривали партію скота, и переговоры съ продавцомъ длились обыкновенно не больше минуты. Закупщикъ кивалъ головой или опускалъ бичъ; это значило, что сдѣлка заключена, и онъ только отмѣчалъ ее въ книжкѣ, рядомъ съ сотней другихъ покупокъ, сдѣланныхъ за это утро. Затѣмъ Якубъ показалъ мѣсто, гдѣ взвѣшивали скотъ на огромныхъ вѣсахъ. Они выносили тяжесть въ сто тысячъ пудовъ и автоматически отмѣчали вѣсъ поставленнаго на гигантскія площадки скота. Вѣсы эти стояли вблизи отъ входа, а вдоль всей восточной стороны шли рельсы, по которымъ подвозили вагоны, нагруженные скотомъ. Подвозъ длился всю ночь, и теперь загоны были полны. Но къ вечеру они опять опоражнивались, и подвозъ начинался сызнова.

— А что же станется со всѣми этими животными? — въ ужасѣ спросила тетя Ельзбета.

— Къ вечеру всѣ они будутъ убиты и разрѣзаны на куски. Съ другой стороны дворовъ опять идутъ рельсы, по которымъ приѣзжаютъ вагоны за тушами убитаго скота.

Якубъ продолжалъ давать дальнѣйшія поясненія. По его

словамъ, вокругъ скотопригонныхъ дворовъ тянутся двѣсти-пять-десять верстъ рельсоваго пути. По нимъ перевозятся ежедневно около десяти тысячъ быковъ, столько же свиней и половинное количество овецъ. Такъ что въ общемъ здѣсь превращаютъ ежегодно восемь или девять миллионовъ живыхъ существъ въ пищу для людей. Постоявъ на галереѣ нѣсколько времени, можно было, наконецъ, услѣдить за направлениемъ потока, который шелъ по направленію къ бойнямъ. Скотъ сначала гнали на помосты, поднимавшіеся высоко надъ головами; шириной они были футовъ въ пятнадцать. Притокъ скота на помосты былъ непрерывный, и жутко было глядѣть, какъ животныя толпились тамъ, не подозревая о томъ, что ихъ ожидаетъ. Якубъ объяснилъ, что помосты, на которые становились свиньи, поднимали ихъ на самый верхъ видѣвшихся вдали зданій,—и что свиней поднимала туда ихъ собственная тяжесть; потомъ онѣ тоже силой своей тяжести автоматически проходили черезъ всѣ стадіи своего превращенія изъ живыхъ свиней въ съдобную свинину.

— Здѣсь ничего не пропадаетъ даромъ,—сказалъ со смѣхомъ Якубъ, и повторилъ ходячую остроту о томъ, что фабриканты извлекаютъ пользу изъ всего въ свиньѣ—и не могутъ использовать только ея визга. Эта острота была однимъ изъ рѣдкихъ проблесковъ юмора среди мрачнаго рабочаго населенія.

Насмотрѣвшись на скотъ въ загонѣхъ, компанія прошла со своимъ проводникомъ дальше къ зданіямъ, занимавшимъ середину двора. Зданія эти были кирпичныя, закопченныя дымомъ и расписанныя сплошь множествомъ объявленій. Читая ихъ, посѣтитель убѣждался, что здѣсь-то—очагъ цѣлаго ряда мелкихъ мученій его жизни. Здѣсь изготовлялись продукты, рекламируемые на огромнѣйшихъ пестрыхъ афишахъ среди полей, на улицахъ всѣхъ городовъ, на страницахъ газетъ и журналовъ. Здѣсь изготовлялись „Броуновская императорская ветчина и сало“, „Броуновское копченое мясо“, „Броуновскія сосиски эксельзіоръ“. Здѣсь же родина „Дургэмовскаго очищеннаго сала“ и Дургэмовскихъ мясныхъ консервовъ разнаго наименованія.

Войдя въ одно изъ зданій фабрики Дургэма, они застали много постороннихъ посѣтителей, и вскорѣ явился одинъ изъ служащихъ, чтобы повести ихъ осматривать заведеніе. Это дѣлалось очень охотно, въ видахъ рекламы, но Якубъ шепнулъ друзьямъ, что посѣтители видятъ, конечно, только показную сторону производства и даже не заглядываютъ туда, куда фабрикантамъ невыгодно ихъ водить.

Якубъ повелъ своихъ земляковъ по лѣстницѣ снаружи зда-

ніа, и они поднялись на высоту пяти или шести этажей. Тамъ останавливался помостъ, поднимавшій вверхъ цѣлую рѣку свиней. Наверху имъ давали остыть, а потомъ черезъ другой проходъ гнали въ комнату, откуда уже для нихъ не было возврата.

Это было длинное узкое помѣщеніе съ устроенной во всю длину галереей для посѣтителей. Тамъ стояло большое желѣзное колесо съ вдѣланными въ края его кольцами. Съ обѣихъ сторонъ колеса было узкое пространство, и туда попадали свиньи въ концѣ своего путешествія изъ загона вверхъ. У колеса стояли съ обѣихъ сторонъ два могучихъ негра съ высоко засученными руками. Въ эту минуту они отдыхали; колесо остановили, чтобы дать время вымыть полъ. Но вотъ оно опять пришло въ движеніе и началась работа. Стоявшіе у колеса два человѣка схватывали каждый ближайшую свинью за ногу и подвѣшивали ее цѣпочкой съ крючкомъ на концѣ на одно изъ колець колеса. Когда колесо поворачивалось, оно подхватывало свинью за ногу и поднимало ее вверхъ. Въ ту же секунду раздавался страшный крикъ, отъ котораго посѣтителі невольно вздрагивали, а женщины блѣднѣли. И крикъ уже больше не смолкалъ, потому что подвѣченная колесомъ свинья переживала въ послѣдующія минуты всѣ ужасы смертной казни. Поднявъ ее наверхъ, ее скатывали тотчасъ же внизъ по спуску, а тѣмъ временемъ поднимали слѣдующую, и такъ непрерывно, пока не образовывался двойной рядъ свиней, повисшихъ въ воздухъ за одну ногу и визжавшихъ изо всѣхъ силъ. Это визжаніе на разные голоса сливалось въ страшный крикъ предсмертнаго ужаса и муки. Посѣтителі прямо не выдерживали этого звука. Мужчины нервно смѣялись, чтобы побѣдить внутренний ужасъ, а женщины стояли въ слезахъ.

Работа, однако, шла своимъ чередомъ. Ни визгъ свиней, ни слезы посѣтителей не останавливали мясниковъ: одинъ подвѣшивалъ свинью на колесо, съ тѣмъ, чтобы другой въ концѣ пути быстрымъ ударомъ ножа разрѣзалъ ей горло. Горячая струя крови заливала полъ, а животное тотчасъ же исчезало въ чанѣ съ кипяткомъ. Все это совершалось съ поразительной автоматичностью. Это было какое-то машинное производство свинины, убой посредствомъ прикладной математики. И все-таки нельзя было отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тутъ совершается нѣчто ужасное—что все это живыя существа, которыхъ никто не имѣетъ права убивать. Казалось, что совершается потихоньку, вдали отъ правосудія, невѣдомо для міра, какое-то гнусное преступленіе. Непрерывный страшный визгъ свиней начиналъ ка-

заться безпомощнымъ протестомъ всего человѣчества, обреченнаго страдать отъ грубаго произвола. Каждое изъ этихъ животныхъ имѣло свою индивидуальность—тутъ это было совершенно ясно. Нѣкоторыя свиньи были бѣлыя, нѣкоторыя черныя, однѣ старыя, другія молодыя, однѣ худыя, другія чудовищно-толстыя. Всѣ онѣ довѣрчиво шли, куда ихъ гнали,—не зная, что ихъ ждетъ роковое колесо. Почему? какой смыслъ этой жертвы?.. Можетъ быть, эти мысли приходили въ голову и простодушному Юргису. Уходя вмѣстѣ съ другими, онъ пробормоталъ:

— Не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этихъ свиней!

Свиную тушу поднимали машиной изъ чана съ кипяткомъ, и она падала въ нижній этажъ, гдѣ ее пропускали на проводѣ между двумя рядами людей, изъ которыхъ каждый производилъ надъ нею какое-нибудь опредѣленное дѣйствіе. Одинъ соскабливалъ ногу снаружи, другой выскабливалъ ее изнутри. Одинъ быстрымъ ударомъ ножа перерѣзывалъ горло, другой отдѣлялъ двумя быстрыми ударами голову отъ туловища; голова падала на полъ и исчезала черезъ отверстіе въ полу. Слѣдующій дѣлалъ продольный прорѣзъ вдоль туловища, другой углублялъ прорѣзъ, третій распилывалъ грудную кость, четвертый отдѣлялъ внутренности отъ тканей, пятый вынималъ ихъ, и они тотчасъ же исчезали черезъ отверстіе въ полу. Были отдѣльные люди для чистки каждаго бока и спины, затѣмъ другіе чистили тушу изнутри и вымывали ее. Передъ глазами зрителя тянулась линия рядовъ въ сто медленно подвигавшихся тушъ, и на всемъ этомъ пространствѣ, на разстояніи ярда одинъ отъ другого стояли люди и работали каждый съ головокружительной быстротой. На протяженіи этого пути каждый дюймъ свиной туши подвергался специальной обдѣлкѣ, и тогда только тушу отправляли въ холодильникъ, гдѣ она оставалась сутки. Попавъ въ холодильникъ, посторонній посѣтитель могъ бы съ непривычки заблудиться въ лѣсу мороженныхъ мясныхъ тушъ.

Прежде, однако, чѣмъ тушу направляли въ холодильникъ, ее досматривалъ правительственный инспекторъ, сидѣвшій въ дверяхъ. Онъ долженъ былъ ощупывать железы, чтобы посмотреть, не заражено ли было животное туберкулезомъ. Но инспекторъ не имѣлъ вида переутомленнаго человѣка. Онъ не былъ, повидному, охваченъ ужасомъ, что, можетъ быть, пропуститъ одну, другую тушу безъ тщательнаго осмотра. При случаѣ онъ даже радъ былъ поговорить съ посѣтителями, рассказать имъ о смертоносномъ дѣйствіи птоманинъ, находимыхъ въ мясѣ туберкулезныхъ свиней. Ну, а если во время научной бесѣды проносили

дюжину другую тушъ, не подвергая ихъ осмотру, то ужъ изъ деликатности не слѣдовало обращать на это вниманіе. Инспекторъ былъ въ синемъ мундирѣ съ блестящими пуговицами и придавалъ однимъ своимъ присутствіемъ законный видъ всему, что производилось на фабрикѣ Дургэма.

Юргисъ, какъ и другіе посѣтители, смотрѣлъ на все вокругъ съ разинутымъ отъ изумленія ртомъ. Онъ самъ разводилъ свиней у себя на Литвѣ и зналъ, какъ обдѣлывать туши, но чтобы одна свинья перебивала въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, этого онъ не могъ раньше и представить себѣ. Все, что онъ видѣлъ здѣсь, казалось ему подлиннымъ чудомъ, — и онъ вѣрилъ всѣмъ объясненіямъ служащихъ. Его даже возмущали циничные комментаріи Якуба, который предлагалъ показать потайныя комнаты, гдѣ „лечили“ испорченное мясо.

Они спустились этажемъ ниже, гдѣ обрабатывались разные остатки. Тамъ промывали кишки, для приготовленія оболочекъ для колбасъ и сосисокъ. Мужчины и женщины работали тамъ въ ужасающемъ затхлому воздуху, отъ котораго у посѣтителей спирало дыханіе. Въ слѣдующей комнатѣ вываривали остатки, для изготовленія мыла и сала; подъ этой комнатой была другая, гдѣ сортировали остатки, — тамъ посѣтители тоже не засиживались. Въ другихъ комнатахъ разрѣзали туши, уже прошедшія черезъ холодильники. Прежде всего особые рѣзники — самые искусные во всемъ заведеніи и получавшіе по пятидесяти центовъ въ часъ, занимались весь день только тѣмъ, что разрубали туши пополамъ. Разрубленная пополамъ туша переходила въ руки мясниковъ другой категоріи, могучихъ людей съ желѣзными мускулами. У каждаго изъ нихъ было по два сподручныхъ, которые разстилали передъ нимъ половинки туши, держали ее пока онъ рѣзалъ; и переворачивали для второго разрѣза. Ножъ у него былъ фута въ два длиной, и онъ рѣзалъ имъ сразу и такъ ловко, что лезвіе не прорѣзало мясо насвободу и не тускнѣло. Онъ употреблялъ на это движеніе ровно столько силы, сколько нужно было для того, чтобы сдѣлать разрѣзъ въ совершенствѣ. И такимъ образомъ, черезъ специально предназначенныя для этого отверстія въ полу падали внизъ разные части свиной туши: въ одну комнату попадали окорока, въ другую — передки, и т. д. Можно было спуститься затѣмъ туда и осмотрѣть помѣщенія, гдѣ коптили окорока, гдѣ готовили солонину; огромные подвалы были набиты ею снизу доверху. Въ другихъ помѣщеніяхъ мясо упаковывалось въ ящики и боченки, а сало и окорока завертывались въ промасленную бумагу, ихъ запечаты-

вали и зашивали и наклеивали на нихъ этикетки. Изъ этихъ помѣщеній вывозили нагруженные тележки на платформу, гдѣ стояли вагоны, куда грузъ складывался для отправки по желѣзной дорогѣ. Пройдя туда за нагрузчиками, посѣтитель замѣчалъ къ своему изумленію, что наконецъ опустился на самый низъ огромнаго зданія.

Послѣ того Якубъ повелъ ихъ черезъ улицу туда, гдѣ убивали быковъ,—гдѣ каждый часъ четыреста или пятьсотъ головъ рогатаго скота превращали въ говядину. Тамъ вся работа производилась въ одномъ этажѣ. И вмѣсто одной линіи тушъ, передвигавшихся отъ одного рѣзника къ другому, здѣсь было пятнадцать-двадцать рядовъ скота, и люди переходили отъ одного быка къ другому. Это создавало удивительное зрѣлище выпучей дѣятельности и торжества человѣческой силы. Все это происходило въ одной большой комнатѣ—точно въ циркѣ, съ галереей для зрителей надъ самой серединой.

По одну сторону комнаты шла узкая галерея, поднимавшаяся на нѣсколько футовъ отъ пола. Туда загоняли скотъ. Каждого быка сначала оглушали электрическимъ токомъ, а потомъ вталкивали въ отдѣльный загонъ, гдѣ онъ не могъ повернуться, когда захлопывалась дверца. И пока онъ стоялъ тамъ, вои и пытались вышибить дверь головой, надъ загонномъ появлялась голова „бойца“ съ тяжелымъ молотомъ въ рукахъ. Онъ выжидалъ удобную минуту, чтобы нанести ударъ. Удары молота раздавались непрерывно, и за ними слѣдовалъ грохотъ отъ паденія быка. Какъ только онъ падалъ, „боецъ“ переходилъ къ слѣдующему загону, а другой человѣкъ отрывалъ дверцу посредствомъ рычага, и быкъ, продолжая отбиваться, но обезсиленный и еле живой, попадалъ въ убойную камеру. Тамъ ему накидывали цѣпь на одну ногу и поднимали его на воздухъ, надавивъ на другой рычагъ. Загоновъ было пятнадцать-двадцать, и нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы повалить пятнадцать-двадцать быковъ и вывести ихъ на убой.

Потомъ дверь опять раскрывалась, и новый притокъ скота наполнялъ все загонъ. А оттуда опять шелъ непрерывный притокъ тушъ въ убойную камеру, и тамъ начиналась обдѣлка ихъ.

Тому, кто разъ присутствовалъ при этомъ зрѣлищѣ, оно оставалось въ памяти навсегда. Люди работали тамъ съ бѣшеной скоростью, которую можно сравнить только съ бѣгомъ при игрѣ въ „футболъ“. Работа разбита была на множество отдѣльныхъ опредѣленныхъ специальностей. Каждый дѣлалъ два-три опредѣленныхъ разрѣза и пробѣгалъ вдоль ряда изъ пятнадцати-двад-

цати тушъ, повторяя свои разрѣзы на каждой. Сначала „мисникъ“ выпускалъ кровь: одинъ быстрый ударъ ножа, столь быстрый, что въ воздухѣ сверкало только лезвіе ножа, и онъ уже бѣжалъ дальше, а на полъ лилась ярко-красная струя крови. Полъ былъ залитъ кровью на дюймъ, несмотря на поспѣшность, съ которой особо приставленные къ этому дѣлу люди направляли кровь къ сточнымъ отверстиямъ. Полъ былъ, вѣроятно, очень скользкій, но этого нельзя было бы предположить, глядя на проворный бѣгъ мясниковъ.

Тушѣ давали висѣть нѣсколько минутъ для того, чтобы изъ нея вытекла кровь. Но время при этомъ не терялось, потому что туши висѣли всегда по нѣсколькѣ рядомъ, и одна была всегда готова для дальнѣйшихъ манипуляцій. Ее опускали на полъ, и за нее брался специалистъ, который нѣсколькими быстрыми ударами отдѣлялъ голову отъ туловища. Затѣмъ слѣдующій дѣлалъ первый надрѣзъ въ кожѣ, другой отдѣлялъ кожу отъ мяса посрединѣ, затѣмъ еще съ поддюжины людей подбѣгали быстро одинъ за другимъ и заканчивали снятіе кожи. Когда это дѣло было сдѣлано, тушу опять поднимали вверхъ. Человекъ съ палкой въ рукахъ осматривалъ кожу, чтобы удостовѣриться, что она не порвана; другой ее сворачивалъ и спускалъ въ соответствующее отверстіе на полу. Послѣ того бычачья туша продолжала свой путь. Ее разрѣзали, выворачивали, чтобы вынуть внутренности, вычищали внутри. Были люди съ насосами въ рукахъ; они ошпаривали тушу струей кипятку; потомъ другіе отдѣляли ноги и наносили послѣдніе, окончательные удары ножомъ. Въ концѣ концовъ бычачья туша, какъ и свиньи, направлялись въ холодильники, гдѣ висѣли опредѣленное время.

Ялубъ провелъ своихъ друзей и туда, и показалъ имъ висѣщія аккуратно рядами туши, снабженныя каждая печатью правительственнаго инспектора; а нѣкоторыя, убитыя особымъ способомъ, были отмѣчены знакомъ: „кошеръ“; знакъ этотъ дѣлался раввиномъ и свидѣтельствовалъ о пригодности мяса въ пищу правовѣрнымъ евреямъ. Въ другихъ помѣщеніяхъ посѣтителямъ показывали, что дѣлается со всѣмъ тѣмъ, что сплавлялось въ сточныя отверстія убойныхъ камеръ. Они осмотрѣли копильни, помѣщенія для соленія, для изготовленія консервовъ и для упаковки, комнаты, гдѣ отборное мясо приготавливалось для перевозки въ особыхъ вагонахъ-ледникахъ во всѣ страны свѣта. Выйдя изъ главнаго помѣщенія, они еще ходили съ своимъ проводникомъ среди лабиринта зданій, предназначенныхъ для побочныхъ производствъ, связанныхъ съ мяснымъ дѣломъ. Фирма Дургэмъ

и Комп. выработывала сама почти все нужное для своей фабрики. У нея былъ собственный электрической заводъ, собственное бочарное заведеніе и мастерская для изготовленія и починки котловъ. Въ одномъ зданіи вываривали жиръ, варили мыло и топили сало, въ другомъ изготовляли жестянки для сала. Было зданіе, гдѣ вычищали и сушили щетины для изготовленія волосяныхъ подушекъ; было зданіе, гдѣ сушили и дубили кожу, затѣмъ — гдѣ варили клей изъ головъ и ногъ, и наконецъ гдѣ изготовляли изъ костей искусственное удобреніе. Ни одна частица органической матеріи не пропадала даромъ на фабрику Дургэма. Изъ бычачьихъ роговъ изготовляли гребешки, пуговицы, шпильки и поддѣльную слоновую кость; изъ большихъ костей — черенки для ножей и ручки для зубныхъ щетокъ, а также мундштуки для трубокъ; изъ копытъ дѣлали тоже шпильки и пуговицы, а затѣмъ варили клей. Изъ ногъ, жилъ и т. д. выработывали желатинъ, фосфоръ, ваксу, костяное масло. Была мастерская для выдѣлки волосъ изъ бычачьихъ хвостовъ и шерстобитныя для обработки овечьихъ шкуръ; изъ свиныхъ желудковъ добывали пепсинъ, изъ крови — альбуминъ; изъ зловонныхъ внутренностей дѣлали струны для скрипокъ. Уже тогда ничего больше нельзя было сдѣлать изъ остатковъ, изъ нихъ вываривали жиръ и сало, а также изготовляли искусственное удобреніе. Всѣ эти промыслы сосредоточивались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, соединенныхъ галереями и рельсовыми путями съ главнымъ. По точному подсчету выходило, что со времени основанія фирмы отцомъ теперешняго ея владѣльца черезъ руки рабочихъ прошло четверть билліона головъ скота, и по словамъ Якуба это заведеніе со всѣми побочными промыслами представляло собой самое большое сосредоточеніе работы и капитала въ одномъ мѣстѣ. Оно содержало тридцать тысячъ рабочихъ, поддерживало непосредственно двѣсти пятьдесятъ тысячъ людей, живущихъ по близости, а косвеннымъ образомъ — болѣе полумилліона людей. Оно посылало предметы своего производства во всѣ страны цивилизованнаго міра и доставляло пищу не менѣе, чѣмъ тридцати милліонамъ людей.

Всѣ эти свѣдѣнія и статистическія данныя преисполняли изумленіемъ и благоговѣніемъ земляковъ Якуба, а непочтительный тонъ Шедвилы въ сужденіяхъ о фабрикантахъ казался истиннымъ святотатствомъ наивному Юргису. Ему казалось, что тутъ дѣйствуютъ какіе-то особые законы, не подлежащіе человѣческому суду. Слѣдовало, по его мнѣнію, принимать все какъ должное, исполнять все, чего потребуютъ, и считать за счастье свое скромное участіе въ столь великомъ дѣлѣ. Теперь Юргисъ

еще болѣе радовался тому, что онъ поступилъ на службу къ Броуну. Ему казалось, что огромное заведеніе какъ бы взяло его подъ свое покровительство и приняло на себя отвѣтственность за его дальнѣйшее благополучіе.

IV.

На слѣдующее утро, ровно въ семь часовъ, Юргисъ уже явился на работу. Но онъ прождалъ подлѣ указанной имъ на-канунѣ двери два часа, не зная, что нужно было сразу войти. Когда надзиратель уже отправился-было нанимать другого рабочаго на его мѣсто, онъ увидалъ у дверей новичка и здорово выругалъ его. Но Юргисъ ничего не понялъ и молчалъ. По знаку надзирателя, Юргисъ переодѣлся въ рабочее платье, которое купилъ наканунѣ у старьевщика и принесъ съ собой въ узелѣ, и отправился въ убойную камеру. Тамъ ему поручили на первыхъ порахъ очень простую работу. Ему дали метлу, и обязанность его заключалась въ томъ, чтобы идти слѣдомъ за человѣкомъ, вынимавшимъ внутренности изъ быка, и сметать эти внутренности въ особое отверстіе на полу; затѣмъ нужно было скорѣе захлопнуть крышку для того, чтобы никто не могъ, поскользнувшись, упасть туда. Юргисъ пришелъ какъ разъ когда стали подвозить скотъ, и сразу принялся за работу, не имѣя времени ни оглянуться вокругъ себя, ни поговорить съ кѣмъ-нибудь. Былъ душный іюльскій день, и полъ былъ весь залитъ дымящейся горячей кровью. Запахъ крови былъ ужасенъ, но Юргису было все равно. Радость его была безгранична,—онъ уже получилъ работу и зарабатываетъ деньги! Цѣлый день онъ мысленно подсчитывалъ свой дневной заработокъ. Ему платили необычайно много по его понятіямъ — по семнадцати съ половиной центовъ въ часъ,—а такъ какъ въ этотъ день было какъ разъ очень много дѣла, и онъ проработалъ почти до семи часовъ вечера, то могъ вернуться домой съ радостнымъ сознаніемъ, что заработалъ въ одинъ день болѣе полутора доллара.

Дома его ждали пріятныя извѣстія и относительно другихъ членовъ семьи. Ионасу обѣщали мѣсто на фабрикѣ съ начала слѣдующей недѣли. А Марія, подзадоренная успѣхомъ Ионаса, отправилась самостоятельно искать работу. Она терпѣливо обошла всѣ фабрики, заходя во всѣ мастерскія, всюду, гдѣ видѣла признаки какого-либо производства, и всюду повторяла единственное слово, которое знала на чужомъ ей языкѣ: — „работы“.

Ее во многих мѣстахъ выгоняли, но въ концѣ концовъ она добилась своего. На одной изъ фабрикъ она попала въ отдѣленіе, гдѣ множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ постарше сидѣли за длинными столами и упаковывали копченое мясо въ жестянки. Проходя изъ комнаты въ комнату, она попала наконецъ туда, гдѣ занимались раскрашиваніемъ упакованныхъ жестянокъ съ консервами и налейкой этикетокъ. Тамъ она попала на глаза „надзирательницѣ“ и, къ счастью, понравилась ей. Добродушное лицо и мускулистые руки Маріи внушили довѣріе, и надзирательница сказала, чтобы она пришла на слѣдующій день и поучилась раскрашивать жестянки. Такъ какъ за эту работу платили по два доллара въ день, то Марія вернулась домой вѣтъ себя отъ радости и перепугала своими дикими криками и прыжками младшаго ребенка тети Ельзеты чуть не до судорогъ. Словомъ, всѣмъ повезло сразу, и оставалось пристроить еще только одного члена семьи. Что касается тети Ельзеты, то рѣшено было, что она будетъ вести хозяйство, и Она будетъ ей помогать. Юргисъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Она работала гдѣ-нибудь на фабрикѣ. Неужели же онъ самъ не сможетъ прокормить семью, въ особенности если Марія и Ионасъ будутъ платить за свое содержаніе? Юргисъ настаивалъ также на томъ, чтобы и дѣти не работали, а учились,—въ Америкѣ вѣдь есть отличныя дѣтскія школы. Сыну тети Ельзеты, Станиславу, было только тринадцать лѣтъ, и нужно, чтобы онъ научился говорить по-англійски и сдѣлался знающимъ и умѣлымъ ремесленникомъ.

Оставалось, значить, найти работу для старика Антона. Юргисъ находилъ, что отцу его въ сущности тоже пора бы на покой; но старикъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ пріѣхалъ въ Америку съ самыми свѣтлыми надеждами, увѣренный, что ему найдется дѣло, а вдругъ оказалось, что пристроить его будетъ очень трудно. На фабрикахъ не брали стариковъ. Шедвила сказала Юргису, что хозяева отказываютъ отъ мѣста даже рабочимъ, состарившимся у нихъ же, такъ что о томъ, чтобы принимать стариковъ со стороны, не могло быть и рѣчи. И онъ говорилъ, что во всей Америкѣ то же самое. По просьбѣ Юргиса, онъ обратился за посредничествомъ къ своему пріятелю полицейскому,—тотъ подтвердилъ его слова. Чтобы не огорчить старика, отъ него скрыли положеніе дѣлъ, и онъ провелъ два дня, бродя самъ съ фабрики на фабрику и предлагая свои услуги. Когда, придя домой, онъ узналъ объ удачѣ другихъ членовъ

семьи, онъ мужественно улыбнулся и сталъ утѣшаться тѣмъ, что придетъ и его чередъ.

Въ виду удачнаго начала новой жизни, они стали подумывать о томъ, какъ устроиться своимъ домою. Сидя на крыльцѣ у пани Анели, они стали строить планы, и Юргисъ вдругъ ошеломилъ всѣхъ необычайно смѣлымъ предложеніемъ. Онъ рассказывалъ, что ему случайно попалось въ руки необыкновенно интересное объявленіе, которое онъ прочелъ съ помощью одного земляка; теперь онъ желаетъ познакомить съ этимъ объявленіемъ всю семью. Онъ вынулъ изъ кармана художественно напечатанную афишу и показалъ ее всѣмъ. Афиша была большого формата и раскрашенная такими яркими красками, что онѣ блестяли даже при лунномъ свѣтѣ. На ней былъ изображенъ ярко раскрашенный красивый домъ. Крыша была пурпурно-красная, самъ домъ серебристаго цвѣта, а двери и окна тоже красныя. Домикъ былъ двухъ-этажный. На картинкѣ было воспроизведено все до мелочей, даже ручки дверей и бѣлыя занавѣски на окнахъ. А подъ этой картинкой въ одномъ углу была изображена любящая парочка — мужъ и жена, вѣжно обнимающіе другъ друга. Въ другомъ углу представлена была колыбель съ занавѣсками и улыбающийся херувимъ съ серебрястыми крыльями. Для полной ясности картинка сопровождалась надписью по-польски, по-литовски и по-нѣмецки: „Dom. Namai. Heim“. Кромѣ картинки, былъ еще пояснительный текстъ: „Зачѣмъ платить за наемъ квартиры? — спрашивалъ составитель объявленія. — Не лучше ли имѣть собственный домъ? Вѣдь вы можете приобрести домъ, выплачивая меньше, чѣмъ вамъ стоитъ квартирная плата. Мы построили уже тысячи домовъ, гдѣ теперь живутъ счастливыя семьи“. Слѣдовало затѣмъ и краснорѣчивое описаніе семейнаго счастья въ домѣ, за который уже не приходится платить квартирной платы. Для большей убѣдительности приводилось начало знаменитой англійской пѣсни: „Home, sweet home“, — и стихъ этотъ переведенъ былъ на польскій языкъ.

Семья долго изучала этотъ заманчивый документъ. Изъ объявленія выяснилось, что въ домѣ имѣются четыре комнаты, кромѣ подвального этажа, и что домъ можно купить за тысячу пятьсотъ долларовъ, со всѣми расходами включительно. Изъ нихъ нужно уплатить при покупкѣ всего триста долларовъ, а затѣмъ выплачивать остальное по двѣнадцати долларамъ въ мѣсяцъ. Конечно, это огромныя деньги, но они уже знали, что въ Америкѣ счетъ деньгамъ совсѣмъ другой, чѣмъ у нихъ на родинѣ. Они уже знали, что имъ придется платить за самую маленькую квартиру

девять долларовъ въ мѣсяцъ,—если они не захотятъ жить какъ теперь, всѣ вмѣстѣ въ одной или двухъ комнатахъ. Не лучше ли поэтому потратить нѣсколько больше сначала, чтобы затѣмъ уже ничего не платить всю жизнь?

Они стали считать. Немножко денегъ осталось еще у тети Ельзбеты, а также и у Юргиса; у Маріи тоже было спрятано гдѣ-то въ чулкѣ пятьдесятъ долларовъ, а у дѣдушки Антона осталась еще часть денегъ отъ продажи его земли. Если все это собрать, то составитя сумма, нужная для перваго взноса. А если у всѣхъ у нихъ будетъ работа, обеспечивающая жизнь, то, можетъ быть, этотъ планъ—самый благоразумный изъ всѣхъ. Конечно, не слѣдуетъ дѣйствовать опрометчиво, нужно хорошенько обсудить все въ подробностяхъ. Но, съ другой стороны, ужъ если рѣшать, то лучше всего сейчасъ же, а то вѣдь придется платить за наемъ помѣщенія,—да еще какого отвратительнаго при этомъ. Юргисъ самъ-то привыкъ къ грязи и паразитамъ, работая на построекѣ желѣзной дороги, но для Оны немислимо было такъ жить. Необходимо какъ можно скорѣе переселиться. Юргисъ настаивалъ на этой необходимости съ твердостью чело-вѣка, зарабатывавшаго долларъ и пятьдесятъ-семь центовъ въ день и спокойнаго относительно своего будущаго. Онъ въ сущности даже не могъ понять, почему, зарабатывая такъ много, люди живутъ здѣсь какъ нищія.

На слѣдующій день Марія пошла на фабрику и вернулась домой сіяющая: ее приняли, и съ слѣдующей недѣли она начнетъ раскрашивать жестянки. Разсказавъ это, она отправилась съ Оной и ея мачихой собирать справки относительно дома. Въ тотъ же вечеръ онѣ передали свои впечатлѣнія мужчинамъ. По-видимому, все въ дѣйствительности совершенно такъ, какъ сказано въ объявленіи,—по крайней мѣрѣ, такъ выходило по словамъ агента. Дома выстроены подальше на югъ, въ двухъ англійскихъ миляхъ отъ фабрикъ. Купить такой домъ необычайно выгодно, — такъ агентъ увѣрилъ ихъ, имѣя въ виду только ихъ пользу. Онъ объяснилъ имъ, что самъ совершенно не заинтересованъ въ покупкѣ, а является только агентомъ акціонернаго общества, которое построило дома. Эти дома послѣдніе, такъ какъ общество ликвидируетъ свои дѣла. Онъ даже не зналъ навѣрное, остался ли хоть одинъ еще незанятый домъ,—можетъ быть, всѣ уже проданы. Но, вида, до чего тетя Ельзбета огорчена его словами, онъ прибавилъ послѣ нѣкотораго колебанія, что если они дѣйствительно хотятъ купить домъ, то онъ на свой собственный счетъ протелефонируетъ, чтобы одинъ домикъ оста-

вили за ними. На этомъ они и порѣшили, и условились отправиться осматривать домъ въ слѣдующее же воскресенье утромъ.

Эта бесѣда происходила въ четвергъ и въ теченіе слѣдующихъ дней. Работа у Броуна была очень горячая, и Юргисъ зарабатывалъ ежедневно по доллару и семидесяти-пяти центовъ. Это составляло сорокъ-пять долларовъ въ мѣсяцъ. Марія и Ионасъ условились платить за содержаніе по шестнадцати долларовъ въ мѣсяцъ, и старикъ Антонъ настаивалъ на томъ, что и онъ будетъ платить столько же, какъ только получитъ работу, — и онъ надѣялся, что это будетъ очень скоро. Такимъ образомъ у нихъ будетъ девяносто-три доллара. Затѣмъ Марія и Ионасъ рѣшили участвовать въ покупкѣ дома, согласившись платить треть вдвоемъ, такъ что Юргису придется платить только восемь, а не двѣнадцать долларовъ. Въ общемъ выходило, что даже если дѣдъ Антонъ не получитъ работы, то все-таки у нихъ будетъ семьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ, — а на это вѣдь можетъ жить семья въ двѣнадцать человѣкъ.

Въ воскресенье утромъ, за часъ до назначеннаго времени, вся семья отправилась осматривать домъ. Оказалось, что двѣ мили, о которыхъ говорилось въ объявленіи, очень длинныя, но они все-таки дошли цѣшкомъ. Агентъ явился только черезъ полчаса. Это былъ очень любезный, краснорѣчивый господинъ, изящно одѣтый, — и, главное, онъ отлично говорилъ на ихъ языкѣ. Онъ провелъ ихъ въ домъ, который оказался однимъ изъ длиннаго ряда совершенно одинаковыхъ домовъ, построенныхъ безъ всякаго притязанія на какой-либо архитектурный стиль. Бѣдная Она упала духомъ: домъ въ дѣйствительности вовсе не походилъ на изображеніе его на картинкѣ. Во-первыхъ, краски были совершенно другія, и затѣмъ онъ былъ гораздо меньше, чѣмъ можно было предположить по афишѣ. Но онъ былъ все-таки заново выкрашенъ и имѣлъ довольно привлекательный видъ. Онъ былъ къ тому же совершенно новый, по увѣренію агента, который говорилъ безъ умолку и такъ ихъ этимъ оглушалъ, что имъ не удалось спросить его о самыхъ важныхъ вещахъ. Они какъ-то не рѣшались приставать къ нему съ вопросами, хотя и очень хотѣли разузнать обо многомъ. Другіе дома въ томъ же ряду не казались новыми, и, повидимому, лишь очень небольшое число ихъ занято было жильцами. Когда они отважились наконецъ обратить на это вниманіе агента, онъ сказалъ, что собственники домовъ еще не успѣли въѣхать въ нихъ. Они не рѣшались предлагать еще вопросы: это вѣдь значило бы, что они сомнѣваются въ правдѣ его словъ, а они никогда не раз-

говаривали съ „господами“ иначе, какъ съ чрезвычайной почтительностью и смиреніемъ.

Въ домѣ былъ подвальный этажъ, фута на два ниже уровня улицы, и затѣмъ одинъ этажъ футовъ на шесть надъ улицей; туда вело нѣсколько ступенекъ. Кромѣ того, была еще комнатка въ крышѣ съ маленькими окошками по обѣимъ сторонамъ. Улица передъ домомъ была немощеная и неосвѣщенная, и видъ изъ оконъ открывался на рядъ такихъ же домиковъ, построенныхъ на участкахъ земли, обсаженныхъ чахлой травой. Внутри дома были четыре комнаты, съ выбѣленными стѣнами, но нижній этажъ былъ еще недовонченъ, — не было еще ни пола, ни штукатурки на стѣнахъ. Агентъ объяснилъ, что всѣ дома продаются въ такомъ видѣ, потому что покупатели предпочитаютъ заканчивать нижній этажъ по собственному вкусу. Верхняя комнатка въ крышѣ тоже была незакончена, — тамъ были только приготовлены балки и не было ни пола, ни потолка. Они предполагали сдавать эту комнатку въ наемъ, но, очевидно, этого теперь нельзя будетъ сдѣлать. Но все это не расхолодило пылъ покупателей, благодаря словообилію агента. Онъ не переставалъ выхвалять удобства дома, показывалъ замки въ дверяхъ, запоры, ставни, восхитилъ тетю Ельзбету удобствомъ водопровода въ кухнѣ. Все это было такъ поразительно, что ужъ изъ чувства благодарности никто изъ нихъ не рѣшался обратить вниманіе на недостатки.

Но все-таки, какъ настоящіе крестьяне, они не поддались уговорамъ агента и рѣшили обсудить еще разъ все дома. Вернувшись домой, они провели весь день и вечеръ, производя выкладки. Они никакъ не могли всѣ придти къ общему соглашенію. Все время кто-нибудь настаивалъ на какомъ-нибудь особомъ мнѣніи, а потомъ, какъ только остальнымъ удавалось общими усилиями переубѣдить его, оказывалось, что его доводы убѣдили кого-нибудь другого и опять онъ начиналъ протестовать. Они уже было совсѣмъ рѣшились, какъ явился Шедвила и сталъ ихъ отговаривать отъ покупки. Онъ былъ вообще противъ пріобрѣтенія собственности. Онъ имъ сталъ рассказывать о несчастіяхъ людей, которые попались на удочку ловкихъ мошенниковъ, предлагавшихъ покупать дома на выгодныхъ условіяхъ. Они тоже навѣрное потеряютъ всѣ деньги въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, весь домъ ни къ чорту не годится. Можетъ быть, ихъ обманутъ при заключеніи контракта, — вѣдь они ничего не знаютъ. Все это грабежъ, и лучше всего держаться подальше отъ такихъ предложеній. — „Ну, а платить за наемъ дома или квартирки — развѣ

лучше?" — Конечно это грабежъ, — согласился Шедвила:—бѣдниковъ вообще всячески грабятъ и обманываютъ. Послѣ получаса разговора съ нимъ, они окончательно рѣшили, что онъ спасъ ихъ на самомъ краю пропасти. Но Шедвила ушелъ, и Ионасъ сталъ соображать, что, въ виду собственныхъ неудачъ въ торговомъ дѣлѣ, Шедвила естественно смотритъ на все очень мрачно, и что поэтому нельзя вполнѣ полагаться на его мнѣніе. Слова Ионаса опять поколебали уже принятое-было рѣшеніе отказаться отъ покупки дома.

Какое-нибудь рѣшеніе имъ было, однако, необходимо принять: оставаться тамъ, гдѣ они временно поселились, было невозможно. А платить девять долларовъ въ мѣсяцъ за наемъ крошечнаго помѣщенія имъ казалось ужаснымъ. Цѣлую недѣлю они все совѣщались, не зная, на что рѣшиться,—и наконецъ Юргисъ сказалъ, что беретъ отвѣтственность на себя и что нужно купить домъ во что бы то ни стало. Ионасъ получилъ обѣщанное мѣсто у Дургэма; Юргисъ попрежнему отлично зарабатывалъ, работая на бойнѣ у Броуна, и увѣренъ былъ, что всегда будетъ въ состояніи прокормить семью своей работой. Онъ готовъ былъ работать вдвое, втрое больше, пока не уплатитъ за домъ,—и, по крайней мѣрѣ, семья будетъ имѣть свой уголъ навсегда. Такимъ образомъ окончательно рѣшено было купить домъ.

Сначала они подумывали-было о томъ, чтобы осмотрѣть еще нѣсколько домовъ, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выборъ. Но они не знали, гдѣ искать; кромѣ того, они уже привыкли къ мысли, что имъ будетъ принадлежать именно этотъ домикъ.— Они пошли къ агенту сказать, что готовы приобрести домикъ,—и страшно обрадовались, узнавъ, что домъ еще не проданъ, какъ они опасались. Хорошо, что они успѣли воспользоваться такими выгодными условіями покупки.

Рѣшено было, что они придутъ на слѣдующій день, и агентъ приготовить контрактъ для подписи. Юргисъ зналъ, что во всякихъ дѣлахъ, гдѣ подписываютъ документы, требуется крайняя осторожность, и очень хотѣлъ бы самъ пойти къ агенту. Но онъ рисковалъ бы потерять работу, пропустивъ утренніе часы, и пришлось поэтому положиться на женщину. Къ счастью, Шедвила согласился сопровождать ихъ. Наканунѣ Юргисъ провелъ цѣлый вечеръ, объясняя имъ серьезность сдѣлки, которую онѣ должны заключить. И тогда всѣ стали вынимать изъ всевозможныхъ мѣстъ храненія отложенныя деньги; составивъ нужную сумму, ее зашили въ сумочку, и тетя Ельзбета спрятала ее въ своей кофтѣ.

Рано утром на слѣдующій день они пустились въ путь. Юргисъ далъ имъ столько инструкцій и предостерегалъ ихъ отъ столькихъ опасностей, что онѣ были блѣдны какъ смерть отъ страха, и даже Шедвила, считавшій себя опытнымъ въ дѣлахъ человѣкомъ, чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ. Когда они пришли, агентъ пригласилъ ихъ сѣсть и предложилъ прочесть приготовленный уже контрактъ. Шедвила сталъ медленно читать — до того медленно, что агентъ началъ слегка барабанить по столу, сдерживая нетерпѣніе. Тетя Ельзбета была такъ смущена, что у нея выступили на лбу крупныя капли пота. Ей казалось, что они обижаютъ столь почтеннаго господина чтеніемъ бумаги: выходитъ — точно они не довѣряютъ ему. Но Якубъ Шедвила продолжалъ невозмутимо читать дальше, и вскорѣ оказалось, что дѣйствительно слѣдовало прочесть бумагу сначала до конца самымъ тщательнымъ образомъ. У Якуба появилось въ самомъ началѣ страшное подозрѣніе, и оно все усиливалось по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ. Онъ нахмурилъ брови съ очень сердитымъ видомъ. Да вѣдь это — насколько онъ могъ судить — была вовсе не вупчая крѣпость, — въ бумагѣ рѣчь шла только о наемной сдѣлкѣ. Трудно, конечно, разобратъся въ судейскомъ языкѣ, съ которымъ Якубъ былъ совершенно незнакомъ, но все же вѣдь тутъ было сказано совершенно ясно о наймѣ, о наемной платѣ въ двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ и т. д. Шедвила снялъ очки, взглянулъ на агента и робко предложилъ ему вопросъ, чтò это значитъ?

Агентъ съ чрезвычайной любезностью объяснялъ ему, что такова обычная формула, что это только юридическій терминъ, что характеръ найма выясняется въ слѣдующемъ параграфѣ, — но Шедвила не хотѣлъ вникать въ его объясненія. Когда онъ перевелъ тетѣ Ельзбетѣ, въ чемъ дѣло, она пришла въ полный ужасъ. Въ теченіе девяти лѣтъ, пока они всего не выплатятъ, они даже не будутъ собственниками дома. Агентъ сталъ съ ангельскимъ терпѣніемъ снова все объяснять. Но тетя Ельзбета твердо помнила слова Юргиса: „Если выйдетъ малѣйшее замѣшательство, не давай денегъ, а пойди спросить совѣта у какого-нибудь адвоката“. Ей было тяжело объявить агенту о своемъ рѣшеніи, но все-таки она собралась съ духомъ и сказала. Якубъ перевелъ ея слова агенту, но агентъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться, — какъ предполагала тетя Ельзбета, — напротивъ, сейчасъ же согласился на то, чтобы пригласить адвоката. Онъ предложилъ даже сходить за адвокатомъ, но она отклонила его предложеніе. Они пошли нарочно какъ можно дальше, чтобы не

попасть на какого-нибудь сообщника агента. Но до чего они были неприятно поражены, когда пришли наконецъ черезъ полчаса съ адвокатомъ—и тотъ поздоровался съ агентомъ, называя его уменьшительнымъ именемъ! Они оказались друзьями.

Тетя Ельзбета и остальные почувствовали, что они погибли.— попались въ разставленные имъ сѣти. Адвокатъ прочелъ бумагу и сказалъ, что она составлена совершенно правильно. Старикъ Якубъ повторилъ условія покупки и спросилъ, такъ ли все передано въ бумагѣ, и адвокатъ успокоилъ его, говоря, что все именно такъ написано, какъ онъ говоритъ. Шедвила продолжалъ предлагать разные вопросы,—говоря, что они люди бѣдные и теперь рискуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ. Женщины, не понимавшія, что объяснялъ адвокатъ, понимали только, что отъ этого разговора зависить вся ихъ дальнѣйшая жизнь, и глядѣли на адвоката съ нѣмой мольбой во взглядахъ. Когда наконецъ старикъ Шедвила предложилъ всѣ вопросы, какіе только могъ придумать, и насталъ моментъ принять окончательное рѣшеніе, т. е. заключить сдѣлку или окончательно отказаться, тетя Ельзбета чуть не разрыдалась. Что ей было дѣлать? Какъ знать, правду ли говоритъ адвокатъ, не состоитъ ли онъ въ заговорѣ? Но, съ другой стороны, какъ отказаться заключить дѣло, когда глаза всѣхъ присутствовавшихъ обращены на нее? Наконецъ, она стала вынимать пристегнутый къ подкладкѣ кофточкѣ мѣшокъ съ деньгами. Она открыла мѣшокъ и стала вынимать и считать деньги передъ адвокатомъ. Ея падчерица сидѣла въ уголку, сжавъ руки отъ волненія. Ей хотѣлось крикнуть матери, чтобы она отказалась, не платила денегъ, но у нея сжалось въ горлѣ, и она не могла выговорить ни слова. А тетя Ельзбета тѣмъ временемъ выложила деньги на столъ; агентъ взялъ ихъ, пересчиталъ, выдалъ квитанцію и контрактъ. Послѣ того онъ облегченно вздохнулъ, поднялся и пожалъ имъ всѣмъ руки, все еще держась съ ними такъ же учтиво, какъ сначала. Они заплатили адвокату и наконецъ вышли на улицу. Тетя Ельзбета судорожно сжимала въ рукахъ подписанный договоръ; обѣ онѣ такъ обезсилѣли отъ волненія, что не могли идти, и сѣли отдохнуть. Онѣ вернулись домой, охваченныя смертельнымъ страхомъ, и когда Юргисъ явился, рассказали ему обо всемъ. Юргисъ пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ былъ увѣренъ, что ихъ надули и что они разорены. Онъ сталъ въ бѣшенствѣ рвать на себѣ волосы и кричалъ, что пойдетъ и убьетъ агента. Въ концѣ концовъ онъ схватилъ бумагу, выбѣжалъ изъ дому и прежде всего побѣжалъ къ Шедвилѣ. Онъ потащилъ его съ собой, не давъ

ему даже поужинать, и отправился вмѣстѣ съ нимъ посоветоваться съ другимъ адвокатомъ. Когда они вошли къ нему въ контору, у Юргиса былъ видъ сумасшедшаго. Его спутникъ объяснилъ положеніе дѣлъ, адвокатъ взялъ бумагу и сталъ читать ее. Юргисъ стоялъ, весь дрожа отъ волненія, и прислонился къ стѣнкѣ—до того у него кружилась голова.

Адвокатъ нѣсколько разъ поднималъ глаза отъ бумаги и предлагалъ разные вопросы Шедвилѣ. Юргисъ не понималъ ихъ разговора и только смотрѣлъ на адвоката съ выраженіемъ муки въ глазахъ. Наконецъ адвокатъ кончилъ чтеніе, сказалъ что-то Шедвилѣ съ короткимъ смѣхомъ, и у Юргиса замерло сердце отъ ожиданія.

— Ну что?—спросилъ онъ.

— Онъ говоритъ, что все въ порядкѣ,—отвѣтилъ Шедвила,— что никакого обмана тутъ нѣтъ.

Юргисъ облегченно вздохнулъ и сѣлъ на стулъ у стола.— Да неужели же это правда?—спросилъ онъ, и опять сталъ предлагать адвокату множество вопросовъ черезъ Якуба. Онъ хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться. И оказалось, что все въ порядкѣ, что они—собственники дома, что они его дѣйствительно купили и что нужно только выплатить деньги. Юргисъ закрылъ лицо руками, скрывая слезы. Очень ужъ онъ испугался, и теперь даже чувствовалъ слабость отъ пережитого волненія.

Адвокатъ объяснилъ, что покупка только номинально называется наймомъ до уплаты послѣдняго взноса, потому что, благодаря этому, покупателя, который не платитъ денегъ, можно прямо выгнать изъ дома. Но пока они будутъ аккуратно платить, имъ нечего опасаться,—домъ былъ ихъ собственностью. Юргисъ былъ такъ счастливъ, что, не торгуясь, заплатилъ полъ-доллара адвокату за совѣтъ и поспѣшилъ скорѣе домой, чтобы обрадовать семью добрыми вѣстями. Оказалось, что Она въ обморокѣ, дѣти кричали и весь домъ былъ на ногахъ,—такъ какъ всѣ рѣшили, что онъ пошелъ убивать агента. И прошло еще нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ они всѣ успокоились. И всю ночь Юргисъ слышалъ, какъ въ комнатѣ рядомъ Она и ея мачиха по временамъ тихо всхлипывали.

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Прошло уже тринадцать лѣтъ съ того времени, какъ появилась послѣдняя драма Ибсена: „Когда мы мертвые проснемся“. Недаромъ названа она „драматическимъ эпилогомъ“. Послѣ нея вышло уже только собраніе писемъ Ибсена. А между тѣмъ, при извѣстіи о его смерти получилось впечатлѣніе какой-то пустоты. Въ теченіе почти полулѣта мысль этого писателя порывалась могучими крыльями впередъ и вверхъ, не только въ сферу возможной, болѣе совершенной человѣческой будущности, основанной на правдѣ и свободѣ, но и еще выше—въ какой-то міръ таинственный и запредѣльный.

Порывы эти слѣдовали почти ритмической чередой, какъ догонявшія одна другую волны, изъ которыхъ многія прокладывали слѣды во всемірномъ литературномъ творествѣ, а инныя хотя раскатывались безслѣдно, но указывали направленіе современныхъ теченій, приносили намъ какъ бы ровоть современной душевной борьбы. И хотя давно уже не появлялось новыхъ произведеній этого писателя, но мы въ умѣ продолжали слышать его голосъ, имѣли его своимъ современникомъ, знали, что и онъ, вмѣстѣ съ нами, читаетъ все новѣйшее и въ немъ находитъ немало своихъ слѣдовъ. Такъ, когда мы уже не видимъ моря, въ ушахъ нашихъ еще отзывается шумъ волнъ.

И вдругъ—онъ пропадаетъ. Литература лишилась Ибсена, инициатора, возбудителя и вмѣстѣ свидѣтеля фазъ недавней

борьбы. Значеніе его въ литературѣ очень велико. Въ дѣйствительности, оно было гораздо больше того индивидуальнаго наслѣдства, какое онъ оставилъ. Благодаря своеобразности, силѣ и самой продолжительности своего творчества, Ибсенъ оказалъ очень значительное вліяніе на всю современную литературу. Можно сказать, что въ каждомъ изъ новѣйшихъ писателей проявляется хоть отчасти Ибсеновская струя. А поэтому и невозможно взвѣсить и измѣрить съ точностью размѣры этого вліянія.

Напомнимъ, что Ибсенъ выступалъ съ первымъ своимъ произведеніемъ въ 1850 году, когда Ницше было всего шесть лѣтъ отъ роду, Зудерманъ, Гауптманъ и Метерлиникъ еще не родились, а Мопассанъ только-что родился. Итакъ, можно признать, что именно Ибсенъ явился первымъ по времени инициаторомъ той литературной революціи, которая началась съ 70-хъ годовъ и хотя разбилась на много теченій, но во всѣхъ нихъ представляется своимъ общимъ знаменемъ, знаменемъ индивидуализма. Нѣмецкая критика указываетъ непосредственно вліяніе Ибсена на Гауптмана, а Ницше—на Зудермана. Но едвали можно сомнѣваться, что всѣ эти германскіе писатели, не исключая самого Ницше,—который болѣе всего былъ все-таки художникъ,—подвергались хотя отчасти вліянію Ибсена, какъ то замѣтно на Метерлиникѣ и на представителяхъ новыхъ направленій въ разныхъ иныхъ литературахъ, не говоря уже о скандинавскихъ.

Положимъ, Ницше—философъ, а Ибсенъ—поэтъ и драматургъ. Но во всякомъ случаѣ, со знаменемъ освобожденія индивидуальности и даже стремленія къ крайнему, непомерному ея развитію Ницше выступилъ не первымъ. Его „Заратустра“ появился въ 1888 году. Но уже съ 1866 года Ибсеномъ былъ выведенъ въ „Брандъ“ типъ все ломающей силы воли, а съ 1867 года существовалъ Перъ Гинтъ, наиболѣе цѣнное въ Норвегии произведеніе Ибсена, „драматическая поэма“, въ которой стремленіе къ безпредѣльному развитію и господству сильной личности выражено въ типѣ фантастическомъ по приключеніямъ, но вполне человѣчному, несмотря на стремленіе къ „сверхчеловѣчности“. Въ смыслѣ символическомъ типъ этотъ повторился въ „Строитель Сольнесъ“, который также явился ранѣе „Заратустры“!

Затѣмъ, тотъ же типъ повторился у Ибсена еще разъ—въ „Джонъ-Габріэль Боркманъ“, но—уже подъ взаимнымъ воздействием со стороны Ницше въ нѣмецкой критикѣ. А намъ „Боркманъ“ вовсе не кажется болѣе заимствованнымъ у Ницше, чѣмъ „Перъ Гинтъ“, появившійся еще ранѣе анти-вагнеровскаго періода

Ницше. Правда, стремленіе къ могуществу въ лицѣ Боркмана дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ лицѣ Пера Гинта, но только потому, что оно выражено болѣе реально, безъ невыясненныхъ скачковъ и безъ фантастическихъ примѣсей. Во всякомъ случаѣ, если Ницше могъ подпадать подъ вліяніе композитора Вагнера, то едвали не слѣдуетъ допустить, что на него могла подѣйствовать та своеобразная идея, которой символами уже являлись у Ибсена „Перъ Гинтъ“ и „Строитель Сольбессъ“.

Впрочемъ, нѣтъ, конечно, основанія доказывать, что Ибсенъ былъ непосредственнымъ и единственнымъ инициаторомъ той литературной революціи, какая совершилась въ послѣдніе десятилѣтія XIX-го столѣтія. Но что ему принадлежала въ ней одна изъ наиболѣе выдающихся ролей и что, по своему духу, онъ явился писателемъ именно революціоннымъ,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Эта революціонная черта проявилась уже въ первомъ произведеніи его—въ драмѣ „Катилина“, поставленной въ 1850 году, когда Ибсену было 22 года (родился въ 1828 г.). Но революція въ смыслѣ политическомъ прельщала его недолго. Въ болѣе зрѣломъ періодѣ творчества онъ даже относился къ ней прямо свысока, признавая ее узкою и одностороннею. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ переводчиковъ онъ высказываетъ такую мысль: „политики стремятся только къ революціямъ специальнымъ, внѣшнимъ, политическимъ. А между тѣмъ, дѣло главнымъ образомъ—въ революціонизированіи человѣческаго духа“.

Во имя чего, въ виду какой цѣли? Этого Ибсенъ не сказалъ нигдѣ. Наоборотъ, есть даже прямое его признаніе: „Я обыкновенно только ставлю вопросъ; давать отвѣтъ—не мое дѣло“. Да онъ и не могъ дать отвѣта уже потому, что не вѣрилъ въ какой-либо вѣчный, безсмысленный идеалъ. Въ одной публичной рѣчи, произнесенной въ Стокгольмѣ, Ибсенъ высказалъ увѣренность, что „идеалы нашего времени близки къ паденію“ и что они уступаютъ мѣсто тому, что въ одной изъ своихъ драмъ („Цезарь и Галилеянинъ“) имъ было названо „третьимъ царствомъ“. „Я думаю,—говорилъ онъ,—что естественно-научная теорія эволюціи примѣняется также и къ факторамъ жизни духовной. Я думаю, что очень близко то время, когда идея политическая и идея социальная, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, исчезнутъ,—онѣ сольются въ нѣчто цѣльное, нѣчто такое, что до времени представитъ собой условіе блага для человѣчества... Обо мнѣ отзывались при разныхъ случаяхъ, какъ о пессимистѣ, да я и въ самомъ дѣлѣ пессимистъ, въ томъ смыслѣ, что не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ“.

Итакъ, революцію духа Ибсенъ понималъ собственно противъ идеаловъ ему современныхъ и уже осужденныхъ на паденіе, но никакого рецепта для будущаго онъ не прописывалъ. Однако, первая же его попытка въ этомъ направленіи, его „Комедія любви“, представленная въ 1863 году, возбудила противъ него общество и вызвала такія на него нападки за посягательство на святость любви и брака, что Ибсенъ долженъ былъ уѣхать за границу, при помощи одного покровителя и при поддержкѣ назначенной ему государственной стипендіи.

Другія произведенія изъ перваго періода дѣятельности Ибсена, кромѣ названныхъ, были посвящены восстановленію въ памяти норвежскаго народа старинныхъ сагъ и героическихъ преданій. Половина 50-хъ годовъ ознаменовалась въ Норвегіи нѣкоторымъ національно-литературнымъ возрожденіемъ послѣ четырехсотлѣтняго полнаго господства датской культуры. Требовалось придать литературѣ отпечатокъ національный. И вотъ, такія произведенія Ибсена, какъ „Могила гунновъ“, „Владычица Эстрота“, „Празднество въ Сольгоугъ“, „Гельголандскіе богатыри“, „Претенденты на корону“, были проникнуты духомъ патріотически-национальнымъ и для общеевропейской литературы никакого значенія не имѣютъ.

Среднюю ступень составляетъ „Перъ Гинтъ“. Здѣсь проявляется еще обиліе сказочнаго элемента, фантасмагорія воображенія, создающаго волшебство, которое трудно отличить отъ реальныхъ фактовъ... Но это—та изъ Ибсеновскихъ драмъ, въ которой общечеловѣческая идея индивидуализма, сильной воли, стремленія къ господству выражена съ богатствомъ чисто-национальныхъ повѣрій и бытовыхъ особенностей. И вотъ почему въ Норвегіи это произведеніе и признается за *chef d'oeuvre* Ибсена. Национальный композиторъ Григъ даже написалъ къ нему музыку.

Такъ какъ только-что упомянуто о проявившемся въ Норвегіи движеніи къ созданію національной литературы, въ которомъ на долю Ибсена выпало главное участіе, то необходимо пояснить, что движеніе это, насколько оно приобрѣло дѣйствительное значеніе, ставило себѣ цѣлью только приданіе литературѣ національнаго характера, но не воссозданіе стариннаго, національнаго языка и завоеваніе для него правъ языка литературнаго и государственнаго, какъ то было въ Финляндіи, въ Чехіи, отчасти въ Греціи, гдѣ литература стремится къ очищенію новогреческаго языка, съ замѣной словъ албанскихъ и турецкихъ эллианскими. Движеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ

также возникло въ Норвегіи, но не охватило сколько-нибудь значительной части общества и осталось въ предѣлахъ дѣятельности извѣстнаго кружка. Языкомъ общества и литературы остается въ Норвегіи языкъ датскій, такъ какъ страна эта была соединена съ Данією съ конца XIV вѣка до 1814 года и культуру свою заимствовала главнымъ образомъ изъ Даніи.

Что касается Ибсена, то онъ не только не принадлежалъ къ кружку „маальстреверовъ“ (буквально — языковедовъ), стремящихся къ возрожденію и распространенію стараго, забытаго образованнымъ обществомъ норвежскаго языка, но въ той же популярной драмѣ „Перъ Гинтъ“ осмѣивалъ ихъ усилія. Въ концѣ своихъ фантастическихъ приключеній въ Марокко, Перъ Гинтъ сходитъ съ ума и попадаетъ въ домъ умалишенныхъ въ Каирѣ. Здѣсь, въ числѣ больныхъ, оказывается нѣкій Хуху, ревнитель того „первобытнаго“ малабарскаго языка, который состоитъ изъ ворчанья и крика орангъ-утанговъ. Онъ сообщаетъ Перу, что „первобытный языкъ уступилъ мѣсто чужимъ, какъ нагота уступила мѣсто рубахамъ и четырехсотлѣтняя темнота (соединеніе Норвегіи съ Даніей) господствовала тамъ, гдѣ нѣкогда бодрствовали обезьяны“. На его жалобы о недостаткѣ сочувствія къ его стараніямъ о древнемъ языкѣ безумный Перъ Гинтъ вспоминаетъ, какъ онъ на западѣ Африки отбивался въ лѣсу отъ обезьянъ, и даетъ товарищу по заключенію совѣтъ отправиться во внутренность Марокко, подвязать себѣ хвостъ и предпринять культурную миссію среди своихъ „земляковъ“. И тотъ сумасшедшій соглашается: „я отъ родныхъ ученыхъ удалюсь фаланги; пойду туда, гдѣ здравствуютъ орангъ-утанги“.

Извѣстность Ибсена на материкѣ Европы началась съ его драмъ не специально-норвежскаго, но обще-европейскаго характера, какъ „Союзъ юношества“ (1869 г.), „Подпоры общества“ (1877 г.), „Кукольный домъ“ или „Нора“ (1880 г.), „Призраки“ (1881 г.), „Врагъ народа“ (1882 г.), „Дикая утка“, „Женщина моря“, „Строитель Сольнессъ“, „Маленькій Эйольфъ“, „Джонъ-Габріэль Боркманъ“, „Когда мы мертвые проснемся“ (1893), и др. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ направлена яркая и неумолимая струя свѣта на тѣ побужденія, которыя соединяютъ людей въ бракъ, семью и общество, на тѣ чувства, какими побужденія эти именуются, и тѣ идеалы, которыми чувства освящаются. При этомъ авторъ, который самъ вовсе не вѣритъ въ правдивость, а тѣмъ болѣе въ непреложность этихъ идеаловъ, напоминаетъ оператора, который объективно изслѣдуетъ раны и вырожденія организма, предоставляя больному согласиться на отсѣ-

ченіе нароста на органѣ, но не даетъ никакого терапевтическаго совѣта и „внутренними средствами“ не лечитъ.

Почему эта скандинавская драма и новѣйшая нѣмецкая драма, которая послѣдовала по ея пути, производили съ самаго начала столь сильное, захватывающее впечатлѣніе? Потому что эта драма, немилосердно и безъ всякихъ оговорокъ въ пользу или въ смыслѣ „идеаловъ“, обличаетъ фальши жизни. Сама по себѣ, задача не нова. Драма или комедія, въ которыхъ выставилось современное авторамъ общество, съ его предрасудками и пороками, существовали давно, начиная хотя бы отъ Мольера, продолжая „Коварствомъ и любовью“ и кончая вполне реальными, прекрасно написанными, остроумными пьесами Ожье, Феллье, Дюма-сына и Сарду.

Но дѣло въ томъ, что прежніе авторы избирали предметомъ анализа не самыя основы семьи и общества, а только отдѣльные предрасудки или пороки, какъ напр. неравенство происхожденія, богатство и бѣдность, безусловное отверженіе падшихъ, спѣсь, тщеславіе, самодурство и т. д. Тронутый жалостью или уколотый сатирой, каждый зритель въ духѣ своемъ временно становился выше такихъ, въ сущности общепризнанныхъ, хотя и процвѣтающихъ недостатковъ и выходилъ изъ представленія довольный, въ полномъ душевномъ равновѣсіи.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе выносилъ зритель, когда ему стали показывать, напр., семью, по общимъ понятіямъ, совершенно образцовую, гдѣ мужъ работаетъ, молодая жена хозяйничаетъ, играетъ и веселится съ дѣтьми, совершенно какъ ребенокъ, а мужемъ устраняется также какъ ребенокъ отъ всякихъ заботъ о будущемъ и столѣновеній въ житейской борьбѣ, и сама воспитывается въ духѣ безусловнаго довѣрія къ мудрости и силѣ мужа, а затѣмъ, показавъ такой идеаль, которому зритель даже позавидовалъ, вдругъ позволяетъ перипетіямъ драмы обнаружить, — какъ въ „Норѣ“, — что все это семейное счастье женщины было въ сущности кукольной комедіей. Достаточно было, чтобы обнаружилась дѣловая неосторожность, совершенная женой-ребенкомъ въ пользу самого мужа, чтобы онъ жестоко осудилъ ее, призвалъ глухой и глубоко виновной по отношенію къ нему, не считая ни во что тѣхъ опасеній и мученій, какихъ ей стоила эта давнишняя жертва, принесенная мужу. Случай, то-есть постороннее вмѣшательство, устраняетъ опасность, и вотъ мужъ уже снова готовъ приглубить свое „большое дитя“.

„—Я тебѣ въ самомъ дѣлѣ простилъ, Нора; опирайся на меня, я буду твоимъ совѣтникомъ, я тебя буду вести и руково-

дять тобой. Я не былъ бы мужчиной, еслибы именно эта твоя женская безпомощность не дѣлала тебя еще вдвое мнѣ милѣе; я тебѣ простилъ, Нора... О, какъ у насъ чудно въ домѣ! Я тебя буду охранять здѣсь, какъ загнанную голубку, которую мнѣ удалось еще счастливо спасти изъ когтей ястреба...“

На это Нора отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Она уже не вѣрить въ любовь ни своего отца, ни мужа, которые оба воспитывали ее какъ куклу и обращались съ ней какъ съ куклой. Она уйдетъ изъ дому. Мужъ напоминаетъ ей объ ея обязанностяхъ, о религіи... Нора отвѣчаетъ, что у нея есть еще обязанность передъ самой собой, а религіи она совсѣмъ не знаетъ; помнить только, что говорилъ ей пасторъ при конфирмаціи; но теперь она хочетъ провѣрить, вѣрно ли она помнить и вѣрно ли говорилъ пасторъ. Нора оставляетъ мужа, не давъ ему даже надежды на возвращеніе, и дѣтей,—не простившись съ ними.

Соплемея для сравненія на „L'honneur et l'argent“ и на „Le Gendre de M. Poirier“. Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ доказываетъ, что „честь“—одно, а „дѣло“—совсѣмъ другое, то на вопросъ: „да что же это такое—les affaires?“—другое лицо отвѣчаетъ: „les affaires, c'est l'argent des autres“. И прекрасно. Всѣ поняли сатиру и признали ея вѣрность; даже самые безцеремонные дѣльцы, и тѣ не обидѣлись, по тому соображенію, „что на комъ грѣха вѣтъ“.

Или когда г. Пуарье, во время второй имперіи, добивался титула за свои финансовыя и политическія услуги правительству, но на вопросъ, желаетъ ли онъ графскаго достоинства, возмущается, какъ истый демократъ, то заканчиваетъ онъ этотъ демократическій протестъ словами: „comte! allons donc! mais... wagon?“ Это было очень хорошо, и чистосердечно смѣялись сами финансовыя баровы. Обличеніе такихъ „фальшей жизни“ представлялось безобиднымъ, особенно для большинства.

Но совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось, когда драма и комедія „посягнули“ на семью и самую любовь, на родительскую заботливость о дѣтяхъ и сыновнее чувство, на супружескія обязанности, какъ въ „Норѣ“, „Комедіи любви“, „Призракахъ“, „Давкой утѣѣ“, „Строителѣ Сольнессѣ“, „Маленькомъ Эйольфѣ“ и „Когда мы мертвые проснемся“. А вмѣстѣ, въ тѣхъ и другихъ драмахъ, выступало, иногда съ безпощадной силой, право индивидуальности, стремленіе къ личному могуществу и счастью, къ господству надъ средою и даже надъ человѣчествомъ.

Тутъ большинство, боязливое къ правдѣ, легко смущаемое самымъ звукомъ нѣкоторыхъ словъ, заняло сперва оборонитель-

ное положеніе. Что впечатлѣніе все-таки получалось сильное, болѣе сильное, чѣмъ отъ прежнихъ буржуазныхъ, но знакомыхъ страстей и столкновеній, это приписывали не силѣ правды, а только могучему таланту и неудержимому воображенію автора, который умѣлъ поражать зрителей и читателей совсѣмъ новыми приемами и съ такой стороны, откуда не ожидалось удара.

Но зато его обвинили въ крайнемъ пессимизмѣ, преувеличеніи и прямо таки въ болѣзненности фантазіи, вродѣ того, какъ Чапкій оказывался сумасшедшимъ среди стараго московскаго общества. Нора, по ребяческому незнанію, все-таки совершила дѣйствіе, наказуемое закономъ, а мужъ ея былъ безупреченъ. Жизнь семьи была счастливая; семья эта, съ заботливымъ руководствомъ молодой жены мужемъ, казалась образцовой, особенно обществу скандинавскому и германскому, гдѣ жена не только не пользуется равноправностью, какъ и на всемъ свѣтѣ, но и не допускается мужемъ къ отношеніямъ почти товарищескимъ, какъ въ романскихъ земляхъ, а особенно въ мелкой французской буржуазіи. И вотъ съ развязкой „Норы“ многіе не могли примириться, особенно съ тѣмъ, что она оставляетъ дѣтей для того, чтобы идти въ свѣтъ и сдѣлаться „человѣкомъ“. Это объявляли совершенно неправдоподобнымъ, если Нора любила дѣтей. А если она не любила ни дѣтей, ни мужа и не дорожила семейными обязанностями, въ такомъ случаѣ эта жена и мать, бросающая домъ, является просто безсердечной искательницей приключеній, которая разыграетъ еще въ послѣдствіи не одну комедію, прикрываясь громкими фразами объ обязанностяхъ передъ собой и о необходимости познать правду жизни. Такъ говорилось о „Норѣ“.

Ни одна изъ Ибсеновскихъ драмъ не возбудила столько нареканій, какъ именно „Нора“, — развѣ „Комедія любви“, которая, впрочемъ, менѣе извѣстна на континентѣ. Иные осуждали „Нору“, какъ пьесу прямо вредную, такую, которая подала примѣръ и мнимое оправданіе многимъ безсердечнымъ женщинамъ, ломавшимъ жизнь семьи подъ предлогомъ высшаго призванія. Въ этомъ стоить нѣсколько разобраться, такъ какъ нѣкоторые изъ приведенныхъ упрековъ примѣняются и къ другимъ пьесамъ того же автора.

Начнемъ съ того, что пьеса, будто бы, вредна. Но что за дѣло, если она даетъ лишній предлогъ для самооправданія такимъ натурамъ, которыя все равно нашли бы не тотъ, такъ другой предлогъ для прикрытія своего каприза или хотя бы похоти? Справедливо ли вѣнчать автору въ вину тѣ злоупотребленія,

какія могутъ быть оправдываемы его произведеніями? И каково же было бы положеніе писателя, а особенно писателя, имѣющаго сказать нѣчто новое, писателя революціоннаго, какъ Ибсенъ, еслибы онъ боялся подобной цензуры и принималъ на себя отвѣтственность за все, что можетъ произойти вслѣдствіе вызываемаго имъ движенія?

Затѣмъ—о Норѣ. Еслибы она горячо любила дѣтей и вдругъ бросила бы ихъ, то это, конечно, представляло бы развязку неправдоподобную. Но въ томъ-то и дѣло, что Нора — не настоящій человѣкъ, а существо, воспитанное отцомъ и мужемъ въ кукольныхъ понятіяхъ. Ею забавлялись болѣе, чѣмъ ее любили, и она такъ же относилась въ своимъ дѣтямъ. Да, наконецъ, для смысла пьесы, по намѣренію автора, вовсе неважно, есть ли у героини дѣти, или ихъ нѣтъ. Еслибы дѣтей не было, то смыслъ драмы остался бы тотъ же, и утратилась бы только та черта характера Норы, что она съ дѣтьми дѣлается сама ребенкомъ—на глазахъ зрителей.

Можно возразить, что такъ какъ авторъ, однако, ввелъ дѣтей, то развязка и является неправдоподобной. Ну, и пусть будетъ такъ; мало ли у Ибсена встрѣчается неправдоподобнаго... А все-таки Нора должна была оставить мужа. Это представлялось необходимымъ для яснаго выраженія мысли драмы. Индивидуализмъ совсѣмъ не былъ развитъ въ Норѣ. Жизнь ея самой протекала какъ бы въ пеленкахъ дѣтства, хотя самое „преступленіе“, совершенное ею для спасенія жизни мужа, свидѣтельствовало о прирожденной энергіи. Она заняла деньги подъ вексель съ поддѣльнымъ бланкомъ отца, чтобы дать мужу, приговоренному къ смерти врачами, возможность провести годъ въ Италіи, а мужу сказала, что добыла эти средства отъ отца. Объяснить мужу необходимость такого займа она не могла потому, что для этого пришлось бы сообщить ему о приговорѣ врачей, а просить денегъ у отца было невозможно, такъ какъ онъ самъ въ то время находился въ безнадежномъ состояніи и умеръ за два дня до дня выставленія Норой бланка. Нора не понимала свойства своего дѣянія и впоследствии никакъ не могла понять, что, придумавъ средство скрыть отъ мужа приговоръ врачей и не требовать денегъ отъ умирающаго отца, она этимъ совершала преступленіе.

Но когда все раскрылось, когда мужъ жестоко осудилъ ее, не оцѣнивъ ея любви и оказанной ему услуги, упрекалъ ее, что она не имѣетъ ни вѣры, ни нравственности, ни чувства долга,—въ этой женщинѣ-ребенкѣ внезапно проснулось я съ сознаниемъ

нравственной правоты и вмѣстѣ нравственнаго закабаленія, даже отсутствія истинной любви со стороны мужа. И она должна была вдругъ разлюбить и оставить этого нестерпимаго педанта. Этого требовала не только идея пьесы, но и дѣйствительная справедливость.

Какъ уже упомянуто, идея индивидуализма, личной энергій, стремленія къ могуществу была выражена Ибсеномъ въ двухъ драмахъ гораздо раньше появленія Ницшевскаго „Заратустры“. Особенно сильно она преобладаетъ въ „Первѣ Гинтѣ“, къ которому здѣсь необходимо возвратиться по поводу той неправдоподобности, какая часто встрѣчается у этого автора. Странное дѣло! Едвали не главнымъ свойствомъ, заинтересовавшимъ и привлекавшимъ общество къ произведеніямъ Ибсена, была—правдивость, а между тѣмъ, наряду съ ней, нерѣдко у него встрѣчается неправдоподобность. Въ этомъ, повидимому, есть противорѣчіе. Но достаточно вникнуть въ сущность того и другого свойства, какъ они проявляются у этого автора, и тогда уяснится, почему эти особенности могутъ уживаться одна съ другой. Правдивость, которая привлекала къ изображеніямъ Ибсена и справедливо казалась „новымъ словомъ“, которое онъ вносилъ въ драматическое творчество, заключалась, во-первыхъ, въ глубокомъ проникновеніи въ психическій процессъ дѣйствующихъ лицъ и нестѣсненномъ раскрытіи истинныхъ ихъ побужденій при томъ или другомъ дѣйствіи, безъ всякаго опасенія, что объ этомъ скажутъ жрецы идеаловъ, близкихъ къ паденію. Во-вторыхъ, правдивость представлялась еще въ строго выдержанной простотѣ языка. Никогда герои Ибсена не произносятъ „фразъ“,—развѣ только когда они прямо предназначены представлять фразеровъ, какъ, напримѣръ, адвокатъ Стейнгоффъ въ „Союзѣ юншества“. У Ибсена дѣйствующія лица избѣгаютъ громкихъ словъ, иногда—даже прямого названія своего чувства. Очень многое не договаривается или говорится намеками, именно изъ особой деликатности, какъ бы стыдливости чувства, которая гораздо болѣе свойственна германской, а отчасти и славянской расѣ, чѣмъ расѣ романской.

Что касается неправдоподобности, то она истекаетъ изъ двухъ другихъ особенностей автора. Ибсенъ, какъ возбудитель, какъ глашатай свободы личности—писатель несомнѣнно тенденціозный. Не въ смыслѣ политическомъ или социальномъ, конечно. Никакой теоріи этого рода, да и какаго-либо иного рода у него нѣтъ. Но пьесы его всегда имѣютъ прямой задачей проявленіе одной или двухъ изъ главныхъ его идей: индивидуализма, фальши уста-

новленныхъ отношеній между людьми, несоотвѣтствія между волей и возможностью и истекающихъ изъ этого безвыходности, пессимизма, часто сумасшествія или самоубійства.

Идею онъ проводитъ властно и рѣзко, а для этого беретъ часто совсѣмъ необыкновенныя, исключительныя условія и, сверхъ того, порою даже распоряжается дѣйствіями своихъ персонажей нѣсколько произвольно, заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, поступить такъ, какъ это нужно для яркаго осуществленія идеи. Дѣйствительно, это иногда нарушаетъ правду нормальную, создаетъ неправдоподобность въ смыслѣ отступленія отъ общепризнаннаго.

А тѣмъ не менѣе, самые типы и ихъ психическія движенія все-таки остаются правдивыми, и неправдоподобность является скорѣе только утрировкой, допущенною авторомъ для болѣе яркаго выраженія мысли. Иногда утрировку эту слѣдуетъ даже понимать только какъ пріемъ для матеріализаціи идеи, подобно тому, какъ спириты пытаются матеріализировать вызываемыя духовъ посредствомъ движеній, стуковъ, блеска, прикосновеній, даже появленія туманныхъ формъ. Этого рода утрировка у Ибсена иногда представляется уже прямо символической. Такъ, на примѣръ, въ „Строитель Сольнессъ“ — пока индивидуализмъ и стремленіе къ великимъ дѣламъ выражаются въ величавыхъ постройкахъ и въ полномъ одиночествѣ духа, въ отчужденіи отъ семьи, въ опасеніи, что выросшее молодое поколѣніе вскорѣ сумѣетъ затмить его изобрѣтеніемъ какихъ-нибудь новыхъ формъ, которыя понравятся не потому, что онѣ будутъ болѣе красивы, но потому именно, что будутъ новы и явятся какъ законная смѣна для прежнихъ; затѣмъ и въ усиліяхъ Сольнесса не давать хода молодымъ талантамъ, т.-е. вѣроятнымъ соперникамъ, — все это остается въ предѣлахъ полной вѣроятности и реальности. Но когда тотъ же строитель влѣзаетъ на самый верхъ построенной имъ колокольни и оттуда говоритъ съ Богомъ, объявляетъ ему, что больше нивогда церковей строить не будетъ, такъ какъ убѣжденъ, что Богъ отнялъ у него малолѣтнихъ дѣтей для того, чтобы онъ всей душой отдался только церковно-строительству, то этого, разумѣется, буквально понимать нельзя, такъ какъ это было бы ребячество.

Здѣсь уже только — поэтический символъ крайняго индивидуализма, крайняго стремленія къ возвышенному и могучему. Точно такъ же — когда въ домъ Сольнесса вдругъ является молодая дѣвушка, восторженная поклонница его таланта, увлекаетъ своимъ порывомъ, своей откровенностью и очаровываетъ его, ску-

чавшаго съ неразвитой женой, у которой третьимъ словомъ было „обязанность“, мы видимъ въ этомъ нѣчто естественное, по самому сходству этихъ двухъ эксцентричныхъ натуръ. Но когда та же дѣвушка, напомнившая Сольнессу о восхожденіи его на верхъ колокольни, котораго она была свидѣтельницей, требуетъ, чтобы онъ повторилъ это, взоиди на вновь построенную башню — изъ любви къ избранной, для доказательства, что онъ — „ея зодчій“, такой именно, какъ она его любитъ, и Сольнессъ поднимается на башню, не взирая на головокруженія, которыми онъ страдаетъ, и летитъ съ вершины на мостовую, — то это опять символъ безусловной вѣры въ силу своей воли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несоотвѣтствія между волей и возможностью, стремленіемъ и достижимостью, то-есть, тѣхъ неизмѣнныхъ условий человѣческаго бытія, въ результатѣ которыхъ такъ часто являются преждевременная смерть, сумасшествіе, нравственное паденіе, пьянство, а едвали не для всего сознательнаго большинства — разочарованіе въ жизни, т.-е. пессимизмъ.

Затѣмъ надо отмѣтить еще добавочный элементъ неправдоподобности у Ибсена. Это — необычайная сила фантазіи, взлетающая въ туманахъ и лѣсахъ и на чудесныхъ сагахъ его родины, любовь въ таинственному, чудесному. Отсюда у него истекаетъ особаго рода мистицизмъ, очевидно, врожденный, но затѣмъ воспитанный уже психологическимъ анализомъ, который безпрестанно встрѣчался съ явленіями загадочными, намекавшими на дѣйствіе какихъ-то силъ неизвѣстныхъ. Это то, что Метерлинеъ въ послѣдствіи назвалъ „моремъ потемокъ“ въ человѣческой душѣ.

Сила фантазіи то побуждаетъ Ибсена выводить типы совершенно исключительные, вѣрные идеѣ, но туманные въ личности, создавать необычайную, фантастическую обстановку дѣйствія, какъ въ „Когда мы мертвые проснемся“, то смѣшивать дѣйствительное съ народно-сказочнымъ, дѣлать произвольные скачки черезъ цѣлыя годы жизни героевъ, не показывая, какимъ образомъ они достигали перемѣны положенія. Послѣднія черты выступаютъ наиболѣе рѣзко въ Перѣ Гинтѣ. Всѣ его похождения въ юности, скачки съ горъ на оленяхъ, все, о чемъ онъ рассказываетъ матери и постоянно слышитъ отъ нея: „полно врать“, — его знакомство съ кобольдами и т. п. — представляетъ міръ полубаснословный, въ которомъ вырастаетъ духъ, безгранично увѣренный въ своихъ силахъ, отважный, какъ средневѣжовые норвежскіе викинги, эти пираты, цари морей и завоеватели далекихъ южныхъ береговъ, духъ, не знающій категоріи добра и зла, а признающій только силу.

Простой охотникъ исчезъ съ родины, гдѣ повиннулъ безумную мать и дѣвушку, которая его любила и продолжала „ожидать его до самой смерти“. И вотъ, черезъ десять лѣтъ, въ четвертомъ дѣйствіи, онъ появляется на юго-западномъ берегу Марокко, въ видѣ богача, угощающаго какую-то странную компанію, состоящую изъ нѣмца, американца и француза. Богатство онъ добылъ въ Америкѣ, имѣлъ верфи въ Чарльстоунѣ и велъ самъ торговлю, между прочимъ торговалъ невольниками, привозимыми въ Каролину. Изъ этого обстоятельства видно, что время дѣйствія относилось къ періоду 50—60-хъ годовъ („Перъ Гинтъ“ написанъ въ 1867 г.), купилъ землю, сдѣлалъ самъ рабовладѣльцемъ и развелъ плантаціи, но уже не столько для выгоды, сколько для того, чтобы быть властителемъ надъ людьми и распоряжаться ихъ судьбой. По его разсказу, онъ отлично содержалъ своихъ невольниковъ, строилъ школы и даже „до нѣкоторой степени“ заботился о нравственности. Наконецъ, всѣ свои предпріятія въ Америкѣ онъ продалъ, сталъ настоящимъ Крезомъ и возвратился въ Старый Свѣтъ съ намѣреніемъ достигнуть самаго высокаго положенія, даже сдѣлаться императоромъ. Войска у него, покамѣсть, не было, но были огромные капиталы, а главное — было сознаніе своего могучаго „я“, непреклонная воля, которая могла осуществить все, чего бы онъ ни пожелалъ.

Казалось бы, достаточно было и самаго обыкновеннаго теченія обстоятельствъ, чтобы ниспровергнуть сумасбродные и, притомъ, крайне неясные планы Гинта. Чтобы приобрѣсть власть, онъ хотѣлъ воспользоваться возстаніемъ въ Греціи, то-есть, вѣроятно (хотя это вовсе не сказано), возстаніемъ 1862 года на островѣ Критѣ. Инсургентовъ онъ намѣревался снабдить оружіемъ и снаряжать для нихъ подкрѣпленія, а въ то же время думалъ взять на себя осуществленіе займа для Турціи. Все это довольно непонятно, а особенно неясно, зачѣмъ было высаживаться на южномъ берегу Марокко, чтобы дѣйствовать на пользу грековъ и сдѣлаться императоромъ, неизвѣстно какимъ, греческимъ или турецкимъ? Но это вопросы ненужные, когда рѣчь идетъ о произведеніи совершенно фантастическомъ.

И для ниспроверженія честолюбивыхъ плановъ Гинта потребовались обстоятельства необычайныя. Сперва товарищи его отплываютъ на яхтѣ, покидая его на берегу, и увозятъ съ собою часть его капиталовъ. Затѣмъ Гинтъ блуждаетъ въ оазисѣ и выдаетъ себя среди кочевыхъ арабовъ за пророка. Онъ уже мечтаетъ о томъ, чтобы обводнить внутренность Африки по-

средствомъ канала, проведеннаго изъ моря, такъ, чтобы самая Сахара обратилась въ море, а Томбуку — въ промышленный центръ. На одномъ изъ оазисовъ онъ думалъ основать норвежскую колонію, „Гинтіану“, со столицей „Перополемъ“, при одной изъ бухтъ моря.

Но Гинтъ влюбляется въ дочь вождя одного изъ бедуинскихъ племенъ, даритъ ей драгоцѣнные камни, ввѣряетъ ей свое золото и, въ знакъ рыцарскаго ей служенія, сходитъ со своего коня и ведетъ ея лошадь подъ уздцы. Тогда бедуинка ударомъ вѣера отбиваетъ его руку отъ повода и летитъ на своемъ конѣ домой. Оставшись безъ средствъ, Гинтъ хочетъ сдѣлаться археологомъ и приобрести славу научными открытіями, но, какъ уже упомянуто, попадаетъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ въ разстроенномъ умѣ его и осуществляется его мечта объ императорской коронѣ. По выздоровленіи, Гинтъ возвращается въ Норвегію, но уже какъ сломленный, до полусмерти утомленный старикъ, и на порогѣ дома, куда онъ инстинктивно прибѣлъ, встрѣчаетъ ту любимую дѣвушку, которая обѣщала ждать его до смерти. „Гдѣ же было мое „я“, котораго я лишился, мое прежнее „я“, когда-то озаренное блескомъ Божества?“ — спрашиваетъ онъ. — „Оно было со мной, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви“, — отвѣчаетъ ему постарѣвшая возлюбленная. Гинтъ ухватывается за ея одежду и обращается къ ней какъ къ матери: — „О, мать, ты мнѣ прощаешь, укрой, укрой меня на своей груди“. Онъ умираетъ, и возлюбленная его Сольвейгъ поетъ надъ нимъ трогательную колыбельную пѣсню. Пѣсня эта имѣется въ партитурѣ Грига.

Самъ Ибсенъ видѣлъ въ „Перѣ Гинтѣ“ символъ духа норвежскаго народа, одареннаго влеченіемъ къ фантастическому, чудесному, а вмѣстѣ — сильно развитымъ чувствомъ индивидуальности, предприимчивостью и смѣлостью. Можно найти въ этой фантастической драмѣ еще такую мысль, что чрезмѣрное развитіе воображенія, доходящее до необузданности, можетъ остаться безнаказаннымъ только для писателя, художника или композитора, у которыхъ избытокъ этой силы находятъ себѣ отливъ въ ихъ произведеніяхъ, оставляя ихъ личную жизнь нормальною. Такъ, самъ Ибсенъ, большая часть произведеній котораго отмѣчены фантастичностью, а всѣ — свидѣтельствуютъ о сильномъ воображеніи, въ личной своей жизни не только не проявлялъ аномальности, но былъ образцовымъ семьяниномъ и даже старался ничѣмъ не выдѣляться изъ условій, принятыхъ въ окружавшей его средѣ.

Что такая мысль могла быть у автора „Пера Гинта“ — это

находить подтвержденіе въ послѣдней драмѣ его, а именно въ пьесѣ „Когда мы мертвые проснемся“, написанной черезъ 26 лѣтъ послѣ „Пера Гинта“, а именно въ 1893 году. Въ ней выведенъ типъ прямо противоположный Гинту, но выражающій ту же мысль, только „съ другого конца“. Какъ у Гинта фантазія, не имѣвшая исхода въ творествѣ, вошла въ личную его жизнь, изуродовала ее ложью, сумасбродствомъ, а наконецъ и прямымъ помѣшательствомъ, такъ у скульптора Рубека жизнь текла нормально, пока сильное воображеніе его выливалось въ художественномъ творествѣ. А когда онъ потерялъ эту способность творчества, то вся жизнь его поглотилась смутной мечтою, и онъ сдѣлался неспособнымъ къ дѣйствию и къ счастью въ реальной жизни.

II.

Ибсенъ такъ многостороненъ, что въ большей части его произведеній проводится не одна мысль, но комбинація двухъ, трехъ темъ, связанныхъ въ одномъ дѣйстви, какъ то и бываетъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ въ каждомъ кризисѣ или хотя бы крупномъ столкновеніи почти всегда можно найти подтвержденіе не для одной только, но иногда и для нѣсколькихъ психологическихъ и социальныхъ гипотезъ или временныхъ правдъ. Поэтому, при изученіи его намѣреній и особенностей таланта, необходимо обращаться къ отдѣльнымъ произведеніямъ его по нѣскольку разъ, сопоставляя ихъ въ свѣтъ той или другой идеи. Такъ, мы уже упомянули о „революціи духа“ и о борьбѣ за право индивидуальности, идеяхъ, которыя проявляются совмѣстно въ нѣсколькихъ произведеніяхъ Ибсена. Прибавимъ сюда еще мысль о несоотвѣтствіи намѣреній наиболее одаренныхъ, стремящихся натуръ—съ возможностью, силы воли—съ инерціею среды или съ неизмѣнностью нѣкоторыхъ основныхъ условій человѣческой жизни. Въ предисловіи къ позднѣйшему изданію первой своей драмы „Катилина“ Ибсенъ прямо говоритъ, что постоянной темой его творчества служило „противорѣчіе между силой и стремленіемъ, человѣческой волей и возможностью, трагедіею, а вмѣстѣ и комедіею быта человѣчества и жизни индивидуальной“.

Избираемая имъ темы Ибсенъ умѣлъ комбинировать въ стройности, такъ сказать, контрапунктической, такъ что каждая изъ нихъ поочередно преобладала, но и другая звучала одновременно, въ дополненіе, будто случайно, какъ то бываетъ и въ жизни. И эта особенность несомнѣнно содѣйствуетъ замѣчатель-

ной жизненности его драмъ. Тенденціозность, при такой гармонизаціи съ мнимой случайностью, прямо ускользала отъ зрителя, и только раздумывая надъ видѣннымъ, вслѣдствіе вынесеннаго сильнаго впечатлѣнія, зритель находилъ возраженія. Какъ уже сказано, возраженія эти большей частью сводились къ неправдоподобности. А неправдоподобность не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ тенденціозно, то-есть, безусловно высказанной мысли. „Что же онъ могъ сдѣлать противъ троихъ? Умереть!“ Въ этихъ стихахъ старика Корнеля высказано также требованіе неправдоподобнаго. Но оно умѣстно и даже превосходно, какъ символъ героическаго духа Гораціевъ. Подобное замѣчаніе примѣнимо и къ нѣкоторымъ развязкамъ у Ибсена.

Особую группу въ ряду его столь многообразныхъ произведеній составляютъ тѣ, которыя имѣютъ характеръ болѣе общественный, чѣмъ семейный или индивидуально-психологическій. Сюда принадлежитъ слѣдующая группа: „Союзъ юношества“, „Подпоры общества“ и „Врагъ народа“. Пьесы эти появились одна непосредственно за другой, кромѣ двухъ первыхъ, но принадлежатъ къ одному 13-ти-лѣтнему періоду (1869—1882 гг.). Всѣ три запечатлѣны отчасти „революціею духа“, но болѣе — противъ существующихъ понятій общественныхъ, чѣмъ противъ понятій семейнаго долга, хотя и семейнымъ связямъ перепадаетъ тутъ кое-что на долю, въ видѣ второго мотива.

Мы уже говорили, что Ибсенъ пренебрегалъ борьбой политической и политическими идеалами, считая ихъ односторонними и узкими. Дѣйствіе въ трехъ названныхъ драмахъ разыгрывается на почвѣ муниципальнаго патриціата или самоуправления и общую ихъ цѣль можно выразить словами: „взгляните, каковы ваши общественные и, вмѣстѣ, нравственные авторитеты“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ пьесамъ можно бы дать и иное еще названіе, а именно — „динамика толпы и общественнаго мнѣнія“. Наконецъ, въ третьей изъ нихъ проявляется еще дополнительно и протестъ сильной индивидуальности противъ поработченія эгоистическимъ интересамъ среды. Вотъ какъ идейно-сложны даже тѣ изъ произведеній этого писателя, которыхъ задача, повидимому, наиболѣе проста.

Но именно потому, что онъ вовсе не увлекался политикой, Ибсенъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи дать въ „Союзъ юношества“ нѣсколько каррикатурный типъ такого политическаго оратора, который наиболѣе сильно, даже неудержимо дѣйствуетъ на толпу. Главное значеніе пьесы и заключается въ этомъ, превосходно подмѣченномъ и воспроизведенномъ типѣ адвоката-

фразёра Стейнгоффа, рѣчи котораго дѣйствуютъ на толпу, какъ огонь на порохъ, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего поучительнаго, ни реальныхъ фактовъ, ни разумныхъ аргументовъ, ничего, кромѣ зажигательныхъ фразъ и хлѣстко выражаемыхъ общихъ мѣсть. Но фразы эти, совершенно тривиальныя по своему смыслу, направлены въ сторону готовыхъ уже антипатій толпы и потому дѣйствуютъ на нее просто какъ бранный (въ обоихъ смыслахъ) вличъ. И ей ничего больше не надо. Она не хочетъ разсуждать, она даже совсѣмъ лишена критической способности. Ей только нуженъ призывъ къ дѣйствию противъ людей ей неугодныхъ, а для этого достаточно нѣсколькихъ громкихъ словъ и ядовитыхъ намековъ, достаточно самоувѣренности, въ которой она видитъ смѣлость, и вотъ она несетъ такого оратора на плечахъ, въ триумфѣ.

Стейнгоффъ, въ теченіе дѣйствія драмы, мѣняетъ фронтъ нѣсколько разъ, смотря по тому, что при каждомъ новомъ оборотѣ дѣла онъ признаетъ для себя болѣе выгоднымъ, — наконецъ, запутывается и проваливается. Можно бы назвать его глупымъ, такъ какъ иначе онъ долженъ былъ бы понимать, что противорѣчія въ его дѣйствіяхъ и словахъ наконецъ выдадутъ его. А въ такомъ случаѣ не понятно не только вліяніе его на толпу, но и то, что нѣкоторыя черты въ немъ нравятся даже совсѣмъ неглупымъ людямъ, пока они его не раскусили. Но это противорѣчіе объясняется огромнымъ самомнѣніемъ этого трибуна, который убѣжденъ, что онъ сумѣетъ обойти кого угодно, что никто не въ силахъ разгадать его. Притомъ онъ такъ изолгался, что въ каждый моментъ, когда онъ хочетъ убѣдить въ чемъ-нибудь, онъ самъ какъ будто безусловно вѣритъ тому, въ чемъ хочетъ убѣдить другихъ и что просто самъ измышляетъ для ихъ убѣжденія.

Стейнгоффъ отчасти похожъ на Хлестакова, и Гоголь въ наше время, конечно, не сдѣлалъ бы Хлестакова заѣзжимъ въ провинцію мелкимъ петербургскимъ чиновникомъ. Это — проходимецъ и интриганъ, какъ его съ самаго начала называетъ одно лицо въ пьесѣ, но называетъ втихомолку. А это — тоже, что у насъ доселѣ называлось въ государственной службѣ „карьеристъ“, то-есть человекъ, который, въ видахъ своей выгоды, готовъ проводить какое угодно дѣло, представляя себя совершенно въ немъ убѣжденнымъ, и завтра же перейдетъ на другую сторону, если это нужно, чтобы подняться на одну ступень выше. Онъ каждому готовъ подставить ножку или, какъ говорятъ чиновники, „подложить свинью“. Вотъ такой-то молодецъ въ общественномъ и

частномъ быту и называется проходимцемъ. Прибавьте къ этому самоувѣренность, доведенную до нахальства, и изволганность, доходящую до того, что онъ наконецъ самъ начинаетъ вѣрить въ сочиненное имъ и почти не различаетъ между словами и дѣйствительными фактами. Нагородивъ кучу общихъ фразъ о мѣстныхъ злоупотребленіяхъ и деспотизмѣ толстосумовъ, руководящихъ дѣлами, между тѣмъ какъ самъ недавно пріѣхалъ въ данный городъ и о дѣлахъ знаетъ только изъ нѣсколькихъ сплетенъ, Стейнгоффъ, пируя съ единомышленниками, слышитъ хвалебные для него возгласы толпы. „Слышите, это въ мою честь! А вѣдь, ей Богу, то, что дѣйствуетъ на столъ многихъ, должно же быть правдой!“

Эта легкость въ усвоеніи себѣ любой, нужной ему „правды“ обуславливаетъ тонъ добродушія и мнимой откровенности, съ какими онъ лжетъ и которыя располагаютъ ему вѣрить. Но отсюда же истекаетъ и беззаботность его, убѣжденіе, что его никто не разгадаетъ, что ему все сойдетъ. Однимъ словомъ — тотъ же Хлестаковъ. Но дѣло въ томъ, что Стейнгоффъ — адвокатъ, который владѣетъ техникой популярнаго ораторства. Иное мѣсто у него состоитъ все изъ однихъ синонимовъ, такъ что въ дѣйствительности оно просто глупо.

Но, благодаря модуляціи голоса, каждый изъ этихъ синонимовъ дѣйствуетъ на толпу, какъ подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ. Георгъ Брандесъ, въ своемъ разборѣ этого типа, замѣчаетъ: „здѣсь Ибсенъ избралъ героемъ пьесы одного изъ тѣхъ господъ, которые черезъ десять лѣтъ будутъ нами править, насколько это уже и теперь не сдѣлалось фактомъ“.

Дѣйствіе происходитъ на горно-заводскомъ поселкѣ, вблизи торговаго пункта. Мѣстными авторитетами и властями являются владѣлецъ завода камергеръ Мальсбергъ, землевладѣлецъ Монсенъ, управляющій горнымъ заводомъ и арендаторъ казенныхъ земель Дрансфельдъ, мѣстный депутатъ въ сеймѣ. Предстоятъ новые выборы. Всѣ эти мѣстные *honoratiore*s — люди такъ, ничего себѣ, — нельзя сказать, чтобы недобросовѣстные или какіе-либо особенные притѣснители. Заводчикъ, разумѣется, заботится о своихъ интересахъ, но не видно никакого покушенія его на заработокъ или число часовъ работы. Онъ даже готовъ признать необходимость нѣкоторыхъ улучшеній въ управленіи. Сеймовой депутатъ поддерживается вліяніемъ заводчика и уже постарѣлъ въ своемъ званіи. Совсѣмъ плохъ нравственно только Монсенъ, который ведетъ торговля, притомъ спекулятивная и даже лихвенная дѣла, а съ нимъ имѣетъ дѣловыя связи сынъ заводчика-камергера, Эрикъ Мальсбергъ, также купецъ.

Монсенъ ненавидитъ камергера Мальсберга, который, зная темный характеръ нѣкоторыхъ его спекуляцій, держитъ его вдали отъ мѣстнаго „порядочнаго круга“. И вотъ, только-что поселившійся въ городѣ новый адвокатъ Стейнгоффъ начинаетъ свою карьеру съ того, что сближается съ Монсеномъ. Онъ былъ бы не прочь прислужиться камергеру, но узнаетъ изъ сплетни, что тотъ, со словъ депутата Дрансфельда, назвалъ его интриганомъ и проходимцемъ. Поэтому за базу своей кампаніи онъ принимаетъ влияние и средства Монсена. На торжественномъ митингѣ въ годовщину норвежской конституціи Стейнгоффъ громитъ деспотизмъ, отсталость и злоупотребленія мѣстныхъ авторитетовъ. „Да, братья! Здѣсь чувствуется въ воздухѣ нѣкая темная сила, нѣкій призракъ, уцѣлѣвшій отъ ветхихъ дней. Отъ него исходить мракъ, подашивающій ваши порывы, которымъ необходимы свѣтъ и свобода движеній. Долой это привидѣніе, да исчезнетъ оно туда, гдѣ мракъ царитъ по праву—въ нѣдра земли!“

И такъ далѣе. Крики восторга, ура! Еще нѣсколько словъ изъ продолженія: „Кто мы? Мы—молодежь. Намъ принадлежить время, но и мы принадлежимъ нашему времени. Наше право есть и наша сила! Прочь съ дороги, просторъ для силы творческой, для каждой воли, которая сознаетъ въ себѣ силу! Слушайте меня! Мы, молодые силы, учреждаемъ союзъ. Золотой мѣшокъ пересталъ здѣсь царствовать!“ Въ толпѣ: „ура! вверхъ его!“ Стейнгоффа подхватываютъ на руки. Крики: „Дальше, дальше! Продолжать!“ Стейнгоффъ: „Соединимся дружно! Съ союзомъ юношества будетъ въ союзѣ само Провидѣніе. Отъ насъ самихъ зависить править міромъ — въ нашемъ округѣ!“ Одна дама — мужчине: „Нѣтъ, какъ говорить, какъ говорить! Просто расцѣловать“. Мужчина: „Ну, я бы не поцѣловалъ“. Дама: „Еще бы вы!“ Мужчина: „Можетъ быть, вамъ угодно?“ Дама: „Вы — противный!“

Союзъ юношества осуществляется. Къ нему пристають и далеко не одни юноши. Стейнгоффъ требуетъ для себя безусловнаго руководства въ общемъ дѣлѣ. Опираясь на этотъ союзъ, онъ станетъ мѣстнымъ диктаторомъ, проведетъ свою кандидатуру въ сеймъ и женится на дѣвушкѣ съ богатствомъ и связями. Любопытно, что всѣ поняли намеки оратора на камергера Мальсберга, кромѣ его самого. Въ разговорѣ съ Дрансфельдомъ, онъ замѣчаетъ: „Привидѣніе, чудище и еще золотой мѣшокъ! Это было ужасно грубо. А вѣдь подходило къ человѣку!“ Онъ убѣжденъ, что рѣчь была направлена противъ Монсена, и это доставляетъ ему удовольствіе. „А вѣдь, знаете, я передъ этимъ

замѣчательнымъ молодымъ человекомъ виновать: онъ былъ у меня съ визитомъ дважды, я его не принялъ. Но въ дѣйствительности виновать былъ Дрансфельдъ, который мнѣ сказалъ, что онъ — интриганъ и... еще что-то такое, не могу вспомнить... Ну, я эту ошибку исправлю“.

Стейнгоффъ — популярнѣйшій человекъ; камергеръ приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Стейнгоффъ, чтобы не терять времени, уже началъ было ухаживать за дочерью Монсена, но, пользуясь благоволеніемъ, какое ему оказываетъ Мальсбергъ, приударяетъ за дочерью камергера, который и вліятельнѣе, и богаче Монсена. Стейнгоффъ убѣжденъ, что Мальсбергъ принимаетъ его только изъ страха передъ нимъ. Но для того, чтобы устранить окончательно предполагаемое нерасположеніе къ себѣ Мальсберга за ту рѣчь, онъ рѣшаетъ извиниться передъ нимъ, откровенно сознаться въ незнаніи истиннаго положенія дѣлъ и въ ошибкахъ. Но Мальсбергъ, услыхавъ это обѣщаніе и узнавъ, что рѣчь относилась къ нему самому, выгоняетъ Стейнгоффа изъ своего дома.

Огромное большинство голосовъ на выборахъ получаетъ Стейнгоффъ, на половину меньшее — прежній депутатъ Дрансфельдъ. Но у Стейнгоффа нѣтъ мѣстнаго ценза, и онъ думаетъ приобрести его, жениась на дочери Мальсберга, принудивъ его къ этому вселемъ сына его, на которомъ поддѣлана бланковая надпись отца. Происходитъ цѣлый рядъ перипетій, которыя заставляютъ Стейнгоффа нѣсколько разъ мѣнять фронтъ. Наконецъ, онъ готовъ жениться на трактирщицѣ, но и это ему не удается. Круглый провалъ. И Мальсбергъ еще разъ выгоняетъ его изъ дома, узнавъ о новой его продѣлкѣ. При этомъ Мальсбергъ спрашиваетъ Дрансфельда: „Какъ это вы называли этого господина?... Интриганъ и еще чтѣ... не могу вспомнить“. Дрансфельдъ: „Проходимецъ“. Стейнгоффъ, прощаясь: „Имѣю честь кланяться“. Мальсбергъ ему во слѣдъ: „Проходимецъ!“ Постъ сеймоваго депутата остается за Дрансфельдомъ.

Въ „Союзѣ юношества“ нельзя видѣть политической сатиры, такъ какъ извѣстно, что Ибсенъ стоялъ совершенно внѣ политическихъ теорій. Въ этой пьесѣ, повторяемъ, темой служить противорѣчіе между нормальной склонностью толпы къ инерціи и способностью ея къ внезапнымъ, хотя и кратковременнымъ увлеченіямъ, безъ достаточной провѣрки поводовъ. Естественно, что, по большей части, подобныя увлеченія направляются все-таки къ защитѣ общихъ интересовъ, но всего чаще только ближайшихъ, а иногда и понимаемыхъ слишкомъ узко.

Отъ писателя, который постоянно проводилъ идею индиви-

дуализма, порою даже непримиримаго, нельзя было и ожидать иного отношенія въ „толгѣ“, въ „большинству“, какъ именно критическаго. Въ рѣчи, произнесенной въ Римѣ въ 1885 году, Ибсенъ прямо выразилъ такой взглядъ, что „первымъ долгомъ челоуѣка должна быть выработка своей индивидуальности, а не подчиненіе ея всеобщимъ интересамъ“.

Если изъ такого взгляда выводить заключенія прямо противъ мѣстнаго и даже политическаго самоуправленія и представительнаго строя, то это значило бы придавать философскому взгляду такое практическое примѣненіе, на которое авторъ нигдѣ насъ не уполномочилъ. Можно только констатировать ту очевидность, что крайній индивидуализмъ, превознесеніе себя надъ уровнемъ общихъ правъ и интересовъ, а тѣмъ болѣе „сверхчеловѣчество“ Заратустры, исключили бы общее гражданское равноправіе и свободу отъ разныхъ посягательствъ—уже не установленныхъ властей, но самозванныхъ „сверхъ-людей“.

Теперь мы приведемъ мѣсто изъ драмы „Врагъ народа“, гдѣ толпа, съ ея близорукими интересами, осуждается еще гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Союзѣ юношества“. Надо замѣтить, что „Врагъ народа“ былъ написанъ вслѣдъ за „Норой“ и „Призраками“, т.-е. такими произведеніями, которыя вызвали въ части общества ропотъ на колебаніе семейнаго начала. Въ слѣдующій (1882) годъ послѣ „Призраковъ“, Ибсенъ, какъ бы въ видѣ вызова такъ-называемымъ филистерамъ, выступилъ съ „Врагомъ народа“. Драматическое его содержаніе состоитъ въ томъ, что врачъ, который подалъ мысль объ учрежденіи въ его родномъ городѣ курорта и управляетъ лечебнымъ заведеніемъ, вдругъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ тифа, впадаетъ въ подозрѣніе о добротѣ качества мѣстной воды и начинаетъ ее изслѣдовать. Черезъ годъ онъ получаетъ отъ профессора въ Христианіи анализъ присланныхъ ему изъ курорта банокъ воды, съ полнымъ подтвержденіемъ наличности въ нихъ множества органическихъ примѣсей и вредныхъ бактерій.

Но мѣстныя власти и избиратели встаютъ противъ требующихъ докторомъ Штокманомъ работъ, которыя обошлись бы городу въ нѣсколько сотъ тысячъ марокъ, обличили бы неспособность бургомистра (братъ Штокмана) и строителей при первомъ устройствѣ, а главное, лишили бы домовладѣльцевъ и населеніе большей части ихъ дохода, такъ какъ пришлось бы закрыть курортъ года на два. Пьеса эта очень извѣстна, и достаточно было напомнить въ нѣсколькихъ словахъ о ея содержаніи. Но когда д-ръ Штокманъ уволенъ отъ должности, когда ни

мѣстная газета, ни типографія не хотятъ печатать его статьи или брошюры, когда на митингѣ онъ единогласно провозглашенъ врагомъ народа, когда ему выбили окна, а сыновей его товарищи прибили въ школѣ, то Штокманъ расширяетъ прежнее свое обвиненіе властей и гражданъ въ эгоизмъ и безсовѣстности и мечетъ громы противъ самой идеи господства и правленія большинства, противъ политическихъ партій и въ особенности противъ ихъ предводителей.

Уже на томъ митингѣ, который произнесъ надъ нимъ приговоръ, онъ высказался рѣшительно противъ авторитета большинства, то-есть толпы. „Нѣтъ болѣе опаснаго врага истины и свободы, какъ компактное, либеральное большинство... Большинство никогда не бываетъ право, уже потому, что большинство состоитъ изъ глупыхъ. Право всегда меньшинство, состоящее изъ нѣсколькихъ людей, болѣе развитыхъ, независимыхъ, видящихъ дѣло яснѣе. Я останусь здѣсь и поведу борьбу противъ той лжи, будто правда является достояніемъ большинства. Каковы тѣ истины, которыя исповѣдуются большинствомъ? Это именно престарѣлыя и уже почти пережившія себя истины. А такая отжившая истина обратилась въ ложь. Истины вовсе не такіе долговѣчные Маеусайлы, какъ люди думаютъ. Нормально сложившаяся истина живетъ обыкновенно пятнадцать, шестнадцать, самое большое—двадцать лѣтъ, рѣдко дольше. Но и такія пожилыя истины успѣли уже слишкомъ исхудать и даже высохнуть. Большинство продолжаетъ носиться съ ними и рекомендовать ихъ человечеству, какъ здоровую пищу. Но въ этой пищѣ осталось ужъ слишкомъ мало питательнаго... Истины, которыя теперь усвоены массою, это—тѣ, за которыя люди боролись во время нашихъ дѣдовъ. И вотъ мы, нынѣ живущіе передовые стрѣлки въ борьбѣ за правду, мы тѣхъ истинъ уже не признаемъ. Я думаю даже, что и не имѣется болѣе несомнѣнной правды, какъ та, что какое общество не можетъ жить здоровой жизнью, питаясь устарѣвшими истинами, въ которыхъ уже высохъ мозгъ“.

Но та часть рѣчи Штокмана, которая наиболѣе возмутила участниковъ митинга, касалась именно равнаго права на участіе въ управленіи. „Общепризнанная истина, а въ дѣйствительности просто газетная и, притомъ, очень некрасивая ложь, унаслѣдованная вами отъ отцовъ, заключается въ ученіи, будто множество, толпа, масса составляетъ истинное ядро народа, даже будто она-то и представляетъ собой личность всего народа, будто нашъ невѣжественный, умственно незрѣлый собратъ имѣеть одинаковое право господствовать и править, какъ немногочислен-

ные умственно-знатные и свободные“. Тутъ уже противъ оратора поднялся настоящій вопль, который, однако, не помѣшалъ ему ссылаться на общезвѣстный фактъ, что въ каждомъ видѣ животныхъ есть породы улучшенныя, высшія и низшія, напр., испанская или японская курица, въ сравненіи съ простой крестьянской. Куда же послѣдней сравниться съ первыми и по мясу, и по яйцамъ, которыя она несетъ, и т. д. Вотъ оратора и провозгласили „вдвойнѣ“—врагомъ народа.

Въ послѣдней сценѣ, обращаясь уже только къ своей семьѣ, Штокманъ подтверждаетъ свое намѣреніе вести борьбу съ отсталыми, мѣщанскими элементами, филистерами, которые держатся стада, потому что внѣ стада они не имѣли бы никакого значенія и никакой цѣны. „Я постараюсь уяснить незрѣлымъ умамъ, что именно либералы—это и есть самые злые враги каждаго, кто хочетъ остаться свободнымъ человекомъ, что партійныя программы душатъ именно тѣ юныя, жизнеспособныя истины, которыя выросли по времени, но еще не признаются; что вѣчная оглядка на общепринятое и на свою партію принуждаетъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ переворачивать кверху ногами и нравственность, и справедливость, такъ что, наконецъ, жизнь обращается въ адъ... А главный вредъ идетъ отъ вождей партій; ихъ слѣдовало бы просто истреблять. Таковъ вождь, это—волеъ, голодный волеъ, которому ежегодно необходимо пожрать столько то штукъ мелкаго скота. Ихъ-то, ихъ, прежде всего, необходимо гнать, гнать на самый отдаленный западъ!“

Характеристика Ибсена была бы неполна безъ приведенія этой тирады, имѣющей отношеніе къ политической жизни, отъ успѣховъ которой онъ не ожидалъ усовершенствованія человѣческаго рода. Многія изъ приведенныхъ сейчасъ словъ звучатъ реакціонно, но идея Ибсена, наоборотъ, революціонна, каково, въ сущности, и ученіе Ницше. Несомнѣнно, что толпа всегда только твердитъ зады, а человѣчество движется идеями и открытіями, которыя выработаются избранными умами. Но изъ этого, конечно, никакъ не истекаетъ, что, напримѣръ, такія практическія общественныя функціи, какъ утвержденіе бюджета или искорененіе произвола властей, слѣдуетъ предоставлять инициативѣ случайныхъ „избранныхъ умовъ“ или возложить на какую-либо наследственную касту, которая непремѣнно явилась бы такой же толпою филистеровъ, да еще замкнутой олигархіей, то-есть, толпой прямо эксплуататорской.

Основной взглядъ Ибсена, общій ему съ Ницше, а затѣмъ и ихъ новѣйшимъ послѣдователямъ, именно, что развитіе види-

видуальности для человѣчества важнѣе, чѣмъ подчиненіе ея интересамъ большинства, сохранить въ исторіи культуры значеніе, главнымъ образомъ, именно въ смыслѣ протеста противъ преобладанія буржуазнаго, обезличивавшаго позитивизма, который слишкомъ умалялъ личный починъ, отрицалъ случайность и самостоятельную роль великихъ умовъ, значеніе воли и, подъ именемъ детерминизма, воскрешалъ, въ сущности, древнее фаталистическое ученіе.

Напомнимъ, что въ томъ же періодѣ, когда были написаны „Союзъ юношества“ и „Врагъ народа“, въ которыхъ встрѣчаются слова, могущія (по недоразумѣнію) показаться политически-реакціонными, появилась и драма „Подпоры общества“. А въ этомъ произведеніи достается уже не толпѣ, но именно властямъ и авторитетамъ, которыхъ господство основано на лжи и притворствѣ. Безусловнымъ заправиломъ въ нѣкоторомъ прибрежномъ городѣ Норвегіи является богатый негоціантъ Берникъ, котораго называютъ „консуломъ“, такъ какъ онъ занимаетъ, между прочимъ, и должность иностраннаго консула. Это—дѣлецъ, который завладѣлъ состояніемъ матери и долей сестры, имѣвшимъ своей невѣстѣ и женился на богатой, воспользовался самопожертвованіемъ ея брата, взявшаго на себя вину Берника по отношенію къ другой женщинѣ и уѣхавшаго въ Америку, да еще распустилъ про него клевету, будто приостановка въ платежахъ умершей матери была вызвана похищеніемъ у нея денегъ этимъ же человѣкомъ. Однимъ словомъ, консулъ Берникъ—это типъ толстосума изъ „темнаго царства“ Островскаго.

Но богатствомъ своимъ и влияніемъ онъ воспользовался между прочимъ, и для разныхъ улучшеній въ городѣ, причемъ каждое такое улучшеніе, какъ, напримѣръ, осуществленіе соединительной желѣзнодорожной вѣтви и прочее, служило, разумѣется, и новымъ источникомъ для обогащенія самого заправилы. Онъ и двое его единомышленниковъ изъ богатаго купечества да еще кандидатъ въ пасторы (кандидатъ—для смягченія, конечно)—эта вликая обдѣлываетъ свои дѣла, во имя общей пользы, постоянно ссылается на Провидѣніе, на вѣру и нравственность, слыветъ и даже открыто называетъ себя „подпорами общества“.

Внезапно все это благополучіе нарушается появленіемъ исчезнувшаго въ Америку шурина, который значительно моложе Берника и, вскорѣ по возвращеніи, одновременно влюбляется, хочетъ жениться и узнаетъ о распушенной про него клеветѣ. Онъ требуетъ восстановленія своего добраго имени, и это какъ разъ въ такое время, когда судьба предпринимаемой Берникомъ

желѣзной дороги висить на волоскѣ. Какъ только обнаружится одна ложь, раскроются и другія, авторитетъ Берника будетъ разрушенъ, и самъ онъ, въ виду сдѣланныхъ затратъ по скупу земель, разорится.

Тогда возникаетъ такое сцѣпленіе обстоятельствъ, что Берникъ готовъ на все, чтобы прикрыть свою ложь. Онъ даже рѣшается пожертвовать для этого жизнью шурина и нѣсколькихъ другихъ людей. Но вмѣстѣ съ прежней его невѣсты, которая узнала всю правду, кромѣ задуманнаго злодѣянія, спасаетъ Берника, и все кончается благополучно, причѣмъ онъ самъ, по случаю устроенной въ честь его демонстраціи, приноситъ публичное покаяніе—не во всѣхъ, конечно, но въ нѣкоторыхъ изъ своихъ темныхъ дѣлъ. Это покаяніе является довольно неправдоподобнымъ. Но зато все остальное построено мастерски, и эта пьеса является одной изъ наиболѣе сценичныхъ драмъ Ибсена. Она оканчивается словами спасительницы Берника: „Подиоры общества—это свобода и правда!“

Послѣ этой группы произведеній, имѣющихъ значеніе преимущественно общественное, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ пьесахъ, относящихся къ сферѣ отношений семейныхъ. Такова „Нора“, о которой мы уже говорили. Вслѣдъ за ней появились „Призраки“; затѣмъ, послѣ „Врага народа“—„Дикая утка“, „Женщина моря“, „Гедда Габлеръ“ и „Маленькій Эйольфъ“. Остановимся на болѣе значительныхъ изъ нихъ.

„Призраки“ вызвали не менѣе нареканій, чѣмъ „Нора“. Правда, возмущеніе неопѣвненной мужемъ жены не ведетъ въ „Призракахъ“ къ разрыву. Но оно все-таки однажды проявилось, только осталось неизвѣстнымъ обществу. Женщина здѣсь совсѣмъ иная, чѣмъ ребенокъ-Нора. Елена Альвингъ, по уговору родныхъ, вышла за богатаго и блестящаго офицера, впоследствии камергера, который черезъ годъ сталъ кутить, ухаживать за женщинами, пить постоянно и наконецъ дошелъ до размягченія мозга. Послѣ перваго же года Елена бѣжала отъ мужа къ пастору Мандерсу, котораго полюбила, и сказала ему: „Вотъ я, возьми меня!“ Но добродѣтельный пасторъ, который не признавался и самъ себѣ въ любви къ замужней женщинѣ, уговорилъ ее и отвезъ назадъ къ мужу. Когда у Альвинговъ родился сынъ, Елена старалась удержать мужа, по крайней мѣрѣ, отъ расточительности, но не помѣшала ему сильно разстроить состояніе. Когда сынъ могъ уже понимать, что дѣлается въ домѣ, мать отправила его въ Парижъ, учиться живописи, такъ какъ въ немъ проявлялась охота къ рисованію. А сама она, чтобы спасти мужа

отъ разоренія и отвратительной среды, въ которой онъ вращался, взяла всё дѣла въ свои руки, приобрѣла господство надъ мужемъ и стала проводить съ нимъ всё вечера, не выпуская его изъ дома, причѣмъ даже пила вмѣстѣ съ нимъ и укладывала его спать, когда онъ сваливался съ ногъ. Между тѣмъ, дѣла подъ ея руководствомъ поправились. Сердцемъ Елена жила уже только для сына и въ письмахъ къ нему говорила объ умершемъ отцѣ съ притворными любовью и уваженіемъ. Таково было торжество долга къ мужу и материнскаго попеченія, въ которыхъ ее утвердилъ пасторъ Мандерсъ.

Вдругъ сынъ является на родину, и мать вскорѣ замѣчаетъ, что и онъ пьетъ и ухаживаетъ тутъ же, въ домѣ, за дѣвушкой, которая была принята въ домъ, потому что была незаконной дочерью Альвинга. Елена хочетъ удалить эту дѣвушку, но тогда сынъ признается матери, что на эту дѣвушку онъ рассчитываетъ для очень важной услуги. Въ Парижѣ съ нимъ бывали странные припадки, и вслѣдъ за наиболѣе сильнымъ изъ нихъ врачи объявили ему, что ему угрожаетъ размягченіе мозга, и что если случится еще одинъ припадокъ, то онъ будетъ уже оловчателнымъ. Тогда любимая дѣвушка сдѣлаетъ для него то, что онъ уже не сумѣетъ сдѣлать самъ и чего не можетъ сдѣлать мать,—именно, дастъ ему находящійся при немъ порошокъ морфина, заключающій въ себѣ нѣсколько прописанныхъ ему во время припадковъ дозъ, достаточныхъ для пресѣченія дальнѣйшихъ страданій.

Все это раскрывается мало-по-малу. Напрасными оказались всё жертвы и усилія жены и матери. Въ разговорѣ съ пасторомъ она прямо заявляетъ, что, отвергнувъ ее, онъ погубилъ ея жизнь, превратилъ эту жизнь въ бесплодную ложь, которая не позволила ей даже сообщить сыну во-время правду объ отцѣ и тѣмъ, быть можетъ, предохранить сына отъ той же судьбы. Наслѣдственность взяла верхъ надъ всеми усиліями матери; всё обязанности и добродѣтели оказались призраками, которые насилуютъ жизнь и ведутъ людей къ гибели. Въ послѣдней сценѣ, ночью, когда сынъ, подъ вліяніемъ страха, не хочетъ оставаться одинъ, а она пытается ободрить его, они досидѣлись вмѣстѣ до восхода солнца. Вдругъ сынъ говоритъ: „Маменька, пожалуйста, дайте мнѣ это солнце“. Мать, въ ужасѣ, оборачивается къ нему и видитъ, что онъ осунулся въ креслѣ, руки его повисли, а лицо исказилось. „Солнце,—бормочетъ онъ,—солнце“...

И вотъ, вслѣдствіе возраженій и упрековъ, вызванныхъ этими пьесами, Ибсенъ и написалъ свой приговоръ надъ тупостью и

раболѣпствомъ толпы въ „Врагъ народа“. Принадлежащая къ тому же семейному циклу „Дикая утка“, по оригинальности замысла, рѣзкой очерченности и реальности характеровъ, наконецъ, по драматичности дѣйствія, является едва ли не самымъ сильнымъ изъ всѣхъ произведеній Ибсена. Сюжетъ ея слишкомъ сложенъ для передачи въ десяткѣ-другомъ словъ, да и пьеса эта—одна изъ наиболѣе извѣстныхъ. Упомянемъ только о тѣхъ типахъ, которые здѣсь приходятъ въ столкновение на почвѣ сплошной муки семейнаго быта.

Крутой нравомъ и сластолюбивый заводчикъ Верле, деспотъ въ семьѣ, довелъ жену до скрытаго пьянства и преждевременной смерти, а своего сына Грегора—до открытаго возмущенія и обличенія отца, впрочемъ, не публичнаго, и до нѣкоторой маніи въ обличеніи всякой фальши. Фотографъ Хяльмаръ Экболь, женившійся на бывшей содержанкѣ Верле, не зная объ этомъ фактѣ, какъ и о томъ, что она была уже беременна, самъ ничего не дѣлаетъ, но и не хочетъ знать, покрываютъ ли доходы фотографіи расходы семьи. На словахъ онъ исполненъ самолюбія, даже щепетилень, а на дѣлѣ долженъ мириться со всѣмъ, потому что неспособенъ къ работѣ. Мнимая дочь его, правдивая и прелестная дѣвочка, которая застрѣливается вслѣдствіе обнаруженія всей лжи и горя, что отецъ ея уже не любитъ, — наконецъ и второстепенныя лица, выгнанный изъ службы офицеръ, отецъ Хяльмара, спившійся богословъ и врачъ, и сама жена фотографа, малообразованная женщина, но хорошая хозяйка, которая признается, что за хлопотами о семьѣ она ужъ давно и забыла о тѣхъ прежнихъ глупостяхъ и интригахъ, — все это типы совершенно живые, отдѣланные съ замѣчательнымъ мастерствомъ.

Гораздо слабѣе принадлежащій къ этой группѣ семейныхъ драмъ „Маленькій Эйольфъ“. Зато слѣдующее за нимъ по времени произведеніе „Джонъ-Габріель Боркманъ“, о которомъ мы уже упоминали, дѣйствуетъ сильно. Это—новое и послѣднее подтвержденіе, какъ неудержимаго стремленія сильной индивидуальности ко власти, такъ и противорѣчія между стремленіемъ и возможностью. Наконецъ, послѣдняя драма Ибсена: „Когда мы мертвые проснемся“, уже въ другомъ мѣстѣ нашего очерка характеризована, какъ pendant къ „Перу Гянту“ по мысли о томъ, что необузданная фантазія должна изливаться въ художественное творчество, — иначе она дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ дѣйствію въ реальной жизни. То обстоятельство, что послѣднее произведеніе Ибсена, если не считать собранія его писемъ изъ

разныхъ лѣтъ, появилось тринадцать лѣтъ назадъ, также не лишено значенія. Положимъ, ему уже и въ 1893 году было 65 лѣтъ. Но едвали одному этому слѣдуетъ приписать полное его молчаніе въ теченіе послѣдующихъ тринадцати лѣтъ.

Скорѣе можно предположить, что онъ считалъ свое дѣло уже сдѣланнымъ. Писательская его дѣятельность длилась болѣе сорока лѣтъ, и, какъ мы видѣли, большая ея часть была посвящена борьбѣ со старыми идеалами и той общественной и семейной ложью, которая истекаетъ изъ отсталости, инерціи или малодушія, нежелающихъ открыто нарушать того, что считается установленнымъ и общепризнаннымъ. Ибсенъ не считалъ себя призваннымъ къ провозглашенію идеаловъ новыхъ, но онъ могъ полагать, что уже подошла пора для приступа къ работѣ созидательной. Во всякомъ случаѣ, ему, который общественные идеалы и истины не только не считалъ многовѣковыми, но признавалъ даже довольно кратковременными, могло казаться, что дальнѣйшая освободительная, но одновременно и творческая уже работа должна происходить подъ болѣе свѣжими, болѣе близкими къ потребностямъ „новѣйшихъ дней“ девизами, чѣмъ тѣ, съ какими выступалъ онъ самъ и его сподвижники въ теченіе почти полувѣка. Эти девизы и приемы въ свою очередь устарѣли, и, сверхъ того, вульгаризировались многочисленными подражателями.

Освободительное движеніе идетъ уже нѣсколько вѣковъ; оно неуклонно будетъ продолжаться и впредь. Но въ немъ нынѣ все болѣе проявляется преобладаніе характера экономическаго надъ философскимъ и даже политическимъ. Прежніе идеалы уже достаточно расшатаны, и личность надо освобождать уже не столько отъ нихъ сколько отъ тѣхъ желѣзныхъ условій, которыя все могущество вручили капиталу, обратившемуся въ новую привилегію, въ новый „феудъ“, а трудъ, то-есть живую личность, отдали на произволъ рыночныхъ колебаній и спекулятивныхъ видовъ могучихъ синдикатовъ.

Эта фальшь, которая общепризнанную фикцію противопоставляетъ дѣйствительному могуществу всего трудящагося человечества, гораздо болѣе выступаетъ наружу и волнуетъ умы въ наше время, чѣмъ тѣ, сравнительно мелкія, лжи, которыя обличались Ибсеномъ и другими проповѣдниками „переоцѣнки цѣнностей“.

Современное движеніе, въ новѣйшей его фазѣ, должно вызвать свою литературу, имѣющую сказать еще не одно новое слово. Движеніе это, продолжаясь во имя освобожденія человеческой личности, можетъ, однако, примирить идею индивидуализма

съ идею общечеловѣческой солидарности, и въ такомъ случаѣ оно явится скорѣе продолженіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ одухотвореніемъ стараго позитивизма, чѣмъ пессимистическаго самоокрушенія и безплодныхъ порывовъ въ область пантеистическаго мистицизма.

Л. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906.

Высочайшій манифестъ 9-го іюля. — Значеніе досрочнаго распушенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты. — Вопросъ о диктатурѣ. — Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ. — Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы? — Обвиненія, взводимыя на Думу. — Слова и дѣйствія новаго министерства. — Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія. — Беззащитное пророчество. — Post-scriptum.

9-го іюля состоялся слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди избранные отъ населенія.

„Твердо уповав на милость Божию, вѣря въ свѣтлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

„Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельного труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

„Смущенное же таковыми не порядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

„Но пусть помнят Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволия или беззаконія и всею силою Государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ отечествѣ.

„Да возстановится же спокойствіе въ землѣ Русской и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получить тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложить, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

„Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ, указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20-ое февраля 1907 года.

„Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божию и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

„Вѣрные сыны Россіи!

„Царь вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины.

„Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской“.

Одновременно съ манифестомъ обнародованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го іюля, слѣдующаго содержанія:

„На основаніи статьи 105 свода основныхъ Государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ: Государственную Думу распустить, съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на 20-ое февраля 1907 года.

„О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ особыя указанія“.

Распущеніе палаты задолго до нормальнаго срока окончанія ея полномочій—и, тѣмъ болѣе, распущеніе палаты только-что избранной—принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и наиболѣе рискованныхъ государственныхъ актовъ. Выборы всегда волнуютъ страну, всегда нарушаютъ спокойное теченіе общественной жизни. Для возобновленія только-что закончившейся выборной агитаціи нужны весьма серьезныя причины—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточныя основанія рассчитывать на побѣду. Большую роль играетъ, въ этомъ отношеніи, промежутокъ времени, истекшій послѣ выборовъ. Чѣмъ онъ длиннѣе, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что измѣнилось настроеніе избирателей и, слѣдовательно, результатъ выборовъ получится иной, чѣмъ прежде. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, слишкомъ мало, чтобы произвести такую перемѣну. Шансы ея обуславливаются, въ значительной мѣрѣ, еще другимъ обстоятельствомъ: численностью и устойчивостью партій, на которыя распадалась распущенная палата. Если ихъ силы были почти равны, если достаточно перемѣненія нѣсколькихъ голосовъ, чтобы превратить большинство въ меньшинство, то соотвѣтственно этому расстеть вѣроятность достиженія цѣли, преслѣдуемой распущеніемъ. Она понижается, наоборотъ, если въ распущенной палатѣ рѣшительный, крупный перевѣсъ имѣли именно тѣ элементы, противъ которыхъ направлено распущеніе. Примѣровъ этому новѣйшая исторія представляетъ немало. Въ 1830 г. король французскій Карль X-й распустилъ палату, до окончанія полномочій которой оставалось еще пять лѣтъ—и новые выборы привели къ значительному усиленію оппозиціи. Въ 1862 г. король прусскій Вильгельмъ I-й распустилъ избранную за три мѣсяца передъ тѣмъ палату—и въ новой палатѣ оппозиція оказалась еще многочисленнѣе, еще упорнѣе; такой же результатъ имѣло досрочное распущеніе палаты въ 1863-мъ году. Французская палата депутатовъ, избранная въ 1876-мъ году и въ слѣдующемъ году распущенная маршаломъ Макъ-Магономъ, возродилась, при новыхъ выборахъ, въ томъ же почти составѣ, несмотря на всѣ усилія министерства доставить торжество удобнымъ ему кандидатамъ.

Чѣмъ прочнѣе укоренился въ государствѣ конституціонный строй, тѣмъ менѣе опасно досрочное распущеніе палаты. Въ странѣ, давно живущей конституціонною жизнью, каждое изъ высшихъ государственныхъ учрежденій сроднилось съ своимъ мѣстомъ и своею ролью, привыкло подчиняться требованіямъ основнаго закона и уважать чужое право. Временной пробѣлъ въ ихъ ряду, вызываемый распущеніемъ палаты, чувствуется слабо. Сознывая свою отвѣтственность, всѣ дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы палата вовсе не сходила со сцены. Совершенно инымъ положеніе дѣлъ представляется тамъ, гдѣ только-

что блеснули первые лучи конституціоннаго солнца. Распущеніе палаты при такихъ условіяхъ грозитъ возвращеніемъ къ порядкамъ, признаннымъ несостоятельными, но не успѣвшимъ еще исчезнуть безслѣдно. Старыя традиціи, не встрѣчая противовѣса, могутъ воскреснуть съ новой силой. Движеніе впередъ должно остановиться, за отсутствіемъ главнаго двигателя. Нелегко, притомъ, возобновить, на время, дѣйствіе прежней правительственной машины; нелегко—или, лучше сказать, невозможно—исправить аварии, понесенныя ею въ моментъ перехода къ новому строю. Хорошо еще, если измѣненіе политическихъ формъ не совпадаетъ съ перестройкой всѣхъ частей законодательства: тогда распущеніе палаты можетъ повлечь за собою только остановку законодательной работы, а не продолженіе ея безъ участія народнаго представительства. Именно послѣдняго слѣдуетъ опасаться у насъ въ Россіи, гдѣ все поколеблено, все требуетъ обновленія.

Государственная Дума распущена въ моментъ всеобщей смуты, все болѣе и болѣе усиливающейся. Есть ли основаніе думать, что при отсутствіи Думы легче будетъ возстановить спокойствіе и тишину? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается уже тѣмъ, что смута возникла и разрослась задолго до созыва Думы, задолго даже до рѣшенія созвать ее. Кампанія банкетовъ началась еще въ 1904-мъ году; за нею послѣдовало образованіе союзовъ. Волненіе среди рабочихъ достигло высокой степени уже въ самомъ началѣ 1905-го года. Аграрное движеніе рѣзко проявилось весною и вновь повторилось осенью того же года. Конецъ года былъ ознаменованъ открытымъ возстаніемъ въ Москвѣ и въ остзейскомъ краѣ. Еще раньше произошли извѣстныя событія въ Кронштадтѣ и Севастополѣ. Съ открытіемъ Думы наступило нѣкоторое затишье, прерванное только въ концѣ іюня новыми аграрными погромами. Ставить эти погромы въ пассивъ Думы невозможно уже потому, что какъ экстенсивностью, такъ и интенсивностью они ничуть не отличаются отъ прежнихъ: все происходившее недавно, напримѣръ, въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи было какъ бы повтореніемъ событій, совершившихся въ 1902 г. въ полтавской, въ 1905 г.—въ саратовской губерніи... Если на крайней лѣвой сторонѣ Думы раздавались рѣчи революціоннаго характера, то онѣ встрѣчали рѣшительный отпоръ въ средѣ самой Думы и становились, вслѣдствіе этого, менѣе опасными, нежели ничѣмъ не сдерживаемыя и никѣмъ не опровергаемыя рѣчи въ собраніяхъ крайнихъ партій. Соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ у насъ давно уже немало; невозможность открытаго ихъ выступленія скорѣе способствовала, чѣмъ препятствовала ихъ пропагандѣ. Съ другой стороны, надежды, возлагавшіяся на Думу, безъ сомнѣнія сдерживали нетерпѣливыхъ, отгѣсняли на задній планъ мысль о насиліи.

Особенно многого ожидало отъ Думы крестьянство, въ первый разъ, благодаря ей, получившее возможность возвысить свой голосъ и заявить о своихъ нуждахъ. Съ роспускомъ Думы исчезаетъ, такимъ образомъ, не ферментъ, вызывающій или усиливающій броженіе, а регуляторъ, предупреждающій уклоненія съ прямой дороги.

Чѣмъ можетъ быть замѣнено дѣйствіе этого регулятора? Диктатурой—утверждаетъ реакціонная печать, неустанно проповѣдывавшая разгонъ „крамольной“ Думы и вызывавшая тѣнь Муравьева-Вилenskаго, какъ „указателя пути“, на которомъ можетъ быть обрѣтено спасеніе. Но чтó такое диктатура? Власть, стоящая внѣ закона и выше закона. Такою властью облечены у насъ уже давно генерал-губернаторы, градоначальники, губернаторы, въ мѣстностяхъ, объявленных на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны. Право предавать военному суду, право отказывать въ принятіи кассационной жалобы на приговоръ суда, право заключать подъ стражу и высылать въ дальніе края, право издавать обязательныя постановленія и карать за ихъ нарушеніе, право приостанавливать періодическія изданія—все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно образуетъ диктатуру, въ самой рѣзкой ея формѣ. Или, можетъ быть, настоящая диктатура предполагаетъ соединеніе въ одномъ лицѣ чрезвычайной власти надъ *всѣмъ* государствомъ? Но, во-первыхъ, въ такой обширной странѣ, какъ Россія, центральному диктатору, кто бы онъ ни былъ, нельзя было бы обойтись безъ передачи значительной части своихъ полномочій мѣстнымъ диктаторамъ; иначе не могла бы быть достигнута быстрота дѣйствій, составляющая необходимую принадлежность диктатуры. Во-вторыхъ, развѣ не былъ, въ сущности, „центральнымъ диктаторомъ“ П. Н. Дурново, когда стоялъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и развѣ не соединяетъ въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ этого званія всякій министр, стоящій надъ мѣстными диктаторами? Не рискуя впасть въ ошибку, можно, поэтому, утверждать, что пріемъ диктатуры испытанъ и исчерпанъ у насъ вполне. Если онъ не далъ до сихъ поръ ожидавшихся отъ него результатовъ, если посягательствъ на личность и имущество съ политическою цѣлью совершается всего больше именно тамъ, гдѣ существуетъ военное положеніе или чрезвычайная охрана, если переполненіе мѣстъ заключенія и ссылки не водворяетъ тишины и порядка, если взамѣнъ однихъ „безпокойныхъ элементовъ“, изъятыхъ изъ обращенія, немедленно появляются новые, то не ясно ли, что и въ будущемъ, при употребленіи тѣхъ же средствъ, не получится другихъ результатовъ? Усилить, обострить дѣйствіе власти нельзя какъ потому, что она и безъ того уже доходитъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго, такъ и потому, что Россія все-таки остается, *de jure*, конституціоннымъ го-

сударствомъ; манифестъ 9-го іюля подтверждаетъ законъ объ учрежденіи Государственной Думы и устраняетъ, тѣмъ самымъ, мысль о возвращеніи къ прежнему режиму.

Представимъ себѣ теперь, что, не смотря на продолжающуюся фактическую диктатуру, будетъ задуманъ рядъ законодательныхъ мѣръ прогрессивнаго характера, направленныхъ къ успокоенію умовъ и къ удовлетворенію главнѣйшихъ запросовъ жизни. Формальное основаніе для такого образа дѣйствій можно найти въ ст. 45-ой зак. основн. (изд. 1906 года). Если—такъ гласитъ эта статья—во время прекращенія занятій Государственной Думы чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ мѣрѣ, требующей обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, то совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Нетрудно замѣтить, что изданіе такихъ временныхъ законовъ—*временныхъ*, потому что дѣйствіе ихъ должно прекратиться въ случаѣ послѣдующаго неодобренія ихъ Государственной Думой или Государственнымъ Совѣтомъ,—поставлено въ условія, не благоприятствующія полнотѣ и правильности ихъ содержанія. При старомъ режимѣ каждый новый законъ долженъ былъ проходить черезъ Государственный Совѣтъ—учрежденіе, конечно, крайне несовершенное, но все же болѣе компетентное для законодательной работы, чѣмъ совѣтъ министровъ, хотя бы и усиленный нѣсколькими приглашенными лицами. Отступленіе отъ нормальнаго порядка допущено ст. 45-ой только на случай чрезвычайныхъ обстоятельствъ, *необходимо* вызывающихъ немедленную законодательную дѣятельность: къ числу такихъ обстоятельствъ нельзя отнести соображенія о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ уступокъ общественному мнѣнію. Допустимъ, однако, что сила вещей оправдываетъ явную натяжку въ толкованіи закона: достигнуть ли своей цѣли подобныя уступки, низведенныя, быть можетъ, на степень уступочекъ? Это мало вѣроятно. Еслибы министерство имѣло въ виду обезпечить права личности и общества, создать новую, болѣе разумную избирательную систему, расширить полномочія народнаго представительства, ему не зачѣмъ было бы откладывать исполненіе своихъ плановъ до роспуска Государственной Думы. Своевременно внесенныя, предложенія этого рода могли бы радикально измѣнить отношеніе Думы къ министерству.

Если роспускъ Думы грозитъ обостреніемъ замѣшательства, безъ того уже крайне тяжелыхъ, то нельзя не пожалѣть, что не были испробованы всѣ средства къ его предупрежденію. Такимъ средствомъ было бы, напримѣръ, назначеніе, хотя бы и не всецѣло изъ среды большинства Думы, новаго министерства, менѣе связаннаго своимъ прошедшимъ, болѣе склоннаго къ соглашеніямъ, болѣе способнаго и готоваго приноровиться къ условіямъ минуты. Въ послѣднее время

министерства и министры мѣнялись такъ часто, что одна лишняя перемѣна не могла бы поколебать авторитетъ правительственной власти. Чѣмъ больше, затѣмъ, уклонялось бы влѣво меньшинство Думы, тѣмъ скорѣе большинство могло бы явиться твердой опорой для кабинета, пользующагося его довѣріемъ. Въ законодательной дѣятельности не наступило бы остановки; страна не была бы повергнута въ тревогу, не была бы охвачена чувствомъ неизвѣстности, такъ рѣзко выразившимся въ небываломъ паденіи курса государственныхъ бумагъ. Что образованіе „благоразумнаго кадетскаго министерства“ было исполнѣ возможно и цѣлесообразно—это признаетъ такой достовѣрный, въ данномъ случаѣ, свидѣтель, какъ А. И. Гучковъ. Правительство—сказалъ онъ московскому корреспонденту „Новаго Времени“—„нѣсколько поторопилось“, рѣшившись на роспускъ Думы... Съ особенною силой говорить противъ своевременности этого акта одно характерное обстоятельство: радостно онъ былъ встрѣченъ только въ двухъ крайнихъ политическихъ лагеряхъ—въ средѣ революціонеровъ и въ средѣ ультра-монархистовъ грингмутовскаго типа. Ликованіе первыхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что роспускъ Думы облегчаетъ ихъ борьбу противъ основъ общественнаго строя; послѣдніе торжествуютъ потому, что видятъ въ роспускѣ Думы „начало конца“ новорожденной русской конституціи.

Посмотримъ теперь, что ставится, главнымъ образомъ, въ вину распущенной Думѣ. Выборные отъ населенія, по словамъ манифеста 9-го іюля, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій мѣстныхъ властей, къ указаніямъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Ст. 66-ая основн. зак. предоставляетъ Государственной Думѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу такихъ дѣйствій администраціи, высшей и низшей, которыя представляются незаконными. Чтобы воспользоваться этимъ правомъ, необходимо, во многихъ случаяхъ, привести въ ясность все относящееся къ дѣйствіямъ, которыя должны составить предметъ запроса. Нельзя, очевидно, полагаться исключительно и безусловно на свѣдѣнія, исходящія отъ обвиняемыхъ или отъ ихъ начальства: заинтересованныя лица могутъ умолчать объ одномъ, другое представить въ неполномъ или невѣрномъ освѣщеніи. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего противозаконнаго въ стремленіи собрать или провѣрить данныя, отъ которыхъ зависитъ направленіе дѣла. Дума вышла бы за предѣлы своихъ функцій въ такомъ только случаѣ, еслибы стала *требовать* показаній или принимать другія мѣры,

на которыя уполномочена только слѣдственная власть. Ничего подобнаго Дума не допускала. Въ томъ единственномъ случаѣ, когда ея члены выѣзжали на мѣсто изслѣдуемаго событія (въ Бѣлостокъ), они бесѣдовали съ спрошенными ими лицами точно такъ же, какъ это могли бы сдѣлать газетные корреспонденты. Ихъ авторитетность, какъ народныхъ представителей, увеличивала, конечно, значеніе собранныхъ ими свѣдѣній, но отнюдь не давала ихъ дѣйствіямъ характеръ формальнаго разслѣдованія. Если запросы о неправильныхъ дѣйствіяхъ администраціи заняли такое громадное мѣсто въ думской работѣ, то это случилось вопреки желанію Думы, очень хорошо понимавшей, что не въ этомъ заключается главное ея призваніе. Слишкомъ много накопилось въ недавнемъ прошломъ вопіющихъ беззаконій, слишкомъ сильна была потребность населенія пролить на нихъ яркій свѣтъ, чтобы предупредить ихъ продолженіе и повтореніе.

Государственной Думѣ ставится въ вину *указаніе* на несовершенство основныхъ законовъ, измѣненіе которыхъ можетъ быть предпринято только монаршею волею. Дѣйствительно, такое указаніе было сдѣлано въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь; но это не было формальнымъ предложеніемъ измѣнить тотъ или другой основной законъ. Никакихъ законопроектовъ, направленныхъ къ такому измѣненію, въ Думу со стороны ея членовъ внесено не было. Народное представительство, призванное къ установленію единенія между монархомъ и народомъ, не могло не высказать въ первомъ своемъ обращеніи къ монарху, что именно, по его убѣжденію, необходимо для достиженія этой цѣли... Между представленіемъ адреса и роспускомъ Думы прошло два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ никѣмъ не было заявлено о противозаконности указанія, содержащагося въ адресѣ. Въ сообщеніи 13-го мая совѣтъ министровъ ограничился заявленіемъ, что не считаетъ себя въ правѣ останавливаться на предложеніяхъ, касающихся пересмотра основныхъ законовъ; но вѣдь отвѣтный адресъ Думы былъ обращенъ не къ совѣту министровъ, а къ монарху, вниманіе котораго она желала привлечь къ средствамъ успокоить страну и обезпечить благосостояніе народа.

Явно незаконнымъ признается, наконецъ, обращеніе Думы къ населенію. Можно быть того или другого мнѣнія о цѣлесообразности этого обращенія, но едвали можно видѣть въ немъ превышеніе правъ, принадлежащихъ Думѣ. Мысль объ обращеніи къ населенію по аграрному вопросу возникла только тогда, когда появилось въ печати правительственное сообщеніе по тому же предмету, всецѣло, въ сущности, направленное противъ Думы, провозглашавшее неправильность и неосуществимость предположеній, только-что одобренныхъ, въ принципѣ, громаднымъ ея большинствомъ, и дѣлавшее народъ какъ

бы судьей между министерствомъ и Думой. Можно было, конечно, оставить сообщеніе безъ отвѣта, рассчитывая на то, что населеніе больше вѣритъ Думѣ, чѣмъ министерству; можно было дать ему отпоръ въ формѣ мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ. Послѣдній способъ дѣйствій, безспорно легальный, отличался бы весьма мало отъ обращенія къ населенію: вѣдь свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ Думѣ весьма быстро получали самое широкое распространеніе. Достаточно ли небольшой разницы въ формѣ, чтобы можно было признать нарушенною границу между законнымъ и незаконнымъ?.. Что касается до содержанія сообщенія, то уже въ первой своей редакціи, составленной аграрною комиссією, оно отличалось большою корректностью и сдержанностью. За изложеніемъ фактовъ, вполне согласнымъ съ истиной, за напоминаніемъ о томъ, что никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Думы, слѣдовало выраженіе рѣшимости не отступать отъ одобреннаго уже Думою принципа принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Въ концѣ сообщенія высказывалась надежда, что населеніе будетъ спокойно и мирно ожидать окончанія работъ по изданію аграрнаго закона. Въ окончательной редакціи сообщенія, принятой Думою въ засѣданіи 6-го іюля, мирный его характеръ подчеркнуть еще сильнѣе. „Государственная Дума“ — читаемъ мы здѣсь — „стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работъ по изданію земельного закона“. Особенно яркій свѣтъ на значеніе обращенія бросаютъ происходившія о немъ пренія, а также результаты голосованія. Трудовая группа предлагала выразить въ сообщеніи увѣренность, что населеніе обезпечитъ Думѣ своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести въ жизнь ея начинанія. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту этой поправки, видно, что въ основаніи ея вовсе не лежала мысль о переходѣ къ открытому возстанію или вообще къ насильственнымъ дѣйствіямъ; но большинство Думы тѣмъ не менѣе высказалось противъ поправки, во избѣжаніе недоразумѣній, къ которымъ могли бы дать поводъ слова объ „организованной“ поддержкѣ. Еще знаменательнѣе мотивы, въ силу которыхъ социаль-демократы рѣшились прекратить участіе въ преніяхъ, а при окончательномъ голосованіи подать голосъ противъ сообщенія: они нашли, что главный смыслъ сообщенія „сводится къ укору народа и къ призыву его къ спокойствію“, а не къ обличенію тѣхъ, „которые не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю“. За сообщеніе, въ концѣ

концовъ, было подано 124 голоса противъ 53, при 101 воздержавшемся. Въ виду всёми извѣстнаго распредѣленія думскихъ партій, можно сказать утвердительно, что подали голосъ противъ сообщенія преимущественно представители крайнихъ (правыхъ и лѣвыхъ) партій, а среди воздержавшихся отъ голосованія главное мѣсто принадлежало трудовой группѣ. Это показываетъ съ достаточною ясностью, въ чемъ заключался настоящій смыслъ сообщенія и какъ мало оправдывается имъ столь крайняя мѣра, какъ распущеніе Думы.

Призванная къ разрѣшенію страшно трудной и безконечно сложной задачи, наша первая Государственная Дума была поставлена съ самаго начала въ крайне неблагоприятныя условія. Главнымъ изъ нихъ было полное и неустранимое разногласіе между Думой и министерствомъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ обращеніи къ избирателямъ, составленномъ, послѣ роспуска Думы, уполномоченными отъ партій мирнаго обновленія ¹⁾, гр. Гейденомъ, Н. Н. Львовымъ и М. А. Стаховичемъ: „со стороны находившагося у власти министерства мы встрѣчали не помощь, а противодѣйствіе, вовлекшее насъ въ борьбу съ нимъ, при которой совмѣстная работа явилась невозможной“. Исходя отъ наиболѣе умѣренной изъ всѣхъ думскихъ партій, эти слова даютъ ключъ къ пониманію событій, предшествовавшихъ распущенію Думы. Министерство явилось въ Думу съ пустыми руками; имъ не было представлено ни одного законопроекта, направленаго къ осуществленію общаній 17-го октября. Оставалась въ силѣ система управленія, давно вызывавшая всеобщее неудовольствіе въ странѣ; не только не была поставлена на очередь отмѣна законовъ, легализирующихъ произволъ, но почти не измѣнился способъ ихъ пригнѣненія. Министерское сообщеніе 13-го мая уничтожило надежду на соглашеніе по главнымъ вопросамъ, возбужденнымъ жизнью. И все-таки, трата цѣлыя дни на неизбѣжные, но безплодные запросы, Дума успѣла кое-что сдѣлать и многому положить начало. Ея комиссіи разсмотрѣли нѣсколько важныхъ законопроектовъ, сильно подвинули впередъ подготовку другихъ, еще болѣе крупныхъ; сама Дума провела законъ объ отмѣнѣ смертной казни, нашедшій сочувственный отголосокъ даже въ средѣ Государственнаго Совѣта. Законъ объ ассигнованіи суммъ на первоначальную помощь голодающимъ—единственный

¹⁾ Партія мирнаго обновленія, образовавшаяся незадолго до роспуска Государственной Думы, обнимаетъ собой, повидимому, бывшихъ членовъ союза 17-го октября, нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ конституціонно-демократической партіи, составившихъ правое ея крыло, и часть безпартійныхъ депутатовъ.

принятый какъ Думой, такъ и Совѣтомъ, и утвержденный верховною властью, — показать, какъ бережно Дума намѣрена относиться къ государственнымъ средствамъ. Несогласіе ея на заключеніе займа было мотивировано возможностью сокращенія смѣтныхъ расходовъ — возможностью, которую министерство сначала отрицало, а теперь по необходимости признаетъ: для рѣшенія вопроса, чего именно должны коснуться сбереженія, учреждено, уже послѣ роспуска Думы, особое совѣщаніе. Такими результатами, добытыми въ короткое время, уравновѣшиваются немногіе невѣрные шаги, сдѣланные Думой. Обойтись безъ ошибокъ новое дѣло не могло, особенно въ той обстановкѣ, въ которой приходилось дѣйствовать Думѣ. Когда настанетъ время для исторіи Думы, въ ея балансѣ, мы въ этомъ убѣждены, активъ окажется значительно вышшимъ, чѣмъ пассивъ.

Какъ предполагаетъ дѣйствовать министерство, сосредоточившее въ своихъ рукахъ, на время, всю полноту правительственной власти? Нѣкоторымъ указаніемъ на это служить телеграмма, посланная председателемъ совѣта министровъ, 11-го іюля, генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ. Отъ мѣстныхъ властей требуется здѣсь „самое рѣшительное, безъ всякихъ колебаній, руководство подчиненными органами въ дѣлѣ быстрого, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка. Открытые беспорядки должны встрѣчать неослабный отпоръ. Революціонные замыслы должны пресѣкаться всѣми законными средствами. Принимаемыя мѣры должны при этомъ отличаться строгою обдуманностью. Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества. Поэтому огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены. Дѣйствія незаконныя и неосторожныя, вносящія вмѣсто успокоенія озлобленіе, не терпимы. Намѣренія Государя неизмѣнны. Правительство проникнуто, поэтому, твердымъ намѣреніемъ способствовать отмѣнѣ и измѣненію въ законномъ порядкѣ законовъ устарѣвшихъ и не достигающихъ своего назначенія. Старый строй получить обновленіе. Порядокъ же долженъ быть охраненъ въ полной мѣрѣ. Въ этомъ мѣстныя власти должны проявить собственную инициативу и отвѣтственность за это лежитъ на нихъ“. Не лишено, конечно, значенія признаніе министерства, что старый строй подлежитъ обновленію, что необходимо отмѣнить устарѣвшіе законы; но въдѣ все это должно совершиться въ неопредѣленномъ будущемъ, а пока осужденные министерствомъ законы остаются въ полной силѣ, и объ измѣненіи способа пользованія ими въ телеграммѣ г. Столыпина сказано очень мало. Мѣстныя власти, отъ которыхъ требуется *быстрое* возстановленіе порядка — замѣйте, *возстановленіе*, а не охрана — весьма

легко могутъ понять это требованіе въ смыслѣ уполномочія дѣйствовать *естми законными средствами* не только при пресѣченіи открытыхъ безпорядковъ или революціонныхъ замысловъ. Онѣ могутъ придти къ убѣжденію, что для возстановленія порядка необходимо удалить всѣхъ когда-либо замѣченныхъ въ его нарушеніи, всѣхъ способныхъ его нарушить, всѣхъ „несогласно мыслящихъ“. Правда, телеграмма предостерегаетъ противъ „огульныхъ репрессій“; но если этими словами запрещаются дѣйствія противъ цѣлой группы, безъ отдѣльнаго разбирательства по отношенію къ каждому ея члену, то ими отнюдь не устраняются мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ, основанныя на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ.

Лучшимъ комментариемъ къ словамъ служатъ дѣйствія. Одновременно съ роспускомъ Думы и назначеніемъ новаго министерства значительно увеличено число мѣстностей, состоящихъ на положеніи чрезвычайной охраны и, слѣдовательно, особенно живо чувствующихихъ гнѣтъ „устарѣвшихъ законовъ“. Въ Петербургѣ, принадлежащемъ къ числу этихъ мѣстностей, въ Петербургѣ, гдѣ *надзоръ* центральной власти часто переходитъ въ *распоряженіе* подчиненными ей органами, 11-го іюля закрытъ, по приказанію градоначальника, такъ называемый „кадетскій клубъ“, т. е. сборный пунктъ конституціонно-демократической партіи; закрыты также всѣ отдѣленія этого клуба. Едвали эта мѣра соотвѣтствуетъ смыслу телеграммы г. Столыпина. Государственному и общественному порядку мѣсто собраній партіи, составившей центръ Государственной Думы и противодѣйствовавшей стремленіямъ крайнихъ группъ, отнюдь не угрожало. Нельзя же допустить, чтобы партія, распространенная по всей странѣ, игравшая столь видную роль на прошлыхъ выборахъ, была внезапно лишена возможности открыто совѣщаться о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Въмѣсто открытыхъ совѣщаній неизбежно начнутся частныя, закрытыя, предупредить которыя нельзя будетъ никакими репрессіями, даже „огульными“... Такое же впечатлѣніе, какъ закрытіе „кадетскаго клуба“, производитъ приостановка изданія газетъ „Страна“ и „Наша Жизнь“, никогда не служившихъ органами крайнихъ партій ¹⁾, или арестованіе молодого человѣка за восклицаніе, въ публичномъ мѣстѣ: „да здравствуетъ свобода“! Мѣры этого рода могутъ только увеличивать сумму общественнаго неудовольствія, отнюдь не укрѣпляя положеніе правительства.

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы не сочувствуемъ и систематическому уничтоженію социаль-демократической и социаль-революціонной прессы, начавшемуся еще до роспуска Думы. Мы останавливаемся на мѣрѣ, принятой противъ двухъ названныхъ выше газетъ, только потому, что она особенно ярко характеризуетъ образъ дѣйствій министерства.

Становится страшно, когда подумаешь, что положеніе вещей, созданное роспускомъ Государственной Думы, можетъ продлиться еще семь мѣсяцевъ. Невольно возникаетъ вопросъ, почему и для чего установленъ такой дальній срокъ созыва Государственной Думы? Выборы, даже въ той сложной и запутанной формѣ, какая установлена избирательными законами 6-го августа и 11-го декабря, продолжались не болѣе двухъ мѣсяцевъ, но и то потому, что они были назначены не вездѣ въ одно и то же время. Для приготовления къ выборамъ, въ особенности теперь, когда имѣется уже нѣкоторая избирательная практика, также болѣе чѣмъ достаточно двумѣсячный срокъ. Ничто не мѣшало бы созвать Думу по крайней мѣрѣ тремя мѣсяцами раньше, между 15 ноября и 1 декабря. Въ западной Европѣ быстрое возобновленіе распущенной палаты составляетъ общее правило, соблюдаемое даже тогда, когда поводомъ къ распусченію былъ конфликтъ между правительствомъ и народными представителями. Такъ наприимѣръ, въ Пруссіи, въ самомъ началѣ спора изъ-за реорганизации войска, палата депутатовъ была распущена 11-го марта (1862-го года), а новая сессія открыта 19-го мая. Въ 1866-мъ году между роспускомъ палаты (9-го мая) и открытіемъ сессіи (5-го августа) прошло менѣе трехъ мѣсяцевъ. Немногимъ больше былъ промежутокъ времени, отдѣлявшій, въ 1877-мъ году, распусченіе французской палаты депутатовъ отъ возвращенія къ нормальной парламентской жизни. Громадное пространство Россіи не мѣшаетъ столь же скорому ходу дѣла и у насъ; разстоянія не играютъ большой роли, разъ что вездѣ широко распространена телеграфная сѣть... Если замедленіе новыхъ выборовъ вызвано разсчетомъ на дѣйствіе времени, какъ способъ умиротворенія страны, то этотъ разсчетъ легко можетъ оказаться ошибочнымъ: не находя исхода въ дебатахъ и рѣшеніяхъ Думы, возбужденныя страсти могутъ разгораться все больше и больше. Понадобится, съ обычной административной точки зрѣнія, новый рядъ репрессій, которыя, въ свою очередь, подольютъ масла въ огонь. Получится, такимъ образомъ, тотъ самый волшебный кругъ, въ которомъ растратило свои силы министерство Витте-Дурново. Мы думаемъ, что единственнымъ средствомъ успокоить умы и обезпечить правильное теченіе выборовъ было бы значительное приближеніе срока, назначеннаго для открытія новой сессіи. Препятствій къ этому ни со стороны формы, ни по существу, нѣтъ никакихъ. Созванная до конца года, Дума—что въ высшей степени важно—имѣла бы возможность рассмотретьъ своевременно смѣту на 1907-ой годъ... Какъ бы то ни было, мирное окончаніе кризиса, обезсиливающаго и истощающаго Россію, въ нашихъ глазахъ все еще возможно. Ни къ

чему, кромѣ новыхъ бѣдствій, не привели бы вспышки революціоннаго насилія.

Каковъ будетъ составъ новой Думы—объ этомъ теперь, конечно, трудно и догадываться. Провидать будущее только „Московскія Вѣдомости“, утверждающія, съ свойственною имъ беззащитностью, что вторая Дума несомнѣнно будетъ еще *хуже* первой, если выборы въ нее будутъ произведены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ апрѣлѣ. И это случится—вѣщаетъ газета—„не по недостатку усердія и энергіи русскаго народа“; „благомыслящіе русскіе люди“, объединенные еще до апрѣльскихъ выборовъ и съ тѣхъ поръ объединившіеся еще больше, единодушно примутъ участіе въ новыхъ выборахъ, но, при неизмѣнившихся условіяхъ, все-таки потерпятъ поражение. Что же это за условія, непреодолимыя даже для все преодолевающего усердія? Это—„хаотическій ураганъ революціонной смуты“, свирѣпствовавшій, будто бы, во время апрѣльскихъ выборовъ. Болѣе безцеремоннаго обращенія съ истиной нельзя себѣ и представить. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ и раньше, и позже, были отдѣльныя проявленія революціонной агитаціи, но вовсе не было общей смуты, которая могла бы извратить исходъ выборовъ. Когда и гдѣ были попытки насиловать волю избирателей, помѣшать ихъ явкѣ, нарушить нормальный ходъ избирательной процедуры? Выборы совершились въ образцовомъ порядкѣ, конечно—подъ вліяніемъ всего предшествовавшаго имъ, но не подъ давленіемъ какой бы то ни было внѣшней силы. Цѣль, къ которой стремится московская газета, весьма понятна: гг. Грингмуту и К^о нужно именно давленіе—давленіе со стороны правительства, послушнаго реакціоннымъ внушеніямъ. На ихъ языкѣ „полный порядокъ и спокойствіе“, необходимые для правильного производства выборовъ, означаютъ спокойствіе кладбища, порядокъ гнетущей дисциплины. Да, только при такомъ спокойствіи и такомъ порядкѣ возможно торжество „союза русскаго народа“, жалкое безсиліе котораго обнаружилось такъ ярко и на выборахъ, и въ самой Думѣ. Въ сущности „союзъ“ желаетъ только одного: возвращенія къ выгодному для него старому режиму; но, въ виду манифеста 9-го іюля, выражающаго рѣшимость сохранить новый государственный строй Россіи, руководителямъ „союза“ приходится скрывать свою конечную цѣль и стремиться къ созданію условій, обѣщающихъ искусственное подавленіе оппозиціонныхъ элементовъ. Еслибы, паче чаянія, этотъ маневръ увѣнчался успѣхомъ, побѣда обскурантизма и ретроградства была бы недолговѣчна; однажды проснувшись, русскій народъ не могъ бы возвратиться въ прежнее состояніе апатіи и застоя.

P. S.—Когда наше обозрѣніе было уже отпечатано, наступилъ періодъ переговоровъ г. Столыпина съ уважаемыми общественными дѣятелями, съ цѣлью составить изъ нихъ умѣренно-либеральное министерство. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, результатъ переговоровъ еще неизвѣстенъ. Успѣшное ихъ окончаніе увеличило бы, конечно, шансы возстановленія внутренняго мира; но каковъ бы ни былъ составъ министерства, настоящая законодательная работа не можетъ начаться до открытія новой Думы, и мы продолжаемъ считать безусловно необходимымъ возможно скорѣйшій созывъ ея.

КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ

И

ПРИЧИНЫ ИХЪ МАЛОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Письмо въ Редакцію.

Въ настоящее время бѣдственное положеніе крестьянъ, живущихъ на надѣльныхъ земляхъ—фактъ совершенно безспорный. Они дошли до такой степени бѣдности, что малѣйшіе недороды влекутъ у нихъ за собой уже голодь, а статистика пригодности лицъ, призываемыхъ къ исполненію воинской повинности, показываетъ, что отъ хроническаго недоѣданія народъ начинаетъ вырождаться. Наконецъ, событія послѣдняго времени показываютъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне, обратившись въ толпу голодныхъ людей, при малѣйшемъ поводѣ начинаютъ волноваться, разграбляя и разрушая помѣщичьи усадьбы. Такимъ образомъ, вышеуказанный безспорный фактъ обращается въ серьезное бѣдствіе, которое грозитъ уже благополучію всего государства.

Для того чтобы помочь дѣлу, необходимо выяснитъ причины этой бѣдности. Извѣстно, что крестьянская надѣльная земля во всей Россіи менѣе производительна, чѣмъ рядомъ расположенная земля личныхъ землевладѣльцевъ. Напримѣръ: въ центральномъ нечерноземномъ районѣ средній урожай ржи у крестьянъ 5 четвертей, а за вычетомъ сѣмянъ— $3\frac{1}{2}$ четверти; у личныхъ же владѣльцевъ— $6\frac{1}{2}$ четв., а за вычетомъ сѣмянъ $5\frac{1}{2}$ четв. Приблизительно то же отношеніе оказывается во всѣхъ районахъ (см. изданіе Девріена „Справочная книжка русскаго сельскаго хозяина“ за 1896 годъ, стр. 87; то же подтверждаютъ и новѣйшіе статистическіе матеріалы).

Нельзя, конечно, предположить, — да этого никто и не высказываетъ, — что вся земля, находящаяся въ обладаніи крестьянъ, по своимъ природнымъ качествамъ хуже остальной земли. Она, дѣйствительно, крайне истощена сборами урожая въ безъ соответствующаго удобренія, но это касается уже самаго способа веденія хозяйства, а не качества земли. Въ западной Европѣ земля уже обрабатывалась тогда, когда вся Россія была еще подъ сплошнымъ лѣсомъ, а между тѣмъ на такой старопашатной землѣ тамъ и въ настоящее время извлекаютъ

урожаи, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше, чѣмъ у насъ въ соответствующихъ по климату и почвѣ районахъ.

Изъ этого факта малой производительности крестьянскихъ надѣльных земель напрашивается ближайшій выводъ, что наши крестьяне, руками которыхъ обрабатывается вся земля въ Россіи, т.-е. лица, ближе всѣхъ стоящіе въ землѣ и живущіе главнымъ образомъ промысломъ земледѣлія, — худшіе хозяева на собственной землѣ, чѣмъ личные владѣльцы, обрабатывающіе землю наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ оказывается, что бѣдственное положеніе нашихъ крестьянъ, пользующихся надѣльной землей, зависитъ отъ неудовлетворительнаго, малоуспѣшнаго, веденія ихъ полевого хозяйства. Въ виду этого, всѣ силы изслѣдователя должны быть направлены къ выясненію причинъ этой малоуспѣшности или тѣхъ тормазовъ, которые препятствуютъ продуктивности сельскаго хозяйства на надѣльных земляхъ, а, по выясненіи этихъ тормазовъ, вся энергія должна быть направлена къ ихъ устраненію.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ указанію этихъ причинъ, я долженъ еще остановиться на разсмотрѣніи того, что обыкновенно выдается за главную изъ этихъ причинъ. Большею частію указываютъ именно на *малоземелье* крестьянскаго владѣнія. Во многихъ случаяхъ количество земли у крестьянина настолько ничтожно, что не можетъ быть уже рѣчи о какомъ-либо сельскомъ хозяйствѣ. Такой владѣлецъ уже не землевладѣлецъ, а вѣрнѣе мелкій домовладѣлецъ, т.-е. по существу долженъ быть отнесенъ правильнѣе всего къ мѣщанамъ. Если такого владѣльца надѣлять землей, то это будетъ уже не дополнительный, а вѣрнѣе, первоначальный земельный надѣлъ. Многіе изъ такихъ владѣльцевъ уже отбились отъ земледѣлія и живутъ инымъ промысломъ или мастерствомъ. Можетъ случиться, что такой крестьянинъ, получивъ землю, не сумѣетъ ничего лучшаго съ ней сдѣлать какъ отдать ее въ аренду. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о помощи въ сельскомъ хозяйствѣ и такимъ крестьянамъ, которые хотя даже и имѣютъ землю, но ею вовсе не занимаются, а живутъ, занимаясь чѣмъ-либо другимъ. Вообще, нельзя считать званіе „крестьянина“ непремѣннымъ признакомъ или принадлежностью земледѣльца и придавать словословію крестьянъ значеніе какой-то касты. Сельское хозяйство—это профессія, и естественнымъ подборомъ эта профессія должна оставаться за тѣми, кто наиболѣе къ ней склоненъ, наиболѣе въ ней преуспѣваетъ, совершенно независимо отъ того, къ какому сословію принадлежитъ данный человекъ по рожденію. Государство въ своихъ интересахъ можетъ только профессиональнымъ, способнымъ къ дальнѣйшему прогрессу сельскимъ хозяевамъ оказывать помощь въ ихъ сельскохозяйственной дѣятельности. Итакъ, утверждая, что безуспѣшность

сельскаго хозяйства нашихъ крестьянъ на ихъ надѣльной землѣ зависить лишь оттого, что у нихъ слишкомъ малы ихъ земельныя участки, надо доказать, что при увеличеніи этихъ участковъ сельское хозяйство пойдетъ у нихъ успѣшнѣе, т.-е., по крайней мѣрѣ, такъ, какъ у сосѣднихъ личныхъ землевладѣльцевъ. Надо доказать, что если крестьянинъ теперь съ одной десятины ржи собираетъ, съ отчисленіемъ расхода на сѣмена, $3\frac{1}{2}$ четв., то имѣя двойное количество земли, онъ будетъ съ двухъ десятинъ ржи собирать не $3\frac{1}{2} + 3\frac{1}{2}$, т.-е. 7 четвертей, а какъ у личныхъ землевладѣльцевъ въ той же мѣстности $5\frac{1}{2} + 5\frac{1}{2}$, т.-е. 11 четвертей. Такихъ доказательствъ никто не приводилъ и не приводитъ. Напротивъ того, имѣются доказательства противнаго: никогда не замѣчалось, чтобы надѣльная земля тѣхъ деревень, которыя случайно получили большій надѣлъ по отношенію къ числу наличныхъ душъ или дворовъ, была болѣе производительна.

Но мало этого. Повсюду, кромѣ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, мелкія земельныя владѣнія болѣе производительны по отношенію къ занимаемой ими площади, чѣмъ крупныя владѣнія. Объясняется это тѣмъ: 1) что земля съ пользой для своей производительности въ состояніи воспринимать большія затраты труда и капитала; 2) что земля вообще лучше окупаетъ значительныя затраты, чѣмъ незначительныя, напр. выгоднѣе дать небольшому пространству земли полное удобреніе, чѣмъ положить то же количество удобренія на вдвое большее пространство, и 3) что, въ виду дороговизны капитала, затрата на землѣ не столько капитала, сколько труда, окупается всегда лучше. Поэтому мелкій землевладѣлецъ, имѣющій возможность затрачивать на небольшой участокъ земли много личного, хорошаго по качеству труда, находится въ условіяхъ болѣе благоприятныхъ. Выгоды интенсивнаго хозяйства при современныхъ условіяхъ въ Россіи подтверждаются извѣстными каждому хозяину фактами, что малый урожай не окупаетъ производства, средний урожай только окупаетъ все хозяйство и лишь большіе урожаи даютъ дѣйствительный доходъ. На этомъ экономическомъ законѣ основывается извѣстная спекуляція—покупать большія имѣнія и распродавать ихъ мелкими участками за повышенную подесятинную плату. Примѣромъ сравнительной выгоды мелкихъ земельныхъ владѣній можетъ служить землевладѣніе въ Даніи, гдѣ 40% всѣхъ землевладѣльцевъ обладаютъ участками менѣе чѣмъ въ 2 десятины и 28% менѣе чѣмъ въ 9 десятинъ (характернѣе), и благосостояніе всѣхъ этихъ лицъ не подлежитъ сомнѣнію.

Вышеизложенное какъ бы противорѣчитъ извѣстному экономическому закону относительно капиталистическаго производства, но надѣ

имѣть въ виду, что послѣдній законъ доказанъ лишь по отношенію къ обрабатывающей промышленности. Относительно же добывающей сельскохозяйственной промышленности оказываютъ существенное влияние такіе факторы, какъ: 1) невозможность сосредоточить ее на небольшомъ пространствѣ, какъ на фабрикѣ; 2) большое значеніе качества труда, постоянно измѣняемаго въ зависимости отъ погоды, слѣдовательно полнаго личной инициативой, далеко не механическаго; и наконецъ 3) слабое значеніе конкуренціи, т.-е. невозможность давленія однимъ хозяиномъ на другихъ посредствомъ низкихъ цѣнъ, такъ какъ продуктъ производства, исключая развѣ разныхъ специальныхъ культуръ, настолько необходимъ человечеству, что всегда обезпеченъ въ сбытѣ и можетъ быть потребляемъ и самимъ производителемъ.

Итакъ, крестьяне, какъ мелкіе землевладѣльцы, должны были бы производить съ своей земли на равной площади не меньше, а больше, чѣмъ крупныя землевладѣльцы. Такъ какъ странная и печальная особенность обратнаго замѣчается лишь на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ, то, очевидно, въ самой формѣ ихъ землевладѣнія и кроется порокъ, тормозящій успѣхи крестьянскаго хозяйства.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію другого обычно высказываемаго объясненія малоуспѣшности крестьянскаго хозяйства. Все объясняютъ *неграмотностью* крестьянъ. Находятъ, что, вотъ, если будутъ заведены повсюду школы и всѣ крестьяне будутъ грамотными, то дѣло хозяйства пойдетъ у нихъ уже совершенно иначе. Нисколько не отрицая громаднаго значенія народнаго образованія, я долженъ, однако, замѣтить, что по отношенію къ изслѣдуемой задачѣ, т.-е. относительно способовъ поднятія производительности крестьянскихъ надѣльныхъ земель, въ указанномъ совѣтѣ кроется крупное недоразумѣніе. Общеобразовательное школьное обученіе вовсе не создаетъ, да и не имѣетъ цѣлью создавать, специалистовъ по разнымъ ремесламъ и профессіямъ. Весьма возможно и даже вѣроятно, что неграмотные мужики гораздо больше понимаютъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ учителя и учительницы сельскихъ школъ. Даже извѣстный профессоръ А. Н. Энгельгардтъ, выпустившій въ свѣтъ въ свое время хорошій учебникъ агрономической химіи, впоследствии, когда онъ сталъ вести хозяйство въ своемъ имѣніи „Батищево“, научился, какъ онъ это самъ признавалъ въ своихъ знаменитыхъ „Письмахъ изъ деревни“, весьма многому у своихъ неграмотныхъ крестьянъ и за все время своего хозяйничанія ничего серьезнаго не предпринималъ, не посоветовавшись предварительно съ нѣкоторыми мужиками. Выходитъ, что даже профессору агрономіи еще пришлось учиться у крестьянъ. То, что многіе крестьяне могутъ отлично вести

хозяйство, видно уже изъ того, что самые образованные люди, имѣя землю, находятъ для себя выгоднѣе отдавать свою землю въ аренду именно крестьянамъ, обыкновенно не обучавшимся ни въ какой школѣ.

Гордые своимъ школьнымъ дипломомъ и часто весьма поверхностными познаніями, весьма многіе совершенно упускаютъ изъ виду, что существуетъ еще школа жизни. Не надо забывать, что успѣхъ въ любой профессіи человѣку даютъ вовсе не книжки, а его интересъ или любовь къ дѣлу, продолжительный навыкъ, опытъ, наблюдательность, специальныя наклонности и способности. Желаящій научиться будетъ замѣчать, искать и всегда найдетъ нужныя ему свидѣнія. Крестьянамъ же даже нѣтъ надобности долго искать образцовыя хозяйства—послѣднія имѣются повсюду, и весьма многіе изъ крестьянъ отлично знаютъ, что именно надо дѣлать, чтобы поднять плохое хозяйство. Основныя правила техники хозяйства общезвѣстны, и недомѣніе можетъ вызвать лишь вопросъ объ организаціи. Въ этомъ отношеніи вся наука относительно крестьянскаго хозяйства можетъ быть высказана въ нѣсколькихъ словахъ, которыя еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ проповѣдывались Шубартомъ, а затѣмъ Тьеромъ въ Германіи, и преобразили тамъ постепенно всѣ хозяйства. Сводятся они къ слѣдующему: крестьянская земля малопроизводительна, потому что она плохо обработана и крайне недостаточно удобрена. Для устранения этого нужны хорошій рабочій скотъ и побольше навоза. Это достижимо лишь при условіи обладанія достаточнымъ количествомъ корма для скота. Поэтому крестьяне всегда съ жадностью рвутся за сѣнокосами, а треть своихъ полей они оставляютъ подъ паръ, эксплуатируемый въ качествѣ выгона. Но вслѣдствіе послѣдней мѣры они запаздываютъ съ обработкой пара, что очень вредно отзывается на послѣдующемъ урожаѣ ржи (см. VI томъ „Энциклопедіи русскаго сельскаго хозяйства“, стр. 908), а навоза все же мало. Шубартъ и Тьеръ нашли выходъ изъ этого положенія въ посѣвѣ на пахатномъ полѣ кормовыхъ травъ, въ особенности клевера. Урожай клевера съ одной десятины можетъ прокормить, какъ это показываетъ русская практика, въ витебской, смоленской и псковской губерніяхъ до четырехъ коровъ (см. „Письма деревенскаго хозяина“, Мещерскаго, стр. 239, 263 и 269)¹⁾. При болѣе интенсивномъ хозяйствѣ можно перейти еще къ кормовымъ корнеплодамъ, которые съ той же площади земли даютъ еще больше корма. Вотъ и вся теорія для необходимаго прогресса хозяйства къ слѣдующей ступени, которая

¹⁾ Между тѣмъ какъ десятина средняго луга можетъ прокормить за годъ лишь одну корову и для достаточнаго удобрения полей навозомъ необходимо имѣть для корма скота двойное пространство земли подъ лугомъ сравнительно съ пашней (см. тамъ же, стр. 216).

должна быть достигнута. Но почему же крестьяне на своей землѣ не слѣдуютъ этой теоріи? На то имѣются особыя причины.

Успѣхи знанія и практической дѣятельности всегда связаны съ опредѣленными лицами, которыя являлись проводниками этихъ культурныхъ успѣховъ. Эти передовые люди всегда должны были бороться съ волею большинства, съ установившеюся рутинной, нежеланіемъ окружающихъ понять ихъ и оцѣнить ихъ дѣятельность, даже враждебнымъ къ себѣ отношеніемъ. Затѣмъ, самая возможность какой-либо плодотворной практической дѣятельности передовыхъ людей обусловлена развитіемъ и признаніемъ извѣстныхъ индивидуальных правъ, въ области которыхъ они могли бы оперировать, неся единолично всѣ плоды своего успѣха или неуспѣха. Достигнувъ же замѣтныхъ успѣховъ, они обязательно вызвали у окружающихъ подражаніе. Всѣ указанныя условія, однако, совершенно отсутствуютъ при общинномъ строѣ землевладѣнія, установленномъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Тамъ въ корнѣ пресѣчена всякая возможность не только совершенствованія хозяйства, но даже удовлетворительнаго его веденія. Лишь при условіи полной обезпеченности обладанія какъ ближайшими, такъ и отдаленными плодами своихъ трудовъ, человекъ можетъ заинтересоваться и съ полнымъ усердіемъ заняться производительнымъ трудомъ. Земля становится производительной лишь при условіи значительнаго ея удобренія. Но развѣ стоитъ кому-либо серьезно заняться ея улучшеніемъ, когда владѣніе ею—не прочное и не личное, когда можетъ еще грозить ея передѣлъ? На сѣнокосной надѣльной землѣ такой передѣлъ, т.-е. раздѣленіе сѣнокоса на участки, кому гдѣ косить, совершается ежегодно. Поэтому понятно, что крестьянскіе сѣнокосы всегда будутъ оставаться заросшими кустарникомъ, въ кочкахъ, съ неубранными камнями и проч. Улучшеніе же пахатной земли требуетъ несравненно большаго труда и затратъ, дѣйствуя зато на большой срокъ. Слѣдовательно, для улучшенія ея требуется и большая обезпеченность владѣнія. Въ результатъ, общинный строй горькимъ опытомъ приводитъ даже самыхъ предприимчивыхъ крестьянъ въ печальному заключенію, что улучшеніемъ своихъ полосъ заниматься невыгодно.

Когда отдѣльные крестьяне лишены возможности перейти отъ трехполья къ болѣе совершеннымъ формамъ хозяйства и заняться травосѣяніемъ на поляхъ, когда земля каждаго хозяина разбросана на большихъ между собой разстояніяхъ въ видѣ узкихъ полосъ, которыя и обрабатывать нельзя какъ слѣдуетъ, такъ какъ невозможно перепахать ихъ хоть разъ поперекъ, а значительная часть земли уходитъ на межи, остающіяся безъ обработки и засоряющія рядомъ лежащую землю; когда, наконецъ, и владѣніе каждымъ своей полосой

оказывается не безусловно личнымъ и постояннымъ, а лишь до передѣла,—то такое хозяйство не можетъ, даже въ лучшихъ рукахъ, идти впередъ, а въ такомъ случаѣ оно по необходимости идетъ назадъ.

Насъ даже перестало поражать, какъ ставшее обычнымъ, такое грозное явленіе, что въ самомъ земледѣльческомъ районѣ во многихъ деревняхъ почти все взрослое мужское населеніе уходитъ на заработки, обыкновенно весьма плохо оплачиваемые, а свою надѣльную землю оставляетъ на обработку самую неудовлетворительную, а многія полосы даже совсѣмъ безъ обработки. Общеизвѣстны также установившіяся у крестьянъ привычки такого безучастнаго отношенія къ своему хозяйству, что они какъ бы рады каждому празднику, прибавляя къ официальнымъ и много мѣстныхъ, значеніе которыхъ, въ томъ смыслѣ, какое событіе собственно ими знаменуется, большинству даже неизвѣстно. Между тѣмъ они такъ свято соблюдаютъ эти праздники, что иногда, когда каждый часъ работы дорогъ, они совершенно спокойно оставляютъ неубранное сѣно мовнуть и гнить подъ дождемъ, неубранную рожь осыпаться, бросаютъ всякую работу и предаются полному бездѣйствію на цѣлыя сутки. Такое отношеніе къ дѣлу, вѣроятно, выработалось у крестьянъ еще при крѣпостномъ правѣ, но вѣдь съ того времени уже прошло сорокъ лѣтъ и земля у крестьянъ своя. Вѣдь не надо забывать, какъ дорога крестьянину каждая копейка, если она дѣйствительно своя. Но въ томъ-то и дѣло, что земля для каждаго крестьянина, члена общины, не совсѣмъ своя, что немедленно и отражается на его отношеніи къ ней. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ земельное владѣніе—вполнѣ личное и всякая личность можетъ дѣйствовать въ своемъ дѣлѣ совершенно самостоятельно, мы замѣчаемъ совсѣмъ другое отношеніе къ дѣлу. Праздники тамъ сами собой свелись до минимума, а когда нужно, то работаютъ и ночью, при искусственномъ освѣщеніи, и мелкіе землевладѣльцы не бѣгутъ отъ своей земли на заработки.

Эти явленія русской жизни составляютъ тревожные симптомы неблагополучной постановки земельного владѣнія у крестьянъ, и совершенно невѣрно объясненіе подобныхъ фактовъ національной нашей чертой или религиознымъ чувствомъ народной массы. Россію населяютъ разныя народности, но всѣ онѣ сходятся на такомъ же отношеніи къ дѣлу тамъ, гдѣ мы наталкиваемся на общинное землевладѣніе. Среди коренныхъ русскихъ мы нерѣдко встрѣчаемъ весьма предприимчивыхъ людей, составившихъ себѣ большія состоянія на разныхъ другихъ предпріятіяхъ, но, конечно, только не на земледѣліи въ предѣлахъ общины. Недостатки общинной формы землепользованія могутъ быть выяснены также и на примѣрахъ. На Сахалинѣ дѣлались попытки колонизаціи изъ отбывшихъ каторгу ссыльно-поселенцевъ, причемъ

отдѣльнымъ колонистамъ давались участки земли въ полное ихъ распоряженіе. По наблюденію Чехова, въ сѣверномъ Сахалинѣ, при крайне неблагоприятномъ климатѣ и почвѣ, такой колонистъ все же можетъ прокормиться съ участка въ четыре десятины. Между тѣмъ въ херсонской губерніи, при общинномъ строѣ владѣнія, такое пространство земли на хозяина считается нерѣдко уже недостаточнымъ. Еще лучшимъ примѣромъ можетъ служить наблюденіе надъ латышами: латыши населяютъ всю курляндскую, половину лифляндской губерніи и четыре западныхъ уѣзда витебской губерніи. Въ витебской губерніи они получили земельные надѣлы, притомъ весьма большіе и за дешевую цѣну, съ сервитутнымъ правомъ пользоваться помѣщичьей землей для пастбы скота, такъ какъ послѣ польскаго мятежа 1863 года было признано необходимымъ по возможности экономически ослабить помѣщиковъ витебской губерніи, а латыши курляндской и лифляндской губерній не получили никакого надѣла. Между тѣмъ благосостояніе латышей послѣднихъ двухъ губерній (многіе изъ нихъ приобрѣли себѣ тамъ небольшіе участки земли на собственный счетъ въ личную собственность) замѣтно и значительно выше, чѣмъ латышей витебской губерніи. Это подтвердитъ всякій безпристрастный наблюдатель. Объясняется указанная разница тѣмъ, что въ прибалтійскихъ, т.-е. курляндской и лифляндской, губерніяхъ всѣ латыши—личные собственники на началахъ римскаго права, лежащаго въ основѣ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, а въ витебской губерніи владѣніе крестьянъ-латышей построено на началахъ другого рода: это не такое общинное владѣніе, какъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, а такъ называемое подворное владѣніе, обладающее, однако, всѣми недостатками общиннаго строя. Многіе защитники общиннаго землевладѣнія прибѣгаютъ, какъ къ доказательству отсутствія вреднаго вліянія общины, къ сравненію послѣдствій типично-общиннаго и подворнаго владѣнія, указывая, что послѣднее лучшихъ результатовъ не даетъ; но этотъ доводъ часто является лишь результатомъ недоразумѣнія или недостаточнаго знакомства съ существующими у насъ формами подворнаго владѣнія. Поэтому опишу здѣсь вкратцѣ хорошо извѣстную мнѣ конструкцію подворнаго владѣнія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Хотя въ данныхъ крѣпостяхъ, писанныхъ не на каждый дворъ, а на всю деревню, здѣсь и указано, сколько десятинъ земли числится за каждымъ дворомъ, но мѣстоположеніе и границы этихъ подворныхъ участковъ въ крѣпостяхъ не указаны и фактически они никогда не были вымежеваны къ отдѣльнымъ мѣстамъ, такъ что на практикѣ осталось то же, что и при общинномъ владѣніи, т.-е. дѣленіе всей пахатной земли на полосы, раскиданныя для каждаго владѣльца по разнымъ мѣстамъ, съ дѣленіемъ ихъ на общія для

всей деревни три поля и общими сѣнокосомъ, пастбищами и лѣсомъ, гдѣ послѣдній имѣется. Затѣмъ, по закону, каждый дворохозяинъ—вовсе не личный собственникъ; онъ не можетъ завѣщать кому-либо свои права на подворный участокъ и вообще со смертью его никакого наслѣдства не открывается, такъ какъ собственникомъ подворнаго участка признается не какое-либо физическое лицо, а абстрактное понятіе: „дворъ“ или „рабочая крестьянская семья“ въ качествѣ юридическаго лица. Но это юридическое лицо не имѣетъ никакой организаци: оно не состоитъ изъ пайщиковъ и не имѣетъ отвѣтственнаго правленія или уполномоченнаго. Члены крестьянскаго двора, обыкновенно вовсе не совпадающіе съ личной семьей дворохозяина, а превосходящіе ее, не имѣютъ опредѣленныхъ долей въ этомъ общемъ владѣніи и въ приносимыхъ имъ выгодахъ: они не могутъ требовать отчета у дворохозяина, такъ какъ онъ не выборное отъ нихъ лицо. вмѣстѣ съ тѣмъ, не существуетъ никакого закона, опредѣляющаго порядокъ или условія назначенія дворохозяина, и онъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ за свои дѣйствія въ качествѣ представителя двора. Онъ можетъ, не спрашивая у остальныхъ согласія, отдать весь подворный участокъ въ аренду. За его личный долгъ можетъ быть даже проданъ подворный участокъ (см. Рѣш. Гражд. Касс. Дѣп. Прав. Сената 1894 г. № 88 и 1896 г. № 126. Общ. Собр. Сената 1892 г. № 41 и 1898 г. № 2 и др.). Фактически члены крестьянскаго двора, во избѣжаніе анархіи, всегда дѣлятъ между собой подворный участокъ на полосы, состоящія въ самостоятельномъ владѣніи отдѣльныхъ членовъ двора, но въ случаѣ возникновенія между ними спора относительно владѣнія этими полосами судъ такого спора разрѣшить не можетъ, а обязанъ рекомендовать имъ установленный для нихъ закономъ коммунизмъ. Точно также и относительно распределенія между членами двора прибыли отъ хозяйства споры по этому предмету, собственно говоря, вовсе не могутъ подлежать разсмотрѣнію суда, за неимѣніемъ какой-либо законной почвы для ихъ разрѣшенія. На практикѣ это сводится къ тому, что члены двора могутъ свободно другъ друга обворовывать. Изъ вышележеннаго видно, что рѣшительно все, что составляетъ недостатокъ общиннаго владѣнія, вполне сохранено и въ существующей у насъ формѣ подворнаго владѣнія.

Основной признакъ всѣхъ этихъ формъ крестьянскаго владѣнія—неопредѣленность и нетвердость имущественныхъ правъ, отсутствіе яснаго и обезпеченнаго правопорядка. Результатъ такого строя землевладѣнія выражается, во-первыхъ, въ замѣтномъ ослабленіи производительности земли; во-вторыхъ, въ дурномъ вліаніи на народный характеръ и привычки: крестьяне понемногу привыкаютъ относиться

даже къ собственному дѣлу невнимательно, небрежно, безъ интереса; и въ-третьихъ, въ томъ, что крестьяне, сами не имѣя земли въ личномъ владѣніи, не умѣютъ уважать и чужое личное владѣніе.

Остается еще сравнить наши условія жизни съ тѣми странами, гдѣ существуетъ правильный правопорядокъ, основанный на глубокомъ уваженіи къ личнымъ правамъ, и выяснить, какъ послѣдній появился. Путешествуя заграницей, вѣроятно многіе видѣли знаменитый во многихъ отношеніяхъ городъ Гейдельбергъ въ южной Германіи. Если выйти тамъ изъ города и пройти по большой шоссеиной пробѣзжей дорогѣ, идущей вдоль долины у склона горъ, то всякому бросится прежде всего въ глаза, что дорога эта обсажена по обѣимъ сторонамъ фруктовыми, именно грушевыми деревьями, а осенью всякій можетъ наблюдать, что эти ничѣмъ не огражденные деревья имѣютъ плоды, которые дозрѣваютъ, никѣмъ изъ прохожихъ не крадутся и собираются хозяиномъ. Далѣе, по начинающемуся склону горы идутъ виноградники. Еще выше—цѣлый лѣсъ сладкаго каштана, посаженнаго съ промышленной цѣлью, пересѣченный многими пробѣзжими дорогами и тропинками. Все это, безъ малѣйшей ограды или охраны, остается нетронутымъ и даетъ владѣльцамъ виноградниковъ и каштановыхъ деревьевъ большой доходъ. Между тѣмъ, на вершинахъ окружающихъ горъ видны развалины довольно многочисленныхъ замковъ рыцарей-разбойниковъ, наглядно напоминающія тѣ еще сравнительно недавніе времена, когда владѣльцы этихъ замковъ жили грабежомъ, слѣдовательно личная собственность мало уважалась и недостаточно охранялась.

Что же произвело такой глубокой переворотъ въ отношеніяхъ людей къ чужой собственности въ этой мѣстности? Во всякомъ случаѣ не уголовная репрессія, такъ какъ кража въ средніе вѣка наказывалась смертной казнью, теперь же она наказывается краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Также и не школы, такъ какъ знаменитый разсадникъ просвѣщенія, гейдельбергскій университетъ, древнѣйшій въ Германіи, основанъ былъ еще въ XIII столѣтіи, а религіозное воспитаніе юношества въ средніе вѣка было даже старательнѣе и требовательнѣе, чѣмъ нынѣ. Остается лишь одна основная причина: это—правильное законодательство, построенное на началахъ римскаго права, которое стало дѣйствовать въ южной Германіи съ начала девятнадцатаго столѣтія. вмѣстѣ съ правильнымъ закономъ установился и правильный правопорядокъ, который въ результатѣ устранилъ произволъ сильныхъ. Однимъ изъ очень реальныхъ результатовъ этого правопорядка оказался тотъ, что пахатная земля въ окрестностяхъ Гейдельберга, которая при рыцаряхъ-разбойникахъ цѣвилась очень

невысоко, нынѣ цѣнится въ двѣ тысячи рублей десятина, принося 80 руб. дохода съ десятины.

Въ защиту общины обыкновенно выставляется, что она предупреждаетъ появленіе пролетаріата. Между тѣмъ первоначальной причиной появленія пролетаріата служитъ недостаточность средствъ крестьянской семьи и связанная съ этимъ необходимость для отдѣльныхъ членовъ семьи покинуть землю и скитаться всюду въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Если же то же пространство земли будетъ приносить дохода въ нѣсколько разъ больше, то очевидно, что та же семья уже не будетъ выдѣлять пролетаріевъ и для послѣднихъ найдется дѣло и у себя дома. Такимъ образомъ, именно существующій въ Россіи общинный строй землевладѣнія, понижая производительность земли, плодитъ пролетаріевъ, а не наоборотъ. Утверждаютъ также, что крестьяне дорожатъ своимъ общиннымъ строемъ и неохотно переходятъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію. Нежеланіе перейти къ подворному владѣнію, собственно говоря, совершенно основательно, такъ какъ подворное владѣніе, какъ это объяснено выше, обладаетъ тѣми же недостатками, какъ и общинное владѣніе. Ошибочна ссылка на симпатіи крестьянъ, какъ на доказательство правильности извѣстнаго порядка. У насъ всегда можетъ быть и имѣется много ошибочныхъ предразсудковъ, навыковъ и возрѣній, причѣмъ мы не сознаемъ ихъ ошибочности, считаемъ ихъ нормальными, а нѣкоторые патріоты даже считаютъ ихъ похвальными и гордятся ими, усматривая въ нихъ особую національную черту. Вѣдь послѣдняя война, напри- мѣръ, обнаружила много неустойчивъ и дурныхъ условій въ русской жизни и государственномъ порядкѣ, которыя прежде не замѣчались и вредными не признавались. Поэтому правильнѣе было бы выразиться, что многіе крестьяне еще не сознаютъ вреда, происходящаго отъ общиннаго владѣнія. Но это сознаніе у нихъ отсутствуетъ лишь вслѣдствіе недостаточной ихъ освѣдомленности относительно возможныхъ для нихъ другихъ формъ землепользованія и неумѣнія ихъ глубже вдуматься въ свое положеніе, что совершенно понятно въ виду отсутствія у нихъ необходимыхъ познаній и, наконецъ, въ виду свойственной вообще человѣчеству косности.

Такимъ образомъ, поставленный мною вначалѣ вопросъ о причинахъ бѣдственнаго положенія нашихъ крестьянъ, пользующихся надѣльной землей, находитъ себѣ разрѣшеніе въ той формѣ землепользованія, которая была предоставлена этимъ крестьянамъ при надѣленіи ихъ землей. вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется и тотъ, испытанный исторіей, путь, при которомъ только и возможны развитіе народнаго благосостоянія и успѣхи промышленности, въ особенности же сельскъ хозяйственной.

При освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости у насъ само правительство, вмѣсто поддержки индивидуальнаго, личнаго землепользованія, установило для новыхъ собственниковъ не личное, а общинное владѣніе. Повидимому, у насъ въ законодательныхъ сферахъ до сихъ поръ совершенно отсутствуетъ сознаніе, что такія формы владѣнія, какъ общинное, или принадлежащая нѣсколькимъ самостоятельнымъ лицамъ общая собственность, или наконецъ существующій у насъ особый видъ послѣдней, черезполосное владѣніе, допустимы лишь какъ временныя, переходныя формы къ строго личному владѣнію и не могутъ быть терпимы какъ нормальныя явленія. Слабые проблески сознанія, что эти формы владѣнія лишь стѣсняють личность въ ея полезной дѣятельности, что надо содѣйствовать ихъ устраненію (см. 12 ст. Общ. Полож. о крестьян. и 933 ст. Зак. межев.), у насъ совершенно заглушены распоряженіями администраціи и многими законодательными постановленіями въ прямо противоположномъ направленіи.

Мнѣ неизвѣстны случаи выхода крестьянина изъ общины съ обращеніемъ его въ строго личнаго собственника на участкѣ земли, вымежеванномъ къ одному мѣсту, но мнѣ, какъ судѣ, хорошо извѣстны всѣ затрудненія и канитель, связанныя съ выходомъ изъ общаго или черезполоснаго владѣнія. Содѣйствіе правительства въ этомъ дѣлѣ выражается въ судебномъ раздѣлѣ наслѣдства и судебно-межевомъ производствѣ. Первое много проще, но какими и оно, какъ нарочно, обставлено затрудненіями! Сначала для несогласныхъ наслѣдниковъ обязательно надо промучиться въ общемъ владѣніи, по крайней мѣрѣ, два года. Выражается такое общее владѣніе въ томъ, что имѣющій даже самую ничтожную долю въ общей собственности можетъ останавливать своимъ несогласіемъ всякое пользованіе общимъ имуществомъ и извлеченіе изъ него выгодъ, можетъ остановить всякій производительный трудъ надъ землей и обратить ее въ пустыню, такъ какъ для каждаго шага относительно общаго имущества обязательно требуется полное единогласіе всѣхъ совладѣльцевъ. Такимъ образомъ крайне затруднена всякая дѣятельность и даны всѣ условія для разрушенія или остановки предпріятія. Въ послѣднемъ случаѣ уже одинъ сильнѣе всѣхъ. Но вотъ два года прошло. Тогда начинается продолжительная и сложная процедура въ окружномъ судѣ (ст. 1412, 1414 и 1419 Уст. гражд. суд.), а затѣмъ можно тянуть дѣло и въ судебной палатѣ. За эту услугу взыскивается въ видѣ штрафа 6% съ цѣны дѣлимаго имѣнія, т.-е. полуторагодовой доходъ съ земли, еслибы она правильно обрабатывалась. Но это еще не все: въ теченіе года можно еще просить о передѣлѣ.

Еще хлопотливѣе и дороже, и продолжительнѣе судебно-межевое

производство, которое вслѣдствіе этого такъ отвадило отъ себя рѣшительно всѣхъ и появленіе такихъ дѣлъ составляетъ такую рѣдкость, что много судей никогда въ жизни не разрѣшали такого дѣла. Здѣсь характеренъ уже первый шагъ: именно ст. 1 прилож. 1 къ ст. 1400 Уст. гражд. суд. гласитъ: „дѣла, окончательно признанныя подлежащими судебнo-межевому разбирательству, подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда“. Значитъ, еще кто-то долженъ разрѣшить несчастному совладѣльцу обратиться съ подобнымъ искомъ въ окружный судъ. Но кто же это? Оказывается, никто! Можно обратиться непосредственно въ окружный судъ, которому надо только доказать, что попытки миролюбиво раздѣлиться не удавались (см. Рѣш. Общ. Собр. Прав. Сената 1890 года, № 37). Была еще одна преграда, затягивавшая дѣло до производства судебного раздѣла, посредническая коммиссія, но за отсутствіемъ дѣлъ она упразднена!

Чрезвычайно своеобразенъ у насъ институтъ приобрѣтательной давности. По недосмотру составителей свода законовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, у насъ въ десятомъ томѣ, при опредѣленіи признаковъ приобрѣтательной давности, было упущено указаніе на добросовѣстность владѣнія. Весьма вѣроятно, что составители свода даже хотѣли сдѣлать это указаніе, но только неудачно выразились. Именно, въ 533 ст. сказано, что владѣніе имуществомъ для приобрѣтенія его по давности должно быть „спокойное“. Хотя психологически только добросовѣстное владѣніе можетъ быть спокойнымъ, но языкъ закона долженъ быть точенъ, и поэтому сенатъ пришелъ къ толкованію, что для приобрѣтательной давности добросовѣстности владѣнія не требуется. Такимъ образомъ оказывается, что, напр., человекъ, на честность котораго положились и довѣрили ему въ качествѣ повѣреннаго или опекуна управленіе чужимъ имуществомъ, можетъ, при слабости надзора надъ нимъ, нарушая оказанное ему довѣріе и дѣйствуя недобросовѣстно, обратиться въ охраняемаго закономъ дароваго приобрѣтателя ввѣреннаго ему имущества, и судъ обязанъ охранять такого собственника противъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ обманулъ (см. Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1879 года, № 130). То дѣйствіе, которое по отношенію къ движимости называется кражей и грабежомъ, и наказывается тюремнымъ заключеніемъ, становится относительно недвижимости, при условіи, если это преступленіе дѣлающееся, законнымъ способомъ приобрѣтенія имущества. Краденую вещь всегда возвращаютъ потерпѣвшему, даже и въ томъ случаѣ, если воръ освобождается отъ наказанія, а такимъ же способомъ присвоенную недвижимость судъ обязанъ присудить при извѣстныхъ условіяхъ похитителю! Хотя приобрѣтательная давность по закону распространяется въ равной мѣрѣ какъ на недвижимость, такъ и на движимость, но вышеуказанная разница

въ судьбѣ недобросовѣстнаго владѣнія тѣмъ и другимъ имуществомъ объясняется тѣмъ, что движимость можно спрятать или имѣть постоянно при себѣ, и присвоеніе или похищеніе ея выражается въ томъ, что ее уносить, а недвижимость гораздо труднѣе охранить, обладаніе ею не связано съ обязательнымъ пребываніемъ на ней ея собственника, завладѣніе же ею, тайное—въ видѣ незамѣтныхъ захватовъ ея съ краевъ, или обманное—въ видѣ разныхъ дѣйствій лицъ, допущенныхъ самихъ же собственникомъ на свою землю въ качествѣ управляющихъ или арендаторовъ, и т. д., имѣеть совсѣмъ другой характеръ. Напр., арендаторъ можетъ заявить, что онъ приобрѣлъ отданную ему въ аренду недвижимость въ собственность по давности владѣнія, такъ какъ десять лѣтъ не платилъ аренды и владѣлъ недвижимостью какъ своею собственностью. Тогда уже собственникъ долженъ доказывать, что это невѣрно, что онъ получалъ аренду. Это не всегда легко доказать. А если онъ этого не докажетъ, то судъ поставленъ въ необходимость санкціонировать нѣчто очень похожее на грабѣжъ. Или бываетъ такъ, что кѣмъ-либо куплено имѣніе, а когда покупатель начинаетъ провѣрять границы, то оказывается, что цѣлый рядъ участковъ захваченъ посторонними лицами, которыя ссылаются на свою давность владѣнія и указываютъ въ подтвержденіе этого на свидѣтелей. Случается, что показаніями двухъ, трехъ свидѣтелей неизвѣстнаго достоинства такая давность подтверждается, и это доказательство оказывается тогда сильнѣе всякихъ купчихъ или иныхъ крѣпостей, дорого стоившихъ и ничего не охранившихъ. Во всякомъ случаѣ, соблазнъ такимъ своеобразнымъ способомъ приобрѣсти чужую собственность настолько великъ, что въ судахъ трудно найти дѣло по спору о правѣ собственности на недвижимость, гдѣ та или другая сторона не дѣлала бы ссылки на давность владѣнія и не шель бы спросъ свидѣтелей по этому вопросу. Въ результатѣ выходитъ крайне небезопасное обладаніе недвижимостью и заваленность судовъ спорами о правѣ собственности на недвижимость.

Между тѣмъ, еще 24 столѣтія тому назадъ, во времена Римской республики и XII таблицъ, когда захватъ ничьей земли и давность владѣнія были обычными способами приобрѣтенія, обязательно требовались для приобрѣтательной давности не только добросовѣстность владѣнія (*bona fides*), но и юридическое основаніе такого владѣнія (*justus titulus*).

Въ „Дигестахъ“ высказано, между прочимъ, слѣдующее основное юридическое положеніе: „*Nemo ex suo delicto meliorem suam conditionem facere potest*“, т.-е.: „никто изъ своего правонарушенія не можетъ выводить лучшее для себя положеніе“. Деликтъ, т.-е. сознательное нарушеніе чужого права, по римскому праву долженъ влечь

за собой лишь отвѣтственность, но не обогащеніе. Это правило не только права, но и нравственности, нашимъ закономъ, какъ оказывается, не всегда признается. Еслибы оно было помѣщено въ нашихъ законахъ, то было бы немислимо толкованіе, что *недобросовѣстное* владѣніе, если оно продолжалось непрерывно десять лѣтъ, приводитъ къ приобрѣтенію имущества въ собственность.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ далеки мы еще отъ надлежащей охраны индивидуальныхъ правъ и личной собственности. Съ одной стороны у насъ нагромождено много вредныхъ препонъ для всякой личной инициативы и самостоятельной дѣятельности, а съ другой стороны недостаточно охранена эта личность даже въ дѣлѣ обладанія своимъ собственнымъ имуществомъ...

Э. А. Шильдеръ-Шульднеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906.

I.

— Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), составленный профессорами Д. И. Багалъемъ, Н. О. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ. Изданіе университета.—Харьковъ, 1906.

Настоящій очеркъ является первымъ изъ серіи изданій, предпринятыхъ харьковскимъ университетомъ къ исполнившемуся въ 1905 г. столѣтнему юбилею. Очеркъ имѣетъ цѣлю дать вкратцѣ понятіе о заслугахъ харьковскаго университета, какъ *учебнаго* заведенія и учрежденія *ученаго* и *просвѣтительнаго*. По содержанию своему онъ распадается на четыре періода, обусловленныхъ введеніемъ въ дѣйствіе и характеристикой дѣятельности уставовъ 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. Дѣйствительно, введеніе въ дѣйствіе новыхъ уставовъ соответствовало обыкновенно крупнымъ измѣненіямъ въ отношеніи правительства къ университетамъ и къ университетской наукѣ, а измѣненія эти налагали каждый разъ рѣзкій отпечатокъ на весь характеръ университетской науки и жизни. Нѣкоторыя черты изъ исторіи харьковскаго университета интересны тѣми мѣстными данными, которыя пополняютъ обширный, но пока еще разбросанный матеріалъ исторіи университетскаго просвѣщенія въ Россіи, въ борьбѣ его за свою независимость и свободу. Историкъ харьковскаго университета могъ начать свой трудъ указаніемъ на ту особенность, что возникновеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ общественной инициативѣ, украшенной именемъ замѣчательнаго для своего времени дѣятеля, В. Н. Каразина. Первые годы были вообще благоприятны для развитія университета. По уставу 1804 года харьковскій университетъ пользовался такою широкою автономіею, какой не давалъ русскимъ университетамъ ни

одинъ изъ послѣдующихъ уставовъ. Въ основу его было положено коллегіальное начало, при чемъ университетъ ставился во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ—во главѣ всѣхъ среднихъ и высшихъ школъ. Въ отношеніи научныхъ занятій уставъ признавалъ необходимость развитія ученыхъ обществъ, ученыхъ путешествій за границу и широкаго общенія со студентами на почвѣ научныхъ бесѣдъ. „Изъ этого видно,—говоритъ историкъ,—что уставъ 1804 года явился результатомъ просвѣтительныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми проникнуты были лучшіе дѣятели западно-европейскаго общества и университетовъ, а вмѣстѣ съ ними имп. Александръ. Правда, уставъ этотъ отличался теоретическимъ характеромъ и мало считался съ условіями русской дѣйствительности; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе университеты не имѣли корней въ нашемъ историческомъ прошломъ, и, такимъ образомъ, сама жизнь должна была сдѣлать ему испытаніе; огромнымъ же достоинствомъ его было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, ни университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ общественной дѣятельности всѣ живыя силы профессорской корпораціи и создать мало-помалу добрую университетскую традицію, подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграницы. Этотъ вызовъ иностранцевъ былъ необходимъ, особенно на первыхъ порахъ—Россія часто должна была обращаться къ роднику знаній, Западной Европѣ,—но уставъ 1804 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи одну чрезвычайно справедливую и разумную оговорку: при избраніи адъюнктовъ „природные россияне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны были быть предпочитаемы чужестраннымъ“.

Однако пользоваться свободой харьковскому университету пришлось недолго. Уже съ 1811 г. широта университетской автономіи вызвала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія недовѣріе, которое, развиваясь и отражая на себѣ всѣ перипетіи правительственнаго отношенія къ наукѣ, на судьбѣ харьковскаго университета сказывалось вторженіями въ коллегіальную независимость попечительской власти и, въ извѣстной зависимости отъ этого, приводило къ ослабленію научной дѣятельности, къ равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ, къ преобладанію узкихъ, эгоистическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, университетъ занялъ прочное положеніе въ мѣстномъ обществѣ, благодаря просвѣтительнымъ вліяніямъ профессоровъ. Важнымъ средствомъ общенія въ этомъ отношеніи были актовыя рѣчи, которымъ общество придавало важное значеніе въ виду поднимаемыхъ имъ общихъ вопросовъ и доступной формы изложенія. „Публика привыкла къ этой формѣ собесѣдованія съ нею: авторы такимъ способомъ могли удобнѣе всего бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, ока-

зывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая, въ свою очередь, внимательно слухала, что скажутъ ей представители науки. Нужно сознаться, что профессора того времени, особенно перваго десятилѣтія, умѣли выбирать живыя, интересныя темы, могшія, какъ увидимъ далѣе, имѣть образовательное значеніе. Въ первое десятилѣтіе число научныхъ работъ у профессоровъ иностраннаго происхожденія было нѣсколько выше, чѣмъ у ихъ русскихъ товарищей; но вообще можно сказать, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились на пользу науки; только сочиненія на русскомъ языкѣ имѣли большее распространеніе у читателей“.

Особеннымъ распространеніемъ и уваженіемъ пользовались рѣчи на философскія темы, которыя уносили мысль въ область возвышенныхъ интересовъ, вызывая ее на умственный трудъ, истинная цѣнность котораго еще далеко не была признана современнымъ обществомъ. Въ другихъ актовыхъ рѣчахъ затрогивались вопросы, которые, въ глазахъ мѣстной аудиторіи, должны были приобретать важное общественное значеніе: доказывалась польза наукъ и просвѣщенія, превосходство общественаго образованія надъ частнымъ, домашнимъ, разъяснялось вліяніе университетовъ на культуру и благосостояніе народа и т. д.

Съ теченіемъ времени научная и журнальная дѣятельность членовъ ученой коллегіи или корпораціи, благодаря начальственному управленію цензуры, мало-по-малу заглохла, и къ концу третьаго десятилѣтія своего существованія университетъ впалъ въ „ученую летаргію“, по выраженію помощника попечителя гр. Панина, которую этотъ почтенный дѣятель старался излечить энергическими распоряженіями. „По его собственнымъ словамъ, для возстановленія *увядшаго* достоинства университета, онъ *приказалъ* ускорить изданіе цѣлаго ряда сочиненій, „назначалъ“ Черняеву и Калениченку составить руководство для украинскаго садоводства, „велѣлъ“ проф. Криницкому отправиться въ Крымъ для изслѣдованій и „поручилъ“ проф. Шагину начать астрономическія наблюденія. Гр. Панинъ, очевидно, думалъ, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и порученіями, забывъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно горѣть въ сердцахъ „священное пламя любви къ просвѣщенію“, т.-е. существовать живая внутренняя потребность для развитія научной университетской жизни въ теченіе втораго и третьаго десятилѣтія, и для возстановленія ихъ нужно было воздѣйствіе благоприятныхъ условій въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени“.

Уставъ 1835 г. былъ проникнутъ совершенно иными началами, чѣмъ уставъ 1804 г. Въ новомъ уставѣ дѣйствительно вырази-

лись общій духъ и режимъ царствованія имп. Николая Павловича. Въ основу были положены три миѳическіе кита нашей государственности, какъ она понималась въ Николаевскую эпоху, — православіе, самодержавіе и народность. Авторъ очерка даетъ подробную характеристику устава 1835 г., который выразился главнымъ образомъ усиленіемъ попечительской власти и особенно въ ограниченіи университетской автономіи. Европейскія событія 1848 г. заставили правительство предпринять еще новыя, дополнительныя мѣры, имѣвшія цѣлью оградить русскіе университеты отъ бурь, „волнующихъ окрестныя государства“. Такъ, была усилена дисциплина и строгости экзаменовъ „для очищенія университетовъ“, сокращены программы политическихъ и юридическихъ наукъ, комплектъ студентовъ ограниченъ 300 чел., запрещены научныя поѣздки за границу; даже министр Уваровъ не былъ въ состояніи быть исполнителемъ подобныхъ требованій, — съ нимъ случился нервный ударъ, и въ 1849 г. онъ вышелъ въ отставку. Назначая преемникомъ Уварову кн. Ширинскаго-Шихматова, Николай Павловичъ сказалъ ему: „Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію“. Новый министр постарался оправдать довѣріе государя. Онъ еще болѣе сократилъ дѣйствіе выборнаго начала и заботился болѣе всего о централизаціи министерской власти и объ инструкціяхъ по надзору за университетскимъ преподаваніемъ. „Въ 1849 г. министръ вошелъ съ докладомъ объ исключеніи изъ программъ государственнаго права. Государь положилъ резолюцію: „дѣльно, совершенно лишнее“. Въ 1850 г. упразднено было преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, а взамѣнъ ея поручено было чтеніе логики и психологіи преподавателямъ богословія“. Въ харьковскомъ университетѣ этотъ режимъ отразился на исторіи съ магистерской диссертацией Н. И. Костомарова „объ униі“, которая, какъ извѣстно, была сожжена. Въ провинціи не было недостатка въ попечителяхъ, которые являлись ревностными исполнителями просвѣтительныхъ заботъ центральной власти. Вотъ чтó рассказываетъ историкъ о попечительствѣ Коккошкина: „Попечительство Коккошкина было печальною эпохою въ исторіи Харьковского университета какъ потому, что оно совпало съ самой тяжелой реакціей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ отчасти и вслѣдствіе личныхъ особенностей самого попечителя, генераль-губернатора. По словамъ Депенле, „довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ поэтическихъ вольностей въ студенческомъ костюмѣ. Онъ началъ останавливать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ костюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ, — требовалъ строгаго

отчета, почему они все „шатаются“ по городу, а не сидятъ дома и „не учатъ уроковъ“. Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія“. Въ результатѣ „было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе minimum'a уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли навѣки; умственная „тишь и гладь“, т.-е. посредственность и духовная нищета стали считаться идеаломъ, „Божьею благодатью“; харьковскіе натуралисты поспѣшили именемъ Коккошкина назвать какое-то растеніе „Коккошкинія метельчатая“.

Въ 1863 г. былъ утвержденъ новый уставъ, который историкъ харьковскаго университета называетъ „славнымъ въ лѣтописяхъ университетской жизни“. Этотъ уставъ дѣйствительно предопредѣлилъ развитіе университетовъ на двадцать лѣтъ и постоянно привлекалъ къ себѣ вниманіе и въ послѣдующее время, какъ противоположность тѣмъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, которыми характеризовался послѣдующій уставъ. Въ жизни харьковскаго университета періодъ дѣйствія этого устава ознаменовался значительнымъ развитіемъ дѣятельности какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Примѣчательны два факта, выражающіе социальна-политическіе взгляды профессорской коллегіи реформированнаго харьковскаго университета. Одинъ изъ этихъ фактовъ представляетъ собой всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный совѣтомъ университета государю по поводу польскаго возстанія. Указавъ, что исторія произнесла свой приговоръ надъ посягательствами на цѣльность и нераздѣльность всероссійскаго государства, адресъ говоритъ: „Но, написавъ свой приговоръ кровью двухъ единоплеменныхъ народовъ, исторія предоставила будущему ихъ братское примиреніе путемъ уравниенія и расширенія ихъ гражданскихъ правъ, удаленія тѣхъ преградъ, которыя постановило между ними прошедшее, и скрѣпленія ихъ кровнаго племеннаго союза силой взаимной любви и довѣрія для будущихъ историческихъ подвиговъ. Рядомъ дарованныхъ уже правъ, выраженнымъ Вашимъ Величествомъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и всепрощеніемъ, изреченнымъ въ день общаго христіанскаго примиренія, Вы предначертали, Государь, этотъ путь мира и любви, въ которыхъ заключается—мы вѣримъ—вѣрный долгъ спокойствія и благоденствія народовъ“. Другимъ фактомъ былъ отвѣтъ университетскаго совѣта на предложеніе министерства усилить занятія студентовъ, чтобы отвлечь ихъ отъ волненій. „Несомнѣнно до очевидности,—говорилось въ постановленіи совѣта,—что не только въ Россіи, но и въ странахъ, гдѣ наука уже давно пустила глубокіе корни, не отъ однихъ

университетовъ, но и отъ цѣлой совокупности государственныхъ и общественныхъ условій зависитъ полное возвышеніе уровня научнаго развитія студентовъ“.

Объ уставѣ 1884 г. историкъ предпочитаетъ говорить больше фактами, чѣмъ общими характеристиками, но и при этомъ способъ изложенія картина получается въ высокой степени яркая и удручающая. Профессора разсматриваются какъ чиновники государства, а студенты—какъ люди, готовые нести государственную службу. „Ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою“. Но „вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ не противодѣйствуя имъ ни явно, ни скрытно“.

Какъ приведенныя „соображенія“, такъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ убѣждаютъ историка въ томъ,—„что при составленіи устава 1884 г. не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями“...

Такъ изъ исторіи мѣстныхъ университетовъ складывается въ общественномъ сознаніи печальная въ существѣ своемъ картина, наглядно иллюстрирующая то близкое къ всеобщему признанію положеніе, что именно конфликту русской власти съ „чистой независимой наукой“ наше общество и народъ обязаны тѣмъ, что наша культура до послѣдняго времени оставалась безъ того воздѣйствія этой науки, которое помогло бы приобщить ихъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи къ семьѣ европейскихъ народовъ.

II.

— Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й. Тунгусы собственно. Спб. 1906.

Эта обширная работа представляетъ прежде всего тотъ интересъ, что она исполнена на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи, причѣмъ авторъ воспользовался и тою частью переписнаго матеріала, касающагося населенія Сибири, которая, заключаая весьма цѣнныя свѣдѣнія статистическаго, географическаго и этнографическаго характера, не подлежала обнародованію въ общемъ изданіи результатовъ переписи. „Съ этой цѣлью,—говоритъ Паткановъ,—онъ (авторъ) посвятилъ свои досуги послѣднихъ восьми лѣтъ на изученіе

переписного матеріала, касающагося Сибири, на составленіе самыхъ подробныхъ выборокъ изъ него, которыя были совершены частью имъ самимъ и частью,—въ виду невозможности единолично окончить всю работу ко времени окончанія разработки переписи, когда использованный матеріалъ подлежалъ быть проданнымъ на бумагу,—опытными лицами подъ его личнымъ наблюденіемъ и при его провѣрѣхъ; затѣмъ автору пришлось заняться группировкой полученнаго матеріала въ таблицы, изученіемъ литературы предмета и, наконецъ, составленіемъ сводовъ, обобщеній и выводовъ изъ всего накопленнаго матеріала, а также племенныхъ картъ“. Настоящая работа, какъ видно изъ предисловія, служитъ лишь началомъ аналогичныхъ работъ, которыя охватятъ полные списки населенныхъ мѣстъ Сибири, гдѣ обитаютъ инородцы, съ показаніемъ численности въ нихъ представителей отдѣльныхъ народностей, съ подробной пояснительной племенной картой Сибири и, затѣмъ, положить начало научнымъ изслѣдованіямъ въ области географіи и статистики туземныхъ племенъ Сибири.

Работы г. Патканова, не заключаая въ себѣ результатовъ непосредственнаго изученія, цѣнны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ принимается опытъ широкаго обобщенія. Несмотря на существованіе обширной литературы, охватывающей почти всѣ стороны сибирской жизни и заключающей въ себѣ цѣнные вклады по этнографіи, экономикѣ и лингвистикѣ, изученіе нашихъ инородцевъ, съ точки зрѣнія ихъ географическаго распространенія, ихъ численности, естественнаго прироста, родового устройства и т. д., представляется автору все еще въ зачаточномъ состояніи. Авторъ объясняетъ это въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство изслѣдователей края могли посѣтить и изучить сравнительно лишь небольшіе районы Сибири и были притомъ часто ограничены во времени и средствахъ; обширный же и разнородный литературный матеріалъ, не обобщенный и критически не разработанный, доступенъ лишь немногимъ специалистамъ. „Вслѣдствіе этого почти всѣ географіи, этнографіи, руководства по народовѣдѣнію, а также племенные карты, поскольку онѣ затрагиваютъ сибирскихъ аборигеновъ, въ большей или меньшей степени грѣшатъ противъ истины, а нѣкоторыя изданія прямо повторяютъ изъ года въ годъ заимствованныя изъ прежнихъ и часто устарѣлыхъ сочиненій невѣрные свѣдѣнія, приобрѣтшія, такимъ образомъ, какъ бы въ силу давности, права гражданства“.

Первый выпускъ посвященъ краткой общей характеристикѣ тунгусскихъ племенъ Сибири и затѣмъ, главнымъ образомъ, вопросу о географическомъ распространеніи и численности тунгусовъ. Группируя въ одно цифровыя данныя о численности тунгусовъ въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ Сибири, авторъ получаетъ цифру наличнаго

тунгусскаго населенія, по даннымъ переписи 1897 года, въ 62.068 душъ обоого пола (31.375 м.). Что касается плотности населенія, то осѣдая и полуосѣдая части населенія тунгусовъ (ок. 33.500 душъ) оказываются живущими сравнительно густо (74,2 д. на 1 кв. милю въ Читинскомъ округѣ), бродячая же часть племени (до 28.600 д.) раскинулась на огромномъ пространствѣ, занимающемъ не менѣе 3.600 тысячъ квадратн. верстъ, что, даже принимая во вниманіе постороннихъ жителей, обитающихъ въ чисто тунгусскихъ районахъ, не составитъ и 0,01 д. на кв. версту.

Второй выпускъ содержитъ въ себѣ рядъ очерковъ изъ исторіи и быта тунгусовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не лишены общественнаго значенія, выходя изъ рамокъ специальной темы. Такова, напримеръ, глава, гдѣ авторъ останавливается на вопросѣ о вымираніи бродячихъ тунгусовъ и выясняетъ его причины. Главную причину вымиранія авторъ видитъ въ неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ, которыя съ каждымъ годомъ ухудшаются: падаетъ охотничій промыселъ, падаетъ оленеводство, а помощи, конечно, получить не отъ кого. Невольно напрашивается тотъ же вопросъ, который ставитъ г. Тюшовъ въ своей книгѣ о Камчаткѣ: что сдѣлало русское правительство за двухсотлѣтній періодъ обладанія этимъ богатѣйшимъ краемъ. „При прогрессирующемъ уменьшеніи звѣря и дичи,—читаемъ въ названной главѣ,—и упадкѣ оленеводства инородцы естественно бѣднѣютъ, попадають въ неоплатные долги и, не имѣя подъ конецъ ни откуда помощи, подвергаются періодическимъ голодовкамъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ длятся на только весеннее время, какъ, напр., у части якутовъ, но мѣсяцы и даже большую часть года. Случай смерти отъ голода у нихъ весьма нерѣдки; иногда отъ этой причины вымирають цѣлыя семьи и стойбища, не говоря уже о томъ, что подобное обнищавшее и полуголодное населеніе легче всего падаетъ жертвой всевозможныхъ болѣзней и показываетъ склонность къ вымиранію“. Нужда толкаетъ тунгусовъ въ кабалу къ якутамъ и русскимъ. Кабала эта состоитъ въ томъ, что денежные люди сужаютъ ихъ подъ обезпеченіе будущаго улова и промысла разнородными припасами и предметами первой необходимости, съ такимъ расчетомъ, чтобы за тунгусами всегда оставались значительныя суммы долга, съ которымъ они не были бы въ состояніи раздѣлаться даже въ благоприятные для промысла годы. Средняя тунгусская семья должна такимъ кредиторамъ отъ двухсотъ до пятисотъ рублей. Еще недавно якуты за взятые тунгусомъ сто рублей получали отъ него сотню оленей, стоимостью среднимъ числомъ до восьмисотъ рублей. Приходи къ выводу, что теперь всѣ тунгусы обдѣли и зайточныя уже не могутъ кормить бѣдныхъ, какъ прежде, г. Паткановъ цитируетъ извѣст-

наго изслѣдователя Якутской области г. Майнова, который такъ изображаетъ судьбу обѣднѣвшаго тунгуса: „Участь тунгуса, если онъ не богатъ, вездѣ одинакова, будетъ ли онъ бродить въ лѣсу и горахъ за пушною добычею, или же водворится на покосахъ и пастбищахъ, которые ему не принадлежать: вездѣ его подстерегаетъ жадный къ живѣ и готовый къ услугамъ якутъ, вездѣ караулятъ его кабаля, за-долженность, нужда и горе со всѣми ихъ роковыми послѣдствіями“.

Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ очеркъ — „Нѣкоторыя этнографическія черты тунгусовъ“, гдѣ весьма любопытны замѣчанія о ясакѣ и кредитной системѣ тунгусовъ. Изъ другихъ очерковъ останавливаютъ на себѣ вниманіе главы о природѣ тунгусовъ, ихъ ассимиляціи, родахъ тунгусовъ и ихъ численности. Нечего и говорить, что главное значеніе книги основывается на географическихъ и статистическихъ данныхъ. Литературой предмета г. Паткановъ пользуется постольку, поскольку это ему необходимо для болѣе полного и нагляднаго изображенія предмета.

III.

— Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. I. Часть первая. Спб., 1906.—Часть вторая. Спб., 1906.

На тѣхъ, кто знаютъ, какія скудныя средства отпускаются въ распоряженіе Географическаго Общества, настоящее изданіе не можетъ не произвести впечатлѣнія самой пріятной неожиданности. Превосходно выполненныя таблицы, прекрасная бумага, четкій, крупный шрифтъ—все это мы привыкли видѣть въ трудахъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, а въ Россіи привыкли мириться съ обычнымъ, довольно сѣренькимъ типомъ научныхъ изданій, наглядно показывающихъ, насколько наука не въ авантажѣ у распоряжающихся судьбами нашего просвѣщенія. Но г. Козлову посчастливилось. Какъ видно изъ вступительнаго очерка, Географическому Обществу въ снаряженіи экспедиціи помогло военное министерство, посодѣйствовавшее тому, что въ апрѣлѣ 1899 г. на расходы по экспедиціи было отпущено 42.000 рублей. П. К. Козловъ участвовалъ до этого въ трехъ большихъ экспедиціяхъ — Пржевальскаго, М. В. Пѣвцова и В. П. Роборовскаго. Авторъ осуществилъ до извѣстной степени мысль Пржевальскаго, собиравшагося предпринять особое (пятое) путешествіе для изслѣдованія природы Кама (крайняго востока Тибета). Цѣною утомительнаго путешествія, продолжавшагося два съ половиною года,

сопровождаясь многими приключеніями и едва не стоившаго жизни участникамъ экспедиціи, г. Козлову удалось достигнуть Кама и провести въ немъ нѣкоторое время, но проникнуть въ средній Тибетъ не пришлось.

Во время пути авторъ велъ дневникъ, въ которомъ отмѣчалъ, какъ научныя наблюденія, такъ и впечатлѣнія, встрѣчи, различные эпизоды. Въ обработанномъ видѣ дневникъ этотъ и составилъ двухтомное описаніе, представляющее, помимо научной цѣнности, большой общій интересъ. Этому содѣйствуетъ прежде всего значительный этнографическій элементъ: авторъ вездѣ, гдѣ возможно, останавливается на нравахъ и обычаяхъ жителей, на особенностяхъ ихъ жилища, на ихъ одеждѣ, вооруженіи, орудіяхъ производства, предметахъ культа и т. д. Все это сопровождается превосходными фотографическими снимками, еще болѣе усиливающими занимательность книги.

На Алтаѣ г. Козловъ встрѣтилъ весьма любопытнаго человѣка — старовѣра Рахманова, одного изъ тѣхъ искателей удачи и „свободы вѣры“, которые выразили собой, нагляднымъ образомъ, тотъ бродильный элементъ славянской расы, который, на протяженіи русской исторіи, взялъ верхъ надъ упорствомъ финской и неустрашимостью монгольской крови. Лѣтъ сорокъ тому назадъ и онъ искалъ того мистическаго „бѣловодья“, которое и нынѣ составляетъ завѣтную мечту уральскихъ и отчасти печорскихъ старовѣровъ. „Въ 1859 г.—рассказываетъ г. Козловъ,—крестьянинъ деревни Корбики, Хрисанфъ Бобровъ отправился „ходовомъ“ вмѣстѣ съ двумя близкими семьями за хребетъ Нарымскій и далѣе по направленію къ югу. Миновавъ на своемъ пути озеро Улюнгуръ, городъ Карашаръ, онъ вступилъ на нижній Таримъ и, продолжая двигаться въ томъ же южномъ направленіи, прибылъ на Лобъ-норъ. Достигнувъ послѣдняго и предполагая, что въ такой дали, среди мирныхъ магометанъ и теплаго климата, въ связи съ другими удобствами страны, старовѣры могутъ жить привольно, Бобровъ оставилъ своихъ спутниковъ, а самъ, ободренный успѣхомъ, возвратился тѣмъ же путемъ въ Алтай. Разказами о путешествіи, а главное о благахъ и богатствахъ Лобъ-нор'а, предприимчивый алтаецъ настолько увлекъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, что въ скоромъ времени туда былъ снаряженъ большой караванъ, съ которымъ отправилось до 50-ти семействъ или свыше 200 человѣкъ. Старовѣры, вези съ собою необходимый скарбъ, въ то же время запаслись, подобно купцамъ, въ цѣляхъ мѣновой торговли, и кое-какимъ товаромъ, преимущественно ситцемъ, ластикомъ, дешевымъ сукномъ и немногими другими. Охотники имѣли за плечами ружья. До города Карашара путешествіе алтайцевъ шло сравнительно благополучно, но, вступивъ въ прилежащія къ Баграшъ-кул'ю, съ юга, пустынные горы

Курукъ-тагъ, они принуждены были, послѣ тяжкихъ скитаній, оставить ихъ и возвратиться въ сосѣдній Карашару городъ—Курля. Здѣсь мѣстное начальство разрѣшило скитальцамъ отдохнуть нѣсколько дней и обстоятельно снарядиться въ дорогу, но предварительно потребовало отъ старовѣровъ ружья, которыя были затѣмъ возвращены имъ только въ день выступленія въ дальнѣйшій путь. На вопросъ китайскаго начальника города: „куда идете?“—старовѣры отвѣтили: „въ тихія мѣста изъ за притѣсненія вѣры“. Въ 1860-мъ году старовѣры, наконецъ, достигли „обѣтованной земли“, поселившись частью въ селеніи Чархалыкъ, частью въ его окрестностяхъ—гдѣ ближе, гдѣ дальше отъ озера Лобъ-нор'а. „Сѣвъ на землю“, русскіе крестьяне устроили землянки и завели хлѣбопашество. Мѣстные туземцы относились къ нимъ хорошо, и они жили во взаимной дружбѣ. Тѣмъ не менѣе старовѣры скоро разочаровались: богатѣйшая, каковой казалась издали, страна Лобъ-норъ, далеко не оправдала надеждъ вблизи, добровольно же покинутый родной, богатый Алтай сталъ, въ новомъ представленіи скитальцевъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ!..“

Здѣсь все характерно—и мотивы, по которымъ старовѣровъ потянуло на новыя мѣста, и способъ исканія, и въ особенности отношеніе къ нимъ туземцевъ. И позже, когда Рахмановъ возвращался обратно и прибылъ въ оазисъ Са-джуу, мѣстныя власти не притѣсняли старовѣровъ, старались лишь вѣжливо уговорить скорѣе идти дальше, не засиживаясь въ городахъ. Вообще, по рассказамъ Рахманова, китайцы и магометане были предупредительны и любезны, особенно съ тѣми старовѣрами, которые имѣли отъ консуловъ паспорта, говоря имъ: „вы наши гости“. Рассказы подобнаго рода—лишь незначительные эпизоды изъ исторіи странствованія многихъ русскихъ людей, пытливо ищущихъ новыхъ мѣстъ, гдѣ оказался бы полный просторъ ихъ религиознымъ убѣжденіямъ, ихъ предприимчивости, энергіи, природной смѣлкѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи интересны послѣднія главы перваго выпуска, заключающія въ себѣ очерки цайдамскихъ монголовъ, ихъ внѣшній бытъ, семейные обычаи, занятія, юридическія понятія; въ числѣ приведенныхъ пословицъ встрѣчаются весьма характерныя, рисующія жизненные взгляды монголовъ. Во второмъ выпускѣ, вообще болѣе богатомъ этнографическими чертами, особенно интересны главы о восточномъ Тибетѣ и его обитателяхъ, объ округѣ Лхадо, о населеніи Дза-чю-кава, гдѣ авторъ собралъ цѣнныя свѣдѣнія о чертахъ внутренняго управленія, о правѣ собственности, о различныхъ обычаяхъ и обрядахъ, а также объ округѣ Алашань (южной Монголіи). О дикости страны и опасностяхъ путешествія живо знакомятъ главы, гдѣ авторъ изображаетъ случаи враждебнаго отношенія туземцевъ

къ экспедиціи, которой пришлось отражать нападенія нѣкоторыхъ племенъ и вообще быть въ боевой готовности. Однажды, при нападеніи лингузцевъ, маленькому отряду пришлось отбиваться отъ нѣсколькихъ сотенъ нападавшихъ дикарей, и только хорошія дальнобойныя винтовки спасли отрядъ отъ поголовнаго истребленія. Повсюду въ книгѣ разбросано много чертъ, рисующихъ положеніе тибетскаго духовенства и монастырей.

Къ обоямъ выпускамъ приложены карты.

IV.

— Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.—Исторія русской интеллигенціи. Изданіе В. М. Саблина. М. 1906.

Новая книга Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго относится къ числу такихъ литературныхъ явленій, которыя важны прежде всего тѣмъ, что въ нихъ ставится на очередь цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ литературно-общественнаго изученія. Она отличается тѣми же качествами, которыя давно уже поставили автора въ ряды лучшихъ изслѣдователей нашихъ въ области родной литературы, и читается съ неостывающимъ интересомъ. „Предлагаемая книга не претендуетъ на титулъ исторіи русской художественной литературы. Задача автора состояла въ томъ, чтобы прослѣдить, въ историческомъ порядкѣ (начиная съ 20-хъ годовъ), послѣдовательное развитіе и смѣну нашихъ общественно-психологическихъ типовъ, созданныхъ самой жизнью и нашедшихъ свое художественное воплощеніе въ извѣстныхъ образахъ—Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Рудина и т. д. Это, стало быть, не исторія русской литературы, а исторія русской интеллигенціи, изучаемая по даннымъ или по „итогамъ“ художественной литературы, которые авторъ старался провѣрить и комментировать данными литературной критики, мемуаровъ, писемъ и другихъ документовъ соответственной эпохи“. Сообразно съ задачей труда, авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія и даже безъ упоминанія тѣ первостепенныя произведенія нашей художественной литературы, которыя, представляя большой историко-литературный интересъ, или не относились по сюжету къ изучаемой эпохѣ, или не воспроизводили типовъ мыслящей части общества. „Авторъ не претендовалъ,—говорится далѣе въ предисловіи,—на полноту изложенія и оставилъ въ сторонѣ или упустилъ многое, что могло бы дать различнаго рода указанія и поясненія по вопросамъ, рассматриваемымъ въ этой книгѣ. Такъ, между прочимъ, обойденъ знаменитый романъ Герцена „Кто виноватъ?“ съ централь-

ною фигурою Бельтова, откуда можно было бы извлечь немало чертъ, характеризующихъ психологію передовыхъ дѣятелей времени. Это, несомнѣнно,—упущеніе, но оно отчасти извиняется тѣмъ, что фигура Бельтова не художественна; кромѣ того, этотъ пробѣлъ восполненъ характеристичною личностію самого Герцена; вмѣсто же совсѣмъ удачнаго портрета взять его „оригиналъ“, въ высокой степени типичный для эпохи“.

Не претендуя на полноту изображенія русской интеллигенціи, изучаемой по даннымъ художественной литературы, авторъ, конечно, еще менѣе будетъ претендовать на полноту изображенія русской интеллигенціи вообще, въ той формѣ, въ какой эта исторія ощущается общественнымъ сознаніемъ, и съ этой стороны заглавіе книги обѣщаетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ то, что дается ея содержаніемъ. По существу, это рядъ въ высокой степени интересныхъ этюдовъ по изученію идеологіи и психики русскаго типичнаго интеллигента, въ его трансформациіи и разновидностяхъ на протяженіи девятнадцатаго вѣка, причемъ задача автора ограничивалась лишь тѣмъ матеріаломъ, который представила ему художественная литература. Последняя, при всей широтѣ ея захвата, далеко не имѣла возможности отразить всѣ и особенно крайнія теченія передовой общественной мысли и чувства, какъ не могло свободное слово выразить со всей непосредственностью любого момента всю полноту и остроту общественной духовной жажды. Какъ ни считается критика съ классовымъ характеромъ изображенія на протяженіи большей половины истекшаго вѣка, все же ей трудно, не прибѣгая къ постороннимъ свидѣтельствамъ, отрѣшиться, не сходя съ исторической почвы, отъ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на тотъ или иной типъ самъ авторъ. Этими посторонними свидѣтельствами могли бы быть записки современниковъ, мемуары, историческіе документы, въ которыхъ найдется не только обширный оправдательный матеріалъ для доказательства типичности художественныхъ изображеній, но и черты для исторіи индивидуализма въ русской интеллигенціи, для тѣхъ явленій, которыя нельзя подвести подъ опредѣленный типъ, но которыя сыграли во многихъ случаяхъ огромную роль при смѣнѣ міросозерцаній и настроеній въ такъ наз. переходныя эпохи. Авторъ сознаетъ это, отстывая отъ своей первоначальной цѣли исходить изъ художественныхъ воплощеній и пользоваться мемуарами, письмами и т. д. лишь въ видѣ комментарія,—и давая, вмѣсто фигуры Бельтова, его „оригиналъ“, типичный для эпохи, но интересно, куда авторъ отнесъ бы Чаадаева или Бакунина, которыхъ изъ исторіи русской интеллигенціи вычеркнуть невозможно. Весьма существеннымъ дополненіемъ къ обобщанному въ началѣ книги, очевидно внѣ ея первоначальнаго плана, но въ извѣстной внутренней

связи, являются двѣ послѣднія главы, изъ которыхъ первая (XII) посвящена Н. А. Некрасову, а вторая (XIII)—сжатому очерку передовыхъ направленій 60-хъ годовъ и значенію дѣятельности Некрасова. Предыдущія же главы посвящены общественно-психологическому уясненію типовъ Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Рудина, Лаврецкаго, Теттикова и Обломова.

Чтобы показать, насколько важны поднимаемые книгою г. Овсяннико-Куликовскаго вопросы, укажемъ на слѣдующій фактъ. Авторъ останавливается на вопросѣ о розни между „отцами“ и „дѣтьми“, или, по терминологіи автора, на розни двухъ психологическихъ типовъ. „Представители разныхъ психологическихъ типовъ могутъ сходиться во взглядахъ, въ стремленіяхъ, въ идеалахъ, могутъ имѣть одиѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, но взаимное душевное, интимное пониманіе и сочувствіе устанавливается между ними съ большимъ трудомъ, и то — больше теоретически, чѣмъ практически; всего труднѣе имъ сговориться и понять другъ друга тогда, когда они сталкиваются въ жизни, среди однихъ и тѣхъ же условій времени, ибо на одинаковыя впечатлѣнія и воздѣйствія среды они реагируютъ различно въ силу различнаго уклада психики и, реагируя различно, по необходимости расходятся въ разные стороны, поворачиваются другъ къ другу спиной. И часто различіе въ идеяхъ, во взглядахъ оказывается явленіемъ вторичнымъ,—не причиною разлада, а слѣдствіемъ уже существующей розни, обусловленной кореннымъ различіемъ душевныхъ организацій“. Чѣмъ вызывалось это различіе, почему на смѣну поколѣнія съ извѣстнымъ укладомъ душевныхъ силъ выступало поколѣніе съ совершенно другимъ укладомъ? Авторъ ставитъ этотъ вопросъ и сознаетъ, что это — „трудный вопросъ общественной психологіи“. Ставя своей цѣлью не столько раскрыть причины, сколько установить и описать фактъ кореннаго различія въ духовномъ обликѣ двухъ поколѣній эпохи, онъ, тѣмъ не менѣе, самой постановкой вопроса оказываетъ дѣлу изученія исторіи общественнаго развитія огромную услугу. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы безъ промежуточнаго объясненія, въ которомъ должны были бы принять участіе не только историки литературы и психологи, удовлетвориться дальнѣйшимъ выводомъ автора, что такъ назыв. люди сороковыхъ годовъ представляли—„по своему душевному складу, по преобладающему настроенію и по самому способу реагировать на получаемыя впечатлѣнія и умственные возбужденія—*прямую противоположность* людямъ 20-хъ годовъ“? Столь же любопытны затронутые авторомъ вопросы о развитіи личности въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, о психологіи „лишнихъ людей“, а также о психологіи національности, которую (национальность) авторъ рассматриваетъ какъ психологическую форму, а не

содержаніе, т.-е. содержаніе душевной жизни человѣка, мѣняющееся съ возрастомъ, степенями развитія и т. д., между тѣмъ какъ національность человѣка и народа остается въ своихъ основныхъ чертахъ неизмѣняющейся крайне медленно, незамѣтно. Национальные пути мышленія и дѣйствія авторъ опредѣляетъ какъ тѣ различныя дороги, которыя ведутъ въ одинъ и тотъ же Римъ—общечеловѣческихъ идеаловъ. Понимая такъ идею національности, авторъ рѣшительно отрицаетъ всякій націонализмъ. „Всякая національная программа заключаетъ въ себѣ—скрыто или явно—враждебное отношеніе къ другимъ націямъ. Национальность, какъ таковая, а равно и ея данное историческое содержаніе не должны быть поставлены цѣлью и возводимы въ идеалъ. Идеалъ одинъ—человѣчность, и онъ не можетъ быть національнымъ. Къ нему ведутъ національные пути мысли и дѣйствованія, но самъ онъ слагается не изъ этихъ путей, а изъ результатовъ мысли и дѣла, которые, по существу, интернациональны и образуютъ общее достояніе, общее благо всего человѣчества“. Какъ все психическое, разсуждаетъ далѣе авторъ, такъ и національность имѣетъ не только свою психику, но и психопатологію. Къ числу болѣзней и ненормальностей въ функціяхъ національнаго мышленія и дѣйствованія авторъ относитъ, съ одной стороны, націонализмъ цѣлей, политики, идеаловъ, а съ другой—извращенія указанныхъ функцій подъ вліяніемъ дефектовъ классовой психологіи. Такой именно случай наблюдаетъ авторъ въ обломовщинѣ. Въ картинѣ обломовщины раскрывается передъ нимъ „картина болѣзни“ русской національной психики, иначе опредѣляемая авторомъ, какъ „гипертрофія“ русскаго національнаго уклада мысли и воли. Этюдъ, посвященный изслѣдованію обломовщины, вмѣстѣ съ этюдомъ о Рудинѣ, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ въ книгѣ.

V.

— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 годъ. Книга десятая. Спб. 1906.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ какомъ именно—неизвѣстно, совершается революція; въ другомъ царствѣ или странѣ—объ этомъ можно лишь догадываться—стоитъ въ горахъ обсерваторія. Въ этой обсерваторіи изучаетъ теченіе небесныхъ свѣтилъ знаменитый русскій ученый съ своими ассистентами; тутъ же, этажемъ ниже, живутъ его жена и дѣти.

Такова обстановка драмы г. Леонида Андреева „Къ звѣздамъ“. Высокія молчаливыя горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, завываніе вѣтра, рефракторъ, какъ гигантскій людской глазъ, похищающій небесныя

тайны,—все это необычно, оригинально, все это создаетъ настроеніе и усиливаетъ интересъ къ драмѣ. Словно кусокъ жизни выхваченъ невѣдомой рукой изъ самаго ея горнила, чтобы показать, что и здѣсь, высоко надъ міромъ, въ сосѣдствѣ съ вѣчностью, она такая же страдающая, страстная, полная борьбы, обмановъ и лишеній. Съ большимъ талантомъ давая отдѣльныя яркія сцены и жизненные, мѣткіе очерки характеровъ, авторъ разбавилъ ихъ монотонностью длинныхъ разсужденій, холодомъ надуманности; онъ словно вылилъ ихъ изъ воска и далъ застыть въ холодномъ прозрачномъ воздухѣ горь, и потому все роковое, ужасное, чтò подчасъ въ разсказахъ г. Андреева бываетъ такъ близко человѣческому сердцу, здѣсь только рисуется отчетливо, рѣзко, наглядно, но оставляетъ читателя безучастнымъ, не шевелить въ немъ глубокихъ отзывно-трагическихъ струнъ. Рисуетъ ли г. Андреевъ стараго астронома профессора—и этотъ образъ у него безспорно красивъ, съ мыслью, устремленной въ вѣчность, съ сердцемъ, раскрытымъ тайнамъ вселенной, среди которыхъ личныя привязанности и скорби занимаютъ лишь ничтожную частицу,—но этому образу не хватаетъ жизненной теплоты, энергіи, самооправданія въ томъ смыслѣ, что онъ—не бездушный механизмъ, воспринимающій теченіе свѣтила, а живой человѣкъ, съ живымъ, заблуждающимся мозгомъ, съ трепещущимъ сердцемъ и кровью, и когда сынъ его Николай, гордость его и всей семьи, борется на баррикадахъ, вся молодежь вокругъ него настроена революціонно, всѣ говорятъ объ ужасахъ революціи, о непримиримой борьбѣ, а профессоръ ужъ такъ, будто бы, увлеченъ своими исчисленіями, что ничего не замѣчаетъ и даже при извѣстіи о томъ, что Николай раненъ и въ тюрьмѣ, наивно спрашиваетъ: „развѣ тамъ еще убиваютъ? развѣ тамъ еще есть тюрьмы?“

И когда г. Андреевъ выводитъ Терновскаго изъ оцѣпененія и бросаетъ на него лучъ солнца, отъ котораго онъ оживаетъ и начинаетъ страдать и любить по-человѣчески, весь предыдущій образъ уничтожается, восковая фигура таетъ, и на минуту всѣ звѣзды, и луна, и солнце становятся ничто для него передъ скорбью о сынѣ, погибшемъ жертвою революціи. Правда, Терновскій спохватывается и утѣшаетъ себя и другихъ тѣмъ, что—„живнъ вездѣ; сейчасъ, въ эту минуту,—да, въ эту минуту!—родится кто-то—такой же, какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ—у природы нѣтъ повтореній“... Но читатель ему уже не вѣритъ; онъ увидалъ въ Терновскомъ живого человѣка, на мигъ сроднился съ нимъ и не хочетъ отдать его обратно холодному небу и безучастнымъ звѣздамъ. Чтò имъ до того моря людскихъ страданій, горя и слезъ, въ которомъ захлебывается міръ, въ которомъ гибнуть лучшіе умы и благороднѣйшія сердца! отъ всплесковъ этого моря некуда уйти на

землѣ; они долетаютъ до вершинъ самыхъ высокихъ горъ и скоро, кажется, достигнутъ и до звѣздъ, и неправда, чтобы чуткое челоуѣческое сердце не могло содрогнуться отъ ужаса и могло бы растворить этотъ ужасъ въ идеѣ вселенной, сдѣлавъ его лишь ничтожнѣйшимъ атомомъ непостижимаго панпсихизма великой міровой жизни...

Прелестно задуманъ и обрисованъ нѣжными и мягкими чертами образъ жены Терновскаго—Инны Александровны. Въ основу его положена жизненная правда, можетъ быть вдумчивая наблюдательность въ сферѣ не „дѣтей вѣчности“ или „дѣтей солнца“ (оставимъ эти побрякушки!), а изъ среды обыкновенныхъ хорошихъ и сильныхъ душою людей, и все-таки этотъ образъ вышелъ блѣденъ и какъ-то малокровенъ у г. Андреева, можетъ быть потому, что онъ слишкомъ длительно рисовалъ его, въ перемежку съ совсѣмъ уже безкровными фигурами Житова, Поллака, Лунца, ассистентовъ стараго профессора. Въ другихъ лицахъ почти повсюду типичность замысла борется съ эскизностью исполненія: недурно очерчены типичныя разновидности дѣятелей революціонной борьбы, чета Верховцевыхъ, грубыхъ и самодовольныхъ, изъ числа людей, заслуги которыхъ тяжело отзываются на окружающихъ; ихъ такъ отгѣняетъ простой, скромный и мужественный рабочій Трейцъ, въ которомъ такъ и хочется видѣть типичнаго дружинника недавнихъ московскихъ событій. Революція вообще даетъ себя чувствовать на сценѣ: обсерваторія пріютила ея храбрѣйшихъ участниковъ, которые являются сюда, то ища убѣжища отъ ранъ и преслѣдованія, то запасаясь новыми силами и средствами для продолженія борьбы. Рокowymъ, связующимъ звеномъ для большинства различныхъ по своему складу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, родственныхъ между собою людей является трагическая судьба старшаго сына Терновскихъ, Николая, раненаго при вооруженномъ возстаніи, избитаго въ тюрьмѣ и потерявшаго рассудокъ. „Какъ садовникъ, жизнь срѣзываетъ лучшіе цвѣты,—но ихъ благоуханіемъ полна земля“... Пригѣръ Николай не устрашаетъ, но, напротивъ, воспламеняетъ чистыя сердца. Чистое сердце—это Маруся, и она же—единственное въ пьесѣ лицо, о которомъ можно сказать, что оно—горячее сердце. Эта дѣвушка, непосредственная, порывистая, согрѣваетъ всю пьесу. Когда Терновскій произноситъ торжественную тираду о безконечныхъ пространствахъ, о мракѣ преисподней, откуда, на зовъ его, выползаетъ „тренищущая тайна“ и, радуясь, онъ говоритъ „въ вѣка и пространства“, привѣтствуя сына вѣчности,—Маруся не раздѣляетъ его холоднаго, примитивнаго экстаза, и рѣчь ея—простая, трогательная рѣчь—полна протестующаго чувства. „Но смерть, по безумію,—воскликаетъ она,—но дикое торжество рабовъ? Отецъ, я не могу уйти отъ земли, я не хочу уходить отъ нея: она такъ несчастна. Она дышетъ ужасомъ и

тоской,—но я рождена ею и въ крови моей я ношу страданія земли. Мнѣ чужды звѣзды, я не знаю тѣхъ, кто обитаетъ тамъ.—Какъ подстрѣленная птица, душа моя вновь и вновь падаетъ на землю“.

У г. Горькаго въ „Дѣтахъ солнца“, въ отвѣтъ на томленіе Лизы о темныхъ норахъ, въ которыхъ живутъ слѣпые кроты, художникъ Вагинъ гордо заявляетъ о новой породѣ людей:

Какъ искри въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней будущаго зѣрна!
Мы въ ней—градушаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты—
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

Въ пьесѣ г. Андреева нѣтъ орловъ, но есть уже орлята,—Инна Александровна такъ и называется свою молодежь. Но ассоціаціи, изъ которыхъ рождаются эти прообразы, различны у обоихъ писателей: орлы г. Горькаго хищны, жадны до жизненныхъ благъ, сильны индивидуализмомъ своей воли. Орлята г. Андреева символизируются инымъ образомъ—образомъ желѣзной клѣтки, въ которой „сидитъ за рѣшеткой въ темницѣ сырой—вскормленный на волѣ орелъ молодой“, и когда онъ вырвется на волю, онъ не бросится за добычей, а полетитъ къ своимъ товарищамъ—спасать и освобождать ихъ. Маруся у г. Андреева и является чуднымъ прообразомъ дѣйственной любви къ свободѣ и людямъ, и читатель ни на минуту не усомнится повѣрить ей, когда она говоритъ, что она пойдетъ въ жизнь и принесетъ туда, какъ святыню, все, что осталось отъ Николая—его мысль, его чуткую любовь, его нѣжность, чтобы поддержать вѣчный огонь въ тѣхъ, кто гибнетъ за высокую, бессмертную цѣль. Въ чувствѣ глубокой, всеоживляющей и всевозвышающей человѣчности съ Марусей сливается и старикъ астрономъ, и плачетъ слезами глубокаго, чисто человѣческаго страданія и глубокой братской любви.

И, призывая на подвигъ во имя любви къ человѣчеству, старикъ восклицаетъ: „къ звѣздамъ!“ Къ нимъ можно подняться не только забираясь въ горы, съ обсерваторіей, телескопомъ. Онѣ близки и къ тѣмъ, кто спускается внизъ, въ разгаръ битвы, въ юдоль страданія и скорби. Высокій порывъ равно окрыляетъ душу и дѣлаетъ ее доступной великимъ идеямъ, въ которыхъ отражаются и тайны вселенной, и неразрѣшимыя загадки человѣческаго бытія. И тѣмъ дороже этотъ порывъ изстрадавшимся людямъ, чѣмъ болѣе согрѣтъ онъ кровью благороднаго сердца, чѣмъ болѣе онъ одухотворенъ рѣшимостью претворить эту кровь въ живое дѣло любви, то дѣло, которое, какъ

солнца въ планетной системѣ, зажигаетъ по пути человѣчества идеалы его грядущей свободы и счастья.

За пьесой г. Андреева помѣщено нѣсколько стихотвореній и очерковъ. И въ нихъ говорится о возстаніи, о крови и ужасахъ, о безуміи слѣпоты, владѣющей насиліемъ, — какъ будто весь интересъ человѣческой жизни сосредоточился на одномъ натискѣ, на одной огненной мечтѣ согрѣть въ пылу битвы или добиться желанной, какъ утрення заря, побѣды. И точно, кровавый отблескъ превратилъ общественную мысль въ какую-то влокающую волну кошмарныхъ сновъ, отравившую своимъ дыханьемъ все, чѣмъ могли бы жить культурные люди нашей родины — мирный трудъ, семейныя радости, поэзію, искусство. Мучительный разладъ отнялъ счастье жизни у миллионъ мыслящихъ существъ и вмѣстѣ съ призывомъ къ борьбѣ свергнулъ ихъ въ атмосферу нравственной загроубѣлости, отчаянія и злобы.

Слѣпцы и безумцы! Насиліемъ владѣя,
Людей вы хотите въ крови утопить,
Но ярко, какъ солнце, сіяетъ идея —
И ей суждено побѣдить!

Такъ начинается г. Лукьяновъ свое стихотвореніе, помѣщенное въ „Сборникъ“, и эти четыре строчки могли бы служить эпиграфомъ къ яркому до боли изображенію того, что происходило въ памятные московскіе дни „на Прѣснѣ“, о чемъ рассказываетъ г. Серафимовичъ. Рассказываетъ просто, почти протокольно, но отъ этой простоты вѣетъ тѣмъ большимъ ужасомъ смерти, что переданныя имъ событія еще такъ болѣзненно свѣжи у всѣхъ въ памяти...

Кромѣ отмѣченныхъ произведеній, въ книгѣ помѣщенъ переводъ г. А. Колтоновскаго „Гимнъ гарибальдійцевъ“ (Л. Меркантини) и „Огарки“ (типы русской богемы) г. Скитальца. — Евг. Л.

VI.

— Маякъ. — Литературно-публицистическій сборникъ. Съ 3-мя фототипіями, изд. А. Лугового, Спб. 1906 г.

Большую половину сборника занимаетъ политическая трагедія „Максимилианъ—императоръ мексиканскій“ г. Ал. Лугового. Это и наиболѣе интересная вещь въ книгѣ. Собственно здѣсь помѣщенъ только прологъ къ трагедіи, читающійся съ большимъ интересомъ, какъ общественно-художественнымъ, такъ и историческимъ. Въ обширномъ и богатомъ фактическимъ матеріаломъ предисловіи авторъ не

безъ основанія указываетъ на тотъ интересъ, съ какимъ люди, переживающіе событія, подобныя нашимъ, относятся къ тѣмъ кореннымъ переворотамъ въ формахъ правленія, которые совершались въ другихъ странахъ и въ другое время. Позабытая теперь трагическая исторія эрцгерцога Максимилиана (младшаго брата императора Франца Іосифа), процарствовавшего три года и семь дней въ Мексикѣ и разстрѣлянаго при провозглашеніи республики, способна сама по себѣ заинтересовать воображеніе современнаго читателя; въ изображеніи же г. Лугового, положившаго на обработку этого сюжета обширный трудъ и тщательное изученіе источниковъ, эта трагедія получаетъ особый интересъ, создаетъ ей положеніе одного изъ серьезнѣйшихъ произведеній послѣдняго времени, вообще не весьма располагающаго къ обширнымъ твореніямъ на историческія темы.

Какъ видно изъ предисловія, г. Луговой уже много лѣтъ работаетъ надъ своей трагедіей. Это даетъ намъ право остановиться на нѣкоторыхъ, сообщенныхъ имъ тамъ же подробностяхъ ея созданія. На мысль о ней навела г. Лугового извѣстная картина Лоранса „Послѣднія минуты императора Максимилиана въ Кверетаро“.

По мѣрѣ того какъ авторъ сталъ собирать историческій матеріалъ и знакомиться ближе съ событіями и съ лицами избранной имъ эпохи, онъ началъ убѣждаться, что это не только интересный драматическій сюжетъ, — „это богатѣйшая канва, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для разработки вѣчныхъ вопросовъ, „проклятыхъ вопросовъ“, волнующихъ все человѣчество съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, вопросовъ, которые для многихъ, вѣроятно, еще долго останутся нерѣшенными. Борьба свободомыслящихъ съ клерикалами, борьба республики съ монархіей, борьба патриотизма съ вторженіемъ иноземцевъ въ страну, раздираемую междоусобіями, а на заднемъ планѣ, какъ фонъ для картины, борьба расъ за политическое первенство въ мірѣ: расы англо-саксонской—въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ—и расы романской—въ лицѣ французовъ съ Наполеономъ III во главѣ,—вотъ что развернулось предо мной на страницахъ источниковъ, относящихся къ данной эпохѣ; и чѣмъ больше читалъ я эти источники, тѣмъ значительнѣе представлялась мнѣ разыгравшаяся тогда въ Мексикѣ, теперь полузабытая, трагедія“. Интересъ ея, какъ чисто драматическаго произведенія, скоро отошелъ для автора на второй планъ, и передъ нимъ создалась перспектива „исторической хроники“, въ которой міровой политикѣ предназначалась первенствующая роль. О размѣрахъ всей трагедіи можно судить по тому, что черновой ея набросокъ заключаетъ въ себѣ тридцать отдѣльныхъ дѣйствій, или картинъ (въ настоящей книгѣ двѣ картины пролога заняли 131 стр.), со 140 дѣйствующими лицами! Конечно, нужно очень привязаться къ

сюжету, чтобы предпринять такую гигантскую работу для его воплощенія, но несомнѣнно не слѣдуетъ упускать изъ виду и будущаго читателя, которому не подъ силу окажется историческая хроника, если художественный элементъ не явится у нея на первомъ планѣ. Но мы не станемъ предрѣшать того, что будетъ, и пожелаемъ, чтобы вся трагедія, въ ея цѣломъ, была столь же интересна, какъ тѣ двѣ картины, изъ которыхъ складывается ея прологъ. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

При чтеніи этихъ сценъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующія строки автора: „Я писалъ свое произведеніе съ чисто-художественной объективностью, съ безпристрастіемъ художника, которому одинаково дороги и императоръ Максимилианъ, и президентъ республики Хуаресъ. Я старался держать въ равновѣсіи чашки вѣсовъ, не склоняя ихъ умышленно ни въ ту, ни въ другую сторону. Печатаю теперь то, что было уже отдѣлано въ окончательной формѣ болѣе шести лѣтъ назадъ, я ничего не измѣняю по соображеніямъ настоящей минуты; но я долженъ обратиться къ читателямъ съ просьбой не дѣлать заключеній о личности Максимилиана и о самой трагедіи по ея первымъ картинамъ. Вся эта исторія въ высшей степени сложна, и самъ Максимилианъ пережилъ столько колебаній подъ влияніемъ совершавшихся вокругъ него событій, что сужденіе о немъ можно сдѣлать только по трагедіи въ ея полномъ объемѣ“.

Мѣстомъ пролога служить очаровательный замокъ Мирамаре, съ чудесной растительностью и безконечной перспективой моря, залитого лучами южнаго солнца, — мѣсто, лучше котораго придумать нельзя для поэтическаго бездѣлья, ботаническихъ восторговъ и легкаго, иронически-философскаго отношенія къ судьбамъ всего остальнаго міра. Еслибы Максимилианъ не былъ эрцгерцогомъ Габсбургской крови, онъ прожилъ бы вѣкъ свой безпечнымъ баловнемъ счастья, въ безконечныхъ упоеніяхъ стихами, красотой, природой, въ чередованіи эпикурейскихъ восторговъ и меланхолій; но онъ былъ рожденъ принцемъ, и съ молокомъ матери въ него перешли всѣ предрасудки и самообманы, свойственные людямъ исключительнаго происхожденія, отъ которыхъ могутъ освободиться лишь гениальныя натуры. Не будемъ, выполняя желаніе автора, дѣлать заключеній о личности Максимилиана въ ея цѣломъ, но едвали и самъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своей трагедіи пойдетъ дальше суда исторіи и будетъ отстаивать, хотя бы изъ художественныхъ цѣлей трагическаго конфликта, необычайность душевныхъ силъ несчастнаго мексиканскаго императора. Максимилианъ не былъ гениальной натурой. Въ прологѣ онъ передъ нами, какъ живой — романтически настроенный, нѣжный, добрый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивный и упрямый, какъ истый принцъ,

мечтающій быть королемъ и воображающій, что именно онъ созданъ для счастья миллионовъ подданныхъ. Право его покоится не на силѣ завоевателя, не на реальномъ знаніи тѣхъ сложныхъ фактовъ, изъ которыхъ образуется перспектива его отвѣтственной и трудной дѣятельности, даже не на традиціяхъ прямой наслѣдственности, — нѣтъ, право свое онъ основываетъ на томъ, что въ немъ течетъ кровь Габсбурговъ, что онъ — „потомокъ Карла V“, — и все это говорится имъ не шутя, не вскользь, но серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ. И стѣбитъ только одной изъ враждующихъ партій помянуть его блескомъ сомнительной короны, втянувъ въ игру разнуданныхъ страстей и международныхъ самолюбій, — какъ у него инстинктивно возникаетъ воспитанная въ крови увѣренность, что это избраніе провиденціально, что оно явилось слѣдствіемъ иной, высшей воли. Для этого-то прежде всего и нужна религія Максимилиану, нужна не въ грубомъ смыслѣ, но какъ часть цѣлаго міросозерцанія, сверху до низу построенная на самовозвышающихъ обманахъ. Поэтому такъ нервно перебиваетъ Максимилианъ мексиканца Терана, когда тотъ допускаетъ возможность для народа обходиться и безъ римскаго папы, и добавляетъ, что, пожалуй, для извѣстной части неразвитого грубаго народа, религія нужна... — „О, ради Бога, не говорите этого! — перебиваетъ его Максимилианъ: „о, нѣтъ, такими взглядами не унижайте и самого себя...“ И высказавъ возвышенную мысль о томъ, что религія нужна народу не только какъ цѣпи для рабовъ, Максимилианъ добавляетъ снисходительно: „О, нѣтъ, религія и мнѣ нужна“... Да, религія нужна даже ему, принцу, взысканному благами міра, да, она нужна ему, какъ луна тихой южной ночи, какъ звено міровой гармоніи, какъ поэзія кроткой и мало испытанной души. Поэтому, еще не ставъ королемъ, онъ уже говоритъ о томъ, что — „безусловная свобода культовъ и пропаганды врядъ ли могутъ быть терпимы“, и что „государство каждое должно имѣть свою религію, и это призналъ и самъ Наполеонъ Великій“...

Мексиканецъ Теранъ, — лицо не совсѣмъ живое, введенное очевидно за тѣмъ, чтобы облегчить читателю пониманіе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Максимилиана, въ длинныхъ монологахъ, нерѣдко сильныхъ и яркихъ, — истощаетъ всѣ силы разума и воли, чтобы убѣдить эрцгерцога отказаться отъ престола, — но того трудно убѣдить, кто вѣритъ въ провиденціальность своего назначенія. Возраженія Максимилиана чрезвычайно шатки, порою даже ребячливы въ капризномъ упорствѣ идей уже распатаннаго въ то время кодекса европейскаго абсолютизма, совершенно чуждаго духу американской свободы. Въ то время, какъ Максимилианъ борется Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою оцѣниваетъ борьбой двухъ расъ, англосаксон-

ской и романской, и наивно замѣчаетъ, что въ этой борьбѣ для Мексики другого мѣста нѣтъ, какъ въ тѣхъ рядахъ, гдѣ борются французы,—Теранъ смотритъ на дѣло иначе:

Нѣтъ! Вашему высочеству скажу
 На это я, что здѣсь борьба другая, —
 Борьба гораздо шире, чѣмъ двухъ расъ.
 Два міра здѣсь стоятъ другъ передъ другомъ.
 Здѣсь Новый Свѣтъ ведетъ борьбу со Старымъ,
 Республиканство съ монархизмомъ, разумъ
 Съ слѣпою вѣрой и свобода съ гнетомъ.
 Здѣсь прошлое столкнулось съ настоящимъ.
 На жизнь и смерть здѣсь бьются межъ собой
 Романтика вѣковъ давно минувшихъ
 Съ задачами всѣхъ будущихъ вѣковъ.

На Максимилиана слова эти производятъ замѣтное впечатлѣніе. Онъ еще никогда не ставилъ вопроса такимъ образомъ и, пожалуй, готовъ былъ бы призадуматься надъ нимъ, еслибъ ему не были такъ ясны „задачи будущихъ вѣковъ“. Онъ — представитель монархизма, Теранъ — республиканецъ, и потому — такъ думаетъ Максимилианъ — имъ столковаться невозможно. А существо вопроса, насколько онъ, дѣйствительно, нуженъ волнуемой домашними распрями Мексикѣ, исчезаетъ для него до конца. Существо это заслоняется цѣлымъ рядомъ мелочей и побрякушекъ, изъ которыхъ складывается мишурное величіе новаго императора, когда онъ (во второй картинѣ), въ вычурномъ до смѣшного мексиканскомъ мундирѣ, даетъ отвѣтъ довольно подозрительной депутаціи, что онъ принимаетъ мексиканскую корону и видитъ въ томъ знаменіе Божіе, „что онъ потомокъ Карла V, въ имперіи котораго обширной не заходило солнце никогда“ — и пр. въ томъ же родѣ. Подобныя безсодержательныя рѣчи Максимилианъ слышалъ съ колыбели, и ему доставляетъ истинное удовольствіе самому разыграть роль величества, готовясь разсѣять лучи своихъ благодѣяній, пропуская ихъ для пробы чрезъ среду своихъ старыхъ и новыхъ приближенныхъ и разной придворной челяди, — среду, которая, какъ извѣстно, служить весьма дурнымъ проводникомъ тепла и свѣта. Съ какою величавою ласковостію совершаетъ онъ свои первыя назначенія, съ какой снисходительностію остритъ съ придворными дамами — къ роли короля ему не привыкать стать! И, рядомъ съ распоряженіями по будущему управленію страной, голова его занята и такими мелочами, какъ отдѣлка верхнихъ комнатъ дворца въ покидаемомъ Мирамаре. Идея, которая пришла ему въ голову, весьма характерна: она живо передаетъ общій колоритъ его мыслей и чувствъ въ тотъ день, когда онъ принялъ обязанность остановить

революцію въ далекой и совершенно невѣдомой ему странѣ. „Подъ свѣжимъ впечатлѣньемъ“ онъ приказываетъ архитектору:

—Тронный залъ

Украсьте вы вездѣ изображеньемъ
Орла, держащаго въ когтахъ змѣю,—
Таковъ гербъ Мексики, какъ вамъ извѣстно.
А на стѣнахъ должны быть двѣ картины.
Пусть родословнымъ деревомъ моей
Династїи украсится одна
Изъ стѣнъ, а на другой изобразимъ
Мы аллегорію: богъ солнца, Фебъ
Въ своей, какъ солнце свѣтлой, колесницѣ
Несется въ вышнїи, на облакахъ;
Подъ нимъ земля; на ней изобразить
Границы государствъ, какъ это было
Въ эпоху Карла Пятаго, окрасивъ
Одною краской всѣ его владѣнья.
И пусть лучи отъ колесницы Феба
Распространяются на нихъ,—на всѣ.

Максимилианъ искренно вѣрить, что онъ можетъ совершить нѣчто „великое“, и, подражая римлянамъ, онъ не хочетъ забыть на пути завоеваній и дѣлъ культуры мирной, среди которыхъ отдѣла собственнаго дворца занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Шарлотта, кроткое, самоотверженное существо, старается всѣми силами скрасить невыгоды своего новаго державнаго положенія обворожительностью и добротой. Въ ней нѣтъ мелкой суетности тщеславія, нѣтъ грубаго самообмана своимъ величіемъ, но она слишкомъ сателлитъ своего мужа и восторженно дѣлитъ всѣ его мечты о томъ, что стоитъ имъ явиться только въ Мексику, и въ странѣ наступитъ покой, разовьется высокая культура, промышленность, міровая торговля, словомъ, создадутся новыя Аены.

Мексики здѣсь еще не видно, той Мексики, въ которой въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ со дня освобожденія было двѣсти сорокъ революцій, при чемъ форма правленія мѣнялась тридцать разъ! Исключая Терапа, дѣйствующіе на сценѣ мексиканцы — изысканные, льстивые дипломаты, а не суровые сыны пустыни и скаль, готовые поминутно изъ мирныхъ гражданъ превратиться въ мятежниковъ и проливать кровь. Мексики еще не видно,—къ ней несутся только страстныя поэтическія мечты коронованной четы, но уже отъ этихъ грезъ вѣетъ предчувствіемъ ихъ роковой несбыточности, которая случитъ въ будущемъ жестокаго разочарованія и неудачи. Отъ этого предчувствія невольно сжимается сердце у читателя, когда онъ разстается съ прологомъ подъ впечатлѣнїемъ тающихъ мечтаній Макси-

милиана, вечеряющаго неба и безбрежнаго моря, къ которому царственная чета медленно спускается, счастливая и безпечная...

Послѣ этой пьесы какъ-то не хочется переходить къ остальнымъ очеркамъ „Маяка“. Внутренняя связь между ними, конечно, есть, но связь слишкомъ отвлеченная, и впечатлѣнія, получаемыя отъ „Максимилиана“ и отъ остальныхъ очерковъ, лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ; но переходъ изъ замка Мирамаре къ „Карійскимъ воспоминаніямъ“ („Молотокъ“ — рассказъ В. Иличъ-Свитычъ) кажется на первый взглядъ слишкомъ рѣзкимъ, правда, лишь на первый взглядъ. Справившись съ первыми внѣшними впечатлѣніями, читатель быстро свыкается съ новой обстановкой разсказа и начинаетъ видѣть зависимость между поэтическими мечтами принцевъ изъ дома Габсбурга и жандармомъ карійской тюрьмы, отрывшимъ въ одной изъ камеръ „настоящій“ сапожный молотокъ. Въ „Дневникѣ свободнаго человѣка“, принадлежащемъ перу г. А. Лугового, авторъ дѣлаетъ попытку разобратъ въ впечатлѣніяхъ „дней революціи безъ числа“, начиная съ 9-го января и позже. Во второмъ отдѣлѣ находимъ интересный очеркъ г. К. Чуковского — „Уотъ Уитманъ, личность и демократія въ его поэзіи“, и двѣ замѣтки: Евг. Лицкаго — „Радищевъ и Екатерина II“ (эпизодъ изъ исторіи „дерзновенныхъ“ книгъ), гдѣ авторъ подчеркиваетъ принципиальную сторону борьбы императрицы съ книгой Радищева, и г. А. Л. о брошюрѣ „Китай или мы“.

Сборникъ изданъ внимательно и со вкусомъ; его оживляютъ три прекрасно выполненныя фототипіи, относящіяся къ „Максимилиану“.

W.

VII.

— Справочная книга социалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Книгоиздательство „Голось“, т. I-нй, выпуски I, II, III. Сиб. 1906.

Соціализмъ представляетъ теперь всемірное явленіе общественной жизни. Изъ полу-утопическаго ученія объ общемъ равенствѣ и солидарности онъ превратился въ государственно-экономическую доктрину, въ реальную политическую силу, оставаясь въ то же время вѣрнымъ завѣтамъ первоучителей, проповѣдывавшихъ не только политическое, но и экономическое равноправіе. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это ученіе, знакомство съ нимъ необходимо не только для интересующагося общественными вопросами, но и вообще для всякаго, кто привыкъ читать книги и газеты, — иначе онъ не пойметъ цѣлаго ряда явленій общественной жизни, которыя волнуютъ цивили-

лизованный міръ. Будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на провозвѣстника общественнаго устройства будущаго или только какъ на временное явленіе, которое, сыгравъ свою роль, будетъ замѣнено другой болѣе совершенной доктриной,—въ обоихъ случаяхъ именно современному человѣку нельзя обойтись безъ свѣдѣній о социализмѣ. Разумѣется, можно отдѣлаться отъ излишняго умственнаго труда, рѣшивъ, что социализмъ слѣдуетъ не изучать, а отрицать; но еще Базаровъ у Тургенева сказалъ, что онъ могъ бы отрицать смерть, но она-то его не отрицаетъ. Для русской публики поэтому изданіе справочника по социализму нельзя не назвать очень полезнымъ предпріятіемъ. Изданіе „Голоса“ позволяетъ предъявить къ нему нѣсколько болѣшихъ требованій—это справочная книга социалиста, т.-е. человѣка, который долженъ знать эволюцію идей своего ученія основательно; онъ не можетъ, какъ всякій любознательный читатель, обойтись общимъ знакомствомъ съ вопросомъ. При такомъ заданіи весьма неожиданно было встрѣтить заявленіе редакціи, что книга нѣмецкихъ авторовъ „не отличается необходимой полнотой, оставляя безъ изслѣдованія исторію социализма послѣдняго десятилѣтія (а до этого срока все достаточно полно?)“; кромѣ того, за книгой признается недостаточная разработанность касательно русскаго социализма и замѣтная тенденціозность... въ оцѣнѣ нѣкоторыхъ идей и личностей“. Все это редакторы обѣщаютъ дополнить и исправить. Авторы относятся къ своей книгѣ нѣсколько иначе: они увѣряютъ, что старались, гдѣ это было въ ихъ силахъ, избѣгать субъективныхъ сужденій и ихъ цѣлью было—„спокойное и безпристрастное изложеніе явленій“.

Безпристрастное изложеніе и тенденціозность—какъ помирить это? Зачѣмъ было тогда гнаться за полнымъ переводомъ, отчего не сократить того, что навѣяно враждой, зачѣмъ оставлять завѣдомыя искаженія истины? Не особенно удобно для читателя, взявъ первый томъ въ руки, справляться съ дополнительнымъ томомъ и смотрѣть, правда ли написана въ первомъ томѣ или ложь? Неужели г.г. Гуго и Штегманнъ такіе великіе мыслители, что и ошибки ихъ слѣдуетъ сохранять неприкосновенными?

Сперва скажемъ нѣсколько словъ относительно полноты—за время послѣдняго десятилѣтія. Между испанскими социалистами мы не находимъ Альбигеса, игравшаго очень видную роль въ социалистическомъ движеніи семидесятихъ годовъ, особенно въ Алькоѣ; но испанцевъ вообще мало въ книгѣ. Изъ французовъ мы не видимъ Вермореля; нѣтъ и Гамбона, одного изъ немногихъ, дожившихъ до коммуны и пережившихъ ее, послѣдователей и друзей Барбеса (кое-что изъ Гамбона было переведено и на русскій языкъ),—зато есть знаменитый генераль Кюзере, начавшій свою карьеру съ Кавенькомъ

въ іюньскіе дни. Всѣ права его на помѣщеніе въ „Справочникъ“ заключаются въ томъ, что во время коммуны онъ записался въ члены интернаціонала; но кто тогда не записывался въ него? Джемса нѣтъ, нѣтъ Гильома, который съ самаго основанія былъ редакторомъ бюллетеня южной федераціи и авторомъ многихъ статей по анархизму. Болѣе внимательные къ нѣмецкимъ социалистамъ, авторы пропустили Грелиха, редактора Tagewacht. О Журдѣ сказано всего пять съ половиною строкъ. При нѣкоторыхъ французахъ отмѣчено ихъ участіе въ коммунѣ, но о Журдѣ, который былъ въ ней министромъ финансовъ, это не упомянуто. О Жоржъ-Сандѣ—ни слова. Изъ итальянцевъ есть Коста, но нѣтъ ни Кафіера, ни Малатесты. Здѣсь нами отмѣчены только нѣкоторые пропуски, которые бросились въ глаза по памяти.

Однако, неполнота еще извинительный недостатокъ,—абсолютной полноты достигнуть нельзя, и при этомъ недостаткѣ еще можно было бы сказать, что г.г. Гуго и Штегманнъ даютъ, все-таки, что могутъ; но неточности уже составляютъ болѣе серьезный недостатокъ. Напримѣръ, изложеніе анархизма—чисто уличное, гдѣ его легко смѣшать съ ученіемъ ассасиновъ, туговъ и т. д. Невѣрно и изложеніе мыслей Прудона объ этомъ предметѣ. Въ общемъ у Прудона анархія является не какимъ-либо учрежденіемъ вродѣ монархіи, республики, общины,—это—вѣрнѣе—тенденція, цѣль которой сведеніе правительственныхъ функцій до возможнаго минимума и доведеніе до возможнаго максимум'а личной свободы. Литературы по анархизму не приводится никакой. Нужно вѣрить авторамъ на слово. Они отказываются отъ обязанности излагать ученіе объ анархіи. Это, по ихъ мнѣнію, невысказано, да и бесполезно перечислять всѣ исторіи кражъ, убійствъ и т. д. Неужели же вся дѣятельность Джемса Гильома, Бруса, Кафіера, Коста, Малатеста, Реклю, Кропоткина, Де-Пана заключалась только въ проповѣди грабежей и убійствъ и въ осуществленіи такихъ предпріятій? Анархизмъ въ существѣ дѣла является протестомъ противъ приниженія личности гнетомъ большинства; но въ немъ, какъ въ ученіи о новомъ рѣшеніи этой задачи, и пути, къ ней ведущіе, понимаются различно. Родоначальникъ его, Прудонъ, вообще имѣлъ пристрастіе къ „страшнымъ словамъ“,—объявивъ собственность кражей, онъ явился защитникомъ мелкой собственности; отстаивая автономію личности, свободу индивидуума, онъ пустилъ въ обиходъ страшное слово „анархизмъ“, но крайнихъ мѣръ онъ не проповѣдывалъ. Воинствующій анархизмъ ведетъ свое начало съ Бакунина. Для бельгійца Де-Пана анархія является не тенденціей ума, а особымъ общественнымъ строемъ. По его схемѣ, социальное устройство проходить или должно пройти слѣдующія ста-

діи развитія: монархіи абсолютная, монархіа конституціонная, буржуазная республика, демократическая республика, республика съ прямымъ законодательствомъ и, наконецъ, анархія. Вычисливъ преимуществъ этой послѣдней передъ предыдущими, онъ заканчиваетъ: „да прійдетъ царствіе твое, анархія“. Гильомъ пользовался аргументами изъ книги Бокля въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было доказать, что большая часть функций, которыя беретъ на себя государство, можетъ такъ же хорошо или даже лучше выполняться обществомъ или частной инициативой. Кропоткинъ выдвигаетъ на первый планъ развитіе принципа взаимной помощи; онъ—сторонникъ автономныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая удовлетворяетъ всѣмъ или большинству своихъ потребностей, а излишками дѣлится съ другими. Дальше всѣхъ заходилъ въ своихъ гаданіяхъ о будущемъ Поль Брюсъ. Оно ему рисовалось въ видѣ „соціального тѣла“, само собой реагирующаго на вѣншній міръ, приспособляющаго этотъ міръ къ своимъ потребностямъ и въ свою очередь готовящагося къ нему. Конечно, среди всѣхъ такихъ схемъ много проблематическаго, какъ и во всякомъ новомъ воззрѣніи; но безъ гаданій и гипотезъ невозможно никакое движеніе мысли.

Что касается до тактики анархистовъ, то уже американскіе анархисты показали, что ни бомбы, ни кинжалы не составляютъ неизбѣжнаго атрибута анархизма. Прагматическая тактика не всегда обуславливается теоретическими принципами, а чаще обстоятельствами вѣншними. Либнехтъ высказывался въ началѣ своей дѣятельности:—*Wer parlamentirt mit seinem Feinde, der parlamentirt mit ihm, wer parlamentirt — pactirt*. Это было предостереженіе противъ какихъ бы то ни было соглашеній съ правительствомъ, а принявши званіе депутата рейхстага, онъ оказался вынужденнымъ отступить отъ своей формулы. Сеиды Наполеона III-го не были анархистами, но они показали себя 2-го декабря достойными преемниками творцовъ Варолюмеевской ночи, которые тоже не были анархистами; не былъ имъ и агентъ іезуитовъ Равальякъ.

Мы ожидали встрѣтить что-нибудь объ анархіи подъ рубрикой „коллективизмъ“; но этого слова и не оказалось въ книгѣ подъ особымъ заголовкомъ. Можетъ быть, гдѣ-нибудь и упоминается въ книгѣ объ этомъ въ разныхъ мѣстахъ; но мы не рѣшились перерыть всю книгу для того, чтобы узнать, какъ думаютъ господа Гуго и Штегманнъ о коллективизмѣ. Составленіе указателя къ указателю не входитъ въ нашу задачу.

Чтобы не возвращаться болѣе къ анархизму, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще все, что улица подвергаетъ поруганію и преслѣдованію, слѣдуетъ разсматривать съ особеннымъ тщаніемъ и возможной объе-

ktivностью. Особенно если идея нова и мало выработана. Теперь любой грамотный гимназист изложить удовлетворительно догматы социаль-демократіи, а изложеніе ученія объ анархіи и у заправскихъ литераторовъ характеризуется, какъ собраніе нелѣпостей и разбойничества. Кому другому, а социалистамъ не мѣшало бы помнить, что и къ ихъ ученію нѣкогда относились такимъ же образомъ, и выяснять только то въ своихъ работахъ, что согласуется съ дѣйствительностью.

Все касающееся земельныхъ вопросовъ изложено крайне сжато и плохо. Коммуну гг. Гуго и Штегманнъ знаютъ только парижскую. Скупость на термины необыкновенная: нѣтъ, напр., „аграрнаго вопроса“. Слово „альмендъ“ приведено только въ скобкахъ, — почему бы не написать отдѣльно, со ссылкой?

Перломъ объективизма и добросовѣстности авторовъ является статья о Бакунинѣ. Вся масса сплетень, гулявшая о немъ по Европѣ, тщательно собрана здѣсь. Дѣятельность этого замѣчательнаго чловѣка приравнивается къ работѣ агента-провокатора. Здѣсь излилась вся злоба, накопившаяся у нѣмца противъ русскаго, который былъ и поборникомъ освобожденія славянъ, и противникомъ корифеевъ нѣмецкаго социализма, Маркса и Энгельса. Вся статья написана въ самомъ злостномъ тонѣ и полна клеветъ. Извѣстный русскій агитаторъ Нечаевъ былъ нѣкоторое время въ сношеніяхъ съ Бакунинимъ; но потому уѣхалъ въ Россію, гдѣ и возникла подъ его руководствомъ извѣстная Нечаевская организація въ Москвѣ. Авторы наши, не смущаясь, считаютъ Бакунина отвѣтственнымъ за все, что совершилъ Нечаевъ, считая послѣдняго Бакунинскимъ эмиссаромъ, конечно, не принимая во вниманіе того, что Бакунинъ, эмигрантъ, не могъ руководить Нечаевымъ изъ Женевы. Въ сущности Нечаеву нужно было одно — заручиться именемъ Бакунина, а что касается какихъ-либо инструкцій и т. п., то Нечаевъ никого не слушался, ничѣмъ не смущался и всегда былъ эмиссаромъ отъ самого себя. Это ясно изъ того, что, вернувшись послѣ убійства Иванова снова въ Швейцарію, Нечаевъ скоро разошелся съ Бакунинимъ и его друзьями. Въ эту пору онъ и сочинилъ свой нелѣпый проектъ будущаго строя, напоминающій порядки русской каторги. Этотъ проектъ былъ напечатанъ, и Нечаевъ предлагалъ его всѣмъ знакомымъ; но проектъ нигдѣ ничего, кромѣ ироническаго отношенія, не вызывалъ. Является почти необъяснимымъ, какъ и Нечаевъ, чловѣкъ большого практическаго смысла, могъ ожидать какого-нибудь благопріятнаго впечатлѣнія отъ такой выдумки. Нечаевъ былъ не невѣжда какой-нибудь, — это былъ чловѣкъ съ большой начитанностью. Единственное, что можно сказать въ объясненіе такой попытки — это привычка Нечаева рассчитывать на людское легковѣріе, на свою способность гипнотизировать. Что такое въ

самомъ дѣлѣ убійство Иванова, какъ не результатъ гипноза? Цѣлая группа людей идетъ на убійство своего же товарища по подозрѣніямъ, что онъ, можетъ быть, „выдаетъ“ кого-нибудь. На судѣ никто, кромѣ того, что Нечаевъ считалъ Иванова способнымъ выдать, ничего не могъ и привести въ объясненіе своего поведенія.

Заграницей Нечаевъ не нашелъ благопріятной почвы для своей пропаганды. Во-первыхъ, потому, что тамъ уже было извѣстно о московскихъ и петербургскихъ арестахъ, извѣстно было, что его попытка не удалась: кромѣ выпущенныхъ имъ прокламацій, никакихъ слѣдовъ дѣятельности его не было въ наличности, а человекъ, потерпѣвшій неудачу, всегда падаетъ въ глазахъ публики. Во-вторыхъ, тамъ были люди, всю жизнь свою проведеніе надъ программами партій, плановъ общественнаго устройства, любители теоретическихъ дебатовъ. Неуклюжій проектъ Нечаева, конечно, скорѣе могъ помѣшать его планамъ. Издававшаяся имъ газета „Община“ тоже ничего вниманія не обратила на себя. О ней и не говорили даже. Только когда Эльпидина сопричислили въ Россіи къ числу участниковъ „Общины“—онъ отвѣтилъ въ Коршевскихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что считаетъ „Общину“ Нечаева протестомъ противъ здраваго смысла, логики и грамматики. Все выше сказанное, однакоже, не мѣшаетъ безъ всякихъ оговорокъ гг. Гуго и Штегманну выдавать эту прокламацію-программу за изложеніе мыслей самого Бакунина. Въ биографіи, кромѣ невѣрностей, есть также и тенденціозная подтасовка. Намекается, на примѣръ, на то, что Бакунинъ бѣжалъ изъ Сибири при помощи своего родственника генералъ-губернатора. Бакунинъ, говорятъ, дѣйствительно, какъ-то приходился родственникомъ Муравьеву-Амурскому; но Бакунинъ бѣжалъ не при Муравьевѣ, а при Корсаковѣ.

Безусловно были, конечно, недостатки, промахи у Бакунина, были въ немъ, какъ и во всякой живой книгѣ, опечатки. Какой энтузіазмъ избѣгалъ ихъ? А Бакунинъ былъ несомнѣнно энтузіастомъ; но въ филістерскомъ изложеніи нѣмецкихъ компиляторовъ не видно въ Бакунинѣ даже и прежняго простодушнаго энтузіаста, вроде Георга Гервега. Передъ нами какой-то не то провокаторъ, не то маньякъ, не то фантастическій агентъ фантастическаго панславизма, ничтожный, суетливый крикунъ, участникъ нелѣпныхъ предпріятій, которыя, благодаря ему, всѣ оказываются шуточными. Идей его нельзя изложить связно потому, что онъ не написалъ ни одного лейтфадена и гандбуха. Гдѣ же тутъ Бакунинъ,—тотъ Бакунинъ, котораго знали въ Германіи, Франціи въ сороковыхъ годахъ, въ шестидесятыхъ годахъ въ Лондонѣ, который всюду вносилъ свою энергію и свой воспламеняющій энтузіазмъ? Откуда взялъ талантливый, умный, глубоко-образованный

и совершенно несогласный во взглядахъ съ Бакуинымъ испанецъ Гарридо тѣ поэтическія яркія краски для изображенія Бакунина и его роли въ европейскомъ социальномъ движеніи? Онъ велъ за собой массы, онъ оказывалъ несомнѣнное вліяніе на выдающихся людей.

По нашему скромному мнѣнію, мы полагали бы, что было бы полезнѣе и для читателя, да и для успѣха книги, еслибы Бакуининъ, да и всѣ русскія имена были выключены изъ нѣмецкаго справочника. Редакторы сами сознаютъ необходимость дополненій для Россіи и для исторіи социалистическаго движенія послѣдняго десятилѣтія. Вмѣсто того, чтобы заставлять читателя рыться въ двухъ книгахъ, собирая свѣдѣнія объ одномъ и томъ же лицѣ или вопросѣ, лучше было бы дать ему подъ однимъ заголовкомъ все, что можно.—Д. Клеменць.

Въ теченіе іюля поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Баксъ, Белфортъ и Кевичъ, Г.—I. Социалистическій катехизисъ. Переводъ съ англійскаго.—*П. Лазаревъ.*—Аграрный катехизисъ. Кн.—во „Новое товарищество“. М. 906. 112 стр.

Гекхель, Э.—Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Съ послѣсловіемъ „Исповѣданіе чистаго разума“ и пр. Книгоиздательство „Мысль“. Спб. 906. Стр. 227. Ц. 80 к.

Грушевскій, Мих., проф.—Украинство въ Россіи. Его запросы и нужды. (Глава изъ Очерка исторіи украинскаго народа). Спб. 906. 48 стр. Ц. 25 к.

Диль (Diehl), К.—Соціализмъ. Коммунизмъ. Анархизмъ. Курсъ лекцій, читанныхъ въ 1906 г. I. Сущность и главныя направленія социализма. Кн.—во „Живое Слово“. Стр. 18. Ц. 6 к.

Дюмаръ-Запольскій, М. В.—Мемуары декабристовъ. Кіевъ. 906. Стр. XLIV+346. Ц. 1 р. 50 к.

Карабчевскій, Н. П.—Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи“.—Изданіе (2-е) М. Пирожкова. Спб. 906. 27 стр. Ц. 25 к.

Кольцовъ, Н., прив.-доц. московскаго у—та.—Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрскіе и декабрскіе дни. Ц. 50 к. М. 906. 88 стр.

Косинскій, В. А., проф.—Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Одесса, 906. Стр. XIV+532.

Котляревскій, Н.—Кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ. Спб. 907. 435 стр. Ц. 2 р.

Круковскій, Адр.—Характеръ творчества Ибсена. Вильна, 906. 16°. Стр. 35. Ц. 10 к.

Лисенковъ, Г. И.—Опытъ систематическаго построения аграрной программы. Исслѣдов. въ пяти частяхъ. Части I и II. Спб. 906. Стр. 90.

Луначарскій, А.—Отлики жизни. Сборникъ статей. Книгоиздательство О. Н. Поповой. Спб. 906. 225 стр. Ц. 80 к.

Мальшевъ, Кронидъ.—Гражданскіе законы Калифорніи въ сравнит. изложеніи съ законами Нью-Йорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ

правомъ Англіи и Сѣверной Америки. Т. III. Спб. 906. Изд. К. Риввера. Стр. 602. Ц. трехъ томовъ 11 р.

Мишулинъ, П. П., проф.—Аграрный вопросъ. Харьковъ, 906. Стр. X+172. Ц. 1 р.

Новакъ, М. М.—Передъ бурей. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Софія, 906. Стр. 82. Ц. 1 р.

Нордау, М.—Ложь капиталистическаго строя. Переводъ съ нѣмецкаго С. Кувшинскаго. Спб. 906. 75 стр. Ц. 20 к.

Озеровъ, И. X., проф.—Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. По неизданнымъ документамъ. М. 906. Стр. 322. Ц. 1 р.

— Нужды рабочаго класса въ Россіи. М. 906. Стр. 64. Ц. 15.

Паткановъ, С.—Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Тунгусы собственно. Ч. I, вып. 1 и 2. Спб. 906.—Изъ Зап. Имп. Русск. Геогр. О—ва“, т. XXXI. Стр. 175 и 283.

Рейснеръ, М. А., проф.—Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. Спб. 906. Стр. 102. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Жизнь Иисуса. Перев. безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересмотрѣннаго и дополн. изданія Е. В. Святловскаго. Съ портретомъ Ренана, исп. гелиографукою. Спб. 906. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. LXXIII+413. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣдинъ, Е. К.—Профессоръ Николай Феодоровичъ Сумцовъ. Харьковъ. 906. 32 стр. Ц. 60 к.

Семеновъ, Вл.—Бой при Цусимѣ. Памяти „Суворова“. Спб. 906. Стр. 319. Ц. 50 к.

Тобинъ, А.—Аграрный строй материковой части Ляфляндской губерніи. Спб. 906. Стр. 40.

Толстой, графъ Л. Н.—Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. I. Спб. 906. Изданіе „Русскаго свободнаго слова“. Стр. 319. Ц. 50 к.

Трейманъ, Р.—Тираноборцы. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. проф. М. А. Рейснера. Спб. 906. Стр. 112. Ц. 50 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Современникъ 1857. Стр. 780. Т. IV. Современникъ 1858—1859. Стр. 583. Спб. 906. Изд. М. Чернышевскаго.

— Что дѣлать? — Романъ. Изд. 3-е, М. Н. Чернышевскаго. Спб. 906. Стр. 317. Ц. 1 р.

Эмбазеръ, П.—Анархизмъ.—Переводъ съ нѣмецкаго Р. Стрѣльцова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 906. 320 стр. Ц. 80 к.

Ястремскій, Ф.—Повинности крестьянъ Минской губ. Изслѣдованіе. Минскъ. 906. Стр. 114+81.

— Басни Косаря (Гр. Кайзермана). Изданіе Р. Ф. Львовича. Спб. 906. 64 стр.

— Замѣтка по поводу семибоярщины. Спб. 906. 22 стр.

— Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемая подъ ред. секретаря Общества А. А. Достоевскаго. Т. XLII. 1906. Вып. I. Спб. 906. Стр. 352.

— Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и плана будущаго устройства. Подъ редакціей А. К. Бороздина.—Изданіе М. Пирожкова. Спб. 906. 196 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1806—1906), составленный профессорами Д. И. Багалъемъ, Н. О. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ. Изданіе Университета. Харьковъ, 906. Стр. 329+XIV.

— Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I (1852—1859). М. Изданіе Панафиной. 906. 389 стр. Ц. 1 р.

— Маякъ. Литературно-публицистическій сборникъ. Изданіе А. Лугового. Съ 3 фототипіями. Спб. 906. 275 стр. Ц. 1 р. 35 к.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899—1901 г.г. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I, ч. 1 и 2. 739 стр.

— „Московскій Еженедѣльникъ“, подъ ред. кн. Е. Н. Трубецкаго. № 15. Стр. 64. Ц. 15 к.—Тоже № 16 и 17. М. 906.

— Политическая энциклопедія, подъ ред. Л. Слонимскаго. Т. I. Вып. 2 (Антисемитизмъ—Бразилія). Спб. 906. Съ 13 картами и 6 картограммами. Стр. 161—320. Ц. за 12 вып. по подпискѣ 9 р., съ разсрочкою по 1 р. въ мѣс.

— Протоколы делегатскаго совѣщанія Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, 6—10 ноября 1905 г., въ Москвѣ. Кн—во „Новое товарищество“. М. 906. 143 стр.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1905 годъ (съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы). Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Изд. министерства торговли и промышленности. Спб. 906. 4°, стр. VII+87.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906 г.

Международное значеніе русскаго кризиса. — Отсрочка англо-русскихъ манифестаций. — Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о внимательствѣ. — Личная политика Вильгельма II. — Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. — Британскій премьеръ о роспускѣ Думы. — Междупарламентская конференція мира въ Лондонѣ. — Конецъ дѣла Дрейфуса.

На долю Россіи выпала въ послѣдніе годы печальная привилегія — возбуждать напряженное вниманіе всего культурнаго міра и служить главнымъ предметомъ толковъ и пересудовъ въ печати разныхъ странъ. Мучительная внутренняя трагедія, терзающая великую имперію, не только даетъ ежедневно богатый матеріалъ для иностранныхъ газетъ, но весьма чувствительно отражается на всѣхъ международныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, „русскій кризисъ“ волнуетъ заграничныя биржи и массу держателей нашихъ процентныхъ бумагъ, а съ другой — онъ сильно занимаетъ и тревожитъ иностранные кабинеты, связанные такъ или иначе съ официальной Россіей. Нашей дипломатіи все чаще приходится проглатывать горькія пилюли, подносимыя притомъ безъ всякаго дурнаго намѣренія и даже вопреки доброй волѣ дружественныхъ иностранныхъ правительствъ, въ силу простого и вполне естественнаго хода событій. Иногда за границей предпринимается что-нибудь съ спеціальною цѣлью выразить намъ сочувствіе въ нашемъ стѣсненномъ положеніи, а изъ этого выходитъ только непріятность; такъ было, между прочимъ, въ вопросѣ о посылкѣ британской эскадры въ Балтійское море.

Дѣло въ томъ, что даже самые проникательные иностранные наблюдатели не могутъ уловить смыслъ и связь совершающихся у насъ фактовъ; напримѣръ, всѣ привѣтствовали созывъ Государственной Думы, какъ начало дѣйствительной конституціонной эры, и въ виду этой несомнѣнно благополучной, какъ казалось, развязки русскаго кризиса, британское правительство нашло своевременнымъ официально и торжественно засвидѣтельствовать свою готовность сблизиться съ Россією, чтобы приготовить почву для прочнаго соглашенія по всѣмъ спорнымъ между обѣими державами вопросамъ. Въ началѣ мая лондонскимъ кабинетомъ высказано было желаніе послать эскадру въ русскія воды, и это предложеніе встрѣтило, разумѣется, сочувственный приѣмъ въ нашихъ придворно-дипломатическихъ сферахъ. Про-

грамма предстоявшаго плаванія была уже точно установлена; англійскія газеты сообщали, что эскадра, въ составѣ семи броненосцевъ и шести крейсеровъ, подъ командой вице-адмирала сэра Эптона Берзона-Гау, пробудетъ въ Либавѣ отъ 2-го до 7-го, а въ Кронштадтѣ—отъ 11-го до 17-го августа новаго стиля. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ выяснялось обостреніе прежняго антагонизма между властью и народомъ въ Россіи, стремленіе сохранить не только старыя основы административнаго самовластия, но и олицетворявшее ихъ министерство, вопреки существованію народнаго представительства,—и дружественный шагъ Англій получалъ какъ будто характеръ демонстраціи въ пользу одной изъ борющихся сторонъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы косвенно послужить къ поддержанію авторитета стараго бюрократическаго режима. Вѣлостокскіе ужасы и вызванныя ими пренія въ Государственной Думѣ показали англичанамъ, что русскій внутренній кризисъ еще очень далекъ отъ разрѣшенія и что само правительство признаетъ себя бессильнымъ положить конецъ погромамъ и беспорядкамъ, устроители которыхъ пользуются особымъ поощреніемъ и покровительствомъ администраціи. Въ Англій стали громко раздаваться голоса о неумѣстности посланки британской эскадры къ русскимъ берегамъ при подобныхъ обстоятельствахъ; въ палатѣ общинъ, одинъ изъ ея членовъ, Джоржъ Торнъ, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ, сэру Эдуарду Грею, съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли протестовать противъ обращенія русскаго правительства съ своими подданными, прежде чѣмъ отправлять эскадру къ Кронштадту для доказательства дружбы. Другіе ораторы, и въ томъ числѣ Кейръ Гарди, поднимали тотъ же вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и министръ всякій разъ отвѣчалъ отрицательно, оставаясь на почвѣ строгой международной корректности. Въ засѣданіи 5-го іюля сэръ Грей объяснилъ, что русское правительство никѣмъ не считается отвѣтственнымъ за происходящія извѣненія и что для Англій безусловно обязательенъ принципъ невмѣшательства въ чужія внутреннія дѣла; что же касается англійскаго флота, то предстоящій визитъ его одинаково относится къ государю и народу, какъ актъ вѣжливости относительно націи и ея установленныхъ учреждений, къ которымъ принадлежатъ и государственный совѣтъ, и Государственная Дума, и министры. „Мы должны — закончилъ Эдуардъ Грей—идти по своей дорогѣ, не отвлекаясь намеками на внутреннія затрудненія Россіи, въ убѣжденіи, что наша симпатія не можетъ быть доказана лучше, чѣмъ полнымъ невмѣшательствомъ“. Однако, неудобства предполагаемаго посѣщенія Кронштадта и Либавы британской эскадрой въ наше смутное время—предвидѣлись и съ русской стороны, и лондонскому кабинету дано было знать, что русское правительство ничего не бу-

деть имѣть противъ отсрочки выношенія этого плана до будущаго года. Такимъ образомъ, первый крупный шагъ къ англо-русскому сближенію не состоялся, благодаря запутанности нашего внутренняго положенія, и надежды русской бюрократіи на сочувствіе и поддержку западныхъ державъ оказались въ данномъ случаѣ преждевременными. Конечно, нельзя было рассчитывать на то, что либеральное англійское правительство сознательно выразитъ свою солидарность съ представителями господствующей у насъ бюрократической партіи, и ничего подобнаго не имѣлось въ виду въ Англии при обсужденіи проектовъ официального соглашенія съ Россією; оттого и мысль о визитѣ британской эскадры была тотчасъ же оставлена, какъ только стали извѣстны тѣ толкованія и выводы, въ которыхъ она давала поводъ.

Совершенно другое значеніе имѣютъ недавніе толки о планахъ и намѣреніяхъ Германіи, въ связи съ возможнымъ дальнѣйшимъ ходомъ нашего внутренняго политическаго кризиса. Странныя сообщенія и разсужденія офиціозной петербургской газеты „Россія“ о какихъ-то дипломатическихъ комбинаціяхъ, устраиваемыхъ будто бы въ Берлигѣ и Вѣнѣ на случай серьезныхъ замѣшательствъ и событій въ предѣлахъ Россіи, были, правда, категорически опровергнуты; сама газета отреклась отъ своихъ подозрительныхъ разоблаченій, придавъ имъ невинный видъ простого заимствованія изъ разныхъ органовъ заграничной печати, — но эти неловкія отреченія и опроверженія не производили успокоительнаго дѣйствія на публику по понятнымъ и общеизвѣстнымъ причинамъ. Фамиліныя традиціи и личные взгляды Вильгельма II направляютъ всѣ его симпатіи въ сторону реакціонныхъ носителей государственной власти въ Россіи; въ то же время свойственное ему расчетливое честолюбіе дѣлаетъ для него вполне возможнымъ и желательнымъ активное вмѣшательство въ дѣла сосѣдней имперіи, при наступленіи извѣстныхъ событій. Берлинскій дворъ издавна принималъ близкое участіе въ заботахъ русской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Пруссія предложила намъ свою помощь въ подавленіи польскаго возстанія, и въ этомъ смыслѣ заключена была конвенція 1863 года, дававшая пруссакамъ право, въ случаѣ надобности, занимать своими войсками пограничныя русскія области; повднѣ, императоръ Вильгельмъ I неоднократно вліялъ на рѣшенія русской дипломатіи своими родственными совѣтами и письмами; въ 1880 году онъ предостерегалъ императора Александра II противъ введенія парламентской конституціи, ссылаясь на свои тягостныя испытанія въ эпоху конфликта съ прусскимъ народнымъ представительствомъ изъ-за военнаго бюджета. Нынѣшній германскій императоръ старается вообще слѣдовать по стопамъ своего знаменитаго дѣда; онъ несомнѣнно играетъ нѣкоторую

роль въ нашихъ китайскихъ увлеченіяхъ и предпріятіяхъ, и онъ не разъ обнаруживалъ свой особый интересъ къ тѣмъ событіямъ и колебаніямъ, которыми сопровождалось русское освободительное движеніе, причѣмъ съ своей стороны, черезъ посредство прусской администраціи, оказывалъ всякую помощь и поддержку охранительнымъ и карательнымъ усиліямъ нашего правительства въ борьбѣ съ крамольниками, попавшими въ предѣлы Пруссіи. Ошибочно было бы думать, что условія конституціонной жизни Германіи не позволяютъ Вильгельму II поддаваться личнымъ внушеніямъ и порывамъ во внѣшней политикѣ; еще недавно, въ шекотливомъ для Франціи мароккескомъ вопросѣ, онъ наглядно показалъ, что можетъ въ каждый данный моментъ, по собственному своему почину, поставить на карту общій миръ Европы, несмотря на безспорное миролюбіе германскаго народа и парламента. Въ сферѣ международной предпримчивости, не требующей предварительныхъ денежныхъ затратъ, онъ пользуется полной свободой рѣшенія, и если онъ не злоупотребляетъ этой свободой, то только въ силу присущаго Гогенцоллернамъ чувства патриотическаго долга, побуждающаго ихъ считать своимъ высшимъ призваніемъ добросовѣстное служеніе реальнымъ интересамъ государства. Общественное мнѣніе Германіи вовсе не раздѣляетъ симпатій Вильгельма II къ официальной Россіи, и однако это не мѣшаетъ прусскому правительству оказывать существенныя услуги русской политической полиціи; нѣмецкая нація очень мало интересовалась судьбою Марокко и вовсе не расположена была ссориться съ Франціей, и тѣмъ не менѣе, по волѣ Вильгельма II, германская дипломатія должна была усиленно заниматься этимъ вопросомъ, не останавливаясь передъ рискомъ опасныхъ международныхъ осложненій; точно такъ же ничто не гарантируетъ насъ отъ дѣятельнаго вмѣшательства берлинскаго кабинета въ наши русскія дѣла, когда событія примутъ оборотъ, благоприятный для такого вмѣшательства, и когда послѣднее будетъ признано выгоднымъ для Германіи. Не требуется даже особыхъ предварительныхъ переговоровъ для того, чтобы подготовить почву для „дружественныхъ“ мѣропріятій извѣстнаго рода: эта почва создается обстоятельствами, при которыхъ традиціонная дружба можетъ принять форму активнаго и энергическаго участія. Очень можетъ быть, что въ ожиданіи такого критическаго момента Германія пожелала бы предварительно условиться съ другою сосѣдкою Россіи, Австро-Венгріей; но вѣнскій кабинетъ, разумѣется, ограничился бы въ этомъ случаѣ положеніемъ пассивнаго сообщника и не могъ бы брать на себя никакой отвѣтственной роли. Дѣйствительнымъ источникомъ тревоги, выражающейся въ газетныхъ толкахъ о вмѣшательствѣ, служить чрезмѣрная широта личныхъ полномочій германскаго императора. Самое

существованіе такого порядка вещей, при которомъ судьба народовъ и государствъ зависитъ отъ настроенія, взгляда или увлеченія одного лица, не можетъ признаваться нормальнымъ, и это положеніе неизбежно вызываетъ общее хроническое безпокойство даже при безусловномъ довѣрїи къ намѣреніямъ и побужденіямъ центральной личности; но если центральная фигура обладаетъ свойствами Вильгельма II, то самыя неожиданныя политическія предпрїятія не выходятъ изъ предѣловъ возможнаго. Другими словами, опасность существуетъ независимо отъ какихъ бы то ни было искусственныхъ дипломатическихъ комбинацій или закулисныхъ плановъ: она существуетъ вопреки общему миролюбію и чувству справедливости западно-европейскихъ народовъ, и мы должны постоянно имѣть это въ виду при обсужденіи вѣроятныхъ послѣдствій дальнѣйшей внутренней неурядицы въ Россіи.

По мѣрѣ того какъ разрастается неурядица въ нашей несчастной странѣ, международное положеніе становится все болѣе проблематичнымъ и неопредѣленнымъ, полнымъ угрозъ для ближайшаго будущаго; и тѣмъ не менѣе у насъ ничего не предпринимается для того, чтобы ослабить тяжелый кризисъ и приблизить его мирную развязку. Многие дѣлаются какъ бы нарочно для усиленія грозной опасности, въ смутной надеждѣ покончить съ нею впоследствии однимъ ударомъ; доброжелательные иностранные наблюдатели не понимаютъ этой своеобразной черты русской внутренней политики, и потому ничего не поняли въ актѣ внезапнаго роспуска перваго русскаго парламента, съ которымъ связаны были такія широкія и свѣтлыя ожиданія народныхъ массъ. Повсюду въ Европѣ вѣсть объ этомъ актѣ возбудила недоумѣніе, смѣшанное отчасти съ нѣкоторымъ чувствомъ страха; сильный упадокъ курса русскихъ процентныхъ бумагъ повлекъ за собою общее разстройство дѣлъ на главныхъ заграничныхъ биржахъ; всѣ задавались вопросомъ: что будетъ дальше?—и самыя мрачныя предсказанія признавались наиболѣе вѣроятными. Французскій офиціозный „Temps“, долго державшійся слащаваго дипломатическаго тона въ разсужденіяхъ о Россіи и русскомъ правительствѣ, заговорилъ теперь рѣзко, съ явнымъ раздраженіемъ. Газета называетъ „роковою и, быть можетъ, непоправимою ошибкой“ роспускъ Государственной Думы, послѣ того, какъ ее съ самаго начала лишили нормальныхъ условій совмѣстной мирной работы съ правительствомъ; совѣтники, внушившіе эту мѣру, „взяли на себя страшную отвѣтственность“, которому ничѣмъ нельзя оправдать, ибо большинство народныхъ представителей отличалось умѣренностью и благоразуміемъ, тогда какъ министерство поражаю своимъ ничтожествомъ и бездарностью. По мнѣнію „Temps“, не было ни малѣйшаго основанія къ тому, чтобы пожертвовать Думой ради подобнаго министерства и „ввергнуть страну въ кризисъ, которому

не предвидится конца". Вѣчно надѣяться на репрессію невозможно; и „чѣмъ подавлять, и во имя чего?" Обвиняя Думу въ незаконныхъ поступкахъ и въ превышеніи своихъ полномочій, правительство, какъ замѣчаетъ „Times", упустило изъ виду, что оно само стоитъ не на почвѣ законности и что никакихъ твердыхъ законовъ въ Россіи не существуетъ: „пока не восстановлено въ странѣ господство законности, до тѣхъ поръ тщетно будутъ повторяться призывы къ повиновенію законамъ". Обѣщанія крупныхъ либеральныхъ реформъ въ программѣ новаго кабинета даютъ поводъ удивляться, почему эти реформы относятся всегда къ неопредѣленному будущему, а въ настоящемъ не видно ничего, кромѣ репрессіи. Французскія газеты, въ томъ числѣ и „Times", ясно намекаютъ на то, что русское правительство въ своихъ переменчивыхъ и опасныхъ рѣшеніяхъ слишкомъ мало принимаетъ во вниманіе интересы союзниковъ и кредиторовъ, и это чувство обиды является господствующимъ въ отзывахъ французской печати о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но французы долго находились въ дружбѣ съ официальной Россіей, не справляясь объ ея отношеніяхъ къ народу и не заботясь ни о какихъ русскихъ реформахъ; послѣдній крупный заемъ они предоставили ей ранѣ созыва Думы, такъ что ихъ теперешніе горячіе доводы противъ ея распущенія свидѣлствуютъ лишь о совершившейся переменѣ въ ихъ руссофильскихъ чувствахъ: прежде французскіе республиканцы вѣрили въ могущество и авторитетъ русской бюрократіи, а теперь утратили въ нее всякую вѣру. Болѣе послѣдовательны и устойчивы сужденія англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ о русскомъ кризисѣ: и тѣ и другія большею частью относятся отрицательно къ реакціонному русскому правительству, хотя отдѣльные консервативные органы откровенно одобряютъ реакцію и репрессію для русскихъ. Лондонскій „Times" крайне сурово отзывается о роспускѣ Думы и о самомъ способѣ совершенія этого акта; мотивы принятой мѣры представляются ему совершенно недостаточными: предлогомъ послужило проектированное обращеніе къ народу, имѣвшее цѣлью побудить крестьянъ сохранить спокойствіе до выработки аграрнаго закона; правда, въ этомъ обращеніи содержатся также критическія замѣчанія противъ министерства, но отставка послѣдняго ожидалась уже со дня на день, и критика Думы въ сущности только предупреждала событіе за нѣсколько дней или часовъ. Упомянувъ о коренномъ противорѣчій между прежними манифестами и новѣйшими указами, „Times" специально указываетъ на разочарованіе и недовольство общественнаго мнѣнія во Франціи и въ другихъ странахъ, гдѣ послѣдній заемъ былъ помѣщенъ подъ условіемъ соблюденія возмѣщенной русской конституціи: это условіе не формулировалось прямо, но всегда подразумѣвалось, и слѣдовательно можно видѣть здѣсь на-

рушеніе довѣрія. Послѣдній аргументъ кажется довольно сомнительнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности капиталисты едва ли интересовались судьбою русской конституціи; свой интересъ къ этому дѣлу они проще всего обнаружили бы, отсрочивъ заключеніе русскаго займа до созыва Думы и назначенія либеральнаго министерства,—чего они, однако, не сдѣлали. Отъ капиталистовъ-банкировъ и биржевиковъ никто не ждетъ высокихъ побужденій, и для публики безразлично, какъ они смотрятъ на текущіе политическіе вопросы; но биржа по-своему вѣрно учитываетъ значеніе извѣстныхъ фактовъ, и если курсъ послѣдняго русскаго займа упалъ на десять процентовъ, то это симптомъ весьма краснорѣчивый.

Каковы бы ни были основанія и мотивы различныхъ взглядовъ, высказываемыхъ въ западной Европѣ по поводу русскаго политическаго кризиса, во всякомъ случаѣ сочувственное отношеніе къ нашему первому парламенту было всеобщимъ и единодушнымъ, и оно выражалось иногда въ самыхъ трогательныхъ формахъ. Государственная Дума, какъ мы упоминали уже въ прошломъ обзорѣ, сразу заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ представительныхъ собраній и приобрѣла необыкновенную популярность во всемъ культурномъ мірѣ. Всѣ цѣнили свѣжую энергію, искренность и реформаторскій пылъ первой русской палаты, относились снисходительно къ ея недостаткамъ и прощали ей избытокъ рѣчей, понимая ея исключительное положеніе, какъ единственнаго открытаго клапана для свободнаго голоса націи, для накопившихся жалобъ, требованій и протестовъ населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ было ясно, что Дума не можетъ правильно исполнять свои функціи, имѣя предъ собою завѣдомо-враждебное министерство стараго реакціоннаго типа. Многихъ смущали смѣлые аграрные проекты, направленные какъ будто къ отрицанію частной поземельной собственности; но эти проекты, послѣ выработки и принятія ихъ Думою, подверглись бы еще разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, и нельзя было еще предвидѣть, въ какую окончательную форму они вылились бы при утвержденіи закона. Самая смѣлость аграрной реформы, задуманной при дѣятельномъ участіи и сочувствіи значительной массы землевладѣльцевъ, напоминала собою лучшіе порывы коллективнаго великодушія и самоотверженія въ исторіи европейскихъ парламентовъ.

Наиболѣе рѣшительно и авторитетно выразились симпатіи къ Государственной Думѣ въ классической странѣ парламентаризма—Англіи. Въ Лондонѣ долженъ былъ состояться сѣздъ междупарламентской конференціи мира, при участіи около 570 делегатовъ иностранныхъ парламентовъ, сверхъ значительнаго числа членовъ обѣихъ британскихъ палатъ. На этотъ сѣздъ были впервые приглашены предста-

вители русской Государственной Думы, и по выбору ея отправилось въ Лондонъ шесть депутатовъ, съ М. М. Ковалевскимъ во главѣ. Въ день торжественнаго открытія конференціи, 23-го іюля (нов. ст.), былъ уже извѣстенъ актъ распущенія Думы, и по этому поводу ярко обозначилась та крупная историческая роль, которая приписывалась англичанами нашему юному, безвременно скончавшемуся парламенту. Впечатлѣніе, произведенное совершившимся фактомъ, какъ видно даже изъ сдержаннаго отчета „Times“, было настолько сильно, что не позволяло собранію спойкой заняться обсужденіемъ намѣченныхъ вопросовъ о международномъ третейскомъ судѣ и разоруженіи. Собраніе засѣдало въ роскошной королевской галерей Вестминстерскаго дворца, прилегающей къ палатѣ лордовъ. „Въ виду извѣстія о роспускѣ Думы, — говорится въ „Times“, — большой и всеобщій интересъ возбуждался присутствіемъ делегатовъ этого учрежденія, профессора М. Ковалевскаго, М. Острогорскаго, Ѳ. Родичева, г. Свѣчина и профессора Васильева, которымъ оказаны были многочисленныя знаки уваженія и сочувствія представителями всѣхъ національностей. Упомянутыя о Думѣ, которыя дѣлались различными ораторами, вызывали замѣчательныя демонстраціи со стороны членовъ: всѣ неоднократно вскакивали съ своихъ мѣстъ, поднимали руки по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли русскіе, и рукоплескали съ энтузіазмомъ“. Центральнымъ интересомъ засѣданія была, конечно, рѣчь главы кабинета, сэра Кемпбелля-Баннермана. Премьеръ привѣтствовалъ делегатовъ отъ имени британскаго правительства и націи, и заявилъ, что онъ уполномоченъ также привѣтствовать ихъ отъ имени короля. Выразивъ надежду, что совѣщанія конференціи помогутъ болѣе тѣсному взаимному пониманію и сближенію между націями, онъ указалъ на постепенный ростъ движенія въ пользу международного мира и третейскаго суда, и затѣмъ продолжалъ: „Въ связи съ этимъ я не могу удержаться отъ того, чтобы не сказать отъ себя и по всей вѣроятности отъ имени каждаго изъ участниковъ этого историческаго собранія, какъ рады мы привѣтствовать въ нашей средѣ представителей самаго младшаго изъ парламентовъ — русской Думы (громкія рукоплесканія, причемъ делегаты нѣсколько разъ встанутъ и привѣтствуютъ делегатовъ Думы). Мы глубоко цѣнимъ обстоятельства появленія ихъ между нами. Можно считать хорошимъ симптомомъ для вашего движенія и для будущности Европы, что первымъ официальнымъ актомъ русскаго парламента въ области иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи было избраніе делегатовъ для участія здѣсь въ Вестминстерѣ, совместно съ нами, въ подтвержденіи тѣхъ великихъ принциповъ мира и доброжелательства, которые такъ сильно двинуты были впередъ главою русскаго государства, инициаторомъ первой Гаагской конференціи (рукоплеска-

ніа). Я не дѣлаю комментаріевъ по поводу извѣстія, дошедшаго до насъ сегодня утромъ; здѣсь не мѣсто и не время для этого. Мы не достаточно знакомы съ фактами, чтобы имѣть возможность оправдывать или критиковать. Но по крайней мѣрѣ мы, основывающіе свою увѣренность и свои надежды на парламентской системѣ, можемъ сказать: новыя учрежденія имѣютъ часто тревожную, если не бурную молодость. Дума воскреснетъ въ той или другой формѣ. Мы можемъ сказать съ полной искренностью: „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!“ (долгія и продолжительныя рукоплесканія). Остальная часть рѣчи была посвящена задачамъ всеобщаго мира и разоруженія, которымъ британскій премьеръ придаетъ не отвлеченную, а реальную политическую важность; онъ положительно высказалъ отъ имени Англии и ея короля рѣшимость достигнуть международнаго соглашения, съ цѣлью сократить вооруженія и облегчить тяжесть бюджетовъ военнаго и морского, и къ этой цѣли онъ совѣтовалъ делегатамъ настойчиво стремиться, чтобы способствовать успѣху будущей международной конференціи въ Гаагѣ. Послѣ отвѣтной рѣчи венгерскаго делегата, графа Альберта Анноны, М. М. Ковалевскій заявилъ отъ себя и отъ имени своихъ коллегъ, что они считаютъ свою миссію оконченною вслѣдствіе распушенія Думы и должны немедленно уѣхать въ Россію съ твердымъ рѣшеніемъ продолжать великую борьбу за свободу и всеобщій миръ. Бельгійскій сенаторъ Лафонтэнъ отъ имени всего собранія просилъ русскихъ делегатовъ остаться и считать себя членами конференціи до конца, но представители Думы удалились при общемъ выраженіи сочувствія и сожалѣнія.

Такимъ образомъ делегаты Думы были героями дня на между-парламентской конференціи мира въ Лондонѣ; имъ пришлось выслушать знаменитую, ставшую историческою фразу британскаго премьера: „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!“. Парижскій „Темпс“ предупредительно увѣряетъ публику, что эти слова, взятія въ связи съ остальнымъ текстомъ рѣчи, не имѣютъ того характера рѣзкой критики по адресу русскаго правительства, какой приписывался ему на первыхъ порахъ. Но возгласъ сэра Кэмпбелля-Баннермана одинаково ясенъ, какъ ни читать его: это прежде всего выраженіе безусловнаго сочувствія къ русскому народному представительству, признаніе его жизненности и законныхъ правъ на существованіе, и торжественное пожеланіе его скорѣйшаго возрожденія. Никакой критики, ни рѣзкой, ни мягкой, по адресу русскаго правительства, тутъ не содержится; премьеръ даже прямо оговаривается, что не беретъ на себя роли судьи въ этомъ дѣлѣ; онъ высказывается только какъ представитель „матери парламентовъ“ и лучшей въ мірѣ системы конституціоннаго управленія, и въ этомъ случаѣ онъ является весьма авторитетнымъ

экспертомъ. Онъ знаетъ, что первыя парламентскія собранія способны сами увлекаться и поражать другихъ новизною своей роли, и что поэтому первоначальная ихъ исторія повсюду имѣетъ безпокойный или бурный характеръ. Дѣатели стараго режима органически неспособны оцѣнить законныя притязанія народнаго представительства и могутъ отрицать ихъ по недоразумѣнію, объявляя заранѣе „недопустимыми“ тѣ законодательные проекты, которые признаютъ настоятельно нужными для страны ея избранники;—для англичанъ подобныя конфликты кажутся уже невѣроятными, и такіе министры, какъ гг. Горемыкинъ и Стишинскій, принадлежать для нихъ къ области историческихъ анекдотовъ, но при нѣкоторомъ усилии ума и воображенія можно понять эти тягостныя курьезы, и, очевидно, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ понимаетъ ихъ. Загадочнымъ для иностранцевъ остается только одно обстоятельство: зачѣмъ было созывать Думу для законодательнаго строительства и умиротворенія, если предполагалось сохранить прежнее господство бюрократіи и оставить за нею рѣшающее слово даже въ вопросахъ законодательныхъ? Это недоумѣніе чувствуется и въ немногихъ словахъ британскаго премьера; оно подсказываетъ ему мысль, что старый режимъ еще борется у насъ за свое владычество надъ народомъ и имѣетъ шансы временной побѣды. Именно въ виду этого колеблющагося переходнаго положенія русскихъ дѣлъ, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ считалъ себя въ правѣ, никого не обвиняя и не оправдывая, высказать, какъ посторонній наблюдатель, свое твердое убѣжденіе, — которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе всего культурнаго міра и лучшей части русскаго народа, — что побѣда не можетъ принадлежать мертвящей силѣ самовластиа, и что рано или поздно должна окончательно восторжествовать идея народнаго права, которое, хотя и въ несовершенной формѣ, олицетворялось у насъ Государственной Думой. Если Россія имѣетъ будущее, то она не останется подъ властью мертвящаго начала и получить свое правильно организованное народное представительство, какъ необходимую гарантію свободнаго національнаго развитія; въ противномъ случаѣ русскому государству грозила бы участь Турціи или Китая. Возгласъ сэра Кемпбелля-Баннермана выражаетъ, съ одной стороны, глубокую вѣру въ жизненную будущность русской націи, а съ другой — надежду и желаніе установить съ этой будущей обновленною Россією близкія дружественныя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи и уваженїи. Но могъ ли онъ, какъ официальное лицо, какъ глава британскаго правительства, высказывать публично свое мнѣніе о вѣроятномъ исходѣ русскаго внутренняго кризиса? Не нарушилъ ли онъ этимъ общеобязательнаго международнаго принципа, запрещающаго государственнымъ дѣателямъ и особенно министрамъ

касаться въ своихъ рѣчахъ внутреннихъ дѣлъ чужой державы? По отношенію къ официальной Россіи—именно той, которая воплощается бюрократією и не признаетъ народнаго представительства,—онъ поступилъ, быть можетъ, не совсѣмъ корректно, но зато онъ показалъ себя искреннимъ другомъ новой, народной, самоуправляющейся Россіи, которая не забудетъ его благородныхъ словъ, прозвучавшихъ бодрымъ призывомъ сочувствія въ одинъ изъ труднѣйшихъ моментовъ русской политической жизни. Очевидно, въ глазахъ перваго министра Англій русская придворная бюрократія уже не представляетъ собой той прочно властвующей силы, какою она была или казалась еще недавно, и это обстоятельство имѣетъ также значеніе весьма характернаго и внушительнаго симптома. Всѣ передовые культурные народы и почти всѣ ихъ политическіе дѣятели стоятъ на сторонѣ русскихъ освободительныхъ стремленій въ ихъ борьбѣ противъ абсолютизма: таковъ безспорный общій выводъ изъ всего того, что говорится и дѣлается на Западѣ по поводу нашихъ печальныхъ русскихъ дѣлъ.

Междунарламентская конференція мира (14-ая по счету), ознаменовавшая себя приведенными выше заявленіями въ честь русскаго народнаго представительства, успѣла сдѣлать кое-что и по предмету своихъ специальныхъ занятій. Очень важно было то, что говорилъ въ той же рѣчи британскій премьеръ отъ имени Англій. „Правительство его величества,—сказалъ онъ между прочимъ,—зная предметъ вашей задачи, присоединяется къ ней отъ всего сердца и безъ всякихъ оговорокъ. Никто не желаетъ сильнѣе насъ, чтобы ваши совѣщанія содѣйствовали установленію возможно болѣе полнаго согласія между всѣми націями міра. Ваше дѣло едва только началось, и вы уже успѣли достигнуть того, чтобы это желаніе общаго мира приняло опредѣленную форму и могло сдѣлаться вскорѣ, какъ мы надѣемся, реальностью. Между тѣмъ не далеко отъ насъ то время, когда собраніе, подобное настоящему, вызывало лишь насмѣшки людей, считающихъ себя практичными. Васъ называли бы мечтателями за ваше стремленіе замѣнить жестокую и бессмысленную военную борьбу обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ на основахъ права и справедливости. Забудемъ эти мрачныя времена и постараемся быть снисходительными къ нашимъ ближнимъ, жертвамъ своей эпохи. Мы всѣ—рабы нашихъ способностей мысли и дѣйствій. Приучая народы къ мысли о разрѣшеніи третейскимъ судомъ споровъ, которыхъ дипломатія регулировать не можетъ, вы мало-по-малу снимаете повязку съ человѣческихъ глазъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, державами заключено не менѣе тридцати восьми конвенцій о третейскомъ судѣ, а только съ октябри

1903 года начались эти мирныя соглашенія. Благодаря лорду Лэнсдоуну, Великобританія подписала съ десятью другими государствами договоры, въ силу которыхъ будутъ передаваться на разсмотрѣніе постоянного третейскаго трибунала въ Гаагѣ всѣ легальные вопросы и всѣ споры, относящіеся къ толкованію трактатовъ, если они окажутся неразрѣшимыми для дипломатіи. Правда, значеніе этихъ конвенцій умаляется оговоркою о томъ, что третейскому суду не подлежатъ разногласія, касающіяся жизненныхъ интересовъ, независимости или чести договаривающихся сторонъ. Но принципъ арбитража все болѣе и глубже проникаетъ въ общее сознаніе, и этимъ готовится примѣненіе его въ болѣе обширной области. Мы видѣли, что вопросы, возбуждавшіе на первыхъ порахъ народныя страсти, получали мирное разрѣшеніе только потому, что ихъ отдавали на разсмотрѣніе особой посреднической комиссіи, какъ это было съ инцидентомъ въ Сѣверномъ морѣ; и было бы очень полезно, прежде чѣмъ соберется ожидаемый конгрессъ въ Гаагѣ, внимательно разсмотрѣть разнообразныя формы, подъ которыми могли бы быть предоставлены такому трибуналу всѣ вообще международные споры, ибо желательно открыть какъ можно шире двери для всѣхъ способовъ, могущихъ такъ или иначе привести къ умиротворенію и разрѣшенію этихъ споровъ. Но, несмотря на всѣ усилія народовъ и правительствъ, миръ продолжаетъ имѣть видъ огромнаго вооруженнаго лагеря. Если судить по военнымъ и морскимъ бюджетамъ великихъ державъ, то можно было бы подумать, что мы живемъ въ такомъ мирѣ, гдѣ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ нѣтъ другихъ мѣръ, кромѣ примѣненія грубой силы, и гдѣ понятія арбитража и соглашенія совершенно неизвѣстны. Съ одной стороны мы видимъ, что вся мыслящая Европа стоитъ за сохраненіе мира, а съ другой—повсюду и непрерывно дѣлаются грандіозныя приготовленія къ войнѣ. Этотъ порядокъ смущаетъ нашъ умъ и унижаетъ наше достоинство, какъ людей цивилизованныхъ. Если мы спросимъ, достигается ли цѣль этихъ вооруженій, мы наталкиваемся на другой парадоксъ: всѣ жертвы деньгами и людьми не вознаграждаются внутреннимъ сознаніемъ нашей безопасности; эти одновременныя и прогрессивныя вооруженія не приводятъ къ желанной цѣли. Сила вызываетъ силу, страхъ порождаетъ страхъ;—мы гонимся за призракомъ безопасности, который постоянно исчезаетъ при нашемъ приближеніи. Силы народовъ истощаются въ приготовленіяхъ, которымъ не предвидится конца и которыя не кончаются ни союдами, ни войною, и безплодно растрачиваются такимъ образомъ резервы, необходимыя для государства въ минуту опасности,—еслибы такая минута когда-нибудь наступила,—а именно благосостояніе, энергія, жизненная производительность населенія... Говорятъ, что демократія

столь же воинственна, какъ и всякая другая форма правительства. Но демократія, какою мы ее знаемъ теперь, есть поздній плодъ человѣческаго прогресса; она едва имѣла время выработать въ себѣ сознаніе своей истинной силы и еще менѣе могла фактически проявить эту силу въ международныхъ отношеніяхъ. Связи дружбы и уваженія все тѣснѣе сближаютъ народы; наступитъ время, когда ничто уже не скроетъ отъ нихъ того факта, что они—жертвы войны и милитаризма, что вооруженія поглощаютъ плоды ихъ работы, останавливаютъ движеніе прогресса и превращаютъ въ губительную силу ту прекрасную творческую энергію, которая составляетъ славу человечества... Приближается моментъ, котораго мы всѣ ожидаемъ съ интересомъ, надеждой и тревогой,—когда делегаты различныхъ націй вновь соберутся въ Гаагѣ, чтобы продолжать свои труды на пользу мира. Возвратившись теперь въ свои отечественныя страны, заявите своимъ правительствамъ, что примѣры лучше принциповъ, что факты говорятъ сильнѣе словъ,—настаивайте, во имя человечества, чтобы вамъ дана была возможность идти на эту Гаагскую конференцію, какъ мы сами надѣемся идти, съ намѣреніемъ сократить военные бюджеты; просите ваши правительства отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ добрымъ взаимнымъ чувствамъ націй при предстоящихъ въ Гаагѣ совѣщаніяхъ, и на будущемъ вашемъ съѣздѣ, черезъ годъ, вы, быть можетъ, уже увидите плоды своихъ усилій“.

Эта рѣчь британскаго премьера пріобрѣтаетъ особенно крупное политическое значеніе, если вспомнить, что Англія отличалась до сихъ поръ наиболѣе упорнымъ консерватизмомъ въ вопросахъ международного права, что она была главной противницей всякихъ общихъ соглашеній, стѣсняющихъ свободу дѣйствій отдѣльныхъ державъ, и относилась скептически къ широкимъ задачамъ первой Гаагской конференціи. Совершившаяся перемѣна въ чувствахъ и взглядахъ Англіи обезпечиваетъ успѣхъ многихъ реформаторскихъ предположеній, которыя прежде систематически отвергались лондонскимъ кабинетомъ. Оттого вторая Гаагская конференція можетъ оказаться важнѣе первой, по результатамъ своихъ трудовъ, и приготовительныя работы членовъ междунаропарламентскаго союза, какъ и вообще сторонниковъ и проповѣдниковъ идеи мира, получатъ болѣе широкое и плодотворное примѣненіе. Въ засѣданіи 23 іюня приняты были, по инициативѣ американцевъ, слѣдующія двѣ резолюціи: „было бы желательно дать Гаагскимъ конференціямъ болѣе прочное и постоянное вліяніе на дѣло умиротворенія и установить періодическія собранія этихъ конференцій; затѣмъ, при назначеніи своихъ представителей на вторую Гаагскую конференцію, державы могли бы съ пользою включать въ ихъ инструкціи обязанность содѣйствовать учрежденію постояннаго

совѣщательнаго комитета, уполномоченнаго готовить кодификацію и развитіе международнаго права“. Австрійскій делегатъ, баронъ фонъ-Пленеръ, предложилъ дополнить существующія конвенціи объ арбитражѣ правиломъ, чтобы, въ тѣхъ случаяхъ, когда по договору обязательно примѣненіе третейскаго суда, державы не прибѣгали сразу къ какимъ бы то ни было враждебнымъ мѣрамъ, а чтобы предварительно требовали учрежденія международной слѣдственной комиссіи или обратились къ добрымъ услугамъ другихъ государствъ. Въ подкрѣпленіе этого проекта американскій делегатъ, извѣстный дѣятель и ораторъ Брайанъ, провнесъ въ засѣданіи 24 іюля блестящую и горячую рѣчь, въ которой указалъ на необходимость, при трудныхъ и щекотливыхъ международныхъ вопросахъ, отдалить моментъ принятія рѣшенія отъ момента возбужденія, такъ какъ „человѣкъ возбужденный—совсѣмъ другое животное, чѣмъ человѣкъ спокойный“, а важные вопросы народнаго существованія должны быть рѣшаемы не подъ вліяніемъ страсти и раздраженія, а въ спокойномъ состояніи, путемъ обсужденія. Въ то же время Брайанъ коснулся общей темы о войнѣ и военной славѣ; героическая смерть нерѣдко превозносится больше, чѣмъ полезная, благородная жизнь, и это, по его мнѣнію, глубоко несправедливо: жизнь, наполненная трудомъ для блага страны, такъ же вдохновляетъ и возвышаетъ людей своимъ примѣромъ, какъ самоотверженная гибель на полѣ битвы,—и, напр., долгая общественная и національная служба Гладстона даетъ не менѣе цѣнные образцы современникамъ и потомству, чѣмъ подвиги и смерть Нельсона. Съ этими мыслями всѣ были согласны, и Брайанъ имѣлъ шумный успѣхъ. Французскіе представители, баронъ д'Этурнель-де-Констанъ и депутатъ Мессими, краснорѣчиво предлагали положить предѣлъ вооруженіямъ; членъ палаты общинъ, Робертсонъ, внесъ резолюцію, въ которой выражалась надежда, что „предстоящая Гаагская конференція на первомъ же своемъ собраніи займется этимъ предметомъ и установитъ основы соглашенія между государствами съ цѣлью совмѣстно и равномерно сократить вооруженія“. Профессоръ Эйхгофъ, отъ имени нѣмецкихъ делегатовъ, присоединился къ этому пожеланію; бельгійскій сенаторъ Бернаэртъ и американецъ Бертонъ высказались въ томъ же духѣ, но графъ Гоблѣ д'Альвіелла поставилъ точку на і, затронувъ вопросъ о главномъ оплотѣ современнаго милитаризма—Германіи: „Положеніе зависитъ исключительно отъ Германіи. Если Германія откажется, то никто не согласится сокращать вооруженія; нѣмецкая нація миролюбива, и самъ императоръ несомнѣнно желаетъ мира, но надо считаться съ фактами. Недостаточно еще того, чтобы Франція, Англія, Россія, Італія и Соединенные штаты вопли между собою въ соглашеніе,—если одна держава останется въ сторонѣ и возьметъ на

себя роль руководящей силы въ Европѣ“. Въ заключительномъ засѣданіи 25-го іюля баронъ д'Этурнель-де-Констанъ формулировалъ пожеланія съѣзда въ томъ смыслѣ, что вопросъ о сокращеніи вооруженій долженъ быть включенъ въ программу ближайшей Гаагской конференціи и что члены междунароламентскаго союза обязаны предварительно поставить этотъ вопросъ въ своихъ парламентахъ и передъ своими правительствами. Собраніе закончилось торжественнымъ завтракомъ въ Вестминстеръ-Голлѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, причемъ произнесены были рѣчи спикеромъ палаты общинъ, графомъ Аппонъ, Брайаномъ и барономъ д'Этурнель-де-Констаномъ.

Знаменитое дѣло Дрейфуса, такъ долго волновавшее Францію, получило свою окончательную развязку въ рѣшеніи соединенныхъ палатъ верховнаго кассационнаго суда, отъ 12-го іюля, которымъ установленъ фактъ совершившейся судебной ошибки и безусловно признана невинность дважды осужденнаго и опозореннаго офицера. Первый приговоръ военнаго суда, состоявшійся въ 1894 году и приведенный тогда же въ исполненіе, былъ подвергнутъ пересмотру только пять лѣтъ спустя, когда открылся дѣйствительный авторъ письма (bordereau), послужившаго главнѣйшею уликою противъ Дрейфуса; но писавшій бордеро майоръ Эстергази, преданный суду, былъ оправданъ, а вторичное разбирательство дѣла Дрейфуса въ 1899 г. въ реннскомъ военномъ судѣ было обставлено цѣлымъ рядомъ подлоговъ, фальшивыхъ свидѣтельскихъ показаній и фантастическихъ экспертизъ, приведшихъ къ новому, хотя и болѣе мягкому, обвинительному приговору. Постепенно эти подлоги раскрывались, мнимыя доказательства виновности оказывались болѣе или менѣе искусными поддѣлками, и подъ вліяніемъ этихъ разоблаченій министерство юстиціи въ концѣ 1903 года вновь предписало перенести дѣло Дрейфуса на разсмотрѣніе уголовной палаты кассационнаго суда, которая въ мартѣ 1904 г. признала законныя основанія для пересмотра. Съ тѣхъ поръ производилась тщательная провѣрка документовъ и показаній, и только въ іюнѣ настоящаго года началось формальное разсмотрѣніе дѣла въ кассационномъ судѣ. Посвятить этому дѣлу пятнадцать засѣданій, судъ нашелъ, что, за устраненіемъ поддѣлокъ, ничего не остается изъ обвиненій противъ Дрейфуса, и что не существуетъ ничего такого, что могло бы быть ему поставлено въ вину какъ преступленіе и проступокъ, а потому приговоръ военнаго суда въ Реннѣ, обвинившій его „по ошибкѣ и неправильно“, уничтоженъ безъ передачи дѣла въ другой судъ, съ предоставленіемъ Дрейфусу права на возмѣщеніе убытковъ и на публикацію приговора въ пятидесяти газетахъ по его выбору, сверхъ

расклепки его на улицахъ Ренна и Парижа. Дрейфусъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ какого бы то ни было возмѣщенія убытковъ, и правительству оставалось только признать за нимъ всѣ права по военной службѣ, начиная съ 1894 года; въ этомъ смыслѣ былъ тотчасъ же внесенъ въ палату депутатовъ специальный проектъ закона о повышеніи капитана Дрейфуса въ майоры, съ назначеніемъ эскадроннымъ командиромъ, что и было утверждено большинствомъ 473 противъ 42 голосовъ. Одновременно былъ восстановленъ въ правахъ благородный заступникъ неправильно осужденнаго, пожертвовавшій всей своей карьерою во имя торжества правды, полковникъ Ишкаръ; онъ произведенъ въ бригадные генералы, съ зачисленіемъ времени отставки въ дѣйствительную службу, что также одобрено палатой 477 голосами противъ 27. Такъ окончилась исторія французскаго офицера-еврея, пожелавшаго служить при главномъ штабѣ, въ самомъ центрѣ клерикальнаго офицерства, и поплатившагося за это многими годами незаслуженныхъ страданій и униженій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

R. Garnett. De Flagello Myrteo. London, 1906.

Три мѣсяца тому назадъ умеръ одинъ англійскій писатель, о которомъ всѣ знавшіе его лично говорятъ какъ о рѣдкостномъ явленіи въ литературномъ мірѣ. Этотъ писатель — д-ръ Ричардъ Гарнетъ, ученый историкъ литературы и библиографъ, — въ то же время и авторъ изысканныхъ, самобытныхъ художественныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Для характеристики д-ра Гарнета можетъ служить лучше всего то, что этотъ почтенный ученый умеръ семидесяти-одного года, — и его послѣдняя книга, вышедшая въ свѣтъ незадолго передъ смертью автора, носить названіе „De Flagello Myrteo“ и представляетъ сборникъ афоризмовъ о любви. Книга появилась безъ имени автора, но ея принадлежность д-ру Гарнету была извѣстна и послѣ его смерти подтверждена какъ фактъ.

Въ „De Flagello Myrteo“ вошло кое-что изъ старыхъ записей автора, но большинство собранныхъ тамъ мыслей и опредѣленій написаны недавно, въ самые послѣдніе годы. Эта небольшая книга, умная, слегка насмѣшливая и отражающая снисходительное, всепріемлющее ея отношеніе къ людямъ, признающая любовь закономъ жизни, даетъ ключъ къ пониманію оригинальной личности Ричарда Гарнета. Онъ воплотилъ въ жизни тотъ типъ книжника, какимъ-то чутьемъ угадывающаго красоту и радость жизни, который воплощенъ Анатолемъ Франсомъ въ его аббатахъ и книжникахъ прежнихъ вѣковъ, а главное — въ его обаятельномъ Бержере. Д-ръ Гарнетъ — тоже такой книжникъ, благословляющій жизнь, и „De Flagello Myrteo“ — жизненное credo, тоже своего рода „Opinions de Jérôme Coignard“ — только не Куаньяра, придуманнаго современнымъ скептикомъ, а живого собирателя книгъ и созерцателя жизни.

Д-ръ Ричардъ Гарнетъ — книжникъ по профессіи, еще болѣе чѣмъ герой Франса, ибо, любя книги для себя, онъ собиралъ и хранилъ ихъ для общаго употребленія. Гарнетъ провелъ почти всю свою жизнь въ стѣнахъ одного изъ величайшихъ книгохранилищъ міра — въ Британскомъ музеѣ. И эта жизнь не сдѣлала его сухимъ ученымъ. Напротивъ того, всѣ воспоминанія его личныхъ друзей и знакомыхъ — а ихъ было необыкновенно много въ виду его положенія въ музеѣ —

отмѣчать въ немъ его живость, открытость и доброту. А кто не зналъ его лично, тотъ можетъ убѣдиться изъ его художественныхъ произведеній, что непрерывное общеніе съ книгами не убило въ немъ ни живости фантазіи, ни любвеобильнаго отношенія къ жизни и къ людямъ.

Ричардъ Гарнетъ поступилъ въ Британскій музей мальчиномъ шестнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца, тоже бывшаго служащаго въ Британскомъ музеѣ, и прослужилъ сорокъ-восемь лѣтъ, постепенно поднимаясь въ служебной іерархіи и сдѣлавшись (въ 1890 г.) главнымъ завѣдующимъ отдѣла печатныхъ книгъ. Только въ 1899 году онъ окончательно вышелъ въ отставку. Ему было тогда 64 года (онъ родился въ 1835 году). Такимъ образомъ, д-ръ Гарнетъ былъ не только книжникомъ, но и чиновникомъ, а въ общемъ англійскіе бюрократы, члены *civil service*—самые скромные, какъ и высоко стоящіе,—только самоувѣреннѣе, а не шире умомъ и духомъ, чѣмъ наши,—сравнивая ихъ, конечно, только по психологіи, а не по отношенію ихъ къ своему гражданскому и государственному долгу. Но и какъ чиновникъ, Гарнетъ сумѣлъ остаться исключеніемъ, образцомъ любовнаго отношенія къ своему дѣлу. Къ книгамъ онъ относился не официально,—онѣ были для него источникомъ живой мудрости, и потому онъ съ такимъ рвеніемъ облегчалъ доступъ къ нимъ всѣмъ ищущимъ знанія. Онъ помогалъ имъ своей административной энергіей, своими улучшениями въ устройствѣ библиотеки музея и своими личными совѣтами и помощью всѣмъ, кто обращался къ нему. Множество воспоминаній, которыя появляются о немъ теперь въ газетахъ и журналахъ, доказываютъ, какое огромное количество людей обращались къ нему за всевозможными справками—и всѣ уходили отъ него удовлетворенные.

Никакого школьнаго и университетскаго курса Ричардъ Гарнетъ не проходилъ; жизнь среди книгъ, прямая необходимость большихъ литературныхъ знаній и, главное, знанія иностранныхъ языковъ для его служебныхъ обязанностей, сдѣлали Гарнета однимъ изъ ученѣйшихъ знатоковъ литературы, исторіи философіи, а также древнихъ и новыхъ языковъ. Университетамъ оставалось только давать ему почетные докторскіе дипломы, которые у него и были. Начало службы д-ра Гарнета въ Британскомъ музеѣ совпало съ дѣятельностью знаменитаго итальянскаго эмигранта Паницци. Про него говорили, что, владея достаточнымъ административнымъ геніемъ, чтобы управлять Италіей, онъ—волей судьбы—направилъ этотъ геній на то, чтобы сдѣлать Британскій музей тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. До него библиотека Британскаго музея была совершенно посредственной; онъ же ее поднялъ на высоту міроваго книгохранилища, обезпечивъ ей экономическую независимость и положивъ начало каталогу, составляю-

щему главное богатство и славу библиотеки, и создавъ планъ для устройства читальной залы въ ея теперешнемъ видѣ.

Продолжателемъ Паницци, умершаго въ 1879 году, сталъ Гарнетъ. Каталогъ былъ составленъ и доведенъ до конца подъ его редакціей, и, въ качествѣ директора печатнаго отдѣла, онъ обогатилъ библиотеку, сдѣлавъ очень цѣнныя приобрѣтенія и обращая специальное вниманіе на иностранный отдѣлъ. Онъ руководствовался желаніемъ сдѣлать библиотеку Британскаго музея вмѣстилищемъ знаній всего міра, притомъ для ученыхъ всѣхъ странъ. И тѣ, которые сѣзжаются со всѣхъ концовъ міра работать въ Британскій музей, поражаются почти исчерпывающимъ богатствомъ матеріала, который находятъ подъ рукой,— всѣ они будутъ относиться съ истинно благодарнымъ чувствомъ къ памяти Гарнета, второго послѣ Паницци создателя музея. Гарнетъ содѣйствовалъ также удобству въ распредѣленіи книгъ и пользованіи ими, придумалъ разныя цѣнныя приспособленія; онъ заботился о благоустройствѣ библиотеки во всѣхъ отношеніяхъ. Личныя заслуги Гарнета какъ бібліотекаря не исчерпываются, однако, его административной дѣятельностью. Онъ былъ драгоценнымъ помощникомъ всѣхъ работающихъ въ бібліотекахъ, благодаря своей феноменальной памяти и накопленному за долгую книжную жизнь сокровищу самыхъ разнообразныхъ знаній. У него была прежде всего въ высшей степени развита профессиональная память.

Въ напечатанныхъ недавно воспоминаніяхъ о немъ молодой писатель Форбъ Гюферъ, внукъ знаменитаго художника Мадокса Броуна, рассказываетъ, какъ онъ мальчикомъ часто ходилъ, по порученію дѣдушки, къ Гарнету за разными справками. Художнику нужны были, напримѣръ, свѣдѣнія о томъ, какія пряжки носились въ меровингскую эпоху (онъ стремился къ точности деталей въ историческихъ костюмахъ)—и онъ рѣшилъ, что „безъ Гарнета не обойтись“. Онъ отправилъ внука въ музей. „Высокій, слегка сутулый, близорукой, улыбающійся д-ръ Гарнетъ вышелъ ко мнѣ изъ какихъ-то книжныхъ нѣдръ,— рассказываетъ Гюферъ,— и узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ: — Пройдите изъ входныхъ дверей направо; тамъ, въ пятомъ шкапу, на второй полкѣ, въ десятомъ томѣ такого-то сочиненія, въ концѣ вы найдете рисунокъ, нужный м-ру Мадоксу Броуну“. И этотъ отвѣтъ казался естественнымъ. Всѣ всегда обращались съ вопросами къ д-ру Гарнету, и онъ всегда отвѣчалъ. Даже почти передъ самой смертью, когда онъ уже не вставалъ съ постели и почти лишился зрѣнія, онъ еще диктовалъ дочери письма съ отвѣтами разнымъ—часто совершенно незнакомымъ—людямъ, обращавшимся къ нему съ вопросами и просьбами литературныхъ услугъ. Вспоминая о немъ теперь, всѣ отмѣчаютъ прежде всего его добродушную, слегка ироническую улыбку въ раз-

говорѣ, а также и его общительность. Онъ всегда былъ пріятнымъ гостемъ, умѣвшимъ разговаривать со всѣми; гости, приходившіе къ нему въ домъ, охотно засиживались подолгу. Онъ былъ хорошимъ рассказчикомъ, привлекалъ своимъ незлобивымъ юморомъ, своей снисходительностью. У него была чисто англійская привязанность къ кошкамъ, и часто для сужденія о человѣкѣ ему важно было знать, любить ли онъ кошекъ, или нѣтъ. Когда онъ былъ завѣдующимъ бібліотекой въ Британскомъ музеѣ, онъ покровительствовалъ кошкамъ—даже въ подвѣдомственномъ ему книгохранилищѣ. Занимавшіеся въ Британскомъ музеѣ лѣтъ 10—12 тому назадъ, навѣрное помнятъ огромнаго холеннаго чернаго кота, который ходилъ по заламъ музея какъ дома—и, какъ убѣрали сторожа, избралъ себѣ мѣстомъ для ночлега залу египетскихъ древностей. Теперь этотъ котъ исчезъ—виновтъ съ исчезновеніемъ книжника, благоволившаго къ лукавому кошачьему роду.

Людей, проводящихъ свой вѣкъ за книгами, „ученыхъ крысъ“, представляютъ себѣ обыкновенно хилыми, съ землистымъ лицомъ—изъ-за отсутствія свѣта и воздуха. Но д-ръ Гарнетъ и въ этомъ отношеніи былъ исключеніемъ. Онъ за всю жизнь ни разу не былъ боленъ, и за 48 лѣтъ не пропустилъ въ бібліотеку ни одного дня. Онъ не путешествовалъ, почти никогда не уѣзжалъ изъ Лондона—книги и люди ему замѣняли все другое; единственнымъ отдыхомъ онъ считалъ переѣву предмета занятій. Въ столь негигиеничныхъ условіяхъ онъ прожилъ цѣлую длинную жизнь, работая почти до самаго дня смерти, диктуя литературныя статьи, когда ослабѣвшее зрѣніе стало измѣнять ему—уже въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни. Чтò составляло источникъ его силы? Очевидно, именно та сила духа истинныхъ книжниковъ, какъ ихъ понималъ Анатолий Франсъ, людей, смотрящихъ на міръ изъ оконъ своей бібліотеки, сквозь мудрость вѣковъ. Имъ все становится одинаково близкимъ, одинаково понятнымъ—и слегка чужимъ. Они благоволятъ къ жизни, всѣхъ любятъ, но жизнь любятъ какъ цѣлое, какъ принципъ бытія, не различая милаго отъ немиллаго. Они поэтому нѣсколько болѣе сповойны, чѣмъ другіе люди, всецѣло поглощенные жизнью и своими переживаніями,—у нихъ слегка ироническая улыбка и вѣжная душа. Въ личной жизни д-ръ Гарнетъ, имѣвшій многочисленную семью, отличался именно улыбающимся отношеніемъ ко всему. Онъ не волновался; самъ говорилъ, что не помнить, чтобы онъ когда-нибудь возвышалъ голосъ, чувствуя, что гнѣвъ не соответствуетъ его природѣ. Онъ былъ слегка чужой всѣмъ осложненіямъ жизни; всему сочувствуя, добрый ко всѣмъ, онъ жилъ въ своемъ собственномъ духовномъ мірѣ, и это отражалось въ его улыбкѣ, о которой говорятъ всѣ близко знавшіе его. Такимъ рисуется личность д-ра Гарнета,—и развѣ это не воплощеніе профессора Вержера, или аббата Жерома

Куаньяра, или другихъ родственныхъ имъ по духу книжниковъ Анатоль Франса?

Англійскій книжникъ написалъ за свою долгую трудовую жизнь множество книгъ филологическаго и историко-литературнаго содержания, біографій, критическихъ очерковъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его исторія итальянской литературы, біографія Карлейля, Мильтона, Эмерсона (въ серіи „Great Writers“), прекрасная монографія о Вильямѣ Блэкѣ, множество литературныхъ статей въ „Encyclopaedia Britannica“ и „National Biography“, переводы сонетовъ Данте, Петрарки и Камюэнса. Въ послѣдніе годы онъ сталъ издавать въ сотрудничествѣ съ Эдмондомъ Госсе „Исторію англійской литературы“. Кромѣ того, онъ написалъ множество вступительныхъ статей къ разнымъ литературнымъ изданіямъ. Д-ръ Гарнетъ никогда не отказывалъ издателямъ, обращавшимся къ нему за вступительнымъ очеркомъ или за бѣглою статейкой по какимъ угодно вопросамъ; въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, нѣкоторые друзья высказываютъ сожалѣніе по поводу его готовности всегда и обо всемъ писать по просьбѣ людей, которые къ нему обращались. Онъ дѣлалъ часто то, что могъ бы съ успѣхомъ сдѣлать за него всякій литературный ремесленникъ, и терялъ время, нужное для проявленія его самобытной индивидуальности. „Для меня неразгаданная загадка“—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ упомянутый выше молодой романистъ Фордъ Гюфферъ,—какъ человѣкъ столь чуткій, съ такимъ изысканнымъ вкусомъ и художественно-скептическимъ умомъ, позволилъ превратить себя въ вьючное животное и покорно составлялъ каталоги, устраивалъ конгрессы, отвѣчалъ на всевозможные вопросы постороннихъ людей, исполнялъ заказы разныхъ издателей. Онъ навѣрное зналъ, каковы его истинныя дарованія; можетъ быть, несходившая съ его губъ ироническая улыбка обозначала, что онъ внутренно самъ смѣется надъ странной шуткой—шуткой его длинной труженнической жизни. Въ одномъ изъ его разсказовъ умирающій философъ, который изобрѣлъ эликсиръ жизни—даетъ выпить его обезьянѣ. Съ такою же ироніей, быть можетъ, д-ръ Гарнетъ тратилъ свой рѣдкій литературный талантъ на исполненіе мелкихъ задачъ, предъявляемыхъ ему:—Я могъ бы,—казалось, говорила его улыбка,—быть свѣточемъ для моего времени. А отъ меня требуютъ, чтобы я рылъ туннели“.

Какъ художникъ, д-ръ Гарнетъ обнаружилъ свой талантъ лишь въ небольшомъ количествѣ произведеній, но зато всѣ они заслуживаютъ и похвалъ, и сожалѣній понимавшихъ его друзей. Д-ръ Гарнетъ извѣстенъ какъ поэтъ, какъ прекрасный переводчикъ итальянскихъ классическихъ поэтовъ и какъ авторъ оригинальныхъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній. Въ 1902 году вышелъ объемистый сбор-

никъ его стиховъ— „The Queen and other Poems“. Его поэзія извѣстна и въ Россіи въ переводахъ О. Чюминой. Лирика его имѣетъ несомнѣнные достоинства; поэтическая чуткость художественно перелмается въ ней съ легкимъ скептицизмомъ, съ свѣжимъ юморомъ,—но все-таки какъ поэтъ Ричардъ Гарнетъ принадлежитъ, конечно, къ *dii minores*. Его художественный талантъ горитъ болѣе ярко въ его разсказахъ, собранныхъ въ объемистомъ томѣ „The Twilight of the Gods“. Новѣйшее, дополненное изданіе этой книги появилось въ 1893 году.

И вотъ самое удивительное. Д-ръ Гарнетъ былъ въ жизни какъ бы выходцемъ изъ книгъ Анатоля Франса, и въ его разсказахъ воплощены всѣ характерныя черты творчества Франса: его скептическій юморъ, его склонность освѣщать старину свѣтомъ современныхъ чувствъ и мыслей, его умѣнье показывать странную слитность далекаго прошлаго и сегодняшней дѣйствительности. Различіе между ними состоитъ, однако, въ томъ, что Франсъ снисходителенъ и благожелателенъ къ людямъ изъ пессимизма, изъ равнодушія къ жизни, а Гарнетъ обличаетъ механизмъ жизни, секреты успѣховъ и неуспѣховъ, психологію удачниковъ и неудачниковъ всѣхъ временъ съ чувствомъ любви ко всему живущему. Франсъ осуждаетъ міръ — и потому оправдываетъ всѣ слабости, всѣхъ грѣшниковъ; Гарнетъ вѣритъ въ силу жизни, вѣритъ въ любовь, и потому иронически посмѣивается надъ всѣмъ въ отдѣльности. Но при этомъ коренномъ расхожденіи самая манера Гарнета отражать исторію и дѣйствительность очень близка къ характеру произведеній Франса, причемъ и по художественности выполненія подъ многими разсказами Гарнета могъ бы подписаться Анатолий Франсъ. О литературномъ вліяніи Франса на Гарнета не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Большинство разсказовъ Гарнета написаны были очень давно, первое изданіе „Twilight of the Gods“ вышло въ 1888 году, и отдѣльные разсказы появились еще раньше въ періодическихъ изданіяхъ. Можно говорить, значить, только о внутреннемъ, духовномъ родствѣ.

Большинство разсказовъ Гарнета по замыслу—внижные и являются отголосками его чтеній. Онъ любитъ вспоминать о языческой старинѣ— не такъ, какъ она рисуется ревностному послѣдователю культа человека и человеколюбія. Гарнетъ съ любовью говоритъ о греческомъ Олимпѣ, но для него выше всего освобожденный отъ боговъ человекъ; онъ вѣритъ въ человека и въ творческую силу любви, данную человеку. Въ этомъ духѣ написанъ первый разсказъ, дающій заглавіе сборнику: „Сумерки боговъ“. Это фантастическій разсказъ о Прометѣѣ, освободившемся отъ своихъ цѣпей въ четвертомъ вѣкѣ христіанской эры. Чья-то незрячая рука сразила орла, Прометей падаетъ куда-то

въ бездну и приходитъ въ себя на землѣ, въ странѣ, гдѣ на его языкѣ говорить только одна прекрасная дѣвушка, послѣдняя жрица Аполлона. Прометей радъ, что Олимпъ сверженъ, но новая религія, смѣнившая вѣру въ боговъ, ему не по душѣ. Онъ возродился человѣкомъ; онъ вознагражденъ за свою любовь къ человѣку тѣмъ, что самъ сталъ человѣкомъ, и потому его радость—въ томъ, чтобы слиться съ судьбою смертныхъ. Всѣ догматическія религіи созданы творческой силой человѣка; всѣ онѣ—отраженія невоплотимой божественной первоосновы бытія, и всѣ онѣ становятся смѣшны, когда хотятъ монополизировать для себя истину. Жрица Аполлона, не обратившаяся въ христіанство даже подъ угрозой смерти, видитъ, какъ жалки боги Олимпа, когда они, изгнанные съ Олимпа, бѣдные и слабые, становятся частыми гостями ея дома, гдѣ она живетъ подругой Прометея. Прометей обратилъ ее въ религію человечества. Разсказъ написанъ иронически, освѣщая одинаковымъ свѣтомъ разума и паденіе боговъ, и шарлатанство епископовъ торжествующей церкви. Безуміе людей, забывающихъ радоваться жизни въ ожиданіи какихъ-то наградъ „по ту сторону“, иллюстрируется на примѣрѣ одного китайскаго императора. Онъ узналъ, что буддисты обладаютъ эликсиромъ вѣчной жизни, и хочетъ имъ овладѣть. Но оказывается, что въ виду преслѣдованій—буддистовъ, владѣющихъ драгоцѣнной тайной, почти уже не осталось въ живыхъ. Нашли только въ пещерѣ двухъ погруженныхъ въ трансъ женщинъ—мать и дочь. Извѣстно, что младшая изъ нихъ знаетъ тайну и скажетъ ее, когда проснется. Извѣстно также, что періодъ трансъ соответствуетъ по продолжительности смѣняющему его періоду неувядаемой жизни. Старшую изъ двухъ женщинъ убиваютъ, а младшую, цвѣтущую красавицу, переносятъ во дворецъ. Императоръ проводитъ всю жизнь у ея постели, поджидая момента ея пробужденія, ожидая отъ нея тайны вѣчной жизни. Онъ не удаляется ни на минуту отъ нея, не заботится о правленіи, становится старикомъ, не пользуясь жизнью, весь поглощенный ожиданіемъ. И вотъ, когда императоръ совсѣмъ старъ,—молодая красавица просынается. Тогда оказывается, что секретъ знала не она, а ея дочь, злобѣщая старуха, которую убили въ пещерѣ. Она заснула совсѣмъ молодой, родивъ свою дочь въ шестнадцать лѣтъ. Потомъ она проспала семьдесятъ лѣтъ и, проснувшись, застала свою дочь старухой. Онѣ обѣ снова выпили эликсиръ, секретъ котораго былъ, однако, извѣстенъ старухѣ-дочери, а не молодой матери. Теперь, послѣ вторичнаго трансъ, мать проснулась, чтобы жить сто лѣтъ—столько лѣтъ она провела сначала въ трансѣ,—но тайну она не можетъ сказать, не зная ее. Императоръ умираетъ отъ горя. Онъ прожилъ цѣлую жизнь, не пользуясь ею—ради надежды, которая обманула его.

Въ другихъ разсказахъ Гарнетъ съ большимъ юморомъ раскрываетъ механику жизни, показываетъ житейскую необходимость обманывать людей—*mundus vult decipi*,—разсказываетъ съ тонкимъ юморомъ о продѣлкахъ какъ языческихъ жрецовъ, такъ и служителей христіанскихъ церквей, вводитъ въ разказы дьявола, который часто приноситъ пользу церкви своимъ вѣщательствомъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ разсказахъ звучитъ одна основная нота—человѣческой любви, гуманности не во имя отвлеченнаго принципа, а во имя живой любви. Въ художественномъ отношеніи и какъ образчикъ тонкой насмѣшки Гарнета надъ софизмами человѣческаго правосудія можетъ служить разсказъ „Пурпурная голова“ (*The Purple Head*). Персидскій король долженъ послать дары римскому императору Аврелію, но хочетъ сдѣлать это такъ, чтобы, отдавъ ему дань почтенія, въ то же время унижить его. Философъ совѣтуетъ королю послать драгоценнѣйшій пурпурный плащъ королевы—но не какъ рѣдкость, а какъ образчикъ производства страны, чтобы возбудить въ императорѣ зависть. Король исполняетъ совѣтъ философа, но его самого изгоняетъ, отобравъ у него имущество, чтобы избавить его отъ гнѣва королевы, лишившейся своей мантии. Авреліану его придворный философъ объясняетъ, что пурпура въ Персіи нѣтъ, что это—рѣдчайшій индійскій продуктъ, и что лукавый персъ его обманулъ. Авреліанъ посылаетъ философа въ Индію за доказательствами правоты его словъ, т. е. онъ изгоняетъ его, обрекая на нищету, пока онъ не найдетъ пурпуръ. Проходятъ десятки лѣтъ, римскихъ императоровъ смѣнилось нѣсколько, но пурпура никто еще не привезъ имъ изъ Индіи. Тогда на далекихъ путяхъ Индіи случайно встрѣчаются оба нѣкогда изгнанныхъ философа, и персъ узнаетъ, что римскій философъ досталъ флаконъ пурпура, добывъ его цѣной тяжкаго искусства. Персъ выхватываетъ у него флаконъ, происходитъ борьба,—и флаконъ пурпура проливается на лицо и голову философа, добывшаго драгоценнѣйшую краску. Пурпуръ не смывается; съ лицомъ и волосами, окрашенными въ ослѣпительный красный цвѣтъ, философъ является ко двору императора. Въ діалогъ между императоромъ и философомъ вышучена—совершенно въ манерѣ Франса—софистика законовъ. Императоръ требуетъ головы философа, потому что онъ присвоилъ себѣ пурпуръ—исключительное достоиніе монарховъ. Пурпуръ представляется ему его собственностью,—болѣе законной, чѣмъ право философа на его собственную голову. Этотъ діалогъ въ разсказѣ необыкновенно блестящъ. Философа казнятъ, чтобы овладѣть краской на его лицѣ,—но съ мертвой головы краска сейчасъ же исчезаетъ. Пурпуръ, сіяніе, полнота жизни истреблена смертью. Эта философская сказка—своего рода художественный перлъ.

Послѣдняя книжка Ричарда Гарнета, „De Flagello Myrteo“, посвящена любви. Она поражаетъ свѣжестью и полнотой чувства. Ее можно характеризовать только выпиской отдѣльныхъ изреченій о соотношеніяхъ любви, божественнаго начала бытія и человѣческой жизни. „Богъ и міръ нераздѣльны, какъ причина и слѣдствіе.—Богъ безъ міра былъ бы причиной безъ слѣдствія. Идеаль любящихъ—быть столь же необходимыми другъ для друга, какъ міръ для Бога и Богъ для міра“. Въ этихъ словахъ отражено основное идеалистическое настроеніе мудраго книжника съ нѣжной душой. Его мысли о любви поэтичны, просты и полны нѣжности. „Идеальная любовь въ жизни—гласить одно изъ его изреченій—подобна радугѣ. Она образуется на небѣ, но видна только на землѣ“. Или еще: „Въ религій любви куртизанка—еретичка, но монахиня—атеистка“. О взаимоотношеніяхъ „земной любви“ и любви идеальной у него есть много поэтическихъ изреченій: „Земной элементъ въ любви долженъ быть, какъ Богъ, невидимъ, но вѣчно близокъ“... „Любовь и Желаніе спорили за первенство:—Безъ меня,—сказала Любовь,—ничего не рождалось.—Безъ меня,—отвѣтило Желаніе,—ничто не было зачато.—И Любовь приняла Желаніе въ свои провозахы. Но когда они являются вмѣстѣ, Любовь идетъ впереди“... „Невѣдѣніе и Невинность—близнецы, лежавшіе въ одной колыбели. Невѣдѣніе осуждено всегда на погубель, и смерть его—или смерть Невинности, или ея бессмертіе“.

Таковы афоризмы о любви семидесятилѣтняго книжника.

II.

François de Curel. „Le Coup d'Aile“, piéce en 3 actes. Paris, 1906 (P. V. Stock, édit.).

Современный французскій театръ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей производитъ странное общее впечатлѣніе. Онъ, очевидно, отражаетъ мысли, чувства и—скажемъ—желанія, чтобы не сказать идеалы французскаго общества. Иначе кого бы интересовали представленія этихъ пьесъ, драмъ и комедій? А между тѣмъ, читая пьесы, имѣвшія успѣхъ на сценѣ, нельзя не удивляться бѣдности ихъ содержанія. Конечно, оптика сцены многое мѣняетъ:—живость характеровъ и дѣйствія отодвигаетъ на второй планъ проводимыя въ пьесахъ мысли. Но все же, наряду съ скандинавской и съ нѣмецкой литературной драмой, французскій театръ поражаетъ своей бессодержательностью. Въ настоящее время появились въ печати нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ на лучшихъ парижскихъ сценахъ, и по нимъ можно судить

объ уровнѣ драматическаго творчества во Франціи. По нимъ видно, что очень большое развитіе сценической техники отзывается пагубно на внутреннемъ содержаніи пьесъ. Изображеніе нравовъ, внѣшняя сатира—вытѣснили все другое, болѣе глубокое. Есть, конечно, сатирики, которые, изображая нравы, не останавливаются на поверхности, а затрагиваютъ сложныя задачи современной культуры. Есть Мирбо съ его жестокимъ вышучиваніемъ всѣхъ учреждений мѣщанскаго общества; есть Анатолий Франсъ, призывающій къ активной борьбѣ; но все же болѣе сценическій успѣхъ имѣютъ виртуозныя комедіи и драмы, или безъ всякихъ идей, или поражающія своимъ наивнымъ отношеніемъ къ задачамъ жизни.

Къ числу пьесъ послѣдняго разряда принадлежитъ новая пьеса очень извѣстнаго драматурга, Франсуа де-Кюрель, „Le Coup d'Aile“. Она шла у Антуана, что до нѣкоторой степени служитъ гарантіей того, что она не принадлежитъ къ числу банальныхъ „ходкихъ“ пьесъ. И дѣйствительно, драма задумана серьезно, написана вдумчиво, горячо. Въ ней есть интересные характеры, есть изображеніе современныхъ нравовъ; но основная идея дѣлаетъ ее отголоскомъ отжившихъ понятій. Проблема, занимающая автора—патріотизмъ въ военномъ смыслѣ, культъ завоевательныхъ успѣховъ своей родины, то, что въ Англіи входитъ въ понятіе империализма, а во Франціи вовсе не составляетъ монополіи націоналистовъ, а свойственно всѣмъ классамъ французскаго общества. Вотъ почему драма представляетъ во всякомъ случаѣ интересъ. Кюрель освѣщаетъ отношеніе французовъ къ военному знамени, символизирующему въ ихъ глазахъ идею родины, и именно потому что Кюрель толкуетъ свою тему такъ, какъ ее, вѣроятно, толковалъ бы всякій французъ изъ толпы, драма его становится интереснымъ психологическимъ документомъ для характеристики современной Франціи.

Франсуа де-Кюрель—авторъ многихъ драмъ, извѣстныхъ своей смѣлостью въ постановкѣ общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ („Les Fossiles“, „La nouvelle Idole“ и др.). У него есть одно несомнѣнное для драматурга качество. Онъ—злой, и это его спасаетъ отъ самаго ужаснаго недостатка въ писателѣ, отъ сентиментальности. Онъ изображаетъ всегда людей твердыхъ въ своей односторонности, людей принципа, большей части ложнаго, людей съ закоренѣлыми предрасудками, и хотя онъ самъ какъ будто даже имъ сочувствуетъ иногда, все же онъ такъ обнажаетъ уродство ихъ души, что этимъ разбиваетъ ихъ идеалы. Такъ, напр., въ „Fossiles“ герцогская семья съ трагическимъ упрямствомъ заботится о будущемъ своего рода, принося въ жертву всѣ личныя чувства и поступая даже долгомъ порядочности. Единственный сынъ герцога умираетъ отъ чахотки, и съ

нимъ угаснетъ древній родъ. Но старикъ отецъ не приходитъ въ полное отчаяніе отъ приговора врачей больному сыну: у него есть надежды на продолженіе его рода. Молодая дѣвушка, жившая у него въ домѣ въ качествѣ компаньонки дочери герцога, удалена была за непристойное поведеніе. Теперь она сдѣлалась матерью, и старикъ герцогъ имѣетъ основаніе считать родившагося у нея сына своимъ. Но происходитъ нѣчто непредвидѣнное: сынъ герцога, зная, что ему грозитъ близкая смерть, проситъ мать пріютить его возлюбленную—бывшую компаньонку сестры и ея новорожденного сына. Отецъ и сынъ—соперники, чего сынъ не знаетъ. Но, узнавъ о признаніи сына, отецъ быстро преодолеваетъ личное чувство негодованія къ обманувшей его женщинѣ. Главное, это—что герцогскій домъ имѣетъ наследника; а такъ какъ отцомъ оказался молодой герцогъ, а не старій, то даже возможна женитьба, и новорожденный можетъ унаследовать имя предковъ. Всѣ преодолеваютъ свои чувства. Старикъ герцогъ прощаетъ измѣну своей будущей невѣсткѣ и общается ей хранить тайну ея связи съ нимъ; дочь герцога преодолеваетъ свое презрѣніе къ плебейкѣ, прошлое которой ей извѣстно,—и бракъ устраивается. Но послѣ того, какъ умирающій молодой герцогъ женился и далъ имя ребенку, семья начинаетъ преслѣдовать молодую женщину. Жестокая дочь герцога не понимаетъ своей невѣстки, не видитъ, что она дѣйствительно любитъ ея брата—и что въ прежнихъ ея отношеніяхъ съ отцомъ она была жертва, а не виновная. Доводя свою безпощадность до послѣднихъ предѣловъ, Берта сообщаетъ брату о прошломъ его жены—и этимъ ускоряетъ его смерть. Но главное достигнуто. Ребенокъ носить имя герцога и родъ не угаснетъ. Берта, хранительница фамильной чести и славы, приноситъ самую большую жертву своему кумиру: согласно завѣщанію ея брата, ребенокъ долженъ остаться подъ опекой матери—и во имя фамильныхъ интересовъ сестра умершаго рѣшаетъ посвятить и свою жизнь ребенку, жить съ его матерью, отказавшись навсегда отъ замужества во имя семейнаго долга. Авторъ изображаетъ всю герцогскую семью какими-то безумными фанатиками ложнаго идеала, замѣняющаго имъ всякую другую правду жизни. Кюрель называетъ ихъ „ископаемыми“ и далеко не оправдываетъ ихъ. Но смыслъ его пьесы въ томъ, чтобы показать различныя маски, подъ которыми проявляется трагическое начало жизни. Подъ маской превратныхъ понятій о чести трагизмъ становится еще болѣе яркимъ, потому что онъ осложненъ нравственнымъ уродствомъ, явнымъ нарушеніемъ морали во имя очевидной иллюзіи.

Борьбу разныхъ пониманій морали и связанный съ этимъ вопросъ о преступности Кюрель изображаетъ и разрабатываетъ во всѣхъ своихъ очень злыхъ пьесахъ. На ту же тему написана его новая пьеса

„Le Coup d'Aile“. Въ центрѣ ея стоитъ романтически задуманная фигура мятежника. Онъ совершилъ въ свое время страшное гражданское преступленіе. Онъ былъ блестящимъ представителемъ французской арміи въ колоніяхъ и отличился побѣдой надъ племенемъ дикарей. Онъ завоевалъ для Франціи новую территорію съ значительнымъ негритянскимъ населеніемъ. Когда, пріѣхавъ на родину, онъ прочелъ отчетъ о своей экспедиціи передъ огромной публикой, его шумно чествовали, и долго еще потомъ гремѣло его имя; въ газетахъ и журналахъ печатали портреты „героя“, и онъ достигъ вершины ослѣпляющей славы. Потомъ вдругъ прежній герой сдѣлался позоромъ своей родины. Отправившись къ своимъ чернокожимъ, онъ черезъ нѣсколько времени сталъ во главѣ ихъ возстанія противъ Франціи. Онъ повелъ ихъ въ битву противъ французскихъ войскъ, „стрѣлялъ въ французское знамя“—и вышелъ побѣдителемъ. Французскимъ войскамъ не удалось потушить возстаніе, и бывший французскій офицеръ сдѣлался ихъ самостоятельнымъ правителемъ. Но торжество его не долго длилось. Его подданные возстали въ свою очередь противъ него, учинили надъ нимъ дикую расправу, и онъ спасся еле живой. Во Франціи были увѣрены, что онъ погибъ, и считали это достойнымъ концомъ предателя. Имя его навсегда покрыто позоромъ.

Но проходитъ пятнадцать лѣтъ, и мятежникъ возвращается—при своеобразныхъ обстоятельствахъ и для своеобразной цѣли. У него есть братъ, честолюбивый Бернаръ, депутатъ, преслѣдующій корыстныя цѣли въ своей политической дѣятельности и занятый только устройствомъ личныхъ дѣлъ. Слава его брата Мишеля помогла ему вступить на политическую арену, а его позоръ сильно повредилъ ему. Вѣсти о смерти Мишеля обрадовали Бернара: онъ надѣялся, что позорная исторія забудется, и онъ сможетъ самостоятельно составить себѣ имя и осуществить свои честолюбивые замыслы. Но онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ Мишеля, который сообщилъ ему имя, подъ которымъ намѣренъ жить отнынѣ; онъ писалъ въ свойственномъ ему дерзкомъ тонѣ, что самъ пробьется безъ посторонней помощи, и успокаивалъ брата обѣщаніемъ исчезнуть изъ его существованія. Бернаръ поступилъ честно относительно брата, переслалъ ему его состояніе, которое могъ бы совершенно законно присвоить себѣ, въ виду неопровергнутыхъ извѣстій о смерти мятежника,—и этимъ сношенія между братьями прекратились. Мишель, предавшій родину, принесъ несчастье и своей семьѣ, бросивъ на произволъ судьбы жену и маленькую дочь. Жена умерла отъ горя, а маленькую Елену ея дядя отдалъ на воспитаніе въ монастырь, гдѣ она вырастаетъ озлобленнымъ противъ всѣхъ волчкомъ; она питаетъ непримиримую злобу, главнымъ образомъ, противъ отца, виновнаго въ несчастіяхъ ея ма-

тери и ея самой. Своего дядю и его семью Елена совершенно не знаетъ; никто изъ нихъ ее не навѣщаетъ и ее никогда не берутъ на каникулы изъ монастыря.

Таковы обстоятельства, предшествующія началу дѣйствія. Самая драма начинается съ изображенія благополучія въ семьѣ Бернара. Онъ—видный депутатъ, и его недавняя рѣчь противъ милитаризма произвела сильное впечатлѣнiе. Но жена его, которая ждетъ мужа въ ихъ приморской виллѣ, обезпокоена. Она, какъ и ея мужъ, никакихъ искреннихъ убѣжденій не имѣетъ, и совершенно безразлична къ общественнымъ интересамъ; ее занимаютъ только карьера мужа и связанное съ этимъ благополучіе ихъ семьи. Въ виду этого рѣчь его въ палатѣ противъ усиленія военнаго бюджета и противъ милитаризма вообще кажется ей безащитной. Во-первыхъ, не ему, брату предателя, говорить противъ культа военной славы:—исторія Мишеля еще не вполне забыта, и противники Бернара могутъ воспользоваться ею, какъ орудіемъ противъ него. Затѣмъ онъ и депутатъ отъ приморскаго избирательнаго округа, гдѣ все населеніе живетъ работою на оружейныхъ заводахъ, такъ что избиратели вовсе не похвалятъ его за нарушеніе ихъ интересовъ. Уже какая-то мѣстная газетка начала кампанію намеками на брата депутата.

Бернаръ возвращается домой изъ Парижа,—но не одинъ. Онъ привезъ Елену, которую взялъ изъ монастыря, и поручаетъ ее заботамъ жены и дочери, молоденькой Жанны. Въ домѣ веселая кутерьма въ виду происходящихъ въ городкѣ маневровъ, морскихъ и сухопутныхъ, и Жанна въ особенности увлечена зрѣлищемъ морской битвы, происходившей всю ночь.

Оставшись наединѣ съ женой, Бернаръ объясняетъ ей положеніе дѣлъ: Мишель вернулся и написалъ ему, что вскорѣ явится къ нему въ домъ поговорить объ одномъ дѣлѣ,—конечно, сохраняя свое инкогнито. Жена Бернара въ ужасѣ, и онъ самъ тоже смущенъ, зная, что отъ безумнаго Мишеля можно всего ожидать. Одна его надежда на Елену; онъ взялъ ее изъ монастыря и поселилъ у себя, для того, чтобы, встрѣтившись съ отцомъ, она воскресила въ немъ семейныя чувства. Онъ тогда возьметъ ее, уйдетъ и перестанетъ мѣшать имъ своими выходками. Жена Бернара говоритъ о неумѣстности его рѣчи противъ милитаризма; онъ съ ней соглашается и объясняетъ, что дѣйствовалъ подъ давленіемъ своей партіи, въ чемъ теперь очень раскаивается. Чтобы нѣсколько загладить дурное впечатлѣнiе у своихъ избирателей, онъ нарочно вернулся домой на маневры и нарочно послалъ телеграмму семьѣ—онъ зналъ, что весь городъ будетъ знать о ней—съ выраженіями симпатій арміи. Кромѣ того, по дорогѣ домой онъ заѣхалъ въ мэрію и попросилъ назначить ему на постой полков-

нича. Скоро полковникъ прѣдетъ, и домъ ихъ станетъ центромъ военной жизни на время маневровъ,—этимъ депутатъ надѣется заглядить свою оплошность. Разговоръ между Бернаромъ и его женой рисуется съ жестокой холодностью, свойственной обличительному стилю Кюреля, закулисную сторону французскаго парламентаризма, узкую буржуазность и мелкое честолюбіе политическихъ карьеристовъ. Бернаръ и его жена цинично обсуждаютъ свои интересы, снимая маску гражданственности у себя дома. И они при этомъ спокойны, чувствуя себя правыми: они служатъ тому же кумиру, которому поклоняются всѣ вокругъ.

Является Мишель—преступникъ передъ родиной и передъ семьей. Встрѣча двухъ братьевъ и бесѣды ихъ выясняютъ идею драмы. Мишель, слишкомъ гордый, чтобы оправдываться, все же, обсуждая свое прошлое, объясняетъ свой поступокъ. Его увлекало безумное стремленіе къ свободѣ, его угнетали законы гражданственности. Духъ разрушенія побуждалъ его разбить всѣ пути, уничтожить все, что казалось ему священнымъ... и онъ выстрѣлилъ въ военное знамя. „Въ тотъ моментъ, когда я прицѣлился въ знамя и выстрѣлилъ,—говоритъ онъ,—я понялъ, что нѣтъ для меня больше ни родныхъ, ни друзей на землѣ,—что для меня наступила своего рода смерть. Но смерть даетъ счастье, замѣняющее всѣ другія блага: полную независимость. Это не свобода гражданина, живущаго подъ властью законовъ, а свобода парія, который ни передъ чѣмъ не преклоняется, ничѣмъ не стѣсненъ“. Къ этой свободѣ, превратившей его жизнь въ пустыню, Мишель и стремился своимъ неслышаннымъ поруганіемъ законовъ чести. И онъ почувствовалъ опьяненіе свободой въ самый ужасный моментъ жизни: тогда, когда освобожденные имъ отъ французскаго ига негры возстали противъ него, схватили его и, привязавъ къ хвосту верблюда, угнали въ пустыню. Тогда онъ постигъ великую радость величайшаго одиночества, отрѣзанности отъ міра и отъ законовъ, управляющихъ жизнью людей.

Таково прошлое Мишеля, человѣка, доведеннаго до душевнаго банкротства уродствомъ и рабствомъ культуры. Во имя свободы онъ опустошилъ свою душу и превратилъ ее въ пустыню. Но не эта психологія составляетъ сюжетъ драмы Кюреля—и онъ вовсе не апологетъ анархизма. Напротивъ того, его задача—изобразить возрожденіе Мишеля, возвратъ къ жизненному творчеству. Мишель до нѣкоторой степени, конечно, оправдываетъ собой идеалы анархизма: слѣдуетъ начать съ разрушенія стараго, нужно смести все пережитое, покончить счеты со всѣми установленными святынями, пройти черезъ созданную самимъ собой, добровольно, пустыню и тогда начать новое строительство. Мишель совершилъ преступленіе, но у него есть это внутреннее оправданіе.

Прошло, однако, пятнадцать лѣтъ и въ немъ окрѣпла новая сила, возрождающая его къ жизни для людей, влекущая къ участию въ общей созидательной работѣ. Предчувствіе этой новой созидательной силы выражается въ гордомъ желаніи жить наперекоръ раздавившимъ его обстоятельствамъ. Онъ очутился въ Лондонѣ, одинъ, — навсегда одинъ, какъ ему казалось, безъ возможности найти гдѣ-нибудь помощь и опору, но онъ все-таки не погибъ. Онъ работалъ, подметалъ улицы, боролся съ нищетой и создалъ себѣ подъ новымъ именемъ новое самостоятельное существованіе, не трогая, даже въ страшнѣйшей нуждѣ, денегъ, присланныхъ ему братомъ. Онъ хранится для определенной священной цѣли.

И вотъ въ немъ окрѣпла новая творческая сила, противоположная прежней, разрушившей старыя устои. Подъ какой маской является эта сила—это Кюрелю кажется безразличнымъ. Герцогская семья въ „Искупаемыхъ“ воодушевлена была несомнѣнно ложнымъ принципомъ родовой чести, но что бы она ни дѣлала для своего ложнаго идеала, все хорошо, поскольку оно служитъ цѣлямъ жизни. Мишель возрождается въ „Coup d'Aile“ подъ влияніемъ жажды славы. Казалось бы, что для человѣка, который столько сбросилъ съ своей души и заплатилъ за это цѣной такихъ страданій и жертвъ, слава должна тоже относиться къ поверженнымъ кумирамъ. Слабость драмы Кюреля и заключается въ томъ, что онъ возвращается къ обветшалому кумиру честолюбія. Этотъ стимулъ, конечно, силенъ въ людяхъ массы, но для освобожденнаго, перерожденнаго человѣка онъ бы не долженъ былъ существовать. А между тѣмъ содержаніе „Coup d'Aile“ заключается въ томъ, что „повергнувшій знамя возвращается подъ его сѣнь съ любовью и преклоненіемъ“. Чувство патриотизма освѣщается въ бесѣдахъ между двумя братьями, отлично понимающими другъ друга. Бернаръ тоже видитъ смыслъ жизни въ миражѣ славы, и подчиняется своему честолюбію, какъ спасительному началу жизни, какъ ея оправданію. По его объясненію честолюбіе — удочка, на которую попадаютъ люди. Нужно, чтобы люди жертвовали собой для общаго блага, и потому создается миражъ славы, неосызаемаго блага, достижимаго уже послѣ того, какъ жизнь кончена. Бернаръ чувствуетъ, что безъ этого побужденія онъ былъ бы грубымъ эгоистомъ, а въ погонѣ за славой онъ сталъ полезнымъ членомъ общества. Мишель менѣе трезво относится къ своему честолюбію—онъ „обожаетъ славу, какъ улыбку на устахъ человѣчества“. Опустошенная душа его жаждетъ единенія съ человѣчествомъ,—и вотъ его опять влечетъ къ знамени, къ символу единенія, къ тому, что такъ желанно, потому что „оно соткано изъ восторговъ всѣхъ служившихъ ему.“

Возвратъ къ знамени составляетъ содержаніе пьесы, въ сущности

довольно наивной. Въ домѣ Бернара останавливается полковникъ, прѣхавшій на маневры,—къ великому удовольствію польщеннаго хозяина и его семьи. Домъ, гдѣ онъ живетъ, долженъ быть, по военнымъ правиламъ, и пріютомъ для полкового знамени. Оно вносится въ домъ съ особымъ церемоналомъ. Бернаръ хочетъ отдать ему честь, снять передъ нимъ шляпу—это желаніе не искреннее, а внутреннее требованіями обстоятельствъ. Но у него не оказывается подъ рукой его шляпы, и онъ беретъ шляпу Мишеля. Это служить какъ бы указаніемъ судьбы на то, что мятежникъ долженъ вернуться къ поруганной святынѣ. Знамя кладется въ отдѣльной комнатѣ, рядомъ съ комнатой полковника. Мишель взволнованъ присутствіемъ военныхъ въ домѣ, продолжаетъ дѣлать видъ, что покончилъ съ вопросами о военной чести, но въ сущности весь живетъ въ мечтахъ о воскрешеніи своей военной славы. Къ брату онъ прѣхалъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему очень смѣлое, безумное по дерзости предложеніе. Но прежде чѣмъ ему удастся поговорить съ нимъ объ этомъ, у него разыгрывается сложная психологическая драма съ его дочерью Еленой. Онъ знаетъ, что это его дочь, но она понятія объ этомъ не имѣетъ. Ее привлекаетъ человекъ, въ которомъ она угадываетъ родственную душу, гордую и оскорбленную жизнью. Чтобы еще болѣе ее привлечь, Мишель говоритъ ей, кто онъ, умалчивая только о томъ, что онъ ея отецъ. Елена сразу становится на сторону мятежника противъ его брата съ его уравновѣшенной буржуазной порядочностью. Она чувствуетъ, что Мишель несчастенъ, и предлагаетъ ему просто и настойчиво свою привязанность. Она всегда мечтала посвятить жизнь несчастнымъ и одинокимъ. Такъ вотъ она готова жить съ нимъ и быть его опорой въ жизни. Пусть онъ узаконитъ ее какъ свою дочь—вѣдь настоящій ея отецъ бросилъ ее и ея мать, и она знаетъ, что вслѣдъ, кто хочетъ, можетъ объявить себя ея отцомъ. Мишель взволнованъ ея предложеніемъ, но не рѣшается открыть ей правду, зная, что единственный предметъ ея ненависти—ея отецъ. Онъ надѣется раньше искупить свою вину—тогда, можетъ быть, онъ будетъ достоинъ Елены. Онъ объясняетъ наконецъ брату свой планъ: у него есть деньги—тѣ, которыя вернулъ ему Бернаръ, какъ его часть отцовскаго наслѣдства. На эти деньги Мишель хочетъ сдѣлать экспедицію въ центральную Африку и завоевать тамъ для Франціи новую территорію, подарить роднѣ новую землю. Водрузивъ на далекой территоріи французское знамя, онъ этимъ загладитъ свое преступленіе противъ того же знамени. Ему нужна помощь французскаго правительства только для того, чтобы оно пропускало его и его отрядъ черезъ французскія владѣнія. Для этого онъ обращается къ помощи брата. Онъ, какъ депутатъ, долженъ выхлопотать ему эту поддержку. Конечно, онъ бу-

дѣтъ дѣйствовать подъ своимъ новымъ именемъ, такъ что никакихъ воспоминаній о быломъ не можетъ быть. Мишель проситъ брата помочь ему, угрожая въ противномъ случаѣ раскрыть, кто онъ, и этимъ погубить карьеру брата. Бернаръ наотрѣзъ отказывается поддерживать эту авантюру. Мишель убитъ отказомъ. Онъ жилъ только надеждой на улыбку славы. Чувство Елены, которая могла бы примирить его съ жизнью, онъ долженъ отклонить, боясь открыть истину. Но Елена настаиваетъ на томъ, чтобы стать его названной дочерью. Именно теперь, когда братъ отказалъ ему въ помощи, Елена чувствуетъ себя особенно близкой къ мятежнику, лишенному всѣхъ связей съ міромъ. Она рѣшаетъ во что бы то ни стало заставить Мишеля взять ее съ собой. Она рѣшаетъ для этого сдѣлать тоже „преступленіе“. Когда и ее будутъ презирать, онъ пойметъ, что судьбы ихъ неразрывно связаны. Она дѣлаетъ довольно, впрочемъ, дѣтскую вещь, — крадетъ полковое знамя. Когда знаменосецъ приходитъ за нимъ, и все общество въ сборѣ для церемоніи выноса знамени передъ уходомъ полка, — поднимается тревога: знамя исчезло. Это — безчестіе для дома, гдѣ оно находилось, позоръ для полка. Бѣдный Бернаръ въ отчаяніи, но спасителемъ положенія является Мишель. Онъ понялъ, чье это дѣло, и указываетъ на виновницу. Елена признаетъ свою вину и говоритъ, что хотѣла выбросить знамя изъ окна, для довершенія своего поступка. Бернаръ осыпаетъ ее ругательствами, говоритъ, что не потерпитъ ея присутствія въ домѣ. Она достигла цѣли. Ее презираютъ и преслѣдуютъ — она равна Мишелю. Полковникъ, правда, не судитъ поступокъ истеричной, по его мнѣнію, дѣвушки, — но все же она теперь лишена крова и всякой поддержки. Она съ торжествомъ обращается къ Мишелю и спрашиваетъ его, признаетъ ли онъ ее теперь своей названной дочерью? Тогда Мишель говоритъ ей наконецъ, что она — его дѣйствительная дочь. Но Елена уже настолько поняла его душу, что отвлеченный гнѣвъ противъ преступнаго отца исчезаетъ, и она идетъ къ нему. Они повидаютъ вмѣстѣ негостепріимный домъ Бернара. Мишель примиренъ съ жизнью, — примиренъ любовью и тѣмъ, что онъ — хотя бы символически — спасъ знамя отъ позора.

„*Cœur d'Aile*“, какъ видно изъ изложенія, — національно-французская вещь, съ приверженностью къ нарядному патріотизму, и поэтому не можетъ удовлетворить идейнымъ требованіямъ болѣе свободной публики. Но если заглянуть дальше замысла самого автора и взять ее какъ психологическій документъ, то эта драма двухъ моментовъ души — опустошенія во имя свободы и созиданія святыни въ свободной душѣ — приобретаетъ интересъ. Мораль Кюреля — наивная, но психологическій анализъ въ пьесѣ дѣлаетъ ее интересною. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1906.

Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?—Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.—Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ.—Ближайшія перспективы.—Юридическій хаосъ.—Отчетъ училищной комиссіи въ Петербургѣ.—М. Я. Герценштейнъ †.

Государственная Дума распущена!.. Народное представительство въ Россіи просуществовало семьдесятъ два дня—и его нѣтъ. Юридически оно не упразднено. Но фактически его нѣтъ и не будетъ въ теченіе семи мѣсяцевъ... Полтора года мысль всей Россіи—тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія—была фиксирована на созывѣ Думы. Думу ждали, на Думу надѣялись, Думы боялись. Скорѣйшее реализованіе мысли обратилось—въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ—въ страстное желаніе. Наконецъ, Дума стала фактомъ—не ожидаемаго будущаго, а наступившаго настоящаго... И Думы нѣтъ—фактъ отошелъ въ прошлое!.. Вмѣсто него передъ населеніемъ стоитъ опять одно обѣщаніе—„неизмѣнное“ и „непреклонное“,—что послѣ 20-го февраля 1907 г. начнется законодательное обновленіе государственной жизни... Семь мѣсяцевъ! Въ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, это невѣроятно длинный періодъ. И за недѣлю впередъ нельзя ручаться. А чтò произойдетъ въ теченіе долгихъ семи мѣсяцевъ—кто возьметъ на себя смѣлость предсказать?..

Роспускъ Думы—актъ боевой. Семьдесятъ два дня шла непрерывная борьба между первыми избранниками народа и умирающимъ—и все еще бьющимся въ предсмертной агоніи—бюрократическимъ режимомъ. Сила оказалась на сторонѣ бюрократіи, и она побѣдила. Дума разогнана!.. Именно разогнана, а не распущена. Не было стрѣльбы, не было убитыхъ, раненыхъ и избитыхъ нагайками, не было даже связанныхъ и арестованныхъ—только войска для всего этого были готовы. Но и не въ открытомъ засѣданіи, не изъ устъ предсѣдателя своихъ собраній или совѣта министровъ узнали члены Думы о лишеніи полномочій. Они узнали объ этомъ въ воскресенье, когда засѣданій Думы не бывало, изъ газетъ. Чтобы удостовѣриться, они пошли въ Таврической дворецъ—и ихъ не пустили... Вопреки не оставляющаго мѣста для сомнѣній смысла 63-ей статьи основныхъ законовъ, указъ о роспускѣ Думы не назначилъ новыхъ выборовъ, а упомянулъ, что объ этомъ „послѣдуютъ особыя указанія“. Вопреки

статьѣ 26-ой тѣхъ же законовъ, указъ нигѣмъ не скрѣпленъ. Развѣ это не „разгонъ“, тѣмъ и отличающійся отъ предусмотрѣннаго закономъ и вездѣ примѣняемаго права верховной власти апеллировать къ населенію путемъ роспуска представительства, что при немъ нѣтъ надобности, оправдываемой въ глазахъ власти невозможностью, въ строгомъ соблюденіи законныхъ формъ и обрядностей? Говорять, что поступить иначе, какъ просто не впустить членовъ Думы въ Таврической дворецъ, было нельзя: члены Думы оттуда добровольно бы не ушли. Не будемъ спорить о томъ, что было бы, еслибы и т. д. Но, въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ скрывать и затемнять длинными разсужденіями истинное значеніе акта 8-го іюля...

Совмѣстная дѣятельность Государственной Думы и бюрократическаго министерства была немислима. Два съ половиной мѣсяца это воочию показали. Справиться съ „распущенной“, какъ каламбурить „Новое Время“, Думой, т.-е. „подтянуть“ ее и сдѣлать себѣ послушной, министерство не могло ни немедленно, ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Оно поэтому прекратило существованіе Думы даннаго состава въ надеждѣ, что вторые выборы дадутъ иной результатъ. Уцло ли только министерство психологическое значеніе совершеннаго дѣйствія? Приняло ли оно во вниманіе, что подрывъ авторитета первыхъ въ Россіи народныхъ представителей можетъ поколебать въ населеніи вѣру въ идею монархическаго представительнаго образа правленія? Съ нашей точки зрѣнія, въ такой возможности коренится величайшая опасность.

Не дѣйствія руководятъ идеями, а наоборотъ. Не такъ опасны активныя революціонныя вспышки, какъ революціонизированіе общественной мысли, если революціонное настроеніе составляетъ основной тонъ для всѣхъ слоевъ и классовъ населенія. Что послѣднее вѣрно—едвали могутъ быть два мнѣнія. И непосредственныя наблюденія это показываютъ на каждомъ шагу, и ежедневное чтеніе газетъ—и междоусобица на Кавказѣ, и еврейскіе погромы, и аграрныя волненія съ бессмысленнымъ сожженіемъ построекъ, зерна и сѣна, и отношенія низшихъ агентовъ власти къ высшимъ, или учащимся, вплоть до гимназистовъ, къ учащимъ, и разбои и грабежи подъ флагомъ террористическихъ дѣйствій и т. д., и т. д. Въ концентрированномъ видѣ высокую степень подъема революціоннаго настроенія показывала и Государственная Дума, съ поразительной точностью отражавшая психологію страны. Освободительное движеніе разрушило безповоротво всѣ старые авторитеты и на мѣсто ихъ поставило одинъ новый: авторитетъ свободно избранныхъ представителей народа. До созыва Думы этотъ авторитетъ абсолютно прямолинейными изъ конституціоналистовъ и сторонниками социалистическихъ теорій принимался условно

если выборы будут произведены на основаніи четырехчленной формулы всеобщаго избирательнаго права. Народомъ онъ оказался принятымъ независимо отъ этого условія, а потому вынуждены были его принять въ лицѣ Государственной Думы и правовѣрные идеологи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Авторитетъ Думы въ безудержномъ полетѣ общественной мысли былъ, такимъ образомъ, если не предѣломъ, то преградой. Представители народа въ единеніи съ царемъ все могутъ и все сдѣлаютъ—такъ рассуждало крестьянство.

И спокойный анализъ положенія страны подсказывалъ, что такое представленіе о новомъ государственномъ строѣ, во чтò бы то ни стало, должно было беречь. Попытки со стороны революціонныхъ элементовъ и, такъ называемыхъ, „черносотенныхъ“ не допустить, чтобы на Государственную Думу перешелъ авторитетъ идеи свободно избранныхъ представителей народа, дѣлавшіяся до 27-го апрѣля, успѣха не имѣли. Что касается правительства, то оно, при всемъ изувѣрствѣ политики П. Н. Дурново, авторитета Думы, до ея созыва, не колебалось. Но съ перваго дня дѣятельности народнаго представительства министерство вступило съ нимъ въ борьбу и въ пылу борьбы стало безпощадно и систематично трепать вѣру народа въ Государственную Думу. Про предположенныя Думою начала утоленія земельного голода крестьянъ оно сказало: это „безусловно недопустимо“. Затѣмъ оно издало „правительственное сообщеніе“, имѣвшее задачей показать, какъ и откуда, помимо Думы, крестьяне могутъ получить удовлетвореніе ихъ нужды. Наконецъ, оно Думу распустило, и фактомъ роспуска съ очевидностью показало, что въ конфликтѣ съ министерствомъ, если министерство не желаетъ уступить, нормальное народное представительство безсильно. Сохранится ли, при такихъ условіяхъ, для второй Думы тотъ авторитетъ, которымъ пользовалась первая? Вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ идеаломъ будетъ жить населеніе до 20-го февраля?

Три мѣсяца назадъ мы писали:

„Какъ безконечно часто оправдывается старая истина: крайности сходятся! Съ обѣихъ нашихъ политическихъ полюсовъ упорно раздается и повторяется зловѣщее предсказаніе: „Думу разгонять“... Именно „разгонять“, а не распустятъ. На вопросъ: почему? — отвѣчаютъ: „станетъ грубить Государю или войску—и разгонять“... Сколько въ этомъ предсказаніи и въ этомъ объясненіи слышится злорадства и стремленія увизить Думу! Чего съ ней перемониться—„разгонять“ штыками и больше ничего!.. Одни желали бы видѣть разгонъ Думы изъ-за того, что она собрана не по четырехчленной формулѣ и безъ ясно выраженнаго признанія за нею правъ учредительнаго собранія. Другіе—дабы если не вовсе устранить обновленіе государства, то хотъ

отдалить конецъ столь любезнаго ихъ сердцу режима. Одни хотѣли бы, чтобы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцію. Другіе—чтобы о штыки разбились „безпочвенныя“ мечтанія о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣмъ, и другимъ диктуетъ зловѣщее предсказаніе не спокойная оцѣнка реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ, а желаніе...“

Желаніе, которое шло съ двухъ крайнихъ полюсовъ, сбылось. Кто оказался правъ? Реакціонеры оказались правы только въ томъ, что Дума разогнана. Революціонеры же могутъ теперь, уже основываясь на фактѣ, аргументировать ихъ старые доводы въ пользу учредительнаго собранія и невозможности мирнаго исхода кризиса. Нелѣгко было имъ возражать и прежде. А что теперь имъ противопоставятъ конституціоналисты, когда они станутъ говорить: „и вторую Думу разгонять“?

Глубоко вѣрны слова „Московского Ежедневника“: „правительство нанесло ударъ сторонникамъ порядка и законности“. Не тѣмъ сторонникамъ порядка, для которыхъ порядокъ—въ могильной тишинѣ и спокойствіи—въ безжизненности. И не тѣмъ сторонникамъ законности, для которыхъ законность—въ слѣпомъ, не разсуждающемъ повиновеніи „начальству“ и ему угодному пониманію правовыхъ нормъ. Такіе сторонники порядка и законности, вѣстѣ съ сторонниками разрушенія всякихъ идейныхъ устоевъ, получили могущественную поддержку. Но тѣ, кто одинаково жаждали упорядоченной жизни на основѣ развитога правосознанія и мирнаго обновленія, безъ крови и жертвъ и безъ риска полновластнаго учредительнаго собранія—эти люди порядка гражданской свободы и поставленной съ нею въ уровень законности получили ударъ жестокой. Не споримъ, въ составѣ Думы были прямые революціонеры, пользовавшіеся трибуной и своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ цѣляхъ революціи. Были въ составѣ Думы также элементы, излишне экспансивные, вносившіе въ пренія недопустимую вообще страстность, порой переходившую по адресу министерства въ грубыя выходки. Вторыхъ, однако, ударъ коснулся слабо; первыхъ—не коснулся почти вовсе. Что изъ того, что населеніе не будетъ болѣе слышать съ трибуны ихъ рѣчей? Что изъ того, что они не будутъ покрывать своимъ именемъ пропаганду въ надпольной печати и на митингахъ? Они получили болѣе. Монархисты въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ для нихъ враги не опасны. Конституціонные же монархисты съ позиціи сбиты.

На Думу возлагались столь великія надежды, что ничего не будетъ страннаго, если роспускъ ея приведетъ народную мысль къ простому заключенію: исполнить свою миссію первые избранныки или не смогли,

или не сумѣли. Въ первомъ случаѣ, самъ собой встанетъ вопросъ о безсиліи конституціоннаго строя для того, чтобы дать народу „землю и волю“, а отсюда будетъ одинъ шагъ до вывода: „мы сами возьмемъ“. Во второмъ случаѣ конечнымъ выводомъ явится или избраніе тѣхъ, кто въ стремленіи добиться земли и воли не остановится передъ средствами, или опять та же формула: „мы сами возьмемъ“... Признаковъ подобнаго трагическаго исхода пока нѣтъ. И городъ, и деревня встрѣтили вѣсть о роспускѣ Думы спокойно. Но убажкивать себя мечтой, что роспускъ Думы не приведетъ къ трагическому положенію, еще рано...

Послѣдніе дни засѣданій Государственной Думы не ознаменовались ничѣмъ, исключительно выдающимся, если не считать таковымъ принятое 6-го іюля рѣшеніе обратиться къ населенію съ сообщеніемъ по аграрному вопросу. Мы не считаемъ, чтобы это рѣшеніе, само по себѣ, было фактомъ исключительнаго значенія, и думаемъ, что оно явилось поводомъ для роспуска Думы, но отнюдь не причиной. Прежде всего, соображенія формальныя. Ни въ законахъ основныхъ, ни въ учрежденіи Государственной Думы, правда, не говорится положительно, что Дума имѣетъ право обращаться къ народу съ сообщеніями. Однако, не говорится и противнаго. Въ то же время мы не помнимъ, чтобы гдѣ-либо въ законѣ было положительно выражено, что такое право принадлежитъ министерству. Не встрѣчая, такимъ образомъ, ограниченій въ законѣ, Государственная Дума, совершенно независимо отъ даннаго случая, въ засѣданіи 27-го іюня, приняла по докладу своей издательской комиссіи, слѣдующее общее рѣшеніе: „Когда Дума признаетъ необходимымъ поставить все населеніе Имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной, по поводу одного изъ этихъ событій, рѣчи—она постановляетъ о распубликованіи ихъ“. При этомъ въ Думѣ не встрѣтили ни одного слова возраженія объясненія докладчика комиссіи, М. А. Стаховича, „что комиссія имѣла въ виду не исключительно одинъ изъ перечисленныхъ для примѣра случаевъ, а, конечно, всю полноту рѣшеній Думы“. „Дума можетъ—говорить далѣе докладчикъ—постановитъ распубликовать полный стенографическій отчетъ цѣлаго засѣданія или отдѣльные его моменты, или отдѣльные законопроекты, или одну какую-либо рѣчь, или мотивированный переходъ къ дѣламъ. Это *перечисленіе имѣетъ только примѣрное значеніе* и не исключаетъ возможности распубликовать полностью все засѣданіе, буде Государственная Дума о томъ постановитъ“¹⁾.

¹⁾ Цитируемъ по официальному стенографическому отчету, стр. 1774.

Приведенныя выписки показываютъ, что не противъ рѣшенія 6-го іюля долженъ бы былъ быть, слѣдовательно, направлень протестъ, а противъ общаго руководящаго рѣшенія, состоявшагося 27-го іюня, которое 6-го іюля получило лишь примѣненіе. Ибо если даже отвергать значеніе мотивовъ комиссіи, какъ ихъ излагалъ М. А. Стаховичъ, то, очевидно, нѣтъ никакой существенной разницы, въ отношеніи распубликованія, между постановленіемъ, формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ или рѣчью, съ одной стороны, и сообщеніемъ—съ другой. Вѣдь тогда пришлось бы признавать конституціонно неправильнымъ текстъ подъ заголовкомъ: „Отъ Государственной Думы“ и правильнымъ тотъ же самый текстъ подъ заголовкомъ: „Государственная Дума, въ засѣданіи 6-го іюля, постановила поставить все населеніе Имперіи въ извѣстность о нижеслѣдующемъ“.

Разборъ существа обращенія Думы сдѣланъ во „Внутреннемъ обзорѣ“, и мы на немъ останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что призвать народъ къ спокойному и мирному ожиданію рѣшенія безконечно труднаго и сложнаго земельного вопроса—и именно со стороны Думы—по нашему мнѣнію, было и необходимо, и своевременно. Необходимо, чтобы противодѣйствовать подрыву авторитета Думы и тѣмъ предотвратить возможность, что крестьянство, поддавшись намекамъ „правительственнаго сообщенія“, придетъ къ мысли, будто руководящіе думскимъ большинствомъ „господа“ хлопочуть не во имя интересовъ крестьянства, а для своей только выгоды. Своевременно—въ виду явно обнаружившихся признаковъ того, что крестьяне черноземныхъ губерній стали терять терпѣніе и самообладаніе и что на этой почвѣ въ ихъ средѣ начали развиваться голыя алчныя инстинкты. Конечно, обращеніе отъ лица Думы къ населенію съ изложеніемъ господствующихъ въ Думѣ взглядовъ на средства рѣшенія аграрнаго вопроса не способствовало бы поднятію авторитета министерства. Но неужели найдется кто-нибудь, кромѣ самихъ бюрократовъ, кто не считаетъ, что нравственный авторитетъ стараго режима погибъ безвозвратно, и что заботы о его укрѣпленіи, по меньшей мѣрѣ, безцѣльны? Для этого режима остался одинъ способъ самозащиты, если онъ не хочетъ умирать—ружья и пулеметы...

Изъ другихъ эпизодовъ послѣднихъ дней Государственной Думы заслуживаютъ вниманія: объясненія товарища министра юстиціи г. Соллертинскаго, объясненія товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Макарова и прекращеніе преній по дѣлу о бѣлостокскомъ погромѣ.

Г. Соллертинскій давалъ объясненія по семи запросамъ. Онъ говорилъ спокойно, дѣловито, безъ полемическаго и вызывающаго тона, и его слова были выслушаны внимательно и не вызвали грубыхъ криковъ. Между прочимъ, г. Соллертинскій давалъ объясненія по

поводу требованія подписки о неотлучкѣ, предъявленнаго прокурорскимъ надзоромъ члену Государственной Думы г. Ульянову. Суть запроса заключалась въ томъ, что прокурорскій надзоръ превысилъ свою власть, такъ какъ не имѣлъ права приводить въ исполненіе состоявшееся по этому предмету опредѣленіе судебной палаты. Товарищъ министра умѣло парировалъ такую постановку вопроса. „Еслибы прокуроръ окружного суда — говорилъ онъ, — получивъ опредѣленіе судебной палаты, позволилъ себѣ приостановить своею властью исполненіе этого опредѣленія или умалить, ограничить его силу обращеніемъ за разрѣшеніемъ въ Государственную Думу, то онъ былъ бы виновенъ въ превышеніи власти. Могутъ поставить упрекъ: почему же прокурорскій надзоръ не опротестовалъ этого незаконнаго, съ точки зрѣнія Думы, опредѣленія судебной палаты? Но, съ другой стороны, мнѣ позволительно спросить: почему г. Ульяновъ не обжаловалъ (въ судебномъ порядкѣ) этого опредѣленія, потому что оно, прежде всего, касается его интересовъ? Нельзя же прокурора считать отвѣтственнымъ за то, что онъ недостаточно оберегалъ интересы г. Ульянова, который самъ не озаботился огражденіемъ своихъ интересовъ“. Упомянувъ далѣе, что министръ юстиціи вошелъ съ предложеніемъ въ сенатъ о компетентномъ разъясненіи ст. 15 и 16 учрежд. Гос. Думы, г. Соллертинскій закончилъ слѣдующими словами: „Великъ, непрееркаемо великъ долженъ быть престижъ народнаго избранія, но не менѣе цѣненъ и дорогъ долженъ быть каждому авторитетъ независимаго суда, незыблемость его судебныхъ опредѣленій“. Возраженія на эту аргументацію г. Аладьина были, конечно, мало убѣдительны.

Совершенно иное впечатлѣніе оставили объясненія г. Макарова. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ развилъ любопытную — и, надо отдать справедливость, новую — теорію непреступныхъ преступныхъ дѣяній. Въ уголовномъ правѣ были до сихъ поръ извѣстны „общепасныя“ преступныя дѣянія. Г. Макарову принадлежитъ честь изобрѣтенія дѣяній „общепасныхъ“, но непреступныхъ. Какъ непреступныя, эти дѣянія не могутъ влечь ни судебного преслѣдованія, ни наказанія по суду на основаніи признаковъ какой-либо опредѣленной статьи уголовного кодекса. Но, какъ „общепасныя“, они не могутъ быть оставляемы безъ административнаго воздѣйствія — чисто предупредительнаго по цѣли и, однако, выражающагося въ ссылкѣ въ Нарымскій или Туруханскій край, въ долговременномъ тюремномъ заключеніи, въ отдачѣ подъ надзоръ полиціи и т. д. Иллюстрируя свою мысль примѣрами, г. Макаровъ запуталъ и, въ видѣ другаго обоснованія административной расправы, выставилъ безсиліе формальнаго слѣдствія раскрыть виновность путемъ опроса свидѣтелей представителями слѣдственной власти, очевидно полагая, что только въ

условіяхъ полицейскаго вопроса люди говорятъ правду. Невольно вспомнилось дѣло Спиридоновой и цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ послѣдняго времени, на которыхъ подсудимые и свидѣтели рассказывали, какъ вымучивали у нихъ показанія въ полицейскихъ застѣнкахъ... Оратора перебивали, и предсѣдателю стоило немалого труда подерживать порядокъ.

По поводу запроса, касавшагося практики военнаго положенія въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ, кромѣ разстрѣловъ безъ суда, широко примѣнялись сѣченіе, сожженіе построекъ и отнятіе движимаго имущества, г. Макаровъ заявилъ, что его объясненія будутъ чрезвычайно кратки. И они дѣйствительно оказались такими. „Ст. 8 военнаго положенія,—сказалъ онъ,—совершенно исключаетъ всякое вмѣшательство гражданскихъ властей, и генераль-губернаторы министерству внутреннихъ дѣлъ не подчинены, ибо они являются совершенно самостоятельной властью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено военное положеніе“. Послѣ приведенной цитаты въ официальномъ стенографическомъ отчетѣ (стр. 1921) стоитъ въ скобкахъ: *голосъ*: а кому же,—сами себя подчинены? *Шумъ, звонокъ предсѣдателя*. Г. Макаровъ съ достоинствомъ заявилъ: „я могу отвѣчать только на запросы, которые мнѣ предъявлены въ установленномъ порядкѣ, а полемизировать я не считаю себя въ правѣ“. Допустимъ, что вопросъ: кому подчинены генераль-губернаторы и кто долженъ давать народнымъ представителямъ объясненія по поводу явно незаконныхъ ихъ дѣйствій, какъ сѣченіе и т. п.,—былъ бы предъявленъ министру внутреннихъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ. Не трудно догадаться, что министръ или его представитель съ неменьшимъ достоинствомъ снова уклонились бы отъ отвѣта, сославшись на ст. 8-ую военнаго положенія. И подучилось бы, что неизвѣстный голосъ предположительно высказалъ совершенно вѣрное положеніе: генераль-губернаторы подчинены сами себя. Еще раньше военный министръ и письменно, и устно черезъ главнаго военнаго прокурора заявлялъ, что генераль-губернаторы ему не подчинены и подвѣдомственны министру внутреннихъ дѣлъ. Представитель послѣдняго, умолчавъ о „подвѣдомственности“, подчиненность генераль-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ тоже отстранилъ.

Оба министерства, съ формальной точки зрѣнія, несомнѣнно правы. По правиламъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, надъ генераль-губернаторами стоятъ только командующій арміей и главнокомандующій, въ свою очередь не подчиненные никакому министру. Но правила эти написаны для условій войны съ иностраннымъ государствомъ, когда есть дѣйствующая армія, командующій ея и главнокомандующій и когда подобное обособленіе органовъ полевого военнаго управленія оправдывается обстановкой и обстоятельствами

войны. При примѣненіи же ихъ къ совершенно инымъ условіямъ подавленія внутренней смуты не можетъ не получаться ряда юридическихъ абсурдовъ. И потому на обязанности конституціонныхъ министровъ, мы думаемъ, лежало еще ко дню открытія Думы озаботиться объ устраненіи такихъ вопіющихъ несообразностей, какъ фактическое отнятіе у народнаго представительства права надзора за закономѣрностью дѣйствій мѣстныхъ органовъ управленія и въ Прибалтійскомъ краѣ, и въ Царствѣ Польскомъ, и въ Тамбовѣ, и въ Кронштадтѣ и т. д., и т. д. Они ничего въ этомъ направленіи не сдѣлали, никакого законопроекта не внесли и въ засѣданіяхъ Думы занимались только юридической эквилибристикой... На запросъ: почему нѣкоторыя мѣстности имперіи, объявленныя на военномъ положеніи не верховной властью, до сихъ поръ остаются въ такомъ положеніи, несмотря на ст. 15-ую основныхъ законовъ, предоставляющую право объявленія военнаго положенія исключительно Государю Императору?—г. Макаровъ прикрылся ст. 47-ой тѣхъ же законовъ и болѣе сложными, чѣмъ вразумительными, разсужденіями объ обратной силѣ правовыхъ нормъ.

7-го іюля Государственная Дума подавляющимъ большинствомъ голосовъ прекратила пренія по поводу бѣлостокскаго погрома, хотя оставалось еще болѣе десяти записавшихся ораторовъ. Это рѣшеніе служило знаменательнымъ признакомъ того, что митинговья засѣданія стали приближаться къ концу. Они начали надоѣдать. Передъ открытіемъ Думы,—хотя намъ, само собою разумѣется, никакъ не могло придти въ голову, что министерство въ теченіе цѣлаго мѣсяца оставить Думу безъ матеріала для дѣловой работы,—мы считали, что депутаты будутъ, по крайней мѣрѣ мѣсяца два, выражаясь вульгарно, выбалтываться. При отмѣченной въ предыдущей хроникѣ политикѣ министерства, приходилось предположить, что этотъ періодъ продлится долѣе. Оказалось иное. На третій уже мѣсяцъ боевыя рѣчи и вызывавшіе ихъ запросы большинству Думы прискучили. Во время самыхъ горячихъ рѣчей въ залѣ едва оставалось законное число членовъ Думы, и тѣ большей частью читали газеты. Напротивъ, рѣчи содержательныя вызвали всеобщее вниманіе. По отношенію къ нѣкоторымъ любителямъ громкихъ и зажигательныхъ словъ установился своего рода бойкотъ: стоило имъ войти на кафедру, чтобы скамьи тотчасъ же начинали пустѣть. Для запросовъ былъ отведенъ особый день—пятница, и въ послѣдній день своей дѣятельности Дума приняла ихъ нѣсколько десятковъ. Въ понедѣльникъ предполагалось безъ преній о порядкѣ направленія передать въ комиссіи цѣлый рядъ законопроектовъ и произвести выборъ членовъ комиссій. Все было готово, чтобы со вторника приступить къ разсмотрѣнію детально-

разработаннаго проекта закона о личной неприкосновенности, на что комиссія изъ пятнадцати членовъ Думы потратила шесть или семь недѣль упорнаго труда... Судьба сулила другое: въ понедѣльникъ члены Думы засѣдали, но не въ Петербургѣ и не въ Таврическомъ дворцѣ, а въ Выборгѣ, въ гостинницѣ „Бельведеръ“, засѣдали какъ конспираторы, какъ бывшіе „лучшіе люди“.

Распускъ Думы былъ для депутатовъ полной неожиданностью. Распустить или не распустить—объ этомъ разговоры не прекращались съ самаго того момента, какъ послѣ трояной рѣчи въ Зимнемъ дворцѣ члены Думы пріѣхали въ „свой“ Таврическій дворецъ. По временамъ роспускъ болѣе близко висѣлъ въ воздухѣ, по временамъ—болѣе далеко. Чувствовалось, что наиболѣе горячо ратуютъ въ пользу роспуска аграріи. А потому слухи стали особенно упорными послѣ внесеннаго предложенія объ обращеніи къ народу по земельному вопросу. Но когда Дума отвергла всѣ поправки трудовиковъ и социаль-демократовъ и приняла редакцію партіи народной свободы, фактически излагавшую положеніе дѣла, горизонтъ, казалось, прояснился. Члены Думы, которые не безъ основанія считались освѣдомленными, сообщали успокоительныя вѣсти. Незанятые въ аграрной комиссіи поэтому со спокойной душой уѣхали на субботу и воскресенье изъ Петербурга. Занятые—присидѣли въ комиссіи въ субботу до семи часовъ вечера, не подозревая, что въ воскресенье ихъ во дворецъ уже не пустять...

Когда мы пишемъ эти строки, еще ничто изъ ближайшаго будущаго не опредѣлилось. Какое министерство будетъ полновластно управлять страной до созыва второй Думы? Удастся ли П. А. Столыпину привлечь въ составъ совѣта министровъ общественныхъ дѣателей—кого и на какихъ условіяхъ? Когда будутъ производиться новые выборы и по какой системѣ? Будетъ ли вторая Дума созвана только 20-го февраля или ранѣе? Будутъ ли до созыва Думы проведены наиболѣе настоятельныя законодательныя реформы, или Россія еще надолго останется въ юридическомъ хаосѣ, созданномъ провозглашеніемъ, безъ осуществленія, гражданской свободы? Все это вопросы открытые. О нихъ ходятъ только противорѣчивыя толки. Говорятъ, будто выборы предположено произвести въ сентябрѣ и, слѣдовательно, созвать Думу въ ноябрѣ. Говорятъ даже, что не невѣроятенъ созывъ старой Думы для выработки избирательнаго закона на основѣ четырехчленной формулы. Говорятъ, что министерскіе портфели получатъ графъ П. А. Гейденъ, Н. Н. Львовъ, А. Ф. Кони, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ и А. И. Гучковъ. Всего не перечестъ, что говорятъ и выдаютъ въ газетахъ за самое достовѣрное.

Мы не вѣримъ, чтобы былъ возможенъ возвратъ старой Думы. А потому полагаемъ, что новые выборы иначе, какъ по старой системѣ, произведены быть не могутъ. Статья 45-ая основныхъ законовъ категорично воспрещаетъ вносить измѣненія въ постановленія о выборахъ „во время прекращенія занятій Государственной Думы“. Мы не вѣримъ также въ возможность проведенія, подъ видомъ мѣръ, вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами, какихъ бы то ни было широкихъ законодательныхъ реформъ. Во-первыхъ, для этого нужно слишкомъ ужъ эластичное толкованіе той же 45-ой статьи. Во-вторыхъ, если допустить такую возможность, то придется допустить, что у бюрократіи вдругъ окажутся доселѣ невѣдомыя творческія способности. Въ-третьихъ, министерство едвали пожелаетъ связывать себѣ руки и затруднять свое и безъ того нелегкое положеніе: управлять на основаніи законовъ, написанныхъ тогда, когда свобода по принципу отвергалась, или на основаніи такихъ временныхъ правилъ, которыя можно поворачивать куда угодно, неизмѣримо легче и проще, чѣмъ управлять на основаніи законовъ, признающихъ всѣ или хотя нѣкоторые виды гражданской свободы. Если же такъ, то русскимъ обывателямъ во весь періодъ до созыва Думы и разсмотрѣнія ею и Государственнымъ Совѣтомъ весьма и весьма многихъ законопроектовъ предстоитъ лишь утѣшаться званіемъ гражданъ и испытывать всю сладость предварительныхъ и карательныхъ воздѣйствій, разъ только они наивно подумаютъ, что они дѣйствительно граждане, лично неприкосновенные и имѣющіе свободу слова, совѣсти, собраній и союзовъ.

Что можетъ быть чудовищнѣе, когда человѣкъ, въ отвѣтъ на предъявленное ему обвиненіе, точно сформулированное по соответственной статьѣ дѣйствующаго уголовного кодекса, совершенно добросовѣстно говоритъ: „да, я виновенъ, но виновенъ только въ томъ, что повѣрилъ манифесту 17 октября“? Вѣдь это же нелѣпица! А между тѣмъ мы въ этой нелѣпицѣ живемъ скоро годъ, и роспускъ Думы отсрочилъ ея конецъ на неопредѣленное время. Объявлена свобода союзовъ. А попробуйте въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Одессѣ и гдѣ угодно образовать сейчасъ любой политическій союзъ—и вамъ будетъ грозить, на точномъ основаніи безконечнаго множества различныхъ правилъ, если не каторга и ссылка, то крѣпость или тюрьма—въ лучшемъ случаѣ штрафъ въ 500 или 3.000 рублей. Объявлена свобода собраній. Соберитесь—и васъ непременно разгонятъ. Какъ бы вы ни протестовали, а найдутъ такое примѣчаніе къ приложенію, по которому могутъ и должны даже будутъ разогнать. Объявлена свобода слова и печати; упразднена предварительная цензура. А вотъ прочтите телеграмму изъ Вильны отъ 18 іюля: „съ мѣстныхъ типографовъ взята подписка не печатать

газетъ и всякаго рода печатныхъ произведеній, не представленныхъ въ цензуру“. Сосчитайте, сколько газетъ закрыто съ 17 октября, сколько редакторовъ осуждено и ждетъ суда. И все по закону! Нынѣшніе администраторы безъ закона—ни шагу. Въ Прибалтійскомъ краѣ сѣкли и жгли постройки. Казалось бы, что можетъ быть болѣе противозаконнаго! Нѣтъ, нашли оправданія. Есть такая статья, которая разрѣшаетъ на войнѣ сжигать зданія, мѣшающія, напр., обстрѣлу непріятельской позиціи. А такъ какъ она находится въ постановленіяхъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и такъ какъ Прибалтійскій край объявленъ на военномъ положеніи, то ее примѣнили къ сожженію зданія за стрѣльбу изъ него, за храненіе въ немъ оружія и за неплатежъ владѣльцемъ штрафа или податей. Насчетъ сѣченія ужъ никакой нигдѣ статьи не нашли. Тогда примѣнили логическое разсужденіе: „если я могу предать военному суду и потомъ утвердить смертный приговоръ, то неужели я не могу сдѣлать меньшаго—высѣчь?“ И это писалось не въ юмористическомъ журналѣ, а въ разъясненіи „вѣдомства“!..

Что касается печати, то въ борьбѣ съ ея свободой и подобныхъ оправданій не ищутъ. Фактически возродился режимъ В. К. Плеве. Горячія строки по этому поводу заимствуемъ изъ „Рѣчи“ (№ 130). „Два года назадъ Плеве, пользуясь предоставленнымъ ему 140 ст. уст. о ценз. правомъ, разсылалъ циркуляръ о томъ, чтобы не печатать о драгѣ чиновника государственной канцеляріи съ полиціей на улицѣ и т. п., а г. Столыпинъ, не имѣя на то никакого права, разсылаетъ циркуляръ о томъ, чтобы газеты не смѣли обсуждать самаго важнаго явленія даннаго момента, волнующаго всю страну. Нарушеніе запрета, состоявшагося на основаніи 140 ст., было предусмотрѣно закономъ и примѣненіе наказанія обставлено было извѣстными гарантіями, а г. Столыпинъ грозитъ совершеннымъ закрытіемъ газетъ, запечатаніемъ типографій, арестомъ и т. д., и т. д. Мало того: когда, напр., около двухъ лѣтъ назадъ запрещено было циркуляромъ касаться постановленій перваго земскаго съѣзда, то это было запрещено одинаково всѣмъ. А г. Столыпинъ, разославъ свой грозный циркуляръ, предоставляет не только „Россіи“, но и чуткому „Новому Времени“ писать и разсуждать на тему объ обращеніи депутатовъ сколько имъ заблагоразсудится, конечно, въ гарантѣ предопредѣленномъ направленіи. А требованіе обязательствъ, что газета будетъ сообразоваться съ измѣнившимися политическими условіями? А доставляемыя въ редакціи иностранныя газеты, сплошь покрытыя знаменитой икрой? А телеграммы, которымъ въ догонку летать сообщенія, что печатать не разрѣшается? Однимъ словомъ, все то, что прежде дѣлали по закону, теперь совершается вопреки закону. Развѣ

это не отличаетъ существенно нынѣшній режимъ отъ прежняго... въ степени откровенности?...“

Передъ нами „Краткій отчетъ городской исполнительной комиссiи по народному образованiю въ С.-Петербургѣ за 1905—1906 учебный годъ“. Вотъ его заключительныя слова: „Оканчивая изложенiе развитiя городского училищнаго дѣла, нельзя не выразить полного удовольствiя, что главнѣйшая обязанность города въ этомъ дѣлѣ—общедоступность начальнаго обученiя—нынѣ достигнута и ни одно дитя, приведенное въ школу, не было лишено ея, по недостатку мѣстъ въ училищахъ“.

Итакъ, въ Петербургѣ начальное обученiе общедоступно. Наконецъ-то городское общественное управленiе исполнило свою первую, элементарную обязанность!—скажетъ мало знакомый съ условiями дѣятельности русскихъ органовъ самоуправленiя. Наконецъ-то ему удалось ее исполнить!—скажетъ близко стоящiй къ самоуправленiю. Достичь общедоступности хотя бы начальнаго обученiя, даже въ Петербургѣ, было дѣломъ невѣроятно труднымъ, ибо что бы ни говорилось официально о заботахъ правительства о просвѣщенiи народа,—въ сущности чиновничiй режимъ былъ всегда систематичнымъ и послѣдовательнымъ врагомъ просвѣщенiя. Нѣтъ тѣхъ препятствiй, которыя бы не чинились земскимъ собранiямъ и городскимъ думамъ въ ихъ стремленiи развивать школьное дѣло. Отъ нихъ требовали только давать деньги на это дѣло и въ то же время отягощали смѣты „обязательными“ расходами. Полицейскимъ сыскомъ окружали всякое начинанiе не по шаблону. Не безъ умысла такъ комбинировали избирательныя системы, чтобы въ земствахъ было больше заботъ о дорогахъ, въ городахъ—о внѣшнемъ благоустройствѣ...

До 1877 г. начальныя училища въ Петербургѣ находились въ завѣдыванiи министерства народнаго просвѣщенiя, и ихъ было 16. Принявъ училища въ свои руки, городъ немедленно приступилъ къ увеличенiю числа ихъ, но до 1897 г. могъ открывать вновь, въ среднемъ, только немногимъ болѣе 16 въ годъ. „Съ 1897 г., когда городъ—говорится въ отчетѣ—уже не встрѣчалъ прежнихъ со стороны чиновъ министерства народнаго просвѣщенiя затрудненiй и не имѣлъ уже никакихъ пререканiй, ростъ числа училищъ сталъ постоянно увеличиваться и выразился въ текущемъ учебномъ году 57 новыми классами“.

Число всѣхъ училищъ въ вѣдѣнiи Комиссiи по народному образованiю достигло нынѣ 339 училищъ; изъ нихъ 241—каждое съ однимъ классомъ и 98—съ 390 соединенными классами, а всего

631 классъ. Изъ 339 училищъ—въ 139 съ 189 классами учились мальчики, въ 138 съ 182 классами—дѣвочки, и въ 62 съ 260 классами—дѣти обоюго пола. Общее число учащихся въ отчетномъ учебномъ году было 30.982; изъ этого числа на 15.694 мальчика приходилось 15.288 дѣвочекъ. Среднее число учащихся на каждый классъ приходилось около 49,1. Изъ этихъ цифръ особенное обращаетъ вниманіе то, что число учащихся дѣвочекъ было почти равно числу мальчиковъ. Къ выпускнымъ испытаніямъ дѣвочекъ было представлено даже больше, чѣмъ мальчиковъ—3.230 и 3.197.

Но если таковы результаты въ отношеніи начального обученія, то далеко не столь утѣшительны они въ отношеніи слѣдующихъ ступеней. Для довершенія оканчивающими курсъ начальной школы полнаго народнаго образованія существуютъ въ настоящее время девять, содержимыхъ на счетъ города и состоящихъ въ его вѣдѣніи, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, четырехклассныхъ училищъ, по программѣ городскихъ училищъ по положенію 1872 года. Изъ нихъ пять мужскихъ и четыре женскихъ училища, въ которыхъ обучалось 1.348 учащихся, 763 мужскаго пола и 585 женскаго.

Въ 1905 г. городомъ сдѣлано было представленіе объ измѣненіяхъ относительно учащихся и учащихся въ содержимыхъ городомъ 4-хъ-классныхъ училищахъ, а именно: 1) о разрѣшеніи назначать въ мужскія городскія 4-хъ-классныя училища на учительскія должности лицъ женскаго пола и 2) о назначеніи на выпускные экзамены въ четырехклассныя, мужскія и женскія, содержимыя городомъ, училища представителя отъ министерства народнаго просвѣщенія, для участія въ производствѣ экзаменовъ, и о предоставленіи окончившимъ при такомъ порядкѣ съ успѣхомъ курсъ въ названныхъ училищахъ тѣхъ же правъ, которыя предоставляются окончившимъ успѣшно полный курсъ ученія въ городскихъ училищахъ министерства. На это представленіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 г. получено было увѣдомленіе, что по первому ходатайству не требуется особаго разрѣшенія, такъ какъ Высочайшимъ повелѣніемъ 16 апрѣля 1904 г. разрѣшено допускать въ младшіе классы мужскихъ городскихъ училищъ къ занятію учительскихъ должностей и лицъ женскаго пола. Что же касается втораго ходатайства, то по нему министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано сношеніе съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ, отъ согласія каковыхъ вѣдомствъ и будетъ зависѣть разрѣшеніе вопроса о предоставленіи особыхъ правъ по воинской повинности окончившимъ при указанномъ выше порядкѣ, курсъ въ содержимыхъ городомъ четырехклассныхъ училищахъ. И наконецъ, послѣ года переписки ходатайство было удовлетворено.

Что касается воскресныхъ школъ для взрослыхъ, то ихъ городъ

содержитъ всего 27—15 мужскихъ и 12 женскихъ. Обучалось въ этихъ школахъ 1.483 человѣка. Въ январѣ 1906 г. была открыта первая школа-пріютъ для отстающихъ дѣтей.

18 іюля въ Теріокахъ палъ отъ руки убійцы бывшій членъ Государственной Думы М. Я. Герценштейнъ. Покойный профессоръ, сравнительно еще нестарый человѣкъ—онъ родился въ 1859 г.,—былъ извѣстенъ, какъ экономистъ и финансистъ-теоретикъ. Его перу принадлежить немало выдающихся работъ, особенно по аграрному вопросу. Какъ знатокъ этого вопроса и вообще видный членъ конституціонно-демократической партіи, онъ былъ выставленъ однимъ изъ трехъ кандидатовъ партіи въ члены Думы отъ Москвы и былъ выбранъ. Въ Думѣ М. Я. выступалъ рѣдко, но его рѣчи навѣрное долго останутся у всѣхъ въ памяти. Онъ блестяще и сильно оппонировалъ гг. Стишинскому и Гурко и затѣмъ еще сильнѣе—министру финансовъ, г. Коквцову. Обладая несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ, М. Я. былъ, однако, болѣе склоненъ къ кабинетной работѣ въ тиши думскихъ комиссій. Онъ участвовалъ въ комиссіяхъ аграрной и бюджетной, и тамъ обнаруживалась вся глубина и все богатство его знаній. Въ послѣдніе годы покойный былъ однимъ изъ дѣятельныхъ и выдающихся гласныхъ московской городской думы и московскаго губернскаго земства.

Убить М. Я. Герценштейнъ—при загадочныхъ обстоятельствахъ. Онъ гулялъ по берегу моря съ женой и дочерью, когда въ нѣсколькихъ шагахъ въ него было произведено два выстрѣла, убившихъ его на мѣстѣ и ранившихъ его дочь. Это было въ 9 часовъ вечера. А нѣсколькими часами раньше, въ Москвѣ, газета „Маякъ“ уже оповѣстила о его смерти. Редакторъ „Маяка“ заявилъ, что онъ получилъ свѣдѣнія о смерти М. Я. отъ редактора черносотеннаго „Вѣча“. Далѣе—нить пока разъясненнаго обрывается... Многие члены Думы получали за подписью „бѣлый терроръ“, или „черный терроръ“, или вовсе безъ подписи смертные приговоры и письма съ угрозами убить. М. Я. Герценштейнъ былъ первымъ, относительно котораго угроза приведена въ исполненіе... Миръ твоему праху, честный труженикъ, такъ жаждавшій работать на утоленіе земельного голода крестьянъ!

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагоприятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачи изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть произведена большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращающихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердною просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета П. Вейнбергъ.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаци С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ нищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человекъ. *Нужна нестложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организаци С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожаа. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровский и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожаа принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Сняго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Колюшенина, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

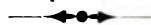
Іюль—Августъ, 1906.

Книга седьмая. — Іюль.

	СТР.
Гр. Алексѣй Толстой, какъ сатирикъ. — I—XIV. — Н. КОТЛЯРЕВСКАГО . . .	5
Изъ дневника на войнѣ 1877—78 г.г. — 1878-ой годъ. 1-ое января—17-ое апрѣля. — V: 17-ое марта—17-ое апрѣля. — М. А. ГАЗЕНКАМПФА	49
Французскій романъ изъ военнаго вѣта. — Очеркъ. — В. С.	99
Современный польскій романъ. — Очеркъ. — VIII—XIV. — Окончаніе. — Л. ПО- ЛОНСКАГО.	123
Внѣ цѣла. — Романъ. — XV—XXII. — Окончаніе. — АЛЕКСАНДРА КРУГЛОВА. . .	169
На развалинахъ гласнаго суда. — Изъ воспоминаній женщины-стенографа конца 60-хъ и 70-хъ годовъ. — ЮЛ. К.—НЪ.	220
Нѣ родной снѣгъ. — Романъ Клары Фибихъ. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig. — Часть первая. — I—IX. — Съ нѣм. О. Ч.	233
Киписъ. — Исторія простой души. — Н. G. Wells, Kippis, The Story of a Simple Soul. — Книга III. — I—VII. — Окончаніе. — Съ англ. З. В.	276
Хроника. — Аграрный вопросъ въ Россіи. — В. В.	323
Внутреннее Овозрѣніе. — Мнимое бездѣйствіе Государственной Думы. — Роль кон- ституціонно-демократической партіи. — Меньшинство и парламентскія комиссіи. — Бездѣйствіе Государственнаго Совѣта. — Программа его „центра“. — Министерство Горемыкина; его законопроекти и его адми- нистративная дѣятельность. — Рѣчь главнаго военнаго прокурора. — Рѣчи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. — Рѣчь кн. Урусова. — По- ложеніе періодической печати. — Вопросъ о неприкосновенности депу- татовъ. — Еще о программѣ партіи демократическихъ реформъ.	347
Отвѣтъ г. Федору Самарину. — О. О. ВОРОПОНОВА.	366
Литературное Овозрѣніе. — К Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. II. — II. П. И. Пестель. Русская Правда, наказъ Временному Верховному Пра- вленію. — III. Противъ смертной казни, сборникъ статей п. р. М. Гер- нета. — IV. А. С. Пругавинъ, Голодающее крестьянство. Очерки голо- довки 1898—99 г.г. — V. Тшшовъ, В. Н., По западному берегу Камчатки. — VI. Мережковский, Д. С., Пророкъ русской революціи. Къ вѣстию До- стоевского. — Евг. Л. — VII. Декабристы, 86 портретовъ. Біографич. текстъ П. Головачева, вступленіе В. Мякотина. — А. Г. — Новые книги и брошюры	371
Иностранное Овозрѣніе. — Отголоски русскихъ дѣлъ за границей. — Митингъ про- теста въ Берлинѣ и рѣчь проф. Листа. — Парламентскія пренія во Фран- ціи. — Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ. — Министер- ская декларация. — Политическіе вопросы и социальныя программы. — Рѣчи Жореса и Клемансо. — Внутренніе кризисы въ Австріи и Венгріи.	397
Новости Иностранной Литературы. — Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique. — Л. С.	411
Изъ Овдѣвской Хроники. — „Передъ грозой“. — Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства. — Общее настроеніе Государственной Думы. — Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ. — Отмѣна смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Вѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада комиссіи Государственной Думы	416
Библиографическій Листокъ. — Кабанесъ и Л. Нассъ, Революціонный неврозъ. Перев. съ франц. подъ ред. Д. Ф. Коморскаго. — М. В. Бернадскій, Къ аграрному вопросу. — Людовикъ Нодо, Письма о войнѣ съ Японіей. Перев. съ франц. Н. М. Лагова.	
Овъявленія. — I—VIII.	

Книга восьмая. — Августъ.		стр.
По Манчжурii домой.—Путевыя замѣтки.—В. СК—Д—Ъ		483
Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ.—По личнымъ воспоминанiямъ.—О. О. ВОРОПОНОВА		477
Въ порогахъ.—Повѣсть.—Часть первая. — I—XXVIII.—Н. СѢВЕРОВА.		507
Этика индивидуальная и социальная и ея основы. — I—V.—К. АННЕНКОВА.		569
Не родной сынъ.—Романъ Клары Фибихъ. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig.—X—XII.—Съ нѣм. О. Ч.		596
Мое участие въ американскомъ трестѣ. — I—VI.—П. А. ТВЕРСКОГО		635
Дѣври.—Романъ.—Urton Sinclair. The Jungle. — I—IV.—Съ англ. З. В.		687
Генрикъ Ивсинъ.—Литературный очеркъ.—I—II.—Л. ПОЛОНСКАГО.		728
Хроника.—Внутреннее Овозрѣние.—Высочайшій манифестъ 9-го июля.—Значенiе досрочнаго распушенiя; условiя, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненiи ст. 45-ой основннхъ законовъ.—Возможно ли было образованiе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненiя, взводимыя на Думу.—Слова и дѣйствiя новаго министерства.—Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенiя.—Беззащитное пророчество.—Post-scriptum.		757
Крестьянскiе надѣлы и причины ихъ малой производительности.—Письмо въ Редакцiю.—Э. А. ШИЛЬДЕРЪ-ШУЛЬДНЕРА.		772
Литературное Овозрѣние.—I. Краткiй очеркъ исторiи Харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованiя (1805—1905).—II. Паткановъ, С. Опытъ географiи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вни. I-й и II-й.—III. Монголиа и Камъ. Труды Экспедицiи Имп. Русскаго Географ. Общества, подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. I. Часть первая и вторая.—IV. Овсяннико-Куликовскiй, Д. Н.—Исторiя русской интеллигенцiи.—V. Сборникъ товарищества „Знанiе“ за 1906 годъ. Книга десятая.—Евг. Л.—VI. „Маякъ“. Литературно-публицистическiй сборникъ.—W.—VII. Справочная книга социалиста. Гуго и Штерманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I-ый, выпуски I, II, III.—Д. Блеменца.—Новыя книги и брошюры		787
Иностранное Овозрѣние.—Международное значенiе русскаго кризиса.—Отсрочка англо-русскихъ манифестацiй.—Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшательствѣ.—Личная политика Вильгельма II.—Иностранная печать о русскнхъ дѣлахъ.—Британскiй премьеръ о роспускѣ Думы.—Международная конференцiя мира въ Лондонѣ.—Конецъ дѣла Дрейфуса.		820
Новости Иностранной Литературы.—I. R. Garnett. De Flagello Myrteo.—II. François de Curel. Le Coup d'Aile.—З. В.		836
Изъ Общественной Хроники.—Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?—Последнiе дни засѣданiй Думы.—Объясненiя товарищей министровъ юстицiи и внутреннихъ дѣлъ.—Признаки готовящагося перехода къ дѣловой работѣ.—Ближайшiя перспективы.—Юридическiй хаосъ.—Отчетъ училищной комиссiи въ Петербургѣ.—М. Я. Герценштейнъ †.		853
Извѣщенiя.—I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда.—II. Отъ Русскаго Общества охраненiя народнаго здравiя		868
Библиографическiй Листокъ.—Саводникъ, В. Очерки по исторiи русской литературы XIX-го вѣка.—Эдмъ Шампньонъ. Францiя наканунѣ революцiи по наказамъ 1789 года.—I. I. Липковскiй. Революцiя или эволюцiя?—Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ; село Панаево общественное устройство.—Гражданскiе законы Калифорнiи. Кронида Малышева, т. I—II.		
Объявленiя.—I—VII.		

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЪ

въ 1906 г.

(Оброкъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ перешитъ видѣхъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По журнальцамъ:		По четвертямъ года:			
		Ноябрь	Экз.	Ноябрь	Апрѣль	Июль	Октябрь
Всѣхъ доставленъ въ Конторѣ журналовъ . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и другъ городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
За границу, въ госуд. востокъ европ.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Платитъ разсрочкой годовой подписки на журналы, подписка по годамъ въ январѣ и въ апрѣлѣ, а по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны похи

Нижние магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., д д., 28;
- въ отдѣльныхъ Конторахъ: при книжныхъ магазинахъ К. Риндери, Пискаревск., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ ВІЕННѢ:

- въ книжн. магаз. Н. И. Ослоблнна, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжн. магазинѣ П. П. Басинкова, на Моховой, и въ конторѣ П. Печковской, въ Пискаревск. линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образовавія“ Риндельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасова

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя имя, отчество, и имя, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ вышесказанн. данными къ нему почтоваго учрежденія, такъ (НВ) опускаться въ ящикъ журналовъ, если нѣтъ таково, же не въ самихъ мѣстожительствахъ означенна. — 2) *Первонач. плата* должна быть съ Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городское почтовое извѣщеніе въ иностранство, доставляемъ 1 руб., а иностранное, перепада въ журналъ 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію, и если жалоба была принята въ мѣстожительствѣхъ мѣстѣхъ и, послѣдств. обращеніемъ Почтоваго Департамента, не должно такъ же поступать съдѣлужей ящикъ журнала — 4) *Билетъ* на получение журнала высылается Конторѣ только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ мѣстожительствъ, которые принадлежатъ къ указаннымъ пунктамъ 14 коп. почтовымъ извѣщеніемъ.

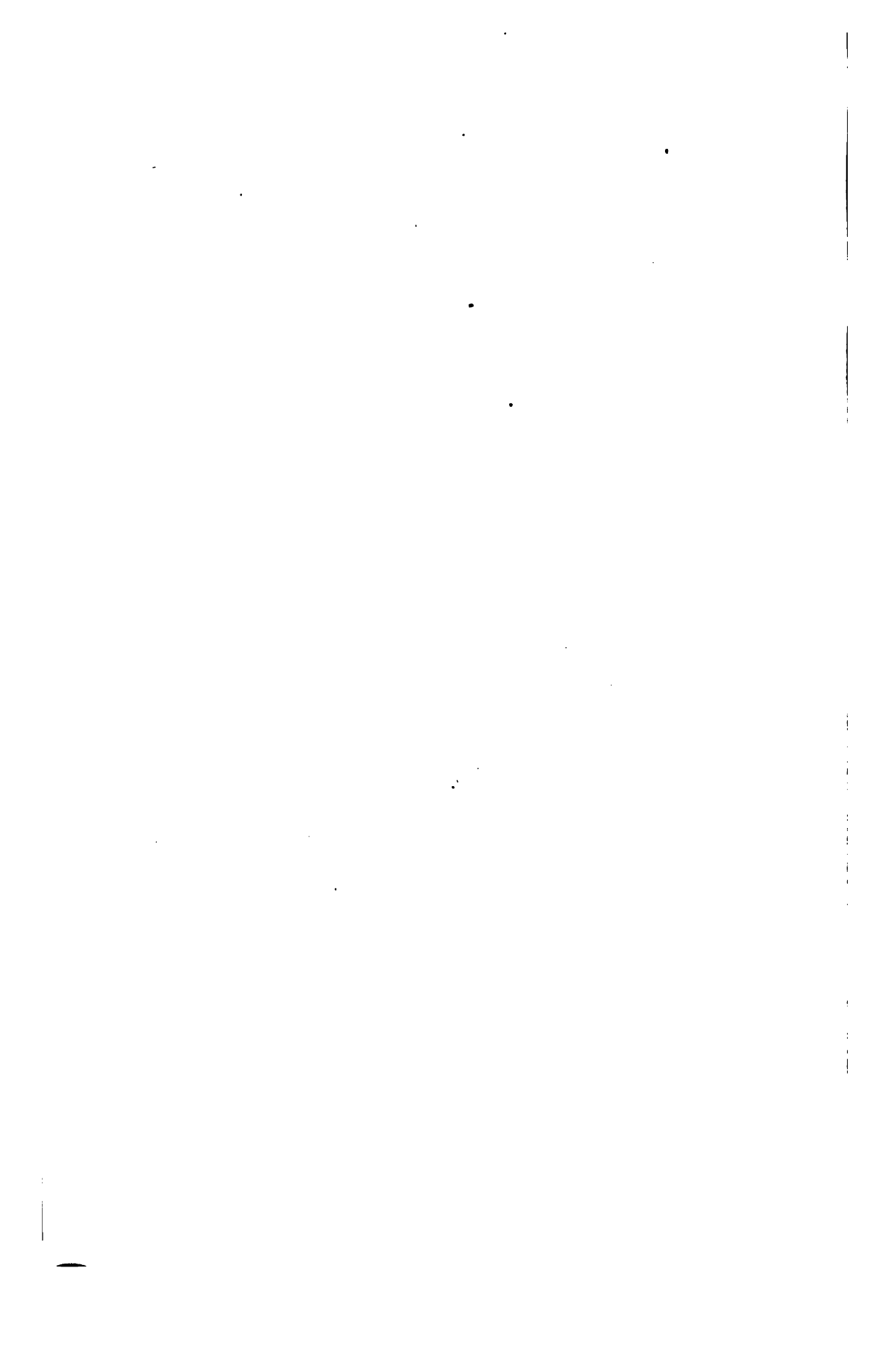
Издателъ и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

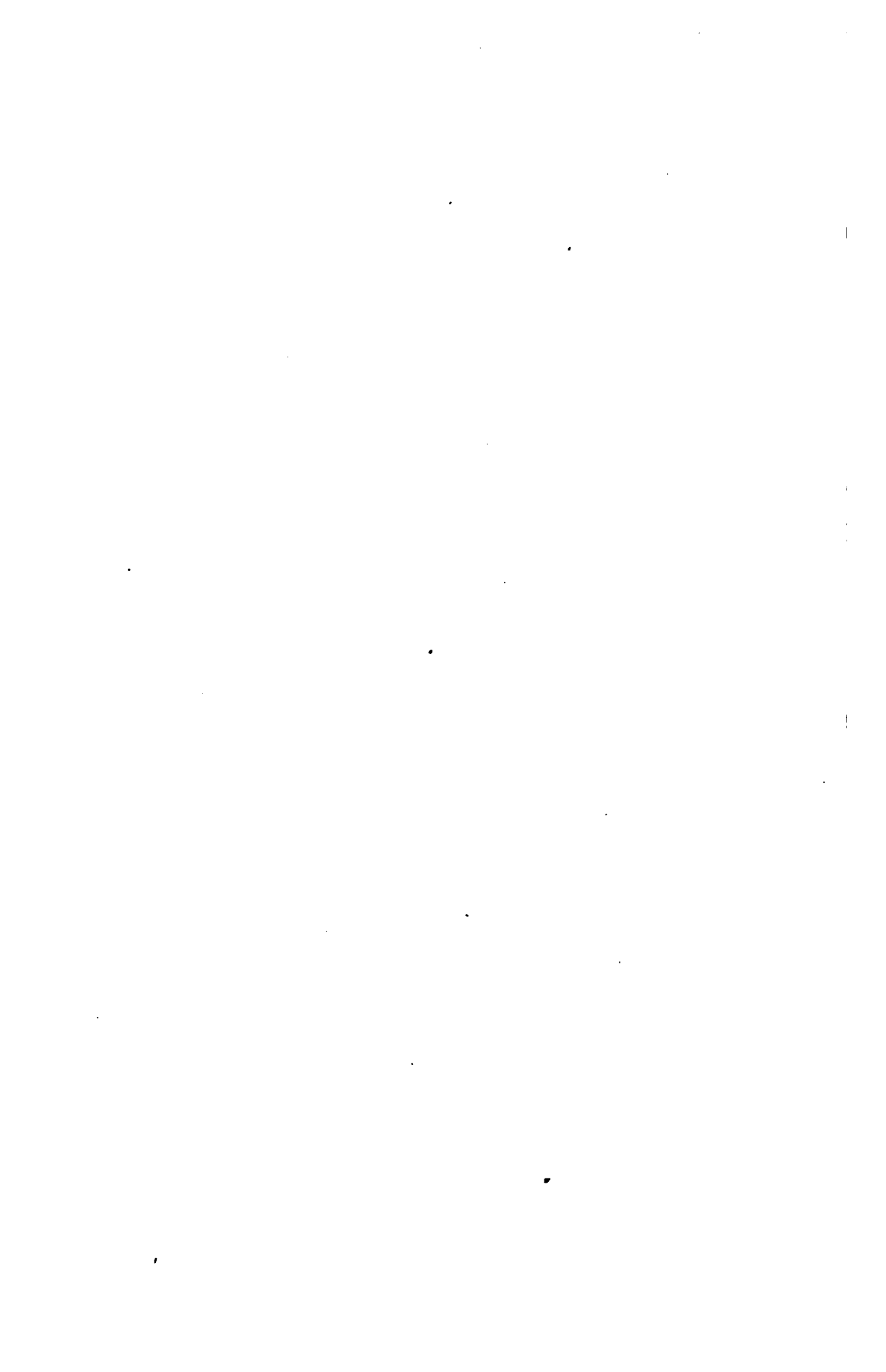
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Сиб., Галорина, 20. Вас. Остр., д д., 28.

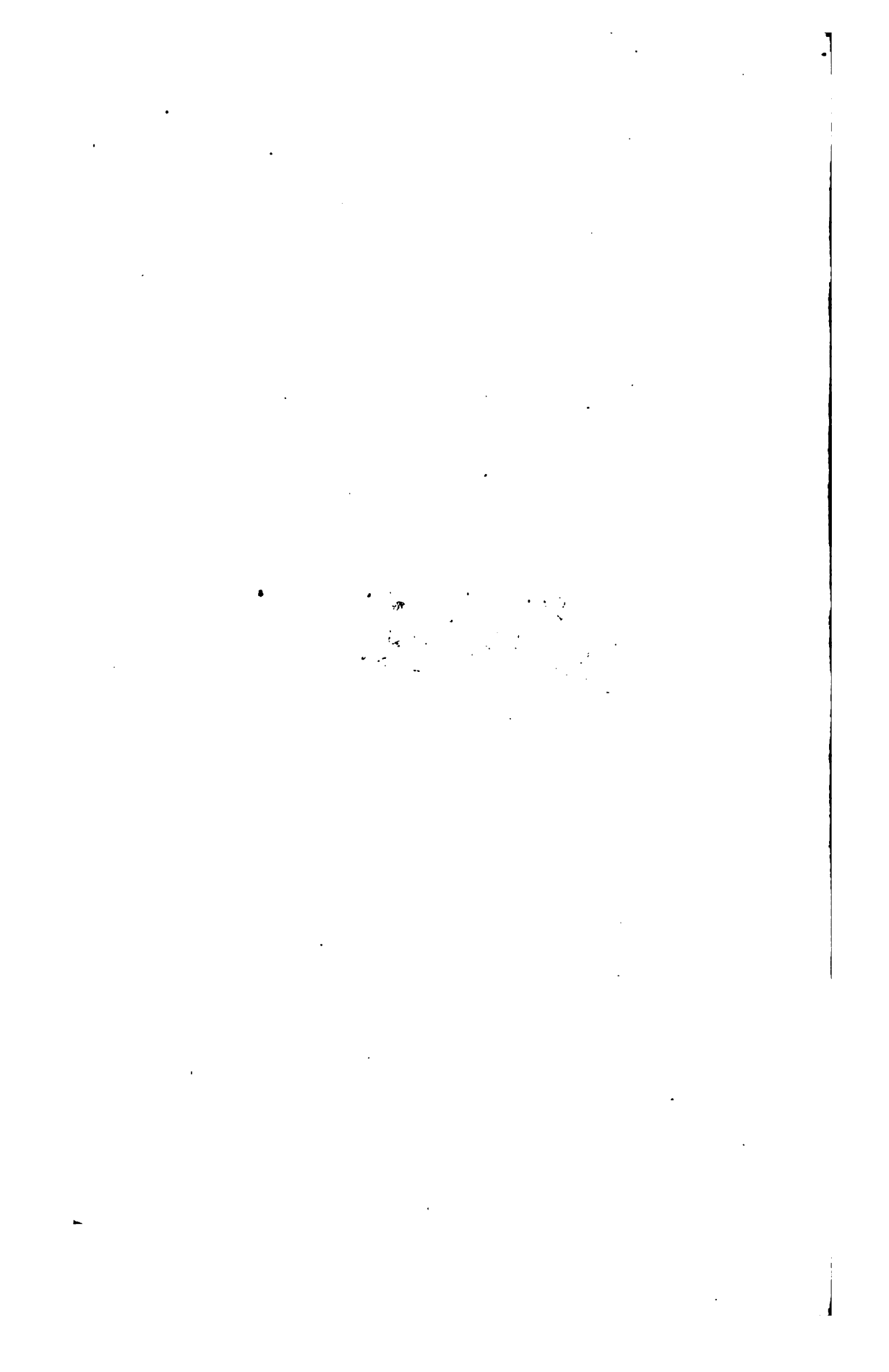
ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Авадеевич. пер., 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY

CHARGED

